

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

2002

2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА **2002** ГОД

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2006

Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2002 г. / Отв. ред.
Т. С. Царькова. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 672 с., ил.
ISBN 5-86007-513-8

Редакционная коллегия:

Т. Г. Иванова, А. В. Лавров, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор: *Т. С. Царькова*

Рецензенты: *О. Л. Фетисенко, А. А. Шелаева*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(проект № 05-04-16002д)*

ISBN 5-86007-513-8

© Коллектив авторов, 2006
© ИРЛИ РАН
(Пушкинский Дом), 2006
© «Дмитрий Буланин», 2006

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. К. Михайлова, Л. К. Хитрово

А. П. И А. В. МАРКОВЫ-ВИНОГРАДСКИЕ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

*По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского**

Последний год ушедшего столетия был отмечен 200-летием со дня рождения Анны Петровны Керн (1800—1879). В связи с этим юбилеем известной современницы А. С. Пушкина литература о ней пополнилась новыми работами историков и популяризаторов русской словесности. Но остаются неопубликованными 32 тетради большого формата «Записок» ее троюродного брата и второго мужа — Александра Васильевича Маркова-Виноградского, которые хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ед. хр. 14.342, тетради 2-32, 33 а, 33 б).¹ Их вместе с другими семейными реликвиями еще в 1904 г. передала в дар Императорской Академии наук внучка А. П. и А. В. Марковых-Виноградских — Аглая Александровна Кулжинская (по сцене Дарган),² в то время актриса одного из частных провинциальных театров. А. В. Марков-Виноградский вел дневниковые, бытовые и историко-литературные записи на протяжении почти четырех десятков лет — с мая 1840 по январь 1879 г. — и, таким образом, фактически составил не только подробную автобиографию, но и первую, до настоящего времени наиболее полную и достоверную, биографию своей жены. По «Запискам» прослеживается и история взаимоотношений А. П. Керн с А. В. Марковым-Виноградским, который преобразил ее жизнь и позволил состояться ее таланту.

Александр Васильевич Марков-Виноградский родился 16 (28) августа 1820 г. в местечке Кричеве Черниговской губернии, где его отец, Василий Терентьевич (?—1829), полковник, участник Отечественной войны 1812 г.

* Работа выполнена при поддержке гранта 05-04-57400 а/ц РГНФ и Администрации Тверской области.

¹ Далее в тексте в круглых скобках указывается номер тетради (авторское название — часть) и листа. Тетрадь (часть) № 33 а представляет собой предметный и именной указатель к «Запискам», составленный Марковым-Виноградским.

² *Кулжинская Аглая Александровна* (урожд. Маркова-Виноградская; 20 авг. 1874—?) — дочь Александра Александровича (28 апр. 1839—1879?) и Елизаветы Васильевны (урожд. Аксамитной) Марковых-Виноградских.

и заграничных походов, находился по долгу службы. По линии матери, Дарьи Петровны, урожденной Полторацкой (?—1837), Марковы-Виноградские родством и знакомством были связаны с Олениными, Львовыми, Романовыми, Вульфами и другими известными в дворянском обществе первой половины XIX в. семьями.

Первые годы жизни Александр провел вместе с родителями в Очакове, Херсоне, Николаеве, Златополе и других провинциальных городах, в которых квартировал полк отца. Затем он был отдан на воспитание своей тетке, Феодосии Петровне Полторацкой,³ считавшейся в его семье «образованною и способною учить других» (т. 27, л. 52), и жил вместе с ней в Соснице, маленьком городке Черниговской губернии, в имении бабушки, Екатерины Васильевны Полторацкой. В отрочестве Александр интересовался литературой, искусством, историей. Он пробовал рисовать, мечтал стать художником,⁴ но в 1834 г. под давлением родственников и вопреки собственным желанием вынужден был поступить в Первый Кадетский корпус в Петербурге. Романтически возвышенный, склонный к созерцательности, Александр с трудом переносил казарменный быт и нравы воспитанников с их часто непристойными забавами и безрассудно жестокими розыгрышами.

Душевные страдания юного кадета были особенно близки и понятны его троюродной сестре, Анне Петровне Керн. Ее лучшие молодые годы отец исковеркал насильственным браком с генералом Е. Ф. Керном.⁵ С тех пор к военным и к их учебным заведениям закрытого типа Анна Петровна относилась настроенно. «Я боюсь корпусов и не люблю офицеров, из которых 9/10 — всегда пошлость, кутилы, хорошие товарищи (т. е. пустые люди) и лентяи. Удивляюсь маменькам, которые радуются офицерским эполетам», — писала она 25 марта 1852 г. А. А. и Е. В. Бакуниным.⁶

В 1826 г. Анна Петровна рассталась с мужем, хотя и не смогла получить развод. В середине 1830-х гг. она поселилась в Петербурге, недалеко от Кадетского корпуса, на 14-й линии Васильевского острова, в доме № 287 и вела, по ее собственному признанию, «жизнь довольно уединенную, и по вкусу, и по средствам своим».⁸ Муж не выделял ей содержания, а разорившиеся родители отняли у нее выделенное имущество для выкупа с торгов принадлежащего им имения. Испытывая материальные затруднения, Анна Петровна пыталась, но неудачно, зарабатывать деньги переводами

³ Полторацкая Феодосия Петровна (?—1854), родная сестра Дарьи Петровны Полторацкой; двоюродная сестра П. М. Полторацкого — отца А. П. Керн; воспитывалась, а затем вела переписку Агафоклии Александровны Полторацкой (?—1822), матери П. М. Полторацкого; в 1810—1820-х гг. жила в Лубнах в имении П. М. Полторацкого, где подружилась с А. П. Керн; позднее по просьбе Д. П. Марковой-Виноградской переехала в Сосницу.

⁴ Сохранился альбом с его карандашными рисунками (см.: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 41).

⁵ Керн Ермолай Федорович (1765—1841) — участник Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант, с января 1817 г. муж А. П. Полторацкой.

⁶ Керн А. П. (Маркова-Виноградская). О Пушкине и о себе: Воспоминания, дневники, переписка. 3-е изд. пересмотр. и дополн. / Сост., вступ. ст., прим. и подбор илл. А. М. Гордина. Тула, 1993. С. 308.

⁷ См.: Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. С. 90.

⁸ Письмо А. П. Керн (Марковой-Виноградской) к А. А. Бакунину от 25 ноября 1852 г. (см.: Керн А. П. (Маркова-Виноградская). О Пушкине и о себе. С. 315).

с французского. В свободное время она по просьбе двоюродных сестер, Д. П. Марковой-Виноградской и Ф. П. Полторацкой, навещала кузена, посещала выставки. «Когда открывались двери Академии художеств, я не пропускала ни одного дня», — вспоминала Анна Петровна несколько лет спустя.⁹ А Александр, как следует из письма его матери к Т. П. и С. Д. Львовым,¹⁰ находясь в увольнении, «часто бывает <у> доброй нашей Керн, которая его принимает как самая искренняя родственница» (ед. хр. 27228, л. 9—9 об.).

В Первом Кадетском корпусе Александр учился одновременно с вел. кн. Александром Николаевичем, а также А. В. Паткулем¹¹ и И. М. Виельгорским,¹² которые вместе с цесаревичем обучались по программе, специально разработанной В. А. Жуковским. «Александр Николаевич, — отмечает в своих «Записках» 27 ноября 1872 г. Марков-Виноградский, — ходил с кадетами сначала 2-ого корпуса, а с 1832 — 1-ого корпуса, где я учился. В лагере — и там участвовал в играх и старался быть хорошим товарищем» (т. 8, л. 66).

Эти воспоминания дополняются другой записью, более поздней, сделанной 6 апреля 1876 г.: «Давно-давно, кажется, в 1835 году, когда я был кадетом 1-ого корпуса, помнится мне привал кадетского отряда в стороне от Петергофского шоссе во время похода в лагерь под Петергоф. Помнится мне картина этого привала, освещенного косыми лучами солнца, спускающегося к западу. И среди этой картины — эффектная группа под деревом у ручья, состоявшая из Великого князя-наследника, ходившего с первым корпусом в лагерь в качестве прапорщика, и его товарищей: Паткуля, графа Виельгорского и других. Эта группа особенно была хорошо освещена и останавливала внимание своею прелестью. Это одно из поэтических моих воспоминаний. И я могу сказать вместе с Жуковским „Бывали дни восторженных видений...“¹³ Из этих светлых „восторженных видений“ особенно светло выделяется сияющий образ Иосифа Михайловича Виельгорского...» (т. 26, л. 80 об.).

И еще один «светозарный образ» жил в памяти Маркова-Виноградского. Это образ вел. княжны Александры Николаевны¹⁴ — любимой дочери

⁹ Там же.

¹⁰ *Львова Татьяна Петровна* (урожд. Полторацкая; 1791—1848) — сестра Дарьи Петровны Марковой-Виноградской, жена Сергея Дмитриевича Львова (1781—1857), потомственного дворянина, откупщика, владельца усадеб Василёво и Митино в Новоторжском уезде Тверской губернии.

¹¹ *Паткуль Александр Владимирович* (1817—1877) — с 1828 г. соученик цесаревича Александра Николаевича, впоследствии генерал-майор, в 1860—1862 гг. — санкт-петербургский обер-полицмейстер.

¹² *Виельгорский Иосиф Михайлович* (1817—1839) — граф, с 1828 г. соученик цесаревича Александра Николаевича, впоследствии чиновник Военного министерства; сын графа М. Ю. Виельгорского (1788—1856), государственного деятеля, композитора, мецената, и графини Л. Бирон.

¹³ Первая строка посвящения к поэме В. А. Жуковского «Ундина», обращенного к великой княжне Александре Николаевне (см.: *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 331).

¹⁴ *Александра Николаевна* (1825—1844) — вел. княжна; третья дочь императора Николая I; в 1843 г. вышла замуж за принца Фридриха-Вильгельма Гессен-Кассельского (1826—1884); будучи больна чахоткой, умерла во время преждевременных родов вместе с новорожденным

Николая I, ученицы Василия Андреевича Жуковского, жизнь которой была так же коротка и трагична, как у возлюбленной поэта Маши Протасовой:¹⁵ «В 1836 году я имел наслаждение встретить Великую княжну Александру Николаевну на тенистых аллеях петергофского сада и никогда не забуду этой радостной встречи! — читаем его запись, сделанную 10 декабря 1875 г. — Она ехала на тележке в одну лошадку с мальчиком-кучером на козлах и так обдала меня радостным светом лучезарного образа своего и своей счастливой улыбки, отвечая поклоном на отданную мною честь, что все вокруг меня засверкало, и я почувствовал блаженство праведника, умиленного наитием небесного видения. Она ехала на „Ферму”¹⁶ за кадетским лагерем, где царь и царица с детьми и гостями пивали иногда вечерний чай и кушали простоквашу. „Ферма” эта была не что иное как хорошо отделанная, полированная деревянная русская изба с отлично содержанным маленьким скотным двором и небольшими службами поодаль от нее. Там царь надевал солдатскую шинель и разыгрывал роль инвалида,¹⁷ а царица сияла радушием и гостеприимством доброй хозяйки.

Дочери¹⁸ в кисейных платьях и фартуках весело прислуживали гостям, подавая им с улыбкой восхитительные сливки, масло, творог, сметану, чай и прочее. Все это было очень мило и любезно. В <еликая> княжна Александра как утренняя заря кротко освещала мягкий сумрак „Фермы” и была оживлением и прелестью избранного кружка, собиравшегося на „Ферме”...» (т. 25, л. 79—80).

Незабываемым фактом биографии Маркова-Виноградского была его мимолетная встреча с В. А. Жуковским в 1834 г. в Александрии,¹⁹ о чем даже по прошествии более чем 30 лет Александр Васильевич вспоминал с волнением: «Я помню, в каком я был восторге, когда увидел Жуковского,

сыном. В память се в Царском Селе в 1845 г. поставлена по проекту архитектора А. Штакеншнейдера открытая капелла со статуей из белого мрамора, изображающая Александру Николаевну подобно мадонне с мертвым ребенком на руках (скульптор И. П. Витали, 1794—1855). Ныне сохранилась лишь статуя, которая находится в запасниках музея-заповедника «Царское Село» (см.: *Пахомова-Герес В.* Адини и ее приданое // Наше наследие. № 55. 2000. С. 52). В 1848 г. в Петербурге на Надеждинской улице была открыта постросная Александром Брюлловым женская больница имени Александры Николаевны для чахоточных и хронических больных.

¹⁵ *Протасова Мария Андреевна* (в замуж. Мойер; 1793—1823) — племянница В. А. Жуковского, умерла в родах.

¹⁶ О павильоне «Ферма» см. примеч. 19.

¹⁷ Отставной солдат, ветеран.

¹⁸ *Мария Николаевна* (1819—1876) — вел. княжна; старшая дочь императора Николая I, с 1839 г. супруга герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817—1852), после смерти которого заняла место Президента Академии художеств и председателя «Общества поощрения художеств»; с 1854 г. жена графа Г. А. Строганова (1824—1879). *Ольга Николаевна* (1822—1892) — великая княжна; вторая дочь императора Николая I, с 1846 г. супруга герцога Вюртембергского Фридриха-Карла-Александра (впоследствии короля Вюртембергского; 1823—1891).

¹⁹ *Александрия* — название царской резиденции XIX—XX вв., расположенной в восточной части петергофской приморской полосы и отделенной стеной от Нижнего парка. Павильон «Ферма», построенный в 1829 г. (архитектор А. Менцлас), был выдержан в формах неоготики эпохи романтизма. Позднее для Александра II архитектор А. И. Штакеншнейдер (1802—1865) перестроил «Ферму» в «Фермерский дворец» (см.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В пяти книгах. Изд. 2-е, дополн. М.: Наука, 1990. С. 627—628).

улыбающегося своею небесною улыбкою под тенью деревьев Александрии в Петергофе среди кадет, захвативших его во время маневров и не позволявших ему пройти через цепь форпостов по незнанию им пароля!.. Такая улыбка могла принадлежать только такому святому человеку, каким был Жуковский!» — записал он 24 декабря 1872 г. (т. 3, л. 29).

С кадетских лет на правах родственника Александр имел возможность бывать в гостеприимном доме А. Н. Оленина,²⁰ жена которого, Е. М. Полторацкая,²¹ приходилась ему двоюродной теткой. Позднее он поддерживал взаимоотношения с семьями детей Олениных, породнившихся со Львовыми и Романовыми. Удивительно, что у Маркова-Виноградского чувство особой неприязни вызывала младшая дочь А. Н. и Е. М. Олениных — привередливая красавица Annette. С нескрываемым раздражением он отмечал в своих «Записках»: «Оживляла гостиную веселая болтовня двух дочерей: Варвары, вышедшей замуж за кузена Оленина,²² — предобрейшей, вечно приветливой особы, и Анны,²³ воспетой Пушкиным в стихах: „Город пышный, город бедный“, в котором „порой ходит маленькая ножка“ и „вьется локон золотой!“²⁴ <...> Обожитель „маленьких ножек“ хотел было жениться на Анне Алексеевне, но его отклонили как игрока, кутилу и прочее. Анна Алексеевна долго привередничала относительно женихов²⁵ и, наконец, — как „разборчивая невеста“ Крылова,²⁶ — вышла за умственного калеку — Андро, побочного сына Ланжерона. С ним она фигурировала в Варшаву, где он занимал видное место,²⁷ и превратилась в пренесносную болтуню. Сын ее, Федор Федорович,²⁸ избалованный с детства, женился было на доброй нашей Тане Романовой, моей двоюродной племяннице;²⁹

²⁰ *Оленин Алексей Николаевич* (1763—1843) — с 1811 г. первый директор Имп. Публичной библиотеки, с 1817 г. — президент Академии художеств.

²¹ *Оленина Елизавета Марковна* (урожд. Полторацкая; 1768—1838) — жена А. Н. Оленина, тетка А. П. Керн, старшая сестра ее отца; двоюродная сестра Д. П. Марковой-Виноградской.

²² *Оленина Варвара Алексеевна* (1802—1877) — старшая дочь А. Н. и Е. М. Олениных; с 1823 г. жена Григория Никаноровича Оленина (1797—1843), помощника статс-секретаря Государственного совета, кузена А. Н. Оленина.

²³ *Оленина Анна Алексеевна* (1808—1888) — младшая дочь А. Н. и Е. М. Олениных, с 1840 г. жена Ф. А. Андро де Ланжерона.

²⁴ Стихотворение А. С. Пушкина «Город пышный, город бедный...» (1828), последние строки которого относятся к А. А. Олениной.

²⁵ О сердечных увлечениях А. А. Олениной см.: *Оленина А. А. Дневник. Воспоминания / Сост., подгот. текста, коммент., перевод Л. Г. Агамалаян, В. М. Файбисовича, Н. А. Казакова, М. В. Арсеньева. СПб., 1999.*

²⁶ Басня И. А. Крылова «Разборчивая невеста» (1805).

²⁷ *Андро де Ланжерон Федор Александрович* (1804—1885) — сын Александра Федоровича Андро де Ланжерона (1763—1831), графа, французского эмигранта на русской службе, участника Отечественной войны 1812 г., в 1815—1825 гг. новороссийского генерал-губернатора, и Ажелины Дзержановской; с 1840 г. муж А. А. Олениной; с 1844 г. состоял при Иване Федоровиче Паскевиче; затем был президентом г. Варшавы, с 1861 г. — сенатор Варшавских департаментов.

²⁸ *Андро де Ланжерон Федор Федорович* (1845—1899) — сын Ф. А. и А. А. Андро де Ланжеронов; вторым браком женат на Софье Николаевне Шидловской.

²⁹ *Романова Татьяна Дмитриевна* (?—1845) — дочь Дмитрия Ивановича Романова (1809—1854) и Аграфены Сергеевны Романовой (урожд. Львовой; ?—1903); первая жена Ф. Ф. Андро де Ланжерона.

заразил ее, и, бедная, она умерла при первых родах, оставив после своей короткой жизни прелестного Митю»³⁰ (т. 11, л. 40—40 об.).

Общность интересов, взаимопонимание и схожие обстоятельства жизни сблизили Анну Петровну и Александра Васильевича, несмотря на значительную разницу в возрасте. С 1838 г., еще при жизни мужа Анны Петровны, они фактически стали супругами. 28 апреля 1839 г. в селе Моцковец Лубенского уезда у них родился сын Александр.

После выхода из Кадетского корпуса Марков-Виноградский несколько месяцев 1840 г. учился в офицерских классах Артиллерийского училища, но, видимо по семейным обстоятельствам, не закончил курса и перешел на службу в 7-ю артиллерийскую бригаду, квартировавшую в Черниговской губернии (в Лохвице, Лубнах и Хороле), рядом с имением П. М. Полторацкого³¹ в Лучке, в котором в то время находились Анна Петровна с сыном. Мечтая о встрече с ней, в своем дневнике Александр Васильевич под пометой «Лагерь под Лубнами. 24 мая 1841 г. Вечер, освещенный луною. Суббота» запечатлел ее лирический портрет: «„Взойдет она, звезда таинственного счастья!“»³² И эти глазки блестящие, — эти нежные звездочки, — отразятся в душе моей радостью. Краса их светлая заиграет во мне восторгом, так тепло от них! Их ласковый цвет, их свет нежный целуют в сердце меня своими лучами! От них так ясно в душе, при них все живет радостью. У моей душечки глаза карие. Они в чудной своей красе роскошествуют на кругленьком личике с веснушками! Волоса, это шелк каштановый, ласково обрисовывают его и оттеняют с особенною любовью. Щеки скрываются за маленькими, хорошенькими ушками, для которых дорогие серьги лишнее украшение: они так богаты изяществом, что залюбуешься. А носик какой чудесный, такая прелесть; с изысканною правильностью грациозно раскинулся меж пухленьких щечек и таинственно оттеняет губки...» (т. 2, л. 11—11 об.).³³

Через два года, с 26 апреля 1842 г., Марков-Виноградский, понимая, как и Анна Петровна, «что бивуак и поле битвы не такие места, на которых вырабатываются мирные семейные достоинства»,³⁴ и не желая жить «по плану», который расписали не понимавшие его родственники, вышел в отставку в чине подпоручика. 25 июля 1842 г., через полтора года после смерти генерала Е. Ф. Керна, состоялось официальное бракосочетание Марковых-Виноградских. В конце того же года супруги, тревожась за бу-

³⁰ *Андро де Ланжерон Дмитрий Федорович* — сын Федора Федоровича (1845—1899) и Т. Д. Андро де Ланжсронов.

³¹ *Полторацкий Петр Маркович* (ок. 1775—после 1851) — отец Анны Петровны.

³² Источная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К Чадаеву» (1818): «...взойдет она, / Звезда плснительного счастья».

³³ До недавнего времени о внешности А. П. Керн не имелось достоверных сведений. Она, дочь украинского помещика П. М. Полторацкого, традиционно представлялась белокурой и голубоглазой. Эти черты ее внешности буквально считывались, без особых на то оснований, со строк стихотворения А. И. Подолинского «Портрет» (1828), которое было вписано автором в альбом Анны Петровны. Однако сама Керн в «Воспоминаниях о моем детстве» писала: «М-лле Бенуа <...> заботилась о нашем туалете, отрастила нам локоны, сделала коричневые бархотки на головы. Говорили, что на эти бархотки похожи были мои глаза» (см.: *Керн А. П. (Маркова-Виноградская)*. О Пушкине и о себе. С. 120).

³⁴ Там же. С. 423.

дущее своего желанного, но внебрачного сына, с помощью знакомого священника Николая Бернадского, венчавшего их в Лубнах, получили для Саши вымышленное метрическое свидетельство, в котором значилось, что мальчик родился 22 сентября 1842 г. в селе Золотуха Лубенского уезда. По этой причине более десяти лет, по словам Маркова-Виноградского, у Саши «было два дня рождения: настоящий и метрический» (т. 3, л. 29). Только «в 1852 г. мы вытребовали из полтавской консистории <подлинное> метрическое свидетельство Саши, и вот он с этих пор живет совершенно на законном основании» (там же).

Но не только эти формальные неурядицы омрачали существование Марковых-Виноградских, отстаивавших свое право на семейное счастье, построенное не по «благоразумным расчетам» и «общепринятым лекалам» (т. 3, л. 67). Супругам, которые прожили вместе сорок лет и умерли в один год, выпало пережить многие лишения и невзгоды.

Тяжелым и печальным для них оказался следующий, десятилетний период жизни в Сосницком имении, владелицей которого с 1837 г. по завещанию Д. П. Марковой-Виноградской стала Ф. П. Полторацкая. Сюда молодая чета перебралась поневоле, оставшись в Лучке без крова. Накануне нового, 1844 г. отец А. П. Керн, алчный и деспотически жестокий в обращении с близкими, не желая смириться с выбором дочери, решил пожертвовать ее счастьем, покоем и выгодно продал принадлежавшее ему имение. В родовой «вотчине» Марковых-Виноградских, которая уже не способна была прокормить своих владельцев, под «мучительным игом капризой, тщеславной, завистливой» тетки, Ф. П. Полторацкой,³⁵ супругам пришлось прожить до конца 1854 г. В Соснице 20 марта 1846 г. Александр Васильевич получил место заседателя уездного суда. Но, еще не успев подробно ознакомиться с должностными обязанностями, он, не имеющий достаточных знаний и жизненного опыта, попал под суд заодно с проворовавшимися судьями. Впоследствии Александра Васильевича оправдали, но в Соснице он из-за судимости получить другое место службы уже не смог. В связи с этими нелепыми обстоятельствами супруги, испытывая отчаянную нужду, поддерживали свое существование тем, что Анна Петровна, которая когда-то блистала в салонах Петербурга и на балах в Полтаве, шила на заказ для мастеровых рубашки, вязала чулки. Александр Васильевич подрабатывал карточной игрой. С робкой надеждой на возможные перемены к лучшему Керн сообщила 17 августа 1851 г. родной сестре А. В. Маркова-Виноградского Е. В. Бакуниной³⁶ в Прямухино: «Скажу те-

³⁵ До второго замужества между А. П. Керн и ее двоюродной теткой Ф. П. Полторацкой были самые дружеские и доверительные отношения. Именно ей Анна Петровна адресовала и посвятила письма-дневники, которые вела с 23 июня по 30 августа 1820 г. в Пскове, где в то время находилась бригада Е. Ф. Керна (см.: *Дневник для отдохновения, посвященный Фсодосии Полторацкой, лучшему из друзей // Керн А. П. (Маркова-Виноградская)*. О Пушкине и о себе. С. 126—242).

³⁶ *Бакунина Елизавета Васильевна* (урожд. Маркова-Виноградская; 1823—05.05.1853) — родная сестра А. В. Маркова-Виноградского; с 11 января 1852 г. жна Бакунина Александра Александровича (1821—1908), пятого из шести сыновей Александра Михайловича (1765/68—1854) и Варвары Александровны (урожд. Муравьевой; 1792—1864) Бакуниных; в 1840-х гг. преподавателя Ришельевского лицея, участника обороны Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 гг.; в 1860-х гг. председателя Новоторжского уездного и Тверского губер-

бе еще нечто радостное, но так как все радостное неверно и все ожидаемое редко сбывается, то я и боюсь полагаться: мужу обещают дать какое-то значительное имение в опеку; и он будет получать 10 копеек с рубля, что, говорят, составит 250 рублей серебром в год. Если это сбудется, то можно будет чай пить по утрам и вечерам и иногда кофе. Теперь же, признаюсь тебе, один преферанс поддерживает наше существование».³⁷

Совершенно неожиданно в конце 1854 г. по рекомендации его друга Леонида Егоровича Раковича, который был в то время управляющим делами С. А. Долгорукова³⁸ и занимался акцизным откупом в Соснице, Маркова-Виноградского пригласили в Петербург на место домашнего учителя детей князя. Перед тем как вырваться вместе с семьей из провинции в столицу, он записал 10 декабря 1854 г.: «Мы мечтали о Петербурге одиннадцать лет, и вот мечты готовы исполниться» (т. 3, л. 381).

С середины декабря 1854 г. до ноября 1857 г. Марков-Виноградский служил в семье князя С. А. Долгорукова и был невольным свидетелем «романтических отношений» между его дочерью Александрой Сергеевной³⁹ и императором Александром II.⁴⁰ В одной из его тетрадей читаем: «...он (Александр II. — А. М., Л. X.) много кутил, охотился и женился на Дармштадтской⁴¹ — особе непоказной, ограниченной и скупой. Она торговалась, говорят, с поденщицей, мывшей у нее окна в Царском Селе. Как только она прибыла в Россию в 1839 году, когда ее с царевичем венчали, то говорили: „Даром что Штатская, а выходит за военного“. Вступив в брак, он кутил по-прежнему. В пятидесятых годах я видел его влюбленным в княжну Александрину Долгорукову, братьев и сестер которой я воспитывал, и видел у нее в комнатах книги и эстампы, подаренные ей августейшим воздыхателем с надписью: „от друга Вашего Александра“. Ничего дорогого, ценного — она не принимала. Она была горда и чуть не изошла

ского земства; мирового судьи; в конце жизни — члена Конституционно-демократической партии; умерла вскоре после рождения сына Алексея.

³⁷ Керн А. П. (Маркова-Виноградская). О Пушкине и о себе. С. 306.

³⁸ Долгоруков Сергей Александрович (1809—1891) — князь, тайный советник; в 1849—1856 гг. — член комиссии по принятию прошений; в 1857—1861 гг. временно по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам находился в отставке.

³⁹ Долгорукова Александра Сергеевна (в замуж. Альбединская; 1836—1913) — княжна, дочь Сергея Александровича и Марии Александровны (урожд. Апраксиной) Долгоруковых, в середине 1850-х гг. фаворитка Александра II, фрейлина императрицы Марии Александровны; упоминается И. С. Тургеневым в подготовительных материалах к романам «Отцы и дети», «Дым» и в других произведениях писателя. См.: Жидкова С. Л. К творческой истории романа И. С. Тургенева «Дым» // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 43—48; Чуприна И. В. О реальной основе некоторых произведений И. Н. Крамского и И. С. Тургенева. Саратов, 1994. Однако следует отметить, что в этих работах нет документально подтвержденной биографии А. С. Альбединской (Долгоруковой), поэтому факты ее биографии перемешаются в них с биографией Е. М. Долгорукой (1847—1922) — с 1880 г.morganатической жены императора Александра II, светлейшей княгини Юрьевской.

⁴⁰ Александр II Николаевич (1818—1881) — император, вступил на престол 19 февраля 1855 г.

⁴¹ Мария Александровна (урожд. Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская; 1824—1880) — с 1841 г. жена цесаревича, вел. кн. Александра Николаевича, с 1855 г. — императора Александра II.

слезами, когда выдавали ее за князя Альбединского,⁴² заплатив предварительно его долги в 200.000 рублей. Она почти ослепла. Бедная!!!» (т. 8, л. 66). Позднее Марков-Виноградский, вспомнив о годах, проведенных при семье Долгоруковых, записал: «Об искренно любимом мною царе, о делах говорено уже на этих страницах, и я скажу только несколько слов о его поэтических отношениях к княжне Александре Сергеевне Долгоруковой. В ней с прекрасною наружностью соединился ум, имевший знания; благородство, чуждое корыстных поползновений; и душевная доброта, готовая на всякую помощь. Она с высшими обходилась гордо и даже дерзко, а с низшими необыкновенно ласково. Посещая поместье своего отца, Вишенки, в Черниговской губернии под Десною, она ездила на возу на ярмарки, мешалась там в толпу крестьян и выучилась от фореятора своего петь *кукареку* и подражательным звукам откупориваемой бутылки и выливающегося из нее вина. Она читала кое-что из нашей старой литературы. Все это вместе делало ее очень занимательною. Я учил братьев и сестер три года, и она очень благоволила ко мне и даже порицала родителей, мало обращавших внимание на воспитание детей. Да и когда им было: мать занята была связью с братом мужа, а он механикою и девками. Я заходил к ней иногда из Эрмитажа, где объяснял ее братьям картины, желая развить в них эстетический вкус, возбудить чувство изящного, пользуясь живыми впечатлениями изящной живописи, старался наталкивать их на высокие мысли и чувства и охлаждать этим пристрастие к пошлой суетности, в которой они тонули. Она угощала меня, усталого, с необыкновенным радушием, сама намазывала масло на хлеб и подносила мне. А между тем, у нее бывал царь! Она жила во Дворце. Комнаты не отличались пышностью. Не видно было драгоценных подарков от ее высокого обожателя. Я замечал только книги, эстампы, статуэтки с надписью: „от друга Вашего Александра“. Доброго друга своего она не отвлекала, однако, от госуд<арственных> дел, и он много работал с Ростовцевым⁴³ относительно законов, освобождавших крестьян и прочее <...> Она была слишком горда, чтобы извлекать лично для себя выгоды из любви царя. Но обогатила родителей, выхлопав у царя дозволения отцу поставлять в армию в Крым консервы сушеной капусты. Эта капуста доставила 600.000 барыша и спасла их расстроенное состояние. Она искренно любила царя и пользовалась его любовью весьма долго. Наконец, надо было выдать ее замуж, и князь Альбединский сделался ее мужем. Она исходила слезами! Теперь, говорят, полуслепа» (т. 9, л. 12 об.—13 об.).

Осенью 1857 г. Долгоруковы выехали за границу, и их домашний учитель был рад расстаться с семейством «мрачного, злого, ограниченного аристократа» (т. 3, л. 381).

⁴² *Альбединский Петр Павлович* (1826—1883) — муж А. С. Долгоруковой; генерал-адъютант; с 1853 г. флигель-адъютант, в 1867—1870 гг. — генерал-губернатор и командующий войсками в Риге, в 1874—1880 гг. — в Вильно, в 1880—1883 гг. — в Варшаве; упоминается И. С. Тургеневым в подготовительных материалах к романам «Новь» и «Дым». Подробнее см.: *Жидкова С. Л.* К творческой истории романа И. С. Тургенева «Дым». С. 43—48.

⁴³ *Ростовцев Яков Иванович* (1803/04—1860) — граф, государственный деятель; один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861 г. (председатель Редакционной комиссии); его программа отмены крепостного права легла в основу Положения 19 февраля 1861 г.

В феврале 1858 г. при непосредственном участии М. Н. Муравьева,⁴⁴ состоявшего в родстве с Анной Петровной по линии бабушки, А. Ф. Вульф, урожденной Муравьевой,⁴⁵ Маркову-Виноградскому удалось получить место в Департаменте уделов.

В Петербурге супруги пробыли до ноября 1865 г. Здесь они обрели наконец материальную независимость и возможность вести образ жизни, сообразный с их собственными запросами. Александр Васильевич часто бывал на спектаклях, музыкальных вечерах, посещал музеи и художественные выставки. Анна Петровна большую часть времени посвящала своим воспоминаниям. В эти годы ей были написаны: «Воспоминания о Пушкине» (конец 1850-х гг.), «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке» (1859), «Дельвиг и Пушкин» (1859). Она вела дневник о событиях в столице, связанных со студенческими волнениями осенью 1861 г. Марковы-Виноградские возобновили отношения и переписку с М. И. Глинкой⁴⁶ и О. С. Пушкиной.⁴⁷ Они тесно сблизились с Н. Н. Тютчевым,⁴⁸ который в 1840-х гг. был переводчиком, сотрудником «Отечественных записок», видным членом кружка В. Г. Белинского, а в 1850—1870-х гг. входил в Совет Департамента уделов. Он познакомил семью сослуживца со своими родственниками и друзьями: П. В. Анненковым,⁴⁹ И. С. Тургеневым,⁵⁰ К. П. де Додт,⁵¹ С. Н. Цветом.⁵²

⁴⁴ *Муравьев Михаил Николаевич*, граф Виленский (1796—1866) — государственный деятель; с 1856 г. председатель Департамента уделов, с 1857 г. министр государственных имуществ, с 1863 г. губернатор Свверо-Западного края.

⁴⁵ *Вульф Анна Федоровна* (урожд. Муравьева; ?—1810) — бабушка А. П. Керн по материнской линии; жена Ивана Петровича Вульфа (?—1817).

⁴⁶ *Глинка Михаил Иванович* (1804—1857) — русский композитор.

⁴⁷ *Пушкина Ольга Сергеевна* (в замуж. Павлицева; 1797—1868) — сестра А. С. Пушкина.

⁴⁸ *Тютчев Николай Николаевич* (1815—1878) — с 1841 г. муж Александры Петровны Тютчевой (урожд. де Додт).

⁴⁹ *Анненков Павел Васильевич* (1813 или 1812—1887) — литературный критик, мемуарист, биограф Пушкина и редактор первого критического издания его сочинений; с 1864 г. лично знаком с А. П. и А. В. Марковыми-Виноградскими; в 1859—1860 гг. состоял в переписке с Анной Петровной в связи с публикациями «Воспоминаний о Пушкине, Дельвиге, Глинке» (1859) и мемуаров «Дельвиг и Пушкин» (1859).

⁵⁰ *Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883) — писатель; был знаком с А. П. и А. В. Марковыми-Виноградскими; посетил их 3 февраля 1864 г. в Петербурге вместе с П. В. Анненковым, Н. Н. и А. П. Тютчевыми, по случаю именин Анны Петровны.

⁵¹ *Додт де Констанция Петровна* (?—1875) — младшая сестра А. П. Тютчевой (урожд. де Додт), жены Н. Н. Тютчева.

⁵² *Цвет Семен Николаевич* — управляющий акцизными сборами с питейных домов в Полтаве; муж Екатерины Алексеевны (урожд. Тютчевой) — дочери старшего брата Н. Н. Тютчева; родился в Чернигове; в конце 1850-х—начале 1860-х гг. жил в столице; оттуда в сентябре 1861 г. во время начавшихся студенческих волнений в качестве секретаря морской экспедиции, руководимой адмиралом А. А. Поповым, отправился в плавание на одном из трех корветов; за либеральные выступления был высажен в Англии и самостоятельно возвратился в Петербург; к нему обращены письма-дневники А. П. Керн, которые она вела с 20 ноября по 18 декабря 1861 г. (см.: Рассказ о событиях в Петербурге. После отъезда Цвета для сообщения ему или пересылки, если возможность представится // *Керн А. П. (Маркова-Виноградская)*. О Пушкине и о себе. С. 242—260); упоминается И. С. Тургеневым в черновых набросках к роману «Дым» (подробнее см.: *Тургенев И. С.* Подготовительные материалы к роману «Дым» / Публикация и послесловие П. Уоддингтона // *Русская литература*. 2000. № 3. С. 110—138).

31 августа 1873 г. Марков-Виноградский, составляя подробную биографию Н. Н. Тютчева со слов К. П. де Додт, записал и историю его взаимоотношений с И. С. Тургеневым:⁵³ «Чрез 9-ть лет после женитьбы Тютчев, бросив службу, сделался управляющим имением Ивана Сергеевича Тургенева в Орловской губернии по неотступной просьбе Тургенева. И поселился там с женой, прелестной своей дочерью,⁵⁴ тещей,⁵⁵ сияющей всеми прелестями доброго и нежного сердца. Эти светлые люди умели окружать себя всегда и окружают теперь самой простой, но изящной обстановкой. Вокруг них всегда цветы, благоухания. Сами они всегда заняты работами или для себя, или для друзей, или для лотерей в пользу бедных. Свободные часы они проводят за чтением или за роялем. Обе сестры играют восхитительно. Они до тонкости знают музыку и разыгрывают Бетховена, Мендельсона, Баха и прочих с полным пониманием и с изумительно выразительностью. Эти занятия наполняли их жизнь и в усадьбе Тургенева. Казалось, счастье с особенным усердием улыбалось добрым людям. И они готовы были забыть о существовании горя. Но оно сторожило их и издала злобно косилось на них, когда они восхищались обстоятельным умом своей милой девочки и отдыхали в благоуханной тишине летнего вечера, беседуя с любезным Тургеневым. Он рад был, что сбыл обузу хозяйства в честные, умные руки друга и услаждал Тютчева и добрую семью его своими вдохновенными, исполненными поэзией речами или веселым остроумием своего наблюдательного, игривого ума. Погруженный в поэтические образы своей могучей творческой фантазии, Тургенев не расположен был к прозе хозяйства. Он совестился не только приказывать что-либо своим крепостным, но даже смотреть на них, насмотревшись вдоволь, как нецеремонно обращалась с ними его мать,⁵⁶ переполненная нелепостями помещичьего безобразия и нравственной распушенности. Эта дама была, кажется, в связи с братом своего мужа,⁵⁷ и Тургенев был сыном не отца своего, а дяди.⁵⁸ Тургенев р<одился> в 1819 <году>,⁵⁹ воспитывался в Петербургском у<ниверситет>е, служил где-то и, написав разбор на сочинение Муравьева „Путешествие по святым местам”,⁶⁰ пошел писать. Впоследствии ему платили по 500 р<ублей> с<еребром> за печатный лист его художественных произведений. Но не об этом речь. К означенному дяде

⁵³ Об отношениях Н. Н. Тютчева с И. С. Тургеневым и М. А. Языковым см.: Громов В. А. И. С. Тургенев и Н. Н. Тютчев (По новым данным) // Спасский вестник. 1993. 2. С. 52—70.

⁵⁴ Тютчева Ольга Николаевна (1845—1851) — дочь Н. Н. и А. П. Тютчевых.

⁵⁵ Додт де Александра Бальтазаровна (урожд. Шереметьева; ?—1874) — мать А. П. Тютчевой, теща Н. Н. Тютчева; состояла в родстве с женой М. Н. Муравьева — Пелагеей Васильевной Муравьевой (урожд. Шереметьевой).

⁵⁶ Тургенева Варвара Петровна (урожд. Лутовинова; 1787—1850) — с 1816 г. жена Сергея Николаевича Тургенева; мать И. С. Тургенева.

⁵⁷ Тургенев Николай Николаевич (1795—1881) — младший брат С. Н. Тургенева.

⁵⁸ Гипотеза о том, что отцом И. С. Тургенева был Н. Н. Тургенев, не подтверждается другими источниками.

⁵⁹ Год рождения И. С. Тургенева указан неверно: он родился в 1818 г.

⁶⁰ Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, драматург, духовный писатель, религиозный деятель, мемуарист; имеются в виду «Путешествие к Святым местам в 1830 г.», вышедшее в свет в 1832 г., и рецензия на это издание: Тургенев И. Путешествие по святым местам русским // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1836. № 8. С. 391—410 (за подписью — И. Тургенев).

Тургенев очень был расположен. И вскоре по водворении Тютчева в его имениях, состоявших из 2 000 душ, стал сожалеть, что не вручил власть над ними своему дяде. Сожаления эти таил про себя, и Тютчев ничего не знал до постигшей его катастрофы. Дочь их с пеленок страдала печенью, и болезнь незаметно подтачивала ее слабый организм. Когда ей минуло 9-ть лет,⁶¹ болезнь злобно разыгралась и отняла ее у страстно любивших ее родителей. Они три дня сидели в мрачном уединении, погруженные в необходимую печаль. Потом уложили все вещи покойницы в особый сундук, сделавшийся священным предметом, с которым они неразлучны, и, попросив у близких своих никогда не говорить о их невозвратной потере, занялись покойно прозой жизни. Но скорбь об этой ужасной утрате не покидает их. И я видел, как Тютчева разрыдалась, взглянув на дочь друга их, Белинского, сверстницу их дочери,⁶² когда та вошла в их гостиную чрез много лет после смерти их девочки! Эти слезы глубоко тронули меня тогда!! Каковы же были первые слезы, которые видел Тургенев? Но он не поженировался⁶³ ими, и когда Тютчевы уехали в объезд по его имениям, то он послал им вдогонку письмо, в котором просил сдать управление имениями его дяде. Тютчевы с семейством остались в затруднительном положении. Поскакали в П<етербург>г искать прибыльного труда, и там Тютчев наткнулся на Языкова,⁶⁴ устроившего тогда комиссионерство для исполнения за известный процент комиссий провинциалов всех возможных сортов. Комиссионерство это приобрело доверие публики и шло блистательно в то время, как Языков пригласил Тютчева быть правителем дел комиссионерства. При Тютчеве дела его пошли еще лучше. Комиссионерство приобрело полное доверие публики. И провинциалы стали присылать деньги вперед на исполнение своих заказов для сокращения переписки и для быстроты исполнения. Но Языков увлекся: брал заказы неудобноисполнимые, не по силам своим. Потом дело ему надоело. Большие барыши, приносимые комиссионерством, возродили в нем большие желания. На удовлетворение их понадобились превышавшие барыши. И сделалось невозможно исполнять заказы аккуратно и быстро. Появились жалобы заказчиков. Началось банкротство. И Тютчев вышел из комиссионерства, поссорившись, разумеется, с Языковым. Этот господин взвел на Тютчева начет в 10 000 рублей. Тютчев потребовал третейского суда. На этот суд прискакал из-за границы Тургенев, рассмотрел дело Тютчева с Языковым и, увидя из него, что Тютчев совершенно чист, как он, зная хорошо Тютчева, и предполагал, воодушевился честною мыслию избавить честного человека от подлой клеветы и низких нареканий. И произнес такую вдохновенную речь пред тысячною публикою в Думе в оправдание невинно оскорбленного друга своего, что

⁶¹ Вероятно, описка; дочь Тютчевых умерла в 6-летнем возрасте. В Спасском-Лутовиновом сохранилась ее могила.

⁶² *Белинская Ольга Виссарионовна* (в замуж. Бензис; 1845—1902) — дочь В. Г. и Марии Васильевны (урожд. Орловой; 1812—1890) Белинских.

⁶³ смягчился (*от франц. générosité* — благородство).

⁶⁴ *Языков Михаил Александрович* (1811—1885) — знакомый Н. Н. Тютчева; в 1840-х гг. входил в круг В. Г. Белинского, принимал участие в делах редакции журнала «Современник»; с октября 1846 г. — владелец Конторы агентства и комиссионерства в Петербурге; в 1850-х гг. — директор стскольного завода в Петербурге; с 1862 г. — управляющий питсйно-акцизными сборами Тульской, позднее Калужской и Новгородской губерний.

публика вскочила со своих мест и вынесла на руках из залы сиявшего торжеством Тютчева. С этих пор они снова сошлись и дружат до сих пор, несмотря на то, что Тургенев живет близ Баден-Бадена в роскошном своем дворце у ног чудной певицы, высокоразвитой умственно и нравственно Виардо-Гарсии⁶⁵ и, вдохновляемый ею, переводит и пишет. А Тютчев — в пасмурном Петербурге, в теплом кружке своей доброй семьи, занятый службою и делами разумной филантропии. И оба они редко видятся друг с другом. Когда третейский суд оправдал Тютчева и освободил от всякого взыскания, он бросил подлomu клеветнику 10 000 рублей, вырученные за имение жены, чтобы не имел никакой возможности чернить его, и остался без гроша. Тютчев долго искал службы и жил в страшной нужде. Все было заложено, продано, и не видно было выхода. В это время он побудил Тургенева исполнить долг относительно незаконной дочери⁶⁶ и настоял на том, чтобы она взята была в Париж и там воспитана. Впоследствии мы ее встретили на парижской железной дороге. Она была дебелая румяная девушка с крупными чертами лица и массивными формами, напоминавшими несколько ее отца. Она забыла свой родной орловский язык, крестьянскую свою обстановку и по речи и манерам была чистая парижанка. Теперь она замужем за богатым каким-то monsieur и, говорят, довольна своею участью.⁶⁷ А всё добрейший Тютчев!!» (т. 14, л. 12—15).

Но налаженную с большими трудами жизнь Маркова-Виноградского разрушили болезни. Бедность, неустроенность, излишние тревоги и волнения, которые сопровождали Александра Васильевича на протяжении многих лет, вызвали у него острые хронические желудочные заболевания. Он пытался лечить их на водах за границей, куда отправлялся трижды за счет Департамента уделов: в 1861 (вместе с женой), в 1862 и в 1865 г. Там болезни на короткое время отступали, а при возвращении в сырой петербургский климат «злобно разыгрывались» вновь (т. 14, л. 13). Поэтому с 20 ноября 1865 г. Александр Васильевич вышел в отставку. На полученную им пенсию коллежского асессора проживать в столице Марковы-Виноградские, обремененные к тому же заботами о семье сына, уже не могли, а единственное принадлежавшее им имение в Соснице они продали еще в январе 1854 г. сразу после смерти тетки, Ф. П. Полторацкой. Так начинался еще один трудный период в их совместной жизни, когда они не раз вынуждены были обращаться за помощью и продать автографы Пушкина. «...Доб-

⁶⁵ *Виардо Мишель-Полина* (урожд. Гарсия; 1821—1910) — французская певица, педагог-вокалист, композитор; автор романсов, комических опер на либретто И. С. Тургенева.

⁶⁶ *Тургенева Полина (Пелагея) Ивановна* (в замуж. Брюэр; 1842—1919) — незаконнорожденная дочь И. С. Тургенева и московской мещанки Авдотьи (Евдокии) Ермолаевны Ивановой, вольнонаемной белошвейки, работавшей у В. П. Тургеневой в Спасском; детские годы провела в семье Ф. Лобанова, крепостного Тургеневых, позднее воспитывалась с детьми П. Виардо в Париже.

⁶⁷ А. В. Марков-Виноградский не мог знать, как сложилась дальнейшая жизнь дочери И. С. Тургенева. Только первые годы ее супружества были благополучны. Муж Полины, Гастон Брюэр, был управляющим, а затем владельцем стекольной фабрики в г. Клуа. После банкротства фабрики (в 1882 г.) у него проявились тяжелые свойства характера, из-за которых она при поддержке И. С. Тургенева тайно вместе с дочерью и сыном выехала в Швейцарию. См.: *Бронь Т. И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева // Тургеневский сборник. Вып. 2. Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. С. 324—338.

рый кузен жены, Алексей Николаевич Вульф,⁶⁸ прислал ей 100 рублей, и мы могли расплатиться с мелкими долгами <...> Спасибо ему большое!! Он, хотя и консерватор, но исполнен доброты и честности. Он был друг Пушкина и отчасти верен пушкинскому духу времени и не последовал за веком. Многим он был обязан моей доброй старушке и помнит старое добро, — записал Марков-Виноградский 1 апреля 1871 г. — Кстати о Пушкине. Жена продала недавно Семевскому 9-ть писем Пушкина за 45 рублей,⁶⁹ и это нам порядочно помогло. Думал ли Пушкин, что его поэтическая, исполненная чувства и игривого остроумия любезность поможет предмету его на старости лет шить себе кое-что и купить вина и лакомств?» (т. 7, л. 5 об.—6).

Бездомные, нуждавшиеся в приюте и материальной поддержке Александр Васильевич и его далеко не молодая жена кочевали из одного дома в другой, от одних родственников или добрых знакомых к другим. Из Петербурга они выехали в Митино к Т. С. Львовой,⁷⁰ затем жили в Ковно, Киеве, Лубнах, Березоточе. 2 августа 1877 г. Марковы-Виноградские «решились двинуться к детям в Москву» (т. 31, л. 65), где жил сын Александр с женой Лизой и маленькой дочкой Аглаей, и остановились по соседству с ними в меблированных комнатах Гуськовых, которые находились на углу Тверской и Грузинской улиц. 19 апреля 1878 г. на пособие, полученное от Тютчевых, супруги перебрались в Торжок. И, наконец, 13 октября 1878 года по приглашению Бакуниных (имеется в виду семья А. М. Бакунина. — А. М., Л. Х.) прибыли в Прямухино. Здесь Марков-Виноградский вместе с женой провел последние месяцы жизни и 28 января 1879 г. умер от рака желудка. Его похоронили на погосте усадьбы Бакуниных. После смерти супруга Анна Петровна возвратилась к сыну в Москву. Только на четыре месяца пережила она своего второго мужа и умерла от удара 27 мая 1879 г. Их сын, А. А. Марков-Виноградский, первоначально предполагал похоронить мать рядом с отцом, но не смог этого сделать из-за весеннего паводка. Анна

⁶⁸ Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын Николая Ивановича Вульфа (1771—1813) и Прасковьи Александровны Вульф (урожд. Вындомская, во втором браке — Осипова; 1781—1859).

⁶⁹ Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — историк, журналист, собиратель документов по истории России; в 1870—1876 гг. — сотрудник журнала «Русская старина»; в 1877—1892 гг. — издатель-редактор журнала «Русская старина»; в 1870 г. в мартовской книжке журнала были опубликованы воспоминания А. П. Марковой-Виноградской «Три встречи с императором Александром Павловичем. 1817—1820» с краткой заметкой М. И. Семевского (№ 3. С. 258—272). Приобретенные у Анны Петровны письма А. С. Пушкина после смерти в 1922 г. А. М. Семевской, дочери М. И. Семевского, по свидетельству Б. Л. Модзалевского, продавались на Петроградском антикварном рынке (см.: *Модзалевский Б. Л. Друзья Пушкина. I. Анна Петровна Керн* / Под общ. ред. М. О. Гершензона. Л., 1924. С. 138). В сентябре 1926 г. через посредничество антикара Ф. Г. Шилова они поступили в Пушкинский Дом (см.: *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920—1928 гг.* / Публикация Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 114).

⁷⁰ Львова Татьяна Сергеевна (1822—1903) — младшая сестра Аграфены Сергеевны Романовой. См. примеч. № 29. Помимо них у Т. П. и С. Д. Львовых были еще две дочери, Елизавета и Мария, и пятеро сыновей, Дмитрий, Иван, Александр, Петр, Николай (см.: *Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С алфавитным указателем и приложением* / Сост. М. Чернявский. [Тверь, 1870 <?>]. № 690. — Гектограф).

Петровна обрела покой в Прутне на церковно-приходском кладбище, недалеко от усадьбы Митино Новоторжского уезда Тверской губернии, последним владельцем которого был Н. Д. Романов.⁷¹ В начале 1900-х гг. он, воспитанник Училища правоведения, был известным в столичных кругах библиофилом и коллекционером. Непосредственно через него произошло знакомство А. А. Кулжинской с Б. Л. Модзалевским⁷² и передача семейного архива в Императорскую Академию наук.

Помимо приведенных нескольких страниц из «Записок» о событиях из жизни Марковых-Виноградских и их окружения, безусловный интерес вызывают записи и воспоминания Александра Васильевича о встречах с И. А. Крыловым, Андр. Н. Муравьевым, математиком М. В. Остроградским,⁷³ с А. С. Норовым,⁷⁴ Ф. Ф. Вигелем,⁷⁵ Ф. П. Комиссаржевским⁷⁶ и др.

Яркие характеристики, часто сопровождаемые обстоятельными биографическими сведениями и бытовавшими семейными легендами, дает Марков-Виноградский и другим современникам, многочисленным родственникам: Понофидиным (Панофидиным), Безобразовым, Ржевским, Мамоновым и др. Но, видимо, особую историко-литературную ценность имеют те его записи, которые связаны с мемуарами А. П. Керн. Анна Петровна пережила многих людей из своего поколения и «хранила в себе непочатый, освященный уголок — алтарь преданий и памяти» (т. 26, л. 20). В работе над воспоминаниями, которые писались ею в последние десятилетия жизни, она, «беспомощная, слабая <...> полуслепая старушка» (т. 7, л. 83 об.), из-за развивавшейся катаракты нуждалась в помощи. Непонимание этих сложных обстоятельств вызывало у Александра Васильевича чувства горечи и острой обиды. Так, совсем недолго прожив вместе с семьей П. П. Полторацкого в Киеве, он записал 13 ноября 1868 г.: «Досадно, что они не понимают моей поэтической, симпатично оригинальной, любящей и умудренной мышлением старушки, нашей милой мамы. Они ей оказывают почтение, снисхождение, а ей нужна только любовь. Какие глупцы! Они не

⁷¹ Романов Николай Дмитриевич (1883—1917?) — сын Дмитрия Дмитриевича и Марии Александровны (урожд. Цвылсей; ?—1903) Романовых, правнук Татьяны Петровны Львовой. О нем подробно см.: Письма Н. Д. Романова к Б. Л. Модзалевскому / Публикация Л. К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б. Л. Модзалевский: Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 479—532.

⁷² Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — историк литературы, пушкинист; первый биограф А. П. и А. В. Марковых-Виноградских, автор обширного очерка об А. П. Керн (см.: Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1909. Т. 3. С. 585—606. Отд. изд.: Модзалевский Б. Л. Друзья Пушкина. I. Анна Петровна Керн / Под общ. ред. М. О. Гершензона. Л., 1924).

⁷³ Остроградский Михаил Васильевич (1801—1861/62) — математик и механик, академик Петербургской Академии наук (1830).

⁷⁴ Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — поэт, персводчик, автор путевых записок, министр народного просвещения (1854—1858), сенатор.

⁷⁵ Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник Московского архива коллегии иностранных дел, с 1823 г. чиновник по управлению Новороссийской губ. и Бессарабской области, с 1824 по 1826 гг. бессарабский вице-губернатор, керченский градоначальник, с 1829 по 1840 г. вице-директор и директор Департамента иностранных вероисповеданий; мемуарист.

⁷⁶ Комиссаржевский Федор Петрович (1838—1905) — певец (тенор); первый исполнитель ряда партий в русских операх, в т. ч. Самозванца («Борис Годунов» М. П. Мусоргского); в 1883—1888 гг. профессор Московской консерватории.

соболезнуют тому, что она почти ничего не видит и очень этим несчастлива, так как не может читать, писать, работать, что наполняло ее жизнь и чем она была счастлива, и смотрят на нее как на капризную старуху. Бессердечные пошляки! Я заметил: кто не понимает, не любит моей жены и не сочувствует ей, тот очень пошлый, бездушный, сухой, холодный эгоист» (т. 5, л. 47 об.—48).

Сам же Марков-Виноградский, как преданный и заботливый супруг с бережным вниманием относившийся к таланту жены, фактически стал ее сиделкой, тещом и литературным секретарем. «Целые два месяца я писал, — сделал он дневниковую запись 22 октября 1870 г. — Писал сначала под диктовку воспоминание моей доброй старушки А<нны> П<етровны>, потом переписывал его и, наконец, усиленно работал над своими „Записками“. Так устал, что несколько дней не мог взяться ни за перо, ни за книгу» (т. 6, л. 48).

В эти последние по времени написания воспоминания Анна Петровна предполагала ввести и эпизод о женитьбе А. М. Бакунина. «Моя старушка послала вчера в „Русскую> старину” воспоминание о своем детстве,⁷⁷ — записал он 23 октября 1870 года. — И сегодня вздумала, что можно было бы поместить в нем экспромт Александра Михайловича Бакунина,⁷⁸ ученого мудреца, добрейшего человека, почтенного отца замечательных во всех отношениях сыновей и дочерей, бывшего смыслом всего общества, в котором расточал сокровища своего ума, знаний и сердца. Экспромт написан по случаю женитьбы его на Варваре Александровне,⁷⁹ дочери Алек<сандра> Федоровича Муравьева и Варвары Михайловны Мордвиновой, вышедшей впоследствии за Пав<ла> Марковича Полторацкого. Варв<ара> Алек<сандровна> была умна, любезна, добра, жива и грациозна. Она отказала было Александру Михайловичу, так как он был вдвое старше ее, и она была влюблена в своего двоюродного брата, Александра Николаевича Муравьева.⁸⁰ Но Алексан<др> Михай<лович> пришел в такое отчаяние, что решился было застрелиться. Сестры, с которыми он жил в Прямухине, в 35 в<ерстах> от Торжка, подсмотрели, как он, запершись в кабинете, готовился покончить с собою, и дали знать Варваре Александров-

⁷⁷ Отправленные воспоминания не были опубликованы в журнале «Русская старина»; они вышли в свет уже после смерти А. П. Керн: в 1884 г. в журнале «Радуга» (№ 18, 19, 22, 24, 25 — под названием «Сто лет назад») и в том же году в журнале «Русский архив» (Кн. 3 — под названием «Из воспоминаний о моем детстве»).

⁷⁸ Бакунин Александр Михайлович (1768—1854) — с 1781 г. служил в Коллегии иностранных дел; с 1783 г. — при Российском посольстве в Турине; окончил Падуанский университет со званием доктора философии; в 1791 г. вышел в отставку в чине надворного советника; в 1797 г. — советник коммерческой части Гатчины; вновь вышел в отставку в чине коллежского советника; предводитель дворянства Новоторжского уезда (1805—1806), Тверской губернии (1807—1808); владелец имения Прямухино в Новоторжском уезде; с 1810 г. — муж Варвары Александровны Муравьевой.

⁷⁹ Бакунина Варвара Александровна (урожд. Муравьева; 1791—1864) — дочь Александра Федоровича Муравьева и Варвары Михайловны Мордвиновой (во втором браке Полторацкой).

⁸⁰ Муравьев Александр Николаевич (1792—1863) — участник Отечественной войны 1812 г.; основатель первого тайного декабристского общества «Союз спасения»; двоюродный брат Варвары Александровны Бакуниной. Подробнее о нем и о семье А. М. Бакунина см.: Сысоев В. И. Бакунины. Тверь, 2002.

вне. Она испугалась и уведомила, что тронута любовью Александра Михайловича, и он сделался счастливым мужем прелестной женщины. Вот экспромт по случаю их брака, сказанный счастливым молодым:

Хоть не яйцом
Ея лицо,
Но под венцом,
Когда кольцо
Я отдал ей, —
То из бывших там людей
Не случилось и одного,
Который счастья б моего
Не прочитал у ней»

(т. 6, л. 44 об.—45).⁸¹

Для потомков Марков-Виноградский сохранил также целый ряд разрозненных фрагментов воспоминаний Керн, которые она не могла опубликовать как по цензурным, так и по этическим соображениям. А некоторые из них вспомнились ей значительно позднее, уже после выхода в свет ее мемуаров. Так, 4 февраля 1870 г., на следующий день после именин жены Александр Васильевич записал: «...она, моя голубушка, вспомнила подробности некоторые из прошлой жизни, припомнила стихи, поднесенные ей в <18>20-х гг. Соболевским».⁸²

Чтоб писать хвалу Вам сносную,
Добрый гений мне шепнул:
„В радугу семиполосную
Ты перо бы обмакнул, —
Из Эдема взял бы лилию,
Песнь на ней бы начертил
И засыпал легкой пылью
С мотыльковых крыл”».⁸³

Сергей Александрович Соболевский называл «себя Пушкиным Александром Сергеевичем кверху ногами... Он много ей писал стихов. Между прочим, и эпитафию:

Под камнем сим,
Что кроет свежий дерн,

⁸¹ Этот экспромт не был помещен в воспоминания А. П. Керн; не включен он и в издания стихотворений А. М. Бакунина. См.: *Бакунин А. М.* Собр. стихотворений / Сост., вст. ст., примеч. М. В. Строганова. Тверь, 2001.

⁸² *Соболевский Сергей Александрович (1803—1870)* — незаконный сын А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой; библиофил и библиограф, автор многочисленных эпиграмм и экспромтов; однокашник Л. С. Пушкина по Благородному пансиону при Главном педагогическом институте, друг А. С. Пушкина.

⁸³ Этот текст «альбомной шутки» С. А. Соболевского без знаков прямой речи Б. Л. Модзалевский приводит в комментарии к отдельному изданию очерка об А. П. Керн с отсылкой на публикацию Н. Н. Голицына в «Варшавском дневнике» за 1880 г., № 159. См.: *Модзалевский Б. Л.* Друзья Пушкина. I. А. П. Керн. С. 133. С незначительными расхождениями в двух первых стихах и с другой пунктуацией включен в сб.: *Соболевский С. А.* Эпиграммы и экспромты / Под ред. В. В. Каллаша. М.: Изд. С. Г. Мамиконян, 1923. С. 69.

Вероятно, узнав о смерти О. С. Павлищевой, Анна Петровна вспомнила некоторые подробности из ее частной жизни, которые были связаны с Баратынскими. В 1868 г. 20 мая Марков-Виноградский записал: «Его (Е. А. Баратынского. — *А. М., Л. Х.*) муза всегда мне была симпатична, и под звуки ее брало меня раздумье и грустно мечталось. Все прошло!.. И Баратынский прошел, и мы пройдем. Проходил Баратынский тернистый путь жизни с умною и богатою женою, рожденною Энгельгардт.⁸⁴ Когда спросили его раз, как он на ней женился, и когда он отвечал, *на случай свел*, то остроумная графиня Ивелич⁸⁵ заметила: «Экой сводник!..» После этого всякого сводника называли в *кружке* Дельвига и Пушкина — *случаем!*.. Эта графиня имела в себе много мужского и влюблялась в женщин <...> Она была *друг* сестры Пушкина Ольги Сергеевны, вышедшей впоследствии за *Павлищева*. На Ольге Сергеевне хотел было жениться *Баратынский*, но братья его отговорили, находя, что она вовсе не соблазнительна и совсем глупа. Когда жена Баратынского, больная, приехала в Москву на коронацию Николая I-го,⁸⁶ то все знакомые удивлялись, и она им говорила, что не могла победить в себе желание видеть коронацию. *Se misérable!*...⁸⁷ Его ненавидела молодежь! Вот и этот колосс деспотизма прошел!.. И его добрейший сын старается поднять подавленное, оживить омертвленное под железною рукою отца!.. Дай Бог, чтобы он не скоро *прошел* и успел докончить свои живительные реформы и чтобы мы ушли в *то время*, когда в России будет прочная основа для политической ее жизни, для развития политической свободы» (т. 5, л. 30).

Со слов Анны Петровны Марков-Виноградский записал сюжет о музыкальной импровизации А. Мицкевича у Б. Залеского,⁸⁸ которая закончилась тем, что слушавший ее богатый грек отпустил на свободу своего черного раба: «Чудный дар импровизации сделал его любимцем общества, и он часто бывал у известного хлебосола Бонавентуры Залеского. Однажды, во время его импровизации с аккомпанементом рояля, вошел в залу богатый грек, стал близ хозяина, а его негр стал в положение статуи у дверей. Когда Мицкевич окончил, его просили продолжать и указали глазами на негра. Поэт взглянул на черного раба, воодушевился, и полилась трогательная песня о том, как негр был счастлив на родине любовью матери и возлюбленной, как ужасные торгаши лишили его этого счастья и как он изнывает от рабства. Вдохновенная песня тронула грека, и он дал свободу своему рабу. О, как Мицкевич был счастлив!» (т. 9, л. 22—22 об.).

⁸⁴ *Баратынская Анастасия Львовна* (урожд. Энгельгардт; 1804—1860) — с 1826 г. жена Е. А. Баратынского.

⁸⁵ *Ивелич Екатерина Марковна* (1795—1838) — графиня, близкая знакомая А. П. Керн.

⁸⁶ *Николай I Павлович* (1796—1855) — российский император с 1825 г.

⁸⁷ Этот несчастный (*франц.*).

⁸⁸ *Залеский Бонавентура* — зсмяк и знакомый А. Мицкевича; поэт познакомился с Залеским и его женой Иоанной в Кисеве во время своей поездки из Петербурга в Одессу зимой 1825 г. Он был частым гостем как в их одесском доме, так и в Москве, куда Залескис пересхали в 1827 г. Им Мицкевич посвятил свою поэму «Конрад Валленрод» (1827).

Записывая 29 мая 1879 г. эпизоды из жизни тригорских барышень, Марков-Виноградский дал полный текст шуточного стихотворения А. С. Пушкина «Увы! напрасно деве гордой...»: «Жена моя <...> дружила с детства с сестрой его (А. Н. Вульфа. — А. М., Л. Х.) Анной.⁸⁹ Это была добрая толстушка, суетливая, не посидя час, но всем довольная и на все согласная. Она обожала Пушкина. Но ему нравилась более ее сестра, Евпраксия Николаевна.⁹⁰ Милая, добрая Евпраксия была душой общества, но держала себя относительно П<ушки>на так строго, что он не осмеливался вольничать с ней, как с сестрами Анной и Александрой.⁹¹ Первой он написал даже стихи весьма неприличные:

Увы! Напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой!
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет,
Она на щечочку насыт,
Но и понюхать не позволит»

(т. 17, л. 52 об.).

Единственный раз последние два стиха напечатал П. А. Ефремов в своем четвертом издании «по записи второго мужа А. П. Керн, продиктовавшей ему все стихотворение с последними двумя стихами, скрытыми Пушкиным от А. Н. Вульфа».⁹²

Содержатся в «Записках» и тексты острот, шуточных стихов и политических эпиграмм. Они широко бытовали в 1860-е гг. в светском обществе и приписывались А. С. Пушкину. Среди них: «Когда в столице нет царя...»,⁹³ «Жил в дороге, умер в Таганроге...»,⁹⁴ «В России нет закона...»,⁹⁵ «Немно-

⁸⁹ Вульф Анна Николаевна (1799—1859) — старшая сестра А. Н. Вульфа.

⁹⁰ Вульф Евпраксия Николаевна (в замуж. Вревская; 1809—1883) — младшая сестра А. Н. Вульфа; с 1831 г. жена барона Б. А. Вревского.

⁹¹ Осипова Александра Ивановна (в замуж. Беклешова; 1808—1864) — падчерица П. А. Осиповой, дочь И. С. Осипова, ее второго мужа.

⁹² Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 217. В тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого под заглавием «Отрывок» приведены только два последних стиха с разночтением в последнем: «И мне понюхать не позволит» (РГБ, Полт., 162.1 (кн. 1), л. 126—127).

⁹³ Впервые как пушкинское: Щукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 287—288.

⁹⁴ Впервые как пушкинское: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского <Н. В. Гербеля>. Berlin, 1861. С. 92. См. также: Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 2. С. 413. В. Я. Брюсов напечатал эпиграмму в разделе «Dubia» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М. 1919. Т. 1, ч. 1. С. 248).

⁹⁵ Впервые как пушкинское: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений... С. 95. П. А. Ефремов не считал эту эпиграмму пушкинской. См.: Ефремов П. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 31. Впоследствии эпиграмма неоднократно печаталась как пушкинская. В. Я. Брюсов, поместив ее в разделе «Dubia», отметил, что она находится «безусловно в противоречии с подлинными стихами Пушкина» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. С. 135). Об ошибочности атрибуции ее Пушкину см.: Лернер Н. О. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии // Каторга и ссылка. 1925. № 8. С. 241.

го царствовал, но много куролесил...»,⁹⁶ «Когда б на место фонаря, что гаснет...»,⁹⁷ «Люблю тебя, моя комета...»⁹⁸ и др.

Целую легенду о создании псевдопушкинского стихотворения «Входя в небесные селенья...» записал Марков-Виноградский 16 июня 1872 г.: «Ольга Сергеевна Павлищева, — сестра Пушкина, — добрая, честная женщина, была большая фантазерка с мистическим направлением. Она, чтобы жить самостоятельной жизнью, избавиться от стеснительного домашнего надзора, капризов и воркотни, вышла против воли родителей и против желания брата за Павлищева.⁹⁹ Она бежала из дома и обвенчалась тайно. После венца родители простили. Но она скоро раскаялась. Слабый ее супруг был не совсем здоров, и заразил, было, и ее; <она> насилу вылечилась. Для воспитания детей она жила в П<етербурге>, когда муж служил в Варшаве. Они жили в разлуке; но он каждый месяц присылал ей на содержание большую часть своего жалования. И она жила безбедно при помощи процентов с наследственного капитала в 40.000 р<ублей> ассигнациями. Павлищев служил в Варшаве и отдыхал от службы в объятиях варшавянок; а она всю себя отдавала воспитанию двух своих детей, сына¹⁰⁰ и дочери.¹⁰¹ Она души в них не чаяла. Дула на них. Когда они уходили из дома, то крестила у них все отверстия, чтобы злой дух не проник внутрь их. Настольною книгою сына, когда он был студентом, была „d'Art de peter” («Искусство пердеть»). Он пописывал, думая сравняться с Гоголем. Певал на манер Тамберлика,¹⁰² но всё выходило крайне нелепо и возбуждало насмешки товарищей. Считая себя талантом, он бывал смешон до жалости, и товарищи мистифицировали его без жалости. <Он> вечно терял галоши, платки, и был до того рассеян, что казался полоумным. Но был очень добр!

Мать его занималась спиритизмом, и под ее рукою карандаш, руководимый духом Пушкина, вызванного сестрою, написал:

Входя в небесные селенья,
Печалилась душа моя,
Что средь земного треволненья

⁹⁶ *Ефремов П.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. С. 31.

⁹⁷ Впервые в прозаическом переводе эту эпиграмму как пушкинскую напечатал Чарльз Фредерик Хеннингсен в своей книге «Eastern Europe and the Emperor Nikolas» (Vol. 2. London, 1846. P. 124) (См.: *Аринштейн Л. М.* Низвестные страницы ранней английской пушкинианы // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 248). Следующей была публикация Н. П. Огарева: Русская потасная литература XIX века. Лондон, 1861. Отдел 1, ч. 1. С. 79.

⁹⁸ Впервые как пушкинское: *Гербель Н.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // РА. 1876. № 10. С. 223. Опровержение этого см.: *Ефремов П.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. С. 34—35.

⁹⁹ *Павлищев Николай Иванович* (1802—1879) — с 27 января 1828 г. муж сестры Пушкина — Ольги Сергеевны; переводчик, автор научных трудов, чиновник Департамента народного просвещения, впоследствии управляющий канцелярией генерал-интенданта Царства Польского, сенатор, тайный советник.

¹⁰⁰ *Павлищев Лев Николаевич* (1834—1915) — сын Н. И. и О. С. Павлищевых, племянник А. С. Пушкина; выпускник юридического факультета Петербургского университета, впоследствии чиновник Департамента уделов, редактор газеты «Варшавский дневник».

¹⁰¹ *Павлищева Надежда Николаевна* (в замуж. Пане; 1837—1909) — дочь Н. И. и О. С. Павлищевых, племянница А. С. Пушкина.

¹⁰² *Тамберлик Энрико* (1820—1889) — итальянский певец (драматический тенор); выступал во многих странах, в том числе в России.

Вас оставляя надолго я!
По-прежнему вы сердцу милы:
Но неземное я люблю.
И у престола Вышней силы
О вас, друзья мои, молю!¹⁰³

Тот же карандаш под рукою ее дочери рисовал чудные эскизы Богородицы. Прелестная дочь ее, Надежда Николаевна, имела призвание и талант к живописи. Рисовала славно! Проявив талант в живописи, увлеклась все неживописным итальянцем и вышла за него замуж. Фамилия его Пане,¹⁰⁴ а место их жительства — Неаполь. Брат ее шутоломный чиновник в Варшаве. Оба они немного чудят, очень легкомысленны, немножко шальные, но очень добры. Отец их — честный человек с добрым сердцем, слабым к тозинкам. Большую часть жизни служил в Варшаве и издавал исторические таблицы, не доставившие ему ни денег, ни известности. Все это семейство, несмотря на оригинальность и некоторое чудачество, заслуживает за доброту и честность большой похвалы» (т. 7, л. 78).

Конечно, беглое знакомство с «Записками» А. В. Маркова-Виноградского, куда, как следует из его письма от 10 сентября 1878 г. к внуку Ю. Шокальскому,¹⁰⁵ он заносил все «из вычитанного, слышанного, виденного, промысленного, прочувствованного» (РО ИРЛИ, ед. хр. 27.259, л. 52), не дает полного представления об их историко-литературной значимости.

Лишь понаслышке знали о «Записках» и современники. Так, Н. А. Толстой¹⁰⁶ писал 7 февраля 1899 г. Б. Л. Модзалевскому, который в то время собирал архивные материалы для подготовки очерка об А. П. Керн к 3-му тому «Венгеровского издания» собрания сочинений А. С. Пушкина: «Виноградский гораздо моложе ее (А. П. Керн. — А. М., Л. Х.) был и до самой смерти был влюблен в свою жену. Был очень милый, как говорят, человек, очень образованный и всю жизнь вел „Записки“ самого живого и исключительного интереса. Туда же вошло все, что ему жена рассказывала о Пушкине. Эти записки надо разыскивать во что бы то ни стало, но я не могу быть Вам в этом полезен» (ф. 184).

При жизни Александр Васильевич опубликовал небольшой отрывок из «Записок» о своих детских годах¹⁰⁷ и надеялся, что когда-нибудь они по-

¹⁰³ Впервые как пушкинское напечатано: Библиографическая редкость // Русский инвалид. 1859. № 8. С незначительными разночтениями и несколько другой легендой приводит это стихотворение и Л. Н. Павлицев. См.: Павлицев Л. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. СПб., 2003. С. 77—79. Против включения его в собрания сочинений А. С. Пушкина выступил Ефремов. См.: Библиографические заметки. 1859. № 2. Стб. 64; Там же. 1861. № 19. Стб. 588.

¹⁰⁴ Пане Иосиф Рафаилович — профессор музыки и пения.

¹⁰⁵ Шокальский Юлий Михайлович (1856—1940) — сын Екатерины Ермолаевны Шокальской (урожд. Керн; 1818—1904); внук А. П. и А. В. Марковых-Виноградских; океанограф, картограф; в 1917—1931 гг. — президент Географического общества СССР; с 1939 г. — почетный член АН СССР.

¹⁰⁶ Толстой Николай Алексеевич — внучатый племянник Якова Николаевича Толстого (1791—1867), знакомого А. С. Пушкина, в 1819—1820 гг. председателя общества «Зеленая лампа», члена Союза благоденствия, тайного агента русского правительства в Париже.

¹⁰⁷ Марков-Виноградский А. В. Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120—125; 167—179.

явятся в печати в более полном объеме. «Я их завещаю сыну или кому другому с тем, чтобы их напечатать, если признаются они достойными печати тогда, когда находящиеся в них очерки нравов, характеристики и биографии не могут никого задеть и сделаются занимательными и поучительными, как безыскусственное сказание о прошлом», — записал он 16 июля 1873 г. (ед. хр. 27.259, л. 52).

К настоящему времени прошло более 100 лет после смерти А. В. Маркова-Виноградского, и думается, что уже можно этот ценный, богатый фактами и живыми свидетельствами документальный источник ввести в научный оборот.

Ю. Е. Галанина

НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Л. Д. БЛОК В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ИРЛИ

Среди материалов Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранится значительный комплекс документов, связанных с творческой деятельностью Любови Дмитриевны Блок¹ (1881—1939) — дочери знаменитого русского химика Д. И. Менделеева и жены поэта Александра Блока. Интерес к ее личности, проявившийся в последние годы, обусловлен прежде всего вниманием к поэтическому окружению Любови Дмитриевны, воспитанной Блоком и Андреем Белым, ее образ отразился в произведениях К. Бальмонта, Г. Чулкова, А. Радловой и др. При этом в стороне остается творческая деятельность самой Л. Д. Блок — вопрос совершенно не исследованный и недооцененный современными исследователями. Между тем именно ее увлечение театром, участие в художественной жизни начала XX в., в мероприятиях по организации театрального дела в революционном Петербурге определили ее положение в кругу таких художников, как В. Э. Мейерхольд, С. Э. Радлов, А. П. Зонов и пр.

Хранящиеся в Институте русской литературы материалы являются ценнейшими источниками, позволяющими говорить о Л. Д. Блок как о творческой личности, оставившей собственный след в истории русской художественной культуры. Большая часть этих документов относится к последним годам ее жизни и деятельности, посвященным занятиям классическим танцем, в историю которого она внесла значительный вклад. Этот раздел ее творческого наследия не является предметом непосредственного рассмотрения в настоящей статье, но, безусловно, найдет своих исследователей и будет введен в научный оборот, дополняя материалы, собранные в капитальном издании работ Л. Д. Блок «Классический танец».²

¹ См. наиболее крупные работы, посвященные Л. Д. Блок: Орлов В. Н. История одной любви // Орлов В. Н. Пути и судьбы: Литературные очерки. Л., 1971. С. 636—743; Веригина В. Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10. С. 162—173; Незаконченный очерк Д. Е. Максимова / Предисловие, публикация и примечания К. М. Азадовского и А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1999. № 35 (1). С. 250—280.

² Блок Л. Д. Классический танец: История и современность. М., 1987.

В настоящем обзоре материалов мы сосредоточим внимание на документах, относящихся к периоду увлечения жены поэта драматическим театром, хронологически и идеологически непосредственно связанному с Александром Блоком, его театральными взглядами и творческой позицией.

Любовь Дмитриевна Блок родилась 29 декабря 1881 г. Детство ее прошло в семье отца Д. И. Менделеева, создателя знаменитой Периодической системы элементов, не чуждого художественным интересам, и матери, А. И. Поповой, художницы-любительницы, ученицы И. Е. Репина. Родители с юности ввели ее в атмосферу художественных интересов, творческих исканий, страстных споров о судьбах искусства, воспитали привычку к ежедневной наполненности жизни творческим трудом.

В августе 1903 г. Любовь Дмитриевна стала женой Александра Блока, поэта, воспевшего ее и прославившего в своей первой книге «Стихи о Прекрасной Даме». Блок оказал огромное влияние на формирование личности Любви Дмитриевны. Именно он поощрял ее занятия актерской деятельностью, выступления на домашней сцене, участие в любительских спектаклях. Он рекомендовал ей посещение уроков драматического мастерства под руководством профессиональных актеров.

С 1906 г. Блок и его жена сблизилась с кругом поэтов, актеров, музыкантов и художников, объединившихся вокруг модернистского Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской, руководимого В. Э. Мейерхольдом, режиссером, блестящим экспериментатором, неутомимо ищущим новых путей в искусстве.

После разрыва Мейерхольда с Комиссаржевской Л. Д. Блок, никогда ранее не выступавшая на профессиональной сцене, вошла в гастрольную труппу Мейерхольда и весной 1908 г. приняла участие в поездке по западным и южным городам России. Наряду с выступлениями во второстепенных ролях, она ярко проявила себя в роли Клитемнестры в пьесе Г. фон Гофманстала «Электра». Это давало ей возможность продолжить свою творческую деятельность на сцене одного из петербургских театров, однако, события личной жизни — рождение и смерть ребенка — надолго отвлекли ее от сцены.

Летом 1912 г. Л. Д. Блок приняла участие в возглавляемой Мейерхольдом летней антрепризе в Териоках вблизи Петербурга, где было организовано «Товарищество артистов, художников, писателей и музыкантов». На этот раз жена поэта не только выступила как актриса, но и в значительной степени финансировала постановки, что позволило Мейерхольду, благодаря предоставленной материальной независимости, смело экспериментировать в области поиска новых сценических форм. Среди сыгранных Л. Д. Блок ролей особенно значимой оказалась роль Жанны в постановке пьесы А. Стриндберга «Винновны-невинновны», единственном спектакле Мейерхольда, высоко оцененном А. Блоком.

Начиная с гастрольной поездки 1908 г. Любовь Дмитриевна становится увлеченным учеником В. Э. Мейерхольда. В постоянных разговорах и переписке с Блоком, утверждавшим прежде всего необходимость служения театра высоким просветительским целям, она пыталась отстоять право сценического деятеля на путь исканий, на поиски новых средств выра-

зительности, на эксперименты, не всегда соответствующие требованиям к театру, предъявляемым Блоком. Как неоднократно отмечалось, в своих претензиях к Мейерхольду Блок был не всегда прав. Борьба с «мейерхольдией» для поэта часто оказывалась скрытой борьбой с самим собой, с собственными художественными исканиями и сомнениями.³ Растущая неприязнь Блока к режиссеру объяснялась и субъективными причинами: именно Мейерхольд вывел Любовь Дмитриевну на сцену, открыл ей собственный, независимый от мужа творческий путь. Таким образом, он стал косвенной причиной долгих разлук поэта с женой, постоянное присутствие которой, духовная и психологическая близость, несмотря на сложно складывающиеся семейные отношения, были необходимы Блоку.

После окончания Териокской антрепризы у ее участников, среди которых наиболее активную роль играли Л. Д. Блок и В. П. Веригина,⁴ возникла идея продолжить начатую работу, объединиться для осуществления новых планов — организовать кружок для занятий и чтения лекций. Воплощением этих планов стала созданная осенью 1913 г. экспериментальная театральная студия В. Э. Мейерхольда, выступавшего под именем «Доктор Дапертутто», которая позднее получила известность как «Студия на Бородинской».

С деятельностью этой экспериментальной мастерской Мейерхольда в первый год ее существования Любовь Дмитриевна была тесно связана. Занятия строились на основе изучения итальянской комедии масок. Любовь Дмитриевна была, очевидно, одним из главных энтузиастов Студии и играла заметную роль в ее деятельности. Первоначально она входила в ее «штаб», участвовала в заседании, на котором обсуждался устав. Она была «старостой Студии (от учащихся)».⁵ В классе Мейерхольда, где занимались сценическим движением, Любовь Дмитриевна была включена в «актерский класс» — в более опытную группу студийцев, уже имевших опыт выступлений на старой традиционной сцене.

В апреле 1914 г. под руководством Мейерхольда в зале Тенишевского училища состоялась постановка лирических драм Блока «Балаганчик» и «Незнакомка».⁶ Постановка была осуществлена силами учащихся Студии, Любовь Дмитриевна играла роль Хозяйки гостиной в «Незнакомке».

³ О взаимоотношениях Блока с Мейерхольдом см.: *Рудницкий К.* «И взрывы сил, и крайность мнений» // Театр. 1980. № 11. С. 34—57; *Родина Т.* Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972.

⁴ *Веригина Валентина Петровна* (1882—1974) — драматическая актриса, мемуаристка, подруга Л. Д. Блок. Училась в школе Московского Художественного театра, с 1902 г. на сцене. Летом 1905 г. участвовала в создании Театра-Студии при МХТ под режиссерством Мейерхольда. Осенью 1906 г. по рекомендации Мейерхольда вошла в труппу Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской ул. Весной 1908 г. — участница гастрольной поездки Товарищества новой драмы под руководством Мейерхольда и Р. А. Унгерна. Период тесных контактов с Л. Д. и А. А. Блоками описан в мемуарах актрисы: *Веригина В. П.* Воспоминания. Л., 1974; *Веригина В.* Памяти Любови Дмитриевны Менделеевой-Блок. С. 162—173.

⁵ Встречи с Мейерхольдом: Сборник воспоминаний. М., 1967. С. 125.

⁶ «Блоковский спектакль» Мейерхольда, включавший постановку «Незнакомки» Блока и новую режиссерскую редакцию «Балаганчика», был показан семь раз с 7 по 11 апреля в Петербурге в Тенишевском зале.

Незадолго до премьеры М. А. Бекетова,⁷ тетка поэта и его будущий биограф, обратилась к Любове Дмитриевне с шуточным стихотворным посланием:

29 МАРТА 1914

Лермонтовск<ий> пр. 12 кв. 4.

К Любе я зываю громко:
Что же, будет «Незнакомка»?
Все анонсы я читаю,
Ничего не понимаю.
Да в каком же помещеньи
Будут эти представленья?
Иль не будет их никак?
Очень грустно, если так.
Не блещут мои финансы,
Но надеюсь на авансы,
А поэтому дерзаю
И билеты покупаю.
В апельсинное собрание⁸
Я взяла билет заране.
Пусть пойду потом с котомкой,
Лишь бы видеть «Незнакомку».
И поэтому, мой свет,
Припаси ты мне билет.
Покалякай с Мейерхольдом,
Послужи ты мне герольдом.
Смысла, кажется, уж нет?
Ну прими же мой привет.

С почтением .

Тетя.⁹

По предложению Мейерхольда для журнала «Любовь к трем апельсинам» летом 1914 г. Любовь Дмитриевна должна была написать статью о чтении стихов на сцене. Однако на страницах журнала Доктора Дапертутто статья не появилась. Судьба этой работы ранее была неизвестна, что давало основания предполагать, что она и не была написана. Сохранившиеся в РО ИРЛИ черновики работы Любви Дмитриевны «О чтении, речи актера и стихах»¹⁰ позволяют внести коррективы в это заблуждение. Сохранившийся текст помогает определить взгляды Л. Д. Блок и А. А. Блока, безусловно причастного к ее созданию.

⁷ Бекетова Мария Андреевна (1862—1938) — сестра матери А. А. Блока, писательница и переводчица. М. А. Бекетова унаследовала от своих родителей, прежде всего от матери, талантливой переводчицы Е. Г. Бекетовой, склонность к литературной шутке, любовь к сочинению шуточных стихов, шарад, омонимов, загадок. См.: Лавров А. В. М. А. Бекетова. Вехи жизни в литературе // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 635—640.

⁸ Диспут, организованный редакцией журнала Доктора Дапертутто «Любовь к трем апельсинам» 30 марта 1914 г. в Тенишевском зале для ознакомления широкой публики с историей итальянской комедии масок.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 654.

¹⁰ Там же.

В начале своего сотрудничества в Большом драматическом театре в мае 1919 г. Блок писал: «Теперь, когда стих начинает действительно культивироваться, когда в *несколько более широких кругах (даже, например, профессорских)* начинают понимать, что он имеет самостоятельное значение, независимое от содержания, — пора обратить на него внимание и в театре. Если актеры будут правильно читать стихи, если они введут стих поэта в круг изучения своей роли, публика начнет незаметно приобретать слух, который не развит и в наше время у большинства людей, считающих себя интеллигентами».¹¹

В статье Любовь Дмитриевна предполагала высказать мнение о подходе к чтению стихов со сцены представителями нового театра, однако в основном она сосредоточила свое внимание на недостатках старой школы актерской декламации, «театра переживания», т. е. Московского Художественного театра в первую очередь. В таком театре «во главе всего здания ставят чувство, подчиняя ему не только тело, но и сознание, волю. Ясно, что это разрушает все наше представление о творчестве актера; о сознательном создании определенного образа, произведения искусства — не может быть и речи». В театре переживания «сознательная воля» актера подавляется, ее место занимает «бессознательное творчество чувства и тела, на приказания воли отвечающих неожиданными движениями, неожиданной интонацией, о которых я за секунду перед тем не знала».

По мнению Л. Д. Блок, «грамотное чтение русских стихов потеряно». Из этого вытекает манера произнесения стихов со сцены: «если мы послушаем, как читают стихи хорошие, культурные актеры, мы увидим, что к чтению стихов они применяют те же приемы выразительности, как и к прозе. Выискивают логический рисунок не считаясь со стихом, передают свои эстетические эмоции так же как и в прозе, т. е. произвольными, не из стиха вытекающими паузами, ударениями, напевностью слов». По наблюдению Л. Д. Блок, «на сцене сталкиваешься сплошь и рядом с людьми, стоящими на первой стадии грамотности, неосмысленном чтении да и то не на высшей ее степени, а даже на второй — читают только по словам». Следующая стадия: «„чтение по предложениям“ — когда тексту предоставляется самому течь как ему угодно — самое распространенное явление на русской сцене даже среди видных представителей лучших театров.<...> Человек на этой стадии грамотности бессилён предпринять что-нибудь для улучшения своего чтения — ему прежде всего надо научиться читать по своей воле — перейти в стадию осмысленного чтения». Полвека прошло с тех пор, когда «люди умели восстанавливать все остальное <...>, что составляет стихотворение; прочитав стихи и увидав такое-то чередование слов, с такими-то остановками, наши бабушки и дедушки восстанавливали и ударения, и дополнительные остановки, и певучесть гласных, и напряженность согласных, словом, помнили, что это стихи — особый склад *речи*, для выражения того, чего нельзя выразить *обыденной речью*».

¹¹ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960—1963. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 474. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте, с указанием тома и страницы. Примаходящий к изданию том «Записных книжек» Блока (М., 1965) будет обозначаться: ЗК.

Как утверждала Любовь Дмитриевна, «воля, сознание получают особую силу над бессознательным миром».

Противопоставляя «новый театр» «театру переживания», Любовь Дмитриевна перечисляет его определяющие черты. Это прежде всего «творческая воля» (в противоположность «реальному чувству» «театра переживания»), «сознание деятельности» (вместо «пассивного сознания» старого театра) и «чувство как материал», противостоящее «чувству как импульсу». В «новом театре» движущим «импульсом» служит «воля», а не «чувство», сознание актера деятельное, а не пассивное, как в прежнем театре. Цель актера «нового театра» — «создание образа», а не «переживание», как в старом театре.

Объясняя особенности стихотворной речи, Л. Д. Блок писала: «Главное отличие стихотворной речи, которое бросается прежде всего в глаза — это резкие остановки через определенное количество слогов, часто подчеркнутые более или менее сложной рифмой <...> отсюда ясно первое правило — чем сложнее рифма — тем большей подчеркнутости требует пауза после каждого стиха. <...> Второе правило — в каждом стихе должно быть по крайней мере *одно ударенное* слово; и насколько пауза после стиха *намерена и ярка* — настолько же и *ударение* в стихе *подчеркнутое*. <...> Стих делится на две части паузой (кот<орую> наз<ывают> цезурой) — и тут и начинается искусство чтеца — изобразить цезуру речью; пауза еще ничего не объясняет, все дело в равновесии обеих частей, в том равновесии, которое составляет сущность всякого произведения искусства и которое не объяснимо словами».

В набросках Любови Дмитриевны большой интерес представляет характеристика манеры чтения стихов Блоком: «Напомню Вам чтение стихов Ал. Блоком, кот<орый> всех так поражал и к которому напрасно стремились подражавшие ему. Оно было построено на однообразии высоты и скорости; все тонкости нюансировки достигались напряженностью артикуляции, изменениями тембра голоса, тончайшей игрой forte и piano, находящейся в строгом равновесии с ритмической фигурой и эмоцией каждого момента.

Потому ничего и не выходило из чтения подражавших, что они схватывали только однотонность и внешнюю размеренность, но, не умея оперировать с другими, более тонкими элементами речи, *стихотворения* прочесть не могли — получались мертвые строчки».

Мейерхольд был, вероятно, осведомлен о проделанной Любовью Дмитриевной работе. Начатую статью вскоре Л. Д. Блок переделала в речь, обращенную к ученикам Мейерхольда; из ее текста следует, что она должна была вести в Студии курс художественного чтения. Однако начавшаяся война и отъезд Л. Д. Блок сестрой милосердия на фронт не позволили осуществить эти планы.

Уход Любови Дмитриевны из Студии мог объясняться и творческими причинами — нараставшим критическим отношением к деятельности Мейерхольда, в которой постепенно все более заметным становилось стремление свести занятия сценическим движением к сухим экзерсисам, утрачивающим смысловую наполненность.

На занятиях Студии Мейерхольда в классе В. Н. Соловьева,¹² где изучались приемы сценической игры *commedia dell'arte*, Любовь Дмитриевна осваивала основы движений, обязательных для персонажей итальянской комедии масок, — традиционные мизансцены, четкие геометрические линии передвижений актеров. Для Блока многое из того, чему учили в Студии Мейерхольд и Соловьев, в первую очередь замена литературного текста сценарием для импровизации актеров, было неприемлемым.

Уязвимость позиции Мейерхольда понимала и Любовь Дмитриевна. Среди ее рукописей сохранился фрагмент письма, согласно авторской помете обращенного к Мейерхольду и относящегося к 1914 г., т. е., судя по содержанию, написанного после постановки Мейерхольдом лирических драм Блока в пасхальные дни 1914 г.¹³ Приведем полностью сохранившийся текст письма:

«Я думаю, Вы Врубеля любите; я тоже, я могу без конца любоваться тем, „как” гениально он разбивает поверхности на квадраты, „как” ложатся штрихи его карандаша и пятна красок; но ведь из всего этого „как” я только все громче слышу его „что”, и не будь этого „что”, откуда взялось бы и к чему было бы это „как”? Кого не вспомню, чьим „как” я любовалась больше — все художники великого „что”. Вы это знаете лучше меня — но из духа противоречия, из каприза — остановились на этом „как” — из которого ни вперед, ни назад, если о нем думать, особенно, самостоятельно и ему придавать значение. Это — „баловство”, как говорят мужики — знаете, когда барин вдруг вздумает дрова рубить, или в саду копать — не дело, „баловство” для барина, как для художника „баловство” это капризное сиденье на „как”. „Побаловался — и будет”. И очень уже пора. Уже Искусство начинает забывать о Вас — Вы же почувствовали это на пасхальных спектаклях — разве Вы почуяли на себе его дыхание, как всегда? Нет, на Ваше „баловство” оно не смотрит. Как ни скучно, как Вы ни избаловались — пора вернуться к Искусству, *серьезно* отнестись к своему делу; как ни вертись — Искусство в великом, а не в мелочах; скучно? лень? — ну и не вернется оно к Вам — завянете, засохнете».¹⁴

Столь же интересными документами следует признать обращенные к Л. Д. Блок письма ее близкой знакомой актрисы Ады Корвин,¹⁵ сохранившиеся в архиве и еще не введенные в научный обиход.

¹² Соловьев Владимир Николаевич (1888—1941) — режиссер, педагог и театральный критик. Театральную деятельность начал как рецензент в журналах «Студия», «Новая студия», «Аполлон», «Любовь к трем апельсинам». Один из ближайших сподвижников Мейерхольда. В Студии Мейерхольда на Бородинской с 1913 по 1917 г.

¹³ В связи с этой постановкой В. П. Веригина писала: «Спектакль в целом успеха не имел. Блок все-таки вызывали. Он вышел через силу, с опущенными глазами. Александр Александрович ушел домой мрачный и не приходил на спектакли два или три дня, но потом сердце его не выдержало, и он пришел опять. Он сел на ступеньки между рядами вместе с Юрием Бонди, и на этот раз представление ему вдруг понравилось. Поэт сказал об этом Юрию Михайловичу. После этого Блок не пропустил уже ни одного спектакля. Он даже жалел, что сделал перерыв после первого» (Веригина В. П. Воспоминания. С. 208).

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 654.

¹⁵ Там же. Корвин Ада (Адда) Адамовна (наст. фам. Юшкевич, псевд. Алексеева, умерла в 1919 г.) — драматическая актриса и танцовщица. Принимала участие в гастрольной поездке труппы Мейерхольда в 1908 г., в Териокской антрепризе 1912 г. Выступала на сцене Троицкого

После ухода Любови Дмитриевны из Студии, Ада Корвин, вероятно, осведомленная в том, как жена поэта относилась к студиям Мейерхольда и Соловьева, с доверительностью единомышленницы¹⁶ открыто сообщала ей свое мнение о том, что происходило в Студии. Осенью 1914 г. она писала: «В Студии нынче очень хорошо. Прошлогоднего дилетантства и сиденья по углам нет и в помине. Мейерхольд за лето двинулся вперед, все делаем по законам <...>, он великолепно показывает и очень увлекается. Идет интенсивная увлекательная работа. Почти все всегда на сцене. Я многое усвоила и поняла, чего в прошлом году не знала, и это дает мне возможность работать в стиле grotesque, не изменяя себе. Сейчас опять повторяется „Valse Mephisto”,¹⁷ т. е. уличные музыканты и жонглеры, причем Мейерхольд ввел много новых лиц и новых деталей. Народу меньше, гораздо меньше. Раза два, как Валя¹⁸ стала приходить, а то я чувствовала себя так совсем одинокой. Кое-кто сделал большие успехи. Петрова,¹⁹ Кулябко-Корецкая,²⁰ из мужчин Нотман²¹ делает многое прямо великолепно, он был долго единственным мужчиной. Лишь недавно появились еще три. Но они еще очень слабы, и как Валя сказала, им надо день и ночь делать гимнастику. Жаль, что Вас нет, ну да вернетесь и обрадуетесь, как стало хорошо в Студии.

Приходили к нам Волохина²² и Борман²³ в форме. <...> Бывает Грипич²⁴ в военной форме, его послали в юнкерскую школу, учиться на офицера.

театра миниатюр. Зимой 1912/1913 г. училась в школе Гармонической гимнастики Э. Жака-Далькроза в Хеллсрау в Германии, после окончания которой получила диплом на право преподавания метода Далькроза. С 1913 г. в Студии Доктора Дапертутто. В Блоковском спектакле 1914 г. была одной из слуг просцениума. См. характеристику Блока 31 октября 1911 г.: «несчастная, бесплодная Ада Корвин» (7, 79).

¹⁶ В. П. Веригина по поводу своего возвращения в Студию в конце сентября—начале октября 1914 г. писала: «В это время Ада Корвин усердно посещала Студию и рассказывала мне с большим увлечением о работе Мейерхольда. Это указывало на то, что последний действительно делал нечто интересное, так как Ада относилась к нему очень строго. Считая, что Мейерхольд много может, она совершенно не прощала ему ошибок, особенно когда они вытекали из компромисса. В такие моменты она называла его холодно „Мейерхольд”. Если она именвала его Всеволодом Эмильевичем, это был хороший признак» (Мейерхольд и другие. Документы и материалы. Мейерхольдовский сборник. М., 2000. Вып. 2. С. 395—396).

¹⁷ «Valse Mephisto» Ф. Листа служил музыкальным сопровождением к пантомиме Мейерхольда и Соловьева «Два жонглера, старуха со змеей и кровавая развязка под балдахин», не вошедшей в окончательную программу Первого спектакля Студии (см.: Мейерхольд и другие. С. 410, 415, 421).

¹⁸ В. П. Веригина.

¹⁹ Петрова М. Н. — ученица Студии Мейерхольда в 1913—1917 гг., участвовала в Блоковском спектакле 1914 г. и в Первом публичном вечере Студии.

²⁰ Кулябко-Корецкая Анна Ильинична (1890—1972) — ученица Студии Мейерхольда в 1913—1917 гг., впоследствии актриса ГОСТИМа.

²¹ Нотман Генрих Фридрихович (Энритон, 1889—?) — актер и режиссер, исполнитель ролей Поэта и Голубого в «Незнакомке» (под фамилией Горич, 1914), роли Гамлета в пантомиме «Гамлет» в первом публичном спектакле Студии. В 1915/1916 гг. участвовал в мейерхольдовской постановке «Стойкого принца» Кальдерона в Александринском театре. Впоследствии — художественный руководитель ленинградского Театра Строителей (б. Интимный театр, 1926—1927), драматической труппы Народного дома (1927—1928).

²² Волохина Т. — исполнительница роли Коломбины в мейерхольдовской постановке пьесы Блока «Балаганчик» в 1914 г.

²³ Борман — ученица Студии в 1913/1914 гг., готовилась исполнять женскую роль в третьей паре влюбленных в «Балаганчике» Блока.

²⁴ Грипич Алексей Львович (1891—1983) — актер, режиссер.

Был Брейтбарт,²⁵ он запасной. Сегодня М<ейерхольд> читал нам пьесу «Огонь», написанную Ю. Бонди,²⁶ Мейерхольдом и Влад. Соловьевым²⁷ Мне пьеса очень понравилась за исключением одного места.

С. Бонди настойчиво занимается ритмикой стиха, а Влад. Н. <Соловьев> слабо ощущается в Студии. Слава Богу за то. М<ейерхольд> необыкновенно воодушевлен и дивно занимается.

Мне неприятно, что он ко мне никак не относится, никогда не разговаривает и смотрит пустыми глазами, но зато часто зовет на сцену, а иногда и хвалит». ²⁸ Однако некоторое время спустя отзывы А. Корвин о Студии стали более прохладными. 2 января 1915 г. она писала Л. Д. Блок: «В Студии все идет не так хорошо, чтобы на нее рассчитывать и ею жить.

Во-первых, Вс<еволод> Эм<ильевич> поссорился и разошелся с Бонди,²⁹ во-вторых, он делает массу бестактностей, глупостей и ошибок, в-3-ьих, подвергается каким-то неизвестным влияниям, а главное — он замороженная щука и в этом все коренится. В октябре работа шла хорошо и горячо и ко мне Вс<еволод> Эм<ильевич> относился хорошо. Потом стал замерзать и окончательно заморозился и залгался. Для меня бывать в Студии прямо мучительно, так всегда портится мое настроение, т. к. его щучье качество действует на меня невыносимо и мертвит совсем, т<ак> что мне хочется очень уйти оттуда. Я не вижу для себя там ничего хорошего. Валя тоже жалуется и страдает, но Вс<еволод> Эм<ильевич> умеет ее в опасные минуты заговорить и она как-то стала мириться и многого не замечать. Я думаю, это оттого, что у нее кроме Студии ничего нет. Наприм<ер> для выступления Студии выбрали пьесу „Саламанкс<кая> пещера”.³⁰ Валя и все, конечно, были уверены, что она будет играть роль, но роли она не получила. Она очень страдала и пыталась даже объясниться с Вс<еволодом> Эм<ильевичем>, но он ей сказал, что ей невыгодно играть с зеленой молодежью, т. к. они своим неумением ее подведут или она подчеркнет их неуменье, ну словом, уговорил. Недовольных и обиженных все больше и больше, и создалась какая-то пренеприятная атмосфера.

²⁵ *Брейтбарт* — ученик Студии в 1913/1914 гг. В «Блоковском спектакле» 1914 г. исполнял роли Верлена и Толстого человека в «Незнакомке».

²⁶ В деятельности Студии в 1913/1914 и 1916/1917 гг. принимали участие художник *Бонди Юрий Михайлович* (1889—1926), его братья *Сергей Михайлович* (1892—1983), в будущем крупный пушкинист, *Алексей Михайлович* (1891?—1952), в дальнейшем — актер и драматург, и их сестра *Наталья Михайловна*.

²⁷ Сценарий «Огонь» в восьми картинах с апофеозом написан осенью 1914 г., был дозволен к представлению 25 ноября.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 654.

²⁹ Бонди покинули Студию из-за обострившихся в конце осени 1914 г. расхождений Мейерхольда с Юрием Бонди после того, как полноправное с ним положение в Студии занял начинающий художник А. В. Рыков. По свидетельству В. П. Веригиной, повод к расхождению мог заключаться в том, что Мейерхольд «заподозрил» Бонди в том, что тот «претендует <...>, на равное значенис с ним, Мейерхольдом, в руководстве Студией» (см.: Мейерхольд и другие. С. 397—399, 405).

³⁰ Л. Д. Блок участвовала в постановке пьесы Сервантеса «Саламанкская пещера» в Териоках 17 июня 1912 г. (ржж. В. Н. Соловьев).

Сейчас приехал Гнесин³¹ на некоторое время, может быть он примирит Бонди с Мейерхольдом. <...> Сначала предполагали сделать выступление Студии 31-го, потом перенесли на 15-ое янв<аря>, а теперь отложили на Великий пост. Сначала я мечтала об этом и радовалась, теперь же мне все надоело и наводит скуку, т<ак> что иногда не хожу в Студию, чтобы избежать скуки. Вогак³² как-то в частной беседе сказал, что будет читать курс по античной трагедии и рассказал очень интересные вещи. Я этого жду и кажется это меня пока удерживает в Студии. Нам сделали отвратительные костюмы.³³ Женские просто перекрашены в лиловый цвет, а тем из женщ<ин>, которым положено быть travesti, довольно грубые и гадкие костюмы.

Мало помалу приходят новые лица, есть между ними интересные и обещающие, но есть и нестерпимо скучные. Из основного состава почти никого нет. Нет пока Фетисовой,³⁴ нет и Клепониной.³⁵ Получили ли Вы последний номер журнала, он очень интересен, думаю, что Ал<ександр> Ал<ександрович> Вам его послал. Из тех, кого Вы в прошлом году знали, очень хорошо делает Сейферт,³⁶ я от нее в настоящем восторге, также хороши Петрова и Кулябко-Корецкая. Пантомима Гамлет³⁷ интересно разработана и производит впечатление. Вы знаете, что Вс<еволод> Эм<ильевич> против сюжета, но я заметила, что вещи с настоящим театральным сюжетом интереснее и рельефнее. Если Вы помните прошлогодний „Valse Mephisto“, то с грустью должна сказать, что Вс<еволод> Эм<ильевич> его совершенно испортил, введя массу бегающих дилетанток. Они убили всю остроту и насыщенность пантомимы и внесли что-то от милых его щучьему сердцу фребелевских³⁸ игр.

Вообще убийственная вещь, что он портит и разбавляет водицей свои пантомимы». ³⁹

³¹ Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор, музыкальный деятель. Преподавал в Студии Мейерхольда на Жуковской (1908/1909), вел занятия в Териокском товариществе летом 1912 г., руководил классом «Музыкальное чтение в драм» в Студии в 1913/1914 гг.

³² Вогак Константин Андреевич (1887—?) — историк театра, критик, в Студии Мейерхольда вел курс техники стихотворной и прозаической речи.

³³ См.: Мейерхольд и другие. С. 334—335.

³⁴ Фетисова Ксения Александровна — училась в школе Московского Художественного театра, осенью 1908 г. принимала участие в подготовке программы мейерхольдовского театра «Лукоморье», в 1908/1909 гг. — ученица Студии Мейерхольда на Жуковской, в 1913/1914 гг. — в Студии на Бородинской. Исполнительница второстепенных ролей в «Блоковском спектакле» 1914 г.

³⁵ Клепнина Вера Николаевна — училась в школе Художественного театра, в Студии Мейерхольда на Жуковской и в Студии на Бородинской. Одна из исполнительниц роли Незнакомки в «Блоковском спектакле» 1914 г.

³⁶ Сейферт А. К. — ученица Студии Мейерхольда, участвовала в «Блоковском спектакле» 1914 г.

³⁷ На вечере в форме пантомим были показаны две сцены из «Гамлета»: «Мышеловка» и «Офелия» (сцена сумасшествия Офелии).

³⁸ Фребель Фридрих-Вильгельм-Август (1782—1852) — немецкий педагог, создатель системы воспитания детей в раннем возрасте, в котором большое значение придавалось детским играм.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 654.

После первого публичного спектакля Студии, состоявшегося 12 февраля 1915 года,⁴⁰ Ада Корвин писала: «Конечно Вас интересует Студия и спектакль Студии.

Генеральная была очень удачная. Были разные родственники, дети и раненые, публика, в общем, благожелательная и непосредственная. Это передалось к нам на сцену и все играли непринужденно и радостно. Настроение росло в зале и на сцене и было впечатление блестящего, праздничного спектакля (несмотря на то, что это происходило от 4—< до> 8). После репетиции в Биржевой и еще где-то⁴¹ появились благожелательные отзывы. На спектакль продали все билеты, но сидели лица холодно-любопытные, настроенные на довольно скептический лад, которым неловко смеяться на все наивные глупости и веселую ерунду, которыми переполнен вечер и это передалось за сцену и все пошло по заученному образцу, без налета легкости и шаловливости, как на генеральной. Успех был хороший. В прессе писали всякое, и „академия мертвого искусства”,⁴² и „лаборатория алхимика”⁴³ и т. д., а Л. Гуревич воспользовалась случаем показать свое образование⁴⁴ и т. д., словом, как всегда, но в общем хоть вкривь и похвалили. Мне лично выступление Студии не принесло никакой радости. „Valse Mephisto” выкинули, т. к. он разладился из-за этой многобегающей ватаги. Все делали все не так, мне это было тяжело, т. к. я эту вещь любила и так у меня была хоть обрезанная до крайности, но все же интересная центральная роль, в двух др<угих> вещах, где я участвовала роли мои были мне неинтересны. В „Уличных фокусниках”⁴⁵ я изображала „фигуру со змеей”,

⁴⁰ Генеральная репетиция состоялась 9 февраля. Вечер был повторен 2 и 29 марта. В его программу входила постановка интермедии Сервантеса «Саламанкская пещера» (реж. В. Н. Соловьев), этюды и пантомимы («Уличные фокусники», «История о паже...», «Две Смеральдины» (роль одной из Смеральдин исполняла А. Корвин, выступавшая под фамилией Алексева), «Трагедия о Гамлете, принце Датском», «Арлескин, продавец палочных ударов» и др.). См.: Мейерхольд и другие. С. 408—444; Мейерхольд в русской театральной критике. 1892—1918. М., 1997. С. 293—307, 487.

⁴¹ Обзор отзывов на спектакль был напечатан в журнале Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» (1915. № 1—2—3).

⁴² *Онегин*. Академия мертвого искусства // Биржевые ведомости. 1915. 13 февраля (веч. вып.).

⁴³ См.: *Ш-ч А.* (А. Е. Шайквич?). Театральные алхимики (Студия Мейерхольда) // День. 1915. 15 февраля.

⁴⁴ См.: *Гуревич Л.* 1-й вечер Студии Мейерхольда // Речь. 1915. 15 февраля.

⁴⁵ В. П. Веригина вспоминала занятия в Студии: «Некоторые вещи были сделаны Мейерхольдом блестяще. Например, этюд „Уличные фокусники”, которым он вначале увлекался. Главной фигурой тут была уличная танцовщица — Ада Корвин. Начиналось представление на эстраде. На возвышении влетала танцовщица, именуемая „фигурой со змеей”, и плясала. Вокруг нее располагалась группа: дама, кавалер, дрессировщики ящериц и еще кто-то. Труппа почти тотчас же вступала в действие. Двое дрессировщиков, как бы упустив ящериц, ловили их, распластавшись на полу, и продвигались за ними вперед. Другие комедианты, держа за руки танцовщицу, перелетали с эстрады вниз на просцениум (пространство, оставленное свободным от зрителей). Таким образом, начавшееся наверху действие опускалось вниз, продвигалось вперед с танцем и хлопаньем ладоней по полу и затем снова взлетало кверху: „фигуру со змеей” поднимали на плечи. Беспорядочно действуя, группа скрывалась за дверями зала — как сноп искр, возникший, проблескший и растаявший» (*Веригина В. П.* Воспоминания. С. 211. Ср. то же описание из рукописной редакции воспоминаний Веригиной в сб.: Мейерхольд и другие. С. 422). Другая ученица Мейерхольда А. В. Смирнова писала о выступлении в этой пантомиме Ады Корвин («несплохой профессиональной танцовщицы»): «Под звук бубна

что для меня легко и неинтересно, никакой игры, никаких эмоций, стоять в позе и все тут. В „Двух Смеральдинах”⁴⁶ у меня роль, параллельная с Валей, это тоже связывает, ничего нельзя сделать, если придет в голову, да и вообще Смеральдина не мое *emploi*. После спектакля я как-то была у Мейерхольда и говорила с ним относительно себя в Студии. Не считает ли он меня неспособной к этому и т. д. Он был довольно холоден, сказал, что я сделала шаг вперед в сравнении с прошлым годом, но что я еще не проявила себя, что я должна проявить свою индивидуальность. Мне это было несколько странно, что Всеволод Эмильевич не знает еще моей артистической индивидуальности.⁴⁷ Мне кажется, т. е. я ощущаю, что между мной и им растут огромные ледяные глыбы и рано или поздно я уйду. Все же Студия принесла мне пользу. Я ее люблю и верю, что из нее выйдет совершенно своеобразный фантастический, легкий, блестящий театр. Может быть все в конце концов пойдет и несколько иным путем, чем это сейчас кажется Мейерхольду, но выйдет что-то обаятельное. В том, что Всеволод Эмильевич говорит чепухи, конечно, много и противоречий и всего, но тут ничего не поделаешь. Например на спектакле было смешение всего, и психологический театр и натуралистический театр и отблески кинематографа и цирка, и *commedia dell'arte*, и Фокинское балета. Словом, лабиринт, в котором легко заблудиться, и я поняла, что не в этом суть, путь Студии идет через все это и мимо этого, он стихийный и подчиняет себе и Мейерхольда. И никто не ходит походкой,⁴⁸ которой учит Владимир Николоевич Соловьев и о его схемах не думает, а когда думает, то получается что-то довольно мертвенное, как геометричес-

она танцевала со змеей — пластично, гибко, отклоняя корпус назад и почти касаясь головой земли, а искусственная змея так и вилась вокруг ее туловища, рук, ног, причем руки были так гибки, что сам казались змеями» (Мейерхольд и другие. С. 422—423).

⁴⁶ Сценарий пантомимы «Две Смеральдины» был сочинен В. П. Веригиной. См. Мейерхольд и другие. С. 377. Об исполнении этой пантомимы Веригиной и Корвин см.: Литературное наследство. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. М., 1978. С. 354.

⁴⁷ Вероятно, неприятие Мейерхольдом пластики А. Корвин, в которой он находил излишнюю «слащавость» (Мейерхольд и другие. С. 421—422) объяснялось не только его неприязнью к «босоножкам», но, прежде всего, ревнивым отношением Мастера, видевшего в своем ученике влияние других учителей, в частности, Далькроза.

⁴⁸ По утверждению В. Н. Соловьева, «основным движением, обязательным для всех персонажей итальянской комедии» был *rodus bessagisus*. «Походка состояла в том, что идущая нога, сильно вытянув носок, прямая, выносилась вперед и ставилась накрест другой ноге впереди нее на возможно высокие пальцы, на языке балетном — полупальцы <...>. Кисти рук скрещены, ладонь одной лежит на тыльной поверхности другой, пальцы прямые, но не напряженные, локти манерно расставлены и приподняты, при каждом шаге руки прижимаются ладонями к сердцу, которое оказывается то справа, то слева, так как руки находят его на стороне той ноги, которая делает свой жеманный шаг вперед. Корпус и голова слегка наклоняются тоже в сторону шагающей ноги. Движение должно быть легким, изящным, но крайне жеманным, одинаковым у мужчин и женщин. Шло оно танцевально и, конечно, под музыку <...>» (Мейерхольд и другие. С. 366). Разработанное Соловьевым движение, по свидетельству В. П. Веригиной, отдаленно напоминало полонез (три шага вперед, один назад). В своих студиях Соловьев, очевидно, опирался на иконографические материалы, фиксирующие движения персонажей комедии масок. Возможно, именно это послужило в дальнейшем основой для выработки Л. Д. Блок особого, «иконаграфического» подхода к изучению истории классического балета.

кая> теорема. Я думаю, что вся беда в том, что ученые книжки, которые проглотил Соловьев, по-ученому испортили и засушили то, что было у старинных итальянцев. Мы ведь знаем, что немецкие книжки, несмотря на свою ученость, всегда наносят вред искусству, их надо как-то расшифровывать. Я напр<имер> чувствую, что близка к разрыву сердца, когда теперь снова Соловьев говорит о сцене ночи,⁴⁹ о стариках, любовниках, дочерях, Смеральдине и т. д., я невольно думаю, что у Соловьева делается рак на языке от всего этого. Мейерх<ольд> иногда вспоминает всех отсутствующих и говорит о них, как о людях, которые хотят, чтобы из Студии вышел театр и т. д.

Как-то даже говорил, что Вас надо выписать.

Думаете ли Вы действительно вернуться вскоре? Как живет К. К. Кузьмин?⁵⁰

После спектакля поступило много новых, все дамы. У нас теперь 7 мужчин и 40 или 45 дам, есть способные, всякие есть.

Даже такой средний господин, как Петровский,⁵¹ восхищался Студией и послал своих учеников и учениц смотреть нас.

<...> 2-го марта будут повторять спектакль Студии. Как-то в Студии Вс<еволод> Эм<ильевич> что-то намекал о каких-то летних планах, а у Вали говорил подробнее о какой-то летней труппе и говорил, что Вы нужны». ⁵²

Первый публичный спектакль Студии, как известно, вызвал резко отрицательный отзыв Блока. Несколько дней спустя, 19 февраля он писал Любови Дмитриевне: «...мне, как всегда, страшно не понравилось *почти* все. <...> Узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра, нет центрального огня, который и есть *любовь* и *воля*, — мне и тяжело и скучно от никчемного „легкого веселья“, и я не могу простить подробностей, которые простил бы, мож<ет> быть, если бы меня хоть немно-

⁴⁹ В классе В. Н. Соловьёва большое внимание уделялось восстановлению утраченных приемов сценической игры актеров итальянской комедии масок. В опубликованной программе этого курса, в частности, значилось: «Определение геометрического рисунка в сочетании масок. Усвоение и рождение традиционных *mise en scène* по сохранившимся сценариям.

Восстановление сцен: „ночи“, „города“, „поединка“, „гарема“ как начало самостоятельной работы в области расшифровки основных схем» (Любовь к трем апельсинам. 1914. № 1). См. также статью В. Н. Соловьёва «Опыт разверстки „сцены ночи“ в традициях итальянской импровизированной комедии» (Там же. 1915. № 1—2—3. С. 57—76).

⁵⁰ Госпиталь, в котором в 1914/1915 гг. служила Л. Д. Блок, находился недалеко от расположения полка Кузьмина-Караваева. *Кузьмин-Караваев Константин Константинович* (псевдоним — К. Тверской, 1890—1944?) — актер, режиссер, драматург и театральный критик. Окончил Петербургский университет, в 1912 г. принял участие в постановках Териокского товарищества артистов, художников, писателей и музыкантов под руководством Мейерхольда, участвовал в деятельности Студии Мейерхольда на Бородинской. Режиссерскую деятельность начал в Театре коммуны Коломенского района (Луна-Парк), одним из организаторов которого была Л. Д. Блок. В 1919—1921 гг. сотрудничал в БДТ. Позднее работал в различных театрах Ленинграда. С 1919 г. — в Большом драматическом театре, с 1927 г. — режиссер, в 1929—1935 гг. — главный режиссер этого театра. Был репрессирован.

⁵¹ В школе А. П. Петровского А. А. Корвин преподавала осенью 1914 г.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 654.

го „обожгли” тем огнем, в котором все и без которого ничто не мило. Молодые и пожилые люди претенциозно кривляются <...>. Изобретательности настоящей нет, воображение бедное и больное. Жакомино⁵³ — гений рядом с ними. Один его жест стоит всей студии. Неталантливые люди и некрасивая фантазия. О, если бы люди умели сузиться, поняли, что честное актерское ремесло есть большой чин, а претензии на пересаживание каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный север, *РУССКИЙ* — есть только *бесчинство*. Все это больно, потому что Мейерхольд — славный, и несчастный калека Соловьев — тоже».⁵⁴

Письма Ады Корвин Любовь Дмитриевна получала в Галиции, во Львове, где размещался госпиталь, в котором она провела 9 месяцев. Служба в госпитале оказалась чрезвычайно важным моментом в процессе осознания себя и окружающей жизни.

Под воздействием пережитого, столкнувшись с реальной жизнью простых людей, по возвращении в Петербург она начала свою деятельность в народном театре.⁵⁵ Однако вскоре становится ясно, что эта деятельность очень далека от «настоящего дела», о котором мечтает Блок и к которому стремится его жена.

С осени 1915 г. Любовь Дмитриевна выступала в больших профессиональных труппах.

Осенью 1915 г. Л. Б. Яворская,⁵⁶ решив возродить свой Новый театр, набирала труппу в Петербурге. В поисках протекции жена Блока обратилась к И. Е. Репину. В ответном письме он писал ей: «Разумеется, я с большой радостью исполняю Ваше желание. Прилагаю письмо к Л. Б. Яворской и очень желаю, чтобы оно было Вам полезно; но, увы, я не смею надеяться, что моему слову о Вас будет придано значение: я только голос из публики. Утешаюсь, что Вы и без моего отзыва завоюете всю симпатию и надлежащую оценку Лидии Борисовны; она как сверх-актриса не может отнестись равнодушно к Вам и уцепится за Вас».⁵⁷

24 июня 1915 г. Блок отметил в записной книжке: «Люба получила летное письмо от Репина» (ЗК, 266).⁵⁸

⁵³ Жакомино (наст. имя Джакомо Чирени; 1884—1956) — итальянский цирковой артист, с 1905 по 1916 г. выступал в петербургском цирке Чинизелли, в Студии Мейерхольда дал несколько занятий по технике циркового жеста.

⁵⁴ Литературное наследство. Т. 89: Александр Блок. Письма к жене. С. 353—354. По поводу отклика Блока на спектакль Студии 3 марта 1915 г. Любовь Дмитриевна писала: «Издали я очень верю и очень хочу увидеть воочию, что делалось эту зиму» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, сд. хр. 166, л. 31—33).

⁵⁵ Летом 1915 г. Л. Д. Блок участвовала в общедоступных спектаклях в театре Путиловского завода, летом 1916 г. — в спектаклях для солдат Измайловского полка в Красном селе.

⁵⁶ Яворская Лидия Борисовна (урожд. Гюббенст, по мужу — Барятинская; 1871—1921) — драматическая актриса и антрепренерша. Получила известность как исполнительница ролей романтического репертуара. В 1901—1906 гг. — руководительница Нового театра, где шли социальные пьесы Горького, Чехова, Толстого и Ибсена. В 1907—1915 гг. гастролировала по России, выступала в Париже и Лондоне. В 1918 г. эмигрировала в Лондон.

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 654.

⁵⁸ 25 июня 1915 г. Блок сообщал матери: «Люба хочет попасть к Яворской, Нат<алья> Ив<ановна Манасина>, с которой она говорила по телефону, обещала ей всячески содействовать, а, кроме того, Репин прислал ей очень милое письмо (в ответ на се) и следующее письмо к Яворской (прилагаю)!» (Блок А. Письма к родным. М., 1932. Т. 2. С. 74).

После театра Яворской Любовь Дмитриевна служила в оренбургском театре у известной антрепренерши З. Малиновской,⁵⁹ в псковском театре Т. и Н. Беляевых.⁶⁰ Однако эта служба в театрах, не ставящих перед собой высоких целей, а заботящихся прежде всего о кассовом репертуаре, не приносила удовлетворения.

После 1917 г. Любовь Дмитриевна со всей свойственной ей кипучей энергией включилась в работу по созданию нового театра для народа, который должен был воплотить в жизнь те высокие задачи, которые ставил перед ним А. Блок в своих дореволюционных и послереволюционных манифестах. К участию в этих театрах был привлечен Мейерхольд, однако, по ряду обстоятельств, его сотрудничество в этих начинаниях было кратковременным. Постепенно Л. Д. Блок испытывала все большее разочарование от своей деятельности: новый зритель в театр не шел, классический репертуар со временем заменялся более доступным, не обладающим высокими достоинствами.

С 1 октября 1920 г. Любовь Дмитриевна поступила на службу в Театр народной комедии,⁶¹ возглавляемый С. Радловым, учеником Мейерхольда, хорошо знакомым ей по летним спектаклям в окрестностях Петербурга, по Студии Мейерхольда и по сотрудничеству в театрах для народа после 1917 г. Ко времени прихода в Народный Дом Сергей Радлов был признан самым «левым» петроградским режиссером⁶² (Мейерхольд, арестованный денкинцами, в 1919—1920 гг. находился в Новороссийске). В своем театре, используя приемы итальянской комедии масок, с которыми он ознакомился в Студии Мейерхольда, Радлов широко применял традиционную технику народных театров, привлек в свой театр цирковых артистов, акробатов и клоунов, представивших в драматическом спектакле утраченное умение владеть своим телом, ввел актерскую импровизацию. Любовь Дмитриевна была увлечена новым театром и отдавала ему все свободное время. Она была занята в нескольких спектаклях театра: в «Виндзорских проказницах» Шекспира (мистрис Форд),⁶³ в «Проделках Смеральдины» (Смеральдина),⁶⁴ участвовала в подготовке «Господина де Пурсоньяка»⁶⁵ Мольера и в готовящейся постановке комедии Плавта «Близнецы».⁶⁶

⁵⁹ Малиновская Зинаида Александровна (1857—?) — драматическая актриса и антрепренер. В 1887 г. — актриса московского театра Корша, с 1894 — антрепренер. Держала антрепризу во многих провинциальных городах — Ярославле, Воронеже, Рязани, Нижнем Новгороде, Вильно, Оренбурге (1914—1916 гг.), Баку и др. В возглавляемых ею труппах служили крупные актеры: Н. И. Соболевский-Самарин, П. Н. Орленев, Н. Н. Ходотов и пр., гастролировала В. Ф. Комиссаржевская.

⁶⁰ Т. и Н. Беляевы летом 1917 г. получили антрепризу в летнем театре городского сада в Пскове. См.: Галанина Ю. Е. Письма к Блоку из Пскова (в печати).

⁶¹ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 91, л. 4 об.—5.

⁶² Золотницкий Д. Сергей Радлов: Режиссура судьбы. СПб., 1999. С. 14.

⁶³ Отзыв об игре Л. Д. Блок см. в рецензии В. Шкловского: Жизнь искусства. 1920. 12 ноября. № 607. С. 1. См. также: Гурьев Г. Настоящий Шекспир // Известия Петроградского Совета. 1920. 15 ноября. № 256. С. 2.

⁶⁴ Мовишензон А. «Проделки Смеральдины» // Жизнь искусства. 1920. 28—29—30 декабря. № 643—645. С. 1.

⁶⁵ В середине марта 1921 г. сообщалось, что Л. Д. Блок готовит роль Нирины в комедии «Господин де Пурсоньяк» (Жизнь искусства. 1921. № 691—692—693. 12—13—15 марта. С. 2).

⁶⁶ Жизнь искусства. 1921. № 736—737—738. 21—22—24 мая. С. 1.

В те годы критика постоянно сравнивала театр Народной комедии с другим петроградским театром — Большим Драматическим театром,⁶⁷ в котором с февраля 1919 г. служил Блок. Под его руководством был создан «театр высокой драмы: высокой трагедии и высокой комедии». Этот театр решительно пошел по пути ломки развлекательно-бессодержательного репертуара, который все более утверждался в театре Радлова. Для Блока был неприемлем отказ Радлова от литературного текста, его замена свободными актерскими импровизациями «на темы» того или иного драматического произведения.⁶⁸ В своей театральной программе поэт отвергал путь сценических исканий, экспериментов, который был определяющим у Радлова.

Для Блока, ищущего музыкальный ритм во всем, постановочные средства спектаклей для народа должны были соответствовать классическим образцам реалистического театра. Эти приемы не вполне удовлетворяли Любовь Дмитриевну, ее влекли эксперименты на театральной сцене. Сотрудничество в театре Радлова продолжилось до весны 1921 г., когда болезнь мужа заставила Любовь Дмитриевну отойти от театра.

Кончину А. Блока 7 августа 1921 года Любовь Дмитриевна перенесла крайне тяжело. Она пережила глубокий кризис, заставивший переоценить собственные творческие взгляды. Она все более убеждалась в правильности непримиримой и бескомпромиссной художественной позиции Блока, настаивавшего на необходимости высокого искусства (классической драматургии, соблюдении художественных канонов в постановках).

После смерти Блока на сцену Театра народной комедии Любовь Дмитриевна практически не выходила. Однако когда театр был закрыт, в 1922 г. ее сотрудничество с Радловым продолжилось в его Студии, открытой для воспитания новых актеров.

Однако именно в Студии обострилась противоположность творческих установок режиссера и Л. Д. Блок. Новая программа Радлова, по которой велось преподавание в Студии, была раскрыта в его статье «О чистой стихии актерского мастерства» (1923).⁶⁹

Считая главным лицом в театре актера, Радлов сосредоточивал внимание на воспитании актерской техники, которая рассматривалась изолированно от какой-либо смысловой наполненности. Содержание пьесы, психологические мотивировки поведения, даже жизнеподобие движений как бы теряли всякое значение. Внимание Радлова было сосредоточено на некой сверхвыразительности человеческого тела. Добиваясь скульптурной выразительности актера, «чистого движения», он требовал смещения естественных анатомических осей позвоночника, что вело к полному отходу от свойственной человеку пластики движений, напомидало вычурный дека-

⁶⁷ Шкловский В. Шекспир на подмостках Железного зала // Жизнь искусства. 1920. 19—21 ноября. № 610—612. С. 1.

⁶⁸ В октябре 1920 г. в докладе «Производственная программа Театра народной комедии» Радлов утверждал, что драматургия Ибсена, Чехова, Шиллсера, Гюго «чужда неискущенному уху народного зрителя <...>. Преобладание зрительного начала естественно отводит слову роль пояснителя действия и посредника между актером и зрителями» (Советский театр. Документы и материалы. 1917—1921. Л., 1967. С. 398).

⁶⁹ Арена: Театральный альманах. Пб., 1924. С. 93—102.

дентский излом фигур. Подобного рода упражнения проводились и в области «чистого звука», «чистой эмоции».

Эти эскизы у Радлова напоминали занятия в мейерхольдовской Студии на Бородинской. Однако у Радлова предельная отвлеченность упражнений доводила до крайности идеи Мейерхольда, искажая их, превращая в мертвую схему (имеются сведения о том, что Мейерхольд, увидевший работы Радлова, «набросился на Радлова, обвиняя его в плагиате, кричал, <...> что все, что он видел, бездарно, а мысли украдены у него»).⁷⁰

Именно эти формалистические приемы Радлова породили неприятие со стороны Любви Дмитриевны.

В архиве Л. Д. Блок в ИРЛИ сохранился комплекс материалов, связанных с ее сотрудничеством с Радловым. Это, прежде всего, два неизвестных письма жены Блока к Радлову, в которых наиболее ярко раскрывается противоположность их взглядов.

Через год после смерти Блока Любовь Дмитриевна писала Радлову, что режиссер отходит от задач высокого искусства, от стремления воспитать «человека вселенной», от высокой литературы, его задачи более просты, приземлены и доступны — используя приемы народного театра, создать доступное «провинциальное» искусство: «Сколько говорил Ал<ександр> Ал<ександрович> о „провинциальности“ всех наших специфических „театральных“ точек зрения (нашего кружка, вышедшего из Мейерхольда)! Конечно, свое захолустье, своя Кинешма в стране искусства <...>. И как тесно, и как скучно, и какая глушь! И подумаешь, что в нашей воле зафрахтовать (если у нас есть голова и сердце — единственное условие) корабль с драгоценным грузом (литературное произведение), и с ним отдаться и волнам, и ветру, и далям в Океане искусства, — и предпочитать мелочную торговлю в Кинешме — строго „театральные“ измышления — все равно кого!

<...> Познакомились мы с Вами в глухой „провинции“; но я никогда не забывала, что родина моя не там. Ваша — тоже нет, конечно, мы „земляки“. Как же я поверила в Вас: как „провинциалка“ или в „земляка“? <...> Мне необходимо видеть, что Вы сделаете из своего нового театра».

В другом, недатированном письме Любовь Дмитриевна писала:

«Дорогой Сергей Эрнестович,

Опять осаждаю Вас соображениями. Уверены Вы, что хотите „левого“ искусства? Тогда идите до конца, ищите *не эмоционального* в театре, как ищут наиболее смелые в живописи. <...> Продолжаю считать Ваши „формулы“ великолепными, открывающими богатые возможности. М<ожет> б<ыть>, пойму и Ваши воплощения, если прямо скажете, что идете к „Новому“, разрывая с традиционным театром так же решительно, как порвали живописцы со старой живописью. <...>

Как раз последние дни у нас дома были разговоры о „левом“ (честном) искусстве. Мне ясны его устремления, я даже реально себе представляю состояние духа, желающего искусства вне эмоции (не для себя, конечно; каждой каплей крови я связана со старым и Великим искусством).

⁷⁰ Ходасевич В. Портреты словами: Очерки. М., 1987. С 140.

От Вас жду определенного ответа: тут Вы или там? Серединки на половинке для Вас не допускаю, веря в значительность Вашего таланта.

Из наших разговоров я могу вынести надежду, что Вы не в силах поврать со „старым” театром, имеющим целью „содержательность” (ценную) спектакля — от трагедии Вы не откажетесь. Мне кажется, я нашла, что Вам нужно делать, в таком случае, с Вашим стремлением очистить движение. Вам следует строго разграничить две области: игра актера и тренировка тела в известном направлении, т. е. Вам надо создать свою систему гимнастики, свой „Экзерсис”, которым Вы приучали бы учеников желательным для Вас образом. Сценки такого типа, как они разыгрываются у Вас сейчас, очень губельны для актера, я Вам уже говорила это мое мнение: они обладают всеми средствами покойного декадентства — кто-то, где-то, когда-то делает что-то „страшное” (непременно „страшное”) без всякого труда. Если же брать настоящий сценический матерьял: известно кто (образ), где и когда (couleur local) производит сценические действия (игра) — то освещать, пронизывать все это подлинное точными формулами — это уже будет совсем другого порядка работа; во сколько раз более трудная (искусство трудно!), но и убедительная, достоверная. Но эта работа — уже отдаленная ступень. Я предлагаю Вам серьезные, большие масштабы — ну, курс года на три, на четыре. Вырабатывать знающих хотя бы ремесленников, не говоря о художниках, нельзя так же быстро, как блины печь. С одной стороны — строго и сознательно заниматься чистой культурой тела (1) общая подготовка, 2) тренировка по Вашей системе). С другой — воспитывать душу и творчество актера. И в результате уже искать ваши формы в движениях *живого актера*, а не „человекоподобного”. Уверяю Вас, в актере они найдутся совсем не похожими на то, что делается в Студии. Я уже вижу их и вижу прекрасными, *п<отому> ч<то>* они будут полны значения, полны того „верую”, что искал вездe Ал<ександр> Ал<ександрович>, противопоставляя ему „фальшиво” (очень широкое понятие в его языке). Они не будут напаялены поверх актера, они будут „выстилизываться” из человека, как умела делать это готика с людьми, животными и растениями. Все — неукоснительно реально, а линий всего две-три.

Конечно, Студия принесла Вам уже громадную пользу — ученики своими работами разъяснили Вам Вашу систему довольно подробно. Почти наверно, среди них найдутся желающие работать так же отвлеченно-теоретически и дальше, из тех, из кого не выйдет актеров.

Эта своя, интимная лаборатория не должна совпадать со Студией и ее работы не должны происходить в присутствии учеников — „малых сих”, которых не должно „соблазнять”. Если „воспитание” актера Вас не привлекает — вы должны честно *не* принимать начинающих, должны ограничиться лабораторией, где будут такие, кому или нечего терять, или которые пожертвуют собой. <...>

Из хаоса виденного я все больше выделяю *Вашу* работу и на все, что мне очищается, я говорю „да” с большим увлечением. Актер и режиссер извлекают удивительное из идеи третьего измерения, из понимания одних движений, как построенных на принципе „углов”, других „круглых”; „очистить” движения давно пора, и вы на верном и прекрасном пути. Я пони-

маю теперь, Вы видите свою правду, свое, в том, что делается в Студии, несовершенства относите к началу дела, что „не успели” еще доработать. Вот тут мои опасения: доработают ли. Идя только так, не возникнет ли необходимость рано или поздно подвести твердый фундамент, и не будет ли *поздно*? Вы говорите: „как”, а не „что”. Но Вы не показываете, „как” ученики должны сделать, „что” вы от них ждете, Вы не ищите эту „очищенную” технику, Вы только указываете цель. Они-же неопытны, не знают простейшего <...>. Каждый по-своему. У всех один общий недостаток всех учеников всего мира: нет экономии ни своих средств, ни внимания зрителя; тормозятся. Нагромождают двадцать жестов, там, где, в сущности, нашли один, боятся простоты, думают, усложняя, сделать выразительней, и — мельчат.

<...> Вероятно, мы безнадежно разойдемся на вопросе об импровизации, и это теоретическое разногласие не позволит нам работать вместе. Я Вам прямо скажу, после посещения Студии я чувствую какой-то *долг* помочь Вам воплотить найденное Вами...».⁷¹

Возможно, именно после этого письма Любовь Дмитриевна начала сотрудничать в Студии Радлова.

19 сентября 1922 г. газета «Жизнь искусства» сообщала: «Л. Д. Басаргина-Блок взяла на себя преподавание ряда предметов в Студии С. Э. Радлова, с которым она сотрудничала в течение сезона 1920—21 в театре Народной Комедии. В ближайшее время Басаргина-Блок начинает работу с вновь принимаемой в Студию младшей группой учащихся».⁷²

Любовь Дмитриевна вошла в Студию Радлова на правах опытного педагога. Она продолжала резко возражать против того, чтобы строить искусство на сухой и отвлеченной схеме. Она называла экзерсисы Радлова «чудовищно безобразными явлениями», так как считала, что каждое движение актера, каждый звук его голоса должны быть осмысленны. Это была достаточно независимая позиция, противоречащая критикам, называвшим Радлова «передовым <...> современным режиссером»,⁷³ видевшим в его работах «технику будущего театра».⁷⁴

Летом 1923 г. ученики Радлова представили на суд зрителей свою новую работу — инсценировку романа Э. Синклера «100%». Критика встретила эту постановку доброжелательно, отметив простоту и «убедительность» спектакля, «превосходное» владение актеров «пластикой, звуком и жестом».⁷⁵ Однако реакция Любви Дмитриевны была резко противоположной. В своем обращении к актерам она писала: «Когда я была начинающей актрисой и проваливала роль, старшие товарищи, видя мое отчаянье, говорили мне, что провалы подвигают нас больше на пути совершенствования, чем успехи. Это так. Узнать свои недостатки, узнать ошибки своих приемов или ложно поставленных себе целей — этап важнейший и ре-

⁷¹ РО ИРЛИ, ф. 654.

⁷² Жизнь искусства. 1922. 19 сентября. № 37. С. 8.

⁷³ Беленсон А. О театральных вещах // Жизнь искусства. 1923. № 4. 30 января. С. 10.

⁷⁴ Сторицын П. О Сергее Радлове (Спектакль в Российском институте истории искусств) // Последние новости. 1923. № 2. 15 января. С. 3.

⁷⁵ П<латач> Д. Капитал. Вечер «Красной газет» // Красная газета. Веч. вып. 1923. № 154. 2 июля. С. 3.

шающий в жизни художника. Потому на всякий провал надо смотреть прямо и широко открытыми глазами, — струсить, замазать — и потеряешь все, чему он может научить, вся предыдущая работа пропала даром.

Я предлагаю и Вам, дорогие товарищи, не дайте пропасть уроку этого спектакля; ведь сделать вид, что все хорошо и мило — ничего не стоит — это много много легче и приятней — это выход и способ отношения или людей равнодушных, или трусов, как страус прячущих голову под крыло от всякой „неприятности“.

Спектакль не дошел совершенно; я сидела в публике (изумительной, умильной, такой, какой только можно желать — молодой, наивной, народной), сидела и меня грызла совесть — камень вместо хлеба. Разберемся, в чем дело.

Я слышала, как в октябре С<ергей> Э<рнестович> Радлов читал лекции младшей группе. Все, что он говорил как профессор, исчерпывает то, что нужно сказать о требованиях и задачах настоящего театрального зрелища, такого, которое можно показать любому зрителю: и снобу, и поэту, и народной аудитории. Пусть будет показан Человек с его вечными страстями, с его вечной незащищенностью перед велениями Рока, перед любовью и смертью, человек во весь рост его психо-физической сущности. Да человек — тема и материал театра, этим сказано и все, и ничего, п<отому> ч<то> это говорят и хотят все, это говорит и С<ергей> Э<рнестович> и Арбатов⁷⁶ — и из этой исходной точки они отправляются по совершенно разным путям. Все дело в пути, каким идти, чтобы привести на сцену Человека во весь его рост. Каков путь Студии?

1) Прежде всего: „смерть автору“. Этот принцип был вполне проведен в данном спектакле. В одну или две ночи Раугул⁷⁷ сварганил из романа „что-то вроде чего-то“, не заботясь ни о каких литературных ни нормах, ни целях — на этой беззаботности в отношении к произведениям словесности ученики Студии строго воспитываются, такое отношение принято и к Шекспиру, и к Шиллеру, а что уж Синклер! Ну — кажется плоды этого параграфа наших дерзновений более чем очевидны — все единогласно констатируют полную элементарно смысловую непонятность всего происходящего.

Это первое, что убивало спектакль.

Второе, что могло бы спасти, но еще более топило — игра. Игра — чисто Студийная, формальная. Равнодушно пропетые „а-а-а!“ в минуты страдания, спокойные и глупые кисти лопаточками (Головинская⁷⁸ перед само-

⁷⁶ *Арбатов Николай Николаевич* (наст. фам. Архипов; 1869—1926) — режиссер, был тесно связан с К. С. Станиславским в период основания Художественного театра, служил в Театре В. Ф. Комиссаржевской (1904—1906), в 1908—1915 гг. — режиссер Суворинского театра, после революции был главным режиссером Народного дома в Петрограде, из которого был вынужден уйти Радлов, в 1921—1922 гг. главный режиссер бывшего Александринского театра.

⁷⁷ *Раугул Рудольф Давидович* (1900—1942) — ученик студии Радлова, автор инсценировки романа Синклера, ранее — ученик Мейерхольда из первого приема Курсов мастерства сценических постановок (1919), художник по гриму. В 1924 г. — режиссер в труппе Радлова в Народном доме, позднее преподавал в Ленинградском театральном институте.

⁷⁸ *Головинская Елизавета Дмитриевна* (1890—1958) — драматическая актриса и театральный педагог, окончила школу А. Адашева, 9 лет служила в Передвижном театре П. Гайдебурова, в труппе Театра народной комедии с апреля 1921 г., ближайшая помощница Радлова,

убийством, Фаусек⁷⁹ в монологе, Лавровский⁸⁰ все время), привычка к вычурным и неестественным движениям и позам, во много тысяч раз превышающим интенсивностью выдумки тот актерский, сценический „напор”, который дает в этот момент действующий (Полотнова⁸¹ — вялая игра и слово и — предельно смелые (в смысле пристойности) позы, вся последняя сцена<...>), совершенный 0 вместо лица и мимики — словом, все ясные показатели того внешнего, периферического приема игры, который С<ергей> Э<рнестович> требует и проводит в Студии. Я знаю, что из приличия у нас говорится об „эмоции” — но, заметьте, непременно о какой-то заморской „эмоции” — а о чувстве, о простом и понятном всякому чувстве, про которое мы твердо знаем, где оно у нас есть, и какое оно из себя — ни-ни — не заикаемся!

Воздействие так веденной и так поданной игры — было слишком ярко и слишком болезненно для всякого любящего театр, чтобы повторять мне о нем.

Что мучает сознательно культурного зрителя (но бессознательно, вероятно, и некультурного) во всем спектакле — это общая всей Студии манера держаться — все время на согнутых коленях, с приподнятыми плечами, вытянутой вперед шеей и дугообразной спиной — у меня так прямо шоры на глазах делаются! Вникните хоть в смысл этой посадки, но глаз Ваш уже не видит ее безобразия. Человек — единственное живое существо, максимальное измерение которого — в вертикали, в высоту — у всех животных оно в горизонтали. Значит — все в высоту — по преимуществу человечно (ни Лира, ни Антигону мы не можем себе представить ни маленькими, ни толстенькими). Говоря о своем достоинстве, кланяясь, — человек выпрямляется во весь рост и даже увеличивает его поднятой вверх рукой, унижаясь, — он валется по земле и т. д. Это элементарно и схематично — но уже из этой схемы ясно, что ни чистой девушки, и благородного человека нам не удастся изобразить приемами Студии — в скорченной фигуре всегда будет доля подлости — хотя бы забитости.

Какой же урок вынести из всего этого?

1) В основу спектакля надо брать достойное литературное произведение, не довольствуясь любой импровизацией ученика, — из ничего и выйдет ничего.

2) Начинать игру надо из центра, а не с периферии. Как убедит актер другого в том, во что и сам не верит, — в своем бытии в образе такого-то лица? Как растрогает, сам не растрогавшись? (Спросите любого хорошего актера, которому удастся трогать зрителя — всякий скажет, что первый, кого он растрогает, — всегда — был он сам). Как насмешит — сам не смеясь в душе?

вместе с ним руководила его Театрально-исследовательской мастерской, позднее преподавала в Ленинградском театральном институте.

⁷⁹ Фаусек Наталья Викторовна (1895—1953) — лаборантка Театрально-исследовательской мастерской Радлова, в дальнейшем актриса Театра-Студии под руководством Радлова.

⁸⁰ Лавровский Евгений Евгеньевич (1900—1942) — лаборант Театрально-исследовательской мастерской Радлова, актер Театра-Студии под руководством Радлова.

⁸¹ Полотнова В. И. — ученица Театрально-исследовательской мастерской Радлова.

Путь возникновения всякого сценического проявления (слово, движение) таков: возникшее в уме, в фантазии, намерение воспринимается чувством, которое создает физиологическую форму (теми же путями, как и для жизни).⁸²

Вероятно, после столь резкого выступления оставаться у Радлова Любовь Дмитриевна не могла. Сотрудничество с бывшим учеником Мейерхольда, искавшим своих путей в сухих формалистических эскизах, было прервано.⁸³

С конца февраля 1923 г. Любовь Дмитриевна была приглашена очередным режиссером в клубный «Молодой театр».⁸⁴ Основу репертуара, подобно репертуару Большого Драматического театра, из студийцев которого возник театр, составляла классика. Опыт работы у Радлова многому научил Л. Д. Блок. Театральные идеи, которые Блок проводил в Большом Драматическом театре, стали ей близки, понятны и казались единственно верными. Для Любови Дмитриевны, очевидно, эта работа значила очень многое: она работала в театре для народа, стремилась приучить молодежь к высокому репертуару, постановки осуществлялись в традиционной манере, ничем не напоминавшей о «крайностях» ученика Мейерхольда — Радлова, т. е. в «Молодом театре» вдова поэта фактически пыталась осуществить театральную программу Александра Блока. Казалось, что мейерхольдовские штудии были почти забыты, лишь иногда влияние Мастера чувствовалось в приемах игры и в намеченном репертуаре.

3 мая 1923 г. датирован хранящийся в ИРЛИ составленный Любовью Дмитриевной «План работы „Молодого театра“ на 1923/1924 г.», в котором она писала: «„Молодой театр“ сложился из начинающих актеров и режиссера, объединенных скромностью и строгостью общих задач. Мы не новаторы. Мы понимаем, что если в нас есть подлинно новое, оно скажется тем ярче и убедительней, чем строже и проще будут приемы нашей техники, чем преданнее будет наше ученичество перед великими образцами. Вкусы наши направляют нас к классическому и вневременному искусству. Заговорить его сжигающим сердце языком, обращаясь к открытым душам нашей народной аудитории — вот максимум наших мечтаний. <...> Я уверена в том, что наши спектакли будут здоровой пищей для народной

⁸² РО ИРЛИ, ф. 654. Окончание текста отсутствует.

⁸³ Ошибочность своих исканий осознавал и Радлов, постепенно отходивший от умозрительных изысканий в своей мастерской, деятельность которой к весне 1924 г. угасла.

⁸⁴ Театр возник 1 октября 1922 г., первоначально давал спектакли в Смольнинском театре, с февраля 1923 г. переместился в новое помещение за Обводный канал — в Дом просвещения им. Некрасова (б. Дом гр. Паниной) на углу Тамбовской и Прилуцкой улиц. Тогда же и появилось название «Молодой театр». Труппу составили бывшие студийцы актера Большого Драматического театра В. В. Максимова. В труппу входили: Е. Данилова, О. Тестова, К. Жерве, В. Супруненко, О. Лебедев и др. художником был Р. Добужинский, сын знаменитого графика. В конце февраля 1923 г. Л. Д. Блок была приглашена в театр его художественным руководителем Б. Е. Деген-Ковалевским. На нее были возложены функции очередного режиссера. После ухода Деген-Ковалевского Л. Д. Блок приняла на себя художественное руководство театром и осуществила постановки пьес А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живет», А. Н. Толстого «Касатка», А. Дюма «Графиня Диана» и А. Ф. Деннери «Старый капрал». После ухода Л. Д. Блок главным режиссером театра стал В. Н. Соловьев. 28 декабря 1924 г. театр был закрыт. См.: *Розина-Лаврова О. С.* О Л. Д. Блок. Воспоминания // РО ИРЛИ, р. 1, оп. 3, сд. хр. 129.

аудитории, не допустить в них какую бы то ни было вульгарность, буржуазность или сухую отвлеченность обязывает меня имя, которое я ношу».

Одновременно был намечен новый репертуар, состоявший в основном из русской и европейской классики, предполагалась даже студийная работа, в план которой была включена «Роза и Крест» Блока.

Летом актеры театра выступали на клубных сценах и летних площадках. Именно тогда в театральном коллективе началось некое «брожение». Молодые актеры мечтали об обновлении театра, об использовании новых сценических приемов. Перед началом нового сезона произошло очередное собрание, на котором выявились назревшие разногласия. Любовь Дмитриевна была потрясена, оскорблена, но уйти перед началом сезона не могла и надеялась, что работа в театре наладится. В ответ на высказанные претензии она заявила об отказе от художественного руководства. В своей речи к актерам, озаглавленной «Реорганизация»,⁸⁵ она, оставляя за собой лишь работу по постановке спектаклей, отменила студийные занятия и уроки актерского мастерства и намеревалась ввести строгую дисциплину.

12 ноября Любовь Дмитриевна в письме актрисе «Молодого театра» Гульде Лавринайтис,⁸⁶ исполнившей заглавную роль в «Графине Диане», писала о необходимости в каждое слово вкладывать точно выраженную мысль, ощущение, окрашенное определенным чувством — в письме читался прямой протест против радловских абстракций в упражнениях с речью и движением.

18 ноября Любовь Дмитриевна написала для сотрудников «Молодого театра» речь о постановке пьесы Э. Толлера «Разрушители машин»⁸⁷ (премьеры — 7 ноября), в которой она говорила о конфликте в театре: «Утешение мне одно: талант не даст себя убить; те в Молодом театре, в ком он есть Божьей волей, — рано или поздно очухаются; выйдут из этой передрыги, конечно, с помятыми боками — избавиться от навязанной мертвечины и схематичности не легко настолько же, насколько легко поддаться на их легкость, на скорую удачу на этих путях». Однако голос вдовы поэта молодые «строители новой жизни» не услышали.

Любови Дмитриевне пришлось покинуть театр. Так трагически закончилась ее деятельность на драматической сцене.

Как известно, вскоре вдова А. Блока нашла другую сферу приложения своих сил, знаний и творческой энергии — она занялась историей классического танца. По справедливому признанию современного историка балета В. М. Гаевского, в этой области искусства «за пять лет Л. Блок успела сделать столько, сколько обычный искусствовед может не успеть сделать за целую жизнь», «о классическом танце она знала все, больше, чем кто-либо в ее время, больше, чем многие еще и сейчас».⁸⁸

В это время она пережила период «подлинного творческого расцвета». Достижения Л. Д. Блок в области балета стали естественным продолжением того сложного творческого и жизненного пути, которым шла актриса.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 654.

⁸⁶ Актриса Молодого театра в 1923/1924 гг.

⁸⁷ РО ИРЛИ, ф. 654.

⁸⁸ Гаевский В. М. Историк балета Л. Д. Блок // Блок Л. Д. Классический танец: История и современность. С. 7, 14.

Внешне неожиданный поворот на самом деле был связан с ее актерской деятельностью, с занятиями танцем с В. Пресняковым,⁸⁹ с выступлениями в пантомимах Мейерхольда и студиями по основам сценического движения в его Студии. Приверженность Любови Дмитриевны классическому балету объяснялась ее стремлением к искусству больших обобщений. В статье «Образ в балете», как бы продолжая антирадловские выступления, она настаивала на необходимости осмысления балетного образа, выступала против бессодержательного танца.

Но и в годы занятия балетом интерес к драматическому театру не покидал Л. Д. Блок. Мейерхольд оставался для нее одной из важнейших фигур в искусстве. Именно к нему она обращалась за помощью в своих занятиях балетом. В 1931 г. она сочла возможным просить режиссера помочь в приобретении необходимых книг по истории балета.⁹⁰

В эти годы, как и прежде, Любовь Дмитриевна продолжала следить за деятельностью Мейерхольда.

Некогда декларированная Радловым преданность Мейерхольду казалась все более сомнительной. В своем стремлении стать «левее левых» Радлов оказывался вторичен по отношению к Мейерхольду. По заключению Золотницкого, «<...> Было похоже, будто Радлов переставал понимать новаторство учителя. Не поспевал за его поисками».⁹¹ После мейерхольдовской постановки «Леса» бывший ученик обвинил Учителя в «капитуляции» перед «буржуазным реализмом».⁹²

В архиве Любови Дмитриевны в ИРЛИ хранится черновик ее, вероятно, не отправленного письма к Мейерхольду, написанного после того, как Любовь Дмитриевна, отрицательно относящаяся к «левому» искусству, увидела мейерхольдовскую предельно современную постановку «Леса» Островского (1924). Мейерхольд полностью перемонтировал текст Островского, разбив его на 33 отдельных эпизода, изменив их последовательность и введя новых действующих лиц, что вызвало резкие отклики критики.⁹³ С резкой сатирой на «мир Гурмыжской» в спектакле по-мейерхольдовски было соединено «прославление великой, всемогущей, преобразующей жизнь силы театра».⁹⁴ Мейерхольд подчеркнул связь драматурга с народным театром, усилил широту и удаль героев Островского, выделив одновременно лирическую тональность пьесы, по поводу чего его биограф Н. Волков писал: «Была минута, когда через души зрителей прошла волна лирического трепета. Я имею в виду финал третьего действия».⁹⁵ Это

⁸⁹ Пресняков Валентин Иванович (1877—1956) — артист балетной труппы императорских театров, хореограф и педагог. В 1908/1909 гг. вел «пластическую гимнастику» в Студии Мейерхольда на Жуковской, участвовал в постановках Мейерхольда в Доме интермедий, Александринском театре, а также в подготовке спектаклей «Старинного театра» (1911/1912) и театра «Кривое зеркало».

⁹⁰ Переписка Л. Д. Блок с Мейерхольдом хранится в РГАЛИ (ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1186).

⁹¹ Золотницкий Д. Пробы. Наставничество. Риск. Студийная режиссура С. Э. Радлова // Студийные течения в советской режиссуре 1920—1930-х годов: Сборник научных трудов. Л., 1983. С. 117.

⁹² Радлов С. Утерянный левый фронт // Жизнь искусства. 1924. № 15. 8 апреля. С. 7.

⁹³ Кугель А. По поводу постановки «Леса» // Рампа. 1924. № 5; Шкловский В. Особое мнение о «Лесе» // Жизнь искусства. 1924. № 26 и др.

⁹⁴ Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 304.

⁹⁵ Имеется в виду сцена лирического разговора Аксюши и Петра.

не только Островский, но больше Островского — русская стихия».⁹⁶ М. Шагинян утверждала: «...Только благодаря Мейерхольду мы получили, наконец, непосредственное чувство текста Островского».⁹⁷ А. Н. Островский, 100-летие которого отмечалось незадолго до этого, и в связи с чем был выдвинут лозунг «Назад к Островскому!», в постановке Мейерхольда предстал современником, говорившим о самом насущном. Премьера спектакля в московском Театре им. Мейерхольда состоялась 19 января 1924 г. Спектакль сразу стал сенсацией, на нем в первые же дни перебивала вся московская художественная элита. Вероятно, Любовь Дмитриевна увидела этот спектакль во время первых гастролей ТИМа в Ленинграде, которые проходили с 16 мая по 24 июня 1924 г. Сохранившийся отзыв Л. Д. Блок представляет большой интерес для понимания ее отношений с Мейерхольдом.

«Дорогой Всеволод Эмильевич,

Позвольте мне высказать словами то необычайное чувство радости и восхищения, которое я испытала вчера и могла передать только восклицаниями.

„Лес” — это то, что я ждала от Мейерхольда, как „Двенадцать” — то, что я ждала от Блока. Это параллель не случайна, эти два гениальных произведения мне кажутся сходными в „фактуре”, в стиле — Вы не согласны?

Монументальное завершение произвола и каприза художника, но в „сущности” — просто „реализм”; венец формы и „стиля” — и скромная верность духу того, что послужило темой произведения. Мне кажется Ваша передача „Леса” вполне „точной” — пусть все академики полетят вверх ногами от этого утверждения. Каждый элемент драмы звучит как у Островского; не только качели,⁹⁸ но и Несчастливцев⁹⁹ имеет именно тот привкус, какой придал ему Островский (конечно — актер несколько пасует перед Вами — вечная Ваша трагедия: Вы бросаете карту — актеру крыть

⁹⁶ Мейерхольд в русской театральной критике. С. 557.

⁹⁷ Шагинян М. «Лес» Мейерхольда // Жизнь искусства. 1924. № 22. С. 6.

⁹⁸ В эпизоде «Лунная соната» комичность ситуации подчеркивалась тем, что «любовный дуэт» ключницы Улиты и Аркашки Счастливецова происходит на качелях, нелесая поза и задравшийся подбородок Улиты придавал иной сатирический оттенок ее томным речам (*Рудницкий К.* Режиссер Мейерхольд. С. 315; Мейерхольд в русской театральной критике. С. 127). Возможно, Любовь Дмитриевна имела в виду другой эпизод — диалог Аксюши и Петра, взлетающих над сценой на «гигантских шагах». «Сперва качается Аксюша, подавая свои реплики после разбега, при взлете вверх, затем к ней присоединяется Петр, а когда их любовное объяснение разгорается бурной жадной свободой и счастья — они уже несутся в стремительном полете, высоко взлетая, кружась в воздухе, словно птицы» (*Гвоздев А.* Лифт и качели (В московских театрах) // Ленинградская правда. 1924. 10 февраля). Б. Алперс в «Еженедельнике академических театров» писал: «...Одно из многих средств, примененных Мейерхольдом в „Лесе” для изменения смысла текста, — пользование механическими аппаратами, „остраняющими” действие (качели, гигантские шаги, гимнастические приборы и т. д.). <...> Благодаря этому приему отдельные куски действия, диалога приобретают новый, обостренный смысл, сам по себе не присущий данному положению или словам» (*Алперс Б.* Блестящая шутка? «Лес» // Еженедельник академических театров. 1924. № 15).

⁹⁹ Мейерхольд в своем спектакле усилил и сделал едва ли не центральной тему комедиантства, торжества театра над косностью жизни, воплощенную в образах Счастливецова и Несчастливцева. Актеры дерзко вторгались в мир Гурмыжской, мешая все карты «хозяев жизни», по-своему переустраивая жизнь.

нечем;¹⁰⁰ а если бы он имел достаточный козырь на руках — было бы до конца то, что нужно). Пара влюбленных,¹⁰¹ русских, милых, наших, старинных передана ошеломляюще, небывало — и уж это ли не „дух”, это ли не „верность”». Далее письмо обрывается. Среди писем Любови Дмитриевны к Мейерхольду, хранящихся в Российском Государственном архиве литературы и искусства в Москве, подлинник этого письма отсутствует. Было ли оно отослано Мейерхольду — неизвестно.

Любовь Дмитриевна с ее чутьем к современности и тонким вкусом, несмотря на дерзкое отношение Мейерхольда к тексту классика, смогла оценить один из его шедевров.

Уникальность этого письма трудно переоценить. Оно стало заключительным аккордом в ее пути драматической актрисы, в блужданиях между классикой и острой современностью, в ее способности, оставаясь преданной идеалам А. Блока, по достоинству оценить победы Мейерхольда, и оставаться до конца жизни преданной двум этим художникам.

Материалы Л. Д. Блок, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ, представляют безусловную ценность, необходимым представляется их введение в научный оборот. Судьба Любови Дмитриевны Блок ярко демонстрирует, как не только в биографиях великих художников, но и в жизни менее значительных фигур отражался общий трагический путь людей начала XX в., преданно служивших искусству.

¹⁰⁰ В своей рецензии на «Лес» В. Блюм писал о роли Несчастливцева, которую исполнял М. Г. Мухин: «...Он тоже совершенно заново намечен постановщиком; к сожалению, до Мухина эти замыслы явно не дошли, и он беспомощно, как говорится „плавал”, нередко вовсе скрываясь под водой... <...> Почти обо всех исполнителях „Леса” приходится сказать навязшее в зубах общее место: трагедия Мейерхольда в том, что ему приходится работать с актерами, которые (по молодости ли, или по нехватке таланта) не могут вместить размеров его дерзновенных замыслов» (Мейерхольд в русской театральной критике. С. 123).

¹⁰¹ Мейерхольд «укрупнил» роль второстепенных персонажей Островского — Аксюши и Петра, превратив их в центральных героев и усилив лирическую тему спектакля.

И. В. Кощиченко

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУКОПИСЬЮ: ОБ ЭПИГРАФЕ
К СТАТЬЕ «ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ»
А. С. ПУШКИНА**

Рукописи Пушкина до сих пор таят в себе множество загадок. Одну из них, касающуюся эпиграфа, мы попытаемся раскрыть.

К 1830-м гг. происходит существенное развитие критических жанров. Писатели включаются в это литературное направление, стремясь открыть его новые возможности. Сочинения Пушкина занимают центральное место во многих острых спорах на страницах печати. Одна из журнальных полемик конца 1820-х гг. связана с именами М. Т. Каченовского и Н. А. Полевого, редакторов двух ведущих журналов того времени. 18 декабря 1828 г. Каченовский подал жалобу в Московский цензурный комитет на Полевого и цензора С. Н. Глинку, в которой настаивал, что в его (Каченовского) лице в статьях Полевого было нанесено оскорбление всему ученому сословию. Жалоба Каченовского была отклонена.¹ Пушкину, находившемуся в это время в Москве, этот литературный скандал был известен в деталях. Он не мог оставаться безучастным: помимо эпиграмм на Каченовского,² Пушкин пишет журнальную статью «Отрывок из литературных летописей», посвященную этой войне.³

Статья датирована 27 марта 1829 г. Первоначально Пушкин предполагал опубликовать ее в «Невском альманахе на 1829 год», но статья была запрещена цензурой. С цензурными сокращениями она напечатана в «Северных цветах на 1830 год». Ее эпиграф «Tantae ne animis scholasticis irae!»

¹ См. подробнее: *Пушкин А. С. Соч.* Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 9, кн. 2. С. 114—119 (коммент. Н. К. Козмина); Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 384—385.

² «Журналами обиженный жестоко...» (13—28 (?) марта 1829 г.), «Там, где древний Кочерговский...» (середина марта—середина апреля 1829 г.).

³ Подробнее о ней см. в комментарии Н. К. Козмина (*Пушкин А. С. Соч.* 1900—1929. С. 119—129).

(«Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей») (XI, 77, 566)⁴ является парафразой 11-го стиха из первой песни «Энеиды» Вергилия: «Tantae ne animis coelestibus irae!» («Возможен ли такой гнев в душах небожителей»)⁵ Пушкин не указывает источник эпиграфа, очевидно, из-за замены им слова «coelestibus» (небесный) на «scholasticis» (ученый), сделавшей фразу «мирской». Пушкин знал эту фразу Вергилия в передаче Ж. Делиля («Энеида», 1804) и Н. Буало (пародийная поэма «Налой», 1674—1683). Н. О. Лернер предположил, что «знакомство с этим стихом укрепил Шекспир. В „Короле Генрихе VI“ (д. II, сц. 1) протектор герцог Глостер, дядя короля, говорит кардиналу Бофорту, другому родственнику короля, во время перебранки: „Tantae ne animis coelestibus irae!“».⁶

Расположение эпиграфа на обложке чернового автографа статьи (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 1) обнаруживает, что сначала Пушкин, очевидно, задумывал дать этой статье эпиграф «sine ira et studio» («без гнева и пристрастия»)⁷ Приводим текст Пушкина в транскрипции:

Sine ira et studio.

[Tantae ne animis —
irae!]

Virg.

Как видим, крылатое выражение «sine ira et studio», несомненно, цитированное по памяти, стояло на обложке первым и было подчеркнуто. Написанное же ниже «Tantae ne animis — irae!» («Возможен ли такой гнев в душах!») было зачеркнуто. В XI томе Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, в вариантах статьи с неточностью, требующей дополнительного комментария, указано расположение слова «Virg.» (Вергилий): оно написано под первой цитатой (XI, 347). Автором же фразы «sine ira et studio» является Тацит, она открывает его «Анналы», которые Пушкин знал довольно хорошо.⁸ В 1824 г. эта же фраза из Тацита была использована в качестве эпиграфа в статье В. Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариним», вышедшей в «Мнемозине». Нельзя исключить, что, может быть, по этой причине Пушкин убрал это выражение с места эпиграфа.⁹

⁴ Все ссылки на произведения Пушкина даются по изданию: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Т. 1—17. Изд. АН СССР. М.; Л., 1937—1949 (при цитатах указывается римской цифрой том, арабской — страница).

⁵ О цитации Пушкиным Вергилия см. в статье С. Б. Федотовой «Вергилий» в кн.: *Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 18—19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Под ред. В. Д. Рака. СПб., 2004. С. 79.

⁶ *Лернер Н. О. Пушкинологические этюды // Звенья.* М.; Л., 1935. Т. 5. С. 139—140. См. также: *Федотова С. Б. «Вергилий».* С. 76—79.

⁷ Описание первого листа чернового автографа см.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты.* М.; Л., 1935. С. 329 (коммент. М. А. Цявловского). Факсимильное воспроизведение записи Пушкина см. там же, с. 328—329 (в иллюстрациях на отдельных листах).

⁸ О степени знакомства Пушкина с творчеством Тацита см.: *Кнабе Г. С. Тацит // Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 18—19. С. 328—331.

⁹ В творчестве Пушкина фраза «sine ira et studio» встречается также в 1822 г. в письме П. А. Плетневу (ноябрь—декабрь 1822 г.) (XIII, 53), а позже в переработанном виде в «Борисе Годунове» (VII, 18).

В зачеркнутой строке из Вергилия Пушкин сначала обозначает пропуск, не указывая, о каких душах идет речь — о божественных или ученых. Однако на следующем листе черновой рукописи (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 2) еще раз написан эпитаф: измененная латинская цитата «*Tantae ne animis scholasticis irae!*».¹⁰ Вероятно, она была приписана позднее, когда текст статьи или, по крайней мере, ее первые строки уже были написаны: в процессе создания статьи Пушкин, скорее всего, домысливает фразу из «Энеиды» и решает поставить эпитафом именно ее. Об этом могут свидетельствовать встречающиеся только на первых страницах рукописи варианты выражений, в которых появляется слово «ученый», например: в черновом варианте — «различие между семи двумя званиями», в окончательном тексте — «учеными званиями»; в черновом варианте — «законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорили бы вновь устами почтенного издателя», при публикации — «устаи ученого редактора» (см.: XI, 348, 349). Обращает на себя внимание фраза в финальной части статьи: «почтенный редактор пользуется славой *ученого мужа*» (курсив наш. — *И. К.*), которая позволяет сделать вывод, что к моменту написания этих слов эпитаф-парафраза («Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей») уже сформировался и был записан Пушкиным непосредственно над первой строкой статьи.

В писарской копии статьи, которая находилась в «Деле Санкт-Петербургского Цензурного комитета 17 сентября—8 октября 1829 г.» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, № 50, л. 6),¹¹ отсутствуют оба латинских выражения. Однако в публикации в «Северных цветах на 1830 год» эпитаф стоит и крылатая фраза «*sine ira et studio*», от которой Пушкин не смог отказаться, завершает первый абзац: «Распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с цензурою наделала шуму. Постараемся изложить исторически все дело *sine ira et studio*»; ср. в писарской копии и в черновой рукописи: «[Литературная] распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с ценз<урою> наделала шуму».¹² Постараемся изложить исторически все дело» (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 303, л. 2). Эпитаф из Вергилия и цитата из Тацита были вписаны Пушкиным уже в корректуру (см. ниже письмо О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу).

Пушкин, для которого представляли ценность обе цитаты, расположил их поблизости. Слова из Тацита как будто продолжают эпитаф, являясь частью единой фразы: ответом на восклицание эпитафа. Автор сообщал, что как ни тяжело ему сдерживать свой гнев, он попытается быть объективным и непредвзятым, как внешний наблюдатель (летописец). Повествуя о причинах завязавшейся полемики между «почтенным редактором» «Вестника Европы» М. Т. Каченовским и «ожесточенным издателем» «Мо-

¹⁰ Б. В. Томашевский указывает, что «слова эти стали поговоркой» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. Изд. 2-е. М., 1958. Т. 7. С. 669).

¹¹ Напечатано: *Сухомлинов М. И.* Полемические статьи Пушкина // *Исторический вестник*. 1884. Кн. 3. С. 465—468; *Пушкин А. С. Соч.* Л., 1929. Т. 9, кн. 1. С. 46—52 (публ. Н. К. Козмина); варианты: Кн. 2. С. 112—114; описание рукописи: Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. Стр. 27 (№ 11).

¹² Буквально написано следующее: «[Литературная] распря между двумя известными журналистами наделала шуму и тяжба одного из них с ценз.<урою>». Выражение «и тяжба одного из них с ценз<урою>» вписано после слова «шуму» со знаком вставки.

сковского телеграфа» Н. А. Полевым, Пушкин на первых порах придерживается данного обещания. Он укоряет Полевого «в запальчивости и неумеренности», признавая, однако, правомерность его критики. Авторская ирония все отчетливее проступает в описании «ученого редактора»: «Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку?» (XI, 80), а «для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом»¹³ (XI, 82). Возможно, фраза «без гнева и пристрастия», выполняя некую «маскирующую» функцию, одновременно обращала внимание на то, что *литератор*, пишущий «Литературные летописи», не способен оставаться безучастным созерцателем происходящего.¹⁴ Гневом переполнены участники распри, постепенно это чувство разрастается и в том, кто пытается хладнокровно разобраться в ситуации. Это отмечалось даже современниками Пушкина. Так, М. П. Погодин в письме С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г. сообщал, что Пушкин «бесится» на Каченовского «за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность».¹⁵

Когда же речь в статье заходит о чести дворянина, о дворянстве Н. А. Полевого, Пушкин принимает «совершенно сторону» последнего. «Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства», — заявляет автор, говоря и о том, что «в мирной республике наук» нет и не должно быть дела «до гербов и пыльных грамот». В финале статьи Пушкин приходит к вопросу о конфликте родовой и новой аристократии. Эта проблема становится одной из ведущих в творчестве Пушкина конца 1820-х—начала 1830-х гг.

Эпиграф связывал статью с литературной полемикой Пушкина с Надеждиным и Каченовским и заключал в себе пародийный аспект. Латинские и греческие эпиграфы часто присутствовали в статьях Н. Надеждина. В 1828 г. Полевой писал: «Нельзя без греческого и без латинского эпиграфа

¹³ Орфография «Вестника Европы» вызывала насмешки, в частности за неуместное употребление буквы «ѣ», что Пушкин также иронически обыграл в написании имени Каченовского: в статье он «Михаїл Трофимовїч».

¹⁴ Н. И. Надеждин в отзыве на «Северные цветы на 1830 г.» отметил, что «развснчанный герой» (Пушкин) «не умсет смотреть на описываемые им события с тем беспристрастием и самоотвержением, которые требуются от историка, и посему не удивительно, что сму все еще видятся всюду — льяные семинаристы!..» (Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 220). В статье «Отрывок из литературных летописей» есть очевидный выпад против Н. И. Надеждина, литературную критику которого в «Вестнике Европы» Пушкин называет «нспристойными криками пьяного семинариста».

Любопытно отметить, что немногим позже статьи «Отрывок из литературных летописей» Пушкин пишет эпиграмму «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (август—ноябрь 1829 г.), где Н. И. Надеждин представлен в виде семинариста, и притчу «Сапожник», направленную против Надеждина. В варианте перебеленного автографа притчи сохранился эпиграф из И. И. Дмитриева: «Но видно по всему, что он семинарист. Дм<итриев>» (III, 750). Как и рассматриваемый эпиграф к статье, это не точная цитата, а пушкинская парафраза; у Дмитриева: «видно по стихам» (см.: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., примеч. Г. П. Макогоненко. М., 1967. С. 147).

¹⁵ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 385.

начать статьи, которая состоит pendant к „Литературным опасениям” „Вестника Европы” <...>, нельзя <...>: мы имеем дело с людьми учеными — а *pédant; pédant et demi*». ¹⁶ Пушкин, используя в эпитафии латинский материал, придает этой сложившейся традиции полемический характер. Возможно, по этой причине он настойчиво требовал поместить эпитафию, о чем свидетельствует письмо О. М. Сомова к цензору К. С. Сербиновичу: «Потрудитесь, почтеннейший Константин Степанович, взглянуть на 228 стран<ицу> прилагаемого корректурного листка. Писец мой забыл выставить латинский эпитафию, написанный Пушкиным, а сей требует, чтоб эпитафию был помещен. Думаю, что это не наведет никаких новых затруднений, ибо эпитафию может относиться в одинаковой мере и к Полевому, и к Кочановскому». ¹⁷ Намеренное упрощение понимания эпитафии здесь не случайно: Сомов не хочет навлечь еще большего подозрения на автора статьи, уже пострадавшего от цензуры. В. Э. Вацура отмечает, что иногда О. М. Сомов специально «дезориентировал» цензоров попутными оценками, случайно оброненными замечаниями с целью оградить от цензурных изъятий произведения того или иного поэта. Когда это касалось полемических статей Пушкина, борьба Сомова достигала вершины. ¹⁸

Эпитафию в статье был сохранен, но напечатан в части тиража альманаха «Северные цветы на 1830 год» с ошибкой в первом слове, что тут же вызвало иронический отзыв Н. Н. (Н. Надеждина) в «Вестнике Европы»: «Нас удивил еще эпитафию, избранный новым летописцем, который гласит так: *Tantaet ne animis scholasticis irae!* Надобно либо знать язык, из которого заимствуется эпитафию, либо скопировывать буквы вернее. *Tantaet* — нет слова у латинян; а *tantae!*.. Где ж был верный глаз О. М. Сомова, любящего держать строгую корректуру?.. То-то и есть-то! Чем бранить ни за что ни про что *семинаристов* — не лучше ли б было летописцу и издателям посоветоваться с ними и поучиться у них хорошенько! Ведь безграмотность — худой патент на громкое имя!» ¹⁹ Для Надеждина это была возможность упрекнуть поэта в безграмотности. У Пушкина, конечно, встречались опiski или ошибки в латыни, но в данном случае это была именно ошибка издателя, что подтверждается сохранившейся черновой рукописью статьи.

Слово «ученый» появляется в эпитафии в результате исканий Пушкина, стремившегося наиболее точно обозначить объект, на который была направлена авторская ирония (М. Т. Каченовский в поданной им жалобе почитал себя чуть ли не главой ученого сословия). При рассмотрении черновой рукописи становится очевидным этот поиск, приведший Пушкина к выбору окончательного эпитафии для своей статьи. Неоднократно употребляемые им в статье слова «ученый», «ученый муж», «ученость» являются акцентными в определении пушкинского отношения к этому журнальному спору.

¹⁶ Цит. по: Вацура В. Э. К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 295.

¹⁷ Там же. С. 295.

¹⁸ Там же. С. 286—287.

¹⁹ Цит. по: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. С. 220.

Б. В. Мельгунов

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА НА Н. И. НАДЕЖДИНА И В. Г. БЕЛИНСКОГО

Литературная деятельность Николая Ивановича Надеждина (1804—1856) послужила предметом четырех эпиграмм А. С. Пушкина: «Надеюсь на мое презрение...»; «Сапожник (Притча)»; «Седой Свистов! ты царствовал со славой...»; «Мальчишка Фебу гимн поднес...». Все они относятся к 1829 г., когда Надеждин-критик «Вестника Европы» печатал **иногда** в этом журнале и свои стихи. Известны также несколько эпиграмм на Надеждина, относящиеся к тому времени и написанные Е. А. Баратынским и П. А. Вяземским.¹

«Кто не помнит того времени в нашей литературе, — писал Белинский в 1842 г., — когда эпиграмма была в таком ходу, что каждый поэт, эпический, драматический или лирический, непременно должен был написать хоть несколько эпиграмм. Сам Пушкин заплатил полную дань этому направлению».²

Литературно-критическая деятельность самого Белинского сопровождалась на всем ее протяжении ожесточенной полемикой, памфлетами и политическими доносами в прозе и в стихах. Рецидивы стихотворной агрессивности противников Белинского связаны преимущественно с тремя моментами его творческой биографии: яркий критико-публицистический дебют Белинского в газете Надеждина «Молва» знаменитым циклом статей «Литературные мечтания» (1834); переход критика в «Отечественные записки» А. А. Краевского (1839); обострение литературных отношений Белинского с московскими славянофилами (середина 1840-х гг.).

¹ См.: Эпиграммы и сатира. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 309—315.

² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 235. Далее ссылки на это издание — в тексте с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

Одним из первых и постоянным журнальным оппонентом Белинского — автора «Литературных мечтаний» и обоих изданий Надеждина — был редактор, фельетонист и критик «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» В. Ф. Воейков.

Белинский больно задел его авторское самолюбие в VII-й статье этого цикла, где он обращается к литературным «авторитетам» «г. Иванчина-Писарева, г. Воейкова <...> кн. Шаликова» (I, 55). В X, последней статье цикла критик, говоря о «Библиотеке для чтения» О. И. Сенковского, выносит приговор самым деятельным литераторам того времени, в том числе и Воейкову: «Нельзя создать деньгами таланта, нельзя и убить его ими. Где бы ни писали, в каком бы журнале ни помещали своих изданий и сколько бы ни получали за них гг. Греч и Булгарин, Масальский, Калашников, Воейков — они всегда и везде останутся теми же...» (I, 99).

Называя наступающий период русской литературы «Смирдинским», Белинский в той же статье еще раз перечисляет его «гениев»: «Это гг. Барон Брамбеус, Греч, Кукольник, Воейков, Калашников, Масальский, Ершов и мн. др. Что сказать о них? Удивляюсь, благоговеею — и безмолствую!» (I, 100).

В. Ф. Воейков первым из группы литераторов, обиженных Белинским, вступил с ним в затяжную перепалку. «В своих выходках в „Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду“ против Надеждина, Белинского и других, — вспоминал И. И. Панаев, — он (Воейков. — Б. М.) явился тупым, плоским, отсталым старцем, огрызавшимся с бессильною злобою».³

С 18 мая 1835-го и в течение всего 1836 г. Воейков в своих журнальных обзорах и «Литературных заметках» под псевдонимом *А. Кораблинский* регулярно предрекал скорую гибель «Телескопа» и «Молвы», насколько не влияющих, по его мнению, на литературный процесс, и посылал проклятия их постоянному критику. «Беда бы нашей злополучной словесности, — писал он в одном из этих фельетонов, — если б критик „Телескопа“ и критик „Библиотеки для чтения“ имели на русскую словесность хотя сотую долю того влияния, каким некогда пользовались гг. Булгарин и Полевой. И те нередко сбивались с прямой дороги, особенно Н. А. Полевой в последние годы своего *телеграфного* царствования. Однако ж страшная разница! Избавил Бог Россию от татар, от ляхов, от галлов, от критика Н. А. Полевого, зато наслал *Барона Брамбеуса* и Виссариона Белинского». Однако первому из названных критиков Воейков все же отдает предпочтение, признавая ученость, знание многих языков и талант О. И. Сенковского. «У занимающегося же критическими статьями в „Молве“ и „Телескопе“, — пишет он далее, — нет ни учености, ни начитанности, ни дарования; все это заменяет у него отвага».⁴

К этому же, очевидно, времени следует относить сочинение Воейковым строфы 51 в его знаменитом стихотворном сатирическом обзоре «Дом сумасшедших», которое создало ему в профессиональной среде славу «литературного корсара»:

³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950. С. 83.

⁴ Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1835. 24 авг. № 68.

Вот Сенковский — «сей и оный»:
Гадок, страшен, черен, раб.
Он поляк низкопоклонный,
Силы, знати, денег — раб.

Подлость, наглость, самохвальство
Совместил себе в позор;
Полевого в нем нахальство
И Белинского задор.⁵

* * *

«Партизанскими» вылазками в литературе (злыми эпиграммами, анонимно пускаемыми в публику печатно и в списках) в 1830—1840-е гг. особенно отличался Михаил Александрович Дмитриев — московский поэт, критик, переводчик. Именно ему принадлежит большая часть эпиграмм и сатирических стихов на Белинского, написанных в эти годы. С марта 1835 г. он сотрудничает в новом журнале «Московский наблюдатель», со-перничающем с «Телескопом» и «Молвой». В ноябрьском номере «Телескопа» 1835 г. была напечатана знаменитая статья Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова», в которой он походя, но очень больно уязвил авторское самолюбие Дмитриева-стихотворца: «Если г. Бенедиктов будет продолжать свои занятия по стихотворной части, то он со временем *выпишется*, овладеет поэзией выражения, выработает свой стих, не будет делать <...> детских промахов, <...> словом, будет писать так же хорошо, как г. Трилунный, г. Шевырев, г. М. Дмитриев, но едва ли когда-нибудь будет он поэтом» (I, 369).

Вскоре, в 1836 г. в литературной среде стала известна эпиграмма Дмитриева на Белинского:

Не говори, что ты плебей!
Не хвастайся своей лакейскою натурой;
Она нам говорит сама своей фигурой:
«И плюй и бей!»⁶

В сентябре 1836 г. содержание этой анонимной эпиграммы стало известно Белинскому.⁷

В 1839—начале 1840-х гг., когда Белинский уже заведовал критико-библиографическим отделом «Отечественных записок», Дмитриев продолжает его преследовать в своих «балладах» — сатирических перепевах произведений В. А. Жуковского «Новая Светлана» и «Петербургская Людмила». А в № 10 журнала «Москвитянин» 1842 г. помещено памфлетное

⁵ Цит. по изд.: Эпиграмма и сатира. Т. 1. 1800—1840. М.; Л., 1931. С. 537. К двум последним стихам в этом издании приведен вариант:

Полевого самохвальство
И Булгарина задор,
И Белинского нахальство
Совместил себе... в позор!

⁶ См.: там же. С. 400.

⁷ См.: Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 129.

послание Дмитриева «К безыменному критику» («Нет, твой подвиг не похвален...»), также обращенное к Белинскому.

Выше мы цитировали слова Белинского о бытовании эпиграммы в середине 1830-х гг. из его «Журнальных и литературных заметок» 1842 г. Знакомый с направленными против него эпиграммами Дмитриева, критик замечал в той же статье: «...теперь этот приятный род сочинений, кажется, опять входит в моду преимущественно тщанием и усердием известного стихотворца старого времени г. Михаила Дмитриева» (V, 238).

Еще резче об этом «направлении» творчества Дмитриева Белинский высказался в рецензии на роман Е. И. Классена «Провинциальная жизнь», помещенной в октябрьском номере «Отечественных записок» 1843 г.: «Чтобы добиться <...> постоянно убегающей его славы, г-н Михайло Дмитриев вместо дидактического рода, в бесполезном упражнении которым он убедился, изобрел теперь новый, до него небывалый род поэзии, произведения которого можно было бы назвать „рифмованными денонциациями” на безнравственность критиков, не признающих в его сочинениях ни искры поэтического таланта» (VII, 637).

* * *

Уже в первой статье «Литературных мечтаний» Белинский иронически называет «новых богов» русской литературы, которые вместе с «великим Кукольниковым» «сменили не заменив» старых: «Теперь Баратынских, Подоллинских, Языковых, Туманских, Ознобишиных сменили гг. Тимофеевы, Ершовы; на поприще их замолкнувшей славы величаются гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы по пословице: на безлюдье и Фома дворянин» (I, 21).

Особенно обидно (и несправедливо) молодой критик обошелся с Е. А. Баратынским. В статье «О стихотворениях г. Баратынского», помещенной в сентябрьском номере «Телескопа» 1835 г., Белинский разрушает общепризнанный авторитет Баратынского, называя его лиру «светской и паркетной» (I, 325).

Поэт отплатил критику, узнав о переходе Белинского в журнал Краевского «Отечественные записки», отнюдь не «паркетной» эпиграммой:

В руках у этого педанта
Могильный заступ, не перо,
Журнального негоцианта
Как раз подроеет он бюро.
Он громогласный запевала,
Но запевала похорон...
Похоронил он два журнала,
И третий похоронит он.⁸

Пророчество Баратынского, как известно, не сбылось.

* * *

Публикуемая ниже эпиграмма на Надеждина и Белинского извлекается из поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома 2003 г. (дар

⁸ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 365.

памяти коллекционера М. Д. Ромма). Текст эпиграммы записан рукой неустановленного лица, чернилами, без даты и указания автора на одной стороне писчей бумаги без водяных знаков.

К Н-ну

Уж если ездил ты, зачем же с рожей свинской
С тобой не ездил и Белинской.
Тогда б в «Молве» прочли: такого-то числа
Отправились в Париж ученых два осла,
По цеху оба журналисты,
А званием семинаристы.
И паспорт бы такой вам дали из Москвы,
Чтоб знала Франция, кто здесь вы таковы.

Эпиграмма «посвящена» возвращению редактора московских журнала «Телескоп» и газеты «Молва» Н. И. Надеждина из заграничного путешествия. Летом 1835 г. Надеждин, подавленный отказом родителей-аристократов Е. В. Сухово-Кобылиной выдать ее замуж за него, решил отправиться в длительную поездку по Европе. Передав управление делами «временной редакции» своих изданий В. Г. Белинскому, Надеждин 8 июня 1855 г. выехал из Москвы в Петербург и затем за границу, откуда вернулся в середине декабря того же года.⁹ К этому времени и событию, очевидно, и следует отнести эпиграмму.

Судя по последней полуфразе эпиграммы — «...кто здесь (т. е. в Москве. — Б. М.) вы таковы», ее автор москвич. Более определенную догадку об авторской принадлежности этой эпиграммы позволяет высказать еще одна особенность ее лексики. Дело в том, что рифма, найденная в 1835 г. автором эпиграммы к имени Белинского, впоследствии несколько раз использована московским поэтом М. А. Дмитриевым в его сатирических перепевах баллад В. А. Жуковского, упомянутых нами выше. Приводим фрагменты этих «баллад» с деталями «портрета» Белинского, совпадающими с характеристикой Белинского в анонимной эпиграмме. Совпадения выделяются курсивом.

В строфе 14 баллады М. А. Дмитриева «Новая Светлана» (1839—1840):

Вот на койке на одной
Лик знакомый, не чужой...
Глядь! Плебей *Белинской!*
Страшен милый прежде вид!
Не двуногим он глядит!
Он уж с *рожей свинской!*

В строфах 6, 11, 16, 19 «баллады» Дмитриева «Петербургская Людмила» (1840-е гг.):

Не видал ли, где *Белинской?*
— Нет, брат, к этой *роже свинской*
Я при всех не подхожу!
Подойдет — я не гляжу.

⁹ Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 98, 114.

.....
Входит трезв совсем *Белинской*.
Радость черта в *роже свинской!*
.....
Ты не демон, а *Белинской!*
Что за демон с *рожей свинской...*
.....
Полно ты пугать, *Белинской!*
Что за черт ты с *рожей свинской!*¹⁰

Легко предположить, что М. А. Дмитриев — самый плодовитый из авторов стихотворных пасквилей на В. Г. Белинского — очень дорожил найденной им рифмой к имени критика и считал ее единственно возможной. Эпиграмма «К Н<адежди>ну» была, очевидно, первым опытом борьбы против Белинского в этом жанре и вообще первой, известной теперь, эпиграммой на Белинского.

Уничижительная характеристика «семинаристы» в эпиграмме Дмитриева на Надеждина и Белинского стала расхожей в последующие годы, особенно в среде писателей-дворян по отношению к литераторам-разночинцам. До Дмитриева ее использовал Пушкин в своей эпиграмме на Надеждина «Мальчишка Фебу гимн поднес...»:

За сим принес *семинарист*
Тетрадь лакейских диссертаций...¹¹

¹⁰ См.: Эпиграмма и сатира. Т. 1. 1800—1840. М.; Л., 1931. С. 327—337.

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 213.

В. П. Муромский

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО И ОСТАП ВИШНЯ

К истории творческих взаимосвязей

В литературе о М. Зощенко утвердилось мнение, что писатель обратился к переводческой деятельности *после* катастрофического для него постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах „Звезда” и „Ленинград”». Оказавшись в положении гонимого и неиздающегося писателя, он поневоле стал искать иные пути литературного заработка. Вот что пишет об этом известный публикатор наследия М. Зощенко Ю. В. Томашевский: «Переводческой работой Зощенко занялся, как нетрудно понять, не по собственному желанию. После постановления 1946 года, когда его лишили возможности печатать свои произведения, он вынужден был сидеть над чужими, которые, кстати, не сами шли ему в руки. Их нужно было выпрашивать, доставать, что Зощенко, мягко говоря, умел делать плохо, и если бы не помощь друзей и отдельных сочувствовавших его положению литературных авторитетов, то вряд ли дожил бы до известного нам дня его смерти». ¹ И далее: «До последнего своего дня Зощенко так и не смог избавиться от этой „черновой” для него работы, которая, кроме унижений и ничтожной оплаты за подневольный труд, мало что могла дать». ²

Публикуемое письмо украинского писателя Остапа Вишни за внешней обыденностью излагаемых в нем фактов приоткрывает ту сторону творческой биографии М. Зощенко, которая до сих пор остается малоизвестной. Оно побуждает внести существенную поправку в уже сложившееся представление о переводческой деятельности М. Зощенко. Из этого письма выясняется, что писатель занялся переводами с украинского еще *до* злополучного августовского постановления 1946 г. и именно «по собственному желанию», когда переводы, как в данном случае, «сами шли в его руки». К моменту появления этого февральского письма, как видно из его текста, М. Зощенко уже перевел на русский язык два рассказа Остапа Вишни —

¹ Томашевский Ю. В. «Литература — производство опасное...» М. Зощенко: жизнь, творчество, судьба. М., 2004. С. 123.

² Там же. С. 124.

«Дикая утка» и «Заяц». Они предназначались для журнала «Ленинград» и были в нем опубликованы. Поэтому не исключено, что просьба к М. Зощенко перевести их на русский язык исходила из данного журнала.³ Переводы, судя по всему, вполне удовлетворили автора рассказов. Иначе он не обратился бы к М. Зощенко с предложением продолжить сотрудничество и «перевести всю книжку» его «Охотничьих усмешек».⁴

Следует обратить внимание и на другой важный момент. Взгляд на переводческие труды М. Зощенко как на работу «неблагодарную», «подневольную», «черновую», «негритянскую» и т. п., при всей, казалось бы, органической соотнесенности его с «опальным» положением и настроением писателя в послевоенные годы, требует по меньшей мере некоторых оговорок. Он не позволяет по-настоящему оценить реальный объем и значение этих трудов. В монографических работах о М. Зощенко о них упоминается мельком, скороговоркой, как о явлении проходном и малоинтересном, за исключением блестяще выполненного, по общему признанию, перевода повести финского писателя М. Лассилы «За спичками» (не случайно книга эта в течение 1948—1955 гг. выдержала четыре издания). В те же годы М. Зощенко переводил с финского повесть М. Лассилы «Воскресший из мертвых» (1950, переиздана в 1955), повести А. Тимонена «От Карелии до Карпат» (издана в 1950), «Освещенный берег», его же рассказ «В лесу», с норвежского — роман «Яд» и рассказ «Народный праздник» А. Хьелланна; с чувашского — рассказ «Письмо» Ф. Уяра; с армянского — «Чаргай (Восточная поэма)», рассказы «Дом», «Во имя жизни» Д. Демирчяна; с осетинского — повесть «О колхозном плотнике Саго» М. Цагараева (издана в 1952) и роман «Заря» С. Кайтова.

К сожалению, почти не сохранилось свидетельств, как М. Зощенко работал над переводами. Вынужденный характер этой работы в самую мрачную пору жизни писателя вовсе не означает, что он относился к ней холодно и равнодушно, думая лишь о деньгах, в которых тогда остро нуждался. О том, как понимал М. Зощенко свою роль переводчика, отчасти свидетельствует недавно опубликованное его письмо Ю. Н. Либединскому от 30 июня 1951 г., где речь идет о переводе упомянутой повести М. Цагараева. Обнаружив в повести «множество недочетов» и «тяжелые погрешности против логики», М. Зощенко сообщает Либединскому, ответственному в Союзе писателей за пропаганду литературы народов Кавказа, что «приходится глубоко вмешиваться в текст автора» и даже «сокращать и кое-что дописывать». «Берусь за эту работу, — добавляет он, — с чувством спортивного интереса. Хочется сохранить наивную искренность автора и то реальное правдоподобие, которое потребует новой логики и более основательных мотивировок действия».⁵ Можно, наверное, спорить о правомер-

³ Тогда же М. Зощенко получил предложение печататься в журнал «Ленинград» и вскоре поместил в нем свои рассказы «Фотокарточка» (1945, № 3), «Хорошая игра» (1945, № 7—8), комедию «Очень приятно» (1946, № 1—2).

⁴ Украинский исследователь И. М. Дузь дает следующую трактовку слова, вошедшего в название многих тематических циклов Остапа Вишни: «„Усмішка“ — это монолитный сплав юмористического рассказа, документального очерка и страстной публицистики» (Дузь И. М. Остап Вишня и развитие украинской советской сатиры и юмора: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Киевский гос. ун-т имени Т. Г. Шевченко. Киев, 1967. С. 11).

⁵ Цит. по: Томашевский Ю. В. «Литература — производство опаснос...». С. 122.

ности «сокращений» и «дописываний», о которых упоминает М. Зощенко, но из его слов ясно, что он подходил к своей работе переводчика не формально, а творчески, прибегая к литературной обработке текста там, где она, на его взгляд, была необходима и в то же время бережно сохраняя отличительные черты, свойственные автору переводимого произведения.

Немалое место среди переводов М. Зощенко занимают произведения украинских писателей: рассказы «Простодушный негр», «Про плохую и про хорошую девочку» А. Гаврилюка, «Герой дня» П. Панча, «В Карпатах» Н. Рыбака, повесть «Детство Гоголя» А. Полторацкого (издана в 1956) Имея в виду обращение М. Зощенко к переводу книг А. Полторацкого о Гоголе, Ю. В. Томашевский пишет: «...на сей раз, кроме заработка, был у него и иной интерес: Гоголь. Не раз и не два он сам когда-то писал о Гоголе. Гоголь был самый близкий ему писатель. И самый понятный для него. В характере, поведении и литературных пристрастиях Гоголя он находил много схожего с тем, что отличало и его художественное и психическое устройство».⁶

Особый интерес к личности и творчеству Гоголя был характерен и для украинского современника М. Зощенко, его коллеги по сатирическому цеху Остапа Вишни. «Вся жизнь с Гоголем» — так красноречиво назвал свою статью о писателе-классике Остап Вишня. Он же является автором статьи «Н. В. Гоголь. К столетию со дня смерти»,⁷ а также переводов на украинский язык гоголевских «Ревизора», «Женитьбы», «Игроков», «Приложения к комедии „Ревизор“», «Театрального разъезда» (переводы осуществлялись под редакцией М. Ф. Рыльского).

Фигура Гоголя, таким образом, духовно и творчески соединяла двух советских писателей-сатириков и в значительной степени питала их взаимный интерес друг к другу.

Жизненные пути М. Зощенко и Остапа Вишни неоднократно пересекались. Они вполне могли встретиться в Харькове, куда М. Зощенко приезжал в 1920-е и 1930-е гг. с чтением своих рассказов в клубах и библиотеках города.⁸ Известно также, что Остап Вишня побывал в послевоенном Ленинграде, где, естественно, не мог не общаться с ленинградскими писателями. Фраза из его письма к М. Зощенко «Привет ленинградским товарищам!» скорее всего относится к тем коллегам по перу, с которыми он познакомился во время пребывания в городе на Неве. Итогом этой поездки явился очерк писателя «Ленинград и ленинградцы».

Не подлежит сомнению, что М. Зощенко был хорошо знаком с творчеством Остапа Вишни и даже говорил (правда, в полушутливом тоне) о возможности совместного сотрудничества. Украинский публицист Юхим Мартыч, запечатлевший картину выступления М. Зощенко на киевской эс-

⁶ Там же. С. 132.

⁷ См.: *Вишня Остап*. Избранные произведения: В 3 т. М., 1967. Т. 3. С. 22—30, 35—37.

⁸ См.: Хронологическая канва жизни и творчества М. Зощенко // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публикации Ю. В. Томашевского. М., 1994. С. 346, 352. Факт личного знакомства М. Зощенко и Остапа Вишни подтверждает письмо Ю. Олеси к Зощенко от 28 марта 1930 г. (См.: М. Зощенко и Ю. Олеша. Весна 1930 года / Предисл. и публ. Т. М. Вахитовой // Зощенко М. Материалы к творческой биографии. Кн. 3 / Отв. ред. В. П. Муромский. СПб., 2002. С. 118.)

траде 1930-х гг., свидетельствует: «Уже после войны Зошенко рассказывал гостям из Киева о своих мечтах: „Вот перееду к вам на Украину и, может быть, напишу что-нибудь вместе с Остапом Вишней...”. И его узкое, хмурое лицо озаряла ласковая улыбка. Ему, видимо, очень нравился этот замысел, но осуществить его писатель уже не успел».⁹

В то время, когда М. Зошенко взялся переводить рассказы-миниатюры Остапа Вишни, дамоклов меч партийного постановления еще не висел над ним, он был свободен в выборе литературного материала для перевода. Обращение его к переводу «Дикой утки» и «Зайца» не покажется чем-то странным и неожиданным, если вспомнить рассказы самого М. Зошенко о животных. Он начал создавать такие рассказы с конца 1930-х гг., адресуя их в первую очередь детям и публикуя либо отдельной книжкой,¹⁰ либо отдельным циклом в составе своих избранных произведений. Тональность этих рассказов, наполненных легкой иронией и юмором, сопровождаемых доброй авторской улыбкой, их нравственно-педагогический пафос очень близки рассказам-усмешкам о животных из «охотничьего» цикла Остапа Вишни, предназначенного, впрочем, не только и даже не столько для детей.

М. Зошенко получил письмо от Остапа Вишни за полгода до постановления 1946 г., после которого с подобными просьбами к нему уже не обращались. Неизвестно, принял ли он предложение украинского писателя о переводе на русский язык книги «Охотничьи усмешки», приступил ли к этой работе. В трехтомном издании «Избранных произведений» Остапа Вишни (М., 1967), где опубликован цикл «Ни пера, ни пуха. Охотничьи рассказы», имя М. Зошенко в качестве переводчика упомянутых в письме и других каких-либо рассказов Остапа Вишни отсутствует. Нет имени М. Зошенко среди переводчиков и в отдельном русском издании «Охотничьих усмешек», вышедшем на десять лет раньше (М., 1957).¹¹

Остается лишь сожалеть, что исторические обстоятельства помешали реализоваться столь удачно начавшемуся творческому сотрудничеству двух больших и популярных писателей-сатириков из родственных славянских литератур.

⁹ Мартыч Юхим. Под киевскими тополями / Авториз. перевод с украинского Б. Турганова. М., 1972. С. 386.

¹⁰ См., например: Смешные рассказы. Л.: Детгиз, 1937; Умные животные. Л.: Детгиз, 1939 (перезд. в 1940); Храбрые и умные. М.; Л.: Детгиз, 1940 и др.

¹¹ В качестве переводчика рассказа «Заяц» М. Зошенко упомянут лишь в кн.: Остап Вишня. Юмористические рассказы / Перевод с укр. М., 1964. С. 310.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я уже знаю, что, кроме «Дикой утки», Вы перевели и моего «Зайца»,¹³ за что разрешите пожать Вам руку, с благодарностью и крепко.

Я послал в «Ленинград» еще следующие вещи из моих охотничьих усмешек: 1) «Лось», 2) «Медведь», 3) «Волк», 4) «Дикая коза».

Если они подойдут, я очень Вас прошу и их перевести на русский язык.

Кроме того, я хотел бы договориться с Вами, — пока принципиально, — не согласились ли бы Вы вообще перевести всю книжку моих «Мисливських усмишок»,¹⁴ которая будет готова, очевидно, в марте этого года.

Будет, вероятно, листов 7—8.

Всех вещей будет около 20.¹⁵

Конечно, это в том случае, если какое-нибудь издательство СП РСФСР¹⁶ заинтересуется в издании.

Это первое.

Второе. Пришлите мне Ваши новые тексты. Знаю, что идет Ваш «Парусиновый портфель»¹⁷ и слышал, будто бы есть что-то еще поновее! Правда, или нет?¹⁸

¹² Ф. 501, оп. 3, ед. хр. 418.

¹³ Оба рассказа были напечатаны в журнале «Ленинград»: Вишня Остап. 1) Дикая утка / Перевод с украинского М. Зощенко; Рисунки В. Гальбы // Ленинград. 1945. № 10—11; 2) Заяц (из серии охотничьих усмешек) / Перевод с украинского М. Зощенко; Рисунки В. Курдова // Ленинград. 1945. № 23—24. В том же журнале (1945. № 12) появился еще один, пожалуй, наиболее известный рассказ Остапа Вишни «Зенитка» (из воснного цикла) в переводе А. Островского.

¹⁴ Так назывался цикл юмористических рассказов Остапа Вишни, объединенных им позднее в книгу. По этому поводу автор писал: «...сам я для своих произведений придумал название — „усмешка” и это слово люблю куда больше, чем слово „фельетон”. Хотя „фельетон” уже завоевал у нас полное право на жизнь, но, по-моему, слово „усмешка” роднее, ближе...» (Вишня Остап. Избранные произведения. М., 1967. Т. 3. С. 9). Имея в виду это слово, М. Ф. Рильский метко подметил, что Остап Вишня изобрел «собственный термин для собственного жанра» (Рильский М. Ф. Предисловие // Вишня Остап. Ни пуха вам, ни пера. Охотничьи рассказы. М., 1958. С. 3). Самого автора «Охотничьих усмешек» М. Ф. Рильский называл «поэтом охоты». В подтверждение этих своих слов он писал: «Запахи лугового сена, обильные звезды на бархатном украинском небе, розовые вечера и рассветы, крики птиц, звериные следы, песня, наша бессменная и неизменная спутница, — все это заполняет его книгу» (Там же. С. 6).

¹⁵ Пополнение цикла новыми рассказами происходило и в дальнейшем. Книга «Ни пера, ни пуха! Охотничьи рассказы», включенная в 3-й том «Избранных произведений» Остапа Вишни (М., 1967), состоит из 33 рассказов.

¹⁶ Неточность автора письма. Союз писателей РСФСР был создан позднее, на Первом Учредительном съезде писателей Российской Федерации в 1958 г.

¹⁷ Комедия М. Зощенко «Парусиновый портфель» была впервые поставлена Ленинградским драматическим (блокадным) театром (ныне Театр имени В. Ф. Комиссаржевской) в июне 1945 г. (реж. В. Н. Лебедев) и прошла на его сцене в первые послевоенные годы около двухсот раз.

¹⁸ В 1945 г. М. Зощенко закончил работу над новой комедией «Очень приятно». Публикация ее первого акта состоялась в журнале «Ленинград» (1946. № 1—2). Постановку комедии

Я покажу их своему Главреперткому, — возможно, что их тут благословят, поговорю с театрами и т. д. Все же у нас на Украине сто с лишним театров! А переведу я их с большим удовольствием.¹⁹

Низко кланяюсь и жму руку Вашу.

Ваш Остап Вишня.

На полях с правой стороны приписка автора письма: «Р. С. Лежу сейчас в больнице со своей язвой 12 перст<ной> кишки. Пью рыбий жир, а не водку. Грустно!» Подпись.

На полях с левой стороны приписка автора письма: «Привет ленинградским товарищам!» Подпись.

осуществил режиссер В. П. Кожич на сцене Ленинградского драматического (блокадного) театра в июне 1946 г.

¹⁹ Намерения Остапа Вишни, касающиеся возможной постановки зощенковских пьес на Украинс, равно как и перевода их на украинский язык, не могли осуществиться из-за появившегося вскоре постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г., фактически лишившего М. Зощенко всех прав и звания советского писателя.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА Е. М. ФЕОКТИСТОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ
(1851—1861)

Часть II

(12 сент. 1852—24 дек. 1861)*

Публикация Э. Г. Гайнцевой

20

12 (24) сентября 1852. Кучук-Ламбат

12 сентября. 1852.

По щучьему велению, по моему прошению я вдруг перенесся в Крым,¹ любезный Иван Сергеевич. Всё это было сделано так вдруг и так неожиданно, что я не могу еще теперь опомниться хорошенько от множества впечатлений,** произведенных на меня, во-первых, поездкою по Малороссии, а потом красотами Крыма.² Не Вам, разумеется, видевшим Италию и, кажется, Испанию,³ стану я описывать чудеса здешней природы. Но признаюсь Вам, я, до сих пор не выдавший в моей жизни ничего, кроме Останкина и Сокольников, до сих пор еще нахожусь, как будто в угаре. Дача наша превосходна,⁴ море у самых ног, обед всегда вкусный (врут те, которые говорят, что в Крыму едят дурно) — чего же более? Без сомнения, не всегда я буду наслаждаться такими красотами. Я поступаю на службу в Симферопольскую Палату Государств<енных> Имуществ⁵ и потому обязан по большей части жить в городе, но город отсюда недалек, и шоссе по дороге весьма облегчает сообщение.

Служба будет мне приятна, потому что она здесь не отлучает меня от графини. Видя ее теперь постоянно больною,⁶ я еще сильнее привязываюсь к ней и всё более понимаю, сколько истинно отличного и благородного

* Первую часть публикации «Письма Е. М. Феокистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Часть I (21 февр. 1851—29 марта 1852)» см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 133—214. Принятая в первой части система сокращений сохраняется.

** *Далее начато*: которые

лежит в ее натуре. Я помню наш с Вами разговор в карете, — но ответ на него дам через год. Если в это время лень моя не оставит меня, если я действительно ничего не сделаю и не буду заниматься, как все, — то винить уже тут будет некого. Виноват буду я и никто больше...

Но довольно обо мне, что подделываете Вы, любезный друг мой? Я до сих пор жду, что Вы пришлете мне «Записки охотника», которые я снова перечту с большим наслаждением.⁷ Если хотите одолжить меня бесконечно, то исполните мою вторую просьбу, — сделайте одолжение, велите переписать Вашу повесть, которую в последний раз в Москве Вы читали нам у Грановского и потом у Щепкина, и пришлите мне ее сюда...⁸ Все здесь живущие жаждут прочесть ее. Сделавши это, повторяю Вам, Вы меня одолжите бесконечно. Но вот в чем дело: письма сюда, как я уже писал Вам, надо пересылать мне сюда по адресу: На Юж<ный> б<ерег> Крыма, на станцию Биюк-Ламбат, — но посылки по другому: На Юж<ный> б<ерег> Крыма, в гор<од> Ялту. Поэтому если записки Охотн<ика>* Вы не посылали еще, то пошлите по второму, а если послали, то делать нечего. Авось, дойдет как-нибудь. То же самое скажу — надеюсь на Вашу снисходительность — и о повести...

Жить тут хорошо, природа хороша, женщин здесь вовсе нет, без всякого преувеличения, — но, должно быть, впоследствии будет скука страшная. Одно спасение — книги. Я взял сюда 2 большие тюка, и теперь читаю Rabelais.⁹ Думаю, что эта книга делается моею настольною, и никогда я с нею не расстанусь.

А прогос, знаете ли, что пред отъездом из Москвы, я слышал, что «Москвитянины» упрекают Вас в зависти потому, что в каком-то письме и не знаю к кому-то, Вы сказали, что у Островского «есть талант». Эти слова, сказанные про «гения», кажутся им неслыханною дерзостью.

Прощайте, милый Иван Сергеевич. — Грешно Вам будет, если Вы не победите свою лень и не будете писать ко мне.

Искренно Вас любящий

Е. Феоктистов.

¹ Феоктистов и его спутники выехали в Крым, по свидетельству Салиас, 23 августа 1852 г. и прибыли в Симферополь 1 сентября (см. РО ИРЛИ, № 25164, л. 127 об., письмо в копии, авторская дата: 7 сентября (карандашная помета на полях: 1852. Крым), год написания письма уточняется по соответствию данному письму Феоктистова). Замысел поездки вызрел постепенно. Еще в конце августа 1851 г. Салиас сообщила К. Н. Бестужеву-Рюмину: «Я пробуду на Выксе до конца Сентября, а потом в Москву. Сестра моя здесь — делает превосходную картину на выставку — и едет зимою в Крым. У нас по этому случаю планы страшные, громадные, никому здесь неизвестные — я вам одним только и пишу о них, зная вашу привычку молчать. Дело в том, что здоровье мое очень плохо и надо бы его поддержать, и поэтому решились мы все <...> отпустить Союю зимою в Крым — она приготовит квартиру, а в Мас (скопив зимой деньги) Кудрявцевы, я, Eugène и дети едем мы в Крым вскладчину, в одном большом экипаже, без девушки горничной, проедем Киев, Одессу — и покупаемся в море, и поедем в горы. Путешествие в Крым будем мы писать в три руки — я, Eugène и Кудрявцев <...>. Осенью домой <...> Издание путешествия сделаем чудесное» (Там же, л. 121—121 об.; письмо в копии, без даты и штампа, на полях карандашная помета рукой неустановленного лица: 15 июля 1852? Раево? Выкса? Дата письма корректируется (конец августа 1851 г.) по содержанию письма, а также по соответствию письму Феоктистова — Тургеневу от 23 августа 1851 г.). В следующем,

* Так в автографе.

1852 году в письме из Расвы (Калужская губ.) Салиас рассказала о поводе, укрепившем ее желание ускорить давно замысленный отъезд на юг: «Я еду в конце Сентября в Крым — и оттуда в Одессу и всё будущее лето пробуду там. Я никак не решалась на такой поступок и важный шаг, но вчера получила письмо от сестры, которая пишет, что остается всю зиму на Южном берегу. Это меня и решило <так в копии. — Э. Г.> ехать к ней и не терять okazji прожить зиму вместе — тем более, что со всякой перемной температуры я делаюсь совершенно больна <...> Живу я тихо <...> и сама очень озадачена, что еду в Крым. <...> Ев<гений> М<ихайлович>, несмотря на все препятствия, говорит, что уедет со мною» (Там же, л. 124—124 об., 126; письмо в копии, без авторской даты, на сохранившейся части штмпела число: 25, на полях карандашная пометка рукой неуставленного лица: 25 авг. 1852. *Раево?* предпологаемая дата — конец июня 1852 г.). Плохое самочувствие Салиас (см. 6-е примечание к наст. письму), усугублялось не только распадом брака, одиночеством, тяжелыми отношениями с родителями (из ее письма от 2 февраля 1849 г. сестре Евдокии Пстрово-Солововой: «Мы хороши вместе, но атмосфера этого дома душит меня»), но и разыгравшейся в их семье драмой. В ночь на 8 ноября 1850 г. была убита гражданская жена ее брата Александра Васильевича Сухово-Кобылина — Луиза Симон-Деманш (1819—1850). Началось многолетнее, изнурившее семью, следствие (см.: Документы следствия и судебные дела об убийстве Луизы Симон-Деманш // Дело Сухово-Кобылина / Сост., подгот. текста В. М. Слезнева и Е. О. Слезневой, вступ. статья и комм. В. М. Слезнева. М., 2002. С. 42—234; историю изучения дела А. Сухово-Кобылина и ее анализ см. в предисловии к указ. кн., с. 6—8). Была и другая причина, побудившая Салиас, хотя бы на время, покинуть Москву. В выше процитированном письме к Бестужеву-Рюмину она писала: «... и недурно вон из Москвы, где, между нами сказать, жизнь делалась мне невыносимой, по причине натянутых отношений с Гран<овским> и клеветы, которая меня преследовала из их кружка» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 126—126 об., дата: конец июня 1852). О конфликте Салиас с Т. Н. Грановским и его кружком см. в 4-м примечании к следующему письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21). Решение же Феокистова на время покинуть Москву определялось, скорее всего, стремлением выйти из круга обострившихся отношений с административно-полицейскими властями в связи с «делом» Тургенева, поводом к которому послужила публикация запрещенной в Петербурге статьи о смерти Гоголя (см. общую вступ. статью, ч. I).

² Крыму Феокистов посвятил очерк, написанный им в первые дни пребывания в этом крае, см.: *Е. Ф. «Феокистов»*. Письма из Крыма к редактору. I // *Московские ведомости*, 1852, 4 ноября, № 133. Литературный отд.; под текстом: «Кучук-Ламбат. Октября 10-го». Видимо, эту публикацию имел в виду А. В. Лохвицкий, сообщая влостному другу Бестужеву-Рюмину 17—18 сентября 1852 г., что в последнем номере «Московских ведомостей» появится «письмо» Феокистова из Крыма (РО ИРЛИ, № 24887, л. 41—42).

³ Первый раз Тургенев посетил Италию в 1840 г. (с января по май). Хронику путешествия см. в *Летописи (1818—1858)*. С. 47—50, подробнее: *Гревс И. М.* Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд). Л., 1925. С. 24—32 и проч. Предположение о пребывании Тургенева в Испании возникло, вероятно, в связи с его поездкой, в сопровождении В. Боткина, в Пиренеи в июле 1845 г. (см. начало очерка «Несколько дней в Пиренях» и примечания к нему (*Т. Сочинения (2-е изд.)*). Т. I. С. 413—414, 559—561). Как известно, Боткин из Пиренеев направился к границе Испании и пересек ее. Тургенев вернулся в Париж.

⁴ Из письма Салиас к Бестужеву от 7 сентября 1852 г.: «Наша дача прелесть — моя комната восторг. Из окна виден месяц над морем — влево скалы, вправо Аюдаг-гора и солнце за ней садится. Невыразимо хорошо...» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 128).

⁵ Феокистов оформился на службу в Таврическую палату государственных имуществ (г. Симферополь) в связи с решением московской администрации (по делу о публикации статьи Тургенева, посвященной смерти Гоголя) учредить за ним полицейский надзор и предписать немедленное поступление на государственную службу. В Крыму Феокистов жил, по словам Л. Майкова, «деля время между Симферополем, местом служения, и Кучук-Ламбатом...» (*Майков Л. С.* 34). Подробно о вышеизложенных обстоятельствах см. во вступ. статье (ч. I) и примечаниях к письмам от 3, 7—8, 24, 29 марта 1852 г. (№ 16—19, ч. I).

⁶ Осенние письма Салиас из Крыма полны жалоб на плохое самочувствие. Вероятно, ее физическое состояние было следствием развивавшейся болезни, о которой Феокистов рассказал в дневнике, в год ее смерти: «Глубоко был я опечален кончиной графини Е. В. Салиас. С нею связано у меня много дорогих воспоминаний, время пятидесятих годов так и воскресло в моей памяти; Божь мой, как всё это неизмеримо далекое, — словно живешь теперь в другом мире... В 1857—1858 годах жил я в Париже; там же находилась и графиня Салиас в крайне бо-

лезненном состоянии: у нее беспрерывно показывалась кровь горлом; консилиум французских докторов, между которыми первое место принадлежало пользовавшемуся тогда большою известностью доктору Луи, высказался, что она страдает чахоткой в сильном развитии и конечно не проживет долго. Между тем скончалась она в 1892 году» (ОР ИРЛИ, № 9122, л. 48).

⁷ Речь идет о вышедшем в Москве отдельном издании (в 2 книгах) «Записок охотника». Выход книг задерживался, в частности, в связи с цензурными трудностями и опасениями автора навлечь на себя новые репрессии (о цензурной рукописи московского сборника охотничьих рассказов: *Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника» в Москве // «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сб. статей и материалов. Орел, 1955. С. 405—427 (входит в состав общей публикации: *Заборова Р. Б. и Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника»); общий свод материалов о цензурной истории первого издания записок: *Т. Сочинения (2-е изд.)* Т. 3. С. 407—410, 437—438, 444—445). Еще весной 1852 г. Тургенев, уверенный, что одной из причин правительственных гонений на него были охотничьи рассказы, писал Полине Виардо: «Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве — очень жаль...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 391; дата: 1 (13) мая). При этом он связывал свой арест не только со стремлением властей «подвергнуть запрету всё, что говорилось по поводу смерти Гоголя», но и «наложить запрещение» на его литературную деятельность» (Там же). Однако летом 1852 г. двухтомник охотничьих записок вышел в свет. В номере от 21 августа «Московские ведомости» сообщили своему читателю о его успехе в столице: «...Петербург <...> читает <...> только что приехавшие из Москвы „Записки охотника“ соч. *Ив. Тургенева*, изданные в двух томах и дополненные против того, что было напечатано в „Современник“» (№ 101. С. 1048. Рубрика «Петербургская жизнь»). 25 августа в отделе «Литературные новости» этой же газеты появилась информация: «К числу самых приятных московских литературных новостей надобно отнести выход в свет отдельного издания „Записок охотника“ г. Тургенева <...> В продолжение трех, четырех лет они выходили отдельными статьями в „Современник“, постоянно возбуждая самое живое участие; теперь они вновь отпечатаны в двух изящных томиках, которые, вероятно, будут разобраны нарасхват» (1852, № 102. С. 1062. Подпись: М. К-й). Тем не менее новое издание вызвало ряд санкционированных Николаем I репрессивных мер — увольнение со службы цензора В. В. Львова, ужесточение положения ссыльного автора (см.: *Оксман Ю. Г.* Секретное следствие о «Записках охотника» Тургенева в 1852 году // *Оксман Ю. Г.* От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959. С. 246—307). Отклики Феокистова на охотничьи записки («Бежин луг» и др.) по мере их появления в «Современнике» см. в письмах от 21, 24 февраля, 17—18 и 30 марта 1851 г. (ч. I); на отдельное издание — от 8 января 1853 г. (№ 22).

⁸ Феокистов имел в виду копию рукописи «Муму», которую Тургенев читал у Т. Н. Грановского и М. С. Щепкина между 19 и 29 мая 1852 г. (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 604; *Летопись (1818—1858)*. С. 207). Далес — 14-е примечание к письму № 21.

⁹ Рабле (Rabelais) Франсуа (1494, в некоторых изд. ок. 1493—1553).

21

5 (17) декабря 1852. Кучук-Ламбат

5 декабря. 1852. Кучук-Ламбат.

Милый Тургенев — представьте себе, что только два дня тому назад я получил письмо Ваше от 7 ноября.¹ Г<-н> Почтмейстер Ваш не отличается знанием географии: вероятно, не зная, что Южн<ый> берег Крыма относится к Таврической губернии, он адресовал Ваше письмо в Тифлис — от туда оно пошло в Феодосию и, наконец, попало ко мне. Для избежания этого впредь, пожалуйста, адресуйте письма Ваши подробнее, хоть, напр<имер>, так: *Таврической губ<ернии> через г<ород> Симферополь на*

Южный берег Крыма, на станцию Биюк-Ламбат. Авошь, письмо, посланное таким образом, избегнет лишнего крюка в тысячу верст. —

Что сказать Вам о себе. Увы! главное дело моей жизни — уменьшение моей тучности — не подвигается ни на шаг вперед. Вы имеете полное право представлять меня, но в воображении, именно таким же, как мы расстались в последний раз. За средства, предлагаемые Вами, я очень благодарен, но действительными из них признаю только одно. Это — занятие естественною историею с женщинами, и, как нарочно, этой-то дряни, говоря Вашими словами, и нет в Крыму. Возражения Ваши тут ничего не значат. Татарки — не женщины. Помилуйте, что хотите сделать Вы путного с существом, которое на все страстные излияния чувств отвечает только одним диким мычанием. Остается только одно средство — мимика, — язык страстей, — но это средство удается мне еще менее прочих. Дело в том, что я тут* слишком уж, может быть, ясен в своих выражениях, — даже молчание мое носит на себе характер слишком большой понятливости и многознаменательности, — а всякая простота и ясность желаний, Вы знаете, гибельна в этом мире. Руссо просто врал, когда мечтал о каком-то баснословном царствовании безыскусственности и простоты на земле — его никогда не было² — и чтобы убедиться в этом, Вам стоит только подойти с каким-нибудь невинно-простым жестом или словом к первой попавшейся** женщине, вместо того, чтобы желание Ваше облечь в цветы приторной и ложной страсти...

Помимо этого культа — (малость!), — я веду себя весьма хорошо и очень собою доволен. Читаю много, занимаюсь по-английски успешно,³ вообще сделался совершенно деловым человеком. — Да, я в первый раз в моей жизни испытал теперь, что уединение порою — очень и очень хорошая вещь. Оно приучает человека к самостоятельности, заставляет его откровенно поговорить с самим собою, ставит его на собственные ноги и мало-помалу отучает от всякого поклонения всевозможным авторитетам. Особенно ненависть к московским кружкам, я Вам говорю откровенно, достигла у меня до болезненного раздражения.⁴ Дикая хохот Кетчера, дешевое и бесполезное коварство Фролова, цинизм В. П. Б<откина> — какая отрада быть далеко от всех этих прелестей!⁵ Может быть, я не прав в этом случае, враждуя так против людей, из которых каждый по-своему и по мере сил был полезен в своей жизни, тогда как мы только обещали, да и то мало, — но что делать, — чувство мое несколько не форсированно и весьма искренно. К тому же я не нападаю безусловно на этот кружок — напротив, я тут более, нежели когда-нибудь, чувствую пустоту нашего поколения. Ваше было гигант в сравнении с ним. Но отчего же это? — эта мысль порядочно занимает меня. Неужели нет более глубокой причины в нашей лени, бездействии, апатии — и неужели всё дело лежит в ничтожестве нас самих? Может быть, да, а, может быть, и нет — но только, действительно, наша жизнь — неизвестно что такое, и наше поколение по справедливости может назваться «лишним» поколением. Что мы такое? — ученые? — кажется, нет, литераторы — также, — светские люди? — и того меньше. Но если ничего этого нет, то по крайней мере наслаждаемся ли мы хоть ма-

* Слово: тут — вписано.

** Так в автографе.

териальными благами жизни, веселились ли когда-нибудь без оглядки и от души — увы! и этого нет. Бурная веселость молодости проводится у нас в объятиях какой-нибудь Матрешки, и мы живем... на словах. Я это говорю не об одном о себе, но о многих, которые шли и идут теперь еще со мною одною дорогою. — Вы простите меня, однако, за это нелепое отступление — но что делать, — новостей у меня нет, и надо же было мне отмстить на ком-нибудь письма ко мне Бестужева, преисполненные анализом и разбором своего — я...⁶

Всё предыдущее Вы можете считать за *premier Paris*, сочинение> Сент-Марка-Жирардена, — теперь следует фельетон, но далеко не жаненовский.⁷ Чтобы достигнуть какого-либо разнообразия, мне придется передавать Вам отсюда — новости московские, ибо татарских нет никаких: до сих пор еще не выдается здесь татарских журналов, да вообще, я смею думать, что литература их гораздо слабее даже нашей.* — Ну, так слышали ли Вы, что Островский написал новую комедию: «Не в свои сани не садись»⁸ — которая, пишут мне сюда некоторые, еще лучше «Своих людей».⁹ — От Каткова получил вчера письмо — он женится на княжне Шаликовой¹⁰ и едет служить в Петербург; не знаю, займет ли Вас эта новость, но меня она весьма интересуется, ибо я чрезвычайно люблю этого человека, и досадно думать, что наше московское общество уменьшается всё более и более. —

Что теперь сказать Вам о нашей жизни здесь, — о нашем *intérieur*?** — Графиня теперь чувствует себя гораздо лучше прежнего, — это путешествие сделало ей огромную пользу, — если не случится чего-нибудь особенного, я уверен, она приедет тогда с богатым запасом сил. Прочие наши товарищи — Софья Кобылина, — которую Вы знаете,¹¹ — Мейер, которого Вы не знаете,¹² и, след<овательно>, не знаете самой занимательнойловины человеческого рода. На этого господина, батюшка, не одного, а двадцать охотников можно напустить, и то всякий уйдет с богатым запасом. Рассказы об нем ничего не значат, надо самому увидеть... Ах! забыл совсем — еще в бытность мою в Калуге я видел там страшнейшего хлыща, как выражается И. И. Панаев, — некоего г<-на> Бокара,¹³ инженерного офицера, который говорит, что он был, кажется, воспитан Вашею матерью, и уверял, что он первый Ваш друг. Объясните эту загадку, ибо не только быть с ним другом, но и кланяться с ним совестно, и я никак не верил его рассказам...

Что подельываете Вы? Благодарю, между прочим, заранее за «Муму», ибо до сих пор я еще не получил ее.¹⁴ Вероятно, опять в Тифлис поехала... — если Вы еще не послали ее, то адресуйте, как Вы и хотели сами, в Ялту. Что Вы теперь пишете,¹⁵ ибо я уверен, что Вы работаете, — иначе что же делать зимою в деревне. Пожалуйста, не закрывайтесь в таинственный плащ и скажите мне, ибо всё, что касается Вас и Вашей работы, меня весьма занимает. Я еще сердит на Вас за то, что в Москве Вы не сказали мне, что написали первую часть Вашего романа. Я не знаю, правда ли это, но Шумский мне говорил за верное...¹⁶

* Было: еще гораздо слабее нашей. Слово: даж — вписано.

** В данном контексте: внутренней жизни (франц.).

Много ли Вы читаете? Не говорите же, что я совсем погрузился в Рабле, ибо за ним я* примусь за любимца Вашего — Монтеня.¹⁷ Но Рабле — великий человек. Вот господин, который мог смело сказать, что понимал жизнь и наслаждался ею по-человечески. И потом такой юмор!... Прочел я, между прочим, *всего* (!) Вашего другого любимца Юма,¹⁸ — и, по крайнему разумению моему, опять-таки убедился, что манера его далеко не может прельщать в наше время. Видно усилие сохранить тон древних — но неужели Вы полагаете, что новый историк имеет ту же самую задачу, как древние. Без сомнения, в их руках исторический рассказ достиг до художественной обработки, но надо обратить внимание на *область* истории в их время и в наше. Мне кажется, что истории в будущем** предстоит всё более и более терять самостоятельный характер, и быть, так сказать, энциклопедиею человечества, общим итогом всех сторон его жизни, справочною книгою для всего, что его касается. — Потом самая точка зрения Юма, исключительно — «политическая», мне не нравится, хотя в этом виноват не он, а его время и состояние истории в XVIII веке. — Не знаю, писал ли я Вам, что я занимаюсь по-английски весьма ревностно и делаю большие успехи. Надеюсь к концу зимы читать уже совершенно свободно. Это будет немалым наслаждением. А *propos*, читали ли Вы когда-нибудь «*Pelham*» Бульвера?¹⁹ Если нет, — то советую. У него нет ни на каплю художественности, но зато океан ума, и это скорее не роман, но удивительный трактат о жизни вообще, хотя и его точка зрения не только узка, но возмутительна. —

Прощайте, милый Тургенев, — я наболтал Вам всякого вздору, — но, право, от скуки и вздор иногда может занять. Графиня пишет Вам сама. Но знайте, ленивый друг мой, что Вы непременно должны нам написать сюда одно из тех больших и умных писем, которые Вы всегда умеете писать так хорошо,*** когда захотите. В моей же аккуратности в переписке сомневаться Вам грешно. Затем искренно обнимаю Вас и желаю всего лучшего.

Весь Ваш

Е. Феокти<стов>.

Вот Вам анекдот — сам его слышал. В Симферополе встречаются два приятеля. Один очень надутый господин говорит: «Мы — здешние львы...». А приятель его поправляет: «Какие Вы львы — Вы просто — собаки». Надо было видеть конфуз другого. Я хохотал как, дурак. —****

¹ Письмо Тургенева к Феоктистову от 7 ноября 1852 г. неизвестно.

² Замечание Феоктистова по духу соответствует оценке Руссо из тургеневского письма к П. В. Анненкову от 19 октября 1853 г. в связи со статьей Сен-Марка Жирардена о Руссо в нескольких номерах «*Revue des Deux Mondes*» за 1852 г.: «...особенно мне приятно было видеть, как нестерпимо пронизательный St-Marc Girardin отделал Руссо, к которому сердце мое давно не лежит. Его самолюбивые страдания пришли под лад самолюбивому его потомству — но пора и честь знать. Писатель он удивительный, особенно со стороны слога — в этом отношении он творец, — но какой же он *martyr* <мученик — *франц.*> — чёрт возьми наконец! Ведь

* *Далее начато*: нач<ну>

** *Далее было*: времени

*** *Слова*: так хорошо — *вписаны*.

**** Так в автографе.

и преследовали его ровно настолько, насколько нужно было, чтобы дать ему случай рисовать себя и изливать свою желчь» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 267).

³ Ср. со строками из письма Салиас к Бестужеву-Рюмину от 20 октября 1852 г.: «...каждый день я учусь по-английски и уже кое-как, с грехом пополам, перевожу Диккенса, учу слова наизусть и плещусь — думаю, что выучусь. Первою и *потему* (pardon за правду) над повестями о Рождестве» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 133—133 об.).

⁴ Картина отношений, сложившаяся в кружке Грановского к зиме и весне 1852 г., отразилась (естественно, в субъективном преломлении) в письмах Салиас к Бестужеву-Рюмину. Рассказ ее, перемешающийся сообщениями о тяжелой болезни жены Грановского и его душевном состоянии, — своеобразная хроника внутренней жизни кружка этой поры. Из письма от 6—7 апреля: «Вокруг нерадостные лица — у Гр<ановских> почти нельзя оставаться спокойно — Лиза очень, очень плоха. На днях будет консультация, и решат — куда им ехать. Я боюсь, что поздно. Он хочет просить себе годовой отпуск — на него страшно смотреть в те минуты, когда он подозревает страшную истину — но лишь только ей лучше — и он ободрится. А это беспрестанно — то хуже, то лучше. — Положительно, что чихотка развывается, хотя все боится произнести это слово — у них его не слышно — но это ясно по ходу болезни. Сохрани ее Боже — он погиб без нее. Я редко бываю — мало съезжу сама, но холод прохватывает меня, когда гляжу на это исхудалое лицо, ввалившиеся глаза. Страшно. Болезнь неумолимая. Ему надо ехать на остров Мадеру — да не пустят за границу — боюсь я, — тогда, куда ж?» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 99—100, письмо в копии, с авторской датой: *Апрель. 1852*. Рядом карандашная помета: 6—7. *Москва*. Число уточняется по штемпелю: *Москва. 1852. Апреля 7*). К 23—24 апреля, по свидетельству Салиас, ее отношения с Грановским и его окружением резко обостряются: «...как друзья меняются, и как они оскорбляют. Верите, что в продолжении 3 недель, что я была больна и не выходила из спальни, Гр<ановский> не завернул ко мне ни на минуту. И за что? всё глупые бабы сплетни, в которые его запутали. Его же кружок оскорбил меня, да он же и восстал против меня. Я, разумеется, не показываю вида, не хочу знать, не знаю нулев <— слово вписано копистом карандашом. — Э. Г.>, его составляющих, не говорю Гр<ановскому> ничего, но разрыв внутренний сильный, хотя и не явный, хотя по-попржнему nous avons l'air d'être les mêmes <мы внешне всё те же — франц. >. Грустно» (Там же, л. 104—104 об., письмо в копии, датируется по штемпелям: 1) *Москва—Апреля 24* 2) *Тамбов—Апреля 29*, карандашная помета неустановленного лица: 23—24 апр. 52. *Москва*). К 27—28 апреля разрыв становится очевидным: «Гр<ановская> очень плоха, за границу ему ехать нельзя — по-моему, надо бы было ехать в Оренб<ург> пить кумыс, но он поедет просто в Малороссию — в Рубанку с своей кузиной, вышедшей замуж за Фролова. Всё это теперь держится за руку, дружно чрезвычайно, ругает меня почем свет стоит (кроме Гр<ановских>, которые однако — это знают), но я еще не слыхала, чтобы дружба лечила от слабой груди. Бедная женщина — идет быстро — к гибели — а он ? он не видит. <...> знаю, что смерть этой женщины — гибель его — гибель конечная. Но знать и не быть в состоянии помочь — чувство тяжелое. Мне — нехорошо в их доме — прежнего нет. Я стала для них другая, хотя сердце мое к ним то же. Вы видели начало размолвки на Выксе — она дошла до *plus ultra* <донельзя (до крайности) — лат.>. Я стала, в их глазах, и мелочна, и смешна, и покрыта недостатками, и Бог весть что. — Гр<ановский> — человек страстный и бесхарактерный, пристрастно усваивающий себе скоро мнение лиц, которым доверяет, еще более усваивающий те мнения, которые ему нашептывают с утра до вечера. А Фр<олов> на это дело мастер. Он терпелив и упорен, как монах, осторожен, как немец, монах <?>, как дипломат, коварен и ловок, как светский лев, добывающийся погубить кого-нибудь. А со мной легко сражаться, — я разом наговорю грубостей и постараюсь оборвать, это когда вызовут на дерзость — а иначе я молчу и отдаляюсь. Вот что со мной и случилось. Никто не вызвал меня на бой даже и грубым взглядом — а когда меня не было, то всякое слово мое, взгляд, движение брови, покроя платья и манера садиться были или осмеяны, или пересужены. Что ж оставалось делать? Уйти — я и ушла. Хожу, однако, — часто навещать бедную Лизу, да и то тяжело — и на нее глядеть, да и себя в таком положении видеть в отношении людей столько любимых» (Там же, л. 106—108, письмо в копии, датируется по штемпелям: 1) *Москва. 1852. Апреля 28* 2) *Тамбов. Мая 1852*, карандашная помета: 27—28. *IV. 52. Москва*). Майское письмо, по существу, подводит итог сложившимся отношениям: «У Гр<ановских> я бываю часто, хотя и реже прежнего. Ей теперь лучше, но это лучше, по-моему, крайне безнадежно. Он везет ее на лето в Малороссию — и еще не знает, где будет зимою жить. Я очень боюсь за нее. С ним я уже две недели не видалась, если не больше. Я бываю утром у ней и его не вижу; а так как отношения наши стали охлаждаться, то и не нахожу особенной нужды видаться.

Его поведение в отношении ко мне было невыносимо в продолжении целой зимы, и я ему простить не могу этого, и он, вероятно, с своей стороны, не может мне простить кое-каких моих слов и фраз чересчур едких и тем едких, что в них заключалась неумолимая, но слишком резко сказанная правда. Уж нас не помирить — одно время может это сделать — оба мы ранены в сердце, — и лучше расстаться, хотя на время, а не растревать ран» (Там же, л. 111—111об.; письмо в копии, предположительно датируется 4 мая — по штемпелям: 1) Москва. 1852. Мая 5 < рядом карандашная помета: 4 >, 2) Тамбов — 9 мая. 1852).

⁵ В ответном письме от 27 декабря 1852 г. Тургенев писал по поводу этих строк: «Начну с того, что поздравляю Вас с найденным Вами выражением: „дешевос и бесполезное коварство Фролова“. За это Вы заслуживаете носить на шею золотую медаль с надписью „За Остроумис“. — Положению Вашему я сочувствую и мысли Ваши об уединении разделяю вполне — воспользуйтесь им, чтобы уяснить себе свое признание <призвание <?>. — *Ред.*» — или, если это слово Вам кажется слишком пышным — чтобы узнать, по какой дороге Вам надобно пойти» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 175). О Кетчере Николас Христофоровиче см. 6-е примечание к письму от 24 февраля 1851, (№ 2, ч. I), о Фролове Николас Григорьевиче — см. 3-е примечание к письму от 28 января 1852 (№ 13), о Боткине Василии Петровиче — по указателям к публикации (ч. I и II).

⁶ Салиас тоже упрекала К. Н. Бестужева-Рюмина за склонность к повышенной, изнуряющей рефлексии (см. РО ИРЛИ, № 25164).

⁷ Сен-Марк Жирарден (Saint-Marc-Girardin — наст. имя и фам. Марк Жирарден (1801—1873)) — французский писатель, публицист критик, политический деятель, создатель серии литературных портретов (Руссо и др.), обозреватель общественной, театральной и литературной жизни в «*Revue des Deux Mondes*», «*Journal des Débats*» и проч. Острые, с яркими социально-политическими отступлениями, статьи и фельетоны Сен-Марка Жирардена снискали ему известность не только во Франции, но и в России. Столь же читаемы были в России общественно-политические, литературные и театральные фельетоны другого французского романиста, критика и журналиста Жюль Габриеля Жанена (Janin; 1804—1874), основателя «*Revue de Paris*», постоянного участника «*Journal des Débats*» и др. изданий, см. о нем и о характере его влияния на русскую литературу: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 165—167, 173—174, 375—380, 385—387, 392—396; Виноградов В. В. Романтический натурализм (Жюль Жанен и Гоголь) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избр. труды. М., 1976. С. 76—100. К началу пятидесятых годов Жирарден и Жанен по-прежнему лидировали в жанре фельетонной журналистики. Понятия «жаненовская журнальная проза», «жаненовский стиль» формулировали совершенно определенную, легко узнаваемую форму. Ср. с признанием А. В. Дружинина: «Вообще я фельетонист по призванию и готов строчить импровизации à la J. J. <анип> когда угодно; если первые десять строк будут плохи, зато на одиннадцатой я расщевливаю себя в совершенстве» (Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 316 (Лит. памятники)). У Тургенева — постоянного читателя французской прессы («*„Revue des 2 Mondes“* я получаю и читаю прилежно» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 267, см. также с. 208), публикации Сен-Марка Жирардена и Жанена вызвали особый интерес: французская театральная критика постоянно держала в поле своего внимания Виардо (см.: Там же. Т. 1. С. 283, примечание: с. 541 и пр.).

⁸ К комедии «Не в свои сани не садись» (первоначально: «От добра добра не ищут») Островский приступил весной 1852 г. В начале сентября он сообщил М. П. Погодину, что пьеса близится к концу (Островский. Т. 14. С. 34), а 6 октября редактор «Москвитянина» записал в дневнике, что «прослушал» ее в чтении самого драматурга (Там же. Т. 1. С. 410). В начале ноября комедия была окончательно завершена и отослана в театральную цензуру (Там же. Т. 14. С. 35, дата письма к Погодину 19 ноября 1852 г.). В первых числах декабря (до 5-го), по сообщению корреспондента «Московских ведомостей» (разд. «Петербургская жизнь»), пьесу уже читали в Петербурге: «Недавно я слышал в одном частном доме чтение новой драмы г. Островского „Не в свои сани не садись!“». По личному моему убеждению и по единодушному отзыву всех слышавших ее со мною, эта пьеса — новый шаг вперед молодого автора, „Своих людей...“ и „Бедной невесты“. Здесь снова выведен мир Русского купечества, и такие лица ее, как купец Русаков, честный и здравый Русский ум, молодой торговец Бородин, лучший и полнейший образ в драме, отставной офицер Ухарев, по выражению своего слуги Степана, „из себя кавалер“, сестра Русакова, жившая в Москве „на Таганке и видевшая «свет»“ — Дунечка, дочка Русакова... — всё это подтверждает еще более общее мнение о таланте г. Островского. Пьеса эта прежде всего будет дана в Москве, в бенефис артистки Никулиной-Косицкой»

(1852. 9 дек., № 148. С. 1521. Подпись: Д., под текстом: «5 декабря. 1852. СПб»). Весть о новой комедии Островского пришла в Спасское не только от Феокистова, который в свою очередь получил ее от московских друзей (...*пишут мне сюда*...), но и позже от Боткина (в письме от 17 февраля 1853 г.), оценившего театральную постановку пьесы, по словам Тургенева, чрезвычайно высоко (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 34—36). Далее — письма Феокистова от 18 марта (№ 25), 5 апреля (№ 26) 1853 г.

⁹ Работа над пьесой «Свои люди сочтемся» (первоначально: «Несостоявшийся должник», «Банкрот») началась в 1846 г. совместно с актером и драматургом Д. А. Горевым-Тарасенковым (подробнее — 4-е примечание к письму от 2 ноября 1853 г., № 32). Изменив план комедии, Островский существенно ее переработал и осенью 1849 г. представил в театральную цензуру. 23 ноября 1849 г. цензоры запретили ее для сцены как произведение, наносящее «обиду» русскому купечеству (*Островский*. Т. 1. С. 403). Тем не менее комедия распространилась в списках и всю зиму 1849—1850 г. читалась в литературных кругах драматургом и актерами. Ф. А. Бурдин вспоминал: «П. М. Садовский ежедневно читал ее в обществе; все желали слышать ее» (Там же). В 1850 г. «Свои люди сочтемся» вышли в свет в шестом номере «Москвитянина», но 31 марта этого же года по требованию купечества Николай I направил пьесу в особый комитет, рассматривавший уже напечатанные произведения, и утвердил постановление о ее запрещении с резолюцией: «...напрасно печатано, играть же запретить». 10 апреля в связи с запретом комедии секретное отделение канцелярии московского генерал-губернатора открыло «Дело о литераторе Островском», а в мае последовал запрет на ее отдельное издание. В июне III Отделение установило за Островским секретный надзор. Вскоре, ввиду секретного надзора, последовало его увольнение со службы. Лишь через десять лет после первой публикации комедии было получено разрешение на ее театральную постановку (в Александринке она шла 16 января, в Малом (московском) — 31 января 1861 г.). В первоначальной же редакции (по тексту «Москвитянина», т. е. без существенных цензурных искажений) она была поставлена лишь в 1881 г. на сцене первого частного — Пушкинского театра (Москва) (Даты жизни и творчества А. Н. Островского // *Островский*. Т. 16. С. 359, 361—362, 372—373, 394). См. далее 10-е примечание к письму от 5 апреля 1853 г. (№ 26).

¹⁰ Катков женился в 1852 г. на Софье Петровне Шаликовой — дочери литератора, журналиста, редактора «Московских ведомостей» и издателя ряда журналов — князя Петра Ивановича Шаликова (1768 (в некоторых изд.: 1767) — 1852), поэзия которого, в глазах Тургенева, была воплощением манерности и слащаво-жеманного тона (см. его письмо к А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу от 10 июля 1855 г.). «Что он нашел в этой особе, никак нельзя понять! — вспоминал Феокистов о брачном союзе Каткова. — Тщедушная, маленького роста, она была очень дурна собой; образование ее не шло далее умения болтать по-французски, но все бы это еще ничего, если бы не образование ее глупость. Чем могла она поддействовать на такого человека, как Катков? Княжеский ее титул ровно ничего не значил, состояния она не имела никакого: Шаликовы, без всякого преувеличения, находились чуть не в нищете. Ф. И. Тютчев по поводу этого странного союза человека не только умного, но почти гениального, с глупою женщиной заметил однажды: „Que voulez vous, probablement Katkow a voulu mettre son esprit a la diette” <Что же, вероятно, Катков хотел свой ум посадить на диету — франц.>» (*Феокистов*. С. 87).

¹¹ *Сухова-Кобылина Софья Васильевна* (1825—1867) — младшая дочь в семье Сухова-Кобылиных, художника. С 1854 г. на правах вольнослушательницы занималась в С.-Петербургской Академии художеств. В этом же году на акте в Академии художеств ей была вручена медаль за пейзаж с натуры, экспонировавшийся на одной из академических выставок (см.: *Дневник Сухова-Кобылина // Дело Сухова-Кобылина / Сост., подгот. текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой; Вступ. статья и комм. В. М. Селезнева*. М., 2002. С. 246; запись от 17 сентября 1854 г.). По поводу беспрецедентной награды (впервые в России ее получила женщина), и, как видно, поступления в Академию, Александр Сухово-Кобылин писал сестре Евдокии Васильевне и зятю Михаилу Федоровичу Петрово-Соловово: «Это крупный успех, подлинный и без всякого сомнения огромный шаг, сделанный ею в настоящей карьере, — в ее жизни это эпоха, которая стоит всякой другой и которая придает ее существованию прекрасную значительность; — вы видите, я смотрю на дело не с точки зрения честолюбия или тщеславия, а с точки зрения, рассматривающей по существу и нравственной. Я счастлив этим событием и прошу вас передать ей эти строки» (Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. [М.] 1934. Вып. 3. С. 243; письмо без авторской даты, год и месяц указаны публикаторами произвольно: 1851 г., ноябрь, в противовес собственному комментарию к письму Александра (на с. 211): «...задумываясь над судьбой сестры, получившей <...> медаль...»). Десять лет —

с 1856 г. и до конца жизни — Софья почти безвыездно провела в Италии, где общалась с итальянскими и русскими художниками, в частности с А. Ивановым (см.: Там же. С. 189).

¹² *Мейер или Майер (Meyer или Mayer) Егор Егорович* <?> (ум. в 1867) — художник, учитель живописи и друг Софьи Васильевны, сопровождавший ее и в поездках — на Выксу, в Крым.

¹³ *Бокар (Бокард) Август Петрович*, инженер путей сообщения. 27 декабря 1852 г. Тургенев отвечал: «Бокар действительно хлыщ первой величины — он бывал в доме моей матери в Москве — и потом в деревне, когда обворовывал казну на тульском шоссе; моим же другом он был столько же, сколько — кого бы назвать — сколько Булгарин» (*Т. Письма (2-е изд.)* Т. 2. С. 176; примечание — с. 581).

¹⁴ Ответ Тургенева: «Копию с „Муму” мне до сих пор Кетчер из Москвы не высылает — но Вы ее получите при первой возможности» (Там же. С. 176). Далее — письмо от 28 мая 1853 г. (№ 27).

¹⁵ «Я написал здесь большую повесть под названием „Постоялый двор” — которая, если не ошибаюсь, мне удалась, — сообщил Тургенев. — К сожалению, я Вам ее переслать не могу — надобно дожидаться оказии — а я думаю, что в этой повести я сделал шаг вперед. Под влиянием ли уединения, от других ли каких причин — только я чувствую, что я стал проще и иду прямее к цели, может быть потому, что во время писания не думаю о печатании» (Там же. С. 176). См. письмо от 8 января 1853 г. (№ 22).

¹⁶ *Шумский Сергей Васильевич* (о нем — 8-с примечание к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. 1) и далее — письмо от 3 апреля 1855 г. (№ 35)) имел в виду, как видно, роман «Два поколения». В ответ Тургенев сообщил: «Я перед Вами никогда не скрытничал, и Шумский напрасно сказал Вам, что я написал первую часть моего романа, я теперь только что кончил третью главу — но если что-нибудь непредвиденное не встретится, надеюсь кончить первую часть к марту» (Там же. С. 176). Об эволюции замысла романа «Два поколения», хронологии работы над этим произведением и его судьбе см. прамбулу и примечания к «Плану романа «Два поколения»» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*). Т. 5. С. 525—535). Далее — письма от 8 января (№ 22) и 2 ноября (№ 32) 1853 г.

¹⁷ *Монтень (Montaigne) Мишель де* (1533—1592) — французский философ-гуманист. 24—28 ноября (6—10 декабря) 1850 г. из Москвы Тургенев сообщал Полине Виардо, что уже несколько дней он всё перечитывает подаренный ему Луи Виардо в Петербурге «томик Монтеня» (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 74, 372). По свидетельству Феокистова, начало пятидесятих годов — время наибольшего увлечения Тургенева философией французского гуманиста. Вспоминая о своих посещениях в 1851 г. дома (или квартиры) старшего брата Ивана Сергеевича, он рассказал: «Но особенно много читал Тургенев: Монтень не выходил у него из рук, он был в совершенном восторге от этого писателя, увлекающего его столь же глубоким знанием человеческой природы, сколько образностью и меткостью своего языка. Симпатично действовал на него и самый характер Монтеня, который в одну из самых бурных исторических эпох, в то время, когда религиозный фанатизм разделил все общество на два проникнутые неистовою враждою лагеря, оставался как бы равнодушным зрителем этого движения и бесстрастно анализировал людские страсти и отношения» (*Феокистов*. С. 11). В библиотеке Тургенева (музей в Орле) сохранилась часть «Опытов» («Les Essais») Монтеня в жевском издании 1779 г. (семь книг из десяти). Однако, по предположению А. Я. Звигильского и А. С. Розанова, это издание, скорее всего, не имеет отношения к книге, упомянутой Тургеневым в письме Полине Виардо, отосланном в ноябре 1850 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 439).

¹⁸ *Юм (Hume) Давид* (1711—1776) — английский философ. В письме к Феокистову от 27 декабря 1852 г., Тургенев заметил, что, хваля Юма, «не имел в виду ничего, кроме его слога, его простого, ясного и объективного изложения. Современным требованиям от историка он далеко не удовлетворяет» (Там же. С. 176).

¹⁹ 1 февраля 1853 г. Салиас также сообщала Бестужеву-Рюмину: «Работаю порядочно и всё продолжаю по-английски. Теперь взяла Бульвера „Pelham” и персвою порядочно» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 142). *Бульвер* <или: *Булвер*>-*Литтон (Bulwer-Lytton) Эдуард Джордж* (1803—1873) — английский романист, поэт и драматург, видный общественный деятель, в период парламентской реформы 1832 г. выступавший с критикой моральных устоев английской аристократии, в 1858 г. — министр колоний, позже — член палаты лордов в парламенте. В романе «Пелэм, или Приключения джентльмена» («Pelham, or the Adventures of a gentleman», 1828) на фонс жизни английского общества 1822—1823 гг. Бульвер воспроизвел историю молодого человека — аристократа, дэнди, завсегдагая модных салонов Лондона и Парижа,

в характере и поведении которого сложно сочетаются утонченность с холодным расчетом и политическим авантюризмом. В России этот роман Бульвера рано снискал известность: см. набросок начала романа А. С. Пушкина «Русский Пелам» (предположительно 1834—1835 гг.). Пушкин, как известно, намеревался поставить в центр внимания героя, равнозначного главному персонажу Бульвера, сохранив (о чем свидетельствуют рабочие записи) и общую схему его романа (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: в 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 594—598, 795—799, примечания Б. В. Томашевского: с. 799—800).

22

8 (20) января 1853. Симферополь

1853 г. генв. 8. Симферополь.

Милый Тургенев — посылаю Вам это письмо страховым, единственно только для того, что хочу, чтобы Вы получили его скорее. Это просто страм, что между моим письмом и ответом Вашим на него прошло почти два месяца. Впрочем, Вы с своей стороны не должны прибегать к той же мере, ибо Ваши письма я получаю довольно аккуратно. —

Письмо Ваше¹ застало меня в ту самую минуту, когда я писал Вам возражения против неосновательно приписываемой Вами мне способности обижаться безобидными письмами. — Вот за это, право, стоило бы на Вас надуться хорошенько, — но что об этом говорить, — теперь Вы видите, что я и не думал измениться к Вам, — напротив, сохранил самое приятное и дружеское воспоминание об Вас и люблю Вас, как прежде. — Поговорим сначала об Вас. Я ужасно рад, что работа удается Вам теперь хорошо, и уверен, что Вы в теперешнем Вашем уединении напишите славные вещи. Так как скоро Вы сами заговорили о «Записк<ах> Охот<ника>» в своем письме, то позвольте мне сказать Вам тоже несколько замечаний; это личное чувство, и за правоту его я не ручаюсь. Я перечел со вниманием обе книжки.² Чтение это доказало мне опять, что* я думал прежде — именно, что Вы *первый* талант после умершего незабвенного писателя, и «первый» не в силу той пословицы, что «на безлюдьи и Фома дворянин»³ — но именно потому, что в таланте Вашем много самостоятельного, своебытного, — русского, и что силу свою он главным образом берет в чисто русских элементах.⁴ — В «З<аписках> О<хотника>» рассеяно много мест удивительных, но в целом они производят неудовлетворяющее впечатление. В них именно нет того, что, кажется, Вы и сами теперь уяснили себе — нет — простоты. Повсюду в изображении какая-то хитрость, лукавство, *argûge-pensée*.**⁵ По прочтении каждого рассказа всегда говоришь: «Как умно!» — а именно этого-то мне и не хотелось бы в художественном произведении. Возьмите каждое из лиц Гоголя — какая простота и вместе с тем какая полнота изображения! И это вовсе происходит, по мнению моему, не от большей или меньшей силы таланта, но*** от манеры, с которою подходить к лицу. Скажите по правде, понятно ли сразу лицо барышни в «Уезд-

* *Далее начато*: Вы всё-та<ки>

** задняя мысль (*франц.*).

*** *Далее начато*: главным <образом>

ном лекаре» человеку, не искусственному размышлениями о русской жизни и барышнях вообще, — что такое Касьян, Хорь или Калиныч, и прочие и прочие, даже Татьяна Борисовна, по каким-то неизвестным причинам не любящая общества соседей и живущая более своим внутренним мирком, необъяснимым для нее самой и для читателя. Я не говорю, чтоб это было непонятно, напротив — не только понятно, но — умно очень, — да понимается-то это читателем не без некоторого старания, тогда как лица, подобные Ноздревым, Собакевичам и тысяче других, лезут в голову во всей их фигуре и уже давно знакомы Вам с первого вымолвленного ими слова. Каждое Ваше лицо заставляет самого читателя доканчивать себя* уже воображением, заставляет долго всматриваться, вдумываться в себя, тогда как что Вы можете прибавить существенного к лицам Гоголя, вообще, какое из них не возьмите? ⁶ Я понимаю также, что Вы должны были сделать *так, а <не> иначе*, многое не докончить и не дорисовать, — но мне кажется, что ни эта одна причина и что одна из главных причин лежала в самой Вашей манере,** несколько лукавой и искусственной. Вот почему я так обрадовался, когда прочел в Вашем письме, что Вы сами напали на свой недостаток и пошли по другому пути.⁷ Дай Бог Вам нового успеха, — я в нем с своей стороны убежден — и говорю Вам, что Бог знает, что бы дал, чтобы прочесть Ваш «Постоялый двор» — это был бы для меня совершенный праздник; — очень жалею, что, по Вашим словам, я могу долго ожидать этого удовольствия, но авось же, дождусь его когда-нибудь.⁸ — С Вашим талантом литература должна быть для Вас серьезным делом, и было бы фанфаронством, если бы Вы стали смотреть на это занятие через плечо. Литературе нашей, я верю этому, суждено великое поприще и счастлив тот, кто в возделывании этого поля является не лишним человеком...

После столько*** пышного, хотя уверяю Вас, — искренного, возвания к Вам, скажу несколько слов о себе. Я очень рад, что Вы также примиряетесь с уединением, — *временами* — это превосходное дело и поднимает много человека. Знаете ли, что я даже — *incredibile auditu***** — начал *худеть*... Задача моей жизни, как видите, приводится уже в исполнение. Что касается до другой задачи моей жизни, об которой Вы мне пишете, то «призвание» свое я уже давно понял. — Таланта литературного у меня нет, страсть к историческим занятиям есть большая. Собственно «ученого» из меня никогда не выйдет, ибо во мне нет силы на кропотливый труд, нет нужной усидчивости и неусыпного постоянства в занятиях, — но, несмотря на то, занятие историею и, след<овательно>, литературою (т. е. историею ее)***** я не оставляю и думаю, что могу принести с этой стороны***** некоторую пользу, как может принести пользу всякий, с любовью и бескорыстно занимающийся чем-нибудь серьезным в жизни. — Теперь обратился я к XVI веку, буду долго и усиленно заниматься им исключительно и, вероятно, приду к чему-нибудь, что будет не без пользы и для других. Я рад

* *Далее начато: а. в <образении> б. уже св<оим воображением>*

** *Было: лежала в Вашей манере, Слово: самой — вписано.*

*** Так в автографе.

**** *нвероятно (лат.).*

***** *Фраза: (т. с. историею ее) — вписана.*

***** *Вместо: стороны — было: темой <?>*

одному — прежде, приступая к работе, я заранее мечтал об том и другом, что могло бы из нее выйти, и обыкновенно не выходило ничего, — теперь я начинаю дело без льстивого самообольщения, напротив, с ясным сознанием недостаточности своих сил, — недостаточности, которая поселяет в меня часто глубокие сомнения и доставляет мне самые горькие минуты в жизни. Вот уже мне скоро 25 лет, половина жизни ушла — но какой же ее результат? В голове бродит многое, хочется сделать и это, и то, а сил нет, и могу сказать откровенно, что «молодость» жизни я знал только в теории или по книгам. Собственно в жизни я не видал ее,* или по крайней мере далеко не удовлетворен тем, что видел в себе, и часто с грустью спрашиваешь, неужели вечно будешь жить мечтою о будущем, не испытавши сладости настоящего?.. Простите меня, если я надоел Вам эту галиматьей. —

Я читаю теперь Монтеня⁹ — и ушел в него с головой и ногами. Это самое великолепнейшее чтение, и впечатление от него остается, я думаю, на всю жизнь. Какая простота-то! Какое отсутствие всякой ложности, притворства, роли — и в этой простоте столько силы и сознания этой силы. — Вот к подобному господину можно бы было привязаться самую глубокою привязанностью; — я уверен, что Монтень должен был быть великолепнейший из людей и имел огромное влияние на окружавших его. — Я понимаю Вашу к нему привязанность. —

Графиня здорова, ей несравненно лучше, и климат здешний принес ей огромную пользу, и, действительно, климат божественный. — Она немного работает, — да не в этом дело, надо, чтоб она была здорова — это прежде всего. Мы здесь получаем часто известия из Москвы, — необыкновенного там, надеемся, не случается ничего, кроме одного, да и то ничуть не необыкновенно. Я говорю о том же кружке. Он в гнев на меня за то, что я осмелился поехать служить в Крым, — в Симферопольскую Палату, — а не в Москву. — Гнев этот дошел до того, что Грановский, — этот лучший из людей, — не удостоил меня ответом на мое очень искреннее к нему письмо, и отзывается обо мне, единственно по этой причине, не совсем снисходительно. Вот Вам эти люди. Я понимаю теперь Ваше постоянное желание, чтобы *chacun* был *roug* *personne*.** — Добро бы был*** в этом сильный интерес, при<нрзб. 1> в лицо, а то ровно нет ничего, так, — от безделья. — Но, пожалуйста, не пишите об этом никому в Москву — лучше оставить их в покое. —

Один господин Лохвицкий, мой лучший приятель и домашний студент у Назимова, пишет мне, что он слышал чтение 2-ой части «Мертв<ых> душ» из уст Шевырева.¹⁰ Он в восторге и говорил, что**** это выше всего, что произвел Гоголь. Кроме 5<-ти> глав, есть еще, кажется, главы 2<-е>, неоконченные и, по-видимому, принадлежащие к 3-ей части, в которой он оставляет юмор для более высоких истин и где одно лицо советует Чичикову ездить, вместо того, чтобы скупать души, лучше собирать деньги на Храм Божий. Эти слова проникнуты глубоким религиозным чувством и,

* Было: В жизни я не видал ее, Слово: Собственно — вписано.

** каждый был сам по себе (франц.).

*** Было: Ну, добро бы был

**** Далее начато: нич<сго> <?>

без сомнения, не могут не произвести сильного впечатления.*¹¹ Юмор его во 2-й части совершенно прежний и жалко только, что Лохвицкий не умел передать мне чего-нибудь замечательнейшего. Но хорошо и то, что он рассказывает. Например, одно лицо, — Петр Петрович Петух, — маленький, толстенький обжора и эпикуреец, владелец душ 30, который в жаркие дни совершенно нагой, с удочкой под рукою, идет к реке удить рыбу. Чичиков застал его в этом занятии, — чтоб рассмотреть Чичикова издали, Петух одну руку приложил к глазам от солнца, а другую руку «держал, как Венера Медицейская».¹²

Тургенев, считайте меня Микоубером,¹³ но я расскажу Вам одно дело, меня касающееся, и которое не гармонирует немного с грустным тоном этого письма (там, где я говорю о себе). Но отложите меня, если хотите — только разделите мою радость. Тут у одних магнатов Симферополя есть горничная Серафима, или, как зовут ее, Шерочка, чудо красоты (буквально). Я, разумеется, загорелся, но препятствия были ужасны. По слухам бабыня была баба-яга и смотрела за этою девочкою в оба глаза. Унылый и грустный я должен был обратиться вспять, — как вдруг слышу, что Шерочка умеет** крепко надувать свою госпожу, что я ей нравлюсь, и что, если я хочу, она — придет ко мне. *Если я хочу!*.. Я, разумеется, сначала зарыдал и в несвязных словах объявил, что — моя жизнь, честь, будущая слава моего имени — всё кладется к ее стопам. Словом, она обещала наверно придти, и время — *нынче* вечером. Понимаете ли Вы меня? Нынче, когда я буду созерцать ее белые, пухлые и круглые ляжки, когда я буду давать ей поцелуи — *gluants, gourmands et savoureux*,*** когда рука моя в лихорадочной дрожи будет пробегать по ее челу — я вспомню об Вас. И Вы не верите после этого в мою дружбу? — Ну, прощайте. Если и после *подобного* письма Вы не напишете мне ни строки, это будет *буквально и без шуток непростительно*. Графиня кланяется Вам и тоже ждет Вашего письма. Я Вас крепко обнимаю. Пожалуйста, пишите поскорей. Ваш

Е. Ф<еоктистов>.

Адрес тот же, как я Вам писал в моем большом письме.

¹ Письмо Тургеневу, полученное Феокистовым между 27 декабря 1852 и 8 января 1853 г., — неизвестно. Сохранившуюся его часть см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 178, 496. Публикуемый ответ открывает возможность уточнить хронологию тургеневского письма и более полно восстановить его содержание.

² В письме от 12 сентября 1852 г. (№ 20) Феокистов писал Тургеневу, что по получении от него двухтомника «Записок охотника», вышедшего в Москве в начале августа 1852 г. (... *жду, что Вы пришлете мне...*), с наслаждением прочтет его. Тургенев, как видно, прислал Феокистову книги и в письме попросил высказать о них свое мнение.

³ Ср.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. М., 1994. Т. 1. С. 535.

⁴ Этот акцент Феокистова не случаен. Именно национальная сущность охотничьих рассказов для Тургеневу была особенно значима. Отвечая на замечание Феокистова (см. письмо от 24 февраля 1851 г. (№ 2) и 4-е примечание к нему, ч. I), он охарактеризовал психологию и мировосприятие героев «Бежина луга» ключевой фразой, которая определяет весь строй рас-

* *Далее: зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.*

** *После: умест — слово зачеркнуто.*

*** *липкие, жадные и вкусные (франц.).*

сказа и цикла в целом: «...это не немецкие мальчики сошлись — а русские» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 95).

⁵ Также: «...одна из главных причин лежала в самой Вашей манере, несколько лукавой и искусственной. — Феокистов обыгрывает выражение из письма Тургенева к нему от 2 апреля 1851 г., ср.: «...я намерен долго ничего не печатать и посвящать себя по возможности большому произведению, которое буду писать *сop atoque* и не торопясь — без всяких цензурных *attéte-pensées*...» (Там же. Т. 2. С. 96). Суждения Феокистова о «Записках охотника» формировались в общении с другими читателями и оппонентами Тургенева, например, с В. П. Боткиным (см. письмо по поводу «Бежина луга» от 24 февраля 1851 г. (№ 2), ч. I), в различных внутренних соотношениях с прессой (см. характеристику отзыва Аполлона Григорьева об охотничьих рассказах в письме от 17—18 марта 1851 г. (№ 4) и 17-с, 18-с примечания к этому письму (ч. I)), а также под влиянием «общего голоса московских кружков» (письмо от 30—31 марта 1851 г. (№ 5), ч. I). Ссылаясь на этот «общий голос», Феокистов писал Тургеневу: «...все находят, что Вы уже слишком часто выпускаете их <охотничьи рассказы. — Э. Г.> и что пора бы Вам переменить род. По правде Вам скажу, я сам не очень стою против этого мнения, потому что мне ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть, написанную Вами» и проч. (см. ч. I. С. 169). В иных случаях оценки Феокистова чаще всего объективно совпадали с суждениями других корреспондентов Тургенева, к примеру И. С. Аксакова, П. В. Анненкова. Так, 4 октября 1852 г. Аксаков, изложив Тургеневу свои наблюдения над характером крестьянской речи в современных бытописаниях народной жизни, отметил ненужность воспроизведения местного диалекта (в рассказах охотника — орловского), который сообщает речи крестьянских персонажей определенную искусственность: «Григоревич, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковую в каждом месте. (Русское обозрение. 1984, август. С. 477). Здесь же он заметил, что в охотничьих рассказах встречаются «натянутые сравнения, <...> претенциозные остроты, <...> изысканная наблюдательность, как будто любующаяся собою <...>. Ничего подобного нет в „Муму“» (Там же. С. 476). В эти же дни (12 октября 1852 г.) Анненков также высказал свои претензии к охотничьим рассказам, по существу совпадающие с суждениями Аксакова и Феокистова: «...в них слишком наружу выступает *сочинительство*: оно напирает грудою на лица, на происшествия, на природу и даже на фразы. <...> Теперь, кажется, следовало бы дописать книгу и сделать свое имя. Нужно бы, кажется, убить в себе сочинительство, которое в последнее время как будто наоборот сильнее в вас становится <...>. Я решительно жду от вас романа с полной властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уж чересчур любите <...> с таким романом „Записки охотника“ делаются вдвойне замечательными: это книга и это ступень, а без романа они все-таки остаются канатом, на котором когда-то умный и ловкий танцор плясал до поту лица» (Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жескулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852—1874. С. 7—8 (Лит. памятники). Далес: Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (с указанием нумерации книг).

⁶ Возможно, не только суждения Анненкова, но и эти упреки Феокистова побудили Тургенева, в связи с предстоящим ему чтением рукописи первой части романа «Два поколения», обратиться к Анненкову с просьбой: «Судя обо мне, старайтесь только забыть какие-нибудь „Мертвые души“ — и поправляйте меня в силу того, что я бы мог сделать — станьте мне в уровень» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 208, дата: 24 февраля 1853 г.).

⁷ Еще осенью 1852 г. Тургенев, соглашаясь с суждениями Анненкова об охотничьих рассказах, писал ему: «Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров раздвоенные эссенции — *triples extraits* <тройные экстракты — франц.> — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели — откупорьте и нюхайте — не правда ли пахнет русским типом? Довольно — довольно! Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии... Этого я не знаю и не узнаю до тех пор, пока не попробую — но поверьте мне — Вы от меня услышите что-нибудь новое — или ничего не услышите» (Там же. С. 155, дата письма: 28 октября 1852 г.). 27 декабря 1852 г. он обратился к Феокистову и Салиас с теми же раздумьями: «Да скажите ей <Салиас. — Ред.> также, что мне очень было лестно услышать, что ее детям нравятся мои „Записки“ — *la vérité*

parle par la bouche des enfants <устами младенцев глаголет истина — франц.>, — хотя мне самому мои „3<записк>и“ кажутся теперь как будто написанными чужим человеком. „Муму“ еще сбивается на них, — в моих новых вещах я пошел по другому пути, к лучшему ли, к худшему ли — это мне скажут друзья» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 176). Мысль о необходимости пойти иным путем и сменить «манеру» Тургенев развивал в эту пору в письмах и к другим своим корреспондентам. Летом 1853 г. разговор на эту тему, спровоцированный отзывами друзей о первой части романа «Два поколения», продолжился в переписке с Боткиным и Анненковым. В июльском письме к Анненкову он сообщил: «... я на днях получил от Боткина длинное письмо <от 18 июня 1853 г. — *Ред.*> на его счет, которое, как говорят французы — *m'a cassé les bras* <меня подкосило — франц.>. <...> Я, конечно, чувствую, что он жалует мою прежнюю манеру, от которой я решительно отстал и к которой не хочу и не могу возвращаться — мне ее недостатки глаза режут — но это еще не доказывает мне, что я могу себе завоевать другую манеру, более дельную и верную, я могу остаться — между той и другой. Ну в таком случае я брошу перо — но действительно, так скоро отчаиваться не следует — не в один день Троя была взята — буду работать и остановлюсь только тогда, когда почувствую, что клад решительно в руки не дается — но самого себя повторять — что за охота?» (там же. С. 245, 246; письмо от 26, 31 июля 1853 г.). Подробнее см.: *Истомин К. К.* «Старая манера» Тургенева (1834—1855). Опыт психологии творчества // *Известия Отделения русского языка к словесности Имп. Академии наук*. СПб., 1913. Т. 18, кн. 2. С. 294—347; кн. 3. С. 120—194; *Назарова Л. Н.* К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов // *И. С. Тургенев (1818—1883—1958)*. Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 132—146; *Алексеев М. П., Грищулин А. Л., Данилевский Р. Ю.* и др. «Записки охотника». Вступ. статья к примечаниям // *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 399—435.

⁸ См. письмо Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 15-е примечание к нему. Повесть «Постоялый двор» была закончена 14 ноября 1852 г. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 612). Однако Тургенев продолжал вносить изменения в рукопись в соответствии с требованиями цензуры и замечаниями друзей (Анненкова, С. Т. Аксакова, Боткина), которым он доставлял копии рукописи с помощью Кетчера (Там же. С. 613). В печати «Постоялый двор» появился лишь в 1855 г. в одиннадцатом номере «Современника». О процессе работы над текстом повести см.: *Назарова Л. Н.* 1) «Постоялый двор» И. С. Тургенева (К истории первой публикации повести) // *Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.* М., Л., 1959. С. 158—165; 2) *Примечания // Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 611—624.

⁹ И далее: *Я понимаю Вашу к нему привязанность*. — см. предшествующее письмо Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 17-е примечание к нему.

¹⁰ Зимой 1853 г. в Спасское доходят, по выражению Тургенева, «слухи» о чтениях в Москве глав из второго тома «Мертвых душ». Один из источников слухов — Феокистов и его окружение. Первые известия о московских чтениях второго тома гоголевской поэмы Феокистов получил от своего друга и однокашника по юридическому факультету — Лохвицкого Александра Владимировича (биографическая справка о нем — ч. I. С. 147, также — 5-е примечание к письму от 4 февраля 1853 г. (№ 23)). В студенческую пору Феокистов ввел своего жестоко нуждавшегося друга в семейство Сухово-Кобылиных. 5 июля 1851 г. Лохвицкий сообщил Бестужеву-Рюмину о письме Феокистова, который от имени В. А. Сухово-Кобылина (отца Е. В. Салиаса) предложил ему место правителя канцелярии в имении Шепелевых на Выксе (РО ИРЛИ, № 24887, л. 3—3 об). Здесь он прожил почти год, с 30 июля 1851 по конец мая—начало июня 1852 г. (см. его статью «Выксинские заводы» в «Московских ведомостях» за 1852 (22 июля, № 88. Литературный отдел. С. 907—909)). По возвращении Лохвицкий оповестил Бестужева, в то время жившего в семье Чичериных: «Буду искать место учителя в гимназии в Москве, или домашнего учителя, подобно тебе» (РО ИРЛИ, № 24887, л. 31—34). В Москве, как следует из письма Феокистова, его друг, получив место домашнего учителя («домашнего студента») в семействе Назимова Владимира Ивановича — в ту пору попечителя московского учебного округа (о нем — в 3-м примечании к письму от 25 февраля 1852 г. (№ 15), ч. I; также — письмо от 18 февраля 1853 г., (№ 24)), оказался в гуще московских новостей. 7 декабря 1852 г. Лохвицкий сообщил Бестужеву-Рюмину: «Говорят, что в Москве будут напечатаны 8 глав 2-ой части „Мертвых душ“. Я слышал их содержание. Некоторые главы прелесть что такое» (РО ИРЛИ, № 24887, л. 45, письмо помечено автором: 7 декабря, год определяется по его содержанию; на полях рукой неустановленного лица карандашная помета: *Москва. 7 дек. 1852*). К 8 января 1853 г. информацию об этом чтении (или чтениях?) с пересказом отдельных сцен получил и Феокистов (позже лист из этого письма Лохвицкого будет послан Тургеневу — см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24)).

¹¹ Запомнившийся Фсоктистову эпизод, как видно, связан с беседами Муразова с Хлобусвым, а затем и с Чичиковым. Главный мотив этих бесед — спасение своей души и душ других людей через дела угодные Богу. В издании Н. С. Тихонравова это сцены из непронумерованной главы (следует за первыми четырьмя главами): «Старик взял его за обе руки. „Семсн Семснович! Если бы вы знали, как мне вас жалко! Я об вас все время думал. И вот послушайте. Вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума, — такого ума, что я не знаю. (Он не говорит); но уж если даст совет... Я начал ему говорить, что вот у меня есть этакой приятель, не имснн не.... <так в тексте. — Э. Г.), что болсст он вот чем. Он начал слушать, да вдруг прервал словами: „Прежде Божье дело, чем свос. Церковь строят, а денег нет: собирать нужно на церковь!“ Да и захлопнул дверью. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совета. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или купцов, повоспитанней других, смотрел бы на то, как на спасение свое? Я так с первого же разу и остановился. „Ах, Боже мой! Да ведь это схимник назначает эту должность Семсну Семсновичу. Дорога для сго болсзни хороша. Перехода с книгой от помсщсря к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается, — так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах... А этикис люди теперь нужны“. Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника, который бы знал не по бумагам дело, а точно узнал, как они на деле, потому что из бумага, говорят, ничего уж не выдать: так все запуталось» (Сочинения Гоголя. 15-е изд. Редакция Н. С. Тихонравова. СПб., 1900. Т. 6. С. 128—129). С идеей праведной жизни во имя высших целей Муразов неоднократно обращается и к Чичикову: «Подумайте не о мертвых душах, а [о] своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!» (Там же. С. 149). Ср. с текстом «Главы...» (из первоначальных редакций) в 12 т. указ. изд. Н. С. Тихонравова.

¹² Сцена из третьей главы второго тома «Мертвых душ»: «Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почуствовав, что может достать ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускающуюся от плотины коляску и в ней сидящего Чичикова. / „Обедали?“ закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, — как, в летнее время, дамская ручка в сквозную перчатку, — держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже — на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани» (Там же. Т. 6. С. 73). Упоминание этого эпизода см. также в письме от 18 февраля 1853 г. (№ 24).

¹³ Микоубер — мистер Микоубер, герой романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Коппсфильда» (1849—1850), пламенное воображение которого создает мир более полный и яркий, чем реальность.

23

4 (16) февраля 1853. Симферополь

4 февраля. 53. Симферополь.

Здравствуйте, милый Иван Сергеевич. Теперь вечер, все разъехались по гостям, — я один сижу дома и несколько скучаю. Вот почему я хочу испробовать силу моего воображения: представляю себе, что я не один, что против меня сидит любимый мой приятель, со своею мефистофельскою улыбкою и поседевшими (!) волосами — и беседа начинается. Во-первых, выговор: в письме своем к графине Вы говорите, что скоро пришлете ей «Постоялый двор» и, может быть, еще начало романа, — стало быть, есть для этого возможность — а в письме ко мне Вы говорите, что нельзя, что надо ждать okazji! — и это Вам не грешно. Я нынче не в расположении льстить, но откровенно говорю Вам, что из всего русского пишущего мира,*

* Далее начато: первую или первым

на Вас я гляжу* преимущественно со вниманием и с жадностью читаю всё, что Вы не напишете. Разумеется, для Вас тут мало лестного, но, по крайней мере, из внимания к такому верному другу — Вы должны, непременно, прислать сюда что-нибудь из вновь Вами написанного. «Иначе, сударь, я знать Вас не хочу», как говорит толстый помещик Ивану Федоровчу Шпоньке.² Я надеюсь, что Вы сделаете это для меня, если можно — и не хочу ничего прибавлять более. К чему досаждать неотступными просьбами, когда я верю, что Вы не откажете мне,** зная, какое участие я принимаю во всем, что выходит из-под Вашего пера.

Что я Вам могу сказать про себя. Дело мое весьма однообразно, читаю, читаю и читаю, — теперь сижу над книгою Леона Фоше: «Etudes sur l'Angleterre»,³ — которая весьма меня занимает. — Кроме того занимаюсь по-прежнему очень пристально по-английски — в этом проходит весь мой день.

Помните,*** что я Вам писал про одну девочку — Шерочку — ну, она была, и всё было, как надо быть. Только про Вас я не мог вспомнить в минуты захлебывания от восторгов. И вовсе не потому, чтобы образ Ваш не пришел мне на память,**** — но знаете ли Вы это чувство, что иногда человек, в минуту сильного потрясения или сильной задумчивости, хочет что-нибудь привести на память или об чем-либо подумать — но не в силах. Так у меня этот звук: «Тургенев» и, пожалуй, тень Ваша была на языке и пред глазами, но как-то неясно: совсем другое созерцал я, но что я созерцал, того едва ли Вы когда-нибудь будете созерцать. — Но описывать этого нельзя, надо видеть и — чувствовать. — Теперь меня занимает здесь другая женщина — м-ме***** Фурман. В настоящем смысле слова — красавица, — совершенно южное лицо, и, кажется, натура — такова же. Ужасно мила, остра, бойка, развязна — может быть, даже слишком всего этого — и вообще принадлежит скорее к той породе женщин, которых приличнее называть разбитными мальчишками, нежели женщинами. Но уверяю Вас, это премилое и презанимательное создание. —

Вот на двух страницах я исчерпал, кажется, всё, чем теперь «живет моя душа». Репертуар, как видите, не очень богат. Ну, а что подельваете Вы? Я очень рад, что Вы не скучаете собственно от деревенской жизни, — по крайней мере, хорошо, что Вы много там делаете. А как бы хотелось мне видеть Вас, теперь, — скоро ли мы опять встретимся в отеле Мореля⁴ и разговоримся обо всем. Авось, когда-либо придет это счастливое время, тогда я познакомлю Вас с некоим г<-ом> Лохвицким; — он необыкновенно умен, литературой не занимается, это совершенно оригинальная личность⁵ — что-то очень похожее на раблетовского Пангорфа. А Леонтьев действительно страшная дрянь, — он мне так был противен,⁶ что я в Москве никак не мог пересилить себя и поехать к нему. Это буквально было выше моих сил.

Извините, я тоже взял Грота и посылаю Вам оба тома вслед за этим письмом.⁷

* Далее начато: со внима<нисм>

** Далее начато: если это

*** Вместо: Помните — было: Ну, а помните

**** Далее начато: а. а по<тому> б. знаете ли Слово: но — вписано.

***** Так в автографе.

В начале своего письма я приготовился было вступить с Вами в длинную беседу — кажется, она не весьма занимательна. Простите, я нынче — что-то очень не в духе, что преимущественно приписываю расстройству своего желудка. Впрочем, я всё-таки, кажется, довольно часто пишу Вам, и ничего бы более не желал, как того, чтобы Вы хоть вполовину были также аккуратны в корреспонденции, как я аккуратен. Я еще не получал от Вас ответа на мое большое письмо, но надеюсь скоро получить, если Вы не поленитесь. — Пожалуйста, милый Тургенев, пишите почаще. — Я же Вас люблю по-прежнему горячо и крепко и жду Вашего ответа на мою просьбу о присылке Ваших произведений. — Дружески жму вам руку и остаюсь Ваш вечно

Е. Ф<еоктистов>.

¹ Названные письма Тургенева к Салиас и Феокистову — неизвестны. О «Постоялом дворе» и переговорах по его поводу см. письма и примечания к ним от 5 декабря 1852 г. (№ 21), 15-е примечание, 8 января (№ 22), 18 февраля (№ 24) и 15 июня 1853 г. (№ 29). Если исходить из переписки Тургенева, приблизительно к середине января у него были готовы пять глав романа «Два поколения»: «...я здесь, по крайней мере, не ленюсь; принялся за свой роман и написал пять глав» (*Т. Письма (2-е изд.)*; (адресат: Константин Аксаков, дата — 16 января 1853 г.). Т. 2. С. 186). Как видно, эти материалы он собирался представить на суд своих друзей: «...любопытно мне будет знать мнение Ваше о моем романе», — писал он, в частности, Анненкову 10 января 1853 г. (Там же. С. 181).

² Вольно процитированная реплика Григория Григорьевича Сторченко («толстого человека в зеленом сюртуке»), обращенная к Ивану Федоровичу Шпоньке: «Иван Федорович! — говорил он, наливая в рюмку настойки, — прошу покорно лекарственной! / — Эй-Богу-с, не могу... я уже имел случай... — проговорил Иван Федорович с запинкою. / — И слушать не хочу, милостивый государь! — возвысил голос помещик, — и слушать не хочу! С места не сойду, покамест не выкушаете... (Иван Федорович Шпонька и его тетушка, гл. «Дорога» // *Гоголь*. Т. 1—2. С. 172).

³ *Фоше* (Fauchet) *Леонард Жозеф* (1803—1854) — французский политик и экономист, в 1830-е гг. редактировал ряд влиятельных изданий. Занимался проблемами межгосударственной торговли. В 1843 г. посетил Англию с целью изучения ее общественно-экономической системы, следствием чего явились два тома «Этюд об Англии» («*Etudes sur l'Angleterre*», 1845). Во время президентства Луи Наполеона занимал ряд министерских постов. После переворота ушел в отставку (1851). Далее см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24)

⁴ *Морель Жан-Батист* (ум. 1866) — купец, ресторатор и хозяин гостиницы «Франция» в Москве, на Петровке, где в 1850-е гг. останавливался Тургенев; упомянут в письме к Н. А. Основному от 16 марта 1859 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4. С. 24).

⁵ Психологический портрет своего друга Феокистова набросал в неопубликованном фрагменте воспоминаний (см. ч. 1. С. 147). Позже (в 1861 г.) Тургенев дал резко отрицательную оценку Лохвицкому, к которой побудило его письмо Герцена. Возмущенный характером и тоном объяснения Лохвицкого и редактора «Московских ведомостей» В. Ф. Корша, 7 марта (23 февраля) 1861 г., Герцен писал Тургеневу: «Радостное явление в русской литературе — полемика Корша с Лохвицким. Они, особенно последний, ездят себя чернилами посылкам. „Вы, — говорит Лох-вицкий, — вы думаете, что вы редактор, вы — чиновник, ваше дело смотреть, чтоб бумаги казенной не выходило больше, чем надобно”» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1963. Т. 27, кн. 1. С. 139). Конфликт вызвала язвительная заметка в «Московских ведомостях» от 28 января 1861 г. (№ 23, рубрика «Вести и слухи») о несудачной попытке Лохвицкого занять кафедру энциклопедии и государственного права в С.-Петербургском университете. Ответ последовал со страниц «С.-Петербургских ведомостей» 11 февраля 1861 г. (№ 34). Лохвицкий обвинил В. Корша в попытке превратить газету, издаваемую на казенные деньги, в орган интересов своего кружка (см.: Там же. Т. 27, кн. 2. М., 1963. С. 639). На вопрос Герцена «Что скажете?» Тургенев отозвался о Лохвицком как об одном из самых грязных великороссийских циников», добавив при этом: «Я, впрочем, этой полемики не читал» (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4.

С. 298; дата письма: 25 февраля (9 марта) 1861). См. далее письмо Феокистова от 18 февраля 1853 г. (№ 24).

⁶ О Лео́нтьеве Константи́не Никола́евиче см. 8-е примечание к письму Феокистова от 24 декабря 1851 г. (№ 11, ч. I), также упоминания в ч. I по указателю. Интерес к Лео́нтьеву, как видно, возбудился в связи с его визитом в Спаскос-Лутовиново (в начале января 1853 г.). Реплика Феокистова о Лео́нтьеве скорее всего была вызвана недошедшим до нас тургеневским письмом (см. 1-е примечание к данному письму) с резкой оценкой его спасского гостя, подобно той, какую он дал в письме к Анненкову от 10 января 1853 г.: «У меня гостил несколько дней Лео́нтьев, автор той комедии, которую я — помните ли Вы — давал Вам читать в Петербурге <<Женитьба по любви>. — *Ред.*>. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Красвскому <<Нсмцъ>, позже под. названием «Благодарность». — *Ред.*>; другую он готовит для „Современника” <<Лето на хуторе>. — *Ред.*>. Талант у него есть, но сам он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и искосерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим „даром”, как он сам выражается, он далеко перещеголял полупокойного Федора Михайловича, от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 182). Скпецис Тургенева, сменивший преувеличенно-восторженное отношение к Лео́нтьеву и его ранним литературным опытам, в которых чувалось нечто новое, способное дать свежие победы, очевидно обострялся в эту пору средой, влиянием авторитетов, каким был в его глазах Анненков (ср.: «...Тургенев провозгласил <Лео́нтьева. — *Ред.*> рассказчиком вне сравнения и ставил далеко выше себя, принимаясь, по обыкновению, без меры для того, чтобы увеличить рост соперника» (*Анненков П. В. Молодость Тургенева. 1840—1856 // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*. М., 1983. Т. 1. С. 94). Стремление уравновесить или обострить отношение к Лео́нтьеву ощущался и в письмах Анненкова. Вынужденный по просьбе Тургенева хлопотать об издании «Нсмцев», он писал в феврале 1853 г.: «Комиссии ваши у Дудышкина и Красвского еще не исполнил, потому что две недели не выхожу из дому: дай Бог, чтоб Лео́нтьев, так умный по вашим словам на бумаге, поумнел и в жизни» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 16). Далее см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24) и примечание к нему.

⁷ *Грот (Grote) Джордж (1794—1871)* — английский историк Древней Греции и политический деятель. Известны несколько эпизодов из жизни Тургенева, связанных с его интересом к трудам Грота и о Гроте. Так, 17 мая 1856 г. он писал из Спасского В. П. Боткину: «...я здесь ничего не делаю — à la lettre <буквально — франц.> ничего. Видно такая судьба моя, чтобы ничего не дать в „Русский вестник”. <...> читаю историю Греции Грота...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 95, примечания Е. И. Кийко). 25 мая он также сообщил С. Т. Аксакову, что Грот поглощает все его время: «Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием „Историю Греции” Грота — и люблюсь своими мильми и счастливыми афинянами» (Там же. С. 98). Двенадцать томов «History of Greece» Грота выходили в течение 1845—1855 гг. Феокистов, скорее всего, сообщил Тургеневу о покупке очередных томов этого издания. Позже, в 1873 г., в Буживале интерес Тургенева к Гроту выразился в чтении его жизнеописания, написанного супругой историка — Гарриеттой Грот («The personal life of George Grote». London, 1873). Из письма от 17 (29) августа 1873 г. к Юлиану Шмидту: «Я положительно вошел во вкус ничего неделания или, вернее, неработания и занят лишь тем, что читаю Вергилия, Овидия (не знаю сам, почему я пристрастился к римлянам), затем „Лаокоон” Лессинга, биографию Джорджа Грота, написанную его женой несколько смешно, но всё же трогательно, и другие пустяки» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 12. С. 206), примечания Г. Ф. Перминова). Далее — письмо Феокистова от 18 марта 1853 г. (№ 25).

24

18 февраля (2 марта) 1853. Симферополь

18 февраля, 1853. Симферополь.

Милый мой Иван Сергеевич, — я хочу Вам заплатить аккуратностью — вчера только получил Ваше письмо,¹ а сегодня уже спешу отвечать. И это

письмо пойдет страховым — для верности. — С чего начать, друг мой? Начнем хоть с Вас: я очень рад, что Вы нашли дельным мое замечание об «З<аписках> О<хотника>», но Вы несколько не поняли меня, когда я Вам указывал пример Гоголя. Я вообще нахожу в произведениях Ваших ужасно много поспешности, нерадивости — и на гоголевские лица указал Вам, как на пример того, что может сделать, разумеется, громадный талант в соединении чуть не со столь же громадным терпением. Я вообще полагаю, что только весьма юным юношам свойственно представлять себе гений, как талант, которому дается всё даром: схватил кисть мазнул направо и налево, — глядь уже и Чичиков и Ноздрев. Нет, это не может быть так. Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения. А этого-то, позвольте мне заметить Вам откровенно, и нет в Вас, — но ведь это собственно Ваша вина, а не вина природы, которая, смело скажу, несмотря на все Ваши сомнения, наградила Вас страшным талантом и главное — талантом оригинальным. Как скоро у Вас рождается мысль о характере, Вы уж и спешите ее на бумагу и оттого всегда бывает очень умная мысль, но редко цельный характер. — Нет, я ожидаю многого и многого от Вас в будущем и убежден, что «П<остоял>ый двор» отличная вещь, а роман еще лучше. Это правда, Вам еще не суждено сказать Вашего *dernier mot*,* — да и вообще я думаю, что талант Ваш еще не совсем определен и что он находится еще в брожении. По крайней мере «З<аписки> О<хотника>» показали это. В последнее время я много думал об этом, и мне кажется, что как человек прежде всего весьма умный, Вы ограничиваете** Вашу деятельность. Вы должны превосходно писать статьи серьезного содержания, преимущественно об искусстве, по крайней мере все статьи Ваши в этом роде я очень ценю. Не знаю, какого Вы будете сами об этом мнения, но я в этом убежден — и ждал с большим интересом предполагаемой Вами статейки: «Дон Кихот и Гамлет» — но, кажется, нам ее не дожидаться.² — Но вообще из всего предыдущего Вы можете видеть, с каким жадным интересом смотрю я теперь на Вашу деятельность. — В письме своем Вы говорите, что я получу «П<остоял>ый двор» «может быть прежде, нежели думаю».³ Эти слова что-то обещают, молчу и — жду.

Я Вам весьма благодарен, что Вы имеете хорошее мнение об моей «незаносчивости», но уверяю Вас, что это качество весьма незначительное. Может быть, и заноситься-то нечем. Что Вы говорите о себе, когда Вам было 25 лет, весьма понятно: натура-то всё-таки была у Вас богатая, не может быть, чтобы Вы, хотя бы бессознательно не чувствовали этого, а молодости*** простительно кичиться своими силами, если только действительно залог этих сил в ней обретается, — но иначе, это бы было дурно. —

«Фрола Скобеева» я уже прочел давно несколько раз срядя — удивительная вещь. Читая ее прежде, я был убежден, что она Вам очень понравится.⁴ — А вот комедия Писемского в 1 № «Совр<еменника>» мне**** далеко не нравится.⁵ Задумана она, мне кажется, лучше «Ипохондрика», но в

* последнее слово (франц.).

** Вместо: ограничивасте — было: несколько ограничивасте

*** Далее начато: свой<ственно>

**** Далее начато: очень не н<равится>

целой пиесе нет ни одного места, которое вдруг поразило бы каким-нибудь* достоинством читателя. Комизму вообще весьма мало, а действие идет очень вяло. Но всё-таки гораздо лучше «Ипохондрика», которого я ненавижу.⁶ В 1<-м> же № «Совр<еменника>» сможете прочесть статью о Крыме Перевошикова, наполненную бессовестною ложью.⁷ — В «От<ечественных> зап<исках>», в критике, место о фельетонной литературе принадлежит Кудрявцеву.⁸ —

Я очень рад тому,** что рассказал Вам анекдот из 2-ой части «Мертвых душ» еще неизвестный Вам.⁹ Один мой знакомый и даже более, друг, Лохвицкий, человек необыкновенного ума, но существо самое дикое, — присутствовал*** у Назимова при чтении Шевыревым 2-ой части «М<ертвых> д<уш>» и в письме ко мне рассказал ее содержание.¹⁰ Так как Вы не знали анекдота о Петухе, то, может быть, Вам и тут будет что-нибудь новое и потому посылаю Вам при этом тот лист из письма, где говорится о «М<ертвых> д<ушах>».¹¹ Но предупреждаю Вас, разобрать эти иероглифы несколько трудно. —

То, что Вы говорите о Щербине, заставило меня вспрыгнуть — буквально. Вот, чтоб пояснить мое мнение примером, я уверен, что Вы написали бы отличную, дельную и, главное, весьма полезную для публики, вещь об этой страсти, развившейся в наших доморощенных поэтах к античному миру, которого они не понимают, да и не имеют достаточно таланту понять.¹²

То, что Вы говорите об Леонтьеве, меня весьма радует — пусть он пишет, если действительно у него такой талант. Но об достоинствах его, как человека, дело решенное.¹³

Я теперь много читаю, английский язык усваиваю очень хорошо, но жаль только, что чувствую большой недостаток в книгах. Хотя я запасаю сюда и порядочным их количеством, но читал с такою неумеренностью, что предвижу время, когда сяду на мель, и это меня достаточно ужасает. — Финансы мои находятся в весьма дурных обстоятельствах в настоящую минуту, и это заставляет меня составить ряд статей для «Моск<овских> вед<омостей>» о мануфактурных городах в Англии, по Леону Фоше, чем я занимаюсь в настоящую минуту.¹⁴

Не могу не передать Вам при этом одной московской новости: может быть, Вы слышали об истории Каролинки Павловой с ее мужем; дело в том, что в бумагах ее, во время этого происшествия, нашли переписку с одним господином, которому она предлагала оставить Ник<олая> Фил<иповича> и бежать с ним, — в «Гренаду»!¹⁵

Вы, право, не можете пожаловаться на мою лень в переписке, милый Тургенев. Позвольте надеяться, что несколько новостей, сообщенных мною здесь Вам, заставят Вас извинить мне очень кислое и глупое письмо, посланное мною Вам незадолго пред этим. Да, да здравствует деревня для переписки и для труда! — но только на краткое время. Иначе страсть к труду переменится в апатию и переписка... да, переписка хороша, но еще лучше приятелям встретиться в дружеской беседе и за бутылкой Рёдерера! —

* Было: чем-нибудь

** Вместо: тому — было: тогда

*** Далее начато: зим<ой>

Скажите, часто ли Вы пьете эту божественную влагу и с кем ее пьете?... Графиня теперь не пишет Вам, ибо всё это время или занята или нездорова. Но со следующей почтой она это обещается сделать. Мне же позвольте крепко обнять Вас и ждать от Вас скорого письма. —

Ваш Е. Феок<тистов>.

Сначала письмо Лохвиц<кого> я должен был несколько зачеркнуть, но после всё разберете. —

Адрес Ваш ко мне очень верен и прошу продолжать писать по нем. —

¹ Письмо Тургенева, отосланное им из Спасского приблизительно 13 февраля 1853 г., — неизвестно. Ответное письмо Феоктистова открывает возможность восстановить основные темы тургеневского письма.

² О своем желании написать статью «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев поведал Феоктистову по возвращении из Франции, в начале 1850-х гг. (см. ч. I, письмо от 17 сентября 1851 г. (№ 10), 7-е примечание). Замысел же ее возник, как утверждает Ю. Д. Левин, в конце 1840-х гг.: соответственно его комментарию, еще в декабре 1847 г. писатель делился с Полиной Виардо размышлениями о Гамлете (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 5. С. 507). По словам комментатора: «Решающим моментом в возникновении замысла статьи были, по-видимому, размышления Тургенева над революционными событиями 1848 года, за которыми он внимательно следил в Париже» (Там же). Завершена статья была в конце 1859 г. и напечатана в первом номере «Современника» за 1860 г. (Там же. С. 508—509). В этом же году, 10 января, Тургенев с большим успехом прочитал ее на петербургских публичных чтениях Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), 25 января в Москве — на чтениях, также организованных Литературным фондом (Там же. С. 509—510).

³ См. 8-е примечание к письму от 8 января (№ 22) и 1-е примечание к письму от 4 февраля (№ 23) 1853 г.

⁴ Речь идет о повести XVII в. «История о российском дворянине Фроле Скобееве и столичной дочери Нардина-Нашокина Аннушке», впервые опубликованной в «Москвитянине» (1853. Т. 1, № 1, отд. IV). 22 января 1853 г. Тургенев писал С. Т. Аксакову: «Я уверен, что Вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом № „Москвитянина“. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 190). 29 января 1853 г. он снова вернулся к «Фролу...» в письме к Анненкову: «Не могу также не поделиться с Вами восторгом, возбужденным во мне „Повестью о Фроле Скобееве“ <...>. Вот простота, вот наивность, вот русский дух и жизнь в каждом слове! Эта нелитературная вещь может привести в отчаяние любого литератора! Так, я воображаю, какая-нибудь жительница Мещанской должна глядеть на четырнадцатилетнюю девочку, беспечно купающуюся перед ней в речке» (Там же. С. 195).

⁵ «Раздел» — комедия А. Ф. Писемского в трех действиях (Современник. 1853. № 1, январь. Разд. 1 (Словесность). С. 79—155). Тургенев не смог дочитать её до конца, охарактеризовав как очень дюжинную и топором сляпанную вещь (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 202, письмо адресовано И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, дата: 6 февраля 1853 г.).

⁶ «Ипохондрик» вышел в свет за год до «Раздела» в первом номере «Москвитянина». См. об этой комедии Писемского в письмах Феоктистова от 21 февраля 1851 (№ 1, 9-е примечание) и от 14 января 1852 г. (№ 12, 7-е примечание), ч. I.

⁷ *Первошиков Дмитрий Матвеевич* (1788—1880) — математик, астроном и физик, с 1826 г. профессор, с 1848—1851 г. — ректор Московского университета, переводчик, автор популярных статей и рецензий (см. его рубрику в «Современнике» «Замечательные новости в науках», 1853. Отд. Смесь; в «Отечественных записках» переводы и статьи в отделе «Науки и искусства»; и др.). Первошиков выехал в Крым почти одновременно с Феоктистовым — 18 сентября 1852 г., и пробыл там до 16 ноября. Ср. его очерк (*Первошиков Д. <М.>*) Посадка из Петербурга в Крым и обратно // Современник. 1853. № 1. Отд. VI (в огл.: V). С. 1—38) с ранее появившимися в «Московских ведомостях» крымским очерком Феоктистова (*Е. Ф. Письма из Крыма к редактору*. (1). 1852. 4 ноября. № 133. Литературный отдел, под текстом: «Кучук-Ламбат. Октября 10-го»). Резкость тона Феоктистова объясняется, как видно, репутацией Перво-

щикова — антагониста Грановского, «человека грубого, не умеющего разбирать средства для достижения целей» (*Соловьев С. М. Записки // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755—1917. М., 1989. С. 346*).

⁸ Имется в виду анонимная статья в январском номере «Отечественных записок» 1853 г.: «Русская литература в 1852-м году. Статья первая» (Т. 86. Отд. IV. Критика. С. 1—56), по сложившейся практике, сформированная из отдельных разделов, написанных разными авторами. Указание Фоктистова позволяет атрибутировать раздел «Фельстонная критика» П. Н. Кудрявцеву, с. 23—56. Продолжение — в 10-м примечании к письму от 18 марта 1853 г. (№ 25).

⁹ «Анекдот» о Пестухе из третьей главы второго тома «Мертвых душ» пересказан Фоктистовым (со слов Лохвицкого) в письме от 8 января 1853 г. (№ 22).

¹⁰ О чтении глав из второго тома «Мертвых душ» в доме Назимова (со слов Лохвицкого) зимой (предположительно — ноябрь) 1852 г. см. письмо № 22 (10-е, 11-е, 12-е примечания). Побуждаемый известиями о московских чтениях поэмы, Тургенев 29 января 1853 г. обратился к Анненкову, вернувшемуся из Симбирска: «Кстати, в проезде Вашем через Москву, Вы не слышали отрывков из 2-й части „Мертвых душ“? До меня только доходит слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашими впечатлениями» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 195). В середине (конце) февраля Анненков сообщил о своем участии в чтении двух глав из посмертного романа Гоголя, что, по предположению комментаторов этого письма (Н. Н. Мос- товской и Н. Г. Жскулина), могло произойти уже в Петербурге. Так, 9 февраля в доме А. Н. Карамзина после обеденного застолья гости слушали неизданные главы из второй части поэмы. «Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати, — записал в этот день А. В. Никитенко в дневнике. — Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь <Д. А.> Оболенский» (*Никитенко*, 1. С. 360). Подобная же встреча состоялась 20 февраля, но на этот раз в доме Никитенко, где Оболенский, принимавший участие в посмертном издании сочинений Гоголя, читал «Исповедь» (Там же. С. 361—362). Свои впечатления Анненков осмыслил в контексте, по его убеждению, важнейшей социально-эстетической проблемы — объективной зависимости творческой деятельности художника и жизни («роковой связи между талантом и жизнью»). Духовное пространство первых глав второго тома поэмы и сосредоточенная мысль художника проявили, по его словам, поразительные «бедность содержания» и «взгляда» нового поколения писателей — Писемского, Гончарова, Островского («...а все оттого, что пошловаты жизненно»). — «Все они, да и вы тоже показались мне недавно неуловимыми математическими точками при слушании двух глав одного посмертного русского романа, — а какого — сами догадайтесь. Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики. Довольно сказать, что первая часть „Мертвых душ“ кажется перед ними незрелым произведением — впечатление, разделенное всеми слушателями со мной! Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как Природа, так и характеры уже не описываются, а представляются весьма скучными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают: от этого манера изложения столь широкая, что с первой строки вы посреди картины и только стоит оборачиваться во все стороны. Есть характер, которым занимались все наши писатели...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 16—17). «Ваши слова по поводу „посмертного“ романа возбудили во мне невыразимое желание услышать, наконец, эту гениальную вещь <...> — отвечал Тургенев. — Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите — но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука <...> переменить себя нельзя. Хорошо тому сосредоточиться, который у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура <...>. В каждом столетии остается много-много два-три человека, слова которых получают крепость и прочность жизни народной; эти ведут оптовую торговлю; мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 207, дата: 24 февраля). Лишь весной 1853 г. Тургеневу (произошло это, скорее всего, на последней неделе марта, между 20 и 30 числами, когда тайно, с чужим паспортом, он присхал в Москву на свидание с Полиной Виардо) довелось услышать, в чтении М. П. Погодина (?), фрагменты из двух первых глав продолжения «Мертвых душ» (см.: *Назарова Л.* Три письма И. С. Тургенева // *Вопросы литературы*. 1957, № 2. С. 180, то же в 6-м примечании к письму от 2 апреля 1853 г. // *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 518). 2 апреля Тургенев заговорил с Анненковым о трагических противоречиях поэмы: «...вещь удивительная, громадная — но что такое фантастический наставник Тентетникова — Александр Петрович, что за лицо — и какое его значение? Не нравится мне также Улинька: ложью — (виноват!) ложью несет от нес — тою особенно неприятной ложью, которая с какой-то небрежной естественностью становится перед Вами

в виде самой настоящей истины — я имел случай изучить ее в лице А. О. Смирновой, с которой Улинька, вероятно, списана. Не могу я также переварить Селифана, видающего во сне, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками — и не перевариваю я его не вследствие направления — а так — не верится мне что-то. Но всё-таки Вы правы — это колокол Ивана Великого — а мы даже не колокольчики, как Вы выразились — а свертки запечные...» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 218). В ответном письме (от 12 апреля) Анненков в сущности ушел от предложенной ему темы и свел письмо к частностям: «Но почему Селифан не может видеть во сне хоровода с девками — не знаю. Разве вот почему. Мы с малых ногтей всякого лирического оттенка в романе боимся суеверно. <...> Говоря без шуток, я считаю вашу заметку просто делом пугливости перед родом сказочного лиризма...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 20—21). В следующем письме (от 21 апреля) Тургенев снова вернул Анненкова к глубинным противоречиям поэмы: «Я не боюсь сказочного элемента в романе — и мне потому только не верится в селифановский сон, что мне кажется, что Гоголю он бы в голову не пришел, если бы он не хотел смягчить и загладить своих жесткостей в 1-ой ч<асти> „Мертвых душ“ — загладить их в смысле „Переписки“. И не в одном этом сне замечается это желание подпустить „примирительного“ элементу. Я знаю, что в природе и в жизни всё так или иначе примиряется — если жизнь не может, смерть примирит; да ведь коли художнику такого рода гармония, гармония, которую бы он сам, сознательно, вложил в свое произведение, не даётся — зачем ему насиловать себя?» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 220). Далее — письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29) и 6-е примечание к нему.

¹¹ Ниже: *...письмо Лохвиц<кого>...* — В описаниях фонда Тургенева в РО ИРЛИ лист из упомянутого письма Лохвицкого не обнаружен.

¹² Отклик Тургенева на стихи Н. Ф. Щербины (1821—1869), опубликованные в первом номере «Москвитянина» за 1853 г. (т. 1, № 1. Отд. I. С. 1—16), в том числе на античные темы («Саффо», «К Венере Таврической» и др.). Ранее, 22 января 1853 г., в связи с этой же публикацией он написал С. Т. Аксакову: «Но стихотворения Щербины мне еще менее по вкусу, чем стихи г-жи Павловой или Распопчиной — это какой-то любоврастный писк, который нам хотя и выдать за античность! И хоть бы стихи были хороши! Нет — этого рода поэзия не годится никуда» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 190; см. 4-е примечание к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (ч. I. С. 152)). За год до приведенных выше отзывов Тургенев столь же резко отзывался о «лирической сцене» Щербины — «Ифигения в Тавриде», с послесловием и примечаниями автора (Москвитянин. 1852. Т. 1. Кн. 1. Отд. 1). «Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензий мерзость тиснул Щербина в „Москвитянин“, — писал он Некрасову 28 октября 1852 г. — И это он смел сделать после гётевской „Ифигении“!.. И поместил еще важные примечания <...>. Что за поганые верши! Неужели Новый поэт оставит это без внимания? Положим — это гадость, но как ее размазали! Обидно! И наконец надобно покончить с этим господничком, который довольно подфунил в нашей литературе. Новый поэт! обращаюсь к тебе — рекомендую тебе его» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 157). Острога реакции Панасова (Нового поэта) на «лирическую сцену» Щербины в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики. Сентябрь и октябрь 1852», возможно, была обусловлена влиянием Тургенева: «... в лирическом стихотворении г. Щербины виден большой труд, а поэзии в нем мало» (Современник. 1852. № 11, ноябрь. Отд. VI. С. 129). В итоговом годичном обозрении «Канун нового, 1853 года. Кошмар, в стихах и прозе, Нового поэта» Панасов снова взял под обстрел «малопонятный» термин поэта «объективный лиризм», опытом которого, по свидетельству самого поэта, явилась «Ифигения...» (Там же. 1853. № 1, январь. Отд. VI. (Смесь). С. 106—107).

¹³ Продолжение разговора о К. Н. Леонтьеве, начатого в письме от 4 февраля (№ 23) 1853 г. Положительный отзыв о Леонтьеве и его творческих интересах в полученном накануне тургеневском письме (*То, что Вы говорите об Леонтьеве...*) — неизвестен. Далее — письмо от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

¹⁴ См. справку о Фосе в 3-м примечании к письму от 4 февраля 1853 г. (№ 23).

¹⁵ *Павлова Каролина Карловна* (урожд. *Яниш*; 1807—1893) — поэтесса, прозаик и переводчица; ее муж — Павлов Николай Филиппович (1803 (по др. источникам: 1805 — 1864) — прозаик, поэт, критик, публицист и журналист, редактор-издатель газеты «Наше время» (1860—1863), основатель «Русских ведомостей» (его словесный портрет см.: *Феокистов*. С. 46). К началу 1850-х гг. отношения супругов распались. В 1853 г. Каролина Карловна через своего отца обратилась к генерал-губернатору Закревскому, обвиняя мужа в расстройстве имений. Павлов был арестован. Во время обыска (10 января 1853) у него были найдены запрещен-

ные книги и бумаги «вольного содержания», в частности копия зальцбруннского письма Белинского к Гоголю, подлинник гоголевского ответа и проч. Делу был сообщен политический характер. После отсидки в долговой тюрьме Павлов был выслан в Пермь, но и после ссылки оставался под строжайшим полицейским надзором, а позже — секретным наблюдением. Московское общество, в том числе Грановский (см.: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 468—469), отвернулось от Каролины Карловны, что, вероятно, обусловило иронию Фоктистова. См.: *Зайцева И. А.* Павлов Николай Филиппович // *Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь.* М., 1999. Т. 4. С. 489—493; *Роднянская И. Б.* Павлова Каролина Павловна // Там же. С. 493—499).

25

18 (30) марта. 1853. Симферополь

1853. марта 18. Симферополь.

Вот уже третье письмо к Вам, милый Тургенев, а от Вас не имею еще ни строки.¹ Правда, с одной стороны, это самая леность говорит много в Вашу пользу, — значит, Вы не скучаете и много заняты, — но я не думаю, чтобы хорошие приятели переписывались единственно от скуки — хоть это и одна из главных причин. По крайней мере для меня — большое удовольствие поговорить с Вами об том, что занимает, ибо тут, кроме графини, не имею человека, с которым можно бы было поболтать, как говорит Островский, — «по душе». Не ленитесь же, пожалуйста, и отвечайте — вспомните одно — скоро лето, и тогда Вас даже Ваша собственная Дианка, вероятно, не отыщет...

Мое последнее письмо к Вам было довольно неполно. Я Вам и забыл совсем сказать о Вашей маленькой статейке в «Современнике»² об Аксаковской книге² — она мала, но прекрасна. Она-то и подожгла меня передать* Вам мои догадки об том, что из Вас вышел бы блестящий критик или что-нибудь подобное. Когда вспоминаю статьи о Паткуле, об Островского Комедии (и это самая лучшая), о «Племяннице»,³ и вот последняя даже, как бы она не была мала — я всё более и более убеждаюсь в моем мнении. У Вас** большой талант в той дороге, по которой Вы пошли, теперь, когда нет у нас главы, вроде Гоголя или Пушкина — первое место остается за Вами — это мое искреннее убеждение, — но для создания истинно-художественного произведения Вам будет постоянно мешать то, что Вы очень умный человек. А как хорошо Вы понимаете искусство — то, — что бы Вам приложить это понимание к более строгой оценке собственных произведений. Впрочем, Вы еще далеко и далеко не сказали Вашего последнего слова, и от Ваших последних произведений (à propos, — я еще их не получил)⁴ — я ожидаю очень многого.

У меня есть к Вам просьба. — Когда будете писать, уведомьте, на чем остановилось издание Пушкина и скоро ли оно выйдет в свет.⁵ — Потом, сделайте мне величайшее одолжение, не поленитесь и перепишите мне в Вашем письме неизданные стихи Пушкина, которые Вы, в последнюю

* Вместо: передать — было: дать

** Вместо: У Вас — было: Вы

бытность Вашу в Москве, читали наизусть у Кудрявцева,⁶ — одно стихотворение, кажется, под заглавием «Муза», а другое — отрывок из «Медного Всадника, или обращение к Петрову Памятнику» — пожалуйста, исполните это, Вы мне доставите величайшее одолжение. —

Вы меня извините за то, что письмо мое будет бессвязно и что я прыгаю от одного предмета к другому. Права нет заботиться об «приличной» литературной форме. — Скажу Вам, напр<имер>, что Островского Комедия имела огромный успех в Москве и Петербурге, что Вы, вероятно, знаете и без меня,⁷ — но я получил письма от Кудрявцева, Лохвицкого, Галахова и др., и все не очень-то довольны ею в художественном отношении, хотя и не говорят почему,⁸ — подождем и увидим сами, что это такое. — Кстати об литературе — как Вы полагаете, Иван Сергеевич, неужели всем смотрящим на литературу как на серьезное и важное дело, — неужели, говорю я, всем порядочным людям не противно смотреть на паясничества Ив. Ив. Панаева в «Совр<еменнике>»,⁹ и на бесстыдство г<на> Дружинина. Если у Вас есть «Библ<иотека> для чт<ения>» (№ 2), я Вам советую посмотреть, что Дружинин говорит об нашей критике от 43—49 года, а Панаев его при этом называет своим* другом в<о> 2<-м> же № «Современника». ¹⁰ Омерзительно — даже из-за уважения к собственной своей особе, — а, говорят, что наш почтенный друг, В. П. Б<откин> в восторге от всего этого. —

Посылаю Вам Грота — бывшие у меня два тома, и не понимаю, как Вы, — владея английским языком — хотите читать его в этом убийственном немецком переводе.¹¹ Нет! Конечно, теперь — всё английское я буду читать в подлиннике — я уже теперь читаю очень свободно и иногда прихожу в восторг при одной мысли о том, что я буду скоро в состоянии наслаждаться в подлинниках Байроном — а потом и Шекспиром, который, мимоходом, будет считаться за Вами.¹² При личном свидании я напомним об этом без застенчивости. —

Моя жизнь тут очень однообразна — это занятия некоторые по службе, — и потом чтение, чтение и чтение. — Обдумываю, чем бы мне заняться серьезно, то есть хочу выбрать какую-нибудь одну эпоху и вжиться в нее с руками и ногами — и уже выбрал один пункт, на изучение которого обращу все свои способности, силы и — сколько у меня его есть — терпение. — Результаты, вероятно, будут всё-таки гораздо богаче, нежели когда бы я начал себя тратить по мелочам, — надо же в самом деле, хоть для собственного успокоения, узнать, лежит ли во мне хоть что-нибудь, чем бы я мог быть полезен для других. Притязания и надежды мои, впрочем, весьма ограничены. Если я и ожидаю от себя что-нибудь, то только от самого усидчивого и кропотливого труда — вот на это-то не знаю хватит ли сил! —

Если бы Вы знали, милый Иван Сергеевич, сколько тут типов той «*барышни*», которую Вы когда-то намеревались описать на закате Вашей литературной известности и жизни — как последнее слово наблюдений Ваших над отечественным** женским полом. — Но у всех этих барышень,

* Далее начато: лучш<им>

** Было: над нашим отечественным

какие груди, какие плечи и какие *долженствуют* быть ляжки. Но все эти блага охраняются ими с яростью Цербера — придет какой-нибудь Тарутинский прапорщик и всё это выставится ему напоказ без искры любви, но с хладнокровным убеждением в правах этого прапорщика на их п<...>у. Право, ужасно — утешать можно себя разве только тем, что кроме этих телесных округлостей — в них нельзя искать решительно ничего. —

Прощайте, мой *милый* друг — я жду от Вас скорого письма. Люблю Вас и привязан к Вам искренно — и желаю Вам выжать всю возможную приятность из уединенной деревенской жизни. Не забывайте меня и пишите скорее.

Ф<еоктистов>.

А что же «Постоялый двор»?..¹³ Я уж молчу..

¹ Несколько позже, 5 апреля 1853 г., Феокистов снова сствовал: «... от Вас не получал ответа на многие из моих писем, особенно на предыдущее...» (см. письмо № 26).

² Речь идет о вышедшей в первом номере «Современника» статье-рецензии Тургенева: «„Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А<ксако>ва“». Москва, 1852 (Письмо к одному из издателей «Современника»)» (с. 33—44, подпись: «И. Т.», в огл.: «И. С. Т.», под подписью: «Село Спасское. Октябрь—ноябрь 1852»). О рецензии см. примечания Л. Н. Назаровой (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 671—672).

³ Феокистов «вспоминает» критические статьи Тургенева: «Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника» (*Современник*. 1847, № 1. Отд. III. С. 59-81, подпись: «Т.»), «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (Там же. 1852, № 3. Отд. I. С. 1—9, подпись: «И. Т.»), «„Плсмяница“». Роман, соч. Егнии Тур. 4 части, Москва, 1851» (Там же. 1852, № 1. Отд. III. С. 1—14, подпись: «И. Т.»). На эти статьи Феокистов откликнулся в письмах: от 14 января (№ 12), 18 февраля (№ 14), 7—8 марта (№ 17) 1852 г. (ч. I).

⁴ В предшествующих письмах Феокистов просил прислать ему копии рукописей «Постоялого двора» и фрагмента из романа «Два поколения». Далсе — 13-е примечание к данному письму.

⁵ 15 марта 1853 г. Тургенев, имея в виду «Сочинения Пушкина» и в особенности «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (первый том), над которыми в эту пору работал Анненков, спрашивал его: «Что Вы ничего не говорите о своем издании?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 216). 21 апреля он снова обратился к Анненкову с вопросом: «Что Вы мне ни слова не скажете об издании Пушкина? Бойтесь слгзнуть?» (Там же. С. 222). Ответ Анненкова последовал в письме от 1(13) мая 1853 г.: «Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваляется <...>. А вышло биографии на могущественный том листов в 30. Это, разумеется, сожмется, в дальнейшем ходу. Задавлен я теперь проверкой текстов. Эта работа, над которой, с непривычки, я сй Богу, погибал, и теперь еще едва на поверхности, но надсюю, нынешним летом, все порешится» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I. С. 23). О завершении работы над подготовкой издания «Сочинений Пушкина» Анненков сообщил Тургеневу лишь 20 июля (1 августа) 1853 г. «Пушкин весь кончен, с биографией с хронологическим порядком, с примечаниями. В рукописи имсет, кажется, европейский вид, но наступает решительный шаг» (Там же. С. 28). 31 июля 1853 г. Тургенев приветствовал это событие: «Пушкин кончен — вот это большая и радостная весть. Поздравляю Вас с окончанием такого славного и трудного дела. Ваше издание останется в русской лтературе — и Ваше имя. Дай бог Вам благополучно окончить печатание...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 246). Подготовленное Анненковым издание Пушкина, после цензурных мытарств (см. его письмо от 18 (20) сентября 1853 г. и 2-е примечание // *Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I. С. 31, 316), вышло в 6 томах в начале 1855 г. Седьмой, дополнительный, том появился в 1857 г. О процессе работы Анненкова над биографией и собранием сочинений Пушкина см.: *Модзалевский Б. Л.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. Избр. тр. (1898—1928). СПб., 1999. С. 436—506.

⁶ Чтение пушкинских стихов у Кудрявцева предположительно могло состояться между 19 и 29 мая 1852 г. в Москве, куда Тургенев заскакал по дороге из Петербурга в Спасское. Хронику этой поездки см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 206—207.

⁷ См. письмо Фокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 8-е примечание к нему. 14 января 1853 г. в Малом театре (Москва) в бенефис Л. П. Никулиной-Косицкой, подготовленный самим Островским спектакль «Не в свои сани не садись» был впервые показан зрителям. Боткин сообщал Тургеневу: «Театр — вот уже 9-ое представление — каждый раз полон, шумит, смеется, плачет, хлопает» (*Боткин и Тургенев*. С. 35—36, дата: 17 февраля 1853 г.). Позже о московской постановке восторженно вспоминал А. Д. Галахов («Мне памятен спектакль, когда давали „Не в свои сани не садись“...», см.: *Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 204—205*). В начале февраля драматург выехал в Петербург, где под его руководством труппа Александринского театра приступила к подготовке премьеры (состоялась — 19 февраля 1853 г.). Критика восприняла спектакль как выдающееся событие театральной и литературной жизни. «А между тем на этой же сцене, незадолго до Масляницы, тихо, без шума, впрочем, не без ожидания со стороны предвзвешенных слухами любителей, — писал Авдеев, — появилась пьеса, наделавшая шуму аплодисментами, ею возбужденными, — замечательнейшая пьеса, которая займет важное место в ряду современных произведений литературных вообще и драматических в особенности. Я говорю о трехактной комедии г. Островского „Не в свои сани не садись“» (*Авдеев М. В.* > Письма «Пустого человека» в провинцию о петербургской жизни. Письмо четвертое // *Современник*. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 199). Панаев также констатировал блистательный успех комедии на обеих сценах. По его свидетельству, пьеса «...на всех произвела сильное впечатление и возбудила толки» (*Панаев И. И.* > Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Март, 1853 // *Современник*. 1853. № 4, апрель. Отд. VI. С. 267). Далее — письмо от 5 апреля 1853 г. (№ 26) и к нему 8-е примечание.

⁸ Письма упомянутых адресатов не обнаружены, но суть и природа оценок пьесы Островского, в частности Галахова и Кудрявцева, очевидны. Указанному выше восторженному отзыву Галахова о московском спектакле «Не в свои сани не садись» предшествовала ситуация, о которой 17 февраля 1853 г. Боткин поведал в письме к Тургеневу: «Галахов — милый, добрый и прекраснейший человек, но к сожалению насквозь пропитанный литературностью, призжал ко мне на днях толковать о пьесе <...> он говорит такие смешные замечания на новую комедию, что не хочется даже опровергать их. Никак эти господа не могут отделиться от литературной точки зрения; а новая комедия Островского» далеко переносит за литературную сферу. Главное достоинство в Островском — сильный практический смысл, поэтому одна литературная точка зрения является такою бедною в критическом приложении к нему. <...> Без этого сильного практического смысла, на сцене ожидает автора только равнодушие, и поэтому-то у Островского такой большой драматический талант» (*Боткин и Тургенев*. С. 36). Развернутую оценку Кудрявцева комедии «Не в свои сани не садись», появившуюся в печати вслед его письму в Крым, см. в четвертом номере «Отечественных записок» за 1853 гт. (Отд. V. Библиографическая хроника, рубрика: Журналистика), с. 100—120. Далее — 9-е примечание к последующему письму (№ 26).

⁹ Речь идет об ежемесячных заметках (фельетонах) И. И. Панаева (Нового поэта) в «Современнике» (отд. VI), посвященных современной литературной, театральной и журнальной жизни. В первом номере 1853 г. появился его фельетон (в соавторстве с А. М. Жсмчужниковым) «Канун нового, 1853 года. Кошмар, в стихах и прозе, Нового Поэта» (с. 98—125), в февральском — «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Январь, 1853» (с. 259—282), в третьем, мартовском — «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Февраль, 1853» (с. 141—161). Тургенев положительно воспринял январские заметки Панаева и его соавтора, невзирая на пародийно-сатирический характер портретных зарисовок, в частности, Н. Г. Фролова («Космос»), и двусмысленность намсков, в частности на его первый, якобы корыстный брак. 6 февраля 1853 г. он писал Некрасову и Панаеву: «...лучше всего <...> статья Нового Поэта. Умнее и милее ее ты, Панаев», давно ничего не писал — над ней и нахохочешься и надумасьшься вдоволь. (Что скажет Фролов о ней — это другое дело.) <...> Но статья Нового Поэта прочтется с наслаждением во всех концах России» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 202). Однако позже первоначальная оценка Тургенева сменилась более сдержанной. Через месяц он писал Панаеву: «До меня дошли слухи, что многие недовольны твоим „Кошмаром“ в 1-м №-е; — сообразив все обстоятельства, я сам сожалел о том, что ты поместил историю *Космоса* — но все-таки я нахожу твою статью очень забавной»

бавной» (Там же. С. 214). Очевидно, как это было отмечено комментатором письма, на Тургенев повлияла резко отрицательная реакция Анненкова на панасевские заметки: «... вот свежие новости <...> Панаев имеет успех великолепнейшего скандала фельетоном! ¹⁰ №, где говорится о жнитрбах Космоса (гадка вещь, по-моему, и стоило бы, чтоб близкие к нему люди, как Вы, например, не поддакивали ему в этих мелких и крайне неблагоприятных мшциях...)» (Анненков. Письма к И. С. Тургеневу, 1. С. 16; дата: середина (конец) февраля 1853). Очевидно, окружению Е. В. Салиас была известна и оценка Грановского (см. его письмо Е. Ф. Коршу начала 1853 г. (дата скорректирована): Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 468—469), лично задетого панасевскими заметками: Фролов вторым браком был женат на его двоюродной сестре — Анне Евгеньевне Дараган (см. примечания к письмам Феокистова № 5 от 30—31 марта 1851 (7-с) и № 13 от 28 января 1852 г. (2-с), ч. 1).

¹⁰ Имеются в виду строки Панаева о Дружинине (Иногороднем подписчике) из февральских «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики. Январь, 1853» (Современник. 1853. № 2): «Один из журналов в первой своей книжке посвятил, замечу мимоходом, собственно мне около двух печатных листов, что (я не скрываю этого) доставило мне большое удовольствие, потому что в то время, когда я наслаждался чтением о себе, сладкий голос самолюбия шептал мне: „В этом журнале тебя хотя уничтожить, мой Новый Поэт, тебя и твоего друга Иногороднего Подписчика: на вас *заказывают статьи*, против вас выдвигают всю журнальную артиллерию, на вас выпускают первых литературных *охотников*, лучших журнальных застрельщиков. Следовательно, вы, у которых хотят отнять всякое литературное значение, что-нибудь да значите в литературе: недаром же все эти толки, сборы, приготовления, мелочные и подробные разборы всех ваших фельетонов!»» (С. 259). Этот монолог Панаева был спровоцирован анонимной статьей «Русская литература в 1852 году (Статья первая)» в январском номере «Отечественных записок» за 1853 г. (о коллективном авторстве статьи и атрибуции раздела о «фельетонной критике» Кудрявцеву см. в 8-м примечании к письму от 18 февраля 1853 г. (№ 24)). Авторы статьи подвергли критике не только роман Панаева «Львы в провинции» (см. письмо от 14 января 1852 г. (№ 12, ч. 1) и 8-с примечание к нему), но и так называемую «фельетонную критику», прежде всего сжесмеянные очерки текущей периодики Дружинина и Панаева. При этом принципы и формы мышления этих фельетонистов были осмыслены как крайне отрицательные феномены отечественного «фельетонного направления», ставшего к началу 1850-х гг. господствующим в литературе и снижавшего, по мнению Кудрявцева, неоправданную, чисто внешнюю по своей сути популярность. «Иногородний Подписчик так умел заговорить „свою“ публику, что она бросалась к нему со всех ног при появлении каждой новой книжки журнала, — иронизировал Кудрявцев, имея в виду первые письма Иногороднего подписчика о русской журналистике в «Современнике» (публиковались с янв. 1849 г.). — Талант особенного свойства писать с необыкновенным запасом слов и терминов всякого рода, технических и научных, с фразой несколько не застенчивой и до такой степени изворотливой, что она способна несколько раз обойти данный предмет со всех сторон, коснуться ее почти во всех точках и между тем — даже не пошевелить его. Публике чрезвычайно как понравилось это ловкое маневрирование; она еще никогда не видала ничего подобного в отечественной литературе и думала, что нашла настоящий клад, тогда как ей давали лишь оцвещенный новыми красками „фельетон“» (Отечественные записки. 1853. № 1. Отд. IV. С. 24). «Веселые статейки» Панаева были рассмотрены обозревателем «Отечественных записок» как вторичные явления, формально повторявшие его предшественника — Дружинина (Иногороднего подписчика): «Блестящий пример не остался без подражателей <...>. Только что „Иногородний Подписчик“ успел в первый раз откланяться читателям журнала, в котором печатались всем памятные его первые письма, как уж „Новый Поэт“ стоял перед ними в той же самой позе и на том же самом месте» (Там же. С. 24—25). «Иногородний Подписчик может справедливо гордиться своим громким именем: оно долго еще будет жить в преданиях литературной школы, им основанной. <...> Новый Поэт может сколько хочет дивить своим неистощимым юмором: за ним, бесспорно, останется слово самого талантливого подражателя...» (Там же. С. 26—27).

¹¹ См. 7-с примечание к письму Феокистова от 4 февраля 1853 г. (№ 23), а также реплику о Джордже Гротсе в письме от 15 июня 1853 г. (№ 29).

¹² Вероятно, речь идет об издании Шекспира, которое Феокистов предоставил Тургеневу.

¹³ Вопрос вызван ожиданием обещанной копии рукописи «Постоялого двора» (см.: письма от 5 декабря 1852 (№ 21, 15-с примечание), 8 января (№ 22) и 4 февраля 1853 г. (№ 23)).

5 (17) апреля 1853. Симферополь

5 апреля. 1853. Симферополь.

Несколько дней тому назад получили мы Ваше письмо,¹ любезный друг Иван Сергеевич — и вот уже я, — не подражая Вам — сижу отвечать. — Очень мы Вам благодарны за обещание Ваше, касательно «Постоялого двора»² — будем ждать его с нетерпением. А между тем мы читаем тут новую комедию Островского.³ Она стоит очень того, чтобы о ней много поговорить. — Начать с ее недостатков, — мне кажется, что план комедии сделан в иных местах — весьма неудачно. Напр<имер>, — увоз Вихоревым Дуни после того, как отец ее уже почти соглашается на их брак — а всё это для чего? для того, чтобы дать Русакову* случай показать свое чувствительное сердце в сцене ее обморока, — и это весьма, по-моему, сложно.⁴ Последняя сцена — весьма хороша, — но всё-таки многого ей недостает. Во-первых, она несоразмерно растянута, а во-вторых — внезапная радость Русакова, доходящая до того, что он готов заплатить долг за Вихорева — сначала непонятна, и, только вчитавшись в это место, узнаешь, что он радуется от того, что она уверяет в своей «честности», то есть что Вихорев ее еще не прохватил.⁵ Но первое впечатление — весьма смутно, и доказательство этому то, что в 3-ей книж<ке> «Совр<еменника>» при рассказе о продолжении «Не в свои сани <не садись>» — говорят об этом месте: «Русаков, пристыженный и убежденный словами Бородинкина...» и т. д. Какой же убежденный! Это была бы дичь...⁶ Вихорев уж слишком резко намалеван; и сцена на станции, в начале 3-го акта — возмутительно груба. Это уж оскорбление чувства изящного.⁷ Но достоинства комедии — огромны. Характер Русакова, — мне показавшись превосходен, — какова, напр<имер>, сцена его объяснения с Вихоревым во 2 <ом> акте? ⁸ Это — восторг, — вот чисто русская, здоровая и рассудительная натура, и — n'ep déplaîse à** Кудрявцев — я не вижу во всей комедии — идеализации купеческого быта.⁹ Это можно сказать только разве на основании «Своих людей» — но это не дает право считать «Своих людей» за окончательную программу купеческой жизни. Скажу Вам более, Иван Серг<еевич> — мне эта комедия, несмотря на все ее недостатки, понравилась более «Своих людей»¹⁰ — уже потому, что в*** «Не свои сани — » видна более широкая манера, более истинного, глубокого юмору, и нет уже следов того, — прекрасного, но всё-таки, так сказать, — мозаического, составленного, сочиненного языка, как в «Своих людях». Тут только есть одна страшная вещь, — (то есть в «Не свои сани <не садись>») — помните ли, в 1<-м> акте, на вопрос Вихорева «— да, может быть, тут дочерей отдают замуж насильно» — вдруг половой отвечает: «Необразованность, — всё по необразованности делается»,¹¹ — что это такое? Ведь это весьма дико, со стороны полового? А скажите, пожалуйста, Ив<ан> Серг<еевич>, отчего «Свои лю-

* Далее начато: мст<о>

** не в пику (франц.).

*** Далее начато: последней <комедии>

ди», несмотря на то, что они признаны художественным произведением, не могут быть прочитаны более двух или трех раз сряду и оставляют не столько чувство наслаждения, сколько чувство* ненавистное, тяжкое. Вы скажете от того, что самая жизнь, изображенная в комедии, возбуждает скорее ненависть и негодование? — Но отчего же это чувство не остается по прочтении «Недоросля», «Ревизора» и тысячи друг<их> произведений. Я не берусь решить этого вопроса, но у меня всё-таки остается такое сомнение — не хватил ли Островский в «Своих людях» слишком за барьер — не переложил он слишком краски** при изображении бесчувственной и холодной Липочки и всех окружающих ее негодаев. Порок выставить должно, но не знаю, должно ли выставить его во всей наготе, и видеть дочь***, отказывающуюся заплатить за отца, когда его ведут со связанными руками в тюрьму — ужасно. От того, что краски перепущены, мне кажется, и впечатление становится таким свинцово-тяжелым, что не хочется и взяться за книгу в другой раз. Как бы то ни было, я рад, что в новой комедии сохранено больше умеренности и видно больше знания. Жаль только, что доктрины всё-таки беспрестанно выглядывают, — от того местами выглядят идеализированными не только Бородин, но даже Русаков. А что такое Дуня? Опять женский характер самый неудачный, — хоть Русаков, то есть Островский, говорит про нее — «ведь это душа-то русская!..»¹²

Надеюсь, я услышу Ваше мнение об этой комедии, если не печатно, то хоть в письме.¹³ —

Кудрявцевы на лето будут в Крым. Они проедут также, как и мы, в 5 верстах от Вас.

Графиня очень была рада Вашему предложению выехать при ее возвращении в Орел или Мценск. Про себя уже не говорю. В должное время Вам дано будет знать, в какой месяц, день, час и минуту отсюда выезжает графиня.¹⁴ —

Прощайте, любезный Иван Сергеевич, — я от Вас не получал ответа на многие из моих писем, особенно на предыдущее,¹⁵ которое для меня весьма интересно. Напишите, пожалуйста, Ваше мнение об комедии Островского. Обнимаю Вас.

Е. Ф<еоктистов>.

Притиска Е. В. Салиас:

Письмо Ваше получила¹⁶ и была очень рада. Вы непременно должны выехать ко мне; или бы я ехала *не одна*****, то заехала бы к Вам. Но я еду с сестрой, с другой племянницей,¹⁷ и они связали меня по рукам и ногам. Но выехав в Орел, я устраююсь так, что мы проведем весь день, я, вы и Ф<еоктистов> в особом номере и нам мешать говорить не будут. Я буду очень рада Вас видеть***** — это само собою.

* *Вместо слов:* сколько чувство — *было:* а чувство *Слово:* сколько — *вписано.*

** *Было:* красок

*** *Было:* и дочь видеть,

**** *Отписка. Нужно:* или бы я ехала *одна*

***** *Вместо:* Я буду очень рада Вас видеть — *было:* а. *Начато:* Я очнь Вам б. Я очнь рада Вас видеть *Слово:* буду — *вписано.*

Читала комедию Островс<кого>. ¹⁸ Это прелесть — я совершенно довольна. По поводу ее было много споров между мною и Ев<гением> Мих<айловичем>. Он читал мне кое-что из своего письма к Вам — я не совсем согласна, особенно с мнением об «Своих людях» — может быть, что краски переложены, — но за Липочку я заступилась. Не могло ничего выйти из ней*, как то, что вышло. Это бездушное создание совершенно верно природе — и не исключение оно (что не годится в художественную обрисовку). Таких сплошь и рядом, и мы видали их на своем веку. Я, по крайней мере, знавала таких дюжинами. Я рада за Островс<кого>. Действительно его новая комедия уцелеет и долго будет на сцене. Читала: «Рыбаки» — они мне нравятся — Вы также, верно, читали — что скажете?¹⁹ Но зато, что такое «Совр<еменник>» и Панаев с своими письмами — этот господин дошел до цинизма,²⁰ и что касается до меня — то я откланиваюсь от чести печатать в его журнале. Печатно признается, что литер<атура> ему надоела и что он думает о том, чтобы быть только данди, а какой он данди. *Петруша Шувалов* (он сам при мне его так назвал) ведь не пустил его в свою переднюю — знаю я этих господ. И что за суждения — что за тон — противно читать. Я бы могла Вам еще указать на его одну статейку — да неудобно писать — долго будет** — скажу одно — сбивает она тоном, духом, мнениями на почтенного Булгарина. Вы верно заметили, впрочем. Я окончила 2 <ую> часть моего романа²¹ и надеюсь, что этот роман будет без страшных длиннот «Племянницы» и не в 4 томах. Вы, видите, что я исправляюсь, и, хотя я женщина, мне болтать делается страшно. Это от опытности. Не знаю, как Вам сказать, удался ли роман — я не судья в своем деле. Жалею, что Вы не здесь, с нами; пожив в деревне, Вы, верно, как и я, на многое взглянули посерьезнее (впрочем, я всегда глядела серьезно на литературное дело) и согласитесь, что писать без любви нельзя. Скажу одно — мой роман написан был с сильным желанием хорошо работать и с любовью. Круг моего таланта тесен, я знаю, по самому свойству его — я не имею ни комизма, ни юмора, да и круг людей, мною виденных, не обширен — но я думаю, что это не препятствие. Как бы узким горизонт не был, всё же есть место и простор, чтобы описать; был бы талант, а материалу хватит всегда. Думаете ли, что права я? В «Биб<лиотеке для чтения>» напечатаны 2 первые, самые плохие (это я говорю с сознанием) главы из моего романа,²² и Ев<гений> М<ихайлович> подтвердит Вам это. Теперь отдохну немного и примусь за третью и последнюю часть. Ужасно сожалею, что Вас нет — считаю, что у Вас самое верное артистическое чувство, и однажды, выбившись из сил, работав целое утро, никак не могла сладить с<о> сценами, я легла на диван и говорила Ф<еоктистову>, что хотя бы к Вам послать рукопись. Дрянь — так дрянь — ну, в огонь — а порядочно, так опять за дело. Я верю другим — себе не верю — именно потому, что в своем деле чувство становится неверно. Это такое дитя — его видишь или лучше или хуже. Испытали ль Вы то ужасное чувство, которое я называю пониманием своего безумия. Я испытываю его, лишь только принимаюсь за серьезное дело; знаю, как надо сделать, что хочу выразить — и не умею. Это так тяжело, что сказать не могу. Сожму сцену — не то. Распро-

* Так в автографе.

** Фраза: долго будет — вписана.

странность — растянуто, и всё-таки не то. Это убийственно. И вот тут-то поймешь, что талант не ум, что талант не понимание. Дар — талант — вот что, и дар наткнуться бессознательно на ту черту характера, которая в соединении с другими делает из лица тип. Живое лицо, еще не тип. А мы (я о себе говорю), мелкие букашки, рады, когда лицо выходит живое. Я теперь всё больше и больше понимаю свое безумие, а, между тем, люблю страстно свое дело или то, что считаю своим делом. Это часть моей самой живой жизни — это мой интерес, моя цель — мое стремление. Отказаться будет мне трудно — а откажусь — и это потеряю, как многое другое потеряла в жизни, когда уверюсь, что действительно таланта (в строгом смысле слова) у меня нет и не бывало. С женским чувством да с анализом далеко не уедешь в литературе.

Извините, пожалуйста, что заболталась о себе; это Вам доказывает, что я *считаю* на Вас,* то есть на Ваше дружеское участие в моих занятиях; вероятно, Вы не совсем считаете меня Островс<ким> в отношении к самолюбию *только*, и, зная меня коротко, не могли поверить *всему*, что — я знаю, говорилось обо мне Вам по поводу Вашей критике** на «Племянницу».²³ Впрочем, при свидании я Вам откровенно скажу мое мнение, которое несколько не изменило моих отношений к Вам — да и было бы это глупо. Вы совершенно правы — и поверьте, я не виновата-таки, как Вы, может быть, думали.

Я жду с величайшим нетерпением Вашего «Постоялого двора», да Вы, пожалуй, не пришлете — это будет нехорошо.²⁴ Мы здесь в такой глуши, что страх. Я только радуюсь тому, что стала здоровее и могу работать — не смущена здесь душою и не в разладе с собой и другими. Последняя зима была мне в Москве тягостна, и часто вспоминала я Вас. Помните, Вы мне говорили: «Берегитесь». Я не береглась — и многие разодрали меня. Ничего нет ужаснее, правы Вы, тесного кружка.²⁵ Это те же сплетни, дразги, что в маленьком провинциальном городке. Ну, да об этом мы тоже поговорим при свидании. Много будет о чем поговорить — прощайте, жму Вам руку очень дружески.***

¹ Письмо неизвестно. Ответ Феокистова и приписка Салиас позволяют в определенной мере восстановить его содержание.

² Переговоры о «Постоялом дворе» длились с декабря 1852 г. (см. письма Феокистова от 5 декабря 1852 (15-е примечание), 8 января, 4 февраля, 18 февраля и 18 марта 1853 г. (№ 21, 22, 23, 24, 25)) до лета 1853 г. Рассылка копий повести и романа «Два поколения» задерживалась главным образом из-за отсутствия переписчика. Объясняя Анненкову причину задержки обещанной копии романа, Тургенев жаловался: «Писец мой всё не едет из Москвы — и потому копия еще не началась — такая досада!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 215, дата письма: 15 марта 1853 г.). Лишь в начале июня 1853 г. Феокистов получил известие, что копия «Постоялого двора» выслана ему в Крым (письмо № 28). О дальнейшей судьбе копии см. письма: от 15 июня (№ 29, 7-е примечание) и от 24—25 августа (№ 31) 1853 г.

³ Комедия «Не в свои сани не садись» вначале была поставлена на сцене (см. предшествующее письмо и 7-е примечание к нему) и лишь в пятом номере «Москвитянина» за 1853 г.

* Так в автографе. *Вместо*: рассчитываю на Вас

** Так в автографе. *Вместо*: по поводу Вашей критики

*** Фрагмент письма со слов: «из сил, работав целос утро» и завершающийся словами: «жму Вам руку очень дружески» хранится в системе писем Е. В. Салиас к И. С. Тургеневу, № 5850. Л. 17—18.

(март, кн. 1) стала доступна читателю. Феоктистов и Салиас читали пьесу со страниц только что полученного ими номера журнала.

⁴ «План комедии», мотивы эмоционально-психологического поведения ее героев в отдельных ситуациях вызвали нарекания и у театрального обозревателя «Современника». Ср.: Ловлас-Вихорев почти насильно увозит Дуню и прибегает к этой мере напрасно, потому что Русаков, видя отчаяние дочери, произведенное его отказом Вихореву, объявляет ей свое согласие на брак, с тем только, что он не даст за ней никакого приданого. Хотя бы Дуне следовало начать с того, что объявить это решение отца при первой встрече Вихореву, но как мы не видим сцены похищения, то и не можем судить, в какой мере это было удобно. Она высказывает эту новость где-то на постоялом дворе в Ямской, в то время, когда перемещают им лошадей, чтобы ехать далее — венчаться, и высказывает это только по настоятельному расспросам Вихорева, что, по моему мнению, автор сделал довольно неловко, потому что зритель видит цель, к которой приводится разговор, тогда как объявление Дуни, сделанное вдруг, без приготовления, добровольно, было бы эффектнее и натуральнее» (*Авдеев М. В.* > Письмо «Пустого человека» в провинцию о петербургской жизни. Письмо четвертое // Современник. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 200—201). Сцена обморока Дуни и следующий затем монолог Русакова («Где? Что? Господи? — Ужлиж я ее убил?...») и затем: «Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. — Коли любит — возьмет и так») составляют содержание явления четырнадцатого из второго действия (Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 47—49).

⁵ «Последняя сцена» — третье действие (акт), сцена вторая, явление четвертое — открывается вестью о похищении Дуни: «*Арина Федотовна*. Уез, уез, матушка; такой молодец, — подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела» (Там же. С. 57). Сцена вторая третьего действия состоит из одиннадцати явлений, в то время, как предшествующая, то есть сцена первая, — из трех. В заключительном, четырнадцатом явлении (третье действие) Русаков изъясляет готовность оплатить гостиничные расходы Вихорева и на радостях общается утешенно: «*Маломальский*. А что, сват, угощение будет? *Русаков*. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица! приготовь-ка нам что-нибудь поздравить сваных с невестой. <...> *Маломальский*. Ну, уж теперь, сват, я загулял... уж теперь вплоть до свадьбы. <...> гуляю...» (Там же. С. 73—74). Проявлению щедрости и общему всполоху радости предшествуют обращенное к Бородину признание Дуни и раскаяние ее отца: «*Авдотья Максимовна*. ...Я честная девушка, Иван Петрович. — Я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке. *Русаков (пораженный)*. ...За что я ее обидел?...» (Там же. Явление тринадцатое. С. 74).

⁶ Авдеев в указанном выше четвертом письме «Пустого человека», анализируя постановку пьесы Островского в Александринском театре (преьера состоялась 19 февраля 1853 г.), так передал содержание эпизодов, упомянутых Феоктистовым: «Смушение увеличивает Маломальский замечанием, что дело надобно затушить и заставить его жильца Вихорева жениться на Дуне, потому что теперь ее никто не возьмет. „Я возьму-с“, — говорит Бородин, не переставший любить Дуню; но разгневанный отец отговаривает его, говорит, что ему надобно девушку честную, и тогда Бородин горячо заступает за оставленную всеми, увлеченную минутным порывом, но честную девушку, и Русаков, вразумленный его словами, повинуется голосу сердца, прощает и даже просит прощения в горячности у дочери. Комедия заканчивается трогательной сценой общего примирения» (Современник. 1853. № 3, март. Отд. «Современные заметки». С. 201. Без подписи).

⁷ Имеется в виду объяснение Авдотьи Максимовны с Вихоревым в «небольшой комнате на постоялом дворе» в Ямской слободе (Действие третье, сцена первая, явление первое // Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 50—56.).

⁸ См. действие второе, явление девятое (Там же. С. 37—42).

⁹ Реакция, как видно, на полученное от Кудрявцева письмо (неизв., см. о нем публикуемое письмо от 18 марта 1853 г., № 25). Отношение Кудрявцева к новой пьесе Островского ярко выразилось в его журнальном отзыве. Русаков в этой рецензии охарактеризован как сфантазированный общественный тип: «...откуда не подойди к Русакову, отовсюду виден человек. В упрек ему, как характеру, можно сказать, разве, одно, что он слишком идеален, что он скорее принадлежит к числу искомым характеров, нежели тех, с какими обыкновенно приходится встречаться в жизни» (Отечественные записки. 1853, № 4. С. 103. Отд. V. Библиографическая хроника, рубрика: Журналистика. С. 103). В целом же, по мнению Кудрявцева, комедия Островского построена на основе резкого противопоставления двух направлений, до сих пор встречавшихся в литературе порознь: «В одном и том же произведении употреблены два приема искусства, два различных рода освещения — яркое и темное, и притом так, что все выгоды первого

послужили в пользу одного разряда лиц, а все невыгоды второго пали на другой — где же тут художническое беспристрастие?» (там же. С. 119). На пятый день после премьеры «Не в свои сани не садись» в Александринском театре Тургенев обратился к Анненкову: «Скажите мне Ваше мнение о новой комедии Островского...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 208, дата: 24 февраля 1853 г.). В ответном письме Анненков сообщил, что комедия имела «огромный успех в обеих столицах — и совершенно заслуженный. В ней нет почти ничего. Не широка она и не глубока, а только умна. От Островского можно было всего ожидать: и характеров и таланту, но ума менее всего. А между тем он им и взял — удивил меня и других, сказать по правде. Но может быть, это и невзначай...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*. 1. С. 18, дата: около 6 марта 1853 г.). Пьеса «с умом», пьеса с направлением, в данном случае — со славянофильским, начала, по убеждению Анненкова, «падение» Островского. Рассуждая об искусстве с «направлением», о бесплодии этого пути, исключающего объективность и многомерность изображения действительности, он писал по поводу «Постоялого двора»: «...из Вашего направления ничего серьезного не будет. Нет славы сделаться у нас великим *полемиическим* писателем, а художественным — само направление не позволяет. <...> А мне описание честного поступка Булгарина было бы, просто сказать, подарком. Сколько бы тут таланта могло быть проявлено и сколько вещей сказано хороших! Да как же быть без направления? Ведь оно даст и теплоту, и смысл сочинению, и участие автора к своим лицам, и, наконец, нравственное значение. Поэтому и вышло, что и романы Евг. Тур прекрасны — разве это безделица — чудо не малое! С объективностью одной этого не сделаешь. Это правда, да всего этого лучше мужественный писатель, который теплоту, и значение, и смысл видит везде. — К чёрту *направление!*» (там же. С. 18—19). С оценками Анненкова согласовался отзыв С. Т. Аксакова от 10 марта 1853 г.: «Вы верно слышали и даже прочли новую комедию Островского. Все говорят, что на театре она производит сильное действие. Я признаю талант автора, но в пьесе вижу только превосходные, изумительно верные сцены, очерки, а полноты создания по-моему нет» (*Лернер Н. О. И. С. Тургенев. Четыре письма к П. В. Анненкову (1853 и 1871 годы)* // *Звенья*. М.; Л., 1935. Кн. 5. С. 274). 14 марта 1853 г. Тургенев, согласившись с суждениями Анненкова, изложил свое мнение: «Комедию Островского прочел нам на днях М. С. Щепкин, который приехал сюда в понедельник <...>. Прочел ее он отлично, и впечатление она произвела большое — но у меня всё из головы не выходило „Père de famille” и другие драмы Дидеро — с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога вела к истинному художеству. У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро — но сентиментальность, слава богу, кажется, навсегда умерла. Словом — пьеса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант, — но ведь и здесь отразилось то „*направление*”, против которого Вы так справедливо возражаете, или, говоря точнее — то стремление к *направлению*» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 215; отклик на сравнение Островского с Дидро см. в письме Анненкова от 20 марта (2 апреля) 1853 г. (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 20)).

¹⁰ Сравнение почти каждой новой пьесы Островского, в данном случае комедии «Не в свои сани не садись», с другими его произведениями, при разнообразии предпочтений, — общее место не только в среде читателей и зрителей, но и в критике. Театральный обозреватель «Современника» М. В. Авдеев, при несомненном понимании остроты идеологических споров вокруг пьес Островского и их объективных причин, писал по этому поводу: «...непостоянство в степени проявления и развития таланта увеличило интерес ожидания новой пьесы, и все любители нашей словесности, так небогатой в последнее время замечательными произведениями, узнают с искренним удовольствием, что „Не в свои сани не садись”, хотя все-таки, по моему мнению, ниже, чем „Свои люди — сочтемся”, но выше „Бедной невесты”» (*Авдеев М. В.* > Письмо «Пустого человека» в провинцию о пестербургской жизни. Письмо четвертое // *Современник*. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 200).

¹¹ Речь идет о сцене из действия первого, явления пятого: «*Вихорев*. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заседь в такую глущь!.. Это чёрт знает, как досадно. *Половой*. Одна необразованность; по не образованию все делается» (Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 21).

¹² Феокистов вольно цитирует слова Русакова о своей дочери в сцене ее сватовства. Обращаясь к Маломальскому-свату, он говорит: «... Моя дочь не такая!.. моя Дунюшка вылитая жена покойница... <...> Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же, пусть ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри, уж в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти такого, чтоб ее-то любил, да мог

бы понять, что это за душа... душа у ней русская» (Там же. Действие первое, явление третье. С. 14).

¹³ Также: *Напишите, пожалуйста, Ваше мнение об комедии Островского*. — Мнение Тургенева о комедии «Не в свои сани не садись» в дошедших до нас письмах к Феоктистову не отразилось.

¹⁴ О переговорах по поводу встречи на Орловщине, инициатором которой (это следует из данного письма) был Тургенев, см. в письме Феоктистова от 28 мая 1853 г. и 2-е примечание к нему.

¹⁵ См. также 1-е примечание к письму от 18 марта 1853 г. (№ 25).

¹⁶ Письмо неизвестно.

¹⁷ С младшей сестрой Софьей Васильевной Сухово-Кобылиной (см. о ней в 11-м примечании к письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21)) и, как видно, с дочерью другой сестры Евдокии Васильевны Петрово-Соловова (урожд. Сухово-Кобылиной).

¹⁸ См. 3-е примечание к настоящему письму Феоктистова.

¹⁹ Роман Григоровича Дмитрия Васильевича (1822—1899) «Рыбаки» печатался в «Современнике» с марта 1853 г. В письме к П. В. Анненкову от 21 апреля 1853 г. Тургенев отозвался о нем как о скучном произведении писателя, который давно вызывает у него оскормину, — произведении, не идущим ни в какое сравнение с «легким и беглым рассказцем» Л. Толстого «Набег» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 221). 12 мая, откликаясь на рассуждение Анненкова о русском романе, поводом к которому послужили «Рыбаки», Тургенев писал: «Всё, что Вы говорите о романе вообще — очень умно и верно — Пушкин одним созданием лица Троекурова в „Дубровском“ показал, какие в нем были эпические силы. — Я еще не получил апрельской книжки „Современника“ <...> и не могу судить о том, как дальше развиваются „Рыбаки“ Григоровича — но не ожидаю от них многого. Эпоха литературы русской, к которой он относится по своему таланту — уже прошла — а истории нет никакого дела, что человек еще свеж и только что сложился и вошел в силу — если он ей более не нужен. Мастерства в „Рыбаках“ много — а впечатление они производят — как бы выразиться — какос-то старое» (Там же. С. 225). Сообщив Анненкову в последующем письме (от 25 мая), что до сих пор не смог одолеть 2-й и 3-й частей «Рыбаков», Тургенев конкретизировал суть своих претензий: «Мужички совсем одолели нас в литературе. Оно бы ничего; но я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, все-таки ничего в них не смыслим. Притом всё это — по известным причинам — начинает получать такой идиллический колорит, что Геснеру должно быть очень приятно в гробу. Пора мужичков в отставку» (Там же. С. 233, см. также 10-е примечание к этому письму: с. 525).

²⁰ См. предшествующее письмо Феоктистова (от 18 марта 1853 г. (№25)) и 9-е примечание к нему.

²¹ В это время Салиас работала над романом «Три поры жизни». 15 июня 1853 г. Тургенев сообщил Анненкову: «Она кончила или оканчивает свой роман. Что-то это будет?» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 241).

²² См.: Три поры жизни. Отрывок из романа <Гл. I и II> // Библиотека для чтения. 1853. Т. 117, ч. 2. Отд. I (Русская словесность). С. 239—314. Подпись под текстом: Евгения Тур. См. 7-е примечание к письму от 2 ноября 1853 г. (№ 32).

²³ Речь идет о статье Тургенева «Племянница. Роман, соч. Евгении Тур <...>», ставшей поводом к разногласиям в окружении Салиас зимой—весной 1852 г. (см. письмо от 14 января 1852 г. (№ 12, ч. I) и 1-е, 2-е, 5-е примечания к нему). Кризис отношений Салиас с Тургеневым, Боткиным, Грановским и его кружком отразился также в следующих письмах 1852 г. — от 18 февраля (№ 14, ч. I), 12 сентября (№ 20, 1-е примечание) и 5 декабря (№ 21, 4-е примечание).

²⁴ Просьба, с которой Феоктистов и Салиас обращались к Тургеневу почти в каждом письме начиная с декабря 1852 г. См. 2-е примечание к данному письму Феоктистова.

²⁵ Кружок, его психология, характер воздействия на личность — перманентные темы писем Феоктистова и Салиас: ср. с письмом Феоктистова от 5 декабря 1852 (№ 21), см. также письма, указанные выше, в 23-м примечании.

28 мая (9 июня) 1853. Кучук-Ламбат

Кучук-Ламбат. 28 мая. 1853.

Любезнейший Иван Сергеевич, — я получил Ваше письмо со стихами Пушкина¹ (за что весьма Вас благодарю) — но не отвечал Вам до сих пор по многим причинам. Во-первых,* я ездил по южному берегу, потом был нездоров и теперь тоже беру перо только для успокоения совести, — ибо много писать не могу: у меня сделался ногтеед, и я мучился и мучусь от пальца несказанно. Хочу Вам сказать только одно: графиня едет в августе, — около 20<-го> она будет около Вас, — не можете ли Вы выехать на встречу или в Орел или Мценск повидаться.² Вы теперь напишите только, можете ли Вы это сделать, — а тогда, перед отъездом, я дам Вам знать, когда нужно будет выехать на встречу, и аккуратно назначу число. —

Я думаю, Вы теперь проводите жизнь свою в поле? ³ Глубоко жалею у Вас.** — Вы не поверите, какое наслаждение в жару лежать весь день дома и ничего не делать, а жары здесь страшные. Я знаю, что летом корреспонденция не может так деятельно поддерживаться, как зимою, но всё-таки напишите нам иногда несколько строчек и дайте весточку о себе. — Вы еще, злодей, ничего мне не отвечали на мои два последние к Вам письма.⁴ — Графиня Вам кланяется и просит Вам сказать, не стыдно ли Вам при свидании будет смотреть на нее, вспомнив об «Муму»?⁵ — Прощайте, будьте здоровы, веселы, бейте как можно больше бекасов, — но всё-таки не забывайте нас. Пожалуйста, напишите ответ мне, — в ожидании.

Ваш вечно

Е. Ф<еоктистов>.

На обороте письма:

Орловской губернии, в город *Мценск*. Доставить в село Спасское, г<-на>. Тургенева.

Его Высокоблагороди<ю> Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На письме помета рукой неустановленного лица (напротив неясно оттиснутого штемпеля): *Биют-Ламбат. 29 мая 1853 г.*

¹ Письмо Тургенева неизвестно. Е. М. Хмельская в своем списке утраченных писем Тургенева это письмо датирует: «Около 20 мая ст. ст. 1853» (Тургеневский сборник. М.; Л., 1964. Вып. 1. С. 373). Перечень стихов Пушкина, которых касалась просьба Феокистова, — в его письме от 18 марта 1853 г. (№ 25), см. также 6-е примечание к нему.

² 2 июня 1853 г. Е. В. Салиас сообщила Тургеневу: «Я выезжаю из Симф<ерополя>» 15 августа...» (Т. Письма (2-е изд). Т. 2. С. 530). 15 июня Тургенев написал Анненкову: «Мне графиня Сальяс пишет, что она около 20-го августа здесь просдет и будет 1-го сентября в Петербурге» (Там же. С. 241). См. письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29).

* Далее начато: у меня

** Описка. Нужно: жалю Вас. или: жалею я Вас.

³ Охотничьи маршруты Тургенева отразились, в частности, в письме к Л. Н. Вакселю от 25 мая 1853 г.: «Вот Вам теперь мой отчет об охоте в нынешнем году: вальдшнепов здесь было очень мало; в конце апреля я с И. Ф. Юрасовым ездил в Апраксинские места к Десне на дуплей; мы немножко опоздали — самки уже сели на яйца — самцы тронулись и точки не очень уже были многочисленны; однако мы поохотились весьма недурно — и места видели поистине великолепные. Моя молодая сука меня чрезвычайно потешала. Теперь в ожидании Петрова дня ружье стоит в углу...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 234—235).

⁴ То есть на письма от 18 марта и 5 апреля 1853 г.

⁵ Речь идет об обещании Тургенева прислать копию рукописи «Муму» — см. 14-е примечание к письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21). Ситуацию проясняет информация из тургеневского письма К. Н. Леонтьеву (от 6 марта 1853 г.), также ожидавшему списки «Муму» и «Постоялого двора»: «...я велю переписать для Вас здесь мои повести, а Кетчеру я — виноват — я об этом не писал. Позабыл! Но это будет сделано и Вам доставлено» (Там же. Т. 2. С. 212). Подробнее: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 604.

28

Первые числа июня 1853. Кучук-Ламбат

Милый Иван Сергеевич, я только сейчас узнал, что графиня пишет Вам, и потому не мог писать. Но с следующей же почтой напишу большое письмо,¹ к тому же времени получу «П<остоялый> Д<вор>», и скажу Вам о нем свое мнение.² Ваша просьба, касательно «П<остоялого> Д<вора>», будет исполнена в точности.³ А теперь позвольте Вас обнять.

Е. Ф<еоктистов>.

Время написания записки, скорее всего вложенной в конверт с письмом Салиас, устанавливается на основании двух фактов: упомянутого Феоктистовым письма Салиас, помеченного 2 июня 1853 г. («...графиня пишет Вам...» — см.: РО ИРЛИ № 5850) — и последующего его письма к Тургеневу, датированного 15 июня 1853 г. (№ 29), с известием о получении давно ожидаемой копии «Постоялого двора» (см. письма № 21, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 31).

¹ Письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29) с сообщением о получении копии повести «Постоялый двор» и ее анализом.

² Публикуемая записка Феоктистова, как видно, явилась откликом на письмо Тургенева (н.изв.) с сообщением о высылке копии «Постоялого двора». Возможно, известие поступило через Салиас.

³ Вероятно, речь идет о необходимости по прочтении копии вернуть ее Тургеневу или передать С. Т. Аксакову. Еще 12 мая 1853 г. Тургенев осведомлял С. Т. Аксакова: «По недоразумению — без меня Вам „П<остоялый> д<вор>” не выслали — он отправляется завтра» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 230). Но 13 мая, по словам комментатора письма, копия Аксакову не была выслана (Там же. С. 523). Скорее всего, между 12 мая и началом июня 1853 г. в неизвестном нам письме Тургенев, сообщая Феоктистову о высылке «списка» «Постоялого двора», просил вернуть его в Спасское или переслать Аксакову. Далее см. последующее письмо Феоктистова (№ 29) и 7-е примечание к нему.

15 (27) июня 1853. Кучук-Ламбат

Кучук-Ламбат. 1853. Июня 15.

Милый Иван Сергеевич — искренно благодарю Вас за удовольствие, которое Вы мне доставили присылкою Вашей повести.¹ Я прочел ее с большим вниманием и в целом был очень ею удовлетворен. Вообще об ней стоит много поговорить. Характеры в «П<остоялом> д<воре>» вышли очень определенны, ярки, — нет в изображении их Ваших прежних несколько хитростных замашек; вообще в этой повести Вы глядите на изображаемый Вами мир несравненно яснее и прямее прежнего — в этом надо отдать Вам полную справедливость. Из всех лиц Вашей повести мне более всех понравилась — Авдотья. Это лицо удивительно удалось Вам, так что, мне кажется, нельзя ни прибавить, ни убавить ни одной лишней черты. Некоторые сцены, — напр<имер>, описание первой встречи Авдотьи с Наумом и проведенная ею беспокойная ночь, — появление Акима к барыне с объяснением по поводу проданного дома — всё это живо, верно и отлично. Но рядом с этим, мне кажется, и в этой повести Вашей можно указать на некоторые недостатки. К первым и главным из них я отношу Ваш давнишний порок — недостаток отделки. По крайней мере последняя половина Вашей повести, со времени перехода Акима к дьячку, поразила меня какою-то поспешностью и — извините — даже вялостью изложения некоторых мест. Напр<имер>,* перемена, произошедшая в Акиме, после того, как Наум поймал его на поджоге — объяснена весьма неудовлетворительно, и маленькое объяснение, в виде рассуждения, написанное Вами по этому случаю — показалось мне как-то очень неловко, холодно и странно.** Не знаю, справедливо ли и верно было мое впечатление, но оно таково. Вообще, мне кажется, видно, что Вы обратили преимущественно внимание свое на эту часть рассказа, но неизвестно почему, сравнительно с первою, она вышла у Вас гораздо слабее и даже весьма растянута. Мне кажется, что конец рассказа можно было бы сократить, вследствие чего он делал бы несравненно сильнейшее впечатление. К второстепенным недостаткам я приписываю некоторую неловкость во многих местах рассказа, — особенно эти частые повторения: «Пока это происходило, там делалось то-то» или «обратимся туда-то» и в роде этого.

В целом же я могу сказать Вам вот что: я считаю «Муму» большим шагом, в сравнении с «Зап<исками> охотн<ика>», но «П<остоялый> д<вор>» — не выше «Муму»,² по моему крайнему пониманию. Вы можете еще долго и долго идти вперед. Вообще очень опасно приниматься за изображение избранного Вами быта. Всё еще видно, что Вы не слишком ловко и свободно с ним обращаетесь.

Не знаю, справедливо ли мое мнение. Помните ли, однако, Вы мне говорили один раз, что я уж слишком Вас хвалю и никогда не говорю Вам о

* Далее начато: сисна

** Вместо: и странно — было: и даже странно

Ваших недостатках. Кажется, в этом письме я уж ударился в другую крайность. Впрочем, *я знаю верно*, что Вы на меня за это не посетуете. Я слишком хорошо Вас знаю для этого и всегда готов Вам прямо высказать правду, как ее я понимаю. — Графиня не согласна с моим мнением, и выскажет Вам свое в особенном письме.³ Надеюсь, что Вы ответите мне на это письмо и скажите также прямо, в чем Вы со мною не согласны. —

Ну, так мы с Вами увидимся! Боже мой, какое это счастье. Теперь, вот в чем дело, исполните, пожалуйста, эту просьбу. Так как Вы уже обещали выехать к нам на встречу, напишите, пожалуйста, решительно, куда Вы выедете — в Орел или Мценск? ⁴ Пожалуйста, *не медлите ответом*, ибо он только что будет иметь время придти сюда. Тогда мы уж будем знать, где именно Вас встречать и ожидать. Пред отъездом я напишу Вам подробно даже число, когда мы будем около Вас. — А хорошо бы, Иван Сергеевич, — в Орел! Не поленитесь-ка!...

Знаете ли, с чем вместе, то есть в одно время, я читал Вашу повесть? — Со 2-ю частью «Мертв<ых> душ», которую мне, после нечеловеческих усилий, таки выслали сюда.⁵ Я не посылаю Вам ее, ибо уверен, что она у Вас есть, так как теперь, говорят, эта рукопись очень распространена.⁶ —

Рукопись Ваша «Пост<оялого> д<вор>а» будет Вам выслана тотчас по переписании, ибо я непременно хочу ее переписать. Поверьте, что она будет цела и невредима.⁷ —

Получили мы тут и «Tom's Cabin», но не успел еще прочитать.⁸ Что могу Вам сказать о себе? Погода великолепная, купаемся в море, гуляем, спим и едим страшно! *A propos*, не грешно ли Вам говорить, что я, не читая, сказал свое мнение о Гроте.⁹ Сроду этого никогда не было. Я только сказал, что слог мне кажется тяжел, а это видно, только заглянувши в книгу и не читая ее. То есть как Вы еще злостны-то!...

Ради Бога, дайте мне знать хоть касательно одного пункта — где Вас мы найдем — в Орле или Мценске. Графиня Вам кланяется. Я Вас крепко, крепко и истинно дружески обнимаю. Ваш всегда

Е. Ф<еоктистов>.

Приписка рукой Феокистова на верхнем поле первого листа:

Графиня едет около 15 августа. — Я забыл Вам сказать одно замечание об 2-й части «М<ертвых> д<душ>». Это произведение давнее,* но всё-таки я никогда не поверю, чтобы дошедшая до нас рукопись была — беловая. Мне кажется, есть еще много неотделанного и много только набросанного.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ См. 7-с примсчание к данному письму.

² Эти суждения Феокистова вливаются в общий хор откликов на последние произведения Тургенева и, как видно, повторяют их. Ср., в частности, с письмом Ивана Аксакова от 4 октября 1852 г. по поводу «Муму». В герое этой повести он увидел «олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 494).

* Так в автографе.

С. Т. Аксаков 7 октября 1852 г., получив экземпляр «Записок охотника» (прочел «с новым удовольствием, а некоторые места — с наслаждением»), заметил, что предпочитает («Муму» «многим, а Константин — всем прежним сочинениям» Тургенева (*Летопись (1818—1858)*. С. 214). Не позднее 16 октября 1852 г. Константин Аксаков повторил суждения отца, однако при этом внес в оценку охотничьих рассказов скептическую ноту: «Ваши „Записки охотника” вообще — только одно мерцание какого-то света, не больше». Сравнивая их с «Муму», Константин оценил новую повесть как шаг вперед в творческом развитии Тургенева (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 213). 12 октября 1852 г. Анненков писал по поводу отдельного издания «Записок охотника»: «... в них слишком наружу выступает сочинительство: оно напирает грудью на лица, на происшествия, на природу и даже на фразы. Это немного еще дикая сила, но все-таки сила, и в некоторых местах развернулась она так, что говоришь невольно: „Ай да молодец! Вот как вынес мужика — на одной руке, да и повертывает еще...”» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 481). И далее: «Я решительно жду от Вас романа с полною властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уж чересчур любите...» (Там же).

³ Этот отзыв Салиас о «Постоялом дворе» неизвестен.

⁴ Из последующего письма Феоктистова (№ 30) очевидно: Тургенев в недошедшем до нас июльском послании (не ранее 26-го) местом встречи назначил Орел. День встречи — 25 августа первоначально скоординировал Феоктистов (см.: Там же). Процесс переговоров Феоктистова и Салиас о встрече с Тургеневым по пути из Крыма в Москву прослеживается в письмах под № 26, 27, 28, см. также примечания к ним.

⁵ 25 июня 1853 г. (на письме указаны лишь число и месяц, год уточняется по штампелю: *Алушта. 1853. Июня 26 дня*) Салиас писала Бестужеву-Рюмину, проживавшему в то время в тамбовском имении Чичериных: «Я еду в Россию 15 Августа, 1 Сентября буду в Москве, 10 или много 15 у отца на Выксе, где пробуду до конца Октября. Нельзя ли Вам туда махнуть — ко мне. Мне бы сильно хотелось вас видеть и переговорить с вами о вас, судьбе вашей, планах, намерениях. В настоящее время вам готовится сюрприз. Наши — Евг<ений> Мих<айлович>, Варенька Нов<осильцева>, Маша моя переписывают отрывок из двух неполных глав „Мертвых душ”, которые нам удалось достать из Москвы. Как будут готовы, то пошлются к вам. Это такая неописанная прелесть, — выше всяких похвал. Описания природы самые восхитительные и запечатленные такой рукой мастера, что нет ни одного общего места, чем так богаты мы все, грешные. Нет ни синих небес, ни горизонта, ни солнца заходящего — а подробности — никакие! — Чичиков — это целый герой — герой-великан — в своем роде. — Тип Чичикова мы все знали и едва ли не многие из нас ему не сродни. Но сами увидите. <...> Евг<ний> Мих<айлович> вам кланяется и жмет руку. Он вам переписал часть „М<ертвых д<уш>”, которых отрывок посылаю» (РО ИРЛИ. № 25164, л. 150 об.—151 об., 153 об., письмо в копии, без подписи). 10 июля Феоктистов обратился к своему другу: «Милейший Бестужев — с следующей почтой посылается к Соловой <Евдокия Васильевна Петрово-Соловова — родная сестра Салиас де Турнемир. — Э. Г.> главы 2-ой части „Мертв<ых> душ”, — и она, вследствие просьбы Графини, вероятно, тотчас моя пришлет за тобою, чтобы прочесть их вместе. Ничего не говорю об этих 2-х главах — чтобы не помешать твоему собственному впечатлению при их чтении» (Там же, № 25156, л. 18; авторская дата письма: *Кучук-Ламбт, 10 июля. Год (1853)* устанавливается по содержанию письма и соответствию другим письмам).

⁶ Начало разговора о втором томе «Мертвых душ», поводом к которому послужили «слухи» о московских чтениях глав из этого тома, а затем и доходившие до Крыма и Спасского рассказы об услышанном, восходит к зиме и весне 1853 г. (январь—февраль, март—апрель), см. об этих фактах в письмах: № 22 (10-е, 11-е, 12-е примечания) и № 24 (9-е, 10-е, 11-е примечания). В начале лета 1853 г. интерес к поэме оживился, но уже по другому поводу — появились и стали ходить по рукам, рассылаться во все концы рукописные копии глав из второго тома. Известие об одной из таких копий, полученных Салиас и Феоктистовым в Крыму, поступило к Тургеневу из публикуемого письма. Сам Тургенев «перечел» копию глав (1, 2, 3 и 5) второго тома «Мертвых душ» лишь осенью (между 11 сентября и 6 октября). Копию доставил в Спасское Д. Я. Колбасин, к которому еще в сентябре Тургенев обратился (возможно, в ответ на его предложение или вопрос) с просьбой: «Пяти глав „М<ертвых> д<уш>” у меня нет — и я бы очень был Вам за них благодарен» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 254—255, дата: 11 сентября 1853 г.). Уже в первых строках его письма к Анненкову от 6 октября звучит имя персонажа из первой главы второго тома поэмы: «Я всё это время занят был по горло хозяйством, à la Теп-

тетnikoff». Сообщив о прочтенных главах поэмы и воздав должное третьей главе («3-я глава (где Петух, Кошкарев и Костанжогло) — вещь удивительная — совершенство. Что за гениальная карриатура, что за водопад здоровой веселости — этот Пстух!»), Тургенев сосредоточил вниманиис на противоречиях поэмы и причинах трагического конца ее создателя: «Но 5-ая глава с невыносимым Муразовым — меня болес нежели озадачила --- она меня огорчила. Если всё остальное было так написано — уж не вследствие ли возмущившегося художнического чувства сжег Гоголь свой роман? А должно полагать, что этой *Смирновицины* (мне при чтении беспрестанно мерещилась Ал<с>сандра> Ос<и>повна>) было напущено вдоволь. Боже мой! Боже мой! За что же так губить и ломать, и коверкать себя?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 255, 256, 536). В ответ Анненков вновь заговорил о необходимости многосложного отношения искусства к реальности, без чего, по его убеждению, не может быть художественной истины, о творчестве как самостоятельной и властной (а потому объективной) стихии самовыражения художника: «...можно ли в искусстве быть беспристрастным даже и к тем, которые стоят на противоположной стороне, или это уже не можно?». «О пятой главе надо забыть, — писал он. — Это не глава, а программа главы или, лучше, это только намерсние; кто видел, как я, благодаря рукописям Пушкина, что при творчестве все намерения изменяются, тот знает, что об этом думать. Творчество — великое дело. Голова говорит: дай скажу чудовищность; или наоборот, или совсем не так, как голова хотела. Я думаю совсем иначе, чем вы, касательно уничтожения „Мертвых душ“. Гоголь истребил их не потому, что заподозрил грустное их направление, а, по-моему, наоборот — потому что творчество, не спросясь его, дало им голос не тот, который он хотел» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 32). «О 2-й части „Мертвых душ“ и в особенности о Костанжогло, — писал Тургенев 19 октября — я на Вашей стороне, — хоть я не могу не заметить, что в этой 2-й части бежит какая-то несхорошая струя — иногда скрыто, иногда наружу; в характерах фантастического наставника, Муразова, Улькины — она выступает на поверхность — и разливается — а в иных местах чуть просачивается... в кой-каких выражениях Костанжогло, Кошкарева ее можно заметить — и они-то и подали повод к недоразумениям. Юпитер-Гоголь сердился кой-где — стало быть был виноват. Но есть места — охватывающие и потрясающие в одно время всю душу читателя. Помните прогулку Петуха в лодке — и песни рыбаков — и расшевеленного Чичикова — и безжизненную вялость Платонова. Это удивительное место» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 266—267). «Вы тонко и умно заместили, что у Гоголя есть какая-то струя нечистая, которая сочится между рассказом, — отвечал Анненков. — Действительно есть. Он твердо приступает к лицам, но первородный грех все виднеется. Это мне объясняет, почему говорил он, что ему надо обдѣлывать свои произведения вдоль и поперек. Он смывал родовые свои уродливости, которые вылезали и в минуты творчества наружу» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 35, дата: 31 октября 1853 г.). Строки из тургеневского письма к С. Т. Аксакову от 14 ноября 1853 г. — свособразный итог многодневному обсуждению рукописных копий глав второго тома «Мертвых душ»: «Доставили мне 3-ью и 5-ую главу „Мертвых душ“ (2-й части). 3-тья глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-ая с небывалым и невозможным откупищиком Муразовым... — Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя — покров на обнажившегося нашего литературного отца» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 276).

⁷ 30 августа 1853 г. Тургенев оповестил С. Т. Аксакова: «Рукопись „Постоялого двора“ будет Вам выслана из Москвы г-м Феоктистовым» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 250). 1 сентября Тургенев обратился к Феоктистову с просьбой: «Рукопись мою доставьте, пожалуйста, *Сергею Тимофеевичу Аксакову*, в Троицко-Сергиевский посад, Московской губ<с>рнии> — в село Абрамцево — впрочем, Вы, может быть, узнаете от Кетчера, что кто-нибудь из его сыновей в Москве — тогда вы ее передайте ему прямо» (Там же. С. 252). Однако Аксаков рукопись не получил. «Господин, которому я поручил доставить Вам рукопись „Постоялого двора“ — потерял ее, — сообщил ему Тургенев, не называя фамилии Феоктистова, в письме от 28 февраля—4 марта 1854 г., — придется велеть переписать ее снова» (Там же. С. 289). Лишь весной 1855 г. Аксаков направил Тургеневу письмо со строками: «...только сегодня получил я <...> рукопись „Постоялого двора“ и увидел в конце рассказа вашу собственноручную подпись» (Там же. С. 523; письмо Аксакова помечено 16 мая 1855 г.) Далее см. письмо от 24—25 августа 1853 г. (№ 31).

⁸ Роман «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin») Гарриет Бичер-Стоу (Beecher-Stowe; 1811—1896), опубликованный ею в 1852 г. (русск. перевод — 1853), Тургенев прочел весной

1853 г. Отвечая Аннскову, сопоставившему «Постоялый двор» и роман Бичер-Стоу (по его мнению, тенденциозность этих произведений снизила их эстетическое значение, а следовательно, и эмоциональное воздействие на читателя: «Но дядя Том и дядя Аким есть полемика, а не создание» — см. *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 519, дата: 12 апреля 1853), Тургенев писал: «Что же касается до дяди Тома, которого я на днях прочел — то меня самого поразила мысль — что ведь пожалуй и Аким такого же калибра. *Ваше* письмо подтвердило это впечатление — вследствие чего я себе дал слово этаких вещей более не писать» (Там же. С. 220, дата: 21 апреля 1853 г.). В 1856 г. (не позже 5 декабря ст. ст.) в Лондоне Тургенев познакомился с Бичер-Стоу. В письме к А. В. Дружинину он с мягким юмором воспроизвел эту сцену: «Кстати, Вы такой охотник до литературы; я был представлен г-же Бичер-Стоу; добрая, простая — и представьте! застенчивая американка; с ней две дочки рыжие, в красных бурнусах, с свирепыми кринолинами — престранные фигуры» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 159; дата: 5 (17) декабря 1856). Позже, в 1860 г., в письме к Герцену от 23 октября (4 ноября) он вспомнил американскую писательницу по причине, на его взгляд, характерных для Гейдельберга сплетен и анекдотов, в частности вокруг его имени: «...про меня там говорят, что я держу у себя насильно крепостную любовницу — и что г-жа Бичер-Стоу (!) меня в этом публично упрекала, а я ее выругал» (*Т. Письма. (1-е изд.)*. Т. 4. С. 147), также см. «Дым» (гл. IV) (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 7. С. 262). В 1857 г. Тургенев получил от Некрасова известие о бесплатном приложении «Хитрины дяди Тома» к первому номеру «Современника» за 1858 г.: «Как скоро было это объявление, подписка поднялась. Надо заметить, что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в сильном ходу, относительно наших домашних негров» (*Некрасов*. Т. 14, кн 2. С. 101, письмо от 25 декабря, также: *Летопись (1818—1858)*. С. 409).

⁹ О Джордже Гроте — письма от 4 февраля и 18 марта 1853 г. (№ 23, 25). Упомянутое письмо Фоктистова с «мнением» о Гроте, как и ответное письмо Тургенева — неизвестны.

30

26, 28 июля (7, 9 августа) 1853 г. Кучук-Ламбат

26 июля. 1853. Кучук-Ламбат.

Милый Тургенев, — я только и ждал Вашего письма,¹ чтобы аккуратно написать Вам, когда мы выезжаем из Крыма. Благодарность, благодарность Вам за то, что Вы соглашаетесь выехать в Орел.² Итак, слушайте: 17 числа (августа) или самое позднее 18, мы выезжаем из Симферополя. 22* утром намерены быть в Харькове и 24 утром же** в Орле. — Итак, просим Вас 24*** числа быть в Орле,³ — разумеется, если предположить, что**** или сломается экипаж или кого хватит холера⁴ (чего не дай Бог!), то мы можем запоздать днем или двумя, но раз в жизни Вы сделаете самопожертвование ради дружбы и простите нам это невольное замедление. Итак, 25 августа мы Вас надеемся обнять в Орле. Пожалуйста, не манкируйте этим сроком, графиня по многим делам очень спешит в Москву и не хочет останавливаться более полудня ни в одном городе, для того только, чтобы уделить побольше времени провести с Вами в Орле.

Разумеется, как и следует аккуратному человеку, Вы не написали, где Вас искать в Орле. Но предполагая, что у Вас там дома нет, я Вас буду искать во всех гостиницах. Мы останавливаемся в большой гостинице, что у

* Было: 21 <?>

** Было: 25 вечером Слова: утром же — вписаны.

*** Было: 25

**** Далее начато: мы

моста, — не знаю, как она называется. — Как только приеду в Орел, брошусь со всех ног а la recherche de v<ou>s,* по всем гостиницам.

Прощайте. Будьте здоровы и берегите себя от холеры. Впрочем, порядочному человеку и совестно заболеть холерою, — в сущности это весьма пустая болезнь, если принять все меры.

Итак, от 24** и — самое позднее до 28 августа буду с трепетанием сердца подъезжать к Орлу. Далее этого срока едва ли мы запоздаем. Пред самым отъездом, если что-либо переменится в наших планах, то напишу Вам письмо, — если же до 15 августа не получите от меня письма, значит все, заключающиеся здесь предположения, — запечатлены глубокою истинностью! —

Итак — до свидания!!!...

Ваш Е<вгений> Ф<еоктистов>.

Перечел письмо, — кажется, всё ясно? — Пожалуйста, выезжайте в Орел с 23-го,*** ибо, может быть, мы и утром 24**** там будем.*****

Приписка Е. В. Салиас:

Обремененная всякой опекой, сестрою, свитою, детьми, романом⁵ и всем тем, что называется благом жизни, но что, по-моему, немалая тяжесть — я намерена по возможности *выжить* до Орла. Сестра моя спешит на выставку живописи — сделал здесь полдюжны картин,⁶ а я *хочу* роман напечатать к 1 января. К несчастью — не дни, но часы нами рассчитаны — несчастье еще хотело, чтобы и отсюда выбраться было нельзя до 18<-ти> вечером — так что и не знаю, как мы попадем в Москву и Петерб<ург>. Соне надо быть в Пет<ербурге> около 3 сентября. Всё, что будет возможно, я сделаю, останусь мин<иму>м везде, чтобы больше быть в Орле. Такая обуза — свита.***** Я бы *очень* желала Вас видеть. Дайте знать на почте и в гостиницах, где Вы, чтобы Вас сыскать немедленно — даже если б мы приехали в полночь,***** придется Вам***** будить. До свидания — прощайте. Толком дайте знать, где искать Вас — у станционного смотрителя.

Приписка Феоктистова (на отдельном обрывке листа):

Графине в приписке явилась действительно отличная мысль. Тотчас по приезде своем, кроме гостиниц, дайте знать станционному смотрителю, там, где берутся лошади (а не на почте), где вы остановитесь. И я тотчас отправлюсь к этому смотрителю. В случае же, если его не застану дома, буду сам Вас отыскивать. — Но только, пожалуйста, не поленитесь и будьте

* в поисках Вас (франц.).

** Было: 25

*** Было: 24-го

**** Было: 25

***** Далее было (под текстом): Ваш Ф<соктистов>

***** Далее зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.

***** Далее зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.

***** Отписка. Нужно: Вас

24 числа в Орле. Письмо мое было написано 2 дня тому назад, а теперь мы решились выехать 16, а не 17, так что 24 числа мы *непрерывно* поспеем в Орел. Думаю, что это письмо решительно будет последнее, ибо мы твердо положили распорядиться нашим временем так, как тут написано. —

¹ Письмо Тургенева неизвестно.

² Видимо, в вышеупомянутом письме (неизв.) Тургенев окончательно определил место встречи с Салиас и Феоктистовым.

³ Далее: *Итак, 25 августа мы Вас надеемся обнять в Орле* — и ниже по тексту. — Переговоры о встрече с Тургеневым велись с апреля 1853 г. (см. письмо от 5 апреля (№ 26) и 14-е примечание) и не затухали в течение всего лета (примечания к письмам № 27, 29). В ходе переговоров даты выезда из Крыма и прибытия на место встречи уточнялись. В конечном счете в приписке Феоктистова к данному письму была окончательно определена дата встречи Салиас и ее спутников с Тургеневым — 24 августа («...24 числа мы непременно поспеем в Орел»). Далее см. письмо Феоктистова № 31.

⁴ Ниже: *...берегите себя от холеры. ~ порядочному человеку совестно заболеть холерою...* — Уже с начала 1853 г. газеты вели хронику распространения холеры. Так, опираясь на сведения «Санкт-Петербургских ведомостей», московская пресса публиковала сводку сведений об общем количестве больных холерою в Петербурге, о вновь заболевших, выздоровевших и умерших в ближайшие сутки (см.: Московские ведомости, 1853, № 10, 11, 25). Холера — постоянный мотив переписки Тургенева в весенне-летнюю пору 1853 г. Из его письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым от 23—24 апреля: «...всем была бы хороша Святая, если б к нам не прибыла хотя ожидаемая, но непрощенная гостья, холера — уже несколько дней она давала о себе знать — а вчерашнего дня открылась и довольно круто. Человек 5 уже умерло. Что будет дальше — неизвестно — меры предосторожности взяты. Крестьяне, к счастью, получили доверенность к моей больнице — и тотчас являются, как только дурно себя чувствуют. Вероятно, холера и вас не оставила без своего посещения — вы так близко живете от Москвы, где она до сих пор сильна. Но однако — бог с ней!» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 222). В письме С. Т. Аксакову от 12, 16 мая Тургенев снова пишет о тревогах, связанных с надвигающейся эпидемией: «Здоровье мое несколько поправилось — люди, умершие в нашем околотке, отправились на тот свет, вероятно, от объединения — по крайней мере, с того времени холерных припадков не слышать. За совет очень благодарен, и если холера сурьезно к нам пожалует, я набрюшник надену» (Там же. С. 230). 5 июня он оповестил С. Т. Аксакова: «Холера к нам подвигается — говорят, она уже в Туле, но здесь все припадки пока — прекратились. Что будет — то будет — а мы готовы» (Там же. С. 237); 9 июля — Анненкова: «Говорят, он <И. Т. Кокорев. — Ред.> умер от холеры. Когда она уйдет, наконец? К нам она всё только грозит прийти — во Мценске уже начались случаи — хоть бы поскорей пришла — и ушла» (Там же. С. 244). В письме от 26, 31 июля Тургенев, приглашая Анненкова в Спасское, в то же время перечислил причины, которые побуждают его не настаивать на визите к нему: «...к нам, вероятно, не сегодня, завтра пожалует холера. Она уже отсюда в 40 верстах и в Белеве чрезвычайно сильна. Конечно, Вы с нею свыклись в Петербурге — но она у Вас там теперь проходит — а что за удовольствие быть опять свидетелем, как она является в новом месте» (Там же. С. 247). Осенью (в письме от 8, 20 сентября) Тургенев предупредил Полину Виардо: «У нас была и все еще продолжается вокруг нас холера — но Спасское она пока пощадила. Она приблизится к Франции — будьте осторожны!» (Там же. С. 413). См. также следующее письмо Феоктистова от 24, 25 августа 1853 г. (№ 31).

⁵ Далее: *...а я хочу роман напечатать к 1 Января.* — О романе «Три поры времни» см. 21-е, 22-е примечания к письму Феоктистова от 5 апреля 1853 г. (№ 26).

⁶ Софья Васильевна Сухово-Кобылина — младшая сестра Елизаветы Салиас жила в Крыму с марта 1852 по август 1853 г., см. о ней в 11-м примечании к письму № 21 от 5 декабря 1852 г. По возвращении из Крыма Салиас 27 сентября 1853 г. сообщила Бестужеву-Рюмину, что Софья выехала в Петербург: «Соня отвезла 6 картин на выставку, на золотую медаль — но у ней есть сильный соперник, выставляющий ныне и каждый <?> год — кто победит?» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 163 об.; письмо из Выксы, штемпель: Муром. Отправлено: 29 сентября 1853 г.).

24—25 августа (12—13 сентября) 1853 г. Орел

Орел. 24 ч. почти.

Не-любезный Тургенев, — хотя и весьма охотно тому верю, что Вам помешали дела приехать нам на встречу,¹ но всё-таки Ваш неприезд весьма неприятно поразил нас. Но что делать — такова уж судьба! — Повесть Вашу «Постоялый двор» я не могу послать теперь, ибо ее графиня положила куда-то на дно своего чемодана, но даю Вам мое *честное слово*, что она будет Вам отослана с *первою* почтою по нашем приезде в Москву.²

Не знаю, когда мы с Вами увидимся,³ то есть думаю, что в теперешних *Ваших* обстоятельствах это было бы неудобно. В противном случае напишите мне — и я приеду — в нынешнем году мне будет это удобно.

Вы непременно должны написать мне письмо — иначе будет Вам грешно. Прощайте.

Ваш Е<вгений>Ф<еоктистов>.

Приписка Салиас:

Феокт<истов > порывался из Симферополя ехать вперед, вероятно, для свидания с Вами (скорейшего, подразумевается) — за что мы прозвали его Вашей любовницей — а вперед однако не пустили, на том основании, что холера.⁴ Однако мы благополучно прибыли все вместе — но Вас не нашли. Очень сожалею, что не видела Вас — уже теперь я не знаю, где и когда мы можем увидеться. Мы пьем чай и сейчас едем дальше. Прощайте, жаль мне, что мы не виделись. — Жму Вам руку.

Ваша любовница, с горя вероятно, повалилась на пол и так храпит, что я вздрагиваю — а остальное общество над ним подсмеивается, — сроду я не слыхала еще такого храпенья — мертвых разбудит. Желая и Вам такого же благодарного сна, как у Вашего друга. —

Приписка Феоктистова:

Тургенев — на всякий случай приписываю Вам, когда мне удобно к Вам приехать. Это — в сентябре нынешнего года и даже начале октября — и потом я —* на Рождество. Я знаю, что Вам приятно будет меня видеть — и если Вы не увидите меня, то очень хорошо понимаю, что это зависит не от Вас, а от обстоятельств, об которых я упоминал выше. Пожалуйста, напишите мне письмо — вот адрес: в Москву, в Импер<аторский> университет<ит>. Петру Николаев<ичу> Кудрявцеву, Г<-ну> Профессору — для передачи такому-то. — Впоследствии я Вам дам настоящий адрес.

— До свидания. Ожидаю письма.

На обороте письма:

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу. В С<ело> Спаское.

* После слов: и потом я — *начато*: предпол<агаю> <?>

Письмо хранится в РО ИРЛИ под № 5850 (Письма Е. В. Салиас к Тургеневу), л. 23—25. Дата автором не указана. На правом поле первого листа рукой неуставленного лица карандашная помета: *Феоктистов—Тургеневу. 1853. 27 августа*. Однако, исходя из содержания предшествующего письма (№ 30), в котором сообщалось: *... теперь мы решились выехать 16, а не 17, так что 24 числа мы непременно поспеем в Орел* — письмо, написанное в ночь с 24 на 25 августа (24-го Тургенев должен был прибыть в Орел), датируется 24—25 августа 1853 г. Хронология ответного письма Тургенева с объяснением причины неявки в Орел (1 сентября 1853 г.) также соответствует этой дате. Над начальными строками первой и второй приписок рукой неуставленного лица карандашные пометы: *гр. Салиас. Феокт<истов>*.

¹ 1 сентября 1853 г. Тургенев обратился к Феоктистову с письмом, в котором объяснил причину своей неявки в Орел: «Тютчев от меня отходит, и всё бремя управления остается на моих руках — вот почему я присхать не мог — я был в хлопотах несказанных — и теперь у меня голова идет кругом» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 252). Почти все его письма этой поры (Аксаковым, Аннскому, Д. Колбасину) в той или иной мере посвящены трудным обстоятельствам, резко изменившим ход его жизни. Так, 30 августа он сообщил С. Т. Аксакову: «... Тютчев, которому я поручил было управление моим имением, от меня отходит — и теперь это всё падает на меня. Я всё это время сдиз по деревням, не охотился — и теперь у меня в голове одно хозяйство, расчеты, счеты и т. д.» (Там же. С. 249).

² См. 2-е и 24-е примечания к письму от 5 апреля 1853 г. (№ 29).

³ Тургенев отвечал: «Вас увидеть у себя будет для меня во всяком случае — большою радостью» (Там же. С. 252, дата письма: 1 сентября 1853 г.). Поездка Феоктистова в Спасское не состоялась — см. последующее письмо от 2 ноября 1853 г. (№ 32).

⁴ О холере см. в 4-м примечании к предшествующему письму от 26, 28 июля 1853 г. (№ 30).

32

2 (14) ноября 1853 г. Москва

2 ноября. 1853. Москва.

Милый и неоцененный друг Иван Сергеевич, — я много, много виноват пред Вами, не писавши до сих пор, но, без сомнения, Вы простили бы мне это, если б знали, в какую пучину зол и бедствий повергнут я с самого моего приезда из Крыма. До сих пор я ищу ответа, но всё безуспешно. Вы сами знаете, что служить я *должен*, а места не могу получить именно потому, почему я должен служить.¹ Всюду, куда не обращусь, мне говорят, что не могут исполнить моей просьбы, ибо не желают иметь дело с такими господами, как я. Вы поймете затруднительность этого положения, — право, и хочется иногда написать Вам, но мысли не идут в голову, ибо только и думается, что вечером должен ехать* сюда, а завтра туда, и всё с разными прошениями и молениями. Я и теперь берусь за перо, потому что имею к Вам дело. Без всяких предисловий выскажу Вам его прямо: мне пришла крайняя нужда в 125 р<ублях> сер<ебром>. Не можете ли Вы дать мне займы эти деньги² сроком до 1-го ноября будущего года, — я нарочно беру такой большой срок, чтобы быть в возможности непременно Вам выплатить деньги. Если у Вас их нет в настоящую минуту, то, пожалуйста,

* *Вместо:* должен ехать — *было:* поедешь

скажите мне это без церемонии: я так Вас хорошо знаю, что, поверьте, мне и в голову никогда не придет мысль, что Вы не хотите мне сделать одолжение, имея на то средства. К тому же, тут — в этом депо всяческих сплетней, — мне пришлось недавно услышать, что Ваши денежные обстоятельства не в очень цветущем положении³ — следовательно, у меня есть сильное сомнение в том, что Вы удовлетворите моему желанию. Повторяю, я знаю* наперед Вашу готовность, помочь мне, если есть возможность: я уверен в этом, ибо уже не раз имел на это доказательства. — Следовательно, Вы можете без церемоний отказать мне; — об том, в какой степени мне нужны эти деньги, не стану Вам говорить, — Вы знаете, что я не любитель приставать с такими просьбами, и поймете, как мне нужны деньги, если я решился наконец обратиться к Вам, — хотя к Вам я всегда обращусь скорее и прежде, нежели к кому-либо другому. Только вот 2 последние условия: если Вы хотите меня одолжить, то, пожалуйста, не говорите это никому из благословенного московского кружка — это просто вертеп** пересудов, толков и сплетен — и 2-ое, ради Бога, дайте мне поскорей и отрицательный и положительный ответ, — я в такой крайности теперь, что мне буквально каждая минута дорога. Если Вы можете дать мне только часть назначенных мною денег, то и этим весьма меня одолжите.

Что Вам сказать о Москве? Тоска и тоска. Тут такое отсутствие всякой жизни, всяких интересов, что наконец и дураки и умные подходят под один уровень — и тем и другим нечего говорить. Глупость даже лучше, ибо она без претензий, и думаю, что наступит наконец скоро время, когда будут говорить: *quel charmant garçon, — comme il est bête!**** — В городе в последнее время только говорят об одном: об известной истории Островского, которого упрекают в краже его комедий у некоего Горева-Тарасенкова, странствующего актера, — об чем, впрочем, говорили уже давно, и, кажется, еще при Вас. Но теперь эти слухи повторяются снова и гораздо сильнее прежнего: сам Горев приехал в Москву и доказывает, что Островский действительно обокрал его,⁴ не только в трех вышедших комедиях, но даже и в той, которую О<стровский> теперь пишет под заглавием: «Метеор». — Доказательства, приводимые им, хотя не доказывают всего, что он хочет доказать, но заставляют, однако, сильно подозревать, что большая часть сцен, если не совсем заимствована О<стровским> у Горева, то по крайней мере писана с ним вместе. Слухи эти произвели, однако, сильное впечатление на Остр<овского>:⁵ он никуда не показывается, говорят, даже болел, а Алмазов, его адъютант, недавно вдруг явился к Грановскому и объяснил ему всё это дело.⁶ В этом объяснении он б<ыл> очень хорош: говорит, что Остр<овского> самолюбие до смешного, создал глупую школу, пьяница — всё, что угодно, но только комедии — его, «уж это, говорит, пожалуйста, оставьте за ним». Не правда ли, любопытная история? Забыл еще — Горев написал, говорят, теперь комедию: «Литературная Кража», и послал ее в театральную цензуру.

* *Вместо:* Повторяю, я знаю — *было:* а. *Начато:* Повторяю, то, что <знаю> б. Повторяю, что знаю *Слово:* я — *вписано.*

** *Далее начато:* вся<ческих>

*** какой восхитительный мальчик — как он глуп! (*франц.*).

Кроме этого, что сказать Вам еще замечательного? Графиня отдает нынче в печать свой новый роман: «Три поры жизни», в 3 частях. Она сама Вам будет писать с следующей почтой, хотела теперь, но занята с Готье.⁷ Все наши общие знакомые живы и здоровы — по-прежнему ковыряют друг у друга в душе и по-прежнему мерзкий Фролов царит над всеми.⁸ Я, впрочем, их редко вижу — ибо бываю только у Грановского, а с прочими совсем покончил. Не стану хвалиться, но справьтесь у других: Вы меня совсем не узнали бы — так пристально я занимаюсь всё это время, и одну мою статейку Вы увидите в декаб<рьской> книжке «От<ечественных> зап<исок>».⁹ Общественных удовольствий тут нет никаких — а в Петер<бурге> — Рашель, но мне и думать нельзя ее увидеть; ¹⁰ впрочем, даю Вам* слово, что если б в настоящую минуту мне дали выбирать между Вами и Рашелью — я выбрал бы Вас, но и об этом, кажется, тоже нечего думать. Поверьте — что это не фраза, Вы знаете, способен ли я их делать. — Пишете ли Вы что-нибудь.¹¹ Пожалуйста, скажите мне об этом два слова,** — ведь это бесчеловечно, если Вы ничего не делаете, но я не думаю, чтоб Вы способны были сидеть без дела. Впрочем, говорят, Вы теперь занимаетесь сами управлением и хозяйством¹² — ах! Иван Сергеевич, хоть бы одним глазком взглянул на это — вот, я думаю, прелесть-то!

Ну, прощайте. Даю Вам, на прощание, обещанье, что с этих пор Вы будете получать от меня подробные и частые письма обо всем, что делается со мною и вокруг меня. Осенью и зимою всегда как-то легче переписываться. Жму Вам крепко, крепко Вашу руку и желаю быть здоровым. Надеюсь скоро получить от Вас письмо. Ваш весь

Е. Феок<тистов>.

Вот мой адрес: В Москву — на Большой Бронной, близ Тверских ворот, дом Г-жи Емельяновой, кварт <ира> > гр<афини> Сальяс.

¹ См. 5-е примечание к письму Феоктистова от 12 сентября 1852 г. (№ 20) и письмо от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

² Тургенев помог Феоктистову, что следует из письма от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

³ Предлагая Д. Я. Колбасину в августе 1853 г. пересхать в Спасское и взять на себя заботы о его хозяйстве, Тургенев так характеризовал свое финансовое положение: «...мои дела в большом упадке денжном — хотя и не в расстройстве. Тютчев честнейший человек — но совершенно не практический. Надо будет всё это постараться поднять» (*Т. Письма (2-е изд.)* Т. 2. С. 249, дата письма: 29 августа). Месяц спустя, отвечая на письмо К. Лсонтьева, в котором, вероятно, содержалась просьба о помощи (нсизв.), он, сожалея, сообщал, что не в состоянии оказать ему никакой помощи, включая и денежную (Там же. С. 258, дата: 9 октября).

⁴ На эту ситуацию Тургенев откликнулся в письме к Анненкову от 6 (18) ноября 1853 г.: «Из Москвы получил я известие, будто там происходит литературный скандал. Явился какой-то актер Горев-Тарасенков и обвиняет Островского в присвоении себе его комедий из купеческого быта. Мне кажется, это вздор — и во всяком случае это невеселая вещь» (Там же. С. 274). Островский совместно с провинциальным актером и драматургом, сыном разорившегося московского купца — *Горевым (наст. фам. Тарасенков) Дмитрием Афанасьевичем* (1818—1860-е гг.) написал четыре явления первого действия «Банкрота», опубликованные в 1847 г. в «Московском городском листке» под криптонимами обоих авторов. В последующие годы Островский работал над пьесой самостоятельно, «по измененному плану». В 1850 г. он

* Далее начато: чест<нос>

** Далее начато: ибо это <бсчеловечно>

напечатал комедию в шестом номере «Москвитянина» под названием «Свои люди сочтемся» (историю публикации и сценического воплощения пьесы см. в 9-м примечании к письму Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21)). Однако в литературных и околиторатурных кругах распространился слух, что «Свои люди сочтемся» — плод совместного труда. В декабре 1851 г., по прочтении Островским «Бедной невесты» на субботе у Ростоппиной, С. П. Шевырев напомнил М. П. Погодину о разговорах вокруг драматурга: «Я к тебе сам хотел писать о том приятном впечатлении, которое произвела на меня новая комедия Островского. Я рад за него и его дарование; это произведение рассеет все нелепые слухи, которые были на его счет» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Кн. 11. С. 392). В воспоминаниях Феокистов раскрыл объективную природу интриги, ставшей своего рода катализатором тяжелых психологических состояний драматурга тех лет: «...не трудно объяснить то странное по-видимому обстоятельство, что хотя все признавали огромный талант Островского, но многие относились к нему недоброжелательно. Особенно обнаруживалось это со стороны людей, которых называли тогда западниками. С своей точки зрения они были правы: время было тяжелое <...>. Противники Островского старались насолить ему. Кетчер с иступлением покровительствовавший некому Гореву, который утверждал, будто комедия „Свои люди сочтемся“ написана при непосредственном его участии, будто он имеет право считать себя ее автором в такой же мере, как и Островский. Чтобы представить доказательство своего таланта, Горев читал свою собственную комедию, которая потом была напечатана в „Отечественных записках“; <„Сплошь да рядом“, опубликована в 1856 г. в июльском номере. — Э. Г.>; я присутствовал при этом чтении у графини Салиас; сравнивать Горева с Островским было бы просто смешно, пристрастие было однако так сильно, что не только Кетчер приходил от него в восторг, но даже П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов ставили его наряду с автором „Своих людей“! Впоследствии брат драматурга М. Н. Островский рассказывал мне, что отрицать всякое участие Горева в этой пьесе было бы не совсем справедливо; Горев постоянно вращался в купеческом мире, отлично знал его, у него был неисчерпаемый запас анекдотов о разных Титах Титычах; в этом отношении он был очень полезен Александру Николаевичу, который советовался с ним даже о сюжете и разных подробностях пьесы, но, чтобы создать ее, требовался прежде всего талант, а талантом то Горев и не обладал» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 136 об.—137). «История» выплеснулась на страницы газет (подробнее — *Беляев М.* Газетная травля // Памяти Островского. Сб. ст. Пг., 1923. С. 70—88). Островский вынужден был протестовать публично (см. его открытие письма: Литературное объяснение // *Московский ведомости*. 1856 г. 5 июля, № 80 (подпись: А. Островский), то же: *Островский*. Т. 14. С. 49—52; <В редакцию «Современника»> // *Современник*. 1856. № 8 (авг.). (Подпись: А. Островский), то же: *Островский*. Т. 14. С. 53—54). К этим выступлениям примыкает письмо Островского к В. Ф. Коршу с приложением «Литературной заметки» за подписью: Г. (с.м.: *Островский*. Т. 14. С. 56—57. Но и объяснения, и выступления в печати не избавляли Островского от тяжелых переживаний. Так, 17 октября 1856 г. на сцене Александринского театра была разыграна пьеса «Заблуждение», сочиненная драматургом и актером этого театра Леоновым Семеном Родионовичем (1823—1868; псевдоним Брянцев или Брянцов), в которой под именем нечистого на руку сочинителя Василевского предстал создатель комедии «Свои люди сочтемся». См. также: *Писарев М. И.* К материалам для биографии А. Н. Островского (Историко-литературная справка) // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. / Под ред. М. И. Писарева. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [б. г.]. Т. 10. С. XXXIX—XXXVI; А. Н. Островский и Д. Горев-Тарасенков // *Кашич Н. П.* Этюды об А. Н. Островском. М., 1912. [Кн. 1]. С. 265—274; *Голованова Т. П.* 4-е примечание к письму Тургенева — Анненкову от 6 ноября 1853 г. (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 544).

⁵ Слухи о якобы скрытом от читателей сотрудничестве с Горевым-Тарасенковым переживались Островским болезненно. 16 октября 1853 г. он писал Погодину: «Я страшно расстроен» (*Островский*. Т. 14. С. 40). Следующим днем, 17 октября, размышляя о несоблюдении публичного объяснения в связи с обвинениями в плагиате, он снова делился с Погодиным своими тревогами: «Теперь слух распространился только в литературном обществе, и его можно будет поправить письмом от Горева, которого я жду; я замечал в нем прежде довольно благородства. Я Вам пришлю копию с письма моего к Гореву; покажите ее, между прочим, и Степану Петровичу <Шевыреву. — Ред.>, мне не хочется, чтобы клевета смутила и его. Если мы напечатает <опровержение. — Ред.>, тогда заговорят в Москве все лавочники, заговорят и за Москвой, где уважают меня. Вот в какое положение я поставлен! Враг правды и его деятельные комиссионеры торжествуют» (Там же. С. 40—41). См. 4-е примечание к письму от 30 ноября 1853 г. (№ 34).

⁶ Борис Николаевич Алмазов (о нем — 10-е и 7-е примечания к письмам от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. 1) и 24 декабря 1851 г. (№ 11, ч. 1)) преклонялся перед дарованием Островского, однако глубокой близости между ними не было даже в пору совместного сотрудничества в «Москвитинине». После 1856 г. их пути разошлись.

⁷ Эпизодическую информацию о работе над романом «Три поры жизни» см. в приписке Салиас к письму Феоктистова от 5 апреля 1853 г. (№ 26, 21-е и 22-е примечания). В данной ситуации имеется в виду работа Салиас с ее издателем — В. Готье. Отдельное издание романа «Три поры жизни» (под псевдонимом Евгения Тур) вышло в трех частях в 1854 г. в Москве, в типографии Готье, с посвящением сестре Софье Васильевне Сухово-Кобылиной («Книга эта была писана подле тебя, под благотворным влиянием твоего безустанного и упорного труда, который возбуждал и укреплял мой собственный»). Под текстом посвящения дата: «Кучук-Ламбат, 27 июля 1853».

⁸ О Фроловс Николае Григорьевиче — примечания (3 и 9) к письмам: от 28 января 1852 г. (№ 13, ч. 1) и от 18 марта 1853 г. (№ 25, ч. II).

⁹ В эту пору Феоктистов работал над «статейкой», посвященной книге французского историка-экономиста П. Клемана «Жак Кёр и Карл VII, или Франция в XV столетии (Jacques Coeur et Charles VII ou la France au XVe siècle)». Клеман (Clement) Жан-Пьер (1809—1870) в своих неоднократно переиздававшихся трудах (4-е изд. названной книги вышло в 1874 г.) пропагандировал принцип свободной торговли (о Клемане см.: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 15. С. 354). См. 7-е примечание к письму от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

¹⁰ Парижские впечатления Тургенева от игры Рашель отразились в его письмах к Полине Виардо. Весной 1850 г. (30 марта (11 апреля)), оповестив, что накануне впервые увидел актрису в «Андромах» Ж. Расина, он передал сложность вызванных ею чувств: «Эта роль, переполненная ненависти и ревности, словно создана для нас <...>. И все же ее таланту не хватает многого: или, вернее, ей не хватает одного: сердца — и того подлинного благородства, которое исходит только из него. Ей свойственно только благородство *тела*, линий; вместо сердца у нее — старая монета в одно су, позолоченная по способу Руольца; ни один величавый или взволнованный звук не вылетел из этого, сведенного судорогой, продажного рта. Это натура абстрактная; неудивительно, что она хорошо себя чувствует только в старых французских трагедиях, которые, сколь они не прекрасны (вы знаете мое восхищение Расином и Корнелем), всего только абстракции <...>. Но при этом — какая тонкость, какая точность наблюдения, какое изящество психологической разработки, какое знание малейших колебаний страсти и какое совершенство, какая правдивость выражения!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 330, фрагмент многодневного письма). 9 (21) июня 1850 г. он характеризовал Рашель в «Анжело» В. Гюго еще более остро: «...она там посредственна, а пьеса отвратительна. Но костюмы м-ль Рашель великолепны» (Там же. С. 339). В России петербургские гастроли европейки известной французской актрисы, исполнительницы классического репертуара Рашель (Rachel) (Élise Rachel Félix; 1821, в др. источ.: 1820—1858) начались с 25 октября 1853 г. и вызвали всеобщий ажиотаж — от дворцовых кругов (см.: *Никитенко*. Т. 1. С. 377, запись от 23 декабря 1853 г.) до посетителей галерки. «Имя г-жи Рашель сыщется теперь всюду: на балах, в театрах, на Невском проспекте — везде и всюду, — писал петербургский обозреватель, — талант и искусство артистки составляют неисчислимый предмет суждений, споров и разговоров...» («Без подписи». Представления г-жи Рашель // *Отечественные записки*. 1853. № 12, декабрь. Отд. VIII (Смесь). С. 296). О первых днях гастролей И. И. Панаев писал: «И вот громкое имя артистки в первый раз появилось на петербургских афишах. 25 октября возведена была „Федра“. Уже несколько дней до этого в книжных петербургских лавках нельзя было достать ни одного экземпляра Расина и Корнеля» (Рашель в Петербурге. <Ст. 1-я> // *Современник*. 1853. № 12, декабрь. С. 160). О Рашели в ролях Федры, Андромахи, Марии Стюарт, Адриенны Лескуврёр читатели узнавали из своего рода театральных репортажей Панаева «Рашель в Петербурге» (см.: *Современник*. <Ст. 1-я>. 1853. № 12, декабрь. С. 160—187; <Ст. 2-я>. 1854. № 1, январь. С. 76—91; <Ст. 3-я>. 1854. № 2, февраль. С. 179—194). 8 октября 1853 г. Анненков сообщил Тургеневу о грядущем приезде Рашели в Петербург: «Щепкин приехал из-за границы (Мих<аил> Сем<снович>) — и об искусстве французском и немцком сказал много дельного, и так как 18^{-го} сего месяца сюда будет Рашель, то и кстати — вероятно, всю зиму будем толковать об этом, как бог на ум положит» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 32, 33), а 31-го — об ее игре на петербургской сцене. Он не узнал ее — настолько увиденное отличалась от того, что он ранее пережил в Париже: «Она остается гениальной женщиной во многих местах, но в общем — это ростовщица,

которая все возвышает проценты с своего искусства <...> она возвысила в тройную степень все, что есть внешнего, риторического, громкого в трагедии Расина. Это уж Саксов инструмент, а не прежняя Федра. Неимоверное искание поз, стремление за выпуклостью образа на каждом шагу, певучесть, доведенная до *non plus ultra* <предела. — лат.>, — вот петербургская Рашель. Так, говорят, виноделы прибавляют водки в то шампанское, которое назначается для Англии. Много водки подбавила Рашель для нас» (Там же. С. 35, далее: с. 318, 321). Ответ Тургенева: «То, что Вы говорите о Рашели — давно замечено. Она — *en province et à l'étranger* <в провинции и за границей — франц.> — считает нужным „поддавать пару“. Модные журналы — т. е. журналы мод — Вы знаете, того же придерживаются» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 274; дата: 6 ноября 1853 г.). В первые же дни своего возвращения в Петербург из спасского заточения Тургенев сообщил С. Т. Аксакову: «Я уже видел Рашель...» (Там же. С. 283; дата: 13 (25) декабря 1853 г.). Впечатления Аксакова подтвердили их единомыслие: «Мне кажется, что Рашель есть улучшенная Жорж, в которой было много искусства, много чудной пластики, много *страсти* — и ни капли *чувства*» (Там же. С. 548). Общее значение гастролей Рашели в духовной жизни русского общества начала 1850-х гг. извлек Анненков в письме Тургеневу от 18 (30) ноября 1853 г.: «...Рашель произвела некоторую путаницу в идеях об искусстве здесь и уж не капризную, а общественную. Об искусстве заговорили на визитах. Любопытно к этому прислушаться и не мешать сказать, что самому мерещится в этом деле. Вы лучше всего знаете, что сословия соприкасаются у нас публично и откровенно преимущественно только на этой почве. Так для нас толки о Рашели могут иметь некоторого рода занимательность и даже вывод и поучение» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 37—38, см. также с. 321, 2-е примечание). Московские гастролы Рашель открылись в начале 1854 г. О них позднее Феоктистов вспоминал: «В Москву приехала знаменитая Рашель и производила потрясающее впечатление своим талантом; и до сих пор, в старческие годы, вспоминая о ней, я нахожу, что ничего поразительнее не случилось мне видеть на сцене; для меня отнюдь не казалась странности слова, сказанные однажды М. С. Щепкиным, что если бы встретил он человека, который остался бы совершенно равнодушен к Рашели, то не мог бы уважать его. Но такие люди нашлись в кружке Островского. Однажды Рашель играла лучшую из своих ролей, — роль Федры, публика затаила дыхание, прислушиваясь к ее страстным монологам; вдруг раздался хриплый хохот. Это хохотал сидевший в креслах Шаповалов <в записках он назван в ряду ближайших друзей Островского. — Э. Г.>, несчастный малый, допившийся до видений, до того состояния, когда человек беспрерывно отмахивается от мнимых жуков. По окончании акта его поспешили вывести и на вопросы, чем вызвана была в нем такая неуместная веселость, он отвечал, что разве можно удержаться от смеха, видя, с каким старанием разыгрывает актриса ходульные и лишенные всякой правды пиесы какого-то Расина. Ему хотелось бы, вероятно, чтобы Рашель попробовала свои силы в роли Липочки в комедии „Свои люди сочтемся“» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 136 об.).

¹¹ Осенью 1853 г. Тургенев писал С. А. Миллер о паузе в литературной работе, вызванной необходимостью самому вести хозяйство: «... в последнее время я поневоле должен был, говоря возвышенным слогом, взять сам в руки бразды правления, и эти занятия, по непривычке, меня утомляют и не дают думать о другом» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 259). В эту пору (сентябрь—октябрь), по его признанию, внутренне он жил в предвкушении нового периода в работе над романом «Два поколения», рукопись первой части которого он еще ранее отослал друзьям (Кетчеру, Боткину), и считал необходимым переработать ее в соответствии с их отзывами (см. его письма к Анненкову от 6, 14—15, С. Т. Аксакову от 6—7, Панасву и Некрасову от 16—17 октября 1853 г. и примечания к ним (Там же). С этими письмами перекликается и настроение ноябрьских посланий Тургенева: «За литературу я только что начинаю приниматься, — сообщал он С. Т. Аксакову 14 ноября, — до сих пор всякие другие дряжи сидели в голове сиднем. Первое, что я кончу — будет непременно статья для Вашего „Сборника“ <„Охотничьего сборника“. — Ред.>. Я в Орел повезу также свой роман, который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части» (Там же. С. 276, дата: 14 ноября 1853 г.).

¹² 7 октября 1853 г. исполнявший обязанности управляющего тургеневскими имениями Н. Н. Тютчев и его семья покинули Спасское-Лутовиново. Свои хозяйственные опыты этой поры Тургенев с юмором описывал Анненкову («Продешвил пшеницу, упустил две-три постройки, купил дрянных лошадей — словом, хлопотал страшно» (Там же. С. 255; дата письма: 6 октября 1853)) и С. Т. Аксакову («...ведь Вы уже знаете, что я теперь сам занимаюсь хозяйст-

вом — и потому не взъищите на меня. Я в ужасных был хлопотах всё это время — и теперь едва начинаю привыкать к новому моему положению. Стерпится — слобится. Но пока тяжельноко...» (Т. Письма (2-е изд. Т. 2. С. 256; дата: 6, 7 октября)). Подобными же переживаниями окрашены по существу все тургеневские письма осени 1853 г., в частности к К. Лсонтьеву (там же. С. 258, 537; дата: 9 октября) и др.

16 (28) ноября 1853. Москва

16 ноября. 1853.

Милый Иван Сергеевич, — глубоко Вам благодарен за сделанное Вами мне одолжение.¹ Мне очень совестно только, что просьба моя пришла к Вам именно в то же время, когда Вы сами нуждаетесь в деньгах.² — Мне вообще весьма не желалось бы, чтобы в наши с Вами отношения вошли какие-нибудь денежные счета, и потому поверьте, с этой минуты я начну работать с удвоенною ревностью, чтобы заплатить Вам свой долг; но верьте, что только крайняя необходимость заставила меня обратиться к Вам с этою просьбою, крайне непривычною для меня самого, и я, повторяю, употреблю все свои усилия, чтобы как можно скорее рассчитаться с этим долгом.

Место мне наконец открывается, — если только это может назваться местом. Я хочу поступить в Канцелярию Гражданского Губернатора,³ сверх штата и без жалованья, и так надо служить, по крайней мере, полтора года. Вы видите, как это место должно хорошо согласоваться с моими желаниями! Вы говорите мне, что удивляетесь, как могло случиться, что я не получил место, тогда как все говорили* во время известной истории, что именно вследствие ее я должен непременно получить его?⁴ Что делать, Иван Сергеевич, — *обещают*-то всегда много, да ничего из обещаний не выходит. Так вот и теперь обещают мне чрез год или полтора дать штатное место, а сбудется ли это?.. И к тому же ведь всё это говорил тогда Николай Христофорович,⁵ в этом отношении весьма похожий на молчаливого, но мудрого дворецкого, выведенного Вами в «Муму». За всем к нему обращаются, во всем с ним советуются, а он ничего ни в чем не понимает. —

Но оставим сию гнусную материю. Что могу сказать Вам хорошего и нового? Недавно видел я в театре студента — Леонтьева, и он сказал мне, что Вы что-то такое написали для «Современника», но не сказал, что именно.⁶ Я вчера окончил небольшую статейку для «От<ечественных> Зап<исок>» о книге Клемана «Jacques Coeur et Charles VII»⁷ и на днях посылаю ее в Петерб<ург>. Впрочем это ничтожная вещь, — вообще я теперь всё более и более убеждаюсь, что у меня нет решительно никакого *литературного* таланта, принимая это слово в наиобширнейшем его смысле. Чёрт знает с чего, представилось мне когда-то, что я могу что-либо пи-

* Далее начато: что

сать... но теперь я значительно разочаровался в этой сладкой надежде: *mieux vaut tard que jamais...** Попробую пробиться куда-нибудь службою, — авось, тут что-нибудь пойдет хорошо. Вообще надо перепробовать все пути, чтобы придти к отрадному заключению, что не годен ни одн[ому].**

Бедный Кудрявцев очень болен — у [него] был солитер, говорят, что будто бы теперь вышел, но я плохо этому верю, ибо он что-то плохо поправляется. Всё прочее обстоит благополучно. Я Вам надеюсь еще написать несколько раз до Вашего отъезда в Орел,⁸ — но и Вас прошу не лениться и*** в свободные минуты перебрасываться со мною несколькими строками. Доставите мне этим большое удовольствие. Пожалуйста, не забудьте дать мне Вашего адреса в Орле. До следующего письма.

Искренно и глубоко к Вам привязанный

Е. Ф<еоктистов>.

На обороте письма:

Орловской Губернии, в г. Мценск. Доставить в с<ело> Спасское, Г<-на> Тургенева.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На обратном листе письма, напротив адреса — два отчасти сохранившихся почтовых штемпеля: 1) [Мос]ква [ноя]бр. 16; 2) Мценск. 18 1853.

¹ Тургенев помог Феоктистову деньгами (см. письмо от 2 ноября 1853 г. (№ 32)).

² См. 2-е и 3-е примечания к письму № 32.

³ О служебной карьере Феоктистова см. во вступ. статье к публикации (ч. I. С. 142), см. также 1-е примечание к письму № 32.

⁴ Реакция на неизвестное письмо Тургенева, присланное, как видно, в ответ на письмо Феоктистова от 2 ноября 1853 г. (№ 32). В настоящем письме Феоктистов вновь намекает на события, последовавшие за публикацией статьи Тургенева о смерти Гоголя (...известная история...). Подробнее см. вступ. статью (ч. I) и примечания к письмам от 12 сентября 1852 (№ 20) и 2 ноября 1853 г. (№ 32).

⁵ Вероятно, Николай Христофорович Кетчер, о нем — 6-е примечание к письму от 24 февраля 1851 г. (№ 2, ч. I).

⁶ «А на днях пошлю вам небольшую вещь...», — писал Тургенев 6 октября 1853 г. Анненкову. «Вещь», «невиннес которой и азбуки не бывает», он обещал выслать Панасву и Некрасову, предназначая ее для «Современника» (см. письмо от 16, 17 октября). В эти же, октябрьские дни он снова подтвердил свое обещание Анненкову: «Моя вещичка отправится к Вам через 10 дней — поручаю ее в Ваши руки». Безымянное произведение фигурирует и в ноябрьских письмах (см.: Анненкову от 2 ноября: «...небольшая моя штука, о которой я писал Вам, совсем на мази — Вы ее скоро получите»; 20 ноября: «Присылка новых „Приятели“ — не помешает присылке другой моей вещи, которая явится к Вам, как только окончится» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 255, 265, 267, 271, 279). По мнению М. К. Клемана, речь в переписке Тургенев идет о краткой, в несколько строк, рецензии на сборник «Слобожане. Малороссийские рассказы» Г. П. Данилевского, появившейся (анонимно) в первом номере «Современника» за 1854 г. (Там же. С. 536; *Т. Сочинения. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 523, 677). См. также 1-е примечание к письму Анненкова к Тургеневу от 14 октября 1853 г. (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I.

* лучше поздно, чем никогда (*франц.*).

** Здесь, как и в других случаях подобного рода, в квадратные скобки заключены части слов или слова, утраченные из-за повреждения бумаги сургучной печатью.

*** Далее начато: <время> от вр<емени>

С. 317). Очевидно, Леонтьев имел в виду повесть «Два приятеля», работа над которой началась 15 октября и вечером закончилась 17 ноября 1853 г. (опубликована в 1854 г., в первом номере «Современника») (Там же. С. 624; *Летопись (1818—1858)*. С. 248—249, 251). В этом контексте принципиальные строки из письма Тургенева к Анненкову от 20 ноября 1853 г.: «А со мной случилось следующее. Вместо того, чтобы кончить вещь, о которой я писал Вам, какой-то бес меня обуял, и я в несколько дней настроил довольно большую повесть, которую вчера отдал переписать, и на следующей неделе pošлю к Вам. <...> Вещь эта называется „Два приятеля”» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 278). В сознании Леонтьева эта повесть связалась с изустными воспоминаниями Тургенева (в декабре 1853 г.): «В рассказах его про Орел — я помню многое, что отозвалось года через два в повестях его „Два приятеля” и „Затишье”» (*Леонтьев К. Моя литературная судьба // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. > / Изд. подгот. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2004. Т. 6, кн. 1*). С. 52. Далее: *Леонтьев К. Н. ПСС и П*). См. письмо № 34.

⁷ Справку о П. Клемане см. в 9-м примечании к письму от 2 ноября 1853 г. (№ 32). Публикация Феоктистова под заглавием: «Jacques Coeur et Charles VII ou la France au XVe siècle, par P. Clement. 1853 (Жак Кёр и Карл VII, или Франция в XVe столетии, соч. П. Клемана)» — появилась в февральском номере «Отечественных записок» за 1854 г., в отд. V (Иностранная литература). С 45—60. Под текстом подпись: Э<жен> Феоктистов и дата: 12 ноября 1853 года.

⁸ В первых числах ноября 1853 г. Тургенев оповестил своих корреспондентов о намерении провести зиму в Орле, что открывало ему возможность побывать, в частности, на дворянских выборах. С этой целью он решил купить дом в Орле и переехать туда в конце ноября или в первых числах декабря. О своих планах он писал 5 ноября И. Ф. Минницкому, на следующий день — А. П. Свечину, П. В. Анненкову («Квартира поместительная, и если б Вы вздумали присхать на выборы (которые начнутся 1 февраля) — Вам было бы очнь удобно у меня» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 272, 273, 275). Позже, 14 ноября, своими планами он поделился и с С. Т. Аксаковым: «Я, кажется, уже писал Вам, что я намерен переехать на зиму в Орел (я выезжаю отсюда после Николина дня)» (Там же. С. 275). Однако известие об официальном завершении ссылки, за которым последовал срочный выезд в Петербург, изменило ход жизни Тургенева. «Дом в Орле стал теперь не нужен — потому что если я приеду, то только на выборы», — сообщил он 23 ноября дяде Н. Н. Тургеневу, в руки которого и передал свое хозяйство (Там же. С. 280).

34

30 ноября (12 декабря) 1853 г. Москва

30 ноября.

Милый, неоцененный Иван Сергеевич, — верить ли общему слуху? Говорят, положение Ваше изменилось к лучшему,¹ и говорят это наверно. Вы поверите, что никто так не обрадовался этой счастливой вести, как я. Теперь только и дума — как бы Вас увидеть. Все утверждают, что Вы приедете в Москву² — и я с трепетанием сердца, жду сей блаженной минуты. Ради Бога, отвечайте мне скорее,* думаете ли Вы быть в Москве и когда? Ничего не хочу знать о Вас, ничего мне не пишите, кроме этих строк: буду тогда-то, остановлюсь там-то, — и с меня будет довольно. Вы видите, как я счастлив мыслью скорого с Вами свидания и надеюсь, что Вы не заставите меня ждать Вашего ответа.

Я так занят только одною этою мыслью, что ничего не могу сказать еще: разве то, что Островскому повсюду учреждают оваии и он повсюду читает свою комедию,³ как говорят, заключающую в себе большие досто-

* Далее начато: когда

инства. Леонтьев (студент) начал часто ходить к нам и совсем переменялся — прост, любезен, мил и т. д. Всё читает свои произведения⁴ — есть что об них сказать, но после.

Ответьте же мне поскорее. Я в* затруднении — оттого, что не знаю, должен ли Вам писать много, ибо скоро надеюсь Вас увидеть. Разрешите мои сомнения — к лучшему. Не правда ли?..

Весь и всегда Ваш

Е. Феокт<истов>.

Графиня всё нездорова — просила мне сказать Вам, что дружески жмет Вам руку и очень желает Вас видеть.

На обороте письма:

Орловской губернии в город *Мценск*.

Доставить в с<ело>Спасское, г<-на> Тургенева.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Год уточнен по почтовому штемпелю: *Москва. 1853 ноябр. 30*, а также по содержанию письма — см. последующее примечание. На правом поле рукой неустановленного лица карандашная помета: *1853*.

¹ 24 октября 1853 г. Тургенев, по совету гр. А. К. Толстого, обратился к начальнику штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельту с просьбой «повергнуть к стопам государя императора» «всеподданнейшес прошение» о разрешении «присзда в столицы для совещания с опытными врачами» (*Летопись (1818—1858)*. С. 248, 249). 31 октября Дубельт сообщил ему, что главный начальник III Отделения А. Ф. Орлов не поддержал прошнис. 17 ноября 1853 г. Тургенев, вновь с побуждения А. К. Толстого, обратился непосредственно к Орлову об исходатайствовании перед государем если не полного прощения, то хотя бы разрешения побывать в Москве или в Санкт-Петербурге для консультации с врачами. Этим же днем помсчено письмо Толстого к Тургеневу с поздравлением по поводу дарованного ему прощения и разрешения вернуться в Петербург (Там же. С. 251). На следующий день Анненков написал в Спасское: «Вчера разнесся слух, что Вы прощены». 23 ноября Тургенев получил официальное письмо за подписью гр. Орлова с разрешением вернуться в Петербург. В этот же день о перемснах в своем положении он написал С. Т. Аксакову (в письме, начатом 20 ноября), Анненкову (от 28 ноября, с сообщением, что покинет Спасское 3 декабря) (Там же. С. 252, 253). Не позднес 9 декабря 1853 г. Тургенев вернулся в Петербург (Там же. С. 254).

² Сообщив С. Т. Аксакову 20, 23 ноября 1853 г. о своем возвращении в столицу, Тургенев написал и о намерении заехать ненадолго в Москву: «...на этот раз я в Москве не могу остановиться более, чем на день...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 279). Однако в летописной хронике начала декабря отсутствует факт пребывания Тургенева в Москве. Весной 1854 г., то есть во время его первых (после ссылки) поездок из Петербурга в Спасское, летопись фиксирует два московских визита Тургенева — в апреле (встреча с И. Е. Забелиным) и в мае (на этот раз он повидался с К. Н. Леонтьевым и выехал в Абрамцево — к Аксаковым) (*Летопись (1818—1858)*. С. 263, 264—265).

³ В ноябре 1853 г. Островский закончил комедию «Бедность не порок», задумав и начав ее летом этого же года (первая редакция носила название «Гордым Бог противится»). Премьера состоялась на сцене Малого театра в Москве 25 января 1854 г., первый петербургский спектакль разыгран труппой Александринского театра 9 сентября (Даты жизни и творчества А. Н. Островского // *Островский*. Т. 16. С. 364—365). В 1854 г. пьеса вышла отдельной книгой (Там же. Т. 1. С. 411). Новое произведение вызвало острый интерес и споры, задсававшие глубинные социальные и нравственные проблемы. Отправляя комедию Ф. А. Бурдину в Петер-

* *Далее начато:* ст<рашном>

бург, после первых публичных чтений пьесы в московских литературных кругах, Островский писал ему: «Уже в чтении эта пьеса имела в Москве такой успех, какого не имела до сих пор ни одна моя комедия» (там же. Т. 14. С. 42; дата: 1 декабря 1853). На следующий день он сообщил М. П. Погодину: «Вот и опять торжество, и торжество небывалое. Успех последней моей комедии превзошел не только ожидания, но даже мечты мои...» (там же. С. 43). Это признание было воспринято драматургом как своего рода оправдание переживаний, выпавших на его долю в связи с крепнувшими в Москве «дикими» слухами о том, что пьесы, по его выражению, «пишу не я, а кто-то за меня...» (там же. С. 42). Эту же мысль он высказал Погодину: «Я очень рад такому сочувствию, оно меня вознаградило за неприятности, перенесенные мною в последнее время» (там же. С. 43). О начальной стадии интриги (Островский — Горев-Тарасенков) и ее развитии см. в 4-м и 5-м примечаниях к письму Феокистова от 2 ноября 1853 г. (№ 32). Упоминания этой пьесы в письмах Тургенева см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 13, 14, 16.

⁴ В салон Е. Салиас Леонтьева ввел Тургенев осенью 1851 г. В письме к Н. Н. Страхову от 19 ноября 1870 г. Леонтьев набросал одну из сцен в этом доме с речами, характерными, по его свидетельству, для той среды, которая окружала его в начале 1850-х гг.: «Тургенев, сидя (в 52 или 53 году) у Мад<ам> Евг. Тур вместе со мной — сказал при Феокистове, при Корше, при професс<оре> Кудрявцеве, что он истинно *нового Слова* ждет только от Графа Толстого и от меня» (*Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба / Примечания О. Л. Фетисенко // Леонтьев К. Н. ПСС и П.* Т. 6, кн. 2. С. 276). Эту же сцену Леонтьев воссоздал в «Моей литературной судьбе» (см.: Там же. Т. 6, кн. 1. С. 52—53). На суд Салиас и ее кружка Леонтьев вынесил свои произведения, в частности первый набросок к роману «Подлипки» (датируется 1852 или 1853—1861 г., см.: Там же. Т. 1. С. 664). Он рассказывал Страхову: «... вот я помню еще: — написал я первое письмо Подлипок с восторгом, с жаром утром, и в тот же вечер прочел это описание зимы в деревне у мад<ам> Тур. — Выслушав — она воскликнула: „*Quel magnifique tableau du genre!* <Какая великолепная жанровая сцена! — *франц.*>. Самые первые из русских поэтов с удовольствием подписали бы под этим свое имя!“ Профессор Кудрявцев сказал: *да, это правда!* (мне же теперь это не нравится, ибо много реализма но это другое дело)» (Там же. Т. 6, кн. 2. С. 276—277), ср. со сценой чтения этого же отрывка из «Подлипок» («Зимнее утро...») в «Моей литературной судьбе» (Там же. Т. 6, кн. 1. С. 47). Время общения с Салиас и ее окружением осталось в сознании Леонтьева как солнечное, когда его слово откликнулось в других, и эта связь духовно его поддерживала: «Хорошо было Пушкину, Ж. Санду, Гёте, Тургеневу и друг<им> меньшим и большим (это все равно) менять направления и приемы, когда 1000 голов их руководили, разбранивали, увлекали, оскорбляли, радовали и т. д., — писал он Страхову. — Нет — Вы попробуйте наедине с самим собою *менять кожу*, как я менял ее от 61 до 71 года! Это трудно! *И душа моя* говорит мне, что я бы показал что я такое, если бы мне улыбнулось солнце, хоть на 1/2, как оно улыбалось мне, когда мне было 22 года в Москве и когда я этой улыбки был еще недостоин. Помню, Катков за маленькую повесть „Благодарность“, напечатанную в Московских Ведомостях (в 52 или 53 год), прислал мне хорошие деньги с Феокистовым и извинялся, что средств у редакции очень мало и что Грановскому столько же платят за столбец, сколько мне» (*Леонтьев К. Избранные письма. 1854—1891.* СПб., 1993. С. 78; сверено по автографу). Решающую роль в публикации повести, по свидетельству Леонтьева, сыграла Салиас: она «жалела мою повесть; — она взяла у меня рукопись и дала ее Каткову. Катков прочел ее и сказал ей так: „Большая зрелость таланта; — странно даже, что у такого молодого человека это так *не-лично* и даже равнодушно и несколько холодно. — Я надеюсь ее напечатать“» (*Леонтьев К. Н. ПСС и П.* Т. 6, кн. 1. С. 54). Поздние отзывы Леонтьева о Салиас согреты симпатией. В 1877 г., обращаясь к Всеволоду Соловьеву с просьбой выслать оттиски его повести, отрывок из которой восхитил его тем, что «в нем язык такой простой и благородный, чуждый всех тех юмористических грубостей, от которых извываться не могут ни Тургенев, ни Достоевский, ни даже Толстой», Леонтьев писал: «...а уж Сальяс <Евгений Андреевич Салиас де Турнемир. — Э. Г.> — так тот доводит меня до бешенства тем, что портит так этой топорной формой свой, несомненно, *поэтический* и положительный по направлению талант. — Хоть бы он у бедной матери своей поучился говорить просто и изящно. — По-моему у нее в повестях *язык* почти безукоризненный, и, вероятно, потому она теперь так и забыта нашей гнусной публикой и еще более гнусной критикой...» (*Леонтьев К. Избранные письма.* С. 140; сверено по автографу).

3 (15) апреля. 1855 г. Москва

3 апреля, 1855. Москва.

Мой милый Тургенев, — пишу к Вам, это письмо по делу, — впрочем, успокойтесь, не по моему собственному. С. В. Шумский¹ просит меня обратиться к Вам с следующим предложением. Комедия Ваша: «Нахлебник» — некогда не принятая цензурою для сцены,² теперь, вероятно, пройдет, если Вы еще раз представите ее на рассмотрение.³ Он просит Вас* позволить ему взять эту комедию для своего бенефиса.⁴ Распределение ролей — вполне будет зависеть от Вас. Он думает, что до сих пор еще никто не обращался к Вам с этою просьбою, — а я уверен, что если дело возможно, то Вы согласитесь на него, потому что знаю, как Вы цените талант Шумского.⁵ Если Вам захочется сделать в комедии некоторые поправки, то это, разумеется, зависит от Вас, и он согласен ждать сколько угодно, если только Вы дадите ему вперед свое обещание.

Я прошу Вас отвечать мне на это письмо,⁶ ибо он весьма интересуется результатом. — У нас, в Москве, ходят слухи, что в последнее время Вам в Петербурге весьма приятно.⁷ От чистого сердца — дай Бог! У нас тут всё по-прежнему — то есть прежняя скука. Надеюсь, что Вы не проедете в деревню чрез Москву — incognito, и дадите мне** знать об Вашем приезде, который, вероятно, будет скоро.⁸ Ведь уж весна во всей красе. Конечно, она принесла Вам здоровье. Прощайте. В ожидании ответа Вашего остаюсь

Весь Ваш

Ев. Феоктистов.

Может быть, Вы забыли мой адрес: В Старой Конюшенной, в приходе Иоанна Предтечи, дом Романова, кварт<ира> Гр. Сальяс.

Правда ли, что Государь, встретивши Вас на улице, обратился к Вам с весьма благосклонными для Вас словами и был вообще к Вам очень милостив. У нас об этом говорят.⁹ Уведомьте, пожалуйста. —

¹ О Шумском (Чеснокове) Сергее Васильевиче — 8-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. I).

² «Нахлебник» (первая редакция) был написан в 1848 г. и предполагался для третьего номера «Отечественных записок» 1849 г., но 22 февраля был запрещен цензурой к печати и надолго остался в портфеле писателя. Столь же трудной была сценическая судьба комедии. Изначально Тургенев предназначал ее для М. С. Щепкина (см. статью и примечания к «Нахлебнику» Ю. Г. Оксмана и др.; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 586, 587; также — письмо Тургенева к А. А. Краевскому от 7 (19) января 1849 г. с просьбой при публикации предварить текст комедии посвящение Щепкину (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 1. С. 589)) и желал видеть ее в бенефис актера (предполагался 31 января 1849 г.). Однако ввиду задержки разрешения театральной цензуры «Нахлебник» не мог выйти на сцену в день бенефиса. В. П. Боткин 9 февраля 1849 г. так объяснил Краевскому суть событий: «Пьеса эта не запрещена еще формально театральною цензурою; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, след., она к бенефису его и не могла поспеть» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 590). 10 сентября

* Далее начато: отд<ать>

** Далее начато: об <этом знать>

1849 г. управляющий III Отделением утвердил рапорт театрального цензора о запрещении «Нахлебника» к постановке на сцене и таким образом надолго закрыл путь комедии к зрителю. Справку о судьбе «Нахлебника», соотнесенную с эпизодом чтения комедии в салоне Салиас см. в 8-м примечании к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г. (№ 5, ч. I).

³ Просьба Шумского, скорее всего, была вызвана надеждами на позитивные перемены в обществе после смерти Николая I (18 февраля 1855 г.), тем более что по воле нового императора был упразднен «негласный» комитет, осуществлявший высший надзор над литературой и прессой. Эти же настроения владели Некрасовым, когда 12 августа 1855 г. он сообщил Тургеневу: «Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлебника“...» (*Некрасов*. Т. 14, кн. 1. С. 211). К лету 1856 г. у петербургских соратников Тургенева созрел замысел двухтомного издания всех его «сцен и комедий», с предварительной публикацией «Нахлебника» в «Современнике». В составленном Некрасовым 6 августа 1856 г. распоряжении, предназначенном для Д. Я. Колбасина, значилось: «Комедии Тургенева издать в 2-х томах, в формате „Повестей“...» (Там же. Т. 13, кн. 2. С. 129); см. также письмо Некрасова к Боткину, написанное несколько раньше — в конце июля 1856 (Там же. Т. 14, кн. 2. С. 27). В конце года Чернышевский в анонимной статье сообщил читателям некрасовского журнала о предстоящем выходе в свет сборника драматических произведений Тургенева (*Современник*. 1856. № 11). Отправка в Петербург комедии, по словам Оксмана, «задерживалась с месяца на месяц из-за несогласия Тургенева печатать „Нахлебника“ в прежней редакции и отсутствия у него досуга для работы над правкой устаревшего, с его точки зрения, текста» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 1. С. 594). В конечном счете текст 1848 г. был переработан, но в новой редакции комедия с учетом требований цензуры появилась лишь в 1857 г. в мартовской книге «Современника» под новым заглавием «Чужой хлеб» (замысел же сборника драматических произведений Тургенева остался не осуществленным). 19 декабря 1856 г. Щепкин обратился к П. В. Анненкову с просьбой переговорить с театральными цензорами и с начальником репертуарной части Императорских театров о возможности поставить «Нахлебника» на сцене (под другим названием) в его бенефис, назначенный на 13 января 1857 г. (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 596—597). Но уже 29 декабря 1856 г. Анненков сообщил Тургеневу: к «бенефису комедия не поспела» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 524). Несмотря на все усилия (поездка Шумского осенью 1857 г. в Петербург, хлопоты влиятельных лиц (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 597)), преодолеть сопротивление цензуры не удалось. Прошло еще пять лет, прежде чем комедия была показана зрителю в бенефис М. С. Щепкина (не в редакции 1861-го, а в журнальной, 1857 г. — с целью избежать контакта с цензурой) 30 января 1862 г. в Москве (Большой театр). Бенефициант сыграл роль Кузовкина, Шумский — Тропачева. Но и московский, и петербургский (7 февраля) спектакли прошли без особого успеха, что сам Тургенев объяснил несценическим характером своей пьесы (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 596—601).

⁴ Шумский вынужден был изменить программу своего бенефиса. Дневник Александра Сухова-Кобылина позволяет проследить ход событий, предшествующий бенефисному спектаклю. Уже 28 мая 1855 г. после прочтения А. В. Сухова-Кобылиным «Свадьбы Кречинского» (в присутствии Корша, Феокистова, Лохвицкого и др.) Шумский просит комедию, по вырженно драматурга, «себе на бенефис». 15—16 июня Шумский снова слушает ее в доме Сухова-Кобылина вместе с Ленским, Садовским и др. 18 июня драматург вносит в дневник строки: «Я кончил Комедию и отдал ее Шумскому». 21 ноября — после просмотра первой репетиции пьесы — на обеде у Сухова-Кобылина (присутствовали — братья Феокистовы, Шумский, Щепкин, Лохвицкий, Корш) Евгений Феокистов заявляет, что «Свадьба Кречинского» приобретает значение не просто театральной пьесы, но высокого литературного произведения, что и составит главную мысль его статьи «в газеты» (Дневник А. В. Сухова-Кобылина // Дело Сухова-Кобылина / Сост., подготовка текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой. Вступ. ст. и комментарии В. М. Селезнева. М., 2002. С. 252—253, 263, 265). Бенефис Шумского прошел 28 ноября 1855 г. На сцене московского Малого театра была исполнена «Свадьба Кречинского», в которой Шумский сыграл Кречинского, Щепкин — Муромского, Садовский — Расплюева. Уже в канун спектакля «Московские ведомости» предрекали успех выбранной для бенефиса программе и прежде всего — пьесе Сухова-Кобылина: «В нашей газете уже было упомянуто об этой пьесе и ее достоинствах. С тех пор, как нам известно, комедия эта была не раз читана в различных кружках нашего общества и возбудила много толков, которые все клонились в ее пользу; одобрение было громкое и единодушное. Мы думаем, что эта пьеса еще более выиграет в исполнении, ибо исполнителями ее будут наши лучшие артисты <...> можно заранее обещать ей полный и блестящий успех» («Без подписи»). Несколько слов о предстоящем бенефисе

г. Шумского // Московские ведомости. 1855. 26 ноября, № 142. С. 583. Рубрика: «Зрелища»; по предположению В. М. Селзэнса, автор заметки — Феокистов, см.: *Дневник А. В. Сухово-Кобылина*. С. 469). Фельетонист той же газеты свидетельствовал: пьеса Сухово-Кобылина «была исполнена почти безукоризненно» и «имела полный, заслуженный успех», предвещающий ей долгую жизнь на сцене (Московские ведомости. 1855. 8 дек., № 147. С. 608). На следующий день после первого спектакля Сухово-Кобылин писал матери: «... впечатленье сильное, успех большой, но мог бы быть больше. <...> Все было набито битком. <...> Садовский-Расплюс был превосходен — Шумский слаб» (Труды публичной библиотеки имени Ленина. [М.,] 1934. Вып. 3. С. 243—244; письмо от 29 ноября 1855 г.).

⁵ Тургеневскую оценку актерского дарования Шумского см. в 7-м примечании к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. I).

⁶ Далес: *Уведомьте...* — Ответное письмо Тургенева — неизвестно.

⁷ Тургенев вернулся из ссылки в Петербург не позднее 9 декабря 1853 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 254). 13 декабря — в день импровизированного банкета в его честь в редакции «Современника» — Тургенев полушутливо писал С. Т. Аксакову: «Меня здесь все встретили очень любезно и благосклонно — буду стараться, чтобы и впредь эти чувства не изменились» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. 283). Но уже 10 февраля 1854 г. он сообщил тому же корреспонденту: «Я здесь веду жизнь хотя не рассеянную — но как-то растрченную на тысячи мелочей и т. д.» (Там же. С. 285). Конкретно о ходе петербургской жизни Тургенева и круге его общения см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 254 и далес.

⁸ 6 апреля 1855 г. Тургенев выехал из Петербурга в Спасское (*Летопись (1818—1858)*. С. 288). С 7 до 12 апреля он — в Москве. Но тургеневская летопись отражает лишь одну его московскую встречу — с А. Н. Островским — 8 апреля (?), в доме драматурга, вечером, около восьми часов (см.: Там же; *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 23).

⁹ Феокистов повторил слухи о встрече Тургенева в Петербурге с Александром II между 19 февраля (смерть Николая I последовала 18 февраля 1855 г.) и началом апреля 1855 г.

36

26 сентября (8 октября) 1858 г. Москва

Москва. 26 сент. 1858.

Любезнейший Иван Сергеевич — вспомнил путь, которым когда-то посылал к Вам свои письма и решаюсь поразить Вас своим посланием в ту минуту, как Вы, вероятно, никаким образом его не ожидаете. Без предисловия приступаю к делу, — ибо Вы, вероятно, догадываетесь, что я хочу говорить с Вами о деле. По возвращении* из-за границы¹ — многие молодые люди — я, Капустин, Вызанный, Лохвицкий, Рачинский и др.,² хотим посвятить все свои силы «Русскому вестнику». Конечно, Вам уже известно, что журнал этот идет теперь как ни один из русских журналов,⁴ но мы убеждены, что ему можно придать еще более достоинства. Разговаривая как-то с Катковым о многочисленных улучшениях, которые он намерен сделать в своем издании с будущего года — мы коснулись его большого места — беллетристики. Хотя «Русский вестник»** идет так хорошо, что было бы совершенно излишне тратить ему*** на повести, — но Катков сказал мне, что он не остановится ни пред какими пожертвованиями, если бы он мог получить какое-нибудь Ваше произведение. Мысль эта особен-

* *Вместо:* По возвращении — *начато:* По приезде

** *Вместо:* Хотя «Русский вестник» — *начато:* «Журнал»

*** *Было:* ему тратить

но заманчива теперь, после того, как обязательное соглашение Ваше с «Современником», кажется, рушилось. Вопрос в том, согласитесь ли Вы на это после различных недоразумений, происшедших между Вами и «Русским вестником»?⁵ Я думаю, что едва ли Вы будете помнить так долго эту размолвку, — что касается до Каткова,* то он просит меня сказать Вам от его имени, что он будет в отчаянии, если это помешает ему снова сойтись с Вами. Он просит уверить Вас, что питает к Вам самое глубокое уважение, и, конечно, Вы поверите искренности этих слов, тем более что, как видите сами, он не имеет причин заискивать у Вас для успеха своего журнала. Если ему хочется поместить произведение Ваше в «Русском вестнике», то только именно потому, что он считает его украшением для своего издания, и повторяю, не остановится для этого ни пред какими пожертвованиями. Всё это я говорю Вам от имени самого Каткова.⁶ Если теперь Вы, по каким-то ни было причинам, не можете дать удовлетворительного ответа, — то нельзя ли будет поговорить с Вами об** этом лично, во время Вашего проезда чрез Москву. Каткову чрезвычайно хочется видеть Вас и Вы очень бы одолжили, если бы предупредили, когда будете в Москве.⁷ —

Уже месяц, как возвратился я из-за границы,⁸ и заграничная жизнь представляется*** теперь мне, как смутный сон. Столько занятий, что буквально голова идет кругом. Начальство Москов<ского> Универ<ситета> предложило мне, — без всякого со стороны моей ходатайства,**** — место приват-доцента, с тем, чтобы чрез год быть утвержденным профессором. Приготовления к этому и занятия по журналу отнимают у меня всё время. В Москве, впрочем, я нашел всё по-старому, — те же сплетни, те же разговоры, тот же бездарный Корш, с своим бездарным «Атенеум»!⁹ От Орлова я недавно получил большое письмо,¹⁰ пропитанное поэтическим чувством, особенно там, где он сравнивает развитие России с приливом и отливом моря. —

Если найдете время отвечать мне, то вот мой адрес: *На Молчановке, в доме Лебедева*, на мое имя.

От всей души желаю Вам здоровья и хорошего успеха на охоте.

Весь Ваш

Ев. Феоктист<ов>.

Ответное письмо Тургенева неизвестно. Дата исправлена, скорее всего самим Феоктистовым: вместо *26 сент<ября>* было — *10 <?> сент<ября>*

¹ Осенью 1856 г. Феоктистов выехал за границу. Он вспоминал: «Первая книжка „Русско-го вестника“ появилась в январе 1856 года, а осенью того же года отправился я за границу...» (Феоктистов. С. 91). Вернулся он в Москву в августе 1858 г. (Там же. С. 93). Несколько раньше, 21 июля (2 августа) 1856 г., за границу выехал Тургенев (Германия, Франция, Англия, Италия и др.). Дата его возвращения: 4 (16) июня 1858 г. (Т. Письма (2-е изд.). Т. 3. С. 625—626; *Летопись (1818—1858)*. С. 339, 425). Из Петербурга Тургенев проследовал в Спасское-Лутовиново.

* *Далее начато*: то он просит Вас

** *Вместо*: об — было: при

*** *Вместо*: и заграничная жизнь представляется — было: а. *начато*: и заграничная жизнь сов<сем> б. и заграничная жизнь представляется уже

² *Капустин Михаил Николаевич* (1828—1899) — профессор Московского университета по кафедре международного права, позже — директор Демидовского лицея в Ярославле, попечитель Дерптского, а затем Петербургского учебных округов. *Вызинский Генрих Викентьевич* (1834—1879) по окончании Московского университета и получении степени магистра всеобщей истории (в 1857 г.) приступил к преподавательской работе при кафедре всеобщей истории, сотрудничал в «Русском вестнике» и других изданиях. На рубеже 1850—1860-х гг. в московском, а позже — парижском салонах Салиас, играл заглавную роль (см.: *Феоктистов*, по указателю). В конце 1862 г. переведен в Варшавскую Главную Школу. Принял участие в восстании. В годы эмиграции сотрудничал в польской прессе, а также в «*Journal des Dйbats*» и др. французских изданиях (Там же. С. 75). Далее см. письма и примечания к ним от 9 июля (№ 38), 28 ноября (№ 40) 1860 г. *Лохвицкий Александр Владимирович* — см. о нем в ч. I: вступ. статью (с. 147), примечания к письмам: от 1 марта, 17—18 марта 1851 (№ 3, 4), в ч. II: от 12 сентября 1852 (№ 20), 8 января, 4 февраля, 18 февраля 1853 г. (№ 22, 23, 24). *Рачинский Сергей Александрович* (1836—1902) — ботаник, профессор Московского университета.

³ В конце 1855 г. «Московские ведомости» сообщили о выходе в Москве с 1 января следующего, 1856 г. нового периодического издания «под старым названием» — «Русский вестник» (в двух книжках ежемесячно). Издателем и редактором журнала был объявлен М. Н. Катков, его «сотоварищами» «по трудам редакции» Евгений Федорович Корш, Петр Николаевич Кудрявцев, Павел Михайлович Леонтьев (см.: Об издании нового журнала, учено-литературного и политического // *Московские ведомости*. 1855. 22 ноября, № 140). В список писателей, ученых, публицистов, обязавшихся содействовать редакции «Русского вестника», вошли, в частности, Тургенев и все перечисленные Феоктистовы в письме (кроме Вызинского), личности. Первые работы Феоктистова в журнале Каткова появились с весны 1856 г. («Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862)): В 2 кн. Л. . 1990. Кн. 2 . С. 39—40). Публикации указанных Феоктистовым «молодых людей» см. в этом же справочнике: Кн. 1. С. 32—33, 18—19; кн. 2. С. 6, 24.

⁴ В объявлении «Об издании „Русского вестника“, журнала литературного и политического, в 1857 году» Катков сообщал: «Общественное сочувствие, встретившее новый журнал, не ослабевало в продолжение целого года, и благодаря второму изданию подписка на „Русский вестник“ за истекший год продолжается еще и теперь, вместе с подпискою на будущий, которая уже давно открылась, предупредив наше объявление. Успех превзошел самые смелые ожидания Редакции, и она не может не видеть в нем доказательства, что угадала существенную потребность публики, и что „Русский вестник“ в нашей литературе явление не лишнее и не бесполезное» (*Московские ведомости*. 1856. 22 ноября, № 140. Разд. «Объявление» к номеру, подпись: М. Катков). Н. Г. Чернышевский, вспоминая о начальной поре «Русского вестника», имел основание назвать ее «блестящей» (*Современник*. 1860. № 6. Отд. «Свисток». С. 249).

⁵ В 1856 г. редакция «Современника», мотивируя свое решение интересами авторов, читателей и материальными потребностями издания, заключила с четырьмя своими сотрудниками, в том числе и с Тургеневым, так называемое «обязательное соглашение», в соответствии с которым они обязывались помещать свои произведения только в этом журнале (Об издании «Современника» в 1857 году // *Московские ведомости*, 1856, 1 ноября, № 131. Разд. Прибавление к № 131. Подписи: И. Панаев и Н. Некрасов). Десятый, октябрьский, номер «Современника» (1856) вышел с объявлением на обложке: «С 1857 года будут принимать в „Современнике“ исключительное и постоянное участие: Д. В. Григорович. А. Н. Островский, граф Л. Н. Толстой. И. С. Тургенев». Катков в объявлении «Об издании „Русского вестника“, журнала литературного и политического, в 1857 году» (см. примечание выше) сообщил, что в будущем году из состава сотрудников его журнала выбывают не только Аксаковы, которые намерены целиком посвятить себя «Русской беседе», но и еще четыре литератора (из них поименно он назвал только двоих — И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстого (Л. Н. Т.)), которых «Современник» объявил своими «исключительными сотрудниками». В подстрочнике он писал: «Заключение формального обязательства и оглашение его публике имело свою причину, сколько можно заключить из упомянутого объявления, желание поддержать, при опасностях усилившейся конкуренции, тот журнал, в котором и без того первый из поименованных литераторов преимущественно, а второй исключительно печатали до сих пор свои труды». В глазах Каткова соглашение выглядело тем более странным, что Тургенев воспринял появление «Русского вестника» с «живым сочувствием»: «Он вызвался принимать в нем самое деятельное участие. Для „Русского вестника“ был им предпринят особый труд. В письме своем к редактору он

предлагал объявить заблаговременно, что в одной из первых книжек „Русского вестника“ будет помещена его повесть под заглавием „Призраки“ (вероятно, весьма сходная по содержанию с рассказом, который появился в сентябрьской книжке «Современника» под заглавием «Фауст»)» (Московские ведомости. 1856. 22 ноября, № 140. С. 583. Разд. «Прибавления» к номеру). 4 (16) декабря 1856 г. Тургенев из Парижа обратился к редактору «Московских ведомостей» с открытым письмом, сосредоточив внимание своих читателей на том, что между обещанной «Русскому вестнику» повестью («Призраки») и опубликованным в «Современнике» «Фаустом» нет никакого сходства (Письмо к Редактору // Московские ведомости. 1856. 18 дек., № 151. Литературный отдел. Подпись: Иван Тургенев; то же: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 155—156). Необходимость своего выступления в газете он объяснил М. Н. Лонгинову: «... я не мог оставить намека Каткова (на то, что «Фауст» — персонеты «Призраки») без ответа» (Там же. С. 156). В ответном письме Катков принес Тургеневу «чистосердечные извинения», но заявил, что он не был обязателен в общении с редакцией «Русского вестника» и, нарушая сроки, не представил читателям обещанное произведение. При этом Катков сослался на сохранившееся у него письмо («записку») Тургенева от 28 ноября 1855 г. с заверением: «рассказ» под названием «Призраки», предназначенный для первого номера «Русского вестника», «готов будет к 15-му и непременно уже к 20-му декабря <1855 года. — Э. Г.>, и тотчас же перешлетя» (Письмо к Редактору // Московские ведомости. 1856. 20 дек., № 152. Литературный отдел. Подпись: М. Катков). В следующем открытом письме к редактору «Московских ведомостей» (Московские ведомости. 1857. 1 янв., № 7; то же: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 175) Тургенев, по его собственному выражению, взял вину на себя (письмо к Лонгинову от 1 (13) января 1857 г. // Там же. С. 176). Но и это письмо не завершило диалог. Катков обратился к Тургеневу с новым посланием (Московские ведомости. 1857. 24 янв., № 11), поводом к которому послужили «Заметки о журналах. Декабрь 1856» (Современник. 1857. № 1. Отд. V. С. 166—185). В этих заметках, изложив ход спора, Чернышевский дал нравственную оценку «странной выходке» Каткова, допустившего «оскорбительные намеки» и легко устранимые подозрения. В «чистосердечном извинении» перед Тургеневым он увидел подлинную суть ответа редактора «Русского вестника» (см. Там же. С. 185).

⁶ Катков стремился через Феоктистова заполучить «Дворянское гнездо», работа над которым началась в Спасском в середине июня 1858 г. (последние исправления в текст были внесены в декабре уже в Петербурге) (*Т. Сочинения. (2-е изд.)*. Т. 6. С. 376). 11 октября 1858 г. Тургенев обратился к Некрасову с предложением предоставить свой новый роман «Современнику», но с условием, чтобы ему было возвращено ранее данное позволение на второе издание «Записок охотника». В письме при этом сообщалось: «... а ты только дай мне знать теперь свое решение — потому что я получил предложение от „Русского вестника“ с разными любезностями и т. д.» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 342; ответ см.: Некрасов. Т. 14, кн. 2. С. 116, письмо от 17 октября). В конечном счете Некрасов увеличил гонорар за «Дворянское гнездо», но оставил за собой право на издание «Записок охотника», позже выгодно перепродал его И. В. Базунову (см. примечание к указ. письму, с. 243; также: *Тургенев и круг Современника*. С. 123—124). Строки («... я получил предложение от „Русского вестника“...») дают возможность предполагать, что около 11 октября 1858 г. Тургенев получил письмо от Каткова (неизв.) с просьбой передать «Дворянское гнездо» в «Русский вестник». Однако в *Летописи (1818—1858)* после даты: (Около (?) 11 (23) октября) и слов «Получает письмо (неизв.) от Каткова (?)...» Н. С. Никитина правомерно поставила знак вопроса (с. 434). В данном контексте несомненное значение приобретает публикуемое письмо Феоктистова, которому в эту пору была доверена роль посредника между редактором и Тургеневым («... он <Катков. — Ред.> просит меня сказать Вам от его имени...»). См. следующее примечание.

⁷ Около 10 ноября 1858 г. по дороге из Спасского в Петербург Тургенев остановился в Москве (до 14 ноября), где увиделся с Боткиным, А. А. Фетом, М. Н. Лонгиновым, Е. В. Салиас де Турнемир (*Летопись (1818—1858)*. С. 435—436). В эти дни он встретился и с Феоктистовым. Содержание их беседы, свидетельствующее о том, что и на этот раз Феоктистов выступал в роли доверенного лица редактора «Русского вестника», Тургенев передал Каткову в письме от 10 декабря 1858 г. (возможно, и после изустного (через посланца) или письменного (неизв.) обращения Каткова): «Благодарю Вас за Ваши предложения и не могу не изъявить снова своего сожаления о том, что не виделся с Вами в Москве по милости той самой болезни <...> — Повторяю Вам то, что я сказал Феоктистову: будущую мою повесть <то есть «Накануне». — Э. Г.> пишу для „Русского вестника“; должно надеяться, что она будет готова к осени. — Статью о Гамлете и Д<он>-Кихоте, за которую я принялся теперь, также готов Вам отдать, если

только г-да редакторы „Современника”, которые ес уже два или три р<аза> общали своим подписчикам, согласятся» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 3. С. 350—351, примечания. С. 615). В письме к Некрасову (датируется комментаторами: «Ноябрь (нс ранее 10, ст. ст.) — декабрь 1858») также слышится отзвук беседы Тургенева с Феокистовым, результатом которой был отказ передать «Дворянское гнездо» «Русскому вестнику» и обещание предоставить ему свой следующий роман: «Когда я в Москве отказался от предложений Каткова, я это сделал для того, чтобы, во-1-х) сдержать слово, тебе данное, а во-2-х) — я знал, что этим ничего не теряю <...> С твоей стороны ты не лишасься *затраченных денег, и возможных прибылей*; но ты сообрази также то, что если бы „З<а>писки о<х>отника» были тобою уже проданы, я бы, разумеется, принял предложение Каткова <...> повторяю, не сердись на меня за мое колебание...» (Там же. С. 357). Это письмо по существу означало конец финансовым расчетам Тургенева с «Современником» и открывало пути к сотрудничеству с другими изданиями. Еще в октябре 1858 г. он писал А. В. Дружинину: «... ставши совершенно свободным, я прежде всех других журналов буду думать о „Библиотеке»» (Там же. С. 341). Предвкушение свободы, в частности от тяготивших соглашений и финансовых обязательств, ощущается и в выше процитированном письме Тургенева к Каткову от 10 декабря 1858 г. Завершающая его фраза, как и письмо в целом, открывала новую фазу в отношениях с Катковым: «Прошу Вас верить в искренность моего желания участвовать в Вашем прекрасном журнале...» (Там же. С. 351).

⁸ В воспоминаниях Феокистов оставил характеристики Каткова и его среды, а также расказ о деятельности журнала к моменту своего возвращения в Москву (Феокистов. Гл. третья).

⁹ Корш Евгений Федорович (1809 или 1810—1897), брат Валентина Федоровича Корша. Переводчик, журналист, с 1842 по 1848 гг. — редактор-издатель «Московских ведомостей». По возвращении в Петербург редактировал «ведомости Санкт-Петербургской гор. полиции» (1849—1851), с конца 1855 г. принял на себя обязанности соредатора «Русского вестника», однако конфликт с Катковым (подробнее: Чичерин. С. 197—198) побудил его оставить журнал. С января 1858 г. издавал журнал «Атеней», просуществовавший немногим более года (по апрель 1859), позже служил библиотекарем Румянцевского музея. Характеризуя редакционный состав «Русского вестника», Б. Н. Чичерин вспоминал о Корше как о сложной и противоречивой личности, сотканной из высоких достоинств и очевидных слабостей, определивших падение предпринятого им журнала и разрыв с близкими людьми: «Как только Корш стал во главе журнала, оказалось, что у него инициативы нет никакой. Он мог быть отличным редактором „Московских ведомостей”, когда все дело ограничивалось умною выборкою из иностранных газет, но вдохнуть жизнь в журнал, обсуждать животрепещущие вопросы, чутьем понимать потребности дня — к этому он был решительно не способен. <...> Журнал рухнул, и редактор озлобился. Он сделался капризен и раздражителен, и это отозвалось на самом его образе жизни. <...> У него развился какой-то мелочный либерализм, лишний всякой последовательности и всякой почвы. Таким же капризом отзывались все его суждения об умственных вопросах. <...> Живое общение мыслей и интересов постепенно исчезало, и он, с своей стороны, все более удалялся от друзей. <...> Он ушел в себя, сделался угрюм и одинок» (Там же. С. 130). В чем-то сходный, но более односторонний портрет Корша набросан в воспоминаниях Феокистова (Феокистов, с. 91—92). Свод сведений о Корше см.: Зейфман Н. В. Корш Евгений Федорович // Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 95—96. Далее — письмо от 9 июля 1860 г. (№ 38) и 6-е примечание к нему.

¹⁰ От князя Николая Алексеевича Орлова; см. о нем в 5-м примечании к письму от 20 октября 1860 г. (№ 39).

28 октября (9 ноября) 1859 г. Москва

Москва, 28 окт. 1859.

Пишу к Вам, любезнейший Иван Сергеевич, по делу, касающе<му>ся «Русского вестника». Вы знаете, как дорожит редакция произведением, которое обещали Вы поместить в ее журнале.¹ Можно сказать без преувеличения, что одна из главных надежд ее на успех в будущем году опирается на Ваш роман. Между прочим, Вы видели, вероятно, что в объявлении «Современника» об издании его в 1860 г. и в Заметках Нового Поэта в 10-й (октябрьской книжке) повторяется положительно, что «новое произведение» И. С. Тургенева появится в «Современнике». Мало того, Новый Поэт определяет даже время появления — в генваре месяце.² Дело идет, вероятно, тут о какой-нибудь небольшой повести, которую Вы обещали Некрасову и Панаеву.³ Но Вы понимаете, что публика может быть введена в заблуждение и, слыша эти настойчивые повторения редакции «Современника», думает, что по-прежнему будет встречать романы Ваши почти исключительно в этом журнале. Ошибка была бы крайне неприятна для «Р<усского> в<естника>» теперь, в ноябре, когда уже начинается довольно сильно подписка. Посоветуйте, любезнейший Иван Сергеевич, как поступить в столь затруднительных обстоятельствах? Вы знаете, что «Рус<ский> вест<ник>» давно уже* не делает подробных извещений о своем издании в наступающем году, с перечнем статей. Каткова еще нет; ⁴ может быть, по приезде, он решился бы отступить от этого правила ради того, чтобы объявить о Вашем произведении, но для этого нужно знать его название и, хотя приблизительно, когда Вы думаете его окончить.⁵ После выводов «Современника» нельзя уже довольствоваться глухим извещением, что «Ив. С. Тургенев обещал нам повесть», а сказать что-нибудь определенное. Во всяком случае, рассудите сами и посоветуйте, что делать.⁶ Повторяю, повесть или роман Ваш, возбуждает такой интерес в редакции (представляемой теперь г<-ом> Леонтьевым)**⁷ и, вероятно, еще гораздо больший интерес в публике, что нельзя молчать, когда другие твердят на все лады, что роман появится у них. Очень может быть, что Вы не хотели отказать «Современнику» совершенно в своем сотрудничестве и обещали какую-нибудь повесть, но Вы поймете сами уловку этого почтенного журнала. Панаев, в своих заметках, поговоривши о выходе «Дворянского гнезда», извещает тотчас же, что «новое произведение Ваше» будет помещено у них, как будто дело идет о*** единственном произведении, кроме которого Вы ничего не писали в последнее время, и по объему не уступающем «Двор<янскому> гнезду».⁸

О Москве не могу сказать Вам ничего любопытного. Катков и В. Боткин еще не возвращались; жду их на этой неделе. Графиня чувствует себя хуже обыкновенного.⁹ В общественной жизни тишина и сплетни из Петер-

* Вместо: давно уже — было: никогда

** Далее начато: что <?>

*** Далее начато: помещ<ении>

бурга о том, что будто бы Княжевич выходит в отставку, на место Панина назначен Цеймарк, и вроде этого положительного, впрочем, ничего неизвестно.¹⁰

Желаю Вам счастливой охоты, но больше всего, отличного здоровья.
Вам преданный

Ев. Феоктистов.

Мой адрес: В Москву, в Хлебном переулке, в доме Князя Волконского, на мое имя.

¹ Речь идет об обещании Тургенева предоставить «Русскому вестнику» роман «Накануне» (см. о начале переговоров в 7-м примечании к письму Феоктистова от 26 сентября 1858 г. (№ 36)). Беспокойство Феоктистова, как видно, было спровоцировано неясностью сложившейся ситуации. Еще 5 (17) июля 1859 г. из Парижа Тургенев обратился к Каткову с просьбой, в виду неурожая, выслать ему тысячу рублей в счет будущего гонорара за роман «Накануне». При этом Тургенев ставил в известность, что работа «подвигается *быстро*» и он надеется передать рукопись в журнал в ноябре (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 160). По прибытии в Англию Катков (см. ниже, 4-е примечание), явно затянувший ответ на письмо Тургенева, через Боткина (также проживавшего на острове Уайт) уведомил, что просьба об авансе выполнена. Катков «сегодня получил письмо от Леонтьева, — писал Боткин Тургеневу, — который изощает его о высылке тебе векселя <...>. Ужасно интересуюсь твоею повестью и жажду от тебя узнать — доволен ли ты сам ею. А Катков не знает, как дожидаться ее» (*Боткин и Тургенев*. С. 158). В процессе переговоров финансового характера (Тургенев предлагал вернуть вексель, но Катков опасался, что таким образом он потеряет обещанное произведение и оно может попасть в руки Некрасова, см.: *Боткин и Тургенев*. С. 156—163) редактор «Русского вестника» получил через Боткина еще одно подтверждение надежности их договора. «Я с удовольствием готов возвратить Каткову деньги — которые мне не нужны, — писал Тургенев Боткину 29 августа (10 сентября), — и он может быть покоен: *мой новый роман будет помещен в „Русском вестнике“ <...> — а я с 15-го числа сентября нашего стиля — если бог даст — в России — в Спасском — и не выеду оттуда, пока роман не будет кончен...»* (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 79—80). В ответном письме Каткову от 5 (17) сентября Тургенев снова подтвердил свои обязательства: «Насчет моей повести — повторяю еще раз: она пишется для „Русского вестника» и только в „Русском вестнике» явится. Я привезу ее готовую из деревни в Москву 1-го декабря, — следовательно, ничего не помешает ей явиться, начиная с январской книжки» (Там же. С. 83; письмо Каткова из Англии неизвестно). Уже к 23 сентября Тургенев — в Спасском. В течение следующего месяца работа над рукописью продолжилась. К концу октября (ст. ст.), то есть к моменту, когда Феоктистов обратился с письмом к Тургеневу, роман всерьез был завершен (на черновой рукописи романа (в ГПБ) помета: «...Кончена в Спасском, в воскресенье 25-го окт. / 6 ноябр. 1859-го г.» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 487)). Подробнее о движении текста см. в примечаниях А. И. Батюто (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 6. С. 434—440). Роман «Накануне» увидел свет в 1860 г. на страницах «Русского вестника» (т. 25, январь: кн. 1 и 2) (см.: Там же. С. 428). Окончательный разрыв Тургенева с «Современником» произошел после появления на его страницах статьи Н. А. Добролюбова о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?» (Современник. 1860. № 3 (кн. 3). Отд. III. С. 31—72, без подписи, под заглавием: «Новая повесть г. Тургенева («Накануне», повесть И. С. Тургенева. — Русский вестник. 1860, № 1—2)»).

² В объявлении «Об издании „Современника” в 1860 году» сообщалось: «И. С. Тургенев также обещал „Современнику” новое свое произведение» (см.: Современник. 1859, № 9, 10. Отд. «Объявления». С. 4). Свой рассказ о текущей петербургской жизни в октябрьском номере «Современника» Новый поэт открыл сообщением: «...все отсутствующие возвратились из своих деревень и из-за границы и между прочими гг. Тургенев и Гончаров. Тургенев пробыл, впрочем, только один день в Петербурге и отправился в свою орловскую деревню, из которой он вернется не ранее ноября. Он обещал новую повесть для „Современника”, которая будет напечатана в первых номерах следующего года» («Без подписи». Петербургская жизнь // Современник. 1859. № 10, октябрь. Отд. Современное обозрение. С. 471). В этих же заметках Новый поэт еще раз коснулся Тургенева: «„Обломов” г. Гончарова вышел отдельно в Петербурге — в двух томах, а „Дворянское гнездо” г. Тургенева в Москве в одном томе» (Там же. С. 494).

³ В первом, январском, номере «Современника» за 1860 г. вышла статья Тургенева: «Гамлет и Дон-Кихот (Речь, произнесенная 10 января 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым)» (историю ее создания и публикации см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 5. С. 506—509).

⁴ Также: *Катков и Боткин еще не возвращались*. — Летом 1859 г. В. П. Боткин принимал морские ванны в Вентноре — у южного побережья Англии, на острове Уайт («...я выехал из России недавно (в Июле)...», — писал он Тургеневу. — *Боткин и Тургенев*. С. 157; подробнее: *Боткин В. Две недели в Лондоне // Русский вестник*. 1860. Т. 25, январь: кн. 1 и 2. С. 297—333). В конце августа 1859 г. в Вентнор прибыл М. Н. Катков и поселился в той же гостинице («Он только с неделю, как здесь и пробудет здесь недели три...», — сообщил Боткин во Францию (Там же. С. 158)). В сентябре (если исходить из английской переписки Боткина) они поочередно покинули остров Уайт и каждый отправился по своему маршруту. Свой предполагаемый путь и время передвижения Боткин обозначил в очередном письме Тургеневу от 13 сентября (н. ст.) 1859 г.: «...я только через 3 дня выезжаю отсюда в Лондон, где пробыв неделю, отправлюсь в Париж, поживу дней 10 или две недели — и направлю путь в Россию, но, вероятно, уже сухим путем через Ковно...» (Там же. С. 163).

⁵ Новое произведение получило название лишь к концу октября 1859 г., то есть к моменту окончания работы над черновой рукописью (о хронологии и ходе работы над романом см. 1-е примечание к данному письму). 23 октября 1859 г. Тургенев сообщил Анненкову: «Конченная повесть (название ей по секрету: «Накануне») будет помещена в „Русском вестнике“ и нигде иначе. Это несомненно — und damit Punctum <и на этом точка — (нем.)>» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 102). Из примечания к этим строкам: «Здесь впервые в письмах Тургенева появляется название его нового романа, установленное, по-видимому, на последнем этапе работы» (Там же. Т. 4. С. 504). Катков, как и предполагал Феокистов, нашел возможность анонсировать роман Тургенева. В декабрьской книге «Русского вестника» появилось следующее обращение к читателю: «В январе за наступающий год должно появиться в „Русском вестнике“ новое произведение И. С. Тургенева («Накануне»). По своему содержанию оно не может дробиться на несколько книжек, и автор, передавая свою рукопись в редакцию, постановил непременно условием, чтоб она была напечатана разом. Но объем этой повести, или, лучше сказать этого романа, так велик, что он не дал бы места никаким другим статьям. Соображая это обстоятельство с давнею потребностью редакции войти в определенные сроки, мы решаемся, вместо двух книжек за наступающий январь месяц, выпустить одну книжку, которая объемом и содержанием своим будет вполне соответствовать двум. С февраля же начнется правильный выход книжек, в половине и в конце месяце» (<Без подписи>. От редакции // *Русский вестник*. 1859. Т. 24. № 12. Отд. Современная летопись, декабрь, кн. 1. С. 275).

⁶ Ответное письмо Тургенева неизвещено.

⁷ *Леонтьев Павел Михайлович* (1822—1874 или 1875) — воспитанник Московского университета (закончил словесное отд. философского факультета в 1841 г.). Сдав магистерские экзамены, в январе 1843 г. выехал за границу (слушал лекции в Кенигсбергском, Лейпцигском, Берлинском и др. университетах, посетил Италию). С мая 1851 г. — экстраординарный профессор по кафедре римской словесности и древностей (подробнее см.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие <...>*: В 2 ч. М., 1855. Т. 1. С. 453—455), публицист, доверенное лицо и ближайший помощник Каткова по редакционной работе в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». Отличавшийся практицизмом и цепкостью, Леонтьев идеально дополнял нервного, страстного, увлекающегося, часто впадавшего в отчаяние Каткова. Феокистов так характеризовал этот тандем: «Павел Михайлович Леонтьев обладал огромными и разнообразными достоинствами, но он во всем значительно уступал своему другу, — одному из тех людей, которые рождаются веками, у которых способность глубокого и разнообразного мышления развита в высшей степени» (*Феокистов*. С. 354). См. также о Леонтьеве в I-й ч. публикации по указателю.

⁸ Ср. со 2-м примечанием к данному письму.

⁹ См. 6-е примечание к письму от 12 сентября 1852 (№ 20).

¹⁰ *Княжевич Александр Максимович* (1792—1872) — чиновник Министерства финансов, многие годы служивший при гр. Е. Ф. Канкрине — отце Е. Е. Ламберта, с 1854 г. — сенатор, в годы с 1858 по 1862 гг. — министр финансов, член Государственного совета. Ламберт через Княжевича помогала Тургеневу разрешать финансовые затруднения (см. примечание к письму от 26 апреля 1859 г.); *Панин Виктор Никитич* (1801—1874) — граф, дипломат, с 1832 г. — товарищ министра юстиции, с 1839 г. — управляющий Министерством юстиции, с 1841 по

1862 г. — министр юстиции. С февраля 1860 г. — председатель Редакционных комиссий (фактически одна комиссия), учрежденных для изучения проектов губернских комитетов и для выработки общего положения о крестьянской реформе (работала до октября 1860 г.), член Государственного совета. В отзывах современников конца 1850-х гг. Панин предстает деятелем крайне консервативной партии, активно противодействующей реформам, в частности в области судопроизводства. В декабре 1857 г. Тургенев из Рима переслал А. И. Герцену «гнуос» «дсло» (не указывая имени человека, передавшего документ) «для скорейшего помещения его в „Колокол“» о бесчинстве крупного полтавского помещика Л. В. Кочубя, стрелявшего в своего управляющего; подробнее о сути мистифицированного дела см. примечания А. И. Батюто к письму от 10 (22) декабря 1857 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 574). Тургенев так обосновал необходимость публикации этого документа: «И такого рода дела — не исключения у нас, — напротив — они составляют правило, обычную норму нашей юриспруденции; всякий знакомый с русскими порядками это скажет! А граф Панин недавно выхлопотал согласие на запрещение всяких печатных толков о гласности — а по новейшим известиям реакция в полном ходу и торжестве! Жаль России и жаль царя» (Там же. С. 282). «Дело» появилось в «Колоколе» (л. 7, 1 января 1858 г.) с предисловием Герцена под заглавием: «Что значит суд без гласности». В предисловии Герцен, в частности, писал: «А как искренно, как горячо хотелось нам, чтоб было иначе, с каким сердечным упованием смотрим мы на усилия Александра II вырвать у упорно своскорыстного дворянства веревку, на которой оно держит крестьян в кабале. <...> Еще хуже с гласностью в суде. Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах». И далее: «К Новому году нам прислали выписку из одного дела — нисколько не чрезвычайного, но очень характеристического для объяснения, почему запертые двери необходимы вертепам, называемым у нас *судами*» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 181, 182). Начиная с конца 1854 г. А. В. Никитенко в дневнике фиксировал нарастающее недовольство политикой Панина и его сторонников (см. записи 29 октября и 8 ноября 1854 (*Никитенко*. Т. 1. С. 389, 390)). «Панин, Брок и Чевкин, кажется, помешались на том, что все революции на свете бывают от литературы, — записал он 21 января 1858 г. — Они не хотят понять, что литература только эхо образовавшихся в обществе понятий и убеждений; что если она обращает вниманис правительства на какие-нибудь административные беспорядки, то тем оказывает услуги ему самому; что надо отличать нападки на законы от нападок на неисполнение последних и что нападки этого рода только возвышают достоинство закона и законодательной власти» (*Никитенко*. Т. 2. С. 9—10). Через неделю: «Сегодня у графа Блудова было много говорено о графе Панине, который пылает такой ненавистью к просвещению и литературе, что беспрестанно предлагает какие-нибудь новые, стеснительные цензурные меры. Например, чтобы побудить цензоров к вящей строгости, он предлагает за всякое упущение немедленно подвергать их взысканию, а потом уже исследовать, точно ли дело стоило такого взыскания. Не значит ли это рассуждть прямо наыворот? Это особенно прилично министру правосудия. Боже мой! как посмотришь — к каким странностям приводит слепая ненависть к истине и разуму» (Там же. С. 11; 29 января 1858). Русская либеральная общественность воспринимала министра юстиции как наиболее рьяного представителя партии, не желающей, по словам Никитенко, «ни освобождения крестьян, ни развития науки, ни гласности, — словом, никаких улучшений, о которых после смерти Николая так сильно начало хлопотать общественное мнсие. Главами этой партии считаются князь <А. Ф.> Орлов, <В. А.> Долгоруков и граф Панин» (Там же. С. 19—20; запись от 26 апреля 1858 г., см. также запись от 22 мая 1858 г.).

38

9 (21) июля 1860. Сокольники

Сокольники, 9 июля (ст. ст.) 1860.¹

Любезнейший Иан Сергеевич, Вы слышали, вероятно, и даже, быть может, читали о распре, возникшей между «Русск<им> вестником» и некоторыми его сотрудниками.² Вся эта история крайне неприятна, но, по крайней мере, мы можем сказать с совершенно спокойною совестью, что она была вызвана не нами: Вы помните, быть может, что в последнее наше сви-

дание в Москве я уже говорил Вам о тех стеснениях, которым подвергает редакция «Русского вестника» своих сотрудников.³ Как бы то ни было, графиня, Вызинский, Утин, Благовещенский и я отделились от Каткова и К°. ⁴ Мы думаем основать теперь свою собственную газету: ⁵ предвижу, что слова эти будут встречены недоверчивостью с Вашей стороны, ибо история «Атеней» и множества других изданий прежде всего является Вам теперь на память. Но — à tort ou à raison*, мы надеемся повести дело лучше, чем вел его Евг^{ений} Корш,⁶ и придать интерес нашему изданию: у нас есть деньги, есть сотрудники и — главное — есть ясный и определенный план для издания. Объяснивши Вам это, я тем самым** объясняю Вам, кажется, цель своего письма. Вы понимаете, что ради старинной нашей приязни, ради той привязанности, в которой, надеюсь, Вы никогда не сомневались с моей стороны, я прошу у Вас некоторого содействия. Compliments были бы между нами неуместны, но Вам самим известно, каким почетом теперь пользуется Ваше имя и что оно почти необходимо для успеха журнала. Вы пишете, конечно, мало, а желающих получить Ваши произведения — весьма много; я знаю, что Вы не можете удовлетворить всех, но я прошу у Вас — не от себя только, но от лица всех будущих наших сотрудников — какой-нибудь небольшой*** статейки и какого изберете сами содержания. Вот, например, «Русское слово» объявляло не раз о том, что напечатает статью Вашу: «Кольцов и Бернс». Обещание это Вы дали, вероятно, редактору «Слова», Хмельницкому; теперь, как, вероятно, Вы слышали, Хмельницкий покончил свое литературное существование, то есть исключен из свиты Кушелева-Безбородко. Почему же обещание, данное ему, Вы будете сдерживать для других, когда его уже нет? Не можете ли, поэтому, отдать нам «Кольцова и Бернса»? ⁷ Если Вы, к нашему несчастью, распорядились уже иначе этою статьею, то, вероятно, будете читать что-нибудь новое в обществе литературного фонда? Быть может, Вы напишете что-либо по поводу Вашего пребывания теперь за границею? ⁸ Словом, как бы Вы не распорядились Вашими трудами, я убедительно прошу, убеждаю и умоляю Вас иметь в виду наше издание и, если можно, первый номер его, имеющий выйти в январе месяце. ⁹ Что касается до платы, мы не нуждаемся в денежных средствах и Вы получите самую большую плату, которую предлагают Вам все другие русские журналы.

Я не мастер писать большие письма, любезнейший Иван Сергеевич, но надеюсь, Вы найдете мои мольбы достаточно красноречивыми и не откажетесь оказать истинную услугу не только мне, но всем нам. Я никогда не забуду Вашей любезности.

Если найдете время, отвечайте несколькими строками на это письмо. Адрес мой: *На Садовой, в приходе Ермолая, дом Волоцкой*. Еще раз повторяю Вам свою просьбу, остаюсь — искренно преданный

Ев. Феоктистов.

На обороте письма: Ивану Сергеевичу Тургеневу.

* так или иначе (франц.).

** Вместо: самым — было: сам

*** Далее начато: всщц<ы>

Отвѣтное письмо Тургенѣва из Куртавнѣя от 19 (31) июля 1860 г. открывается строками: «Я был трѣтьего дня у княгини Трубецкой в Белльфонте <...> и она мне передала Ваше письмо, а также показала письмо графини» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 110). Публикуем письмо Феокистова, как следует из приведенных выше строк, было отослано во Францію вместе с письмом Е. В. Салиас к ее давней подруге княгине Анне Андреевне Трубецкой (урожд. Гудович), жене князя Николая Ивановича Трубецкого (см. об этом семействе: *Феокистов*, с. 47—49), проживавших в имении Belle-fontaine, неподалеку от Парижа («тургеневскій» фрагмент письма Салиас (на франц. яз.) см.: РО ИРЛИ, № 5850, л. 26—27 об.; на верхнем колонтитуле первого листа рукой неустановленного лица карандашная помета: *Первая половина июля 1860, к князю Трубецкой*). Трубецкие входили в круг парижского общенія Тургенѣва. В письме из Парижа к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857) он сообщал о князе: «Я его вижу довольно часто — он очень милый и добрый человек — и вас всех весьма любит» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 172). См. также парижское письмо Тургенѣва к Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1862 г. с сообщеніем о полученіи от князя Трубецкого книжки «Русского вестника» с романом «Отцы и дети» (Там же. Т. 5. С. 44). Позже в «Дыме» Трубецкой предстанет в облике князя Коко.

¹А. С. Суворин вспоминал о своей поездке в Москву в 1860 г.: «Графиня Салиас предложила мне место секретаря редакціи <...>. Летом <...> я и отправился на долгие в Москву. Графиня Салиас жила в это время на даче в Сокольниках, куда я и отправился» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной; Подготовка текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. Изд. 2-е. London: М., 2000. С. 213).

²Поводом к «распре» между редакціей «Русского вестника» и его сотрудниками, а затем и к спорам на страницах прессы о вопросах этического характера, послужила статья Евгения Тур, посвященная вышедшему в Париже двухтомнику сочиненій Софьи Петровны Свечиной (урожд. Соймоновой; 1782—1859, в статье Евг. Тур указан 1858 г.), подготовленному де Фаллу с приложением ее биографіи и перепіски: «Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres publiées, par le C. S-te de Falloux, de l'Académie française» (1860). В прошлом фрейлина при дворе императрицы Марии Федоровны Свечина покинула Россію и с 1816 г. поселилась в Париже. В своих сочиненіях она с энтузиазмом пропагандировала идеи левого, ультрамонтанского крыла католичества, что и побудило Евгению Тур к критическому анализу ее творчества, его психологических и социальных истоков (см.: *Тур Евг. Госпожа Свечина // Русский вестник*. 1860. Т. 26, апрель (кн. 1). С. 362—392). Катков, без ведома автора, сопроводил статью послесловіем с целью смягчить резкость оценок религиозных убежденій Свечиной. «Печатаю эту интересную статью, — писал он, — мы считаем своим долгом заявить, что не разделяем всех сужденій ее даровитого автора. Нам кажутся они несколько односторонними и не совсем справедливыми. Может быть, они вызваны, как реакція, чрезмерными восторгами поклонников г-жи Свечиной; но если несправедлива одна крайность, то так же несправедлива и другая. Статья г-жи Тур очень интересна, но едва ли дает совершенно верное понятіе о предмете, ее вызвавшем. <...> Вообще жаль, что критик выбирал из сочиненій автора только то, что казалось ему слабым и могло бросить тень на автора, не касаясь других сторон, которые могли представить его в лучшем свете или по крайней мере подать повод к серьезному обсужденію. Религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уваженія не только во мненіи людей религиозных, хотя бы и других вероисповеданій, но и во мненіи тех, кто к этому интересу равнодушен» (Там же. С. 392. Подпись: *Ред.*). Евгения Тур обратилась к Каткову с открытым письмом (*Тур Евг. Письмо к редактору // Там же*. 1860. Т. 26. Отд. Современная летопись, апрель, кн. 2. С. 406—411). В этом же номере «Современной летописи» последовал ответ («Без подписи»). По поводу письма г-жи Евгении Тур, с. 468—488), суть которого сводилась к следующему: в статье Евгении Тур создан образ односторонній, без учета объективных обстоятельств, сформировавших характер Свечиной и определивших ее судьбу. В полемику включился Вызинскій с пространной статьёй (см.: *Май И. Краткое сказаніе о последних днях «Русского вестника» // Московскіе ведомости*. 1860. № 109, 19 мая. Лит. отдел. С. 858—862); о принадлежності этой статьи Вызинскому см.: *Феокистов*, с. 369). Рассмотрев деятельность редакціи «Русского вестника» на протяженіи пяти лет, Вызинскій пришел к выводу, что в редакционном коллективе (исключеніе он сделал лишь для Кудрявцева) возобладал дух авторитарности и диктаторства, приведшій к нетерпимости и высокомерию по отношенію к постоянным сотрудникам журнала. Без согласія авторов редакція извлекала из их рукописей целые фрагменты, «снабжала» публикации своих сотрудников злукубраціями, по-

рою завершая их собственными заметками нравоучительного свойства. Эти заметки, сопровождавшиеся язвительными замечаниями и намсками, унижали авторов, тем более что зачастую редакция в своих оценках исходила, по мнению Вызинского, из мелочных побуждений. Подобным образом были «отредактированы» не только статьи Евгении Тур, Н. М. Благовещенского, Б. И. Утина, но и многих других авторов, конфликты с которыми не попали в поле внимания общественности. По словам Вызинского, большой успех «Русского вестника», «успех, который составляет самое утешительное явление в нашей литературе, успех, которому сочувствует всякий порядочный человек, произвел однако ж весьма дурное влияние на редакторов этого журнала <...>. Достигнув высокого положения в литературе, они впали в маленькое заблуждение, поддались невинному обольщению — они приписали успех журнала исключительно самим себе <...>. Они вообразили себя единственными настоящими двигателями развития России <...>. Это горделивое сознание своего превосходства, это высокомерие премудрости, эта самоуверенность проявляются во всем, что пишет от себя редакция» (Московский ведомости. 1860. № 109, 19 мая. Лит. отд. С. 859). В конечном счете в редакции утвердилось отношение к сотрудникам журнала как к черноработной силе, а дискредитация стала нормой общения с ними. В своем ответе («Без подписи». Объяснение. 1860. Т. 27. Отд. Современная летопись, май, кн. 2. С. 145—167) Катков, анализируя каждый инцидент, указанный Вызинским, отстаивал право редакции на «независимость <...> мнения» о публикуемых работах. Выступление Вызинского означало окончательный разрыв с журналом не только Евгении Тур, но и всей группы сотрудников, которых Феокистов называл «молодыми людьми» (Утин, Благовещенский, Лохвицкий). 22 мая 1860 г. Тургенев из Парижа, не принимая всерьез развернувшийся спор, заметил П. В. Анненкову: «Катков обайбородил Евгению Тур за письмо к нему, по поводу Свечиной. Вот междусобица» (*Т. Письма (2 изд.)*. Т. 4. С. 111). Однако столкновение Евгении Тур с Катковым вышло за пределы частного конфликта и дало повод к обсуждению на страницах прессы назревших моральных проблем современного журнально-газетного и литературного мира. Своеобразный итог «распре» в «Русском вестнике» подвел Н. Г. Чернышевский, усмотревший причину её не в самом предмете спора (существенных расхождений в позициях Евгении Тур и Каткова он не увидел), но в нарушении «форм действий» редакции, этических норм общения с сотрудниками. Следствием этой системы редакционного поведения стали мелкие ссоры, сведение счетов и проч., разрушительно сказывающиеся не только на некогда «блистательно» начинавшемся журнале, но и на всей современной журнальной, литературной, общественной жизни (см.: *Чернышевский Н. Г. История из-за г-жи Свечиной // Современник*. 1860. Т. 81, кн. 6. Отд. Современное обозрение. С. 249—278). Анализируя современную журналистику Д. И. Писарев также заметил, что журнал Каткова, как и «Отечественные записки», не отличается чистотой нравов и уважением к личности: «Об „Русском вестнике“ довольно будет заметить, что он не уважает самостоятельности своих сотрудников (история о Свечиной)...» (*Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Писарев Д. И. Сочинения*: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 137). См. также: *Достоевский Ф. М. Литературная истерика // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 146, 311—312).

³ Эти строки позволяют восстановить одну из тем беседы Тургенева с Феокистовым во время их «последнего» свидания в Москве.

⁴ В мемуарах Феокистов осмыслил разрыв Салиас с редакцией «Русского вестника» как следствие «гигантского» влияния Вызинского (биографическую справку о нем см. во 2-м примечании к письму от 26 сентября 1858 г. (№ 36)): «Это был человек умный, талантливый, весьма порядочный, но яростный Поляк, только и мечтавший о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достигнуть этого — о широкой административной для нее автономии. И это, точно так же, как многих других, казалось в начале шестидесятых годов возможным. Сам Вызинский был достаточно умен и образован, чтобы не симпатизировать <в автографе: чтобы симпатизировать. — Э. Г.> либеральным бредням наших любителей прогресса, которых народилось великое множество, но он следовал политике своих соплеменников в роде Огрызки, Спасовича и других, и успел пробудить в графине Салиас безграничные симпатии к революционной партии» (*Феокистов*. С. 367—368). Более уравновешенные характеристики Вызинскому давали А. Н. Пыпин (знакомство состоялось в Версале, в салоне Елизаветы Салиас) и К. Д. Кавелин (встречался с ним в Париже у Тургенева) — их оценки см. Там же, в разд. примечаний, с. 404—405. В обстановке «брожения» в стране и надвигающегося восстания в Польше Вызинский все более расходился с редактором «Русского вестника». Для него, по свидетельству Феокистова, «не могло быть сомнительным, что польские притязания должны встретить суровый отпор со стороны Каткова и Леонтьева. Отсюда постепенно усиливавшие-

ся охлаждение его к ним, перешедшее даже в явное недоброжелательство. Очень искусно умел он восстановить и графиню Салиас против ее друзей» (*Феоктистов*. С. 369). Свой же временный разрыв с Катковым позже Феоктистов объяснял моральными обязательствами перед Салиас: «Каткову было неприятно принято мною решение, и мы расстались с ним. Впоследствии, когда недоброжелатели Михаила Никифоровича упрекали его, что он не уживался с самыми близкими своими сотрудниками, то в доказательство этого ссылались между прочим и на меня; по словам их, даже я, несмотря на горячие к нему симпатии, не в состоянии был подчиниться его деспотической натуре. Все это чистой воды вздор» (Там же. С. 369). *Утин Борис Исаакович* (1832—1872) — юрист, профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре сравнительной истории положительных законодательств. Оставил университет в 1861 г. вместе с К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным, М. М. Стасюлевичем в знак протеста против политики университетской администрации во время студенческих волнений, в годы с 1856 по 1860 сотрудничал в изданиях Каткова (см. его публикации в справочнике: «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862): В 2 ч. Л., 1989—1999. Ч. 2. С. 38—39). *Благовещенский Николай Михайлович* (1821—1892) — историк римской литературы, профессор Санкт-Петербургского университета, позже — ректор Варшавского университета, его труды в «Русском вестнике» см.: Там же, ч. 1. С. 13.

⁵ То есть «Русскую речь», которую сами издатели иногда называли журналом (в ответном письме Тургенева будущее издание также — журнал). В то же время в «Объяснении» по поводу критических замечаний «Русского вестника» о программе «Русской речи» (см.: Московские ведомости. 1860. № 252, 19 ноября) Салиас, как и Феоктистов в письме, называет ее газетой. «Русская речь» издавалась с 1 января 1861 г. (выходила два раза в неделю) вначале под редакцией Евгения Тур, а с № 39 формально роль редактора перешла к Феоктистову. В декабре 1861 г. редакция «Русской речи» из-за недостатка подписчиков и оборотных средств вынуждена была пойти на слияние с еженедельной газетой «Московский вестник» (выходила с февраля 1859 г., издатель В. Рудаков, фактические совладельцы и руководители — Н. А. Основский, Н. Н. Воронцов-Вельяминов, А. Н. Плещеев, И. В. Павлов) и утратила самостоятельное значение. Подробнее, с указанием библиографии см. во вступ. статье к публикации (ч. 1, с. 144).

⁶ О Корше Евгении Федоровиче и его журнале «Атсеней» см. в 9-м примечании к письму от 26 сентября 1858 г. (№ 36). Тургенев, вспоминая появившиеся на страницах «Атсеня» статьи Я. И. Вейнберга «Сухой туман» и А. И. Кроненберга о Гайдне и Моцарте, писал Феоктистову: «Я уверен, что журнал у Вас пойдет хорошо; во всяком случае он не заснет, как „Атсеней“ — и не будет заниматься исключительно „сухими туманами“ и биографиями несмелких музыкантов» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 110, 492).

⁷ Ответ Тургенева на эти строки в письме от 19 (31) июля 1860 г.: «...я надеюсь доставить к Вам мою статью в конце осени. Только не „Кольцова и Бернс“. На это главная причина у меня та, что я бы не желал повторения истории с „Русским вестником“ — так как статья была обещана журналу — а не личности Хмельницкого; притом же „Кольцов и Бернс“ — даже не начат; следовательно — мне так же легко написать другую вещь» (Там же. С. 110). Хмельницкий Александр Иванович с конца 1859 до середины 1860 г. исполнял обязанности редактора ежемесячного журнала «Русское слово», с 1859 по 1862 г. издававшегося графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко (1831, в некоторых источниках 1832—1870). Анонс о статье «Кольцов и Бернс» в «Русском слове» появился на первой странице обложки третьего (мартовского) номера за 1860 г. (Там же. С. 491—492), но статья не была написана, хотя тема эта продолжала волновать Тургенева: см. его письмо к Вильяму Рольстону от 7 (19) октября 1866 г. (Там же. Т. 7. С. 67—69, 242—243, примечания М. П. Алексеева. С. 329; Т. 11 № 372, 376, 380).

⁸ «У меня бродят в голове разные планы; — писал в ответ Тургенев, — я еще не знаю, на чем я остановлюсь — но твердо надеюсь сдержать свое слово» (Там же. Т. 4. С. 110). Предложенная Феоктистовым тема (о пребывании Тургенева за границей) находит развитие в его письме от 20 октября 1860 г. (№ 39).

⁹ В первом номере «Русской речи» публикаций Тургенева нет. См. далее письмо от 20 октября 1860 г. (№ 39, 1-е примечание).

20 октября (1 ноября) 1860. Москва

Москва, 20 окт. 1860.

3 нояб.*

Милый Иван Сергеевич, — распечатывая это письмо, Вы можете быть уверены, что я буду говорить о статье Вашей, которая составляет здесь постоянный предмет наших разговоров, надежд и ожиданий.¹ Не думайте, впрочем, чтобы требования наши были огромны; для нас важно только, чтобы в одном из первых номеров была бы статья с подписью Вашего имени.² Надеемся — говорю за себя и за графиню, — что как скоро статья эта будет окончена, Вы не замедлите прислать ее. Так как из письма Вашего видно,³ что Вы намерены прочесть ее в парижском обществе литературного фонда, то нельзя ли будет кстати сообщить, что это за общество, когда и как оно составилось, когда и где происходило публичное чтение: обо всем этом мы сказали бы несколько слов в примечании.⁴ Князь Н. Орлов,⁵ которого я видел недавно в Петербурге, сказал мне,⁶ что статья Ваша будет называться: «О недостатках русских за границею», — правда ли это?

Вообще хорошо было бы, если бы в удовлетворение нашему любопытству Вы сообщили нам сами какие-нибудь сведения о том, чего мы можем ожидать от Вас и — главное — когда должны мы рассчитывать на получение статьи. Из нескольких писем моих к Вам⁷ Вы видите, до какой степени интересуется нас этот вопрос...

Что сказать Вам о происходящем здесь? Цензура также плоха и в Петербурге и в Москве — всюду апатия, равнодушие, от которых становится подчас тошно. В литературном мире не готовится, кажется, ничего замечательного; поговаривают, правда, о повести, которую Вы пишете,⁸ но на этот счет не могу передать Вам никаких достоверных известий. Мы, впрочем, поглощены мыслию о нашем журнале: неизвестно, будет ли успех, но статей много и некоторые весьма, весьма интересны. В «Русском вестнике» — новое несчастье: сотрудник его, Аполлон Григорьев, забрал деньги вперед и — скрылся!⁹ Что за поэтическая натура...

Сделайте великое одолжение, любезный Иван Сергеевич, в свободную минуту черкните несколько строк в ответ на те вопросы, которые я предлагаю Вам выше. С нетерпением будем ожидать их. Графиня повторяет Вам ту же самую просьбу и кланяется Вам точно так же, как и моя жена.¹⁰

Глубок<о> Вам предан<ный>

Ев. Феоктистов.

Как жаль, что, быть может, я долго не увижу Вас. Какие бы дивные подробности сообщил я Вам о моей теще,¹¹ которую Вы уже несколько знаете по моим рассказам. Я убежден, что теперь это — интереснейшая женщина в России.

* Так в автографе.

¹ Ответ Тургенева: «...мне остается повторить Вам уверение, что как только статья будет написана — а написана она будет скоро — она отправится к Вам. <...> Предмет этой статьи будет „Русские в Париже“, взятые, разумеется, если не с сатирической, то с критической точки зрения. К новому (нашему) году статья эта будет, по всей вероятности, у Вас в руках» (*Т. Письма*. (2-е изд.). Т. 4. С. 262, дата: 11 (23) ноября). По сведениям комментатора этого письма, статья о русских в Париже в печати не появилась (Там же. С. 597, 3-е примечание).

² Ср. с 9-м примечанием к письму Феокистова от 9 июля 1860 г. (№ 38).

³ Письмо Тургенева, отосланное, как видно, между 9 июля и 20 октября 1860 г., неизвестно.

⁴ На эти вопросы ответ последовал в письме Тургенева от 11 (23) ноября 1860 г.: «...общества литературного фонда в Париже вовсе нет — а я ее прочту перед здешним обществом для литературного фонда, т. е. для нашего Петербургского общества» (Там же. С. 262).

⁵ Князь Орлов Николай Алексеевич (1827—1885) — генерал-адъютант, дипломат: с 1859 г. — посланник в Бельгии, с 1869 г. — в Вене, с 1871 г. — в Лондоне, с 1871 по 1884 г. — в Париже, затем — Берлине. Перу Орлова принадлежит ряд военно-исторических и публицистических работ, соответствующих духу политики вел. кн. Константина Николаевича. Тургенев познакомился с Орловым скорее всего в конце 1856 г. в Париже. «Он мне чрезвычайно понравился; нечаянно его отрезвило — да и вообще — натура в нем высказывается хорошая. Вот поневоле воскликнешь: *Où la vertu va-t-elle se nicher!* <Куда только не забирается добродетель! — франц.>. — Он всю зиму пробудет здесь; мы, я надеюсь, будем видаться, — сообщил он 4 (16) января 1857 г. Герцену, который в ответном письме изъявил желание увидеть Орлова в Лондоне и познакомиться с ним (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 182; Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 70, 362). Феокистов, по его свидетельству, впервые встретился с Орловым в Париже, в период своей заграничной командировки (осень 1856—август 1858 г., см. 1-е примечание к письму от 26 сентября 1858 (№ 36)). Знакомство произошло в доме князя Николая Ивановича Трубецкого (1807—1874), дочь которого, по словам Феокистова, «только что» стала невестой Орлова» (*Феокистов*, С. 47—49). В свадебном торжестве 9 мая ст. ст. 1858 г. Тургенев принял участие в качестве шафера (письмо к В. П. Боткину от 13 (25) мая 1858 г. см.: *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 319, 596, 1-е примечание). О Тургеневе и семействе Трубецких-Орловых см. библиографию в кн.: Анненков. *Письма к И. С. Тургеневу*. 1. С. 430, 6-е примечание к письму от 14 (26) сентября 1864). Отношения Тургенева с другими членами семейства Орловых, завязавшиеся значительно раньше, с течением времени принимали разные формы. Отец Николая Алексеевича — генерал Алексей Федорович Орлов (1786—1861), граф, с 1855 г. князь — один из доверенных людей Николая I, с 1844 г. исполнявший обязанности шефа жандармов и главного начальника III Отделения — весной 1852 г., в канун ареста и ссылки Тургенева, читал императору доклад «О Тургеневе, Боткине и Феокистове» (см. 5-е примечание к письму от 24 марта 1852 г. (№ 18), а зимой 1853 г. подписал распоряжение о возвращении писателя в Петербург (см. примечание к воспоминаниям П. В. Анненкова «Молодость Тургенева. 1840—1856» в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. I. С. 452). Об откровенно неприязненном отношении Тургенева к А. Ф. Орлову см. в письме к Герцену от 12 (24) октября 1860 г. и в 5-м примечании к строке: *...говорят, Орлов опять встал на ноги...* (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 4. С. 248, 588). Еще ранее, в начале 1840-х гг., Тургенев был вхож в московский дом родного брата Алексея Федоровича Орлова, дядя Николая Орлова — опального героя войны 1812 г., участника восстания декабристов, генерала Орлова Михаила Федоровича (1788—1842) (см.: *Генералова Н. П.* О дате знакомства Тургенева и Фета // А. А. Фет и русская литература (XVI Фетовские чтения). Курск, 2002. С. 108). Этот дом свел Тургенева и с сыном Михаила Федоровича, двоюродным братом Николая Орлова — Николаем Михайловичем Орловым (1821—1886) (Там же. С. 108—110).

⁶ Ср. с 8-м примечанием к письму Феокистова от 9 (21) июля 1860 г. (№ 38).

⁷ В течение минувшего лета Феокистов неоднократно обращался к Тургеневу с просьбами прислать в «Русскую речь» какое-либо из своих произведений (см., например, письмо от 9 июля 1860 г. (№ 38)).

⁸ Феокистов имел в виду роман «Отцы и дети», замысленный Тургеневым в августе 1860 г. в английском городке Вентнор на острове Уайт (см. его статью «По поводу „Отцов и детей“»). 30 сентября (12 октября) 1860 г. он писал Анненкову из Парижа: «План моей новой повести готов до малейших подробностей — и я жажду за нее приняться. Что-то выйдет — не знаю, но Боткин, который находится здесь... весьма одобряет мысль, которая положена в основание. Хотелось бы кончить эту штуку к весне, к апрелю месяцу, и самому привезти ее в Рос-

сию» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 244). 1 (13) октября Тургенев обратился к Панасву с просьбой не называть его имени среди сотрудников «Современника» и не анонсировать его произведений, так как ничего готового у него нет, а только что начатая им «большая вещь» «уже назначена в „Русский вестник“» (Там же. С. 245).

⁹ На это известие Тургенев откликнулся в духе своего давнего отношения к Аполлону Григорьеву: «Выходка Григорьева меня не удивляет — но, признаюсь, меня удивляет доверие Каткова к нему. Правда, говорят, конь о четырех ногах и то спотыкается» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 262—263, дата: 11 (23) ноября 1860 г.). Григорьев был приглашен в «Русский вестник» в июле 1860 г., но, по признанию критика, статьи его в журнале не печатались, как и рецензируемые и одобренные им рукописи, что в конечном счете предопределило его уход из журнала (см.: Там же. С. 597, 5-с примечание).

¹⁰ Урожд. Беклмишева Софья Александровна.

¹¹ Из письма Тургенева Феоктистову от 11 (23) ноября 1860 г.: «Тип Вашей тещи, вероятно, отличный; но и здесь попадаются превосходные. Тут живет недавно овдовевшая г-жа Шеншина; это — в своем роде — феномен. Я должен был повозиться с нею — и ничего подобного не встречал! А встречал я много замечательного в этом роде» (Там же. С. 263). О нраве Шеншиной месяцем ранее Тургенев рассказал Герцену: «...Шеншин (А. А.) три дня тому назад умер от удара. <...> Вдова его (довольно противная барыня — между нами) кричит, пищит, плачет, клянется в любви к покойному мужу, но не верит или притворяется, что не верит, что сын — его — и что он мог иметь какую-нибудь серьезную связь, когда, еще за три дня до своей смерти, он, прибавляет она, „клялся у моих ног и восклицал: О Викторина!“» и т. д. (Там же. С. 248, письмо от 12 (24) октября). Из следующего письма Герцену: «...она безумствует, бранится, лжет, плачет, падает в обморок, — словом, ломается» (Там же. С. 252, письмо от 23 октября (4 ноября) 1860 г.). Яркий портрет женщины «эмансипё» — Шеншиной Викторины Ильиничны (жены своего знакомого Шеншина Александра Александровича) Тургенев набросал также в письме к Е. Я. Колбасину от 12 (24) ноября 1860 г., который в свою очередь резко охарактеризовал эту даму в январском письме 1861 г. (Там же. С. 598).

40

28 ноября (10 декабря) 1860. Москва

Москва, 1860. нояб. 28 (ст. ст.).

Почтеннейший Иван Сергеевич, несколько дней тому назад получил я Ваше письмо, но не мог отвечать, занятый семейными делами. 18 ноября жена моя родила сына. Я бы пригласил Вас порадоваться этому, если бы сам был точно уверен, что подобное событие заслуживает радости. К несчастью, на этот счет существует у меня много сомнений, и потому я ограничиваюсь только простым извещением.

Искренно благодарим Вас за обещанную статью: «Русские в Париже» и повторяем нашу просьбу о скорейшем доставлении ее.¹ Этим Вы окажете нам дружескую услугу, которой мы никогда не забудем. Подписка на наш журнал открылась и — даже против наших собственных ожиданий — идет весьма порядочно. Быть может, многим мы обязаны «Русскому вестнику», который по поводу нашего будущего журнала произвел *скандал*, принесший нам только пользу. Вы читали, конечно, наше объявление.² «Русский вестник» увидал в нем нечто иное, как протест против него, — протест не от нашего только имени, но от имени всех наших сотрудников, и разразился против этого объявления статьею, помещенною в 20-й его книжке.³ Без всякого самообольщения, без малейшей самоуверенности могу сказать Вам, что выходка эта произвела впечатление, в высшей степени невыгод-

ное для «Русского вестника». Не было человека, который не выражал бы ему своего негодования; даже ревностнейшие его приверженцы потупили глаза. Мы воспользовались этим случаем, чтобы написать ответ ⁴ в самых скромных и умеренных выражениях, где только ограничились простым и ясным изложением дела. В этом ответе мы доказали «Русскому» вестнику, что он не имеет никакого основания говорить, будто бы некоторые нежеланные им лица смотрели на наше объявление одинаковыми с ним глазами. Мы имели на то право от самих поименованных «Русским» вестником» лиц. Все почти стали на нашу сторону; говорю почти, ибо исключение нужно сделать только в пользу Капустина.⁵ Соловьев прислал нам самое радушное письмо, но более всего ожесточился в нашу пользу Буслаев,⁶ который давал нам право объявить печатно, что, по мнению его, «Русский» вестник» прибег «к подъяческой придирке самого сутяжнического свойства». Нечего говорить, что мы не воспользовались этим правом. Ответ наш помещен в 252 № «Московских» ведомостей». Во всем этом споре было упомянуто Ваше имя и вот каким образом. «Русский вестник», говоря о том, что Вы обещали нам свое сотрудничество, заметил, будто бы Ваше имя «стало непременною принадлежностью всех журнальных объявлений». Сделано это было, разумеется, с целью намекнуть публике, что хотя имя Ваше стоит у нас, но статей Ваших в нашем журнале публика не увидит. В оправдание свое мы должны были заметить, что, «поставивши себе правилом не гоняться за именами, мы поставили г-на» Тургенева в числе наших сотрудников только потому, что, согласно его обещанию, один из его трудов появится в следующем году на страницах «Русской речи»». ⁷ Вот и всё.

Всё это гадко, мизерно, но что же Вы хотите! Дали ли мы хоть какое-нибудь право «Русскому» вестнику» писать против нас филиппику. Сочувствие, оказанное нам всеми, показывает, что мы вовлечены были в эту глупую историю совершенно против нашей воли и желания.

Нечего и говорить, что мы сочтем обязанностью доставлять Вам наш журнал в Париж. Не беспокойтесь — Вы будете его получать аккуратно.⁸

В заключении, обращаюсь к Вам опять от имени графини, от имени** незнакомого Вам, кажется, Вызинского⁹ и других постоянных членов нашей редакции (не говоря уже о себе), с убедительнейшею просьбою и мольбою не забывать нашего издания. Ради Бога, доставьте, по мере возможности, поскорее, Вашу статью.¹⁰ Не будет пределов нашей радости, когда, наконец, она очутится в наших руках.

Позвольте пожать Вам руку. При свидании, засвидетельствуйте мое почтение княгине Трубецкой.

Ваш весь Е. Феоктис<тов>.

¹ Обещанную, но так и не представленную Тургеневым в «Русскую речь» статью (в данном контексте — «Русские в Париже»), переговоры о которой шли в течение июня—ноября 1860 г. (см. письма № 38, 39), а затем — января—апреля 1861 г. (№ 41, 42, 43).

² Программа «Русской речи» («Объявление об издании г-жею Евгениею Тур в 1861 г. газеты „Русская речь. Обзорение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России“») появилась на отдельном листе, в виде приложения к «Московским ведомо-

* Далее начато: пи<сать>

** Фраза: от имени — вписана.

стям» от 30 октября 1860 г. (№ 235). На смену предшествующему периоду, когда общественную жизнь определяли два направления — западничество и славянофильство, писала Евг. Тур, пришло новое плодотворное («благотельное») направление, в основе которого лежит сознание необходимости развития самостоятельности общества и самостоятельных общественных интересов. Но и это направление, по ее мнению, не избежало многих крайностей. Суть этих крайностей выразилась прежде всего в стремлении подвести все разнообразие мнений под один масштаб, в нетерпимости ко всякому убеждению, не соответствующему этому масштабу. Следствием все более обостряющейся нетерпимости, по мнению Евг. Тур, явилось крайнее раздробление сил в той сфере, где можно добиться успеха только на основе «строгого согласия». Исходя из сложившейся ситуации, она сформулировала главную цель своей газеты: «Издание наше будет служить, по мере сил, органом соглашения для всех людей, желающих постепенного и правильного прогресса в России. Не допуская никаких резких крайностей, никакого доктринерства, проникнутое убеждением в необходимости всестороннего, самостоятельного развития общественных интересов <...> наше издание никогда не изменит одному великому правилу: оно не забудет, что уважение к постороннему мнению, уважение к праву каждого из людей, стремящихся вместе с нами к одной общей цели, мыслить независимо есть главное основание настоящей свободы суждений». Идея единения всех литературных сил, способных служить делу «постепенного и мирного прогресса русского общества», по мнению Евг. Тур, как нельзя лучше отвечает общественным потребностям, а следовательно, и задачам нового издания. В заключение она отметила, что ученые и писатели, обещавшие деятельное и постоянное участие в ее газете (их алфавитный перечень завершает «Объявление...», в этом перечне назван, в частности, Тургенев), именно так понимают современные потребности и разделяют те идеи и задачи, которые положены в основу ее программы.

³ См.: <Без подписи>. Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн 2. С. 431—434. В программе «Русской речи» (в «Объяснении») она демонстративно называется: «одна газета», «новое издание») Катков усмотрел противостояние своему журналу. В характеристике «благотельного» направления, которое тем не менее не избежало крайностей и вследствие своей нетерпимости ведет журналистику и литературу к раздроблению (см. 2-е примечание), он увидел намек на «Русский вестник», а стремление Евг. Тур собрать вокруг своего издания сотрудников-единомышленников объяснил желанием поставить под свое знамя всех, кто якобы противостоит его журналу. «Новая газета растрояет широко ворота для гонимых писателей, не находящихся себе нигде места вследствие нетерпимости, которая господствует в нашей литературе, — писал он. — К сожалению, редакция не ограничилась общим заявлением, а представила довольно длинный список ученых и литераторов, в качестве своих постоянных и деятельных сотрудников, давая знать, что эти многочисленные сотрудники именно и суть те гонимые писатели, которые ищут себе убежище» (Там же. С. 432). Анализируя список постоянных сотрудников «Русской речи», Катков заявил, что многие из названных в нем персон (С. М. Соловьев, А. Д. Галахов, Ф. И. Буслаев, М. И. Сухомлинов, Н. С. Тихонравов и проч.) не могут быть зачислены в ряды «протестантов», поскольку уже сотрудничают в «Русском вестнике». Не будучи знакомы с программой новой газеты, эти ученые и литераторы с недоумением восприняли («высказанный в ней взгляд на современную русскую литературу»: «Они не знали о взглядах редакции на современное положение русской литературы, не знали ее программы и не представляли себе, что в ней будет написано, когда, на вежливое приглашение участвовать в новом издании, они отвечали с приличною вежливостью. <...> Они не ясно понимают мысль, высказанную в программе, и еще менее понимают, почему заставили их явиться с каким-то протестом против какой-то неведомой им нетерпимости. Они не находятся в обязательных отношениях ни к какому журналу, а статьи их от времени до времени появляются в разных периодических изданиях» (Там же. С. 432). Анненков в письме к Тургеневу от 25 ноября 1860 г. расценил выступление Каткова против «бывшего подчиненного Тура» как факт конкурентной борьбы за сотрудников: «Литер[атурные] скандалы узрите сами <...>. Какие занятия, какие дела! А особенно Катков, этот Зевс, шелкающий кедровые орешки, как простая потаскушка, являет зрелище поучительное. Он борется с Тур за Буслаева, Соловьева, но преимущественно за Галахова, которого Тур назвал своим сотрудником» (Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. [М.,] 1934. Вып. 3. С. 106).

⁴ См.: Тур. Евг. Объяснение // Московские ведомости. 1860. 19 ноября, № 252. Литературный отдел. С. 2000—2001 (под текстом: Москва, 17-го ноября, 1860). Евгения Тур заявила, что, составляя программу «Русской речи», не стремилась сообщить ей «характер какого-нибудь личного, а тем менее <...> коллективного протеста» против «Русского вестника» и имела в ви-

ду лишь ту «непреложную последовательность», с которой этот журнал проводит свое направление. «Мы думаем, что при настоящем состоянии нашей литературы и нашего общества, — писала Евг. Тур — журналы могут быть с равной, если не с большою пользою терпимее и уступчивее в своих направлениях». Приглашенные же в «Русскую речь» ученые и литераторы, по ее свидетельству, поддержали главную идею заявленной программы — «служить средою соединения, нейтральной почвою, на которой могли бы сходиться писатели, разнящиеся между собою в частных взглядах». См. 7-е примечание.

⁵ О Михаиле Николаевиче Капустине см. письмо Феокистова от 26 сентября 1858 г. (№ 36, 2-е примечание). Весной 1860 г. Капустин не порвал с «Русским вестником», подобно Салиасу, Вызинскому, Благовещенскому и др. (см. письмо Феокистова от 9 июля 1860 г. (№ 38), 4-е примечание), и вскоре был введен в состав его редакции. В «Объяснении» Катков, перечисляя ученых и литераторов, по его мнению безосновательно включенных в список сотрудников «Русской речи», писал: «В списке упомянут, например, М. Н. Капустин, который принадлежит не только к сотрудникам, но и к самой редакции „Русского вестника“» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн. 2. С. 433). Именно этими обстоятельствами объясняется реплика Евг. Тура в сторону Капустина: «Что же касается г. Капустина, то надо полагать, что он, как член редакции „Русского вестника“, заявляет нам свое мнение вместе с нею и чрез нее в упомянутой статье. Может быть, действительно, было с нашей стороны неосторожно, что, пожившись на приятельские отношения и словесное объяснение, мы не сочли необходимым предварительно сообщить ему программу до ее напечатания. Но мы думаем, что, зная нас давно и близко, он не сочтет нас способными злоупотреблять его именем для какой-либо демонстрации, могущей поставить его в „фальшивое положение“. Прибавим также, что, получивши от него обещание доставить нам статью, мы несколько не думали видеть в нем нашего *исключительного* сотрудника, ибо он не только сотрудник, но, как оказывается теперь, даже член редакции „Русского вестника“» (Тур Евг. . Объяснение // Московские ведомости. 1860. № 252. 19 ноября, Литературный отдел. С. 2001). Далее см. упоминание Капустина в письме Феокистова от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

⁶ О Соловьеве Сергее Михайловиче см. в письмах Феокистова (ч. I) от 30—31 марта (№ 5) и 17 сентября 1851 г. (№ 10), справку о нем см. в 5-м примечании к письму № 5 (с. 171—172); *Буслав Федор Иванович* (1818—1897) — языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства; с 1847 г. преподаватель Московского университета, экстраординарный (1850), затем ординарный профессор (1859), академик Петербургской АН (1860). Ученый широких интересов, он систематически сотрудничал в периодических изданиях («Москвитянин», «Русский вестник», «Атеней», «Отечественные записки» и др.). Подробнее см.: *Смирнов С. В.* Буслав Федор Иванович... // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 373—374. Катков, объясняясь с Евгением Туром, выразил недоумение по поводу того, что эти ученые были введены в список сотрудников «Русской речи»: «С. М. Соловьев, А. Д. Галахов и Ф. И. Буслав, связанные с нами давнишнюю приятелью и заготовляющие нам статьи для будущего года, не могут, как сказано в программе <«Русской речи». — Э. Г.>, быть постоянными и деятельными сотрудниками новой газеты» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. № 10, октябрь. Отд. Современная летопись, кн. 2. С. 433). Буслав, как и Соловьев (см. письмо от 26 января 1861 г., № 41), печатался в «Русской речи», к примеру, см. его статью «Похожение бега в женской богадельне. Для истории московских нравов конца XVII века» (Русская речь. 1861. 19 февраля, № 15. С. 229—233).

⁷ В «Объяснении» (см. 3-е примечание к данному письму) Катков, заявил, что постоянный сотрудник его журнала Тургенев, подобно другим его сотрудникам, подтвердил готовность в следующем году прислать в редакцию свое новое произведение. При этом Катков намекал, что в список сотрудников «Русской речи» Тургенев введен формально, то есть без предварительного ознакомления с ее программой, без обязательства представить к определенному сроку конкретное произведение: «Что касается до И. С. Тургенева, чье популярное имя стало непременно принадлежностью всякого рода программ, то он недавно писал нам из Парижа, где теперь находится, об обширном предпринятом им труде, который надеется окончить и выслать в редакцию „Русского вестника“ к февралю или марту будущего года» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн. 2. С. 433). По поводу обвинения в том, что список ученых и литераторов, общавших «Русской речи» «деятельное и постоянное участие», был сформирован без предварительного ознакомления с текстом ее программы, Евгения Тур заметила: Катков назвал лишь сотрудников, близких связанных с «Русским вестником» или общавших ему свои труды. Перечисляя поименно

каждого из этого списка, она пояснила, что часть из них получила объяснительную записку и реакция на нее («положительные обещания», «указания» на труды, предназначенные для «Русской речи») стала основанием для включения этих сотрудников в программу «Русской речи». Петербуржцам записку не сумели доставить. Что же касается остальных, то «Русский вестник» «нас успел, вероятно, узнать мнение о программе нашей двух из них: г. Георгиевский живет в Одессе, а г. Тургенев находится теперь в Париже». К строке о Тургеневе Салиас в подстрочнике дала сноску: «Что касается до г. Тургенева, „Русский вестник“ иронически замечает, будто бы его имя сделалось необходимою принадлежностью всех журнальных объявлений. На основании принятого нами правила не гонятся только за именами, мы поместили его в числе сотрудников, потому что один [из] его трудов появится в следующем году на страницах „Русской речи“» (Московские ведомости. 1860. № 252. 19 ноября. С. 2001).

⁸ Реакция на просьбу Тургенева, выраженную им в письме Фсоктистову от 11 (23) ноября 1860 г.: «Мне бы очень было приятно, если бы я мог получать здесь Ваш журнал» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 262). В начале следующего года Тургенев заметил в письме к Дружинину (заведующему литературным отделом в журнале «Вск»), что «Русская речь» систематически присылается на его парижский счет: «...везде раздаются похвалы вашему „Вску“: сделайте одолжение, пришлите (и присылайте мне) сюда — на мой счет, разумеется — этот журнал так, как Макаров мне присылал „Искру“ — и как мне присылается „Русская речь“» (Там же. С. 286, письмо от 18 (30) января 1861 г.). Далес — 1-с примечание к письму от 26 января 1861 г. (№ 41).

⁹ О Генрихе Вызинском см. во вступ. статье к публикации (с. 143—144, ч. 1), в письмах от 26 сентября 1858 (№ 36), 9 июля 1860 г. (№ 38) и в примечаниях к ним.

¹⁰ См. 1-с примечание к данному письму.

41

26 января (7 февраля) 1861. Москва

Москва, 26 января.

Аккуратно ли получаете Вы, почтеннейший Иван Сергеевич, «Русскую речь»?¹ С моей стороны сделаны были, по крайней мере, все распоряжения для того, чтобы она верно доставлялась Вам. Как Вы находите ее? Мы сами сознаем, что она страдает несколько недостатком живости, но есть ли возможность придать живость газете, которая не имеет Полит<ического> Обозр<ения>.² Теперь мы много хлопочем о том, чтобы добиться его. По крайней мере, у нас большой запас статей о новейшей истории России. Недавно Вы прочли, вероятно, статью Соловьева о Бестужева-Рюмине (их будет всех — четыре).³ А в №, который печатается теперь, явится статья: переписка Петра Великого с Екатериною,⁴ на основании вновь открытых документов, представляющих необыкновенный интерес. Сделайте одолжение, выскажите откровенно, без церемоний, Ваше мнение в следующем же письме.

Теперь начну Вас мучить просьбою. Вы были так добры, что обещали к Новому году прислать нам статью Вашу, а до сих пор мы еще не имеем ее.⁵ Вы понимаете, между тем, как было бы важно для нас иметь Ваше имя на страницах нашей газеты. Не забудьте, что дело идет о судьбе нашего журнала, а следовательно, и о нашей судьбе, ибо на издание это положено весьма много. Неужели, ради старинной нашей приязни, Вы* не захотите содействовать нам в столь критическую минуту. А между тем статьи известных авторов нам иметь необходимо теперь, когда подписка — в самом

* Далее начато: рспни<тесь>

разгаре, и когда каждый день может произвести в этом важную перемену. Неужели же Вы не услышите нашей просьбы, и не захотите помочь нам.⁶ Говорю Вам это и от имени графини, которая поручила мне просить Вас, как только можно. Сделайте одолжение, не поленитесь отвечать мне двумя словами, когда именно можем мы получить Вашу статью. С нетерпением будем все ожидать Вашего ответа.

Не пишу Вам более, ибо измучен работою. Позвольте же крепко пожать Вам руку и пожелать всего лучшего.

Весь Ваш Е.Феоктис<тов>.

Год уточняется по содержанию письма (первые номера «Русской речи» вышли в 1861 г.), а также по соответствию его предшествующим письмам. На правом поле рукой неустановленного лица карандашная помета: 1861.

¹ 1 (13) февраля 1861 г. Тургенев ответил: «...я получил несколько №-в „Русской речи“, <...> которые прочел с удовольствием» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 291). Через две недели, в письме к Анненкову, сообщив о скором завершении статьи для «Века», Тургенев с иронией заметил по поводу «Русской речи»: «Самого журнала <то есть «Века». — *Ред.*> я еще не получил; зато „Русская речь“ является с остревенелой аккуратностью» (Там же. С. 293—294, письмо от 15 (27) февраля 1861 г.).

² В следующем письме от 15 февраля 1861 г. (№ 42) Феоктистов сообщил, что с марта в их издании появится политическое обозрение (развитие этой темы см. в 10-м примечании к указ. письму).

³ Ответ Тургенева: «В „Русской речи“ особенно понравились мне статья о раскольниках и статья Соловьева о Бестужеве. Хороша также статья графини о романе Авдсева. Я его не читал — но верю ей на слово» (Там же. С. 292). Тургенев имел в виду следующие январские публикации «Русской речи» за 1861 г.: <*Есинов Г. В.*> Раскольничье дело в XVIII веке (№ 5 от 15 января. С. 69—72; подпись: Г. Е.); *Соловьев С. М.* Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (статья 1, № 4 от 12 января. С. 53—60); *Тур Евг.* По поводу последней повести г-на Авдсева: «Подводный камень» (№ 6 от 19 января. С. 84—89).

⁴ Две части статьи А. Афанасьева «Переписка Петра Великого с Екатериною» появились в 9-м и 10-м номерах «Русской речи» за 1861 г. — от 29 января (ч. I, с. 133—136) и от 2 февраля (ч. II, с. 149—153).

⁵ С этой же просьбой к Тургеневу, как свидетельствует его письмо к Феоктистову от 1 (13) февраля 1861 г., обратилась и Салиас: «Графиня желает получить скорей от меня статью — и я готов исполнить ее требование; но должен сказать несколько предварительных слов. / Я теперь занят работою, которая принимает большие размеры, чем я предполагал — и решительно не чувствую в себе возможности заняться чем-нибудь другим, тем более, что мне не удаются небольшие, быстро написанные статейки (зри «Атеней», «Московский вестник» и т. п.). То, что я намерен просить в пользу Литературного фонда, не только не готово: первого слова еще не написано. <...> Спешу заметить, что „Русские в Париже“ во всяком случае назначаются Вам; но прочту я эту статейку месяца через полтора — не раньше — на нашей Святой» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 291—292). О статье «Русские в Париже» — в предшествующих письмах (№ 38 — 40) и далее — от 15 февраля 1861 г. (№ 42).

⁶ Поскольку статья «Русские в Париже» даже не была начата, Тургенев в письме от 1 (13) февраля 1861 г. предложил редакции «Русской речи» главу из романа «Отцы и дети»: «...остается следующее предложение, которое также сопряжено с некоторыми затруднениями <...>. А именно: я могу Вам прислать для „Русской речи“ отдельную главу романа, над которым я теперь сижу; глава эта представляет нечто вроде самостоятельного целого — но для этого — „there's the rub“ <вот в чем загвоздка — *англ.*> — необходимо согласие Каткова — а может быть, ни графиня, ни Вы не желаете входить с ним в сношения. Как бы это ни было, я смо напишу об этом — а Вы, пожалуйста, дайте мне тотчас знать Ваше решение. Надеюсь, что он не станет делать затруднений — так как это повредить „Русскому вестнику“ никак не может. <...> Глава эта перешлетя немедленно к Вам, как только я получу Ваше согласие и согласие Каткова» (Там же. С. 291—292). Далее см. письмо от 15 февраля 1861 г. (№ 42) и 2-е примечание к нему.

15 (27) февраля 1861. Москва

Москва. $\frac{15}{27}$ февраля 1860.

Любезнейший Иван Сергеевич, в самый день получения Вашего письма¹ спешу отвечать Вам. Ответ, впрочем, Вы должны знать заранее. Лишь только прочел я графине о предложении Вашем прислать одну главу из романа,² как* оно встречено было с восторгом. Нужно ли говорить, что и я с своей стороны считаю это** истинным счастьем для «Рус<ской> речи». Всё зависит, следственно, от одного — не сделает ли каких препятствий Катков. В сущности, мы не понимаем, почему Вам нужно его разрешение. Вероятно, Вы не заключали с ним никаких условий, а просто обещали ему свой роман, — почему же, без его согласия, Вы не можете распорядиться *одною* главою этого романа? Впрочем, это Ваше дело, а мы, с своей стороны, должны только искренно желать, чтобы Катков и Леонтьев не придрались еще раз к удобному случаю сделать нам неприятность. К несчастью, едва ли можно рассчитывать на их благородство в этом отношении. Увы! в последнее время мы имели случай хорошо узнать этих господ.³ Вы говорите, что помещение одной главы не повредит, кажется, «Русскому вестнику». Не правда ли? Вероятно, то же самое скажет всякий беспристрастный человек — но Вы не принимаете в соображение, что ненависть их к нам не знает пределов. Как же можно не воспользоваться удобным случаем и не уверить Вас, что помещение *одной* главы погубит «Р<усский> вестник»! Разумеется, я первый был бы в восторге, если бы догадки мои не сбылись. Вы говорите очень справедливо, что самим нам не захочется вступать в переговоры с Катковым, и потому всё зависит от Вашего письма к нему.⁴ Если, к счастью нашему, Катков не сделает никаких затруднений, ради Бога, доставьте немедленно главу, о которой Вы говорите.⁵ Будем ждать ее с крайним нетерпением, утешая себя мыслью, что авось всё устроится хорошо. От имени графини и от своего собственного благодарю Вас искренно за Ваше любезное предложение.⁶

Так как нам вовсе неизвестно, что решит Катков, ради Бога, не полнитесь и не замедлите уведомить меня об этом, хотя двумя словами.

Я не понял одного места в Вашем письме. Вы говорите, что «об вознаграждении, разумеется, не может быть и речи». Мне кажется, напротив, что речь должна быть непременно об этом, и потому прошу Вас убедительно уведомить, сколько именно Вы берете за лист в «Рус<ском> вестнике»: 400, 450 р<ублей> с<еребром> или более.⁷ Графиня просит меня сказать Вам, что Вы не захотите, вероятно, оскорбить ее, не сказавши настоящей цены, условленной между Вами и Катковым. Цена эта будет нашею.

Не знаю, как благодарить Вас за то, что статья «Русские в Париже» значается для нашего журнала.⁸

* Далее начато: это

** Фраза: считаю это — вписана.

Очень рад, что Вы нашли несколько интересных статей в «Р<усской> речи». Мы имеем в запасе много других, касающихся петровского времени. Особенно одна из них — «Алексей Лампадчик»⁹ — в высшей степени интересна. Боремся теперь за нее с цензурою.

Наконец, сообщу Вам приятную для нас новость. Мы получаем разрешение* на Политич<еское> обзор<ение>. В марте оно начнется.¹⁰

Здесь только и говорят, что об освобождении крестьян. Ждут манифеста, который будет написан, по слухам, 19 февр<аля>, но обнаружится только в марте, в начале поста.¹¹ Боятся за масляницу и неизбежные с нею буйства. В городах принимаются, кажется, меры на случай могущих произойти беспокойств: кабаки на некоторое время будут закрыты, а по улицам будут беспрерывно разъезжать патрули с заряженными ружьями.

Вы понимаете, с каким нетерпением будем ожидать мы Вашего письма и надеюсь, что Вы не оставите нас долго без вести. Стоит ли говорить, как бы мы обрадовались, если бы письмо Ваше пришло вместе с главою романа!

Дружески жму Вам руку. Жена моя и графиня много Вам кланяются.
Душевно Вам преданный

Ев. Феокистов.

Ошибочно указанный Феокистовым год корректируется по содержанию публикуемого письма (основные темы его — глава из романа «Отцы и дети», грядущий манифест 19 февраля 1861 г.), а также по созвучию с предшествующими и последующим письмами. Над авторской датой рукой неустановленного лица карандашная помета: 1861.

¹ Имеется в виду парижское письмо Тургенева от 1 (13) февраля 1861 г.

² Речь идет о главе из романа «Отцы и дети» (см. письмо Феокистова от 26 марта 1861 г. (№ 41) и 6-е примечание к нему). Завершение этой темы — в следующем письме от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

³ Также: ... что ненависть их к нам не знает предела. — Намек на конфликты Евгении Тур, Вызинского и др. с Катковым, сопровождавшиеся скандальными объяснениями на страницах прессы и разрывом с «Русским вестником» (см. примечания к публикуемым письмам от 9 июля (№ 38) и от 28 ноября (№ 40) 1860 г.).

⁴ Письмо Тургенева к Каткову с просьбой дать согласие на публикацию в «Русской речи» главы из романа «Отцы и дети», как и ответное письмо Каткова — неизвестны.

⁵ 8 (20) марта 1861 г. Тургенев сообщил Феокистову: «... я получил от Каткова разрешение поместить главу моего романа в „Русской речи“, но с тем, чтобы эту главу выслать лично ему — а вы уже от него ее получите, с примечанием, что это дескать отрывок из романа, написанного для „Русского вестника“ и т. д. Я полагаю, что Вы согласитесь на эту уступку, и вследствие этого я сегодня же выслал Каткову эту главу — а Вы уже войдите в сообщение с ним, опираясь на извещение, полученное Вами от меня» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 301). Чуть позже, возможно, предупредая недовольство со стороны Дружинина, Тургенев посвятил его в суть своих переговоров с редакцией «Русской речи» и Катковым: «Я должен был уступить настояниям „Русской речи“ — и, с согласия Каткова, дать ей одну главу из романа, над которым теперь тружусь; но пусть это Вас не смущает: постоянным сотрудником я буду только Вашим, за это я Вам ручаюсь» (Там же. С. 305, дата: 14 (26) марта). Далее см. письмо от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

⁶ «Я нахожу, что для нас было бы огромный шанс на успех иметь вашу главу из романа...», — писала Салиас 14 февраля 1861 г. Тургеневу, не скрывая при этом недоумения по поводу его намерения испросить у Каткова позволения на публикацию в другом издании главы из собственного романа (Там же. С. 623).

* Вместо: Мы получаем разрешение — было: Мы получаем, наконец, разрешение

⁷ Вопрос о гонораре Тургенев разрешил в письме к Феоктистову от 8 марта 1861 г. (Там же. С. 301).

⁸ См. 5-е примечание к письму Феоктистова от 26 января (№ 41) и письмо от 8 апреля (№ 43) 1861 г.

⁹ Перечень понравившихся Тургеневу статей в «Русской речи» см. в 3-м примечании к письму от 26 января 1861 г. (№ 41). Статья Г. В. Есипова «Алексей Лампадчик. Эпизод 1704—1720» появилась в 18-м номере «Русской речи» от 2 марта 1861 г. (с. 277—282; подпись: Есипов Г.).

¹⁰ Разрешение на политическое обозрение цензурное ведомство обусловило необходимость смены редактора «Русской речи». Учитывая требования цензуры, Салиас вынуждена была передать роль официального редактора Феоктистову, фактически продолжая руководить изданием. О реорганизации газеты читатели были оповещены в 38-м номере «Русской речи» от 11 мая 1861 г. В объявлении («От редакции») сообщалось, что «Русская речь» объединяется с «журналом» «Московский вестник» под новым названием: «Русская речь и Московский вестник». «Существенная перемена для „Русской речи“ от такого соединения, — говорилось в объявлении, — состоит в том, что она будет пользоваться отныне отделом „Политического обозрения“». И далее: «Вследствие соединения двух журналов, с правом пользоваться им „Политическим обозрением“, г-жа Евгения Тур отстранилась от ответственности за издание „Русской речи и Московского вестника“. Общая редакция переходит от нее таким образом в руки одного из сотрудников „Русской речи“, г. Феоктистова». Эти изменения в издании, как заверялось в объявлении, не повлекут за собою изменений ни в его направлении, ни в составе сотрудников, однако некоторые из сотрудников примут на себя новые обязательства: Евгения Тур возглавит отдел литературы и критики, Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов — отдел истории литературы и народности (русской и западной), К. К. Герц — изящных искусств, Феоктистов, отвечая за общую редакцию, в то же время будет вести политический отдел. Тридцать девятый номер газеты от 14 мая 1861 г. вышел под новым названием: «Русская речь и Московский вестник. Литература, политика, история, искусство и общественная жизнь на Западе и в России». Программа номера открывалась отделом «Политика», под номером стояла фамилия нового редактора — Е. Феоктистов. См. также: Письма Огарева к Е. В. Салиас де Турнемир / Публикации Б. Козьмина // Герцен и Огарев. М., 1953. Кн. I. С. 803. (Лит. наследство. Т. 61. В 2 тн. М., 1953—1955).

¹¹ 19 февраля (ст. ст.) 1861 г. Александр II подписал манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, а также положения и правила, регулирующие процесс их приобретения к новым правам и отношениям с помещиками — владельцами земель. В целях незамедлительного оповещения населения о реформе текст манифеста был обнародован вначале в С.-Петербурге и Москве 5 марта (ст. ст.), в воскресенье (читался в церквях, рассылался по домам). На следующий день типографски отпечатанные тексты законопроекта об освобождении крестьян и сопутствующие ему документы поступили в продажу, но только в Москве и Петербурге, в виду невозможности в масштабах всей страны разом технически решить эту задачу. В то же время в губернии (с новыми указами) выехали генералы императорской свиты и флигель-адъютанты для содействия местной администрации в делах их обнародования и практического претворения; затем курьеры по мере напечатания документов доставили их губернским начальникам для отсылки во все помещичьи имения и сельские крестьянские общества. В «Русской речи» текст манифеста (с информацией о порядке его распространения) появился 9 и 10 марта (№ 19, 20) 1861 г. В канун ратификации манифеста, 15 (21) февраля 1861 г., Тургенев писал Анненкову: «Когда мое письмо к Вам дойдет, вероятно, уже великий указ — указ, ставший царя на такую высокую и прекрасную ступень, — выйдет. О, если бы Вы имели благую мысль известить меня об этом телеграммой. Но во всяком случае, я твердо надеюсь, что Вы найдете время описать мне Вашим энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день. Я ужасно на себя досаую, что я раньше не попросил Вас о телеграмме» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 293). Описание Петербурга накануне объявления манифеста, а затем и дня 5 марта Анненков выслал Тургеневу в письмах от 26 февраля (10 марта) и 6 (18) марта 1861 г. (последнее с припиской: «Посылаю манифест») (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 101—104). В последующих посланиях в Париж Анненков продолжил разговор на темы, связанные с Манифестом и Положением (там же. С. 105—107). Отвечая Феоктистову, Тургенев обратился к нему со словами: «...известия, пришедшие из России, потрясли меня всего, хотя я этого давно ожидал» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 302; дата: 8 (20) марта 1861 г.). Описание молебна в парижской церкви по поводу освобождения

дения крестьян с участием Н. И. Тургенева, декабриста кн. Волконского и др. Тургенев (в письме Дружинину) завершил строками: «Все друг другу пожимали руки и громко хвалили и превозносили царя. Дай Бог ему здоровья и силы продолжать начатое!» (там же. С. 305, дата: 14 (26) марта).

8 (20) апреля 1861. Москва

Москва, 8 апреля, 1861 г.

Любезнейший Иван Сергеевич, графиня, которая чувствует себя не совсем здоровою в последнее время, просит меня уведомить Вас поскорее о главе из романа, присланной Вами для нашего журнала.¹ Мы очень хорошо понимаем, что Вы, с своей стороны, сделали для нас всё, что можно; мы не сомневаемся нисколько в Вашем дружеском к нам расположении — приславши нам то, чем Вы могли располагать в настоящую минуту, что у Вас было готово, Вы показали, как много желаете нам добра. Не Ваша вина, конечно, что Катков сделал Вам такие условия: прислать главу не прямо к нам, а к нему, а он сам напишет заметку и великодушно дозволит нам всё это напечатать.² Графиня была весьма неприятно удивлена, как Катков мог сделать предложение такого рода. Во всем этом проглядывало с его стороны что-то очень нехорошее — или мелкое самолюбие, или какие-то преувеличенные меркантильные опасения, как будто бы напечатание одной главы могло повредить в его журнале всему роману. Как бы то ни было — но еще задолго до присылки главы редакция «Русского вестника» сочла не лишним распускать здесь слухи о своем великодушии, заставляющем ее дозволить нам напечатание Вашего отрывка. Всё это показалось графине столь удивительным для нее, что она дала такой ответ редакции «Русского вестника», когда та доставила ей главу романа: графиня сказала, что не желает иметь дел подобного рода с Катковым, что не хочет, ради милости, из его рук принимать что-нибудь, что она желала и желает иметь дело прямо с Вами³ и не понимает, почему тут являются посредниками люди, от которых она ничего не просила и которые ей неприятны.⁴ Доказательство, как хорошо редакция «Русского вестника» понимает неловкость своей проделки, состоит в том, что привозивший главу Капустин, выслушав ответ графини, сказал ей: «сказать по правде, Ваше положение действительно странно, и будь я на Вашем месте, я поступил бы именно так, как поступаете Вы». — Очевидно, следовательно, что сама редакция «Русского вестника» не находит ничего неестественного в образе действий графини. —

Теперь, что касается до Вас, любезнейший Иван Сергеевич, то — повторяю — Вы сделали для нас, всё, что могли сделать. Не можем же мы требовать, чтобы Вы, занятые уже одною большою работою, написали нам, нарочно, и именно в эту минуту, какое-нибудь произведение. Но мы не оставляем надежды, что когда будет написана статья Ваша «о Русских за границею» — или что-нибудь другое⁵ — Вы вспомните о нашем журнале. Графиня просит меня сказать Вам, что она сильно на Вас рассчитывает в этом отношении. Что бы Вы нам не дали, мы будем искренно и глубоко Вам благодарны.

Быть может, Вам уже писал кто-нибудь, что вы<ве>денные из терпения неистовствами цензуры литераторы решились подать о ней просьбу на Высочайшее имя. Просьба и докладная записка по этому предмету составлена здесь, в Москве, Катковым, и всё дело в том, будет ли она принята петербургскими литераторами.⁶

Вчера узнал я, что И. Аксаков получил право издавать политическую и литературную газету.⁷

До свидания, любезнейший Иван Сергеевич, — говорю: до свидания, ибо, по слухам, Вы должны скоро возвратиться в Россию.⁸

Душевно Вам преданный

Ев. Феокистов.

¹ Речь идет о главе из романа «Отцы и дети», которую Тургенев предназначал для публикации в «Русской речи». См. об этих переговорах в 6-м примечании к письму Феокистова от 26 января (№ 41) и 2, 5, 6-м примечаниях к письму от 15 февраля (№ 42) 1861 г.

² Об условиях Каткова — в 5-м примечании к письму от 15 февраля 1861 г. (№ 42).

³ В итоге глава из романа «Отцы и дети» в «Русской речи» не была напечатана. О рукописи её, соответствующей XII и XIII главам окончательного текста (под заглавием: «Отрывок из романа „Отцы и дети“. Глава двенадцатая»), с редакционным примечанием Каткова см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 7. С. 418.

⁴ Также: ...*привозивший главу Капустин...* — С момента разрыва с «Русским вестником» Салиас относилась к Капустину, не пожелавшему присоединиться к группе «восставших» против Каткова сотрудников, как к ренегату, см. письмо от 28 ноября 1860 г. (№ 40) и 5-е примечание к нему.

⁵ О переговорах Феокистова по поводу публикации в «Русской речи» задуманной, но не написанной статьи Тургенева о русских за границей», см. в письмах от 22 октября (№ 39), 28 ноября 1860 (№ 40), 26 января 1 (№ 41), 15 февраля 1861 г. (№ 42).

⁶ См.: *Лемке Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. Главы III и IV (текст коллективного письма литераторов Москвы и Петербурга на с. 59—82).

⁷ Первый номер газеты «День» Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886) вышел 15 октября 1861 г. Предпринимая газету, Аксаков надеялся, что среди её сотрудников будет Тургенев. Он неоднократно напоминал ему о ранее данном обещании доставлять информацию о положении крестьян в провинции, о конкретных мерах по освобождению крепостных в собственных имениях, см. письмо Тургенева к И. С. Аксакову от 8 (20) ноября 1861 г. и 2-е примечание к нему (*Т. Письма. (2-е изд.)*). Т. 4. С. 379, 662—663).

⁸ Тургенев приехал в Петербург 30 апреля 1861 г. и пробыл там по 5 мая. Оттуда он выехал в Москву (6—7 мая), затем через Тулу проследовал в Спасское (9 мая—29 августа), далее его маршруты и их хронологию см. по «Указателю мест пребывания И. С. Тургенева с 1859 по 1861 год» (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4. С. 684).

24 декабря 1861 (5 января 1862). Москва

Москва, 24 декаб. (ст. ст.) 1861 г.

Любезнейший Иван Сергеевич, — берусь за перо, чтобы искренно поблагодарить Вас за участие, которое Вы приняли в жене моей¹ во время пребывания ее в Париже. Она говорит, что совершенно потерялась бы без Вас и сошла бы с ума от скуки. Зная ее характер, я вполне этому верю и тем более ценю Вашу любезность и внимательность к ней. Вы были, вероятно, удивлены странностью этого путешествия, этого мимолетного появления в Париже, — но что делать! Молодость имеет права, которые принадлежат

только ей, и жизнь красна именно только уклонениями от установленного порядка.

Не стану говорить Вам о том, что делается здесь, ибо новостей весьма немного, да и те ограничиваются только разговорами и слухами. В последние дни уверяют положительно, что Головнин назначен министром народного просвещения вместо Путятина, который получает совершенно подходящее ему место обер-Прокурора Синода.² Вы знаете Головнина, вероятно, и поэтому можете судить, в какой степени хорошо его назначение:³ сколько я слышал о нем, мне кажется, что это превосходный выбор.*⁴ — Затем говорят много о происходящих в нынешнем году во многих губерниях дворянских выборах: по слухам, тульское дворянство хочет представить адрес о созвании земского собора из всех сословий. Требование это едва ли будет хорошо принято, ибо когда недавно Аксаков коснулся того же вопроса в своем «Дне», то этот № журнала был остановлен и только после больших хлопот пущен был снова в публику.⁵

В заключение поздравляю Вас с новым годом со всевозможными добрыми пожеланиями. При свидании не забудьте поклониться от меня Василию Петровичу,⁶ о котором мне приятно было получить известие от моей жены. Еще раз благодарю Вас искренно, остаюсь всегда Вам преданный

Ев<гений> Феокистов.

Жена Вам много кланяется. На днях она высылает Вам карточку свою, к которой приложит и письмо.⁷ Она в отчаянии, что забыла Вашу визитную карточку в Париже, и просит Вас убедительно, если Вы хотите быть любезным до конца, выслать ее в Москву. Адрес наш всё тот же: на Садовой, у Ермолая, д<ом> Волоцкой. Не правда ли, она может ожидать этого подарка?

¹ См. 10-е примечание к письму от 20 октября 1860 г. (№ 39).

² 25 декабря 1861 г. Александр II подписал приказ о назначении Головнина Александра Васильевича (1821—1886) управляющим Министерством народного просвещения (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 287, 29 декабря), в декабре 1862 г. он был назначен министром народного просвещения и оставался на этом посту по 14 апреля 1866 г. Предшественник Головнина — Путятин Ефим (Евфимий) Васильевич (1803 или 1806—1883), граф, дипломат, адмирал — возглавлял Министерство народного просвещения не более полугода (по 20 декабря 1861 г.), так как принужден был подать в отставку под давлением общественности, выражавшей недовольство его политикой, прежде всего в области университетского образования. С 1861 г. — член Государственного совета. Предположения о новом назначении Путятинна, как видно, были обусловлены его репутацией глубоко религиозного человека. Из дневника Никитенко: «Был поутру у Плетнева. Он рассказывал мне о том, как был выбран в министры Путятин. Митрополит Филарет рекомендовал его как религиознейшего человека. Императрица, плененная рассказами о благочестии и набожности графа, забыла, что для министра необходимы еще и другие качества, и начала сильно настаивать у государя о назначении его на место Ковалевского. Разумеется, к этому присоединились и другие члены камарильи <...> государь отдался этой интриге, — и вот Путятин сделан министром, к стыду правительства, ко вреду России и к своему собственному позору» (Никитенко, II. С. 237, запись от 3 ноября 1861).

³ Знакомство Тургенева с Головниным восходило к 1840-м гг., когда они вместе служили в Министерстве внутренних дел, в Особенной канцелярии министра, возглавляемой В. И. Далем (*Летопись (1818—1858)*. С. 82). Служебный опыт этих лет стал одним из источников антикрепостнических настроений Головнина (см.: *Громов В. А. Тургенев в «Записках» А. В. Головнина // Тургеневский сборник. Л., 1967. Вып. 3. С. 220*) и определил закономерность его

* Было: превосходное назначение.

сближения с либерально настроенным окружением всл. кн. Константина Николаевича (партия константиновцев — кн. Н. А. Орлов и др.). 13 (25) января 1862 г. Тургенев писал А. И. Герцсуну: «Первые известия о Головнине довольно хороши; что будет дальше?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 5. С. 8). В эти же дни в письме к П. В. Анненкову он в том же духе сформулировал свои размышления по поводу нового министра: «Итак Головнин — министр... Посмотрим — подержит ли он свою прежнюю репутацию...» (Там же. С. 10, дата письма: середина января ст. ст. 1862 г.). В ответ Анненков, имея в виду первые шаги Головнина на новом поприще (формирование комитета для обсуждения цензурных установлений, позволение печатать публичные, частные лекции профессорам временно закрытого Университета), оценил его как умного и добросовестного человека, «но вообще говоря — экспедиант <полезное — от франц. *expédient*> и уловка в соединении с желанием настоящей пользы и добра составляют, как кажется, основные черты его характера. Эта двойственность проглядывает во всем <...>. Может быть, только при соединении изворотливости и дела и есть возможность какой-либо постройки в России — помоги ему Бог: теперь он нужный человек сверху и очень популярный внизу» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 118, 391).

⁴ Феокистов вскоре (пересел в Петербург в 1862 г.) предстояла служба в Министерстве народного просвещения в качестве чиновника особых поручений при Головнине. Новому министру его рекомендовал Н. А. Орлов, по убеждению которого, Головнин «был человек чрезвычайно умный, просвещенный, либерального образа мыслей и оказывавший благотворное влияние на в. к. Константина Николаевича» (*Феокистов*. С. 128). Однако личные впечатления Феокистова, вынесенные им из четырехлетнего сотрудничества с министром, совпали скорее с характеристикой Б. Н. Чичерина, который, узнав о назначении Головнина на пост управляющего Министерством народного просвещения, дал ему следующую «аттестацию»: «Его считают человеком очень умным и коварным, а по-моему он человек честный и небольшого ума, усидчивый и трудолюбивый, упорный, но до крайности узкий и педант» (*Чичерин*. С. 156). Историю отношений с Головинным и его словесный портрет Феокистов воспроизвел в 4-й главе своих воспоминаний.

⁵ В конце января 1862 г. Анненков сообщил Тургеневу: «Каждое появление „Дня“ Аксакова производит у нас омрачение голов и мозговое волнение. Успех колоссальный. Этот человек живет у нас на особых правах. Он поставил себя так, что исправлять его статьи нет возможности, а надо их запрещать все целиком, поэтому они все целиком и являются» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 118, дата: 26 января (7 февраля)). Дворянские выборы проходили в конце 1861 — начале 1862 г., программы их заседаний (собраний) и содержание обращенных к правительству адресов провоцировались объективной необходимостью нового жизнеустройства, стремлением к самоопределению в сложившейся общественной ситуации. В цитированном выше письме Анненков иронически охарактеризовал как вскоре начавшуюся в русской прессе полемику о дворянстве и его общественном назначении («День», «Наше время», «Русский вестник», «Северная почта»), так и «адреса» дворянских собраний: «...нынешние „Дворянские собрания“, из которых одни не видят более пользы числиться дворянством, а другие, напротив, думают, что кроме дворян — ничему быть не следует на земле. Оба мнения однако же из этой среды участвуют *всуге* в составлении адресов прав<ительст>ву, где косвенно и туманно поговаривают, не высказываясь, о чем-таком, что на конституцию не похоже, но может быть принято за нарек об ней (Московский, Смоленский, Петербургский) адреса» (Там же. С. 118, также 5-е и 6-е примечания к письму). См. об этих тенденциях в общественной жизни начала 1860-х гг. в книге: *Кутаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX века). Горький, 1974. С. 17—27; о значении Земского собора в понимании И. Аксакова — с. 30—36; о газете «День» и цензуре — с. 45—48.

⁶ Приветствие Феокистова предназначалось Василию Петровичу Боткину, проживавшему осенью и зимой 1861 г. в Париже (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 175 и др.). Письма Тургенева — своеобразная хроника его парижских встреч с Боткиным. Из письма к Каткову от 1 (13) октября 1861 г.: «...я желал предупредить Вас, что, вследствие полученного мною письма от Анненкова и замечаний Боткина, которому я здесь читал мою повесть, — переделки в „Отцах и детях“ будут значительнее, чем я предполагал...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 375), И. П. Борисову от 11 (23) декабря 1861 г.: «Я здесь вижу Боткина...» (там же. С. 390), А. А. Фету от 26 декабря 1861 г. (7 января 1862): «Боткин здравствует, даст квартетные утра, жалуется на глаза и сет гигантски», и далее: «Боткин сегодня был у меня...» (там же. С. 395).

⁷ Письмо неизвестно.

ФЕДОР СОЛОГУБ НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1878—1889 ГОДОВ

Публикация Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой

Федор Сологуб (наст. имя и фам.: Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) — один из крупнейших русских поэтов конца XIX—первой трети XX в. и один из наиболее плодовитых стихотворцев. При его жизни было издано 18 оригинальных сборников и несколько томов стихов в собраниях сочинений. Большое количество стихотворений, опубликованных в периодических изданиях, поэт не включил в книги. За пятьдесят лет творческой биографии с 1877 по 1927 г. он написал немногим менее четырех тысяч поэтических произведений, около половины из них при его жизни напечатаны не были. В одном из писем 1915 г. к А. А. Измайлову Ф. Сологуб как-то обмолвился: «Стихов пишу больше, чем нужно для людей, и в этом несчастье мое»;¹ в 1927 г. он сообщал В. В. Вересаеву: «Я всегда писал много стихов, иногда более двухсот пьес в год, и в старых дневниках еще и теперь нахожу погребенные там груды рифмованных строк...».²

Первая обширная публикация неизданных стихотворений Ф. Сологуба состоялась через полвека после его смерти — в составе издания: *Федор Сологуб. Стихотворения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Л., 1975* (Библиотека поэта; Большая серия). В этот том вошло более ста неизданных текстов.

Освоение поэтического наследия Ф. Сологуба было продолжено в публикациях, осуществленных в 1989—1993 гг.³ и в издании, подготовленном Г. Пауэр в филологической серии «*Slavistische Beiträge*» (Bd. 245): *Федор Сологуб. Неизданное и несобранное* (Мюнхен, 1989); около трехсот ранее неизвестных стихотворений вошло в сборник статей и материалов «Неиз-

¹ Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 198.

² РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, № 394.

³ См.: Из стихотворений 1920-х годов / Публикация А. В. Лаврова // Дружба народов. 1989. № 1. С. 164—168; Стихи последних лет / Публикация М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 2. С. 172—182; «Преклоняйся пред судьбою...» / Публикация А. В. Лаврова // Наше наследие. 1989. № 3. С. 118; Цикл «Из дневника»: (Неизданные стихотворения) / Публикация М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 109—159.

данный Федор Сологуб» (М.: Новое литературное обозрение, 1997), составленный на основе архива писателя, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома.⁴

Названные публикации отнюдь не исчерпали всего корпуса неизданных текстов. Более тысячи стихотворений 1878—1927 гг. все еще остаются «погребенными» в архиве поэта — в подготовленных им «Материалах к полному собранию стихотворений». Эта обширная часть его литературного наследия являет собой уникальный памятник творческой лаборатории большого художника, свидетельствует о его ответственном отношении к поэтическому дару, а также о глубоком исследовательском интересе к развитию русской поэзии и феномену поэтического слова.

«Материалы к полному собранию стихотворений» составляют шесть папок: ф. 289, оп. 1, № 1—6. Единицы хранения № 2—6 представляют собой папки с авторизованной машинописью стихотворений, расположенных в алфавитном порядке первой строки — от «А» до «Я», со сквозной авторской нумерацией (от 1 до 2049); на отдельных листах зафиксирована восстановительная правка, позволяющая воспроизвести предшествующие редакции и варианты. Значительная часть текстов представлена в нескольких машинописных экземплярах. Иногда эти копии содержат варианты и другие редакции текста, но, как правило, в качестве самостоятельных версий в авторской нумерации не учитываются, а помечены добавочными литерами (а, б, в и т. д.). В отдельных случаях машинописные листы заменены страницами из опубликованных книг стихов, в единичных случаях — вырезками из повременных изданий и автографами.

Единица хранения № 1 содержит два комплекта машинописных текстов, расположенных в алфавитном порядке первой строки (в большинстве случаев с авторской правкой), без копий, с авторской пагинацией (от «А» до «Ч» — 394 листа, от «А» до «О» — 277 листов); эти материалы предназначались для перепечатки с учетом воспроизведения редакций и вариантов текстов и дальнейшего включения в основной корпус (№ 2—6). Помимо этого, машинописные тексты стихотворений представлены в единицах хранения № 7 (42 листа авторской пагинации), № 10-а (181 лист, из них 35 листов — переводы), № 24-а (цикл «Анастасия», 25 листов; содержит варианты машинописных текстов основного корпуса).

Собрание автографов стихотворений Ф. Сологуба 1882—1927 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1) составляют единицы хранения № 8—38. Рукописное собрание сохранилось не полностью, утрачены автографы стихотворений 1877—1881 и 1924 гг., из произведений 1882 г. имеются только отрывки и черновые наброски поэмы «Одиночество». Значительные лакуны существуют в рукописях 1883—1889, 1918, 1919 гг.

Автографы расположены в хронологической последовательности и пронумерованы автором. Как правило, датированы отдельные стихи и строфы. Завершенные стихотворения расположены по последней зафиксированной дате; произведения, которые автор считал незавершенными, отнесены на начальную дату написания. Большая часть рукописей представляет собой вырванные из тетрадей листы, на которых в подбор в

⁴ См.: *Сологуб Федор*. Нсизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Вступительная статья, публикация и комментарии М. М. Павловой // Нсизданный Федор Сологуб. С. 7—188.

хронологической последовательности и со сквозной нумерацией в пределах каждой тетради записывались стихотворения. В тексты вносились правки, а затем стихотворение переписывалось на отдельный лист (в дальнейшем оно могло также подвергаться изменениям). Стихотворения 1926—1927 гг. сохранились в цельных тетрадях.

На полях рукописей имеются авторские маргиналии и пометы о передаче текстов для публикации в издательства и в повременные издания. В отдельных случаях автографы подписаны псевдонимами или криптонимами. Верхний слой автографа, как правило, соответствует нижнему, исходному слою текста машинописи.

Одновременно с «Материалами...» поэт вел авторскую библиографическую картотеку стихотворений (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 545—547): в алфавите первой строки (картотека 1) и в хронологической последовательности текстов (картотека 2). В авторской библиографии он последовательно сохранял разделы ненапечатанных текстов (в алфавитном и хронологическом каталоге стихотворений). Работу над «Материалами к полному собранию стихотворений» Ф. Сологуб продолжал на протяжении всей творческой жизни.⁵

В данную подборку включены все выявленные законченные неопубликованные поэтические произведения Ф. Сологуба 1878—1889 гг., а также отдельные стихотворные тексты, реконструированные по черновым наброскам. Они составляют приблизительно пятую часть всего корпуса его неизданных стихотворений. Большинство из них, по-видимому, поэт не предполагал когда-либо напечатать — вследствие их юношеской наивности, художественной незрелости или незавершенности. Однако для исследователей поэтического творчества Ф. Сологуба и истории русской поэзии первые стихотворные опыты выдающегося мастера представляют несомненный интерес. Они дают богатый материал для изучения его поэтической «генетики», творческой эволюции, особенностей индивидуальной манеры, позволяют «навести мосты» между рифмованными строчками Феди Тетерникова и лирикой Федора Сологуба, а также его современников и предшественников.

Поэтический дебют Ф. Сологуба состоялся в 1884 г.: в журнале «Весна» (№ 4. 28 января) было напечатано его стихотворение «Лисица и Еж», подписанное: *Те-рников*. Еще два стихотворения были опубликованы после пятилетнего перерыва, в 1889 г., в еженедельнике «Свет»: «Детское пенье» («Я слушаю детское пенье...») (№ 120. 28 мая; подпись: *Ф. Тетерников*) и «Я полюбил. Мечтою чистой...» (№ 138. 20 июня). Систематически на страницах периодики имя Ф. Тетерникова стало появляться с 1890 г.

Публикуемые стихотворения (221) были написаны в годы обучения поэта в Санкт-Петербургском учительском институте (1878—1882) и в период его учительской службы в провинции: в Крестцах Новгородской губернии (1885—1884) и Великих Луках (1885—1889). Их численность приближает к реальности наше представление об интенсивности версификаторских упражнений и его раннем творчестве в целом. Многие тексты

⁵ Материалы авторской библиографии Ф. Сологуба были использованы нами в издании: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; Под ред. М. М. Павловой. М., 2004.

содержат бытовые и жанровые зарисовки, сюжеты из повседневной жизни и рассказы об интимных переживаниях юного Ф. Сологуба, вносят дополнительные штрихи в уже известные обстоятельства биографии и тем самым расширяют наши знания о молодых годах поэта.

Тексты печатаются по оригиналам в хронологической последовательности их написания. Стихотворения датированы на основании данных, содержащихся в автографах, авторизованных машинописных копиях (машинописях) и в авторской библиографической картотеке. Разночтения в датировках оговариваются в примечаниях. Если картотека фиксирует более ранние даты написания, чем те, которые указаны в источнике текста, они приводятся под стихотворением безоговорочно; если картотека указывает на более поздние даты написания текста, не зафиксированные в автографах и машинописях, — они приводятся в примечаниях. Топографические сведения воспроизводятся под датой, сокращенные названия раскрываются без редакторских скобок.

Для творческой манеры Ф. Сологуба характерно многократное обращение к тексту произведения. Поэт стремился сохранять все имевшиеся варианты строк и учитывал все самостоятельные редакции и варианты. Как правило, первоначальный автограф правился и переписывался, потом перепечатывался на машинке. В машинописный текст поэт вновь вносил исправления и затем воспроизводил его набело по верхнему слою. Приблизительно треть текстов в «Материалах к полному собранию стихотворений» содержит восстановительную правку, фиксирующую предшествующие варианты и редакции текста.

В данную публикацию включены все самостоятельные редакции стихотворений (редакции поэм в подборку не вошли вследствие их большого объема). В корпусе текстов за 1878—1889 гг. самостоятельные редакции выделяются преимущественно по двум признакам: по наличию существенных изменений в семантике текста (сюда отнесены и случаи переадресовки); по объему построчной правки, превышающему 50 % текста (формальная правка, не повлекшая существенных изменений в содержании текста, не учитывалась). Редакции стихотворений с одной авторской датировкой помещены под одним номером с дополнительными литерами «а, б, в...». Стихотворения, имеющие опубликованные редакции, а также редакции с несовпадающими датировками, отмечены астериском (*).

В примечаниях содержатся: текстологическое указание «Печ. по...», то есть сведение о местоположении автографа в основном собрании (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 1—38) — единица хранения и лист; далее приводятся варианты заглавия, первого стиха библиографической картотеки, разночтения в датах автографа, машинописи и картотеки, варианты текста, датировки отдельных строф и стихов автографа и машинописи, авторские пометы с указанием источника (автограф, машинопись, картотека). Сокращенные написания фамилий лиц, названий газет, журналов, альманахов и издательств в авторских пометах раскрываются без редакторских скобок, когда их прочтение не вызывает сомнений (сокращенные написания на автографах, машинописях и карточках вариативны).

При комментировании стихотворных текстов особое внимание уделялось биографическим мотивам и реалиям, толкование которых требует

специальных разысканий. Исторические персонажи и события, мифологические и литературные герои и сюжеты прокомментированы избирательно, преимущественно в тех случаях, когда без пояснений было бы невозможно выявить неочевидный смысл текста. Комментарий к реальным лицам, встречающимся в текстах Ф. Сологуба, дается при первом их упоминании. Сведения, сообщенные в авторских пометах, требующие пояснений, комментируются при первом их упоминании, в том числе сведения об отсылке текста для несостоявшейся публикации в те или иные издания. В отдельных случаях приводятся коннотации поэтических текстов Ф. Сологуба со стихотворениями русских поэтов (некоторые из них выявлены И. С. Тимченко).

Все стихотворные произведения печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации (за исключением немногих случаев, когда исправление могло привести к нарушению художественной целостности текста), с сохранением отдельных особенностей авторской пунктуации.

Список принятых сокращений:

- АМ* — *Сологуб Федор*. Алый мак. Книга стихов. М.: Московское книгоиздательство, 1917.
- БВ* — газета «Биржевые ведомости» (Санкт-Петербург).
- БП* — *Сологуб Федор*. Стихотворения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Л.: Сов. писатель, 1979 (Библиотека поэта. Большая серия); переиздание: СПб.: Академический проект, 2000 (Новая Библиотека поэта).
- Ежегодник* — *Сологуб Федор*. Цикл «Из Дневника» (неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Академический проект, 1993. С. 109—159.
- ЖО* — журнал «Живописное обозрение» (Санкт-Петербург).
- ИМ* — журнал «Иллюстрированный мир» (Санкт-Петербург).
- Канва* — *Сологуб Федор*. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 250—260.
- КД* — *Сологуб Федор*. Костер дорожный. Пг.: Творчество, 1922.
- КН* — журнал «Книжки Недели» (Санкт-Петербург).
- НС* — *Сологуб Федор*. Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 7—179.
- ПЖ* — газета «Петербургская жизнь» (Санкт-Петербург).
- ПК 1908* — *Сологуб Федор*. Пламенный круг. Стихи, книга восьмая. М.: Изд-е журнала «Золотое руно», 1908.
- ПК 1922* — *Сологуб Федор*. Пламенный круг. Стихи. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.
- Пауэр* — *Сологуб Федор*. Неизданное и несобранное. Сост. Г. Пауэр. München, 1989. («Slavistische Beiträge». Bd. 245).
- СВ* — журнал «Северный вестник» (Санкт-Петербург).
- ССС I, V, IX, XIII, XVII* — *Сологуб Федор*. Собрание сочинений: В 20 т. СПб.: Сирин, 1913—1914: Т I: Лазурные горы. Стихи (СПб., 1913); Т. V: Восхождения. Стихи (СПб., 1913); Т. IX: Змеинные очи. Стихи

- (СПб., 1914); Т. XIII: Жемчужные светила (СПб., 1913); Т. XVII: Очарования земли. Стихи 1913 года (СПб., 1914).
- ССт.* — *Сологуб Федор*. Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903 г. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1904.
- ССШ I, V, IX* — *Сологуб Федор*. Собрание сочинений: В 12 т. СПб.: Шиповник, 1909—1911: Т. I (СПб., 1909); Т. V (СПб., 1910); Т. IX (СПб., 1910).
- Ст. I* — *Сологуб Федор*. Стихи. Книга первая. СПб., 1896.
- Тени* — *Сологуб Федор*. Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.
- Черносвитова* — *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Публ. М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 221—249.

ФЕДОР СОЛОГУБ
НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1878—1889 годов

1878

1

Льются по комнате звуки рояли,
А под окошком шарманка визжит.
Барыня с барышней морщиться стали.
— Бросить монетку, — пускай замолчит! —

Музыкой стали опять наслаждаться,
И со двора уж шарманщик ушел.
Ведь над шарманкою станет смеяться
Даже и тот, кто не глуп и не зол.

Ну, а об том, кто с шарманкой блуждает,
Чтобы голодных детей воспитать,
Кто из хороших господ вспоминает?
Им нищеты никогда не понять.

21 апреля 1878

2

Стой, солнце, и не двигайся!
Одумайся, родимая страна!
Ты язвами покрыта вся.
Или тебе погибель не страшна?

Взгляни в поля, родимая,
И посмотри на гибнущий народ:
В поту, как вол, работая,
Он падает под бременем невзгод.

Встречая лишь презрение
За свой страдальческий и скорбный труд,
Толпы народа нищего
К последнему пристанищу идут.

Ослеплена страна великая
Хвалебным дымом радостных побед
И жалкими заплатами
Чинит кой-как ошибки прежних лет.

4 июня 1878

3

СОН

Я видел сон: волшебная, святая,
С прелестною поникшей головой,
Каким-то тайным недугом страдая,
Она неслася предо мной.

Тяжелый острый меч в руках прелестной
Обильно кровью вражьей обогрен,
И девы взор пленительный, небесный
Немой враждою притуплен.

Давя в ногах беспомощные силы,
Оковами врага себя сковав,
И на чело подъяв печать могилы,
Спешит, путь гибельный избрав.

Под гром восторженных рукоплесканий
Спешит к бездонной пропасти она,
И перед ней полна воспоминаний,
Победами опьянена.

Я видел язвы ран глубоких, знойных,
Я на нее с презрением посмотрел,
Но, заглянувши в сердце девы стройной,
О заблужденье пожалел.

20 июня 1878

4

Ну, тащися, сивка,
Улицею грязной!
Мы с тобой наездимся
В этот день осенний.
Еще рано. Хмурится
Небо сизой тучею.
Непролазной грязи
Всюду видны лужи.
Скучно в эту непогодь!
Ну, тащися, сивка!
Вместе мы с тобою
Бьемся из-за едева.
Мне глядеть невесело
На заборы длинные,
На дома угрюмые,

На людей нахмуренных.
Слушать мне невесело
Ветра вой осеннего.
Шум дождя немолчного.
Ну, тащися, сивка!
Поднялись мы с сивкою
Рано-рано до свету,
И собирать отправились
Мы с тобою денежки.
Ну, и протаскаемся
Мы до поздней ночи,
И домой воротимся
Впроголодь, усталые.
Накормлю тебя я
Скудною едою,
Да водою мутною
Напою сивку.

21 октября 1878

5

К ГОСПОДУ БОГУ

В подвале, где плесень сырая
Покрыла стены и свод,
Девочка больная
Мать свою ждет,

Вздыхает,
И грустно глядит на окно,
Что в темном подвале мерцает,
Как светлое в тучах пятно.

Девочка мечтает
Про волю, счастье и свет,
Про все, что далеко блуждает,
Чего здесь нет.

Бог знает, есть ли где, нет ли, —
Ей трудно и больно дышать.
Скрипнули ржавые петли,
Вернулась усталая мать.

Весь день в работе томилась
Она тоской,
А вечером торопилась
К дочке больной.

И дочь улыбнулась, сказала: «Милая,
Мама моя!
Заем ты унылая?
Была я больная, хилая,
Умру, — буду счастлива я!

Ты, мама, работаешь много,
И ты будешь больна;
Но есть другая дорога,
К богатству приводит она.

Соседка вчера мне сказала:
„Красавица может всегда,
Лишь только б она пожелала,
Пожить без забот и труда”.

А ты красивая, мама,
Не знать бы тяжелых работ,
Жить бы, как знатная дама,
Жить бы, как царица живет!

Зачем работою
Себя томить?
Умру я, — простишь с заботою,
Чтоб весело горе забыть!»

И вдруг, травка, косой подкошенная,
Упала дочь,
Стояла безмолвная мать, утомленная.
Темнела осенняя ночь.

Крепла дума унылая,
А дочь лепетала в бреду:
«Не плачь, мама! не плачь, милая!
Я к Господу иду!»

7 ноября 1878

1879

6

Каждый год неукоснимо
Повторяет это мать:
Воскового херувима
С освященной вербы снять,

И сказать мне улыбаясь:
— Раздевайся и ложись! —
И стегать меня, стараясь,
Чтобы слезы полились.

Тот обряд она свершает
В понедельник на Страстной,
И, смеясь, повторяет
Те же шутки надо мной:

— Верба бела, бей до тела,
Верба хлест, стегай до слёз,

Чтоб учился и за дело
Принялся молокосос!

3 апреля 1879

7

Новому Году навстречу
Я посылаю проклятья:
Смело бросались в сечу
Прежде свободные братья,

Смело сражались за счастье,
Славу, и честь, и свободу,
Но непонятною властью
Скованы руки народу,

И пропадают усилья,
Гибнут могучие люди,
Стонут в сознание бессилья
Все благородные груди.

20 декабря 1879

1880

8

АПОСТОЛУ

Где нужнее здоровые силы,
Где нужней молодая любовь,
Там найдешь ты, апостол, могилу,
Там прольешь ты горячую кровь.

Ты с глубокою верою в Бога
И с надеждою выйдешь в свой путь.
Настрадается сильно и много
Эта любвеобильная грудь,

И в душе, обливаемой кровью,
Оборвется тогда не одна,
Прозвучавшая вечной любовью,
Беспредельной любовью, струна.

Но над трупом твоим охладелым
Много крови прольется и слез.
Не умрет над безжизненным телом
Роковой и великий вопрос.

Чрез туманы и бури сияя
В продолжение многих веков,
Пока ходит земля молодая
В мириадах небесных миров,

Не исчезнет твой образ прекрасный,
Он в народных сердцах оживет,
И на подвиг святой и опасный
Молодые сердца призовет.

26 февраля 1880

9

Что же, муза ты обманная,
Не сама ль ты, богоданная,
Напевала, помнишь, мне
О святом твоём огне,
Об огне твоём живительном
И волшебном-упоительном!
Где же твой небесный жар?
Что же твой роскошный дар?
Истомила ты, проклятая,
Обещаньями богатая,
Душу страстию сожгла,
Рой мечтаний привела,
И смеешься ты, прелестная,
Ты, развратница небесная!

12 марта 1880

10

...Как дитя,
Ты углов боишься темных.
Вся ясна ты и светла,
Лучезарной красотою
И невинностью мила.
Все в тебе так чародейно
И ласкает, и манит:
Бело-трепетные плечи,
Алость нежная ланит,
И коралловые губы,
И лазурные глаза.
С головы, как смоль чернея,
Вьется пышная коса.

23 марта 1880

11

ВЕНЧАНИЕ

Перед налоем в час венчанья
Жених с невестой молодой.
Она вся вера и молитва,
А он холодный и немой.
Невинным взором упованья
Она на лик Христа глядит,

А у него на сердце битва
Не умолкает и кипит.

Она невинностью прелестной
И детской радостью полна,
А у него на сердце злоба
Встает, как мощная волна.
Исполнен радостью небесной,
Пред нею новый мир встает,
А он холодной тени гроба,
Покая вечного он ждет.

Он сердце, полное страданий,
Отравы полное, принес
На тот алтарь, что так прекрасно
Ты убрала венками роз.
Молитвы светлых упований,
Молитвы детской чистоты,
Поверь, возносишь ты напрасно
К престолу вечной красоты.

Любви и счастья ты не встретишь,
А он, холоден и угрюм,
Он изнемог под ношей темной
Невыносимо-тяжких дум.
В чертах безжизненных заметишь
Ты призрак счастья своего,
Его же горе так огромно,
Что не тебе целить его.

25 марта 1880

12

В моем кармане смялась пачка папиросок.
Не в том беда, а в том, что их сыскала мать.
Допрос недолгий был, потом две связки розог,
Раздела догола и начала стегать.

— Еще мальчишка ты, тебе вредит куренье, —
Учила так меня, — Не смей курить, сынок. —
И долго длилось жестокое сеченье,
И долго проливался слез моих поток.

И наставления так ласково звучали,
А розга каждая меня жестоко жгла,
И часто в воздух пятки голые взлетали, —
Так бился я, что мать смеяться начала.

И наконец-то высекла, и отпустила,
Сказала мне она: — Смотри же, не дури!
Тебя слегка сегодня только поучила,
Жестоко выдеру, лишь только закури! —

Но к табаку совсем уж нет во мне влечения,
На папиросы стыдно мне теперь глядеть.
Не стоят эти папиросы, чтоб мученье
Такое мне за них опять пришлось терпеть.

11 апреля 1880

13

ПРИРОДА И Я

Весна. Какая благодать!
Щебечут птицы, льются воды,
И все бегут на зов природы
В ее объятьях отдыхать.
Все полно жизни и движенья,
И любит все, и все цветет.
Поэт в волшебном упоеньи,
Как птица певчая, поет.

Но этот город многолюдный
Не отвечал на зов весны.
Заботой мелочной и трудной
В нем люди бледные полны.
Одно могучее желанье:
Им надо есть, и много есть!
И все приносится в закланье,
И правосудие, и честь!
Не умолкают шум и грохот,
И ходят пыли облака,
И всюду нищих вечный ропот,
И всех гнетущая тоска.

Таков и я. Ликуют люди,
И наслаждаются весной,
И вешний воздух в каждой груди
Кипит широкою волной.
А я, как узник одичалый,
Прикованный к стене сырой,
Стою, измученный и вялый,
Не откликаюсь, усталый,
На призыв жизни молодой.

3 июня 1880

Вечер. Летний сад

14*

Смолкнет волнение сечи,
Скучно мне, — жажду я битвы,
Только о ней-то и речи,
Только о ней и молитвы.

Вспыхнет ли сеча, клянусь я
Мрачные ужасы битвы;

Сердцем усталым тоскую,
Миру слагаю молитвы.

Смел я и честен с собою,
Меч мне, — и брошуся в битву.
Стану пред вражьей толпою, —
Только читаю молитву.

Смехом смеются над мною
Те, что в борьбе терпеливы.
Дома со страхом, с тоскою
Бурные видят порывы.

Будто бы скованы руки,
Падает меч мой со звоном.
Битвы неистойвой звуки
Скорбным приветствую стоном.

25 июня 1880

Михайловский сад. Вечер

15

НАДЕЖДА

Темна житейская наука
Душе, отравленной тоской,
Но, верь, смешна, друг милый мой,
Твоя младенческая мука.
Мечтатель в наш суровый век
Нигде отрады не находит;
Черна та мгла, в которой бродит
Нам современный человек.

Поверь, не стоит он участия.
Навек закрыта для него
Вся прелесть мира твоего,
Вся сладость девственного счастья.
Нетерпеливо он не ждет
Освободителя-пророка,
Идущий к гибели народ,
Опутанный сетями порока.

Свободы, счастья и любви
Ему дороже звон металла,—
Сердца другие ты лови,
Что битва жизни не измяла.
Призыв к труду они поймут,
Призыв из мрака в свет свободы,
И в лоне нового народа
Жизнь обновленную найдут.

13 июля 1880

На гулких мостовых подобран он ребенком,
 Он худ и бледен был, и мал,
 И названный отец, как своего лелея,
 Его для жизни охранял.
 Любил он мальчика горячею любовью
 И много говорил он с ним,
 Картины страшные насилия рисуя
 Перед сознанием молодым.
 Со светлою душой ребенок развивался,
 Любя добро, борясь со злом,
 Готов он был один бороться с целым миром
 Своим карающим мечом.
 И юношею в битву бросился он смело,
 Его благословил отец;
 Они, проклятьями осыпанные, оба
 Нашли себе один конец.
 Отец лежал в крови, недвижим и спокоен,
 Насквозь пронизанный мечом,
 А юный сын и мертвый полн негодованья,
 И оба ко врагу лицом.

18 июля 1880

Вечер, возвращаясь из Михайловского сада

СМЕРТЬ

Я видел смерть перед глазами:
 Она явилась предо мной,
 Когда безумными мечтами
 Я упивался и стихами
 Хвалил паденья стыд и зной.

И прямо мне она в глаза глядела,
 Смеялась, в даль таинственно звала,
 Как меч, над головой моей висела
 И, как невеста, ласкова была.
 Она мне грудь стеснила грустью черной
 И ласками утешила меня,
 И взор ее, томительно-упорный,
 Во тьме горел, мне душу леденя.

Преодолеть очарованья
 Я, обессиленный, не мог,
 И, полон странного желанья,
 Склонился я у милых ног.
 Но не вняла она моленью, —
 Она покинула меня,
 Исчезнув призрачною тенью
 В сияньи радостного дня.
 Но, исчезая, наложила

Мне на чело свою печать:
Я знаю, — ждет меня могила,
Да не хочу я умирать.

Когда являлась ты, была отрадна
Могила темная душе больной,
Но ты была глуха на призыв жадный.
Я жить хочу, а ты передо мной!

Душа больная исцелилась,
Исчезла темная тоска,
Надежда светлая явилась,
И сердце радостно забилось, —
А смерть холодная близка!

20 июля 1880

18

ИЗ «ЭДДЫ»

Отрывок

ВОЛУ-СПА

Дочь могучему Одину,
За пределами веков
Вижу я земли кончину,
Помрачение богов.
Братья в битве меж собою
И смеются над родством.
Мир наполнился бедою,
Тяжело живется в нем.
Век упадка, век разврата,
Век меча и бури век, —
От разгневанного брата
Погибает человек.
Нет прощенья, нет пощады,
Нет спасающей любви.
Полон мир тоски и смрада,
Тонет он в своей крови.
Воют волны океана,
Пламя злобствует в лесу...

Начало августа 1880

19

ПРОШЕДШЕЕ

Мы с ним встречались, как братья,
Как неизменные друзья;
Я раскрывал ему объятия,
Его с любовью слушал я,
И оживал мой ум угрюмый,
И другу поверял я думы,

Надежды, страсти, и мечты,
И впечатленья красоты.
Ошибся я. Его ничтожность
Я понемногу узнавал;
Тогда свою неосторожность
Я, как безумный, проклинал.
Не понял он души правдивой,
Он чистой дружбой пренебрег,
Да ум его, к страстям ленивый,
И оценить ее не мог.
Мне в нем казался чуть не гений:
В его растрепанных кудрях,
В его приглаженных стихах
Я видел пламя вдохновений;
Его надменное чело
Казалось ясно и светло;
И взор холодно-величавый,
Слегка насмешливый, пленял:
Казалось, будто отблеск славы
Над головой его сиял.
Но время шло: пришла развязка,
С его лица упала маска,
Под ней знакомые черты,
Стереотипно-безразличны,
Пожалуй, даже и типичны,
Как воплощенье пустоты.

8 августа 1880

20

НАСТАВЛЕНИЕ

«О, скажи мне, неофит,
Не моя ли лучше вера?» —
Так датчанину епископ,
Торжествуя, говорит.
«Бей смелее истуканов,
Что слиты из серебра:
Серебро ведь пригодится
Для супруги и двора.
Лучше сделай украшенья
Для себя и для своих;
Коль железные, для них
Тоже есть употребленье.

Ты отдай их кузнецу,
Чтобы он наделал плугов;
Пусть трудятся земледельцы,
Вознося хвалу Отцу.
Бог наш — истина и правда,
Поклоняйся ж ты ему
И стремися в свет познания,
Презирая сердцем тьму.

И наделай из Зевеса
Ты себе печных горшков,
Подложи под ними дров,
На которых жертвы бесу

Жег в язычестве твоём:
Пусть его объемлет пламя,
Как в аду объемлет бесов
Несгорающих огнем.
И Нептуна в бездну моря
С берегов твоих спусти:
На земле морскому богу
Нет пристойного пути.
Как прилично церкви сыну,
Нашу церковь почитай
Да прилежней отдавай
В нашу пользу десятину».

14 августа 1880

21

Что за перемена?
Что с тобою случилось,
Милое дитя?
Не поешь, как прежде,
Беззаботных песен,
Мечешься, грустя.
Видно, стало душно
Беззаботной птичке
В клетке золотой.
Хочется на воле
Поиграть беспечно
С радостной весной.
Видно, надоело
Ничего не делать,
Красотой блистать.
Рвешься ты на волю,
И решетку клетки
Хочешь разломать.
Заронились в душу
Золотые думы
О святом труде,
О полезной жизни,
О бедах народа,
О его нужде.
Что же ты горюешь
И сидишь безмолвно,
Плача и грустя?
Уходи на волю,
Ты ведь уж созрела,
Ты уж не дитя.

23 августа 1880

Все так же ненастно и темно,
 Повсюду болото одно,
 И бедное, робкое сердце
 Все тою же тьмою полно.
 На небе звезда загорелась.
 Как ярко она ни гори,
 Ведь ею не сменишь, как прежде,
 Веселое пламя зари.
 В душе зародились думы,
 Мечты зароились вновь,
 Да что в них? Они не согреют
 Остывшую в сердце любовь.
 Я вспомнил святые заветы,
 Которым давно изменил, —
 Суровым и строгим укором
 Мне голос Учителя был.
 Когда-то с горячей любовью
 Я этим заветам внимал,
 Теперь леденящим проклятьем
 Возвышенный голос звучал.

7—8 сентября 1880

Мне почудилась она
 С лаской нежною и лепетом, —
 Грудь желанием полна
 Всколыхнулась нежным трепетом.

Думы, звуки и мечты
 Наполняют сердце знойное,
 Полны чудной красоты,
 Полны страстью беспокойною.

Все чарует и манит,
 Все полно очарования,
 Краска девственных ланит,
 Белой груди колыхание.

Брови черною дугой
 Пораскинулись над глазками,
 Взор горячий, огневой,
 Губки с трепетными ласками.

12 сентября 1880

СПб. Пятница. Учительский институт

Шел я угрюмый, —
 Ты у ворот.

Радостной думой
Сердце цветет.

В красках румяных
В небе пурпурном
Запад сиял.
Взор твой приветный
Тихим восторгом
Грудь наполнял.

Все в тебе стройно,
Тихо да ясно,
Все так спокойно,
Все так прекрасно!

Словно на ниве
Зреет весною
Хлеб золотой,
Зреет и в сердце
Юном и чистом
Дар неземной,

Дар благодатный
Жизни духовной
И всеобъятной
Силы любовной.

Боже! над нею
Мрачные тучи
Пусть не гремят!
Пусть не узнает
Юное сердце
Горьких утрат!
Пусть этой жизни
Мирен и ясен
Будет закат!

27 сентября 1880

25

Я вспомнил повесть давних лет:
Под небом Индии прекрасной
Гонимый пария-поэт,
Томясь всю жизнь тоской напрасной,
Печаль души наивно-страстной
В стихах высоких изливал.
Над ним брамин седой смеялся,
Над ним ремесленник ругался,
Бессильный злобу вымещал,
И воин мимо шел с презреньем,
Боясь его прикосновеньем
Свою одежду запятнать.
За слишком смелые проклятья
Его свои же гнали братья,

Страшася сильных раздражать;
И сторонилися в тревоге,
Когда он шел по их дороге,
Родной отец, родная мать.
Не находя ни в ком участия,
Он по земле родной бродил,
И солнца зной, и шум ненастья
В открытом поле выносил.
В его груди кипела злоба,
Неукротима и дика,
И наконец его тоска
Его замыкала до гроба.
Но дружеской рукою он
В огне священном не сожжен.
В степи глухой, где, умирая,
В предсмертных муках он страдал,
С лицом открытым он лежал,
Под знойным солнцем истлевая.
Волков на труп сбиралась стая,
Дрались гиена и шакал,
Но скрылися, орла почуя,
И он, добычу торжествуя,
Глаза потухшие клевал
И грудь холодную терзал.

30 октября 1880

26

Я не слагал горячих стансов
Красивым женщинам, романсов
В угоду им не сочинял,
И по ночам, с тоской, прилежно,
У темных окон не вздыхал,
Томяся страстью безнадежной;
Ни девы ветреной и нежной,
Ни зрелых женщин не любил.
Нельзя сказать, чтоб ненавидел,
Но я их очень мало видел,
И с ними слишком скромн был.
И то сказать, — я мало жил.
Но позавидуешь невольно
Иным, счастливейшим, порой,
И как-то трепетно и больно
Стремишься юною душой
К союзу с девой неземной.
В мечтах бесплодных, вечно новых,
Томительно проходят дни,
И тяжким гнетом дум суровых
Ложатся на душу они.
Меж ними я в душе ласкаю
Одну прекрасную мечту,
Давно с тоскою призываю
Ее любовь и красоту.

Горда, упорна и прекрасна,
Она является порой,
Но встреча с девой молодой
Одной безвыходной, напрасной,
Всегда кончается тоской.
Когда в порыве вдохновенья
Увижу музу, в сердце вновь
Проснется страстное волнение,
Негодование и любовь.
В уме картины тяжелой муки,
Проходит повесть трудных лет,
В груди рыдающие звуки
Кипят, — но им исхода нет.
Для мысли смелой и свободной,
Для воплощенья дивных снов
В душе незрелой и холодной
Не нахожу я верных слов.

30 декабря 1880

1881

27

Ужасно видеть, как тиран
Своих детей гнетет и мучит,
Как он гонением обман
Вселяет в них и злобе учит,

Как беззащитное дитя
Страдает молча дни и годы,
В душе забитой укротя
Призывы страстные свободы.

Но буря губит не всегда,
Да и пускай она бушует, —
Борьба возможна иногда,
И над обломками труда
Хоть кто-нибудь да негодует.

Опаснее, чем океан,
Гнилое, мерзкое болото,
И беззаботности обман
Страшней, чем строгая забота.

Сырое, злое баловство,
Ты — равнодушная завеса,
И мать им портит своего
Сынка, ленивого балбеса.

Родителям-то как же быть
Для пользы дочери и сыну?
Иль угнетать, иль развратить?

Умейте же соединить
Свободу им и дисциплину.

Семья счастлива, если нет
В ней ни тиранства, ни уступок.
Свободно действуй, но ответ
Держи за каждый свой поступок.

6 июня 1881

28

С запретного куста цветок сорвала.
Садовник зоркий на нее ворчит:
«Сама ведь роз не трогать приказала!»
Она пред ним смущенная стоит,

А он: «Для именин мамы вашей
Вы приказали розы сохранять,
И тронет кто, — березовую кашей
Велели вы на месте угощать.

Ложитесь на траву! Исполнить надо
Приказ ваш, барыня, без лишних слов!»
И розог свист раздался в сенях сада,
И барыни виновной визг и рев.

24 октября 1881

29

Он красив, как херувим
Восковой, тот, что на вербе,
Ну, а в душу поглядим, —
Все приятное в ущербе.

Он завистлив, глуп и зол,
Никому добра не хочет,
Много денег приобрел,
И о деньгах все хлопочет.

И улыбка так мила,
И глаза умильно-сладки,
Но зато его дела
Отвратительны и гадки.

25 октября 1881

1882

30

Перед классною доскою
Я стою, попал в тупик.

Единицы нынче стою,
Хоть прилежный ученик.

Ничего-то я не знаю,
Что и знал, то позабыл,
И напрасно вспоминаю,
Что из лекций ухватил.

Сент-Илер моим молчаньем
Был немало удивлен.
Что учусь я с прилежаньем,
Был давно он убежден.

«Ну, садитесь!» — уныло
Он с досадой проскрипел.
Стало все тогда постыло,
Я на место молча сел.

Вечер был потом печальный.
Сент-Илер к себе привел.
За поступок непохвальный
Был урок весьма тяжел.

Капитон мне очень больно
Тридцать розог отсчитал.
Я крепился, но невольно
Заметался, закричал.

Все лицо потом горело,
Был я красен, как кумач,
Но кому какое дело,
Хоть засмейся, хоть заплачь.

«Сент-Илер пробрал вас, видно?» —
Лопачев спросил потом.
Мне признаться было стыдно,
Бормотал я: «Ни по чем!»

Так пилил, что просто ужас!
Уж умеет в пот вогнать!»
Засмеялся я, натужась,
Чтоб о розгах не сказать.

24 января 1882

31

Парный воздух, гам и мгла.
В шайки звонко брызжут краны.
Всюду голые тела,
И огни сквозь пар багряны.

Что же мне от наготы!
Коль пришел, так надо мыться.
Руки делом заняты,
А глазам чем насладиться?

Вот сюда бы голых баб,
Чтобы все их обнимали,
И старик бы не был слаб
И забыл бы все печали,

Чтоб нагая и нагой
Телом к телу прижимались,
Под веселою игрой
Чтоб скамейки сотрясались.

Но все очень тускло тут,
Все полно всегдашней скуки,
И безрадостные трут
По телам мочалкой руки.

1 февраля 1882

32

Охотно напишу вам стансы.
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для красавицы моей
Иль для насмешливых друзей
Свои вымучивать романсы.
Художник вереницу тем
Для ненаписанных поэм,
Как мать беременная носит,
И помощи ничьей не просит.
Я знаю, стоит мне присесть,
Да взять какую-либо тему
И преогромную поэму
Вам напишу я: рифмы есть,
И много их, — проказниц милых
Теснится шаловливый рой,
Как эльф под полною луной,
В чертогах пышных и унылых
Моей ленивой головы.
Им скучно там, поверьте вы,
И рвутся бедные на волю.
Так, чуя признаки весны,
Тоскует соловей в неволе
И рвется в блещущее поле,
В гнездо оставленной жены.
Поет он, грустный и унылый,
Томясь любовной вешней силой,
В томленьях тусклой тишины.
Поет, как тот, кто верит чуду,
Как тот, каким я вечно буду.

22 марта 1882

33

Вечерком мы опять соберемся
И на проводах старой весны,

Беззаботно беседуем мы,
И, как дети, счастливо смеемся.
Кто подумает, глядя на нас,
Что когда мы о детстве вспомянем,
Так нерадостен будет рассказ
И так много мы в детстве проклянем?

Кто подумает, слушая смех,
Что могучий родительский грех
Тяготит над тобой и над мною,
И над матерью нашей больною,
И что с детства привитый порок
Помышленьями нашими правит,
Что могуч он в душе и глубок,
И что счастье он наше отравит?

Наше счастье, — да где же оно!?
Эту весну мы ждали давно, —
Много лет мы ее поджидали.
Тихо, тихо года пролетали,
И настала святая весна,
И стоит перед нами она,
Упоительной страстью пылая,
Много, много в дали обеща.

Золотые надежды вдали,
А вблизи — наше старое горе.
Неужели, дитя, мы могли
Позабить его в вольном просторе?
Позабудь же скорее, дитя,
Неразумные, детские грезы, —
Не прожить нам с тобою шутя,
Нам с тобою достались слезы.

25 июня 1882

33а

Утомленные долгим трудом,
В нашей келье сойдясь вечерком,
Почелуемся мы, обоймемся,
И, как дети, шумливо смеемся.
Кто подумает, слушая смех
Заразительно звонкий порою,
Что лежит и над нашей четою
Всюду вокруг торжествующий грех,
Что сердцами он нашими правит,
И что счастье он наше отравит?

Наше счастье — да прочно ль оно!?
Мы его дожидались давно, —
И весна наступила святая,
И стоит она, страстью пылая.
И надежды с весною пришли,
Но исчезло ли старое горе?

Неужели, дитя, мы могли
Позабыть его в вешнем просторе?
Неужель не заметили мы,
Что простор нам для счастья тесен,
И что в нем, как во мраке тюрьмы,
Не слышать примирительных песен.
Не забыла? и я не забыл.
Я, и радуясь, думал невольно
Обо всем, чем несчастлив я был,
Обо всем, от чего мне так больно.

25 июня 1882

34

В прошлом горечь есть и сладость,
Ласки свет и мрак обид,
И пленительная радость,
И живая боль, и стыд.

Вот открылась предо мною
Даль неведомых мне дней.
Что я сделаю с тоскою
Неотвязною моей?

Милый город я покину.
Неужели вдалеке
Я совсем душой остыну
В темной скуке и тоске?

Босоногим мальчуганом
Здесь блуждал я и мечтал,
Белым северным туманам
Грезы сердца я вверял.

А вернусь домой, да спросят:
«Где ты шлялся до сих пор?»
Вмиг мечты мои подкосят
Взор суровый и укор.

И придется вынести порку.
Что ж мне делать? как мне быть?
Не в мышиную же норку
Все мечты мои забить!

Пусть и дальше чередую
Розог ад и рай мечты
Беспощадною рукою
Будут, розные, слиты,

Только б сердце не томила
Эта серая тоска
И мечтаний не губила,
Безнадежно-жестока!

22 июля 1882

Когда пойду дорогой новой,
 Когда ошибки смутных дней
 Тоской и скукою суровой
 В душе измученной моей
 Вновь отзовутся, — сколько муки
 Мне будут стоять эти дни!
 Какие тягостные звуки
 Из сердца вызовут они!

А ныне праздно и беспечно
 Большую молодость гублю,
 И равнодушен бесконечно,
 И ничего я не люблю.
 Склоняясь пред силой тайной,
 Душа унылая слаба.
 Встает неразрешимой тайной
 Моя холодная судьба.
 Ее суровое течение
 Меня, как призрак тяготит,
 И разгадать ее значенье
 Ничто мой разум не манит.

27 июля 1882

Покрыты грязи переплесками
 Чрез улицу ведущие стези.
 Устланы кой-где переходы досками,
 Все ж вязнуть надобно в грязи.

Идут прохожие тихохонько,
 И по мосткам сырým скользят шаги.
 На перекрестках-то грязнехонько,
 И пачкаются сапоги.

А я, — мои привычки скромные, —
 Босой, не разбираю я дорог.
 Порою долетают брызги темные
 До верха покрасневших ног.

Отмыть нетрудно ноги голые.
 Насмешливых чего стыдиться слов?
 Забавны на мостках шлепки веселые
 По мокроте бегущих ног.

6 октября 1882

Печальная судьба рабов свободы ждет:
 Доколе юн еще и чист — освободитель,
 А в старости гнетет униженный народ,
 Народной вольности поработитель.

Поэт ли он? Он чтит свободы идеал,
 Он проповедовал о ненависти, мщеньи,
 Он в каземате за народ страдал,
 А в старости народу указал
 В тупой покорности властям спасенье,
 И пылкой юности твердил о всепрощеньи.

Простой ли гражданин? О нем не говорю;
 Он пред судьбою, как тростник прибрежный, гибок.
 Зовет он сердцем робким светлую зарю,
 Но не прожить ему без роковых ошибок,
 Ему, рабу судьбы своей, а не царю.

25 января 1883

С судьбою спорить нам напрасно,
 Перед судьбою каждый слаб.
 Переменяясь ежечасно,
 То деспот я, то жалкий раб.

Вот в классе я. Хоть босоногий,
 Но господин ученикам;
 Хоть молод, но учитель строгий,
 Гроза строптивым шалунам.

Быть им товарищем и другом
 Вон там, на улице, я рад.
 Здесь забавляюсь их испугом,
 И не прощаю им досад.

Но вот является на сцену
 Начальник строгий мой. Во мне
 Он вызывает перемену,
 Я перед ним иной вполне.

Душа от высоты мгновенной
 К привычным плоскостям бежит.
 Уже не деспот я надменный, —
 Исполню все, что он велит.

Власть человека развращает,
 Я знаю этот злой закон:
 Коли сильнее — угнетает,
 Коли слабее — угнетен.

25 апреля 1883

Как дух отчаянья и зла
Ты над душой моей стояла,
Ты ненавистна мне была,
Ты жизнь ребенка отравляла.

Я был беспомощен и слаб
И под ферулою твоею
Склонялся, гнулся я, как раб,
Душою юною моею.

И с каждым годом все сильней
Твоя могучая отравля
В груди измученной моей
Кипела злобно и лукаво.

Я цепенел, я угасал,
Я тщетно к воле порывался —
И вот желанный час настал, —
С тобой я радостно расстался.

Твои приносят семена
В душе отравленные всходы,
И уж не кажется весна
Желанным праздником свободы.

Да, ты разбила жизнь мою,
Но я тебя не проклинаяю,
Я повесть скорбную твою
Душою чуткой понимаю.

И я узнал, что ты больна,
Что, может быть, ты угасаешь;
Быть может, ты лежишь одна,
Бессильна, мертвенно-бледна
И жизнь больную проклинаяешь.

12 июля 1883

40

Наконец-то купили мы счастье
Дорогою ценой!
Выносили мы бурю, ненастье
И палящий томительно зной,

Выносили бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалась грудь...
Миновали те дни роковые!
И невзгоды минувшие, злые,
Позабудь, милый друг, позабудь.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове!

Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа 1883

Крестцы

40а*

Наконец-то добились мы счастья
Но какою ценой!

Выносили мы холод ненастья
И палящий томительно зной,

Выносили бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалась грудь...

Миновало тяжелое время!
Испытанья минувшего бремя
Позабудь, милый друг, забудь.

Говоришь ты: «Промчались невзгоды,
Но оставили тягостный след,
И не смоют житейские воды
Отпечатков промчавшихся лет».

Милый друг! Не крушися напрасно,
Не мрачи опасеньем души.
Пока небо над нами так ясно,
Наслаждаться и верить спеши.

Если б снова порывы печали
О прошедшем тебя взволновали, —
Облегчи ты рыданиями грудь,
А потом, осушив свои глазки,
Расточая любовные ласки,
Поскорее ты их забудь.

Не беда, что уж мы пред могилой:
Как река в водопаде полна
Наша жизнь ожиданьем и силой.
Нам и смерть не страшна.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове.
Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа, 8 сентября 1883

Крестцы

41

Их суд, быть может, был и прав,
Так резко осудив мой нрав
Больной, тяжелый. Злоба века
Неотразима и сильна;

И правит волей человека,
Как деспот бешеный, она.
Но все ж сознаться в этом стыдно,
И больно думать и обидно,
Что много сил унесено,
И что моя живая нежность
Тобой подавлена давно,
О, — роковая неизбежность!

29 сентября 1883

Вечер. В постели

42

Побледнел твой облик ясный,
Отуманились глаза,
Но чиста, мой друг прекрасный,
Эта светлая слеза.

Я любви моей безмерной
Малый дар тебе принес,
Дар живой, нелицемерный,
И он стоит этих слез.

13 октября 1883

43

Забудь, прости и не люби,
Не негодуй, не возмущайся,
Бесцельно молодость губи
И словом правды не смущайся.

14 октября 1883

44

Речь про босняков зашла.
Услыхавши это имя,
Мать смеяться начала:
«Ты по слуху сходен с ними.

Ты ведь ходишь босиком
От весенних ранних почек,
И теперь я босняком
Буду звать тебя, сыночек».

14 октября 1883

45*

Я полюбил. Я грезой дивной
И очарован и смущен.
Любовью девственно-наивной
Мой путь суровый освещен.

Невинной, чуткою душою,
Дитя, меня пленила ты, —
И, как под яркою грозюю
Льют слаще запах свой цветы,
В душе, наполненной тобою,
Теснятся светлые мечты.

Но им предаться не могу я,
И милый образ твой, дитя,
Мечтою в сердце начертя,
Храню, беспомощно тоскуя,
И сомневаясь, и грустя.

Быть может, будет долго светел,
Как в день, когда тебя я встретил,
Твой облик милый и простой.
Но кто мне даст залог нетленный,
Что над душой твоей бесценной
Не воцарится гений злой?

31 октября 1883

46*

Где ты, моя Ариадна?
Бросишь ли мне свой клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог!

Есть переходы, но света
Нет, и не видно пути.
Гаснет мой светоч, и страшно
Мраку навстречу идти.

Жертв, здесь погубленных, тени
Передо мною стоят,
Страшно зияют их раны,
Гневно их очи горят.

Голос во тьме раздается
И заглушает их стон:
«Крови, неволи и мрака!» —
Требуется радостно он.

Светоч мой гаснет, слабея, —
Полон тревоги, стою,
И призываю на помощь
Мудрость и благость твою.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
О, помоги мне скорее
Выход из мрака открыть!

7 ноября 1883

Саше Ф-у

У Бога жарко я молю
 Мое дитя, кого люблю
 Душой, к тебе небезучастной,
 Чтоб без проклятий и без слез
 Ты муки жизни перенес,
 И сохранил свой нрав прекрасный.

Чтоб с той же светлую душой,
 С какой стоишь передо мной,
 Ты шел бы счастлив до могилы.
 Но знаю я: суров наш рок...
 Тебя, прелестный мой цветок,
 Сомнут безжалостные силы.

И сгибнешь, мой ребенок, ты,
 Как гибнут нежные цветы,
 Когда их ранний холод сгубит!
 О, если доля так груба,
 Молю я, пусть тебя судьба
 Хоть на минуту приголубит.

10 ноября 1883

48

НА КОРНЮ

Ярко блещет безбрежное море,
 Тишина, на полях ни души,
 И колосья несжатого хлеба,
 Наливаясь, зреют в тиши.

По настилке дощатого моста,
 По щебенке дороги стуча,
 Мимо пашен, лугов и погоста
 Бричка мчит кулака-богача.

Едет он, пот с лица отирая,
 Мимо узкой полоски лугов,
 Где кипит уж работа страдная
 Истомленных жарой мужиков.

Старый коршун рукой закрывается
 И на поле с усмешкой глядит,
 Как от ветра в нем рожь колыхается
 И, как море под бурей, шумит.

В недоимках село обнищало,
 Мало ценится тягостный труд;
 Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
 Мужики на корню продадут.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,
И, родное село покидая,
В ближний город ребята спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди,
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаясь, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подыметесь грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродать.

13 ноября 1883

48a

НА КОРНЮ

Лучезарное летнее небо
Раскалилось, в полях ни души,
Шепчет нива несжатого хлеба,
Каждый колос налился в тиши.

Только белая шляпка мелькает:
Это — барышня рвет васильки,
И прилежной рукою сплетает
Для красивой головки венки.

Звонко, вольно и как-то отрадню
Песня птички какой-то летит.
Эту песню я слушаю жадно,
И в душе моей эхо звучит.

Забывается в свежем просторе,
Все, что душу томит и гнетет:
И людская неправда, и горе,
И судьбы неприветливой гнет.

«Золотишься ты, нива родная, —
Думал я, — для трудящихся рук».
Вдруг донесся ко мне, возрастая,
Приближаясь, трепещущий звук.

И, заслыша знакомые звуки,
Я смутился: так цепи гремят.
Вновь нахлынули думы и муки,
А мечты отступили назад.

По настилке дощатого моста,
По щебенке дороги стуча,
Мимо пашен, лугов и погоста
Бричка мчит кулака-богача.

И забота деревни родимой,
Нищетой и незнаньем давимой,
Вдруг мне вспомнилась злая опять:
Недоимку и подать собирать.

В недоимках село обнищало,
Мало ценится тягостный труд;
Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
Мужики на корню продадут.

Чтобы хлеба с родной десятины
До весны им хватило, мякины
Припасает голодный народ, —
А богатство к богатым уйдет.

То обычные старые траты,
Забывать мы привыкли о них;
Но иные, Отчизна, несла ты
Траты жизней и сил молодых.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,
И, родное село покидая,
Мужики в ближний город спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаяся, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подымется грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродать.

13 ноября 1883

Лучезарное летнее небо
Зноем дышит. В полях — ни души,
И колосья несжатого хлеба,
Наливаясь, зреют в тиши.

Как-то чисто, свежо и отрадно
С высоты чья-то песня летит,
И певунью я слушаю жадно,
И в душе отголосок дрожит.

Забывается в свежем просторе,
Что томило всегда и гнело:
И людская неправда, и горе,
И победою гордое зло.

13 ноября 1883

49

Многострадальная Россия,
Твоя судьба так тяжела,
Такие тучи грозовые
Она над нами собрала,
Что часто тягостным сомненьем
Томится угнетенный ум,
Давно измученный кипеньем
Запретных, но живучих дум.

Когда ты встанешь, торжествуя
В борьбе, которую ведут
Твоих сынов любовь и труд,
С насильем тягостным враждуя?
Или ошибки роковой
Ты до могилы не узнаешь
И неожиданной грозой
Своих врагов не покараешь?
Но, им послушная, детей,
Тебе несущих кровь и силу,
Враждой кровавою своей
Проводишь в раннюю могилу?

О, как их много, жертв святых!
Прославят наши их потомки,
Когда от зданий роковых
Одни останутся обломки.

21 ноября 1883

50

В тревогах жизни одинокой,
Увы! — достигнуть он не мог,
Чтобы тоски его глубокой
Потух зловещий огонек.

И, разгораясь с годами,
Росла ревнивая тоска,
И, как свинец, была тяжка.
Не за горами
Могила темная близка.

22 ноября 1883

51

Промчалась жизнь, как смутный сон,
И к гробу приближался он,
И часто думал: — Где ты, счастье? —
Безрадостен был жизни путь,
Как день осеннего ненастья,
И нечем юность помянуть.
Он не стоял перед грозою,
Он в бурях жизни не тонул,
Над ним промчался стороною
Весенних гроз могучий гул.
Он много видел. Юность вянет,
И сила гордая устанет,
И жаркая остынет кровь,
И смолкнет пылкая любовь.

23 ноября 1883

52

И под гнетом темных дум
Долго жил он одиноко,
Уносил высокий ум
От среды его далеко.

Неба ясного лазурь
Над тобой, родное поле, —
Дни жестоких, злобных бурь
Позабудешь поневоле.

И душа его тиха,
Как простор родного поля.
Нет в ней злобы и греха,
Для нее любовь и воля.

И головка на плечо
Пала бедная без стона.

Глубока и хороша,
Как в затишье море, —
Эта детская душа
С ложью вечно в ссоре.

23 ноября 1883

Жил в России властелин,
 Был он счастья достоин,
 Из владык почти один
 За престол он был спокоен.

Был он рыцарь, у него
 Был девиз: свобода.
 И народ любил его,
 Жил он для народа,

И народ свой верный знал,
 И в народе был уверен,
 И народ, владыке веря,
 Властелина обожал.

Но его сгубила злоба,
 Необузданная страсть,
 Не спасла его от гроба
 Императорская власть.

23 ноября 1883

Вспоминаю родную страну,
 Вспоминаю отеческий дом;
 В нем я комнату вижу одну
 С невысоким да узким окном.

Все в ней памятно: образ, и стол,
 И цветы на окне, и постель.
 От тебя я далеко ушел,
 Дорогая моя колыбель.

24 ноября 1883

Пал верблюд мой, а я изнемог,
 Десять дней я бродил, как шакал,
 И вокруг меня жгучий песок
 Пеленой бесконечной лежал.

Износились мои сапоги
 И упала одежда с плечей;
 Что ни день, то пустыни пески
 Под босою ногой горячей.

Что ни день, обнаженной спине
 Горячее и жгучей лучи;
 Умираю от жажды, и мне
 Скоро смерть повелит: замолчи!

24 ноября 1883

Уж я-то пол не наслежу:
 Когда мороз не очень строгий,
 Так я в училище хожу,
 Вернее, мчуся босоногий.

30 ноября 1883

57*

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Алым пламенем горя,
 Встала с запада заря.
 Коротко блеснет зарница,
 Как стыдливая девица;
 Слышны песни соловья:
 «Ты, души моей царица,
 Роза пышная моя!
 И тобой, и страстью нежной,
 Бесконечной, безнадежной,
 Дума тайная полна.
 Я лечу к тебе послушно,
 Ты же внемлешь равнодушно,
 Безответна, холодна!
 Роза гордая, взгляни же!
 Мне и взгляд единый твой
 Будет лаской дорогой!»
 Роза алая все ниже
 Никнет милой головой.
 Пропоет он до рассвета,
 Но желанного ответа
 Не дождетя соловей
 От красавицы своей.

12 декабря 1883

58

Как, рыбачка моя, хороша ты!
 Как хорош у тебя весь наряд!
 Я не знаю, что более ярко:
 Эти рыбки иль глазки горят.

Декабрь 1883

59

Ты — лилея долин, ты лилеи нежней,
 Вся зеленая, белая, красная,
 Но за то, что нет красного цвета лилей,
 Я скажу: «Ты — лилея прекрасная».

Декабрь 1883

Скоро будет весна, прилетят соловьи,
Зацветут и фиалки и розы.
Я хотел бы подслушать в те дни
И заветные мысли твои,
И твои затаенные грезы.

Ты сама среди вешних цветов
Будешь розы махровой милее,
И певуньи лесной веселее,
Ты, достойная лучших венков,
В Вертограде Господнем лилея.

Декабрь 1883

1884

61

Доля моя, доля,
Доля-горемыка!
Кто же тебя, доля,
На свет спородил,
Кто тебя повил
Горем-злосчастьем?
До того ты, доля,
Дошутилась ныне,
Что себе уж даже
Душа не верит,
Людей боится,
Бури трепещет.

11 января 1884

62

Близка уж стрелка часовая
К часам, томительно пустым.
Стоит красавица нагая
Перед любовником своим.

Скорее надо одеваться.
Какая скука и печаль, —
От милой ласки оторваться
И поспешать в дневную даль!

Им расцелованные ноги
Втеснить в чулки и в башмаки.
Высокие, ей по дороге
Так будут скучны каблучки!

А за обедом муж постылый,
Усталый, скучный и седой,

Вновь полюбезничает с милой
Своею верною женой.

А ночью медленные ласки
И надоевшая постель.
Ах, неужель отбросить маски
Нельзя вовеки, неужель!

16 января 1884

63

Далекая странница! где ты?
Ты бодро идешь под грозою, —
И, светлым лучом не согреты,
Гневны небеса над тобою...
Сердца наши бури жестокой
Одним дуновеньем разбиты;
И в общей могиле далекой
Любимые наши забыты.

Жесток был удар! Как и я же,
Ты тою же скорбью страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.
И этой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.
А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Не верю я, верить желая,
И трачу я жизнь молодую,
В бесплодной тоске изнывая.

19 января 1884

63а

Подруга бесстрашная! Где ты?
Ушла ты вперед под грозою,
И, радостным днем не согреты,
Тернисты пути пред тобою.

Сердца наши в буре жестокой
Одним дуновеньем разбиты;
В стране неприветной далекой
Товарищи наши забыты.

Суров был удар! Как и я же
Ты скорбью глубокой страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.

Великой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.

А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Надежды и веры не знаю,
И трачу я жизнь молодую
Без пользы родимому краю.

19 января 1884

64

<1>

Я стоял пред тобой и не знал,
Хороша ль ты, мой друг, или нет,
Словно взоры мои ослеплял
Этих глазок чарующий свет,
Словно был я улыбкой твоей,
Как железною цепью, окован,
И мелодией звучных речей,
Как волшебством каким, зачарован.

II

Лишь потом, в полуночной тиши
Вспоминая, дитя, о тебе,
Я всей силою пленной души
Твою прелесть усвоил себе.
И я понял, что душу живит,
Что в ней ярко и радостно блещет,
Если сердце дрожит и молчит,
И душа, замирая, трепещет.

22 января 1884

Крестцы

65

Ваши юные ланиты
С розой спорят красотой,
Словно с неба вы облиты
Лучезарною зарей.
Ваша светлая улыбка
Не землю рождена,
Но Господнею ошибкой
Милой деве отдана.
Да и все в вас, ангел милый,
Мне о небе говорит.
Верю я: наш мир унылый
Вами райский мир дарит,
Чтобы люди не забыли
И добра, и красоты,
Чтобы им утехой были
Ваши милые черты.

23 января 1884

Живу не богачом,
 Да и не вовсе голью,
 И чай пью с калачом,
 Ем кашу с маслом, с солью,

И чисто вымыт пол,
 И печка разогрета.
 Положим, я провел
 Босой все это лето,

Но потому, что я
 Воспитан был сурово,
 И босота моя
 Приятна и здорова.

Тебя я не боюсь,
 Морозец красноносый,
 Тебе в издевку мчусь
 Нередко в школу босый.

Себя не простужу
 Морозными щелчками,
 Хоть в класс тогда вхожу
 Я с красными ногами.

Зима! и твой закон
 Моей не сломит воли:
 Я с детства приучен
 И к холоду, и к боли.

23 января 1884

В дни непогоды и мороза
 Я к Вам вхожу, как в зимний сад,
 Чтоб к Вам, пленительная роза,
 Свой приковать усталый взгляд.
 Как силы благодатной много
 В сияньи Вашей красоты,
 Одно из лучших чад у Бога,
 Создание ангельской мечты.
 Очаровательны и милы
 Лица прекрасного черты,
 И много благодатной силы
 В сияньи Вашей красоты.

24 января 1884

От власти крепкого мороза
 К тебе вхожу, как в зимний сад,
 И твой, пленительная роза,

Вдыхаю сладкий аромат.
И как бы ни было мне больно
И от врагов, и от друзей,
Но вмиг утешен я невольно
Мерцаньем девственных очей
И милой прелестью речей.
Так много благодатной силы
В сиянии нежной красоты,
И так неотразимо милы
Душевной прелести черты!

24 января 1884

68

И целый день мучений!
Целый день! Потом
Заснешь без сновидений
Тяжелым, мертвым сном.

Заснешь, — а завтра снова
На битву, на страду.
И жестко, и сурово
Она зовет к труду.

Январь 1884

69

Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит
Мать свою, любит так, что ничья красота
В нем любви этой чистой вовек не погубит?
— Сирота! —

3 февраля 1884

70*

Был вид его мрачен, был голос суров,
И холоден тон укоряющих слов.

И все же его я с надеждою ждал,
Как будто он раны мои врачевал.

Как будто бы слаще суровых речей
Не знал я в душе истомленной моей.

Но были те речи отравы полны,
Горьки, и суровы, и страшно мрачны.

18 февраля 1884

71

Неотвязна тоска,
Жестока, глубока.
Безрассветная ночь

Уж давно над душой,
И работа невмочь,
И не сладок покой.
И везде тишина,
И не светит луна,
И, отрадно горя,
Не забрезжит заря,
И куда ни взгляни —
Непроглядная мгла
Над землей залегла,
Только светят одни
На могилах огни,
Только ветер порой
Заунывно шумит,
И, настойчивый, злой,
Чей-то голос твердит:

«Оставь несбыточные грезы,
Оставь их детям.
К чему любовь твоя и слезы,
Тоска об участи чужой?
К чему бесплодные усилия
Луч правды в жизнь один хоть вносить?
Ты знаешь: у орла есть крылья,
У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но холодная мгла,
Жестока и дика,
И живая тоска
На душе залегла.
Был бы рад не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непослушной душой.

21 февраля 1884

71a

В непросветную тьму
Пробираюсь с трудом;
Ничего не пойму
Ни в себе, ни в другом.
И душою сгорев,
Ослабел я в борьбе,
И внимаю в себе
Чей-то злобный напев:

«К чему бесплодные усилия
Свет правды в жизнь народа вносить?
Ты знаешь: у орла есть крылья,
У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но глубоко тоска
На душе залегла.
Жестока и дика,
Как полночная мгла.
Хорошо б не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непокорной душой.

21 февраля 1884

72

Говорят, но я не верю,
Что любви теперь уж нет,
Что давно ее потерю
Весь оплакивает свет.
Может быть, цепями моды
И обычаев она,
Неизменный друг свободы,
В наше время стеснена,
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,
Но, клянусь, они известны,
Эти чувства, в наши дни.
И пускай ей места мало,
И заботой и борьбой
Время бурно взволновало
Утомленный род людской,
Но отраден свет святой,
Что блестит порой в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем.

7 марта 1884

72a

Много знали мы потерь,
Но не верь толпе лукавой.
Пусть твердят: «В наш век кровавый
Нет любви», — ты им не верь!
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,

Но, клянусь, она известна,
Как всегда, и в наши дни.
И пускай ей места мало,
И заботой, и борьбой
Время бурно взволновало
Годы жизни молодой.
Но не раз сиял в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем,
Светоч, юный лик богини.

7 марта 1884

73

Если жизнь ни на что не нужна,
Если молодость вянет развратная,
Отчего ж не приходит она, —
Разрушения весть благодатная?

А живешь, все живешь день за днем
Необъятно тоскою томимый,
Не встречая участия ни в ком
И никем горячо не любимый.

И в усталой душе не найти
И на то мне растроченной силы,
Чтоб суметь самому подойти
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

73а

Жизнь моя безотрадно течет
По кремнистому руслу мученья.
Ах, когда же мне смерть принесет
Благодатную весть разрушенья?

И к чему я живу день за днем,
Раскаяньем, тоскою терзаем?
Нет мне доли и счастья ни в чем,
Позабыт я и адом и раем.

В утомленной душе не найти
И настолько растроченной силы,
Чтобы стать, наконец, на пути
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

74*

Спасибо, добрый мой ручей!
За то, что ты приветлив был, —

Ты в полдень свежую водой
Меня усталого поил.

Весенней жаждой утомлен,
Я рад был шуму этих струй,
И с тихой радостью сорвал
Твой тихоструйный поцелуй.

13 марта 1884

75

Лучше в бедной доле жить
И под розгами вопить,
Чем истлеть в роскошном гробе,
Покоряясь адской злобе
Смерти, правящей свой бал,
Свой бесовский карнавал.

23 апреля 1884

76

Мошки вьются надо мной
Надоедной, серой тучей.
Как прогнать несносный рой,
Зыбкий, легкий и летучий?

Словно тянет их ко мне:
Я бегу, — они за мною,
Я стою, — и в тишине
Окружен стеной сквозною.

Отмахнуться? — не берет!
Обмануть их, лечь на травку?
Рой обманутый плывет
К перелеску за канавку.

29 мая 1884

77

Так много на себя мы взяли
И знаний, и одежд,
Но как же много потеряли
Наивных, радостных надежд!

6 июня 1884

78

По дальней улице прохожий
Тихонько босиком идет.
Довольно крепко пахнет кожей, —
Вблизи кожевенный завод.

Вся улица мягка, горбата,
Но стружка ногу иногда
Царапнет остро и рогато,
И я поморщуся тогда.

Ведь это мне пришлось по козам
Ногами голыми идти,
А я назвал себя прохожим,
Чтоб тон рассказа соблюсти.

4 июля 1884

79

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно в первый раз
Свои младенческие силы
Могиле ранней я обрек...
И необузданный порок
Меня влечет на край могилы.

О, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет гордая душа
Ее страстей и наслаждений.
И просыпается порой
В душе усталой и больной
Полупогубленный мой гений.

22 июля 1884

80

Страдать ли нам, еще ль терпеть,
Еще ли ждать освобожденья?
Нам в мире нечего жалеть,
Мечты не знают воплощенья.

Проходим скованной толпой,
Как в старину, по стогам Рима,
Вели германцев на убой, —
И к нам судьба неумолима!

Мир чудный видя впереди,
Но непонятные народу,
Зовем напрасно мы свободу
С немим отчаяньем в груди,

А к этой жизни безучастны.
Не страшно рано умирать,
Не страшно и в цепях страдать, —
Жить преждевременно ужасно.

22 июля 1884

Отважный атаман
 Ватаги босоногой,
 Я взял добычи много,
 В ночных набегах рьян.

И яблоков немало
 Из сада тащим мы.
 Густым покровом тьмы
 Нас полночь защищала.

Когда в недобрый час
 В саду мы попадемся,
 Мы скоро разрвемся:
 Дерут пребольно нас.

Тогда мы без добычи
 Бежим домой тишком
 По грязи босиком,
 От резкой боли хныча.

Настанет ночь опять,
 На кражи нас толкает;
 Опасность подстрекает:
 — Ребята! Не зевать!

На хитрости пускайся!
 Жалеть ли богачей!
 Бояться ль розгачей!
 Вруй, не попадайся!

13 августа 1884

Кое-где еще остался
 Снег, нетронутый весной,
 Как впервые показался
 Я на улице босой.

Слишком белы были ноги,
 Легкий стыд меня схватил,
 Но, не медля на пороге,
 Я в училище спешил.

Дни за днями проходили,
 Возрастали свет и жар,
 И на кожу наложили
 Все густеющий загар.

Ноги очень темны стали,
 Быстры легкие шаги,
 И теперь уже едва ли
 Вспомню я про сапоги.

Мне теперь ничуть не стыдно,
Что босой все время я,
И совсем мне не обидна
Бедность скромная моя.

19 августа 1884

83

С праздничной отрадой,
С вещью мечтой
Тихою лампадой
Озарен покой.

Звуки замолчали,
Яркий свет погас.
Горькие печали,
Позабыл я вас.

Только если взглянешь
В угол у дверей,
То на миг вспомнешь
Происки людей.

У дверей на стуле
Видны два письма,
Но они заснули,
Вышли из ума.

Больно или стыдно
Было, — что же мне!
Вовсе не обидно
Стало в тишине.

Улеглась досада, —
Я к мечтам вернусь.
Вспомнив, что же надо
Людам, улыбнусь.

Милая отрада,
Ты опять со мной.
Тихая лампада,
Озаряй покой.

26 сентября 1884

84

Ночью вышел я тайком из дома.
Барыня Матрена ждет меня.
Мне любовь ее — одна истома,
Но иду я к ней, себя кляня.

На столе, на скатерти красивой
С водкой снеди разные видны.

Спит мальчишка, сын ее ленивый.
Шепот наш не будит тишины.

Не хочу Матрены, но не смею
Я об этом ей в глаза сказать,
Перед толстой бабою робею.
— Ну, пойдем, голубчик! — Вот кровать.

Быстро барыня меня раздела.
Рядом с ней лежу я, как чурбан.
Жирное мне так противно тело,
Похоть спит во мне, хоть я и пьян.

Гневом пышет толстая Матрена,
Видит, что не вышло ничего,
Шепотом бранит меня: — Ворона!
Сам не хочешь счастья своего! —

Проводила все же до калитки,
Оплеух мне надавала там,
Обняла меня потом в избытке
Чувств, — и смех, и слезы пополам.

23 октября 1884

85

ЕЙ

Дитя! ты долго и с терпеньем
Искала светлого пути, —
И вот, печальных дум кипеньем
Полна, ты страждешь опасеньем,
Что в жизни цели не найти.

С тоской мучительной и жадной
Последний призрак ловишь ты
Когда-то светлой и отрадной,
Теперь тускнеющей мечты.

Тебе казалось, что в ней сила
Несокрушимая была;
Но жизнь твою мечту разбила,
И что ж взамен тебе дала?

В твоей душе растет тревога,
Ты всюду видишь в жизни ложь,
И разум шепчет сердцу строго,
Что вместо свергнутого бога
Ты ничего уж не найдешь.

С самодовольствием невежды
Осудит равнодушный свет
Твою тоску, твои надежды,
Которым исполненья нет.

17 ноября 1884

Забыты вмиг и честь, и стыд,
И с окровавленного поля,
Где братья гибнут, к дому мчит
Его изнеженная воля.

А вспомнить, как недавно он
Давал торжественные клятвы
Сражаться у своих знамен
И сгибнуть для иных времен,
Как семя предстоящей жатвы!

Но бледной смерти страшный взгляд
Он встретил вдруг, — и, малодушный,
Бежит он с трепетом назад,
Под иго робости послушной.
Его гостеприимный кров
Вместил таких же удальцов.

Там поле битвы вспоминают,
И, им внимая, их отцы
Самодовольно повторяют:
— Мы тоже были молодцы!

18 ноября 1884

В том ветхом домике жила
Старушка с дочерью Любашей;
Она была стройна, мила,
Не избалована мамашей.
Старушка кой-каким трудом
Одна поддерживала дом,
Что завещал ей муж покойный,
Армейский старый капитан,
Да пансион по муже дан.
А дочке черноокой, стройной
Заботы нет ни до чего:
Одевшись, прильнет к окошку,
Любимую ласкает кошку,
Лишь утром чаем своего
Напоит брата-гимназиста,
Да последит, чтоб были чисто
Служанкой вымыты ее
Платки, и платье, и белье.
Старушка веником прилежно,
Кряхтя, сгибаясь, пол метет,
А дочка дремлет безмятежно,
На кресла ножки подберет.

Раз как-то в первых числах мая
В каком-то настроеньи злом,
Наш Логин, городом гуляя,

Был позван Любой в ихний дом.
Вошел, сидел, тихонько злился,
В уме хулил ее наряд
И вдруг такую разразился
Филиппикой, что сам не рад
Остался Любину смущенью.
Зардевшись, глазки опустя,
Как виноватое дитя,
Она внимала поученью
О всей великости стыда
Быть белоручкой бесполезной,
О неизбежности железной
Великодушного труда,
О суетных ее нарядах,
И об ее лукавых взглядах.
Всю ночь проплакала она,
А утром, маленькие ножки
Едва обув, свои сапожки
Сняла, решимости полна
Надела простенькое платье,
Краснея, маленький свой дом
Весь обежала босиком
И пала матери в объятья, —
Тепло сегодня, — я пойду
Работать в огород босая,
Хочу я привыкать к труду,
И прочь изнеженность былая.
Хочу я сразу привыкать
К труду и кой к каким лишениям! —
И на нее смотрела мать
С неизъяснимым удивленьем.

9 декабря 1884

88

Мудрый знает все причины,
Но есть мудрости предел:
На века закон судьбины
Над землей отяготел.

Своенравна, своевольна,
Что захочет, то творит.
Ей причин всегда довольно,
И конец всех дел сокрыт.

Натворит добро и худо,
Глупый скажет: — Не пойму. —
Мудрый скажет нам откуда,
Отчего и почему.

Все причины знает ясно,
Но не знает, — вот беда! —
Тут и спрашивать напрасно:
Для чего, зачем, куда.

Здесь немеет наше знание,
И Один лишь знает Бог,
Для чего же все скитанья,
Где конец земных дорог.

9 декабря 1884

89

1

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, — и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Нет ветра. Тягостная лень
Природу сонную объемлет,
И тихо солнечная тень
Ползет, как будто тоже дремлет.

Густеет в южной половине
Небес свинцовый колорит,
И чаще крона на осине
Листами узкими дрожит.

Молчат долины, реки, лес
И солнцем выжженная нива,
И солнце движется лениво
Путем возвышенным небес.

И даже молодая жница
Изнемогает в этот зной,
И покрывается ресница
Неудержимою слезой.

Не подымая глаз к лазури,
Все жнет да жнет себе она,
Но близость неизбежной бури
Головке жаркой уж ясна.

2

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

И вся природа бури жаждет,
Изнеможения полна,
И, как усталая жена,
Тоскливо страждет.

13, 14 декабря 1884

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Земля и душный воздух страдают
И бури жаждут...

Трудом смиряя лютый зной,
Не отдыхает в поле жница:
Не раз невольною слезой
Ее увлажнена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость неизбежной бури
Для груди трепетной ясна...

Как будто ждет чего долина,
И чутко вся кругом молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

13, 14 декабря 1884

90

На чердаке средь лета жарко.
Там Дуня с матерью жила.
А мать ее была кухарка,
Давно от места отошла.

Вот к лету без угла остались.
Их приютили на чердак.
Они от дворников скрывались,
И там питались кое-как.

Висела там в углу икона,
Евангелье лежало там.
Слова Священного Закона
Там слышались по вечерам.

Старуха там чулки вязала,
А Дуня, сидя у окна,
Ей вслух Евангелье читала,
Худа, бледна и голодна.

Они оставлены своими,
Но место к осени нашлось,
А мне потом встретаться с ними
Уже ни разу не пришлось.

18 декабря 1884

91

I

Бесславно жизнь моя течет,
Слабеют мощные когда-то силы,
Мне больно, словно кровь мою сосет
Вампир свирепый. Близок сон могилы!
Едва ли проживу еще я год.
И дни, как небо осени, унылы,
И страсти жизни мне не милы.

II

Мне ласки девичьи не милы,
И скучно, скучно жизнь моя течет,
Но я боюсь моей могилы.
Я жить хочу, хоть дни мои унылы,
Хочу творить, пока достанет силы,
Хочу прославить хоть последний год.
Но злой вампир все кровь мою сосет.

III

Вампир — порок; он грудь мою сосет,
Но и остатки жизни сердцу милы,
И если дни мои унылы,
То будет светел после этот год.
Не без борьбы дойду я до могилы,
Я соберу остатки силы,
Которая еще в крови течет.

IV

Ведь кровь еще течет,
Хотя вампир ее сосет,
Но хватит крови хоть на год
.....

Декабрь 1884

1885

92

Что лучше, веник иль венок?
Венок дубовый иль лавровый,
Он служит, маленький кружок,
Герою сладкою обновой.

Венок, сплетенный из цветов,
Где не обсохли еще росы,
Пока он свеж, всегда готов
Украсить девишкыны косы.

Порой он на гробах лежит.
Он из цветов иль из металла.
Он сон покойных сторожит,
Хоть нужды в этом очень мало.

Коль золотой, так он венец,
Украшен яркими камнями.
Склоняются и раб, и льстец
Перед венчанными царями.

Украшен митрой архирей.
Не терны там вплелись кровавы,
Чем был среди пасхальных дней
Увенчан Сам Христос, Царь Славы.

Все это — вздор, все это — чушь.
Мещанка всякая смеется.
Пойдет в лесок, где дичь и глушь,
И вениками запасется.

Хоть сотню можно принести,
Сарай набей, — не стоит тысяч,
А пол им можно подмести,
И много раз детей всех высечь.

27 февраля 1885

93

Он стар, как мир; зовется он пороком.
Меня в добычу он обрек.
Томясь в бессилии жестоком,
Несчастлив я и одинок.

Сжигаюсь я безумно и развратно,
Как будто мне не жаль тех сил,
Что плоти рок так щедро, благодатно
И так напрасно подарил.

1 марта 1885

94

Мудрый видит, что напрасны
Все стремленья к бесконечному,
Силы тайные бесстрастны,
На земле нет места вечному.

Человек — лишь форма силы,
Жизнь — недолгое движение.

Нет от холода могилы
Духу гордому спасения.

Этот холод предстоящий
Есть покой или ничтожество.
В нем всей жизни настоящей
Прекратится в мире множество.

Но из этой же могилы
После холода и тления
Вновь возникнут жизни силы,
Возродится вновь движение.

Без начала и без цели
Происходит бесконечное,
И напрасно б мы хотели
Бренным духом вызнать вечное.

3 марта 1885

95

Наша жизнь так пуста, холодна,
В ней мы искры не видим живительной.
Лишь из чаши глубокой вина
Пьем мы изредка нектар спасительный.

За единый светлый миг,
За единый час отрады,
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады!

<Март> 1885

96

И наша жизнь бывает хороша
В те редкие и светлые мгновенья,
Когда наполнена душа
Восторгом чистым наслажденья.
Когда у нас отнимет свет
Возможность радости и счастья,
Когда для сердца в мире нет
Ни сожаленья, ни участия, —
Не все ль равно, что даст порой
Забвенья наших мук сердечных,
Мужей, измученных душой,
Вдруг обратив в детей беспечных.

В душе царит такая смута,
Такая слабость, скорбь и лень.
И каждая отравлена минута,
И каждый скорбен день.
О, жизнь печали и позора!
Как чаша скорбная полна!

Все наполняется она
За каплей капля... Скоро, скоро.

Март 1885

97

Нет желания жить,
Нет и мысли о том,
Чтоб упорным трудом
Скромный дом
Сколотить.

Без моих неустанных забот,
Без работы ночей
Через мало уж дней
Вечный дом мне собьет
Гробовщик.

Март 1885

98

Жили б мы повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б были посмирней,
Выносливей, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед подлыми да сильными, —
Верно благами обильными
Наделяла б нас она.
Но мне слаще штоф вина
Осушить с бессильными,
Чем идти на пышный пир,
Чем трусливо смолоду
Чтить людской кумир, —
Поклоняться золоту.

Март 1885

98а

Жил бы я повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б был я посмирней,
Выносливей, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед силою и властью,
Но хоть горем жизнь полна,
Не завидую я счастью.
Лучше выпить штоф вина
С братом по несчастью,
Чем идти на пышный пир,
Чем трусливо смолоду

Чтить людской кумир, —
Поклоняться золоту.

И пускай клеветает мой
Неприятель и гонитель,
Пусть он горем и тоской
Омрачит мою обитель.
Не согнусь пред ним в дугу,
И мириться с ним не стану,
Мстить богатому врагу
Мне не по карману,
Правду ж высказать могу
И назло его обману.
И уж там пускай идет
Непогода мгlistая,
Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

Март 1885

99

День безмятежно золотой.
Моими воплями ты встречен.
На кухне горькою лозой
Сегодня я опять был сечен.
Но как от тягостного сна
Я убежал под эти своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.
И пусть жестокая лоза
Мне тело голое лобзала, —
Сейчас последняя слеза
С моей щеки в траву упала.
И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Я забываю о слезах
И про обратную дорогу.

13 июня 1885

99a

Невинный день и голубой
Моими воплями был встречен.
На кухне гибкою лозой
Я утром был жестоко сечен.
Мою печаль от злого сна
Укрыли ласковые своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.
Сегодня поутру лоза
Мне тело голое лобзала, —
А здесь последняя слеза
С моей щеки в траву упала.

И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Ручей звенит, и луг в цветах,
И я забыл мою тревогу.

13 июня 1885

100

— Глупый мальчик! Что за спех!
Подождать немного надо,
А иначе людям смех,
А тебе и мне досада.

— Ты еще молокосос,
У людей немного стоишь,
Ежеденком ходишь бос
И полы в субботу моешь.

— Хорошо, что мать строга,
Не жалеет сыну розог.
Эта сласть не дорога,
Здесь немало есть березок.

— Двадцать лет! Руки моей
Все ж теперь не добивайся,
Поцелуй меня скорей,
Да и к маме отправляйся.

23 июня 1885

101

Вон там, в тени, рыбак ретивый
С удой склонился на песок
И ждет добычи, но ленивый
Не шевелится поплавок.

28 июня 1885

102

Чтоб облегчить людскую муку,
Чтоб сделать слаще нашу часть,
Своим мечом возьми науку
И света истины не засть.

28 июня 1885

103

В рай бабенкам не дорога:
И в аду им места много,
А уж пустишь бабу в рай, —
И корове место дай.

28 июня 1885

104

Дело с бездельем мешай,
Так и с ума не сойдешь.
Час поработай да час погуляй, —
Весело век проживешь.

28 июня 1885

105

Коли спится до обеда,
Так пеняем на соседа:
Он и рано, вишь, встает,
Да нас в гости не зовет.

28 июня 1885

106

Чем браниться да ругаться,
Так не лучше ли подраться?
Ссора кончится скорей.
Прежде недруга отдую,
А потом на мировую,
Тут уж, значит, пей да пей.

30 июня 1885

107

Жарким летом нива зреет,
Колыхаясь, как волна.
К жатве скоро пожелтеет
И приляжет спать она.

С наводстренными серпами
Жницы на поле придут,
И под жаркими лучами
Будет долог страдный труд.

Ты — в подъем лишь мощным бремя,
Эта летняя страда,
Это тягостное время
Непосильного труда.

Иноземцы, слышно, паром
Двигут множество машин,
Чтоб не гнуть на ниве даром
По неделям целым спин.

Говорят, барыш огромен, —
К нам же новость не идет:
Слишком беден, слишком темен
Наш безграмотный народ.

Страдный труд его неволит,
Он привык к трудам таким:
Каждый ломоть хлеба залит
Жарким потом трудовым.

Беден он, — да сил в нем много,
Темен он, — да помнит Бога
И радушно подает
Всем, кто просит ради Бога,
Всем, кто сам не соберет.

Нищи духом и смиренны,
От одной избы к другой,
Вот, идут они с сумой,
Неудачники, согбенны
Горем, Жизнью и Нуждой.

Хлеб, истомною работой
Приобретенный, жена
Бедняка с большой охотой
Подает им из окна.

О, народ трудолюбивый!
Много, долго кормишь ты.
И несчастной, и ленивой,
И смиренной, и спесивой,
Даже наглой нищеты.

24 ноября 1883, 18, 29 июля 1885

108

Этот принцип очень важен
По практичности своей:
Кто умыт и напомажен, —
Сладко ешь и сладко пей.

Кто оборван, бос и беден, —
Позабудь про калачи,
Подымайся до обеден
И работай до ночи.

Малы ножки, белы ручки —
Звезды, звездочки хватай;
С пуд кулак, грязны онучки, —
Хлеб свой квасом запивай.

Если есть в уме смекалка,
Скажешь: «Доли не равны;
Мужика как будто жалко».
Как же быть? — И мы бедны.

Хоть и есть у нас деньжонки,
Да ведь деньги нам не есть,

А ножонки да ручонки, —
Еле хлеб до рта донестъ.

Вы, питомцы наслажденья,
Вялой праздности друзья,
В скромной области терпенья
Вас невольно вспомнил я.

Камнетеса тяжкий молот
Обтесал кой-как плиты,
Те, что свеж, здоров и молод,
Башмаками гладишь ты.

И зато, гордясь собою,
Молвишь важно иногда:
Установлено судьбою
Разделение труда.

Что за горе? Не забыла
Тля, что есть у мужика
Здоровенная рука
И железная в ней сила.

<Не позднее 29 июля 1885>

109

Перецеловала семь подруг,
Переворовала все вокруг,
Перещеголяла семь мотов,
Перековыляла семь мостов,
Переговорила семь шутов,
Перехоронила трех мужей,
Перебаловала семь детей.

Что ж осталось ей на свете?
Пить вино и сладко есть.
Есть любовник на примете,
Только как к нему подлезть?

Мать его сурова и строга,
Видит в каждой женщине врага.
Сына часто водит на чердак,
Перепорет розгами, да так,
Что едва он только может слезть,
И потом ему ни стать, ни сесть.
Мать зовет его: молокосос.
Летом он повсюду ходит бос.
К бабам он не смеет сунуть нос,
Перемолвиться не может с ней,
Чтобы не отведасть розгачей.

Как же барыне Матрене
С этим делом поступить?

Не остаётся ж ей в уроне!
Надо парня заманить.

Ах, соблазны
Очень разны
Безобразны?
Ну так что ж!
Без мужчины
Вдоль перины
Невтерпеж.

Перетолстела,
Пережирела,
А все же страсть
Имеет власть.

— Перелезь ты ночью чрез забор,
Перекинешься ко мне на двор.
Угощу колбаской да винцом,
И в постели часик проведем. —
— Ну, а ежели поймает мать? —
— Ты скажи ей (ничего плошать),
Яблоки ходил, мол, воровать.
Яблок дам тебе с собой мешок, —
Будешь после кушать их, дружок. —

Соблазнился,
Ухитрился,
И явился
К бабе в дом
Босиком,
Насладился,
И напился,
Возвратился, —
Все тайком.

Шито-крыто все осталось,
А Матрена улыбалась.

10 декабря 1885

1886

110

Дивный неслыханно дар
Мне подарила природа:
Делу и слову — несказанный жар,
Мысли и чувству — свобода.

Весь погрузился я в труд,
Плод принесет мне искусство:
В сильных картинах моих оживут
Строгие помыслы, свежие чувства.

28 марта 1886

Злобно ли буря бушует,
Солнце ль приветливо светит, —
Сердце все так же тоскует, —
Знает, что счастья не встретит.

Пусть бы возникло и счастье, —
Знаю, — оно опоздает:
В тьме рокового ненастья
Сила моя угасает.

Радость живая умчится.
Славою, счастьем, любовью.
Гордый мой дух не мирится
С горем, неправдой и кровью.

Если навстречу надежде
К миру сойдет примиренье, —
Буду я жаждать, как прежде,
Слез, и тоски, и волненья.

Вечно, как ветер, тревожен,
Вечно, как море, мятежен!
Путь мой и темен, и ложен,
Близкий конец неизбежен!

23 апреля 1886

112

Гибнут молодость и сила,
Над душой царит разврат,
Уж близка моя могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Жизни лучшие цветы, —
И чистейшие стремленья,
И прекрасные мечты.

И с душой моей пустынной
Равнодушен ко всему,
Я смотрю на жизни длинной
Неразгаданную тьму.

И не рад я, если снова
Над душой моей больной
Встанет властно и сурово
Дум заветных строгий рой.

27 апреля 1886

112a

Гибнет радостная сила,
Опьянен тоскою взгляд,
Разверзается могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Яркоцветные цветы, —
И высокие стремленья,
И прекрасные мечты.

Ко всему я равнодушен,
И не дорог никому,
И бреду, судьбе послушен,
В неразгаданную тьму,

И не рад я, что порою,
Проносясь надо мной,
Веет страстью и грозною
Чувств и мыслей быстрый рой.

27 апреля 1886

113

Несмотря на все невзгоды,
Мои розы расцветут;
Зеленеющие всходы
Не погибнут, не умрут.

Несмотря на все страданья,
Моя светлая душа,
Словно в первый день созданья,
Молода и хороша.

Жизни творческая сила
В этих всходах так сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Есть запас могучих сил:
Гений злобного порока
До конца их не сгубил.

27 апреля 1886

113a

Верю я: пройдут невзгоды,
Снова розы расцветут;
Зеленеющие всходы
В долготимье не умрут.

Верю я: пройдут страдания,
Оживет моя душа,
Вся полна благоуханья,
Вся любовью дыша.

Жизни творческая сила
В озимых моих сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Почивает много сил:
Гений знойного порока
До конца их не сгубил.

27 апреля 1886

114

Глуповат был Сеня бедный,
А в начальники попал,
И хоть лоб имел он медный,
Но исправно воровал.

Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

Май 1886

115

Свинья за свинью заступается:
Она, мол, по грязи валяется
Не оттого, что по нраву грязна, —
А насекомых боится она.

Май 1886

116

— Пять товарищей изволь
Ты принять, откуда молод:
Страх ты знай, да стыд, да боль,
Холод знай, да знай и голод.

— Холод душу веселит
И здоровье закаляет.
Кто закутан, не спешит,
Босый весело шагает.

— Вечный голод — вот беда,
Но за дикое обжорство
Он карает иногда
И смиряет непокорство.

— Страх спасает от греха,
А не слушаешься страха,
Розга сыщет жениха,
Будет сдернута рубаха.

— И тогда ты поревешь,
Как и все, кого пороли,
И грешки свои поймешь,
Да поймешь и пользу боли.

— Стыд к тебе тогда придет.
Что же делать! постыдися,
Поумнее будь вперед,
От греха остерегися.

— Знай же страх, и стыд, и боль,
Знай и холод, знай и голод.
Пять товарищей изволь
Полюбить, покуда молод.

6 июня 1886

117

Выхожу я на крыльцо,
Летним обнятое жаром.
Ноги, руки и лицо
Посуровлены загаром.

Сад — мой радостный приют.
Здесь цветочки мне смеются,
Птички весело поют,
Ветки зыблются и гнутся.

Хрупкий, ласковый песок
Щекотит забавно ноги.
Каждый голый мой следок
Отпечатан на дороге.

Мысли легкие летят.
Помнить темное не надо.
Мир веселием богат,
В мире есть для всех отрада.

24 июня 1886

118

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В глухой деревне запертая,
Три тяжких года ты жила,
Уча, трудясь, увядая,
И, наконец, ты умерла.

И мирно спишь ты на погосте.
Цветы вокруг тебя цветут,
А каждый праздник — дети в гости
К тебе с приветом прибегут.

Они почтят тебя слезою,
Пока томительных забот
С иной и темною бедою
Им жизнь на долю не пошлет.

И жизни их промчится время,
И память о тебе умрет,
Но с верой брошенное семя
Сторицей плод свой принесет.

Имеют жизненную силу
Прекрасной правды семена:
Своей чредою их могилу
Вскрывает светлая весна.

В душе доверчивой и чистой
Живое семя прорастет,
Раскроет свой цветок душистый
И плод богатый принесет.

И семена плода живого
Падут в сердца его детей,
И в поколениях людей
Век не умрет живое слово.

1885, 3 июля 1886

119*

Под солнцем страны полуденной
Я видел великое зло:
Стяжатель идет утомленный
К лачуге своей разоренной,
Богатство к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствует счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду все та же картина:
Неправых стяжаний и зла;
Повсюду плелась паутина,
Повсюду рабочих судьбина
В нее неизбежно вела.

Разбил я свои упования,
Я проклял исканья свои,
И горькой тоскою страданья
Исполнены песни мои.

17 августа 1885. Крестцы, 3 июля 1886

Полный стан колышет ровно
 Хохот звонкий, молодой.
 Босоногая поповна
 Возвращается домой.

— Вы куда же собралися?
 За грибами на обед?
 Эх, поздненько поднялися, —
 А грибов-то уж и нет. —

И с грибами показала
 Две корзинищи она.
 — Вон я сколько насбирала!
 Ох, и ломит же спина!

— Хорошо, что я босая,
 Да и то едва плетусь,
 А уж дома-то до чая
 Как дорвусь, так уж напьюсь!

— Вышла в лес я нынче рано,
 Глядь, уж солнце высоко!
 Квасу б выпила два жбана,
 Да до квасу далеко.

— Маме, видите ль, не жалко
 До зари меня будить:
 — В лес живей, епархиалка!
 Ленью Бога не гневить! —

Ну, а с мамой плохи шутки,
 Не поспишь тут, нет, вскочи,
 А не то, пожалуй, сутки
 Будешь помнить розгачи! —

Засмеялась вновь и косы
 Заметались по плечам.
 На ногах трепещут росы,
 Травки льнут к босым ногам.

— Что вы, Катя, неужели? —
 Катя, опустив глаза,
 Шепчет мне: — На той неделе
 Мама секла два раза. —

— Да за что же? — Да за то же:
 Скажет: «Катька, не шали!»
 Скажет: «Эй, дерзить не гоже!»
 Скажет: «Вздору не мели!» —

— Да ведь вас она так любит? —
 — Ну, на то она и мать:

Приласкает, приголубит,
Да нельзя не наказать.

— Зря не тронет, а за дело
Хорошо похворостит.
Вот теперь иду я смело:
Провинюсь, так уж простит.

— Ведь грибы-то все, как надо,
На подбор грибочки все! —
И смеется, детски-рада
Утру, солнцу и росе.

3 июля 1886

121

Настало снова лето.
Пленительные дни!
Все зноем разогрето,
Прохлада лишь в тени.

Приучен к доле строгой,
Хожу я босоногий;
Хотя порой стыжусь,
Зато не простужусь
Я осенью, зимою
И раннею весною.

Один Декабрь страшит, —
Тогда не то, что болен,
Но словно я разбит,
Живу, как приневолен.

А нынче босиком
Брожу себе леском,
Здоровьем запасуюсь,
С черникой возвращаюсь
Не поздно я домой,
Лишь ослабеет зной.

11 июля 1886

122

НОЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

В наш осенний и пасмурный день,
Когда в небе туманно и серо,
И в грядущее падает вера,
И на ум надвигается лень,
И душа поддается тоске, —
Мне мечтается образ печальный:
На окраине дикой и дальней,
В невеликом степном городке,

На кладбище, близ церкви, могила
Еще свежая, с белым крестом.
В ней почивает убитая сила...
Я бездумно иду, а кругом
Безмятежно покойны могилы,
Непробудным покоясь сном —
Не воскреснут убитые силы,
И не встанут они из могил,
И измученных тел не покажут,
И о тех никогда не расскажут,
Кто их гнал и нещадно губил.
Не для горького слова проклятия
Они в землю сырую легли,
Но погибшие наши собратия
Рассказать бы немало могли.
Здесь журнальные спят пролетарии,
И судьбою забитые парии,
И забитая мужем жена,
Здесь и кости Миная рассыльного,
Здесь и дочь одинокого ссыльного,
И несчастная жертва вина,
Нищеты и гнетущего горя,
Проститутка, с судьбою не споря,
Добралась до могилы она.
И покончивший век пистолетом,
Промелькнувший на свете поэтом,
И висевший в смоленной петле,
В несвященной зарытый земле,
И солдат, на войне изувеченный,
И мужик, господином засеченный.
Все покорные темной судьбе,
Все тяжелой судьбою задавлены,
Обещены иль обесславлены,
И погибли в неравной борьбе.
Победители! вы наслаждались,
Возвышались лестью и злом,
С неимущими вы не братались
И гнушались вы мужиком.
Но и вы были все же рабами,
Все же был и у вас господин,
И от порки, от пыток с плетями,
Безопасен ли был хоть один?
Раб боялся немилости барской,
А вельможа немилости царской.
Кто повыше ступенькой стоял,
Тот тебя беспощадно и злобно угнетал. <...>

11 мая 1884, лето 1886

122-1

Еще юношей пылким я был,
Уезжал я учиться в столицу, —

Об одном лишь тогда я грустил,
Что оставил свою голубицу.

С ее губ поцелуй я сорвал
Еще первый, и нежный, и длинный,
И глубоко мне в сердце запал,
И от многого после спасал
Поцелуй этот, детски невинный.

Лето 1886 года

122-2

Посреди бесконечных степей,
Где не видно движенья и жизни,
Благодатной волною своей
На пески необъятные брызны,
Неожиданный чистый родник, —
Как изменится степи картина.
И оазис внезапно возник,
И шумит молодая вершина.

<Не позднее лета 1886>

122-3

Бьется сердце неровно, тоскливо, —
Стынет кровь, и душа холодна,
За работу ль возьмешься ль лениво,
Все из рук выпадает она.

Предаешься ль на волю мечтаньям:
Ах, и сам этим грезам не рад.
Они полны томящим страданьем,
Сокрушительный разлит в них яд.

Поглядишь на людей: точно в сказке
Промелькнет вереница теней,
Ни живого лица: все-то в маске,
Все боится пытливых очей.

<Не позднее лета 1886>

123

Ветер кинул снег в стекло,
Но пускай там вьюга злится,
У меня здесь так тепло,
У меня здесь так светло,
Только скучно вечер длится.

Тот же труд мне каждый день
Без уклона, без новинки,
Длится та же дребедень,
И, как встарь, меня за лень
Мать сечет, и за провинки.

Тот же весь домашний строй,
Все по-прежнему осталось.
В праздник, как и в день простой,
Дома я всегда босой,
Чтобы обувь не трепалась.

Но еще скучней ходить
По знакомым скучным в гости,
Картежом себя томить,
Есть селедку, водку пить,
Слушать сплетни глупой злости.

Нет, уж лучше посидеть
Дома после скуки школьной,
Со своими сердце греть,
И домашний строй терпеть,
И суровый, и привольный.

17 октября 1886

124

Арендатора дочки, шляхтянки,
В поле ходят, как девки простые,
И работают славно, смуглянки,
Загорелые все и босые.

На руках трудовые мозоли, —
Не новинка для них, не обновка.
Если в город придут, мудрено ли,
Что в наряде не очень им ловко.

Но хохочут они очень звонко,
И вокруг них всегда кавалеры
Запускают любезности тонко,
Не дичась католической веры.

Каждой муж будет мелкий чиновник
Иль помещик какой-нибудь мелкий.
Бытия их усатый виновник
Наградит их приданым, безделкой.

Будет все же и шубка из зайки,
Будут платье, белье и посуда,
И шляхтянки, вдобавок, хозяйки
Будут мужу такие, что чудо!

12 ноября 1886

125

Что ж ты, моя доля?
Как же быть с тобою мне?
Мрак, тоска, неволя,
Сердце страстное в огне.

Смело мы ходили
В битву с лютою судьбою.
Что же? Загубили
Только силы мы с тобою.

Проползти-то змеем
Можно б, счастья добывая,
Да ведь не умеем
Мы склоняться, доля злая.

Смерти не страшились,
И разбитым нам не стыдно.
Рано мы родились,
Рано: вот что нам обидно.

28 декабря 1886

126

Я с собою на землю принес
Песни, полные слез;
Мою душу терзают они
В эти трудные дни.

И когда, утомленный борьбой
С непогодой злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах своих,

Предо мной они властно встают,
И летят, и растут.

Ты не смеешь о братьях забыть,
Ты для них должен жить.
Должен быть твоих уст каждый звук
Воплощеньем их мук.

6 сентября 1885, 28 декабря 1886

126а

Я на землю принес
Песни легкие слез;
Утешают они
В грозные дни.
И когда, утомленный борьбой
С непогодой злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах моих,
Предо мной эти песни встают,
Алым маком цветут.
Скорби здешней нельзя позабыть,
Надо в песни ее перелить,
Сделать каждый пронзительный звук
Воплощеньем надежд и разлук.

6 сентября 1885, 28 декабря 1886

Изваять тебя, прелестную,
 Был бы Фидий самый рад,
 Только сбрось одежду тесную.
 Ведь роскошный твой наряд
 Безобразит грудь чудесную.
 Пред твоею красотой
 Грубы ткани драгоценные,
 Стан и ноги несравненные!
 Красота дружна с свободою,
 Непорочности полна,
 Кратковременною модою
 Только скована она.
 И грядущим поколениям
 Будет странно и смешно,
 Что покорны мы давно
 Моды странным повелениям.
 Лишь отдельные черты
 Несравненной красоты
 Тела чудного, прекрасного
 Ты даешь мне созерцать.
 Брось скорей стыда напрасного
 Лицемерную печать!
 Скинь одежду всю тяжелую,
 Непорочную и голую
 Дай тебя мне изваять.

1 января 1887

Изваять тебя, прелестную,
 Был бы Фидий славный рад,
 Только сбрось одежду тесную.
 Как уродливо теснят
 Эти ткани многоценные
 Стан и ноги несравненные!
 Непорочна и нежна
 Красота дружна с свободою,
 Кратковременною модою
 Грубо скована она.
 Ты раба стыда напрасного,
 Лишь отдельные черты
 Несравненной красоты
 Тела дивного, прекрасного
 Ты даешь мне созерцать.
 Скинь одежду всю тяжелую,
 Чтоб царицу Правду голую
 Мог художник изваять.

1 января 1887

Мороз все стекла расписал.
Еще в снегах он щеголяет,
Но, хоть мосты он нам сковал,
Я знаю, скоро лед растает.

Снега достойны хвал больших.
Есть назначенье им и время.
Господь на землю сыплет их
Одеть поля, взлелеять семя.

Даны нам снежные деньки,
Ночные лунные сиянья,
Морозный дух, детям снежки,
Сочельник, елка да гаданья.

Езда мила нам всем в санях.
Как мчится бешеная тройка!
Летишь, как будто на крылах,
И бубенцы лепечут бойко.

31 января 1887

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Моей отчизне строят ковы
Ее недавние друзья.

И, ополчась на подвиг ратный,
Готов воинственный сосед
Нарушить мир наш благодатный
В надежде дерзостных побед.

Но перед общим ополченьем
Не поднимаешь ты меча,
И тесным бранным облаченьем
Не давишь мощного плеча.

Ее небранная одежда
Ее врагам страшны, как встарь.
И, как всегда, твоя надежда —
Самодержавный Государь.

Ты знаешь: вождь российской славы,
Когда подымешь бранный стяг,
Пред силами твоей державы
Не устоит надменный враг.

7 февраля 1887

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Тебе, отчизна, строят ковы
Тобой спасенные друзья.

Что день, грядущее туманней.
Заносчив, дерзостен и яр,
Зажечь огонь всеобщих браней
Готов воинственный мадьяр.

Но перед общим ополчением
Не поднимаешь ты меча,
И тесным бранным облачением
Не жмешь могучего плеча.

Ты знаешь крепость русской славы,
Ты знаешь: царь подымет стяг,
И пред грозой его державы
Не устоит надменный враг.

7 февраля 1887

130

Закат, бледнея, потухал,
На небе звезды загорались.
На юге тучи собирались.
Старинный сад благоухал.

Он с нею вышел на балкон,
Она бледнела и вздыхала,
И, взявши руку девы, он
Заметил, как она дрожала!

«Прекрасны небо, звезды, ночь,
А я предчувствую разлуку,
И не могу я превозмочь
В груди поднимающую муку.

Хотела я забыть печаль,
И Бога я о том молила, —
Но злая дума, словно сталь,
Мне сердце бедное пронзила.

Но если так нам суждено,
Что Бог накажет нас войною,
Решилась я, мой друг, давно
Быть милосердною сестрою».

И дивно взор ее сверкал,
Румянцем щеки покрывались,
Старинный сад благоухал,
На небе звезды загорались.

8 февраля 1887

Последний луч зари упал,
 Блеснула звездочка, другая,
 Как спящий отрок, задышал
 Зеленый сад, благоухая.

Он с нею вышел на балкон,
 Она бледнела и вздыхала,
 И руку ей сжимая, он
 Заметил, что она дрожала!

«Прекрасна, милый, эта ночь,
 А я предчувствую разлуку,
 И не могу я превозмочь
 В груди поднимающую муку.

Унять тревожную печаль,
 Напрасно Бога я просила, —
 Тоска холодная, как сталь,
 Мой бедный ум заполонила.

Но если так нам суждено,
 Что Бог накажет нас войною,
 Решилась я, мой друг, давно
 Туда идти вслед за тобою».

Ее он молча целовал,
 И, как заря, она пылала,
 И взор ее огнем сверкал,
 И грудь, как парус, трепетала.

8 февраля 1887

Однообразны и ленивы,
 Идут стадами облака,
 Деревья голы, пусты нивы,
 И под дождем шумит река,
 И вновь в душе свои извивы
 Влечет, как змей, моя тоска.
 Она мой бедный ум объемлет,
 И вновь душа ей чутко внемлет.

И вы так стали далеки,
 Мечтанья юности мятежной;
 И злой порыв моей тоски,
 Как бурный океан безбрежный,
 Рассеял вас, как лепестки
 Едва расцветшей розы нежной.
 Опять душа моя нема,
 Опять царят в ней страх и тьма.

Такая жизнь невыносима!
Уснуть навек — тоску убить!
Но, горе мне! Неистребимо
В моей душе желанье жить,
И я, как раб, неутомимо
Тяну постылой жизни нить,
И дни мои текут, как годы,
Без наслажденья и свободы.

25—26 февраля 1887

132

...Идти — скучать, зевать, молчать,
До утра в карты проиграть,
Послушать сплетен самых свежих,
И самому порассказать.
Пристанешь к барышням — потешь их
На немудреный их манер:
Замысловатой болтовнею,
Не очень хитрой клеветою,
Насмешкою не очень злою,
Цинизмом, но не свыше мер,
А так, густою тенью скрытым,
Чтоб догадаться и без слов
Их пол лукавый был готов, —
И словом, по тропам избитым,
Водить их тонко и умно,
Чтоб им казалось смешно
И весело, не слишком старо,
Не слишком ново и темно,
Не черезмеру много жара,
Не черезмеру холодно.
Но он насквозь их сердце видит,
К задорным ласкам он привык.
Бес болтовни навряд ли снидет
На неприветливый язык.
Стрелянье их очей проворных,
Зеленых, синих, карих, черных,
Уж не волнует в сердце кровь,
И перед каждым бюстом белым
Не вспыхнет в сердце охладелом
Ежеминутная любовь.
Когда он был юнцом незрелым,
Его пленяли модести.
Порой от груди нежной, зыбкой,
Лукавой поощрен улыбкой,
Не мог он взоров отвести.
Пока смотрел он так нескромно,
Пока она болтала томно,
В его мечтах обнажена
Вставала перед ним она.
Но что мечты? На самом деле
Он видел прелесть наготы,

И любовался в голое тело
Сияньем юной красоты,
И насмотрелся, и, пожалуй,
Как ты, красотка, с ним не балуй,
Хоть покажи ты как-нибудь
По пояс голую всю грудь,
Иль обнажи по пояс ноги,
Его, увы! не бросит в дрожь.
В его душе ты не зажжешь
Знакомой юношам тревоги...

Март 1887

133

И наши смиренные песни
Исполнены слез.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос!

5 апреля 1887

134

Я лежала под тенью березы,
Разметав свои косы, нагая.
Предо мною прекрасные грезы
Проносилися, душу лаская.

Это было порой полуденной.
Солнце жгучее ярко горело,
Знойный воздух струей раскаленной
Обливал мое стройное тело.

В мое сердце вливалась истома
Упоительно-сладкой отравой.
До тех пор я была не знакома
С обаянием мысли лукавой.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я, как счастья, объятий желала,
И уста мои ждали лобзанья.

16 мая 1887

134а

ВЕШНЯЯ РОЗА

Я купалась одна. Отдыхая
На траве под развесистой ивой,
Распустив свои косы, нагая,
Я лежала в дремоте ленивой.

Это было полдней порою.
Солнце жарко и страстно горело,
Знойный воздух прозрачной волною
Обнимал обнаженное тело.

Загоралась звенящая греза,
И, послушна пленительным чарам,
Я пылала, как вешняя роза,
Непонятым, томительным жаром.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я любовных объятий желала,
И уста мои ждали лобзанья.

16 мая 1887

135

Все в себе поругал, осквернил я и сжег
В пожирающем юность огне,
И частицу ничтожную только сберег
Из сокровищ бесценных, дарованных мне.

Безысходною скорбию долго томясь,
Тот обломок хранила живая любовь,
И его, из разбитого сердца точась,
Согревала горячая кровь.

Так в душе утомленной, мятежной моей
Только малую часть ту сберечь я и мог.
Ярко блещет она, как залог светлых дней,
Моего возрожденья залог.

26 мая 1887

136

Как ты ночью ни гуляй,
Хоть и в майские субботы,
Не спасешься, так и знай,
От дремоты-потяготы.

Уж иди скорей домой,
А не то под кустик ляжешь,
И кому-то с зевотой
Ты «покойной ночи» скажешь.

17 июня 1887

137*

Мои безрадостные дни
Текут медлительной рекою,
И переполнены они
Безумством, скукой и тоскою.

Ты видел, как мальчишка злой
В весенний день пьет сок березы,
И по коре, вивась струей,
Текут недопитые слезы.

Так я, безумец, с детских дней
Прильнул губами к сердцу жадно,
И кровью жаркою моей
Питаться стало мне отрадно.

И кровь течет из тайных ран,
Слабеет воля, вянут силы,
На разум падает туман,
Объемлет душу страх могилы.

21 июня 1887

138

Где Аннета искупалась,
Вольдемар туда идет.
Если ленточка осталась
От Аннеты, — подберет.

Все исполнилось, как в сказке,
Что хотел, то получил:
Две лиловые подвязки
Он у сердца положил.

Ах, не знает он, что это
Обронила у ручья
Не прелестная Аннета,
А курносовая швея.

6 июля 1887

139

Ты и молод и здоров,
Так не слушай дураков,

Не жалей, голубчик, ног
И ходи-ка без сапог.

Будет больше денег в дом,
Как походишь босиком,

И болезнь того неймет,
Кто босой везде идет.

Что тут, впрочем, говорить,
Что язык-то теребить!

Коротка для сына речь:
За ослушку буду сечь.

28 июля 1887

Твои дары, о Царь Всесильный,
Хотел я ныне перечесть,
Но были так они обильны,
Что их и оком не обвесть.

Но клеветник, Твой враг, приставил
Ко мне приспешников своих,
И с ними предо мной лукавил.
Я поздно злобу их постиг.

Я обозрел свои стяжанья:
Увы! я только расточал
Твои благие дарованья!
Внезапный стыд меня объял.

Я был Тебе рабом лукавым!
И вот я ныне слезы лью
Перед Тобой, благим и правым,
И дара одного молю:

К дарам духовным дар телесный
Даруй такой мне жизни строй,
Чтоб человек иль дух небесный
Меня наказывал лозой.

30 августа 1887

Если верит произвол,
Что приказ исполнит скоро,
Грубо крикнет он: — Пошел! —
И пойдешь себе без спора.

Что там будет впереди,
В размышленья не вступая,
Строго скажет он: — Иди! —
И пойдешь, не рассуждая.

Иногда и ласков он,
Скажет вежливо: — Идите! —
Что ж! исполнить принужден,
Ведь не скажешь: — Погодите! —

4 сентября 1887

Сосулька злился, морщил лоб;
Сжимая в пальцах табакерку,
Понюшку маленькую сгреб;
Взысканьям делал он примерку,

И злобно верещал: — Хрю-хрю!
Давно уж мною ты замечен!
Должно быть, мало был ты сечен,
Так уж сегодня отпорю! —

Впивались глазки, точно пульки,
В босого мальчика: нахал!
Наверх забравшись, у Сосульки
Он пару яблоков украл!

Корзина яблок — это взятка.
Вчера он сладко пел: — Хрю-хрю!
За яблоки благодарю. —
Сегодня счел, уж нет десятка.

Один неловкий ученик,
Там зазевавшись, попался.
Хоть слышались мольбы и хнык,
Но он послушно раздевался.

Сосулька ныл: — Воришка, хрю! —
И пальцем в табакерку стучал.
А взятку-то кто брал? кто хрюкал:
— Благодарю! Благодарю! —

21 сентября 1887

143

Как походишь по беседам
К этим глупым дуракам,
Так и станешь домоседом.
Ведь в гостях-то — стыд и срам! —

Злые сплетни, карты, водка,
Иль ничтожный разговор,
Да и люди — не находка:
Или взяточник, иль вор,

Иль тупица бестолковый,
Иль заносчивый болван,
Иль придирчиво-суровый
Вздорный, пьяный грубиян,

Иль в речах весьма затейный
Еле грамотный педант,
Иль весьма галантерейный,
Весь в помаде липкой, франт.

Жены, тетки глупы, злобны,
Дочки, сестры — рой кривляк,
В обращеньи неудобны,
Их полюбит лишь дурак.

4 октября 1887

Носит пышные наряды,
 Блеском дни ее полны,
 И завистливые взгляды
 На нее устремлены.
 Красоте ее чудесной
 Удивляется весь свет,
 И прелестной, и небесной
 Объявил ее поэт.
 Но она вздыхает тайно,
 Мужа старого клянет
 И клянет судьбы случайной
 Золотой, но тяжкий гнет.
 Что ей свет? Нужна ей воля,
 Свет небес, лугов цветы,
 Ширина родного поля,
 Радость свежей красоты.

Детство скромное вспомянет
 Дама знатная подчас,
 И слеза украдкой канет
 Из ее широких глаз.
 Дом в деревне, сад фруктовый,
 Папа — старый генерал,
 Снисходительно суровый,
 Вместе нянька и капрал.
 Весела ей жизнь степная:
 И резвится, и поет,
 Дома бегает босая,
 Босиком и в лес пойдет.
 Улыбаются ей воля
 Свет небес, лугов цветы,
 Ширина родного поля,
 Радость свежей красоты.

Не без туч на небе ясном,
 Жарким летом не без гроз,
 И на девичьем прекрасном
 Светлом лике не без слез.
 Напроказничает Лиза, —
 А старик, любя, был строг,
 Лжи, упрямства и каприза
 Ни за что стерпеть не мог.
 Гнева отчего боялась
 Наша Лиза, как грозы:
 В те минуты доставалось
 Ей отведать и лозы.
 После лозы Лиза в поле
 Убежит срывать цветы,
 Утешается на воле
 Блеском вешней красоты.

28 октября 1887

Морозным вечером по снегу
 Бегу я в баню нагишом,
 И кажется тогда с разбегу,
 Что и мороз мне нипочем.

Нигде не встретится прохожий,
 Никто не глянет из окна,
 И только лупоглазой рожей
 Мне ухмыляется луна.

А если кто мне попадется, —
 Бабенка, пьяненький купец, —
 Посторонившись, засмеется,
 И крикнет вслед мне: — Молодец! —

Мостки, заборы, перекресток,
 Другая улица, и вот
 Калитка, двор, и лунных блесток
 Пред баней кружит хоровод,

И, весь багровый от мороза,
 Вбегаю в банное тепло.
 Захлопнул дверь. Какая проза
 Заглянет в мерзлое окно?

Мальчишки мокрые смеются.
 Помылися и ждут меня.
 Из шаек их на тело льются
 Потоки жидкого огня.

Хлопочут вокруг веселым роем,
 Проворны эти восемь рук,
 И милый пар объемлет зноем,
 Вплетаяся в журчащий звук.

Омытый с головы до пяток,
 Я весь горяч, как дикий зверь.
 Срок обтиранья очень краток.
 Бегу в распахнутую дверь.

Мороз нагое тело лепко
 Теснит и давит, — но броня,
 Жарою скованная крепко,
 До дому не спадет с меня.

16 декабря 1887

Крутой мороз и хрупкий снег.
 По улицам бегу я голый
 Из бани; все проворней бег,
 Немножко жуткий, но веселый.

Все спят, в домах везде темно,
Никто на улицу не выйдет,
Никто не поглядит в окно,
Никто не встретит, не увидит.

Сменив морозом банный жар,
Я с головы до пяток красен.
Мне весело, но самовар
Горячий будет не напрасен.

Вбежал в домашнее тепло,
Облекся простыней суровой.
Как здесь уютно и светло!
И самовар шумит в столовой.

Торопит мать: — Чай налит, пей! —
Босыми шлепая ногами,
Бегу в столовую — скорей
Пить чай горячий с сухарями.

22 декабря 1887

1888

147

Гляжу на грустный листопад,
Томим его нагою далью,
Листы поблекшие летят, —
И веют на душу печалью.

Напоминают мне они
Своею пестрой вереницей,
Что неудержно мчатся дни,
Как в небе птица вслед за птицей.

28 февраля 1888

147a

О, листопад, твой грустный вид
Томит меня нагою далью;
Листва поблеклая летит
И веет на душу печалью.
Как быстро стелются они!
Как злобно ветер торопливый
Их мчит над опустелой нивой.
Так мчатся быстро мои дни
Навстречу осени дождливой.

28 февраля 1888

Наш неудавшийся философ,
 Недоразвившийся мудрец,
 Ты в море жизненных вопросов
 Пустился смело, наконец.

Но и сюда — знать покарала
 Судьба за некие грехи, —
 Как в отвлеченные начала
 Ты внес немало чепухи.

8 апреля 1888

Разбита вера. Радостной надежде
 Я сам давно сказал: прости! Любовь
 Одна во мне еще горит, как прежде,
 Она одна волнует в сердце кровь.

Любовь не к женщине. Я этой страсти
 До сей поры еще не испытал,
 Не поддавался чарам женской власти,
 И милых уст ни разу не лобзал.

Любовь к добру, и к правде, и к свободе,
 Любовь к тебе, великий мой народ!
 И к людям братская любовь, к природе,
 Она одна ведет меня вперед.

Но как темна дорога! Безотрадно
 Идти Бог весть куда, в немую даль.
 Ищу я света трепетно и жадно,
 И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
 Ни в самого себя, ни в лживый свет,
 И как душа ни жаждет веры, строго
 Ей разум говорит, что Бога нет.

Бессильные и поздние проклятья
 Я вам не раз во мраке посылал.
 Зачем во мне разбили вы, о братья,
 Святым нектаром налитый фиал!

22 апреля 1888

Бесцельные и поздние проклятья
 Я вам не раз во мраке посылал.
 Зачем во мне разбили вы, о братья,
 Сладчайшей веры блещущий фиал!

Погасла вера. Радостной надежде
Я сам давно сказал: прости! любовь
Одна во мне еще горит, как прежде,
Волнуя холодеющую кровь.

Храню ревниво светоч мой последний.
Так, возвращаясь по домам в ночи,
Хранят огонь, зажженный за обедней,
И ветром задуваемой свечи,

И старец, и задумчивая дева...
Но весело ночная их семья
Встречает без печали и без гнева
День Воскресенья Светлого... А я!

Темна моя дорога! Безотрадно
Идти невесть куда, в немую даль.
Ищу я света трепетно и жадно,
И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
Ни в самого себя, ни в лживый свет,
И как душа ни жаждет веры, строго
Ей разум говорит, что веры нет.

22 апреля 1888

150

Во цвете лет в обитель удалилась
Княжна Елена. Стали звать ее
Монахиней Ириною. Молилась
Усердно. Свято было житие.

Архиепископ, посетив обитель,
Прозорливо ей посмотрел в лицо,
И молвил, улыбаясь: «Не хотите ль
Сапфирное опять надеть кольцо?»

И, покраснев, она ему сказала,
Дрожа всем телом: «Нет, владыко, нет!»
И строго ей сказал владыко: «Мало,
Ирина, поняла ты свой обет.

Всегда, везде пути Господни правы.
Повиновение — долг первый твой.
Одним — блюсти церковные уставы,
Другим — идти дорогою иной.

Ирина здесь, Елена там: двойная
Тебе повинность чрез меня дана;
Домой отсюда ты пойдешь босая,
Как по обету нищая жена.

И сбудется с тобой по воле Бога,
Что им начертано в твоей судьбе.

В широкий мир указана дорога
Через меня, мятежная, тебе.

Не возражай! Иди!» Склонилась низко,
Его благословенье приняла,
И в тот же день (село родное близко)
Босая в отчий дом она пошла.

Непозабываемое вставало горе
Сквозь шелесты ветвей и ласку трав.
В коляске вдруг проехал князь Григорий.
«Стой! — крикнул кучеру, ее узнав. —

Елена, ты! Прости мою ошибку!
Всегда тебя любил, и ты — моя!»
О, как же скрыть внезапную улыбку
На этот сладкий призыв бытия!

И все родные в радости великой.
Обет велит Ирине быть босой,
Но разрешил охотно ей владыка
Обутою Еленой быть порой.

24 апреля 1888

151

Можно быть скотиной,
Подлым наглецом,
Можно, как картиной,
Торговать лицом.

Можно грабить ловко,
Не боясь суда,
Если есть сноровка,
Если нет стыда.

Можно втайне взятку
Получить и дать;
Можно волчью хватку
В нужде показать.

Беззаботно птичка
Вьется ль на пути, —
Можно, как лисичка,
К глупой подползти,

Выпить без остатка
Молодую кровь,
Облизнуться сладко
И таиться вновь.

Всякую затею,
Всякий подлый грех
Мы простим злодею
За его успех.

В нашем поколеньи
Встретит дружный смех,
Злобу и презренье
Только неуспех.

29 апреля 1888

152

Где ты, радость! Хоть каплями брызни
На печальные лица порой!
Замутились источники жизни,
Она льется утрумой рекой.

Не дождешься на призыв ответа!
Даль туманная всюду видна,
В темных тучах не видно просвета,
А в реке — неизвестного дна!

6 июня 1888

153

Переплетчик, милый малый,
Хоть порой немножко шалый,
К речке с удочкой идет.
Нет работы, — он гуляет,
Босиком он щеголяет,
А с лица струится пот.

17 июня 1888

154

На широком и бойком пути,
Из-за моря варяжного в греки,
Где лишь волок один перейти,
А то всё многоводные реки, —
Наша бойкая Русь начала
Сознавать себя сильным народом;
Встрепенувшись, она поплыла
В Цареград по бунтующим водам.
И дрожал перепуганный грек
Пред дружиной Аскольда и Дира,
Но смерила их буйный набег
Пресвятая владычица мира.
Осенила сердца дикарей
Умиленья святой благодатью,
И князья, побежденные ей,
Возвратились с крещеною ратью.

То был первый Христов огонек,
Он таился чуть видимым тленьем,
Но уж скоро весь русский Восток
Озарился Христовым явленьем.
Для могучей России ты был,

Юный Киев, в те дни колыбелью.
Через век твой ручей послужил
Для крещенья народа купелью.
Как красавец ты рос на холмах,
Ты днепровской волной умывался,
Ты был силен и славен в боях,
И заморской парчой одевался.
И с тобой не по дням, по часам
Вырастала славянская слава,
Раздвигалась, на горе врагам,
Широко молодая держава.

Стал Владимир княжить молодой:
Он в бессильных богах усумнился,
К вере новой, чудесной, святой
Он всей пылкой душой устремился.

21, 29 июля 1888

155

Смуглый мальчик, стоя перед мамой,
Шепчет: «Сознаю, что виноват».
Мама улыбается: «Упрямый
Гриша! мальчики всегда шалят.

Милый, я тебя бранить не стану.
Что за вздор! Какие пустяки!» —
«Не брани, а позови Татьяну, —
У нее ведь руки-то крепки!» —

«Лучше спать бы, Гриша, собирался.
Ну, какая же вина твоя!» —
«При гостях я дерзко разболтался,
Покраснеть тебя заставил я». —

«Гриша, ну так что ж, что покраснела!
Ты и сам, мой ангел, покраснел.
На тебя я только поглядела,
Ты сейчас же, милый, присмирел».

Гриша хмурится, твердит упрямо:
«Ну, а все-таки я грубиян.
Очень ты меня балуешь, мама.
Мне от розог невелик изъян.

Ну, конечно, зареву от боли,
И в руках Татьяны замечусь.
Только потакать мне хорошо ли?
Ведь от порки я не растреплюсь.

Ведь сама меня ты закаляешь,
И сечешь меня ты иногда,
Босиком ходить ты заставляешь.
Право, мама, розги — не беда».

Мать смеется: «Гришка босоногий!
Милый мой спартанец! Ангел мой!»
А потом, вдруг сделавшись строгой,
Оттолкнула мальчика рукой.

«Обойдемся, Гриша, без Татьяны.
Если хочешь, надо наказать».
И бежит в вечерние туманы
Гриша в сад, чтоб розог наломать.

Мать стоит босая у ступенек,
Слышит шум срываемых ветвей,
Видит — Гриша тащит целый веник.
Неизвестно, кто из двух красней.

Мама Гришу в спальню проводила.
Взмахи рук, и по щекам — хлоп! хлоп!
Догола раздела, положила
На колени. — «Вот тебе!» — Чжик! шлеп!

«Вот тебе!» — Чик! — «Два!» — Чик! — «Три! Четыре!
Будешь мне дерзить?» — Чик! — «Пять!» — Чик! — «Шесть!» —
«Ой! не буду!» — «Ну, дыши пошире!
Отстегаю, — больно будет сесть!

Не дерзи!» — Чик! — «Семь!» — «Прости!» — Чик! — «Восемь!» —
«Ой!» — Чик! — «Девять!» — «Ой!» — Чик! — «Десять!» — «Ай!»
— Чик! — «Одиннадцать!» — «Ай!» — «Что голосим?» —
Чик! — «Двенадцать! Пяток не кидай!» —

Чик! — «Тринадцать!» — «Миленькая, больно!» —
Чик! — «Четырнадцать! Что, озорной?» —
Чик! — «Пятнадцать! Милый, не довольно.» —
Чик! — «Шестнадцать!» — Чик! — «Семнадцать!» — «Ой!» —

«Восемнадцать!» — Чик! — «Ай, ой! Не буду!» —
«Девятнадцать!» — Чик! — «Ай, ой! Прости!» —
«Двадцать!» — Чик! — «Ну, будет. Эту груду
Прутьев, Гриша, надо в сад снести».

Живо снес. — «Целуй мне ноги, милый!» —
«Мамочка, спасибо за урок!» —
«Больно?» — «Да!» — «Господь тебя помилуй!
Спи себе спокойно, мой сынок!»

8 августа 1888

156

У матери отняли сына,
У сына — любимую мать.
Тоскует и плачет ребенок,
И некому слезы унять.

15 августа 1888

ЗАРУБЕЖНОМУ КЛЕВЕТНИКУ

Редко встретишь сына,
 Чтобы он на мать
 Стал пред чужими
 Дерзко клеветать.

Глупо и бесчестно
 В стороне чужой
 Издеваться злобно
 Над землей родной.

Если не имеешь
 В почве ты корней,
 Не она виновна
 В чахлости твоей.

С духом воробьиным
 Из душевной мглы
 Не взлетал бы в сферы,
 Где парят орлы.

Знал бы: не удержишь
 Крылья, — упадешь,
 Грудь свою пустую
 Даром разобьешь.

8 апреля, 26 сентября 1888

158

Он был всегда немножко странен:
 Порою резов и шумлив,
 Порою робко молчалив,
 И бледен, словно тайно ранен.
 Но бледный цвет его лица
 К нему пристал необычайно.
 И от упавшего случайно
 На лоб упрямого кольца
 Его волос смолисто-черных,
 Лицо казалось бледней,
 А блеск очей его упорных
 Неотразимей и мрачней.

5 октября 1888

159

Друг и товарищ юных дней,
 Он после многих лет разлуки
 Опять со мной, в глуши моей;
 Мы ждем опять друг другу руки.
 Его мечтательный рассказ

Напомнил многое мне в прошлом,
Порой пленительном для нас,
Порой безрадостном и пошлом.
Он с детства был мне брат и друг,
Хоть не одной мы шли дорогой;
Он был изнеженный барчук,
А я — питомец доли строгой.
Он, избалованный, не знал
Ни принужденья, ни угрозы.
Меня никто не баловал,
И я ребенком привыкал
Глотать непрошенные слезы.

5, 8 октября 1888

160

Гражданин никогда
Не уйдет без суда
Из своей угнетенной отчизны.
Но не верь, что я слаб:
Я не больше, как раб,
И не стою я слов укоризны.

Верь, мой друг, я бы мог
Свой лавровый венок
Променять на позор эшафота, —
Если грянет гроза,
Не закрою глаза,
В битву брошуся я без расчета.

Но ведь чист небосвод,
И спокойно плывет
Лучезарное, жгучее солнце;
И нарядно блестят
Окна пыльных палат
И убогое в хате оконце.

10 октября 1888

161

Много сказок мы в детстве слышали.
Всех лукавее сказка одна,
И тому, кто ей верит, едва ли
Смерть страшнее глубокого сна.

Верит он, что душа его с телом,
Этой брэнной тюрьмой, не умрет,
Но в прекрасном Едином и Целом
Благодатно вовек оживет.

Верит он, что во всем мирозданьи
Невидимо присутствует Тот,

Кто все создал, Кто это созданье
Охраняет и к благу ведет.

Верит он, что неправда и злоба
Перед образом Божиим дрожат,
А за гранью сурового гроба
Божья Правда с Любовью царят.

23 октября 1888

162

Не боюсь я старости, нет!
И теперь уж я сердцем старик,
Юной страстью давно не согрет
Мой лукавый, мой лживый язык.

Что ты, старость, возьмешь у меня?
Этот гнев, что вскипает порой,
Когда подлость людскую кляня,
Я страдаю усталой душой?

Эти вспышки меня тяготят,
А на битву не бросят они...
Бесполезные чувства кипят,
Безотрадные тянутся дни.

Что с тобою мне, старость, грозит?
О загубленной жизни печаль?
Раскаяния жгучего стыд?
Или будет кого-нибудь жаль?

Этих мук пожирающий ад
Мое сердце тиранит давно.
Бури жизни его не щадят,
И навеки разбито оно.

Приходи же, седая, скорей,
Беспощадную смерть приводи.
С леденящей улыбкой своей
Приходи поскорей, приходи.

6 ноября 1888

163

Ох ты, русский сон, уж и долог ты,
Уж и лют же ты, старый наш злодей.
Стали жители старой Вологды
Из Москвы к себе поджидать гостей...
Грозный царь Иван собирается
Царство русское обозреть кругом,
И на Вологду подвигается
Ходом медленным он большим путем.

27 ноября 1888

Переложил он сласти много,
 Назвал: «Федорушка Кузьмич».
 Охотно б обошелся строго,
 Да и над ним начальство — бич.

А впрочем, угодить он может
 Тому, кто в мире посильней,
 И знаю, скоро переложит
 Он мне того, что погорчей.

6 декабря 1888

Непритязательный и скромный,
 Я все же чувствую в себе
 Так часто недовольство к темной,
 Печальной, злой моей судьбе.

Гляжу ль на счастье невежды,
 Внимаю ли его речам,
 Иль упоение надежды
 Читаю по его глазам, —

Теснит мне душу зависть злая,
 Тоска сжимает смутный ум,
 И сам себя не понимая,
 Я полон недостойных дум.

Мне самому немного надо:
 Какой-нибудь простой приют
 Для размышлений, — мне услада
 От жизни отнятых минут.

Но ты, сопутница моя,
 Тебе тяжел твой путь и труден
 Быть может оттого, что я
 Был в жизни зол и безрассуден.

Оставив торные пути,
 Я шел неведомой тропинкой.
 Мечтал я лавром расцвести
 И вял растоптанной былинкой.

И я мечтал: сохранена
 Ты будешь под мою тенью,
 Пока повеет к нам весна
 Любви душистою цветенью.

Но солнца жгучие лучи
 Тебя палят, и ты в них вянешь.
 Печаль скрывать не хлопочи,
 Мой друг, — меня ты не обманешь!

И вот, что дальше, то все злей
К чужому счастью я ревную,
И в тишине моих ночей
Бессильно плачу и тоскую.

28 декабря 1888

Среда

165a

Оставив торные пути,
Я шел неведомой тропинкой.
Мечтал я лавром расцвести
И блекнул жалкою былинкой.

Непритязательный и скромный,
Я все же чувствую порой
Больное недовольство темной,
Печальной, злой моей судьбой.

Гляжу ль на счастье невежды,
Внимаю ли его речам,
Иль упоение надежды
Читаю по его глазам, —

Теснит мне душу зависть злая,
Тоска сжимает смутный ум,
И сам себя не понимая,
Томлюсь от недостойных дум.

28 декабря 1888

Среда

166

Когда стоял Наполеон
У стен трепещущей Москвы,
Перед грозой его знамен
Не преклоняла ты главы.

1888

1889

167

Битвой со злом бесконечным
Я утомлен уж; едва ли
В шуме и в смехе беспечном
Сердце забудет печали.

Пусть на минуту обманет
Сердце веселая радость, —
Все ж из могилы не встанет
Горем убитая младость.

2 января 1889

И в тиши, незримой свету,
 Нетревожимый толпой,
 Я чеканю, как монету,
 Стих мой звонко-золотой.
 Разукрашены, согреты
 Жаром мысли, звоном слов,
 Стройно нисходят куплеты
 Вязью крупных жемчугов.

Но я болтлив превыше меры,
 Разнообразные размеры
 Не оправдают, знаю я,
 Мои скачки и отступленья,
 И мой печатный судия
 Мне не дарует снисхожденья.

8 января 1889

169

Бесконечны преферансы.
 Поиграем, встанем, выпьем водки.
 На закуску — вкусные селедки.
 Посравним с хитринкой шансы.

«Этакое невезенье!»
 «Полно, мы ведь вашу запись видим».
 «Ох, хитрец!» — И снова тихо внидем
 В область карточного бденья.

15 января 1889

170

Жил бы я повеселей,
 Побогаче, посчастливей,
 Если б был я поскромней,
 Посмирнее, терпеливей,
 Если б гнулася спина
 Перед силою и властью, —
 Но хоть горем жизнь полна,
 Я горжусь своею частью.
 Пусть ведет меня она
 К темному несчастью,
 Но не скажет злобный мир
 Над моей могилою:
 Читил он наш кумир,
 Гнулся перед силою.

И пускай клеветает мой
 Неприятель и гонитель,
 Пусть он горем и тоской
 Омрачит мою обитель.

Не согнусь пред ним в дугу,
Не пойду на мировую
И не стану мстить врагу
За его обиду злую.
Поборюсь, пока смогу
Я за истину святую.
И уж там пускай идет
Непогода мгlistая,
Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

15 января 1889

171

Я песню пропою
Про Ксению мою.

По нежной красоте,
Знакомой лишь мечте,

Ей равных в мире нет.
Мила, как вешний цвет,

Как лилия, бела,
Как роза, расцвела,

Но раннею весной
Жестокою рукой

Погублена она,
И в жертву предана

Холодной, злой тоске.
Так роза на песке

Измятая лежит,
И грустен ее вид.

21 февраля 1889

*172**

Под солнцем весны благовонной,
Когда все так пышно цвело,
Я видел великое зло.
Работник стонал утомленный
Над нивой своей истощенной,
Богатство — к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствуют счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду я видел картины
Неправых стяжаний и зла.
Рука неизбежной судьбины
Путем нищеты и кручины
Рабов беззащитных вела.

Разбил я свои упования,
Я проклял исканья свои,
И горькой отравой страданья
Исполнены песни мои.

26 февраля 1889

173

Болтун и враль, Корчаг-Гречина,
Пред новым годом ожидал,
Что будет он, прямой дубина,
Наверно штатский генерал.

Но эту чванную затею
Не удалось осуществить:
Пришлось Гречине получить
Увы! Владимира на шею.

Гречина лапки опустил,
Печально нос свой красный свесил,
И непомерно загрустил, —
А прежде был куда как весел.

Мой друг! доволен будь и тем:
Ведь это много лучше, чем
За незаконные затеи
Быть протуренным вдруг в три шеи.

12 марта 1889

174

Я написал бы вам куплеты:
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для насмешливой Аннеты
Искать рифмованных речей.
Мечта растет в душе поэта,
Как тучка в небе голубом,
И разрешается потом,
Полдненным солнцем разогрета,
На солнце блещущим дождем.
Но над душой моей царила
Давно томительная тьма;
Моя душа была уныла,
И равнодушна, и нема.
Вы появились предо мною,
Приветами меня даря, —
И над душой моей немою

Горит прекрасная заря.
Перед явлением благодатным
Вся вострепнулась душа,
И я, с волнением непонятым,
Печаль былую заглуша,
Тревожно жду: на смену тучам
Ужели ясный день взойдет,
И милый взор ваш солнцем жгучим,
Но обольстительным, блеснет?

13 марта 1889

175

Ковром зеленой ряски
Затянут, дремлет пруд.
И, мнится, оживут
Осмеянные сказки:
Зеленой головой
Всплывет из вод русалка,
Бела, стройна, нага,
И тонкая, как прялка,
Задвигается нога.
Но пруд спокоен; ряска
Едва-едва плывет,
И бабушкина сказка
Увы, не оживет.

6 апреля 1889

176

Пришли мы от обедни ранней,
Спешим отведать кулича.
Пасхальный скромный стол желанней,
Чем пышный пир у богача.

Святая Пасха благодатна,
Когда пред нею сам ты прост,
И разговеться так приятно,
Когда был строг и долг пост.

Кулич и пасха — посредине,
Вкруг — яйца, окорок, вино.
Все темное забыто ныне,
Греховное все прощено.

В домашней праздничной одежде
Сажуся я босой за стол,
Как будто в радостной надежде
В обитель горнюю вошел,

Где все невинно, свято, бело,
Где под ногами облака,

И где к святейшим брашням смело,
Легко касается рука.

Со мной сидят сестра и мама,
И свято наше торжество,
Как будто бы пришли мы прямо
К престолу Бога своего.

9 апреля 1889

177

— Не люблю чинуш я чинных:
Заработают гроши,
И топорщатся в гостиных,
Дома ж — ши не хороши.

— Дети ль, взрослые ль — спесивы,
Дома треплют сапоги.
Ты не бойся, сын, крапивы,
Сапоги побереги.

— Посмотри-ка на иконы, —
Что святых-то босиком!
А приходят без препоны,
Да не в барский, в Божий дом.

12 апреля 1889

178

Кто любит мать?
Сирота.
Где пленил нас Христос?
У креста.
Где невеста прелестна?
В могиле.
Когда сын не испорчен?
Когда рано умрет.
Когда друг не клеветает?
Когда он далеко.
Когда жизнь не обманет?
Когда прервется.

17 апреля 1889

179

Мне не дожить до светлых дней,
Когда усильями народа
Престолы гордые царей
Как некий прах сметет свобода.

Но после смерти я б желал,
Чтоб на свидание с землею
Бог пред концом меня послал,

Чтоб я бесплотною душою
Судьбу потомков увидал.

Пришли ли к вожделенной мете?
Освободились ли они?
И правда ль царствует на свете,
Как ложь лихая в наши дни?

26 апреля 1889

179а*

Не доживу до светлых дней,
Когда грядущие народы
Преданья битвы и цепей
Заменят песнями свободы.

И умереть не жаль. Но я
Хотел бы, чтоб душа моя,
Когда пройдут века неволи,
Мир посетить могла на миг,
Узнать, как света он достиг,
Как зло потомки побороли.

26 апреля 1889

180

Я проснулся. В окно
Солнце светит давно,
И душа ему, светлому, рада.
Я оделся молчком
И бежал босиком
По дорожкам цветущего сада!

И смеюсь, и пою,
И рубашку мою
На бегу ветерок раздувает.
Вот кусты лозняка,
Вот и наша река,
Извиваясь, журчит и сверкает.

Я одежду долой,
И вперед головой
Прямо с берега в реку ныряю,
Опускаюсь до дна,
А вода холодна,
Я проворно наверх выплываю.

Я плыву, и кругом
Брызжу воду столбом,
По воде ударяя ногами;
Солнце в брызгах блестит
И волну золотит,
Ветер тихо играет кустами.

12 октября 1888, 7 мая 1889

Пока задумчивый мой гений
Лениво спал или дремал,
Обилием плохих стихотворений
Меня мой рок безбожно наказал.

Писака я уж слишком ярый,
Марать бумагу стал давно,
Но вдохновительною чарой
Владеть порою мудрено.

Потратил времени я много,
И жаль, что некому порой
Мой труд ценить решительно и строго,
И сечь меня жестокою лозой.

Чтоб я иль вовсе бросил пенье,
Иль, помня лозовый урок,
Свои незрелые творенья
Одеждой брачною облек.

21 мая 1889

Пустынный путь. Иду босой.
В песке сыпучем ноги вязнут, —
Я утомлен. Спадает зной.
Заходит солнце. Краски гаснут.
Все та же степь лежит кругом,
Я не встречал давно жилища.
Но вот на поле золотом
Краснеет что-то: старый дом?
Забор забытого кладбища?
Старинной крепости стена?
Излом глубокого обрыва?
И я спешу, — желаньем сна
Душа окована лениво.
Я вижу каменных палат
Полуразрушенные стены.
Здесь, полстолетия назад,
Такой не ждали перемены.
Кипела жизнь, — толпы гостей
Под разукрашенные своды
Вносили блеск и шум речей
И для завистливых очей
Затеи прихотливой моды.
Но все промчалось, — много лет
Жильцов в пустынном доме нет.
Стоит он, дряхлый, в думе строгой,
Уныло разрушенья ждет, —
И только странник босоногий,
Измучен дальнею дорогой,
На двор широкий забредет.

И я, не сняв своей котомки,
Присел уныло на обломки.
Там стекла выбиты, а там
Зияет трещина, как ранка,
И в ней приют своим корням
Нашла цветущая румянка.
Лучом прощальным облиты,
К обветренной стене кирпичной
Прижались синие цветы
С какой-то лаской необычной.
Излом неровный кирпича
Тычинки красные лобзают,
И листья узкие сметают
Пыль, волосками трепеща.

25 мая 1889

183

Три зверенка — не зверенка,
Три чертенка — не чертенка
По зауголью живут,
В неподобный час выходят,
Игры жуткие заводят,
И орут, и вопиют.

Первый — желтый, липкий, кволый,
Ростом с палец, но тяжелый,
Что кошмарный камень, вздох.
В несуразный ведьмин праздник
Не последний он проказник,
И его поклечут: «Ох!»

А второй — вертлявый, тонкий,
Взор мышинный, голос звонкий.
Друг его — крикливый Зой.
На пирушке у колдуньи
Про него гнутят шептуньи:
— Голосистый вырос Ой! —

Третий — юркий и визгливый,
Топотун нетерпеливый,
Взвизгнет, уши затыкай.
У шишиги на пирушке
Шелестинные старушки
Шепчут: — Хват же этот Ай! —

Чуть слышат запах лозы,
Набегут быстрее, чем слезы,
И пока меня дерут,
Забавляются, кривляясь,
Вдоль по розгам кувыркаясь,
И пронзительно орут.

25 мая 1889

ГЕРМАНКА

Рукою матери меч острый занесен
 Над милым, тихо спящим сыном,
 Чтоб сын Германии не был порабощен
 Надменным римским гражданином.
 Там слышен бранный крик, мечей и треск, и гром,
 Здесь смотрит мать полунагая,
 Как льется кровь из сердца мальчика ручьем,
 Как он трепещет, угасая.
 Лежит пред ней красавец-сын ее нагой, —
 А в лагерь враг уж проникает.
 Бесстрашная, она на меч тяжелый свой
 Нагою грудью упадет.

29 мая 1889

184a

ГЕРМАНКА

Тяжелый меч над сыном занесен
 Рукою матери, над спящим сыном,
 Чтоб не был сын ее порабощен
 Надменным римским гражданином.

Там слышен бранный крик и звон мечей,
 Здесь смотрит мать, изнемогая,
 Как льется холодеющий ручей,
 Как сын трепещет, угасая.

И вот лежит, лежит он, кровью облитой,
 А в лагерь враг уж проникает.
 Она на меч тяжелый свой
 Бесстрашной грудью упадет.

29 мая 1889

185

Поверьте, синего чулка
 Равно несносны мне приметы
 И у блуждающей кометы,
 И у ночного мотылька.

Весна 1889

186

Шипит вино в моем бокале.
 Его один я грустно пью.
 Развей, вино, мои печали,
 И усыпи тоску мою!

Пускай мое воображенье,
Согрето пеною твоей,
Послужит мне как отраженье
Иной страны и лучших дней.

Из этой области мороза
Неси, неси меня, мечта,
В тот край, где зреющая лоза
Вся жарким солнцем облита!

Где смуглой красотой прельщая
Разочарованный мой взгляд,
Стоит у лоз она, босая,
Сбирая зрелый виноград!

3 июня 1889

187

Туманная осень пришла,
И листья с деревьев опали,
В долинах — ползучая мгла,
В лесу — обнаженные дали.

Безвременник лишь луговой
Цветок распустил свой лиловый,
Но, кажется, стебель нагой
Уже не гордится обновой.

Он помнит, как в летние дни
Цветка его листья все ждали.
Цветка не дождалась она,
Увяли и наземь опали.

24 июня 1889

187a*

Осень холод привела,
Листья на землю опали,
Мгла в долинах залегла,
А в лесу — нагие дали.

Безвременник луговой
Распускает цвет лиловый,
Но, печальный и нагой,
Не гордится он обновой.

24 июня 1889

188

Когда проходят предо мною
Виденья бедных детских лет,
Сквозь тучи мрачные порою
От них отрадный блещет свет.

И сладко мне — давно забвеньем,
Сокрытый случай вспоминать,
И неожиданным волненьем
Больные думы оживлять.
По шумной улице близ рынка
Я пыльным летом проходил.
Не все мне было здесь новинкой,
Но чутко я за всем следил.
Толпы, шумя, спешат куда-то,
Колеса гулко дребезжат,
Бегут крикливые ребята, —
Везде стучат, пылят, гремят.
Но вот сквозь этот шум и рокот
Я слышу чей-то пьяный крик,
И чью-то брань, и чей-то хохот:
Бьет бабу пьяную мужик.
Вокруг толпа — и всем так любо,
И я туда же поспешил, —
И вдруг старик какой-то грубо
Меня за плечи захватил.
«Ступай, малыш, своей дорогой,
Тебе здесь не на что смотреть!» —
Сказал он мне, и голос строго
Звучал, слегка звеня, как медь.
И я, противиться не смея
Словам седого старика,
Ушел, смущаясь и краснея,
От грязной двери кабака.

29 июня 1889

189

Когда я бился безнадежно
За свой высокий идеал,
Людей любил я так мятежно
И так глубоко презирал.

Но, закаляясь в пытке лютой,
Давно усталая душа
Черствела с каждою минутой,
Тоской холодною дыша.

Ее пятнали впечатленья,
Дел безобразных лжи и зла,
И даже жажда возрожденья
В душе порочной умерла.

Мне не воскреснуть к жизни новой
С душой запятнанной моей,
И не свернуть мой путь терновой
На путь надежды золотой.

30 июня 1889

189a

И я стремился безнадежно
К мечтам, которых тщетно ждал,
И всех любил я так мятежно,
И так надменно презирал!

И закалялась в пытке лютой
Моя суровая душа,
Хладея с каждою минутой,
Тоскою тусклою дыша.

Ее пятнали впечатленья
Презренной пошлости и зла,
И скоро жажда возрожденья
Во мне навеки умерла.

Не одолеть тоски суровой
Душе поруганной моей,
И не свернуть с тропы терновой
К надеждам первозданных дней.

30 июня 1889

190

Средь ночи иногда мне нравится
Тихонько вылезти в окно
И на берег реки отправиться
Купаться: жутко и смешно.

5 июля 1889

191

Там, где статуя блистала
Обнаженной красотой,
От цветного пьедестала
Выделяясь белизной,
Там, где мрамор тот холодный,
Оживлен мечтой свободной,
Жизнью страстною кипел,
Грудь волнисто серебрилась,
Сердце мраморное билось,
Взор потупленный горел, —
Там, где стройные вершины
Ясень гордо возносил,
И теснились руины,
И фонтан среди долины
Белым призраком сквозил, —
Я просиживал, случалось,
Пред статуей по ночам, —
Дума в край заветный мчалась,
И богиня улыбалась
Детским трепетным мечтам.

Там, задумчивый ребенок,
Только вышел из пеленок,
Я о счастья мечтал,
И на ласковой свирели
О заветной, тайной цели
Песню робкую играл.

Раз, при блеске лунной ночи,
Только стихло все кругом,
Беломраморные очи
Страстным вспыхнули огнем.
Наяву или в мечтаныи,
Я потом понять не мог,
Но я видел колыханье
Белых персей, колебанье
Белых уст и трепет ног.
Шепот ласково призывный,
Взор манящий, огневой,
На щеках румянец дивный
Переливную зарей.
Полон дикою мечтою,
Я дрожащею рукою
Одеяния сложил
И у ног богини стройной,
Весь трепещущий и знойный,
Обнаженный, я молил
Хоть единого лобзанья,
Ласки страстной хоть одной
За былые ожиданья,
И за долгие блужданья
В роще темной и глухой.

И она ко мне склонилась,
Вся сияя и маня,
И легла, и вдруг обвилась
Как змея вокруг меня.
Страстью дикою волнуем,
Я богиню обнимал,
Поцелуй за поцелуем
С бледных уст ее срывал.
Целовал ее ланиты,
Ее плечи целовал,
И, мечась, ногами плиты
Пьедестала, все облиты
Лунным блеском, поражал.
В небесах, скользя, глядела
Серебристая луна,
И в лучах ее смуглело,
Извиваясь, мое тело,
И, колышась, как волна,
Блеском искристым блестела
Ее тела белизна.
Вдруг богиня стройно встала
На граните пьедестала.

Я к ногам ее упал.
 Ночь прошла, заря сияла,
 На востоке солнце встало, —
 Все, недвижим, я лежал.
 И когда сияло утро,
 Нежным блеском перламутра
 Мои плечи осеня,
 На траве под пьедесталом
 Сном объятого, усталым,
 Наконец, нашли меня.
 Я свои ночные грезы
 Никому не рассказал.
 < > березы
 < >
 И когда < >
 Перед статуей милой,
 Я < >
 Не < >
 < >
 И < >
 И < > плиты
 Пьедестала поражал.

6 июля 1889

192

Тяжело вспоминать мне детские годы,
 Тоскливые, мрачные душевные дни;
 Под неистовым воем свирепой невзгоды,
 В нищете безотрадной томились они.
 Оглушен и подавлен гремющей столицей,
 Посреди неприветливых темных громад,
 Рано стал я встречаться с моею царицей,
 Рано стал наслаждаться звенящей цевницей, —
 Но немного богиня дала мне отрад.
 По ночам ко мне мрачная муза слетала,
 Поражая суровою, дикой красой.
 Беспокойная грудь ее бурно дышала,
 На устах ее звонкая песнь трепетала,
 А глаза загорались безумной грозой.
 Сладкозвучнее флейты и звонче свирели
 Разливались напевы в полунощной тьме.
 В них рыдания, проклятья и стоны звенели,
 Как тоскливые отзвуки зимней метели,
 Как предсмертные девичьи крики в тюрьме.
 И волшебная сила печального пенья,
 Подхватив, поднимала меня, как волна,
 Уносила меня в города и в селенья,
 И внезапно глубокого, злого значенья
 Непонятная жизнь становилась полна.
 Перед детским моим негодующим взором
 Восставали победы коварного зла,
 Побезденная правда клеймилась позором

И отсюда немолчным, ликующим хором
Торжествующей силе гремела хвала.
Злобно знойная буря вставала
В истомленной, измученной детской груди,
Сердце билось тяжело, и кровь закипала,
И мечта, точно птичка больная, взлетала
Поглядеть: не блестит ли заря впереди.
Улететь далеко не хватало ей мочи,
И во мрак упала бессильно она.
И скрывалась муза за пологом ночи,
И смыкала мои утомленные очи
Поцелуем горячим для горького сна.
И во сне мне мерещилось вечное горе,
И давил мою грудь неотвязный кошмар,
Торжествующий, злобный, как гневное море,
С необузданной бурей в диком просторе,
Сжигающий сердце, как лютый пожар.
Просыпался я, ужасом тяжким томимый,
С замиравшим дыханьем, бледнея, дрожа,
Сердце билось и рвалось в тоске нестерпимой,
Словно мне угрожал в этом мраке незримый,
Неизбежный удар рокового ножа.

Годы шли, — и обрушила злая судьбина
Бремя мук и тоски на усталую грудь,
Разогнала былые мечтанья кручина,
Обыденная пошлость, как влажная тина,
Уж готова навеки меня затянуть.
До расцвета развернуты, вянут уж силы,
Гаснет в сердце, спаленном тоскою, пожар,
Впечатления жизни ни горьки, ни милы,
Раскрываются жадные двери могилы,
Исполняется въяве проклятый кошмар.

8 июля 1889

193

Кто живет в мире мысли и сладостных грез,
У того не замолкнет гремящая лира,
Не затихнет в душе неотвязный вопрос,
Не иссякнет источник томительных слез
О неправдах и муках порочного мира.

На заоблачных кручах альпийских высот
Не растают вовек снеговые громады,
В ледниках не исчезнет ползучий их лед,
Не иссякнут источники горные вод,
Не устанут греметь и кипеть водопады.

10 июля 1889

Искать грибы довольно скучно,
 Но лес! Но тень! Но влажный мох!
 Вдали «ау» так звонко звучно,
 Вблизи — как будто чей-то вздох.
 Но никого здесь нет со мною,
 Одни лишь ветки шелестят,
 Да под нагой стопой порою
 Сухие листья зашуршат.
 Корзинку бросив, под кустами
 Лежать бы долго и мечтать!
 Но там, за пыльными путями,
 Меня уж поджидает мать.
 И вот наполнена корзина,
 Грибы как будто на подбор.
 Вот кончен лес. Дорога, глина,
 Песок, канава и забор,
 Мостки, ворота и калитка,
 И вот я дома, наконец,
 И мама говорит: «Поди ж-ка,
 Грибов-то сколько! Молодец!»

12 июля 1889

195

Он свел ее с ума своими поцелуями
 И нежными пожатьями руки,
 И стали сны ее желаньями волнуемы,
 И дни полны томительной тоски.

15 июля 1889

196

Еще и этот день неслышно в вечность канул.
 Как медленно он шел, как скоро пролетел!
 Ты на закат его с тревогою смотрел,
 Как будто ждал чего. Того ль, чтоб в небе грянул

Над головой твоей внезапный гневный гром,
 И небо все зажглось излучинами молний,
 И перед их святым, карающим огнем
 Долина сделалась мрачнее и безмолвней,

И, в дикой ярости внезапно разрешась,
 Громады туч таким на землю пали б ливнем,
 Как будто слезы все людские потекли в нем,
 Как будто небо плачет, скорбию томясь?

Но шуму ярых бурь и воплям непогоды
 Заветных, знойных дум в душе не заглушить.
 Сияет день, гремит ли гром, — но без свободы
 И безотраднo так, и трудно в свете жить.

К ярму тяжелому привязанный, послушно
Глубокий тук полей вол плугом бороздит,
И пред собой бессмысленно и равнодушно
На ширь степей и неба он глядит.

Не для него блестят синеющие дали,
Не для него горят на небе облака,
Не для него сверкает острым блеском стали,
Потоками лучей облитая река.

Ярмо, да плуг, да бич, да тяжкие усилья, —
Вот весь душевный мир послушного вола.
Но ты не вол. Ты был орел, да только крылья
Жестокая рука судьбы оторвала.

Влачась по земле, угрюмой и холодной,
Не можешь ты забыть про яркую лазурь,
Про чистый воздух гор, где ты парил свободный,
И выше облаков внимал стенанью бурь.

10 сентября 1888, 16 июля 1889

197

День опять встает, ликуя,
И смеется надо мной.
Жизнь докучную влеку я.
Сердце глупое, не ной!

Веселися. В стекла окон
Бьется жаркий, яркий луч.
Пронизать пространства мог он,
Прям, настойчив и могуч.

Он сметает жизни горечь,
Паутину серых дней,
И без слов звучит его речь
Все понятней, все ясней.

22 июля 1889

198

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно, в первый раз,
Порока бездне беспощадной
Я силы юные обрек.
Вампир, полуночный порок
Меня объемлет кровожадный.

Смерть, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет страстная душа
Ее кипучих наслаждений,
И просыпается порой,
Как искалеченный больной,
Полузагубленный мой гений.

24 июля 1889

Давно судьбой моей унижен,
 Но злою долей не обижен,
 Людей о дружбе не прошу,
 Дарю их холодом презренья,
 И терпеливо выношу
 Их сплетни, злость и осужденья.

И если б как-нибудь в пути
 Случилось друга мне найти,
 Я отравил бы дружбу нашу
 Своей медлительной тоской
 И другу злых раздоров чашу
 Поднес бы мстительной рукой.

24 июля 1889

200

Сгустилась ночь. Раскрыв окно,
 Я в сад гляжу, где все темно.
 Шипит вино в бокале.
 Его я жадно, жадно пью,
 И слезы тягостные лью
 О побледневшем идеале.

Как я кипел, как я мечтал,
 Как беспокойно я желал
 Всю жизнь отдать святым порывам,
 Как я опасностей молил,
 Какой источник жгучих сил
 Таился в сердце горделивом!

Как сон, рассыпались мечты.
 А в жизни скорбь и труд слиты
 С позором рабского терпенья,
 И упоенье юных дней
 Сменило блеск своих лучей
 На чад ползучий опьяненья.

24 июля 1889

201

Как много людям ты даешь,
 На солнце зреющая лоза!
 От солнца силы ты берешь,
 Храня их и во дни мороза.

В корзинах много дорогих,
 Разнообразных формой ягод.
 Вкусны на месте. Хватит их,
 Коли умно уложат, на год.

То яйцевидны, то круглы,
То спорят с пальцами ребенка,
Желты иль сини, все милы,
Их любит всякая бабенка.

Названья вин не перечеть.
Послаще есть, и есть посуше,
Шипучие меж ними есть, —
Резвят умы и тешат души.

Изюм готовится, кишмиш,
От греков мелкая коринка,
В гастрономических, глядишь,
Вот за корзинкою корзинка.

В изюме радость солнца спит, —
Еврею ведома сноровка;
Семью еврея веселит
В великий праздник пейзаховка.

И это все, чтоб знали мы
В обителях земного мира,
Что мы — не дети здешней тьмы,
Что наши души из эфира.

27 июля 1889

202

Не называй ее пленительной и нежной,
Невинности души ее не доверяй,
И жар своей души глубокой и мятежной
Мечтой о чистоте прелестной не питай.

Она пред зеркалом стоит одна, нагая,
Прельщенная своей роскошной простотой,
И формы стройные красиво одевая,
Она волнуется безнравственной мечтой.

Располагает так она одежды складки,
Чтоб в них сокрытая сквозила красота,
Чтоб в их стремительном и пышном беспорядке
Не скрылась ни одна манящая черта.

Изучен каждый шаг и каждое движенье,
Улыбка каждая и каждый беглый взгляд.
И все притворно в ней — и радость, и волненье,
Обманчивым огнем глаза ее горят.

Не верь румянцу щек: служанка ее щеки
Сплеча колотит крепкой, сильною рукой, —
Удары сыплются и звонки, и жестоки,
Зато в лице горит румянец огневой.

31 июля 1889

Послужил я родине усердно,
 За нее немало пролил поту.
 Как кузнец, сплеча, немилосердно
 Я рубил, рубил свою работу.

В лес идешь, — боишься ль с волком встречи?
 Лес сечешь, — жалеешь что ли плечи?
 Хочешь рыбы, — замочи, брат, ноги!
 Нужен чорт, — хватай его за роги!

Много, братцы, мне истомы было.
 Все ломил я, ждал, спасибо скажут.
 Все, все дочиста ухлопал силы,
 Мне ж, на посмея, медом губы мажут.

Ой, возмись же ты за ум, детина.
 Поумнеть тебе давно бы надо:
 Знай работай, не жалея спину,
 И не жди за труд себе награды.

2 августа 1889

Измучен вечною заботой,
 Нуждой злорадной угнетен,
 За нелюбимую работой
 Все дни свои проводит он.

Как раб, нагнувшийся над плугом,
 Идет он с твердостью вола;
 И над нерадостным досугом
 Судьба отраву разлила.

Не для него сулило счастье
 Свои роскошные дары.
 Ему — иль ветер и ненастье,
 Или палящие жары.

Страдая мукой чрезвычайной,
 Неразделенною тоской,
 Он все ж послушен воле тайной,
 Идет оборванный, босой.

Идет тернистою дорогой,
 Бог весть зачем, Бог весть куда,
 Идет он полный веры строгой
 В святыню тяжкого труда.

Он в недалекую могилу
 Без страха бодро донесет
 Свою надломленную силу, —
 И с чистой совестью заснет.

3 августа 1889

Страх и стыд владеют мною.
 Мама высечет меня,
 Беспощадною рукою
 За ленивый час казня.

Тонет стыд в жестокой боли.
 Розги хлещут. Боль и страх.
 Проступает кровь по голи.
 Рев и крики: ай! ой! ах!

Наказание свершилось.
 Страх уж больше не томит.
 Боль осталась, хоть смягчилась.
 Весь я красен, голый стыд.

3 августа 1889

Что больше думать, злая боль
 Людских насмешек все сильнее.
 Так всыпанная в раны соль,
 Что ни минута, жжет больнее.

Тебя язвят со всех сторон,
 А ты, бедняк, что сам зеваешь,
 И только жгучей боли стон
 В себе стыдливо подавляешь?

Вооружись и ты кнутом
 Насмешки ядовитой,
 Да и валяй по всем по трем.
 Нападки — лучшая защита.

4 августа 1889

Выйду в поле, свистну, крикну:
 — Гой ты, конь мой удалой!
 Стань-ка ты передо мною,
 Точно лист перед травой!

Уж и я ли в твое ухо
 Заползу кой-как ужом,
 Из другого уха выйду
 Разудалым молодцом.

Выше леса, выше бора
 Полечу я на коне
 Под серебряною тучей
 При полуночной луне.

Гриву дыбом подымая,
Скачет конь золотошерст,
Из ноздрей пускает пламя.
Что ни скак, то сотни верст.

8 августа 1889

208

Жизнь пуста и холодна,
Мир несчастливым так тесен!
Чаша, полная вина,
Ты — источник звонких песен!

Соберемтесь же, друзья,
Как сбирались мы, бывало,
В час, как пенная струя
В наших чашах закипала.

Давит нас лишений гнет,
Ломят вражеские силы,
Перед нами влажный вход
В сень зияющей могилы.

Дружно боремся со злом,
Всюду тын нам да помеха.
Чаша, полная вином,
Ты — одна для нас утеха.

За один лишь светлый миг,
За один лишь миг отрады
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады.

Март 1885, 12 августа 1889

209

Сколько раз я сердцу говорил,
Что ему навек пора уняться,
И что больше нет во мне и сил
Вслед за ним кипеть и порываться.

Нет, оно, безумное, горит,
На людские стоны стонет эхом,
И никак его не охладит
Злобный мир своим жестоким смехом.

21 августа 1889

210

И вкривь и вкось толкуем часто мы,
Суждений много очень диких:
— Шекспир, Бэкон — великие умы! —
А что мы знаем о великих?

Что нам сквозь пыль столетий сберегли
Их славы жалкие потомки?
Слова и сплетни к нам едва дошли, —
Их жизни хрупкие обломки.

15 октября 1889

211

Кафтан свой береги,
Покудова он нов.
Здоровье береги,
Покудова здоров.

По мостику беги,
Покудова лежит.
От врага беги,
Покудова не бит.

День ясный не хвали,
Покуда не пройдет.
При маме не шали,
Покуда не сечет.

Ну, а если износился
Твой кафтан, так не тужи.
Ну, а если простудился,
Так смирихонько лежи.

Если мостик провалился,
Реку вброд переходи.
Если враг вдруг явился,
Речь о мире заводи.

Если туча налетела,
От дождя домой спеши.
Мама высечь захотела,
Жди березовой лапши.

5 ноября 1889

212

Есть обороты слова
Такие, что беда.
Звучат они сурово,
Уступишь им всегда.

— Уж лучше сделай то-то,
А то я рассержусь. —
Такого оборота,
Конечно, я боюсь.

— Не стану прибаутки
С тобою разводить,

Со мною плохи шутки! —
Ну, где уж тут шутить!

7 ноября 1889

213*

Недавний раб Пентефрия Иосиф,
Со смуглых плеч покров дырявый сбросив,
В саду трудился. Подошла жена
Пентефрия; смеялася она,
На обнаженного раба глядела
И пламенем любовным пламенела.

.....
И отрока вельможа возлюбил
И яркой ризой стан его обвил!..

.....
У фараона муж. — Иосифа введите, —
Сказала госпожа, — вина мне принесите. —
Он входит к ней. Лежит обнажена,
Вся смуглая, вся жаркая жена.
Послушный раб стоял, склонивши шею,
В смущеньи целомудренном пред нею.
Она зовет: «Приди ко мне, приди,
И ляг, мой отрок, здесь, к моей груди».
Но он молчит. Встает она нагая
И, отрока на ложе увлекая,
Его объемлет жаркою рукой.
Рванулся он и плащ свой дорогой
В руках ее оставил, убегая,
Свою невинность гордую спасая.

19 ноября 1889

214

Я опять в этой чудной стране,
Где моя чаровница царит.
При мерцающей тихо луне
Ее терем огнями горит.
Колоннадой украшен фасад,
Над колоннами — статуи в ряд,
Вкруг серебряной кровли блестит
Золотая решетка. Портал
Весь из мраморных белых колонн,
А за ним ряд сверкающих зал.
Там в прозрачном сосуде зажжен
И, синяя, дымит фимиам,
Упоительно-сладостный; там,
Благовонием роз напоен,
Воздух мягкой клубится волной.
По стенам малахит и порфир,
И картины, — пленительный мир
В них искусной воссоздан рукой.
Чу! — бряцанье невидимых лир

Пронеслося над арками зал, —
И я сладостный хор услышал,
В изумленьи пред ним онемел,
И все слушал бы, слушал бы. Пел
Он о чем-то прекрасном, — я слов
Не расслушал, но понял я вмиг
Обаянье, разлитое в них,
И до утра был слушать готов.
Но затих восхитительный хор.
Я по залам бродил без конца,
И бродил очарованный взор
По несметным богатствам дворца.
Вдруг я слышу журчащую речь,
Тихий ропот, и шепот, и стон,
И явленьем небесным смущен,
Видом светлой царицы, совлечь
Поспешил я сандалии с ног,
И смиренно, и в страхе, босой,
Я колени склонил на порог,
И в смятеньи поник головой.
Но царицы сияющий взгляд
На меня не склонился. Она...

11, 19 ноября 1889

215

СЕРЕНАДА

Серенады нежной звуки
Раздались вдруг под окном, —
И невольно ищут руки
Платье в сумраке ночном.

Кровь взволнованная бродит...
Живо свернута коса...
На балкон она выходит,
Чуть прикрыта и боса.

Желтый месяц озаряет
Ее бледное лицо...
Милый тихо напевает,
Опершись на крыльцо.

21 ноября 1889

216

По улицам грязным деревни
Под мелким осенним дождем
В час раннего утра мальчишки
Учиться бегут босиком.

Вот школа. Убогая хата
Тесна, и темна, и дымна.

Как лавка старьевщика, тесно
Набита столами она.

Пришли и уселися шумно
На старых, избитых скамьях,
Внимание жадное видно
В пытливых и зорких глазах.

Ох, бедные вы босоножки!
Не азбуку нужно бы вам, —
Сознание права нужнее
Забитым и робким рабам.

И раньше, чем песни о детях,
Чем даже молитвы твердить,
Прекрасную песню свободы
Вам, дети, пора б заучить.

Да сложатся песни такие
Тогда лишь, как все мы умрем,
Когда побегут наши внуки
По свежей траве босиком.

27 ноября 1889

217

О душа, ни на что не надейся.
Ной от боли, усталое сердце, томимое горем,
И в груди беспокойно и тягостно бейся, —
Может быть, мы тоской и тревогой развязку ускорим.

Изнывая любовью бессильной,
Догорай, словно факел над бурей сердитой, —
Насыпь свежая, крест надмогильный
Нас прикроют надежной защитой.

На земном безмятежном просторе
Нет ни пяди, не облитой кровью людской да слезами...
Что ни сеяло кровью суровое Горе,
Всё сберёт, будет время, румяное Счастье цветами.

9 декабря 1889

218

Разорвалось сердце от боли,
От глухой, неотвязной, гнетущей всегда,
От томительной боли житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Разорвалось и, кровью облита,
Наслаждается смертною мукою грудь:
Наконец, наконец эта жизнь пережита,
И пройден утомительный путь!

Смерть грозит мне копящей рукою.
Нет, покончены муки, я твердо умру:
Я всю жизнь посвятил непосильному бою,
Порываясь к свободе, к труду.

25 декабря 1889

218а

Разрывается сердце от боли
Неотвязной, томившей всегда,
От житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Жаркой кровью облита,
Наслаждается муками грудь:
Наконец эта жизнь пережита,
Завершен утомительный путь!

Смерть горит незакатной зарею, —
К ее ласкам я смело иду.
Я был честен и кроток душою,
И покорен труду.

25 декабря 1889

219

Лучи заходящего солнца сквозили
Сквозь темную зелень задумчивых ив,
И светлые кудри ее золотили.
Головку больную к груди наклонив,
Бледна и обвеена смертным дыханьем,
Глядела на запад невеста моя.
Измучен тоскою, разбитый страданьем,
Сидел с нею рядом под ивами я.
И тихо любимая мне говорила:
«Прости, мой желанный, прости! не для нас
Весна все цветами вокруг расцветила,
В зеленый да пышный наряд убралась!
Не нам по лесам соловьиные трели,
Не нам улыбается светлая ночь.
Болезнью испуганы, грезы слетели
С очей моих жарких давно уже прочь.
В душе поселилась давно безнадежность,
Я к мысли о смерти привыкла давно,
И только к тебе сохранила я нежность,
К тебе только странное чувство одно.
Но ты не кручинься над бедной могилой,
Где буду так скоро я мирно лежать;
Ты силой владеешь, могучею силой,
Не личной тоскою тебе тосковать!
Припомни свои вдохновенные речи,
В те дни, когда ты мое сердце пленил,
И в наши короткие, беглые встречи

Для мыслей суровых мой ум разбудил.
Тогда, мой желанный, тогда поняла я,
Как тягостен многих угрюмый удел.
Над ними царит безнадежность, вливая
Яд скорби и немощи в кубок их дел.
Теперь, погляжу ли, как бедные дети,
Резвяся, играя, бегут предо мной,
Я думаю: жизнь вас запутала в сети,
И пленники вы до доски гробовой.
На мать ли с ребенком гляжу, — и сказала б
Я матери бедной: надежд не лелей,
Нет счастья сыну — и матерних жалоб
Заранее чашу проклятую пей.
Ты, бедный мужик, рассеивающий зерна,
Чего ты желаешь, — не знаю, — но все ж
Я вижу, удел твой — сгибаться покорно,
Ты счастья и воли вовек не найдешь.
Как много их бедных, голодных, бездольных,
Лишенных надежды на счастье и свет.
И отблеском счастья ничтожным довольных, —
Но им и ничтожного отблеска нет.
Мне кажется — мир золотой изгородой
И тыном стальным пополам разрублен:
Одни наслаждаются светом, свободой,
В другой половине проклятья и стон.
Мысль эта последние дни отравляет...
Я сердце тебе разорвала, мой друг...
И пусть оно страстью вперед не пылает,
Забудет любви мимолетный недуг.
Но нашей пленительной, краткой любовью
Тебя заклинаю я, милый, иди
Пожертвовать даже свободой и кровью
За счастье чужое, что ждет впереди.
Борись, как борец терпеливый и смелый,
С насильем, с неправдой, с коварством и злом,
И веруй, — рассеется мрак оробелый,
И зло затрепещет под светлым мечом...
Клянись мне любовью прекрасною нашей,
Клянись мне честью и верой своей,
Что ты не отступишь пред смертною чашей,
Что ты не забудешь надежды моей»...
И клялся я, милые руки целуя.
Вечернее солнце лицо ее жгло.
Вечернее солнце и звук поцелуя,
И жаркие клятвы с собой унесло.

26 декабря 1889

220

Песенка иная
Нам не ко дворам, —
И певца из края
Гонят по шеям.

За китайской стенкой
Наша спит земля,
А певцу коленкой
Дали киселя.

Если ж он в отчизне,
То, помилуй Бог,
Как его при жизни
Гнут в бараний рог.

Вспорют — небу жарко,
Да и протурят
В край, куда Макарка
Не гонял телят.

29 декабря 1889

221

Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое, начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

1886—1889

Великие Луки

ПРИМЕЧАНИЯ

1878

1. Печ. по машинописи: № 3, л. 755.

2. Печ. по машинописи. *Стой, солнце...* — библеизм (Ис. Навин. 10: 12). *Хвалебным дымом радостных побед...* Имеется в виду победа России в войне с Турцией 1877—1878 гг.

3. Печ. по машинописи: № 4, л. 1569. Вар. ст. 12: «Идет, путь гибельный избрав»; ст. 18: «Я на нее с презреньем поглядел».

4. Печ. по машинописи: № 3, л. 1065. «*Ну, тащися, сивка...*» — первая строка стихотворения А. В. Кольцова «Песня пахаря» (1831) (см.: *Кольцов А. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1958. С. 95—96); здесь: переложение кольцовского сюжета на язык урбанистической лирики. *Едево (иск.)* — еда. См. недатированную авторскую запись: «Кольцов — не народный поэт. Его поэзия не только не была народной — она не была здоровою. Его народ не знает не только по невежеству, но и по несходству. Незнание народа, выразившееся в этом эпитете: народный поэт Кольцов. Народный поэт вдохновляется чувствами своего народа. Кольцов получал вдохновение от прошлого народной жизни, да из книг. Народ уже перестал быть творцом и художником. В нем нет великих идеалов, как прежде, а идеалы Запада еще не проникли» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 222).

5. Печ. по машинописи: № 2, л. 242.

6. Печ. по машинописи: № 2, л. 620. *И стегать меня, стараясь, / Чтобы слезы полились.* — Автобиографический мотив. Ср.: «мать Ф<едора> К<узъмича> при всей своей любви и самоотверженности по отношению к детям была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение, вольное и невольное: ставила в угол, на голые колени, била по лицу, прибегала к розгам: за грубость, за шалость, за опоздание в исполнении поручений, за испачканную одежду, за грубые слова, позднее за истраченные без ее санкции деньги, хотя бы в размере нескольких копеек» (*Черносвитова. С. 231*), см. также: *Канва. С. 250—260*. По содержанию и времени написания стих. примыкает к циклу «Из дневника»; подробнее см.: *Сологуб Федор. Цикл «Из дневника». С. 109—159*. Далее все стих., примыкающие к этому циклу по содержанию, не имеющие авторской пометы о принадлежности к циклу (обычно: «Из дневника»), сопровождаются редакторской пометой: <Из Дн.>. *Верба хлест, стегай до слез...* — Ср.: «В Вербное Воскресенье, возвратясь из церкви с освященными прутьями вербы, деревенские бабы хлещут ими своих ребят, приговаривая: „верба хлест, бей до слез!“» (Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 48).

7. Печ. по машинописи: № 3, л. 1053.

1880

8. Печ. по машинописи: № 2, л. 318. Возможно, отклик на «Процесс 28-ми», состоявшийся летом 1879 г. в Одессе над народовольцами; суд вынес смертный приговор для пяти человек, четверо были приговорены к пожизненной каторге. 10 августа 1879 г. был казнен народоволец Дмитрий Андреевич Лизогуб (1850—1879); название стих., возможно, указывает на биографический мотив: до вступления в организацию Лизогуб был помещиком, затем раздал все свое имущество крестьянам и изменил свою жизнь (подобно *апостолам*, оставившим все свое состояние и последовавшим за Христом).

9. Печ. по машинописи: № 6, л. 1866. Карт. под заглавием «Музе». Аллюзия на стих. Н. А. Некрасова «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...», 1852). Ср.: «Муза» («Муза — не дева, не резвый ребенок...», 14 марта 1880) (*НС. С. 18*).

10. Печ. по машинописи: № 2, л. 644. Первоначальный вар. ст. 2 карт.: «Боишь-ся ты потемок».

11. Печ. по машинописи: № 4, л. 1190.

12. Печ. по машинописи: № 2, л. 225. <Из Дн.>.

13. Печ. по машинописи: № 2, л. 106. Дата карт.: *3 июля 1880. Летний сад.* — В юношеские годы «Федя полюбил уходить в Летний или Таврический сад: там он предавался размышлениям о прочитанном, сочинял бесчисленные сюжеты для поэм и рассказов и там же писал стихи» (*Черносвитова. С. 240*).

14. Печ. по машинописи: № 4, л. 1514. Вар. ст. 3—4: «Только о битве все речи, / Только о ней и молитвы». См. другую редакцию текста: *ИМ. 1894. № 37. 11 сентября. С. 3; Пауэр. С. 1*.

15. Печ. по машинописи: № 4, л. 1640. Вар. ст. 1—3: «Тяжка житейская наука / Душе, отравленной тоской, / Но верь, смешна, друг милый мой...»; ст. 5: «Мечтатель в наш холодный век»; ст. 8: «И современный человек»; ст. 15—16: «Опутанный сетью порока / И отживающий народ»; ст. 17—18 — в обратном порядке; ст. 23: «И среди нового народа».

16. Печ. по машинописи: № 1, л. 185—186. Вар. ст. 1—2: «На грязи мостовых подобран он ребенком, / Так худ, так бледен, слаб и мал»; ст. 11: «Готов он был один бороться со вселенной».

17. Печ. по машинописи: № 6, л. 1931.

18. Печ. по машинописи: № 2, л. 404. Вар. ст. 1 карт.: «Дочь могучего Одина». Отрывок из «Старшей Эдды». *Волу-сна* (исл., Вёльва — *герм. миф.*) — общее название всех волшебниц, предсказательниц и чародей, прорицающих будущее. *Один* (сканд. миф.) — верховный бог, творец вселенной, соответствует Водану (Вотану) в герм. миф.

19. Печ. по машинописи: № 3, л. 875. Вар. ст. 1: «Мы с ним встречались, как со братья»; ст. 6: «И поверял ему я думы»; ст. 13: «Не понял он душой открытой»; ст. 18: «В его растрепанных чертах»; ст. 20: «Печать я видел вдохновений»; ст. 23: «И взор надменно-величавый».

20. Печ. по машинописи: № 3, л. 1153. Возможно, иллюстрация сюжета из всемирной истории о распространении христианства и борьбе с язычеством в Дании в X—XI вв.

21. Печ. по машинописи: № 6, л. 1874. Вар. ст.: 5—6: «Ты любимых песен, / Все сидишь, грустя»; ст. 11—12: «Погулять беспечно / радостной весной». Перекликается с поэмой Н. А. Некрасова «Саша» (1854—1855). Ср.: «Нетронутых сил / В Саше так много сосед пробудил... / <...> / Чем неутешнее дитяtko ваше / Тем вострепешся светлее и краше: / В добрую почву упало зерно — / Пышным плодом отродится оно!»

22. Печ. по машинописи: № 2, л. 173. Дата карт.: *Начало сентября, воскресенье и понедельник 1880.*

23. Печ. по автографу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 33, л. 4 об.), находится среди черновых набросков к поэме «Одиночество». Карт. под заглавием «Греза». *Учительский институт.* — В 1878—1882 гг. Сологуб обучался в Санкт-Петербургском Учительском институте и жил при нем на полном пансионе; институт располагался в трехэтажном особняке на 13 линии Васильевского Острова (д. 28).

24. Печ. по машинописи: № 6, л. 1904. Карт. под заглавием «На алтарь неведомому Богу». Согласно записи Сологуба, он предполагал включить этот текст в поэму «Одиночество» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 110); опубликована: *Сологуб Ф.* Начало поэмы «Одиночество» и некоторые отрывки // Новое литературное обозрение. № 55 (3' 2002). С. 5—31.

25. Печ. по машинописи с исправлением опечатки в ст. 20: № 6, л. 1937. Карт. под заглавием «Пария-поэт». Согласно записи Сологуба, он предполагал включить этот текст в поэму «Одиночество» (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 110).

26. Печ. по машинописи: № 6, л. 1994.

27. Печ. по машинописи: № 5, л. 1754.

28. Печ. по машинописи: № 4, л. 1597.

29. Печ. по машинописи: № 3, л. 1124.

30. Печ. по машинописи: № 4, л. 1129. *Сент-Илер Карл Карлович* (1834—1901) — возглавлял Учительский институт в годы обучения Сологуба; зоолог, автор работ по физиологии растений, под его редакцией выходили выпуски «Жизни животных» А. Брэма; читал курс педагогики и религиозного воспитания. *Капитон* — возможно, имеется в виду Капитон Иванович Смирнов (1825—1902) — преподаватель географии Учительского института, автор популярного учебника по географии, директор 5-й гимназии. *Лопачев Михаил Васильевич* (род. в 1862, из крестьян) — соученик и приятель Сологуба по Учительскому институту. И. И. Попов вспоминал: «Тетерников не посвящал нас в свои размышления, хотя, кажется, читал что-то М. В. Лопачеву; но и тот молчал и хранил тайну Феди» (*Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 67). После окончания Института Лопачев уехал преподавать в Сибирь, сохранилось его 11 писем к Сологубу за 1882—1892 гг. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 421).

31. Печ. по машинописи: № 3, л. 1184.

32. Печ. по машинописи: № 1, л. 305—306. Вар. ст. 6—8: а) «Версификатор в голове / Таскает их наготове, / Как мать ребенка в чреве носит»; б) «Поэт искусный много тем / Имеет для своих поэм, / Как мать ребенка, песню носит»; ст. 29: а) «Звонит красивый голосок», б) «Он мил тому, кто одинок». *Вам напишу я: рифмы есть, / И много их...* — Ср.: «Много и рифм у меня, много размеров живых...» (А. А. Фет. «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...», 1842).

33. Печ. по автографу: № 33, л. 8 — 8 об. (Черновики поэмы «Одиночество»). Вар. ст. 1 карт.: «Вечерком мы с тобой соберемся», дата: *25 июня 1882, 20 июня 1883*. Ранняя редакция текста. Вар. ст. 5—8: а) «Украшает цветами весна, / И вино оживляет беседу, / И беседа весельем полна. / Мы свою торжествуем победу»; б) ст. 6: «И любовь оживляет беседу».

33а. Печ. по автографу: Там же.

34. Печ. по машинописи: № 2, л. 249. <Из Дн.> *Босоногим мальчуганом / Здесь блуждал я и мечтал...* — Автобиографический мотив: «С хождением босиком у маленького Феди связаны радостные воспоминания. Его часто посылали с поручениями: отнести письмо или сбежать в лавочку за хлебом, за водкой, когда гости придут, за чаем, за сахаром. Ребенок рад был вырваться из душной атмосферы. Выскокив на волю, он мгновенно забывал домашние невзгоды и радостно носился, шлепая босыми ногами по лужам, весь отдаваясь зелени, весеннему небу и своим мечтаниям. <...> Хождение босиком, прикосновение голых ног к теплой земле и мягким травам навсегда было мило Ф<едору> К<узъмичу> и переносило его в мир фантазии» (*Черносвитова*. С. 231).

35. Печ. по машинописи: № 3, л. 685. Вероятные вар. прочтения ст. 13: «Склоняясь перед силой тайной», «Склоняясь пред силой тайной».

36. Печ. по машинописи: № 4, л. 1263.

1883

37. Печ. по машинописи: № 4, л. 1202.

38. Печ. по машинописи: № 4, л. 1604.

39. Печ. по автографу: № 8, л. 4—4 об. Первоначальный вар. ст. 21: «Ты жизнь разбила у меня». *Ферула* — розга, хлыст. Возможно, стих. обращено одновременно к матери — Т. С. Тетерниковой (см. прим. к стих. «Каждый год неукоснимо...», 3 апреля 1879) и Г. И. Агаповой, принимавшей деятельное участие в воспитании Ф. Сологуба (подробнее о Г. И. Агаповой см.: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры“ вокруг себя» (Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 499—517). *И я узнал, что ты больна...* — Возможно, имеется в виду предсмертная болезнь Агаповой, о которой Сологубу писал М. М. Агапов в письме от 4 сентября 1883 г.: «Представь себе. Федя, я не могу без содрогания смотреть на нее — это буквально шевелящийся скелет, каждый сустав ты можешь изучить на ней. <...> Она не сознает близости смерти и не знает своей болезни, мы скрыли от нее. <...> Маша прочла твое письмо ей вслух — она сказала: «Милый, хороший мальчик, — жаль, что тебе нельзя приехать»» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 906, л. 2); после похорон матери М. М. Агапов писал Сологубу: «...она и тебе была вторая мама, на ее глазах ты вырос» (Там же. Л. 5 об.). *Как дух отчаянья и зла / Ты над душой моей стояла...* — Ср.: «Как дух отчаянья и зла, / Мою ты душу обняла...» (М. Ю. Лермонтов. «Как дух отчаянья и зла...», 1831).

40. Печ. по автографу: № 8, л. 6; *ап.*: «Из Луизы Аккерман»; «Недостаточно сильно выражено» (напротив третьей строфы). *Аккерман Луиза-Виктуар* (1813—1890) — французская поэтесса, творчество которой сложилось под влиянием идей А. Шопенгауэра; для лирики Аккерман характерна философская интонация пессимизма: размышление о судьбе человечества, тщете верований и иллюзий, утверждение безотрадности, бесцельности и несовершенства жизни, настроение душевного одиночества и мировой скорби. Русские переводы из Аккерман появились в периодике в 1876—1877 гг.; источник переложения Сологуба не выявлен.

40а. Печ. по автографу: № 8, л. 6—6 об. См. редакцию текста: *ИМ.* 1893. № 5. 31 января. С. 3 (заглавие: **Наконец-то**); *АМ.* С. 141.

41. Печ. по автографу: № 9, л. 159 об.; *ап.*: «Между 2 и 3 июня». Первоначальный вар. ст. 3: «Быть может, зол я. Злоба века»; ст. 8: «И думать больно и обидно».

42. Печ. по машинописи: № 4, л. 1220.

43. Печ. по автографу: № 8, л. 9.

44. Печ. по машинописи: № 4, л. 1435; дата: *1 октября 1883*.

45. Печ. по машинописи: № 8, л. 9—9 об. Вар. ст. 1 карт.: «Я полюбил. Я грозой чистой». Вар. ст. 7: «И вот, как летом, под грозой». См. редакцию текста *31 октября 1883: «Я полюбил. Мечтой чистой...»* // Свет. 1889. № 138. 20 июня. С. 3; *Пауэр.* С. 13.

46. Печ. по машинописи: № 2, л. 321. Даты карт.: *24 июля 1881, 5 апреля 1882, 7 ноября 1883*. Ст. 2, 11, 13, 16, 17, 19, 23, 24 опубликованы: *БП.* С. 549. См. редак-

цию текста: *БП*. С. 80—81. *Ариадна* (*греч. миф.*) — дочь критского царя Миноса, во владениях которого находился *Лабиринт*, где обитало чудовище Минотавр; полюбив афинского героя Тезея, которого Минос обрек в жертву чудовищу, Ариадна тайно дала ему меч и клубок нитей; с их помощью он убил Минотавра и выбрался из Лабиринта. Стих. было отправлено на просмотр Василию Алексеевичу Латышеву (1850—1912; преподаватель математики Учительского института, главный редактор журнала «Русский начальный учитель»), который оказывал содействие Сологубу в его первых публикациях. 7 января 1884 г. Латышев писал ему: «Во время праздников Ваши два стихотворения показал в редакции нового „Еженедельного обозрения“. По идее им сочувствуют, но говорят, что оба стихотворения требуют обработки, особенно „К Господу Богу“ <см. примеч. к стих. „В подвале, где плесень сырая...“, 7 ноября 1878>. В „Лабиринте“ особенно требует исправления начало стихотворения. Вообще, образность выиграет при большей сжатости» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 14). Ср. редакции: **Ариадна** («Где ты, моя Ариадна...»), 5 апреля 1882 (*КД*. С. 35; заглавие: **Ариадна**); «Царевой мудрой Ариадной...», 27 апреля 1896 (*СВ*. 1896. № 1. С. 123; *Тени*. С. 123, *ССШ I*. С. 105, *ССС I*. С. 105).

47. Печ. по автографу: № 8, л. 11. По-видимому, к адресату стих. обращены записи автора: «Портрет моего дорогого Саши, с которым, кстати, трудно быть» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 8, л. 16); «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (Там же. Л. 16 об.); «Qui pro quo, — ври, прохвост. Кажется, довольно близкий перевод! 5 марта 1885 г. День печальный. Педагогический Совет. Дир<екторская> бум<ага> о Саше» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 252); запись на обороте листа из тетради адресата: «Из ручной Санной корзиночки» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539 а, л. 14). См. редакцию текста: **Ребенок** («Молюсь я за тебя...») (*ПЖ*. 1897. № 234. 27 апреля. С. 1970; *Пауэр*. С. 4).

48. Печ. по автографу: № 8, л. 13—13 об.

48а. Печ. по автографу: № 8, л. 13—13 об. Вар. ст. 1—4: «Светом полно, широкое небо, / Дышит зноем, в полях не души, / И колосья несжатого хлеба, / Наливаясь, зреют в тиши».

48б. Печ. по автографу: № 8, л. 12. Первоначальное название: «На корню». Вар. ст. 2: «Раскалилось. В полях ни души». *Ап*: «Летом недоимки не собираются» (автограф).

49. Печ. по машинописи: № 3, л. 821. ...детей, / Тебе несущих кровь и силу, / Враждой кровавою своей / Проводишь в раннюю могилу?.. — Возможно, подразумеваются процессы над членами организации «Народная воля», проходившие в 1879—1883 гг.: «Процесс 28-ми» (лето 1879 г.), «Процесс 16-ти» (осень 1880 г.), «Процесс 20-ти» (зима 1882 г.), «Процесс 17-ти» (весна 1883 г.), которые закончились смертными приговорами или осуждением народолюбцев в каторгу.

50. Печ. по автографу: № 8, л. 15. Вар. ст. 1: «В тревогах жизни суетливой»; ст. 5: «И этот пламень, разгораясь».

51. Печ. по машинописи: № 4, л. 1259. Первоначальный вар. ст. 13 автографа: «И пылкая остынет кровь». *Ап*: «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Где счастье? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (автограф: № 8, л. 16 об.).

52. Печ. по автографу: № 8, л. 17. Вар. ст. 3: «И блуждал высокий ум».

53. Печ. по автографу: № 8, л. 15 об.—16. Вар. ст. 3—4: «Из владык он был один / За престол отцов спокоен». Стих. написано по случаю состоявшегося 20 ноября 1883 г. в здании Санкт-Петербургских судебных установлений торжественно-открытия памятника императору Александру II.

54. Печ. по автографу: № 8, л. 18 об.

55. Печ. по автографу: № 8, л. 18. Автограф 2 под заглавием «В пустыне» (ед. хр. 8. Л. 17; в авторской картотеке текст не зафиксирован); вар. ст. 1—5:

а) Я в безлюдной степи изнемог;
Много дней я бродил, как шакал:
Я исхода иль пищи искал,
Но повсюду лишь жгучий песок,
Да свод неба я взором встречал.

б) Я в безводной степи изнемог;
Много дней одинок, как шакал,
Я бродил и исхода искал,
Но везде только жгучий песок,
Да свод неба я взором встречал.

Ап: «Послать в «Ниву». 15 апреля 1884, послано» (автограф); «Нива. 16 апреля 1884» (карт.).

56. Печ. по машинописи: № 5, л. 1758.

57. Печ. по автографу: № 8, л. 23—23 об.; подпись: *Ф. Холова*. Псевдоним (*Холова*) восходит к названию реки, протекающей в Крестцах. См. редакцию текста: Наблюдатель. 1898. № 6. С. 72; *Пауэр*. С. 66.

58. Печ. по автографу: № 8, л. 25; первоначальная датировка: *Конец 1883 года*.

59. Печ. по автографу: № 8, л. 25.

60. Печ. по автографу: № 8, л. 26—26 об.; первоначальная датировка: *В конце 1883 года*. См. редакцию текста: *Пауэр*. С. 4. Возможно, это строфы 2 и 3 стихотворения «Ты — лилея долин, ты лилеи нежней...» (см. стих. № 64).

1884

61. Печ. по автографу: № 8, л. 28. Ср.: «Что ж ты, моя доля?», *28 декабря 1886* (см. с. 218 наст. изд.).

62. Печ. по машинописи: № 2, л. 50 с исправлением опечатки в ст. 10 по тексту автографа.

63. Печ. по автографу: № 8, л. 30.

63а. Печ. по машинописи: № 4, л. 1234; вар. ст. 3: «Солнца лучом не согреты». Ап: «Образование. 28 января 1905» (автограф, карт.).

64. Печ. по автографу: № 8, л. 31. Ср.: «Потрясенной душой созерцающая...», *16 марта 1885*.

65. Печ. по автографу: № 8, л. 31 об. Первоначальная датировка карт.: *Весна 1884*. Вар.: перед строфой 1: а) «Эти глазки голубые / Ласково горят, блестят. / Огонечки в них, живые / За ресницами горят»; б) «Ваши глазки голубые / Словно звезд

дочки блестят. / Огоньки в них, что ль, живые / За ресницами горят?»; вар. ст. 4: «Вдыхать тончайший аромат» (машинопись); вар. ст. 5: «Ваша милая улыбка».

66. Печ. по машинописи: № 2, л. 478. <Из Дн.>

67. Печ. по автографу: № 8, л. 32. Вар. ст. 5: «Чтоб отдохнуть, хотя немного»; ст. 9: «Вы так пленительны и милы».

67а. Печ. по машинописи: № 1, л. 303. Даты карт. («В дни непогоды и мороза...»): 24 января 1884, Весна 1885.

68. Печ. по автографу: № 8, л. 27 об.; *ап*: «Послать в „Ниву”, 15 апреля 1884».

69. Печ. по машинописи: № 1, л. 150. Первоначальная дата автографа и дата машинописи: 30 февраля 1884. Даты карт.: 3, 20 февраля 1884, 17 апреля 1889. Ср.: «Кто любит мать...», 17 апреля 1889 (см. с. 248 наст. изд.). Первоначальный вар. ст. 2: «Свою мать, любит так, что ничья красота» (автограф: № 8, л. 33 об.).

70. Печ. по автографу: № 8, л. 34. См. редакцию текста: Пауэр. С. 6.

71. Печ. по автографу: № 8, л. 35—35 об.

71а. Печ. по автографу: № 8, л. 35—35 об., первоначальный вар. ст. 6: «Ослабевши в борьбе».

72. Печ. по автографу: № 8, л. 36.

72а. Печ. по автографу: № 8, л. 36. Вар. ст. 12: «Море жизни молодой».

73. Печ. по автографу: № 8, л. 37, первоначальный вар. ст. 2: «И увяла уж юность развратная». Строфы 1 и 2 датированы 16 января, 3—10 марта 1884. *Ап*: «Из Гофмана, Шарля Бодлера». Вероятно, в авторской помете мистифицируется источник текста.

73а. Печ. по автографу: № 8, л. 37.

74. Печ. по автографу: № 8, л. 38; поздние вар. ст. 7: а) «И вмиг прогнал мою печаль», б) «И сладок был мне, как любовь»; *ап*: «Безвременник» (см. примеч. к стихотворению «Осень холод привела...», 24 июня 1889). См. редакцию текста: Ручью («Спасибо, милый мой ручей...») (ИМ. 1894. № 17. 24 апреля. С. 3; ССС XIII. С. 2).

75. Печ. по автографу: № 8, л. 18 об., первоначальный вар. ст. 1: «Лучше в рабской доле жить».

76. Печ. по машинописи: № 3, л. 849. Дата карт.: 27 мая 1884.

77. Печ. по машинописи: № 4, л. 1617.

78. Печ. по машинописи: № 4, л. 1227.

79. Печ. по автографу: № 8, л. 59; первоначальный вар. ст. 6: «Меня ведет к двум могилам». Ср. с редакцией 24 июля 1889 (см. с. 260 наст. изд.).

80. Печ. по машинописи: № 4, л. 1572. Вар. ст. 1—4: «Старадать ли, все ль еще терпеть, / И все ли ждать освобожденья? / О нет, нам нечего жалеть, / Не будет нам освобожденья!», ст. 5: «Идем мы скованной толпой», ст. 10: «Но силой злой чужды

народу», ст. 15: «Не страшно целый век страдать». *Стогна* — площадь, улицы в городе.

81. Печ. по машинописи: № 3, л. 1160.

82. Печ. по машинописи: № 3, л. 696.

83. Печ. по машинописи: № 4, л. 1603.

84. Печ. по машинописи: № 3, л. 1061. Первоначальный вар. ст. 1 автографа: «Ночью вышел я босой из дома». Ср. с авторской записью: «1882—<188>4. Крестцы. <...> Барыня Марфа. Перчатка на правой руке. Массивная. Всю комнату занимает своими юбками. Ее любовный пыл» (*Канва*. С. 254). Ср.: «Перецеловала семь подруг...», *10 декабря 1885* (с. 207 наст. изд.).

85. Печ. по автографу: № 8, л. 80—80 об. *Ап*: «Вестник Европы. 2 июля 1889» (карт.). В составе авторской подборки стих. было отправлено В. А. Латышеву для возможного определения в печать. 4 октября 1885 г. он отвечал Сологубу: «Приятно было получить Ваше письмо, п<отому> ч<то> искренне интересуюсь Вашей судьбой и желал бы быть полезным Вам. Относительно стихов скажу, что в них часть мне нравится, часть кажется слабой: стих и содержание неровны. Первая часть стихотворения „Ей” мне положительно нравится, но во 2-ой половине мысль неопределенна: дается ли совет быть равнодушною, или побуждение пренебрегать толпой, или даете утешение?» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 392, л. 21). *Твою тоску, твои надежды <...> Осудит равнодушный свет.* — Аллюзия на стих. А. С. Пушкина «Когда твои молодые лета...» (1829), ср.: «Но свет... Жестоких осуждений / Не изменяет он своих...». Ср.: «Ты вся горела нетерпеньем...», *22 апреля 1900* (Невский альманах жертвам войны. Писатели и художники. Пг., 1915. С. 68; *АМ*. С. 92).

86. Печ. по машинописи: № 2, л. 492.

87. Печ. по автографу: № 8, л. 82—84. Вар. ст.: 35: «О лени и о стыде»; ст. 38: «О человеческом труде». *Ап*: «В Великих Луках. Стихи»; на обороте план: «Провинция. Мелкое чиновничество — мещанство. Небогатая семья. Мать работает. Дочка — научилась романам <так!> — изнеженность. Целая группа таких. Но наша барышня — сравнительно умна. Барышня современных идей. Молодой учитель из столицы. Нападает на барышню за леность. На другой день она в огороде, в трапезном платьишке, босиком, работает. — А барыня и раньше то же говорила. Все любовь наделала. Любовь разгорается». *Логин* — главный герой романа «Тяжелые сны» (1883—1894).

88. Печ. по машинописи: № 3, л. 858.

89. Печ. по автографу: № 8, л. 88; под текстом позднее вписанная дата: *28 октября 1922*. Вар. строфы 5: «Изнемогает в этот зной, / Не отдыхает только жница, / Полуодетая девица. / Хотя невольною слезой / Не раз увлажнена ресница»; ст. 28: «Ей, утомленной, уж ясна». Ср. редакцию: «Безумно душен и тяжел...» (**Жарким летом**) (*ССШ V*. С. 206, *ССС V*. С. 206). Вариация на тему стих. Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1863). Ср.: «Зной нестерпимый: равнина безлесная, / Нивы, покосы да ширь поднебесная — / Солнце нещадно палит». Строфа 1 — ср.: «И всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет...» (Ф. И. Тютчев. «Полдень», конец 1820-х гг.).

89а. Печ. по машинописи: № 2, л. 32. *Ап:* «Екатеринбургская неделя. До 19 июля 1890» (автограф). Ср. редакцию: «Безумно душен и тяжел...» (**Жарким летом**) *ССШ V. C.* 206, *ССС V. C.* 202.

90. Печ. по машинописи: № 2, л. 953. Стихотворная вариация повести Сологуба «Утешение» (не позднее 1899; впервые: Север. 1899. № 15—21. 11, 18 и 25 апреля, 2, 9, 16 и 23 мая).

91. Печ. по автографу: № 8, л. 90. *Слабеют мощные когда-то силы, / Мне больно, словно кровь мою сосет / Вампир свирепый. Близок сон могилы!..* — Вероятно, реминисценция из стих. Ш. Бодлера «Враг» («Цветы Зла», не позднее 1857), ср.: «О горе мне! Увы, так скоро жизнь идет... / И черный враг смелей все и смелей / Сосет мне кровь из сердца и растет» (перевод П. Якубовича; Вестник Европы. 1882. № 3. Март. С. 93).

1885

92. Печ. по машинописи: № 6, л. 1878.

93. Печ. по автографу: № 8, л. 92. Вар. ст. 2: «Меня он в сень свою увлек»; между ст. 3 и 4: «И потому, преследуемый роком»; ст. 7: «Что плоти рок так дивно, благодатно».

94. Печ. по машинописи: № 3, л. 857. Первонач. датировка автографа и машинописи: *Февраль 1885*. Первонач. вар. автографа (№ 8, л. 94): ст. 1: «Мудрый знает, что напрасны», ст. 3: «Парки строгие бесстрастно», «Жизнь — конечное движение», ст. 11: «В нем всей жизни настоящей»; *ап:* «Около начала 23<-го> г<ода>». *Но из этой же могилы / После холода и тления / Вновь возникнут жизни силы, / Возродится вновь движение...* — Ср. запись Сологуба от 10 января 1881 г. с пометой «Институтское утро»: «Мальчика ужасала его судьба после смерти, когда он перестал верить в Бога и восстание мертвых. Он думал: „Сознание, душа, то, что во мне мысли и чувство, радуется и страдает, эта маленькая масса, затерянная где-то среди моего мозга, истлеет, разложится на составные элементы. Куда они денутся?“ И холодно, и грустно становилось ему, когда он мечтал о злой судьбе под гробовой крышкой. „Но, может быть, эти элементы соединятся опять, и опять перейдут в тело человека, и опять я буду жить!“ Когда же эта мысль блеснула в нем, он почувствовал какую-то огромную, великую радость. „Я не умру! я буду вечно жить и думать...“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 139). Ср.: «Мудрый знает все причины...», *9 декабря 1884* (см. с. 197 наст. изд.).

95. Печ. по автографу: № 8, л. 96. Дата уточнена по местоположению автографа.

96. Печ. по автографу: № 8, л. 97. Это и следующее стих. записаны на одном листе; располагаем их в порядке следования.

97. Печ. по автографу: № 8, л. 97.

98. Печ. по автографу: № 8, л. 96.

98а. Печ. по автографу: № 8, л. 96. Ср.: «Жил бы я повеселей...», *15 января 1889* (см. с. 244 наст. изд.).

99. Печ. по автографу: № 8, л. 98. <Из Дн.>. *Со мной лесная тишина / И тихо дремлющие воды...* — Ср.: «Смотрю и я, как бы живой, / На эти дремлющие воды...!» (Ф. И. Тютчев. «Опять стою я над Невой...», июнь 1868).

99а. Печ. по автографу: № 8, л. 98.

100. Печ. по машинописи: № 2, л. 328.

101. Печ. по автографу: № 8, л. 99, первоначальный вар. ст. 2: «Склонился с удой на песок».

102. Печ. по автографу: № 8, л. 99.

103. Печ. по автографу: № 8, л. 99.

104. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об.

105. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об. *Ап:* «Латышеву». См. примеч. к стих. № 50.

106. Печ. по автографу: № 8, л. 99 об.

107. Печ. по автографу: № 8, л. 20—21; зачеркнутое заглавие: «Жарким летом». Карт. под заглавием «Дармоеды». Строфы 1—5 датированы *24 ноября 1883*, 6—9 — *18 июля 1885*, 10 — *29 июля 1885*. Первоначальный вар. ст. 13 и 14: «Тут барыш весьма огромен, — / Да для нас он не идет»; ст. 16: «Наш задавленный народ».

108. Печ. по автографу: № 8, л. 19 об., 21—21 об.; зачеркнутое заглавие: «Дармоеды». Дата установлена по местоположению автографа. *Ап:* «1 февраля <Б. г.>».

109. Печ. по машинописи: № 4, л. 1197. Ср.: «Ночью вышел я тайком из дома...», *23 октября 1884* (см. с. 193 наст. изд.).

1886

110. Печ. по автографу: № 8, л. 105.

111. Печ. по автографу: № 8, л. 106. Первонач. вар. строф 1 и 2 и ст. 9:

Буря ли злобно бушует,
Солнце ли радостно светит, —
Сердце больное тоскует, —
Знает, что счастья не встретит.

Если б на завтра и счастье, —
Будет уж поздно, быть может:
Гнет рокового ненастья
Бедное сердце изложет.

Нынче ли — скоро умчится?

Ап: «Страшно подумать, что уже 24-й год, страшно!»

112. Печ. по автографу: № 8, л. 107. *Погубил я, раб мгновенья, / Жизни лучшие цветы, <...>И прекрасные мечты...* — Ср.: «Жизни лучшие мгновенья — / Сердца жаркие мечты...» (Я. П. Полонский, не позднее 1844).

112а. Печ. по машинописи: № 2, л. 323а.

113. Печ. по автографу: № 8, л. 107 об.

113а. Печ. по машинописи: № 2, л. 309.

114. Печ. по машинописи: № 2, л. 327. *Глуловат был Сеня бедный...* — Ср.: «Трусоват был Ваня бедный...» (А. С. Пушкин. «Вурдалак» из цикла «Песни западных славян», 1834).

115. Печ. по машинописи: № 4, л. 144б.

116. Печ. по машинописи: № 4, л. 1395.

117. Печ. по машинописи: № 2, л. 295.

118. Печ. по автографу: № 8, л. 112—112 об. Стрфы 1—3 датированы 1885, стрфы 4—7 — 3 июля 1886. Первоначальный вар. ст. 2: а) «Три долгих года ты жила», б) «Три трудных года ты жила», ст. 5 и 6: «Твоя могила на погосте / Цветы над нею зацветут», ст. 8: «К тебе с любовью прибегут», ст. 10: «Пока еще иных забот», ст. 16: «В сердцах потомков не умрет».

119. Печ. по машинописи: № 4, л. 1242. Ст. 1 и 2 автографа датированы 3 июля 1886, ст. 3—18 — 17 августа 1885. Даты карт.: 17 августа 1885, 26 февраля 1889, 17 мая 1890; даты карт. 2: весна 1881 (ап.: см. 18 июня 1880). Вар. ст. 1 карт.: «Под небом страны полуденной...» (дата: Весна 1881). Ср.: «Под солнцем весны благовоной...», 26 февраля 1889 (см. с. 245 наст. изд.); «Стрекоз говорливая стая...», 17 мая 1890 (Ежемесячные литературные приложения к Живописному обозрению. 1898. № 7. С. 96; Пауэр. С. 67).

120. Печ. по машинописи: № 4, л. 1265.

121. Печ. по машинописи: № 3, л. 944. *Один декабрь страшит — / Тогда не то, что болен, / Но словно я разбит...* Ср.: «Каждый год я болен в декабре...» (1913), впервые: Заветы. 1914. № 3а. С. 8.

122. Печ. по автографу: № 8, л. 46—46 об. Карт. с подзаголовком «Рассказ в стихах». Вероятно, начальный фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». Ап.: «Ишимова». *Ишимова Александра Осиповна* (1804—1881) — детский прозаик, переводчица, издатель детских журналов. Сюжет «Ночного воспоминания» (посещение кладбища) перекликается с «Рыцарем на час» (1862) и с «Утренней прогулкой» («О погоде», 1858) Н. А. Некрасова; поэма содержит множественные аллюзии на некрасовские тексты: *В наш осенний и пасмурный день...* — Ср.: «Если пасмурен день, если ночь не светла, / Если ветер осенний бушует...» («Рыцарь на час»); *Я бездумно иду, а кругом / Безмятежно покойны могилы, / Непробудным покояся сном — / Не воскреснут убитые силы...* — «Я ушел по кладбищу гулять; / Там одной незаметной могилы, / Где уснули великие силы, / Мне хотелось давно поискать» («О погоде»); *Здесь журнальные снят прелетарии... .. Здесь и кости Миная рассыльного...* — персонажи стих. Н. А. Некрасова «Песни о свободном слове» («I. Рассыльный» и «II. Наборщики»), 1865.

122-1. Печ. по автографу: № 8, л. 44 об. Вероятно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». В авторской картотеке как самостоятельный стих. не зафиксировано.

122-2. Печ. по автографу: № 8, л. 44 об. Дата установлена по местоположению автографа. Вероятно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». В авторской картотеке как самостоятельный стих. не зафиксировано.

122-3. Печ. по автографу: № 8, л. 48. Дата установлена по местоположению автографа. Возможно, фрагмент незавершенной поэмы «Ночное воспоминание». *Бьется сердце неровно, тоскливо, — / Стынет кровь, и душа холодна...* Ср.: «Что ни год — уменьшаются силы, / Ум ленивее, кровь холодной...» (Н. А. Некрасов. «Что ни год — уменьшаются силы...», 1861).

123. Печ. по машинописи. < Из Дн.>

124. Печ. по машинописи: № 2, л. 8. Стихотворная параллель к одной из сюжетных линий романа «Мелкий бес» (1892—1902; задуман в период службы автора в Великих Луках в 1885—1889 гг.): одна из невест Передонова — Марта Нартанович, *шляхтенка, дочь арендатора*; Передонов, пытаясь уязвить Марту (гл. 6), говорит ей: «„А польки все — неряхи. <...> Я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка”. — „Все польки — хорошие хозяйки”, — ответила Марта» (ср.: *И шляхтенки, вдобавок, хозяйки / Будут мужу такие, что чудо!..*).

125. Печ. по машинописи: № 6, л. 1873; первоначальный вар. ст. 4: «Сердце бедное в огне». Ср.: «Доля моя, доля...» (*11 января 1884*) (см. с. 182 наст. изд.).

126. Печ. по автографу: № 8, л. 104; первая строфа датирована *6 сентября 1885*, строфы 2—4 — *28 декабря 1886*.

126а. Печ. по машинописи: № 6, л. 1982 а.

1887

127. Печ. по автографу: № 8, л. 124 об. *Фидий* — прославленный греч. скульптор (5 в. до н. э.), создатель классических образцов эллинистической скульптуры, среди которых статуя Афины Парфенос, сохранившаяся в копиях.

127а. Печ. по автографу: № 8, л. 124.

128. Печ. по машинописи: № 3, л. 848. Первоначальный вар. ст. 1 карт.: «Мороз стекло разрисовал».

129. Печ. по автографу: № 8, л. 126—126 об. *Моей отчизне строят ковы / Ее недавние друзья. <...> Готов воинственный сосед / Нарушить мир наш благодатный...* — Имеется в виду изменение политической ориентации внутри «Союза трех императоров» (Германии, России и Австро-Венгрии), в связи с угрозой войны между Германией и Францией. В ноябре 1886 г. Россия попыталась укрепить свое влияние в Болгарии, однако правящие круги Австро-Венгрии объявили, что появление русских войск в Болгарии означало бы для Австро-Венгрии начало войны с Россией. Германия использовала эту сложную ситуацию на Балканах и пыталась оказать давление на внешнюю политику России в своих интересах — добиться от нее неучастия в возможной войне на стороне Франции в обмен на поддержку в Болгарии. *Не поднимаешь ты меча <...> твоя надежда — / Самодержавный Государь...* — Вопреки планам Германии Александр III согласился оказать Франции политическую поддержку и тем самым предотвратил новый военный конфликт в Европе.

129а. Печ. по автографу: № 8, л. 126—126 об.; *ап*: «Свет. 15 февраля 1887» (карт.).

130. Печ. по автографу: № 8, л. 127—127 об., *ап*: «Свет. 15 февраля 1887» (карт.).

130а. Печ. по машинописи: № 1, л. 345. Первоначальный вар. ст. 1: «Последний луч зари сбежал...», ст. 21: «Ее он много целовал».

131. Печ. по машинописи: № 3, л. 1101.

132. Печ. по машинописи: № 2, л. 616; дата: 1887. *Модести (от франц. modestie) — кокетки.*

133. Печ. по машинописи: № 8, л. 136. Ср.: **Воскресни** («Замолкнули праздные речи...»), *апрель 1887 (Фимиамы. С. 43; КД. С. 45).*

134. Печ. по автографу: № 1, л. 137; первоначальный вар. ст. 15: «Я, как хлеба, лобзаний желала».

134а. Печ. по машинописи: № 6, л. 1962. Автограф и карт. без заглавия.

135. Печ. по машинописи: № 2, л. 164.

136. Печ. по машинописи: № 2, л. 669.

137. Печ. по автографу: № 8, л. 138—139. См. редакцию текста *21 июня 1887*: «В весенний день мальчишка злой...» (*БВ. 1897. № 161. 15 июня. Утр. вып. С. 2 (без подписи); ПК 1908. С. 151; ССШ I. С. 90; ССС I. С. 90; ПК 1922. С. 147; БП. С. 89).*

138. Печ. по машинописи: № 2, л. 315.

139. Печ. по машинописи. <Из Дн.>.

140. Печ. по автографу: № 8, л. 141. *Я только расточал / Твои благие дарованья!..* — Ср.: «Свой дар ты праздно расточил...» (А. А. Голенищев-Кутузов. «Самому себе», не позднее 1884).

141. Печ. по машинописи: № 2, л. 436.

142. Печ. по машинописи: № 4, л. 1536. *Сосулька* — сослуживец Сологуба, о котором есть заметка в «Канве к биографии»: «**Великие Луки.** Учеников секли часто во всех классах. Сосулькина индюшка. Сосулька сек медлительно и с издевочками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет, — лежи и жди» (*Канва. С. 255*). См. также стих.: «Сладок, точно карамель...», *3 сентября 1888 (НС. С. 181)*, на автографе помета: «А назвала его так мама, — любит дать насмешливое прозвище, и всегда метко» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 9, л. 45).

143. Печ. по машинописи: № 2, л. 661. *Ап*: «Из дневника» (автограф: № 8, л. 142). Стихотворная параллель к сатирическому фрагменту из романа «Тяжелые сны» (1883—1894; гл. 14, вечер у Кульчицких).

144. Печ. по автографу: № 8, л. 143. Первоначальный вар. ст. 1—2: «Нега, роскошь, блеск, наряды, / Шумом дни ее полны», ст. 34: «Летом жарким и без гроз».

Незавершенное произведение, после ст. 48 зачеркнуто: «Изменилася картина / Умер старый генерал», далее — обрыв текста.

145. Печ. по машинописи: № 3, л. 847.

146. Печ. по машинописи: № 3, л. 707. *Ан:* «Баня у Маши Волтик, с полверсты» (автограф).

1888

147. Печ. по автографу: № 9, л. 2.

147а. Печ. по автографу: № 9, л. 2. Первоначальный вар. ст. 1: «Холодный листопада вид». *Ан:* «Север. 17 апреля 1889; Русский вестник. 30 марта 1889; Свет. 1 августа 1889; Иллюстрированный мир. 4 февраля 1890» (карт.).

148. Печ. по автографу: № 9, л. 4. Первоначальный вар. ст. 1—2: «Никем не признанный философ, / Никем не понятый мудрец».

149. Печ. по автографу: № 9, л. 6—6 об. Ср. с текстом недатированной записи Сологуба: «Жизнь мало-помалу разрушала мои храмы: религия; братство; свобода; служение истине; поэзия. Всматриваюсь в себя: мрак. В окружающих: грязь и пошлость. Философия — безотраднa. Родник завален обломками. Но он кипит» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 255).

149а. Печ. по автографу: № 9, л. 6—6 об.

150. Печ. по автографу: № 9, л. 8—8 об.

151. Печ. по машинописи: № 3, л. 834.

152. Печ. по автографу: № 9, л. 12.

153. Печ. по машинописи: № 4, л. 1195. Первоначальный вар. ст. 6 автографа: «А с лица катится пот».

154. Печ. по автографу: № 8, л. 22—22 об. Строфы 1, 2 датированы *21 июля*, строфа 3 — *29 июля 1888*. Даты карт.: *21, 29 июля 1888, 13 июня 1892*. *Ан:* «Россия начиналась в Киеве. Столица во Владимире. Москве. Петербурге. Усталое сердце рвется из П<етербурга>. Не в Москву суеверную. Не в ничтожный Влад<имир>. В Киев». Поводом для написания стих. послужили торжества по случаю 900-летия крещения Руси, которые с особой пышностью отмечались в июле 1888 г. в Киеве и Петербурге. *Аскольд и Дир* — бояре Рюрика, затем киевские князья (2-я половина IX в.); около 866 г. Русь под предводительством Аскольда и Дира совершила первый поход на Константинополь. *Но смирила их буйный набег / Пресвятая владычица мира...* — По греческим свидетельствам, поход Аскольда и Дира не удался вследствие чудесного заступничества Богородицы: поднявшаяся буря разбила русские ладьи и остатки дружины возвратились в Киев.

155. Печ. по автографу: № 9, л. 24—25. <Из Дн.>.

156. Печ. по автографу: № 9, л. 26.

157. Печ. по машинописи: № 4, л. 1433. Строфы 1 и 2 автографа датированы *8 апреля, 3—5 — 26 сентября 1888*. По-видимому, отклик на обсуждение в печати статьи В. С. Соловьева «Россия и Европа. Труды Н. Я. Данилевского и Н. Н. Стра-

хова» (Вестник Европы. 1888. № 2 и № 4), которая вызвала негативные отзывы правой прессы, автора обвиняли в клеветничестве и антипатриотизме, в особую вину Соловьеву ставили его частые поездки в Европу (ср. с заглавием).

158. Печ. по автографу: № 9, л. 52. Дата карт.: 5, 8 октября 1888. Первоначальный вар. ст. 12: «Еще угромей и мрачней».

159. Печ. по автографу: № 9, л. 51; дата: 8 октября 1888. Первоначальный вар. ст. 12: «А я — мальчишка босоногий», ст. 15—17: «Меня отец не баловал, / И часто он меня хлестал / Ветвями гибкими березы»; после ст. 17 было: «Но был едва ли окружен / Аркадий нежностью и лаской, / И под циничной, вечной маской // Любовь едва ли видел он». Ап: «5 октября 1888». Объединено с предыдущим стих. общей карточкой с датой: 8 октября 1888.

160. Печ. по машинописи: № 2, л. 343; первоначальный вар. ст. 17 автографа: «Украшенья палат».

161. Печ. по машинописи: № 3, л. 820; первоначальный вар. ст. 2: «Всех заманчивей сказка одна».

162. Печ. по автографу: № 9, л. 57—57 об.; поздние вар. ст. 1: «Не боюсь я злой старости, нет»; «Не страшна ты мне, старость, о, нет!..».

163. Печ. по автографу: № 9, л. 59; ранний вар. ст. 1 карт.: «Ой ты, русский сон». Ап: «Насон-град. Вологда и Иоанн Грозный; Свет. 269. 1888 г.; Воскресенье. 27 ноября» (автограф). Источником стих. послужила заметка «О Насоне, „ползухе“ и историческом теленке», опубликованная в «Русском курьере» (1888. № 324. 23 ноября. С. 3) и затем перепечатанная в газете «Свет» (1888. № 269. 27 ноября): «Дело было при царе Иване Грозном. Въезжает царь Иван Васильевич в город. Точно мертвое царство. Все спят: спит воевода и воеводский сын. Спят попы и приказные. Спят обыватели. Спит и вся тварь бессловесная... Жирный кот воеводский развалился на крыше, на солнышке и спит сладко, тихо мурлыкая. А две свиньи купеческие — растянулись на базарной площади и храпят во всю ивановскую... Удивился царь и спрашивает: „Что это значит?“ И говорит ему дьяк: „Великий государь, видно, мы еще рано приехали, не успели встать вологжане!..“ — „А-а!“ — промолвил царь. И приказал свите повернуть назад, за заставу. В час пополудни вторично въехал в город Грозный. Та же картина. „Как? ужели все еще не встали?“ — удивился Иван Васильевич. Тут, откуда ни возьмись, маленький мальчишка. Сейчас к нему с запросом: „Что это, ужели еще вологжане не вставали?“ — „Нет, вставали, да теперь они пообедали и после обеда отдохнуть легли“. — „Ну, не буди мешать их отдыху“, — решил царь и снова выехал за заставу. В семь часов, в третий раз, въехал царь в город. Что за диво: опять весь город спит!.. „Неужели все еще после обеда не просыпалась?“ — воскликнул совсем изумленный царь. „Нет, государь, вставали, — доложил ночной караульщик, — да вот поужинали и спать легли!..“ Махнул царь рукою и оставил Вологду. Три раза въезжал и все попадал „на сон“, и пошло с той поры название Вологде Насон-град». *Грозный царь Иван собирается / Царство русское обозреть кругом, / И на Вологду подвигается...* — Согласно преданию, Иван Грозный намеревался сделать Вологду своей столицей, трижды посещал город (в 1545, 1566, 1568 гг.) и в последнее посещение прожил там два с половиной года.

164. Печ. по машинописи: № 4, л. 1193. Первоначальный вар. ст. 5 автографа: «Но знаю, угадать он может». *Федорушка Кузьмич*. — В 1920-е гг. Сологуб рассказывал Е. Я. Данько: «Когда я с матерью жил в уездном городишке, там люди уже до того опрощались и фамильярничали, что меня звали не Федор Кузьмич, а „уж ты

приходи чай пить, Федорушка Кузьмичевушка” — вот до чего доходили» (*Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 221*).

165. Печ. по автографу: № 9, л. 65—65 об.; вар. ст. 18: «Тебе пустынный путь наш труден».

165а. Печ. по автографу: № 9, л. 65—65 об.; *ап*: «Русское обозрение 18 декабря 1897» (карт.).

166. Печ. по машинописи: № 3, л. 687.

1889

167. Печ. по машинописи: № 2, л. 43; первоначальный вар. ст. 6 автографа: «Сердце беспечная радость».

168. Печ. по автографу: № 9, л. 100; строфа 2 зачеркнута.

169. Печ. по машинописи: № 2, л. 21.

170. Печ. по автографу: № 9, л. 101; первоначальный вар. ст. 11: «Да не скажет злобный мир». Ср.: «Жил бы я повеселей...», *март 1885* (см. с. 202 наст. изд.).

171. Печ. по машинописи: № 6, л. 2015; первоначальный вар. ст. 4 автографа: «Подобной лишь мечте».

172. Печ. по автографу: № 9, л. 101; первоначальный вар. ст. 4: «Работник стоял, утомленный», ст. 14: «Путем угнетенной кручины», ст. 16: «Несчастных рабочих вела». Ср. редакции: «Под солнцем страны полуденной...», *3 июля 1886* (см. с. 213 наст. изд.); «Стрекоз говорливая стая...», *17 мая 1890* (Ежемесячные литературные приложения к *ЖО*. 1898. № 7).

173. Печ. по машинописи: № 2, л. 60. *Корчаг-Гречина* Евграф Яковлевич (род. 1838) — в 1888 г. был назначен директором реального училища в г. Великие Луки. См. недатированную запись Сологуба о нем: «За винтом Гречина обругал Антонова сапожником. Тот прекратил игру. На завтра вызывает на дуэль. Гречина не принял» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 539, л. 299).

174. Печ. по машинописи: № 6, л. 1984.

175. Печ. по автографу: № 9, л. 110; поздний вар. ст. 8: «И круглая, как скалка». *Ап*: «Ряска малая. Плавает в стоячих водах, иногда затягивает» (автограф); «Ряска трехдольная. Небольшая безлистная зеленая пластина, снизу с одним корешком, погруженная в воду, прозрачная, суженная в ножку в форме черешка. Растение ветвистое многолетнее. Очень обыкновенно по стоячим водам. Во время цветения всплывает на поверхность. Цветет крайне редко. Зимует» (карт.). Ср.: «Покрыла зелень ряски...», *11 июля 1895* (*КН*. 1897. № 12. С. 127; *Тени*. С. 145; *ССС I*. С. 16; *ССС I*. С. 16).

176. Печ. по машинописи: № 4, л. 1343. *Брашно* — кушанье, еда.

177. Печ. по машинописи: № 3, л. 998. На обороте автографа авторская запись: «Причина современна следствию. Ничего не существует, кроме того, что вошло в сознание, вернее, — в ощущение».

178. Печ. по автографу: № 9, л. 115. Ср.: «Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит...», 3 февраля 1884 (см. с. 186 наст. изд.).

179. Печ. по автографу: № 9, л. 116 об.

179а. Печ. по автографу: № 9, л. 116 об. Ан: «Живописное обозрение. 5 мая 1891» (карт.). Ср. с ред. 25 февраля 1901 (ССт. С. 137; ССШ V. С. 203; ССС V. С. 199; БП. С. 241).

180. Печ. по машинописи: № 6, л. 2014 а. Строфы 1 и 2 автографа датированы 12 октября 1888, 3 и 4 — 7 мая 1889. Первоначальный вар. ст. 8—9: «Рубашонку мою / На бегу ветер поднимает»; ст. 13: «Я рубашку долой».

181. Печ. по автографу: № 9, л. 123.

182. Печ. по машинописи: № 4, л. 1381. Вар. ст. 34: «И в ней приют своим путем».

183. Печ. по автографу: № 9, л. 123 об. *Кволий* (квелый — обл.) — хилый, слабый, болезненный, писклявый. *Зой* — в слав. демонологии существо, олицетворяющее эхо, лесные шумы; *Топотун* — вероятно, нечистая сила, проявляющая себя звуком; *шишига* — овиный домовый, бес, близкий кикиморе; *Шелестинные старушки* — авторский неологизм для обозначения нечистой силы, от глагола «шелестить» — производить шелест, шорох; действовать незримо, незаметно.

184. Печ. по автографу: № 9, л. 124. Карт. без заглавия.

184а. Печ. по машинописи: № 5, л. 1738. Карт. без заглавия.

185. Печ. по машинописи: № 4, л. 1225. Первоначальный вар. ст. 1 автографа: «Затем, что синего чулка».

186. Печ. по машинописи: № 6, л. 1906. Первоначальный вариант ст. 4: «Тоску шемящую мою!». Ан: «Vitis vinivera. Виноград. Weinstock. La vigne cultivée. Из Азии. Обвивается около деревьев, стел<ется> тонк<ими>, нитевид<ными>, вьющимися усами. Около подпор<ок>. Подрезают. Май—июнь — метелки душ<истых> цвет<ков>. Чаш<ечки> мал<енькие>, пятизубч<атые>. 5 леп<естков> соед<инены> вершиной при раз. <отпад.> в виде колпачка. Мел<кие> чаш<елистики> и тыч<инки>. Кружок — 5 чешуек. Плодовое, ягодное, 1 или 2 сем.» (автограф: № 9, л. 127 об.).

187. Печ. по автографу: № 9, л. 132. Ранний вар. ст. 3: «На небе ползучая мгла», ст. 9—12: «Он помнит, как цвета того / Так долго листья его ждали, / И вот, не дождавшись его, / Увяли и на землю пали».

187а. Печ. по машинописи: № 3, л. 1151а. Карт. под заглавием «Осенняя могила», зачеркнутое заглавие: «Безвременник». Ан: «Colchicum autumnale. Сем<ейство> Colchicaceae. Безвременник. Herbst-Zeitlose. Le safran bâtarde. Луковичное. Лиловые цветы осенью, когда нет листьев. На следующую весну — листья, как у тюльпана, а посреди их <1 нрзб.> коробочка (собственно, 3 коробочки, внизу сросшиеся). На лугах западных и южных губерний. Семена и луковица заключают острый яд» (автограф: № 9, л. 132 об.); «Свет. 1 августа 1889; Всемирная иллюстрация. 26 февраля 1890; Детское чтение. 27 июня 1890; Новое время. 27 ноября 1896; Русская мысль. 17 декабря 1897» (карт.). Ср. позднюю редакцию: **Осенняя могила** («Осень холод привела...», 27 октября 1914) (БВ. № 14484. 9 ноября. Утр. вып. С. 2; Сологуб Федор. Война. Стихи. Пг., 1915. С. 32; АМ. С. 216).

188. Печ. по автографу: № 9, л. 138—139. Ранний вар. ст. 2: «Картины грустных детских лет», ст. 5—8: «Давно похищенный забвеньем, / Ничтожный случай вспомнил я, / И светлым, чистым наслажденьем / Душа исполнилась моя», ст. 10: «Я как-то летом проходил», ст. 12: «Но все ж я многое следил» Ал: «Свет. 29 декабря 1889; Южный край. 6 апреля 1890» (карт.).

189. Печ. по автографу: № 9, л. 140.

Ранний вар.:

ст. 1—2: Когда я влекся безнадежно
К тому, чего напрасно ждал, —
ст. 4: И так надменно презирал.
ст. 5—6: И закалялась в пытке лютой
Моя суровая душа,
ст. 10—16: Презренных дел, и лжи, и зла,
И скоро жажда возрожденья
Во мне навеки умерла.
Не свергнуть мне тоски суровой
С души поруганной моей,
И не свернуть тропы терновой
На путь надежды юных дней.

189а. Печ. по машинописи: № 1, л. 105 с исправлением опечатки в ст. 15 по тексту автографа.

190. Печ. по машинописи: № 4, л. 1555.

191. Печ. по автографу: № 9, л. 146—147, ст. 85—87, 89—93 вымараны чернилами. По-видимому, автор предполагал включить стих. в поэму «Одиночество» (ср. дату написания и авторский план поэмы, л. 3). Вариация «бродячего» сюжета об ожившей статуе; в интерпретации сюжета Сологуб совпадает с Л. фон Захер-Мазохом (см. фрагмент из романа «Венера в мехах», 1879; русский перевод в 1909 г.: *Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах.* М., 1993. С. 17). Ср. со стих. К. К. Случевского «Статуя» (1860).

192. Печ. по автографу: № 9, л. 148—149, 151. Первоначальный вар.:

ст. 1: Про тяжелые, мрачные, душные дни,
ст. 3—9: Лишены утешений веселой свободы,
В нищете и пороке таились они.
Оглушен и подавлен гремющей столицей,
Посреди неприветных кирпичных громад.
Рано стал наслаждаться с своею царицей, —
Но немного богиня дала мне наград.
И мрачна, и бледна ко мне муза спускалась,
ст. 11—12: Тяжело беспокойная грудь волновалась,
На устах ее звонкая песнь трепетала,
ст. 15: Разливалась песня в полнощной тьме.
ст. 17—18: Точно плакала грешница в страшной тюрьме.
И волшебная сила полночного пенья,
ст. 24—25: Проносились победы коварного зла,
Преклонялась толпа перед властным позором
ст. 28: Затаенная, знойная буря вставала
ст. 31: И мечта, точно птичка больная, порхала
ст. 39: И во сне мерещились призраки горя,
ст. 41—42: Торжествующий, зобный, как дикое горе,
Закипевшее бурею в душном просторе,

Ст. 49—50: И сбылось, и обрушила злая судьбина
Неизбежный удар на усталую грудь,

193. Печ. по автографу: № 9, л. 78; первоначальный вар. ст. 6: «На заоблачных
высях альпийских высот».

194. Печ. по автографу: № 9, л. 119 об.

195. Печ. по машинописи: № 3, л. 1132; первоначальная дата карт.: *15 июня
1889.*

196. Печ. по машинописи: № 2, л. 456 с исправлением опечатки во ст. 2 по тек-
сту автографа. Строфы 1—6 автографа датированы *10 сентября 1888, 7, 8 — 16 ию-
ля 1889.* Тук — здесь: чернозем. *К ярму тяжелому привязанный, послушно / Глубо-
кий тук полей вол плугом бороздит, / Ярмо, да плуг, да бич, да тяжкие усилья... —*
Аллюзия на стих. А. С. Пушкина «Деревня» (1819), ср.: «Склонясь на чуждый плуг,
покорствуя бичам, / Здесь рабство тощее влачится по броздам / ... Здесь тягостный
ярем до гроба все влекут...».

197. Печ. по машинописи: № 2, л. 371.

198. Печ. по автографу: № 9, л. 158 об. Ср. с ред. *22 июля 1884* (см. с. 191 наст.
изд.).

199. Печ. по автографу: № 9, л. 159. Первоначальный вар. ст 2: «И злой приро-
дою обижен», ст. 7: «Но если б как-нибудь в пути», ст. 9—10: «Я возмутил бы друж-
бу нашу / Своей надменною душой», ст. 12: «Поднес ласкающей рукой».

200. Печ. по автографу: № 9, л. 158. Первоначальный вар. ст. 6: «О невозмож-
ном идеале», ст. 7: «Как я любил, как я мечтал». Ал: «Восточная заря. 17 декабря
1910» (карт.).

201. Печ. по машинописи: № 2, л. 650; под текстом две даты, первая зачеркнута:
1 января 1887, 27 июля 1889. Относится к циклу «Из дневника». *Пейсаховка* (от евр.
peisah — пасха) — нехлебная (свековичная) водка, употреблялась иудеями на пас-
ху.

202. Печ. по автографу: № 9, л. 161—161 об.

203. Печ. по автографу: № 9, л. 164.

204. Печ. по автографу: № 9, л. 165. Первоначальный вар. строфы 1: «Томим нуж-
дою и заботой, / И одинок, и угнетен, / За нелюбимую работой / И день и ночь
проводит он»; ст. 8: «Природа горечь разлила»; в строфе 4 изменен порядок строк:
3—4—1—2; вар. ст. 15: «Но он послушен воле тайной»; вар. ст. 20: «В плоды тяже-
лого труда».

205. Печ. по автографу: № 9, л. 164 об. <Из Дн.>.

206. Печ. по машинописи: № 6, л. 1852; первоначальный вар. ст. 2—3: «Да злой
насмешки все сильнее. / Так в раны всыпанная соль», ст. 8: «Стыдливо подавля-
ешь?», ст. 12: «Атака — лучшая защита».

207. Печ. по машинописи: № 2, л. 288. Вариация фольклорного сюжета о вол-
шебном коне — Сивке-бурке.

208. Печ. по машинописи: № 2, л. 483. Датировка ст. 1—4 автографа: *Март 1885. Ал.*: «Южный край. 6 апреля 1890; Московская иллюстрированная газета. 29 апреля 1889» (карт.).

209. Печ. по автографу: № 9, л. 73. Первоначальный вар. ст. 2—4: «И пора тревожному уняться, / И что больше нет во мне уж сил / Вслед за ним гореть да порываться», ст. 6: «На людские стоны служит эхом».

210. Печ. по машинописи: № 2, л. 570. *Суждений много очень диких: «Шекспир, Бэкон — великие умы!»* — Вероятно, имеется в виду теория, выдвинутая в 1856 г. Делией Бэкон, о том, что подлинным автором пьес У. Шекспира был английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626); в России вопрос о Бэконе как авторе шекспировских пьес впервые был рассмотрен в появившихся в конце 1880-х гг. исследованиях жизни и творчества Шекспира: *Кох М.* Шекспир. М., 1888; *Чуйко В. В.* Шекспир, его жизнь и произведения. СПб., 1889.

211. Печ. по машинописи: № 3, л. 678. Первоначальный вар. ст. 17 автографа: «Ну, а мостик провалился» (№ 9, л. 87). <Из Дн.>.

212. Печ. по машинописи: № 2, л. 449.

213. Печ. по автографу: № 9, л. 84. Вариация библейского сюжета (Быт. 39: 1—18). Ср. редакцию: **Красота Иосифа** («Залиха лежала, стена, на пышной постели...»), *15 марта 1892* (Восход. 1895. № 9. С. 183 (подзаголовок «Легенда»); *Ст. I. С. 61; CCC XIII. С. 217*).

214. Печ. по машинописи: № 6, л. 2000 с исправлением опечатки в ст. 25. Ст. 1—16 автографа датированы *11 ноября, 17—41 — 19 ноября 1889*. Дата машинописи: *11 ноября 1882*.

215. Печ. по автографу: № 9, л. 86.

216. Печ. по автографу: № 9, л. 87.

217. Печ. по автографу: № 38, л. 331 об. Первоначальный вар.:

ст. 1—2: Ни на жизнь, ни на свет не надейся,

Пой от боли, усталое сердце, разбитое горем,

строфа 2: Изнывая напрасной любовью,

Догорай, как свеча, погасимая бурей сердитой, —

И земля, утучненная нашею кровью,

Будет нам от клевет и страданий надежной защитой.

ст. 9: На ее безмятежном просторе

Ср. редакцию: «*После жизни недужной и тщетной...*», *21 января 1893* (*Тени. С. 155, Пробуждение. 1907. № 11. С. 180, CCC XIII. С. 44*).

218. Печ. по автографу: № 9, л. 93; поздний вар. ст. 10: «Смертным телом я твердо умру».

218а. Печ. по автографу: № 9, л. 93.

219. Печ. по автографу: № 9, л. 94—96. Вар. ст. 2: «Сквозь темную зелень задумчивых лип», ст. 7—8: «Борясь с жестким, несносным страданием, / Сидел с нею рядом под липами я», ст. 18: «Давно уж я смерти безропотно жду», ст. 22: «Где буду

я скоро так сладостно спать», ст. 24: «И не дано права тебе тосковать!», ст. 44: «Ты счастья и воли себе не найдешь», ст. 49—50: «Мне кажется мир золотою решеткой / На два разделенный, как ад и эдем», ст. 66: «И честью и верой своею клянись».

220. Печ. по автографу: № 9, л. 97; первоначальный вар. ст. 6: «Тихо спит земля», ст. 9: «Если он в отчизне».

221. Печ. по автографу: № 9, л. 80.

ЮБИЛЕЙ ФЕДОРА СОЛОГУБА (1924 год)

Публикация А. В. Лаврова

28 января 1884 г. в 4-м номере петербургского журнала «Весна» было напечатано стихотворение «Лисица и еж» за подписью «Те—рников». Эта публикация — за которой в течение ряда лет так и не последовали другие — явилась литературным дебютом Федора Сологуба. Дату 28 января 1884 г. Сологуб вынес на титульный лист брошюры, содержавшей библиографию его произведений,¹ и тем самым облегчил задачу поклонникам своего творчества, получившим исходную точку отсчета для исчисления сроков возможных юбилейных мероприятий.

Правда, когда приблизилась круглая дата — 40-летие литературной деятельности Федора Сологуба, — при выборе дня чествования случилась путаница, вызванная переходом со старого стиля на новый. Первоначально юбилейный вечер был назначен на 28 января 1924 г., без необходимого пересчета 12-ти дней (28 января 1884 г. по новому стилю — 9 февраля), а один из инициаторов празднования, Р. В. Иванов-Разумник, даже выказал не свойственную ему рассеянность, сделав пересчет дней с 28 января в обратном направлении, о чем свидетельствует следующее его письмо к Сологубу:

15 января 1924. Царское Село

Дорогой Федор Кузьмич,

сердечный привет и поздравление из Царского Села: и с минувшим Новым Годом, и с наступающим завтра днем 40-летнего юбилея Вашей литературной работы. Правда, с этим праздником мы поздравим Вас в Александринском Театре 28 января в торжественной обстановке, но пока скромно и секретно шлет Вам поздравления «Колпинская, 20, 2».²

В начале будущей недели в закрытом заседании Вольфилов³ мы начинаем серию чествований (еще предстоят: в Институте Живого Слова,⁴ в Университете, в Госиздате и т. д.), и обращаемся к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы дать нам для оглашения в этом заседании серию неизданных Ваших стихотворений — любых годов, от 1884-го до 1924-го, и в любом количестве, которое сами найдете нужным. Если можно — большое спасибо заранее.

Расскажу Вам, когда вернетесь в Царское, много интересного о последних заседаниях юбилейного комитета; последнее заседание будет в ближайшую пятницу.⁵

Портрет Ваш, в ожидании переезда в Русский Музей, «сохнет» у нас на рояле,⁶ так что, отсутствуя из Царского Села, Вы все же присутствуете в нем.

Еще раз сердечные поздравления и пожелания, к которым присоединяется Варвара Николаевна.

Искренне Ваш Разумник Иванов.⁷

Серии чествований, первоначально планировавшихся, не состоялось: все юбилейные акции было решено осуществить на торжественном вечере в Александринском театре.⁸ Правда, устроить его 28 января, как было намечено, не удалось: накануне, 27 января, в Москве на Красной площади был установлен гроб с телом Ленина во временном мавзолее, решением Кремля был объявлен всенародный траур, ритуальным мероприятиям был придан широчайший размах, и чествование Сологуба пришлось перенести — видимо, отчасти из опасения, что праздничный энтузиазм выступающих и аудитории окрасится дополнительными, актуальными обертонами. 25 января Б. М. Эйхенбаум записал в дневнике, что в связи с траурными днями «юбилей Сологуба перенесен на 11 февраля».⁹ Самого юбиляра уведомил об этом в официальном письме А. Л. Волинский:

Дорогой Федор Кузьмич,

В Союзе Литераторов давно уже решен был вопрос о достойном отпраздновании исполняющейся юбилейной даты Вашей литературной деятельности. Сорганизованный по этому случаю Комитет выработал способ и порядок намеченного чествования. Оно состоится 11 февраля нынешнего года, в 8 вечера, в Александринском театре. В своем качестве председателя Союза и Организационного комитета имею радость обратиться к Вам с просьбой пожаловать в назначенный срок в Александринский театр, где Вы будете встречены всеми друзьями Вашего литературного таланта.

С лучшими к Вам чувствами

А. Волинский.¹⁰

6 февраля 1924 года.

В ряду писателей-современников Федор Сологуб всегда был одним из наиболее амбициозных. Зафиксировано немало случаев, когда он заявлял о своих обидах или высказывал претензии по поводу тех или иных печатных выступлений, затрагивавших его творчество, или поступков, которые расценивал как недопустимые по отношению к нему; нередко его негативная реакция оказывалась гипертрофированной, а порой и совершенно беспочвенной.¹¹ Повышенным и очень серьезным было и его внимание к различного рода внешним, организационным, регламентирующим сторонам литературной деятельности, что проявилось, в частности, особенно наглядно в 1917—1918 гг., когда Сологуб выступал одним из инициаторов работы Союза деятелей искусства и Союза деятелей художественной литературы, ставших — по своим сугубо формальным признакам — прообразами твор-

ческих объединений советского времени.¹² Поэтому вполне закономерно, что замысел и программа публичного чествования со стороны юбиляра не встретили никаких возражений.

Столь же закономерным и естественным со стороны петербургских литераторов было желание отдать должное живому классику русского символизма. В стремлении почтить и прославить Федора Сологуба таился, однако, и определенный умысел, в характере ритуала и стилистике величальных формул угадывался внятно прочитываемый подтекст. За несколько недель до того момента, к которому приурочили сологубовский юбилей, уже имел место аналогичный прецедент в связи со знаменательной датой в биографии другого живого классика символистской школы — было отпраздновано 50-летие со дня рождения Валерия Брюсова. Оно было проведено в параметрах официального советского торжества; чествования продолжались два дня — 16 декабря 1923 г. в Российской академии художественных наук и 17 декабря в Большом театре. Оба мероприятия были ознаменованы активным присутствием А. В. Луначарского (председательствовавшего на первом заседании и открывавшего своим докладом второе) и значимым отсутствием многих лиц, теснейшим образом связанных с Брюсовым на протяжении ряда лет его литературной деятельности.¹³ В противовес московскому государственному официозу, празднование 40-летия литературной деятельности Сологуба изначально готовилось юбилейным комитетом во главе с А. Л. Волынским и осуществлялось без какого бы то ни было содействия со стороны правящих инстанций, а формы и тональность брюсовского чествования воспринимались как отрицательный образец. В связи с этим Е. И. Замятин, один из членов юбилейного комитета, писал М. А. Волошину 20 февраля 1924 г.: «Отпраздновали недавно юбилей Сологуба — очень помпезно <...> Отчасти это было — назло надменному соседу Брюсову. Устраивали только обществ<енные> организации <...> Казна никакого участия не принимала — ни единым словом».¹⁴

Если юбиляр Брюсов воспринимался оппозиционной интеллигенцией как писатель, испортивший себе репутацию благодаря союзу с большевистской властью, то юбиляр Сологуб, наоборот, своей общественно-литературной позицией, неоднократно наглядно продемонстрированной после Февральской революции, своими многочисленными выступлениями против вмешательства государства в сферу художественного творчества, против разделения на «буржуазное» и «пролетарское» искусство и т. п.,¹⁵ зарекомендовал себя как защитник тех подлинных ценностей, которые в одночасье оказались под угрозой уничтожения. Весь стиль проведения юбилея Сологуба был отмечен последовательной внешней политической индифферентностью, подразумевавшей скрытое, молчаливое неприятие установившегося режима. Чествование писателя стало формой демонстрации сил и внутренней сплоченности творческой интеллигенции, демонстрацией ее верности прежнему, отмененному новой властью, общественно-нравственному кодексу. Конст. Эрберг, на которого чествование произвело в целом «удручающее впечатление», подмечал в позднейших мемуарных записях: «Только выйдя из театра на свежий воздух, я вспомнил, что мы живем в Советской стране (об этом никто из участников чествования не сказал ни слова), а не в царской России».¹⁶

О чествовании Сологуба оповещала печатная афиша, выпущенная тиражом 300 экземпляров:

Понедельник 11 февраля 1924 г. XL
Государственн. Академическ. Драматический театр
(бывш. Александринский)

В понедельник, 11-го февраля 1924 года
состоится

юбилейное чествование
ФЕДОРА СОЛОГУБА

по случаю сорокалетия его литературной деятельности

I А. Л. Волинский — слово о
Ф. К. Сологубе	Анна Ахматова — Петербургские
поэты — Федору Сологубу
Е. И. Замятин — о прозе
Федора Сологуба	Б. М. Эйхенбаум — Поэзия
Федора Сологуба
II Приветствия юбиляру	
III Концертное отделение, посвященное Федору Сологубу	

Участв.: С. В. Акимова, М. И. Бриан, М. А. Ведринская, С. О. Давыдова, Е. И. Талонкина, О. В. Тарковская, М. Б. Тойман, В. Л. Юренева, М. А. Бихтер, Л. С. Вивьен, Б. А. Горин-Горяинов, П. И. Лешков, Е. Г. Ольховский и В. Г. Шушлин.

Начало в 8 ч. вечера. Билеты продаются в кассах театра ежедневно от 11-ти до 3-х час. дня и от 4-х до 8 1/2 часов вечера.¹⁷

Юбилей Сологуба был отмечен несколькими довольно лаконичными газетными публикациями.¹⁸ Сколько-нибудь развернутых репортажей о ходе чествования в печати не появилось — по контрасту с широко отмечавшимся в те же дни 80-летием со дня рождения А. Ф. Кони:¹⁹ политическое руководство, контролировавшее все газеты и журналы, тем самым по-своему прореагировало на парад «бывших людей», состоявшийся в Александринском театре. В архиве Сологуба, однако, сохранились тексты официальных приветствий и частные поздравительные письма, приуроченные к юбилею; по ним можно составить достаточно полное представление о ходе торжества. В числе этих документов — несколько десятков коллективных поздравительных посланий (многие из них — красочно оформленные, написанные каллиграфическим писарским почерком), а также индивидуальные письма, телеграммы, приветствия в стихах. С присущей ему педантической тщательностью Сологуб составил в особой тетради реестр полученных им поздравлений и подвел общий итог: «приветствия от общественных организаций» — 20, телеграммы — 4, стихи — 3, «приветствия и письма от разных лиц» — 22; «всего 55 документов и 69 листков».²⁰ Среди них — приветствия от группы московских поэтов и группы петербургских поэтов, от группы переводчиков-литераторов, от Всероссийского союза поэтов, от Всероссийского союза писателей, от поэтического кружка «Вечера Случевского», от издательств «Всемирная литература», «Полярная Звезда», «Мысль», «Алконост», «Петроград». Пространные приветствия адресовали юбиляру: Академия художеств, Пушкинский Дом, Этнолого-лингвистическое отделение Петроградского университета,

Александринский театр, Союз драматических и музыкальных писателей, Передвижной театр, Драматический театр Народного дома, «Кружок друзей камерной музыки», Московское общество драматических писателей и композиторов, Общество им. А. Н. Островского, Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук, Общество любителей российской словесности при Московском университете, Неофилологический научный кружок (б. Неофилологическое общество) и другие учреждения. Виножник торжества, в свою очередь, воспринял юбилейный ритуал со всей серьезностью и ответственностью. В архиве писателя сохранились копии ряда писем, отправленных им в ответ на полученные приветствия.²¹

Других аналогичных коллективных организованных чествований, посвященных писателям из круга русских модернистов, после юбилея Сологуба уже не было. Полтора года спустя, в конце 1925 г., 20-летие литературной деятельности М. Кузмина было отмечено лишь выпуском малотиражной брошюры и двумя собраниями отнюдь не публичного характера.²² А еще через два года о 25-летию литературной деятельности Андрея Белого вообще не вспомнил никто, кроме близко знавших его людей.²³ Наступали все решительнее и неотвратимее другие литературные времена.

Ниже публикуются избранные — коллективные и индивидуальные — юбилейные приветствия Федору Сологубу, хранящиеся в его архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 289, оп. 6, № 114—169),²⁴ а также ответные послания Ф. Сологуба (Там же, № 171).

¹ См.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч. 1. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года до 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С. 4.

² По этому адресу (дом 20, кв. 2) Иванов-Разумник проживал в Царском Селе с 1907 по 1929 г. Соседнюю квартиру того же дома Сологуб подолгу снимал в 1923—1924 гг.

³ Вольфила – Вольная Философская Ассоциация (1919—1924), товарищем председателя (и фактическим руководителем) которой был Иванов-Разумник. См.: *Иванова Е. В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3—65; *Федоров В. С.* «Академия исканий»: Петроградская Вольфила (1919—1924 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. Кн. 1. СПб., 2002. С. 197—249; *Белоус Вл.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919—1924. Кн. 1—2. М., 2005.

⁴ Институт Живого Слова был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор – В. Н. Всеволодский-Гернгросс).

⁵ Ср. дневниковую запись Б. М. Эйхенбаума от 13 января 1924 г.: «11-го заседание юбилейного комитета по чествованию Сологуба (были Волынский, Раз<умник>-Иванов, Замятин, Эрберг, В. Рождественский, Кубасов, П. Медведев). Будет 28-го в Александринском театре. Мне поручено говорить о поэзии Сологуба» (приведено в комментариях Е. А. Тоддеса в кн.: *Эйхенбаум Б.* О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 508).

⁶ По предположению М. М. Павловой, речь идет о портрете Сологуба в образе Передонова работы К. С. Петрова-Водкина, хранящемся ныне в частном собрании.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 134. *Варвара Николаевна Иванова* (урожд. Оттенберг; 1881—1946) — жена Иванова-Разумника.

⁸ С подробно обоснованным возражением относительно избранного места чествования выступил А. Л. Волынский, представивший в юбилейный комитет следующее письмо (доводы эти, однако, не повлияли на принятое решение):

Я считаю своим долгом обратиться к Юбилейному Комитету с нижеследующим моим воззванием. Возникла мысль о чествовании Ф. К. Сологуба в Александринском Театре. При первом же обсуждении этого вопроса я настаивал на перенесении любезного моему сердцу

чествования в какой угодно другой форум, в какое угодно другое помещение, по возможности, частное. Только в частном помещении, где-нибудь в ресторане или у Смирдина, был бы отпразднован прижизненный юбилей Пушкина его друзьями и почитателями, среди которых были такие титаны, как Баратынский, Дельвиг и Тютчев. И такое празднование, при скромном шуме тарелок и бокалов, прозвучало бы на века. В театре чествовался Вольтер, драматург Франции, когда шла одна из его бесчисленных трагедий. Юбилей А. Н. Островского мог бы состояться в театре. Возможно, что и грибосдовский и гоголевский юбилеи праздновались бы в театре, хотя это уже и менее вообразимо. В театре может чествоваться преимущественный деятель сцены, будь то артист, драматург или музыкант. Вне такой профессиональной точки зрения театр сам по себе не увеличивает парада и помпы торжества. При отсутствии же профессионального коэффициента — напротив того — чествование в театре может создать впечатление недоразумения и даже гротеска.

Обращаясь к Ф. К. Сологубу в свете высказанного, нельзя не отметить, что в лице его мы не имеем дела с драматургом в преимущественной степени, или же с лицом, органически связанным с театром. Перед нами писатель, беллетрист и поэт, обмолвившийся двумя-тремя драматическими вещами, без серьезного значения для сцены и для литературы. Если бы предполагался юбилей Д. С. Мережковского или З. Н. Гиппиус, потрудившихся немало для сцены, то он наверно состоялся бы не в театре. Да и вряд ли сами юбиляры пожелали бы подчеркнуть в такой степени свою деятельность по театру в забвении их гораздо более крупного значения в других областях литературы. С какой бы стороны ни взглянуть на намеченный способ чествования Ф. К. Сологуба, он не может не представиться в дисгармонии с литературным обликом юбиляра. Литература есть родина и лаборатория форм, и всякое нарушение формальной логики по отношению к ней казнится не только неблагоприятным впечатлением в публике, но и внутренним противоречием самому существу дела. Никак нельзя допустить в данном случае, чтобы литературное чествование, влитое в несоответственную, не адекватную форму, представилось не литературным. Я не хотел бы оказать Ф. К. Сологубу такой медвежьей услуги.

Я настоятельно прошу Юбилейный Комитет пересмотреть вопрос о месте чествования Ф. К. Сологуба.

А. Волюнский.

Если точка зрения моя на чествование Ф. К. Сологуба будет отвергнута и оно произойдет в официальном месте, то представляется совершенно несободным пригласить к участию в чествовании руководящий состав правительственных лиц в Петроград: Акцентр, Комиссариат Просвещения, Политпросвет, Государственное Издательство и друг. Неисполнение этого могло бы дать повод к предположению, что Юбилейный Комитет проявил по отношению к власти тенденциозное ее игнорирование. Я просил бы в соответственном случае озаботиться своевременно составлением и рассылкой всех подлежащих приглашений.

11 января 1924 года.

(РО ИРЛИ, ф. 291.)

⁹ Эйхенбаум Б. О литературе. С. 508.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 115.

¹¹ Упомянем, например, конфликт, инициированный в 1908 г. Сологубом в связи с публикацией в журнале «Весь» статьи Андрея Белого «Далай-лама из Сапожка», в которой давался анализ его творчества (см. письмо Андрея Белого к Сологубу от 30 апреля 1908 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 131—135. Публикация С. С. Гречихина и А. В. Лаврова) и письма В. Я. Брюсова к Сологубу от 15 и 24 апреля 1908 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 114—115. Публикация В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского)), или инцидент на новогоднем маскараде 3 января 1911 г. в квартире Сологуба, приведший к осложнению его отношений с А. М. Ремизовым и разрыву всяческих контактов с А. Н. Толстым (см.: *Обатнина Е. П.* От маскарада к третьейскому суду («Судное дело об обезьяньем хвосте» в жизни и творчестве А. М. Ремизова) // Лица. Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 448—465).

¹² См.: *Перхин В. В.* Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917—1918 гг.): из хроники событий // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов. Кн. 1. С. 47—124; Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) / Публикация В. П. Муромского // Там же. С. 125—196.

¹³ См.: Валерио Брюсову (1873—1923). Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. П. С. Когана. М., 1924; *Ашукин Н., Щербаков Р.* Брюсов. М., 2006. С. 593—608.

¹⁴ *Купченко В.* «Пишу Вам из России...» (Письма Е. И. Замятина М. А. Волошину) // Подъем. 1988. № 5. С. 123. См. также: Ф. Сологуб и Е. И. Замятин. Переписка / Вступ. статья, публикация и комментарии А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой // Нсизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 391—392.

¹⁵ См., например, тексты публичных выступлений Сологуба от 31 марта 1917 г. (*De visu*. 1994. № 1/2 (14). С. 40—43. Публикация М. М. Павловой) и 7 апреля 1918 г. (Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов. Кн. 1. С. 104—113. Публикация В. В. Перхина).

¹⁶ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 143.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 114. Ход чествования нашел отражение в подробной записи заведующего издательством «Academia» А. А. Кроленко (11 февраля 1924 г.): «Из изд<ательст>ва иду в Александринский театр на чествование *Фед. Сологуба* (60-летие). Сначала концертно-театральная программа, потом выступления с приветствиями. В нашей ложе *Смирнов А. А., Кузмин*, а со 2-го отделения *Ю. Слонимский* и *Соллертинский*. Программа — отрывки из пьес Сологуба и чтение стихов. С приветствием выступают в числе прочих А. А. Смирнов (от изд<ательст>ва «Всемирная лит<ерату>ра»), я (от изд<ательст>ва «Academia»), Казанский от ЛИТО Ин<ститу>та. Вообще всер не имеет торжеств<енного> характера, в зале нет полного сбора. Настроение вялое и у чествователей и у юбиляра» (РНБ, ф. 1120, № 266, л. 14. Благодарю за сообщение этих сведений К. А. Кумпан).

¹⁸ Укажем прежде всего статью О. Мандельштама «К юбилею Ф. К. Сологуба», опубликованную в ленинградской газете «Последние новости» в день празднования, 11 февраля 1924 г.; своей торжественной тональностью она соотносится со многими приветствиями, прозвучавшими в ходе чествования: «... Сологуб поднял на плечи свои огромную работу, обобщающей силой человеческого духа он поднял современность до значенья эпохи и той же обобщающей силой беспомощный лепет современников возвысил до выразительности вечных, классических формул. <...> К будущему обращена вся поэзия Сологуба. Он родился в безвременьи и медленно насыщался временем, учился дышать и учил любить» (*Мандельштам О.* Собр. соч. В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 408, 409). В заметке «Федор Сологуб (Сорокалетие литературной деятельности)» краткая характеристика жизни и творчества писателя завершалась наиболее, видимо, значимыми с точки зрения автора указаниями: «В отличие от своих собратьев по перу, Сологуб не эмигрировал и ни разу не выступал против Советской власти. Он принял деятельное участие в организации издательства „Всемирная Литература“ и ныне работает в этом издательстве» (Ленинградская правда. 1924. № 33, 10 февраля. С. 5. Подпись: *И. Б.*). А. И. Тихонов — поэт, начинавший в кругу символистов, — в заметке «Федор Сологуб (К 40-летию литературной деятельности)» всецело придерживался официальных идеологических установок: «В длинном ряде книг, написанных Ф. Сологубом, безусловно есть много неприемлемого для современного пролетарского читателя. Пессимизм и индивидуализм, вражда к солнцу, стремление к смерти, нездоровая жестокость, болезненная эротика и, наконец, глубокие и сложные мистические настроения — все это чуждо современным поколениям, закаленным в огне революции»; отметив с похвалой «воистину прекрасные» стихи Сологуба, а также его «Политические сказочки» и роман «Мелкий бес», критик заключал: «И сегодня — в лице Сологуба — мы можем приветствовать истинный, крупный, во многом прекрасный, хотя, в общем, и чуждый нам и современности талант» (Красная газета. Веч. вып. 1924. № 33, 11 февраля. С. 3. Подпись: *А. Т.*).

¹⁹ Отметим лишь одну опубликованную заметку, автор которой выражал явное разочарование происходившим на вечер:

«... все было очень корректно, очень замкнуто, очень серьезно, проникнуто необыкновенным уважением и почтительностью к юбиляру.

Но во всем сказанном не было изюминки, не чувствовалось бодрого подъема, ни настоящей душевной теплоты. Последнюю можно было ощутить лишь в приветствии Андрея Белого, очень задушевном и искреннем.

Все же остальные речи произносились без всякого подъема, в них не было солнца, не было увлечения.

В общем, от всего торжества веяло скукой, чем-то официальным, чопорным и благоприличным» (*Аэль. Без солнца (Чествование Ф. К. Сологуба в Александринском театре)* // Красная газета. Веч. вып. 1924. № 34, 12 февраля. С. 3).

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 170.

²¹ Там же, № 171.

²² См.: К XX-летию литературной деятельности Михаила Алексеевича Кузмина. Л., 1925; Морев Г. А. К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 351—375.

²³ См.: *Лавров А. В.* Несостоявшийся юбилей Андрея Белого // *Die Welt der Slaven*. 1998. Bd. XLIII. S. 355—366.

²⁴ См. также опубликованные ранее приветствия Андрея Белого, датированные 26 января 1924 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Перписка. СПб., 1998. С. 277—280), и стихотворное послание Ю. Н. Верховского «На сорокалетие литературной деятельности Федора Сологуба» (*Русская литература*. 2003. № 2. С. 139—140. Публикация Т. В. Мисникевич).

ГРУППА МОСКОВСКИХ ПОЭТОВ¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

В день сорокалетия Вашей писательской деятельности примите искренние поздравления и горячий привет от группы московских поэтов.

Приветствуя в Вашем лице не только создателя пламенного и творчески единого круга незабываемых творений высокого искусства, но и одного из виднейших представителей славной плеяды, в годы помрачения русского эстетического сознания борющейся против всей писаревской общечеловечности за самое дорогое для всех нас, за самоценность и свободу Культуры Слова, — мы твердо верим, что еще много раз Вы будете дарить нас прекрасными плодами мудрой старости, подобными Вашей пленительной «Свирели».

От имени группы московских поэтов:

П. Зайцев, А. Ромм.

Москва, 27 января 1924 г.²

Софья Парнок, Петр Зайцев, Николай Бернер, Александр Ромм, Лев Горнунг, Борис Пастернак, Юлиан Анисимов, Филипп Вермель, Вера Станевич, Софья Федорченко, Сергей Заяицкий, Маргарита Тумповская, Алексей Чичерин, Николай Поздняков, Георгий Шенгели.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 130. Текст — рукой П. Н. Зайцева.

² Далее — помета: **NB**: Список членов группы — на обороте.

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА ГРУППЕ МОСКОВСКИХ ПОЭТОВ

Я чрезвычайно благодарен Вам за Ваши поздравления и привет по поводу сорокалетия моей литературной деятельности. Мне приятно, что Вы отметили стремление того круга поэтов, в дружеском единомыслии с которыми я работал, возвратить поработанному публицистическими тенденциями искусству его свободу, без которой искусство не может жить. Не знаю, хорошо ли и успешно ли мы исполнили дело нашей жизни, но утешительно для нас и сознание того, что мы начали настоящее и большое дело, и утешительна надежда на то, что идущие за нами сделают это лучше и успешнее.

ГРУППА ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ¹

Дорогой Федор Кузьмич!

Петербургские поэты хотели бы выразить Вам сегодня свою безграничную признательность. Никогда Вы не были для них только наставником в ремесле и образцом для литературных подражаний; Вы были и Вы будете всегда чем-то бесконечно большим: высоким примером, высоким воплощением поэзии. У Вас не только учились писать стихи, у вас учились быть поэтом. Вот почему поэты полюбили Вас; они полюбили Ваш мир, тот, который Вы создали, — незаконный, хрупкий и волшебный; они верят в него, они знают, что в нем правда и что она сильнее всякой действительности. И они приносят Вам не холодное восхищение, не профессиональную дань Вашему несравненному мастерству, но иную глубокую веру, иное, безусловное согласие. Всему неисчерпаемому богатству Вашего искусства, всему, что в нем не перестает радовать, волновать и мучить, всему, что в нем живет и будет жить, они хотели бы ответить сегодня своей благодарностью и своей любовью.

Анна Ахматова, Бенедикт Лившиц, Конст. Вагинов, В. Зоргенфрей, Вл. Вейдле, Ида Наппельбаум, Анна Радлова, М. Лозинский, М. Кузмин, Евг. Геркен, Фредерика Наппельбаум, Мариэтта Шагинян, Всеволод Рождественский, Ф. Зарин-Несвицкий, Вера Аренс, Н. Тихонов, Николай Чуковский, Надежда Павлович, Вас. Гельмерсен, Д. Выгодский, Грааль Арельский, М. Фроман, Валентин Кривич, Александр Туфанов, Александр Тамамшев, Юрий Верховский, Дм. Цензор, Вл. Боцяновский, В. Мазуркевич.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 132. Текст — рукой А. А. Ахматовой. Составитель текста — В. В. Вейдле. Последний свидетельствует в статье «Умерла Ахматова» (1966): «Когда чествовали Сологуба, она меня попросила составить краткос приветствис, которое прочла на сцене Александринского театра, в полном великолепии <...> в белом шелковом платье, чуть ли не со шлейфом, — а если не было шлейфа, было легко, на нее глядя, шлейф вообразить» (*Вейдле В. О поэтах и поэзии. Paris, 1973. С. 60*).

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ¹

ПОЧЕТНОМУ ЧЛЕНУ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ
ФЕДОРУ КУЗЬМИЧУ
СОЛОГУБУ
1884—1924

Высокопочтимый и дорогой
Федор Кузьмич!

Всероссийский Союз Поэтов счастлив сознанием, что в Его рядах находитесь Вы — один из крупнейших современных русских поэтов, один из основоположников Русского Символизма. Общее собрание членов В. С. П. уже доказало свое глубочайшее уважение к Вам, Федор Кузьмич, Единогласно избрав Вас своим почетным членом.

Разрешите нам сегодня присоединить к хору наших питерских товарищей голос всех русских поэтов и поздравить Вас в знаменательный для всей русской литературы сорокалетний юбилей одного из лучших Ее представителей!

Москва, 1924 январь

<82 подписи; в их числе: И. Березарк, Николай Клюев, Василий Каменский, Борис Агапов, Андрей Белый, Иван Рукавишников, Георгий Русаков, З. Хащевин, Эзра Левонтин, Мих. Козырев, Н. Гиляров, Рюрик Ивнев, А. Мариенгоф, Влад. Гиляровский, С. Есенин, Д. Туманный, Валерий Брюсов, И. Аксенов, Ада Владимирова, Н. Захаров-Мэнский, Мальвина Марьянова, Николай Ливкин, Григорий Поповский, Валентин Парнах, Иван Грузинов, Н. Берендгоф, Н. Нилли, Ив. Касаткин, А. Н. Чичерин, Николай Минаев, В. Щуренков, Лада Руставели, Б. Лапин, Абрам Эфрос, Мих. Герасимов, Илья Эренбург, К. Коротков, Ипполит Соколов, Николай Ашуркин, Татиана Рахманова, Г. Сидоров-Окский, В. Инбер, В. Бутягина, Сергей Нельдихен, Г. Гузнер, Сергей Буданцев, Евгений Сокол, Наталия Кугушева, С. Спасский, М. Нетропов, Фейга Коган, Галина Владычина, С. Мар, Мар. Ямпольская, И. Сельвинский, Николай Богословский, Н. Власов-Окский, В. Любин, Ел. Шварцбах-Молчанова, Борис Зубакин.>

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 125. Красочно оформленная грамота, текст — каллиграфическим почерком.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ¹

Всероссийский Союз Писателей. Московский отдел.
9 февраля 1924 г. Москва.

ФЕДОРУ КУЗЬМИЧУ СОЛОГУБУ

Московский Отдел Всероссийского Союза Писателей с подлинным одушевлением приветствует Федора Кузьмича Сологуба в день сорокалетнего юбилея его прекрасного творчества. Московские писатели рады засвидетельствовать свою самую высокую братскую оценку литературной деятельности Ф. К. Сологуба, с такой силой и разнообразием ознаменовавшую себя во всех областях нашей художественной литературы. Сорокалетие писательства — громадный срок, и то замечательное мастерство, которое в течение этого времени было и осталось связанным с именем Федора Сологуба, показывает, какого большого мастера имеет в лице Ф. К. современная русская литература.

Сожалея, что Московские члены Правления лишены возможности лично приветствовать славного юбиляра, Московский Отдел Союза позволяет себе этими строками принести поздравление достойнейшему Федору Кузьмичу и пожелать ему дальнейшего долголетнего, столь же высокого писательского труда.

Члены Правления: Ив. Касаткин, Мих. Герасимов, Андрей Соболев, Абрам Эфрос, С. Поляков, Ник. Ашукин, В. Никольский, Люб. Гуревич, Юр. Соболев, А. Тихонов, Вл. Лидин.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 124. Машинопись; подписи — автографы.

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВЕЧЕРА СЛУЧЕВСКОГО»¹

Федору Кузьмичу
Сологубу
от живущих в Царском-Селе
сочленов по «Вечерам Случевского»

В дни своего существования одно из старейших объединений поэтов «Вечера Случевского» с гордостью считало Вас, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, в числе своих членов.

Кипение жизни и вихри событий разбили это объединение и разметали его участников.

«Иных уж нет, а те далече»...

Но мы, из числа оставшихся налицо, его представители в заветном для каждого русского писателя Царском-Селе и Ваши сочлены, считаем себя счастливыми, что можем приветствовать Вас в этот праздник нашей литературы, в день, когда так полно и ярко Вы видите перед собой — сколько спасительной правды, света и радости дало людям Ваше мудрое и вдохновенное слово.

Всею душой чувствуем мы себя в этот день участниками Вашего торжества, как и все, кому дорого изначала святое и великое искусство слова.

Ваше торжество есть и наше торжество.

И мы приветствуем Вас, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, с уверенной надеждой и радостным ожиданием новых даров Вашего многогранного, проникновенного и прекрасного творчества.

11 февраля 1924 г.
Царское-Село

Валентин Кривич
Ф. Зарин-Несвицкий
Петр Быков
Зинаида Ц.²

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 121. Беловой автограф писарским почерком (видимо, рукой В. Кривича).

² Быкова Зинаида Ивановна (урожд. Цесаренко) — автор сборника стихов «Лучи и тени» (Пг., «Прометей», 1916).

ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹

Многоуважаемый Федор Кузьмич.

Российская Академия Наук в лице ОТДЕЛЕНИЯ русского языка и словесности приветствует ВАС в день сорокалетнего юбилея литературной ВАШЕЙ деятельности.

Сорок лет тому назад ВЫ выступили с ВАШИМ первым литературным опытом на богатое крупными талантами поле русской словесности — и не остались на нем незаметным. ВЫ создали себе оригинальное и самостоятельное положение, как вследствие своеобразного присущего ВАМ мирозерцания, так и благодаря исключительному искусству художественного воплощения в слове ВАШИХ дум, чувств и образов, творимых поэтической фантазией.

ВЫ работали во всех главнейших отраслях словесного творчества — и в области драмы, рассказа и романа, интимной лирики — и всюду обнаружили то своеобразие, которое выделяет из ряда писателей одной эпохи — только незаурядные таланты.

В драматургии — ВЫ пробовали — и не без успеха — проложить новые пути и создали прекрасные образы торжества истинно-вечного. Вместе с тем — ВЫ один из родоначальников современной русской лирической поэзии. В области интимной лирики ВЫ явились выразителем значительного по своему глубокому смыслу мирозерцания и вместе с тем — как художник слова — сумели избежать манерности и крикливости. ВЫ владеете благородной простотой стиха, содержательного и сжатого, и потому — даже на фоне нашей быстро текущей жизни — ВЫ не устареете и, верим, еще не скоро устареете, как поэт.

Но крупнее, значительнее всего ВАШИ литературные заслуги — в области художественной прозы. Культивируя в эпоху господства новеллы — также и большие формы, разрабатывая в них художественные задачи и намеки, брошенные Гоголем и Достоевским, но в совершенно новых приемах, ВЫ объединили здесь с новизною художественной формы — оригинальное и своеобразное мироощущение. ВАШ «реализм» стоит на грани слияния двух миров: силою ВАШЕГО таланта ВЫ заставляете читателя признать призрачной осязаемую, нерадостную «реальность» — и противопоставляете ей счастливую, хотя и призрачную, мечту, являющуюся — истинною реальностью.

Этот дар внушения, очарования — свойствен немногим.

Ценя высоко ВАШИ литературные заслуги и приветствуя ВАС в день ВАШЕГО юбилея, Российская Академия Наук выражает твердую надежду, что творческая сила ВАШЕГО таланта, крепнувшего в течение сорока лет, — невзирая на удары жизни — не ослабеет, и что ВЫ подарите — русской словесности еще не одно произведение ВАШЕГО пера.

Петроград

« » января² 1924 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ в ОТДЕЛЕНИИ
русского языка и словесности РОССИЙСКОЙ
Академии наук: В. Истрин

АКАДЕМИКИ: В. Перетц

П. Лавров

Е. Карский

Н. Никольский.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 116. Машинопись; подписи — автографы.

² День не указан.

**ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА
ОТДЕЛЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Я глубоко признателен Вам за Ваш дорогой для меня привет и за высокую и лестную оценку моих слабых трудов. Отметить в мире то, что таится под обманчивыми покровами преходящего бытия и что составляет истинную реальность мира — задача, слишком великая и непосильная даже и для того, кто обладает способностями большими, чем мои; но мне дорого то, что Вы отметили это мое стремление, хотя и в столь малой степени осуществленное мною. Тот, кто берется за разрешение трудных задач и пытается дать им наипростейшее решение, не должен рассчитывать на успех и на славу, и мой писательский путь был суров и труден. Но Ваши приветливые слова дают мне уверенность в том, что этот путь был верен, как бы мало ни достиг я на нем. Только эта, может быть, слишком надменная, уверенность в верности пути дает силы переносить удары жизни, о которых Вы говорите в Вашем приветствии, хотя и сгибается слабый человек под тяжестью этих жестоких ударов.

Федор Сологуб.

ПУШКИНСКИЙ ДОМ¹

В пути томительном и длинном,
Влачась по торжищам земным,
Хоть на минуту стать невинным,
Хоть на минуту стать простым...

Душа поэта-мечтателя не стареет. Лучшим подтверждением этой мысли являетесь Вы, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, наш маститый поэт и романист.

«В пути томительном и длинном» Вы не остановились ни на минуту, Вы не обессилели. Русская поэзия украшена многочисленными сборниками Ваших стихотворений, всегда строго выдержанных, совершенных и законченных по форме; русская художественная проза обогащена Вашими романами, полными блестящих наблюдений ума и сердца; и в драматическую литературу внесли Вы свой богатый вклад.

И ныне сорокалетнюю годовщину непрестанной литературной деятельности торжествуете Вы, один из первых начинателей русского символизма, переживший это знаменательное поэтическое течение нашей современности.

Ваша *свирель* звучит для нас вечно юными и вечно прекрасными нотами, к которым прислушивается с неподдельным восторгом молодое поколение русских лириков. Как *странствующий энтузиаст* приносите Вы *чаю-родеиную чашу* и *фимиамы* музы своей родной стране.

На что мне пышные палаты
И шелк изнеженных одежд?

В полях мечты мои крылаты,
Подруги сладостных надежд.

Они летят за мной толпами,
Когда, цветам невинным брат,
Я окрыленными стопами
Иду, куда глаза глядят...

Вот Ваш жизненный идеал и Ваше поэтическое credo.

Пушкинский Дом при Российской Академии Наук — пантеон новой русской литературы — приветствует в лице Вашем, Федор Кузьмич, русского писателя, впереди многих и многих литературных деятелей нашего времени бережно и благоговейно несущего в руках своих то нетленное наследие, которое оставил русским творческим силам великий *Пушкин*.

11 февраля 1924 г.

Б. Модзалевский, <П.> Устимович, М. Беляев, Е. Населенко, Е. Казанович, В. Пушкарева, Б. Коплан, С. Коплан-Шахматова, Юл. Оксман, С. Переселенков, Н. Орлеанский, Ив. Кубасов, В. Модзалевская, Н. Измайлов, П. Рейнбот, Е. Покровская, М. Мотовилова, М. Королицкий, Л. Утевский.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 153. Текст — писарским почерком. Обложка поздравительного адреса — цветная рисованная, работы Оскара Клевсера, с монограммой: ФС — и датировкой: 11 II 1924. В тексте использованы цитаты из стихотворений Сологуба, входящих в его книгу «Фимиамы» (Пб., 1921. С. 9, 15).

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА ПУШКИНСКОМУ ДОМУ ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Я глубоко тронут Вашим лестным для меня приветом и высокою оценкою моего труда. Беречь, хотя бы в малой степени, драгоценное наследие великого Пушкина — дело ответственное и слишком несоответствующее моим силам. Но оправданы бывают и немощные усилия, окрыляемые тем, что сильнее самой смерти, любовью. Не приневоленный к счастью и лишенный всякой земной радости, если и могу еще что-нибудь делать, то потому только, что пытаюсь сохранить ясность и спокойствие, которые дают эту великую силою, движущею миры и сердца.

Приношу Вам мою искреннюю благодарность.

Федор Сологуб.

ЭТНОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Этнолого-Лингвистическое Отделение Государственного Университета приветствует Вас, как одного из наиболее выдающихся и значительных представителей русской литературы последних десятилетий. Оно высоко

ценит Ваш своеобразный и разносторонний талант, глубокую вдумчивость Ваших произведений, остроту анализа и широту постановки трактуемых в них вопросов. Можно не соглашаться с Вашим подходом к миру и человеку, можно спорить со многими из Ваших исходных положений, но Вы всегда останетесь творцом широких и истинно-гуманных замыслов, символы которого постоянно будят мысль.

Ставя своей задачей исследование жизни языков вообще и русского языка в частности, Этнолого-Лингвистическое Отделение Университета не может не отнестись к Вашей литературной деятельности с особым вниманием и особенно оценить ее. Оно видит в Вас одного из крупнейших мастеров русского поэтического слова. В этом — большая часть Вашей силы и значение. Ваша проза и стихи обличают в Вас художника, совершенно исключительно владеющего языком, которому ведомы все его сокровенные тайны и возможности. Ваши переводные работы, позволяющие отчетливо наблюдать борьбу с языком и преодоление его трудностей, вскрывают с полной убедительностью Вашу любовь и уважение к языку и Ваше редкое искусство владеть им. Простота и выразительность сочетаются в Вас с широкой и глубокой осведомленностью в области словаря и духа языка. И Отделение позволяет себе выразить уверенность, что и для будущих поколений Ваш язык останется навсегда большим Вашим завоеванием, и для историка языка Ваши произведения будут всегда объектом изучения не только поучительным, но и приятным.

Чуткий и непредубежденный исследователь с полной искренностью может сегодня повторить о Вас те Ваши же слова из предисловия к «Победе Смерти», которые когда-то дали повод к отрицательному комментированию: «Разве стихи его не прекрасны? Разве проза его не благоуханна? Разве не обладает он чарами послушного слова?»

Председатель Этнолого-лингвистического Отделения
профессор Л. Щерба
Члены Отделения: проф. В. Шишмарев, проф. В. Сиповский.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 149.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ¹

28 января 1924

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

В талантливой семье русских символистов, богатой оригинальными дарованиями, Вы — один из самых оригинальных.

Ваша «душа свирельная» познала «думы знойные о тайной цели всебытия». Звезда Маир манила Вас в далекую Ойле, в страну любви и мира, в страну нездешней красоты. Вы перестрадали навьи чары жизни, ее мучительную передоновшину, чтоб в ночных мечтах слиться с душой всемирной, чтоб жизнь свою превратить в «творимую легенду».

Пусть же «яркие годы» революции принесут покой Вашему мудрому сердцу. Верьте, что «явлено много безумному миру чудес».

Общество Любителей Российской Словесности искренно приветствует Вас сегодня и выражает желание видеть Вас в числе своих членов.

Председатель Общества

проф. П. Сакулин.

Председатель — Павел Никитич Сакулин. Адрес: Москва, Смоленский бульвар, Глазовский пер., д. 5, кв. 16.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 155. Текст — рукой П. Н. Сакулина, на бланке Общества любителей российской словесности при Московском университете.

НЕОФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ КРУЖОК¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Под скромным названием Неофилологического Научного Кружка при Исследовательском Институте по изучению языков и литератур Востока и Запада, состоящем при Государственном Университете, Вас приветствует сегодня, в сущности, волею судьбы превратившееся в него Неофилологическое Общество при П<етер>бургском Университете, основанное ученым, именем которого мы вправе гордиться, — А. Н. Веселовским.

Как научная ассоциация, основным и жизненным интересом которой являются вопросы литературы, Общество не может не отметить нынешний день, и с особой радостью присоединяет свой голос к приветствиям, которые раздаются здесь по адресу одного из замечательных и своеобразных представителей русской литературы и крупнейших мастеров русского поэтического слова.

Но в Вашем творчестве есть нечто такое, что делает Вас как писателя, м. б., особенно близким Обществу и ценным в его глазах.

В Обществе продолжает жить дух его основателя. И прежде всего глубокий интерес к новым приемам изучения поэтической интуиции, а потому и горячее сочувствие исканиям новых путей в области поэтического творчества.

Пройденная Вами часть Вашего жизненного пути, в высшей степени значительная и плодотворная, рисует Вас энергичным и своеобразным искателем в области духа, неутомимым строителем мысли и образа. Все Ваши работы, от самых ранних вещей и до последних стихов говорят о писателе, зорко следящем за изгибами современной мысли и всегда глубоко, по-своему переживающем их и реагирующем на них.

И в то же время наблюдатель и аналитик стремится неустанно к новым поэтическим видениям, к новым красоте, словам и ритмам, выражающим волнения его души и устремления мысли.

Но в Н. Ф. Обществе живет и другая сторона духа его основателя: живет убеждение в глубокой и исконной солидарности отдельных языков и литератур, приводящее необходимо к изучению их в широкой сравнитель-

но-исторической перспективе. Таким образом и факты русской литературы оказываются выражением своих, народных и, в то же время, международных исканий в сфере разрешения поэтической проблемы.

На этих путях Вы занимаете совершенно исключительное место. Глубоко русский человек и художник, чтущий родное предание и во многом верный его хранитель и продолжатель, Вы ищете охотно точек опоры в достижениях европейского искусства слова, что пробуждает интерес к Вам и на Западе и делает многое в Вашем творчестве понятным и близким западным людям.

Но западная поэзия привлекает Вас и непосредственно, ради прямого переживания. Ваши переводы Верлена, Бальзака, Клейста, французская лирика XVIII в. (а не так давно Вы собирались обратиться к старофранц. эпосу), «Мирейя» Мистрала и мн. др. свидетельствуют красноречиво не только <о> редком владении родным языком, но и о большом даре проникновения в красоту чужого слова.

Высоко ценя Ваши заслуги, Общество избрало Вас в последнем своем заседании своим почетным членом.

Оценивая вас как будто с точки зрения *своих* интересов, оно прекрасно понимает, что оценка его, в сущности, гораздо шире, что ее может принять и тот, кто не принадлежит к его составу, что его приветствие дань уважения и благодарности художнику, которому не мало обязан каждый культурный русский человек.

Vivat et floreat!²

11/II/924

Председатель: Д. К. Петров.

Члены: проф. В. Шишмарев, акад. П. Х. Лавров,
преп. Б. Кржевский.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 144.

² Да здравствует и процветает! (*Лат.*.)

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ¹

Художнику поэту Федору Кузьмичу Сологубу.
1884—1924 г.

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Академия Художеств присоединяется к общему и единодушному приветствию Вас в день сорокалетия Вашей художественной деятельности.

Академия считает Вас одним из первых искателей новых форм в области русского искусства, давших и нам в нашей изобразительной области смелость исканий.

Правление Академии Художеств: В. Л. Симонов, К. С. Петров-Водкин,
С. С. Серафимов.

Управляющий Делами: В. С. Самойлов.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 117.

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Я очень благодарен Академии Художеств за ее любезное приветствие по поводу сорокалетия моей литературной деятельности.

Мне очень лестно, что Академия считает меня одним из первых искателей в области русского искусства, но еще в моем первом романе «Тяжелые Сны» я говорил, что истинно-новое обретается на исхоженных путях. Новая форма, как и новая мода, занимательна для современников, а для будущих поколений вся наша новизна обветшает и заслонится новыми, столь же суетными, исканиями, и останется только то, что ни старо, ни ново, а просто хорошо.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРИ ТУРГЕНЕВСКОМ УГОЛКЕ¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Русских писателей судьба не дарит долголетием. Тем отраднее всем нам видеть Вас сегодня, в 40-летний юбилей Вашего служения родному художественному слову, исполненным здоровья, бодрости и творческих сил. Окидывая теперь общим взглядом эти 40 лет напряженного и вдохновенного труда, мы не можем не изумиться как высоким достоинствам, так и разнообразию Ваших дарований. Поэт и философ, педагог и мастер прозы, драматург и критик, редактор и переводчик — Вы во всех этих разнообразных областях творческой деятельности сумели так ярко проявить себя и сказать столько мудрых, порою — незабвенных слов. Мы, Ваши младшие современники, счастливы тем, что, понимая и по-должному оценивая Ваши заслуги, имеем дорогую возможность лично Вам принести наши горячие пожелания еще долгой жизни и еще многих творческих подвигов.

<24 подписи; в том числе: Ю. Заварина, З. Алекторова, А. Белявская, А. Мальковская, М. Колпаков, А. Палей, Леонид Борисов, Р. В. Сыркина, Н. Ефимов.>

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 141. Текст в красочном оформлении, писарским почерком.

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ ПРИ ТУРГЕНЕВСКОМ УГОЛКЕ

Примите мою глубокую благодарность за Ваше приветствие по поводу сорокалетия моей литературной деятельности. Постоянные недомогания мои и то совершенное изнеможение, в котором я живу последние годы, помешали мне ответить на Ваш привет своевременно. Тем приятнее для меня, что я могу казаться людям исполненным, как Вы говорите, здоровья, бодрости и творческих сил. Но ведь давно известно, как хорошо было бы, если бы юность умела или если бы старость могла. Утешаешься только

тем, что если бы все мы, уже поработавшие немало, продолжали быть слишком плодовиты, то, по слову евангелиста, и всему бы миру не вместили пишемых книг.

СОВЕТ ТОЛСТОВСКОГО МУЗЕЯ¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Совет Толстовского Музея считает счастливым долгом принести Вам свои поздравления по случаю 40-летия Вашей литературной деятельности.

Причудливо и загадочно сочетались в Вашем творчестве пленительная фантастичность и зоркое восприятие действительности, негодование и восторг, усталость, тоска, отчаяние перед жизнью и радость творению, и в то же время Ваши создания, поистине, «звучат всеми словами неутомимо к одному и тому же». И внимать Вам нельзя без волнения: страдальческое вдохновение, мучительная искренность всего созданного Вами, глубокие идеи, пронизывающие страницы Ваших книг, с несказанной силой будят совесть и ум.

Дерзающим вошли Вы в литературу, и в Вашем лице мы имеем художника оригинального в своем мировоззрении, в своих приемах, в каждом слове, вылившемся из-под Вашего пера, и Вы никогда не отступили от поставленного себе завета писать только то, что еще не было сказано.

Вместе с тем Ваше творчество огромно и разнообразно. Одна из незабвенных Ваших заслуг — ошеломляюще смелое вскрытие «передоновщины». Силой великого таланта Вы показали, насколько царит пошлая обыденщина, что цинизм, забитость, угрюмое уродство духа — являются родом стихии, залившей русскую жизнь. А если мир насыщен страданием, безумием и низостью, понятными становятся холод отчаяния и великая усталость, которыми дышит так часто Ваша лирика, и не может она не найти отклика в замученных и изверившихся сердцах.

Но еще ценней представляется нам заложенное в Вашей душе непобедимое стремление к свету, радости. Вы неустанно искали и ищите своего святого Иерусалима, смысл и цель жизни, ее оправдания. Свои надежды и мечты Вы не раз меняли: призывали нирвану, Альдонсу превращали в Дульцинею, воссоздавали волшебную страну Ойле. Возможны, мы знаем, и другие решения. Великий учитель Лев Толстой, также переживавший периоды безнадежности и отчаяния, нашел оправдание и смысл жизни в деятельной любви. Но как ни отнестись к ответам на великие вопросы о значении жизни, одно несомненно: выше всякого положительного решения, залогом истины и красоты жизни, было и будет самое стремление к разрешению этих вопросов. А в Ваших созданиях оно проявилось с огромным напряжением, неустанное. Все, что Вы создали, запечатлено верою в высшее назначение человека, страстными призывами очистить жизнь и наши души. Большой и прекрасный художник, Вы были вместе с тем неутомимым искателем правды.

Радостно разделяя общее преклонение перед Вашим пленительным творчеством, мы желаем Вам, поэт и мыслитель, еще много лет благородной мысли, прекрасного труда.

Члены Совета и друзья Толстовского Музея: <12 подписей>.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 162.

ОБЩЕСТВО ИМЕНИ А. Н. ОСТРОВСКОГО¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Ваш праздник наш общий праздник. Ваше творчество, корнями своими восходящее к эпохе Пушкина и Гоголя, Тургенева и Островского, сохранило лучшие традиции русской литературы.

Прекрасный знаток родного языка, тонкий и изящный поэт, друг внутренней правды и свободы, Вы явили мощное дарование драматурга и романиста. Вы дали ряд широких картин русской жизни, Вы нарисовали целую галерею художественных образов, начиная от захолустного честолюбца Передонова и кончая очаровательной «барышней Лизой».

Вашим драмам не раз рукоплескали многие театры. Неустанным 40-летним творчеством, в котором веет «милая поэзия», столь пленяющая нас у Сервантеса и Диккенса, Вы снискали себе крупное имя и в России и за границей.

С.П.Б. Общество имени А. Н. Островского приветствует Вас сегодня и желает Вам еще долгие годы трудиться во славу русского народа и литературы.

<22 подписи; в их числе: Евт. Карпов, В. Мичурина, Л. Ведринская, А. Чижевская, Николай Петров.>

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 145. Машинопись.

ГОС. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ (Б. АЛЕКСАНДРИНСКИЙ)¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Александринский, ныне Государственный Академический Театр Драмы, с искренней радостью празднует Ваш сорокалетний юбилей. Он высоко ценит Ваше гибкое разнообразное дарование, которое с таким блеском проявилось и в области чистой поэзии, и в области романа и драмы. Вами написан ряд талантливых остроумных пьес, в которых сочеталось искусство психолога и сердцеведа, грациозный юмор, веселая шутка, думы о судьбе и стремления человека. В ярких образах сумели Вы воплотить и прекрасные сказания древности, и прелесть старинной русской жизни, и лукавую легенду средневековья, и изначальную борьбу страстей, волнующую людские сердца. Александринскому Театру особенно приятно вспомнить, что на его подмостках впервые была представлена одна из лучших

Ваших драм «Заложники жизни», в которой Вы и многие из наших артистов делили заслуженный успех.

Примите же наш общий привет и горячее пожелание, чтобы Вы могли еще много лет трудиться во славу русской литературы и театра.

<38 подписей; в их числе: Юр. Юрьев, В. Юренева, П. Лешков, Е. Карякина, Л. Ведринская, Евт. Карпов, Е. Гидони, А. Попов, Д. Ершов, Нина Железнова, Н. Тираспольская, Н. Ходотов.>

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 127. Текст – писарским почерком.

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА АЛЕКСАНДРИНСКОМУ, ныне ГОСУДАРСТВЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ ДРАМЫ

Я искренно благодарен Вам за Ваш привет в день моего сорокалетия литературной деятельности и за прекрасный прием, который Вы оказали мне в этот день. Я с величайшим удовольствием слушал литературно-художественное отделение вечера и приношу мою искреннюю и глубокую благодарность всем исполнителям. Мне очень приятно было слышать превосходное чтение сцен из моей драмы «Заложники Жизни» и вспоминать, что на подмостках Вашего театра, так ревностно блюдущего славные традиции его прошлого, впервые была представлена моя пьеса в таком превосходном и внимательном исполнении, которое доставило Вашим артистам заслуженный ими успех, в котором тонули все несовершенства моей работы и так блистательно было явлено то небольшое хорошее, что мне в этой пьесе посчастливилось сделать. Благодаря Вас за Ваши пожелания мне многих лет труда, составляющего единственную ныне отраду моей жизни, я надеюсь, что Александринский театр не ограничится этою постановкою.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР НАРОДНОГО ДОМА¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Труппа Государственного Драматического Театра Народного Дома рада возможности выразить Вам свои чувства в сегодняшний знаменательный день.

Сорок лет прошло с тех пор, как в Русской Литературе заблестело яркое имя Федор Сологуб. Как «Звезда Маир» манили нас созданные Вами образы, и мы стремились в «Землю Ойле» к прекрасной Дульцинее, удерживаемые Альдонсой.

Русский театр всегда будет помнить, что в период его самого деятельного искания новых путей, в Театре В. Ф. Комиссаржевской появилась первая русская трагедия, созвучная этим исканиям, «Победа смерти», и теперь, во второй период исканий, мы ждем от Вас, дорогой Федор Кузьмич,

нового создания, которое поможет нам найти правильный путь к недостижимой земле «Ойле» — нашей мечте...

Труппа Государственного Драматического Театра
Народного Дома.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 133. Текст — писарским почерком, в цветном художественном оформлении.

ОТВЕТ Ф. СОЛОГУБА ТРУППЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА НАРОДНОГО ДОМА

Я очень благодарен Вам за выраженные Вами мне чувства по поводу сорокалетия моей литературной деятельности. Мне очень приятно, что Вы вспомнили постановку моей трагедии «Победа Смерти» в театре незабвенной Веры Федоровны Комиссаржевской. Искренно желаю, чтобы искания русского театра были неутомимыми, и чтобы совершалось по обещанию: «Ищите, и обряцете». Воистину, ищущий находит, но, к сожалению, часто отбрасывает найденное, чтобы приняться за новые искания, и потому следует помнить, что искания без достижений то же, что вера без дел, которая мертва бывает. Надеюсь и верю в то, что русский театр не только ищет, но и радуется найденному.

ГОС. ПЕРЕДВИЖНОЙ ТЕАТР¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Сегодня в многочисленных статьях, речах и приветствиях будут подробно исчислены и по-должному оценены Ваши крупные заслуги перед русской художественной культурой.

Поистине нельзя не восхищаться как разнообразием Ваших дарований, так и блеском и мощью их творческого претворения.

В этом последнем есть одна изумительная, нам особенно дорогая черта: Вы, Федор Кузьмич, не послушны общему закону.

Ваш гений не знает усталости и дряхлости. Он вечно цветет и на исходе четырех десятков <лет> напряженного творческого труда дарит нас созданиями такими кристаллически-чистыми, такими возвышенно-прекрасными, каких, пожалуй, не знала Ваша юность.

Оглядываясь сейчас на этот долгий путь, на эти 40 прекрасных мраморных ступеней Вашего творческого восхождения, как радостно сознавать, что воистину торжеством поэта является Ваша жизнь и судьба, дорогой Федор Кузьмич.

И мы верим, и мы знаем, что

В лодке с лебедем недремлющим
Лоэнгрин умчится в даль.

11-го февраля 1924 г.

Сотрудники Государственного Передвижного театра:

<48 подписей; в их числе: Пав. Гайдебуров, К. Золотарев, Мар. Гурвич, Н. Купреянов, Л. Золотарева, Д. Даровская, Е. Бухарова, Павел Медведев, Оскар Клевер, М. Клевер.>

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 147. Машинопись.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕТРОГРАД»¹

Дорогой Федор Кузьмич!

Приветствуя Вас сегодня от имени издательства «Петроград», издания которого украшены Вашем именем, позвольте выразить глубокую радость по поводу того, что сегодняшнее чествование Вас, старейшего представителя современной русской литературы, происходит здесь, в России, в том самом зале, где в течение многих десятилетий раздавались бессмертные слова Ваших великих предшественников, Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого.

В кратком юбилейной приветствии не место подводить итоги Вашей большой и почетной сорокалетней деятельности. Но мы хотели бы отметить одну из самых ярких сторон Вашего творчества. В Вашей душе всегда жили «две родственные силы», устремлявшие Вас к высоким достижениям. Эти две силы — Любовь и Красота. Воспевали ли Вы «лазурные горы» или «тяжелые сны», «светлую любовь» или «порочные томления», «живую радость» или «темную могилу», «луны безгрешное сиянье» или «дивной шеи обаянье и милых плеч очарование», в могучих чарах Ваших восхождений Вы всегда оставались одним и тем же. Вы всю жизнь творили легенду «об очаровательном и прекрасном».

Двадцать томов Ваших произведений — лучшее украшение Вашей жизни. Позвольте же пожелать, чтобы сегодняшнее торжество, которое так ярко показало, как велик круг Ваших читателей, укрепило в Вас еще на долгие дни «волю к жизни, волю к счастью» и продолжало вести Вас по пути новых прекрасных восхождений.

11 / II 1924 г.

А. Гессен
Як. Лившиц.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 148. Текст — на бланке изд-ва «Петроград».

А. Л. ВОЛЫНСКИЙ¹

ПРИВЕТ ФЕОДОРУ СОЛОГУБУ

Примите, дорогой друг, приветствие от вашего литературного крестного отца. Мне выпало на долю дать вам псевдоним, который прославил вас в литературе. Если не ошибаюсь, я был и первым вашим чрезвычайно сочувственным, почти восторженным рецензентом. Тридцать лет тому назад я отметил на страницах «Северного Вестника» ваш выдающийся поэтиче-

ский талант. Но и сейчас я возглашаю примат поэзии, примат чистого искусства, во всем вашем литературном творчестве. Эта стихия пронизывает все ваши произведения и — такая белая, отвлеченная, с налетом философской мысли — придает им в целом характер почти фантастический, даже там, где налицо подлинная реальность, каков ваш классический Передонов. В бурю наших дней вы стоите совсем особняком, и в этом моральном уединении вашем моя душа приветствует вас с особенным подъемом.

Мне отраднo воспользоваться соединяющим нас вышеуказанным духовным родством, чтобы пожелать от всего сердца своему крестнику всяких благ и преуспеяния. Живите долго. Здравствуйте и славьтесь, творитель легенд из кусков, из глины жизни, и продолжайте обращать краснощеких Альдонс в нежных и поэтических Дульциней.

А. Вольтинский.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 122. Машинопись. *Вольтинский Аким Львович* (наст. фам. Флксер; 1861—1926) — литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства; в 1890-е гг. — один из руководителей и ведущий критик и идеолог петербургского журнала «Северный Вестник», в котором с 1892 г. начал печататься Сологуб (под этим псевдонимом, придуманным ему в редакции журнала). См.: *Максимов Д.* Журналы раннего символизма // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 109—110; Ф. Сологуб. Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Вольтинскому / Публикация И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112—113.

А. А. ГИЗЕТТИ¹

Многоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич!

Мне очень хотелось бы, совершенно независимо от того, что пришлось сказать Вам публично от лица Вольфилы и, может быть, придется еще высказать в печати, передать Вам лично от себя несколько слов на память об этих днях, высказать и закрепить на бумаге кое-что, указывающее, как и чем Вы покорили мою душу.

Задолго до личного знакомства с Вами я — еще юноша с духовными привычками типичного «интеллигента», «реалиста и оптимиста» по натуре и воспитанию, не мог не поддаться очарованию Ваших строк — особенно в стихах — лирике — столь казалось бы чуждых и даже враждебных по духу обычному кругу моего тогдашнего «миросозерцания». Я скоро, и незаметно для себя самого, полюбил в Вас художника-мыслителя, проникнутого неустанной духовной *тревогой*, полюбил Ваши вопросы, а не ответы еще — мне тогда непонятные. В Вашем творчестве — голос томления, голос тоски-обиды на безобразную неправду будней существования мирского, тоски, охватывающей под палящим солнцем и под холодной луною, и человека, и зверя, и растения, и камни. Ваше творчество учит побеждать страх смерти, постигать иной лик ее, лик целительницы и утешительницы. Он открывает путь к «очарованиям земли» и *подлинной* правде ее, к тому, что знают дети и упрямые мечтатели, причастные красоте. В чистую, светлую область красоты может подняться и тот, кто на пути к ней проходит через «тяжелые сны» зла, страдания, преступления. Мечта становится твор-

ческой, плотью живую, в радостном труде поэта и для *каждого, теперь же* преобразует жизнь мира.

Знаю, что художнику не нужен шум людской молвы-славы, и все-таки не могу не высказать, как услышал и понял Ваш голос. Думаю, что говорю не за себя только, но и за многих, кому суждено жить вместе с Вами в труднейшее, ответственнейшее время духовной истории России.

Личное же общение с Вами навсегда останется в памяти как общение *лицом к лицу с человеком*, с изумительной простотой и чуткостью высказывающим прямо и смело свои серьезные, глубокие мысли и тем пробуждающим работу духа в собеседнике. Ласка и привет теплый, который дали *нам обоим* в тяжелые годы Вы и покойная Анастасия Николаевна,² с ее вечно-мятущейся, глубоко любящей, пламенной душой, много помогли в самом интимном, дали силу перенести неизбывное горе и не разлюбить жизнь... За всё Вам сердечное спасибо и горячий привет от всей нашей семьи.

Уважающий Вас А. Гизетти.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 126. *Гизетти Александр Алексеевич* (1888—1938) — литературный критик, социолог, публицист; правый эсер, депутат Учредительного собрания (1918); автор статьи «Лирический лик Сологуба» (Современная литература. Сб. статей. Л., 1925. С. 86—92). Письмо ранее опубликовано в кн.: *Перхин В. В.* Русские литераторы в письмах (1905—1985): Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 75—76 (впервые: Нсва, 1998. № 3).

² О взаимоотношениях Сологуба с женой, А. Н. Чеботаревской (1876—1921), см. публикацию А. В. Лаврова «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—384).

Е. П. КАЗАНОВИЧ¹

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Позвольте мне сердечно поздравить Вас с днем Вашего праздника, который является праздником и для всех тех, которых Вы дарили минутами высокого художественного наслаждения. Не всем доступен тот «ясный холод вдохновенья», который «из грёз кристаллы создает», но многим доступно чувство наслаждения этими кристаллами, созданными вдохновением художника, чувство отраженного творчества, повторного перевоплощения, которым может быть названо переживание художественных произведений в чтении. И тот художник, который способен дать в своих созданиях повод для таких переживаний, — дорог своим читателям, а день его праздника является днем праздника и для них, поскольку они могут разделить его с любимым писателем.

Поэтому позвольте вместе с поздравлением пожелать Вам еще много, много лет, озаренных бодрым и ясным вдохновением к созданию новых и новых кристаллов в сокровищницу родной нам литературы, которую Вы обогатили уже столькими драгоценностями художественного слова.

Примите уверения в моем неизменном к Вам уважении и преданности.

Е. Казанович.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 135. *Казанович Евлалия Павловна* (1885—1942) — сотрудница Пушкинского Дома в 1911—1929 гг., с 1919 г. — штатный библиотекарь Пушкинского Дома, с 1921 г. — помощник хранителя книжных собраний. См.: Свидетельство очсвидца. Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступ. статья, публикация и комментарии А. Конечного и В. Сажина // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 108—112; Из дневников Е. П. Казанович / Публикация В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 160—180.

А. Р. КУГЕЛЬ¹

15 II 1924 г.

Дорогой и многоуважаемый Федор Кузьмич!

Комиссия, устраивавшая Ваш юбилей, так распорядилась, что я, живя в Москве, ничего об нем не знал и, приехав в Петербург через два дня после празднования, мог только сокрушенно вздохнуть и попенять. Примите, дорогой Федор Кузьмич, хотя и запоздалое, но сердечное, искреннее мое поздравление. Немного уже осталось таких, которых и любишь, и уважаешь, и о которых думаешь, как об опоре собственной своей души. Я не забуду ни Ваших произведений, ни часов, которые проводил с Вами в тяжелые годы. Когда-нибудь — если доживу и это окажется возможным — я опишу, какое это имело для меня огромное моральное значение. Ваша личность и Ваш талант сливаются для меня в одно. А это бывает так редко, так мучительно редко, когда писатель и человек представляются в одном аспекте!

Дай Бог Вам всего лучшего, — нам всем немало лучшего! — и будьте бодры и здоровы!

Ваш А. Кугель.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 140. *Кугель Александр Рафаилович* (основной псевдоним — Ното novus; 1864—1928) — театральный критик, публицист, журналист; редактор петербургского журнала «Театр и Искусство» (1897—1918).

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ¹

Федору Кузьмичу Сологубу

Мы все — одно. Мы все — природа.
Мы все — единая любовь.
Мы мир приемлем, как свободу,
Слова, как девственную новь.

И счастлив тот, и тот прекрасен,
Чей взор и на уклоне лет
Спокоен, горделив и ясен
И смотрит радостно на свет.

И тот велик, кто для кумиров
Не лгал народу, ни себе, —
Не падал ни пред чьей порфирой
Ни в униженье, ни в борьбе.

Евгений Сокол.

Москва 31 января 1924.

«Литературный особняк». Правление.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 156. *Сокол Евгений Григорьевич* (наст. фам. Соколов; 1893—1939) — поэт, прозаик, переводчик.

АЛЕКСАНДР ТАМАМШЕВ¹

Мечтатель и мудрец, не ты ли
Нам указал мечтать и петь,
Чтоб мир мы не таким любили,
Каким ему коснеть и тлеть.

Ах, и не нам ли, голубя,
Сияла дальняя Маир,
Когда явилась Дульцинея,
Преображая тусклый мир.

И подвиг славный Дон-Кихота
Одной любовью ты постиг,
Чтобы наполнить чашу сота
Сладчайшим медом мудрых книг.

А жизнь средь хохота и стонов
Являет свой звериный быт,
В котором вечный Передонов
В обличьях однодневных скрыт.

И как мечтой не заноситься
В края далекие Ойле,
Когда томится, словно птица,
Душа в скитаньях по земле!

Как не поддаться строгой воле
Размерно плещущих стихов,
Благословляя лес и поле,
Где голос крепкий чист и нов!

А под рукою лира смело
Рождает песни вновь и вновь,
И знаем: мудрость — у предела,
И мудростью сильна любовь!

Петербург 1924 г.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 158. Текст на картонной бумаге с обложкой: «Александр Тамамшев. Федору Сологубу. XXXX». *Тамамшев Александр Артемьевич* (1888—1940) — поэт.

А. П. ЧАПЫГИН¹

Бьет челом и явку
являет мудрому и великому
летописцю земли Русския
Феодору Кузьмицу сыну
Тетерникову
выходецъ

з Рогатицкого
заполя на Буянкину
улицу Новгородской иконник
Олешка Павлов сын

Чапыгин:

В том, что много бы тебе Господине
Феодор Кузьмиць лет
ведати дела о нас черных
и малых людех, и много бы тебе
Господине борзописати о Руссии
и впредь яко ныне венцати себя
великость свою светлую славою
из века в век.

Здравим тебе господине
и яко Богу поклоняемся
великой славе твоей!

А явку писал все
он же, тое Новгородской
иконник и красилцик
Олешка Павлов сын
Чапыгин

и лета 1924

11 февраля.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 164. Написано почерком, стилизованным под старинную грамоту, с использованием литер древнерусского алфавита. *Чапыгин Алексей Павлович* (1870—1937) — прозаик. Приветствие ранее опубликовано в кн.: *Перхин В. В.* Русские литераторы в письмах (1905—1985): Исследования и материалы. С. 75 (впервые: Нева. 1998. № 3).

К. И. ЧУКОВСКИЙ¹

Дорогой, глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Великих поэтов нужно не только чествовать, но и читать. — Если бы мне выпало счастье говорить на Вашем юбилее, я сказал бы, что люди, которые с таким запозданием чествуют Вас, все перед Вами виноваты. Мы, русские, не достойны такого поэта, как Вы. Ваш поэтический подвиг до сих пор оценен лишь немногими. С изумлением и негодованием узнал я, что Ваши стихи до сих пор не находят издателей. Как же мы смеем Вас чествовать, если мы до сих пор не научились читать Ваши книги! Не чудовищно ли, что учебник «Геометрии», составленный Вами,² является более «родною» книгой, чем Ваши новеллы, рассказы и повести!

Но, кто знает, может быть Ваш юбилей откроет, наконец, людям глаза, и они хоть теперь поймут, мимо какого великого поэта они чуть было не прошли, как слепые. От души жму Вашу руку и желаю Вам светлых, радостных, творческих дней!

Ваш Чуковский

9 февраля.

Я живу за городом: болен.

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 165. *Чуковский Корней Иванович* (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — литературный критик, детский писатель, переводчик, историк литературы.

² Над учебником геометрии Сологуб трудился в конце 1880-х гг., закончил работу к середине 1890 г.; книга в свет не вышла (см.: Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публикация и комментарии К. М. Азадовского // Нсизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 273, 282). Ср. запись Чуковского от 14 янв. 1924 г.: «Третьего дня был я <в> Госиздате. Белицкий сказал мне: идите к Ангерту — вы увидите там редкое зрелище: Федор Сологуб продает свой учебник геометрии. Действительно, на 6-м этаже сидел старый, усталый Сологуб и беседовал с помощником Ангерта — очень угрюмо» (*Чуковский К. Дневник 1901—1929*. М., 1991. С. 269. *Давид Николаевич Ангерт* (1893—1977) — заведующий редакционным отделом «Ленотгиза»).

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК¹

Федору Кузьмичу СОЛОГУБУ

Он — один из великих Магов
Под своею одеждой простой.
Он уводит в страну лотофагов...
Он сумел овладеть красотой.

Он — тот, кто в грехе безгрешней
Серафима с венцом на челе.
Он — сказатель сказки нездешней
На серой и скучной земле.

Он умеет быть легче шутки
И грознее архангельских труб...
Он — нежный, и странный, и жуткий...
Ну словом — он СОЛОГУБ!

Т. Щепкина-Куперник

11 / II 1924

¹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 169. Текст — машинопись; подпись и дата — автограф. *Щепкина-Куперник Татьяна Львовна* (1874—1952) — драматург, поэтесса, прозаик, переводчица.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ ШАХОВОЙ — МОНАХИНИ МАРИИ
(1822—1899)**

Публикация Е. М. Аксененко

Публикуемая автобиография монахини Марии, в миру — Елизаветы Никитичны Шаховой, духовной писательницы и поэтессы, была написана ею в 1894 г. — за пять лет до кончины. Поводом к составлению автобиографии стало обращение писательницы в «Литфонд» с просьбой о назначении пенсии. По существующим тогда правилам, краткий очерк литературной деятельности необходимо прилагался ко всякому прошению о «денежном вспомоществовании», направляемому в «Литфонд», в материалах которого он и хранится в настоящее время.¹

Елизавета Шахова прославилась необычно ранним выступлением на литературном поприще. Когда в 1837 г. появилась первая книжечка ее стихотворений, Шаховой едва исполнилось 15 лет. О юном таланте громко заговорили. Следующий сборник ее стихотворений был издан Российской Академией. Государь император Николай I, после преподнесения ему сборника, подарил молодой поэтессе «бриллиантовые фермуар и серьги». С молодым дарованием познакомились ректор и несколько профессоров Санкт-Петербургского университета, известные литераторы, среди последних был молодой И. С. Тургенев, который приходился Шаховым дальним родственником.

Начинающему таланту прочили большое будущее. Действительно, во многих журналах, альманахах стали появляться ее стихи. В 1842 г. вышел третий сборник стихотворений «Повести в стихах». А потом произошло событие, неожиданное с точки зрения мирского сознания: в 1845 г. (в 23 года) Елизавета стала послушницей Спасо-Бородинского монастыря. Столь резкая перемена жизненного пути породила много различных толкований причин, побудивших ее к этому шагу. Высказывались мнения о несовместимости иноческого пути с поэтическим творчеством, тем более что четвертый, и последний, сборник стихотворений Е. Шаховой — «Мирянка и отшельница» (1849) — был встречен критикой гораздо более сдержанно,

чем предыдущие. С этого времени стихи ее исчезли со страниц журналов. Современники расценили молчание поэтессы как уход из литературы.

Впервые публикуемая автобиография монахини Марии — Елизаветы Шаховой — раскрывает неизвестные до сих пор перипетии ее судьбы. Писательница повествует о нелегкой дороге к иночеству, которое она приняла в 1863 г., почти через 20 лет после вступления в монастырь; о неоценимой духовной помощи, оказанной ей на этом пути Святителем Игнатием (Брянчаниновым); о своей педагогической деятельности в Виленском Мариинском монастыре; о руководстве Покровской общиной сестер милосердия в Петербурге; о разносторонней литературной деятельности. Чрезвычайно важно, что Е. Шахова вновь появляется в печати — уже не только как поэтесса, но и как прозаик, и как публицист — незадолго до принятия монашеского пострига. После пострижения мать Мария подписывала свои публикации и мирским и монашеским именами, а также крептонимами и псевдонимами.

К моменту подачи прошения матери Марии исполнилось 72 года, из которых без малого 60 лет она проработала на литературной ниве. Через 12 лет после смерти писательницы, в 1911 г., ее внучатый племянник Н. Н. Шахов собрал поэтические опыты своей двоюродной бабушки и издал «Собрание сочинений в стихах» Елизаветы Шаховой.² Он же передал в 1914 г. в Пушкинский Дом рукописи и издания произведений Е. Шаховой, оставшиеся ему в наследство. Под руководством главного хранителя Рукописного отдела, Б. Л. Модзалевского, Н. Н. Шахов разыскал остальную часть архива в Старо-Ладожском женском монастыре, где окончила жизненный путь мать Мария, приняв перед смертью схиму с именем Елизавета. В 1915 г. Н. Н. Шахов передал материалы архива в Пушкинский Дом, где вместе с прежним поступлением они составили фонд Е. Н. Шаховой.³

Поэтическое творчество Е. Шаховой известно современному читателю лишь по отдельным стихотворениям, либо опубликованным в периодических изданиях, например — В. В. Афанасьевым в «Журнале Московской патриархии» (1995, № 12), либо включенным в поэтические антологии, например — «Царица муз: Русские поэтессы XIX—начала XX вв.» (М., 1989). Но достаточно активная и многожанровая деятельность Е. Шаховой как духовной писательницы и публициста до сих пор остается неоткрытой страницей литературного процесса второй половины XIX в.

Естественно начать эту работу с публикации комментированной автобиографии писательницы. Тем более что статьи о ней в дореволюционных справочно-библиографических изданиях — исходном биографическом источнике для современного исследователя — содержат многочисленные фактические ошибки. Публикуемый «Автобиографический очерк» Е. Шаховой, к сожалению, так же не свободный от ошибочных и неточных сведений, впрочем, объяснимых преклонным возрастом автора, впервые дает достаточно полную картину ее жизни и литературной деятельности.

В Приложении к «Автобиографическому очерку» приводится выявленная во время работы над комментариями библиография произведений Е. Н. Шаховой и литературы о ней, которая строится по хронологическому принципу. Рецензии и отклики на сборники стихов и отдельные публикации даются в одном ряду.

Хронологический принцип выдерживается и в расположении материала внутри каждого года, и в рецензиях на отдельные произведения (учитывались даты цензурных разрешений).

Под каждым годом сначала даются журнальные публикации, затем публикации в сборниках и отдельные издания. В библиографии не указываются стихотворения Е. Н. Шаховой, цитируемые в рецензиях.

¹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 384.

² Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб.: «Екатерининская» типогр., 1911. — XIV, 212, 130, 322 с.

³ РО ИРЛИ, № 3558—3602.

* * *

Отец мой Никита Иванович Шахов был моряк.¹ Во время Шведской войны в 1809 г. отличился особым подвигом, командуя гребной флотилией и, пробиваясь сквозь лед, он способствовал окончательной победе нашей над неприятелем. Он был контужен в голову и в правый бок, за что и был награжден <орденом> Св. Георгия в петлице и повышением в чине,² но получил ревматизм во всех членах, почему и вынужден был оставить морскую службу. Вступил в Гражданское ведомство по Государственному контролю.³ Отец мой скончался в 1834 году на государственной службе⁴ от апоплексического удара на все нервы, оставя вдову,⁵ лишенную зрения от

¹ Н. И. Шахов родился в 1785 г., происходил из дворян. В 1795 г. поступил в Морской кадетский корпус. Служил при петербургском и кронштадтском портах, участвовал в русско-шведской войне 1808—1809 гг. См.: Общий морской список. СПб., 1892. Ч. 6. С. 241—242.

² Описанием автором обстоятельств подвига и ранения отца не вполне точны. Согласно документам, в мае 1808 г. Н. И. Шахов был произведен в лейтенанты. В августе того же года, командуя плавучей батареей № 11, он участвовал в сражении со шведским гребным флотом в Юнгфер-Зунде и во время нападения шведов «много способствовал к отнятию» гемама (мелкосидящего гребного судна) Строн Биорн, находящегося в руках неприятеля, «за что имел похвальный аттестат от командующего флотилиею капитан-лейтенанта Новокщенова и о чем рекомендовано командующему». В октябре того же года в составе эскадры вице-адмирала Мясоедова Н. И. Шахов участвовал в сражении со шведской флотилией при острове Пальве, во время которого был контужен, и «также рекомендован отлично». После этого он участвовал «в деле при разбитии» шведских аванпостов у острова Сутейла. В этом же году Шахов был в отпуске «для излечения полученной в плечо контузии». См.: Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 406, оп. 7, № 124, л. 987—988 (Послужной список команды 4 Ластового экипажа флота лейтенанта Никиты Шахова; 1814, сент.). Далее: РГА ВМФ. О награждении Шахова орденом сведений нет.

³ В 1815 г. Н. И. Шахов был уволен с военной службы по прошению (из-за болезни) в чине капитан-лейтенанта. См.: Общий морской список. Ч. 6. С. 242. С марта 1817 г. ему «во уважение добропорядочной службы и расстроенного здоровья от полученной в сражении контузии» назначена пенсия по 175 руб. в год. С 1820 г. он поступает на государственную службу в штат Гоф-интендантской конторы и, сменив несколько должностей, определяется в Главное управление ревизии государственных счетов. См.: РГИА, ф. 576, оп. 5, д. 3235, л. 2—5 (Формулярный список о службе флота капитан-лейтенанта Н. И. Шахова; 1834, июня 28).

⁴ Н. И. Шахов умер вскоре после увольнения. В июне 1834 г. он «по прошению уволен из-за болезни вовсе от службы» с должности экзекутора и казначая Временной контрольной комиссии для ревизии отчетов ведомства Путей сообщения. За два месяца до этого он «по прошению» получил право вместо «чиновника 9 класса» именоваться прежним чином «флота капитан-лейтенантом» (там же, л. 6 об.).

⁵ Мать Е. Н. Шаховой — Шахова Клеопатра Евстафиевна (урожд. Сытина).

головной болезни, и двух дочерей: старшую, Александру, 22 лет⁶ и младшую, Елизавету, 12 лет,⁷ с небольшой пенсией, да жалкими остатками наследственного капиталца моей матери.

От 9 до 12 лет я была настоящею помощницей отца по кабинетным его занятиям. Старшая сестра моя, воспитанная во Французском Пансионе, была моею первоначальною учительницею. И отец мой также в досужие часы занимался со мною, преподавал историю, географию и арифметику. Память моя не только быстро схватывала все познания, но и глубоко их усваивала.

Оба мои родители были любителями литературы: чтения, ради слепоты матери, по вечерам происходили вслух. Еще в раннем моем детстве бессмертный наш поэт Пушкин, нося меня, трехлетнего младенца, на руках, вместе с князем П. А. Вяземским говаривал моему отцу: «В больших глазах Вашей малютки светится огонек поэтического вдохновения».⁸

С 6—7 лет я твердила наизусть «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» и декламировала первые главы «Евгения Онегина». С 10 лет я начала писать стихи под строй поэзии Пушкина и Жуковского.

После смерти отца, когда мне было 14 лет, я кончила курс учения, тогда как другие только начинают его, восполнив недостававшее мне обучение внимательным чтением и изучением русской и иностранной литературы. Тетрадка моих стихотворений случайно попала на глаза одному из наших знакомых, М. П. Жданову.⁹ Он выпросил ее у моей матери и передал профессору Н. И. Бутырскому,¹⁰ и тот уже без нашего ведома, представил тогдашнему председателю императорской Российской Академии А. С. Шишкову.¹¹ им и всеми членами Академического собрания мне была

⁶ По данным наиболее раннего служебного документа отца («Послужной список...») А. Н. Шахова родилась в самом начале 1812 г. (РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, № 124, л. 987 об.).

⁷ В справочной литературе и архивных документах указания на год рождения Е. Н. Шаховой колеблются от 1821 до 1824 г. Разной этот отразился в немногочисленных публикациях о ней. «Автобиографический очерк...» дает основание считать наиболее достоверным 1822 г. рождения. Дату же рождения — 30 марта — называет Н. Н. Шахов, потомок поэтессы, в «Кратком биографическом очерке» о ней. См.: *Шахов Н. Н. Е. Н. Шахова // Шахова Е. Н. Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб., 1911. С. VIII—XIV.*

⁸ Найти подтверждение этому факту, равно как и существованию каких-либо связей между родителями Е. Шаховой и А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским не удалось.

⁹ *Жданов Михаил Павлович* (1810—1877) — потомственный дворянин, действительный статский советник. После окончания Харьковского университета в 1832 г. начал службу в Департаменте Государственных имуществ коллежским секретарем, затем столоначальником, старшим столоначальником, а с 1839 г. — чиновником особых поручений. В 1838 и 1839 гг. по служебным делам (с целью наблюдения за состоянием отечественного сельского хозяйства) объехал значительную часть Европейской России. Впечатления о поездке впоследствии составили книгу: *Жданов Михаил. Путевые записки по России, в двадцати губерниях... СПб., 1843. В 1854—1856 гг. — харьковский вице-губернатор.*

¹⁰ *Бутырский Никита Иванович* (1783 или 1784—1848) — один из первых профессоров Петербургского университета и стихотворец, экстраординарный профессор кафедры российской словесности (1819—1835); читал курс лекций «О словесных науках вообще».

¹¹ *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — адмирал. С 1796 г. был членом, а с 1813 г. — президентом Российской Академии (1783—1841) — своеобразного гуманитарного центра России, учрежденного по указу Екатерины II прежде всего для создания первого толкового словаря и грамматики русского языка. А. С. Шишков приветствовал появление молодых литераторов, помогал им в публикации сочинений. В составленном А. С. Шишковым

присуждена золотая медаль с надписью «за русскую словесность».¹² Но нужды семейные меня вынудили вместо медали испросить сумму ее стоимости 500 рублей.¹³ Сверх того, Академия напечатала тетрадку моих стихотворений особой брошюрой под заглавием: «Опыты в стихах 15-летней девицы Елизаветы Шаховой 1837 года».¹⁴ В следующих годах, в 1838 и 1839 г., на иждивения Академии была напечатана уже книга новых моих стихотворений¹⁵ и быстро разошлась между любителями отечественной литературы, обратив внимание всех журналистов тогдашнего времени. Имя мое стало известно, и лучшие представители литературы стали лично знакомиться со мною. В. А. Жуковский приветствовал меня сердечным посланием¹⁶ при подарке 12-ти томов своих сочинений с его портретом. Ректор С.-Петербургского университета П. А. Плетнев,¹⁷ посещая меня, лично познакомил меня с А. О. Ишимовой¹⁸ и тогда еще начинавшим писа-

в 1818 г. уставе Российской Академии был пункт о поощрении авторов интересных работ, в частности, награждением медалями и денежными премиями. См.: *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783—1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 51.

¹² В опубликованных отчетах Российской Академии нам не удалось обнаружить каких-либо сведений о присуждении Е. Н. Шаховой «золотой медали». См.: Труды императорской Российской академии. СПб., 1840. Ч. 1.

¹³ В опубликованных документах Российской Академии об этом событии имеется следующая запись: «Опыты в стихах четырнадцатилетней девицы Шаховой обратили на нас внимание Академии, которая наградила ее, в 1837 году, 500 руб. в поощрение к дальнейшему упражнению» (Труды императорской Российской академии. С. 77).

¹⁴ Первая книжка стихотворений Е. Шаховой — «Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. Писано в 1836 г.» (СПб., 1837) — была издана не Российской Академией, а в типографии К. Вингебера. За несколько месяцев до выхода в свет книжки О. И. Сенковский в своем журнале «Библиотека для чтения» впервые опубликовал стихотворение Е. Шаховой — «Видение девушки» (1837. Т. 21. Отд. 5. С. 108—112), а также объявил о появлении в литературе молодого поэтического таланта и награждении ее Российской Академией денежной премией (там же. Отд. 6. С. 62). Сопоставление цензурного разрешения (от 3 марта 1837 г.) на выше-названный том «Библиотеки для чтения» с цензурным разрешением на «Опыт в стихах...» (от 12 мая 1837 г.) дает возможность предположить, что книжка могла быть издана на премиальные деньги, полученные от Российской Академии.

¹⁵ Вторая книжка — «Стихотворения Елизаветы Шаховой» (СПб., 1839; цензурное разрешение от 21 ноября 1838 г.) — издана в типографии императорской Российской Академии. В опубликованном отчете о деятельности Российской Академии отмечено, что Шахова оправдала данное ей для поддержки ее поэтических опытов денежное вознаграждение, «представив в 1839 году новые свои стихотворения. <...> Академия, напечатав ее стихотворения в числе 800 экземпляров, все их предоставила в ее пользу» (Труды императорской Российской академии. С. 77).

¹⁶ Стихотворного или какого-либо иного посвящения Е. Шаховой среди известных произведений В. А. Жуковского обнаружить не удалось. «Посланием» автор, вероятно, называет приложенное к подарку письмо. См.: РО ИРЛИ, № 3592.

¹⁷ *Плетнев Петр Александрович* (1792—1865) — поэт, критик, доктор философии, проф. кафедры русского языка и словесности (1832—1850), академик Российской Академии наук (1841), в 1838—1846 гг. — издатель и редактор журнала «Современник»; ректор Петербургского университета (1840—1861).

¹⁸ *Ишимова Александра Иосифовна (Осиповна)* (1804, по другим сведениям 1803—1881) — детский прозаик, переводчица, издатель детских журналов. Автор «Истории России в рассказах для детей» (Ч. 1—6. СПб., 1837—1840; 5-е изд.: Ч. 1—3. СПб., 1862), принесшей ей наибольшую известность. Первые 25 рассказов «Истории...» Ишимова показала П. А. Плетневу еще в рукописи, который их высоко оценил и ввел Ишимову в круг литераторов (ок. 1834), став ее литературным покровителем и наставником. Через посредничество Плетнева

телем Я. К. Гротом.¹⁹ По представлении моей книги чрез посредство графа С. С. Уварова²⁰ и графа Н. А. Протасова²¹ Их Императорским Величествам и другим особам Императорского Дома я удостоилась получить три блестящих подарка: серьги, ожерелье и перстень.²² Некоторые лица из высшего общества желали лично узнать молоденькую девушку-автора, приглашая меня к себе.

Известная своею общественною благотворительностью Т. Б. Потемкина представила меня своей свекрови княгине Т. В. Юсуповой, которая настолько полюбила меня, что пожелала обеспечить мое состояние под тем только условием, чтоб я уже нигде не печатала своих стихотворений. «Не хочу, — настаивала княгиня, — чтоб о моей любимице сердца в печати говорили так и сяк». Не прошло и 3-х лет, как скончалась моя покровительница, не успев закрепить за мной назначенной ею в завещании (которое было уничтожено князем Юсуповым и оставлено первое, писанное княгиней за 25 лет до ее кончины) значительной суммы.

По смерти княгини от наследников ее, двух ее сыновей — старшего, от первого брака, А. М. Потемкина, и второго, князя Б. Н. Юсупова, и дочери ее, графини Рибопьер, разделивших между собою ее богатства, мне выдавалась ежегодно та пенсия, которую мне давала сама княгиня на руки — по 5-ти золотых каждое 1-е число, составивших по новому курсу 235 р. в год, которую наследники разделили на две части между мною и моею матерью и по ее кончине ее часть переписали на мою старицу монахиню Августу. По смерти ее я получаю только одну свою часть в год — 142 р. 85 к.

Лишение моей покровительницы, которую я любила более родной матери, произвело на меня подавляющее впечатление: родимый столичный город для меня точно опустел. Меня влекло в более уединенную жизнь, да и средств к содержанию семейства в приличной обстановке столичной жизни уже не доставало.

в конце 1830-х гг. молодая писательница была приглашена преподавать русский язык членам царской фамилии. С Плетневым и Я. К. Гротом у Ишимовой установились особенно дружеские отношения.

¹⁹ *Грот Яков Карлович* (1813—1893) — филолог, историк, ординарный академик Петербургской Академии наук (1858). Окончил с золотой медалью Царскоелицейский лицей (1832), служил в канцелярии кабинета министров, с 1834 г. — в Государственной канцелярии. С 1840 г. сотрудничал в журнале «Современник». В 1841—1852 гг. — профессор кафедры русского языка, словесности и истории Гельсингфорского университета, 1852—1858 гг. преподавал русский язык, немецкий язык, историю и географию вел. кн. Александру Александровичу и Николаю Александровичу; в 1853—1862 гг. — профессор кафедры словесности Александровского лицея в Петербурге. С 1859 г. — член, с 1866 г. — председатель Литературного фонда.

²⁰ *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855) — министр народного просвещения (1833—1849), президент Академии наук (1818—1855). Находился в близких отношениях с Жуковским. В 1831 г. избран в действительные члены Российской Академии.

²¹ *Протасов Николай Александрович* (1799—1855) — граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета. В 1835 г. — товарищ министра народного просвещения. С 1836 г. и до смерти исполнял должность обер-прокурора Св. Синода.

²² Это событие было отмечено в печати. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Государь Император, удостоив благосклонного принятия поднесенный Его Величеству г. Управляющим Министерством народного Просвещения экземпляр Стихотворений девицы Шаховой пожаловать ей бриллиантовые фермуар и серьги» (Санкт-Петербургские ведомости. 1839. 3 дек., № 277. С. 1247).

Мы решили переселиться в Москву в 1841 г. к сестре моей матери Н. К. Скуратовой. О моем удалении с литературного поприща оповестили с искренним соболезнованием и даже упреками С.-Петербургские газеты: «Сын отечества»,²³ «Северная пчела»,²⁴ свидетельствовавшие о моем блистательном положении в С.-Петербурге как любимой поэтессы.

В Москве любители просвещения, узнав, что я живу в семейном уединении, удалясь от общества, сами поискали меня и открыли мне новые горизонты. Но в самый расцвет всех надежд на земное счастье я услышала в ночном молении пред чудотворною семейною иконою Спаса Нерукотворенного чудный Глас с Евангельскими словами: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы».

Я поняла это в смысле промысла Божия, указывающего мне вступить в монастырь. Я решила повиноваться Гласу Божию и поступила в Спасо-Бородинский монастырь к знакомой игумении именитой Марии Тучковой,²⁵ где и провела три года новоначала, до посещения этой обители архимандритом Игнатием Брянчаниновым.²⁶ Он нашел меня в тяжком состоянии искушения унынием до отчаяния в Бытии Божии. Я воскресла духом от вдохновенной беседы этого великого аскета священноинока и была им принята под руководство.

Это был глубокий аскет и вместе опытный наставник внутреннего делания. Он преподавал мне келейное правило, предложил ознакомиться с учением древних святоотеческих творений и обещал доставлять мне книги по его выбору, необходимые для первоначального и последовательного чтения и усвоения о переписке с ним, вполне искренней и свободной. Наконец, по возвращении своем из уединения в одном из Поволжских монастырей снова на свою настоятельную и благочинную деятельность в Сергиевой Пустыни, он вызвал меня из Спасо-Бородинского монастыря. Целый год, живя на монастырской даче вместе с моей матерью, приехавшей ко мне из Москвы, я занималась под его постоянным наблюдением

²³ Сведения автора не точны. Газета под названием «Сын отечества» издавалась с 1862 по 1905 г. С 1838 по 1842 г. стихотворения поэтессы и рецензии на них помещались в журнале «Сын Отечества» (СПб., 1812—1852 с перерывом в 1844—1946 гг.), но именно в 1840—1841 гг. упоминаний о Е. Шаховой в нем нет. В эти годы стихотворения и отзывы на них публикует П. А. Плетнев в «Современнике». См. Приложение № 15—17, 19—21.

²⁴ «Северная пчела» (СПб. 1825—1864) — газета политическая и литературная, выходила 3 раза в неделю. В газете печатались оповещения об издании сборников стихотворений Е. Шаховой в 1837, 1839, 1842 гг. См. Приложение № 2, 15, 26.

²⁵ Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменьей Марисей) на месте гибели ее мужа.

²⁶ В январе 1834 г. архимандрит Игнатий по решению императора Николая I был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни, которой успешно управлял до октября 1857 г. С середины августа 1847 г. до середины мая 1848 г. архимандрит Игнатий находился на лечении в Николо-Бабаевском монастыре. По дороге из Петербурга к месту лечения, в конце июля 1847 г., он посетил Спасо-Бородинский монастырь. Впечатления от посещения монастыря отразились в написанной им сразу после определения на место лечения небольшой брошюре «Воспоминание о Бородинском монастыре». См.: Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения. 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121—122. — Подпись: *И.*; То же. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. — Подпись: *И.*; Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломник, 2002. Т. 4. С. 473—475.

изучением не только творений Святых Отцов, но Богословием. Затем я перевела с французского на русский язык «Деяния семи Вселенских соборов» из книги «История Христианства» аббата Флери.²⁷ Этот перевод составил семь объемистых тетрадей. По прошествии года моего жительства при обители Преп. Сергия архимандрит Игнатий устроил меня с матерью моей в Староладожском монастыре²⁸ в келии другой своей ученицы, монахини Августы Козьминой, вместе с нею я занималась 14 лет чтением и списыванием с древних рукописей Св. Отцов по церковному и русско-печатному шрифту.

По благословию нашего наставника старица служила сестрам опытным советом и утешением в их скорбях и искушениях. Общее уважение сестер и поместного общества возбудило зависть начальствующих лиц монастыря, заподозривших старицу, а впоследствии и меня, как учениц Благочинного, в намерении быть их заместительницами.

Подозрение, возрастая с каждым годом, наконец, вызвало настоящее гонение, и мы решили оставить Ладожскую обитель и приискать себе другую: даже вне С.-Петербургской епархии. В это время наставник наш был поставлен Епископом Кавказским и Черноморским.²⁹ Он письменно благословил нас; взяв годовой отпуск, мы посетили Москву и ее женские монастыри, но по недостатку средств мы не нашли себе приюта. На обратном пути нас удержала тверская игуменья Мария Игнатьева и совершенно успокоила у себя.³⁰ По пострижении моем в мантию с наречением Марией 1863 года назначила меня начальницею монастырского училища девиц духовного звания. Воспитательно-учебное дело мое шло с таким успехом в течение шести лет, что обратило на меня внимание всего тверского общества и было доведено до сведения государыни императрицы Марии Александровны.³¹

В 1868 году я была переведена по вызову начальника Северо-западного края и митрополита Иосифа Симашко³² наставницей Виленского Мариин-

²⁷ *Флери Клод (Fleury (Abbé Claude) (1640—1723)* — аббат, историк церкви, член Французской Академии. Сначала был известным адвокатом парижского парламента, потом принял духовный сан; с 1689 г. — наставник детей короля Людовика XIV, затем приор церкви Парижской Богоматери. Во время регентства был духовником Людовика XV. Из трудов Флери особое значение имеет его *Histoire ecclésiastique* (Paris, 1719), доведенная им до 1414 г. «*Histoire du christianisme*». В архиве Е. Н. Шаховой хранится большая рукопись «Из истории Христианства Аббата Флери. Деяния седми вселенских соборов»: переведенные ею в 1849 г. материалы первых трех вселенских соборов (РО ИРЛИ, № 3558).

²⁸ Успенский Староладожский женский монастырь основан во 2-ой половине XV в. в селе Старая Ладога нынешней Ленинградской области.

²⁹ Архимандрит Игнатий был возведен в сан епископа Кавказского и Черноморского 27 октября (старого стиля) 1857 г. Хиротония проходила в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

³⁰ О монастыре см.: Историческая записка о Тверском Рождественском девичьем монастыре и его достопамятностях / Составлено под руков. настоятельницы мон-астыря> игуменьи Марии, по достоверным сведениям, извлеченным из актов того монастыря в целости остающихся. Тверь, 1856.

³¹ *Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессенская* (1824—1880) — императрица всероссийская, супруга императора Александра II. В области благотворительности важной заслугой Марии Александровны являлась организация Красного Креста.

³² *Митр. Иосиф (Семашко)* (1798—1868) — главный деятель по воссоединению униатов с православной церковью. В 1840 г. получил сан архиепископа Литовского и Виленского. Открыл свыше 200 православных церковно-приходских школ и других училищ.

ского монастырского училища для дочерей служащих в крае православных чиновников и священников.³³

До самой кончины в Бозе-почившей императрицы Марии Александровны я пользовалась ее августейшим благоволением к моей как педагогической, так и авторской деятельности в 1862—1865 годах. Ее императорскому величеству были поднесены две книги: жизнь и подвиги Игумении Евпраксии Ладожской³⁴ и Спасо-Бородинской обители и биография игуменнии Марии Тучковой³⁵ через посредство статс-секретаря Ее Императорского Величества П. А. Морица.³⁶ Еще с 40-х годов мои стихотворения попадали в Царственные дворцы и были прочитаны весьма благосклонно. Моя поэзия всегда отличалась религиозною настроенностью и новизною аскетического вдохновения, <что> привлекло внимание августейших читателей, особенно строго благочестивой цесаревны.³⁷

Участвовавшая в приготовлении к миропомазанию будущей православно-русской государыни, игуменнии Мария Тучкова сообщила его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу³⁸ мое стихотворение «Поле-Море»,³⁹ которое настолько понравилось его императорскому высочеству, <что он> пожелал лично приветствовать писательницу славы Бородинского Поля и заявил намерение представить автора-монашенку их императорским величествам и всей августейшей семье. Но я уклонилась от официального представления, избегая земных почестей.

В 1869 году, когда в Бозе-почивший государь император Александр Николаевич, возвращаясь из заграничного путешествия, останавливался в г. Вильно, по распоряжению генерал-губернатора телеграммой я была вызвана к встрече государя на платформе Виленского вокзала во главе монастырского училищного приюта. Вместе со своими ученицами <я> удостоилась высочайшего приветия милостивыми словами. В то время, когда государь отбыл на смотр войск, камердинер его императорского величества Кузмин принес мне на золотом блюде от имени государя императора 25 р.

³³ Женское училище для воспитания сирот духовенства и дочерей чиновников, состоящих на службе в северо-западном краю, находилось при Марии-Магдалининском женском первоклассном монастыре, основанном в 1864 г. в г. Вильно.

³⁴ Жизнь схинигуменнии Евпраксии. СПб., 1862. См. Приложение № 36.

³⁵ Памятная записка о жизни игуменнии Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру – Маргариты Михайловны Тучковой (урожд. Нарышкиной). СПб., 1865. См. Приложение № 37.

³⁶ *Мориц Петр Алексеевич* (1817—1898) — действ. тайн. советник, почетный опекун С.-Петербургского присутствия опекунского совета учрежденный императрицы Марии, секретарь императрицы Марии Александровны.

³⁷ Вероятнее всего, имеется в виду средняя из трех дочерей императора Николая I – вел. княжна *Ольга* (1822—1892), которая в 1838—1846 гг. была попечительницей Литейной школы С.-Петербургского женского патриотического общества и сначала действительным, а затем почетным членом его. См.: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797—1917: Библиографический справочник. СПб., 2005. С. 287.

³⁸ *Михаил Павлович* (1798—1848) — вел. кн., четвертый сын императора Павла I, от брака (1824) с вел. княгиней Елсной Павловной имел 5 дочерей.

³⁹ Стихотворение «Поле-Море» было написано во время пребывания Е. Шаховой в Бородинском монастыре в 1845—1847 гг. Впервые опубликовано в сборнике Е. Шаховой: *Мирянка и отшельница: Стихотворения: В 2 ч.* СПб., 1849. С. 284—286. Вошло в ее «Собрание сочинений в стихах» (СПб., 1911. Ч. 2. С. 2—3). См. Приложение № 82.

на гостинцы ученицам. Такое явление высочайшей милости к монахи-не-наставнице произвело впечатление на интеллигенцию Вильно. Весь генералитет спешил выразить свои приветствия на полный успех дела.

Между тем моя старица приняла схиму в том же Виленском Мариинском монастыре от преосвященного Евгения, епископа Брестского.

В 1871 году ее и<мператорское> величество предложила ее и<мператорскому> в<ысочеству> великой княгине Александре Петровне,⁴⁰ после злополучного низложения игуменьи Митрофании,⁴¹ передать мне управление Покровской Общины сестер милосердия на Большом проспекте Ва<сильевского> О<строва>.⁴² Притом высочайшим указом <я> была назначена председательницею хозяйственного комитета из 3 членов благотворителей. Многосторонняя и многосложная деятельность по обязанностям общего управления, распределению занятий между сестрами и отчетность Августейшей Покровительнице общины, отношения к членам хозяйственного комитета и совещания с ними, также и к врачам-наблюдателям лазаретов общины и ее приемного покоя — все это взятое вместе до того поглощало все мое время, лишая меня иметь необходимого отдыха, притом иногда и ночные занятия по письменной части, привело меня при неизбежной простуде к внезапной болезни, окончившейся воспалением левого глаза.

Великая княгиня выразила горячее желание доставить мне всевозможное пользование лечением с тем, чтобы я могла продолжить свою службу. Лучшие глазные врачи Блессих⁴³ и граф Магавль⁴⁴ приговорили меня к операции. 27 октября 1871 года в глазной лечебнице была произведена операция проколом левого глаза. Ее Высочество дважды посетила меня в лечебнице. Настолько Ее И<мператорское> Высочество дорожила моим управлением общины, что на время моего отсутствия по болезни поручила моей старице-схимнице нравственное наблюдение за сестрами, а хозяйственную часть — моей келейнице, на руках которой были все кладовые общины. Но я была вынуждена выписаться из лечебницы ранее, чем следовало.

⁴⁰ *Александра Петровна* (1838—1900) — вел. княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, супруга (1856) вел. кн. Николая Николаевича (старшего). После смерти мужа постриглась в монахини с именем Анастасии и поселилась в Киев.

⁴¹ *Игуменья Митрофания* (в миру — баронесса *Розен Прасковья Григорьевна*; 1825—1899) — в 1852 г. вступила в Крестовоздвиженский Тихвинский Алексеевский московский монастырь, в 1854 г. была облачена в рясофор с именем Митрофании, в 1861 г. — пострижена в мантию, вскоре после этого возведена в сан игуменнии и назначена настоятельницей Серпуховского Владычного монастыря. Принимала участие в создании Владычно-Покровской общины сестер милосердия в Москве у Покровского моста, а также Петербургской Покровской общины на Васильевском острове. Осенью 1874 г. прошел громкий судебный процесс по делу об обвинении игуменнии Митрофании в подлогах векселей. Она была признана виновной и лишена сана. См.: Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет, сост. Е. П. Забелиной. М., 1874.

⁴² С.-Петербургская Покровская Община сестер милосердия — основана в ноябре 1858 г. с целью попечения о приходящих больных и для воспитания бедных бесприютных детей по инициативе вел. княгини Александры Петровны. В 1859 г. близ Смоленского поля началось возведение здания общины, на верхнем этаже которого 10 октября 1860 г. была освящена церковь с колокольной во имя Покрова Пресвятой Богородицы, давшей название общине.

⁴³ *Блессиг Роберт Б.* (1830 — 1878) — окулист.

⁴⁴ *Граф Магавль Иван Христофорович* (1831 — 1904) — окулист.

Члены комитета посещали меня участливо. Мой секретарь по комитету сообщил мне о начавшемся процессе купца Громова, во время управления и <гуменью> Митрофании, поиску с общины за поставку лесного материала, которого при мне не оказалось. Состоя начальницей Покровской общины, я, как ответственное лицо, должна была подписывать бумаги. Мы выиграли это дело в пользу общины. Но это обстоятельство повредило моему зрению. Старица моя, давно уже лишенная зрения, скучала по старой обители, тем более что я, при моих многосложных занятиях, не могла служить ей утешением. Но и самой мне становилось не под силу слишком сложная и разносторонняя деятельность как несоответствующая моему душевному настроению и потому, несмотря ни на какие даже слезные увещания моих сотрудников остаться с ними, я уволилась от управления общины и поспешила возвратиться к желанному уединению в Ладожский Успенский монастырь.

Великодушные мои сотрудники за мою безмездную и ревностную службу совместно с ними собрали между собою по сто рублей для взноса за келию и первое обзаведение. Один из них, Д. Н. Лебедев,⁴⁵ снабдил меня лесным материалом, необходимым для перестройки и ремонта домика.

С 1873 года в безмолвии келейном я свободнее стала заниматься духовною литературой, участвуя в разных редакциях: в «Страннике»,⁴⁶ в «Вестнике народной помощи» (часто за редактора),⁴⁷ в «Варшавском дневнике»,⁴⁸ в ж<урнале> «Благовест»,⁴⁹ в «Новороссийском телеграфе»,⁵⁰ в «Мирском Вестнике»,⁵¹ в редакции А. А. Гейрота «Чтение для народа и солдат»,⁵²

⁴⁵ *Лебедев Дмитрий Николаевич* — петербургский купец 1-й гильдии.

⁴⁶ «Странник» (СПб., 1860—1917) — ежемесячный духовный учено-литературный журнал. Е. Шахова сотрудничала в журнале с 1860 по 1865 г., всего она опубликовала два стихотворения и два жизнеописания. См. Приложение № 33—35, 37.

⁴⁷ «Вестник народной помощи» (СПб., 1877 (с 5 июля)—1879 (38 №)) — сжендельный журнал общества попечения о раненых и больных воехнах. За время существования журнала в нем были опубликованы четыре стихотворения и две статьи Е. Шаховой, подписанные криптонимами «Е. Ш.», «М. Ш.», «Е. М. Ш.». Вероятно, ей же принадлежат многочисленны безымянные публикации на религиозные темы. См. Приложение № 39—41, 43—45.

⁴⁸ «Варшавский дневник» (Варшава, 1864 (с 1 окт.)—1915) — ежедневная газета, издаваемая Варшавским учебным округом (1864—1879), затем передана в непосредственное ведение Варшавского генерал-губернатора. В 1880—1881 гг. Е. Шахова опубликовала в ней три статьи, подписанные «Е. Ш.». В эти годы редактор Н. Н. Голицын помещает в газете собранные им материалы к «Биографическому словарю русских писательниц», куда вошла и статья о Е. Шаховой. См. Приложение № 51—54.

⁴⁹ «Благовест» (Харьков; СПб.; Нежин, 1883—1894) — общедоступное духовно-нравственное издание, выходило 2 раза в месяц. В 1880-е гг. Е. Шахова опубликовала здесь три стихотворения и две статьи. См. Приложение № 55, 56, 66, 73, 76.

⁵⁰ «Новороссийский телеграф» (Одесса, 1875—1893) — ежедневная политическая, коммерческая и литературная газета. В 1885—1886 гг. Е. Шахова опубликовала на ее страницах статью и повесть под псевдонимом «Матова Наджда» и открытое письмо, подписанное «М. Мария». См. Приложение № 62, 63, 68.

⁵¹ «Мирской вестник» (СПб., 1863—1885) — ежемесячный народный журнал. В 1884—1885 гг. Е. Шахова поместила в нем два стихотворения и три публикации, подписанные «Е. Ш.» и «Монах. Мар.». См. Приложение № 57—61.

⁵² Журнала под таким названием не существовало. Е. Шахова ошибочно объединила названия двух журналов, издаваемых А. А. Гейротом. С 1881 г. А. А. Гейрот был издателем-редактором журнала «Чтение для солдат» (СПб., 1847—1894, 1901—1915) — выходившего

в «Церковном вестнике». ⁵³ В народных журналах отличаются большие статьи: жизнеописания Св. Стратилатов Андрея, Феодора, Саввы; ⁵⁴ Св. Иоанна Воина; ⁵⁵ «На страже у гроба Господня»; ⁵⁶ «Мария пустынноница Олонская». ⁵⁷ Беседы: «Великий пост — духовный мост»; ⁵⁸ «Беседа о разуме и откровении»; ⁵⁹ «О сверхъестественных явлениях» ⁶⁰ и другие. ⁶¹ Много отдельных брошюр напечатано редакцией «Народных журналов» без моей уже подписи и продавались по столичным часовням. ⁶²

В 1877 году была издана драматическая поэма «Юдифь», ⁶³ по библейскому тексту под прежним именем Елизаветы Шаховой. Еще в рукописи «Юдифь» была читана на нескольких литературных любительских вечерах в Варшаве и Вильно, в С.-Петербургe. Многие любители предполагали поставить ее на частную сцену, но не нашлось желающих принять на себя роль главной героини. По издании автор получил несколько одобрительных отзывов от авторитетных лиц. На вопрос мой одному литератору-рецензенту: «почему печать прошла молчанием об изданной поэме?», он отвечал: «о Вас надо говорить или слишком много, или молчать». В светских журналах были помещены под псевдонимом большие статьи: «Родимое пятно»; ⁶⁴ «Исповедь отчаянного»; ⁶⁵

6 раз в год. Другой журнал вырос из «Мирского вестника»: в 1885 г. вышли только 6 номеров «Мирского вестника», далее он издавался также издателем-редактором А. А. Гейротом под названием «Чтение для народа» (СПб., 1886—1889) — ежемесячно. В обоих журналах монахиня Мария принимала активное участие с 1886 по 1890 г., публикуя жития святых, беседы на религиозные темы и др., в основном, за подписью «Монахиня Мария». См. Приложение № 64, 65, 67, 69—72, 74, 75, 77—79.

⁵³ «Церковный вестник» (СПб., 1875—1917) — еженедельный журнал, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии, официальный орган Святейшего Всероссийского Синода. В этом издании публикации Е. Шаховой не обнаружены.

⁵⁴ Точные названия: «Мучнический подвиг сирийского восводи Св. Андрея и дружины его» и «Воин-чудотворец, св. великомученик Феодор-стратилат». Эти жизнеописания были опубликованы в журнале «Чтение для солдат» в 1890 г. См. Приложение № 79, 77. Жизнеописание Св. Саввы-стратилата обнаружить не удалось.

⁵⁵ Точное название: «Небесный покровитель христоролюбивого воинства, царскградский Иоанн-воин». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» в 1887 г. См. Приложение № 70.

⁵⁶ Точное название: «Воины на страже у Креста и гроба Господня». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» в 1890 г. См. Приложение № 78.

⁵⁷ Точное название: «Олонская отшельница Мария». Опубликовано в журнале «Чтение для народа» 1887 г. См. Приложение № 69.

⁵⁸ Точное название: «Великий пост — духовный мост и лестница к вратам Царствия Божия». Опубликовано в журнале «Чтение для солдат» в 1886 г. См. Приложение № 64.

⁵⁹ Публикацию с таким названием обнаружить не удалось.

⁶⁰ Публикацию с таким названием обнаружить не удалось. Возможно, автор имел в виду свою замстку «По поводу статьи „О деревенских колдунах и ворожеях. (Церковный Вестник, № 16)» в журнале «Благовест» в 1888 г. См. Приложение № 73.

⁶¹ Например, отдельный оттиск рассказа из журнала «Чтение для солдат» за 1886 г.: «Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!». См. Приложение № 65.

⁶² Возможно, какие-либо из «тонких книжек», изданных без имени автора в качестве «бесплатного приложения» к журналу «Мирской Вестник» принадлежат перу монахини Марии.

⁶³ Полное название: «Иудифь: Поэма по библейскому тексту, в драматич. форме, в стихах, в 5-ти действиях» (М., 1877). См. Приложение № 42.

⁶⁴ Полное название: «Родимое пятно. (Рассказ из семейной хроники начала XIX века)». Публиковался в ноябре—декабре 1880 г. в газете «Варшавский дневник». См. Приложение № 51.

⁶⁵ Точное название повести: «Исповедь отчаянного накануне смерти». Публиковалась в газете «Новороссийский телеграф» в 1886 г. См. Приложение № 68.

повести: «О современной критике»;⁶⁶ открытое письмо графу Л. Н. Толстому⁶⁷ от моего настоящего имени. В рукописях остается повесть «Суженного конем не объедешь»;⁶⁸ семейный сборник московских людей шестидесятых годов под заглавием «Непадающие звезды»;⁶⁹ сверх того не один том стихотворений и поэм.⁷⁰

Заканчиваю мой сокращенный Автобиографический очерк, минуя, может быть, знаменательные подробности, характеризующие мой нравственный облик. Если просвещенное общество современных любителей отечественной литературы отнесется к автору-старице многотомной скрижали с академической медалью (как выражено мною в юбилейном стихотворении к незабвенному Я. К. Гроту)⁷¹ с таким же внимательным участием, как за полвека тому назад отнеслись представители тогдашней Российской Академии к небольшой тетрадке детских стихов подростка, тогда пожизненный труд первой из русских писательниц, поработавшей верно и неутомимо чуть не от начала и до конца века (1834—1894 гг.) на словесной ниве к чести и пользе своей родины, будет взыскан и оценен.

Елизавета Шахова — монахиня Мария.

Г. Новая Ладога.

Успенский ж<енский> мона<стырь>.

30-го октября 1894.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиографический список основных произведений

Е. Н. Шаховой — монахини Марии

1837

1. *Шахова Е. Н.* Видение девушки [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. № 4, Отд. V. С. 108—112.

2. *Шахова Е. Н.* Опыт в стихах пятнадцатилетней девицы. Писано в 1836 г. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837. — 23 с.

Рец.: П. М. Опыты в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837 // Северная пчела. СПб., 1837. 24 сент., № 214. С. 853—854. — В разд. «Новые книги».

⁶⁶ Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. См. Приложние № 62.

⁶⁷ Опубликовано в газете «Новороссийский телеграф» в 1885 г. См. Приложние № 63.

⁶⁸ Рукопись повести «Суженного конем не объедешь» хранится в архиве Е. Н. Шаховой (РО ИРЛИ, № 3560).

⁶⁹ Рукопись повести «Непадающие звезды» хранится в архиве Е. Н. Шаховой (РО ИРЛИ, № 3575, 3576).

⁷⁰ В архиве Е. Н. Шаховой хранятся две тетради с рукописями стихотворений 1840-х—1860-х гг. (РО ИРЛИ, № 3583—3584).

⁷¹ В «Собрании сочинений в стихах» Е. Шаховой это послание не обнаружено.

Литературная летопись: Опыты в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837 // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. № 12, Отд. VI. С. 48.

Критика и библиография: Русские книги: Опыты в стихах пятнадцатилетней девицы Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1837 // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» на 1838 год. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1838. 1 янв., № 1. С. 9—11.

1838

3. *Шахова Е. Н.* А-ъ Л-ъ Б-ъ [Стихотворение] // Сын отечества. 1838. Т. 3, Отд. I. С. 103—104.

4. *Шахова Е. Н.* К Лине [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1838. Т. 28. № 5, Отд. I. С. 141—142.

5. *Шахова Е. Н.* Мои утраты [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1838. Т. 28. № 6, Отд. I. С. 145—148.

1839

6. *Шахова Е. Н.* Карие глаза [Стихотворение] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» на 1839 год. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1839. Т. 1. 1 янв., № 1. С. 6.

7. *Шахова Е. Н.* Бенедиктову [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1839. Т. 32. № 2, Отд. I. С. 63—65.

Рец.: Обзор журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 23, Отд. VI. С. 79.

8. *Шахова Е. Н.* Подруге [Стихотворение] // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. № 7, Отд. I. С. 7—8.

9. *Шахова Е. Н.* Ответ на молитву поэта [Стихотворение] // Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1839 год. 1839. № 16 (5). С. 113.

10. *Шахова Е. Н.* В альбом Людмилы Петровны К...вой [Стихотворение] // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» на 1839 год. СПб.: Типогр. А. Плюшара, 1839. Т. 2. 12 авг., № 6. С. 108.

11. *Шахова Е. Н.* Покровителю: В. И. П. [Стихотворение] // Современник. 1839. Т. 15, Отд. VIII. С. 155—156.

12. *Шахова Е. Н.* Отрывок из поэмы «Три зари» [«Но что же случилось с резвой Олей?...»] // Сын отечества. 1839. Т. 11, Отд. I. С. 17—18.

13. *Шахова Е. Н.* Элегия [«Жизнь моя бездольная...»] // Одесский альманах на 1840 год. Одесса: Городская типогр., 1839. С. 238—240.

14. *Шахова Е. Н.* На разлуку с родиной [Стихотворение] // Одесский альманах на 1840 год. Одесса: Городская типогр., 1839. С. 506—508.

15. *Шахова Е. Н.* Стихотворения. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839. — 2, 120 с.

Рец.: Литературные известия // Литературные прибавления к «Журналу Министерства народного просвещения» на 1839 год. СПб., 1839. № 16 (5). С. 134;

Современная библиографическая хроника: Русские книги: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Отечественные записки. 1839. Т. 6, Отд. VII. С. 148;

Критика и библиография: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. Российской Академии, 1839 // Сын отечества. 1839. Т. 11, Отд. IV. С. 38—41;

Русская литература: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Северная пчела. СПб., 1839. 9 нояб., № 254. С. 1015;

Литературная летопись: Октябрь 1839. Новые книги: Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Библиотека для чтения. 1839. Т. 37. № 11, Отд. VI. С. 1—2.

Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1839. 3 дек., № 277. Стб. 1247.

Ф. Менцов. Мечты и звуки. Стихотворения Н. Некрасова. СПб.: Типогр. Е. Алипанова, 1840. Стихотворения Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839 // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. 25, Отд. VI. С. 118—124.

Стихотворения Елизаветы Шаховой // Современник. 1840. Т. 17, Отд. II. С. 65—66. — Авт.: П. А. Плетнев.

1840

16. *Шахова Е. Н.* Решимость [Стихотворение] // Современник. 1840. Т. 17, Отд. VII. С. 132—133.

17. *Шахова Е. Н.* Женщина и бал [Стихотворение] // Современник. 1840. Т. 19, Отд. V. С. 183—186.

18. *Шахова Е. Н.* Романс [«Подруги! Будем осторожны...»] // Литературная газета. СПб., 1840. 17 авг., № 66. Столбец 1483.

19. *Шахова Е. Н.* Мечтатель [Стихотворение] // Современник. 1840. Т. 20, Отд. VII. С. 297—298.

1841

20. *Шахова Е. Н.* Галопад [Стихотворение] // Современник. 1841. Т. 21, Отд. VII. С. 225—227.

21. *Шахова Е. Н.* Два сна [Стихотворение] // Современник. 1841. Т. 24, Отд. VII. С. 67—69.

1842

22. *Шахова Е. Н.* На Новый год. (Посвящается Я. И. Ш.) [Стихотворение] // Сын отечества. 1842. № 1, Отд. III. С. 1—3.

23. *Шахова Е. Н.* Два ангела [Стихотворение] // Сын отечества. 1842. № 3, Отд. III. С. 1—3.

24. *Шахова Е. Н.* Стансы: Воспоминание 21 января 1836 года. Посвящается В. М. Д. [Стихотворение] // Современник. 1842. Т. 26, Отд. VI. С. 98—101.

25. *Шахова Е. Н.* Две прогулки в Новодевичий монастырь [Стихотворение] // Сын отечества. 1842. № 9, Отд. III. С. 1—3.

26. *Шахова Е. Н.* Повести в стихах. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842. — 167 с.

Рец.: Библиографическая хроника: Русская литература. Апрель: Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. Конрада Вингебера и сына, 1842 // Отечественные записки. 1842. Т. 22, Отд. VI. С. 12;

Повести в стихах Елизаветы Шаховой. 1. Перст Божий, 2. Станный красавец, 3. Изгнанник и — Эпилог // Современник. 1842. Т. 26, Отд. II. С. 51—52. — Авт.: П. А. Плетнев.

Литературная летопись: Разные известия: Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842 // Библиотека для чтения. 1842. Т. 52. № 5, Отд. VI. С. 33.

М. Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. Конрада Вингебера и сына, 1842 // Северная пчела. СПб., 1842. 5 июня, № 124. С. 495. — В рубрике «Русская литература».

Н. Полевой. Повести в стихах Елизаветы Шаховой. СПб.: Типогр. К. Вингебера и сына, 1842 // Русский вестник. 1842. Т. 6, Отд. III. С. 28. — В рубрике «Новые русские книги. 1842 год».

1843

27. *Шахова Е. Н.* Правый и неправый суд [Стихотворение] // Современник. 1843. Т. 29. С. 269.

28. *Шахова Е. Н.* Две думки: I. Гаданье на луну. II. Безстрастие [Стихотворения] // Современник. 1843. Т. 32. С. 352—353.

1844

29. *Шахова Е. Н.* Происхождение арфы: Из Томаса Мура [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. С. 77—78.

30. *Шахова Е. Н.* Имениннику: Из А. Мицкевича [Стихотворение] // Современник. 1844. Т. 34. № 4. С. 82.

31. *Шахова Е. Н.* К Цевнице (Из Б. Залесского, с польского) [Стихотворение] // Москвитянин. 1844. Ч. 4. № 7, Изящная словесность: Стихотворения. С. 4.

1849

32. *Шахова Е. Н.* Мирянка и отшельница. Стихотворения: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849. — 4, 346, IV с.

Рец.: Библиографическая хроника: Новые сочинения: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Отечественные записки. 1849. Т. 64, Отд. VI. С. 95—100.

Литературная летопись: Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб.: Типогр. К. Вингебера, 1849 // Библиотека для чтения. 1849. Т. 95. № 6, Отд. VI. С. 36—39.

Мирянка и отшельница. Стихотворения Елизаветы Шаховой: В 2 ч. СПб., 1849 // Современник. 1849. Т. 16, Отд. III. С. 28—32.

1860

33. *Шахова Е. Н.* Жизнь схиигумении Евпраксии. (В Старо-Ладожском девичьем монастыре, Успения Пресвятой Богородицы) // Странник. 1860. Т. 1. № 3, Отд. I. С. 65—99.

1862

34. *Шахова Е. Н.* Светлая утренняя [Стихотворение] // Странник. 1862. Т. 2, № 4, Отд. II. С. 203—210.

35. *Шахова Е. Н.* Возражение [Стихотворение] // Странник. 1862. Т. 2, № 5, Отд. II. С. 280—282.

36. *Шахова Е. Н.* Жизнь схиигумении Евпраксии. 2-е изд. СПб.: Типогр. духовного журнала «Странник», 1862. — 59 с.

1865

37. *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумении Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире — Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной // Странник. 1865. Т. 1. № 5, Отд. I. С. 61—106; № 6, Отд. I. С. 123—172.

Отд. оттиск: СПб., 1865. — 112 с.

1871

38. *Шахова Е. Н.* К Цевнице [Из Б. Залесского] [Стихотворение] // Пoesия славян: Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей / Под ред. Н. В. Гербеля. СПб.: Типогр. имп. Академии наук, 1871. С. 504.

1877

39. *Е. М. Ш.* Подражание псалму 45 [Стихотворение] // Вестник народной помощи. 1877. № 18. С. 3. — Авт.: Е. Н. Шахова.

40. *М. Ш. Думы женщины* [Стихотворение] // Вестник народной помощи. 1877. № 20. С. 3. — Авт.: Е. Н. Шахова.

41. *Е. Ш. Картина «Знамения времени»* (в мастерской И. К. Айвазовского) [Стихотворение] // Вестник народной помощи. 1877. № 27. С. 3. — Авт.: Е. Н. Шахова.

42. *Шахова Е. Н. Иудифь: Поэма по библейскому тексту, в драматич. форме, в стихах, в 5-ти действиях* / Издал Л. Спичаков. М.: Типогр. А. И. Мамонтова и К°, 1877. — 8, 98 с.

1878

43. *Е. М. Ш. «Куда!?»* (Перед картиной Айвазовского — «Овцы у взморья во время прилива») [Стихотворение] // Вестник народной помощи. 1878. № 33. С. 4. — Авт.: Е. Н. Шахова.

44. *Е. Ш. Письмо в редакцию «Вестник народной помощи», о чаянии нового благовестия современную философию* // Вестник народной помощи. 1878. № 34. С. 7—8. — Авт.: Е. Н. Шахова.

45. *Е. М. Ш. Слово правды* [Стихотворение] // Вестник народной помощи. 1878. № 34. С. 8. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1880

46. *Шахова Е. Н. Два видения. (Из неизданной поэмы: «Освобожденный узник»)* [«В дому Богоматери он приютился...»] // Россия. СПб., 1880. 19 февр., № 1. С. 2.

47. *Е. Ш. На день православия* [«Под строй церковных песнопений...»] // Россия. СПб., 1880. 9 марта, № 4. С. 1. — Авт.: Е. Н. Шахова.

48. *Е. Ш. Третье воскресенье Великого поста. Торжество Св. Григория Паламы* [«Ярче звезд полуночных, на небе сияющих...»] // Россия. СПб., 1880. 16 марта, № 5. С. 2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

49. *Е. Ш. Великопостная песнь. (У подножия животворящего креста)* [«Точно бесконечная стелется, широкая...»] // Россия. СПб., 1880. 23 марта, № 6. С. 2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

50. *Е. Ш. На пятое воскресенье Великого Поста. Посвящено воспоминанию Евангельской притчи о путнике Иерихонском и памяти Св. Иоанна Лествичника, спасителя лестницы духовной* [«Полпоприща пройдя великого поста...»] // Россия. СПб., 1880. 30 марта, № 7. С. 2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

51. *Е. Ш. Родимое пятно. (Рассказ из семейной хроники начала XIX века* // Варшавский дневник. Варшава, 1880. 6 нояб., № 238. С. 1—2; 10 нояб., № 241. С. 1—2; 11 нояб., № 242. С. 1—2; 13 нояб., № 244. С. 1—2; 19 нояб., № 248. С. 1—2; 24 нояб., № 251. С. 1—2; 4 дек., № 259. С. 1—2; 9 дек., № 262. С. 1—2; 16 дек., № 267. С. 1—2; 17 дек., № 268. С. 1—2; 19 дек., № 270. С. 1—2; 29 дек., № 274. С. 1—2; 30 дек., № 275. С. 1. — Авт.: Е. Н. Шахова.

52. *Е. Ш.* Отзыв сотрудника двух редакций по поводу статьи: «О нуждах печати» в № 312 «Голоса» // Варшавский дневник. Варшава, 1880. 27 нояб., № 253. С. 3. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1881

53. *Е. Ш.* Слово из глубины православного русского сердца // Варшавский дневник. Варшава, 1881. 11 апр., № 76. С. 3. — Авт.: Е. Н. Шахова.

54. *Е. Ш.* По современным вопросам // Варшавский дневник. Варшава, 1881. 28 мая, № 109. С. 1—2; 3 июня, № 113. С. 1—2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1883

55. *Шахова Е. Н.* Современному поэту [Стихотворение] // Благовест. 1883. 1 окт., № 16. С. 1—2.

56. *Мария, монахиня.* Псалтирь [Стихотворение] // Благовест. 1883. 15 окт., № 17. С. 7. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1884

57. *Шахова Е. Н.* На Волхове [Стихотворение] // Мирской вестник. 1884. № 10, Отд. IV. С. 81—84.

58. *Монах. Мар.* Краткая и верная стезя к спасению // Мирской вестник. 1884. № 12, Отд. I. С. 3—10. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1885

59. *Шахова Е. Н.* Чудо-дерево [Стихотворение] // Мирской вестник. 1885. № 1, Отд. IV. С. 75—80.

60. *Е. Ш.* Откуда является помощь у беспомощных? (Недавнее происшествие) // Мирской вестник. 1885. № 3, Отд. I. С. 18—22. — Авт.: Е. Н. Шахова.

61. *Монах. Мар.* Беседа о благодатной силе искупления рода человеческого Христом Спасителем // Мирской вестник. 1885. № 5, Отд. I. С. 5—28. — Авт.: Е. Н. Шахова.

62. *Матова Надежда.* О современной критике // Новороссийский телеграф. Одесса, 1885. 9 дек., № 3215. С. 1—2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

63. *М. Мария.* Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому // Новороссийский телеграф. Одесса, 1885. 29 дек. (10 янв.), № 3239. С. 2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1886

64. *Монах. Мар.* Великий пост — духовный мост и лестница к вратам Царствия Божия // Чтение для солдат. 1886. Кн. 2, Отд. I. С. 3—25. — Авт.: Е. Н. Шахова.

65. *Шахова Е. Н.* Восстани, спяй, и воскресит тя Христос!: Рассказ // Чтение для солдат. 1886. Кн. 4, Отд. I. С. 3—14.

Отд. оттиск: СПб., 1886. 15 с. — Без имени автора.

66. *Мария, монахиня*. Откуда начинать? (Из письма в редакцию) // Благовест. 1886. 15 мая, № 9. С. 10—12. — Авт.: Е. Н. Шахова.

67. *Мон. Мар.* Краткая беседа на праздник Вознесения Господня. (Картина неба и земли в ночь на 16-е ноября 1885 г.) // Чтение для народа. 1886. Кн. 6, Отд. I. С. 14—21. — Авт.: Е. Н. Шахова.

68. *Матова Надежда*. Исповедь отчаянного накануне смерти: Повесть // Новороссийский телеграф. Одесса, 1886. 4 (16) авг., № 3449. С. 1—2. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1887

69. *Мон. Мар.* Олонецкая отшельница Мария // Чтение для народа. 1887. Кн. 3, Отд. I. С. 7—19; Кн. 4, Отд. I. С. 10—28; Кн. 5, Отд. I. С. 6—25; Кн. 6, Отд. I. С. 6—22. — Авт.: Е. Н. Шахова.

70. *Мон. Мар.* Небесный покровитель Христолюбивого воинства, цареградский Иоанн-воин // Чтение для солдат. 1887. Кн. 4, Отд. I. С. 20—33. — Авт.: Е. Н. Шахова.

71. *Шахова Е. Н.* Загадочное посещение (Рождественская сценка) // Чтение для народа. 1887. Кн. 12, Отд. IV. С. 64—72.

1888

72. *Мон. Мар.* На три ходячие вопроса: «За что меня Бог наказывает? Почему другие люди, хуже и грешнее меня, счастливы; с ними не случается таких как со мной бед и скорбей, — живут себе припеваючи? Отчего Бог не слышит моей молитвы?» // Чтение для народа. 1888. Кн. 1, Отд. I. С. 3—12. — Авт.: Е. Н. Шахова.

73. *Мария, монахиня*. По поводу статьи «О деревенских колдунах и ворожеях. (Церковный Вестник, № 16)» // Благовест. 1888. 15 июня, № 11. С. 13—15. — Авт.: Е. Н. Шахова.

74. *Е. Ш.* С парохода. (От Шлиссельбурга до Ладоги) [Стихотворение] // Чтение для народа. 1888. Кн. 6, Отд. IV. С. 70—75. — Авт.: Е. Н. Шахова.

75. *Мон. Мар.* Власть тьмы и средства борьбы с нею // Чтение для народа. 1888. Кн. 6, Отд. I. С. 11—25; Кн. 9, Отд. I. С. 9—19; Кн. 10, Отд. I. С. 3—15; Кн. 11, Отд. I. С. 8—22. — Авт.: Е. Н. Шахова; в публикации отсутствует окончание.¹

1889

76. *Мария, монахиня*. Ладожские идиллии. (Посвящается священнику о. Н. Листову) [Стихотворения] // Благовест. 1889. 1 мая, № 9. С. 2—6. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1890

77. *Мон. Мар.* Воин-чудотворец, св. великомученик Феодор-стратилат // Чтение для солдат. 1890. Кн. 1, Отд. I. С. 10—39. — Авт.: Е. Н. Шахова.

¹ Журнал просуществовал до 1889 г., в начале которого вышли только 3 номера.

78. *Мон. Мар.* Воины на страже у Креста и гроба Господня // Чтение для солдат. 1890. Кн. 4, Отд. I. С. 9—28. — Авт.: Е. Н. Шахова.

79. *Мон. Мар.* Мученический подвиг сирийского воеводы Св. Андрея и дружины его // Чтение для солдат. 1890. Кн. 5, Отд. I. С. 11—22. — Авт.: Е. Н. Шахова.

1896

80. *Шахова Е. Н.* Жизнь схиигумении Евпраксии. 3-е изд. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. — 40 с.

1910

81. *Шахова Е. Н.* Жизнь схиигумении Евпраксии, настоятельницы Старо-Ладожского Успенского монастыря. 4-е изд. / Исправил и дополнил Н. Ф. Корольков. СПб.: Книгопечатня Шмидта, 1910. — 44 с.

1911

82. *Шахова Е. Н.* Собрание сочинений в стихах / Издал внук автора Н. Н. Шахов. СПб.: «Екатерининская» типогр., 1911. — XIV, 212, 130, 322 с.

1913

83. *Шахова Е. Н.* В начале жизни и на пороге вечности. (Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.) // Русская старина. 1913. Т. 153. № 1. С. 162—167.

1915

84. *Шахова Е. Н.* Небесный покровитель христоролюбивого воинства, цареградский Иоанн-воин / Издал внук автора Н. Н. Шахов. Пг.: Типолитогр. Я. Рашкова, 1915. — 16 с.

Dubia

85. *Ш.* Русалки [Стихотворение] // Чтение для солдат. 1888. Кн. 3, Отд. IV. С. 161—162.

Дореволюционная литература о Е. Н. Шаховой

86. Литературная летопись // Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. № 4, Отд. VI. С. 62.

Первое упоминание в печати об Е. Шаховой; о премии, выданной ей императорской Российской Академией.

87. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: В 3 т. / Под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля. СПб.: Типогр. В. Безобразова, 1864. Т. 3. С. 1029.

Упомянуты два сборника Е. Шаховой: «Стихотворения» (1839) и «Повести в стихах» (1842).

88. *Голицын Н. Н.* Биографический словарь русских писательниц: Е. Н. Шахова // *Варшавский дневник.* Варшава, 1881. 1 сент., № 181. С. 3.

Краткие библиографические сведения о Е. Н. Шаховой.

89. *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка: В 3 т. // Подгот. и предисл. Я. Грота. СПб.: Типогр. имп. Академии наук, 1885. Т. 2. С. 286—287, 339—340.

Критические разборы П. А. Плетневым сборников стихотворений Е. Н. Шаховой (1840 и 1842 гг.) из журнала «Современник».

90. *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб.: Типогр. имп. Академии наук, 1885. Вып. 7. С. 370. (Записки имп. Академии наук. Приложение; Т. 49, № 6).

Упоминание о присуждении Е. Н. Шаховой награды в виде денежной премии в 500 руб.

91. *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб.: Типогр. имп. Академии наук, 1888. Вып. 8. С. 231. (Записки имп. Академии наук. Приложение; Т. 58, № 1).

Об издании Российской Академией в пользу Е. Н. Шаховой книжки ее «Стихотворений» (СПб., 1839).

92. *Голицын Н. Н.* Биографический словарь русских писательниц. СПб.: Типогр. В. С. Балашева, 1889. С. 274—276.

Библиографические сведения о Е. Н. Шаховой.

93. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: В 3 т. / Под ред. Я. К. Грота. СПб.: Типогр. Мин. путей сообщения, 1896. Т. 1. С. 136, 183, 218.

Упоминания в письмах о Е. Шаховой.

94. *Бурцев А.* Описание редких российских книг: Ч. 5. СПб.: Типогр. И. А. Ефрона, 1897. С. 111—115.

Краткие биографические сведения о начале поэтического пути; книга «Стихотворения Елизаветы Шаховой» (СПб.: Типогр. имп. Российской Академии, 1839) описана как редкое издание.

95. Энциклопедический словарь: В 41 т. // Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. 39. С. 225.

Краткие биографические сведения.

96. *Самсонов-Онегин В. С.* «Светочи прошлого». Посвящается поэтессе Е. Н. Шаховой. СПб.: Типолитограф. Я. Рашкова, 1914. — 15 с.

Краткая характеристика отзывов в печати о «Собрании сочинений в стихах Елизаветы Шаховой» (СПб., 1911).

97. *Невежин П. М.* Елисавета Шахова: Историко-бытовая хроника в 4 д. / Предисл. Н. Н. Шахова. Пг.: Изд. Н. Н. Шахова, 1917. — 11, 66, 1 с.

Рец.: Библиография: П. М. Невежин. Елисавета Шахова: Историко-бытовая хроника в 4 действиях Пг., 1917 // Русское богатство. 1917. № 11—12. С. 360—361. — Авт.: А. Г. Горнфельд.

ПЕРЕПИСКА А. М. РЕМИЗОВА И Д. В. ФИЛОСΟΦОВА

Публикация Е. Р. Обатниной

В 1940 г., узнав о кончине Д. В. Философова, А. М. Ремизов дополнил очерк, написанный на основе материалов из старого семейного архива, — «Философов. Письмо родословное. 1793—1837»¹ — небольшим отступлением мемуарного характера: «Все мы знаем нашего Дмитрия Владимировича Философова (1872—1940). Когда мы жили в Вологде, Д. В. Философов по письму моему — прощению от неведомого — присылал „Мир искусства“. И все мы (П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков), „сошедшие вкупѣ“ на Желвунцовской в долгие вечера картинки рассматривали, поминая добрым словом Философова. И первый мой визит в Петербурге вольным человеком (1904 г.) был в Басков переулок к Философову. Потом Философов не раз пристраивал меня в Госуд<арственный> Контроль на службу — не выходило дело, все по моей оплошности. И многую еще во всяких делах житейских роль играл: и к доктору Н. Ф. Чигаеву водил меня в мою тяжкую, письма всякие писал за меня хлопотные по денежной части к людям, от которых зависело, а какие книги получал я от него в дар библиографические — сказки, сборники, хождения, какие на елку золотые яблоки и яйцо в светлый день...».²

Заочное знакомство начинающего писателя и уже авторитетного редактора и критика состоялось в 1903 г. В то время Ремизов отбывал ссылку в Вологде вместе с П. Е. Щеголевым, Н. А. Бердяевым, Б. В. Савинковым, А. В. Луначарским и другими будущими литературными и политическими знаменитостями. Хотя поначалу общение с Философовым (редактором литературного отдела «Мира искусства») и ограничивалось получением номеров журнала, некоторое время спустя Ремизов стал отправлять на имя критика свои первые произведения, написанные в жанре стихотворений в прозе. Впоследствии, в автобиографии 1912 г., написанной для «Русской литературы XX века», готовившейся под редакцией С. А. Венгерова, Ремизов, вспоминая свои первые литературные шаги, отметит: «Большую заботливость встретил я у Дмитрия Владимировича Философова: Философов мне и „Мир Искусства“ высылал в Вологду, Философов и письма мне о моем *Пруде* писал длинные».³ Действительно, Философов, не приняв не-

которые ремизовские сочинения в журнале «Мир искусства», проявил благожелательное внимание к роману «Пруд». Сочтя роман не свободным от «декадентства», критик нашел его весьма актуальным по умонастроению, обострявшему противостояние двух полюсов современности: общественность — индивидуализм. Спустя год, в начале лета 1904 г., состоялась и первая личная встреча. 5 июня в письме к С. П. Ремизовой-Довгелло Ремизов упомянет о Философове: «...„европеец”. Разговор о „Пруде”». ⁴

Получив в 1905 г. вид на жительство в Петербурге, Ремизов был принят на службу в журнал «Вопросы жизни» в качестве делопроизводителя и довольно быстро вошел в круг ведущих столичных литераторов. Первое из известных писем Философова к Ремизову этого времени относится к 27 марта 1905 г. Речь в нем идет о подготовке литературного вечера, организованного З. Н. Гиппиус и Философовым в доме Ю. П. Дягилевой и ее мужа П. Д. Паренсова, на котором Ремизову предстояло впервые выступить перед столичным литературным бомондом с чтением отрывков из романа «Пруд».

Осенью того же года начинающий писатель оказался в тяжелой ситуации, когда после закрытия «Вопросов жизни» остро встал вопрос о поисках новой работы. «Я был под негласным запрещением, — пояснял в мемуарах всю сложность собственной ситуации Ремизов: — меня никуда не принимали, в „толстых” благородных журналах имя мое было пугалом». ⁵ Д. В. Философов был одним из тех, кто пытался оказать писателю реальную помощь. В частности, он составил протекцию для поступления Ремизова на государственную службу, обеспечивавшую наблюдение за приходом, расходом и хранением капиталов правительственных учреждений. 25 ноября, накануне визита в Контроль, Ремизов записал в дневник: «Не гоюсь я на службу. Завтра с письмом Д. В. Философова в „Государственный Контроль”. В Контроле когда-то служил и Розанов. Невесело вспоминает: „Едешь бывало, на конке наверху. А Вл. С. Соловьев в коляске катит. Нет, вы этого никогда не поймете, никогда, никогда!»». Действительно, первый же визит чудаковатого литератора к предполагаемому начальству бесповоротно погубил все планы. Спустя два дня Ремизов удрученно констатировал печальный итог своей попытки стать государственным чиновником: «Конечно, зря. Звонил Философов: начальник на меня обиделся, а главное за папиросу». Далее он воспроизвел разговор с должностным лицом: «„Так вы на службу смотрите, как на средство к существованию?” „Да”. „А нам нужны чиновники”». ⁶ Значительно позже, возвращаясь к сюжету осени 1905 г., Ремизов вспоминал петербургские мытарства: «Управляющий Государственным Контролем Ратьков-Рожнов <Александр Николаевич>, жена его — сестра Философова <Зинаида Владимировна>, чего, кажется, проще, а ничего не вышло, только смех — передавался мой разговор с начальником канцелярии и как я папиросу закурил». ⁷

Отъезд Философова вместе с Мережковскими за границу в феврале 1906 г. не только не расстроил установившихся отношений, но в известной степени даже упрочил их. Ремизов в письмах информировал критика о петербургской жизни, а Философов, в свою очередь, делился с ним собственными критическими оценками. Эпистолярный диалог этого времени отражал взаимные стремления найти «общий язык» и перейти к серьезным

оценкам и доверительному разговору. Вместе с тем, находясь в самом центре интеллектуальной жизни начала века, Ремизов вовсе не стремился участвовать в битвах рождающихся литературных направлений, достаточно упрямо демонстрируя позицию особого извода. Его принципиальный субъективизм совершенно не встраивался в те общественные дискуссии, которые вспыхнули в 1905 г. в связи с выдвинутой в кругу символистов идеей «мистического анархизма», а к началу 1908-го привели к расколу этого, некогда единого, сообщества. В данном контексте очевидно, что Философов явно не совпадал с Ремизовым своим ярко выраженным общественным темпераментом. Проблема преодоления индивидуализма, которая для Г. Чулкова, Вяч. Иванова, А. Белого, Ф. Сологуба, М. Волошина стала темой творческого самоопределения, для Ремизова словно и не существовала, оставаясь предметом внешне-идеологических, но отнюдь не лично-экзистенциальных переживаний. На фоне разразившейся войны «с пеной на губах» (по выражению Нувеля) ремизовское самоощущение неизменно оставалось в пределах его собственного внутреннего мира, совершенно чуждого патетике разыгрываемых страстей. В письме к Философову начала 1908 г., по пунктам описывая события литературной жизни, Ремизов даже не пытался формулировать свою позицию по отношению к актуальным явлениям общественно-литературной жизни или же каким-то образом оправдывать участие в сборнике «Факелы», окончательно принимая на себя роль случайного в литературе человека. Спустя два года, отвечая на вопрос анкеты «Куда мы идем?», писатель открыто противопоставит любым рассуждениям на заданную тему собственное творчество: «Не умею я рассуждать. И все рассуждения дедушки Карамзина не направили меня, и статьи из газет не помогают, разве что Балда Балдович, — да где его нынче отыщешь Балду-то Балдовича, когда все всерьез? А потому на вопрос о России, — какая она такая Россия, чем живет и куда путь держит? — по-людски не берусь ответить. Могу только такую завитушку из жизни представить вроде притчи».⁸

Шутливое, абсурдистское восприятие жизни то и дело толкало Ремизова на мистификации и литературные эксперименты. Новаторским выступлением стала публикация в 1908 г. маленьких новелл, написанных в форме сновидений. Появление в печати необычного жанра, основанного на реальных переживаниях, принципиально соединяющих факты, имена, события действительности с неконтролируемым рассудком потоком сновиденной фантазии, вызывали противоречивые мнения. На фоне категорически отрицательных оценок инновационного литературного опыта Ремизова,⁹ мнение такого строгого и далекого от декадентской вычурности критика, как Д. В. Философов, звучало особо: «Есть своя логика в сонной чепухе. Чепуха, главным образом, в нелепой последовательности, в извращенной причинности. <...> Но что же скрывать? Мы все видим такие сны... даже наяву. <...> Сон на то и сон, чтобы быть нелепым. А вот то, что было до сна, то, что записано, как протокол, как самая что ни на есть правда, — вот это ужасно. В сне ты — да и никто — не ответственен, а просыпаясь, инстинктивно веришь, чтоходишь в мир разумной воли или столь же разумной необходимости. Но бывают времена, что эта *естественная* вера колеблется, а иной, *сверхъестественной*, нет. Реальный мир превращается в бес-

смыслицу, а за реальностью ничего нет, пустота. <...> Ремизов очень просто, а потому и глубоко, выражает скорбь современной души, тоску по „реальнейшей реальности“, как выразился бы Вячеслав Иванов». ¹⁰ Современники отмечали рассудочность и рационализм мышления Философова, ¹¹ тем не менее эти свойства не помешали ему проявить тонкое понимание неординарности ремизовского феномена.

Не случайно Философов стал одним из первых реальных героев в произведениях Ремизова. В ранних литературных снах писатель весьма прозрачно начальными буквами фамилий указывал на своих знакомых. Так, «старый приятель литератор Ф.» появляется в рассказе «Железный царь» (1911). А в эмиграции, уже не скрывая имена известных людей, писатель опубликует сновидение «Философов»:

«Они (все неизвестные, безликие, как мули*) пошли в одну сторону, а мы с Философовым в другую.

По дороге лежат все дохлые лягушки, вообще какая-то дрянь. Потом человек: человек пустой — внутренности вынуты. Философов поднял его и надул, как надувают вербных свинок.

И мы его взяли с собой.

— Лопнет, — сказал Философов, — бросим, а не лопнет, повесим на елку.

— А там снег — все в снегу». ¹²

Объединение с Философовым против «неизвестных» и «безликих» во многом могло объясняться той весомой поддержкой, которую критик оказал писателю, в конце 1900-х гг. неожиданно очутившемуся в ситуации литературного остракизма: «Несколько лет тому назад какой-то борзописец, прочитав одну из сказок Ремизова, обвинил его чуть ли не в плагиате. До чего надо быть невежественным, как мало надо любить сокровища народной словесности и современную русскую литературу, чтобы так грубо подойти к серьезной попытке Ремизова, к его стремлению восстановить связь между литературой „народной“ и „господской“. Пресловутый „плагиат“ сводится к благоговейному желанию, сохранив все особенности подлинной народной сказки, всю прелесть ее языка, выделить из нее существенное, важное, типичное. <...> Внимательное сличение сказок Ремизова с первоначальным их источником показывает, что о „плагиате“ могут говорить только абсолютные невежды. Прочтите маленькую, затерявшуюся в ончуковском сырье сказочку „Кушак“ <...> и сравните ее со сказкой Ремизова „Отчаянная“ <...> вы сразу поймете, как умело и глубоко, ни в чем не нарушая народного склада и тона, народной психологии, Ремизов обрабатывает сырой материал, от частного восходит к общему, дает определенный характер „отчаянной“ девушки, которая гадает, под Крещение, о своем суженом-ряженом». ¹³

В творчестве Ремизова с именем Д. В. Философова связано развитие еще одной новаторской формы повествования. По-видимому, при посредничестве критика писатель получил возможность исследовать часть архива, принадлежавшую обитателям родового имени Философовых — Загвоздья. Начало архивной работы пришлось на первые военные годы, когда и для Ремизова лично, и для русской общественности актуализирова-

* От франц. moule — мидия.

лась тема национального достоинства и исторической памяти. Дело собирательства и сохранения истории в лицах документах продолжилось и после революции, в годы тотального разрушения и попрания прошлого, когда, по выражению Философова, на улицах «пахло бойней».¹⁴ В итоге Ремизов, выражаясь современным архивным языком, «обработал» значительный корпус документов. По материалам фамильного архива обитателей Загвоздья Ремизовым были написаны три очерка. Как и все другие рассказы, впоследствии вошедшие в книгу «Россия в письменах» (Берлин, 1922. Т. 1), первоначально они публиковались в повременной петроградской печати и неизменно сопровождались общим для цикла названием — «Россия в письмах».

Очерк «Письмо географическое» был написан в 1916 г. и тогда же опубликован в сборнике «Пряник осиротевшим детям». Рассказ начинается с воспоминаний об учителе географии, мысли о котором возникают у автора в связи с сохранившимся среди бумаг Философовых рукописным конспектом учебника «Сокращенная география» 1780 г.: «А училась этой чудеснейшей географии, — объясняет Ремизов, — троюродная прабабушка нашего Дмитрия Владимировича Философова и кавалера обезьяньего знака профессора Евгения Васильевича Аничкова, Пелагея Алексеевна Барыкова, в замужестве Философова за инженер-капитаном Иларионом Никитичем Философовым...». «Бесподобная Полюшка», цитирует Ремизов одно из писем разобранного им архива, прожила жизнь «с детьми и родственниками в философском новолadoжском Загвоздье».

Однако в центре повествования — письмо брата Полюшки, Василия Алексеевича Барыкова, отправленное 5 ноября 1795 г. из Петербурга сестре и брату, в котором упоминаются «Анна Никитишна Философова, в замужестве Маклакова, сестра Илариона Никитича Философова, жившая с ним в Загвоздье. Степан Алексеевич Барыков, брат В. А., участник польского похода, Катерина Алексеевна, в замужестве Мельгунова, и Лизанька (Елизавета Алексеевна) — сестры В. А., Елизавет (Елизавета Федоровна) жена В. А., Афоничка и Пашенька — их дети. „Кукушки” — Наталья и Катерина Иларионовны Философовы, близнецы».¹⁵

Стремясь «представить <...> Россию» «по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям <...> из мелочей»,¹⁶ Ремизов создает эффект обратной перспективы, благодаря которому все далекое приближается и становится если не современным, то по крайней мере понятным и доступным. Текст, переданный в оригинальном написании (с характерными особенностями языковой культуры XVIII в.), начинает звучать живыми голосами. Имена этих безвестных людей с их заботами и, казалось бы, уже никому не интересным течением жизни сближаются с именами современников, которые упоминаются в рассказе столь же просто и непринужденно, как, например, Дмитрий Владимирович Философов, или Евгений Васильевич Аничков, или Ариадна Владимировна Тыркова — такими же участниками единого исторического хода жизни, как и Полюшка Барыкова и ее семья.

К аналогичному приему, объединяющему в общем документальном хронотопе людей из прошлого и их потомков, Ремизов прибегает и во втором очерке, написанном на материале архива Загвоздья, — «Расписной

сундук. Письмо елисаветинское», — который впервые появился в газете «Наш век» 28 июля 1918 г. Очерк начинается словами: «В новолодожском Загвоздьё в прихожей комнате Философовского дома долгие годы стоял расписной сундук. Про сундук знали одно, что хранится в нем деловое добро, покойного еще Никиты Егоровича Философова, двоюродного прапрадеда нашего Дмитрия Владимировича Философова, — какая-то ве-тошь, которая никому не нужна. Сам Никита Егорович помер в 1779 году, сын его Илларион Никитич в конце 30-х, а внук — Алексей Илларионович в 1874-м. Подумайте, сколько за это время безвозвратно кануло, а сундук цел целехонек: как поставили, так и стоял».

Конечно, вещи Никиты Егоровича давно истлели, но сохранился ре-е-стр, который Ремизов подробно приводит в своем рассказе: «Записка, что в сундуке имеетца Никиты Егоровича...».¹⁷

Существовал и третий очерк, оставшийся неопубликованным, который был посвящен Философовым, населявшим имение Богдановское. Содержание этого текста можно реконструировать на основании письма Дмитрия Владимировича Философова от 11 (24) апреля 1918 г., в котором он сделал ряд пояснений, необходимых Ремизову для работы.

В послереволюционные годы Философов и Ремизов общались не часто, однако один памятный эпизод того времени, связанный с именем критика, писателя впоследствии выделит особо. В тяжелый и голодный 1919 год при «Доме Литераторов», в Совет которого входил и Философов, была организована столовая, где, по словам Ремизова, «все-таки можно было чего-то съесть, конечно, со „своим хлебом“». Однажды туда пришел В. П. Буренин — известный в прошлом критик газеты «Новое время» и п-сквилянт. До революции, пожалуй, не было литератора, принадлежавшего к модернистскому лагерю, который не имел бы счета к Буренину, однако общая тяжелая ситуация примиряла и давних литературных противников.

«Вышел Философов, — писал Ремизов, — и был очень взволнован <...>. Философов не дал Буренину слова сказать — я представляю, какие в таких случаях бывают слова (ведь все под мыслью: «прогонят!»). Нет, Философов его взял под руку и усадил к столу. И все мы, кто был тогда в столовой, все мы вытянулись. И душу как вымыло. И свет сгустился. <...> Буренин что-то говорил Философову, но той робости уже не было. <...> Вы представляете себе: Философов и Буренин: что может быть обиднее статей Буренина о Философове и Философов не уступал — дважды с угрозой врывался к нему. Не помню подробностей, но кажется, до мордобоя дело не дошло. И то слава богу.

И вот встреча.

О „мордобое“ я забыл, а про это „нельзя забыть“».¹⁸

До своего отъезда из России Д. В. Философов успел оказать Ремизову одну важную услугу. В 1919 г., благодаря Философову, сотруднику Публичной библиотеки, часть архива Ремизова оказалась в ее Рукописном отделе. Спустя почти полтора десятка лет этот факт неожиданно обнародовала «Вечерняя красная газета»:

«В рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина впервые разобран ряд литературных архивов. Большой интерес представляет обширный архив А. М. Ремизова, оставленный в библиотеке в

1919 году белоэмигрантом Философовым. Эта часть архива охватывает 1902—1912 годы (другая часть архива — 1912—1921 годы находится в Пушкинском доме). В документах Ремизова найдены интересные письма М. Горького, А. Блока, много писем Брюсова, Бальмонта, Мережковского, Гиппиус, Леонида Андреева и других представителей русской литературы начала века.

Среди архива Ремизова обнаружен и ряд материалов и документов *Зинаиды Гиппиус*, очевидно, спрятанный здесь тем же Философовым. В частности, найдены *черновики* письма о заговоре Корнилова, дающие данные об участии З. Гиппиус в Корниловском мятеже. Найдены и *дневники* З. Гиппиус.

В архиве З. Гиппиус, в свою очередь, обнаружены литературные материалы *Ропшина-Савинкова* <...>. В настоящее время, — сообщил нашему сотруднику тов. Г. Горбачев, работающий над вновь найденными материалами, — Публичная библиотека принимает меры к опубликованию наиболее интересных документов. Они будут опубликованы как в литературных журналах, так и отдельными сборниками. В будущем предполагается издание специальных научных бюллетеней библиотеки.

Надо указать, что на полках хранилищ рукописного отделения Публичной библиотеки находится еще много не разобранных архивов».¹⁹

По тем эпизодам, которые «нельзя забыть», ясно, что Философов навсегда остался для Ремизова примером высоконравственного, честного и искреннего человека. Казалось бы, и та особая роль, какую довелось сыграть Философову в личной и литературной судьбе Ремизова, и неизменный, исключительно дружеский характер их взаимоотношений должны были чуть ли не «автоматически» утвердить имя критика в списке старейших князей Обезьяньей Палаты. Однако этого не случилось, и о причинах подобного несовпадения сейчас можно строить только предположения.

«Что же такое был Философов? — после кончины критика задавался вопросом Ремизов. — У него было чувство долга, а это не валяется. Помню, в те еще времена, когда бунтовала Государственная дума он как-то „почтительно“ поехал в Павловск — предполагалась демонстрация на вокзале во время музыки. И еще у него была верность: это к Мережковским: жить с Мережковскими, а он уехал от матери с Баскова пер., и поселился в доме Мурузи, это уже подвиг. И терпел до Варшавы, т. е. до 1920 г. и тут что-то произошло, Мережковские со Злобиным уехал<и> в Париж, а он остался в Варшаве. Он был библиотекарем в Публичной библиотеке, любил книгу. Да, он был без лукавства и всякой „политики“, он был простой, а судьба его столкнула с такими, как Мережковские, потом Савинков. Какое разочарование и сколько огорчений!»²⁰

Знаменитая Обезьянья Великая и Вольная Палата вовлекла в свои ряды едва ли не весь петербургский, московский, а впоследствии берлинский и парижский литературный мир.²¹ Может показаться, что любые доброжелательные контакты с Ремизовым уже сами по себе обеспечивали тому или иному человеку почетный статус кавалера Обезвельволпала. Однако существовал особый разряд людей, связанных с писателем добрыми личными и творческими отношениями, которые, тем не менее, оказались вне «обезьяньего» сообщества. К таким «избранным» принадлежал и Д. В. Филосо-

фов. Обезвельволпал, как известно, был созданием творческой фантазии его автора, и вся игра основывалась на субъективных оценках людей и явлений. Обезьянье общество объединяло свободных в своем мировоззрении и творчестве людей. В основу замысла Ремизов изначально положил идею иронической контроверзы объективно существующим социальным связям.²² При этом амплитуда ремизовской иронии раскачивалась от простой маскарадной шутки и мистификации до политической сатиры. Нужно отметить и тот факт, что сатирический пафос Обезвельволпала никогда не соприкасался с вопросами веры и церкви.

Рожденная же знаменитым триумvirатом (Мережковский—Гиппиус—Философов) идея «новой церкви»,²³ не могла не восприниматься писателем как очевидное подавление личности. Мережковские, и прежде всего З. Н. Гиппиус, несмотря на внешне благополучный характер взаимоотношений, были для Ремизова людьми опасными, способными вторгнуться в его внутренний мир со своими законами. В конце жизни, в 1957 г., писатель определится в негативных оценках: «З. Н. Гиппиус, „новая церковь“, антропософы Штейнера хотели отделить меня от Серафимы Павловны. Духовно мелкие и нам чужое».²⁴ Хотя в начале 1920 гг. Философов фактически разорвал отношения с Мережковскими, тем не менее он буквально сразу же оказался под сильным влиянием Б. Савинкова, которого Ремизов также считал «роковым» для себя человеком. Объяснялось это прежде всего тем, что еще в Вологде Савинков стремился подтолкнуть С. П. Довгелло (на тот момент невесту Ремизова) к террористической борьбе с самодержавием.²⁵ «В его глазах люди разделялись на три разряда, — вспоминал Ремизов, — на тиранов, которых он призван истребить; на помощников и слуг, исполнителей его воли...».²⁶

Важно отметить, что в эмиграции Ремизов и Философов занимали диаметрально противоположные позиции в оценках будущности России. Первые несколько лет рефреном ремизовских произведений и выступлений в печати было возвращение на родину. Он полагал, что долг писателя-эмигранта не с пустыми руками вернуться домой.²⁷ Философов не питал каких-либо иллюзий по отношению к советской власти. Не осуждая, но и не одобряя позицию Ремизова, он писал: «К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе и А. А. <Ахматову>, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов».²⁸ Идеал свободы в ее абсолютном выражении был одним из основных концептов придуманного Ремизовым обезьяньего сообщества. Вопреки актуальным политическим идеологиям, Обезвельволпал проповедовал «свободно выраженную анархию», однако существующую по своим «строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно».²⁹ Утвержденные в Обезьяньей Палате законы человеческого общения отрицали любую манипуляцию человека человеком — в дружбе, любви или в творчестве. Одним из страшных впечатлений собственной биографии писатель считал «все тягчайшие годы 1917—1921 — жгучая память и ответ как человек над человеком мудровать может».³⁰ По всей вероятности, образ внутренне свободной личности в восприятии Ремизова менее всего

соответствовал имени Философова, который навсегда так и остался в сознании писателя жертвой чужих насильственных «мудрований».

Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова, отложившаяся в архивах Российской национальной библиотеки (РНБ), Пушкинского Дома (ИРЛИ), Российской государственной библиотеки (РГБ) и коллекции Центра русской культуры (Амхерст-колледж, США), образует в общей сложности корпус из 43 писем. Эпистолярное общение отражено здесь далеко не в полном объеме, местонахождение недостающих писем в настоящее время неизвестно. Письма Философова к Ремизову: № 1—4 (ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 25, 26, 59, 63); № 5—10, 12—20, 22 (ОР РНБ, ф. 634, № 226, последовательность писем восстановлена в соответствии с хронологией); № 23 и 25 (ОР РНБ, ф. 124, № 4525 и № 4524); № 26—33, 35, 36 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 220); № 37 (РО ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1661); № 43 (Амхерст, Архив А. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло, кор. 6, папка 36). Письма Ремизова к Философову: № 11 (Амхерст, Архив А. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло, кор. 6, папка 36); № 21 (ОР РГБ, карт. 20, № 47); № 24, 34, 38 (ОР РНБ, ф. 481, № 196); № 39—42 (ОР РНБ, ф. 481, № 197).

Публикуемые ниже письма воспроизводятся по автографам с сохранением особенностей авторской пунктуации, орфография приведена в соответствии с современными нормами.

¹ Очерк был включен во второй (неопубликованный) том книги «Россия в письменах». По наблюдениям А. д'Амелия, к работе над материалами архива Философовых Ремизов возвращался в 1930-е гг., а судя по заметкам на полях и между строчками, — и в более поздние годы. Личные воспоминания Ремизова, написанные на двенадцати листах крупного формата, переплетаются здесь с подлинными письмами Философовых. См.: *д'Амелия А.* Книга без конца: «Россия в письменах» // Алексей Ремизов: исследования и материалы. Pictroburgo; Salcrno, 2003. С. 134—136. (Europa orientalis. 4).

² Цит. по: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. IX. С. 497.

³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001. С. 459.

⁴ На вечерней заре // Europa Orientalis. 1990. IX. С. 249.

⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. Петербургский бусрак. М., 2003. С. 207.

⁶ Там же. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 55.

⁷ Там же. Т. 10. С. 206.

⁸ Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусства: Сборник статей и ответов. М., 1910. С. 109.

⁹ Анонимную рецензию под названием «Макароны в плескательнице или рекорд бессмыслицы», в которой саркастически высмеивалось содержание ремизовского цикла снов «Под кровом ночи» (Золотое руно. 1908. № 5), см.: Биржевые ведомости. 1908. 29 июля. № 10629. С. 3. Анонимный отзыв на сборник Ремизова «Рассказы» (СПб., 1910), в котором резкой критике был подвержен цикл снов «Бедовая доля», см.: Биржевые ведомости. 1910. 14 апр. № 11663. С. 4.

¹⁰ Философов. Д. В. Старое и новое. М., 1912. С. 25—28. Статья «Сны (Ремизов)» была написана в 1910 г.

¹¹ Фрагменты воспоминаний В. Ф. Нувеля см. в статье Е. В. Виноградовой «Семья Философовых на страницах воспоминаний о С. П. Дягелеве В. Ф. Нувеля» (Философовские чтения: Сборник материалов первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 148—149).

¹² Звено. 1926. 26 окт. № 143. Этот сон является творческой переработкой сна, привидевшегося в ночь на пятницу с 22 на 23 октября 1909 г. женс писателя С. П. Ремизовой-Довгелло: «Пришла я к Мережковским. В передней стоят З. Н. Гиппиус, Философов, Татьяна Николаевна Гиппиус в шубах. З. Н. и Т. Н. пошли в одну сторону, а мы с Философовым в другую. Идем, а по дороге лежат все дохлые лягушки, вообще какая-то дрянь. Потом видим лежит мертвый че-

ловек: из него все внутренности вынуты и пустой он. А Философов взял этого пустого мертвца и надул воздухом, как надувают вербных свинок. И стал мертвый человек толстым — вот-вот лопнет. А мы пошли на бестужевские Курсы — Курсы стоят на берегу реки. А возле Курсов пароходы, а крутом снег лежит, все в снегу» (*Рутан А. Petersburg dreams // Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin. Columbus, 1987. P. 88 (UCLA Slavic Studies. 16)*).

¹³ *Философов Д. Возрождающийся Афанасьев // Речь. 1914. 27 янв. № 26. С. 2*

¹⁴ Ср. рецензию Философова на печатную продукцию артели художников «Сегодня», где, в частности, была издана сказка Ремизова «Снежок»: «Когда я вижу эти пестренькие обложки, раскрашенные с любовью от руки, во мне просыпается не только жадность библиофила, который отлично понимает, что через короткое время эти книжечки превратятся в „редкость“, но и чувство радости: нежное, еще нежнее на улицах, где пахнет бойней...» (*Д. Ф. «Сегодня» // Наш век. 1918. 31 марта. № 62. С. 6*).

¹⁵ Цит. по: *Ремизов А. Россия в письменах. М.; Берлин, 1922. Т. 1. С. 133.*

¹⁶ *Ремизов А. Бая. Начальное // Там же. С. 14.*

¹⁷ В картотке Б. Л. Модзалевского (РО ИРЛИ) имеется карточка, составленная на «ветвь» рода Философовых: «Егор — Никита, помещик Загвоздья, Новоладожского уезда † 1779 — Илларион † 183... — Алексей † 1874», в которой в качестве источника информации указан рассказ Ремизова с ошибочными выходными данными источника публикации: «Совр<сменное> Слово. 26. VII. 1918, фельетон Ремизова».

¹⁸ *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 223—224.* Подразумевается эпизод, относящийся к весне 1899 г., когда после очередного «оглушительного лая» Буренина в адрес декадентов из «Мира искусства» «Дягилев и Философов посетили квартиру Буренина — отнюдь не для пасхальных поздравлений... Кратко объяснив вышедшему хозяину цель визита, Дягилев бывшим у него в руке цилиндром нанес ему по физиономии вразумляющий удар, а затем оба посетителя спокойно удалились под крики и ругань бесновавшегося на площадке лестницы Буренина» (*Лерцов П. П. Литературные воспоминания 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 224*).

¹⁹ Новые документы из литературных архивов // *Вечерняя красная газета. 1933. 5 февр. № 30. С. 3.*

²⁰ *Рутан А. Petersburg dreams P. 88.* Запись, очевидно, относящаяся к началу 1940-х гг., прилагалась к пересказу сна С. П. Ремизовой-Довгелло о Философове (см. примеч. 12).

²¹ Подробнее см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.*

²² Примером противоположного, серьезного, отношения к социуму может служить проект «Литературной Академии русского зарубежья», выдвинутый Д. Ф. Философовым в 1934 г. Всех эмигрантских писателей Философов предлагал разделить на три возрастные группы: «старших писателей» (куда должен был войти и Ремизов), «кандидатов» и «молодую поросль». Подробнее см.: *Эмигрантская литературная академия // Числа. 1934. Кн. 10. С. 247—248.*

²³ Подробнее об идее «новой церкви» см.: *История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного»: из «Дневников» Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. М., 2004. С. 391—455.*

²⁴ Цит. по: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 319.*

²⁵ См.: *На вечерней заре // Europa Orientalis. 1985. IV. С. 155—156.*

²⁶ *Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсьн. М., 2000. С. 501.* См. также: *На вечерней заре // Europa Orientalis. 1985. IV. С. 155—156.*

²⁷ Ср. письмо писателя к В. Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922: «Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся — света не видел. Или погибать, или временно уехать — —. Понемногу оправляюсь, а как укрепилось, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться...» (*ГАРФ, ф. 577, оп. 1, № 48, л. 14*).

²⁸ *Ф<илософов> Д. Обезьяний язык // За свободу. 1922. 1 окт. (Цит. по: Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 648).*

²⁹ «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе» (1919—1920) см.: *Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. М., 2000. С. 223—224.*

³⁰ Инскрипт на книге «Крашенные рыла. Театр и книга» (см.: *Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23*).

1. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Фонтанка, 11

Ред<акция> журн<ала> «Мир Искусства»¹

Милостивый Государь Алексей Михайлович.

Относительно Вашей рукописи о «Демоне» Врубеля,² пока определенно высказаться не могу. Не можете ли Вы оставить у нас рукопись еще на некоторое время?

Д. Философов.

28. III. 03.

¹ Сверху письма синим карандашом рукой Ремизова: «28 III 1903».

² Речь идет о стихотворении в прозе «Демон (к картине Врубеля)», написанном под впечатлением картины «Демон сидящий» (1890). Впервые Ремизов увидел ее в Москве на выставке «Мира искусства» 17 нояб. 1902 г., о чем написал П. Е. Щеголеву на следующий день: «...возвратился весь переполненный образом врубелевского Демона <...>. Оригинально задумана картина, нос-то у демона курносый и цветы „первозданные“ в головах и у ног, а там, перед ним, не то утро в тумане, не то закат тлеющий» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Публ. А. М. Грачсвой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 158—159). Стихотворение, рукопись которого Ремизов отослал из Вологды Щеголеву 19 янв. 1903 г. с просьбой предложить его в журналы Москвы и Петербурга, при жизни писателя так и осталось неопубликованным. Беловой автограф, хранящийся в архиве Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 69, л. 1—3), был опубликован А. В. Лавровым во вступительной статье к «Переписке А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым» (Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 142—143).

2. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

24 мая 1903 г.¹

Милостивый Государь Алексей Михайлович.

Вернувшись из заграницы, нашел Ваши два письма. Сейчас сделал распоряжение, чтобы Вам высылали номера журнала по *московскому* адресу, а пока поздравляю Вас с отъездом из Вологды.²

Преданный Вам

Д. Философов.

Высылаю Вам при сем под <так!> бандеролью две небольшие заметки о «Новом пути».³

¹ Письмо написано на бланке журнала «Мир искусства».

² Трехлетний срок ссылки, который начинающий писатель отбывал в Вологде за причастность к революционной деятельности (См.: *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб. С. 419—447), завершился 31 мая 1903 г. Перед тем как обосноваться в Херсоне, Ремизов собирался навестить родных в Москве и, в частности, своего дядю Н. А. Найденова — председателя Московского Биржевого

Комитета. Ср. письмо к П. Е. Щеголеву от 30 мая 1903 г.: «Завтра утром уезжаю, на день задержали „бумаги“. На Москву еду, потом, бог знает куда. Будете вспоминать, пишите на Биржу для А. М. Р.» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 1. С. 176).

³ Речь идет о заметках под названием «Новый Путь», напечатанных в разделе «Хроника» журнала «Мир искусства» (1903. № 2. С. 18—19; № 3. С. 25—26).

3. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

22. I. 1904.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Стихи Ваши получил и очень за них благодарен.¹ Передал их на прочтение в «Новый Путь». Пойдут ли они туда или к нам;² и где именно пойдет <так!> — сообщу впоследствии.³

Журнал с удовольствием буду высылать, но прошу сообщить Ваш *московский адрес*.

Я его затерял.

Преданный Вам

Д. Философов.

Простите за долгое молчание. Много уж очень дела.

¹ Речь идет о поэме «В плену», беловой недатированный автограф которой сохранился: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 68. Рукопись состоит из трех частей и полностью написана метризованной прозой. Текст предваряется эпиграфом «It is not, nor it cannot come to good; — / But break my heart, for I must hold my tongue! / Hamlet» («Нет в этом доброго и впредь не будет... / Но, сердце, разорвись: уста должны молчать!» — «Гамлет». Акт I, сцена 2. Пер. К. Р.) и завершается адресом, написанным красным карандашом и замазанным черным карандашом «Вологда. Желунцовская, 26 / Алексею Михайловичу Ремизову». Каждая часть поэмы содержит стихотворение-«зачин», первая часть включает 12 стихов, вторая — 8, третья — 18.

² Подразумевается «Мир искусства» (1899—1904), литературным отделом которого заведовал Д. В. Философов.

³ В 1902—1903 гг. Ремизов предлагал свой «тюремный свиток» в различные журналы, однако отзывы редакций были негативными, и «поэма» так и не увидела свет. Историю ее переработки в автобиографическую «повесть» и публикации последней см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 608—609.

4. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

7. V. 1904.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Я так виноват перед Вами, что даже совестно извиняться. Но петербургская, журнально-чиновная жизнь, когда приходится быть и редактором, и секретарем, и корреспондентом, и чиновником, и театральным рецензентом, приводит в такое состояние «тупизма», как говорит один мой приятель, что трудно становится даже с чисто физической стороны написать толковое и разборчивое письмо.

1) «В плену» Вам возвращаю, ибо номер стихов по разным причинам вряд ли появится в свет.

2) Благодарю за присылку «Снега».¹

Прочел первую часть Вашего романа,² и очень им заинтересовался. Слышал, что Перцов Вам его вернул. Я бы его напечатал, и если мне пришлось бы стать официальным редактором «Нов<ого> Пути», я бы так или иначе его провел.³ В романе Вашем много пренебрежения пластикой, много нарочитого декадентства, которое, конечно, редакции пришлось <бы> при напечатании вытравлять. Но именно это несовершенство формы меня прельщает, потому <что> оно свидетельствует о *процессе*, а не об академическом *завершении*. Это завершение пугает меня, напр<имер>, в молодом беллетристе Зайцеве, из «Правды». А его рассказ<ы> так совершенны в литературн<ом>, внешнем отношении, что можно подумать, что их писал старик.⁴

Первая часть Вашего романа — кошмар жизни, из которого другого выхода, как религиозного, быть не может. Иначе безумие. Первая часть глубоко анарх<и>стична.

Анархизм теоретический — преддверие религии. Здесь род декадентства. Социалисты этого не понимают. Они *никогда* не избежат упрека человека из подполья, который покажет им кукиш.⁵ Надо преодолеть, оформить хаос *самодовлеющих* индивидуалистов, а не *стадо* реформируемого человечества, т<о> е<сть> какого-то *choir á capon*⁶ прогресса. Как Вы решаете этот вопрос в Вашем романе — меня страшно интересует, и я убедительно прошу Вас, буде<т> возможно, прислать мне вторую часть, просто как знакомому. Теперь на всякий случай хотел бы знать вопрос о гонораре. «Нов<ый> Путь» так беден, что мы вынуждены были отклонить роман Сологуба, только потому, что он требовал громадный гонорар.⁷ Роман может напечататься безвозмездно. Просил бы на всякий случай частным образом, тот *минимум* гонорара, за который Вы нашли бы возможным уступить роман.

Преданный Вам

Д. Философов.

Р. S. Пользуюсь случаем послать Вам несколько моих рецензий.⁸

¹ Подразумевается драма С. Пшибышевского «Снег», изданная в персводе С. Ремизовой и А. Ремизова московской театральной библиотекой В. А. Соколовой в 1903 г.

² Речь идет о романе «Пруд», первая редакция которого создавалась Ремизовым в годы волюгодской ссылки (1901—1903). Подробнес см. комм. к изд.: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. Пруд. С. 525—534.*

³ Редакцию религиозно-философского журнала «Новый Путь» с января 1903 по февраль 1904 г. возглавлял критик, публицист Петр Петрович Перцов (1868—1947). До июня он формально разделял должность соредактора с Д. В. Философовым, однако с седьмого номера Философов стал единственным редактором. Вместе с тем решающее слово в утверждении рукописи романа «Пруд» к печати принадлежало З. Н. Гиппиус. Ср. письмо Ремизова к жене от 6 июня 1904 г.: «В „Новом Пути” и так и сяк. Не хочет З. Н. Гиппиус, говорит, что это декадентство <...>. Философов видит единственный исход: мой личный разговор с ней» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. IV. С. 251). Секретарь «Нового пути» Г. Чулков в письме к Ремизову от 27 сентября 1904 г. так объяснял молодому писателю судьбу его рукописей: «Я думаю, что со

вступлением Бердяева к нам в редакцию Ваши дела будут лучше обстоять: одному мне трудно бороться с равнодушием к искусству Зинаиды Николаевны Гиппиус, тем более, что — вы знаете — приходится все силы и внимание на политику, дабы чего-нибудь не прошло несурзано. На днях добуду Ваши переводы и роман, которые находятся в Гатчине у Мережковских» (ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 71). Роман «Пруд» появился в печати в сменившем «Новый путь» журнале «Вопросы жизни» (1905. № 4/5—11).

⁴ В ежесемейном социал-демократическом журнале «Правда» были опубликованы рассказы Б. К. Зайцева «Мгла» (1904. № 2. С. 74—78) и «Сон» (1904. № 4. С. 18—22). Произведения писателя опубликовал и «Новый путь» (1904. № 7, 11, 12), возможно, благодаря дружеской поддержке секретаря издания Г. И. Чулкова.

⁵ Подразумеваются слова главного героя повести Достоевского «Записки из подполья»: «Ведь если мне, например, когда-нибудь расчислят и докажут, что если я показал такому-то кукиш, так именно потому, что не мог не показать и что непременно таким-то пальцем должен был его показать, так что же тогда во мне *свободного-то* останется...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 114).

⁶ Здесь: пушечное мясо (франц.).

⁷ Речь идет о романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», отказ от публикации которого, как впоследствии объяснял П. П. Перцов в письме к Д. Е. Максиму в январе 1929 г., объяснялся не только экономическими причинами: «„Мелкий бес“ был забракован собственно мною, п<отому> ч<то> я считал рискованным для журнала помещение такой „эротической“ вещи, когда нас и без того подозревали во всех содомских грехах. Ведь тогда в литературе еще господствовала традиционная pruderie*, и только после 1905 г. последовало разрешение на все. А наше положение *религиозного* журнала было особенно щекотливым» (Цит. по: Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 740). Впервые роман был напечатан в «Вопросах жизни» (1905. № 6—11) с существенными купюрами.

⁸ Возможно, подразумеваются литературные отклики, которые выходили в «Новом пути». См.: *Философов Д.* Новый журнал «Весы», издание «Скорпиона» // Новый путь. 1904. № 1. С. 244—248; *Философов Д.* [Рец.] Сологуб Ф. Собрание стихов. — (М., 1904. Кн. 3, 4) // Новый путь. 1904. № 2. С. 210—215.

5. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

27. III <1>905

Дорогой Алексей Михайлович.

Не пожалуете ли Вы *сегодня*, от 4х до 5 к Мережковским?¹ Небольшой литер<атурный> вечер с благотворит<ельной> целью.² Сегодня по этому делу совещание, и Ваш голос был бы очень ценен.

Душевно Ваш Д. Философов.

Поручение Ваше исполним.

Семейству — привет.

¹ Знакомство Ремизова с Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869—1945) и Дмитрием Сергеевичем Мережковским (1865—1941) состоялось 2 февраля 1905 г. в редакции журнала «Вопросы жизни». Его письмо к жене с описанием впечатлений от первой встречи с Мережковскими см.: *Ремизов А. М.* На вечерней заре // Europa orientalis. 1987. VI. С. 283—284.

² Речь идет о вечере в поддержку Ремизова, который был организован Гиппиус и Философовым в доме тетки Философова Ю. П. Дягилевой и ее мужа П. Д. Паренцова и состоялся в начале апреля 1905 г. Описание вечера см. в книге «Петербургский буерак» (*Ремизов А. М.* Собр.

* показная добродетель (франц.).

соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский бусрак. С. 261—262). Рассказ об этом событии содержит также воспоминания Вл. Пяста. Ср.: «На вечер в начале апреля 1905 года в квартире генерала Паренсова, у Спаса Преображения <...> А. М. Ремизов принимал участие чтением отрывков своего „Пруда“, потрясавших общество и содержанием, и еще больше — удивительно, полной эмоциональной выразительности манерою, в какой отрывки эти были прочтены» (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 39). Р. Д. Тименчик, комментируя данный фрагмент, датирует вечер у Паренсовых 5 апреля (Там же. С. 272). Упоминание об этом событии встречается и в письме Ремизова к Н. В. Зарецкому от 15 октября 1929 г., в котором время действия явно ошибочно смещено на месяц назад: «...я познакомился с С. П. Дягилевым в 1905 г., 5 марта на литературном вечере у Паренсовых: это мое первое публичное выступление. Я читал из ненапечатанного еще „Пруда“, гл. 13 и 14. (Участвовали З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, А. А. Блок, Леонид Семенов (Тяншанский) и Д. С. Мережковский). Слушатели (это все больше великосветские) были возмущены. За меня вступился С. П. Дягилев и Бакст. Я очень помню этот вечер (гл. 13 и 14 — самоубийство матери)» (Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого).

6. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

10 Апр<еля> <1905?>

Дорогой Алексей Михайлович

Посылаю Вам на просмотр необходимые картинки.

Душевно Ваш Д. Философов.

7. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

18 июля 1905
с. Богдановское
ст<анция> Бежаницы
Псковск<ой> губ<ернии>

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо Вам за присылку № 7го «Вопр<осов> ж<изни>». К сожалению, я вижу, что статья гр. Толстого, о которой я Вам говорил, в ней <так!> не появилась.¹ Вместе с тем, Ник<олай> Ал<ександрович>² мне официально сообщил, что она принята, и будет напечатана в июле, если цензор пропустит, Вы же мне сообщили, что цензор ее вернул без единой пометки и вручили мне даже оттиск (в гранках). Обо всем этом я поспешил сообщить автору — и вдруг такой пассаж! Будьте добры, известите, в чем дело. Я очутился в очень глупом положении.

В номере мне понравились очень Ваши стихи (Наташе)³ и статья Ник<олая> Ал<ексеевича> очень интересна.⁴ Чулков празднует слишком дешевую победу.⁵ Остального еще не прочел. Некогда было. Все у нас тут всеобщая, панихиды, обедни, обеды, гости. Словом, суетолака.

Когда будете писать С<ерафиме> П<авловне> скажите, что помним, не забываем, и вообще искренно расположены.⁶ Какие-то у нас с Вами установились бескорыстные хорошие отношения. Я ими очень дорожу.

Душевно Ваш Д. Философов.

¹ Вероятно, речь идет о статье Л. Н. Толстого «Великий грех», которая была опубликована в журнале «Русская мысль» (1905. Июль. С. 217—266).

² Философ Николай Александрович Бердяев (1874—1948) в 1905 г. возглавлял редакцию журнала «Вопросы жизни» вместе с С. Н. Булгаковым и Д. Е. Жуковским.

³ Речь идет о стихотворении Ремизова «Засни моя деточка милая!..» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 50—51), посвященном маленькой дочери писателя Наташе.

⁴ См.: Бердяев Н. А. К. Лсонтъев — философ реакционной романтики // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 165—198.

⁵ Подразумевается статья Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 199—204), в которой индивидуализму символизма, объединившихся вокруг журнала «Весь», противопоставлялась идея «соборного творчества». Подробнее о позиции Чулкова и литературно-общественной полемике вокруг нее см.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весь»: К истории издания // Литературное наследие. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 286; Лавров А. В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 156—165; Пайман А. История русского символизма. М., 1998. С. 259—265; 278.

⁶ В триумвирате З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов особые симпатии к жене Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло испытывала Гиппиус, которая по старшинству взяла опеку над молодой семьей Ремизовых. Подробнее см.: *Lamp! H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slavistischer Almanach*. 1978. Bd. I. S. 155—194. Ср. также письмо Д. С. Мережковского к Ремизову от 19 апреля 1905 г.: «Скажите Серафиму Павловне, что я ее люблю, но чуточку побаиваюсь, потому что я *очень грешен*, и это под ее глубоким и видящим взором как-то обнаруживается. Впрочем, надеюсь, это пройдет, т<о> е<сть> то, что я ее побаиваюсь — и тогда я еще больше, еще смелее ее полюблю. А вот Вас я совсем не боюсь. В вас много для меня родного недоумения» (ОР РНБ, ф. 634, № 37). Свообразной реакцией на это послание можно считать письмо Ремизова к жене от 20—21 апреля 1905 г.: «Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире — „непорочность“, она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо. И я говорю в мир — глазам „человека“ — я хочу быть с вами, а не с этой сворью — слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере. И знаешь, кто мне подсказал? — Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поняла, а „истукан“ за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!» (Ремизов А. М. На вечерней заре // *Europa orientalis*. 1990. IX. С. 446).

8. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

5 ноября 1905
21, Басков пер.

Дорогие мои Алексей Михайлович, Серафима Павловна.

Не думайте, что забыл о том, что обещал так или иначе помочь вам.¹

Нет дня, чтобы я не вспоминал об этом, и если я вас до сих пор не посетил, и вообще *чуть-чуть* избегал вас, то главным образом потому, что ваш один вид глодал мою совесть.

Алексей Михайлович, вы глубже понимаете эту психологию. Почему-то я чувствовал себя виноватым перед вами, хотя, по совести, я ни в чем перед вами не виноват.

Теперь, вот уже несколько дней, у меня есть возможность определить Алексея Михайловича в Контроль.²

Служба безобидная и чистая, занятий — часа четыре-пять в день, занятий нетрудных и для Алексея Мих<айловича> привычных.³ Во всяком случае, верный кусок хлеба и хорошее положение среди служащих. Для этого

необходимо, чтобы Алексей Михайлович на бумаге большого формата написал записку по следующему образцу:

Потомственный Почетный Гражданин, Алексей Михайлович Ремизов, ходатайствует о принятии его на государственную службу по ведомству государственного контроля. Образование получил тогда-то, с таким-то аттестатом.

Петербург. 6 ноября 1905 г.

Жительство имеет там-то.

Я в понедельник эту записку передам куда следует и почти убежден, что дело устроится. К сожалению не знаю, можно ли сразу получить личное жалование.

Так, жду записку в воскресенье.

Душевно вас любивший

Д. Философов.

¹ Речь идет о поиске нового места службы для Ремизова, необходимость в котором возникла в связи с прекращением издания журнала «Вопросы жизни», где начинающий писатель выполнял обязанности заведующего хозяйственной частью.

² Круг своих обязанностей в «Вопросах жизни» Ремизов описал в письме к жене от 5 февраля 1905 г.: «На моих руках касса, приходится очень тщательно проверять, и страшно. Все поставил на место и расписал все книги — бухгалтерия. Вот никогда не думал сделаться заведующим хозяйственной частью. Моя бухгалтерия у Сегалья в Вологде (Часовой магазин) только развлечение, а тут большое дело: типография, бумага, гонорар, экспедиция» (Ремизов А. М. На вечерней заре // *Europa orientalis*. 1987. VI. С. 285).

9. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<10 ноября 1905>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

По-моему от Парамонова пока не стоит отказываться.² Ведь Вы не знаете, что Вам скажут в Контроле?

Может быть, место очистится через месяц или два? Тогда Парамонов Вам пригодится. Идите завтра к Парамонову, берите место. Затем идите в Контроль, и в зависимости от того, что Вам скажут в Контроле, мы с вами решим, что делать дальше.

Дорогую Серафиму Павловну целую искренно.

Ваш Д. Философов.

Четверг.

¹ Датируется по содержанию письма.

² Речь идет о попытке получить работу у крупного промышленника, мецената и издателя Николая Елпифидоровича Парамонова (1876—1952). Ср.: «...к Парамонову, на Сснную. Парамонов вроде здешнего фарфорщика Попова, а прием в конторе с семи утра; собирался мсня

куда-то в Персию послать, я обрадовался и заговорил о персидских газслях и сказках, но ничего не вышло» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 206).

10. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

21 Дек<абря> <19>07

Париж

3 янв<аря> <19>08

Дорогой Алексей Михайлович.

Кланяемся Вам и супруге Вашей Серафиме Павловне. А еще кланяемся дочери Вашей Наталии Алексеевне. И поздравляем Вас и семью Вашу с наступающим праздником Рождества Христова и с Новым тысяча девятьсот восьмым годом. Мы, слава Богу, здоровы, чего и вам желаем.

На днях получили Вашу книгу, «Пруд».¹ Очень Вы меня тронули лестной надписью. Порадовался я за Вас. Давно Вы мечтали об этом. Издана книга *прекрасно*. Отличный шрифт, и недурная обложка.² Самое слово «пруд» только написано по-моему неважно. Цена за такую книгу очень не дорогая, и бумага по этой цене очень приличная. У альманахов «Шиповника»³ бумага настолько плохая, что даже типографск<ая> краска не ложится. Что это за «Сириус»?⁴ Кто там действует?

Да, Алексей Михайлович. Давно мы не видались и много воды утекло. Весной рассчитываем вернуться, и тогда повидаемся. Вы нам покажете Ваши новые игрушки, слона или зайчика, и, наверное, расскажете что-нибудь новенькое.⁵

Вы пишете, что за порнографию скоро бить станут, и первого побьют Кузьмина <так!>, которого вам жалко. Бить вообще не следует, но порнография надоела.⁶ Именно порнография. Сладострастия в ней и помину нет. Я Кузьмина никогда не видел, и рад, что он, — по вашим словам, милый человек, но нравится мне его «благодушие». Уж очень он нормальный человек и слишком старый бытовик. Я его грешным делом «побил» в Декабрьской книжке «Русской Мысли».⁷

Тема его, по мне очень трагическая, а он ее заплывал, сделал повестью о том, как Петя уестествляет Мишу. Подставьте женский род вместо мужского — и выйдет преплоско и прескучно.⁸ А сам по себе он кажется человек талантливый. А что скажете об андреевской «Тьме»? Дрянь дрянью, а каюсь, прочел с интересом. А написано-то как плохо. И явный вместе с тем успех.⁹

Читали мы в газетах о Вашем «Действе».¹⁰ Читали и письмо в редакцию «Товарища».¹¹ Должен Вам признаться, что я вам как-то не доверяю. Уж очень Вы большой насмешник, любите народ дурачить.¹² Вообще «уродов» всяких обожаете. Так к ним и льнете. Не потому ли и Кузьмина возлюбили?

Язык у Вас хороший. Читал я «Посолонь» и «Лимонарь»¹³ и радовался языку. После соплявого размазывания Арцыбашева¹⁴ и Андреева отдохнешь.

А что серьезнее все стали, так слава Богу. Уж очень много легкомыслия развелось. Слишком легко все «примирили» личность, пол, обществен-

ность, слишком много размахивали «тремя руками», как Чулков.¹⁵ О себе не знаю, что и сказать. Не напишешь всего.

Надо при свидании рассказать.

Ждем Бердяева, но его все нет и нет.¹⁶ Что Вячеслав?¹⁷ Что Федор Кузьмич?¹⁸ Вячеслава больше *читать не могу, физически* не могу. Начал было «Сон Мелампа» (Зол<отое> Р<уно> № 10) да плюнул. Черт с ним. Еще подлец такое примечание сделал, что черт ногу сломит.¹⁹ А «Навьи чары» нравятся.²⁰ Написано уж больно хорошо. Легкость какая-то приятная.

А только я бы таких романтических замков не строил. Поселил бы Тригорова в просторном доме. Было бы страшнее. А то выходит тургеневская сладость, точно «Песнь торжествующей любви». Боюсь, что дураком Вам покажусь, а только не понял я, откуда «тихие мальчишки»? Что, он их замутил; или просто себе «покойнички»?

Должно быть, я вообще никогда ничего в «искусстве» не понимал, а только надоели до смерти мне революционеры в публичных домах, «стилизированные» рассказы из всех времен, фальшивая откровенность и самообожание. Ну, «поиграли с говном да и за щеку».

Гениален Блок, Городецкий, Кузьмин, только уж слишком как-то скоро их гениальность раскусываешь. Не соблазняют как-то.

Ну, прощайте, дорогой Алексей Михайлович. Пишите, не забывайте, очень дорожу Вашими письмами.

Д. Философов.

Р. S. Портрет Ваш в «Зол<отом> Р<уне>» хорош.²¹ Показывали мы его тут одним Вашим знакомым добрым.²²

¹ Отдельным изданием и в новой редакции роман «Пруд» вышел в ноябре 1907 г. (на титульном листе книги: 1908 г.).

² Обложку к книжному изданию романа выполнил М. В. Добужинский — один из активных членов объединения «Мир искусства».

³ Альманахи издательства «Шиповник» издавались С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебинным в 1907—1917 гг. См.: *Келдыш В. А.* Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 257—294.

⁴ Подразумевается типография, выпустившая книжное издание «Пруда».

⁵ Коллекция игрушек являлась неизменной составляющей интересера рабочего кабинета писателя. В беседах со знакомыми и друзьями писатель охотно раскрывал истории происхождения каждого персонажа своей коллекции. Подробнее см.: *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2; А. <Измайлов А.> В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10—11; *Волошин М.* Алексей Ремизов. «Посолонь». Изд. «Золотого Руна». 1907 г. // Русь. 1907. 5 апр. № 95. С. 3; а также: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185—215.

⁶ Свое негативное отношение к теме пола, чрезвычайно актуальной для литературы 1900-х гг., Философов высказал, в частности, в статье «Разложение материализма», где, охарактеризовав М. Кузьмина как приверженца «мистического анархизма», он отнес его повесть «Крылья» к разряду «половой, социальной и религиозной порнографии» (Товарищ. 1907. 15 мая. № 266. С. 3).

⁷ Подразумевается статья «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Декабрь. С. 104—128), в которой Философов, отмечая небывалую устремленность современной литературы в сферу «эротического», выделил среди увлеченных этой темой авторов «оптимистов» и «пессимистов». К представителям «полового оптимизма» он причислил и Кузьмина, мотивировав свое определение тем, что в повести «Крылья» (Весы. 1906. Ноябрь. № 11. С. 1—81) писатель свел

«трагедию пола, которая, казалось бы, именно в аномалии достигает особой остроты», «к невероятной банальности и плоскости»: «Герои Кузьмина полны неизбежного благополучия. Им в сущности ничего не нужно. <...> Казалось бы, после Достоевского, Льва Толстого, Розанова, этих истинно культурных деятелей, говорить о поле столь легкомысленно просто невозможно. Но Кузьмин ни над чем не задумывается. Даже свою тему, *которая, может быть, трагична по преимуществу*, он превратил в повесть о том, как легко и безмятежно блудодействуют аномальные люди» (Русская мысль. 1907. Декабрь. С. 120). Примечательно, что ремизовский «Пруд» Философов интерпретировал как пример «полового пессимизма» (Там же. С. 121).

⁸ Ср. пассаж из статьи «Весенний ветер», прямо перекликающийся с письмом к Ремизову: «Забудьте о пикантности сюжета, взгляните на тему Кузьмина вне цензурных и бытовых предрассудков. Что нового внес в нее Кузьмин? Подставьте в текст Кузьмина женский род вместо мужского, и его литература превратится в типичную порнографию западного образца» (Там же. С. 119).

⁹ Философов, неизменно подвергавший творчество Л. Андреева безжалостной критике, откликнулся на повесть «Тьма», опубликованную в третьем альманахе издательства «Шиповник» за 1907 г., в статье «Без стиля»: «Облик же Андреева, как писателя, если так можно выразиться, в высшей степени неграмотный. Отсюда и банальный плоский язык. Такие антитезы, как революция — и публичный дом, террорист — и публичная женщина, уже сами по себе отвратительного, банального стиля, и самый лучший язык не спас бы повести от первичного уродства ее наивно-хулиганского романтизма» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 42).

¹⁰ Имеется в виду постановка пьесы Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью», основанной на апокрифических сказаниях, в театре В. Ф. Комиссаржевской (режиссура Ф. Ф. Комиссаржевского, при участии А. П. Знона; декорации М. В. Добужинского; музыка М. А. Кузьмина). Премьера спектакля состоялась 4 декабря 1907 г. и прошла «под неустойчив свист публики» (Ремизов А. Бесовское действо. Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб., 1919. С. 42). После премьеры последовал целый шквал печатных откликов, среди которых преобладали ругательные: см. рецензии Номо Novus'a <А. Р. Кутеля> (Русь. 1907. 6 дек. № 327. С. 5); А. А. Измайлова (Русское слово. 1907. 7 дек. № 281. С. 4); статью «Театральная хлыстовщина» Юр. Беляева (Новое время. 1907. 6 дек. № 11400. С. 5—6); стихотворную пародию А. А. Измайлова «Поток богатырь на „Бесовском действе”» (Биржевые ведомости. 1907. 9 дек. № 10244. С. 3); пародию, подписанную псевдонимом И. Г-ч, «Прение Живота со Смертью (Бесовское действо над здравым смыслом)» (Биржевые ведомости. 1907. 12 дек. № 11249. С. 4). О постановке пьесы см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 251—253; Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 229—232.

¹¹ Началом полемики на страницах газеты «Товарищ» послужила рецензия Г. Чулкова, который обвинил цензуру в разрушительной правке текста «Бесовского действия», из-за чего пьеса утратила свой изначальный смысл и постановщики были вынуждены вместе с афишами раздать ее «краткое изложение»: «Нужно хорошо знать творчество Ремизова, чтобы за этим сокращением диалога разгадать замысел автора и увидеть его саркастическую улыбку» (Ч. Театр В. Ф. Комиссаржевской. «Бесовское действо над неким мужем, а также Прение Живота со Смертию» // Товарищ. 1907. 6 дек. № 442. С. 5). На это выступление последовало «Опровержение» анонимного представителя цензуры, в котором категорически отрицалось влияние цензуры на содержание самой пьесы и дотошно подсчитывалось количество подвергшихся сокращению строк (Товарищ. 1907. 11 дек. № 446. С. 5). Однако Чулков не остановился на этом и выступил с новым заявлением («По поводу пьесы г. Ремизова», утверждая, что объяснения цензоров не снимают с них ответственности за искажение пьесы (Товарищ. 1907. 12 дек. № 447. С. 5). В этом же номере газеты появилось и ремизовское «Письмо в редакцию»: «М. Г. Редактор! В виду опровержения главного управления по делам печати по поводу заметки рецензента вашей уважаемой газеты считаю долгом дать следующее разъяснение. Действительно, количество строк, исключенных цензурою из представленного мною экземпляра, в общей сложности 4—5. Действительно, если глазом окинуть, пожалуй, и не заметишь; вот тоже, если у человека отрезать какой предмет: всего какой-нибудь язык или еще что, так, пожалуй, тоже не заметишь. От уничтожения, напр<имер>, „рясы” в „Бесовском действе”, где все действо вертится у монастырских стен, где главное рясы и т. д. Экземпляр для театра, который подавался в цензуру, в виду общих цензурных требований, выжимался в две руки жгутом и уж

в подсохшем виде сдан был. И рецензент прав, утверждая, что „Бесовское действо” шло в искажении независимо от автора сго. Прошу газеты перепечатать это мое разъяснение» (Там же). Впоследствии Чулков изменил собственную оценку этой истории: «Защищая драматические опыты символистов на столбцах газеты, я иногда делал промахи. Так, например, стараясь оправдать неудачную пьесу Ремизова „Бесовское действо”, я ссылаясь на цензурное искажение текста, поверив автору, который жаловался мне на цензурный комитет» (*Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С. 224—225.*)

¹² Ср.: «А. М. Ремизов вечно кого-нибудь мистифицировал, вечно выдумывал невероятные истории, интриговал ради интриги, шутил и ловко умел извлекать из людей и обстоятельств все, что ему нужно, прикидываясь иногда казанского сиротой» (*Чулков Г. Годы странствий. С. 170—171.*) Подробное об истоках создаваемого Ремизовым собственного образа мистификатора шутника и чудака см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и сго подданные. Обезьяня Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 136—147.*

¹³ Речь идет о сборниках Ремизова, написанных на основе переработок народных песен, обрядовых текстов и апокрифических сказаний: «Посолонь» (М.: Изд. журнала «Золотое Руно», 1907) и «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (СПб.: «Орь», 1907).

¹⁴ Подражается роман Михаила Пстровича Арчыбашева (1878—1927) «Санин» (Современный мир. 1907. № 1—5), который принес сго автору скандальную известность.

¹⁵ В начале 1906 г. критик *Георгий Иванович Чулков* (1879—1939) выпустил первую книгу альманаха «Факель», а летом того же года книгу своих эстетико-философских эссе («О мистическом анархизме», которая сопровождалась вступительной статьей Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистической анархизм». Эти издания, призванные, по мысли Чулкова, отразить реализацию новой идейной программы «мистического анархизма» в художественных произведениях и теоретических статьях, вызвали резкую критику со стороны писателей символистского лагеря, группировавшихся вокруг журнала «Весь», «Перевал» и «Золотое руно». Подробнее см.: *Лавров А. В. Максимов Д. Е. «Весь» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. С. 111—129.* См. отклики Философова на эту тему: «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм» (Золотое руно. 1906. № 10. С. 58—65) и «Дела домашние» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 3).

¹⁶ Н. А. Бердяев приехал в Париж в самом начале 1908 г.

¹⁷ Очевидно, Философова интересовала реакция *Вячеслава Ивановича Иванова* (1855—1949) на критические замечания по поводу «соборного индивидуализма», высказанные им в статье «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Декабрь. № 12. С. 10).

¹⁸ Речь идет о *Федоре* Сологубе (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927), частым посетителем вечеров и чтений на квартире которого Ремизов был в 1905—1907 гг. См. книгу записей Ф. Сологуба «Литературные вечера и чтения (посещения). 1901—1907» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81). Упоминание о посещениях дома Сологуба см. также в книге «Куха»: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 48.*

¹⁹ Поэма Вяч. Иванова «Сон Мелампа», опубликованная в «Золотом руно» (1907. № 10. С. 31—35) с посвящением М. Волошину, сопровождалась авторскими примечаниями, раскрывшими смысл положенной в основание поэмы метафизической концепции явлений, которые своим возникновением обязаны как «„поток» причинности, воспринимаемому нами во временной последовательности движения из прошлого в будущее», так и «„встречного потока» причинности, нами непосредственно не познаваемого, но постулируемого, как движение из будущего в прошедшее» (С. 35). Впоследствии поэма была включена во вторую часть книги «Cor Ardens» (М.: Скорпион, 1912).

²⁰ Подражается трилогия Ф. Сологуба «Навыи чары» (впоследствии получившая название «Творимая легенда»), первая часть которой — «Творимая легенда» была напечатана в альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1907. Кн. 3. С. 189—305). Позднее Философов высказывался о романе Сологуба более критично, называя это произведение в статье «Без стиля» «обывательщиной тысяча-девятьсот-седьмого года» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 45).

²¹ Портрет Ремизова работы Б. Кустодиева был опубликован в журнале «Золотое руно» (1907. № 7—8—9). Работа над полотном завершилась, по-видимому, поздней весной. О сеансах позирирования Ремизов писал художнику 10 апреля: «Многоуважаемый Борис Михайлович! Я <у>же отвечал Вам, потому что все эти дни я сижу вечерами дома и во всякий час готов сидеть, не моргая. Жду Вас в четверг» (ГРМ, ф. 26, № 34, л. 3).

11. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoву

22 I / 4 II 1908.

М<алый> Казачий пер. 9, кв. 34.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Наконец, я решаюсь написать Вам, как выйдет: писал несколько раз, и так все выходило по-чудному, что приходилось, не оканчивая письма, разрывать его. Письмо Ваше я получил 31 XII <по> нашему стилю, в день нашего возвращения от Наташи, которая мне подарила Лягушку-квакушку.¹

Все жду, когда Наташе будет 7 лет (теперь ей 3 года и 9 мес<яцев>), и мы, Бог даст, перевезем ее в Петербург учиться. 6 I по нашему стилю я получил оттиск Вашей статьи в Р<усской> М<ысли>,² за которую приношу Вам мою благодарность. Очень хотелось бы видеть хоть выдержку из Меркурия со статьей З<инаиды> Н<иколаевны>.³ Слышал много и от Нувеля,⁴ и от Чулкова, видеть не видел. Упросите ее, З<инаиду> Н<иколаевну>, чтобы как-нибудь раздобрилась и эту выдержку выслала.

1) В Пруде действительно надпись «ПрудЪ» подгуляла, в чем признается и сам Добужинский.⁵

2) «Сириус» — это компания.⁶ Их было трое, но один из них ушел (М. Н. Бурнашев). Все они правоведы или кавалергарды, а один (А. А. Трубников) даже камер-юнкер и радуется меня мундиром, в котором все собирается пожаловать ко мне <в> Казачий; теперешний глава — С. Н. Тройницкий (внук декабриста Якушкина) недавно женился и большой любитель старины. Все они ровесники мне и ничего не издают, единств<енный> «Пруд», да и то без гонорара, а имеют свою типографию, в которой печатают «Старые годы» и многие другие книги, которыми заведует их управляющий. Одеваются они очень хорошо и говорят на всех языках.

3) Я Кузмина полюбил и увлекаюсь им, как писателем, за простоту его речи и легкость оборотов.⁷ Я вот бьюсь со своим стилем и у меня ничего не выходит. Муку мученическую терплю от затеи своей писать. Я опух, выводя букву за буквой, как чистописание.

4) Л. Андреева тоже люблю,⁸ очень читать его интересно, тут, пожалуй, один Д<митрий> С<ергеевич> верх возьмет по интересности. А потом он мне очень понравился, я на его пьесе был⁹ и подходил здороваться, а потом он ходил по коридору покурить и все на него смотрел — так это хорошо было.

5) Как перед Богом говорю Вам, Д<митрий> В<ладимирович>, что от всего сердца полюбил я Вас в наше первое с Вами свидание, когда Вы простоквашу кушали, а прощаясь поцеловал Вас в правую щеку и волнение чувствовал, отводил глаза от Вас. Потом увлекся было Дымовым за вид его выдающийся, но после увлечение мое растаяло¹⁰ и я на Кузмина залюбовался, а теперь скажу по правде, ко Блоку уж тянет: такой он важный стал и воротнички в подбородок упираются.¹¹

6) Вяч<еслав> Иванов еще стал солиднее, еще больше ушедши в книги, поучает. Я думаю, что напрасно так на него нападали, он, кроме пользы в науках, ничего вредного не оказывает.¹²

7) Ф<едор> К<узмиц> — почитающий себя самим Богом¹³ с Петр<оградской> С<тороны> с Широкой у<лицы>,¹⁴ всурьез, это не метафора, ходит благословляя и, кажется, не любит одного Вяч<еслава> Ив<анова>,¹⁵ которого считает первосвященником.¹⁶ А так Ф<едор> К<узмиц> никого не трогает, обрюзг, усы постриг и как-то так, не так, как мои кавалергарды это делают, пальто у него украли и все обижается. Я у него не был, соберусь как-нибудь старца проведать и о чем-нибудь неподходящем к Божеству поговорить, о яблоках и о том, как дрова дороги и старш<ие> дворники придиричивы.

А какие, должно быть, в Париже яблоки. Должно быть, есть и ананасные. Рассказ его Навьи чары очень искренний, полон провинциализма, так и кажется мне, что сижу я где-нибудь в Пензе и смотрю в окно на Московскую улицу.¹⁷

8) «Бесовское действо» мое освистала публика и рассердилась очень. Оно будет напечатано в кн<иге> Факелов,¹⁸ куда Г<еоргий> И<ванович> пригласил и меня не как соратника по оружию — какой же я Соратник ему, он хорошо это знает, когда я только и мечтаю обзавестись домом или табачную лавочку открыть. Эту книгу Вам пришлют.¹⁹

А письмо писал я в Товарищ вынужденно: и сокращал Б<есовское> д<ейство> не я, а театр, и Г<еоргия> <Ивановича> хотели из Товарища выгонять,²⁰ так письмо это надо было для его ограждения.²¹

Ну всего Вам хорошего, кланяюсь и Зинаиде Николаевне, кланяюсь и Дмитрию Сергеевичу и французского короля всей земле его кланяюсь.

Если не забыли меня, то не поморщитесь, читая строки мои; не могу я писать, хоть и начал, по-человечьему.

А. Ремизов.

С<ерафима> П<авловна>, исправив ошибки в сем письме, велела Вам кланяться.

¹ Ремизовы ездили в Берестовец (Черниговская губ.), где с начала 1906 г. на попечении матери и сестер С. П. Ремизовой-Довгелло жила их маленькая дочь Наташа. О судьбе Натальи Алексеевны Ремизовой (1904—1943) см.: *Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*. Berkeley, 1980. С. 44—59; а также: *Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. СПб., 1994. С. 267—272.

² Подразумевается статья «Весенний ветер».

³ Речь идет о статье З. Гиппиус «Notes sur la littérature russe de notre temps» (*Mercur de France*. 1908. Vol. LXXI. P. 71—79), появление которой было вызвано публикацией в том же журнале очерка журналиста Е. П. Семенова «Le Mysticisme anarchique» (1907. 16 juillet. Vol. LXVIII. № 242. P. 361—364). Ср. сообщение в газете «Свободные мысли»: «В последнем номере „Mercur de France“ появилась новая статья о русской литературе. Автор E. Semenov уверяет, что последнее слово русской литературной мысли — „мистический анархизм“» (1907. 16 июля. № 9. С. 4). Полагаясь на свою беседу с Г. Чулковым, Семенов объединил вокруг новой идеологии Г. Чулкова, Вяч. Иванова, А. Блока и С. Городецкого. По замыслу З. Гиппиус, необходимо было восстановить реальный образ русской литературы текущего периода, объяснив читателям, «что такое Чулков» и кто такой Семенов, который, по ее мнению, «попал не туда и этого не заметил». Подробнее см: *Соболев А. Л. Мережковские в Париже*

(1906—1908) // Лица: Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 360—361. См. также: письмо Г. Чулкова к Блоку от 20 августа 1907 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 401—402); «Письмо в редакцию» журнала «Весь» А. Блока по поводу статьи Семснова от 26 августа 1907 г. (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 675—676); письмо Вяч. Иванова в редакцию газеты «Товарищ» (1907. 23 сент. № 379. С. 5). Ср. также «Письмо в редакцию», в котором Г. Чулков пытался объяснить некоторые положения статьи Е. Семснова, возникшие в результате пересказа его собственных слов: «...считаю нужным возразить на ту часть статьи, где автор — Е. П. Семенов — характеризует современную группировку представителей молодой литературы <...> остается невыясненным вопрос, под служит критерием этой группировки: методы художественно-поэтических приемов или известное мировоззрение. Благодаря этому смешению двух принципов, можно истолковать „мистический анархизм“, как некое литературное течение, претендующее на значение литературной школы. Между тем это неверно» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 5).

⁴ С музыкальным и театральным деятелем *Вальтером Федоровичем Нувелем* (1871—1949), входившим в художественное объединение «Мир искусства» и редколлегии одноименного журнала, Ремизов познакомился в 1905 г. Споры о «мистическом анархизме» захватили Нувеля как стороннего наблюдателя, что нашло отражение в его письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 11 августа 1907 г.: «В Москве встречался с Брюсовым и Белым. Защищал Петербуржцев от нападок Москвичей. <...> О „мистическом анархизме“ иначе, как с пеной у рта, не говорят» (Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 293). Об отношениях Нувеля с Мерзжоловским см.: Письма З. Н. Гиппиус к В. Ф. Нувелю / Вступ. статья, публ. и прим. Н. А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 303—348.

⁵ Сохранилось письмо Ремизова к художнику от 12 мая 1907 г.: «Дорогой Мстислав Валерианович! Если у Вас есть время, зайдите ко мне в понедельник 14 мая часа в 3—4. Напишу сейчас Тройницкому. Вы сойдетесь для переговоров об обложке к „Пруды“. Если же в понедельник Вам нельзя, то назначьте ближайший день, а часы оставьте» (ГРМ, ф. 115, № 256, л. 8).

⁶ Типография «Сириус» была организована в 1905 г. *Сергеем Николаевичем Тройницким* (1882—1948), одним из основателей журнала «Старые годы» (1907—1916) и первым директором Эрмитажа, а также его друзьями по Училищу правоведения — *Александром Александровичем Трубниковым* (1882—1966) и *Михаилом Николаевичем Бурнашевым* (1882—1928). См.: *Федорова В.* Сергей Николаевич Тройницкий и типография «Сириус» // *Studies in modern Russian and Polish culture and bibliography. Essays in honor of Wojciech Zalewski.* Stanford, 1999. Stanford Slavic studies. Vol. 20. P. 273—279. В 1907—1908 гг. организаторы издательства были постоянными гостями Ремизова. См. запись в дневнике М. Кузмина от 17 января 1907 г.: «У Ремизовых были обещанные правоведы, или „мальчишки“, как кто-то их называет. Трубников очень милый и любезный, и он мне нравится сам по себе» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 309). А. А. Трубников под прозвищем «кавалергард» упомянут Ремизовым в автобиографическом рассказе «Глаголица» (Речь. 1911. 25 дек. № 354. С. 2—3). По воспоминаниям Ремизова, изданию романа в «Сириусе» активно содействовали также С. К. Маковский (1877—1962) и Н. Н. Врангель (1880—1914). См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 171, 228.

⁷ Воспоминания Ремизова о *Михаиле Алексеевиче Кузмине* (1872—1936) «Послушный самокей», описывающие их первую встречу в 1906 г. на вечере «Современной музыки» в Петербурге, см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 244—250. Посвящением М. А. Кузмину предварялась легенда «Гнев Или Пророка», написанная Ремизовым в 1906 г. и вошедшая в сборник «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907).

⁸ Поддержка *Леонида Николаевича Андреева* (1871—1919) решающим образом повлияла на творческую судьбу Ремизова. Именно благодаря Андрееву 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» состоялась его первая публикация — «Плач девушки перед замужеством», под псевд. Николай Молдаванов. В письме к П. Е. Щеголеву 11 ноября 1902 г. Ремизов описал свое знакомство с известным писателем: «Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный, с чистым выговором <...> Принял очень приветливо» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. С. 153—154). Подробнее см.: *Грачева А.* Александр Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме) // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 41—52.

⁹ По-видимому, имется в виду авторское чтение пьесы «Царь-Голод», состоявшееся 9 октября 1907 г. на квартире Л. Андреева в Петербурге. Ремизов воспользовался приятельскими отношениями Чулкова с Андреевым, чтобы присутствовать на вечере. См.: Письма А. М. Ремизова к Г. И. Чулкову / Публ., вступ. заметка и коммент. М. В. Михайловой // Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы. М., 2002. С. 232. По сообщению газеты «Свободные мысли» (1907. 8 окт. № 21. С. 3), Андреев читал свою новую пьесу также и в «Кружке Литературы».

¹⁰ С прозаиком, драматургом, журналистом *Осипом Дымовым* (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959) Ремизов встречался на «средах» у Вяч. Иванова, в доме Ф. Сологуба, на редакционных собраниях журналов «Вопросы жизни» и «Золотое руно». Ср. упоминание в «Кукхе», запись от 26 сентября 1905 г.: «... в редакции В. Ж. <...> Читал Осип Дымов. Он изумительно представляет и особенно А. Л. Волынского» (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 47*).

¹¹ Историю взаимоотношений Ремизова и *Александра Александровича Блока* (1880—1921) см.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые исследования и материалы. М., 1981. Кн. 2. С. 63—142.

¹² Очевидно, подразумеваются статьи московского лагеря символистов, в которых сдко критиковалась поддержка Вяч. Ивановым «мистического анархизма» и его участие в сборниках «Факелы». См., напр., статью «Вехи. V. Мистический анархизм» В. Брюсова, опубликованную под псевдонимом «Аврелий» в журнале «Весь» (1906. № 8. С. 43—47). Возможно, Ремизов намекал и на статьи самого Философова, который не обошел строгими суждениями позицию Вяч. Иванова в статьях «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм» (Золотое руно. 1906. Окт. № 10. С. 58—65) и «Дела домашние» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 3). О взаимоотношениях Ремизова и Иванова подробнее см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подгот. писем Ремизова — А. М. Грачевой; Подгот. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 72—118.

¹³ Намек на ряд текстов Сологуба, написанных в 1906—1907 гг. в духе индивидуализма и вызывающего солицизма: «Я. Книга совершенного самоутверждения» (Золотое руно. 1906. № 2. С. 76—79); «Человек человеку — дьявол» (Золотое руно. 1907. № 1. 53—55); «Литургия Мне» (Весь. 1907. № 2. С. 8—26); «Театр одной воли» (Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 179—198). С «Литургией Мне» Ремизов познакомился на авторском чтении 5 ноября 1906 г. См. «Тетрадь посещений «Литературные вечера и чтения (посещения). 1901—1907» Ф. Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81, л. 53об). Эти произведения получили громкий резонанс в литературном мире. С упоминания об одном из них Философов начинал статью «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм»: «Нс особенно давно в „Золотом руне“ была напечатана коротенькая статья Сологуба, в которой автор откровенно признал свое „я“ богом» (Золотое руно. 1906. № 10. С. 58). См. также статью Философова «Без стиля», где в связи с романом «Навы чары» критик писал: «...на мой взгляд, над романом <...> свет тихая усмешка. В нем есть улыбка, и это приятно. <...> Он-то сам думает, вероятно, что он достиг смеха божественного. Недаром он провозглашает себя богом» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 44—45).

¹⁴ На углу ул. Широкой (д. 19, кв. 2) и Малою проспекта Петербургской стороны Сологуб поселился летом 1907 г. после смерти сестры.

¹⁵ Отношения Сологуба и Вяч. Иванова в контексте общественно-литературной дискуссии по поводу «мистического анархизма» имели двойственный характер и выражались во взаимном притяжении и отталкивании ввиду утверждения сугубого индивидуализма и даже солицизма, с одной стороны, и стремления преодолеть индивидуализм посредством объединения индивидуальных творческих потенций в «соборное» творчество — с другой. Подробнее о взаимоотношениях двух писателей см.: *Иванов В.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974. Л., 1976. С. 137—138; 141—144; *Павлова М.* Вяч. Иванов и Федор Сологуб. «Противочувствия». Из истории отношений 1905—1906 гг. // *Europa orientalis.* 2002. 2 (XXI). VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией». S. 9—18.

¹⁶ Возможно, намек на роль первосвященника раннехристианских мистерий, которую В. Иванов исполнял во время так называемых «радний» у Н. Минского в ночь со 2 на 3 мая 1905 г. Среди присутствовавших были Ф. Сологуб и А. Ремизов. Ср. описание собрания в

письме Е. П. Иванова к Блоку от 9—10 мая 1905 г.: «Больше всего делал и говорил Иванов. Он был чрезвычайно серьезен, и только благодаря ему все смогло удержаться. И сидение на полу с соединенными руками произвело действие. Кажется чуть не два часа сидели. И вот тогда решили после объяснения начать избирать жертву. <...> И как только спросили „кто хочет“. Поднялся молодой человек <...> и сказал „Я хочу быть жертвой“. <...> Иванов подошел и говорил „Брат наш, ты знаешь, что делашь. Какое дело великое и т. д.“. Потом все подошел и целовали ему руки. <...>. Но вот наступила минута Сораспинания. <...> Кажется Иванов с женой разрезали жилу под ладонью у пульса и кровь в чашу. ... Жена Розанова говорит, что пили кровь все и потом братским целованием все кончилось» (*Ильюнина Л. А.* Непубликованные письма из архива Е. П. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992. С. 106).

¹⁷ В 1897—1900 гг. Ремизов находился под гласным надзором полиции в Пензе. В череду комнат, в которых ему пришлось проживать в это время, было и съемное жилье при модной мастерской на Московской улице. См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсень. М., 2000. С. 396—399.

¹⁸ «Бесовское действие» было опубликовано в третьей книге «Факелов» (СПб., 1908. С. 33—87).

¹⁹ Философов откликнулся на «Бесовское действие» в статье «Без стиля», причислив пьесу к литературным стилизациям, объединенных «вялым эстетизмом художников, оторванных от действительности». Вместе с тем, на фоне произведений С. Ауслендера и М. Кузмина, критик выделил ремизовское «Действо» как «единственный образец <...> непосредственной стилизации»: «Здесь, порою, чувствуется дыхание искусства, достижение известного совершенства, хотя бы, напр<имер>, в языке. Но и то, чтение „Действа“ довольно безотрадно. Более или менее удачная *реставрация*. Как на всемирных выставках строят „уголки“ Венеции или Туниса. Жажда поехать в Тунис или Венецию эти „уголки“ не уничтожает. Происходит это от того, что стилизация Ремизова не средство, цель. Очень любопытно, что наш современник, архидекадент А. М. Ремизов, увлекается русской стариной, что из нее он извлекает новые образцы, новые богатства языка. Но это его личное дело» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 46).

²⁰ В театральном отделе газеты «Наша жизнь» (впоследствии переименованной в «Товарищ») Чулков опубликовал более 70 рецензий на спектакли театра В. Ф. Комиссаржевской и других петербургских и московских театров. Возможно, что осложнение отношений Чулкова с редакцией газеты возникло после его выступления в защиту В. Э. Мейерхольда, вступившего в конфликт с Комиссаржевской из-за несовпадения взглядов на принципы сценического искусства. Подробнее см.: *Чулков Г.* По поводу ухода Вс. Эм. Мейерхольда из театра В. Ф. Комиссаржевской // *Товарищ*. 1907. 20 нояб. № 428. С. 5; *Опровержение // Товарищ*. 1907. 24 нояб. № 431—432. С. 5; а также *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 225—226.

²¹ В издании пьесы 1919 г. (Пб.: издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Репертуар. Русский театр. № 1) Ремизов опубликовал афишу 1907 г., «Краткое изложение для руководства зрителя по причинам могущей возникнуть независимо от автора неясности» (Там же. С. 44), перечень карикатур и рисунков, появившихся в печати после представления (Там же. С. 46), а также историю прохождения цензуры: «Много было хлопот с цензурой. Пришлось прибегнуть ко всяким хитростям и вывертам, да и к собственному цензурированию» (Там же). Описывая историю постановки пьесы, Ремизов упомянул и о роли Чулкова: «После представления Г. И. Чулков взял да и написал в „Нашей жизни“ <...>, что пьеса уж очень окорнала цензура и получилось пантомима. Цензор справедливо обиделся и напечатано было опровержение. Пришлось отвечать. Глупо, конечно, вышло, но что делать» (Там же).

Дорогой, милый Алексей Михайлович.

Не сердитесь, что у Вас не были. Уж очень засуетились.²

Подумайте, вчера, после<дня> репетиция Павла шла с 12 ч. ночи до 4 утра!

Приходите сегодня к нам в 8 — 8 ½ ч<аса> вечера.

Мы вместе пойдем к Иксуль.³

Первое отделение — Павел I.⁴

Второе — начнет Д<митрий> С<ергеевич>, а затем Ф.⁵

Думали вчера вечером видеть С<ерафиму> П<авловну> и передать ей на словах, но ее не было.

Что Лундберг?⁶

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по содержанию.

² Подразумевается подготовка благотворительного вечера, устроенного Мережковскими и Философовым с целью поддержки Ремизова. После обвинения в плагиате (См.: *Миров М.* Письмо в редакцию // *Биржевые ведомости.* 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6; а также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // *Русская литература.* 1995. № 3. С. 159—160, 168—170, 204—209) писатель пережил тяжелейший стресс и оказался без средств к существованию. Ср. воспоминания Гиппиус в книге «Дмитрий Мережковский» (1951): «Не так давно вошедший в литературу талантливый писатель Ремизов оказался этой зимой в бедственном положении. Когда-то он был секретарем журнала „идеалистов“, жил с женой (большой нашей приятельницей) и новорожденным ребенком в редакции... Но теперь был в нужде, и мы вздумали устроить для него частный вечер» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Кн. 2. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 277—278).

³ *Иксуль фон Гильдебрандт Варвара Ивановна* (урожд. Лутковская, в первом браке — Глинка-Маврина; 1852—1928) — баронесса, общественная деятельница, хозяйка известного в Петербурге литературно-художественного салона. Ср.: «Д. С. <Мережковский> обратился к верному другу — очаровательной баронессе Иксуль, — и, с ее содействием, был устроен единственный в своем роде вечер, в ее собственном особняке (уж не у Аларчина моста, а в большом двухэтажном доме, прямо против Кирочной, в двух шагах от нас)» (Там же. С. 278).

⁴ Речь идет о постановке драмы Мережковского «Павел I» (1907), осуществленной Вс. Мейерхольдом. О вечере 14 декабря С. Ауслендер опубликовал заметку в журнале «Аполлон»: «В одном частном доме для немногочисленной публики были поставлены две сцены из драмы Мережковского „Павел I“. Это был странный спектакль, не было сцены, не было декораций, собственно не было и зрителей, просто собралось некоторое количество знакомых и полужнакомых гостей в большом зале, разместились по старинным диванам и креслам, и вдруг на секунду электричество погасло, и когда зажглось только в глубине комнаты, там вместо желтых ширм, на которые никто не обращал особенного внимания, в томно задумчивой позе на диванчике лежал, опустив на пол руку с волюмом Руссо, Александр, а Психея — Елисавета сидела подле него, тихо перебирая струны арфы. Очень скоро, конечно, выяснилось, что Елисавета — достаточно известная актриса — Мусина, Александр — Голубев, а явившийся потом Павел — Озаровский. Но первое необычайное и на сцене недостижимое впечатление какой-то подлинности придало всей постановке, интересно задуманной Мейерхольдом, особую остроту» (1910. Январь. № 4. С. [76]). Ср. также позднейшие воспоминания З. Гиппиус: «В уютном зале — что-то вроде сцены, с раздвижным занавесом. Известные тогда артисты разыграли два действия (или две картины) из драмы Д. С. „Павел I“. Прошло с интересом, даже внешне, — костюмы были того времени. Павла играл Озаровский, Елизавету с арфой, кажется, его жена. Кто играл Палена — не помню, но все были на своих местах. Во 2-м отделении читал что-то Ремизов (он хороший чтец) и я свое стихотворение „14 декабря“ (первое из трех) <...>. Публи-

ка была самая пышная. Между прочим — Шалапин. <...> Вечер имел и большой материальный успех» (Гиппиус З. Н. Живые лица. Кн. 2. С. 277—278).

⁵ Очевидно, Ф. Сологуб (письмо написано карандашом и по характеру почерка — в спешке, поэтому, можно предположить, что здесь не дописана фамилия). Созывая на вечер именитых гостей, З. Н. Гиппиус писала Сологубу 13 декабря 1909 г.: «Вот какое дело: мы устраиваем дружеский вечер для помощи совсем больному Ремизову (имя не произносится вслух). Участвуют только его действительно друзья, которые сделают это от доброго сердца, по-товарищески, а не так себе. Будем, значит, мы трос, Блок, Иванов (если встанет), Мейерхольд... С вами хотела я говорить в первую голову, да вот нет вас! Вечер назначен на 14 Декабря, у баронессы Иксуль (Кирочная, 18). Билеты («чашка чаю») уже отпечатаны, их 70, по 5 р., а программы еще нет! Вы понимаете, милый мой Чарник, что без вас никак нельзя. Читайте, что хотите: рассказ большой, рассказ маленький, сто стихотворений, одно стихотворение — воля ваша; больше — лучше для нас. Обожающих вас курсисток увя! не будет. Будут, очевидно, „графья да князья“, но что же делать, так лучше для Ремизова, а ведь все это для него. <...> Р. С. Если у вас есть добрые богачи, которые захотели бы прийти на вечер — скажите, я пришлю билеты» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 183).

⁶ В августе 1909 г. литератор Евгений Германович Лундберг (1883—1965) был арестован и препровожден в киевскую Лукьяновскую тюрьму, а потом переведен в Петропавловскую крепость, где провел полгода. Л. И. Шестов обратился к Ремизову 2 ноября 1909 г. из Киева: «...Ев<гения> Гер<мановича> с месяц тому назад арестовали. Ни за что ни про что: политикой он не занимался. Но, представь — не выпускают. Хуже того: отвезли на днях в П<етербург>. Дней восемь назад я писал З<инаиде> Н<иколаевне>, что<б> она просила похлопотать о Ев<гении> Гер<мановиче>. Ответа еще не получил. Сходи непременно к ней, узнай, получила ли письмо и поговори сам с ней, и с Философовым. Пропадет Лун<д>берг, если не похлопочут...» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 192—193). О взаимоотношениях Лундберга с Ремизовым см.: Лундберг Е. Г. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314—367.

13. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Нам надо идти к д<окто>ру Чигаеву¹ в пятницу (8 янв<аря>) в 8 ч<асов> веч<ера>. Заходите за мною к 8 ч<асам>.

Буду Вас ждать.

Искренне Ваш Д. Философов.

7. I. <1>910.

¹ Чигаев Николай Федорович — коллежский советник, доктор медицины, практикующий врач; приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, главный врач больницы при Свято-Троицкой общине сестер милосердия, работал также в Психоневрологическом институте; Ремизов вспоминает о нем в книге «Кукха» в связи с воспалением легких, перенесенным в 1909 г. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 92. Новый визит к врачу был, по-видимому, продиктован рецидивами язвы желудка, открывшейся весной 1910 г. В 1910-х гг. Чигаев был домашним врачом Мережковских; впоследствии Гиппиус отзывалась о нем весьма скептически. См.: Гиппиус З. Н. Живые лица. Кн. 2. С. 279—280.

Villa Paulette
Boulouris sur Mer. Var.
France
Mr. Dmitri Philosopfoff
<22 апреля 1910>¹

Христос Воскресе,
Милый дорогой, Алексей Михайлович.

Приезд дорогих гостей, (совершенно неожиданный),² настолько нарушил нашу тихую жизнь, что я положительно не имел возможности ответить на ваше письмо.

При сем посылаю два письма: одно на имя Пантелеева (боюсь только, не перепутал ли я его имя и отчество!)³

Внимательно прочтите оба, запечатайте их, и поступите соответственно.

Сначала пойдите к Чигаеву и, получив от него документ, снесите его вместе с моими письмами к Пантелееву. (Адреса его не знаю, но найдете его или во всем П<етербур>ге,⁴ или в «Речи»⁵.)

Пока лично никаких прошений подавать не придется. Возьмите на себя только роль посыльного. Я прошу 35 р<ублей>.

Конечно, они не дадут их, но я боялся, что вдруг они сбавят с 25 р<ублей> на 15!! Потому и запросил. О результате Ваших походов — напишите.

Я бы мог написать еще Набокову.⁶ Но это мне по разным причинам неудобно. Я неоплатный должник перед ним, и каждое обращение к нему меня очень тяготит. Хорошо было бы если бы Д. А. Левин⁷ написал Набокову. Попросите его от моего имени. Я только что хлопотал по его просьбе за Лундберга. Он может только просто даже поговорить в редакции с Набоковым. Вообще не смущайтесь и действуйте.

Вы мне посулили присылку А<льманаха> для всех,⁸ однако по сей день я его не получил. Мне это очень грустно. 1) Из трех источников слышал похвалы Вашему Неумному б<убну>. 2) Мог бы написать об альманахе в Р<усском> сл<ове>.⁹

Мы встретили Пасху в мире и тишине.¹⁰ Был у нас кулич, и пасха, и краш<еные> яйца, и даже восковые свечи и бумажн<ые> розы. Все это продавали здесь, готовые на все французские кондитеры.

Хотим послать свой привет дорогой любимой Серафиме П<авловне>. Но рассказы Таты меня смутили.¹¹ Чувствую, что опять накопились какие-то тяжелые недоразумения, которые надо разогнать или бесконечными письмами, или, лучше всего, личными разговорами. Кажется, она нас зачислила в предатели, но я ей по-прежнему верю, часто вспоминаю ее и люблю.

З<наида> Н<иколаевна> все еще очень слаба. Совершенно не может ходить. Вчера поехали кататься, а вечером она совсем ослабела.

Порой одолевает уныние и кажется, что на этот раз ее организм не переборет недуга. Порой же катаемся, и кажется, что она к осени поправится.

Я ничего не делаю. Со скукой пишу что-то в Р<усское> слово, которое донимает меня телеграммами. Живу в постоянной тревоге. Иногда ясно видишь, насколько пакостен, бездарен, ничтожен. Иногда кажется, что весь мир проклят. А иногда бывают светлые минуты благодарности за все. Пасха для меня всегда день умиления, и эти строки пишу Вам с ощущением какой-то грустной, примиренной радости, просветленной печали.

Я Вас очень люблю, милый Алек<сей> Мих<айлович>. Мне еще не удалось доцарапать до последних тайников Вашей сложной и скорбящей души, но никогда не забуду того, с каким открытым сердцем Вы раз говорили со мной. Какое доверие Вы мне этим оказали. Всегда буду вспоминать эту беседу с чувством святой благодарности. Милый, не бойтесь сентиментальности. Мы все чем-то в корне уязвлены и страшно боимся обнажиться, как бы не получить новой роли. Это не хорошо. Просто непрактично. Во всяком случае мое сердце к Вам открыто.

Искренне Вас любящий, уважающий,

Д. Философов.

Р. S. Мы здесь гулял<и> по лесу, рассматривали вместе с Карташ<овым>¹² всякие деревья, <1 нрзб.> диковинные. Карташов мне рассказал, как несколько лет тому назад, в Ливадии, сторож показывает ему тополь и говорит: «Это — пирамидальный тополь». Может быть, Вам пригодится.

Д. Ф.

¹ Датируется предположительно по содержанию. Сверху на первом листе имеются пометы Ремизова: 26—IV—9—V; 22—IV—6—V—910.

² Подчеркнуто синим карандашом рукой Ремизова.

³ Речь идет о *Николае Федорович Пантелееве*, советнике Главного Управления по делам печати.

⁴ Имеется в виду ежегодная «Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга», с конца 1890-х гг. выпускавшаяся издательством А. С. Суворина.

⁵ Еженедельная политическая, экономическая и литературная газета «Речь» издавалась в Петербурге в 1906—1917 гг.

⁶ *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — юрист, публицист, один из лидеров кадетской партии. На гибель Набокова Философов откликнулся некрологом «Памяти старого друга», опубликованным во владивостокской газете «Наша речь» (1922. 10 мая. № 14. С. 2—3).

⁷ Юрист и публицист *Левин Давид Абрамович* (1863—1930) принимал активное участие в деятельности «Речи». См. о нем: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 181. После шумной истории 1909 г. с обвинением Ремизова в плагиате публикации писателя в «Речи» возобновились лишь в 1911 г.: «Я участвовал в „Речи“ как гастролер: через Д. А. Левина, приятеля Льва Шестова, меня печатали на Пасху и на Рождество, и дважды в году я бывал в редакции...» (Там же. С. 376).

⁸ В «Альманахе для всех» (СПб., 1910. Кн. 1) была опубликована повесть Ремизова «Несмынный бубен».

⁹ «Русское слово» — ежедневная газета, издававшаяся товариществом И. Д. Сытина в Москве с 1905 по 1917 г. Рецензия Философова на альманах в газете не появлялась.

¹⁰ В 1910 г. Пасха праздновалась 18 апреля.

¹¹ *Гиппиус Татьяна Николаевна* (1877—1957) — художник, автор портретов петербургских поэтов и писателей, в том числе и Ремизова, младшая сестра З. Н. Гиппиус, входила в ядро созданной Мерсезжовскими интимной религиозной «общины», вместе с другой сестрой — Натальей Николаевной Гиппиус и Д. В. Философовым, А. В. Карташевым и В. В. Кузнецо-

вым. На протяжении многих лет, во время длительных отъездов Мережковских за границу, она вела подробные дневниковые записи о петербургской жизни с описанием всех встреч и событий, которые аккуратно отправляла сестре. Выдержки из ее писем к З. Н. Гиппиус 1906—1908 гг., описывающие различные курьезные эпизоды, связанные с С. П. Ремизовой-Довгелло, которая нередко оказывалась дезориентированной в чувственной и по стилю взаимоотношений театральной среде петербургской богемы, см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного» // Эротизм без берегов. С. 391—455. С. П. Ремизова принадлежала к числу тех немногих «посвященных», кто не только знал о существовании «новой» церкви Мережковских, но и неоднократно участвовал в совместных молениях. Однако со временем у нее нарастало внутреннее, нередко выражавшееся открыто неприятие к предпринятой Мережковскими модернизации канонов православия.

¹² Бывший профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) входил в ближайшее окружение Мережковских.

15. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

ст. Валдайка. Новг<ородской> губ<ернии>
имение Сменцево
17 авг<уста> <1>910

Дорогой Алексей Михайлович.

В конце июля мы были в П<етербур>ге. И день прежде я получил от Вас Григорьева.¹ Думал, что Вы в городе, и в Воскр<есенье>, в первый Спас, отправился к вам, но швейцар мне сказал, что Вы «кажется» опять в санатории, куда уехали в четверг, не оставив адреса.²

Я и порадовался, что Вы не в городе и пожалел, что не удалось пови-
дать.

В П<етербур>г мы ездили по неприятному делу: у Д<митрия> С<ергее-
вича> сделалась малярия, и мы должны были переменить место. Мера сия
помогла. Он оправился, и на 4 авг<уста> мы опять тут. Когда вернемся, не
знаю, да вообще не знаю, что с нами будет.

Вы мне писали, что читали ответ Минского. Я Вам привозил мою ста-
тью и мой ответ на его ответ.³ Теперь уже передам эти «документы» при
свидании.

Прочел я Максимова, Год на севере,⁴ и Голубинского, Историю церкви
т. II⁵ и то и другое очень интересно.

А Григорьева Вы мне затаскали порядочно. И подклеили обертку
<в>верх ногами! Вот что еще. В III томе Григорьева была географич<е-
ская> карта.⁶ Что, Вы ее затеряли или я Вам ее не дал? Напишите по совес-
ти.

Был бы очень рад получить от Вас весточку. Вернулась ли Серафима
Павловна? Передайте ей мой искренний привет.

Погода плохая. Здесь сыро, но хорошо: леса и озера. В лесу часовня.
Около нее не то юродивый, не то блаженный. По праздникам — пьянство,
побоища, гармоника и песни. Грибов — не соберешь. Сегодня собрал це-
лую корзину рыжиков.

Написали ли Вы что-нибудь за лето?⁷

Если встретите в «Утре России»⁸ что-нибудь любопытное, пришлите. Я этой газеты не получаю.

Имеем известие от Блока. Он строит себе новый дом. Петербургскую квартиру переменял и вообще, кажется, разбогател.⁹ А больше ни об ком ничего не знаем.

Душевно Вас любящий,

Д. Философов.

Р. С. Читаю Пиквикский клуб и перечел Мертвые души. Если Вы Пиквикского клуба не читали, я Вам его дам. Перевод хороший и книжки удобные (Дешевая библиотечка Суворина).¹⁰ Гоголь перед написанием Мертвых душ увлекался Диккенсом.

Имеете ли сведения о Пришвине?¹¹

Кстати, из окна вагона видел на «перроне» станции Укловка Ауслендера.¹² Он там на даче?

¹ Подразумеваются «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа» (Т. 1. Пинега; Т. 3. Мезень. [СПб]: изд. Имп. АН, 1904, 1910).

² С 1 по 30 июня 1910 г. Ремизов проходил курс лечения язвенной болезни в санатории М. М. Волковой в Финляндии.

³ Речь идет о полемике между Философовым и Николаем Максимовичем Минским (наст. фам. Вилнскин; 1856—1937), завязавшейся на страницах «Русского слова». В статье «Русский язык», анализируя пьесу Минского «Малый соблазн», напечатанную в альманахе «Шиповник» (1910. № 12), Философов утверждал, что автор, долго проживший за границей, «совершенно разучился писать по-русски», приводя в пример пренебрежение простейшими правилами грамотного использования глагольных форм (одеть / надеть) и др. (Русское слово. 1910. 2 июля. № 150. С. 3). Минский парировал «Письмом в редакцию», в котором упрекал рецензента в прямолинейности и жесткости восприятия текста пьесы, объясняя эпитеты и выражения стремлением достичь особой выразительности речи героев. См.: Минский Н. В защиту русского языка (Письмо в редакцию) // Русское слово. 1910. 23 июля. № 168. С. 4. Вместе с заявлением Минского в газете была помещена ответная заметка Философова «Примечание к письму Н. М. Минского», автор которой, не снимая своих замечаний, резюмировал: «...по совести говоря, Минский не опроверг, а подтвердил предъявленное ему обвинение» (Там же).

⁴ См.: Максимов С. В. Год на севере. 1-е изд. СПб., 1859. Т. 1—2.

⁵ Имеется в виду издание первой половины второго тома «Истории русской церкви» экстраординарного профессора Московской духовной академии Е. Голубинского, посвященной т. н. «московскому периоду»: «От нашествия монголов до митрополита Макария включительно» (М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900). Вторая половина тома вышла в Москве в 1911 г.

⁶ В приложении к т. 3 «Архангельских былин и исторических песен» («Мезень») прилагалась «Карта распространенных старин на Крайнем севере Европейской России» (С. 711—728).

⁷ Летом 1910 г. писатель работал над повестью «Крестовые сестры», о чем сообщал в письме к И. А. Рязановскому от 9 августа: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал всюю. Сижу я все над „Крестовыми сестрами“ — третий месяц идет. Но не от лениости тяну, Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го <июля> меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородская губерния), имение Ждань Е. В. Аничков <...>. У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург» (ОР РНБ, ф. 634, оп. 1, № 31, л. 11).

⁸ В 1910 г. Ремизов опубликовал в ежедневной газете, органе московских промышленников, «Утро России» два рассказа: «Страсти Пресвятыя Богородицы» (16 апр. № 124. С. 2) и «Коловертыш» (8 сент. № 244. С. 2).

⁹ А. Блок занялся перестройкой дома в Шахматове, получив наследство после смерти отца. См.: *Бекетова М. А.* Ал. Блок и его мать. Воспоминания и записки. Л.; М., 1925. С. 151—152.

¹⁰ Сочинения Диккенса в издании «Дешевой библиотеки» Суворина не выходили. Предположительно речь идет о 33-томном собрании сочинений английского писателя, которое было напечатано в 1905—1909 гг. СПб. типографией издательства «Просвещение» в «карманном» формате.

¹¹ Лето 1910 г. писатель *Пришвин Михаил Михайлович* (1873—1954) проводил в деревне Брынь, Смоленского уезда. Знакомство Философова и Пришвина состоялось 6 октября 1908 г. См.: *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Дневники: 1905—1954. М., 1986. С. 32.

¹² *Ауслендер Сергей Абрамович* (1886—1937) — писатель, племянник М. А. Кузмина.

16. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо за книги. Карту Вы изгадили окончательно. Что у Вас осталось? Мне были бы нужны «очерки» Всева Миллера т. I.¹

Мы ввалились во вторник вечером. Что с нами будет, не знаю. На днях зайду к Вам — потолкуем.

Ваши «язвы» и у меня на сердце язвой. Просто не знаешь, что с Вами и делать.

И так до скорого свидания.

Серафиме Павловне низко кланяюсь.

Душевно Ваш Д. Ф.

Посылаю Вам многососную лъвицу.

17 сент-ября <1910> (Вера, Любовь, Надежда и мать их София).

¹ Вероятно, речь идет об «Очерках русской народной словесности» (Т. 1: Былины. М., 1897). В. Ф. Миллер написал также «Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой» (М., 1876. Т. 1).

17. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<22 октября 1910 г.>¹
Пятн<ица>

Дорогой Алексей Михайлович.

Не пригласите ли Вы меня к себе как-нибудь на будущей неделе вечером? Напр<имер>, 27 го или 28 го?

Я видал сегодня М. М. Пришвина, и мы сговорились с ним, что я его извещу, когда буду у Вас. Он тоже хочет прийти. Может быть, Вы известите его прямо от себя? Уезжаем мы числа 10-го.

Душевно Ваш

Д. Ф.

P. S. А во вторник Дмитрия Солунского.² Да!

¹ Датируется по содержанию.

² День памяти великомученика Дмитрия Солунского — 26 октября (ст. ст.).

18. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Алексей Михайлович.

Наиболее типичные портреты Дау, или Крюгера.¹ Но как-то для «сказки» упоминать их странно. Надо другие «обиняки». За протекцию у Щеколдина² спасибо.

Ваш Д. Ф.

1.XI. <19>10.

¹ Речь идет о мастерах портретного и исторического жанра — англичанине *Джордже Дау* (1781—1829) и немце *Франце Крюгере* (1797—1857), известных полотнами с изображениями царствующих особ, в том числе и русского императорского двора. Возможно, Ремизов спрашивал у Философова имена художников, изображавших русских царей, в связи с работой над «сном» «Железный царь» (цикл «Бедовая доля»), включенным в третий том его «Сочинений» (СПб., [1911]). В «Железном царе» имеется не только упоминание «крюгеровского портрета», но и упоминание о Философове, который фигурирует там как «старый приятель литератор Ф.». См.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 444—445.*

² *Щеколдин Федор Иванович* (1870—1919) — революционер, литератор, в 1910-х гг. банковский служащий, близкий друг Ремизова, с которым писатель познакомился в усть-сысольской ссылке в 1901 г. См.: *Дворникова Л. Я. Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень»* (Ф. И. Щеколдин) // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 231—242.*

19. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<Конец ноября 1910>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

1) Не забудьте посылать Ваши сочинения.²

Спасибо за первый том,³ жду след<ующего>.

Адрес пока (до извещения) — Paris (France). Poste Restante. M<onsieur> Dmitri Philosophoff.

2) Не брезгите с Михайловским. При сем брошюра. Подробности можете узнать у Владимира Владимировича Философова.⁴ Спасская ул. 21.

3) Передайте швейцару Королеву (подъезд с улицы) следующее:

Я говорил по его делу с нижегородск<им> Вице-губернатором и передал ему письмо Королева. Пусть 2го или 3го Декабря Королев напишет в Нижний Новгород след<ующее> письмо: Его Превосходительству Сергею Ивановичу Бирюкову. Г<осподин>у Вице-губернатору г. Нижний Новгород.

«С разрешения Д. В. Философова обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой уведомить меня, в каком положении находится мое дело и т. д. Адрес такой-то».

Крепко обнимаю Вас и Серафиму Павловну.

Ваш Д. Ф.

¹ На именном бланке: «Дмитрий Владимирович Философов. Пантелеймоновская, 27, кв. 120. тел. 114—06». Датируется по содержанию.

² «Сочинения» Ремизова выходили в издательстве «Шиповник» в 1910—1912 гг. Последний, восьмой, том выпустило издательство «Сирин», выкупившее право на повторное издание.

³ Первый том («Рассказы») вышел из печати между 11 и 18 ноября 1910 г.

⁴ Подразумевается брошюра старшего брата Д. Философова — *Философова Владимира Владимировича* (1857—1929) — «Краткая справка о Михайловском и о Колонии имени А. С. Пушкина» (Псков, 1909), где речь идет об учреждении «в селе Михайловском колонии для сирот и вдов писателей, а также для писателей, впадших в неизлечимую болезнь, лишающую их возможности заниматься литературным трудом» (Там же. С. 2). Согласно уставу Колонии, проживать в ней, «временно или постоянно», имели «право престарелые и неизлечимо больные (исключая остро- и заразных) или переутомленных работой и потому нуждающихся в отдыхе: 1) писатели, 2) вдовы писателей и 3) учителя и учительницы сельских и городских школ» (Там же. С. 4). Очевидно, Д. Философов предлагал Ремизову поправить здоровье в этой Колонии летом 1911 г. См. также статью Д. Философова «Соседи по с. Михайловскому (К открытию пушкинской колонии)» (Речь. 1911. 26 мая. № 142. С. 2). См. также: *Иванова Т. Г.* Старший сын, старший брат (Владимир Владимирович Философов) // *Философовские чтения: Сборник материалов...* С. 91—104.

20. Д. В. Философов — Ремизовым

23 декабря 1910

5 janvier 1911¹

Дорогие мои Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

Хоша мы и у лазурного моря, где по правилами цветут апельсиновые деревья, а лавры и лимоны — тоже самое, что у нас бузина, но... третьего дня выпал снег и до сих пор лежит, местами, в тени. А так как мы живем в пустынном месте, где природа подлинная, т<о> е<сть> где не насажены кактусы и лимоны, а вместо них корявая сосна, то порой кажется, что живешь где-нибудь около Гельсингфорса, в марте месяце.

Видно, снег выпал к Рождеству. Завтра сочельник у нас, а у французов Крещение. Не люблю я праздника за границей. Без того главная наша сущность (и ваша!!) одиночество, а в праздники, за границей это одиночество становится особенно безнадежным.

И вот вспоминаешь милых людей. С радостью пошел бы к вам завтра на елку. Буду вас завтра вспоминать, вспоминаете ли вы меня?

Должен вам покаяться. Очень мне тут тоскливо. Нет ничего тоскливее жизни в гостинице, когда кругом ничего нет. В четыре часа уже темно и сидишь в своей комнате. В десять вечера — все тушат, и начинает мучить жажда. О чае не моги и думать. Пьешь «сельтерскую». Не то в санатории живешь, не то в тюрьме для «высокопоставленных». Вероятно, так живет Абдул Гамид в Солониках.²

Утешение есть, конечно. Тишина абсолютная. Ни одного телефона, ни одного посещения, и ясные, светлые дни. На солнце градусов 18°.

Зин<аида> Ник<олаевна> просыпается в 8 ч<асов>, <в> 12 ч<асов> завтракает, а в 11 ч<асов> уже спит. Полный «перелом религии». Все время чувствовала она себя плохо, но последнюю неделю как будто начала

поправляться. Писать мне вам совершенно нечего. Жду от вас интересных вестей.

Христос с вами, милые.

Ваш Д. Ф.

¹ На бланке: «G^d Hotel des Roches Rouges. Agay».

² Подразумевается турецкий султан *Абдул-Хамид II* (1842—1918), который 29 апреля 1909 г. был низложен младотурками за участие в организации дворцового переворота и до 1913 г. содержался под стражей в Солониках.

21. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoву

7/20 XII 1911 г.

Если Вам некогда или душа совсем другим занята, себя не утруждайте, пришлите мне рукопись.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Мне П. Е. Щеголев¹ в субботу говорил, что может устроить мой рассказ в Рус<ское> Слово. Я обещал П. Е. Щеголеву дать рассказ. Но потом, когда дома сообразил, решил лучше Вам послать.² Если Вы с «Р<усским> Сл<овом>» в ладах и Вас там послушают, передайте сказку о Петре для рождественского номера.³

Если же Вам неудобно это сделать, верните. Если Р<усскому> С<лову> сказка не понравится, пускай вернут.

Гонорар хотел бы получить до выхода №. Скажите, к кому мне обращаться, если дело выйдет. И пускай гонорар на дом пришлют.

По приблизительному подсчету в сказке 13.520 букв, 13520/40 — 338 строк.

Если бы дали по 50 коп<еек> за строчку, было бы очень хорошо. А не дадут 50-и, 40-то надо положить.

Всего Вам хорошего, Дмитрий Владимирович, чувствую я себя очень печально от физических скорбей моих.⁴

А. Ремизов.

¹ *Щеголев Павел Елисеевич* (1877—1931) — историк литературы и русского революционного движения, близкий друг Ремизова.

² Ср. письмо Ремизова к Щеголеву от 21 декабря 1911 г.: «Дорогой Павел Елисеевич! Лечу руку электричеством и готовлю рождественские рассказы. Все собираюсь к Вам, но видно уже придется только в конце той недели. Для Р<усского> С<лова> я передал сказку народн<ую> „Ц-рь Петр” Filosoфoву. До Вас очень далеко. Пожалуйста, Павел Елисеевич, придется к слову, помяните меня в „Р<усском> с<лове>”. Там меня никто не знает, а если кто и имеет представление обо мне, то дурное. Попадались мне отзывы в Р<усском> с<лове>! Всего хорошего. А. Ремизов» (РО ИРЛИ, ф. 627, № 1479—1610, л. 148).

³ Публикация в «Русском слове» не состоялась. Сказка о царе Петре, в своей фабуле восходящая к фольклорному источнику в записи Д. Н. Садовникова, после переработки появилась под названием «Нужда» в журнале «Современник» (1915. № 1. С. 30—32). Впоследствии, датированная 1915 г., вошла в сборник «Укреп» (Пг., 1916).

⁴ В начале декабря у Ремизова случился травматический неврит локтевого нерва. О своей болезни он упоминал и в письме к М. О. Гершензону от 17 декабря 1911 г. См.: Из архива М. О. Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова (1905—1922) / Публ. Т. М. Макогоненко // Рска времси. М., 1995. Кн. 3. С. 164.

22. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

28 Дек<абря 1911>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

В суеде отъезда положительно не успел зайти еще раз к вам. Голубчик, не откажите хоть изредка извещать о здорории Сераф<имы> Павл<овны>.

Мой адрес:

Mr. Dmitri Philosophoff.

11bis, Avenue Mercédès. Paris, XVIIe. France.

Теперь вот что: Руманов очень просит Вас зайти к нему, в ближайшие дни от 7 до 9. Мне кажется, Вам важно войти с ним в непосредственные отношения.²

Нежно обнимаю дорогую Серафиму Павловну, поклонюсь от нее Парижу.³

Ваш Д. Ф.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² *Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960) — журналист, юрист, меценат, коллекционер, заведовал петербургским отделением газеты «Русское слово». См. о нем публикации Е. П. Яковлевой: «Аркадий Руманов — забытое имя?» (Русские евреи во Франции. Статьи, публ., мемуары и эссе. Кн. 1. Журнал в книге. Иерусалим, 2001. С. 162—176); «Автографы поэтов Русского Зарубежья из частного парижского собрания» (Зарубежная Россия: 1917—1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 300—305; совместно с Д. А. Румановым); «Аркадий Руманов и братья Оцупы» (Там же. С. 305—312). Общение Руманова и Ремизова, очевидно, началось в январе 1912 г. о чем свидетельствуют и сохранившиеся письма (ОР РНБ, ф. 634, № 188; РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 176), первое из которых датировано 1 (14) февраля 1912 г. См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 206, а также: *Яковлева Е. П.* «...Душевно Ваш Д. Философов» (Письма Д. В. Философова к А. В. Руманову 1911—1913 гг.) // *Философовские чтения: Сборник материалов...* С. 163—178).

³ Ремизовы были в Париже весной 1911 г. (с 22 апреля по 22 июня).

23. Д. В. Философов — Ремизовым

<23 октября 1912>¹

Дорогие и досточтимые Алексей Михайлович
и Серафима Павловна.

Вам небезызвестно, что 26 сего октября, день св. Дмитрия Солунского. Почтительно Вас прошу пожаловать на чашку чая к 9 1/2 ч<асам>.

Назначаю столь поздний час, чтобы не повторилась история с именинами Зин<аиды> Ник<олаевны>, т<о> е<сть> скука от «смешения».

Кроме вас будет только Блок.²

Накормлю холодным ужином

1) Студень из рыбы

2) Дичь

3) Компот

4) Фрукты.

Сласти, закуски. Вино белое.

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по содержанию.

² Ср. запись Блока в дневнике от 26 октября 1912 г.: «Поздравлять с именинами Философова мы с Ремизовым не пошли, хотя давно решили и обговорили, какой нести пирог» (*Блок А. Собр. соч.*: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 169). О взаимоотношениях Философова и Блока см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации.* СПб., 2004. С. 272—291.

24. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

26 окт<ября> 1913 г.

Дорогой Димитрий Владимирович!

Поздравляю с ангелом Вас, с именинами, и с именинником.

Димитрию Сергеевичу поздравление мое и поклон.

Уезжая из Карловых вод,¹ оставил письмо Вам *poste-restante*, да Анне Марковне² передал для Вас хрустальную пепельницу корзиночкой, с ушками, да еще две ручки французских — в Париже куплены были, одна червонная, а другая — лиловая.

О Вашей болезни слышал от Ариадны Владимировны,³ и потужил и пожелал скорейшего выздоровления.

О себе скажу, что все, благодаря Богу, хорошо было, а как вернулся домой, так и постигла напасть: сначала колит, потом тиф. Теперь ничего, в татара обратился,⁴ татаром хожу да чихаю, а особенно ничего нет, не жалуясь.

Ну, к Новому году мы все поправимся.

Посылаю Вам ложку от Троице-Сергия,⁵ сам купил — для моего Философова.

А. Ремизов.

¹ С 1 июля по 25 июля 1913 г. Ремизовы находились в Карлсбаде. См.: РО ИРЛИ, ф. 634, оп. 2, № 6, л. 1.

² Речь идет об *Анне Марковне Левиной* — жене Д. А. Левина.

³ *Тыркова Ариадна Владимировна* (1869—1962) — общественный деятель, член ЦК конституционно-демократической партии, прозаик, публицист, мемуарист. Ремизов посвятил ей немало теплых слов в воспоминаниях, полагая, что роль Тырковой в его «петербургской судьбе» не была случайной (*Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 10. С. 195).

⁴ Подразумевается стрижка наголо.

25. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Воскр<есенье>. 2/15 марта <1914>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Пишу Вам из Парижа.

Дни неверные. То тепло и солнце, то серая осень.

Сидим мы притишившись, в щели.

Выходим днем, а все вечера дома.

В Ментону думаем ехать в субботу, или в Воскресенье.

В голове и на душе пусто. Точно после угара.

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по почтовому штемпелю: «Paris. Chopin. 10—3—14».

26. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

13 Дек<абря> 1914

Милый Алексей Михайлович.

Я все еще не «принял» редакторского стола, так как 1) № 10 (последний прежней редакции) еще не вышел,¹ 2) ремонтируются две редакторские комнатухи, предназначенные для меня, 3) только к понедельнику будет составлен подробный отчет, как обстоит «гонорарное» дело. Специальный секретарь приводит (вот уже неделю!) в порядок запутанное наследство Галича.²

Несколько мне известно, Ваши сказки были помещены в №№ 1, 2, 5 и 9. В 9^м сказка называется «Клад», (т<о> е<сть> поименованная Вами 6-м номером). В 5 — «Земные тайности» (такого названия в Вашем письме нет).³ №№ 1 и 2го журнала я даже в глаза не видал. Выходит, что было помещено уже 4 сказки, в запасе остается 2 (?).

Посылаю Вам корректуру «России в письмах».⁴ (Введение и 7 письмо) откровенно Вам скажу, я бы их не печатал. Им место в Русск<ом> Архиве,⁵ Старине,⁶ даже не в *Истор<ическом> В<естнике>*.⁷ В Голосе жизни им совершенно не место, тем более, что писать о нашествии галлов, когда даже рождеств<енский> молебен отменен — довольно неловко.⁸ Но напечатать их *могу* во исполнение обязательства, принятого Галичем. Я предполагаю устроить дело иначе. Думаю, ликвидировать Ваш гонорар (200 р<ублей>) не построчно, а поштучно, т<о> е<сть>, мол, двести рублей уплочено не в сказки, т<о> е<сть> по 33 1/3 р<ублей> за сказку. А письма останутся «неоплаченные», в запасе. Таким образом, новые вещи подлежат *новому* гонорару вне тех 200 рублей. Но для него мне нужно переговорить с «Азиатом»⁹ и получить от Вас новый материал.

Очень бы вас просил написать мне письмо такой редакции, чтобы я мог его показать издателю: «Дорогой Д<митрий> В<ладимирович>. Пришлю Вам то-то и то-то. Гонорар такой-то». Впрочем, предупреждаю Вас, что больше 25 коп<еек> я платить не буду. Галич что делал: рассовывал авансы, платил Сологубу 50 к<оопеек>!!, а рядом помещал неоплаченную дрянь. Потому журнала не было, а была обложка, под которой иногда попадались приличные вещи.

Душевно Ваш Д. Ф.

Р. С. Сообщите мне список напечатанных сказок и оставшихся не напечатанными.

¹ Речь идет о принадлежавшем акционерному обществу издательства А. А. Каспари журнале «Голос жизни», в котором Философов в конце 1914 г. занял должность главного редактора. Ср. письмо Философова к Сологубу от 18 декабря 1914 г.: «Многоуважаемый Федор Кузмич, Вы, вероятно, слышали, что я приступаю к редактированию журнала „Голос жизни“. <...> Журнал будет скромный, демократический, и *вне*литературный даже в чисто литературном смысле» (РО ИРЛИ. ф. 289, оп. 3, № 708, л. 14—14 об.). Журнал прекратил свое существование в августе 1915 г. в связи с уходом Философова, рассорившегося с издателем.

² Подразумевается предшествующий редактор журнала «Голос жизни» публицист, критик Леонид Евгеньевич Галич (наст. фам. Габрилович; 1878—1953).

³ Название цикла сказок, вошедших в полном составе в сб. «Укреп» (Пг., 1916).

⁴ Речь идет об очерках Ремизова, основанных на документах бытовой и деловой русской письменной культуры. Впоследствии Ремизов собрал их в книгу «Россия в письменах» (М.; Берлин, 1922. Т. 1). В журнале «Голос жизни» ни один из очерков не был напечатан.

⁵ Журнал «Русский архив» выходил в Москве в 1901—1916 гг.

⁶ Ежемесячно историческое издание «Русская старина» выходило в 1901—1916 гг. в СПб.

⁷ «Исторический вестник» — историко-литературный журнал, который выходил в СПб. в 1901—1916 гг.

⁸ Речь идет о распоряжении Святейшего Синода об отмене в 1914 г. «молебного пения» по случаю избавления Отечества в 1812 году от нашествия галлов и с ними «двадцати язык» <так!>, традиционно исполняемого на церковной праздничной службе в Рождество Христово. Подробнее см.: *Гринякин Н.* Под огнем и мечом // Колокол. 1914. 21 дек. № 2591. С. 1; а также: По поводу «Рождественского молебна» (Письма в Редакцию) // Колокол. 1914. 24 дек. № 2593. С. 3.

⁹ Возможно, имеется в виду издатель «Голоса жизни» — А. А. Каспари.

27. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Алексей Михайлович!

Когда пришлете бурятскую сказку?¹
Как решилось с Серафимой Павловной?

Ваш Д. Ф.

7. I. 915.

¹ Речь идет о сказке «Яйцо ягиное», источником которой послужила сказка «Балдам-пахал и Арьяндива». Ее запись Ремизов нашел в книге А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания)» (СПб., 1913—1914. Вып. 3: Перевод и примечания. С. 74—77; Сер. «Издания Факультета Восточных языков Императорского С.-Петербургского Университета». № 42. Вып. 3).

28. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

11 марта <1915>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

«Яйцо ягиное» идет в № 12 (18 марта). «На все Господь» — в № 13 (пасхальном). Гонорар уплачу до Пасхи.² Точно не знаю день, но в самом непродолжительном — тяжком времени. Дело в том, что издатель кобенится и уверяет, что за Вами еще есть «аванс» (со времен Галича). Но не беспокойтесь. Я его переупрямлю.

Душевно Ваш Д. Философов.

¹ Датируется по почтовому штемпелю открытого письма.

² Среди писем Философова к Ремизову (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 220) имеется уведомление на имя Ремизова на почтовой карточке редакции журнала «Голос жизни» от 18 марта 1915 г., заполненное рукой Философова: «М. Г. Редакция журнала „Голос Жизни“ имеет честь уведомить Вас, что Ваши сказки помещены в № 4, 12, 13 журнала. Причитающийся Вам гонорар в размере 94 р. 80 к. (по 25 коп. за строку) можно получить в четверг 19го от 10 ч. до 4-х в конторе издательства А. А. Каспари, Лиговская ул., № 114 лично или через доверенность. Редакция».

29. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

<28 марта 1915 г.>¹

Кострома — Вам.

Яичко — Серафиме.

Солонка обоим, «в хозяйство».

Ваш Д. Ф.

Великая Суббота 1915 г.

¹ Датируется по содержанию.

30. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

5 окт<ября> <1>915 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Сегодня день Вашего ангела.² Всем нам тяжело и трудно, а все-таки Вы именинник!

Посылаю Вам маленький подарок: золотую чашку! Пейте из нее чай, хотя бы без сахара, и вспоминайте меня. Серафиму обнимаю.

Не знаю, как все устроится, но все-таки надеюсь, что «мы еще повоюем», что еще приду я к вам, посижу за самоварчиком и попьем мы чайку вместе.

Любящий Вас, старый друг Д. Философов.

Р. С. Дала ли Вам А. В. Тыркова экземпляр сборника?³ Если нет, я Вам пришлю.

Д. Ф.

¹ К письму прилагался конверт с надписью рукой Философова: «Имениннику, Алексею Ремизову, от любящего его Дмитрия Владимировича».

² 5 октября (ст. ст.) — день памяти святителей Петра, Алкссея, Ионы, Филиппа и Ермогена, Московских и всея России чудотворцев.

³ Речь идет о двухтомнике, посвященном А. П. Философовой — матери Д. В. Философова (СПб., 1915), состоявшем из книги А. В. Тырковой «Анна Павловна и ее время» и сборника документов и статей о семье А. П. Философовой, а также материалам о ее похоронах.

31. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

4/1 Янв<аря> <1>916

Дорогой Алексей Михайлович.

Пусть Замятин позвонит в ред<акцию> «Современного Слова» и спросит Максима Ипполитовича Ганфмана.¹ Его рассказ, кажется, не отвергнут, но его почему-то не хотели помещать в Рожд<ественский> номер.² Я — почти болен. В конце захворал (печень). 1 янв<аря> провалился. Сегодня ничего. Обнимаю Серафиму. И зачем Вы так далеко живете!!

Ваш Д. Ф.

¹ *Ганфман Максим Ипполитович* (псевд. Ипполитов; 1873—1934) — адвокат, журналист, являлся одним из редакторов-издателей петроградской ежедневной газеты «Современное слово», которая выходила с сентября 1907 по август 1918 г. и держалась, по определению редакторов, «беспартийно-демократических» позиций.

² В «Современном словес» в начале января 1916 г. рассказы Замятина не публиковались.

32. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Видит Бог, ничего не могу сделать для вашего брата. Никаких у меня туда ходов нет...¹

Чувствую себя *очень* худо. Не знаю, как доеду. Еду в Эссендуки. Обнимаю Серафиму.

Ваш Д. Философов.

1 мая <1916 г.>²

¹ Речь идет о ходатайстве за *Виктора Михайловича Ремизова* (1876—1919), который в июле 1914 г. был призван в армию. В феврале 1916 г. он серьезно заболел, однако после проведен-

ных пяти недель в военном госпитале и отпуска, данного по состоянию здоровья, так и не был демобилизован и в апреле 1916 г. был вынужден вернуться в расположение своей части, дислоцированной в Хотине. С аналогичной просьбой Ремизов обращался к А. А. Блоку. В письме от 5—6 июня 1916 г. он прилагал все необходимые сведения о брате. См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 121—122.

² Датируется по почтовому штампу.

33. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Сергиевская 83 кв. 17.
12 Янв<аря> <1>917 г.

Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

В Воскресение будет ровно 7 недель, что я лежу! С 27 ноября! То лучше, то хуже. У меня воспаление почечных лоханок.

На днях перечитывал *Сны* Ал<ексея> М<ихайлови>ча.¹ И многое вспомнилось. У меня до сих пор живо хорошее, любовное отношение к вам, но война меня замучила, а нынче и совсем прихлопнула. За всю свою жизнь я не припомню такого тяжелого времени в своей жизни, как последние 6—7 месяцев. И я вас не забыл, а внешне отошел в сторону.

Как-то вы живете? Боюсь, что плохо! Если дадите о себе весточку, буду очень благодарен.

Христос с вами обоими.

Д. Философов.

Р. С. Мережковские — в Кисловодске. Приезжают 20го Янв<аря>. Очень я по им соскучился.

¹ «Сны» Ремизова печатались в составе циклов «Бедовая доля» («Рассказы», 1910), «С очей на очи» («Подорожис», 1913) «Кузовок» («Весеннее порошье», 1915). Философов посвятил циклу «Бедовая доля» статью «Сны» в сборнике «Старое и новое» (М., 1912. С. 22—28).

34. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

14 I 1917

В. О. 14 л<иния> 31, кв. 48
во дворе. 209—69

Дорогой Димитрий Владимирович!

Узнал о Вашей болезни 12-го, а вчера письмо от Вас. По соседству с Вами есть очень хороший доктор, который лечил меня от колита, а Серафиму Павловну от холецистита — доктор прив<ат> доц<ент> М<едицинской> А<кадемии> Сергей Михайлович Поггенполь¹ (ординатор Сиротинина).² Преображенская, 13. 4—69—19. Звонить к нему, ч<то>б<ы> условиться, надо или утром в 8 ч<асов>, или в 6-ть вечера.

Доктор молодой, точный необыкновенно: назначить час, он в этот час и придет.

К нам на В<асильевский> О<стров> ему трудно, все-таки поехал, когда захворала Серафима Павловна: без меня случился с ней припадок.

44 дня и 44 ночи просидел я в клинике между Сыпным и Тифозным, свидетельствуя смерти человеческие.³ И сам в конце концов захворал восп<алением> толст<ой> киш<ки> и едва-едва дотянул до срока.

Потом прошел все ратное хождение по мукам, когда обращается человек в бесслов<есного> скота.

Прошел две комиссии и опять заключен был в госпиталь, да меня и выпустили после комиссии ученой.

Отчислили меня из ополчения по ст<атье> 65 А.

(хронический гастрит, хронический колит).

И по ст<атье> 37 (острота зрен<ия> = 0, 02 при 11 Д стекла № 3).

И не надо было меня так долго мерить, вешать, выкачивать. —

Все дело в том, что по совести не думали, что я действительно совсем негодный.

Но я многое мог бы претерпеть, одно было очень тяжело: болезнь Серафимы Павловны. Лежала она совсем одна, прислуга ушла. Все заняты, всем некогда. Не дай Бог!

Кончились мои мытарства 28 дек<абря>.⁴

Совсем я разбитый. И не могу наладиться.

Я к Вам пришел бы, Димитрий Владимирович, только когда и в какой час?

Ну, поправляйтесь, нехорошо.

А. Ремизов.

Кланяется Серафима Павловна Вам.

¹ Воспоминания о докторе *Сергее Михайловиче Поггенполе* (?—1919) Ремизов сохранил в очерке «Три могилы»: «Точный и верный, знающий и любящий свое дело, железный, вот какой он был...» (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 72).

² *Сиротинин Василий Николаевич* — лейб-медицик, тайный советник, академик, заслуженный профессор медицины.

³ Ср. главы книги «Взвихренная Русь» (1927) «По ратным мукам» и «Между сыпным и тифозным», описывающие пребывание Ремизова в военном госпитале (*Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. С. 18—26*).

⁴ Билет, временно освобождающий Ремизова от военной службы, был выдан ему 28 декабря 1916 г.

35. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

11/24/IV/<1 >918

Дорогой Алексей Михайлович.

Посылаю Вам вашу рукопись. Очень прошу первых 16 строк не печатать. Очень они для меня ценны, но слишком интимны.¹

1) Елисавет Филозофова — Елизавета Ксенофонтовна (рожд^{енная} Елагина). Ее муж² был сыном Дмитрия Ивановича, первого владельца Богдановского,³ взятого в приданое в царств^{ование} Петра I, за женой, рожд^{енной} Монастыревой.⁴ Жалованная грамота, времени Федора Алексеевича, дана на имя Монастыревых (большинство двор^{яных} имений псковск^{ой} губ^{ернии} этого времени). Сами Филозофовы — исконно-московские, и вологодские.

2) Письмо деда моего,⁵ от 1837 года — лживое. Он был великий мастер писать высокопарные письма и преувеличивать свои доблести. Он ни черта не делал в качестве уездного предводителя Новоржевского уезда (37 в^{ерст} от Богдановского) с семьей не расставался, а просто самодурничал и ссорился с помещиками.⁶ Да и делать было нечего, так как должность уездного предво^{дителя} стала серьезной администр^{ативной} функцией лишь со времен Ал^{ександра} II. Письмо же его имеет совершенно определенную цель: Алексей Иларионович <так!> был в то время генерал-адъютантом, близким лицом к Никол^{аю} Павл^{овичу}.⁷ Он вместе с государем был на Сенной площади, при холерном бунте.⁸ Впоследствии воспитывал Великих князей. Об этом есть в книге о маме.⁹ Дмитр^{ий} Никол^{аевич} обиделся, что сыновья Лариона <так!> Никитича¹⁰ не отдали ему визита. Вот «обиняками» и пожаловался. Вообще был великий подлец, не тем будь помянут.

Николай Дмитриевич и Елизавета Ксенофонтована погребены в склепе под Бежаницким храмом, который они выстроили в 1793 г. (снимки смотри в книге о маме).¹¹

Простите, что разболтался. У меня нет дворянских и родослов^{ных} замашек, но я люблю «родовую старину», честное слово, бескорыстно.

Нежно обнимаю Серафиму Павловну.

Душевно Ваш

Д. Филозофов.

P. S. Если это будет напечатано, подарите мне оттиск, хотя не понимаю, кому это кроме нас с Вами интересно?

Вся земля Богдановского захвачена. Парк пока оставили и дом еще не разграбили. Брат (владелец) уехал в Смоленск.¹² А то там многих помещиков (все больше родстве^{нников}) убили. Я «отказался» от Богд^{ановско}го — давно. Чужало мое сердце не доброе. В последний раз был там в 1913 году.

¹ Речь идет о рассказе, по всей видимости, так и оставшемся неопубликованным.

² *Филозофов Николай Дмитриевич* — помещик Новоржевского уезда Псковской губ.

³ Речь идет о фамильном имени Филозофовых в Бежаницкой волости Псковской губернии. Подробн^{ее} см.: *Солодов П. В.* Бежаницы: историко-географический очерк. Псков, 1998; «Усадьбы старые таинственной Руси»: Старинные русские усадьбы Бежаницкого района и их владельцы. Великие Луки, 2004. С. 1—22.

⁴ Речь идет о *Степаниде Гавриловне Монастыревой*.

⁵ *Филозофов Дмитрий Николаевич* (1789—1862).

⁶ См.: Сборник памяти Анны Павловны Филозофовой. Пг., 1915. Т. 1. *Тыркова А. В.* Анна Павловна Филозофова и ее время. С. 16—36 (гл. «Богдановский феодал»).

⁷ *Философов Алексей Илларионович* (1799—1874) — генерал от артиллерии, участник ту-русской кампании 1827—1828 гг.; адъютант вел. кн. Михаила Михайловича. В 1838 г. был назначен в воспитатели к вел. кн. Николаю и Михаилу Николасвичам.

⁸ Речь идет о массовом волнении горожан, крестьян и солдат, произошедшем 21 июня 1831 г. в Петербурге на Сенной площади во время эпидемии холеры и жестоко подавленном войсками.

⁹ См.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1. С. 17, 25, 26.

¹⁰ *Философов Илларион Никитич* (ум. в 1830-х) — надворный советник, предводитель дворянства в Новой Ладого в 1810 г.; имел четверых детей: Алексея (см. примеч. 7), Николая и сестер-близнецов — Наталью и Екатерину.

¹¹ См.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915. Т. 2. С. 144—145.

¹² После октября 1917 г. В. В. Философов переехал в Смоленск, где служил в библиотеке, затем, эмигрировав во Францию, работал хранителем Версальского музея.

36. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

17/30/IV/ <1 >918¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Вручите подателю сего рукопись для пасхального номера.²

Душевно Ваш

Д. Философов.

¹ На бланке газеты «Речь».

² Подразумевается ремизовский текст «Золотое подорожие. Электрорумовые пластинки», опубликованный в праздничном номере газеты «Наш век» (1918. 4 мая. № 89. С. 4). Газета «Речь», закрывая новыми властями 26 октября (8 ноября) 1917 г., продолжала выходить под разными названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Новая речь», «Век», «Наш век»; последний номер вышел 3 августа 1918 г.

37. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

6^e окт<ября> <1918?>

Дорогой Алексей Михайлович.

Вот что могу Вам сообщить о Галичине.

1) *Де Воллан*. Угро-русские народные песни (СПб. 1895. XIII т. *Записок Геогр<афического> Общ<ества>*).¹

2) *В. В. Макушев*. Южно-русские сказания по рукописи библиотечки Оссолинских во Львове (*Журн<ал> Мин<истерства> Нар<одного> пр<освещения>*. 1881. № 9).²

3) *Я. Ф. Головацкий*. Народные песни Галицкой и Угорской Руси (*Чтения Моск<овского> общ<еств> любит<елей> писм<енности>*. 1865—1878).³

4) Киевская старина.⁴

5) Записки наукового товариства імени Шевченка (Львов)⁵ получить можно через контору Літературно-наукового Вістника. Київ. Прорезная 20 (отд<еление> конторы — у Корбовникова).

Но всего лучше, если Вы непосредственно обратитесь к сыну историка Грушевского. Он живет в Петербурге, приват-доцент университета, специалист по украинской литературе.⁶

Зовут его Александр Сергеевич. Лиговский пер., 4, телефон 176—48.

Это мне сказал Карташев. Не знаю, здесь ли только Грушевский! Справьтесь! Если его нет, то сходите в Публичную библиотеку, от 12 до 3, в богословское отделение, к Карташеву,⁷ он Вас познакомит с нрзб.>.

Ваш Д. Ф.

Простите, что замедлил! Еще в Пятницу вечером все это узнал, но некогда было написать.

Серафимушку обнимаю нежно.

Д. Ф.

¹ См.: Воллан Г. А. де. Угро-русские народные песни // Записки Русского географического общества (По отделению этнографии). СПб., 1885. Т. 13. Вып. 1.

² См.: Макушев В. Южно-Русские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских во Львове // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1881. Сентябрь. С. 94—112.

³ См.: Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси // Общество истории и древностей российских. М. Кн. 1. 1863—1867; 1870—1871; Кн. 2. 1871—1872; 1876—1877.

⁴ Ежемесячный исторический журнал, выходивший в Киеве с января 1882 г. по сентябрь 1906 г. (всего 94 тома).

⁵ Издание выходило в 1892—1937 гг.

⁶ Речь идет об историке, архивисте Александре Сергеевиче Грушевском (1877—1943), сыне историка, этнографа и педагога Сергея Федоровича Грушевского (1833—1901).

⁷ С 1912 по 1917 г. А. В. Карташев возглавлял Отделение богословия Публичной библиотеки.

38. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

31.VII. 1919¹

Дорогой Димитрий Владимирович!

Посылаю Вам документ из старины философской, когда Философовы через Θ-ту писались² и жил-был на белом свете подканцелярист Сергей Пантелеев.

Этот документ 1779-го года взят мною из архива сельца Загвоздья Философовых.³ Присоедините его к письмам. Он должен быть в архиве Вашего рода — Ваших Философовых, а не тех.

Разобрал я архив с. Загвоздья, написал реестр Документов тысяча сто и один (1101).

1763—1845, 1873, 1884.

Среди них писем 1051 письмо.

Разделил на 27 связок.

Каждое письмо в отдельный листок вложил и передаю реестр Якову Петровичу Гребенщикову для показания.⁴

Письма относятся к Петербургу — жизни петербургской и, конечно, к Загвоздью.

Место этого архива в Петербурге.⁵

Гребенщикова и прошу устроить его — не согласятся ли в Публичную библиотеку.

Посылаю копию документа, прочитайте и мне верните — я присоединю к копии писем, которые у Вас <взял?> для своей «России в письменах».⁶

Всего вам хорошего,
Димитрий Владимирович.

Алексей Ремизов.

¹ На бланке Народного комиссариата по просвещению. Театральный отдел. Репертуарная секция. С мая 1918 по ноябрь 1919 г. Ремизов служил в историко-театральной репертуарной секции петроградского отделения ТЕО Наркомпроса, в ведении которой был отбор и рецензирование драматических произведений для постановки на сцене государственных театров.

² Род Философовых вел свое начало от Марка Македонина Философа, приехавшего на Русь во времена Владимира Святого вместе с греческими послами. В начале XX в. в родословной таблице Философовых значилось 145 имен.

³ Именис «Загвоздь» было построчно на землях, полученных Философовыми в Обонжской пятине Новгородской земли в середине XVI в. См.: *Игнатенко В. Ф.* Философовы в Новолодожском уезде // Философовские чтения. С. 12—26. Очевидно, речь идет о неизвестном фамильном документе живших в Загвоздье Анны Никитичны Философовой и ее брата Иллариона Никитича Философова, а также его жены Пелагии Алксеевны (в девичестве Барыковой) и их детей — близнецов Наталии и Екатерины Философовых. Все они упоминаются Ремизовым в очерке «Оракул. Географическое» («Пряник осиротевшим детям»). Сборник в пользу убожища общества Детская помощь. Пг., 1916). См. вступ. статью.

⁴ *Гребенщиков Яков Петрович* (1887—1935) — друг Ремизова, библиофил, сотрудник Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. См. о нем: *Ремизов А.* Яков Петрович Гребенщиков. 1887—†1935 // *Последние новости*. 1935. 9 мая, № 5159; а также: *Суворова В. П.* Я. П. Гребенщиков — библиотekarь, библиофил, человек // *Книга: Исследования и материалы*. М., 1995. Кн. 70. С. 157—167; *Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь*. СПб., 1999. Т. 2. С. 211—214; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 219—225.

⁵ Корпус документов, связанных с Философовыми, обособившимися в Новолодожском уезде, хранится в Российском государственном историческом архиве (ф. 1075, оп. 1), однако отыскать среди этих материалов следы ремизовской «архивной» обработки в настоящее время не представляется возможным.

⁶ О материалах из архива Философовых, предполагавшихся для второго тома «России в письменах», см. в статье А. д'Амслия «Книга без конца: „Россия в письменах”» (*Алексей Ремизов: исследования и материалы*. Pietroburgo; Salerno, 2003. С. 134—137).

Поздравляю Вас, дорогой Димитрий Владимирович,
с днем ангела.

Пишу изувеченный болями с отбитым нутром.

Был Сологуб, рассказывал о рукописях.²

Могу предложить в библиотеку рукопись Посолони,³ рукопись ненапечатанной повести моей — Ров львиный (1914—1917). 8 листов.⁴

Достану рукопись Крестовных сестер.⁵

Достану 2ое издание Пруда с вклеенными листами.⁶

Есть у меня письма Леонида Андреева,⁷ В. В. Розанова,⁸ Блока,⁹ Белого,¹⁰ Горького.¹¹

Алексей Ремизов.

¹ Датируется по содержанию.

² В тетради Ф. Сологуба «Записи о доходах за 1918—1919 гг.» зафиксировано, что в октябре 1919 г. он продал в Публичную библиотеку рукописи «Мелкого беса» за 1000 рублей и «Тяжелых снов» за 3000 рублей (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 181, л. 2об.). Продажа авторских рукописей была вынужденной мерой, спасающей от нищеты и голода. Ср. записи Ремизова осенью и в начале зимы 1919 г.: «Думал: подам прошение Советскому Народным Комиссарам расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать»; «Ничего не пишу. Только старое, старое, старое, чтобы только как-нибудь прожить» (Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. 16. С. 487—488).

³ Передача рукописи не состоялась. Сохранились отдельные автографы «Посолони», а также авторский макет шестого тома «Сочинений» (Сказки. СПб.: Шиповник, [1911]), собранный из печатных текстов ранних редакций, с многочисленной правкой и рукописными вставками автора, а также с корректорскими пометами, который в 1910-х гг. был передан Иванову-Разумнику (РО ИРЛИ, ф. 79). Подробнее см.: *Обатина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 13—14.

⁴ Передача рукописи не состоялась. О рукописных источниках романа, имевшего также авторское название «Плачужная канава», см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4. С. 526—529.

⁵ Черновая и наборная рукописи повести «Крестовые сестры» (1910) были подарены Ремизовым Иванову-Разумнику (РО ИРЛИ, ф. 79).

⁶ Наборная рукопись третьей редакции романа «Пруд» (1902—1903, 1911) с многочисленной авторской правкой и обширными дополнениями в тексте и на вклеенных листах первоначально находилась в домашнем архиве Иванова-Разумника.

⁷ Речь идет о письме Л. Андреева 1903 г., которое было передано в Публичную библиотеку в 1920 г. в составе писем, собранных Ремизовым в сброшюрованный «Том первый» (см.: ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 35—36); опубликовано в статье А. Грачевой «Алексей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме)» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 45). См. также «Рестр писем к А. Ремизову с 1902 года» (ОР РНБ, ф. 634, № 273).

⁸ Передача писем не состоялась. Письма Розанова были опубликованы Ремизовым в свою книгу «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923). Об истории создания книги и ее эпистолярных источниках см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 523—526. В дневнике писателя сохранился также реестр составленных им томов корреспонденции, среди которых значится 17 писем Розанова. См.: *Ремизов А.* Дневник 1917—1921. С. 499.

⁹ См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) // Александр Блок: Новые исследования и материалы. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 63—142. Письма Блока (как и всех других адресатов Ремизова) находились в составе альбомов писем, переданных писателем в Публичную библиотеку в 1920 г. В 1950-х гг. при обработке архива письма разных адресатов, собранные Ремизовым в отдельные тома в соответствии с единым хронологическим принципом, были расшиты, и из них образованы отдельные единицы хранения, объединяющие все имеющиеся письма одного адресата. Так в составе ф. 634 была сформирована ед. хр. № 61: «Письма А. А. Блока к Ремизову (24). 1905—1912».

¹⁰ 15 писем Андрея Белого к Ремизову за 1906—1917 гг. см.: ОР РНБ, ф. 634, № 57.

¹¹ Публикацию писем см.: Литературный современник. 1933. № 1. С. 151—152; а также: Горький М. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 377. См. также: Крюкова А. А. М. Горький и А. М. Ремизов (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 192—212. Публикация в «Литературном современнике», осуществленная с личного разрешения Горького, сопровождалась послесловием писателя М. Э. Казакова, подписавшегося «Г. Г.»: «В период, когда было написано первое письмо, оба писателя находились в ссылке: Горький в Арзамасе, Ремизов в Вологде. Получив от Ремизова одно из первых его произведений (вероятно — «В плену»), Горький, очевидно, надеялся найти в нем призыв к революционной борьбе, обличение российских мерзостей крепостнического, полицейского строя. Оказалось, что повесть Ремизова не только не зовет на борьбу с врагом, но, возможно, порадует врага: „Ишь, мол, как мы тебя, прижали. Кричишь?” (Литературный современник. 1933. № 1. С. 152). В 1933 г. в эмигрантской прессе появилась заметка «Письма Горького к А. М. Ремизову»: «В Гос. публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина хранится архив А. М. Ремизова. Ныне из этого архива извлечены и напечатаны три письма М. Горького, относящиеся к 1902—1905 гг. Горький в своих письмах весьма резко отзываясь о произведениях молодого Ремизова, в частности о романе „Пруд”. Эти резкие отзывы, разумеется, несколько не могут задеть Ремизова. Зато они красноречиво свидетельствуют о бездарной тупости литературных суждений самого Горького, который требует от Ремизова „обличений”, „мести”, а не „узоров”, и боится, что писания Ремизова „не разбудят народ”. Вся эта чепуха дала повод лакействующему комментатору заявить, что Ремизов, „ныне находящийся в эмиграции, воспринявший октябрьскую революцию как гибель русской земли”, всегда был и остался „декадентом”, враждебным революции» (Гулливер <В. Ф. Ходасевич, Н. Н. Бсрберова>. Литературная летопись // Возрождение. 1933. № 2921. 30 июня. С. 4). В ремизовском альбоме «Мой петербургский архив», составленном в 1948 г. из писем к нему от разных лиц, а также газетных вырезок, публикация из газеты «Возрождение» сопровождалась комментарием: «В первую мою встречу с Горьким после 1906 г. — в 1919 первое слово Горького: „как сму стыдно, что он когда-то писал мне”» (Amherst. Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой). См. также очерк Ремизова «Три письма Горького» (1950), где в связи с письмами Горького дореволюционного периода упоминается и публикация Казакова: «Письма напечатаны в России в 1933 году без моих комментариев под общим редакционным: „как Горький своевременно шуганул Ремизова”. А взяты письма из моего многотомного рукописного архива (1902—1920), хранился в Гос. Публичной Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина» (Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 284). 28 марта 1936 г. три письма А. М. Горького к Ремизову, хранившиеся в РНБ, были переданы в Комиссию по литературному наследству Горького в Москву.

40. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

Дорогой Димитрий Владимирович!

О «Пруде» еще раз написал Разумнику.¹

Понес письмо Петров Водкин Кузьма.² Прошу его прямо к Вам направить в Публ<ичную> библ<иотеку>.

Посылаю два тома писем — 155 — и реестр, который буду продолжать по томам.

Хотел украсить собрание мое — нету Часов.³

К 1905 году есть у меня некая память, краткий временник — может, его приложить к письмам 1905.⁴

Есть у меня том карикатур на меня, не понадобится ли это добро.⁵ И есть мои картинки «война», «революция», «хождение по ратным мукам».⁶

1914 1917 1916

24 XI / 11 1919.

Алексей Ремизов.

I т. 1902—1903—1904 — 73

II т. 1905 — 82

III т. 1906 — 146

IV т. 1907 — 93

V т. 1908 — 100

VI т. 1909 — 69

VII т. 1910 — 103

VIII т. 1911 — 183

IX т. 1912 — 224

1073⁷

1071

¹ В ответ на просьбу Ремизова вернуть рукопись романа *Иванов-Разумник* (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) писал 27 ноября 1919 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, мне приходится, в суете, поднимать такие Гималаи своего архива, что не мог доселе найти „Пруд“; переискал в четырех шкапах, значит он в пятом, и сегодня же всчсром я его раскопаю — и привезу с собой в Воскресенье 30/XI на открытое заседание нашей „Скифской Академии“» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. зам. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования*. СПб., 1998. Вып. 2. С. 96). В 1920 г. рукопись была передана Ремизовым в Публичную библиотеку (ф. 634, № 5).

² *Петров-Водкин Кузьма Сергеевич* (1878—1939), — художник и прозаик.

³ Речь идет о рукописи романа «Чась» (1908).

⁴ Подразумевается дневник, который был положен в основу книги «Кукха. Розановы письма». См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 33—127.

⁵ Передача не состоялась.

⁶ Речь идет об альбоме с рисунками «Война» (1914—1916), который не был передан в Публичную библиотеку. В настоящее время он хранится в Государственном литературном музее (№ 59935А. 5593/1). Местонахождение альбомов «Революция» и «Хождение мое по ратным мукам», передача которых в Публичную библиотеку в 1920 г. также не состоялась, неизвестно. Вероятно, альбом «Хождение мое по ратным мукам» был создан в период с 24 октября по 6 декабря 1916 г., когда Ремизов, находясь в военном госпитале на обследовании, зарисовывал свои реальные впечатления о различных рецидивах жизни на фронте и в тылу. Об одной из таких рисованных «хроник» упоминает Е. Ф. Книпович: «...смотрела „Книгу мертвую“ — сборник лазаретных рисунков, когда он там лежал на испытании. Сборник всяческих бед, смерти, боли, страдания человеческого» (*Книпович Е.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26). По-видимому, именно с этих тетрадей в творчестве Ремизова утвердился жанр графического дневника, в эскизных рисунках фиксирующего острейшие жизненные переживания.

⁷ «Реестр писем к А. Ремизову с 1902 года», составленный Ремизовым для Публичной библиотеки 23 ноября 1919 г., см.: ОР РНБ, ф. 634, № 273.

Дорогой Димитрий Владимирович!

Посылаю Вам письма т. III — IX

1906—1912

на этих томах, на обложке, я переписываю карандашом № и К° документов.

Прошу вас, поставьте на I (1902—3—4): т. 1

73 п<исьма>

————— »————— II (1905)<:;> т. 2

82 п<исьма>.

Прилагаю реестр писем, присоедините его к реестру т. I и II, оканчивающегося 7-ой страницей.

Буду продолжать регистрацию и доставлю Вам с 1913 по 1919 еще 6 томов.¹

Письма все просмотрены Серафимой Павловной.

Посылаю Вам «Пруд».

С кратким описание истории его.

Этот Пруд я отдал когда-то Ив<анову>->Разумнику в его архив, теперь по всеобщему разорению принужден взять и передать для Публ<ичной>->биб<лиотеки>, если найдете его замечательным.

Алексей Ремизов.

¹ В реестре, составленном Ремизовым 3 марта 1920 г. в его Дневнике, значатся тома писем, охватывающих более значительный период времени: с 1902 по 1921 г. Однако при передаче в архив своих документов Ремизов изменил решение и отдал в Публичную библиотеку лишь материалы по 1912 г. включительно. Письма 1913—1921 гг. после отъезда Ремизова за границу поступили в Пушкинский Дом.

42. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoвy

Дорогой Димитрий Владимирович!

Расскажу Вам историю Пруда моего. Помню, Вы первый откликнулись на него.

Пруд написан за зиму 1902—1903 г., в Вологде. Читал я его в первый раз у Агге Маделунга,¹ были слушатели:

Б. В. Савенков <так!— Е. О.> с Верой Глебовной, ур<ожденной> Успенской,² С. П. Довгелло, Ив. Пл. Каляев,³ П. Е. Щеголев, В. А. Жданов.⁴

Напечатан был Пруд в «Вопросах жизни» в 1905 г. — это первая редакция.

А до того времени — два года — ходил он по белу свету, был и у Куприна, и у Аничкова — под глазом П. Е. Щеголева.⁵

Много было хулителей и гонителей на эту книгу и долго издателя не мог найти (были и читатели верные — очень немного — и все-таки были: Варвара Дмитриевна Розанова, по ее собственному признанию 5 раз прочла).⁶

В 1908 г. издал Пруд «Сириус» (С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников) — это вторая редакция.

А третья редакция перед вами для Шиповника в Париже начата, а конец в Женеве. И правой и левой рукой.⁷

Принял о ту пору огненную муку — синяя висела у меня рука, как хвост, от ушиба — снился мне сон Иакова — поднялся я с болью и семь дней и семь ночей, свету не видя, мучался.

Вот три редакции, сейчас Пруд у З. И. Гржебина.

Не хотелось бы мне перепечатывать в 3-ей ред<акции>, а еще раз редактировать времени нет:

Культ мускулов!⁸
а во мне чуть душа держится —
Времени и нет

Алексей Ремизов.

5 XII 1919

н/с

¹ *Маделунг Аггей (Оге, Ааге) Андреевич* (1872—1949) — датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Сорснхаген, 1976. В Вологде ссыльные часто собирались в доме Маделунга. Об одной из таких встреч Ремизов вспоминал: «Помню один вечер — был Савинков, Щеголев, еще Жданов. Сидели, рассуждали — мирно шел разговор, только очень напряженно — Савинков тогда еще только готовился к подвигам своим, кипело. — И вдруг во время разговора хозяин наш ни с того, ни с чего вскочил на стол и, представляя коня, пустился по столу беситься, как настоящий стоялый жвьгтский конь» (*Ремизов А.* Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. С. 39).

² *Успенская Вера Глебовна* — дочь писателя Г. И. Успенского; жена В. Б. Савинкова, брак с которым распался в 1908 г. О вологодской ссылке см.: *Савинков Б. В.* Воспоминания // *Было.* 1917. № 1 (23). Июль. С. 149—150.

³ *Каляев Иван Платонович* (1877—1905) — революционер-террорист.

⁴ *Жданов Владимир Анатольевич* (1863—1932) — присяжный поверенный, за принадлежность к партии «Народное право» в 1895—1897 гг. находился в ссылке в Грязовце, после окончания срока проживал в Вологде под негласным надзором полиции. Об общем дружеском круге см. также: *Ремизов А.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсь. М., 2002.

⁵ О том, что Щеголев в 1904 г. показывал «Пруд» А. И. Куприну и Е. В. Аничкову, Ремизов упоминает в комментариях к собственным письмам, адресованным жене. См.: *Ремизов А. М.* На вечерней заре // *Еуропа Orientalis.* IV. С. 265. См. также: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904) / Публ. А. М. Грачсвой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997.* СПб., 2002. С. 153—202.

⁶ Ср. комментарий Ремизова к письмам В. В. Розанова: «1905 г. в „Вопросах Жизни“ печатался мой роман „Пруд“. Встречен был не безразлично: очень ругали. Ни печататься — нового не принимают, ни издавать — все отказывают. Защитником моим была Варвара Дмитриевна Розанова: пять раз прочитала она „Пруд“ — и „ничего не поняла“. Так она с горечью призналась нам. А В. В. набросился на Пирожкова. Ругался. Но и это не проняло» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 542). Та же подробность повторяется Ремизовым и в позднейших воспоминаниях: «Варвара Дмитриевна Розанова читала мой „Пруд“ пять раз и „ничего не пони-

маю”, — она говорила со скорбью; она искренно хотела помочь мне» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 205).

⁷ Речь идет о работе над третьей редакцией романа «Пруд» для собрания сочинений писателя в издательстве «Шиповник» (СПб., 1911. Т. 4), которую Ремизов начал, находясь в Париже (май—июнь 1911 г.), и продолжил, переехав в Женеву, в июле. Работа была осложнена воспалением надкостницы правой руки. См.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 92—96. Описание трех редакций романа см. также в статье Ремизова «О разных книгах»: Воля России. 1926. № 8/9. С. 231—232.

⁸ По-видимому, реакция на революционную пропаганду советской власти. В дневнике писателя этой фразой начинается запись от 3 декабря 1919 г. (Ремизов А. Дневник 1917—1921. С. 488).

43. Д. В. Философов — Ремизовым

14 Декабря 1921
Београд
Хотел Национал
Богојвленска ул.
Hôtel National
Belgrade
Jougoslavie

Дорогие друзья

Серафима Павловна и Алексей Михайлович.

Вот куда меня судьба занесла, надеюсь, на время.¹

Прочел я Ваш фельетон о Блоке,² А<лексей> М<ихайлович>, и захотелось Вам написать. О Вашем приезде в Европу я прочел давно, но не знал вашего адреса.³ Теперь же знаю, что вы осели в Берлине, и рискую написать на редакцию «Руля».⁴

Не знаешь, с чего начать. Ведь в последний раз мы с вами виделись <в> Публ<ичной> Библиотеке,⁵ в Декабре 19го года, незадолго до нашего побега (24 дек<абря> 1919 г<ода>). Ровно два <года> и каких. Кое-что, впрочем, вы обо мне слышали, чуть ли не даже от Мережковских. Помню, я даже немножко на вас обиделся, что вы мне не написали в Варшаву.

Из Варшавы я выехал 3го ноября, после почти полугодового там сидения. Выехал в Прагу, где был вместе с Б<орисом> В<икторовичем>.⁶

23го я, вместе с А. А. Деренталем,⁷ двинулся из Праги сюда, а он отправился в Париж, где ныне и находится (если не уехал в Лондон). Недели через три-четыре с ним встретимся, еще не знаю, впрочем, где. Куда двинемся дальше — зависит от очень многих обстоятельств. Таковы внешние планы.

Внутренние же планы — мечты о падении «существующего строя». Я не знаю, что вы уже слышали о нашей группе, под председательством Б<ориса> В<икторовича>.⁸ Полагаю, ничего, кроме дурного, потому что ровно полтора года, как мы работаем вместе, и ровно полтора года, как нас травят. Надо одно сказать, что антипатия взаимная. У меня выработалось очень жесткое мнение о нынешней эмиграции всех толков: будь то Париж, где сидят суесящиеся тузы, крайне занятые резолюциями, комитетами и жалованьями, будь то Прага, где недавно еще царил милейший Саша

Кер<енский>,⁹ будь то Белград, где Родзянку и Челнокова бойкотируют,¹⁰ как красные, будь то Берлин, где я не был, но где мне эмиграция кажется наиболее чуждой: смешение Рейхенгольда¹¹ с еврейскими спекулянтами, явное соглашательство прав<ительст>ва с большевиками, и «культурная работа» нашей братии с «аполитичными» журналами и «Жар-Птицей».¹²

Не осуждаю — пить-есть надо. Но все-таки отвратительно. При царском режиме — время шло медленно, отсутствие из России в течение трех лет — не отрывало от нее. Теперь время бежит сумасшедше, Россия меняется, и мне кажется, что все мы, эмигранты, *уже* потеряли связь с Россией, почти чужие для нее. Что, например, сказать о наших заграничных дипломатах, которые покинули Россию *до* войны, сидят теперь в Париже, Варшаве, Праге, Белграде и по-своему вершат дела эмиграции и России. Не знаю, что будет с Россией. Твердо верю, что Бог спасет ее, и никакие Эйнштейны (или как они там зовутся) со своими новыми теориями «релятивизма» (!!) не убедят меня, что нет абсолютных ценностей. Но так же твердо знаю, что строить новую Россию нынешняя эмиграция не будет. Будущая Россия изрыгнет ее, как инородное, непереваренное тело. Никого так не ненавижу, как наших коммунистов, но они правы, когда не считают-ся с эмиграцией...

С Мережковскими мы расстались больше года.¹³ Они уехали из грязной, тяжелой, неудобной Варшавы. Их потянуло в Европу, к «культуре и цивилизации», как будто старая Европа сохранилась. В дек<абре> 1920го г<ода> я был в Париже, видел их. Они тоскуют, мнутяся. Теперь, кажется, несколько успокоились. Налет отмеченной эмиграции сказался, по-моему, и на их «ликке». Книга, изданная ими (при моем символич<еском> участии), мне кажется ненужной.¹⁴ Но опять-таки не сужу. Всем трудно, все заблудились, растерялись...

Про себя скажу, что оплакиваю Варшаву, испытываю большое горе, что пришлось ее покинуть. Там сплошная граница с Россией, в 1000 верст, и в границе было много рам выколочено. Через разбитые рамы неся русский воздух. Иногда смердящий, иногда морозно чистый. Но главное — русский. В Париже и здесь подлинной России, сегодняшней, и не чувствуешь.

Стар я стал очень, дорогие мои. Не только душевно, но и физически. Жду покоя. Последнего. Но Бог не берет. Значит, должен еще идти по страдному пути.

Белград напоминает Харьков, к которому «припущен» Пятигорск (типы в фесках и всяческие албанцы). Русский шрифт на вывесках еще больше дает иллюзию русского провинц<иального> города. Но, Боже, какая провинция! Холод стоит собачий, но вместо печей железн<ые> печурки без заслонок. Кажется, что сидишь в теплушке. Адская жара, а ночи холодные. Но народ здоровый, рослый. Человеческий материал великолепный. Лучше *еще* дикие здоровяки, нежели *одичавшие* европейские сифилитики. В конце концов, ведь над всем восторжествовал *негр*. Ну, уж, и еда тут! Несовместимое. Я просто не знаю, что и есть. Жир — с перцем. Перец сыпят ложками. Если сразу <не> слопаешь, что тебе дали — блюдо сейчас же по-

крывается коркой застывшего сала. Зато местное вино в графинах очень симпатичное. Особенно «црно вино».

В Праге мы все говорили «просим» и ели «полевки». Здесь говорят «мóлим» и едят «горбу». Кстати, в Праге *свежий* хлеб называется *черствый*. Музыка — «худьба», а театр — «дйвадло». Тут театр — «позориште». Дом — «куча», мужчина — *самец*, а комната — *соба*. В газетах объявление: «соба для самца». Да, не думал, не гадал, что на старости лет перевидаю столько «братьев-славян». Католичество здесь очень сильно, православие уже ничтожно. В Белгр<аде> три церкви, и то жалкие. И опять-таки не знаю: *еще* не существует православие или *уже* не сущ<ествует>. Ну, довольно. Дайте весточку.

Христос с вами.

Д. Философов.

Р. С. Александр Аркадьевич Деренталь послал в «Грани» предложение издать сборник своих рассказов. Милый А<лексей> М<ихайлович>, справьтесь и окажите протекцию, чем очень обяжете. Он человек не бездарный, и рассказы его вполне литературные.¹⁵

Д. Ф.

¹ Временное нахождение Д. В. Философова в Белград было, очевидно, связано с усилиями по консолидации антибольшевистских сил вокруг организованного Савинковым «Русского политического комитета».

² Речь идет об очерке «Из огненной России (Памяти Блока)», который был опубликован впервые в парижской газете «Последние новости» (1921. 2 дек. № 500. С. 2—3) с указанием места и даты написания: «Берлин, 7 ноября 1921 г.».

³ О местонахождении Ремизова после его отъезда из Петрограда 5 августа 1921 г. сообщил выходивший в Берлине журнал «Русская книга»: «А. М. Ремизов, выехал из Петербурга за границу и находится сейчас с женою в Ревеле (Poskastr. 15). Хлопочет о визе в Берлин» (1921. Июль—август. № 7—8. С. 27). В начале сентября 1921 г. берлинская газета «Руль» информировала: «По ходатайству правления союза русских журналистов и литераторов в Германии, германское министерство иностранных дел разрешило въезд в Германию находящемуся в Ревеле, недавно бсжавшему из России писателю А. М. Ремизову» (1921. 5 сент. № 252. С. 5).

⁴ Крупнейший печатный орган русской эмиграции ежедневная газета «Руль» начала выходить в ноябре 1920 г. под редакцией И. В. Гессена, А. И. Каминки и В. Д. Набокова и просуществовала до октября 1931 г.

⁵ До своего бегства из России Философов служил библиотекарем в Публичной библиотеке.

⁶ После неудачного похода армии генерала С. Н. Булак-Булаховича на Москву принимавший участие в военных действиях Савинков, под давлением польских властей, был вынужден оставить Польшу.

⁷ *Дикгоф Александр Аркадьевич* (псевд. А. Деренталь; 1855—1939) — политический деятель, публицист, беллетрист; с 1918 г. ближайший помощник Б. В. Савинкова, в 1920—1924 гг. постоянный автор рассказов и фельетонов в редактируемой Философовым газете «Свобода» («За свободу!»), журналов «Грядущая Россия», «На чужой стороне» и др.

⁸ Речь идет о «Русском политическом комитете». Б. В. Савинков приехал в Варшаву в январе 1920 г. после подавления организованных им антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске и Муроме и разгрома армии Колчака. Здесь, сблизившись с Мерезжковскими и Философовым, при содействии маршала Й. Пилсудского создал из бывших военнопленных «третью армию» — «Русский политический комитет» (или «Русский эвакуационный комитет»), назначив председателем Д. В. Философова. Подробнее см.: *Дюррант С.* По материалам архива Д. В. Философова // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. 5. С. 451—455). Од-

нако после ликвидации РПК 7 октября 1921 г. и несмотря на высылку из Польши большинства его членов, Философов оставался в Варшаве, и, по-видимому, его пребывание в Белграде было командировкой, связанной с антибольшевистской деятельностью.

⁹ *Керенский Александр Федорович* (1881—1971) — верховный главнокомандующий русской армией во Временном правительстве. После революции 1917 г. сначала бежал в Финляндию, затем в Париж. В начале 1920-х гг. эпизодически бывал в Праге.

¹⁰ Очевидно, подразумевается деятельность *Михаила Владимировича Родзянко* (1859—1924) в возглавляемой *Михаилом Васильевичем Челноковым* (1863—1935) антибольшевистской организации «Русский отдел Общества славянской взаимности» в Сербии.

¹¹ Букв. — золото империи, золото Рейха (*нем.*).

¹² Литературно-художественный, ежемесячный журнал «Жар-Птица» (1921—1926), печатался в Берлине (ред.-изд. А. Э. Коган), а редактировался как в Берлине, так и в Париже (лит. ред. А. Черный; худ. ред. Г. К. Лукомский). Журнал в основном специализировался на вопросах современного европейского искусства и уделял большое внимание качественному воспроизведению репродукций. В отношении литературы создатели «Жар-Птицы» не придерживались каких-либо определенных направлений, помещая произведения Н. А. Тэффи, К. Бальмонта, В. Сирина (В. Набокова), А. Ремизова и др.

¹³ Тайно выехав из Петрограда 24 декабря 1919 г., Мережковские и Философов обосновались в Варшаве, где, объединившись с Б. В. Савинковым и при поддержке Й. Пилсудского, пытались организовать военную оппозицию советской России. После того как Польша 11 октября 1920 г. заключила перемирие с Россией, Мережковские, разочарованные ее политикой и поведением Савинкова, который отказывался посвящать их в конспиративную работу, покинули Варшаву 20 октября 1920 г. Остановившись в Висбадене, они в течение трех месяцев безуспешно ожидали присоединения Философова. По мнению З. Н. Гиппиус, назначением Философова председателем РПЭК Савинков разрушил многолетний триумvirат «Мережковские—Философов». Подробнее см.: *Лакмусс Т. А.* Борис Савинков в жизни Зинаиды Гиппиус // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 109.

¹⁴ Речь идет о книге «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922; вышла в 1921 г.), куда были включены воспоминания Д. В. Философова «Наш побег» (С. 157—176). Состав сборника см.: *Колеров М.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947. М., 2000. С. 91.

¹⁵ Прозаические произведения А. А. Деренталя выходили в сборниках «Рассказы» (Варшава, 1921), «В наши дни» (Прага, 1922), а также «Сингапурская красавица» (Берлин, 1923). В берлинском издательстве «Грани» сборник рассказов Деренталя не публиковался.

А. Д. РЕЗНИКОВ. РАННИЕ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Публикация Е. Р. Обатниной

Парижские годы жизни писателя А. М. Ремизова были скрашены дружеским общением и поддержкой семьи Черновых—Андреевых—Резниковых—Сосинских. Все они сохранили живые воспоминания о писателе. Наталья Викторовна и Даниил Георгиевич Резниковы в конце 1940-х—1950-е гг. преданно и подчас самоотверженно занимались изданием произведений писателя, его переводами и многими бытовыми проблемами. В общении с Ремизовым проходила и жизнь их детей. Младший сын Резниковых — Егор Данилович — профессор Парижского университета, философ и математик стал не только участником первой международной ремизовской конференции, прошедшей в стенах Пушкинского Дома в 1992 г., но и как специалист по древнерусской и средневековой европейской музыке написал статью мемуарного характера «Музыка и Ремизов».¹ Его старший брат Андрей Данилович Резников решился на воспоминания о писателе только несколько лет назад. Он отчетливо запомнил все детали той чудесной атмосферы, которую Ремизов умел создавать вокруг маленьких детей. Возможно именно реальность ремизовского образа, береженная памятью Андрея Даниловича, помогла ему в работе над зарисовками, обращенными в 1930—1940-е гг. Как и все представители семьи Черновых—Резниковых—Андреевых—Сосинских он был посвящен в члены знаменитого общества «Обезьянья Великая и Вольная Палата» и с юности носил звание «обезьяньего доктора».²

Воспоминания А. Д. Резникова публикуются по авторизованной машинописи, переданной им в фонд А. М. Ремизова РО Пушкинского Дома в начале лета 2004 г. С разрешения А. Д. Резникова в текст внесена незначительная правка. Публикатор выражает сердечную благодарность Розе Андреевой-Лемперт за подготовку компьютерного набора текста воспоминаний.

¹ См.: *Резников Е. Д.* Ремизов и музыка. Часть I. Воспоминания // *Алексей Ремизов. Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 259—266.

² См. обзьянью грамоту Е. Д. Резникова, выданную 1 апреля 1952 г. Опул: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданныс. Обзьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах.* СПб., 2001. (Раздел «Коллекция».)

1. Детские воспоминания, связанные с семьей Ремизовых.

Париж, 1933 год

В воспоминаниях моего далекого раннего детства, в полутумане, появляется пустая комната, в которой я с мамой у незнакомых людей. Они говорят по-русски.

Это и есть моя первая встреча с Ремизовыми. Ребенок я робкий, застенчивый. Меня пугает непривычная обстановка и незнакомые люди, но звук русской речи действует успокаивающе.

Тут выходит Алексей Михайлович. Маленького роста, согнутый, кудрявый и светловолосый, в больших круглых очках. Он встречается нас приветливым, доброжелательным, мягким голосом и нежно обращается ко мне, еще запуганному. На его широких губах теплая улыбка и добрый с хитринкой взгляд.

Поблизости — Серафима Павловна. Она большого роста, полная. Ее голос тоже доброжелательный, с низким, степенным тоном. Ее физическое присутствие заполняет комнату.

Мы знакомимся, и мне для развлечения хотят показать что-то интересное, какие-то игрушки, каких-то домашних жителей.

Вот А. М. вынимает из картонной коробки какой-то смятый комок, ментально превращающийся в его руках во что-то живое. Мне говорят: «Это Фейерменхен, человечек, познакомься с ним, дай ему ручку!». Комок оживает, раскладывается, и вдруг превращается в длинную мягкую тряпочную марионетку. Фейерменхен в сером платье с черными полосами, головка его маленькая с глазками как угольки — будто улыбаются. На головке острая черная шапочка.¹

Мной овладевает испуг. Действительно живой — двигается, подает ручку. Мне страшно. Я отступаю, прячась за маму. Теплый голос А. М. меня успокаивает, но подойти страшно.

А теперь мне показывают Кукушку. Это деревянные часы в виде избушки, со ставнями. Видны стрелки. Часы повешены высоко у потолка, над дверью. Маятник из сосновой шишки бьет регулярно, бойко к чему-то подготавливая. Вот, вот, смотри, не упусти! Выйдет кукушка!

И действительно, деревянные ставенки резко распахиваются, и выскакивает деревянная птичка. Бьет крыльями, двигает клювом и неистово, неугомонно кричит — заглушая все — «куку! куку! куку!»... много раз. Я опять очень испуган. Утешают, хотят объяснить. Ведь хорошая, своя!

Да что же это, такие обещанные игрушки? Это же не обыкновенные игрушки для детей. Это игрушки живые, страшноватые, заколдованные. Не злые и не хорошие. Они свои, прирученные. Принадлежат к Миру сему, к двум началам. А их хозяин — А. М. с его завораживающим мягким голосом и улыбкой. Он их знает.

2. Елка. 1935—36 год

Нас с Олей,² моей двоюродной сестрой, моей ровесницей, наши мамы — Наташа и Ольга³ — из пригорода Робинсона, где мы живем, иногда возят в Париж метро. Нам 4—5 лет. Это всегда большая радость и приключение. Вот после долгого пути и пересадок на станциях, мы заходим на квартиру Ремизовых на улице Буало (16-й округ Парижа). Нас пригласили на Елку.

Мы звоним в дверь. Слышно мелкое и долгое топтание шагов, и дверь открывается. Алексей Михайлович нас встречает своим милым, ласковым голосом, много раз целует в щеки и губы, очень «мокро», по-своему. Низкорослый, он сразу детям внушает доверие. Мы идем за ним по длинному, темному, скрипящему деревянным паркетом кулуару и попадаем в небольшую комнатку, сплошь заложённую книгами. Это «Кукушкина», что подтверждают висящие над дверью уже знакомые деревянные часы со ставенками, напоминая о себе энергичным механическим боем маятника.

Отодвинули письменный стол. За ним в углу притаился Фейерменхен, сидит, наблюдает...

Посередине, занимая почти всю комнату, стоит огромная высокая елка, уже традиционно наряженная и украшенная.

Каждый год на Рождество открываются заветные картонные коробки, в которых хранятся годами украшения для елки. Это множество золотых и серебряных (уже потускневших) гирлянд, всевозможных разноцветных больших и маленьких шаров. Часто с восковыми потеками свеч предыдущих годов. На всех сосновых ветках, занимая все пространство, висят разнообразные игрушки, вырезки, украшения, деревянные и глиняные раскрашенные зверушки, человечки. Тут же висят пряники и конфеты (давно уже несъедобные), а также позолоченные орехи и шишки, всякие хлопушки. Таинственные корешки, вырезанные из цветных бумажек звезды и фигурки.

Елка очень пышная, наряженная по старой русской традиции. Мы со страстью рассматриваем елку, ее разнообразные украшения — каждое из них на своем месте, в определенном порядке. Вот А. М. спичками зажигает по очереди красные восковые свечки, прищепленные к веткам, осторожно, чтобы не поджечь хвойные иглы. Серафима Павловна помогает А. М. — за всем следит, передает торжественность ритуала.

Вдруг завели маленький хоровод вокруг елки. Нас шестеро — Оля и я, наши мамы и Ремизовы. Подпеваем рождественские песенки: «В лесу родилась елочка...». В комнате сильный запах смолы, сосновых игл, воска и особенный запах мандаринов, разложенных на тарелках по углам комнаты. Жарко, все ожило, уютно и празднично. Потом подается на столике, накрытом праздничной скатертью, чай (А. М. пьет из блюдечка, а С. П. из чашки). Раздаются конфеты в цветных бумажках — леденцы, шоколадные, сухое печенье марки «Лю» и душистые мандарины. Угощенье простое. Ремизовы живут бедно, как многие русские эмигранты.

Потом раздаются подарки: игрушки, выбранные на елке или завернутые в маленькие пакетики. Это могут быть цветные карандаши, резинка, свисток, фигурки, зверушки или колокольчик. Для наших мам какое-нибудь ожерелье из бусинок, брошка или зеркальце.

А. М. и С. П. (мы, дети, ее называем «Пими») заворачивают подарочки в пестрые бумажки, завязывают кусочками накопленных веревочек. А. М. специалист — подарки очень трогательные тем более, что очень скромные.

Пасха на рю Буало (1935—1936 гг.)

На Великий Праздник, Святую Пасху, очень многие приходят в гости или забегают к Ремизовым христосоваться, поздравлять, разговляться. Каждый приносит пасху, куличи, цветные яйца, цветы.

Наша семья собралась ехать. Нарядились, празднично одели детей и заказали такси, чтобы быть у Ремизовых в определенный час.

Вот нам открыли и ведут в комнату Серафимы Павловны, дышащую тишиной и покоем. В середине комнаты пасхальный стол, накрытый белой скатертью, украшен цветами и разными угощениями. Стены завешаны бархатными материями, ковриками, несколькими пожелтевшими фотографиями, старинной персидской кашемировой шалью бирюзового цвета, бусами. В углу золотая икона. А главное, над постелью, покрытой темным бархатным покрывалом, развешена коллекция русского бисера — кошельки, бусы, серьги... Старинная вышивка 18-го и 19-го веков, созданная крепостными девушками, которые традиционно по вечерам, под светом лампадок, вышивали, затягивая песню. Это сокровище. Заветное наследие семьи Довгелло, предков Серафимы Павловны, предназначается Олечке, когда она будет большой. Мы его рассматриваем. Эта тонкая работа больше интересует девочек и женщин. А я предпочитаю смотреть на висящее рядом удивительное длинное ожерелье, состоящее из маленьких фарфоровых ячеек, размером в оливку. Они разноцветные: белые, синие, красные, зеленые, с тончайшим рисунком, прицепленные одно к другому медными колечками. Их много десятков, составляющих два ряда. На каждом из них пасхальные буквы «Х. В.».

Каждое из них подарок. Вот это, говорит С. П., мне было подарено А. Блоком... С. П. нам показывает свои драгоценности, объясняя их происхождение. Она большая, полная, большого роста, чуть строгая. Очень религиозная. Детей она немного пугает. И даже взрослых.

Пасхальная атмосфера особенная. С. П. ведет праздник по традиции, справляется о том, соблюдают ли дети православные обряды, пост, знают ли молитвы, ходят ли в церковь. Вот тут С. П. может сразу проверить и неожиданно попросить сказать «Отче наш». А мы с Олей молитвы знаем плохо. До визита наши мамы спешно проверяют наши знания, подучивают, чтобы не попасться, если будут спрашивать.

Сегодня на Великий Праздник, на Пасху, наша семья собралась у Ремизовых христосоваться, поздравлять друг друга, обмениваться пасхальными яйцами, пасхой и куличами.

А иначе каждый заходит к Ремизовым по-своему: что-нибудь занести по поручению, книгу или съедобный продукт, выпить чай. Почитать или уже прямо на литературный вечер.

Ремизовы каждого члена нашей семьи любят по-своему. Наши с Олей мамы — Ольга и Наташа Черновы — близнецы, и третья, младшая сест-

ра — Ариадна, прозванная А. М. «Аукой».⁴ Их Ремизовы называют «ангелами» — они же «Чернушки». Они еще молодые, веселые, очень умные, образованные, романтичные. Они увлечены литературой, общаются с писателями и поэтами из русской эмиграции. Со многими из них они познакомились у Ремизовых. Ольга и Наташа художницы, но трудная эмигрантская материальная жизнь им не позволила заниматься живописью. Они работают рисовальщицами у Ланвена⁵ в Париже. Им за эту работу платят гроши.

Наша семья состоит из трех сестер Черновых, их детей Оли и Андруши (прозванного Алексеем Михайловичем «Федором Степанычем»). Нам по шесть лет.

Мужья трех сестер: Даниил (Резников), Вадим (Андреев) и Володя (Сосинский)⁶ — это три друга, которые женились на трех сестрах. Все молодые, им сегодня, до второй мировой войны, приблизительно 35 лет.

Старше всех мать девочек — Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина, прозванная (конечно же А. М.) «Лисевой». Ее все любят за беспечность, страстный характер и щедрость. О. Е. всегда хочет кому-то помочь, кого-то приютить, что-нибудь подарить, несмотря на свои материальные трудности.

Десятый член семьи Ласпик — собака-волк. Его не приводят в гости, но все о нем знают.

Когда мы прощаемся, А. М. к разным пакетикам прибавляет обязательное мешочек с хлебными корками для Ласпика. Мы, дети, часто эти корочки сами грызем по возвращении домой.

На квартире у Ремизовых (После войны)

Алексей Михайлович встречал гостей и друзей в своей маленькой квартире в буржуазном здании на улице Буало в 16-м округе Парижа. Поднявшись три этажа по деревянной светлой лестнице, посетитель звонил в дверь в глубине коридора. Надо было ждать мелкого продолжительного топтанья, которое шло крещендо по скрипящему паркетному кулуару. Вдруг дверь открывалась, и вас приглашал войти маленький горбатый человечек с взвихренными седыми волосами на висках, напоминающими чертиковые рожки. Голос мягкий, приветливый, отчетливый, звучный. Огромные выпуклые круглые очки, курносый носик. А. М. одет в вязаную шерстяную, повисшую от старости, куртку бежевого цвета, застегнутую коричневыми пуговицами. Черный поношенный галстук на голубом воротнике рубашки; брюки темные, широкие, скрученные, падают на теплые полосатые туфли. Взгляд доброжелательный, чуть хитроватый, живой. А. М. своих целует много раз в щеки и в губы, обычным «мокрым» и мягким поцелуем и ведет мелким шажком до своей письменной-спальной комнаты, в так называемую «Кукушкину комнату» — закуренную до невозможности.

Комната полна книг, журналов и рукописей до потолка. Эта библиотека была отделана полками из ящиков, уложенных один на другой. Эти ящики были добыты у лавочника и когда-то в них было марсельское мыло и пакеты стирального порошка. На них еще можно было прочесть написанные

крупными буквами названия этих известных всем продуктов. А. М. просто окрасил ящики багровой краской, разрисовал черными каемками с какими-то завитушками.

Посередине комнаты стоял длинный деревянный письменный стол, тоже окрашенный красной и черной краской. У стола — кресло писателя из деревянных перекладин, самой простой модели, с соломенным сиденьем, обложенным старыми, изношенными, покрытыми вязаными разноцветными шерстяными наволочками подушками.

Письменный стол был весь загружен массой всевозможных предметов в кажущемся беспорядке. На самом же деле каждая вещь лежала на своем определенном месте. Тут во всевозможных стаканах и бокалах разложен письменный материал. Разные перья и ручки, кисточки, цветные карандаши разных размеров. В коробочках стиральные резинки, кнопки, скрепки, зажимы, перья разных образцов. Чернильницы с разными чернилами. Очень употребляемая «тушь» для рисунков и каллиграфии. А перья очень важны — множество всяких ручек с разными перьями и множество авто-ручек, принесенных друзьями. Эти ручки, это главные инструменты А. М. Часто сломанные, разного происхождения, иногда без шапочек, но всегда с сохраненными мягкими золотыми перьями, которые позволяют провести как самые широкие, так и самые тонкие черточки для расписок, каллиграфии и рисунков. А. М. для своей работы прибегал к кисточкам и иногда к гусиным перьям, которые надо было иногда особенно точить.

Посередине стола, на зеленом подбумажнике, лежали листы бумаги начатых писем или только что прерванных рисунков. На боку две или три раскрытые книги с пометками между страницами.

Нельзя, конечно, не упомянуть курительный прибор. На углу стола пачка сигарет «Голуаз» с крепчайшим черным табаком.

Всякие сломанные или еще целые мундштуки в тарелочках, несколько пепельниц и коробки кухонных спичек. Из одной из пепельниц подымается дым еще не потухшей оставленной папиросы.

А. М. был неистовым курильщиком. Курил папиросу за папиросой, окуривая себя и всю комнату. Курилось по полпапиросы, которую присутствующий гость вставлял в мундштук, подавал А. М. и зажигал спичкой. А. М. затыгивался, покашливая. Над ним появлялось облако дыма.

А. М. был всегда добродушный, он усаживал гостя, очень внимательно его слушал, расспрашивал о различных, часто второстепенных происшествиях или мелочах. Он все помнил обо всех. Потом садился за стол в скрипящее, набитое подушками кресло, предлагал читать вслух какую-нибудь интересующую гостя книгу, вырезку из литературного журнала или фрагмент классиков (Гоголь, Лесков). Бывало просил что-нибудь ему читать и садился рисовать.

Над письменным столом и через всю «Кукушкину» висит веревка, увешанная разными, самыми неожиданными предметами, принесенными друзьями. Каждый со своей историей: скрученные корешки, сухие фрукты, сосновые шишки, шарики, зверюшки и человечки из разных материалов, два или три плавательных рыбных пузыря (пожелтевшие и пропитанные дымом от курения), длинная сухая змеиная шкура и т. д.

Детей А. М. часто занимал, давая им смотреть свою иллюстрированную энциклопедию в десяти томах (чей-то подарок).

Позже шли готовить чай. А. М., немного задыхаясь, своими мелкими шажками, крихтя и что-то бормоча, шел на кухню, маленькую и заброшенную. Он ставил на газовую плиту старомодный огромный алюминиевый чайник с длинным носом. Закипало, заваривали, чай пили на кухне или в «Кукушкиной» в разрозненных старых чашках. А. М. иногда пил по-русски из блюдечка. Закусывали тем, что каждый приносил. А. М. очень любил «соленое», особенно чайную колбасу, ветчину, которую он ел «лапами», селедку. Просил приносить колбасу из «ослиного мяса», если «найдется».

В это время кукушка часто оживлялась, что-то кликая, напоминая, что жизнь незаметно пролетала в этом сказочном тихом мире. Надо было прощаться. А. М. провожал гостей по длинному коридору. Целовал, и дверь закрывалась.

Фейерменхен присутствует при всех кукушкиных делах, ведает и охраняет.

Наша семья

Среди очень многих друзей, посещающих Ремизовых, члены моей семьи, называемые Черновыми, были особо любимыми.

Старшая, моя бабушка — Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова,⁷ жена лидера социалистов-революционеров Виктора Чернова.⁸ Из интеллигентской семьи, связанная с Народной Волей (партия популистов, борющаяся против притеснений царской власти), в ее убеждениях, однако, не было ничего догматичного. О. Е. была знакома с русскими модернистами: А. Блоком, М. Пришвиным, А. Ремизовым. Она особенно подружилась с Алексеем Михайловичем Ремизовым и его женой Серафимой Павловной Довгелло, принадлежащей к старинной украинской семье (ее знаменитый предок был гетманом в эпоху Мазепы). Скрываясь от большевиков, побывавшая в тюрьме и в ссылке, О. Е. после революции отыскивала Ремизовых в Париже, где они очутились после эмиграции. А. Ремизов ее называл «Лисевной». Она и ее три молодые дочери, прозванные «Чернушками», стали любимыми друзьями Ремизовых. Молодые женщины вышли замуж за троих русских поэтов, встретившихся и ставших друзьями в Константинополе, после разгрома «Белых». Это описано В. Андреевым в его повести «История одного путешествия». Позднее три друга встретились в Париже.

Ремизовы в эту эпоху жили в эту очень бедно, как большинство русских политических эмигрантов. Это не мешало, правда, скромно, но регулярно и сердечно принимать самых видных писателей русской эмиграции в Париже. Среди них были Михаил Осоргин, Борис Зайцев, Марина Цветаева.

Из дочерей О. Е. самая молодая, Ариадна (прозванная А. М. «Аукой»), была близким другом Марины Цветаевой. Она вышла замуж за В. Б. Сосинского, талантливого литератора, который впоследствии дрался на дуэли, защищая литературную честь Марины Цветаевой.⁹

Вторая дочь — Ольга, художник по призванию, стала женой В. Л. Андреева (старшего сына Леонида Андреева), писателя и поэта, автора книги

воспоминаний «Детство», автобиографического рассказа, имеющего успех в Париже в 30-е годы, а затем и в Москве, после хрущевской оттепели.¹⁰

Третья сестра — Наташа, моя мать. Она вышла замуж за Даниила Резникова в 1929 году. Так же, как и у Ольги, ее сестры-близнеца, у нее было образование художника, но, несмотря на свой талант, она никогда не смогла его реализовать, так как обе старшие «Чернушки» оказались обязанными зарабатывать на жизнь семьи как рисовальщицы моды.

Моя мама была также талантливым писателем, о чем свидетельствует ее книга «Огненная память», а также литературные переводы, которые она делала иногда с помощью своих сестер. Ее перевод произведения А. М. Ремизова «Подстриженными глазами» прославил автора в среде французской литературной элиты в Париже в 60-е годы. (М. Арлан, Ж. Полан, А. Мишо.)¹¹

Красивая, спортивная, моя мать была очень преданна мужу и своим двум сыновьям Андрею и Егору, а также племяннице Оле (Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл, писатель и художник), моей ровеснице и крестнице С. П. Ремизовой. С Олей у мамы была особая дружба, нежная привязанность и понимание.

Бескорыстная, добрая, великодушная, мама ко всем проявляла щедрость и гуманность. Она была внимательна к несчастным и обиженным, напоминая этим в чем-то свою мать, а мою бабушку, О. Е. Чернову.

Из всей семьи мама была самой верующей и религиозной. Она соблюдала обряд Русской Пасхи. Регулярно посещала Русскую православную церковь на улице Петель (15-й округ Парижа). После Великой пасхальной службы она по традиции накрывала большой праздничный стол, который готовила за много недель вперед. По воскресеньям за ней часто заезжал на такси художник А. Ланской,¹² чтобы ехать в русскую церковь в Кламар под Парижем на церковную службу. Тут она встречала философа Н. Бердяева.

После войны моя мать, Наташа, очень часто заезжала на ул. Буало к А. М., помогать ему и ухаживать за ним. А. М. был уже старым, жил один и не выходил на улицу. Он очень плохо видел. Наташа была его самым преданным другом. Расстояние из Кашана в пригородах Парижа, где она жила, до ул. Буало было большое, и поездка автобусами и метро — утомительная. А. М. нуждался в помощи и опеке. Каждый старался ему помочь по мере своих сил. Многие друзья и, конечно же, члены нашей семьи, когда находились в Париже. Мама была секретаршей А. М., его переводчицей, помогала ему в литературной работе, вела корреспонденцию, читала. Принимала с ним друзей и гостей — литераторов и писателей, интересующихся встречей с автором. Она также старалась по мере возможности помогать ему материально и в организации каждодневной жизни. Делала покупки, часто готовила ему еду, ведала порядком квартиры, иногда запущенной, и многими мелкими деталями его жизни.

В последние годы жизни здоровье и силы А. М. сильно пошатнулись. Наташа навещала А. М. все чаще, по несколько раз в неделю, и все дольше у него оставалась по вечерам. Она много читала ему любимых классиков (Гоголя, Лермонтова, Лескова, Достоевского). В эти годы А. М. был почти слепой. До его смерти, 26 ноября 1957 г., моя мать посвятила А. М. много энергии, любви и преданности.

Несмотря на материальные затруднения, мама соблюдала семейные традиции гостеприимства. В течение всех лет, вплоть до своей смерти в 1992 г., в ее доме, в Кашане, она принимала свою семью и друзей.

По завещанию А. М. Ремизова Наталья Викторовна Резникова стала хранительницей части его архива. Этот архив, неделимый, находится в семье Резниковых под совместной ответственностью Андрея Даниловича и Егора Даниловича Резниковых.

Мать принимала многих друзей и литераторов, интересующихся творчеством А. М. Ремизова, предоставляя им все условия для работы с архивом. Среди посетителей, работающих в ее доме, было много ремизовцев, из которых мне вспоминается несколько фамилий: Дики Пайман, Ричард Девис, А. М. Грачева, Антонелла д'Амелия.

Андрей Д. Резников

Париж, август 2002 г.

¹Тряпичная кукла — огненный человечек Фейерменхен находится на хранении Резниковых. См. упоминание о нем в книге Н. В. Резниковой «Огненная Память. Воспоминания о Алексее Ремизове» (Berkeley, 1980. С. 64), а также фотографию Ремизова с Фейерменхеном 1921—1923 гг. в изд.: *Ремизов А.* Учитель музыки. Каторжная идиллия / Вступ. статья и коммент. А. д'Амелия. Paris, 1983; Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994 (вкл.ейка).

² *Андреева Ольга Вадимовна* (в замуж. Карлайл; р. 1930) — писательница, художница; дочь В. Л. Андреева.

³ Дочери-близнецы О. Е. Черновой-Колбасиной, удочеренны В. М. Черновым — *Наталья Викторовна* (Митрофановна; в замуж. Резникова; 1903—1992) — поэт; литератор, переводчик, автор книги «Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове»; *Ольга Викторовна* (Митрофановна; в замуж. Андреева; 1903—1979) — журналистка, автор книги «Холодная весна», впервые опубликованной по-английски с предисловием Артура Миллера (Michigan: Ardis; Ann Arbor, 1978); см. также публикацию отдельных глав этой книги в журнале «Звезда» (2001. № 8. С. 124—155).

⁴ *Чернова Ариадна Викторовна* (в замуж. Сосинская; 1908—1974) — дочь О. Е. Черновой-Колбасиной и В. М. Чернова; жена В. Б. Сосинского.

⁵ *Ланвен Жанна* (Lanvin; 1867—1946) — кутюрье, основательница известного парижского дома модселй.

⁶ *Андреев Вадим Леонидович* (1902—1976) — прозаик, поэт, литературный критик, мемуарист; сын В. Л. Андреева; *Резников Даниил Георгиевич* (1904—1970) — поэт, типограф; *Сосинский Владимир Брониславович* (наст. имя Бронислав-Владимир-Рейнгольд Сосинский-Ссмихат; псевд. Олег Авдеев, Вл. Ссмихат, Вл. Сенников и др.; 1900—1987) — писатель, критик.

⁷ *Чернова-Колбасина Ольга Елисеевна* (1886—1964) — литератор. См.: *Колбасина-Чернова О. Е.* <Воспоминания об Алексее Ремизове> // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Petroburgo; Salerno, 2003. С. 314—322 (Europa Orientalis. Vol. 4).

⁸ *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — политический деятель, член ЦК партии эсеров, министр земледелия во Временном правительстве, Председатель Учредительного собрания; автор книг воспоминаний: «Записки социалиста-революционера» (Берлин, 1922); «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953).

⁹ Речь идет о скандале, связанном с публикациями статей Вл. Злобина и Вс. Фохта в первом номере парижского журнала «Новый дом» за 1926 г., в которых был допущен издевательский тон в отношении Марины Цветаевой. Владимир Сосинский и Вадим Андреев на очередном заседании Общества молодых писателей и поэтов попытались выразить протест в адрес редакции журнала, в состав которой входили Нина Берберова, Довид Кнут, Юрий Трапиано, Всеволд Фохт. В своей речи, опубликованной в газете «Дни», Сосинский заявил: «Мы клеймим редакцию этого журнала, считаем позором ее поведение... Пусть эти слова редакция „Но-

вого дома” примет, как публичную пощечину...» (В. Н. Среди молодых поэтов // Дни. 1926. № 1. С. 36.). Подробнее см.: *Сосинский В.* История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль // Русская мысль. 1990. 29 нояб. С. 4; *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветасвой. М., 1992. С. 357. В своих воспоминаниях о Цветаевой Сосинский в связи с этим инцидентом написал: «Так я думаю сегодня, так думал и в 26 лет, когда дал публичную пощечину редакции „Нового дома” и вызвал на дуэль одного из редакторов журнала, осмелившегося недобросовестной подборкой цитат из „Поэмы Горы” изобразить Цветаеву женщиной легкого поведения, а „Версты”, в которых была опубликована эта поэма, назвать публичным домом!» (*Сосинский В.* Она была ни на кого не похожа // Воспоминания о Марине Цветасвой / Сост. Л. А. Мнухин, Л. М. Турчинский. М., 1992. С. 357).

¹⁰ См.: *Андреев В.* История одного путешествия: Повести. М., 1974.

¹¹ Речь идет о переводе Н. В. Резниковой романа Ремизова «Подстриженными глазами» (*Remizov Alexei. Les Yeux Tondus / Trad. du russe par Nathalie Reznikoff, Préface de Marcel Arland.* Paris, 1958. Collection «Du monde entier»), который вышел отдельной книгой с предисловием Марселя Арлана в созданном при журнале «Нувель Ревю Франсэз» («La Nouvelle Revue Française», «N.R.F.») издательстве «Галлимар». О переговорах Ремизова и Резниковой с главными редакторами журнала «N.R.F.» Марселем Арланом и Жаном Поланом см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. С. 118—123. Анри Мишо вместе с Ж. Поланом возглавлял редакцию журнала «Мезюр» («Mesures»), где в 1936—1937 гг. публиковались французские переводы произведений Ремизова.

¹² По-видимому, подразумевается граф *Андрей Михайлович Ланской* (1902—1976) — художник, участник Белого движения, который жил в Париже с 1921 г., состоял членом секции художников при Союзе деятелей русского искусства во Франции (1933).

**ПИСЬМА В. В. ГОЛУБЕВА
Н. К. РЕРИХУ, С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ и П. П. МУРАТОВУ**

Публикация М. И. Полевой

«...Чувствую теперь, что работаю не один,
и не на чужбине, а для своих,
для друзей и соотечественников...»¹

В истории русско-французских научных и культурных связей имя историка искусства, археолога Виктора Викторовича Голубева (1878—1945) до недавнего времени было незаслуженно забыто. Между тем, вряд ли можно назвать еще одно имя отечественного ученого, который создал бы большинство своих научных трудов на французском языке. Так случилось, что потомок дьякона деревенской церкви далекой Вологодской губернии стал парижанином и поселился в фешенебельном районе французской столицы.²

В. В. Голубев, получив в России прекрасное образование, с весны 1901 г. и до начала летнего семестра 1904 г. продолжил его в Гейдельбергском университете, изучая германскую филологию, историю философии, слушая лекции по археологии, а также по истории искусств у профессора Тоде, знатока итальянского Ренессанса. Его диссертация на соискание ученой степени доктора философии «Комедии Мариво в немецких переводах XVIII века» была издана университетом отдельной книгой на немецком языке.³ После окончания Гейдельбергского университета В. В. Голубев выбрал местом жительства Францию. Его юношеская любовь к этой стране не выглядит надуманной. В письмах к отцу Виктору Федоровичу он называл французов «дружественной нам нацией», орден Почетного легиона, которым был награжден Голубев-старший в 1898 г. — «орденом силы, свежести, умственного превосходства и таланта, орденом вечно молодым, как нация, которая его создала».⁴ Истоки подобной восторженности лежат в русских культурных традициях, в рамках которых устойчиво сохранялось взаимодействие русской и французской культуры, несмотря на войну с Наполеоном и Крымскую кампанию. На протяжении XVIII и XIX вв. французский язык, как известно, имел широкое распространение в интеллекту-

альной среде; в качестве профессиональных переводчиков с французского выступали русские писатели, прямые контакты поддерживали между собой ученые, традиционным в России был интерес к французской книге и живописи, особенно портретной.

Интерес к французской культуре привел Голубева в литературно-музыкальный салон Надежды Евгеньевны Ауэр, урожденной Кросс, супруги известного музыканта Л. С. Ауэра, частным учеником которого он был. По воспоминаниям Сергея Маковского, близкого друга Виктора Викторовича, в семье Ауэров царил французская музыка и французская книга.⁵

Благоприятно сказывались на русско-французских культурных связях развивающиеся межгосударственные отношения двух стран. В 1890-е гг. был оформлен франко-русский союз, Россию посетили президенты Французской республики Феликс Фор (1897), Эмиль Лубе (1902), Раймон Пуанкаре (1912, 1914). В 1906 г. во Франции было создано «Общество друзей русского народа», в России — «Альянс Франсез» в 1907 г. и Французский культурный центр — Французский институт.

Голубев, со студенческих лет бывая в Париже и Ницце, приобрел друзей и знакомых, что позволило ему в будущем легко войти в интеллектуальную элиту Франции, где он, по свидетельству его биографа Л. Маллере, имел репутацию благородного человека с обворожительными манерами и блестящей речью, одаренного большим личным обаянием.⁶

В столицу Франции Голубева привели, конечно, не только любовь к этому городу, но и профессиональный интерес. В Париж переместился центр художественной жизни последней четверти XIX в., туда стали стремиться и русские художники. Уже в декабре 1877 г. по инициативе А. П. Боголюбова и М. М. Антокольского было создано первое Общество взаимного вспомоществования и благотворительности русским художникам, впоследствии называемое Обществом русских художников.

В начале XX в. Париж стал все более привлекать внимание не только художников, но и музыкантов и поэтов, особенно из России. В связи с появлением здесь нового поколения по инициативе О. Н. Мечниковой и Е. С. Кругликовой в 1903 г. возникло новое Общество русских художников с более привычным французским наименованием «Union des artistes russes» — «Союз русских художников» — «Кружок Монпарнас», почетным председателем которого был И. И. Мечников. По свидетельству С. П. Яремича, в жизни русского артистического кружка в Париже наиболее видная роль принадлежала Елизавете Сергеевне Кругликовой, мастерская которой существовала в Париже с 1900 г. на улице Буассонад, 17, в двух шагах от бульвара Монпарнас с его знаменитыми кафе «Ротонда» и «Клозери де Лила», на левом берегу Сены, в Латинском квартале.⁷

С историей «Union» связаны имена А. Голубкиной, И. Ефимова, К. Костенко, М. Сабашниковой, Н. Тархова, А. Шервашидзе. Сюда заглядывали Ф. Шалапин, С. Рахманинов, М. Ковалевский, бывали К. Бальмонт, А. Бернау, М. Волошин, В. Иванов, В. Курбатов, Н. Гумилев, В. Брюсов, А. Белый, С. Дягилев, Ф. Малявин, Г. Плеханов. Здесь читали доклады Анатолий Франс, а также М. Склодовская-Кюри, И. И. Мечников, на литературно-музыкальных вечерах замечены были Р. Роллан, П. Фор, Р. Гиль, осо-

бенно много общались с нашими художниками искусствовед Дени Рош и живописец Шарль Герен.

В. В. Голубева, прекрасного музыканта-скрипача, историка искусства и ученого-коллекционера, не могла не интересоваться художественно-артистическая жизнь русской колонии, и в частности кружка «Монпарнас». Грузинский скульптор Якоб Николадзе, бывавший в доме Голубевых и воспользовавшийся их протекцией для устройства в мастерскую Родена, указывал, что Виктор Викторович одно время был председателем «Союза русских художников» («Union»)⁸ Возможно, на одном из заседаний этого художественного кружка в 1906 г. А. Бенуа и сделал карандашный портрет В. Голубева. Они встречались несколько раз, прогуливаясь «по гордым залам и аллеям» Версаля и Лувра. Художник работал над своей «Версальской серией» и пригласил Голубева на Exposition de l'Art Russe (Salon d'Automne), где выставлялись многие его работы этой серии. Поблагодарив за билеты, Голубев сообщил Бенуа: «В начале прошлой недели был на выставке и сердечно обрадовался встрече с Вашими прелестными поэтическими вещами...». И в свою очередь послал художнику приглашение: «В воскресенье в нашем обществе (25, boulevard Montparnasse) музыкальный вечер, посвященный Вашему любимому веку. Буду играть сонату Генделя и вариации Корелли. Если не боитесь потерять вечера, то приезжайте, буду особенно стараться для Вас, как современника великих королей...»⁹ Их беседы о русской гравюре и рисунке XVIII в., об итальянском искусстве венецианской школы XVII—XVIII вв. привели к тому, что известный издатель G. Van Oest по инициативе Голубева предложил Бенуа издать его сочинение.

Творческая личность Голубева проявлялась в самых различных проектах, которые могли бы способствовать развитию научно-культурных связей России и Франции. Он сотрудничал с «Альянс Франсез», а также с Французским институтом в Петербурге, совместно с которым в 1912 г. журнал «Аполлон» устроил выставку «Сто лет французской живописи». Голубев был не только членом организационного комитета с российской и французской сторон, но и представил на выставку картины из своей коллекции. С членом комитета Рене Жаном (René Jean, conservateur de la Bibliothèque d'Art et d'Archéologie), автором книги «Сто лет французской живописи», примерно в это время Голубев затеял издание целой серии научно-художественных исследований по искусству разных народов Азии под общим названием «Ars Asiatica», где Голубеву отводилась роль главного редактора, Рене Жану — секретаря.¹⁰

Еще в 1906 г. с целью устройства выставок русских художников в Париже Голубев возглавил Русский научный литературный и художественный клуб,¹¹ появление которого, возможно, было инициировано Русской художественной выставкой, организованной С. Дягилевым в парижском Осеннем салоне (1906). Оживленнее стала жизнь русской колонии после Дягилевских сезонов, когда появились новые общества, клубы, частные салоны со своими программами вечеров.¹² Кроме просветительских целей, которые безусловно преследовал Голубев, организуя клуб, его, как историка искусства, прежде всего интересовали проблемы современной духовной жизни, исторический опыт русской и западноевропейской культуры, взаи-

мопроникновение искусств Востока и Запада. При Институте общей психологии в Париже была организована секция психологии художника, которую возглавляли С. Юрьевич и В. Голубев. В 1909 г. они провели Первую французскую конференцию любителей искусства, а на следующий год прошло несколько семинаров, посвященных изучению зрительной памяти художника как определенной особенности художественного сознания и ее роли в творческом процессе.¹³

В большом наследии В. В. Голубева пока не обнаружены труды по истории искусства России и Франции, хотя и в этой области он был очень хорошо осведомленным человеком. Виктор Викторович считался знатоком и поклонником итальянского искусства. Еще в первой половине XIX в. вечный город Рим был своеобразной столицей русского искусства и местом культурного паломничества русской аристократии. Многие русские художники подолгу жили в Италии (О. Кипренский, С. Щедрин, К. Брюллов, А. Иванов). Следуя старым русским традициям, В. Голубев много путешествовал по Италии еще в студенческие годы. Встречи с итальянским искусством помогли юноше выбрать тему для своих будущих исследований.

Задуманные Голубевым работы об итальянском мастере кватроченто Якопо Беллини и венецианских пейзажистах XVII—XVIII вв. (А. Каналетто и Ф. Гварди) определили географию его исследований: Лувр в Париже, Британский музей в Лондоне, музеи и архивы Италии (Рим, Неаполь, Венеция, Падуя, Феррара, Палермо). Обнаружив влияние Востока на итальянских художников эпохи Возрождения, Виктор Викторович обратился в своих исследованиях к искусству стран Востока (Турция, Египет, Судан, Индия). Для определения путей взаимопроникновения искусств он почувствовал необходимость изучения историко-биографических и психологических аспектов в творчестве художника. Голубев начал собирать свою, ставшую вскоре знаменитой, азиатскую коллекцию (1908—1911). Обращение к восточной миниатюре скорее всего объясняется изысканностью и утонченностью его вкуса, любовью к чувственной форме и гармонии. Он ценил в художнике умение увидеть МГНОВЕНИЕ, запомнить и передать его в картине. И считал это достоянием искусства — «в каждом мгновении, самом случайном, самом ничтожном, отражается вечность». Искусство живописи, скульптуры, рисунка он сравнивал с музыкой, где нет красоты без мелодии и ритма.¹⁴

Удачная экспедиция в Индию в 1910—1911 гг., пополнившая его коллекцию, решительно повлияла на биографию ученого: в дальнейшем его исследовательские усилия сосредоточились только на искусстве стран Востока. Труды Голубева по востоковедению были высоко оценены научным сообществом. Среди его коллег и друзей появились имена знаменитых ученых-востоковедов, о чем свидетельствуют публикуемые письма к С. Ф. Ольденбургу.¹⁵

Имя В. В. Голубева привлекло внимание известного издателя Константина Федоровича Некрасова. Нельзя сказать, что раньше Голубева не замечали. Некоторые журналы, в частности «Аполлон» и «Старые годы», публиковали сведения о нем в разделах «Хроника» и «Rossica».¹⁶ Некрасов же задумал издавать новый журнал «София» и совместно со своим главным редактором П. П. Муратовым запланировал поездки в Италию и Францию

для сбора материала. В их планы входило и знакомство с владельцем коллекции персидской миниатюры. После обмена письмами состоялась и желанная встреча Муратова с Голубевым (Некрасов поехать не смог). После первой встречи Павел Павлович писал Константину Федоровичу из Парижа: «Визитом к Голубеву я очень доволен. Я боялся светских удовольствий и гостеприимства. Но Голубев очень деловит, серьезен, по-французски суховат, более учен, чем моден, и в высшей степени расположен к „Софии”». Выбрали мы с ним фотографии индийских фресок для октябрьского номера. Установили твердо, что декабрьский номер будет при всяческом его содействии посвящен персидской миниатюре. Он любезно взялся устроить нам и все снимки. Просит меня через него вести все связи с западными людьми, которых мы думаем привлечь к „Софии”...». Павел Павлович остался доволен результатами переговоров о сотрудничестве: «Как жаль, что такой человек не работает в России и для России».¹⁷

К сожалению, сведений о роли В. В. Голубева в жизни русской колонии во Франции и о его научно-культурных связях с соотечественниками в России, которые, несомненно, имелись, удалось выявить пока немного. С другой стороны, представляют огромный интерес творческие и личные отношения ученого с представителями науки и культуры многих стран мира, в первую очередь Италии, Франции, Германии, Англии и Индии, не говоря уже о его огромном вкладе в науку о странах Индокитая.

Правительство Французской республики отметило заслуги Голубева наградами: орденом Почетного легиона и Академическими пальмами.¹⁸ «...Выставки и мой университетский курс имели большой успех, встретили всюду большое сочувствие, всюду появились и появляются статьи, печатаются монографии — в Японии, Китае, и на чешском языке. В русском энциклопедическом словаре будет помещена моя биография, — писал Виктор Викторович в Петербург своему управляющему С. И. Яхонтову. — Все это лестно, но мне кажется, что я только начинаю свою деятельность и главная работа, главные задачи впереди, в будущем году я еду опять на Восток».¹⁹

Не встретив понимания и поддержки у себя на родине, Голубев решил навсегда остаться во Франции. Он купил земельный участок с особняком в центре Парижа, в районе Трокадеро, и стал строить четырехэтажный дом, в котором должен был располагаться и музей. В его научные планы входила вторая экспедиция в Индию на 4 месяца, подготовленная и запланированная на осень 1914 г., с возвращением через Японию и Америку. Вместо этого он отправился на войну. В 1920 г. он покидает Францию и уезжает работать в Индокитай.

Текст публикуемых писем приведен в соответствие с требованиями современной орфографии и пунктуации.

¹ Из письма В. В. Голубева П. П. Муратову от 11 мая 1914 г. (РО ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 771, л. 8). Частично цитировалось И. В. Вагановой в статье «Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова» (Лица: биографический альманах. М.; СПб., 1993. С. 242).

² Дед В. В. Голубева, Федор Иванович Голубев, был сыном дьякона Богородице-Рождественской Сидоровской церкви Грязовского уезда Вологодской губернии (Гос. архив Вологодской области, ф. 496, оп. 10, ед. хр. 17, л. 144).

³ *Golubew V. Marivaux. Lustspiele in deutschen Übersetzungen des XVIII Jahrhunderts.* Heidelberg, 1904.

⁴ В. Ф. Голубев — отец ученого, видный инженер-строитель железных дорог, крупный предприниматель и акционер, меценат. О семье В. В. Голубева см.: *Полевая М. И.* Дома Голубевых. СПб., 1997. Цитируется по переписке В. В. и В. Ф. Голубевых (ЦГИА СПб., ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 103, л. 239—240).

⁵ *Маковский Сергей Константинович* (1877—1962) — художник, критик, поэт, основатель и редактор журнала «Аполлон» (1909—1917), сын художника К. Е. Маковского. Голубевы и Маковские были близко знакомы, сыновья дружили. О семье *Ауэров* см.: *Раабен Л. Н.* Ауэр. Л., 1962. Упоминание о Голубеве см.: Там же. С. 126.

⁶ *Malleret L.* 1) Un oublié: Victor Goloubew // Bulletin de la Société des Etudes Indochinoises Nouvelle série. XXXIX. Saigon, 1964; 2) Le vingtième anniversaire de la mort de Victor Goloubew // Bulletin de L'École Française d'Extrême-Orient... T. LIII. Paris. 1967. *Маллере Луи* — французский биограф В. В. Голубева, знавший его лично, для него оказались недоступными российские архивы.

⁷ *Кругликова Елизавета Сергеевна* (1865—1941) — художник. См.: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. Л., 1969; *Шацкий А. С.* Русская Академия в Париже // Советское искусствознание. М., 1986. Вып. 21. С. 352—365. *Мечников Илья Ильич* — русский биолог, с 1887 г. жил в Париже с женой-художницей Ольгой Николаевной, урожд. Белокопытовой, сотрудницей Института Пастера, у них была мастерская и лаборатория в Медонс, где имел мастерскую и Роден. В Медоне умерла и похоронена жена В. В. Голубева — Наталья Васильевна Голубева, урожд. Кросс.

⁸ *Николадзе Я.* Год у Родена. Тбилиси, 1977. С. 13—15, 21, 84—86.

⁹ Сектор рукописей ГРМ, ф. 137, ед. хр. 881, л. 4—7. Голубев подготовил письмо от имени Бенуа в адрес G. Van Oest об издании сочинения художника. Из письма неясно, о каком сочинении идет речь. В 1910 г. вышла книга «Les Anciennes Ecoles de Peinture dans les Palais et Collections privées russes». Одним из авторов этого издания был А. Бенуа. Его рисунок «В. В. Голубев на заседании художественного кружка 1906» хранится в отделе рисунка в ГРМ, № р. 8762. К. М. Азадовский указывает, что благодаря Голубеву Бенуа встретился с поэтом Р. М. Рильке, которого знал с 1900 г., когда тот приезжал в Россию. *Азадовский К. М.* Р. М. Рильке и А. Н. Бенуа. Переписка 1900—1902 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 75—105. Рильке писал Бенуа 5 июня 1906 г.: «Возможно, вы знаете, что тем временем я вступил (благодаря любезности господина Голубева) в „Общество русских художников“ (10 округ, Монпарнас, 25)». В. В. Голубев был избран в 1906 г. председателем этого русского кружка художников. См.: *Азадовский К. М.* Рильке и Россия. СПб., 2003. С. 525—528.

¹⁰ Каталог «Сто лет французской живописи (1812—1912)». (Издание журнала «Аполлон»). На этой выставке из коллекции В. В. Голубева было представлено 11 работ западноевропейских художников. Перу Рене Жана принадлежит одна из первых работ об азиатской коллекции Голубева: *Une collection d'art asiatique. La Collection Victor Goloubew // Les Arts.* № 145. Janv. 1914. С. 9—31.

¹¹ На этот факт в биографии Голубева впервые указала И. В. Макарова (Деятельность русских художественных обществ в Париже 1900—1914 гг. Искусство Франции и русско-французские художественные связи (СПб Университет, кафедра истории искусств): Тезисы докладов научной конференции, посвященной юбилею доктора искусствознания профессора Н. Н. Калитиной. СПб., 1996. С. 63—64).

¹² *Северюхин Д. Я., Лейкин О. П.* Художники русской эмиграции. СПб., 1994.

¹³ ЦГИА СПб., ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 169, л. 83—84.

Семинары «Зрительная память у художников» прошли в марте—апреле 1910 г. (49, rue de Saints Peres) в бывшем доме Медицинской академии. Выступал Шарль Сонье (Charles Saunier) с докладом о Лекоке де Буабодране (Lecoq de Boisbaudran) и его методе. Архив Музея Родена (Le Musée Rodin, Hôtel Biron): Фонд Голубевых. Письма В. В. Голубева О. Родену № 6—7 — приглашения на семинар.

¹⁴ В октябре 1905 г. в залах Императорского Общества поощрения художеств была открыта выставка японского искусства. В. В. Голубев, Н. К. Рерих, С. К. Маковский и Д. В. Филосов посетили ее и опубликовали в журнале «Золотое руно» (1906. № 1) свои короткие заметки.

¹⁵ Перед экспедицией в Индию в 1910—1911 гг. Голубев запросил из С.-Петербурга работы С. Ф. Ольденбурга. После экспедиции он пригласил академика на выставку в Париж, где они встречались несколько раз, о чем свидетельствуют представленные в публикации письма. Сергей Федорович высоко ценил созданную в Индокитае Французскую школу Дальнего Востока — научно-исследовательское учреждение (1899), издаваемую ею ежегодники (Бюллетень Французской школы Дальнего Востока — с 1901), а также деятельность первых директоров Л. Фино и А. Фуше. Он писал: «Франция первая сделала попытку перенести на изучение Востока традиции классической филологии созданием ученой школы на месте». Возможно, Ольденбург повлиял на решение В. В. Голубева, которого называл «тонким знатоком восточного искусства», связать свою судьбу с этим научным центром в Индокитае. См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 3. С. 48—50; Восток. Кн. 1. 1922. С. 118.

¹⁶ Аполлон. 1910. № 6. С. 39; № 7. С. 34; № 8. С. 71—72; 1913. № 1. С. 79; № 5. С. 76; № 7. С. 78; 1914. № 5. С. 21—25, 72; 1915. № 10. С. 77—78.

¹⁷ См.: *Ваганова И. В.* Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова. С. 241—242.

¹⁸ ЦГИА СПб., ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 47, л. 575—576. Art et Decoration, mai 1912, actes officiels, p. 4. Золотые Академические пальмы — знак отличия для ученых за научные заслуги, имеют вид пальмового венка на ленте лилового цвета. Учрежден Наполеоном I в 1808 г. Ранее, в 1802 г., был учрежден орден Почетного легиона с девизом «Honneur et patrie» (честь и отечество). *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917. Л., 1963. С. 44—45.

¹⁹ ЦГИА СПб., ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 47, л. 524—525.

1. Н. К. Рериху¹

Paris

26, Avenue du Bois de Boulogne

6 ноября нов. ст. 1906

Милый друг, Николай Константинович,

В воскресенье показывал Родену твои картины в Салоне.² Он очень ими интересовался, много спрашивал про древние наши предания, о связи, которая существует между русской верой и русским искусством, о монастырях, сосновых борах, витязях. Был потом у кн. Тенишевой,³ говорили о тебе. Рад очень известию об избрании тебя в Sociétair'ы Салона.⁴

Я надеюсь, что разногласие, возникшее между тобою и моим братом по поводу пархомовской иконописи, кончится согласием... Мне надо непременно побеседовать с ним устно — он приезжает на днях — письма ни к чему не ведут. Когда увидимся в Петербурге, посвящу себя этому вопросу в полной степени, как твой друг и друг моего брата.⁵ Полагаю побывать в Петербурге еще до января месяца; если же моя мать приедет сюда на свадьбу,⁶ то я отложу свою поездку до ее возвращения в Петербург. С удовольствием прочту лекцию о венецианцах;⁷ на какую именно тему — сообщу своевременно. Во Флоренции в Deutsches Kunsthistorischen Institut я читал о Якобе Беллини.⁸

Сердечный привет тебе и супруге от нас обоих.

Твой В. Голубев

¹ ОР ГТГ, ф. 44, ед. хр. 716, л. 1—1 об. Письма В. В. Голубева Н. К. Рериху любезно предоставлены автору А. Малыгиным, за что приношу ему глубокую благодарность.

² Письмо i частично цитировалось, см.: Полякова Е. И. Рерих. М., 1973. С. 127 — без ссылки на источник. Здесь же упоминается о знакомстве Рериха и Родена. В залах Осеннего салона в Париже (Salon d'Automne) С. П. Дягилевым была развернута Русская художественная выставка (Exposition de l'art russe), на которой были представлены древнерусские иконы из собрания Николая Петровича Лихачева (1862—1936), историка и археолога; работы художников XVIII и XIX вв., только что показанные на выставке русского портрета в Таврическом дворце (Петербург), а также картины современных мастеров. См.: *Alexandre Benois*, Exposition de l'art russe à Paris. Paris, 1906. В. В. Голубев входил в число друзей скульптора О. Родена (1840—1917), который создал в 1906 г. бюст жены ученого Н. В. Голубевой. См.: *Bénédictine L.* Catalogue sommaire des oeuvres d'Auguste Rodin. Paris, 1922. P. 26; *Grappe G.* Catalogue du Musée Rodin. Hôtel Biron. Paris, 1944. P. 121. Бронзовая скульптура Н. В. Голубевой — одна из трех версий — неоднократно выставлялась. См.: *Beausire A.* Quand Rodin exposait. Editions Musée Rodin. Paris, 1988. Сейчас находится в экспозиции музея. На переписку супругов Голубевых со скульптором автору указал А. Beausire, частично ее опубликовавший в «Correspondance de Rodin» (Paris, 1988). О. Роден был избран почетным членом Императорской Академии художеств 28 ноября 1905 г. См.: *Кондаков Н. П.* Состав Императорской Академии художеств в 1914 году. СПб., 1914. С. 280. В письме Голубева к Родену от 16 авг. 1909 г. содержится просьба написать письмо в Императорскую Академию художеств с целью «помочь склонить чашу вассов» при голосовании на звание академика в пользу его друга Рериха. Роден исполнил просьбу Голубева. Письма Голубева Родену хранятся в архиве музея — Hôtel Biron (Paris). Ученого и скульптора объединял интерес к итальянскому искусству и Востоку. См.: En collaboration avec Auguste Rodin, Ananda K. Coomaraswamy et E. V. Havell. *Ars Asiatica. Etudes et Documents publiés sous la direction de Victor Goloubev. Sculptures civaites.* Bruxelles et Paris. G. Van Oest, 1921.

³ Княгиня *Мария Клавдиевна Тенишева* (1867?—1928) — коллекционер, художник-эмальер, меценат. На ее средства был создан отдел акварельной живописи в Музее императора Александра III (ныне Государственный Русский музей, СПб.), Художественный музей в Смоленске, издавался журнал «Мир искусства». Ее супруг, князь *Вячеслав Николаевич Тенишев* (1843—1903) — крупный промышленник, меценат, музыкант (закончил консерваторию), этнограф и археолог-любитель. Отца ученого В. В. Голубева — Виктора Федоровича Голубева — и Тенишевых связывали деловые и дружеские отношения, которые сохранились между семьями и после кончины Тенишева и Голубева-отца. Художник *Николай Константинович Рерих* (1874—1947) был знаком с М. К. Тенишевой с 1903 г.

⁴ Н. К. Рерих в 1906 г. был избран в числе семи русских художников почетным членом Осеннего салона с правом вне жюри выставлять свои картины на выставках.

⁵ В имении В. В. Голубева Пархомовке, недалеко от Белой Церкви в Киевской губернии, архитектором Владимиром Александровичем Покровским (1871—1931) была построена церковь Покрова Божией Матери в 1903—1907 гг. По эскизам Н. К. Рериха в мастерской В. А. Фролова в Санкт-Петербурге были выполнены в 1906 г. две мозаики для наружных стен храма — «Покров Пресвятой Богородицы» и «Нерукотворный Спас». Старший брат ученого Лев Викторович Голубев (1875—?) отказался от дальнейшего сотрудничества с Рерихом. В письме В. В. Голубеву в Париж он писал в октябре 1906 г.: «Живопись Рериха совсем не подходит к нашей церкви и может быть очень интересна как произведение искусства (я сам ставлю очень высоко талант Рериха), но церковного в ней ничего нет <...> я не согласен с его живописью, а так как я являюсь строителем храма, то ты не можешь без моего сочувствия поместить его живопись». См.: ЦГИА СПб., ф. 2186, оп. 1, д. 190, л. 107—108. К согласию прийти не удалось вопреки надеждам ученого и художника. Церковь в Пархомовке и мозаики сохранились. См.: ЦГИА СПб., ф. 2186, д. 190, 191а; *Короткина Л. В.* Творческий путь Николая Рериха. СПб., 2001. С. 50—52.

⁶ В Париже 12 (25) ноября 1906 г. состоялась свадьба Л. В. Голубева и Александры Степановны Макаровой (1885—1982) — дочери погибшего в русско-японской войне вице-адмирала С. О. Макарова, во втором браке графини Капнист. См.: *Полевая М. И.* Дома Голубевых. СПб., 1997. Сын Голубевых, внук адмирала Макарова, Вадим Львович Голубев-Капнист (1910—1981) жил, как и его мать, во Франции, где скоропостижно скончался. См.: Русская мысль. Париж. 1981. 13 марта, № 3351.

⁷ В. В. Голубев работал над книгой о венецианских художниках Антонио Канале (Каналетто; 1720—1780) и Франческо Гварди (Гуарди; 1712—1793). По сообщению журнала «Аполлон» (1910. № 8), издательская фирма G. Van Oest объявила об издании монографии В. В. Голу-

бева, посвященной венецианским художникам. Судьба рукописи неизвестна. *Gerard Van Oest* (1875—1935) — глава крупнейшей издательской фирмы с центром в Брюсселе, друг Голубева.

⁸ Итальянский художник *Якопо Беллини* (1400—1464). Издательство G. Van Oest et Co выпустило в свет двухтомный альбом В. В. Голубева «Les dessins de Jacopo Bellini au Louvre et au British Museum» (Bruxelles, 1908, 1912).

2. Н. К. Рериху¹

Его Высочородию
Николаю Константиновичу Рериху
Петербург, Мойка, 83

22/9 октября 1907

Дорогой Николай Константинович.

Шлем привет из Смирны. Исколесили всю Малую Азию, где — в экипаже, где — по железной дороге, видели чудеса. Через час едем в Царьград, по лазурному морю, под лазурным небом. Восток в этой действительности еще сказочнее, чем в сказках о нем. Скоро ли увидимся в Париже? С ноября я в твоём распоряжении и рад буду содействовать, по мере сил, успеху выставки.

Твой преданный

В. Голубев.

¹ ОР ГТГ, ф. 44, ед. хр. 713, л. 1.

3. Н. К. Рериху¹

Paris 26, Avenue du Bois de Boulogne,
16 ноября 1907

Дорогой Николай Константинович,

Давно, давно не имею от тебя известий. Вернулся из стран турецких и опять живу — думаю — в Венеции XV века, а телесно — в Париже XX-го. Рад буду содействовать успеху твоей выставки по мере моих скромных сил. Жду письма с подробными сведениями. Завтра зайду к княгине Тенишевой.² Раньше не мог думать о визитах к ней, так как все кашлял и страдал мигренью; привез с востока бронхит.

Сердечный привет!

Твой преданный

В. Голубев

Мой адрес временно: Hôtel Mercédès, rue de Presbourg!

¹ ОР ГТГ, ф. 44, ед. хр. 714, л. 1.

² Н. К. Рерих был участником выставки (Société des artistes modernes) на улице Комартен в Париже, открытой княгиней М. К. Тенишевой 4 окт. 1907 г. На выставке были представлены

4. С. Ф. Ольденбургу¹

Paris 26, Avenue du Bois de Boulogne,
4 mars 1913

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

В ответ на Вашу телеграмму поспешил Вам телеграфировать, что выставка будет открыта 2 апреля нов. ст. (20 марта ст. ст.).² Может, конечно, случиться, что открытие выставки опоздает на один день или на два по не зависящим от администрации музея и от меня обстоятельствам (но это маловероятно!). В числе приглашенных — французский министр народного просвещения, наш посол, председатель Société Asiatique m. Senart, представители от Royal Asiatic Society и India Society, которые участвуют в выставке присылкой копий Mr. Herringham с аджантских фресок, от Institut (m. Chavannes) от Collège de France (m. Sylvain Lévi, Paul Pelliot) и Сорбонны (наш общий друг m. Foucher).

Ваш приезд будет для всех — событием весьма радостным; у Вас здесь много друзей и много почитателей, жалеющих, что Вы так редко посещаете Париж.

Наша выставка разбивается на четыре отдела: 1) Индия, Цейлон, Индокитай, Ява; 2) Тибет; 3) Китай; 4) Япония. Каталог составляется в сотрудничестве с M. Foucher, Pelliot, Petrucci и Hucvín (консерватор музея Гимэ); некоторыми указаниями мы обязаны m. S. Taki, редактору журнала «Кокка»,³ который был недавно в Париже и на днях опять здесь будет. Богаче всего будет отдел китайский; у нас собрана интересная серия скульптур эпохи Тан и Вей, представляющих ценный материал как с точки зрения стиля и эпохи, так и в отношении эпиграфических исследований. Затем у нас много японских какемоно разных школ и сект и скульптур из бронзы и дерева. Вас заинтересуют еще бронзовые статуи из Лаоса и фрагменты с острова Явы и из Анкора. Один зал будет посвящен моим снимкам Аджанты (куда опять собираюсь в будущем 1914-м году) и копиям Mr. Herringham. Каталог должен быть готов к открытию выставки. К Вашему приезду готовы будут и фотографии (около 1000 штук) для Императорской Академии наук.⁴ Первую книжку «Ars Asiatica» с критическим описанием прошлогодней китайской выставки (m. Chavannes и Petrucci) пришлю Вам, как только она появится, во всяком случае не позже мая месяца.⁵

С искренней радостью буду Вас приветствовать в Париже, глубокоуважаемый Сергей Федорович, позвольте пожелать Вам доброго пути, душевно преданный Вам,

В. Голубев

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 153, л. 4—5 об.

² Выставка в Музее Сегнуси, устроенная муниципалитетом Парижа, открылась 1/14 апр. 1913 г. С. Ф. Ольденбург был командирован Российской Академией наук в Париж, где встре-

чался с В. В. Голубевым, участником выставки. См.: *Ольденбург С. Ф.* Отчет о командировке на выставку по буддийскому искусству в Париже // *Известия Императорской Академии наук.* СПб., 1913. VI сер., № 8. С. 377—382.

³ Ежемесячный журнал восточного искусства «Кокка» (в переводе с японского «Цветы Нации»). Издавался в Токио с 1889 г. В каждом номере содержатся исследования старинной живописи Японии, а также цветные репродукции картин, находящихся в частных коллекциях, недоступных для исследователей. Пояснения к иллюстрациям даются параллельно на японском и английском языках. Резюме — на английском языке. Выходил также и на английском языке — «The Kokka». В янв. 1941 г. по приглашению Общества за развитие международных культурных связей (Société pour le développement de relations culturelles internationales) В. В. Голубев посетил Токио и Киото, где выступал с докладами и работал в музеях.

⁴ Альбомы со снимками пещерных храмов Аджанты были подарены В. В. Голубевым Российской Академии наук и сейчас находятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Петербурге.

⁵ Выход в свет первой книги альбома «Ars Asiatica. Etudes et Documents publiés sous la direction de Victor Goloubew» откладывался до февраля 1914 г. Речь идет о работе Эдуарда Шаванна (Edouard Chavannes) и Рафаэля Петруччи (Raphaël Petrucci) «La peinture chinoise au musée Cernuschi, avril — juin 1912» (вступ. статья В. В. Голубева).

5. С. Ф. Ольденбургу¹

Paris 26, Avenue du Bois de Boulogne,
2 июля н. ст. <1913>

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Приношу Вам искреннюю благодарность за любезное Ваше письмо. Надеюсь побывать в Петербурге перед отъездом в Индию, в октябре. Коллекции фотографий для Академии наук готовы, но не готовы еще переплеты, и часть снимков еще не наклеена на картон. Полагаю отправить ящик с фотографиями в сентябре на Ваше имя, в Академию. Составлю и краткий каталог. Искренне рад буду повидаться с Вами осенью; Ваше доброе внимание к тому, что я затеял, мне дорого, и я буду стараться, вернувшись в Индию, оправдать ту сердечную дружескую симпатию, которую угадываю в Вас по отношению к моим работам и мечтам! Еще раз спасибо!

Ваш искренне преданный,
В. Голубев

Р. S. На днях выйдет в «Annales du Musée Guimet» моя брошюрка об Аджанте; а в сентябре выйдет первый том «Ars Asiatica», пришлю их Вам в Петербург тотчас по появлении.²

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, сд. хр. 153, л. 6—7 об. Год установлен по почтовому штемпелю.

² *Goloubew V. Peintures bouddhiques aux Indes // Annales du Musée Guimet, Bibliothèque de vulgarisation.* Т. 40. Conférences faites au musée Guimet en 1913. Paris, 1914. Другие работы Голубева о буддийском искусстве изданы в 1913 г. музеем Cernuschi, Париж. См.: *Bibliographie des travaux de V. Goloubew // Bulletin de L'École Française d'Extrême — Orient.* Extrait du T. LIII. Fasc., 2. Paris, 1967.

6. С. Ф. Ольденбургу¹

Villa Igiea Grand Hôtel Palerme,
21/8.XII.1913

Глубокоуважаемый Сергей Федорович,

Приношу Вам искреннее спасибо за любезный отзыв о первом томе «Ars Asiatica»,² второй том с очерком Chavannes о китайской скульптуре выйдет в феврале, и Вам сейчас же будут доставлены два экземпляра.³ В Индию (Ajanta и Bāgh) еду осенью в ноябре, в нынешнем году отправиться туда не смог; много в Париже было и есть неоконченного дела. Коллекция фотографий для Императорской Академии наук готова, и я полагаю к Вам привезти в марте. Собираюсь в Петербург. Рад буду повидаться, побеседовать с Вами о Китае и об Индии, пожелать Вам устно доброго пути и полного успеха.⁴

Еще раз спасибо за доброе внимание и добрую память.

Искренне Вам преданный,
В. Голубев

P. S. В Париж возвращаюсь в первых числах января (нов. ст.).

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 153, л. 2—3.

² См. примеч. 5 к письму 4.

³ Издание задержалось. Ранним летом 1914 г. вышла вторая книга альбома «Ars Asiatica» со статьей Эдуарда Шаванна (Edouard Chavannes) «Six monuments de la sculpture chinoise», описывающей шесть буддийских памятников и вносящей новые данные в историю китайского искусства. См. об этом в журнале «Старые годы» (1914. Окт.—дек. С. 118).

⁴ С. Ф. Ольденбург готовился к экспедиции в Дуньхуан (провинция Ганьсу) в Западном Китае (1914—1915). См.: *Ольденбург С. Ф. Пещеры тысячи Будд // Восток. 1922. Кн. 1.*

7. П. П. Муратову¹

Villa Igiea Grand Hôtel Palerme,
21/8.XII.1913

Милостивый государь Павел Павлович,

Ваше письмо получил в Палермо. Желаю Вам полного успеха. Ваш журнал осуществляет любимую мою мысль — связать искусство востока с Древней Русью и вызвать в русской читающей публике интерес к Китаю, к Персии, к Индии, искусство которых несравненно ближе нашему эстетическому пониманию, чем рококо и «empiric» западных стран. В марте месяце надеюсь побывать в Москве и побеседовать с Вами; искренне рад быть Вашим сотрудником.²

Не откажите передать дорогому Илье Семеновичу мой привет и примите благодарность за любезное обещание высылать мне журнал в Париж.³ С искренним уважением и преданностью,

В. Голубев

В начале января нов. ст. возвращаюсь в Париж.

¹ РО ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 767, л. 1—2.

² Письмо П. П. Муратову написано в тот же день, что и предыдущее С. Ф. Ольденбургу. Побывать ни в Москве, ни в Петербурге Голубеву не удалось. *Муратов Павел Павлович* (1881—1950) — писатель, искусствовед, глубокий знаток древнерусского и античного искусства, эпохи Возрождения. Сотрудничал с К. Ф. Некрасовым (1873—1940), крупным издателем, племянником поэта Н. А. Некрасова. Муратов также занимался литературной и художественной критикой, редактировал новый журнал «София», посвященный искусству и литературе. Журнал издавался в Москве в 1914 г. Вышло всего 6 номеров.

³ *Остроухов Илья Семенович* (1858—1929) — художник-пейзажист, коллекционер русского и западноевропейского искусства. Благодаря Остроухову началась переписка между Голубевым и Муратовым о сотрудничестве. В собрании Остроухова первоначально находился рисунок В. Серова (1910), на котором изображены балерина Ида Львовна Рубинштейн (1880—1960), итальянский поэт и драматург Габриеле д'Аннунцио (1863—1938) и Н. В. Голубева. См.: каталог ГТГ и ГРМ «Валентин Серов: к 125-летию со дня рождения» (Л., 1991).

8. П. П. Муратову¹

Paris 26, Avenue du Bois de Boulogne,
24 апреля 1914

Многоуважаемый Павел Павлович,

Посылаю Вам мои статьи, обе по китайскому искусству. Одна (*Gazette des Beaux-Arts*, avril, 1914) посвящена художнику Ли-Лонг-мьену,² — другая, напечатанная в Германии, — китайской пластике. Этюд мой о скульптуре в Китае, основанный на сравнительных анализах, Вас, может быть, заинтересует ввиду того, что II том «*Ars Asiatica*», который выйдет в мае, содержит ряд заметок профессора Chavannes по поводу памятников китайского ваяния, привезенных в Париж и выставленных отчасти в Musée Cernuschi. Пришлю Вам и лекцию мою об Аджанте, с иллюстрациями, изданную музеем Guimet.³ Не знаю, когда появится в «*Ars Asiatica*» описание моей персидской коллекции, полагаю, не раньше как через три года.⁴ Теперь все внимание у нас сосредоточено на Индии и буддизме. Следующий (III) том посвящен индийской скульптуре; IV-ый — буддийской выставке (1913 г.). Потом начнется серия с воспроизведением фресок в Аджанте и в Bagh.⁵ В ноябре опять еду в Индию. Не знаю, удастся ли нынешним летом побывать в Москве, но очень бы хотелось. Не собираетесь ли за границу? Если собираетесь, то не забудьте заглянуть и в Париж. Очень был бы рад показать Вам, что собрал по восточному искусству и укрепить симпатию, столь искреннюю между «Софией» и «*Ars Asiatica*». Что касается русского издания, о котором Вы мне писали в Вашем последнем письме, то я с удо-

вольствием, когда наступит для того время, войду в переговоры с г. Некрасовым.

Примите искренний привет!

Преданный Вам,
В. Голубев

¹ РО ИРЛИ, Р. III. оп. 2, ед. хр. 769, л. 4—5 об. Письмо частично цитировалось, см.: Ваганова И. В. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова. С. 242.

² *La Gazette des Beaux-Arts* — самое старое из французских периодических изданий, посвященных истории искусства, существовавшее более 50 лет, перешедшее с 1914 г. к брюссельскому издателю G. Van Oest. Упоминаемые в письме статьи: «Un peintre chinois au XI siècle: Li Long-mien» и вторая, вышедшая в Германии, в серии: Sammlungen und Denkmäler — Notes sur quelques sculptures chinoises // *Ostasiatische Zeitschrift*. II. № 3. Berlin, 1913. С. 326—340.

³ См. примеч. 2 к письму 5.

⁴ См. примеч. 10 к вступительной статье. Более полное описание персидской коллекции В. В. Голубева было сделано его другом А. К. Coomaraswamy, хранителем восточных коллекций в Музее изящных искусств в Бостоне, США. См.: *Arts Asiatica*, XIII, 1929 — Les miniatures orientales de la collection Goloubew au Museum of Fine Arts de Boston. Paris et Bruxelles. Librairie nationale d'Art et d'Histoire, G. Van Oest (вступ. статья В. В. Голубева. С. 5—10).

⁵ Путешествие в Индию В. В. Голубева и его друга писателя Шарля Мюллера началось 10 окт. 1910 г., в марте 1911 г. они вернулись в Марсель. Одной из работ о фресках Аджанты посвящен альбом: *Arts Asiatica. Etudes et Documents pour servir à l'étude d'Adjanta. Les peintures de la première grotte*. Paris et Bruxelles: Librairie nationale d'Art et d'Histoire, G. Van Oest. 1927. Т. X.

9. П. П. Муратову¹

11 мая н. ст. <1914>

Многоуважаемый Павел Павлович,

Сегодня посылаю Вам небольшую брошюру с моей лекцией об Аджанте. Предмет интересный. Аджанта — древнейший образец буддийской живописи, дошедшей до нас. В 1910—11 ездил в Индию с целью снять как можно больше фотографий с этих единственных в своем роде фресок. Если моя статья Вас заинтересует, то не хотите ли дать в Вашем журнале несколько воспроизведений? С удовольствием прислал бы Вам фотографии, а текст Вы легко составили бы сами, по данным моим, напечатанным в брошюре.

Искренне преданный Вам,
В. Голубев

¹ РО ИРЛИ, Р. III. оп. 2, ед. хр. 770, л. 7—7 об. Год установлен по почтовому штемпелю.

21 мая н. ст. <1914>

Глубокоуважаемый Павел Павлович,

Наши мысли встретились, как встретились наши письма. Подумал, что интересно, быть может, будет для «Софии» посвятить статью Аджанте, и Вы мне о том же пишете. Когда приедете в Париж, покажу Вам снимки свои. Книжку мою Вы, вероятно, уже получили, она была отправлена дней десять назад. Едва ли существует по искусству востока более интересная тема, чем Аджанга. Ее пещерные храмы открывают Вам и душу Индии, и искусство буддизма в эпоху его расцвета, и последний отсвет греческого гения, завезенного на берега Инда Александром Македонским. Но обо всем этом расскажу Вам при свидании, в июне. Не откажите сообщить, когда именно, в начале или к концу месяца. Вы думаете приехать с К. Ф. Некрасовым, а я устроюсь так, чтобы быть посвободнее. Хотелось бы показать Вам, что меня интересует и над чем работаю. Второй том «Ars Asiatica» выйдет не сегодня-завтра; Вы получите его на будущей неделе. Портрет из коллекции С. И. Щукина едва ли старше XVII века, это типичный «портрет предка», икона в своем роде, и представлен мандарин в церемониальном костюме династии Мин или Манчжурской династии; сравните его с группой семейной, воспроизведенной в «Ars Asiatica» <нрзб.> и Вы найдете сходство. Эпоха Мин (XVI век) совпадает с расцветом в Китае портретной живописи в духе Гольбейна, несомненно тут сказалось влияние запада. Шлю искренний привет! До свидания в Париже.²

Преданный Вам,
В. Голубев

¹ РО ИРЛИ, Р. III, оп. 2, ед. хр. 773, л. 10—10 об. Год установлен по почтовому штемпелю.

² П. П. Муратов, получив работы Голубева, написал большую редакционную статью под заголовком «Ars Asiatica», поместив три репродукции с китайским пейзажем из его коллекции, а также один портрет эпохи Тан из собрания С. И. Щукина (1854—1937), известного коллекционера. См.: София. 1914. № 3. С. 1—8. Сотрудничество Голубева с соотечественниками, заинтересовавшимися его творчеством, началось, но было прервано войной.

РАННЯЯ ПОЭМА ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА «ЗЕМЛЯ»

Публикация Т. М. Вахитовой

В 1989 г. В. А. Ковалев передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома автограф ранней поэмы Леонова «Земля». Этот текст молодого писателя сопровождался предисловием хранителя автографа: «Леонид Леонов написал в юности множество стихов. Они публиковались на страницах газеты „Северное утро“ (с 1918 г. „Северный день“), который издавал его отец, поэт-суриковец М. Л. Леонов. Это были в основном лирические стихотворения.¹ Рукописи стихов в 1921 г. молодой литератор предал огню.² В этом выразилась авторская самокритика. Своей первой вещью Леонов считает рассказ „Бурыга“ (1922). В дальнейшем к поэзии он почти не обращался.³

Кроме лирических произведений были написаны поэмы с философской доминантой. Их особенно ценили друзья молодого поэта по 3-ей Московской гимназии. Среди ранних публикаций подобных произведений в этом жанре нет. Быть может, поэтому будет интересно познакомиться с сохранившейся поэмой Леонова „Земля“.

Рукопись этой поэмы передал автору настоящих строк один из школьных друзей писателя Н. М. Белинкий... Рукопись не датирована. Сохраняется еще твердый знак, поэтому, возможно, она написана до декабря 1917 г., когда был издан декрет о реформе русского правописания. В конце текста — подпись автора. Подвергать анализу это притчеобразное произведение вряд ли требуется, но учесть его исследователям стоит: в нем отражены некоторые ранние тенденции леоновского творчества.⁴

Г. Платошкина, публикуя свои беседы с Леоновым, рассказывает очень интересную историю, связанную именно с этой поэмой. «Вспоминая о работе над рассказом „Уход Хама“, Л. Леонов сказал, что в дни раздумий над этой темой он написал поэму, которая вошла потом в основу рассказа. Поэму он впоследствии уничтожил, от нее остался „сжатый костяк“, составивший вторую песнь Хама — песню о похищении Земли». ⁵ Леонов, обладавший редкой памятью, по-видимому, лукавил (возможно, что и Платошкина записала что-то не так), сближая гимназическую поэму (а речь идет именно об этой поэме) с рассказом 1922 г. Об этом свидетельствуют и воспоминания гимназического товарища, а главное почерк писателя. Рассказы 1920-х гг. уже написаны характерным для Леонова и трудно читае-

мым «микробным», как называл его М. Горький, почерком, а поэма, записанная на тетрадных листах в линейку, выглядит как хорошо написанное гимназическое сочинение. Возможно, что какой-то вариант поэмы и был уничтожен, но автограф сохранился и оказался в Пушкинском Доме.

Далее Леонов сообщал Г. Платошкиной, что в основе поэмы «лежит гностическое понимание генезиса земли: Ветхий Завет — от дьявола (отсюда образ Похитителя земли), Новый Завет — от Христа. Как будто все там и было объяснено, но, — вспоминал Леонов, — он не мог понять одной „механики“: каким образом Бог, который сотворил мир, людей, стал топить людей и все живое на земле. <...> И возникла мысль: а как рассматривается это в еврейских апокрифах?». По совету тестя Леонова — М. В. Сабашникова молодой писатель обратился за разъяснениями к М. О. Гершензону, который сказал: «О-о, накрутил! А дело просто: есть еврейский апокриф. Когда Ной и его семья вышли из ковчега и устроились на Арарате, то принесли жертву Богу, спасшему их. Бог понюхал и сказал: „Вкусно. Не надо их больше топить...“. Все очень просто — ошибся. Люди ищут там непогрешимых истин, а на деле — миф». «И я все понял, — заключил Леонид Максимович, — ошибка моя состояла в том, что я воспринимал миф о потопе и миф о наказании человечества так, как был воспитан в гимназии на законе Божьем — то есть как религиозную догму. А на самом деле — еврейский миф».⁶

Эта поэма, написанная в свободной форме космических символистских построений (ее содержание напоминает драматургическое сочинение В. Брюсова «Земля»), обрела отголоски в новелле «Уход Хама», где ее философский посыл актуализируется в ритмической стилизации библейского текста: «Солнце лежало в правой руке Отца, а в левой — земля. <...> Были пустоты и глубины наполнены водами мрака. В них отражался Отец. Тот, который был отражением, пришел неслышно. Когда был близко — выхватил землю из руки Отца и прыгнул в глубину и пустоты. Он стал тогда вторым Отцом земли. Бытие дала ему земля. <...> Тогда вздрогнуло сердце Отца. Он метнул яростной десницей солнце вслед похитителю. Он дал ему силу камня лететь, жар огня жечь. Оно качнулось, пламенной дугой летя. И тогда сорвались все шары, висевшие в глубинах и пустотах, и понеслись вокруг них, чтоб видеть, как ярость солнца пожжет грех земли. Ибо земля зачала от похитителя и родила Левиафана...».⁷

Мысль Леонова о том, что «Земля» (человечество) находится в руках «черного ангела» (дьявола), нередко возникает на периферии последнего романа «Пирамида» (1994) в многочисленных версиях разных персонажей. В одном из пророческих снов о Матвее, главного героя этого романа, человечество представлено отвернувшимся от Христа. Эта поэма является одной из главных, опорных доминант леоновского творчества, соединяющих его начала и концы. Разумеется, поэма «Земля» — едва ощущаемый намек на последний роман, призрачный контур, легкий абрис мерцающих фигур, едва намеченный пунктир основной темы (в «Пирамиде» нет образа Бога, в отличие от поэмы), но этот отсыл реален и доказуем. Леонов развернул свое творчество к юношеским вехам, пытаясь то ли замедлить уходящее время, то ли реализовать то тайное, подспудное, что не могло прорваться в тоталитарные годы...

Леонов весьма критично относился к своим произведениям раннего периода. И в своих завещаниях (1939, 1982) особым пунктом выделял свое мнение о них. В завещании 1982 г. он, в частности, писал: «Прошу мое правительство и моих друзей оказать мне следующие посмертные услуги: <...>. 2. Никогда даже в отрывках и цитатах не печатать мои (до «Бурыги») литературные опыты: и опубликованные мною при жизни, и оставляемые родне в качестве мемориальных автографов. <...> 17 октября 1982 г. Л. М. Леонов».⁸ Дочь писателя — Н. Л. Леонова — рассказывает, что писатель просил даже уничтожать все найденные рукописи, датированные ранее 1922 г.

Но автограф поэмы «Земля» находится в архиве Пушкинского Дома и уничтожен быть не может, ибо уже принадлежит культуре России. Более того, на первом семинаре, посвященном изучению романа «Пирамида», Н. А. Грознова прочитала текст поэмы, поэтому некоторые леоноведы уже ссылаются на это произведение Леонова, восстанавливая какие-то цитаты или собственные впечатления по памяти или по своим записям. Представляется необходимым, чтобы не допустить искаженной интерпретации, опубликовать эту поэму, выражая благодарность наследникам за понимание важности научной проблематики.

Поэма «Земля» написана Леоновым на 12 страницах школьной тетради и представляет собой беловой автограф с небольшими исправлениями и описками; хранится в фонде Р. 1, оп. 15, № 200. Публикуется в авторской редакции.

¹ Среди лирических стихотворений раннего периода находились стихи (символистского, народнического и реалистического содержания) и небольшие поэмы фольклорно-эпического звучания: «Родине» (1915), «Песня» (1915), «Ужели?» (1915), «Вавила» (1915) и др. См.: «И змеятся мысли темною спиралью, громоздясь в столетья у моих дверей...». Ранние стихи Л. Леонова (1915—1918) / Вступит. статья и републ. Т. М. Вахитовой // Новый журнал. 1997. № 1. С. 51—59.

² Однако все стихотворения и рассказы раннего периода сохранились на страницах архангельских газет.

³ Леонов писал шуточные стихотворения друзьям и знакомым, вставлял небольшие стихотворные фрагменты и в прозу, начиная от «Записей Ковякина» до «Русского леса».

⁴ Р. 1, оп. 15, № 200, с. 1.

⁵ Платошкина Г. Воспоминания о Леониде Леонове // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. М., 1999. С. 467.

⁶ Там же. С. 467—468.

⁷ Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. 1. С. 139.

⁸ Домашний архив Л. М. Леонова.

Земля

Вселенная огромна.
Он это знал. Хитрый.
Знал бездомный,
Облокотясь на свои попитры,
Он глядел безрассудный и темный
На небес голубые палитры
И думал.

А потом все крался без шума
На небесных задворках
Угрюмо.
На созвездных пригорках.
Молчал и думал.
Молчал и думал.
Черный ангел.

А потом выпрямлялся в рост,
Словно смерть на кровавом мустанге,
Он беззвучно и тайно стягивал
Свою рать на небесный погост.

Это был первый заговор.
Был беззвучен и прост.

И видел вверху новое.
У Саваофа в руках Земля.
У Саваофа в руках Солнце.
Но у него нет руля
У Саваофа!
Пусть гибнет Слово.
Он видел новое
Воздвигалась грядущая Голгофа. —
У Саваофа —
Земля!

Ангел померк.

И тогда по задворкам вселенной
Он прокрался вверх.

Это был первый заговор.
Рать
Он беззвучно к Подножию стягивал
Умирать.

И однажды из ночных пустынь
Он прокрался, притворяясь Белым,
Изгибаясь птицей
И, губами порыжелыми
Как собака на цепи скуля,
Он ударил Бога по деснице.

А в деснице была Земля!
Он прокрался у ночных пустынь
Притворяясь полуночной птицей
Он ударил Бога по деснице.

Он кричал в лицо ему: Аминь!

И в минуту трепетную эту
Был покой у сумрачных пустынь.

И скользкой узкою рукой
Обхватил рожденную планету
И скользнул, большой в оконце
Погружаясь в тьму:
Вслед ему
Саваоф закинул Солнце.
Вслед ему
Стрелою в узкое оконце.
Погрузилось в Тьму
Вслед ему
Солнце.

А великий ангел, изгибаясь в ком
Прижимая Землю узкими ногтями
Распростерся в медленность пустынь
И спиралью разрезая гром
Он шептал беззвучными устами:
«Я ударил Бога по деснице!
Я украл последнюю. Аминь!»

И как бархат шелестела синь.

А по склонам медленных пустынь
Заунывной вещью черной птицей
Разрезая сумраки до дна
Пронесился в визге по вселенной
Разрезая божьи письмена
Он шептал с улыбкой* изменной:
«А теперь моя. Моя. Моя!»

Разорвали молнии края.

И великий черный Сатана
Изгибаясь ласково и нежно
Знал, что мчится в вечность без руля!

На груди косматая Земля.

Века.
Тысячелетья.
Сатана с Землей.
Скользит рука
В Свете.
По широким траурным пустыням
Синим.
Сатана с Землей.
Называет вечной и родной.
Шелестят глухие междометья,
И года, века, тысячелетья
Согласились втайне с Сатаной.

И гремел в Сознании Саваофа:
«Откололся.

* По-видимому, должно было быть: с улыбкою.

Большой.
Голгофа».

Вселенная вырастала.
Во мраке скорбей
Солнце достигало
Жгло огнем расплавленных лучей
Удлиненный череп Вора.
Закрывая впадины очей
Сатана свернул в концы простора.

Угрюмо.
Пронсясь бесслвно и без шума
Все думал.
И Землю держал как Знамя
Сатана
И припал к Земле щеками
Потухая словно пламя
До дна
Долетал. До грани небесной.
И шептал колыбельные песни.
Земле. Больной.

Провалились в покой
Миллионы лет.
Много лет. Серых и старых как Бог.
Черный ангел
Косматый ищет дорог
Как смерть на кровавом мустанге.

Солнце близко.
Усмехался каменный навес.
Солнце близко.
Ангел слюною слизкой
Плюет в далекий мрак.
Солнце цветет, как мак,
Закрывая кремнистый навес
На* последнею Божьей границей.
Он ударил Бога по деснице.
Он похитил Землю у небес.**

Устал.
Бледный, бледный.
Ведь когда-то давным-давно
Он украл
У Бога последнюю
И прыгнул победный в окно
Устал.
Бледный.

И зигзагами крутились погони.
Изсыхали сухие ладони.

* Должно было быть: За.

** Далее было зачеркнуто: Уста. Устал. Бледный.

Накалялась Земля.
И в хрипящем, тоскливом стоне
Не было: «Моя!»*
Мчались погони.
В каждом уклоне
Предавала звездоносная сеть.
И Сатана изможденный,
Седой, влюбленный,
Уговаривал Землю сгореть.

Шептал: «Умрем!
Я устал. У далеких пустынь
Я украл тебя из тревог.
Моя Земля! Умрем!
Вдвоем.
Аминь...»

А вверху изстарелся Бог.
А в деснице сверкало Солнце.
И болезненный ржавый мох
Обвивал утомленно оконце
Где когда-то искало Солнце
Виновника первых тревог
Гонец Саваофа
Источник правды и лжи —
Божьей межи — Саваофа.

А вверху изстарелся Бог
Под напором изменных тревог.
Издеваясь улыбкой Божьей.

Это был первый заговор,
Где когда-то Великий к подножью
Смело стягивал
Свою рать.
К подножью
Умирать.
С ложью.
Это был первый заговор.

Леонид Леонов

* Кавычки в автографе не стояли.

ПИСЬМА К. А. СОМОВА К К. М. ЖИВОТОВСКОЙ (1925—1938)

*Подготовка текстов, вступ. статья Т. С. Царьковой,
комментарии и биографическая справка Е. П. Яковлевой,
перевод с англ. Е. А. Тереховой*

Письма Константина Андреевича Сомова бережно хранились в семье адресата – Клеопатры Матвеевны Животовской многие десятилетия. В конце жизни К. М. Животовская передала их вместе с фотографиями К. А. Сомова и своими фотографиями русской писательнице Алле Кторовой,¹ проживающей с 1958 г. в Роквилле (США, штат Мэриленд). Со стороны Животовской этот поступок не был случайным. Алла Кторова заслужила абсолютное доверие эмигрантов первой волны (к моменту знакомства с ней многие из них были уже в весьма преклонных летах) своим бескорыстным участием, вниманием к их нуждам, неутомимым собиранием и фиксацией их рассказов, а также книг и документов по истории Русского Зарубежья.

Все это составило документально-фактическую основу книг А. Кторовой, в частности «Пращурь и правнуки». Но Кторова не коллекционер. Она охотно и даже ревностно стремится передать всё, с ее точки зрения, ценное для культуры России, на родину. Так, одному из публикаторов настоящих материалов довелось в октябре 1990 г. по инициативе А. Коровой встретиться в Вашингтоне с легендарной «майкопской атаманшей» – Ниной Федоровной Буровой и привезти в дар от нее в фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома три письма А. М. Ремизова, ей адресованные, три его книги с авторскими дарственными надписями Н. Ф. Буровой и ее докторскую диссертацию по психологии «Сны Пушкина», защищенную в Сорбонне.² Сама Алла передала десятки книг русских писателей-эмигрантов в библиотеку Пушкинского Дома. Тогда же в своем доме она предложила бегло ознакомиться с письмами К. А. Сомова и договориться о возможной их публикации. Первые, выборочные публикации писем писательница подготовила сама.³ А в 1997 г. привезла и подарила Рукописному отделу ИРЛИ 6 фотопортретов К. А. Сомова (1935—1936), письмо его Виктору Тимофеевичу Животовскому (1926), 28 писем Клеопатре Мат-

вевне Животовской (1925—1938), письмо Евгению Ивановичу Сомову (1934), 5 писем Т. Чернавиной к К. М. Животовской (1935—1939).⁴

Устный рассказ Аллы Кторовой о семье Животовских позволяет добавить несколько штрихов к обстоятельному комментарию Е. П. Яковлевой к публикуемым письмам.

По словам Кторовой, Клеопатра Матвеевна родилась в 1890 г. под Киевом в семье начальника железнодорожной станции. Ее родители, как и родители ее будущего мужа Виктора Тимофеевича, были против их брака, возможно, из-за принадлежности семей к разным конфессиям, что послужило причиной бегства влюбленных. Не исключено, что за рубежом Животовские оказались еще до октября 1917 г.

Современникам из русской диаспоры Нью-Йорка молодая Клеопатра Матвеевна запомнилась как веселая, привлекательная, очень общительная, постоянная посетительница концертов и выставок, на которые она являлась с неизменной корзинкой, наполненной домашними пирожками. Не получившая серьезного образования, не нашедшая в жизни «творческого дела» (так она жалуется в письмах, на что К. А. Сомов отвечает: «Устройте себе диету и массаж, и все будет all right»), Животовская так тянулась к людям искусства, что легко срывалась за ними в поездки по другим городам и штатам. Она была хорошо знакома с семьей Рахманиновых, с Ф. И Шаляпиным, ее переписка с К. А. Сомовым, с которым она виделась лишь в 1924—1925 гг. в Нью-Йорке и в 1926 г. в Париже, продолжалась до последних месяцев его жизни. Особо близкие отношения у нее сложились с семьей Евгения Ивановича и Елены Константиновны Сомовых, американских родственников художника, в которой и произошло знакомство К. А. Сомова с его будущей моделью. Сомов написал два портрета Животовской, один она получила в подарок и никогда с ним не расставалась, вероятно, и теперь он хранится у ее потомков; местонахождение другого, более известного — «Дама в черных перчатках» — не установлено.

Алла Кторова познакомилась с Клеопатрой Матвеевной в Вашингтоне, затем ездила к ней в штат Флорида, дружила с ее дочерью Ириной, которая умерла раньше матери. Клеопатра Матвеевна скончалась в 1980 г. (?) в американском городе Санкт-Петербург. У нее остались внуки. Во время своего рассказа Алла постоянно повторяла: «Светлый человек».

Письма К. А. Сомова глубоко личные. В них описания повседневности, меняющихся настроений перемежаются сообщениями о работах художника, восприятии выставок, впечатлениями о прочитанном, о встречах со старыми и новыми друзьями, переживаниями об утратах. Существенной особенностью этих писем является то, что 9 из 28 датированы 1936—1938 гг., временем, о котором в жизни художника известно немного. Широко привлекаемые комментатором опубликованные и неопубликованные письма и дневники Сомова, иные документальные материалы эмигрантского периода, сохранившиеся лишь частично, обрываются до этой даты.

Местонахождение писем К. М. Животовской, адресованных К. А. Сомову, не установлено. По контексту ответных посланий можно предположить, что они были не столь информативны, сколь дружественны и исповедальны. Молодая женщина нуждалась в советах, сочувствии и ободрении, и, надо полагать, Сомов отвечал этим ожиданиям. Ведь еще о мо-

лодом художнике в его петербургский период другой мирискусник — А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях писал: «Он вообще обладал склонностью дружить с дамами, а дамы, что называется, льнули к нему, охотно делая его своим конфидентом».⁵ В этой связи заметим, что большинство писем К. А. Сомова 1900—1910 гг., хранящихся в РО ИРЛИ, также адресовано дамам: З. А. Венгеровой (ф. 39), Е. С. Зарудной-Кавос (ф. 445), М. В. Сабашниковой (ф. 562), В. М. Сюннерберг (ф. 474), Ал. Н. и Ан. Н. Чеботаревским (ф. 189 и 289).

Тексты писем приводятся на языке оригинала. Письма, написанные на английском языке, снабжены переводом. Перевод иноязычных вставок дается в тексте в угловых скобках, чтобы не перегружать комментарии. В угловые скобки также заключены отсутствующие в автографах и условно установленные места написания писем, авторские сокращения и некоторые уточнения. Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации, но в исключительных случаях авторская пунктуация сохранена. Место написания письма и его дата приводятся в правом верхнем углу независимо от того, где они находятся в оригинале. Инициалы имени автора, приводимые в конце письма, не раскрываются. Уменьшительно-ласкательные имена, например Таничка (Т. С. Рахманинова), даются в авторском написании. В комментариях названия месяцев в точных датах написания письма обозначаются сокращенно.

Цитируемые фрагменты писем К. А. Сомова сестре, А. А. Михайловой, адресованные в Петроград — Ленинград, приводятся по изданию: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества К. А. Сомова Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М.: Искусство, 1979 (далее: *Сомов*). В тексте издание обозначается в сокращении, со ссылкой на цитируемую страницу. Цитирование опубликованных комментариев оговаривается. Не публиковавшиеся ранее фрагменты писем и дневников из фонда К. А. Сомова в СР ГРМ приводятся со ссылкой на данный источник.

Публикаторы благодарят П. Р. Заборова за консультации.

Сомов Константин Андреевич

18 (30) ноября 1869, Санкт-Петербург — 6 мая 1939, Париж

Родился в семье Андрея Ивановича Сомова (1830—1909) — историка искусства, возглавлявшего Картинную галерею Императорского Эрмитажа. Учился в петербургской гимназии К. И. Мая (1879—1888), Императорской Академии художеств (1888—1897, с 1894 — в мастерской И. Е. Репина). Посещал академию Ф. Коларосси в Париже (1898).

С 1895 г. — участник выставок, в том числе ученических, групповых, международных. Один из основателей группы «Мир искусства» (1898). Член и экспонент художественных объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников». Академик живописи (1914). Работал в области станковой живописи, акварели, книжной и журнальной графики, декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства. Автор картин,

сюжеты которых навеяны французским XVIII веком и русским ампиром: «Конфиденции» (1897), «Радуга» (1897), «В боскете» (1899), «Остров любви» (1900), «Волшебство» (1902), «Дама в розовом платье» (1903), «Фейерверк» (1904), «Осмеянный поцелуй» (1908), «Язычок Коломбины» (1913—1915). Создал галерею многочисленных портретов: родителей, сестры Анны, др. родственников, а также друзей — А. Н. Бенуа, В. Ф. Нувеля, А. П. Остроумовой, Е. Н. Званцевой, Г. Л. Гиршман, М. Г. Лукьянова, Н. С. Позднякова, М. В. Брайкевича и др. Писал заказные портреты, в т. ч. по предложению Н. П. Рябушинского в 1906—1910 гг. исполнил цикл графических портретов деятелей русской культуры: Вяч. Иванова, Е. Е. Лансере, А. А. Блока, М. А. Кузмина, Ф. К. Сологуба, М. В. Добужинского.

Основные поездки по Европе: 1890 — с матерью (Варшава, Германия, Швейцария, Италия), 1894 — с отцом (Германия, Италия); 1897, 1898, 1899, 1905, 1924 (июнь) — Париж. Декабрь 1923, 1924 — Америка. Май 1925 — переезд во Францию.

Персональные выставки:

1903 — салон «Современное искусство», Санкт-Петербург, Берлин, Гамбург.

1919 — выставка к 50-летию со дня рождения, Государственная Третьяковская галерея, Москва.

1924 — магазин В. О. Гиршмана и Н. А. Асса, Париж.

1928 — галерея С. Лесника, Париж.

1930 — галерея Голицына, Лондон.

Посмертные выставки:

1950 — мемориальная выставка, Оксфорд.

1969 — юбилейная выставка, приуроченная к 100-летию со дня рождения, Ленинград, Москва.

Произведения художника хранятся во многих музеях и частных коллекциях России и других стран.

Принятые сокращения

ГРМ — Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, Москва

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

СР ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея, Санкт-Петербург

¹ Алла Кторовая (наст. имя – Виктория Ивановна Сандор, урожденная Кочурова; р. 1926, Москва) – прозаик, публицист и журналист. Автор книг, выходящих в США, а с 1990 г. и в России: Лицо Жар-Птицы. Вашингтон, 1969. 2-е изд. Нью-Йорк, 1984; 3-е изд., включающее «Крапивный отряд». М., 1990; Экспонат молчаливый и другое. Мюнхен, 1974; Крапивный отряд. Дом с розовыми стеклами. Вашингтон, 1976; Мелкий жемчуг. MD, USA, 1987; Сладостный дар. Вашингтон, 1990; 2-е изд. М., 1996; На розовом коне. М., 1994; Прашур и правнуки. СПб., 1997; Артист и девочка. Воспоминания об А. П. Кторове. СПб., 1998; Минувшее. Москва пятидесятых годов. М., 2003; Минувшее. Американочка Ивановна рассказывает... М., 2005 и др. Наша публикация выходит в юбилейный для Аллы Кторовой год. Приносим ей сердечные поздравления.

² Подробнее о Н. Ф. Буровой см. в публикации: *Царькова Т. С. Н. Ф. Бурова — корреспондент А. М. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 253—258.

³ 1) Письма Сомова / Публ. писем К. А. Сомова к К. М. Животовской Аллы Кторовой. Вашингтон, 1990 // Художник. 1991. № 5. С. 61—63. Оpubл. письма от 22.04.1935 и 08.10.1937 (без коммент.); 2) «Я все еще люблю жизнь...» (Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской) / Вступ. ст. Т. С. Царьковой, публ. А. Кторовой // Новый журнал. СПб. 1995. № 2. С. 125—134. Оpubл. письма от 25.06.1925, 10.03.1932, 18.04.1932, 22.04.1935, 28.10.1935, 10.01.1936, 18.06.1936.

⁴ РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 36—41.

⁵ *Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1990. Кн. 4—5. С. 247.*

1

1 июня 1925
<Пароход «New Amsterdam»>¹
Mr Eugen Somoff
136, Liberty Street
New-York City
U. S. of America
<...> mrs Paty²

Дорогая моя mrs Paty!

Шлю Вам большой, сердечный привет! Через 2 часа приедем во Францию. Путешествие прошло как нельзя лучше. Почти не качало, я был совершенно здоров, за 9 дней в море все же становится скучно, хотя я много читал и много видался с семьей «The happy family» <«счастливой семьей» — *англ.*>, как мы ее называем.³ И в особенности с молод<ым> Вол<конским>,⁴ кот<орый> каждое утро навещал меня. Не хочу и не буду забывать Вас, милых нью-йоркцев,⁵ в особ<енности> Вас, миленькая Paty, кот<оторая> так очаровательно ко мне мила. Долго, пока не завяли, нюхал Ваши цветы.

Серд<ечный> привет.

Из деревни⁶ напишу Вам подробнее.

¹ На такой же почтовой карточке *Holland-America Line Rotterdam — New York* с цветным фотоснимком парохода «Новый Амстердам» на лицевой стороне 1 июня 1925 г. К. А. Сомов отправил письмо сестре, А. А. Михайловой (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 10). Оба были написаны на борту пятнадцатилетнего «от роду», «чистенького, уютного, немного старомодного» парохода «Новый Амстердам», на котором с 23 мая по 1 июня 1925 г. Сомов плыл из Америки в Европу. В каюте он занимал «верхнюю койку с круглым окном на море». «Когда я лежу, вижу горизонт и пену от движения парохода, — писал он сестре. — Нас в каюте 3 и не тесно. Публика простая, немного вульгарная, но симпатичная». Подробнее см. в письме Сомова сестре от 25 мая 1925 г. (*Сомов. С. 275—277*).

² Письмо, предназначенное «mrs Paty», т. е. Клеопатре Матвеевне Животовской (1890/1894?—1980?), адресовано *Евгению Ивановичу Сомову* (1881—1962) — родственнику К. А. Сомова (предположительно его двоюродному племяннику), в прошлом инженеру, сыну владельца известной в Москве типографии, мужу Елены Константиновны Сомовой (1889—1969), подруги Клеопатры Матвеевны. Имя Paty, Patty, Пати, Патти — уменьшительное от Клеопатры.

³ Со «счастливой семьей» композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова (1873—1943) К. А. Сомов плыл на пароходе «Новый Амстердам». Познакомились они в Америке в 1924 г. при участии Евгения Ивановича Сомова, который в Соединенных Штатах жил

с 1919 г., с 1922 г. работал секретарем С. В. Рахманинова и являлся членом Комитета русской секции Американского Красного Креста, возглавляемого композитором; кроме того Евгений Иванович был другом Рахманинова и старым другом его семьи (товарищем Евгения Ивановича по Московскому университету был брат жены композитора Владимир Александрович Сатин). Помимо общих в Нью-Йорке Сомовы и Рахманиновы вместе проводили свободное время на дачах, расположенных в 50 милях от Нью-Йорка, в Нью-Джерси, на побережье залива Атлантического океана. Рахманиновы жили в Локуст Пойнт, Сомовы — в городке Хайленде (Highlands), где сложилась своеобразная русская колония, в которую кроме Сомовых входили Животовские и другие русские эмигранты.

Семья Рахманиновых в этот период состояла из родителей — Сергея Васильевича и Натальи Александровны (урожд. Сатиной; 1870—1951), их дочерей — Ирины Сергеевны (в замуж. светлейшей княгини Волконской; 1903—1969) и Татьяны Сергеевны (1907—1961), а также зятя — светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского (1897—1925). Вместе с К. А. Сомовым все семейство Рахманиновых направлялось в Европу. Сомов, Наталья Александровна и чета Волконских — в Париж. По прибытии они сошли на берег в Boulogne, а Сергей Васильевич с младшей дочерью Татьяной — в Роттердаме, откуда прямым поездом планировали поехать в Дрезден, близ которого на даче, снятой в Эмзер Аллее, жили их родственники. Об этом см. письмо С. В. Рахманинова С. А. Сатиной от 1 июня 1925 г., написанное на борту того же парохода. «Каждый вечер после ужина нас посещал Сомик <К. А. Сомов. — Е. Я.>, — сообщал Рахманинов Сатиной, — раза два играли по вечерам в покер, причем я <...> оба раза всех обыгрывал» (*Рахманинов С.* Литературное наследие: В 3 т. / Сост.-ред., автор вступ. ст., коммент., указ. З. А. Апстян. М.: Советский композитор, 1980. Т. 2. С. 172). О посещениях Рахманиновых писал сестре 25 мая 1925 г. и Константин Андреевич: «Делаю визиты в 1-й класс в *sabine de luxe*, в котором едет вся семья С. В. <Рахманинова> с собачкой, пикенезом <...>. Их присутствие на пароходе делает меня не одиноким» (*Сомов С.* 276). По утрам Сомова навещал зять композитора, «милый молодой художник»; по словам Константина Андреевича, к девятиму дню путешествия они «уже обо всем, кажется, переговорили». Несмотря на то что зять Рахманинова «скоро будет отцом», он, по словам Сомова, «производит очень юное впечатление и как человек, и как художник. С. В. находит, что семья приобрела в нем не помощника, а 3-го младшего ребенка» (Там же. С. 277).

О встречах К. А. Сомова с С. В. Рахманиновым см. коммент. к письмам С. В. Рахманинова Е. И. Сомову от 22 июля 1928 г. и 21 июня 1929 г. (*Рахманинов С.* Литературное наследие. Т. 2. С. 489—491, 498).

⁴ *Волконский Петр Григорьевич* — светлейший князь, с лета 1924 г. муж Ирины Сергеевны Рахманиновой, начинающий художник, ученик Франца фон Штука (1863—1928), племянник С. М. Волконского (1860—1937) — известного театрального деятеля и художественного критика. В Америке брал уроки живописи у К. А. Сомова. По возвращении во Францию продолжал навещать его. 19—20 июня 1925 г. С. В. Рахманинов писал С. А. Сатиной: «Петик <П. Г. Волконский. — Е. Я.> последнюю неделю проводил у Сомика в деревне. Это хорошо. Он, наверное, отдохнул там от сутолоки и Нью-Йорка и Парижа...» (*Рахманинов С.* Литературное наследие. Т. 2. С. 174).

⁵ Так К. А. Сомов называет компанию русских эмигрантов, в которую входили Сомовы, Рахманиновы, Животовские и др.

⁶ К. А. Сомов направлялся в Нормандию, в деревню Гранвилье, находившуюся «в 2 1/2 часах от Парижа, по дороге через Версаль» (*Сомов С.* 277). Там в начале 1925 г. приобрел ферму (земельный участок с домом) Мефодий Георгиевич Лукьянов (1892—1932) — эмигрант, близкий друг К. А. Сомова с 1910 г., в прошлом танцовщик. Художник неоднократно портретировал Лукьянова. Наиболее известны его портрет 1911 г. из собрания ГТГ (бумага на картоне, графитный и цветной карандаш; 44,4 × 31,4) и портрет 1918 г. из собрания ГРМ (холст, масло; 91,7 × 102,5, овал). Вместе с Лукьяновым в Гранвилье жил его друг, тоже эмигрант, Михаил Васильевич Кралин (1892—1977).

Миленькая моя Пати!

25 июня 1925
<Гранвиле>

Вы висите у меня в комнате,¹ и я постоянно Вас вижу. Мне это очень приятно, хотя портрет и не передает весь Ваш *charm and nicety* <шарм и изящество — *англ.*>. Вспоминаю с умилением, какой Вы были *darling* <милый — *англ.*> со мной. Я был ужасно тронут Вашей и Виктора² телеграммой, ругая Вас за расточительность, но в глубине сердца радовался, что Вы меня не забыли. Как-то вы все живете в вашем *Club'e*? Женья³ пишет о виде из окна, который гораздо лучше того, что я намалевал,⁴ значит, у вас очень хорошо. У нас восхитительно, но только иначе, что как будто я на другой планете и века два назад. Здесь нельзя себе и представить, что есть Нью-Йорк. Здесь нравы такие патриархальные, что, например, старуха, которой 70 лет, ни разу в жизни не была в Париже, а Париж всего в 2 1/2 часах от нас езды.

Наша соседка *m-m Petit*, фермерша тоже, ей 34 года, была там раз, когда ей было 13 лет.⁵

У нас, куда ни помотришь, необъятные поля — кое-где фермы, деревни и рощи и так на десятки верст, все плоско, воздух живительный. Меня здесь тоже балуют и ублажают, такая уж моя доля счастливая! Все за меня делают, раз только я полон огород и пас козу и козленка, и то ради своего собств<енного> удовольствия.⁶ Ваш портрет⁷ всем, кто его видел, очень понравился, моя подруга Генриетта⁸ (не ревнуйте!) очень одобрила и живопись, и особу, и костюм. Пока я заленился и, боюсь, надолго. А надо работать. Завязал в Париже кое-какие худож<ественные> связи,⁹ и надеюсь, к осени что-нибудь для меня выйдет хорошее. Примите мой нежный поцелуй, несмотря на *Victor'a*. Но он добрый и тоже послал мне телеграмму. Простите за каракули! Поймете ли Вы мою руку?

Ваш Кoko.

¹ К. А. Сомов имел в виду портрет Клеопатры Матвеевны Животовской (холст, масло), над которым он работал в Нью-Йорке с 9 по 16 февраля 1925 г. Художник поставил цель написать «портрет непременно в неделю, не больше, не меньше, считая сеанс в 3 часа» (Сомов. С. 267). На восьмом сеансе работа была завершена. 17 февраля 1925 г. Сомов писал сестре: «Этот портрет четырехугольный, по пояс. Сидит она <Животовская. — Е. Я.> в черном суконном платье с красно-карминным, тоже суконным, воротником и такими же отворотами на рукавах. Руки в черных шведских перчатках, на одном плече красно-рыжая с серыми разводами шаль. На голове — черный бархатный трикорн. Лицо вышло и похоже, и непохоже. Дама улыбается, лицо бледное, и сильно покрашен рот» (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 18). Сообщил художник и то, что Клеопатра Матвеевна осталась «очень довольна» его работой. В качестве «вознаграждения» он получил от «модели букет прелестных роз, банку пьяных вишен и...!! ливерной колбасы к завтраку». «Она знает, что эту колбасу я очень люблю», — писал Сомов (Там же). Портрет не был заказным, поэтому остался у автора. Впоследствии он счел его «неудачным» и «непоэтичным» и продал неизвестному лицу (об этом см. письмо К. А. Сомова от 21 марта 1937 г. в наст. изд.). Ныне местонахождение произведения неизвестно.

В Гранвиле, в своей комнате, помимо портрета К. М. Животовской Сомов поместил другие работы, в том числе написанный в 1924 г. в Нью-Йорке портрет Елены Константиновны

Сомовой (холст, масло; 70 × 55,5, овал; с 1969 г. — в собрании ГРМ: передан Е. К. Сомовой через кн. Н. Д. Лобанова-Ростовского). Этот портрет, написанный в Америке в период с 7 мая по 3 июня 1924 г., художник высоко ценил. 9 апреля 1925 г. он писал сестре: «Я его не считаю шедевром, — но по сравнению со всеми отвратными моими дамскими портретами (исключая, может быть, Остроумовой) он хорош» (*Сомов*. С. 272). В письме сестре от 18 июня 1924 г., Сомов описал его: «Елена Константиновна изображена мной в простой позе, анфас <...>. Сама она смутная с очень черными густыми бровями и очень ярким красным ртом. Большие глаза. Это первый портрет, на котором я изобразил модель не некрасивой» (Там же. С. 244—245). Покидая Америку, художник в благодарность подарил портрет родственникам, но они настояли, чтобы он взял его в Париж и там его выставил.

«Теперь моя комната сделалась жилой», — писал Сомов сестре 5 июня 1925 г. (*Сомов*. С. 278). Портрет племянника, Евгения Сергеевича Михайлова (1897—1975), сына А. А. Михайловой, советского кинооператора (1916; холст, масло) автор «повесил в столовой над диваном» (Там же). После смерти художника портрет принадлежал М. В. Брайкевичу, ныне хранится в Музее Эшмолеан, Лондон.

Портреты К. М. Животовской (под названием «Givotovsci») и Е. К. Сомовой были опубликованы в январском номере журнала «Kunst und Kunstler» за 1926 г. (Jahrgang XXIV. Heft IV. 1926. Januar). В 1928 г. портреты К. М. Животовской, Е. С. Михайлова, С. В. Рахманинова и другие произведения Сомова экспонировались на Международной выставке в Брюсселе. Об участии художника в этой выставке см. письма К. А. Сомова от 8 декабря 1927 г. и 8 июня 1928 г. в наст. изд.

² Виктора Тимофеевича Животовского, мужа Клеопатры Матвеевны.

³ Евгений Иванович Сомов.

⁴ «Восхитительный вид» из окна дачи Е. И. и Е. К. Сомовых, находившейся «в чудной местности на берегу океана» (*Сомов*. С. 242), в Хайлендах, художник описал сестре 15 октября 1924 г.: «...наш сад, за ним узкая полоса полуострова и потом океан, в котором ослепительно отражается солнце. Этот вид я и пытался изобразить...» (*Сомов*. С. 254). В начале июня 1924 г. этот вид «изобразил» И. Э. Грабарь (1871—1950). Свой этюд «Взморье под Нью-Йорком» художник подарил «милому Е. И. Сомову». В письме жене, написанном 8 июня 1924 г. на «даче, нанятой Сомовыми на берегу моря, под Нью-Йорком», Грабарь описал ее: «Дача очень хорошая. Сомовы живут с приятелями <с Животовскими. — Е. Я.>. Но дачи здесь не дешевы: они платят 600 долларов за все лето. Конечно, все американские удобства, горячая вода, ванны и пр. Вид прямо на океан. Отличный сад с персиковыми и грушевыми деревьями, на которых уже множество маленьких фруктиков, большими и малыми деревьями, кустами роз, цветами; все крыльцо во вьющихся розовых кустах» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. М.: Наука, 1977. С. 145). Возможно, другой пейзаж Грабаря, «Усадьба под Нью-Йорком», датированный маем 1924 г. (о нем художник писал жене 1 июня 1924 г.), также связан с дачей Сомовых (Там же). Документальным свидетельством пребывания Грабаря на даче Сомовых является фотография, опубликованная с ошибочной надписью «На даче у К. А. Сомова под Нью-Йорком, 1924 г.» (Там же, вклейка). На ней запечатлены И. Э. Грабарь, К. А., Е. И. (?) и Е. К. Сомовы, К. М. Животовская с дочерью, эмигранты Е. И. и Н. О. Гришковские и художник С. А. Виноградов. Дочь Животовской ошибочно названа дочерью Е. И. Сомова.

⁵ В неопубликованных фрагментах письма К. А. Сомова сестре от 5 июня 1925 г. содержится следующее описание m-me Petit (Пти) и членов ее семьи: «...m-me Petit, матрона 34 л<лет>, толстая и румяная, очень болтливая и любезная — постоянно оказывающая нашим <М. Г. Лукьянову и М. В. Кралину. — Е. Я.> услуги и, кажется, бескорыстно. Говорит картинно с нормандским выговором. У нее 4 детей и муж без кисти одной руки, за кот<орого> она вышла замуж по любви против воли родителей. Двое младших детей при ней, Odette 10 лет, George 5 лет. Но он уже курит, и родители его не бьют и не наказывают за это, говорит только про жандармов и про рак, кот<орый> будто бы у него может сделаться. Он брал у меня папироску и курил как большой. <...> M-me Petit явно лучше относится к Michel'ю, чем к M<ефодио>. Когда говорит, смотрит только на него и обращается к нему. Это не помешало ей прийти в мои именины, 3-го, с детьми и букетом цветов для меня. Мы угощали ее чаем, red portom и американским шоколадом. Вчера вечером она пригласила нас в свой убогий домик, угощала нас сидром <нрзб.> и познакомила меня со своим симпатичным мужем, рабочим на фермах» (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 11—11 об.). 15 июня 1925 г. в письме сестре Сомов вновь вспомнил «замечательно милых и услужливых соседей»: «Вчера они пригласили нас в свою хижину и

угощали нас...» (Там же, л. 17 об.). О пребывании в гостях у m-me Petit см. опубликованную часть этого письма (Сомов. С. 280—281).

Помимо мадам Пти «фермерами» К. А. Сомов называл своих друзей Мефодия Георгиевича Лукьянова и Михаила Васильевича Кралина, которые, поселившись в Гранвилль, занялись «разведением и продажей домашней птицы и кроликов» (Сомов. С. 573, коммент.). С 1926 г. ферма Гранвилль «юридически принадлежала Сомову, который, желая помочь нуждающемуся Лукьянову, выплатил ему за нее деньги» (Сомов. С. 590, коммент.).

⁶ Об этом же К. А. Сомов писал сестре 23 июня 1925 г.: «Мне здесь чрезвычайно нравится — так тихо, так мирно, мои компаньоны так со мной милы, так меня балуют — ничего мне не позволяють делать по хозяйству <...>. Раз только для своего удовольствия и под протесты Мефодия я полон огород, очень приятное удовольствие, и раз пас козу и козленка, держа на веревке в каждой руке...» (Сомов. С. 279).

⁷ Портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (1925).

⁸ Гиршман Генриетта Леопольдовна (урожд. Леон; 1885—1970) — многолетний друг К. А. Сомова, жена Владимира Осиповича Гиршмана (1867—1936), эмигранта, в прошлом — московского фабриканта, коллекционера, мецената. С семьей Гиршманов Сомов дружил еще в России; художник неоднократно портретировал Генриетту Леопольдовну. Помимо ее портретов 1908, 1910 и 1915 гг. в дореволюционное собрание Гиршманов входило свыше восьмидесяти других работ Сомова, например «Портрет Н. Ф. Обер», «Поэты», «Пейзаж», «Заросший пруд», «На балконе», «Дама в розовом платье», «Спящая молодая женщина», «Портрет М. А. Кузина» и др. Национализированное после революции 1917 г. художественное собрание Гиршманов поступило в московские музеи, а его бывшие владельцы в 1922 г. эмигрировали во Францию. В Париже Владимир Осипович занимался устройством интерьеров в богатых домах. Кроме того, ему и его родственнику, Н. А. Ассу, принадлежал антикварный магазин-салон на улице St. Nonopé, ставший своеобразным клубом русской художественной эмиграции. В магазине устраивались выставки русских художников, в т. ч. с 18 июля по 9 августа 1924 г. проходила выставка произведений Сомова, включавшая 20 работ, представленных на двух стенах «среди старинной некричащей мебели» (Сомов. С. 246). В феврале 1929 г. на должность устроителя выставок в этом магазине был приглашен М. Г. Лукьянов, однако вскоре, в связи с мировым экономическим кризисом, магазин прекратил существование, Владимир Осипович заболел, а Генриетта Леопольдовна перешла работать сначала в книжный магазин, а потом в женский пансион-гимназию под Парижем. Последние годы жизни Г. Л. Гиршман прошли в Нью-Йорке. Умерла она во Франции. Похоронена в Ницце.

Помимо Сомова Генриетту Леопольдовну портретировали В. А. Серов, З. Е. Серебрякова, Ф. А. Малявин, К. Ф. Юон, Н. Д. Милиоти, Л. О. Пастернак и другие русские художники.

По словам В. Ф. Шухаевой, жены художника В. И. Шухаева, Генриетта Леопольдовна была «очаровательной женщиной»: «веселая, умная, очень начитанная, любила музыку и была непременно посетительницей всех хороших концертов в Париже, даже когда уже не было денег на билеты в партере, а приходилось сидеть на галерке». Вспоминая о годах эмиграции в Париже, Шухаева писала, как «по воскресеньям у Гиршманов собирались на чашку чая их друзья, и постоянными посетителями этих воскресений были К<онстантин> А<ндреевич> и Мефодий Л<укьянов>» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

⁹ 23 июня 1925 г. К. А. Сомов писал сестре, что «успел за это время побывать в Париже, провел там три дня и много с многих видел» (Сомов. С. 278).

3

To Paty

16 August 1925
<Orsay, Corbeville>

My sweet friend, my more than that!

You know what sad event we are in! So You must not be cross with me, if my letter will not be cheerful and entertaining. Your adorable letter, I got it and what

a shame, only to-day I am answering it. If I were before You, I should ask You to slap me, to beat me, and then forgive me. You did not like, when I was sad and felt old and all these last times I felt it. Because I was unwell-something with one of my feet, something beastly, which prevented me from moving and walking; then very bad and miserable work.

Your effigy — which, alas, is so far from Your loveliness — is standing in the room of our little cottage and I can mentally converse with You every day and imagine many lovely things, when I look at it: our walks in the woods and highlands, garlands of flowers and leaves, Your bright and hearty laugh, which I loved so much, those roses, which You so liberally gave me, our little intimate lunches in Your flat of the 83th Street, and (pardon me, I am not a glutton and beast, but even food in a delightful company has its charm and poetry) those scrambled eggs made by Your hands, leberwurst, coffee of Your preparation!

Now I am living as a guest in the formerly «happy family» in a gorgeous castle with a huge old and splendid park, in a most stupendous site on a high hill. Were my work successful, I could be happy here, every one is so kind towards me. The days are beautiful... But! I am an old lazy stupid thing, no energy for struggle with the difficulties in my work, lack of knowledge! And I cannot improve — too late for me. Every one here thinks I am gay and lively, I can conceal my suffering.

In a day or so I am returning to Normandy in our (that is Mefodi's) little cottage, where I shall begin my great (because of the size, not otherwise) work and, God knows, what will be the end of it! I must be in a hurry, it must be ready for the beginning of the new season in New-York. Darling Paty, You must forgive me this tiresome letter, my laments etc. I should be so happy, if it could give you the least pleasure, but I do not think it will! Do not forget me, please and write me sometimes. If You have photos of your dear lovely face, send me some! Give my compliments to your charming husband, some kisses to dear Helena and to every body my «lows». And then by-by!

Your friend for ever Kostia or diadia Kostia. The letter must be full of faults?

ПЕРЕВОД:

Пати

16 августа 1925
<Орсэ, Корбевиль>¹

Мой милый, и даже более того, друг!

Вы знаете о нашем печальном событии.² Поэтому не должны на меня сердиться, если это письмо не выйдет бодрым и занимательным. Ваше чудесное письмо³ я получил и, к своему стыду, отвечаю на него только сегодня. Если бы я находился перед Вами, то попросил бы дать мне оплеуху, поколотить, а затем простить. Вам не нравилось, когда я бывал грустен и чувствовал себя стариком, а все последнее время я именно таков. Чувствую себя нехорошо — что-то ужасное с ногой, дающее знать о себе во время движения и ходьбы; к тому же работается плохо и мало.

Ваш портрет⁴ — которому, увы, так далеко до Вашей прелести, — висит в комнате нашего маленького коттеджа,⁵ и я могу каждый день мысленно беседовать с Вами и воображать, глядя на него, множество приятных вещей: наши прогулки в лес и горы, венки из цветов и листьев, Ваш звонкий и сердечный смех, который я очень люблю; розы, преподнесенные Вами с такой щедростью; наши маленькие интимные ланчи в Вашей квартире на 83 улице и (простите, я — не обжора и не хищник, но даже и еда в восхитительном обществе имеет свой шарм и поэзию) яичницу-болтуню, сделанную Вашими руками, ливерную колбасу и кофе Вашего приготовления!⁶

В настоящее время я живу в качестве гостя у некогда «счастливой семьи»⁷ в великолепном замке с огромным старинным и роскошным парком, чудесно расположенным на высоком холме.⁸ Будь моя работа успешной,⁹ я был бы здесь счастлив, все так внимательны ко мне. Дни стоят прекрасные... Но! Я — нечто старое, ленивое и глупое, и без сил, чтобы бороться с трудностями в моей работе, за недостатком знаний! И не могу уже измениться к лучшему — слишком поздно для меня. Здесь все считают, что я весел и полон жизни, я способен скрывать свои страдания.

Через день или около того я возвращаюсь в Нормандию в наш (вернее — Мефодия)¹⁰ маленький коттедж, где начну мою большую (по размерам, а не по чему-либо другому) работу,¹¹ и, Бог знает, чем это кончится! Я обязан спешить, потому что она должна быть готова к открытию нового сезона в Нью-Йорке. Милая Пати, Вы должны простить мне это скучное письмо, эти жалобы и <ак> д<алее>. Я был бы счастлив, если бы оно доставило Вам, по крайней мере, удовольствие, но не думаю, что так будет! Не забывайте меня, пожалуйста, и пишите иногда. Если у Вас есть фотографии Вашего дорогого, прелестного лица, пришлите мне какую-нибудь! Передайте от меня привет Вашему очаровательному мужу,¹² поцелуй — Елене¹³ и всем — мои поклоны. И затем до свидания!

Ваш друг навсегда Костя,
или дядя Костя.

Письмо, должно быть, полно ошибок?

¹ Письмо написано на даче, снятой Рахманиновыми в Орсе, в замке Корбевиль, в 40 км от Парижа. К. А. Сомов находился там в гостях с 31 июля по 17 августа 1925 г.

² 12 августа 1925 г. во Франции скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг светлейший князь Петр Григорьевич Волконский, двадцативосьмилетний зять С. В. Рахманинова, муж его старшей дочери Ирины Сергеевны. К. А. Сомов был свидетелем душевной болезни «молодого Волконского», о чем писал сестре 21 августа 1925 г. (Сомов. С. 283). Драматизм случившегося усугублялся тем, что вдова находилась на последнем месяце беременности. 2 сентября у Ирины Сергеевны родилась дочь, княжна Софья, «как две капли воды» похожая на покойного мужа. Внучку, по словам Рахманинова, назвали Софьей («в честь матери Петрика <отца ребенка. — Е. Я.> и в честь сестры се деда», т. е. Софьи Александровны Сатиной (Рахманинов С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 179).

Софья Петровна Волконская (во втором браке Ванамэйкер; 1925—1968), была любимицей семьи. Ее портрет написал художник Б. Ф. Шаляпин, когда летом 1940 г. работал над картиной «С. В. Рахманинов за роялем». Именем Софьи Ванамэйкер назван выставочный зал Культурного центра США в Сан-Хосе (Коста-Рика), в строительстве которого участвовал ее муж, Алисон Темпле Ванамэйкер — советник по культуре посольства США в Коста-Рике. О Софье Петровне и ее потомках см.: *Островская-Розанова С. Д.* Русские находки в Коста-Рике. Новое о Рахманинове и Бунине // Наше наследие. 1989. № 5. С. 673—677.

10 сентября 1925 г. Сомов писал сестре, что, по его мнению, Ирина Сергеевна «не очень долго будет горевать» по мужу: «они мало подходили друг к другу, и я уверен, что она никогда бы не вышла за него замуж, не будь он prince sevenisime <светлейший князь — франц.>» (СР ГРМ, ф. 133, д. 147, л. 1 об.).

³ Местонахождение писем К. М. Животовской, адресованных К. А. Сомову, не установлено.

⁴ Портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (1925). См. письмо К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.

⁵ Коттедж в Гранвиле, по словам К. А. Сомова, представлял собой «малосенький, старинный каменный домик с черепичатой (так! — Е. Я.) крышей» с прильнувшими к нему двумя деревьями. Бревенчатые потолки М. Г. Лукьянов и М. В. Кралин окрасили в белый цвет. В письме сестре от 5 июня 1925 г. художник так описал свое новое жилище: «Две комнаты побольше, одна из них столовая, другая, лучшая, моя. Потом еще две крохотных комнатки. В одной они спят, другая может быть отдана в найм хотя бы Зине <художнице З. Е. Серебряковой. — Е. Я.>, но это еще не решено (она сейчас в Лондоне). У меня, как и во всех комнатах, красный из кирпичичей пол, покрытый линолеумом и большим ковром около кровати. Стоит большой, нормандский старинный с резьбой шкаф, приобретенный ими с домом. В больших комнатах по камину, или, лучше сказать, очагу. В вечер моего приезда в нем горел огонь. Много служебных построек, разных сараев для зверушек. Четыре фруктовых дерева, большая орешина, зеленый луг, частью отгороженный проволокой для кур, гусей и цесарок. Несколько огородов, где всякая всячина — картофель, капуста, редиска, томаты, огурцы. Часть земли отгорожена от дороги высокой каменной с воротами стеной, часть — живой изгородью и колючей проволокой. Две стороны „имения“ вдоль проезжей, но очень тихой, дороги, две другие выходят в поле, и вид далекий, далский, до горизонта. Кое-где видны фермы и деревья вокруг <нрз.>, вдали кладбище, настолько не близко, что оно бы тебя не пугало, не навредило бы грусти. Я еще там не был, но М<сфодий> говорит, что оно из „Жизели“. Чтобы тебе дать представление о величине нашей фермы, увеличь в голове приблизительно всю площадь нашего петербургского дома с его двором раза в 4 или 5, и поймешь тогда.

Наша деревня маленькая и разбросанная, каждый дом имеет свой сад, сарай, ограду. Людей почти не видно. Приходит только соседка m-me Petit <...>. Воздух здесь удивительный, душистый, какой-то особенный, не похожий ни на русский, ни на американский. <...> Вообще все здесь мне напоминает сельские романы G. Sand. <...> Эти места такие патриархальные, кажется, 100 лет тому назад были совсем такие, и после Америки не веришь, что живешь в 1925. <...> У нас автомобиль — cabriolette, козлы для шофера и рядом с ним место, и сзади нечто вроде крытого фургона» (СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 11—12).

⁶ К. А. Сомов перечисляет эпизоды, относящиеся ко времени его пребывания в Америке (сентябрь 1924—май 1925), в частности букет роз, подаренный ему К. М. Животовской по окончании работы над ее портретом (см. примеч. к письму К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.).

⁷ Семья Рахманиновых.

⁸ В письме сестре от 3 августа 1925 г. К. А. Сомов описал «восхитительную» местность и замок Корбевиль: «Представь себе, на склоне высокого холма, с которого прелестный вид на долину с городками и селениями, большой, четырехугольный замок начала 17 века (1617 г.) с четырьмя круглыми башнями, покрытыми остроконечными крышами. 3 этажа, 23 комнаты и бесконечные закоулки и чуланы. <...> Дом стоит в обширном старом парке, обнесенном высокой каменной стеной, длинная-предлинная аллея лип при въезде. Все вековые липы, плющ, обвивающий стволы, и старинные каменные скамейки. Цветник с фонтаном (не играющим), заросший ряской, поэтический, совсем русский пруд. Огород, фруктовый сад. Отовсюду прекрасные виды» (Сомов. С. 281—282).

⁹ Речь идет о работе над портретом С. В. Рахманинова по заказу фортепьянной фирмы Стейнвей для нью-йоркского Карнеги-холла. Заказ «на идеальный, не реалистический портрет С<ергея> В<асильевича>, который будет висеть в зале их нового, еще не отстроенного помещения» (Сомов. С. 276), К. А. Сомов получил накануне отъезда из Америки через самого композитора. Предполагалось также, что «портрет будет воспроизведен и в красках, и в черном в разных форматах для рекламных целей» (Там же). Со 2 по 16 августа 1925 г. К. А. Сомов писал этюд к этому портрету (холст, масло; 63,7 × 51,6; ныне в собрании ГРМ).

¹⁰ М. Г. Лукьянова.

¹¹ Имеется в виду работа над портретом С. В. Рахманинова для фирмы Стейнвей.

¹² Виктору Тимофеевичу Животовскому.

¹³ Елене Константиновне Сомовой. К. А. Сомов с неизменной симпатией отзывался о Елене Константиновне. Так, 1 мая 1924 г. он писал сестре: «Елена Константиновна, чем больше я ее узнаю, тем больше ценю. Она очень благородна и умна. Весела, имеет долю легкомыслия, все понимает. Ни малейшей мещинности <скарденности, мелочности — франц.>, в этом, как и в том, что великодушная хозяйка без всякого шума и мелкохозяйственных разговоров, очень напоминает тебя. Только она другого темперамента, она болсе, чем ты, темпераментна, она полка по крови» (Сомов. С. 240). В письме от 2 окт. 1924 г. Сомов вновь пишет о Елене Константиновне: «Она женщина без недостатков, умна, все понимает, всегда приветлива, весела, любит гулять и кататься, чудная хозяйка без всякого шума, много читала, любит и понимает все искусство, обожает говорить о любви и приятно сплетничает. Очень тактична и деликатна» (СР ГРМ, ф. 133, д. 142, л. 2).

4

To Mrs Paty.

September 11
1925
Grandvilliers

Adorable Paty!

Your letter so friendly, kind and I <.....> was a sheer treat to me! A billion of times I thank You for it! Indeed, You are such a good rare darling! After my last letter to You I have spent three weeks in continual work, which was so hard and exhausting. Only now I begin to breathe afresh. To-morrow I am going to Orsay, where my picture will be exhibited.

I asked Your photographs — it was, as if You felt my desire and sent me two. They are very lovely, especially one, where You are standing. Such a nice girlish shape! I hope I shall soon receive more of Your news. Give my love to Your charming husband. Kissing Your handies I remain Your sincerely, friendly and lovingly.

Kostia.

ПЕРЕВОД:

Миссис Пати

11 сентября 1925
Гранвиллье

Восхитительная Пати!

Ваше письмо, такое дружеское, доброе и л<юбезное>, доставило мне настоящее удовольствие. Миллиард раз благодарю за него. Действительно, Вы на редкость добры и милы.

После моего последнего письма к Вам¹ я провел три недели в постоянной работе, которая была очень тяжела и изнурительна.² Только теперь впервые вздохнул с облегчением. Завтра отправляюсь в Орсе, где будет выставлена моя картина.³

Я просил Вашу фотографию — Вы, словно почувствовав мое желание, послали мне две. Они очень хороши, особенно та, где Вы стоите. Такой прелестный девичий образ! Надеюсь, что скоро получу еще известия от Вас. Передайте мой привет Вашему очаровательному мужу. Целую Ваши ручки и остаюсь искренне, дружески любящим Вас.

Костя.

¹ Вероятно, письмо от 16 авг. 1925 г. См. это письмо в наст. изд.

² С 19 августа по 9 сентября 1925 г., находясь в Гранвилле, К. А. Сомов писал большой по размерам портрет С. В. Рахманинова для фирмы Стейнвей. Извещая сестру об окончании этой работы, художник жаловался: «Стоила она мне нсвероятного труда, в жизни я никогда не работал так интенсивно. 20 дней никуда не выходя из комнаты, с 8—9 ч. утра и до 7 ч. вечера я, стоя, корпел. Устал я ужасно» (Сомов. С. 283—284).

³ 12 сентября К. А. Сомов присхал к Рахманиновым в Орсе, где гостил вплоть до 1 октября. 13 сентября он выставил на обозрение завершенный портрет композитора. «Сергей Васильевич и его семья были очень довольны работой», — писал художник сестре на следующий день (Сомов. С. 284). По условиям договора, в случас одобрения портрета композитором фирма Стейнвей должна была его приобрести. Сомов отправил в ее адрес письмо, к которому Рахманинов приписал «несколько лестных слов» о портрете.

5

3th March 1926
Grandvilliers
par Damville, Eure

My dear little Mrs Paty!

I have been such a terrible pig all this time! I think I am not deserving Your pardon ever! And You are such a darling, instead of throwing me away as an old rubbish, You send me a charming souvenir! A box of canton ginger! Which I like so much. I cannot explain my long silence by any plausible reason, I am a pig, that's all.

Perhaps only that letter-writing is not a natural thing whith me. You must not think I have forgotten that You exist! That will be never. I know that You began with our Helena to frequent american theatres, that You have seen already many charming plays, I envy You. In Paris they are so uninteresting compared with the american, that I go there very rarely, more in the opera. I have been only once to see a musical comedy «Mozart». The young ladies (Rachmaninoff s<ee> diary) invited me as their compagnon. This play is considered to be the great attraction of the season, but I find it poor.

Last month I was wholly in Paris, I painted two portraits ,one drawing in colored crayons, and one in oils. The first is finished already, I dislike it myself, but happily it pleased the lady and her husband. She is not handsome, but has something interesting in her face, which I could not catch. And then on my drawing she is a little older than she is in life. She is the wife of an important antiquary, they have many customers from America and she promised me to make my reclam, in exposing my drawing in their shop. The other portrait is only begun. It is after a russian lady, who married a wealthy man, a turk or an englishman, nobody knows, he is a bancer. She is charming stylish and very

elegant. I knew her a little in Russia, when she lived there her most gloomy days: her first husband an officer, was shot and she was imprisoned. I spend in her house very agreeable time, in the morning we work and then I have a very good lunch with wines liquors etc., to which lunch come one or two friends of hers or some of our mutual friends and we chatter, gossip and laugh. Now for a week she is gone to the french Riviera and I have a week to repose in my counts.

Paris is so exhausting! To combine work and pleasure there is sometimes very hard. I have many friends there and some of them are rather nuisance, but now avoid them! Too many ladies ,alas! And in general they are not young, women about of forty. Which does not impede them to dream of love and love-making, on contrary, the more oldish, the more erotic! It makes me sick and sady, happily I am not their target, I must be their confident! When I am in Paris, I stay as a paying guest in a very charming family, they are jews. I know them of old, when residing in Moskow. In their house I feel as in mine own. A lady is a charming and good companion. Understanding and with large vews. I liked her very much. In her good days she was a sheer beauty. In Paris I have met one or two of my best friends-more-friends of youth and childhood. That is a pleasure. A certain, Mr. Nouvel very witty and very bad old boy (but very good in the same time). Together with him we are adventuring gayly and agreeable. Paris is a divine place, not withstanding many drawbacks. But one must be young, rich and strong! Paris is overwhelmingly exhausting; how many interests, attractions, places to visit, exhibitions. One must gallop all the time not to be in the rear. Your portrait, dear friend, is here in Paris a huge success. I do not undestand how it happens! Not less that Helena's. They find it vivid, elegant and a goodly painting. And the lady herself is attractiv, they say. Here in the country the spring begins to display it's splendours. The fruit trees are in blossom.

The air is perfumed, grass is emerald green! Good by, dear friend, You are too good to grudge me seriously, although I deserve it. Pardon me and write me again. My love to Your husband. Kostia.

Приписки на полях:

Do write me again! I love your letters! And I shall be better boy myself I shall answer You at once.

You must not feel jealous of Tania, I feel toward her very tepid, she is a good nature, but now tires me, gloomy and capricious! Especially in winter and in their winter flat. Landscape and summer dresses are more becoming and enlivening her!

I hope I shall be able to send You another photo of mine. Wait a little. There is an immens difference between You and O. J.! I do cure here, and don't there!

ПЕРЕВОД:

3 марта 1926

Гранвилье

через Данвиль, Эр

Моя дорогая маленькая миссис Пати!

Все это время я был ужасной свиньей! Думаю, что даже не заслуживаю Вашего прощенья! А Вы так милы и, вместо того чтобы отбросить меня

как старый хлам, присылаете мне прелестный сувенир! Коробку кантонского имбиря!¹ Который я так люблю. Я не могу объяснить моего долгого молчания какими-либо уважительными причинами, я — свинья, вот и все. Только, вероятно, письмописание не является для меня чем-то натуральным. Вы не должны думать, будто бы я забыл о Вашем существовании! Этого не случится никогда.

Я знаю, что Вы вместе с нашей Еленой² начали посещать американские театры и уже видели много прелестных пьес, я завидую Вам. В Париже они так неинтересны в сравнении с американскими,³ что я хожу на них очень редко, больше в оперу. Только единственный раз я смотрел музыкальную комедию «Моцарт».⁴ Молодые леди (Рахманиновы, смотри приписку)⁵ пригласили меня в качестве их спутника. Эта постановка считается наиболее замечательным событием сезона, но я нашел ее слабой.

Последний месяц я целиком провел в Париже, писал два портрета,⁶ один — цветной пастелью,⁷ а другой — маслом.⁸ Первый почти окончен и не нравится мне самому, но, к счастью, понравился даме и ее мужу. Она некрасива, хотя имеет что-то интересное в лице, но этого я не схватил. К тому же, на моем рисунке она выглядит немного старше, чем в жизни. Она — жена крупного антиквара,⁹ у них много покупателей из Америки, и она обещала сделать мне рекламу, выставив рисунок в их магазине. Другой же портрет только начат. Он изображает русскую даму, вышедшую замуж за господина из Содружества,¹⁰ то ли турка, то ли англичанина — никто не знает; он банкир.¹¹ Она привлекательна, шикарна и очень элегантна.¹² Я был с ней немного знаком еще в России, в то время, когда там она переживала свои наиболее черные дни: ее первого мужа, офицера, расстреляли, а ее саму посадили в тюрьму.

Я очень приятно проводил время в ее доме, утром мы работали, а затем у меня был ланч с разнообразными винами, ликерами и тому подобным, к каждому ланчу приходили один-два из ее или наших общих друзей, и мы болтали, сплетничали, смеялись. Теперь она на неделю уезжает на французскую Ривьеру, и, по моим расчетам, я имею неделю отдыха.

Париж так изматывает. Иногда в нем трудно сочетать работу с развлечениями. У меня здесь много друзей, и некоторые из них довольно утомительны, но как можно их бросить! Увы, слишком много дам! И в основном они уже не молоды, женщины — около сорока, что не мешает им мечтать о любви и ухаживаниях, более того, чем старше, тем эротичнее. Это навевает на меня тоску и уныние; к счастью, я не являюсь их мишенью, но должен быть конфидентом! Когда я бываю в Париже, то останавливаюсь в качестве платного гостя в очень приятной семье,¹³ они евреи, я знаком с ними давно, со времен жизни в Москве.¹⁴ В их доме я чувствую себя, как в своем собственном. Дама¹⁵ — обаятельная и хороший товарищ. Понимающая и с широкими взглядами. Я ее очень люблю. В свои лучшие дни она была совершенной красавицей. В Париже я встретил одного-двух из моих лучших друзей, даже более того, юности и детства.¹⁶ Это приятно. Разумеется, г-н Нувель — очень остроумный и очень скверный большой ребенок (но, в то же время, и очень хороший).¹⁷ Вместе с ним мы весело и в полном согласии пускаемся в авантюры. Париж — божественное место, не чинящее многих препятствий. Но необходимо быть молодым, богатым и сильным! Париж

решительно выматывает; столько интересного, привлекательного, заслуживающего быть увиденным, выставок. Чтобы везде успеть, требуется все время галопировать. Ваш портрет, дорогой друг, здесь, в Париже, имеет большой успех.¹⁸ Я не понимаю, как это произошло! Не меньший, чем Елены.¹⁹ Его находят живым, элегантным и хорошо написанным, говорят, что и сама дама привлекательна.

Здесь за городом весна начала выказывать свое великолепие. Фруктовые деревья стоят в цвету. Воздух благоухает, трава изумрудно-зеленая! До свидания, дорогой друг, Вы слишком хороши, чтобы всерьез сердиться на меня, хотя я это заслужил. Простите меня и пишите. Мой привет Вашему мужу. Костя.

Напишите мне еще. Я люблю Ваши письма! И сам я буду хорошим мальчиком! Отвечу Вам сразу же!

Вы не должны ревновать к Тане,²⁰ я к ней отношусь очень прохладно, у нее хорошая душа, но сейчас она, мрачная и капризная, утомляет меня. Особенно зимой в их зимней квартире. Ландшафт и летние платья ей более к лицу и оживляют её!

Я надеюсь, мне удастся прислать Вам мое другое фото. Подождите немного. Между Вами и О<льгой> Л<авровой>²¹ огромная разница! Я исцеляюсь здесь, а не там. Кстати! Как она с Вами?

¹ Пряности, изготавливаемые из сушеного, молотого, засахаренного или консервированного в сиропе корневища многолетнего травянистого растения семейства имбирных. Имбирь кантонский растет в Юго-Восточной Азии, обладает пряным ароматом и острым пряным вкусом, употребляется для производства горьких ликеров, фруктовых соков и пуншей, а также для супов, теста, пудингов, консервированных огурцов и т. д. Придает приятный вкус жареной свинины и особенно печеной утке и грибам.

² С Еленой Константиновной Сомовой.

³ Во время пребывания в Америке в 1924—1925 гг. К. А. Сомов много и охотно посещал театры и потому хорошо представлял себе американскую театральную жизнь. 15 марта 1925 г. он писал сестре из Нью-Йорка: «Я увлекаюсь здесь с Еленой американскими актерами и актрисами. Мы ходим в последние ряды галерки, но там видно превосходно. Такой совершенной игры и таких талантов я давно не видел» (Сомов. С. 270).

⁴ «Моцарт» — комедия в стихах Саши Гитри (1885—1957) на музыку французского композитора Ган Рейнальдо (1874—1947) шла на парижской сцене в постановке автора. В роли Моцарта выступала его жена, актриса Ивонн Принтем.

⁵ Дочери С. В. Рахманинова Ирина и Татьяна.

⁶ «...Начинается моя парижская карьера портретиста!» — писал К. А. Сомов сестре 28 января 1926 г. (Сомов. С. 295).

⁷ Портрет Берты Ефимовны Поповой (бумага, графитный карандаш, акварель, пастель; 49,3 × 39,3, овал; с 1969 г. в собрании ГРМ). К. А. Сомов так охарактеризовал свою модель в письме сестре от 28 января 1926 г.: «Дама эта молодая — лет 35, может быть, даже 30. Не очень красивая, но лицо курьезное и рисовать ее интересно. Гонорар скромный, зато она обещает меня популяризировать — у нее множество богатых клиснтов и знакомых. Говорят, она очень ловкая» (Сомов. С. 294—295). Спустя неделю, 7 февраля 1926 г., художник уже жаловался сестре: во время трех сеансов дама «неистово» болтала и плохо «держала позу» (Там же. С. 296). Как явствует из этого письма, работой автор остался недоволен. Сходный, но более резкий отзыв содержится в его письме сестре от 24 февраля 1926 г.: «За эти дни я кончил портрет антикварши, всем он понравился, и ей, и ее мужу, по-моему же, он отвратный. Это не кривляние, а честный отзыв» (Там же. С. 297).

⁸ Портрет Елены Сергеевны Питтс (1891—1974), урожденной Поповой, в первом браке Билибиной, художницы прикладного искусства (холст, масло; 80,5 × 64,5, овал; с 1973 г. — в собрании ГРМ).

⁹ Александра Александровича Попова, портрет которого (бумага серая, пастель; 38,4 × 27,1) К. А. Сомов исполнил в 1928 г. В 1969 г. Б. Е. Попова, вдова изображенного, передала этот и свой портреты в дар ГРМ, где они хранятся в настоящее время.

¹⁰ Т. е. гражданина одной из стран, входящих в Британское содружество.

¹¹ «Он богатый банкир, — писал о муже Е. С. Питтс К. А. Сомов 15 февраля 1926 г. — Похож на Черномора, но довольно симпатичный и культурный, любит искусство и книги. И собирает старину <...> мы вместе обсуждали позу и костюм» Елены Сергеевны (Сомов. С. 296).

¹² «Она, как манекен в модном доме, — писал К. А. Сомов сестре 15 февраля, — переодевалась 5 раз, и я выбрал закрытое бархатное платье цвета *lie de vin* <винный — франц.>. На старинной бержерке <кресло — франц.>, обитой желтым с узорами штофом. Она так близорука, что носит очки <...> себя ими очень портит <...>. Предложил их держать в руках, чьму она очень обрадовалась...» (Сомов. С. 296—297). 19 февраля 1926 г., довольный первым сеансом миссис Питтс, Сомов спешил подлиться с сестрой: «Каким-то чудом мне удалось начать ее — хотя она позировала всего час — очень удачно, я начал прямо красками, едва набросав несколько линий углем» (Там же. С. 297).

¹³ Вплоть до 1927 г., приезжая из Гранвилль в Париж, Сомов останавливался в семье Гиришманов (Сомов. С. 575, коммент.). О Гиришманах см. примеч. к письму К. А. Сомова от 25 июня 1925 г. в наст. изд.

¹⁴ В московском доме Гиришманов у Красных ворот К. А. Сомов останавливался в январе 1910 г., когда работал над портретом Г. Л. Гиришман (1910—1911, холст, масло; 118,3 × 74,5; ныне в Приморской красной картинной галерее, Владивосток).

¹⁵ Генриетта Леопольдовна Гиришман. По словам В. Ф. Шухасвой, она была «очень дружна с К<онстантином> А<ндреевичем> и называла его Костей» (Шухасова В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

¹⁶ Нувеля Вальтера Федоровича (1871—1949) и Бенуа Александра Николаевича (1870—1960).

¹⁷ *Нувель Вальтер Федорович*, Валичка, как называли его близкие, — один из старых друзей К. А. Сомова, одноклассник А. Н. Бенуа и Д. В. Философова по петербургской гимназии К. И. Мая, их сокурсник по юридическому факультету Императорского Санкт-Петербургского университета. К. А. Сомов посещал ту же гимназию, но окончил ее двумя годами раньше, в 1888 г. В отличие от своих друзей-универсантов Константин Андреевич учился в Императорской Академии художеств (1888—1897). На протяжении гимназических и последующих лет Сомов, Бенуа, Нувель и Философов продолжали дружить, а в 1898 г. вместе с С. П. Дягиловым, Л. С. Бакстом и другими создали новый художественный журнал — «Мир искусства» — и одноименную группу художников. Нувель был одним из ведущих членов редакции журнала (ответственным за музыкальный раздел). Композитор-любитель, он стал одним из организаторов «Вечеров современной музыки». М. В. Добужинский писал, что наряду с Бенуа, Философовым и Дягиловым Нувель «был тем „прцем“, который придавал „Миру искусства“ особенную остроту» (Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 203). По окончании университета Вальтер Федорович служил чиновником особых поручений в Канцелярии Министерства императорского двора. В эмиграции жил главным образом в Париже. После 1917 г. — постоянный сотрудник Дягилева, его биограф.

В 1914 г. по просьбе Нувеля, недовольного своим акварельным портретом работы Л. С. Бакста 1895 г. (ГРМ), Сомов исполнил портрет Вальтера Федоровича (бумага на ткани, графитный карандаш, сангина; 37,3 × 26; с 1925 г. в собрании ГРМ). Нувелю портрет понравился, автору — нет. «Сходство большое, но не животрепещущее, и для Валечкина лица интерпретация не острая. Работа очень сухая, мучительно задланная», — писал 25 сентября 1914 г. в дневнике Сомов (Сомов. С. 135).

¹⁸ Имеется в виду портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова, который, наряду с портретами Е. К. Сомовой и В. А. Сомова (племянника художника), был привезен в Париж и размещен в квартире Гиришманов.

¹⁹ Портрет Е. К. Сомовой.

²⁰ К Татьяна Сергеевне Рахманиновой — младшей дочери С. В. Рахманинова. В письме сестре от 23 сентября 1925 г. художник так охарактеризовал ее: «Танечка <...> замечательно милая девушка, с душой неудовлетворенной, с капризами несобидными. Мятающаяся, не знающая,

куда себя деть, недовольная собой и своей наружностью. Со мной большой друг. Мало любит, по-видимому, сестру, за что, я ее не виню. Боготворит отца и на него молится. Я как-то умею действовать на ее психологию, и ей со мной весело, даже при своей замкнутости она со мной откровенна» (Сомов. С. 286). Трижды — в 1924, 1925 и 1928 гг. — Сомов портретировал Татьяну Сергеевну.

²¹ Под инициалами О. Л., написанными в английском подлиннике по-русски, подразумевается Ольга Лавровна Сомова (ум. 1931, США) — мать Евгения Ивановича Сомова, в прошлом занималась издательской деятельностью. Что именно имел в виду К. А. Сомов в этом письме, неясно.

6

Вторник, 8 мая
1926
<Париж>

Миленьякая Paty!

Когда мы видимся?¹ Не хотите ли вы завтра вместе обедать, часов в 8-м? Назначьте мне свидание, где Вам удобнее — у вас в отеле, или где-нибудь в городе. Вчера вечером я сидел у Weber'a,² и мне казалось, что и Вы с мужем придете.

Bien à Vous

Constantin.

27, rue Casimir Périer.³

¹ В это время К. М. Животовская вместе с мужем и дочерью находилась в Париже. Свидетельства их встреч и общения с К. А. Сомовым содержатся в неопубликованных фрагментах писем художника сестре. Так, 5 апреля 1926 г., за месяц до этого письма, Константин Андреевич сообщил Анне Андреевне, что «Paty едет на лето в Париж с мужем» (СР ГРМ, ф. 133, д. 151, л. 5), а 30 мая — что она, по его предположению, «должна была приехать вчера». «Надо с ней немного повозиться, уж очень она была со мной мила в N<ew> Y<ork'>e». Приехала она с мужем и с беби 8 л<ет>, девочкой, довольно несносной. Там у меня с ней было нечто вроде романа <...> и больше с ее стороны. Теперь я совершенно не в настроении продолжать этак жить. Там больше роман этот был на глазок Елены и под ее подстрекательством. Втроем было забавно дурачиться — и ей tête-a-tête очень скучно. Вот» (Там же, л. 20 об.).

6 июня, в воскресенье, Сомов писал сестре, что день своих именин, 3 июня, он не отмечал: о них никто не знал. «Знала только приехавшая сюда Пати, но с ней этот день мы справляли только на следующий день, 4-го, легким ужином с souper de Chousogne в café Weber. Мне было лень как-то с ней возиться, когда я ее еще не видел. Но она и ее муж были так очаровательно милы и серьезны со мной, что мне пришлось растаять. Пати радовалась, увидавши меня, как ребенок. А накануне нашего 1-го свидания, с извещением, что они уже здесь, она прислала мне букет роз. Надо ей сделать удовольствие, пригласив в Grandvillie, ей, по-видимому, это очень хочется. Хочется познакомиться и с Мифемой <так Сомов и другие в узком кругу называли М. Г. Лукьянова. — Е. Я.>» (Там же, л. 22).

15 июня Сомов сообщил сестре, что познакомил Пати с Мифемой: «внешне было весело и оживленно. Но настоящего веселья не было. Миф<ема> нашла Paty милой, но незначительной» (Там же, л. 25 об.). Далее Константин Андреевич писал, что «много раз, насколько позволяла работа и усталость после нее — видался с Paty и ее мужем». «Они очень милы, но не очень интересны. Paty увяла за то <время>, что я ее не видал, и вид у нее больной» (Там же).

Своим мнением о Животовских поделился с сестрой Сомова и Мефодий Георгиевич Лукьянов. В письме от 17 августа 1926 г. он писал: «Пати и ее муж оказались совсем неинтересными людьми, без всякой изюминки, так, что-то такое дю простое, молчаливое и к нашей компании мало подходящее, единственно, обожают Коко <К. А. Сомова. — Е. Я.>, а ему с ни-

ми скучно...» (СР ГРМ, ф. 133, д. 152, л. 22). Судя по этому письму, Пати и ее муж, приехав в Гранвиль в субботу, пробыли до понедельника. «Пати привезла пьяных вишен, а Владимир» Осипович» <Гиршман. — Е. Я.» — ананас для крющона, который испортили, положив туда змяничный компот, по совету Коко, — и весь крющон пропал» (Там же).

Из письма Сомова сестре следует, что его начинало утомлять общение с Пати. 18 августа он писал: «Как Patty ни мила, ни проста, у меня с ней очень мало общего — только воспоминания о N<ew> Y<ork>», где она была придворной дамой Елены. Втроем нам было весело: Елена была зачинщицей всего, и отсутствия индивидуальности, некультурность и наивность Patty не имела значения...» (Там же, л. 23). Между тем Клеопатра Матвеевна осталась довольно озабоченным вопросом и, вернувшись из Гранвиля в Париж, прислала оттуда Мефодию Георгиевичу и Михаилу Васильевичу Кралину «в двух аппетитных деревянных ящичках» «шоколадные конфеты и дорогие леденцы». «От Boissier, это марка!» — приписал Сомов и тут же «пожаловался»: «Т<ак> к<ак> это было прислано на их имя, меня обижают и отстраняют, и иногда только после долгих моих клянчаний и Миф<сних> отказов она <Мифема. — Е. Я.> мне в руке выносит или шоколадку или леденец! Не подло разве? А знакомые-то мои» (Там же, л. 25 об.).

В обратный путь Животовская собиралась отправиться в сентябре. 31 августа Сомов писал сестре, что 14 сентября намерен поехать в Париж, т. к. «обещал Изабелле Афанасьевне <Венгеровой. — Е. Я.> и Пати прийти повидать их перед их отъездом» в N<ew> Y<ork> (Там же, л. 28, об.). В письме от 6 сентября он уточнил цель поездки в Париж «в ближайшую субботу»: «Во-первых, сдать рисунки издателью <...>. А потом обещал двум дамам — Pату и Изабелле — их повидать перед их отъездом в Америку. Эти свидания меня совсем не привлекают, но „noblesse oblige“! С Пати мне очень скучно, она чрезвычайно мила и добра, но совершенно неинтересна, необразованна и незанимательна...» (СР ГРМ, ф. 133, д. 153, л. 1 об.).

И только 19 сентября 1926 г., уже простившись с Клеопатрой Матвеевной, Константин Андреевич отчитался сестре о том, «что делал и кого видел в Париже, где провел ровно неделю». Этот «отчет» весьма показателен, поскольку по-своему характеризует личность Константина Андреевича. Приведем его: «Приехал я туда в субботу 11-го к часу дня. К обеду поехал в пансион, где остановилась Пати со своей девочкой — муж ее уже 3 нед<ели> как уехал в N<ew> York. Хозяйка пансиона оказалась моей знакомой, т<ак> к<ак> я ее раз встретил в Америке, она тоже русская. Приятно по-домашнему укутили за небольшим круглым столом я, Пати с дочкой и один симпатичный молодой господин, друг Пати и Елены-Жени, но которого я раньше не знал. После обеда Пати мне демонстрировала все свои парижские покупки, платья, шляпки, роскошное белье, полты и другое. В 11 часов я поехал домой. Дома <у Гиршманов. — Е. Я.> совершенно пусто, т<ак> к<ак> вся семья <...> еще в отсутствии. На другой день к 11 часам утра поехал к черту на кулички на свидание с Изабеллой. Был у нее часа два. <...> От Беллы через весь город прокатился на tram'e к Пати, с ней позавтракал. А после она объявила, что везет нас, т<о> е<сть> меня и св<оего> америк<анского> друга (друг не в каком-нибудь дурном смысле!) на заказанном ею автомобиле в Versailles. Поездка была очень приятна, несмотря на воскресный день, когда в Versailles'e толпы народа, день был чудесный. Мы около двух часов гуляли по городу, смотрели боскеты и фонтаны (но они не били в этот раз), на воздухе между Vers<ailles> и Trianop'ом в ресторане пили вкусный чай с тостами и в 5 уехали в Париж опять той же красивой дорогой, через Париж, St. Cloud, через городок St. Cloude и через Булонский лес. Обедал я опять в пансионе Патти. <...> В этот же день у меня в 3 часа дня было назначено у дверей магазина <...> свидание с Пати. Мы провели в магазине около часа, и Пати покупала массу дребедени и для себя, и подарки, я ей помогал выбирать. И мне надо было купить подарки моим американцам: Ольге Лавровне — кружевное жабо, Жене — галстук, Елене — téticule. Потом с Пати пили кофе <...>. К 6-ти часам к черту на кулички, к Шуре Шишковой <к портнице Александре Матвеевне Верховской, урожденной Шишковой, петербургской знакомой семьи Сомовых. — Е. Я.>, где я должен был видеть платье, заказанное Еленой, и весь гардероб Пати, тоже очень удачный. <...> Расставшись с Пати, я поехал домой отдохнуть...».

Накануне отъезда Животовской Сомов купил для нее в кондитерской «чудных caramels assortis», таких, как она присылала в деревню. «К 7 часам поехал к Пати в ее русский пансион обедать. После обеда провожал ее к родным ее мужа на полчас, где они должны были со всеми проститься. Пышная квартира, все сидели еще за обедом, роскошным, по-видимому, судя по его окончанию. Масса самодовольных свресев. Дядья и кузны ее мужа. С хозяйки написал портрет Сорин <...>. Потом я проводил Пати пешком, и мы трогательно расстались с поцелуя-

ми и завершениями в дружбе, любви и т<ак> д<алсе>. Она чрезвычайно добра и мила и просто-душна, настоящий человек, но, к сожалению, уж очень некультурный, хотя у нее и есть стремления образоваться, читать и смотреть на хорошие вещи. На вид она симпатичная обезьянка. Женя ее так окрестил: мартышка. Но т<ак> к<ак> она хорошо сложена и молода, ей 30 лет, то <...> ничего, особенно когда хорошо одета, что не всегда бывает, т<ак> к<ак> вкус ее в этом отношении не безукоризнен. Я ее не провожал на вокзал, т<ак> к<ак> ей негде в Cherbourg'c уходить в 8 ч<асов> утра» (Там же, л. 8—9).

² Кафе Вэбсра.

³ Парижский адрес Гиришманов.

7

12 июня <?>1926

<Гранвилье>

Дорогой

Виктор Тимофеевич.¹

Вернулся домой и сделал Вам список интересных книг, некоторые из них я читал сам, другие хороши по отзывам друзей и книжников:

Fiction :

André Gide: Les faux-monnayeurs (Edition de la revue française)

Edmond Jaloux: L'Escalier d'Or (Ed<ition> Plon-Nourrit)

Ramyn Gyzmez de la Serna: La veuve blanche et noire (Ed. S. Kra)

Tristan Bernard: Le Satyre intermittent.

Gaston Chéreau: Champi-Tortu (Ed<ition> Flammarion)

J. des Gachons: La mare aux gosses.

Taine: Thomas Graindorge.

Gabriel de Lautrec. Manuel du parfait concierge (Ed<ition> Baudinière
3 francs)

P. Feval: Le bossu (Ed<ition> Fayard et Co. 2 francs)

René Hissard: Contes sinistres (Cahiers de la 15-ne)

Elemir Bourges: Les oiseaux s'envolent et les fleurs tombent.

Henri Signoret: Noces fantastiques.

Fr. Carco: Perversités. (Ed<ition> Ferenzi)

Toulet: Bréviaire des courtisanes

Edouard Ramond: Histoire de filles et affranchis.

Pierre Mille: Christine et lui.

André de Beaunier: Picrate et Siméon.

Robert Boudry: Le valet de coeur.

Maurice de Genevoix: Rabillot.

Jean de Tinan: L'exemple de Ninon de Lenclos.

Tharaud. La tragédie de Ravailac.

... -"- Une relève.

Jules Renard: Les Cloportes.

Henri Béraud: Les seconds amours du chevalier des Grioux (1903)

André Maurois: Les silences du colonel Bramble.

No fiction:

Dr. Cabanès: Les 5 sens (Librairie: le français)

Paul Dottin: La vie et les aventures étranges de D. Foe (Perrin)

Lucas Dubreton: La petite vie de Samuel Pepys londonien (Ed<ition> Payot)
Emile Magne: Ninon de Lenclos (Ed<ition> Emile-Paul)
Dr. Cabanès: Balzac ignoré
Const. Photiadès: Cogliostro
Paul Olivier: Les Brinvilliers (Ed<ition> monde moderne).

¹ Письмо адресовано Виктору Тимофеевичу Животовскому, мужу Клеопатры Матвеевны.

8

August 4th 1926
<Grandvilliers>

My dearest Patty!

I am happy to know You are back to Paris! I am going to be there on Monday 9th. Shall we dine together? Then make me an appointment and send Your letter to Mr. Hirschmann 27, rue Casimir Perier. I shall find it when I arrive. I hope You are pleased with Your journey and quite healthy now. Did my letter to Nice reach You? Probably yes, as upon ask me how is Larionoff. Happily he is well now, only a little fizzle, he was very dangerously ill. I look forward to our assignation with the grew happiness.

Ваш К.

ПЕРЕВОД:

4 августа 1926
<Гранвилье>

Моя дражайшая Патти!

Счастлив узнать, что Вы возвратились в Париж!¹ Я намерен быть там в понедельник, 9-го. Может быть, пообедаем вместе? Тогда назначьте мне время и отправьте Ваше письмо м-ру Гиршману — 27, rue Casimir Périer.² Я найду его по приезде. Надеюсь, что Вы довольны своим путешествием и теперь вполне здоровы. Дошло ли до Вас мое письмо, отправленное в Ниццу? Вероятно, да, если Вы спрашиваете меня, как Ларионов.³ К счастью, сейчас он в порядке, только немного слаб, но был очень опасно болен. Жду нашей встречи с возрастающим нетерпением.

Ваш К.

¹ Из Ниццы.

² В этот приезд в Париж К. А. Сомов «остановился, как всегда, у Гени <Г. Л. Гиршман. — Е. Я.>. См. письмо художника сестре от 12 авг. 1926 г. (Сомов. С. 306).

³ Ларионов Михаил Федорович (1881—1964) — живописец, график, театральный художник, представитель раннего русского авангарда; в дореволюционный период — один из организаторов художественных объединений «Ослиный хвост» и «Бубновый валет». В 1915 г. вместе с женой, художницей Н. С. Гончаровой, в Швейцарии присоединился к балетной труппе С. П. Дягилева, оформил несколько балетных спектаклей Л. Ф. Мясина. С 1917 г. Ларионов и Гончарова жили в Париже. Об этом периоде жизни см.: Gontcharova et Larionov. Cinquante ans

9

8 dec<ember> 1927
Grandvilliers
par Damville
<Eure>
France

My dearest friend, charming
Paty!

First of all I wish You a very happy New Year and every thing which is good: health, successes and riches.

And then: can I be forgiven, I am still in the list of Your friends? I was piggish, piggish in the last degree with You! Answered not Your letter, did not thank You for Your wire, wich you send me to my name's day. Но я все же <...>

Send me Your regular photograph, if You have one!

ПЕРЕВОД:

8 декабря 1927
Гранвилье
через Данвиль
Эр
Франция

Мой дражайший друг, очаровательная Пати!

Прежде всего желаю Вам очень счастливого Нового года и всего хорошего: здоровья, успехов и благополучия. И затем: могу ли я быть прощен и остаться в списке Ваших друзей? Я поступил с Вами по-свински, по-свински в высшей степени! Не ответил на Ваше письмо, не поблагодарил Вас за телеграмму, которую прислали к моим именинам.¹

Но я все же чувствую, зная как Вы бесконечно добры, что Вы мне простите, тем более, что вообще «сердце не камень». И знаю я о Вас очень немного! Не то вы в New Heaven'е, не то в Нью-Йорке. Где вы поселились? Елена,² которая со мной не считается письмами и прощает мне мои долгие молчания, писала мне смутно и немного, а именно: как Вы с самоотверженностью ухаживали за больной Ольгой Лавровой,³ потом — и это уже oh shame и for shame <стыд и позор — *англ.*>! — что Вы шили одеяло для моего бывшего «врага» (впрочем, он им и не был) Джалгарова,⁴ что оно было очень роскошное, вероятно, для нечестных целей (а Вы — мать, как Вам не стыдно, и еще живя в prudish <стыдливой — *англ.*> Америке), и что самое удивительное, он Вам заплатил. Вообразил я себе сцену — Вас, сдающую работу этому дурню! В последнем письме Елена послала мне фотографию их волшебного замка с фигурками, из которых одна — Вы. Но

Вы так помолодели, что кажетесь едва старше Вашей дочки. Лет на 14, даже 12. Что делает Mr. Victor,⁵ и как вообще Ваши дела? Затеяли ли какую-нибудь business'у <деловую операцию — *англ.*> на этот год и какую? Наш Женья⁶ по-прежнему бьется как рыба о лед и ничего ему не везет. Бываете ли вы у Рахманиновых и какое на вас впечатление произвели молодые лэди's?⁷ «Светлейшая», по-моему, препротивная и дура⁸ — извините это выражение. А Таничка⁹ — мой flirt — все же ничего, она хороший человек, но с капризами и «западами». Важничает ли светлейшая с Вами, как, помнится, в тот первый приезд? Понравилось ли Вам платье, привезенное На<талей> Александровной?¹⁰ Они со мною советовались, голубого или розового цвета выбрать материю, — я ей посоветовал rose-mauve <сиреневый — *франц.*>, может быть, Вы не любите этого цвета, и я сделал ошибку, если она на этом цвете остановилась.

Про себя написать могу немного — уж очень моя жизнь однообразна — все живу в деревне — выезжаю в Париж приблизительно раз в месяц дней на 6 — на 10. Там кручусь целыми днями, очень устаю и особенного удовольствия не получаю. Много людей, много друзей, но таких, каких я имел в N<ew>Y<ork'e> (and certainly You included, and how!), <и, конечно, включая Вас, и еще как! — *англ.*>, нет. Самые, пожалуй, забавные и жизнерадостные, это Самойленки.¹¹ Но они так оба заняты: он — делами, она — шляпками — теперь она стала первоклассной модисткой,¹² — что их видишь только урывками. Из прежних нью-йоркцев часто вижу Перцова¹³ — он русский Dorian Gray of Russian <русский Дориан Грей — *англ.*>,¹⁴ хоть он и очень потерт — т<ак> к<ак> мы близко живем друг от друга и часто вместе едим в одном маленьком ресторанчике. Но хоть он и Перцов, перцу в нем никакого. Симпатичная, славянская, никчемушная натура, а теперь он уже давно «don la dèche» <без гроша — *франц.*> и все жалуется или сообщает мне один за другим свои проекты разбогатеть, и все нежизненные и нелепые. Но он мил и почему-то очень меня полюбил. Много у меня и дам «подруг», но одни из них или перезрелые в высшей степени not my taste that <не в моем вкусе — *англ.*> — другие вялые и грустные not this too <тоже не то — *англ.*> — или честолюбивые и страшные злючки — тоже very bad <очень плохо — *англ.*>! Елен и Пати не так легко найти на белом свете!

В своем уединении я очень много работаю, весь день с утра и до темноты; теперь, зимой, когда сумерки начинаются в 4 часа, меньше, а летом часов по 12. Пожалуй, даже на старости лет сделал некоторые успехи. У меня новый жанр — миниатюрить¹⁵ — верно, об этом слышали от Сомовых и, м<ожет> б<ыть>, даже кое-что видели, т<ак> к<ак> я с Венгеровой¹⁶ некоторые послал в Америку из этих работ. Но это не лучшее, что я сделал. Лучшее я оставил в Париже в виду двух возможных выставок, в Париже¹⁷ и в Брюсселе.¹⁸ Обитатели нашей фермы не все те, что вы видели. Вместо Кралина,¹⁹ уехавшего на место фермера за 100 кило<метров> от нас, с нами теперь живет мой родной племянник, тоже Сомов,²⁰ сын покойного брата.²¹ Славный, честный парень (ему 29 лет), но уж очень опростившийся, некультурный, неряшливый и простоватый. Также без перца, и мне с ним вдвоем бывает очень скучно.²² А это бывает довольно часто, т<ак> к<ак> Мефодий постоянно делает путешествия, кот<орые> длятся иногда неде-

лю, то в провинцию, то в Париж: покупать и продавать. Он ведь у нас теперь антиквар, и иногда его дела идут очень хорошо. Во всяком случае настолько, что уже теперь можно <скрасить> его скромную жизнь. Буду с Вами и со всеми мне милыми душой под Christmas и New Year's eves'ами <Рождество и Новый год — англ.>, хотите Вы того или нет; ведь мы их в N<ew> Y<ork'e> почти всегда вместе встречали! Теперь буду ждать Вашего письма! Докажите, что Вы добрая христианка и умеете прощать грехи. И пожалейте меня бедненького, смиренненького, сморщенного старичка! Поклон В<иктору> Т<имофеевичу>. Целую Ваши ручки! Ваш К. Сомов.

Приписка:

Пришлите мне какую-нибудь свою фотографию, если она у Вас есть.

¹ 30 ноября 1927 г. К. А. Сомову исполнилось 58 лет.

² Елена Константиновна Сомова.

³ Матерью Евгения Ивановича Сомова. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 3 марта 1926 г. в наст. изд.

⁴ Представитель журнала «Opera Club», предложивший К. А. Сомову исполнить несколько обложек.

⁵ Виктор Тимофеевич Животовский.

⁶ Евгений Иванович Сомов.

⁷ Дочери С. В. Рахманинова. 22 июня 1926 г. в письме сестре К. А. Сомов так выразил свое отношение к ним: «А дочери его мне совершенно разонравились — старшую я никогда не одобрял — и теперь и младшая кажется мне нудной, капризной и невоспитанной. Я у них перестал бывать уже давно» (СР ГРМ, ф. 133, ед. хр. 151, л. 5).

⁸ Вдова светлейшего князя Ирина Сергеевна Волконская.

⁹ Татьяна Сергеевна Рахманинова.

¹⁰ Натальей Александровной Рахманиновой, женой композитора.

¹¹ *Самойленко Борис Николаевич и Фатъма Ханум* — супруги, парижские друзья К. А. Сомова, с которыми он, «американски» Сомовы и Животовские общались в 1924 г. в Америке в период пребывания там Самойленко. 28 января 1925 г. в письме сестре Константин Андреевич так охарактеризовал эту пару: «...из Нью-Йорка недавно уехали мои новые друзья в Париж — это магометанка и ее муж. С ней я познакомился летом в Париже, и она сразу стала моей подругой — она очень мила, забавна, остра на язык, говорит невероятные гадости, очень культурна, а на вид они элегантные парижане, одеты как <на> картинке из Vogue (журнал мод. — Е. Я.). Зовут ее Фатъма. Муж ее очень славный, статный и красивый самец лет 40. Хотя я с ним и редко здесь виделся, мне жаль, что они уехали. Она уже позвала к себе обедать 10-го мая: но едва ли попаду туда так рано» (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 12).

Впервые фамилия Самойленко появилась в дневнике К. А. Сомова в сентябре 1924 г. (СР ГРМ, ф. 133, д. 422, л. 47) и на протяжении 1925—1930 гг. упоминалась неоднократно. Наиболее частые упоминания о Самойленко можно встретить в дневнике композитора С. С. Прокофьева, дружившего с ними. Так, 16 июня 1928 г. он писал: «Едем обедать: Пташка, Дукельский и я, а затем к Самойленко, где Сомов, Боровский, Шушаев. Очень мило...» (*Прокофьев С. Дневник 1919—1933. Часть 2. Paris: Sprkfv, 2002. С. 635*).

Осенью 1928 г. по просьбе Сомова в течение шести сеансов, «даром, для упражнения», ему позировала Фатъма Ханум. 5 октября 1928 г. художник сообщил сестре о намерении подарить своей модели «этот этюд», от которого «она и ее муж в страшном восторге: и молодая-де, и хороша-де и т. д.». Сомов признавался, что давно сходство ему «не удавалось так живо», и тут же делал вывод: «5—7 сеансов мне довольно для довольно законченной головы» (*Сомов С. 344*). Спустя три года, 27 ноября 1931 г. художник писал сестре: «Фатъма <Самойленко> в последнее воскресенье разыграла мою масляную картину-натюрморт при свидетелях. Выигрыш достался некой русской персианке Лейлс Ханум, подруге Фатъмы. Выручила она 1800 фр., что очень хорошо, так как картину эту, лучше сказать, этюд, я писал всего один день — часов 5...» (Там же. С. 388).

Имсна Фатьмы Ханум и ее сестер Тамары и Мили Ханум встречаются также в дневниках и воспоминаниях других деятелей культуры, например в воспоминаниях композитора В. Дукельского. По словам последнего, «Фатьма-Ханум, осетинка по происхождению, обладала талантом жить широко и богато не будучи вовсе богатой. У нее был единственный в своем роде русский салон в Париже: лучшие наши художники — Сомов, Шухасв, Григорьев, Якулов, композиторы, дирижеры и кое-кто из писателей (Алданов, Зайцев, не помню, кто еще) постоянно бывали у Самойленко» (Дукельский В. Об одной прерванной дружбе // История и современность. Л., 1981. С. 248).

¹² «Фатьма для поправления финансов занялась шляпным делом (и очень успешно), и рахманиновская ссмыя была в числе ее заказчиц», — писал 2 декабря 1928 г. в дневнике С. С. Прокофьев (см.: Прокофьев С. Дневник 1919—1933. Часть 2. С. 653).

¹³ Перцов Дмитрий Петрович (1890?—?) — художник по ткани. Упоминания о нем встречаются в дневниках К. А. Сомова с февраля 1924 до 1931 г. 17 февраля 1925 г. из Нью-Йорка Сомов писал сестре: «...12-го я был на Русском балс <...>. Мне не хотелось ехать, но меня уговорила ехать вся наша компания <...>. Мне было очень скучно, хотелось домой, и я ни за что не соглашался танцевать, как меня ни упрасивали наши дамы — Таничка и Патти. Самой хорошенькой была Перцова — дочка Липковской. Ей лет 20—22. Она высокая, с совершенно безукоризненным лицом блондинки, чернбрововой, гораздо красивее своей матери. Перцов — москвич — тоже красавец, но уж слишком высокого роста и очень художавый». В 1924 г., по словам Сомова, Перцову было 34 года (СР ГРМ, ф. 133, д. 143, л. 19—19 об.).

¹⁴ Дориан Грей — герой романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891).

¹⁵ «С апреля 1927 г. по март 1928 г. К. А. Сомов исполнил болес 50 акварельных миниатюр» (Сомов. С. 580, коммент.). 30 июня 1927 г. в письме сестре художник признавался: «Очевидно, миниатюра — мое призвание» (Там же. С. 322), а 13 ноября 1927 г. продолжал: «... право, кажется, миниатюра моя Forte <сильная сторона — франц.>, и я жалсю, что давно не представлял собой жанровые сценки в духе живописи Сомова: «Объятие», «Зеркало», сценка с гуляющими в парке людьми, одетыми в костюмы XVIII в. 18 мая 1927 г. художник писал сестре, что «сделал 15 крохотных картинок, делал приблизительно по одной в день»: «Надо признаться без скромности, что некоторые из них вышли премиленскими» (Там же. С. 318).

¹⁶ Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877—1956) — пианистка, в эмиграции — профессор консерватории в Филадельфии, сестра известного петербургского историка литературы Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920). С Венгеровой К. А. Сомов и его сестра были знакомы еще в Петербурге, где они вместе музицировали. В Америке художник встретился с ней в мае 1924 г. Спустя несколько месяцев он познакомил Изабеллу Афанасьевну со своими американскими родственниками и их друзьями. Имя Венгеровой упоминается в письмах Сомова сестре неоднократно, в том числе от 20 и 23 февраля 1915 г. (Сомов. С. 141), 27 апреля 1915 г. (Там же. С. 145), 13 мая 1924 г. (Там же. С. 242), 11 и 25 декабря 1924 г. (Там же. С. 261, 262), 17 февраля 1925 г. (Там же. С. 268), 30 марта 1925 г. (Там же. С. 271).

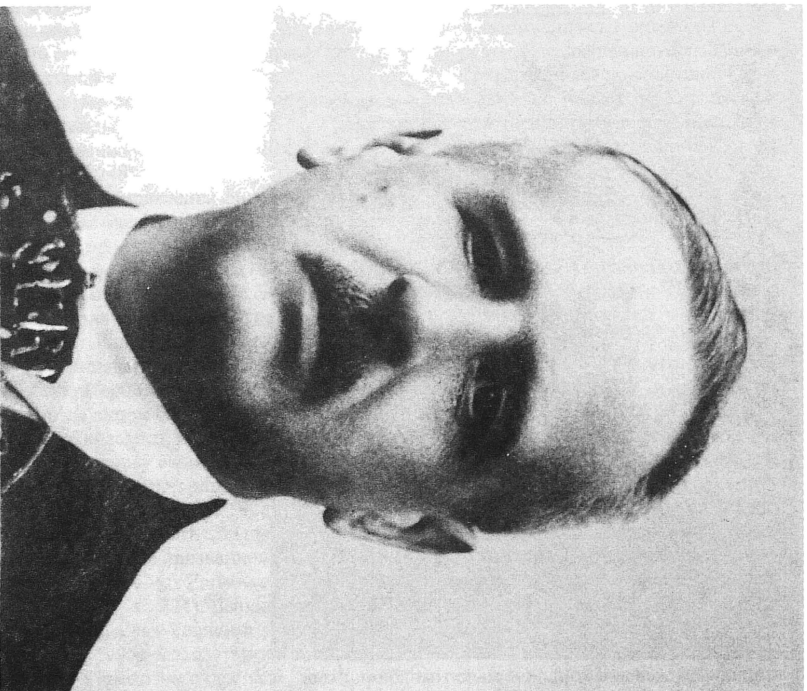
¹⁷ К. А. Сомов, вероятно, имел в виду предстоящую выставку новых работ художников группы «Мир искусства», которая должна была открыться через полгода, 22 июня 1928 г.

¹⁸ «Выставка старого и нового русского искусства», приуроченная к открытию Дворца изящных искусств в Брюсселе, открылась в столице Бельгии 4 мая 1928 г. (см.: Palais des Beaux-Arts. Art russe ancien et moderne. Bruxelles, Inauguration des salles d'exposition. Mai-juin / Catalogue [Bruxelles, 1928]). К. А. Сомов представил на ней несколько работ маслом (портреты К. Животовской, С. Рахманинова, Е. Михайлова, картины «Радуга», «Русская пастораль», «Перед грозой», «Итальянская опера»), акварели, миниатюры, иллюстрации к «Манон Леско» и «Книге маркизы» и 2 фарфоровые скульптуры. О выставке см. письмо К. А. Сомова от 8 июня 1928 г. в наст. изд.

¹⁹ Кралин Михаил Васильевич (Мишель) — друг М. Г. Лукьянова, с которым он жил с начала 1925 г. на ферме в Гранвиле. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 1 июня 1925 г. в наст. изд. В 1926 г. Сомов исполнил рисуночный портрет Кралина (местонахождение неизвестно).

²⁰ Сомов Владимир Александрович (1897—?) — сын старшего брата К. А. Сомова. В эмиграции жил во Франции, работал на фермах стюларом. Художник написал маслом его портрет (был в собр. Б. М. Снежковского, Париж), которым остался недоволен.

²¹ Сомов Александр Андреевич (1867—1903) — старший брат К. А. Сомова, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, служил в Министерстве финансов, умер от эндокардита.

В. В. Голубев. 1929 г. Париж. Фотография из паспорта.
(Частное собрание)

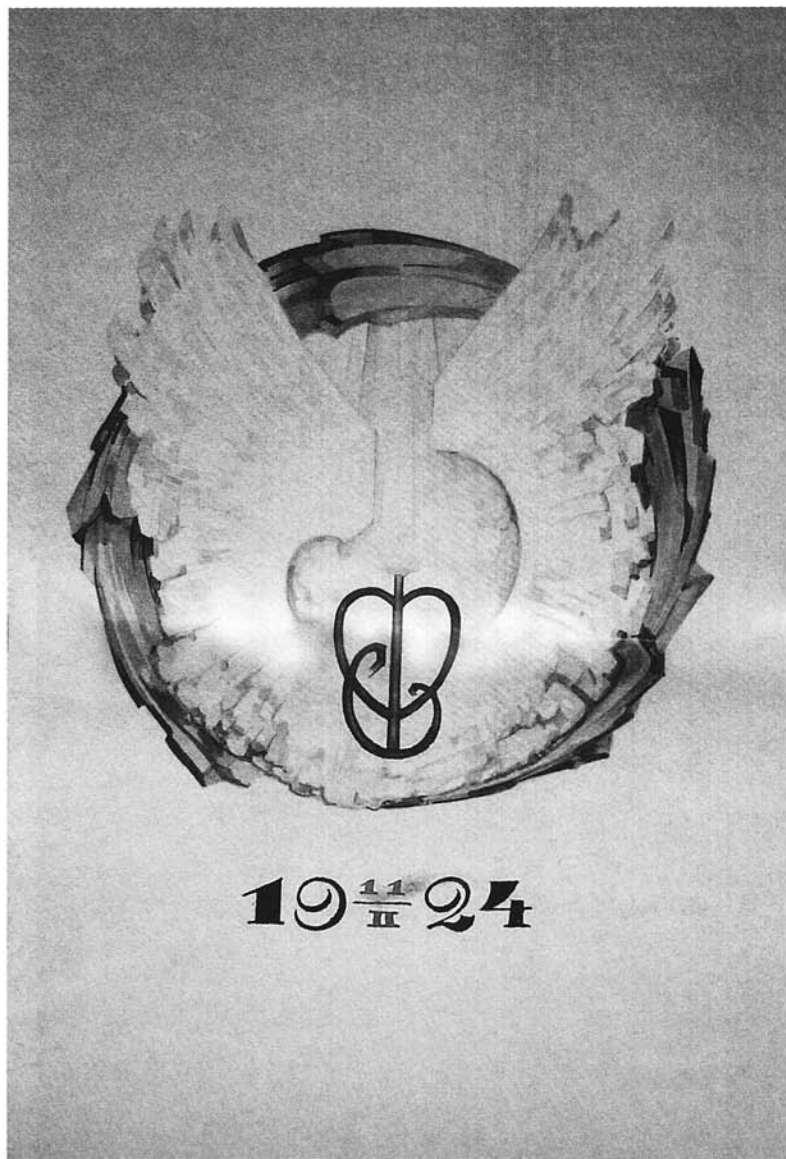

Голубев на заседании художественного кружка.
1906 г. Париж. Рис. А. Н. Бенуа. ГРМ

Юбилей Ф. Сологуба 11 февраля 1924 г. Сцена Александринского театра.

Среди присутствующих: П. Н. Медведев, А. Л. Волынский, Ф. Сологуб, А. А. Ахматова, Е. И. Замятин, В. А. Рождественский и др. (РО ИРЛИ)

Обложка адреса Пушкинского Дома Ф. Сологубу. Художник О. Ю. Клевер

В пути тысячелетий Великий
Восток по ледяным дорожкам,
Хлеб на мигучей стали небитый,
Хлеб на мигучей стали проститый.

Душа поэта-патриста не стареет.
Архивы подтверждают этой мысли истинность.
Вы, любезнейший Федор Кузнецов, наш
маститый поэт и романист.

В пути тысячелетий и Великий Восток не
становился ни на мигучу, Восток не обессилил.
Русская поэзия удержала многовековыми свер-
шениями Ваши стихотворения, всегда строго
выдержанные, совершенные и законченные по
форме; русская художественная проза обяза-
тельна Вашими романами, полными изыска-
ния кабульской ухи и сарказма; и в драма-
тической литературе были Вы свой бога-
тый вклад.

И мне сорокантик годовичку непро-
стаюсь литературной деятельностью поруби-
ваете Вы, один из наших маститей

русского символизма, переживший эту
знаменательную поэтическую тему нашей
современности.

Ваши свершения звучат для нас
важно и ясно и были прекрасными началами,
к которым прислушивается с любопытством
восторгом и покоем поклонник русских миро-
зов. Как странствующий энту-
зиаст приносит Вы чародейскую
чашу и фривольные люди своей
родней стороне.

Но что мне тысячи палат
И тысяч цуфенных одежд?
В полях жести мои крылатки,
Бездурки сладостные победы.

Они стоят за мной телами,
Кольца, устами великими фраз,
И окриками сталими
Цузу, куда глаза глядят...

Вот Ваши физические басы и Ваше по-
этическое слово.

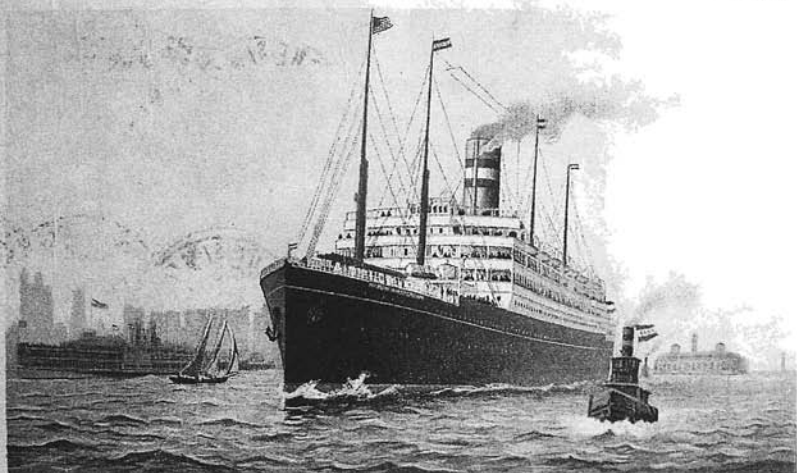
Пушкинский Дом при
Российской Академии Наук - патронам
новой русской литературы - приветствует
в лице Ваших, Федор Кузнецов, русских
писателей, впереди многих и многих литера-
турных деятелей нашего времени Профессора и
славнейшего ученого в руках своих те поэти-
ческие наследия, которые оставил русский твор-
чеством своим великий Пушкин.

11 февраля
1924 г.

Ф. Сологубу
Иркутск
А. В. Шмелев
Иркутск
А. В. Шмелев
Иркутск
И. В. Шмелев
Иркутск
И. В. Шмелев
Иркутск
И. В. Шмелев
Иркутск

HOLLAND-AMERICA LINE.

ROTTERDAM - NEW YORK

T.S.S. NIEUW-AMSTERDAM. 17250 TONS REGISTER - 31000 TONS DISPLACEMENT.

Почтовая открытка Holland-America Line Rotterdam с письмом К. А. Сомова от 1 июня 1925 г. на обороте. (РО ИРЛИ)

C. Somov Pinx.

Eagle Lodge, Goldess Green Rd., N.W. 11

К. А. Сомов. "Eagle Lodge, Goldess Green Rd., N. W. 11". Репродукция. (РО ИРЛИ)

К. А. Сомов в костюме фермера. Гранвилье, 1933 г. Фотография.
На обороте надпись К. А. Сомова: "Дорогой Пати от К." (РО ИРЛИ)

К. А. Сомов. Париж. 1935 г. Фотография.
На обороте надпись К. А. Сомова: "6 апр. 35".
(РО ИРЛИ)

К. А. Сомов. Париж. 1936 г.
Фотография. (РО ИРЛИ)

Сестры Наташа и Светлана Березовские перед войной.
Фотография из семьи автора

²² Несколькими месяцами раньше, 28 июля 1925 г., в письме сестре К. А. Сомов иначе характеризовал племянника: «Володя за 2 недели у нас совсем обжился, чем больше его знаешь, тем больше ценишь. У него прямо идеальный характер, всем он доволен, спокойный, веселый, работающий донельзя» (Сомов. С. 281).

10

June the 8th 1928
<Paris>

My dear, sweet friend Patty!

Yesterday I got your kind letter and, You see, I answer at once! I was so glad to receive from you some news at last! I thank you so much! And for Your kind wire too, which come some days ago exactly on my «angel-day»! It was so sweet to feel, friends far away are thinking and caring! Do not wonder if till now I did not know exactly where You were, in New York or in New Haven: nearly in every letter to Helena I asked her about your whereabouts and she never answered to this question, that does not mean, she did not write me about you in general. So I knew what a bad time You had with the sick child, and how tired you are. The last news about You I had it from the «young ladies», whom I have seen on my visit to them. Those ladies are a same as always. Tatiana rather charming, Irene less, and I found her looks worse with her hair bobbed and badly treamed. The parents are already here too, but I have not seen them yet. I have heard they shall leave all of them Paris very soon; they will spend their summer on the sea somewhere near Deanville.

As I see you have been told about our success in Brussels and it was certainly one, and a great rather, morally and commercialy. I am included in it, it has improved my finance, wich was not brillant at all the whole winter. By the by: Your picture is also on show there: «Dame aux gant noirs». I hope You have nothing against it? It had many good criticisms-it pleases. I have made a short trip to Brussels — 6 days — and am pleased with it. We, russian painters-we were 6 of them-have been cajoled and feasted by the belgian artistic set. I liked very much Brussels itself and belgian people, kind, not indifferent to art and people. I had time enough to see in Brussels and Antwerp in the museums some very beautiful old pictures. I could call Belgium «a happy isle» so different is it in comparison with Paris and New York, life somewhat old fashioned, the street traffic so quiet, people not rushing. And everything and everyone seems to be wealthy and gay. Certainly it is so provincial, but that has its charm.

For the moment I «гоняю лодыря» (that's intranslatable) and I deserve it having worked so hard all the winter. And then there the great Paris season and one must, to be up to date, see the best among the innumerable display of all sort of things — very interesting exhibition, the concerts and the theatres, we have now the russian ballets, the Mozart opera cycle, the Moskow studio theatre, to mention the most important. These two weeks I am nearly every second evening somewhere there.

Probably I shall leave Paris not before the beginning of July, I should like to spend two or three monthes in Grandvilliers, but unhappy for me — happy for Methodius who has got a good place in an antiquarian shop — I am как без рук

и без ног alone on our farm, Larionoff shall have his holiday month only in August. Perhaps I shall stay for a while at Nolde's in their beautiful chateau Destouches in Surthe, they asked me to be their guest and to paint the beautiful sites there. This family — father, mother and three sons <all grown up> is charming one, very simple in manners, unpretentions and with much culture. Are interested in music and literature. They are related — a far away cousinship — to Your baron. The site is very picturesque and if I am not lazy I can make good sort of things there.

Did You receive my letter which I wrote to You some time since? To judge by Your letter, I am afraid, You have not. Well, dear friend of mine, when shall I see You? I hope still in this world, not in the celestial one? Sinner as I am, I shall not have there even a corner! And You I am sure, not in hell!

Самые сердечные поклоны милому Victor'у! А Вам мой нежнейший поцелуй.

И не забывайте Вашего

«Костеньку».

ПЕРЕВОД:

8 июня 1928

<Париж>

Мой дорогой, милый друг Патти!

Вчера я получил Ваше доброе письмо и, как видите, сразу же отвечаю. Я был очень рад иметь наконец известия от Вас! Благодарю за них! А также за Вашу сердечную телеграмму, которая пришла несколько дней тому назад точно ко дню моего ангела.¹ Было так приятно почувствовать, что далекие друзья думают о тебе и заботятся! Не удивляйтесь, что до сего времени я не знал определенно, где Вы находитесь, в Нью-Йорке или в Нью-Хэвене: почти в каждом письме к Елене² я спрашивал о Вашем местопребывании, и она ни разу не ответила на этот вопрос, хотя это не значит, что она вообще не писала мне о Вас. Так я узнал о том тяжелом периоде, который Вы пережили из-за болезни ребенка, и о том, как Вы устали. Последние новости о Вас я имел от «молодых леди»³ во время моего визита к ним. Леди такие же, как всегда. Татьяна — довольно привлекательна, Ирина — менее, и я нашел ее внешне подурневшей из-за короткой стрижки и плохой укладки. Родители⁴ тоже уже здесь, но их я еще не видел. Слышал, что очень скоро они все вместе покинут Париж; будут проводить лето на море, где-то неподалеку от Deanville.⁵

Как я вижу, Вам рассказали о нашем успехе в Брюсселе.⁶ Он, действительно, был, и к тому же достаточно большим, как в моральном, так и в коммерческом отношении. Будучи причастен к нему, я поправил свое финансовое положение,⁷ которое оставалось отнюдь не блестящим в течение всей зимы. Между прочим: Ваша картина «*Dame aux gant noirs*» <«Дама в черных перчатках» — *франц.*>⁸ также там выставялась.⁹ Надеюсь, что Вы ничего не имеете против этого? Она имела много хороших отзывов и понравилась. Я совершил кратковременное — 6 дней — путешествие в

Брюссель¹⁰ и остался им доволен. Мы, русские художники — нас оказалось 6 из них — были обласканы и приняты с почетом бельгийскими художественными кругами.¹¹ Мне очень полюбились как сам Брюссель, так и бельгийцы, добрые, не безразличные к искусству и людям. У меня было достаточно времени для того, чтобы посмотреть в музеях Брюсселя и Антверпена прекрасную старую живопись. Я мог бы назвать Бельгию «счастливым островом», так отлична она от Парижа и Нью-Йорка жизнью, имеющей какое-то очарование старины, спокойным движением на улицах, никуда не спешащими людьми. И всё и все выглядят богатыми и веселыми. Конечно, это немного провинциально, но имеет свой шарм.

В настоящий момент «гоняю лодыря» (непереводимо), что я заслужил, работая весьма напряженно всю зиму. К тому же теперь — большой парижский сезон, и каждый, чтобы быть на высоте, должен посещать лучшее из бесчисленного количества зрелищ разного рода — интереснейшую выставку, концерты и театры; сейчас у нас русские балеты,¹² Моцартовский оперный цикл,¹³ Московский театр-студия,¹⁴ если перечислять только наиболее значительное. Последние две недели я почти каждый второй вечер присутствую на представлении одного из них.

Из Парижа я уеду, вероятно, не ранее июля, мне бы хотелось провести два или три месяца в Гранвиле,¹⁵ но, к несчастью для меня — к счастью для Мефодия, получившего хорошее место в антикварном магазине,¹⁶ — в одиночку на нашей ферме я как без рук и без ног. Ларионов¹⁷ будет иметь свой месячный отпуск только в августе. Может быть, я остановлюсь на время у Нольде в их превосходном шато Destouches в Surthe, они приглашали меня погостить и порисовать прекрасные виды тех мест.¹⁸ Эта семья — отец, мать и трое сыновей (все взрослые) — обаятельна, проста в обращении, непретенциозна и обладает большой культурой. Интересуются музыкой и литературой. Они находятся в дальнем родстве с Вашим бабаком.¹⁹ Место очень живописное, и если не поленюсь, то могу сделать там хорошие вещи.

Вы получили мое письмо, которое я написал Вам некоторое время тому назад? Судя по Вашему письму, боюсь, что нет. Итак, мой дорогой друг, когда я Вас увижу? Надеюсь, что все-таки в этом мире, а не на небесах? Такой грешник, как я, даже не будет иметь там угла! А Вы, я уверен, не окажетесь в аду!

Самые сердечные поклоны милому Виктору!²⁰ А Вам мой нежнейший поцелуй.

И не забывайте Вашего

«Костеньку».

¹ День ангела — именины Константина, празднуются 3 июня.

² Елене Константиновне Сомовой.

³ Имеются в виду дочери С. В. и Н. А. Рахманиновых Ирина и Татьяна.

⁴ С. В. и Н. А. Рахманиновы.

⁵ Действительно, в десятых числах июня Рахманиновы сняли дачу в Нормандии, в местечке Виллер-сюр-Мэр (villa «Les Pelouses», Villers sur Mer, Calvados). Это была «просторная, окруженная зелеными лугами и цветниками вилла», расположенная «на берегу моря» (цит. по: Соколова О. И. Сергей Васильевич Рахманинов. М.: Музыка, 1983. С. 125). Там «постоянно гостили молодые люди, музыканты и художники старшего поколения, принимавшие активное участие во всех домашних увеселениях — постановках фильмов, шарадах, музицировании и

т. п. По вечерам все собирались за большим столом и пили чай. Иногда Сергей Васильевич играл с Л. Э. Коносом на двух роялях, Ирина с Татьяной пели дуэтом, или выступал кто-нибудь из гостей» (Там же.). С 20 июля по 4 августа 1928 г. на даче гостил К. А. Сомов. 22 июля 1928 г. С. В. Рахманинов писал Е. И. Сомову: «Сейчас у нас гостит Ваш дядюшка К<онстантин> <Андреевич>. Он общал придумать сценарий для фильма, кот<орый> мы собираемся ставить. Я уже снял две фильмы, и они вышли довольно удачно» (цит. по: Рахманинов С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 238).

⁶ Речь идет об успехе русских художников на Международной выставке в Брюсселе 1928 г. Входившая в ее состав экспозиция «старого и нового русского искусства» включала произведения от икон до работ современных художников-эмигрантов. Подробное о выставке см.: письма К. А. Сомова сестре от 3 и 4 мая 1928 г. (Сомов. С. 333), а также: Авдюшева-Леконт Н. А. О русских художниках в Бельгии (1917—1939). Попытка обзора художественной жизни // Зарубежная Россия. 1917—1939. Кн. 2: Сб. ст. СПб.: Лики России, 2003. С. 442—447. Упоминания о выставке см. в письме К. А. Сомова от 8 дек. 1927 г. в наст. изд.

⁷ Из экспонировавшихся на выставке произведений К. А. Сомова, согласно сведениям из бельгийского архива РВА, любезно предоставленных Н. А. Авдюшевой-Леконт, были работы, принадлежавшие Анри Лебёфу (Брюссель), одному из организаторов выставки. Это «Романтический балет» и «Спящая». На выставке Лебёф приобрел такие произведения Сомова, как «Итальянская опера» и «Фейерверк» — каждое за 4000 бельгийских франков, «Зимняя прогулка» — за 4250 и «Спящая молодая женщина» — за 5000. Танцовщица антрепризы С. П. Дягилева Алиса Никитина (Париж) купила с выставки две миниатюры — «Балет» и «Комедия дель арте» — за 4000 бельгийских франков каждую, граф Корне де Вейс Руарт (?) (Брюссель) приобрел «Венецианский карнавал» за 3000 бельгийских франков и г-н Катъе (?) (Брюссель) — миниатюру «Зеркало» — за 2500. Последняя, по словам Сомова (см. письмо художника сестре от 13 мая 1928 г.), изображала «даму 18 века под вуалеткой с собачкой на руках», которая «смотрится в зеркало, профиль силуэтом, и фас в зеркале, а зеркальная рама делает как бы обрамление всей картинке» (Сомов. С. 334).

⁸ Под этим названием экспонировался портрет К. М. Животовской работы К. А. Сомова (см. прим. к письму от 16 авг. 1925 г. в наст. изд.).

⁹ 3 мая 1928 г. из Брюсселя К. А. Сомов писал сестре, что его работы на выставке были размещены «в двух разных местах, масляные картины — в одной, миниатюры и иллюстрации — в другой комнате, где вся книжная графика и книги». Фарфор экспонировался «в витрине с другими фарфоровыми вещами» (Сомов. С. 333).

¹⁰ В Бельгию К. А. Сомов отправился накануне открытия выставки, 3 мая 1928 г.

¹¹ На вернисаж помимо К. А. Сомова были приглашены художники А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, И. Я. Билибин, искусствоведы С. К. Маковский и П. П. Муратов. 4 мая на торжественном открытии выставки присутствовали бельгийский «король Альберт и его дочь Marie José, вся в голубом» (Сомов. С. 333).

¹² К. А. Сомов имеет в виду 21-й «русский сезон» балетной труппы С. П. Дягилева, который проходил на сцене парижского Театра Сары Бернар с 6 по 23 июня. Репертуар «Русских балетов» включал следующие спектакли: «Стальной скок», «Свадебка», «Послеполуденный отдых фавна», «Полуночное солнце», «Кошечка», «Жар-птица», «Пульчинелла», «Бараб», «Половецкие пляски». Новыми были балет «Ода» Н. Д. Набокова в постановке Л. Ф. Мясина (премьера 6 июня, показан шесть раз) и «Аполлон Мусагет» И. Ф. Стравинского в постановке Г. М. Баланчина (парижская премьера 12 июня, показан шесть раз). О впечатлениях К. А. Сомова от балетов «Ода», «Послеполуденный отдых фавна», «Кошечка», «Полуночное солнце», «Аполлон Мусагет» см. в его письмах сестре от 9 и 15 июня 1928 г. (Сомов. С. 336—338).

¹³ Абонементный цикл включал пять опер В. А. Моцарта: «Дон Жуан», «Так поступают все», «Волшебная флейта», «Свадьба Фигаро», «Похищение из сераля». Постановку и исполнением руководил известный дирижер Бруно Вальтер. О впечатлениях К. А. Сомова см. в его письмах сестре от 4 и 15 июня 1928 г. (Сомов. С. 336—338).

¹⁴ Спектакли Третьей студии Московского художественного театра шли на сцене парижского театра «Одеон». Впечатлениями от спектакля «Виринья» К. А. Сомов делился с сестрой в письме от 25 июня 1928 г. (Сомов. С. 339).

¹⁵ Планы К. А. Сомова изменились: с 20 июля по 4 августа 1928 г. он гостил у Рахманиновых в Виллер-сюр-Мэр (Villers-sur-Mer), поэтому в Гранвилле приехал только 7 августа.

¹⁶ М. Г. Лукьянов «получил место» в антикварном магазине С. Лесника (бульвар Распай, 66). Вскоре он «придумал» и организовал там выставку, включавшую примерно 60 небольших

по формату работ русских художников-эмигрантов — К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, его зятя Ю. Ю. Черкесова, З. Е. и А. Б. Серебряковых, М. В. и Р. М. Добужинских, В. И. и В. Ф. Шушаевых, А. Е. Яковлева, всего 13 авторов. Разместившаяся в двух небольших залах выставка работала с 20 июня по 15 июля 1928 г. О ней см. письма К. А. Сомова сестре от 15, 17 и 25 июня 1928 г. (*Сомов*. С. 338—339). По словам В. Ф. Шушаевой, «Мефодий подрабатывал тем, что выискивал у антикваров в провинции старинные вещи, в которых он понимал толк, и продавал их любителям в Париже» (*Шушаева В. Ф.* О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4).

¹⁷ Художник Михаил Федорович Ларионов. О нем см. примеч. к письму К. А. Сомова от 4 авг. 1926 г. в наст. изд. Вероятно, Сомов имеет в виду сотрудничество М. Ф. Ларионова с С. П. Дягилевым, выступления антрепризы которого после Парижа (6—23 июня) продолжились в Лондоне (25 июня—28 июля) и Остенде (29 и 31 июля). В августе труппа отправлялась в летний отпуск.

Последней совместной работой Дягилева и Ларионова стало возобновление в 1929 г. в Театре Сары Бернар балета И. Ф. Стравинского «Лисица» в измененном виде — в хореографии Сержа Лифаря и ярком, оригинальном оформлении Ларионова. Первой постановкой «Лисицы» был спектакль антрепризы С. П. Дягилева, поставленный Брониславой Нижинской в оформлении Ларионова на сцене парижского Национального оперного театра в 1922 г.

¹⁸ Приглашением семьи Нольде художник воспользовался только в сентябре. В принадлежавшем Нольде имении Шато Де Туш, расположенном в La Mans, К. А. Сомов прожил неделю — с 11 по 19 сентября 1928 г. Впоследствии он вновь гостил там: десять дней в сентябре 1929 г. и с 20 августа по 6 октября 1930 г., когда написал пастелью четыре портрета хозяев дома: барона Бориса Эммануиловича Нольде (1876—1948), его жены, Александры Андреевны, урожденной Искрицкой (1881—1932), их сына Андрея (1905—?), а также принца Гюбера де Брея. Несмотря на то что портрет хозяйки, рисованный в течение двенадцати дней, всем понравился, автор остался им недоволен. 6 октября 1930 г. в письме сестре Сомов сообщал, что только один портрет, который он «нарисовал в 3 раза и для себя с принца де Брея, очень удался и живостью лица и приятностью техники» (*Сомов*. С. 373).

С главной семьей — Борисом Эммануиловичем Нольде — видным юристом, профессором, дипломатом царского времени, государственным и общественным деятелем, и с его женой Сомов был знаком еще в Петербурге. В 1911 г. он исполнил карандашный портрет А. А. Нольде (бумага на картоне, графитный и цветной карандаши; 44,4 × 31,5; ныне в собрании ГРМ). Спустя годы, уже в Париже, в феврале 1927 г., Александра Андреевна призналась Сомову, что их беседы во время позирирования «имели на нее громадное влияние и что в ее жизни многое даже она повернула иначе» (*Сомов*. С. 313).

Семья Нольде, в которую помимо родителей входили сыновья Борис (1903—1971), Андрей и Эммануил (1909—?), эмигрировала из России в 1919 г. Во Франции Б. Э. Нольде вел большую общественную и научную работу, работал адвокатом и сотрудничал с эмигрантской печатью. В начале 1920-х гг. в Париже был председателем Центральной юридической комиссии при Советании послов, участвовал в разработке паспортов для беженцев из России. Оставил воспоминания и книги о русско-французских отношениях. За участие в движении Сопровитвления награжден орденом Почетного легиона.

Любопытен факт, связанный с его портретом работы Сомова (1928): отвечая на просьбу баронессы М. Д. Врангель прислать его биографические сведения, барон Нольде в приложении к письму от 8 июля 1931 г. отправил не обычную в таких случаях фотографию, а «фотографический снимок с пастельного портрета работы К. А. Сомова» (см.: *Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920—1930-х гг. в собрании баронессы М. Д. Врангель (Архив Гувровского института в Стэнфорде) // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1995. Vol. 9. P. 143—144).

В письме сестре от 18 сент. 1928 г. Сомов описал «простой и радушный, хлебосольный, совсем русский» дом Нольде в Шато Де Туш. «Хозяйка — сама доброта и простота <...>. Хозяин молодой, очень веселый, умный и образованный. Со своими 3-мя сыновьями больше товарищ, чем отец, и видно, как они его любят и уважают <...> младший, мсье Мануэль, 18-летний, учится в школе правоведения. Он своего рода вундеркинд, всем интересуется, меломан — уже недурно играет на рояле — неистовый прустист. С ним я в большой дружбе и, чтобы как-нибудь отблагодарить их всех за их радушный прием, предложил нарисовать пастелью его голову, на что он с восторгом согласился. Два раза начинал его рисовать неудачно, а третий раз

в 2 сеанса мне удалось сделать кое-что, что заслужило общие аплодисменты <...>. Старший сын, артиллерист, очень веселый и немножко сноб» (Сомов. С. 343).

¹⁹ К. А. Сомов имеет в виду проживавшего в Америке барона Льва Александровича Нольде.

²⁰ Виктору Тимофеевичу Животовскому.

11

6 декабря 1928

<Париж>

Драгоценная, милая Paty!

Только теперь собрался написать Вам, хотя уже около 2 недель прошло, как я получил от Вас через Нольде¹ «сладкий» знак Вашей любви и дружбы.² Я был так дико занят все это время! Спасибо за все, и за милую записку! Но зачем она так коротка? Почему не напишете о себе побольше? Лень или некогда?

Сейчас событие в моей жизни — моя первая, самостоятельная выставка в Париже, выставлено около 65 вещей.³ Вчера был vernissage <открытие выставки — франц.>, и сверх ожидания было так много публики, что небольшое помещение не могло всех вместить.⁴ И был успех, даже продажи.⁵ Я не ждал! Мой новый последний жанр — пастельные небольшого размера портреты — их я выставил 9 штук, многим они очень понравились. Из-за этой выставки последнее время я очень много работал, так много, что сейчас чувствую переутомление. Надо немного отдохнуть. Я почти нигде не бываю и никого не вижу. Впрочем — Вам будет интересно — недавно я посетил «our beauty» <«нашу красотку» — англ.>,⁶ увы к ней все меньше и меньше подходит этот эпитет, она очень увяла и потускнела. По-видимому, здесь, в Париже, ей нехорошо живется, все какие-то у нее неприятности, муж настаивает, чтобы она не ехала в N<ew> Y<ork>, обратно. Окружена она, как мне кажется и как я видел, какими-то донельзя скверными людьми. Она была нам приятна в хорошем антураже в Highlands'ах среди Вас и Елены. Казалась и значительной, и умной. Наедине с ней скучно.

Мне было бы очень интересно узнать побольше о Вас самих! Вы ведь не писали мне целую вечность. Что Вы делаете, кончились ли все Ваши заботы, болезни дочки? Весело ли Вам? С кем дружите? Ходите ли в театры? Что нового и интересного в них? Чем теперь занят Виктор Тимофеевич?⁷ Доволен ли он и здоров ли?

Видите, я задал Вам так много вопросов, что Вам нетрудно будет начать мне письмо! A Your old friend gets very old and I think you should not recognize him! Is there some hope of your visiting France and Paris again? That should be splendid <Ваш старый друг становится очень старым, и я думаю, Вы не узнаете его! Есть ли какая-нибудь надежда на то, что Вы вновь посетите Францию и Париж? Это было бы великолепно — англ.>.

По-видимому, Вы теперь не так часто видите с Еленой, как в мое время, почему, ведь Вы живете по-прежнему близко друг от друга? Охладели?

Или новые подруги? Помните наши уютные завтраки у Вас, Вы, Елена и я? Как все это уже далеко! Невозвратно.

Парижем я очень доволен и рад, что решил для него покинуть Нормандию и Grandvilliers.⁸

Там хорошо только летом. В этом году мы провели там всего один месяц. Было прелестно. Может быть, на Рождество поедem туда дня на два, на три.

Напишите же мне, а то я подумаю, или что вы разучились писать, или стали забывать меня.

Мой сердечный привет милому Вашему мужу!

Если позволите: целую Вас!

Ваш К. Сомов.

¹ Через барона Льва Александровича Нольде.

² В своей «Записной книжке с дневниковыми записями» К. А. Сомов оставил следующую запись: «К 9 часам пришел барон Лев Алексан<дрович> Нольде нью-йоркский, заходивший ко мне вчера в мое отсутствие и принесший мне от Елены 3 пары шелк<овых> носков и от Рату Животовской коробку карамелей <...>. Он постарел за 4 года, с сединой, мне сказал, что я несколько не изменился. Говорил о Жене с Еленой...» (СР ГРМ, ф. 133, ед. хр. 442, л. 28).

³ Выставка К. А. Сомова в галерее С. Лесника на бульваре Распай, 66 экспонировалась с 5 по 22 декабря 1928 г. Был издан каталог, включающий «60 номеров», о чем писал художник сестре 26 ноября 1928 г. (Сомов. С. 346).

⁴ Ссылаясь на М. Г. Лукьянова, К. А. Сомов в письме сестре от 7 дек. 1928 г. сообщал, что толпа «была так велика, что под конец к картинам нельзя было подойти, все толкали друг друга». Всего же «было человек 500», и среди них — «масса иностранцев, французов, немцев и других» (Сомов. С. 347).

⁵ Об успехе выставки и проданных работах К. А. Сомов написал сестре: «Многие спрашивали цены, и несколько миниатюр и одна небольшая картина были проданы». А. А. Нольде, например, «купила маленький пастельный пейзаж, изображающий вид из ее имения Шато Де Туш, вид на городок Брайн <нрзб.> сквозь ветви деревьев» (Сомов. С. 347).

⁶ Лицо не установлено.

⁷ Муж К. М. Животовской.

⁸ В конце 1927 г. К. А. Сомов приобрел квартиру в Париже, в доме на бульваре Эксельманс. 23 дек. 1927 г. он писал сестре: «Произошло у нас с Мефодием величайшее событие за эти два дня! Подумай, у нас в Париже фатера — гарсоньерка; вчера я заключил условие — и мы парижане <...>. Состоит она из одной, но сносной по величине комнаты с отличным окном на север, что для меня как раз нужно из-за живописи, с камином, над которым большое зеркало, и со шкафом, вделанным в стену <...>. Окно выходит на бульвар Exelmans; против нас, но не близко, идет виадук, по которому два раза в час проходит по поезду. Против окна растут деревья, не отнимающие света. Сообщение очень удобное всюду, и все от нас буквально в двух шагах — две линии метро, две линии трамвов в разные стороны. Но самое очаровательно то, что в 5 минутах ходьбы начинается bois de Boulogne <Булонский лес. — франц.>» (Сомов. С. 327).

В конце марта 1930 г. из этой однокомнатной квартиры, расположенной в первом этаже, Сомов и Лукьянов переехали в 16 район Парижа, в двухкомнатную квартиру на улице Civity. Вероятно, о ней вспоминала В. Ф. Шухаева: «Жили они, т. е. К<онстантин> А<ндреевич> и М<ефодий>, вместе в очень скромной квартирке. Мы бывали у них довольно часто, и меня всегда удивляли уют, чистота, опрятность, поразительные для квартиры без женщины» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4). В апреле 1933 г., уже после смерти Лукьянова, Сомов перебрался на другую квартиру — в соседнем доме, по адресу: 24, rue de Civity. О ней см. в письме К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

25 января 1932
Париж

Моя милая, дорогая Paty!

Я был чрезвычайно тронут Вашим вниманием, Вашей милой запиской и только уж очень она коротка! — и souvenir'ом: Prichi's gouger'ом <?>, который я так люблю! От души шлю Вам большое спасибо.

Мне так приятно знать, что, несмотря ни на прошедшие годы, ни на расстояние, нас отделяющее, Вы меня не забыли. И я Вас не забыл, хотя мы и не переписываемся с Вами. Всегда буду помнить, как я с Вами хорошо проводил время в New York'e и Highlands'ах, наш миленький флирт, уютные завтраки с Еленой, наше смехо-веселое время по сравнению с теперешним. Мне теперь очень тяжело, как никогда не было в жизни; видно, Вы знаете через Елену, что мой лучший друг, у которого никого нет на свете близких, кроме меня, тяжело, почти смертельно болен и уже 7 месяцев лежит в постели и борется за жизнь.¹ Мне приходится за ним ухаживать и всего себя посвятить ему. И мучиться за него нравственно. Для меня было бы ужасно, если бы он умер — тогда бы я стал совершенно одиноким. Я никуда не хожу и почти никого не вижу все эти 7 месяцев. А что впереди, не знаю; если даже больной мой выживет, выздоровление будет очень долгим: у него после плеврита сделалась чахотка. Т<ак> к<ак> ему скоро 40 лет, возраст не роковой для чахотки, у меня есть еще надежда спасти его.

От Елены знаю, что и у вас тоже было очень тяжелое время — chômage <безработица — франц.> Виктора Тимофеевича, Ваши болезни и болезни Вашей дочки. Но теперь я радуюсь за Вас искренне, все у Вас благополучно, и жаль только, что Вы разлучены с Еленой, которой Вас очень не хватает в N<ew> York'e.²

Наверно, Ваша дочь теперь стала почти взрослой — по моему расчету, ей лет 15, 16. Как идет время! Увидимся ли мы опять с Вами? Мне это<го> очень бы хотелось. Но грустно — я старею, и через каких-нибудь 5, 6 лет мне надо будет собирать свой чемодан в дальний, неизвестный путь, отку- да нет возврата! Грустно!

Будьте счастливы и впредь Вы и Ваша маленькая семья! Целую Вас!

Ваш всегда К. Сомов.

¹ Мефодий Георгиевич Лукьянов тяжело заболел летом 1931 г. В. Ф. Шухаева вспоминала: «Это был красивый крупный мужчина, производивший впечатление очень здорового человека, но вскоре затем у него оказался туберкулез, то, что раньше называлось „скоротечная чахотка“, и, недолго проболев, он скончался» (*Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4*). Вплоть до смерти Мефодия Георгиевича, случившейся 14 апреля 1932 г., Константин Андреевич за ним ухаживал. Об этом см. письма К. А. Сомова от 10 марта и 18 апр. 1932 г. в наст. изд., письма художника сестре (*Сомов. С. 387, 389—395*), а также письма его друзей и современников.

² К. М. Животовская с семьей переехала жить в Вашингтон.

10 марта 1932

<Париж>

Драгоценная моя Paty!

Получил Ваше письмо, такое милое, такое нежное, что не нахожу слов, как мне Вас благодарить, как выразить то, что я чувствую. Вы настоящий и дорогой друг. Я переживаю теперь самое тяжелое для себя время. По-видимому, положение Мефодия совершенно безнадежно, мне кажется, он доживает свои последние дни.¹ «Кажется» — это неверно, доктора сказали мне это. Недавно был консилиум из 3 докторов и среди них знаменитый специалист по туберкулезу, Рист<?>. Они вынесли этот ужасный приговор. Я совершенно не представляю, как я буду жить без моего бесценного друга, моего ангела-хранителя и опоры. Не думал, что мне придется его хоронить, думал, что доживу свою жизнь около него. Но что делать — злая такая уж наша судьба. Ни земная, ни небесная силы спасти его не могут. Кажется, было сделано все, что было в моих возможностях! Сам он, хотя и часто говорит о смерти, даже ее призывает, когда его мучения не дают ему покоя, по-видимому, еще надеется выздороветь. Но у него за всю его долгую болезнь — 9 месяцев — не было никакой энергии и желания сопротивляться. Впрочем, его сразу болезнь сильно схватила и не давала передышки. Мне очень трудно перед ним скрывать мои чувства, притворяться, изображать спокойное и бодрое лицо. В душе мрак и отчаяние. О себе я не думаю, хотя невероятно устал и силы мои ослабели.²

Вчера ко мне прибежала Таничка,³ и мы помирились.⁴ Даже расцеловались. Так как она до сих пор не поняла своего (и ее сестры⁵) проступка против нас, я ей все подробно объяснил. Она была удивлена, оправдывалась и, в конце концов, все же не поняла его. Разные у нас психологии и воспитания. Я очень рад, что эта ссора, длившаяся почти два года, закончилась. Все-таки, в конце концов, Таничка не дурной человек и могла быть лучше, если бы весь строй жизни этой семьи был бы другой. Об Ирине я не говорю, считаю ее совершенно hopeless <безнадежной — *англ.*>; глупа, эгоистична, бестактна, ничтожна и... скупа! Отвратительный недостаток у молодой женщины, имеющей денег до отказа.

Постоянно получаю от нашей Елены письма. Они всегда бодрые и жизнерадостные, я удивляюсь стойкости ее характера. А им, верно, очень, очень тяжело. Она никогда не жалуется и не ноет. Таничка говорила мне, что и на вид она бодра и совершенно не постарела. А вот Женя, говорит, расклеился, что-то у него неладное с сердцем,⁶ запретили ему курить и есть много хлеба, который он так любит.

У нас уже весна и особенно грустно. Мефодий любит жизнь, понимая ее прелести, и умирать в такое время особенно тяжело.

Я не могу написать Вам больше, нет ничего у меня интересного, все интересы, все время, все заботы — о больном.

Спасибо еще раз, дорогая, за Ваше ко мне отношение и ласку. Нежно целую Вас!

Виктору Тимофеевичу мой искренний привет.

Ваш К. Сомов.

¹ Мефодий Георгиевич Лукьянов прожил немногим более месяца.

² О состоянии К. А. Сомова 19 марта 1932 г. писал А. Н. Бснуга М. В. Добужинскому: «Бедный Костя <Сомов> не выходит из кошмара, так как Мефодий <Лукьянов> „продолжает умирать“. Костя совсем измучился. К тому же это и совершенно разорительно, так как лечение стоит бешеных денег» (цит. по: Александр Николаевич Бснуга и Мстислав Валерианович Добужинский. Переписка (1903—1957) / Сост., подготовка текста и комм. И. И. Выдрина. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 152).

³ Татьяна Сергеевна Рахманинова.

⁴ Причина ссоры неизвестна.

⁵ Ирины Сергеевны Волконской.

⁶ О болезни сердца («грудной жабе») Евгений Иванович Сомов писал С. В. Рахманинову, который, пытаясь разуверить его, поставил свой «диагноз»: это не болезнь, а пресутомление. «Поезжайте в деревню, отдохните и Вы увидите, что дышать Вам будет легко», — советовал композитор Евгению Ивановичу в письме от апреля 1932 г. (Рахманинов С. Литературное наследие. М., 1980. Т. 2. С. 330). Спустя 19 лет, 16 июня 1951 г., М. А. Чехов писал М. В. Добужинскому о чудодейственном лекарстве в виде впрыскиваний, которые излечивают «все сердечные недомогания»: «Пишу Вам потому, что, может быть, наш милый Евгений Иванович как человек, страдающий сердцем, слышал об этих впрыскиваниях. Поговорите с ним» (цит. по: Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951). СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 82).

14

18 апреля 1932

<Париж>

Дорогая Paty!

Ваше милое, нежное письмо я получил накануне похорон Мефодия.¹ Не удалось его спасти! Ему так хотелось жить, последние его страдания были ужаснее всех прочих, и в агонии он лежал 10 часов, лучше не описывать, как он страдал. Смотря на него, мое сердце разрывалось. Похоронил я его в отличном, деревенском месте, на кладбище St. Genevieve des Bois,² где есть «Русский дом»³ — род богадельни. Оно находится в 25 километрах от Парижа среди природы, зелени. И себе я покупаю место рядом.⁴ Прежде мне это было безразлично, теперь же — нет. Есть сладость грустная, что будем лежать рядом 99 лет, почти что вечность. Вот я живу, вижу людей, сплю, ем! Не знаю, как я могу! Но жизнь берет свое. Верно, я очень еще живучий. Пока не знаю, как устроить свою жизнь. Как-нибудь она сама устроится. Буду больше еще работать, работа меня спасала эти месяцы и, может быть, спасет от моих тяжелых мыслей. Я знаю, что с уходом Мефодия я буду видеть мир в печальном свете. Забыть Мефодия нельзя мне. Вы мало его знали. Он был такой прелестный. В отпевании в одной молитве есть слова «прелестный сон». Вот этот сон для меня ушел навеки.

Милая Пати, Ваш проэкт нам встретиться всем в избушке Жени и Елены,⁵ увы, невыполним! Перелететь туда нельзя, а делать этот путь я бы не был в состоянии, даже если бы и мог его осуществить материально. Я боюсь и грущу, что больше не увижу Вас. Меня Нью-Йорк пугает, переезд через океан тоже. Я стал другой. Совсем не предприимчивый и не способный на такие «авантюры». Уж лучше приезжайте Вы. Теперь Сомовы и Вы, если бы были со мной, мне очень помогли бы нести мое несчастье. Как гру-

стно, что мы все бедны. Я очень огорчен, что Вы мне пишете о вашем будущем, что с осени В<иктору> Т<имофеевичу> придется искать опять работу.⁶ Поедете ли Вы в избушку к Сомовым? Мефодия все наши друзья и знакомые любили, его гроб был весь покрыт цветами. Все помогали мне в это трудное время и сняли с меня самые тяжелые и неприятные заботы о похоронах и прочем.

Я все время не один.⁷ Одиночество теперь было бы совсем мучительно. Все мне советуют выходить, видеть людей, ходить на выставки, слушать музыку. Я ведь был 9 месяцев, как в тюрьме, пригвожденный к постели Мефодия и по-своему страдал ужасно. Я давно, давно был убежден, что он умрет. С самого начала его болезни я это понимал. Потом эти перепады от маленькой надежды к полному отчаянию! Я не знаю, как я все это вынес и не сломился.⁸ Последние 4 месяца меня спасала работа,⁹ а первые 5 я не мог совсем работать. Может быть, и сейчас надо за нее приняться, чтобы забиться в ней. Дорогая Пати, больше мне нечего писать, если буду писать еще, буду повторяться. Напишите мне скорей! Ваши милые всегда слова мне большое утешение. Целую Вас! Передайте Виктору Тимофеевичу мой самый сердечный привет.

Ваш К. Сомов.

¹ М. Г. Лукьянов похоронен 16 апреля 1932 г.

² Русское кладбище в Сент-Женевье де Буа, расположенное в 25 км от Парижа, является частью городского кладбища. С 1927 г. там хоронили русских эмигрантов.

³ «Русский дом» имени императрицы Марии Федоровны построен в Сент-Женевье де Буа в 1930-е гг. для проживания престарелых и нетрудоспособных эмигрантов. «Русский дом» — это усадьба, включающая дом с флигелями и парк. Ее приобрела юная англичанка Дороти Педжет и по инициативе княгини Веры Кирилловны Мещерской подарила престарелым русским эмигрантам. Во второй половине 1930-х гг. на территории прилегающего к усадьбе докупленного участка земли по проекту архитектора Альберта Александровича Бенуа (1888—1960) возведена прикладбищенская церковь Успения Богородицы (первый камень заложен в апреле 1932 г.). Торжественное освящение храма состоялось 14 октября 1939 г.

⁴ 9 мая 1939 г. на кладбище Сент-Женевье де Буа рядом с могилой М. Г. Лукьянова обрел вечный покой и сам К. А. Сомов.

⁵ Имеется в виду летняя дача, «избушка», Е. И. и Е. К. Сомовых в штате Коннектикут, находящаяся у слияния речек Помпераг и Хусатоник. Одним из первых русских поселенцев этих мест в начале 1920-х гг. стал граф Илья Львович Толстой. Тогда же, вероятно, приобрели домик и Сомовы. В 1925 г. неподалеку, «среди берез, дубов и кипарисов», построил свою «избушку» и перебравшийся из Сибири в эти места писатель Г. Д. Гребенщиков. Он и дал название «русской деревни»: Чураевка. В начале 1920-х гг. в этой местности приобретали дома русские эмигранты. Помимо названных выше это были артисты балета М. М. и В. П. Фокины, авиаконструктор И. И. Сикорский, бывший член российской Государственной Думы И. И. Ушаков и др. Приезжали в «русскую деревню» С. В. Рахманинов, М. А. Чехов, Н. К. Рерих. По проекту Рериха и при финансовой поддержке Сикорского в 1930 г. в Чураевке построили часовню святого Георгия.

По словам Михаила Чехова, «Сомовичи» и спустя годы любили бывать в своей «избушке». В письме М. В. Добужинскому от 21 июня 1946 г. Е. К. Сомова писала: «...Ездим в нашу милую избушку и там забываем о жуткой современности» (*Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951)*. СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 138). Ныне русско-американская деревня Чураевка получила официальное название и включена в национальный реестр государственных исторических памятников США.

⁶ Поиски В. Т. Животовским нового места работы, как и подавленное состояние Е. И. и Е. К. Сомовых, вероятно, были связаны с экономическим кризисом рубежа 1920—1930-х гг.

⁷ В число преданных друзей К. А. Сомова в это время входили Г. Л. и В. О. Гиришманы, В. Ф. Нувель, помогавшая ухаживать за М. Г. Лукьяновым Е. С. Поляк. Елизавета Соломоновна Поляк была подругой В. Ф. Шухаевой: они «когда-то вместе учились на женских Бестужевских курсах в Петербурге». Вера Федоровна вспоминала, что вместе с Лизой они «старались хоть как-нибудь развлечь сго <К. А. Сомова. — Е. Я.> и отвлечь от горестных мыслей. Лиза Поляк была очень музыкальна, хорошо играла на рояле, и К<онстантину> А<ндресвичу> доставляло удовольствие приходить к ней и слушать ее игру. Потом, когда он немного оправился, они стали музицировать вместе. К<онстантин> А<ндресвич> когда-то хорошо пел, у него был неплохой голос. Лиза аккомпанировала ему. На этой почве они подружились, и К<онстантин> А<ндресвич> стал часто бывать у Поляков» (*Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 5*). Елизавета Соломоновна во время немецкой оккупации попала в концлагерь и там погибла.

⁸ В. Ф. Шухаева вспоминала, что после смерти М. Г. Лукьянова все «узнали другого К<онстантина> А<ндресвича>. Он сразу постарел, осунулся и стал неузнаваем. Пржде всегда ухаживавший, хорошо одетый, остроумный, иногда язвительный, не от недоброго отношения к людям, а от острой наблюдательности, он стал таким бедненьким, потерянным, что смотреть на него без слез было невозможно» (*Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, ед. хр. 71, л. 4*).

⁹ В письмах сестре этого периода К. А. Сомов постоянно сообщал, что много работает. Так, 3 февр. 1932 г. он писал: «Теперь меня только спасает от полного упадка работа. Работаю чрезвычайно много и, к счастью, успешно...» (*Сомов. С. 390*); 3 апр. 1932 г.: «Все эти дни я без усталости работал» (Там же. С. 394).

15

24 сентября 1932

<Манс, Шато Де Туш¹>

Драгоценная Paty, очаровательный мой друг, получил Вашу нежную записку и при ней Ваш подарок!² Надо бы Вас было немного поругать за транжирство и баловство, но уж очень Вы мне угодили, прислали мне the right thing <нужную вещь. — *англ.*>. Ведь я, несмотря на свою старость и все свои несчастья, все еще люблю красивые и элегантные вещи и люблю их на себя напяливать. Если бы у Виктора Тимофеевича по-прежнему не было места, я бы на Вас совсем рассердился за это транжирство, ну а теперь Бог с Вами! Узнал я о том, что Вы перестали быть «безработными», от Льва Нольде,³ с которым мы съехались сюда в одно и то же время. «The most tiresome men of the world» <Самый скучный человек в мире — *англ.*>, как называет его Елена! Он все же много мне рассказывал о всех вас, об «избушке», куда вы все съехались, как жили, как Вы были деятельны и радужны, принимая общих гостей. Я обрадовался, узнав от него, что Вы совсем не изменились, что Вы такая же миленькая и такая же молодая. Про меня он тоже сказал, я удивился даже этому, что я нисколько не изменился на вид. Он ведь не способен на комплименты. Пришло ко мне в это же время длинное письмо от Елены и записка от Жени, я давно ничего от них не получал, и вот теперь я как будто бы ближе ко всем вам! Здесь я уже 3-й день, погода чудесная, еще наш rudion summer <лето в цвету — *англ.*>, чудесный старинный château, чудесный парк, масса цветов, многолюдное и симпатичное общество, давно мне знакомое, большая библиотека книг на всех языках.⁴ Все было бы хорошо, если бы не то, что мне здесь надо нари-

совать портрет in a hurry <спешно — *англ.*>, т<ак> к<ак> моя модель — старший сын Нольде,⁵ уезжает через неделю.

Я и вообще порядочный лентяй, и за это лето особенно разленился, и работа моя началась, кроме того, неудачно. Начались «муки творчества»: и стыд перед самим собой, и страх, что кончится это предприятие а failure <провалом — *франц.*>! Такой уж я несчастный каждый раз, когда приходится писать или рисовать портрет. Вашу пижаму я уже обновил здесь и был горд произведенным ею эффектом. Здесь обычай: в 8 ч<асов> утра мужской элемент спускается в столовую пить кофе в пижамах или халатах, а дамский элемент пьет кофе по своим комнатам. И вот я, благодаря Вам, теперь самый нарядный и шикарный. Надеюсь, Вам это немного приятно будет узнать. Пижамы как будто сшита мне на заказ. Я не понимаю, как это удалось Вам найти такую, совершенно по моему росту и объему! Лев Нольде сказал мне, что Вы переменили в Вашингтоне квартиру, поэтому я направляю письмо по адресу Жени, думаю, что так оно попадет в Ваши руки скорее и вернее. Нольде говорил мне, что Вашингтон чудный город, гораздо красивее и приятнее для жизни, чем N<ew> York. Рассказывал мне про Вашу Ирину,⁶ что, несмотря на свои 14 лет, она уже взрослая на вид и очень, очень хорошенькая. Я думаю, Вы ею гордитесь. Мне жаль расставаться с летом, трудно начинать городскую жизнь одному. Без моего доброго покойного друга все кажется немилым и ненужным. Первое острое чувство потери, вызывавшее отчаяние и долгую тоску, притупилось, но все же я постоянно чувствую его присутствие в сердце и мыслях. Так все это произошло жестоко, неожиданно и шиворот-навыворот: не мне надо было хоронить его, а ему меня!

Ну вот, дорогая моя верная Paty, шлю Вам мой нежный поцелуй — ведь это можно? — а Виктору Т<имофеевичу> мой сердечный привет. Ваш ... «The sweetest man You ever knew» <«самый сладкий человек из когда-либо известных Вам» — *англ.*> (это уж слишком большая несправедливая appreciation! <оценка — (*англ.*)>).

К. С.

¹ Имение семьи барона Б. Э. Нольде Шато Де Туш в La Mans.

² Судя по этому письму и неопубликованному фрагменту письма К. А. Сомова сестре от 16 янв. 1933 г. (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 182, л. 5 об.), подарком была присланная К. М. Животовской «шелковая палевая пижама».

³ Барона Льва Александровича Нольде, американского родственника Б. Э. Нольде.

⁴ В имении барона Б. Э. Нольде Шато Де Туш ранее К. А. Сомов гостил неоднократно (см. его письмо от 8 июня 1928 г. в наст. изд.). 22 авг. 1927 г. в письме сестре художник так описал это имение: «Ты не можешь представить, как здесь хорошо. Дом в 22 комнаты с закоулками, сильно запущенный, точно из романа Анри де Ренье, чудный старинный парк, террасы с каменными зверюгами. Хозяйка, дама и ее 3 сына, очень любезные. Большая простота и свобода. <...> Александра Андреевна очаровательная хозяйка и умница. Сама ведет все хозяйство — поля, ферму, свиней и т. д.» (Сомов. С. 322—323).

⁵ Борис Борисович Нольде, двадцатидевятилетний сын Б. Э. и А. А. Нольде, которого К. А. Сомов называл «мсье де Туш». Портрет был начат в сентябре в Шато, но не удался, и художник заново приступил к нему уже в Париже в декабре 1932 г. 11 дек. 1932 г. Сомов жаловался сестре, что начались мучительные «свансы с мсье де Тушем»: «позирует он мне несмысло, и этим меня раздражает» (Сомов. С. 398). 8 янв. 1933 г. художник писал, что все время чувствует «усталость какую-то». «Отчасти меня доканал мой портрет мсье де Туша, а еще предстоит суд семьи, который я все откладываю под предлогом, что портрету надо подсохнуть

и быть покрытым лаком» (Там же). Наконец после 21 сеанса работа была окончена. Через неделю, обращаясь к сестре, Сомов писал: «Ты можешь со мной порадоваться за меня: вчера был „роковой“ для меня день, я возил на показ „папе“ молодого де Туша, мой злокачественный портрет, успех полный у этого „папы“, а также и у младшего брата. И искренний, это было ясно» (Там же). О портрете см. также письмо К.А. Сомова от 15 янв. 1933 г. в наст. изд.

⁶ Дочь К. М. и В. Т. Животовских.

16

15 января 1933

<Париж>

Опять, миленькая Paty, Вы меня балуете!

Я только что получил Ваши *candied* <леденцы — *англ.*> и «дико» Вас благодарю!¹ Только зачем эти Ваши баловства, теперь, когда жизнь дается так трудно, когда положение ваше неустойчиво и т<ак> д<алее>.² Какая Вы транжирка! Забавные Ваши *candied* ем с большим удовольствием: ем и кое-кого угощаю, не хочу быть жадным. Получили ли Вы мое, недавно Вам написанное письмо в ответ на Ваше, новогоднее? С тех пор у меня ничего особенного не произошло. Все то же и все не очень радостное — этот год для всех какой-то мрачный, люди мало видятся друг с другом, праздники прошли совершенно незаметно, как будто их и не было. И у меня ни одного невесело совсем. После ухода Мефодия я так одинок. Работаю довольно много — только что окончил и сдал небольшой портрет с сына здешнего Нольде³ — он родственник вашего американского.⁴ Портрет понравился семье, я же им в душе очень недоволен. И это обстоятельство еще прибавляет грусти. Когда работаешь удачно, на время чувствуешь подъем и бодрость. Но удача у меня бывает очень редко. Больше огорчений. Хотя я и не сдаюсь и все время стремлюсь к усовершенствованию.

От Жени и Елены очень давно не получал известий и не знаю, что с ними. Я же им писал последний и пора бы им ответить. Их положение и, главное, здоровье Жени меня очень тревожат. Куда им пристать, кто им поможет, если придется им очень скверно. Надежда одна на Серг<ея> Васильевича,⁵ но, мне кажется, он, старея, делается все меньше и меньше отзывчивым. Что-то его и всю его семью заела скупость.⁶ А говорят, что он с Шаляпиным⁷ самый богатый в мире артист.

С его «девами»⁸ я вижусь чрезвычайно редко, как-то меня к ним не тянет. Кажется, мы с ними так коротко знакомы, так даже много с ними пережито — говорю о болезни и смерти Волконского,⁹ — а сердечной интимности никакой. Еще Таничка ничего — бывает иногда проста и приятна, но у нее новая жизнь,¹⁰ не знаю, счастливая или нет, и с ней я потерял ту немного детскую-полушуточную *alliance*'у <союз — *франц.*>, когда мы добродушно подшучивали над собой и подразнивали друг друга.

Дорогая Paty, еще раз благодарю Вас, целую Вас нежно! Виктору Тимофеевичу сердечный поклон. Ваш К. С.

¹ 16 янв. 1933 г. К. А. Сомов писал сестре, что собирается «написать благодарств<еннос> письмо в Вашингтон Paty (Клеопатре Матвеевне) — «бывшей „my flame“ <мос увлечение — *англ.*>, оставшейся одной из самых верных подруг», за то, что на днях она прислала ему «ми-

ленький деревянный ящичек, наполненный <...> вкусными сладостями», а раньше — «шелковую палевую пижаму». Денег же «у нес мало: и они <т. с. Животовские. — Е. Я.> снова персидут на положение безработных». «Эта Paty мила, простодушна, сердечна, весела, когда жизнь не очень ее треплет...», — подводил итог художник (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 182, л. 5 об.).

² В этот период США и страны Западной Европы переживали экономический кризис.

³ Портрет Бориса Борисовича Нольде. См. примеч. к письму К. А. Сомова от 24 сент. 1932 г. в наст. изд.

⁴ Барона Льва Александровича Нольде.

⁵ С. В. Рахманинова. До переезда композитора в Европу Е. И. Сомов работал у него помощником.

⁶ По отношению к С. В. Рахманинову К. А. Сомов несобъективен. Зарабатывая большие гонорары концертными выступлениями, Рахманинов немалые средства выделял на благотворительность. Например, в сезоне 1933/1934 г. он сделал несколько крупных пожертвований: гонорар за концерт в Брюсселе 3 мая 1933 г. передал в пользу русских студентов в Бельгии, сборы с парижских концертов 5 мая 1933 г. и 23 марта 1934 г. — различным русским благотворительным учреждениям Парижа. Подобных примеров множество.

⁷ Имелся в виду Федор Иванович Шаляпин (1873—1938). 22 мая 1929 г. К. А. Сомов писал сестре, что неделю назад на обеде у Рахманиновых впервые в жизни оказался рядом с певцом «не в театре», и ему Шаляпин и «весь его стиль» «очень не понравился». Сомов считал, что «он до мозга костей *sabotin* <комедиант, актриска — франц.>. <...> Сам занят и всех занимает своею особой. Со всеми любезен, но чувствуется, как это на поверхности и как он никем и ничем не интересуется» (Сомов. С. 354).

⁸ С дочерьми С. В. Рахманинова Ириной и Татьяной.

⁹ Зятя С. В. Рахманинова, светлейшего князя Петра Григорьевича Волконского.

¹⁰ 8 мая 1932 г. Татьяна Сергеевна Рахманинова вышла замуж за Бориса Юльевича Конюса, сына скрипача, альтиста, композитора Ю. Э. Конюса.

17

3 января <1934>¹
<Париж>

Милая, дорогая Paty!

Так мне было приятно опять увидеть Ваш бисерный почерк — спасибо за Вашу верную, вечную дружбу — я, кажется, ее не заслужил: может быть, моя вина больше, чем Ваша, что мы не переписываемся или что пишем так редко. Я от природы лентяй писать письма, м<ожет> б<ыть>, от того, что считаю себя неважным епистоляром — хотя никто из моих друзей мне этого в лицо не говорит; конечно, из деликатности только.

Желаю ото всей души Вам и Вашей маленькой семье счастливого Нового года, здоровья, успехов и других возможных на земле благ. И теперь, может быть, кроме здоровья, самое главное, чтобы положение Виктора Тимофеевича² в Вашингтоне не изменилось, а укрепилось.

Миленькая Paty, напрасно Вы говорили Льву Нольде,³ что я не изменился, чудес не бывает, и я стал старым грибом. Он, Нольде, верно близорук или меня не рассматривал внимательно. Единственно, что может дать иллюзию, что я не столетний старец — это то, что я по-прежнему (то есть по петербургскому прежнему, а не по new-york'скому, где я принужден был ходить чумичкой из-за *lost of money* <отсутствия денег — англ.>, люблю франтить и ношу хорошее платье, рубашки, носки и галстуки. От этого отвыкнуть не могу и не хочу. А костюм ведь молодит.

Первую половину зимы я провел в мрачности, нелюдимстве — напал на меня пессимизм — мало встречался с людьми,⁴ совсем не ходил в театр и в концерты. Но такое настроение вызывает обычно темнота, холод, дожди, а у нас почти все время была замечательная погода, солнце и тепло. Весь декабрь была какая-то весна, точно в апреле, и сейчас еще совсем на зиму не похоже. Так что настроение мое плохое само по себе! Я после возвращения летом в Париж⁵ много работал — написал два портрета, один, скорее, удачно, другой — как раз, увы! — заказной, очень скверно.⁶ Это не помогло, конечно, поднять мой дух, наоборот! Главное то, что я до сих пор не могу примириться с мыслью, что у меня Мефодия нет.

Вы его так мало знали, что не могли иметь настоящего представления о нем, какой он был чудный человек, какой заботливый и самоотверженный друг. Такого человека второго я уже не найду никогда.⁷

Да и общая депрессия — она у нас, конечно, такая же, как у вас, и в особенности среди русских, которые действительно ужасно страдают — на меня, конечно, действует немало. И меня она касается — художники ведь *люхе* <роскошь — франц.> и теперь как будто никому не нужны — я озабочен за будущее, что, если придется когда-нибудь ночевать под мостами Сены? Впрочем, это я шучу и надеюсь, до этого не дойду. Но в этом году насчет продажи заказов очень, очень скудно — и были у меня довольно блестящие года лет пять, шесть тому назад — тогда-то я и расфрантился.

С девами Серг<ея> Вас<ильевича>,⁸ как Вы наверно знаете, я помирился — после двух годов ссоры — в этом году виделся с ними всего два раза — неинтересные они, особенно Ирина Серг<еевна>, неумелые хозяйки; когда приглашают к себе, не бывает никакого разговора, и всех заставляют целый вечер играть в фанты — будь то молодежь или взрослые, или даже старики. И так всегда, из года в год. Я не понимаю, как можно быть такими идиотками! Я не раз над ними смеялся в лицо, но ничего не помогает. Таничкин муж⁹ — ничего себе, вполне сносный, кажется, звезд с неба не хватает, но воспитанный, внимательный и, кажется, Таничку искренне любит. Чего еще надо Серг<ею> Васильевичу? За эти последние годы я в нем по многим причинам разочаровался, не нахожу его таким, каким считал его в N<ew> Y<ork'е>.

От Жени и Елены получаю письма регулярно, они меня не забывают никогда, и всегда их письма так сердечны и так меня трогают.¹⁰ Восхитительные они люди!

О болезни сердца Жени я знаю давно и от него самого, и от Елены. Я думаю, Вам, которая прожила с ними лето, виднее, очень серьезно ли его положение, или нет. M<ожет> б<ыть>, тут играет роль мнительность (не знаю, мнителен он или нет), m<ожет> б<ыть>, нервозность, ведь его жизнь была так тяжела все эти годы! А если он болен серьезно, как мне жаль его! Ведь он еще молодой человек сравнительно со мной, и ему надо бы жить еще долго. Если же у него настоящая грудная жаба — это ужасно, болезнь мучительная и неизлечимая.¹¹

Очень приятно слышать, что Вы теперь довольны своей Ириной,¹² и что она доставляет Вам только радости! Просто выросла девочка и поумнела. Нольде¹³ говорил мне, что она прехорошенькая у Вас.

С этим Нольде я виделся 3-го дек<абря>¹⁴, мы с ним встречали Новый год у Нольде парижских¹⁵ — а на другой день, 1 января, он уже должен был сесть на пароход в Америку.

Вы пишете об Елене, что она изменилась, потеряла свой добрый дух. Это так понятно ввиду положения здоровья Жени и всех их материальных невзгод. Но в письмах ее я это еще не почувствовал, никогда она в них ни на что не жалуется.

Не забудьте мне послать обещанную карточку с Вас и с Ирины! Вот, дорогой друг, и конец письму, я напишу вам еще более мелким бисером, чем Ваш. Разберете ли Вы эти иероглифы? Поклонитесь и передайте мой дружеский привет Виктору Тимофеевичу. А Вас я просто целую, нежно и крепко.

Ваш К. С.

¹ Датируя письмо К. А. Сомов ошибся, написав «3 декабря 1933», но потом исправил только обозначение месяца.

² Мужа Клеопатры Матвеевны.

³ Льву Александровичу Нольде.

⁴ Об этом же 29 января 1934 г. писал М. В. Добужинскому А. Н. Бенуа: «Костя <Сомов> по-прежнему нас сторонится, как зачумленный (в чем дело?), но я *сторонкой* от Валички <Нувеля> знаю, что и ему несладко живется. Ты бы ему написал» (цит. по: Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский. Переписка (1903—1957) / Сост., подгот. текста и коммент. И. И. Выдрина. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 164).

⁵ После возвращения из Гранвилле, где К. А. Сомов находился с конца июля по сентябрь.

⁶ Одним из них может быть портрет Евгении Соломоновны Мацисевой (холст, масло; 81 × 60; с 1996 г. в собрании ГТГ), над которым К. А. Сомов работал с 26 мая по 21 июля 1933 г. (Сомов. С. 591, коммент.). Евгения Соломоновна — сестра Елизаветы Соломоновны Поляк (см. примеч. к письму К. А. Сомова от 18 апр. 1932 г. в наст. изд.), друга Сомова последних лет его жизни, почитательницы его таланта, художницы-любительницы, занимавшейся вышивкой. 6 и 11 июня 1933 г. художник писал сестре о работе над портретом Евгении Соломоновны: «шедевра, конечно, не будет, дай Бог, чтобы вышел просто „портрет портретович“. У меня она даже пока что вышла более благородного типа, чем она на самом деле. Главный недостаток ее лица — гладкий рот — почтовым ящиком и с зубами — расшатанным частоколом» (Сомов. С. 403).

⁷ Похоже был охарактеризован и сам К. А. Сомов, о котором В. Ф. Шухаева написала: «Он был очень преданным человеком, и однажды отдав кому-то свою любовь и преданность, уже не изменял ей. Таких было немного» (Шухаева В. Ф. О Сомове К. А. <Машинопись>. СР ГРМ, ф. 154, сд. хр. 71, л. 5).

⁸ Дочерьми С. В. Рахманинова.

⁹ Борис Юльевич Конюс.

¹⁰ Приведем одно из ответных писем К. А. Сомова Евгению Ивановичу и Елене Константиновне Сомовым, датированное 1 января 1934 г.:

«Дорогие мои!

Пронзен вашей памятью обо мне: сегодня получил вашу телеграмму! Вам писал очень недавно, а Елене еще вчера. Хотелось бы поблагодарить Животовских, но не знаю их адреса и даже, в каком они городе. Сообщите им при случае, как я им благодарен, что и они меня не забывают. А вас, дорогие, благодарю и целую крепко. Жду письма, хотя не очень заслужил его!

Любящий вас Костя» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 39).

¹¹ Речь идет о Е. И. Сомове.

¹² Дочь.ру.

¹³ Лев Александрович Нольде.

¹⁴ Описка, надо: 31 декабря.

¹⁵ В семье Б. Э. и А. А. Нольде.

Январь 1935
24, rue de Civry
Paris 16me

Милая, дорогая Пати!

Получил вашу телеграмму, очень тронут, что Вы и Виктор Тимофеевич вспомнили меня. И я вам шлю от всего сердца пожелания всех благ на Новый год. Но это мое письмецо придет к Вам с большим запозданием — не знаю вашего адреса в Вашингтоне — и при помощи моих Елены и Жени. Последнее время очень мало слышал о Вас, если не считать последнего письма Елены, из которого вижу, что вы недавно виделись. Жизнь же моя идет по-старому; увы, стал хворать, стареть совсем. Грустно это — так жить люблю! Работаю, но не успешно в смысле финансовом. Но не жалуюсь слишком — многим другим здесь еще гораздо хуже. Будет у Вас настроение, сделайте мне радость, напишите мне о себе и обо всем; я Вам отвечу более подробным письмецом.

А пока примите мой нежный поцелуй.

Ваш К. С.

22 апреля 1935
24, rue de Civry
Париж ^{xvi}

Милая, драгоценная Пати!

Только что получил Ваше письмо и вот отвечаю Вам! А Вы думаете, что мне не захочется писать Вам! Вы не стали для меня чужой — воспоминание о Вас осталось у меня очень ярким и нежным. Как я могу забыть, как Вы были добры, милы со мной и как меня баловали! Одиннадцать лет уже прошло с тех пор¹ — беспощадное время! Но вот Вы говорите, что, м<ожет> б<ыть>, мы еще увидимся, значит ли это, что Вы собираетесь так или иначе во Францию? Я Вам посылаю с себя две фотографии — одну, где я довольно презентабельный, снятую лет 7 тому назад, другую, от 1933 года, в костюме фермера из Grandvielliers.² А если Вы будете в Нью-Йорке и знакомы, т<о> е<сть> бываете иногда у Фокиных,³ попросите их показать Вам движущую ленту, которую они сняли с меня прошлым летом на моей улице. Елена и Женя ее видели и остались очень довольны моим видом: будто я совсем не изменился, только похудел. Таким образом, у Вас будет представление о моем теперешнем виде. Я очень тронут, что Вы захотели мои фотографии. Но за это пришлите мне свои, из последних. Тоже хочется мне видеть, какова Вы теперь. Возраст Ваш я еще считаю молоденьким, и унывать Вам нечего, можно еще жить и наслаждаться жизнью. Вы пишете о большом и тяжелом нравственном переживании — I presume it is love

<предполагаю, что это любовь — *англ.*>, — но не пишите мне об этом, если это Вам тяжело. Если love <любовь — *англ.*> — это и сладко, и мучительно, и грустно, но зато это настоящая жизнь. Я тоже испытал это — видите, эта полуконфиденция — намек! И несмотря на мой преклонный возраст! Теперь я отвечу Вам на Ваши вопросы. Болезнь моя заключается в артрите, и у меня поражена одна нога, двигаться могу, но медленно и с болью — а Вы, верно, помните, как я летал и как любил двигаться, — и это мне портит жизнь. Все время лечусь у хорошего франц<узского> доктора, иногда мне бывает легче, иногда хуже. Думаю, болезнь эта неизлечима в моем возрасте, можно себя только подправлять, и я делаю это глав<ным> образом очень строгим режимом. В этом году я в общем лучше себя чувствую, чем в прошлом году. Живу я теперь один уже 3 года, после смерти моего друга, умершего, как Вы знаете, от чахотки после ужасных страданий. Уже два года, как я на новой квартире из двух комнат, очень уютной, комфортабельной и светлой,⁴ я ею очень доволен; а летом живу недель 6 или 2 в Grandviellier's на моей ферме, которую никак не могу продать: она мне опостылела после смерти Мефодия. Зимой она заперта, комфорт в ней аховый, и я ищу пути, только чтоб куда-нибудь летом деться и наводить экономию. Со мной ездят уже три года двое молодых художников, он и она, люди вполне приличные, но дико неинтересные.⁵ Но без них я вовсе не мог бы ездить на эту ферму; а они так бедны и неизбалованны, что отсутствие комфорта их не пугает. Зато жизнь с ними обходится очень дешево. А экономить мне нужно, т<ак> к<ак> уже давно заработки мои как художника сильно уменьшились, и редко ко мне являются покупщики и заказчики — началось это со всеобщего кризиса года 4 тому назад. Но я все же довольно много работаю, без работы мне было бы очень тоскливо, хотя очень редко я ею доволен, и у меня как-то пропала вера в себя и энтузиазм к моему художеству. Не знаю, от старости ли (все художники кончают свою карьеру в упадке) или оттого, что я чувствую себя никому не нужным. В Париже увлечение модернизмом, знаменитости все мне не нравятся — все они гонятся за успехом и *dernier cri* <за «последним криком» — *франц.*> — я бы так работал, не потая, как они. Выставляю очень редко, последний раз мои индивидуальные выставки были в Париже в <19>28 году⁶ и в Лондоне в 1930.⁷ Выставлял я еще в 1932 году, но выставка была смешанной,⁸ и я предпочитаю, если уж выставляться, то solo <одному — *итал.*>. Мои друзья и знакомые часто меня упрекают, зачем я не выставляю, я отвечаю, что еще рано, что нет достаточно ярких вещей. Не думайте все же, что я делаю только старческий хлам — нет, иногда, как, напр<имер>, прошлым летом — я написал несколько этюдов с натуры очень удачных. Из моих постоянных поклонников у меня, в сущности, остался один — Брайкевич,⁹ — он постоянно живет в Лондоне, раза два в год приезжает в Париж и почти всегда что-либо покупает у меня, или заказывает.¹⁰ Знакомых у меня в Париже множество, но я их понемногу растериваю — нарочно: уж очень они неинтересны, буржуазны, пошлы. Множество дам, которых я изображаю, — Вы не можете себе представить, какими жалкими интересами живут здесь русские; судя по письмам Елены, в Нью-Йорке есть у русских больше интересов, или просто Сомовы нашли там избранный круг. У меня, в сущности, близких и мне милых друзей

двое: один из них моего возраста, еще мой гимназический товарищ, очень умный, веселый и талантливый человек, отлично и остроумно рассказывающий.¹¹ Другой — «сошелся черт с ребенком», но неизвестно, кто из нас черт, кто ребенок, скорее, ребенок я, — совсем молодой,¹² с ним я познакомился случайно: я искал себе натурщика для иллюстраций, заказанных мне лет 6 тому назад одним зде<шним?> издателем.¹³ И вот наткнулся на него. Он оказался очень интересным, сложным; у него мятежная душа; он большой лентяй. И поэт — пишет интересные стихи и по-русски, и по-французски. Я подружился и с его чрезвычайно милыми родителями¹⁴ и бываю у них, как будто бы у родных. Этот друг проводит со мной много времени, я часто его и потом и рисовал, и писал,¹⁵ он мой вечный компаньон в синема, без которого жить не может.¹⁶ Со мною он очень откровенен, рассказывает о себе все решительно, и мне с ним всегда весело: я с ним как-то молодею. Я ведь не люблю людей моего возраста, стариков и старух — м<ожет> б<ыть>, это странно, но я с ними не имею общих интересов и очень скучаю, оттого ли, что я художник, или оттого, что у меня не старая душа, не знаю. И старики, к счастью, ко мне не льнут, верно, чувствуют. Живу я совершенно без театров и концертов после смерти Мефодия,¹⁷ с которым мы носились по ним, перестал и так привык к этому, что меня даже не тянет. И к тому же тут была экономия: сидеть в дорогих местах было бы приятно, а на галерках — в парижских театрах они ужасны по сравнению с N<ew> Y<ork>'ом — утомительно, жарко, неудобно. Исключение делал только для молодого русского балета из Monte-Carlo,¹⁸ им я года 3 как увлекался, и вправду это было какое-то чудо — сочетание молодости, красоты и искусства, но теперь и к нему я остыл. Жаль, что Вы не видели этого балета, как и Елена.¹⁹ Вот Чехова я не видел,²⁰ а Сомов мне о нем пишет чудеса.²¹ Я не пошел, потому что в Москве, когда он был совсем молод, Чехов мне не нравился или очень мало.²² На Ваш вопрос, «неужели Вы стали совсем старичком», честнее было бы ответить «да»! Хотя я все еще люблю жизнь и умирать не хочу, но чувствую, что и мозгами я ослаб, память ослабла, скоро устаю и т. п. Но на людях я стараюсь свою старость скрывать. Но по-прежнему люблю хорошее платье, галстуки и стараюсь иметь вид элегантный, насколько это позволяет моя несуразная фигуришка.²³ Мои знакомые мне часто говорят, что я smart <щеголеватый — англ.>. В N<ew> Y<ork>'е я таким не был еще, т<ак> к<ак> было мало денег, но лет 7 тому назад я много зарабатывал и имел возможность заказать себе платья у первоклассного портного и заказал их тогда так много, что мне их хватит на всю, кажется, жизнь. Не знаю, интересна ли Вам эта подробность из моей жизни, я пишу о ней, т<ак> к<ак> считаю костюм и вкус, и умение одеваться very important <очень важным — англ.> для мужчины. А Вы как думаете? А что с Вами, чем Вы болеете? Лечитесь ли и бережете ли себя? Я от Елены знаю, что Вы были очень больны, но это же давно. А какая Вы были подвижная, бодрая и веселая, неужели это прошло? Жаль, очень жаль, если так. Я удивляюсь, как Вам удалось сделать из дочки Вашей²⁴ «русскую девушку»! Ведь, наверно, это было очень трудно сделать? Я помню ее совсем маленькой американочкой, едва говорящей по-русски. Верно, она вышла у Вас очень хорошенькой, девочкой она обещала стать такую.

Я стал большим домоседом — очень люблю по вечерам сидеть дома или принимать моих двух друзей.²⁵ Или читаю; к счастью, мои глаза мне еще это позволяют, хотя я и днем достаточно их утомляю иногда мелкой, миниатюрной работой. Чем дальше, тем больше грущу о своей сестре, уже 11 лет, как мы в разлуке;²⁶ и она эту разлуку до сих пор очень остро чувствует. Мы всю жизнь прожили в одном доме,²⁷ всегда всюду вместе показывались; она меня больше любила, чем своего скучного неинтересного мужа;²⁸ нас шутя называли сиаемскими близнецами. А теперь мне кажется, что мы на этом свете не увидимся, ей уже 62 года, она стала хворать. Ехать мне в Россию невозможно из-за бесконечных причин, хотя бы уже из-за того, что я бы там умер с голода из-за моей ненадобности как художника. Моя сестра овдовела года 2 тому назад, в мое отсутствие у нее родились две внучки — одно ее утешение, но она все еще грустит обо мне. Она же приехать во Францию не может, это, как Вы, верно, знаете, не позволено тамошним гражданам, да и стоило бы, если бы даже позволили, целое состояние. Вы меня спрашиваете о Рахманиновых²⁹ — я иногда только выдаю Таничку,³⁰ единственную из них, которая ко мне неплохо относится; но и она скорее равнодушна, существую ли я, или нет. Когда встречаемся раз или два в год случайно где-нибудь, зовет к себе на five o'clock <чаепитие в пять часов — *англ.*>, и это все. Получаю открытку в год. Муж ее очень любезный, но очень ничтожный и на вид и на разговор.³¹ Занята она и своим сыном.³² Княгиню,³³ которую определенно не люблю, не вижу почти никогда. А Сергей Вас<ильевич>³⁴ никогда обо мне не вспоминает, никогда не выражает, хотя бы через Таничку, желания меня видеть. Если бы он пожелал, я бы, не ожидая его визита или письма, пошел к нему на свидание, но вот уже 5 лет, как он меня не вспоминает. А навязываться я не хочу. Тут м<ожет> б<ыть> причина та, что я во время болезни Мефодия и безденежья попросил у него в долг денег на основании того, что, когда у меня все было благополучно, он предлагал мне денег на покупку мастерской в Париже. В просьбе моей он не отказал, но предложил мне такую жалкую сумму! Я ее должен был все же взять и очень скоро после смерти Мефодия ее вернул полностью. Мне было досадно, что я к нему обратился, а ему, м<ожет> б<ыть>, теперь совестно, что он отозвался такой мизерной суммой. Они ведь все чрезвычайно скупы, до безобразного иногда. Когда я просил у него довольно крупную сумму — я был уверен, что рано или поздно с ним расплачусь. Он, верно, побоялся, не поверил.

Дорогая, Вашу верность я ценю чрезвычайно и удивляюсь ей — это так редко на нашем свете! Как мне ее не помнить? Мог бы Вам написать об этом много! Верьте, Вы остались у меня очень светлым воспоминанием. И как иногда нам было весело с Вами, на даче Webster'a, помните?

Что я сейчас читаю, спрашиваете Вы меня: всякую всячину — много исторических и биографических книг, романов немного.³⁵ Новые французские редко хороши и интересны. Читаю и по-английски: недавно перечел «Wuthering Heights» Emily Brontë <«Грозовой перевал» Эмили Бронте>,³⁶ ее англичане считают «great» <«великой» — *англ.*>, но при всем таланте этой Emily книга ее мне кажется наивной и придуманной, хотя воображение для одинокой девицы, жившей в глуши, очень замечательное. Иногда перечитываю русских классиков — то, что читал давно и забыл.³⁷ Ну вот,

дорогая Пати, наболтал я Вам, будете ли Вы иметь теперь представление, какой я теперь? Разберете ли Вы мои каракули? Мне совестно за них, но что же с собой поделаешь? Виктору Тимофеевичу и Ирине³⁸ сердечный привет, а Вам самый нежный поцелуй и благодарность за память и верность!

Ваш К.

Перед отправкой перечел это письмо, вышло оно сумбурное и неумелое и нелитературное: не взщите! Всегда не умел хорошо писать. Зато целый манускрипт! Фотографии пришлю в отдельном конверте.

¹ К. А. Сомов ведет отсчет с того времени, когда в декабре 1923 г. в составе группы советских представителей он был командирован в Соединенные Штаты Северной Америки для содействия «Выставке русского искусства». Цель выставки заключалась в том, чтобы, «с одной стороны — ознакомить американское общество с русским искусством, а с другой — реализовать наиболее выгодно данные на выставку произведения и тем самым обеспечить художников на более или менее продолжительное время» (цит. по: *Сомов*. С. 565—566, коммент.). О пребывании в Нью-Йорке, подготовке и проведении выставок см.: РГАЛИ, ф. 974 («Выставка картин русских художников в Америке»), СР ГРМ, ф. 133 (К. А. Сомов), ОР ГТГ, ф. 106 (И. Э. Грабарь), ГАРФ, ф. 5283; Собрание Российского фонда культуры: Коллекция общества «Родина»; *Виноградов С.* О выставке русского искусства в Америке // *Перезвоны*. 1925. № 1; *Сомов*. С. 228—244, 253—275; *Грабарь И.* Письма 1917—1941. М.: Наука, 1977; *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001; *Землякова О., Леонидов В.* Триумф в Америке // *Русское искусство*. 2004. № 1 и др.

Об участниках так называемого выставочного комитета вспоминал И. Э. Грабарь — московский художник и в тот период директор Государственной Третьяковской галереи: «В поездке приняли участие следующие лица: И. Д. Сыгин, долготелетний сотрудник Сыгина, педагог И. И. Трояновский, однофамилец доктора Трояновского, С. А. Виноградов, художник, один из наиболее активных деятелей „Союза русских художников“, и, вместе с Трояновским, ближайший помощник Сыгина по организации выставки, скульптор С. Т. Коненков, художник Ф. И. Захаров, К. А. Сомов, в качестве представителя интересов петроградцев, В. В. фон Мекк, в качестве знатока английского языка, <...> и я — всего восемь человек» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 278).

В январе 1924 г. группа прибыла в Нью-Йорк, где 8 марта в центре города, на углу Лексингтон-авеню и 46-й улицы, на двенадцатом этаже Grand Central Palace, открылась выставка. Экспозиция включала произведения всех групп и всех направлений, «за единственным исключением ультрамодернистов» (*Сомов*. С. 567, коммент.). Всего, согласно каталогу, в выставке участвовали 93 художника, представлявших 914 произведений. Выставку сопровождали два варианта каталога: один иллюстрированный, другой, удешевленный, без иллюстраций. Составителями каталога были Грабарь и Сомов; однако фамилия Константина Андреевича в выходных данных издания отсутствует (см.: *The Russian art exhibition / Introduction and Catalogue by Igor Grabar. Cover design Sergey Chekhonin. Ornaments by Anna Ostroumova-Lebedeva. New York, 1924*). Каталог включал два предисловия. Автором первого (с. 1—5) был американский искусствовед Christian Brinton, второго (с. 6—13) — Игорь Грабарь.

Каталог на выставке продавали «русские дамы-волонтеры — Е. К. <Сомова> и несколько ее подруг» (*Сомов*. С. 233), в числе которых была, конечно, и К. М. Животовская. Грабарь писал: «Еще до открытия выставки туда приходили все бывшие в то время в Нью-Йорке русские. А их было множество — подлинный „русский сезон“. В самом деле, кроме нас там были Шаляпин, выступавший в опере, была Анна Павлова, были Балиев со своей „Летучей мышью“, Фокин со своим балетом и школой, К. С. Станиславский с Художественным театром <...> С. В. Рахманинов, А. И. Зилоти, И. Л. Толстой, скрипка Ауэр, Яша Хейфец. Несмотря на всю разнокалиберность этой публики, вся она служила делу пропаганды русского искусства. Русское было решительно в моде» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 283).

В экспозиции выставки было представлено 38 произведений Сомова (см. Каталог, № 690—738), из которых 11 картин, 4 миниатюры (масло), 3 акварели, 18 раскрашенных авто-

ром гравюр к «Книге маркизы» (Le Livre de la Marquise. Recueil de poésie et de prose. Le choix des morceaux de poésie et de prose compris dans ce recueil a été fait par peintre Constantin Somoff, auteur des sujets et des ornements qui les accompagnent. St.-P.: R. Golické et A. Wilborg, 1918) и 2 фарфоровые композиции: статуэтки «Влюбленные» (1905) и «Дама, снимающая маску» (1906). Уже на следующий день после вернисажа было продано несколько произведений Сомова, в том числе за 750 долларов — «Венецианский маскарад» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. С. 114). В ходе работы выставки несколько картин приобрел С. В. Рахманинов; среди них «сомовский nature morte» (Там же. С. 126). В целом же материальный успех выставки значительно уступал успеху моральному. «Громоздкость выставки и ее разношерстный состав оказались такими минусами, которые мешают коммерческой стороне дела» (Там же. С. 120). После завершения выставки в Нью-Йорке 20 апреля 1924 г. на ее базе были сформированы две передвижные выставки — «Южная» и «Северная», каждую из которых сопровождал отдельный каталог. «Южная» выставка (1 ноября 1924 г.—15 ноября 1925 г.) завершилась в Портленде, а «Северная», начавшаяся 15 декабря 1924 г., закончилась в Торонто (Канада).

Из советских представителей, приехавших в Нью-Йорк, на родину вернулись трос: Грабарь, Сытин и Трояновский. В Америке остались Коненков, Захаров и фон Мекк, «Сомов поехал в Париж <...> Виноградов — в Ригу, где также осел» (*Грабарь И. Э.* Моя жизнь. С. 288).

10 февр. 1924 г. в письме жене Грабарь кратко охарактеризовал каждого участника инициативной группы. Константин Андреевич Сомов, по его словам, «очень аккуратен и практически деловит. В эмпиреях не витает, а всегда трезв. В искусстве весьма нетерпим и вкусов определенных. Он и великих импрессионистов-классиков не очень жалует, за немногими исключениями <...> а к москвичам относится, видимо, резко отрицательно, считая все это никому не нужными перепевами Сезанна. <...> Он хороший товарищ, хотя довольно эгоистичен — иногда до наивности — в мелких, впрочем, а не в крупных вещах. Очень честен и не лукав. Нужен для дела здесь чрезвычайно» (*Грабарь И.* Письма 1917—1941. С. 99—100). Отмечая воспитанность и деликатность Сомова, Грабарь отнес его к представителям «рафинированного дворянства», сопроводив свое определение следующим примером: «первая интересовавшая его нью-йоркская покупка — шелковый халат» (Там же. С. 100). Ранее, в письме жене от 14 янв. 1924 г., Грабарь изложил суть его разногласий с Сомовым «по вопросам современного искусства»: «Я очень горячо отстаиваю свой взгляд, резко отрицательный, на всякие вариации подделки под старых мастеров. Он возражает: „ну, что ж, а новые подделки Вы допускаете? Весь Кончаловский — это подделка под Сезанна и мне просто смешно утверждение Трояновского (Скатертного), что „Кончаловский первый живописец в Европе“. Лучше подделываться под стариков, чем под новичков» (Там же. с. 84).

Важные сведения содержатся в письме и о Евгении Ивановиче Сомове. Грабарь писал, что, «благодаря большим связям и множеству друзей среди американцев» он «сделал много важного и полезного для выставки»: «устраивал — и очень удачно — все дела в таможене, вел переговоры с разными учреждениями о сложении пошлин, о льготах, о найме помещения и т. п.». В целом Грабарь охарактеризовал Евгения Сомова как «очень милого человека, неглупого, образованного, по специальности инженера». Раньше он, «кажется, много работал в иностранных отделениях Центросоюза или что-то в этом роде. Приятель Зилоти и особенно Рахманиновы. Сейчас в каком-то предприятии служит. Живет скромно. Деньги даются нелегко. Одну комнату приходится в квартире сдавать и сдал ее сейчас дяде — Сомову» (Там же. С. 100).

² Фотография 1933 г. хранится ныне в РО ИРЛИ: Р. I, оп. 8, № 41, л. 7. На оборотной стороне снимка авторская надпись графитным карандашом: «Дорогой Пати от К.».

³ *Фокины — Михаил Михайлович* (1880—1942), балетмейстер, танцовщик, педагог и его жена, *Вера Петровна* (урожд. Антонова; 1886—1958), танцовщица, балерина, педагог — участники «Русских сезонов» С. П. Дягилева. С 1918 г. постоянно жили за границей. С 1923 г. Вера Петровна преподавала в частной Студии Фокиных в Нью-Йорке. В «русской деревне» в штате Коннектикут у Фокиных, как и у Е. И. и Е. К. Сомовых, была летняя дача, где гостили Животовские; тогда, вероятно, и произошло их знакомство с Фокиными.

В 1924 г. Сомов нарисовал Веру Петровну («Балерина В. П. Фокина»). Бумага, графитный карандаш; 25 × 17,7; с 1968 г. в собрании ГРМ). Спусти десять лет, 23 мая 1934 г., из Парижа художник писал своей сестре: «Ко мне вдруг в воскресенье днем явились Фокины, он и она, уже давно здесь проживающие, выписанные Идой Рубинштейн для се балстов. <...> Фокин, оказывается, очень увлечается живописью. Показывал мне свои три масляных портрета, два со своей жены и один собственный. Я был поражен ими — для любителя он замечателен —

о красках по фото я судить не могу, но нарисованы они очень хорошо, позы выбраны художественно, одним словом, дарование незаурядное» (Сомов. С. 417—418).

⁴ Квартира в доме 24 по улице Ciryu. См. примеч. 8 к письму К. А. Сомова от 6 дек. 1928 г. в наст. изд.

⁵ К. А. Сомов имеет в виду Леонида Александровича Успенского (1902—1987) и его первую жену, Валерию Ивановну Буданову (род. 1911), во втором браке Момзикову. В период их совместного проживания в Гранвилле Сомов в сентябре 1933 г. исполнил двойной портрет Валерии Ивановны, в разных поворотах изобразив лицо молодой художницы с красивой косой «черных, почти синих волос»: одно — «почти en face и улыбається», другое — «серьезное и с опущенными глазами» (Сомов. С. 407). Создание портрета было связано с затеей художника написать картину — «нечто тургеневское, помещицъ»; в ней оба «поворота головы изображали бы сестер близнецов, но, к сожалению, так не вышло» (Там же). Двойной портрет В. И. Будановой хранится ныне в Музее Эшмолеан (Оксфорд).

Леонид Успенский — уроженец Воронежской губернии — в годы гражданской войны эвакуировался с частями Белой армии в Галлиполи, оттуда — в Болгарию, а в 1926 г. поселился в Париже. С 1929 по 1931 г. вместе с Будановой занимался в Русской академии живописи (Académie Russe de Peinture) Т. Л. Сухотиной-Толстой, где преподавали М. В. Добужинский, Н. Д. Милиоти, В. И. Шухаев и Б. Д. Григорьев. После закрытия Академии Успенский, Буданова и присхавший в Париж в 1931 г. Георгий Иванович Крут (1908—1969) брали уроки у Милиоти, в мастерскую которого приезжал рисовать модели его давний петербургский коллега К. А. Сомов. Во время этих занятий Константин Андреевич охотно давал советы молодым художникам, а начиная с 1932 г. приглашал их на лето в Гранвилле. Там под его руководством они занимались живописью и рисунком, много писали с натуры, рисовали друг друга. По словам протоиерея Николая Озолина, со времени пребывания в Гранвилле остались «остроумные и талантливые рисунки, взаимные портреты и т. д.» (цит. по: *Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже: В 2 т. М.; Париж: Прогресс-Традиция, 2002. Т. 1. С. 293). «Среди сохранившихся рисунков Г. И. Крута есть несколько очень удачных набросков карандашом, изображающих К. А. Сомова за работой», — свидетельствует В. Васютинская-Маркадэ (цит. по: *Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 236). О рисовании друг друга в так называемой Académie de Grandvilliers 27 июля 1934 г. Сомов писал сестре: «Вчера очередь позировать была моя — 3 позы по получасу. Я позировал очень хорошо <...>. Успенский сделал с меня замечательные наброски, первый и второй, я на них поразительно похож. Вообще он делает большие шаги вперед, и я перестаю его считать бездарностью, но ему еще так много надо знать; надо образоваться, развить вкус, а на это у него нет и среды, нет времени, нет денег, он так беден, что даже не имеет возможности ходить на платные выставки» (Сомов. С. 421). Неоднократно Успенский служил Сомову моделью, получая за позирование вознаграждение. В 1932 г. оба участвовали в масштабной «Выставке русского искусства», устроенной в парижской галерее Ренессанс (см. примеч. 8 к наст. письму). Постепенно, и во многом благодаря общению с Крутом, он оставил светскую живопись, посвятив себя исключительно религиозному искусству: стал изучать православную икону, ее технику. В 1934 г. вместе с Крутом Успенский стал членом общества «Икона» и участником его выставок. В 1935 г. они создали свой первый иконостас — в парижском храме Трех-Святительского подворья. В итоге Успенский стал широко известным иконописцем-богословом, преподавателем церковной живописи, резчиком по дереву, автором трудов об иконах, неоднократно переиздаваемых на разных языках. До конца дней он хранил у себя «пейзаж с французской деревней» и небольшую картину «Яблоня», написанные «из окна дачи К. А. Сомова», а перед смертью передал их, рисуночные автопортрет и портрет Сомова молодой в те годы художнице, Галине Махровой (*Махрова Г. А.* Воспоминания о Лидии Александровне и Леониде Александровиче Успенских // *Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В.* Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 303). Махровой Успенский запомнился «человеческим молчаливым, очень скромным»: «...умел слушать <...> часто улыбался, как бы про себя, говорил авторитетно, не спеша, никого не осуждая» (Там же. С. 302).

Григорий Крут, о котором Сомов отзывался как о «милейшем, застенчивом», «симпатичном и чересчур деликатном» человеке (Сомов. С. 420), впоследствии стал создателем иконостасов и фресок, иконописцем, автором записок об иконописи. В 1948 г. принял монашество под именем Григорий. О Круте и Успенском см. также: *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники Русского Зарубежья 1917—1939: (Биографический словарь). СПб.: Нотабене, 2000. С. 351, 574—575.

⁶ Выставка в галерее С. Лесника на бульваре Распай, 66, организованная М. Г. Лукьяновым в декабре 1928 г. См. примеч. 3 к письму К. А. Сомова от 6 дек. 1928 г. в наст. изд.

⁷ Выставка К. А. Сомова в лондонской галерее Владимира Голицына на Беркли стрит, 20 работала летом 1930 г. Она включала около 80 произведений. На средства М. В. Брайквича был издан каталог: Exhibition of Constantine Somov Paintings 2 juni to 2 juli 1930, Prince Vladimir Golitzine Gallery. 7 июня 1930 г. Сомов цитировал сестре письмо к нему Брайквича, сообщавшего об успехе выставки и реакции на нее зрителей (*Сомов*. С. 368). 23 июля 1930 г. художник переписал в письме сестре фрагмент из лондонской статьи, в которой он был назван «русским гением» (*Сомов*. С. 371). В парижской газете примерно тогда же Брайквич опубликовал статью «Сомов и Левицкий» (*Брайкевич М. В. Сомов и Левицкий* // Последние новости. 1930. 26 июля), в которой сравнил искусство Сомова с искусством знаменитого портретиста и сообщил о его «новых достижениях в технике и живописи» (*Сомов*. С. 370).

⁸ На «Выставке русского искусства», открывшейся 2 июня 1932 г. в парижской галерее «Ренессанс», экспонировалось 350 произведений русских художников и скульпторов всех направлений. По своим масштабам она считалась второй после 1906 г. выставкой русского искусства в Париже. Выставка устраивалась с благотворительной целью. К. А. Сомов входил в ее Комитет. Был издан каталог: Exposition d'Art Russe: <Catalogue> / Préface de Louis Reau. Introduction de Arsène Alexandre, Denis Roche. Paris: Galerie «La Renaissance», 2—15 Juin 1932. В экспозицию входило 10 произведений Сомова. 23 июня 1932 г. в письме сестре художник процитировал фрагмент из фельетона французского критика Дени Роша, касающийся его произведений, представленных на выставке (*Сомов*. С. 397).

⁹ *Брайкевич Михаил Васильевич* (1874—1940) — эмигрант, коллекционер произведений русских художников, меценат, на протяжении многих лет почитатель таланта К. А. Сомова, его преданный друг, сохранивший личный архив художника и собравший две (в России и в эмиграции) большие коллекции его произведений. На руках Брайквича, гостившего у Сомова в Париже, Константин Андреевич и скончался — скоропостижно, от болезни сердца. Н. Н. Берберова писала: «Я хорошо помню эти похороны: Брайкевич, рыдая, распорядился на кладбище Сент-Женевьев де Буа, как повернуть гроб, как опустить его в могилу, кому пойти проститься с гробом. Кому куда сесть, чтобы ехать домой. „Костенька, — говорил он, — ангел мой, как я любил тебя!“. И все кругом плакали» (*Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография*. М.: Согласие, 1996. С. 338).

Во опубликованном некрологе Брайкевич вспомнил о дружбе с Сомовым, которая «началась в далекие довоенные годы, крепла с годами и ни разу не нарушилась размолвкой» (*Брайкевич М. В. Памяти К. А. Сомова: личные воспоминания* // Иллюстрированная Россия. 1939. № 22. С. 9). «Пожилой, толстый, говорливый, он во всем был противоположностью Сомову, — вспоминала Берберова. — Pater familias, традиционный „бонвиван“ начала нашего века, с брышком и косматыми бровями — и тишайший, скромнейший в своих одиночках вкусах, хрупкий художник» (*Берберова Н. Н. Курсив мой*. С. 338). Сомов считал своего лондонского друга «удивительным идеалистом, иногда даже до наивности», но это не мешало ему «быть хорошим дельцом». Ценил художник в Брайкевиче и то, что в нем было «много нежности» к друзьям (*Сомов*. С. 420). 18 ноября 1929 г. он писал о своем друге и покровителе: «Такое поклонение, как у него ко мне, поистине трогательно и меня очень поднимает. Он сказал такую фразу: „Все мои свободные деньги — Ваши!“. Но он зарабатывает с трудом и в поте лица. Трогательно еще, что и жена его, как он говорит, не обращает внимания на деньги, не буржуазна и не препятствует ему тратиться на коллекционирование» (*Сомов*. С. 360).

Одессит по рождению, Брайкевич до 1917 г. жил и работал в этом городе: был председателем одесского отделения Русского технического общества и Одесского общества изящных искусств, избирался одесским городским головой. В эмиграции в Англии являлся членом комитета Русского торгово-промышленного союза, в 1921—1922 гг. — членом Лондонского общественного комитета помощи голодающим России.

Дополнительная информация о Брайкевиче и его деятельности содержится в приведенном ниже фрагменте из статьи В. Леонидова: «Инженер, один из лучших выпускников Института путей сообщения, человек, благодаря которому были созданы портовые сооружения в Либаве, дредноут на Николаевской судостроительной верфи и Ейская железная дорога, он был очень популярен в России. И особенно в Одессе, городе, где несколько лет избирался городским головой, в том числе и в страшные годы Первой мировой и гражданской. <...> Еще он был товарищем министра промышленности и торговли Временного правительства, участником знаменитой Ясской встречи, когда представители политических партий России и глав

местного самоуправления российских регионов, не занятых большевиками, вели переговоры с союзниками о будущем России. Брайкевич всегда выступал против любого разделения Российской империи. Несутомимый демократ, редактор и издатель русского журнала „Экономист“, выходявшего в Англии, он много писал в эмигрантской прессе о необходимости свободы и частной конкуренции в своей стране, которую ему так и не довелось увидеть после отъезда в 1920 году. <...> Брайкевич, страстно любивший Одессу и долгие годы живший на Черноморской улице, оставил Новороссийскому университету более сотни картин, которые сегодня являются гордостью Одесского художественного музея» (*Леонидов В.* Собрание одесского городского головы в Оксфорде // *Русское искусство.* 2004. III. С. 28—29).

Дореволюционная коллекция Брайкевича в собрании Одесского художественного музея в 1975 г. пополнилась произведениями Сомова эмигрантского периода его творчества. Ксения Михайловна Филдинг-Кларк, старшая дочь Брайкевича, привезла из Лондона в дар Одессе портреты М. В. Брайкевича (1937; картон, темпера; 36,5 × 28,6), его младшей дочери Татьяны Брайкевич, в замужестве Соболевой (1931; холст, масло; 46 × 38, овал), портрет С. В. Рахманинова (1929; бумага на картоне, цв. карандаш; 26 × 21), нарисованный специально для профессиональной пианистки Татьяны Брайкевич. Другой портрет С. В. Рахманинова, созданный Сомовым в 1925 г. в Шато де Корбсвиле, в 1964 г. семья Брайквичей передала в ГРМ (холст, масло; 63,7 × 51,6). О нем см. примеч. 2 к письму от 16 авг. 1925 г. в наст. изд.

Несколько работ художника в составе большей части собранной Брайкевичем в Англии коллекции русского искусства по завещанию владельца были переданы в лондонскую галерею Тейт, откуда все поступило в Музей Эшмолеан в Оксфорде. Из сомовских работ там хранятся графический портрет М. В. Брайкевича (1934; бумага, карандаш, сангина; 25,1 × 18,7), эскиз портрета Татьяны Брайкевич (1931; бумага, пастель; 35,4 × 25,3), портрет Е. С. Михайлова — племянника художника (1916; холст, масло; 72 × 55), «Автопортрет в зеркале» К. А. Сомова (1928; бумага, пастель; 37,2 × 26,8), иллюстрации к повести Лонга «Дафнис и Хлоя» (1930) и др. Мечта Михаила Васильевича «собрать на чужбине, по возможности, полный музей русской школы живописи, точнее, той части этой школы, которую принято называть „Миром искусства“», сбылась (*Бенуа А. Н. М. В. Брайкевич // Последние новости.* 1940. 20 февр.).

О Брайкевиче и его семье см. письмо К. А. Сомова от 12 авг. 1936 г. в наст. изд.

¹⁰ Из писем К. А. Сомова сестре известно, когда и какие именно произведения заказывал ему М. В. Брайкевич. Так, 6 декабря 1924 г. художник писал, что «обещал сделать Михаилу Васильевичу» и уже начал «новую акварель — гуашь — девица среди зелени с собачкой» (*Сомов. С.* 261), 23 декабря 1928 г. — «начал свой Selbstbildniss для Михаила Васильевича» (Там же. С. 349), 31 декабря 1928 г. — накануне закончил «самый схожий из всех», что делал прежде, автопортрет пастелью — «Автопортрет в зеркале» — и описал его: «...портрет анфас, сбоку виден край овального зеркала и в довольно широком стеклянном скосе его отражается узкой овальной лентой одна, может быть, осьмая моего лица в увеличенном раза в полтора размере. Довольно необычно и небанально» (Там же. С. 349). О пяти «картинках», увезенных Брайкевичем в Лондон, Сомов сообщал сестре 23 июня 1932 г. (Там же. С. 397). «В скором времени ожидаю сюда Михаила Васильевича, — писал художник 4 июня 1934 г. — Это, может быть, мне будет полезно — он такой вечный мой энтузиаст, что подымет мой художественный дух, может быть, что-нибудь и приобретет из моих вещей» (Там же. С. 418).

¹¹ Вальтер Федорович Нувель. См. о нем примеч. 17 к письму К. А. Сомова от 3 марта 1926 г. в наст. изд.

¹² Имеется в виду Борис Михайлович Снежковский (род. 1910), с 1929 г. натурщик К. А. Сомова, моложе художника на 41 год. Сомов называл его «Дафнис» по имени героя античного буколического романа Лонга «Дафнис и Хлоя», который он иллюстрировал в 1930 г. Основой визуального образа Дафниса послужила внешность Снежковского, которого Сомов так охарактеризовал в письме сестре от 16 декабря 1929 г.: «...русский, 19 лет, оказался очень умным, образованным и славным. Так заинтересовался своим позированием и моею целью, что попросил меня дать ему прочесть роман Лонгуса» (*Сомов. С.* 361). Книга «Daphnis et Chloe» вышла в издательстве «Триоп» в феврале 1931 г. 6 февраля 1931 г. Сомов, возмущенный ее полиграфией, писал сестре: «Мерзость исполнения моих картинко превзошла все мои ожидания. <...> Знай, что между этими грубейшими оттисками и оригиналами — колоссальная разница — целая пропасть» (Там же. С. 378).

¹³ Вероятно, Станиславом Каганом.

¹⁴ С Михаилом Ивановичем и Аделью Эдуардовной Снежковскими.

¹⁵ Помимо образа Дафниса в иллюстрациях к роману Лонга (бумага, акварель, тушь, перо; 15 × 11) К. А. Сомов запечатлел Снежковского во многих акварелях, изображающих обнаженных (1933), в том числе из собрания Ренэ Герра (Франция), а также в картинах «Обнаженный юноша» (1937), «Портрет боксера» (1932) и т. д.

¹⁶ Известно, что сам К. А. Сомов был, по выражению И. Э. Грабаря, «страшным любителем кинема» (*Грабарь И. Письма 1917—1941*. С. 96).

¹⁷ Это не совсем так. Из писем К. А. Сомова сестре известно, что художник хоть изредка, но все же посещал и театры, и концерты. Так, 12 июня 1933 г. он «наслаждался» балетом Л. Ф. Мясина на музыку Боккерини «Scuola di ballo» (*Сомов*. С. 403), в начале ноября 1933 г. — концертным исполнением базельским хором «совершенно гениальной, бесподобной красоты» оперы Моцарта «Idomeneo» (Там же. С. 409). В мае 1934 г. вместе с Фокиными посмотрел три балета Иды Рубинштейн — «Диана де Пуатье», «Семирамида» и «Болеро», которыми остался недоволен. 4 июня 1934 г. Сомов писал сестре о посещении балетов Мясина: «Choeartium» на музыку 4-й симфонии И. Брамса, «Треуголка» на музыку М. де Фалья в оформлении П. Пикассо «Union Pacific» на музыку Н. Набокова (Там же. С. 418, 419). 10 февр. 1935 г. Сомов писал сестре, как накануне, «разодевшись в smoking, от которого несло немного камфорой, так как около двух лет его не надвдал, попал с Валечкой на даровщинку в Гранд Опера» на премьеру балетного спектакля «Salade» («Смесь») «в постановке Лифаря и с его участием» (Там же. С. 426).

¹⁸ «Русский балет Монте-Карло» — балетная труппа, созданная в 1932 г. на базе двух трупп бывших артистов императорских театров России. Одной из них руководил Ренэ Блюм, другой — полковник де Базиль (В. Г. Воскресенский), после смерти С. П. Дягилева (1929) купивший монопольное право на репертуар его антрепризы. После распада предприятия Дягилева многие артисты обосновались в Монте-Карло. Директором «Русского балета Монте-Карло» стал де Базиль, художественным руководителем — Блюм, главным режиссером — С. Л. Григорьев, балетмейстером — сначала Дж. Баланчин, потом — Л. Ф. Мясин. В 1936 г., с уходом Блюма, труппа приняла название «Оригинальный русский балет». Главным руководителем стал де Базиль. После его смерти в 1951 г. труппа прекратила существование. Гастрольные спектакли 1932 г. (9—21 июня) в парижском Театре Елисейских полей включали три одноактных балета Баланчина — «Мещанин во дворянстве», «Конкуренция», «Котильон» и два балета Мясина — «Сильфиды», «Детские игры». Парижские гастрольные 1933 г. (9—30 июня) — балеты Мясина «Пляж» и «Ноктюрн» (премьера), а также «Предзнаменования», «Матросы», «Прекрасный Дунай», «Сильфиды», «Школа танцев», «Детские игры» и балет Баланчина «Конкуренция». Гастрольные в Париже 1934 г. (28 мая—16 июня) — балеты Мясина «Мирный союз» (премьера), «Сильфиды», «Tucome», «Choeartium», «Жар-птица», «Карнавал», «Прекрасный Дунай», «Union Pacific», балет Баланчина «Конкуренция», постановка Д. Лишина «Воображаемы».

¹⁹ Елена Константиновна Сомова.

²⁰ К. А. Сомов имеет в виду Михаила Александровича Чехова (1891—1955) — актера, режиссера, педагога, племянника писателя А. П. Чехова, а также гастрольные спектакли Пражской группы Московского художественного театра, проходившие в парижском Théâtre des Arts 28, 30 января и 1, 2, 3 февраля 1935 г. Чехов играл в спектаклях «Ревизор» и «Чеховский вечер».

²¹ Евгений Иванович Сомов в письмах Константину Андреевичу, по-видимому, делился впечатлениями от личности М. А. Чехова, с которым познакомился в феврале 1935 г., когда по просьбе С. В. Рахманинова встречал знаменитого актера и его жену Ксению Карловну, приплывших пароходом в Нью-Йорк. С первой встречи Чеховы «очень понравились» чете Сомовых. В письме Рахманинову от 21 февр. 1935 г. Евгений Иванович признавался, что ему «доставляет огромное наслаждение общаться с таким невероятной деликатным и душевно тонким человеком», как Михаил Чехов (цит. по: Чехов Михаил. Литературное наследие: В 2 т. / Сост. И. И. Аброскина, М. С. Иванова, Н. А. Крымова; Вступ. ст. М. О. Кнебель. М.: Искусство, 1986. Т. 2. С. 521).

Нью-йоркские гастрольные Пражской группы МХТ, куда входил Чехов, завершились в начале апреля. Вероятно, об этих гастролях, о личности Чехова, о его разносторонних талантах и блистательной актерской игре и писал в своих письмах К. А. Сомову его американский родственник.

²² В труппе Московского художественного театра петербуржец М. А. Чехов состоял с 1912 г. Тогда он был занят в массовых сценах и эпизодах, играл роль Епиходова в «Вишневом

саде» А. П. Чехова. Это исполнение и не понравилось К. А. Сомову. Наиболее ярко актерское дарование Чехова раскрылось в спектаклях Первой студии МХТ, в том числе в инсценировке по рассказу Ч. Диккенса «Сверчок на печи», где актер исполнил роль Калеба. В начале 1915 г., после посещения Сомовым этого спектакля, при содействии А. Н. Бенуа состоялось личное знакомство художника с актером. В дневнике Сомов сделал запись о «превосходном молодом Чехове в роли престарелого игрушечного мастера» (*Сомов*. С. 138).

²³ Ироничное отношение к своей внешности, адекватное словосочетанию «несуразная фигуришка», 3 июня 1937 г. К. А. Сомов выразил в шарже на себя (бумага, акварель; 20 × 13,5; собрание Р. Герра, Франция). См. воспр.: *Images de Pouchkine Portraits d'exil. Dans l'oeuvre des peintres russes émigrés en France 1920—1970. Collection René Guerra. Préface de Henri Trouat de l'Académie française. Catalogue édité à l'occasion du Bicentenaire de la naissance de Pouchkine. <Paris, 1999>. № 77.*

²⁴ Ирины Викторовны Животовской.

²⁵ В. Ф. Нувеля и Б. М. Снежковского.

²⁶ К. А. Сомов пишет об Анне Андреевне Сомовой, в замужестве Михайловой (1873—1945), своей любимой и единственной родной сестре, близком друге. Она была певицей и художницей декоративно-прикладного искусства. Все цитируемое в примечаниях к настоящей публикации письма Сомова адресованы Анне Андреевне, которая все годы вместе со своей семьей жила в Ленинграде. В разные годы художник неоднократно портретировал сестру. Ее имя упоминается в письмах и воспоминаниях современников. Сведения об Анне Андреевне попытался собрать и обобщить петербургский краевед Г. И. Зуев в очерке «Анна Андреевна Михайлова» в его книге «Адрес мой — Владивосток, крейсер „Алмаз”» (СПб.: Славия, 2002. С. 136—218).

²⁷ В Петербурге, в доме 97 по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова). Построенный в 1830 г. четырехэтажный дом, окнами парадных комнат выходивший на Екатерингофский канал, принадлежал старинному дворянскому роду Лобановых. Дом стал частью приданого Надежды Константиновны Лобановой, в замужестве Сомовой (1835—1906), матери Александра, Константина и Анны Сомовых. После замужества в 1894 г. Анна Андреевна с мужем переехала в съемную квартиру в дом 57 по Офицерской улице, а Константин Андреевич продолжал жить с родителями. Его комната, «с двумя окнами, выходящими во двор, площадью несколько более двадцати метров», примыкала к кабинету отца (*Зуев Г. И. Анна Андреевна Михайлова*. С. 157). Отец художника — Андрей Иванович Сомов (1830—1909) — был искусствоведом, старшим хранителем по отделению картин, гравюр и рисунков Эрмитажа. После смерти родителей семья Анны Андреевны переехала в родовой дом, заняла квартиру в третьем этаже и до конца дней продолжала жить в нем. «Часто думаю с нежностью о комнате на Екатерингофском, о деревьях на нашем канале и о тишине», — писал 1 февр. 1924 г. сестре художник (*Сомов*. С. 231).

²⁸ Михайлова Сергея Дмитриевича (1869—1933). К 1917 г. С. Д. Михайлов был действительным статским советником департамента окладных сборов Министерства финансов, занимая должность чиновника особых поручений.

²⁹ К. М. Животовская изредка писала С. В. Рахманинову, он кратко отвечал. Так, 30 июля 1935 г. в ответ на письмо Клеопатры Матвеевны Сергей Васильевич писал: «Дорогая Пати, в моем адресе, состоящем из четырех слов, Вы сделали две ошибки: не Sinar, а Senar, не Herlonstein, а Hertenstein. Ох уж эти американцы! Ну, да ладно. Извиняю Вас, потому что люблю Вас! Привет и поклон. С. Р.» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие: В 3 т. М., 1980. Т. 3. Письма*. С. 59).

³⁰ Татьяна Сергеевну Коноус, которая жила неподалеку от К. А. Сомова.

³¹ Борис Юльевич Коноус. См. примеч. 10 к письму К. А. Сомова от 15 января 1933 г. в наст. изд. Из письма С. В. Рахманинова С. А. Сатиной от 3 июля 1935 г. известно, что Борис Юльевич в Париже «держал экзамены» на аттестат зрелости, «с отличием» сдал их и «теперь думает об университете». «Готовился только год и работал этот год ежедневно до поздней ночи» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 54*). Тем не менее к марту 1936 г. у Коноуса возникли «трудности» с университетом, о чем его тесть 18 марта 1936 г. сообщил той же родственнице: «Возможно, им придется переезжать в Женеву, если только его туда примут. Жалко мне Танюшу! Не везет ей!» (Там же. С. 73).

³² 8 марта 1933 г. у Т. С. и Б. Ю. Коноусов родился сын Александр. Любящий дед, С. В. Рахманинов, когда ребенку исполнилось два года, в письме С. А. Сатиной от 3 июля 1935 г. так охарактеризовал его: «Мальчик выглядит заморышем: худенький, бледный. Характером и по-

ведением напоминает дикого зверька. Никого не слушает, ни нас, конечно, ни мать — только отца. Очень самолюбив и застенчив. В то же время умный. А оригинал будет такой, какие бывают только в Тамбовской губернии. Мудрненький мальчик, и, боюсь, много горя Танюша с ним набредет. К тому же она так его любит, что он делает с ней все, что хочет, или, другими словами, — не делает ничего, что она хочет. В свои хорошие минуты бываешь очарователен» (*Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 54—55*). Александр Борисович Конюс (с недавних пор Рахманинов-Конюс) стал финансистом, юристом, наследником архива С. В. Рахманинова и всех авторских прав композитора, президентом Международной ассоциации друзей С. В. Рахманинова, организатором конкурсов имени знаменитого деда.

³³ Ирину Сергеевну Волконскую.

³⁴ С. В. Рахманинов.

³⁵ В феврале 1935 г. К. А. Сомов читал «две книги сразу — „Baletomania” Arnold’a Haskell’a и Suetone’ия „Les douze Cesar” <Светония «Двенадцать царей» — франц.>» (*Сомов. С. 426*).

³⁶ Роман «Грозовой перевал» английской писательницы Эмили Джейн Бронте (1818—1848).

³⁷ Например, в 1934 г. К. А. Сомов читал и перечитывал романы Ф. М. Достоевского «Под-росток», М. П. Арцыбашева «Санин», Поль де Кока «Гюстав, или Негодяй», а также не понравившиеся ему «Петербург» Андрея Белого и поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и «Песня про купца Калашникова» (*Сомов. С. 413, 415, 420, 421*).

³⁸ Мужу и дочери К.М. Животовской.

20

28 октября 1935

<Париж>

Дорогая моя, милая Paty!

Вчера получил Ваше грустное письмо, и мне поскорее хочется написать Вам и попытаться как-нибудь утешить Вас. На мое сердечное участие и ласку Вы всегда можете рассчитывать — я никогда не забываю, что у меня за океаном есть такой друг, как Вы!

Пройдет и забудется, как все в жизни, то, что Вы так остро теперь переживаете. Жизнь возьмет свое — Вы еще так молоды, ведь Вам нет еще и 40 лет. Советую Вам продолжать любить жизнь, вот так, как я ее люблю. Любить сам процесс жизни в ее лучшем и благороднейшем — видеть солнце и всю природу, дышать, двигаться, любить красоту, уметь ее находить везде, где она есть, общаться с немногими, но милыми уму и сердцу людьми, читать хорошие книги, слушать музыку, смеяться! У Вас есть еще десятки лет впереди, а я вот цепляюсь за остаток моей жизни. Потом, у Вас есть дочь, по-видимому, прекрасная, умная, любящая Вас.

Я понимаю и по себе знаю, как невыносимо тяжело переживать то, что у Вас, знаю потому, что и сам за эти годы, что мы с Вами не виделись, испытал сильное увлечение, в которое я вложил все свое существо. Счастья было немного, и оно кончилось; мне было очень тяжело, но я примирился и живу без него. Примиритесь и Вы! Когда заболеваешь болезнью — «любовь» (или влюбленность, или страсть), так некот<орые> пессимисты называют это чувство, пока не излечишься от него, все советы и увещания кажутся ненужными, неуместными, даже фальшивыми.

Дорогая Paty, боюсь, что мое письмо не даст Вам успокоения. Хотелось мне хотя бы только, чтобы Вы почувствовали, прочтя мое письмо, что у

Вас есть далекий друг, который Вас понимает и жалеет Вас, и сочувствует Вам.

Вашу тайну я, конечно, не сообщу Елене никогда. Что у Вас с ней произошло? Почему такое охлаждение после горячей дружбы? Жаль, что Вы не можете быть с нею откровенной. Она ведь так отзывчива и, может быть, сумела <бы> дать Вам совет и утешение.

На этот раз про себя и свои дела писать не стану. Все у меня серо на сером осеннем фоне, и здоровье мое скверное, и дела мои.

Я Вас просил прислать мне свою фотографию, хотелось бы видеть еще, какая теперь Ваша дочь, пришлите мне!

Я же посылаю Вам свою последнюю. Но она совершенно не соответствует тону этого моего письма. Скажете: «сидит самодовольный, довольно раскормленный сибарит».¹ Часто *les apparences sont trompenses* <наружность обманчива — *франц.*>.

Целую нежно Вас. Пишите мне еще!

Ваш К. С.

¹ На фотографии К. А. Сомов запечатлен сидящим в кресле с сигарой в правой руке. На обороте снимка — авторская надпись: «Дорогой Paty, 28 окт<ября> 1935»; сверху другая надпись: «6 окт<ября> 35». Фотография хранится в РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 41, л. 1, где находятся и еще два похожих снимка. На одном сидящий в кресле Сомов держит в правой руке сигару, левая рука — на талии (Там же, л. 2). На другом снимке сидящий в кресле Сомов смотрит на книгу (Там же, л. 3). На обороте обих фотографий — дата: «1936».

21

10 января 1936
<Париж>

Дорогая моя Paty,

Получил Ваше письмо, очень благодарю Вас за пожелания на Новый год и шлю Вам тоже мои поздравления и желание Вам всех благ, здоровья и спокойствия духа. Буду поджидать от Вас более подробных вестей. С Еленой я в переписке, еще недавно получил ее длинное письмо, отвечал ей и ничего о Вас не писал. Про себя нового ничего написать не могу — все по-старому; работаю теперь над портретом-этюдом, не заказным, а для себя, для упражнения в портретном искусстве.¹ Праздники (по новому стилю) провел тихо, если не считать одного «выхода со двора» в канун Нового года. Был в небольшой компании, всего 4 человека — одна леди и трое мужчин, трех возрастов — 66 лет (я), 47 и 25, а самой леди 28.² Был большой ужин, очень вкусный, хорошие вина и шампанское St. Marcoux extra-dry. Что называется, честь честью. Даже надо было напялить на себя фрак, который по большей части лежит у меня в камфоре и нафталине. Кажется, не одевал его года 4! Вот какая, Вы видите, у меня не светская жизнь.

Больше сижу дома по вечерам и читаю. Радуюсь, что становится в Париже светлее, весь декабрь у нас был темный и очень дождливый, а темнота и непогода очень действуют на меня — всегда на душе грустно.

Елена мне пишет, что она вся в музыке, там у них Рахманинов, и они наслаждаются и его концертами,³ и другими. По ее письмам, она все такая же энтузиастка, всем интересуется и у нее множество друзей, и очень много новых. Вы, по-видимому, с ней не в переписке — она мне давно уже ничего о Вас не сообщала. Получаю я от времени до времени от них и их фотографии — по-видимому, оба они изменились — не к молодости — увы. Ведь 11 лет уже прошло, как мы расстались. Вот, дорогая Пати, кажется, все, что мог Вам написать. Это не месть за Ваше короткое письмо, не подумайте.

Целую Вас крепко и еще раз желаю Вам бодрости духа, надеюсь, Вам теперь уже лучше.

Ваш К. С.

Следовало бы и Вам прислать мне свою фотографию! Подумайте об этом, не забудьте. Пошлите мне и фото с Вашей дочки, хотелось бы видеть, какая она теперь молодая особа. Я предполагаю, что она очень хорошенькая.

¹ Вероятно, речь идет о портрете-этюде Б. М. Снежковского. 16 января 1936 г. К. А. Сомов писал сестре: «Вчера вечером — днем 2 часа работал над портретом...» (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 192, л. 7 об.). «Как видишь, я все еще не кончил своего портрета-этюда с Д<афни>са! Не нравится мне он — замазал его, записал, и ужасно от него устал. Но из упрямства все же хочу его довести до окончания. Сходство большое, но не такое, к какому я стремился. Лицо вышло лет на 5 моложе и слишком „bebe-cadum“ <?>. Поэтому я все время не я душой — точно все время болели зубы. Какое иногда грустное, тягостное бывает мое метic! Несудача всегда меня сражает. Буду писать еще два дня, а в понед<ельник> у Д<афниса> начинается служба, и он не будет больше свободен. Служба у него довольно жалкая, коммиссионерство на проценты, без жалования. А у него нет свойств для коммиссионерства, он и застенчив, и не умеет навязывать и приставать. А по вечерам он учится массажу, чтобы добыть себе на этот предмет диплом. Да, жалка его доля. Способный, умный, но прогулял 5 драгоценных лет. Ему уже теперь 25. Часто он бывает очень мрачен, он понимает свое положение, в сущности безвыходное» (Там же, л. 9). И только 23 янв. 1936 г. художник сообщил сестре: «Завтра я кончаю свой портрет-этюд — остался небольшой уголок фона...» (Там же, л. 13).

² Мужчиной 25 лет мог быть Б. М. Снежковский, другие лица не установлены.

³ С. В. Рахманинов находился в Америке с концертами с начала октября 1935 по январь 1936 г.

10 июня 1936
<Париж>

Дорогая моя Patty,

Наконец-то я собрался Вам написать — чувствую себя перед Вами свинтусом — давно получил Ваше письмо, Ваш портрет, а 3-го — телеграмму.¹ За все благодарю бесконечно! Даже день моих именин не забыли!

Портрет Ваш мне очень понравился, Вы все еще очень молоды, и я надеюсь, фотография не врет относительно этого. Вот только выражение лица и глаз особенно незнакомое мне, грустное — не то, как тогда, когда мы с Вами и Еленой сидели в роще на обрыве в New York'e (дача Webster'a) и резвились, как дети, хохотали, шутили, дразнили друг друга. О время, и жизнь! Надеюсь, теперь Вы себя нравственно чувствуете лучше, спокойнее, Ваше объяснительное письмо мне все объяснило. Дай Вам Бог войти в счастливую и спокойную колею. Что касается меня, я жив и, несмотря на мои немощи — больную ногу, много работаю и, скорее, с успехом. Недавно у меня был интересный и сезонный заказ из Лондона. Тамошний мой друг² заказал мне не копию, а парафразу — вроде как бы Bach — Busoni <Бах — Бузони> или Mozart — List <Моцарт — Лист> — на одну знакомую картину, в которую мой друг влюблен, — профильный портрет молодой женщины работы A. Pollajuolo.³ Он находится в Chantilly.⁴ Мне была дана полная свобода сочинить краски и колорит моего варианта, я только точно придерживался рисунка и сходства. Я даже нарочно не поехал в Chantilly смотреть оригинал до начала работы, а поехал только после ее окончания. Заказчик приезжал за моей дамой — ее зовут La bella Simonetta <Прекрасная Симонетта — *итал.*>⁵ — и остался от нее в полном восторге, даже решил, что мои краски свежее, и что сама дама красивее оригинала. На этой копии-варианте я многому научился и очень доволен, что взялся за заказ, который сначала казался мне неисполнимым. А теперь я пишу портреты — к сожалению, не заказные — а в виде тренировки и усовершенствования.⁶ Видите, несмотря на мою старость, я стараюсь двигаться вперед. Все мне говорят, что я стал работать иначе и лучше.

Теперь в Париже интересная выставка, большая и полная Cezanne'a⁷ и много других⁸ — это несмотря на политические события, стачки и т. д. К сожалению, время бежит так быстро, лето наступает и пора думать о поездке на отдых в мой Grandvilliers — больше мне некуда деваться из экономических соображений, — Grandvilliers, который мне постыл после смерти Мефодия. И все там обветшало, зимой моя избушка заколочена, без присмотра, все это не молодеет ее. К тому же мои компаньоны — молодой художник и его жена,⁹ уже 3-й год ездящие со мной — очень неинтересные и даже скучные люди — у меня с ними нет ничего общего и даже сердечных отношений. Принужден ездить с ними, т<ак> к<ак> никто другой на такое отсутствие комфорта не поехал бы. Вот потому я и недоволен, что приближается время отъезда, — во 2-й половине июля. Но оставаться в городе на август очень тоже тягостно, надо и о здоровье своем подумать — в Grandvilliers все же чудный воздух и тишина. Собираюсь там поработать и почитать, читал я последнее время очень мало. Берег глаза, а читать я страшно люблю, и у меня лежит несколько очень интересных, не начатых еще книг. А Вы, дорогая Patty, что собираетесь делать летом? Куда поедете? Не в «избушку» к Сомовым? Вам бы хорошо было опять сблизиться с Еленой, я не совсем понимаю, почему ваши отношения изменились, были ли какие-нибудь конкретные на то причины или просто разлука и жизнь в разных городах?

Я думаю, отзывчивая Елена, все понимающая и Вас так всегда ценящая, поймет Вас в Ваших переживаниях больше, чем кто бы то ни был.

Вот, дорогая Patty, все, что я хотел Вам сказать, будьте здоровы, бодритесь, не теряйте надежды на счастье.

Всегда Ваш К. Сомов. Целую Вас нежно! Прилагаю Вам открытку с оригинала *La bella Simonetta*. По-моему, она не из красавиц. Но ее любили, у нее был целый двор поклонников, она была любовницей *Julio Медичи*,¹⁰ ей писали поэмы. Она умерла молодой.

Привет Виктору Тимофеевичу и благодарность ему за телеграмму.

¹ По поводу именин Константина и Елены, которые отмечаюся 3 июня.

² М. В. Брайкевич.

³ Речь идет о портрете Симонетты Веспуччи («Прекрасной Симонетты»), который датируется ок. 1500 г. (дерево, темпера; 57 × 42). После смерти К. А. Сомова искусствоведами установлено, что автором этого портрета является не Антонио дель Поллайоло (1433—1498) — итальянский живописец, скульптор и гравер флорентийской школы эпохи Возрождения, а Пьеро ди Козимо (1462—1521), настоящее имя которого Пьетро ди Лоренцо — представитель той же, флорентийской, школы, живописец, испытавший влияние Филиппо Липпи, Леонардо да Винчи и Хуго ван дер Гуса, ученик Козимо Росселли (1439—1507), с которым расписывал стены Сикстинской капеллы в Ватикане.

⁴ Château Chantilly — замок Шантийи, расположенный в шестидесяти километрах к северу от Парижа; некогда принадлежал баронам Монморанси и принцам Конде из королевского дома Бурбонов. Многие представители этих семей покровительствовали литераторам, художникам, коллекционировали произведения искусства. Известный своими ценностями историко-художественный ансамбль замок Шантийи — Музей Конде считается вторым после Лувра музеем Франции. Музей Конде включает крупнейшее собрание живописи, рисунка, произведений декоративно-прикладного искусства, предметов старинного быта, исторические реликвии, военные трофеи, архивные документы, огромную библиотеку.

⁵ К. А. Сомов имеет в виду копию портрета Симонетты Веспуччи работы Пьеро ди Козимо, исполненную им по заказу М. В. Брайкевича (холст, масло; 55 × 46; ныне в Музее Эшмолеан, Оксфорд). Внизу на изображении художник сделал надписи: слева — «A. Pollajuolo»; справа — «С. Somov». 1936.

⁶ Возможно, одним из таких портретов был портрет К. П. Тонконоговой. 10 февраля 1936 г. К. А. Сомов писал сестре: «Вчера утром у меня был сеанс <...> очень молоденькая и привлекательная особа <...>. Что-то появляется на рисунке уже хорошес, но это не заказ, а просто этуод для себя без всякой ответственности. Я даже не показываю его модели, которой даже плачу немного за сеансы. Хотя она богата!» (Сомов. С. 426).

⁷ Выставка французского живописца Поля Сезанна (1839—1906) экспонировалась летом 1936 г. в парижском музее Оранжери Тюильри. См. каталог: *Venturi L. Cezanne, son art, son oeuvre*. Paris, 1936. Т. 1—2. Запоздалый отклик о выставке поместил в парижской газете «Последние новости» за 17 октября 1936 г. А. Н. Бенуа. Разочарованный огромной по объему экспозицией, включавшей работы разного уровня, критик считал, что выставлять следовало только лучшие произведения. В результате, по мнению Бенуа, памятником «колоссальной работы», которую провели устроители, останется только «превосходный каталог» (цит. по: *Бенуа А. Опоздавшие // Бенуа А. Художественные письма. 1930—1936*. Газета «Последние новости», Париж. М.: Галарт, 1997. С. 343—346). Посетившая выставку художница З. Е. Серебрякова, исповедующая иные художественные принципы, получила «от такого количества Сезаннов» странное впечатление: «любуйтесь красками, но досадное чувство не покидает (беспомощность рисунка)... А все „снобы“ здесь сходят до сих пор по Сезанну с ума!» (Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице / Авт.-сост. В. П. Князева; Авт. примеч. Ю. Н. Подкопаева. М.: Изобразительное искусство, 1987. С. 112).

⁸ К парижским выставкам первой половины 1936 г., которые могли бы заинтересовать К. А. Сомова, можно отнести персоналии французских живописцев Жоржа Сёра (1859—1891) и Клода Моне (1840—1926) в галерее Розанбера, Камиля Коро (1796—1875) в Оранжерее Тюильри и «наполеоновского» художника, барона Жана Антуана Гро (1771—1835) в музее Пти-Пале. Возможно, Сомов проявил интерес и к очередным выставкам трех традиционных парижских Салонов — Независимых, Весеннего и Тюильри, к выставке испанских работ Алексея Грищенко (1883—1977) в галерее Друот. Конечно, он не мог не посетить выставку

«младшего мирискусника», Дмитрия Бушена (1893—1993), открывшуюся в той же галерее Друот в конце февраля. Через два года Сомов будет присутствовать на вернисаже другой выставки Бушена, о чем 26 марта 1938 г. запишет в дневнике, упомянув встреченных там знакомых: «В. С. Нарышкину — напоролся! — зовет к себе, зовет идти с ней веч<сром> на выставку англичан. Рене Кестлин, кот<орая> со мной очень любезна, но я с ней нет. Андриуша Бакст...» (СР ГРМ, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 457, л. 7 об.).

⁹ Художники Л. А. Успенский и В. И. Буданова.

¹⁰ К. А. Сомов ошибся: легендарная красавица Симонетта Веспуччи (1453—1476) была возлюбленной Джулиано Медичи (1453—1478), мецената, отца незаконнорожденного Джулио Медичи (1478—1534), известного как папа римский Климент VII (1523—1534). Покоренные красотой и добродетелью Симонетты художники неоднократно запечатлели ее в своих произведениях. Симонетта скончалась от чахотки.

23

18 июня 1936

<Париж>

Дорогая моя Рату,

Только что получил Ваше письмо, а совсем на днях написал сам.¹ Теперь Вы знаете обо мне все новости, их всегда мало при моей уединенной жизни. С тех пор, т<о> е<сть> за несколько дней, ничего не произошло. Опять много работал и вчера закончил один заказ из Лондона² и могу сказать себе «уф!» и отдохнуть, походить по выставкам или просто поболтаться дома, болтаться по городу мне не суждено — виной тому мои больные ноги. А вот за Вас я чрезвычайно рад! Это Ваше письмо совсем иное, и как будто в Вас водрузился мир. Как это хорошо! И не кажется ли Вам теперь, что все было преувеличено? Впрочем, Вы сами об этом пишете. Но почему Вы думаете, что то письмо «причинило мне неприятности»? Почему близкому другу не сообщить о самом сокровенном, кому же, как не ему изливать свою душу и свои внутренние переживания. То письмо я совсем понял — Вы, я думаю, почувствовали это по моему ответу. Что касается simpleton'a <простак — *англ.*>, то было бы лучше на земле, если бы их было побольше, таких, как Вы. Я и себя во многом считаю simpleton'ом, несмотря на мой древний возраст и, казалось бы, на опыт. Но опыт часто ничему не учит, и опыты надо искать снова.

Советы же, пригодны они или нет, я всегда готов Вам давать, а уму-разуму, пожалуй, мне не научить, я думаю, Ваше сердце, искреннее и глубокое, лучше Вас научит, что делать, что и когда нужно. Я предполагаю, что в этой истории Ваше, Ваше сердце вывело Вас на правильный путь. Давай Вам Бог идти на этом пути дальше и обрести полное счастье и спокойствие. А дочь Ваша? Помогает Вам переживать жизнь и ее невзгоды? Кажется, она девушка серьезная и сердечная, совсем не *american flapper* <американская девочка-подросток — *англ.*>. Мне о ней писали, в прошлом и запрошлом году и очень ее хвалили.

Лев Александрович³ сделал мне комплимент, что я не изменился, если он и Вам так сказал, то, очевидно, это правда. На вид я еще держусь, и весьма неприятно, что я начал по-настоящему, по-старчески хворать. Но т<ак> к<ак> я хочу жить очень долго, я берегу себя всячески: очень мало

ем и только самые простые вещи, избегаю всего, что ерісé <пряно — франц.>, почти никогда не пью спиртных напитков, кроме изредка немного красного вина.

Хотя мало надежды, что мы увидимся еще на этом свете, будем все же надеяться на это. Вам легче попасть в Европу, чем мне в Ваши States <Штаты — англ.>! Никогда не собирайтесь умирать (как в прошлом году) и продолжайте радоваться, что живете. Жить, по-моему, это благо, что бы ни было вокруг. Жить надо научиться внутренне и для себя. Вот, оказывается, неожиданно для себя, кончаю письмо советом и ученьем «уму-разуму», совет неглубокий и банальный, но искренний. Как бы я был счастлив иметь Ваши годы и продать свою душу за молодость. Но Мефистофеля уже нет! И я очень крепко целую Вас и очень благодарен Вам за Ваше ко мне отношение настоящего, не забывающего и любящего друга. Сердечный привет Вик<тору> Тимофеевичу. А Ваша дочка на фото, которую Вы мне послали, похожа на китайночку или японочку, я ее совсем представлял другою, в 5 лет она обещала быть американской beauty <красавицей — англ.>.

Еще раз целую!

Ваш К. Сомов.

¹ См. письмо К. А. Сомова от 10 июня 1936 г. в наст. изд.

² Имеется в виду завершение работы над «парафразом» портрета Пьеро ди Козимо «Прекрасная Симонетта» по заказу М. В. Брайкевича.

³ Лев Александрович Нольде.

24

12 августа 1936
Grandvielliers
par Damuslle
(Eure)

Драгоценная моя Paty!

Отвечаю Вам на Ваше милое письмо с запозданием — не собрался ответить Вам сразу — теперь же в деревне¹ я посвободнее и вот пишу! В той же деревне, где Вы когда-то посетили меня.² Приехал я сюда неделю тому назад порядочно уставший и физически и нравственно от города и от работы там.

Но здесь так скверно — не запомню такого лета, дождь почти без перерыва, холодно и сыро. Мой бедный домик разбегается: недавно, в мое еще отсутствие, молодые художники, обычные мои здесь компаньоны,³ приехавшие ранее меня, проснулись от страшного треска — оказалось, что потолочная балка в их комнате треснула и покосилась; они пошли к местному каменщику-плотнику, он пришел, посмотрел и сказал им, что лучше в этой комнате не жить. В доме стало теснее. И во многих его местах угрожающие трещины, стены покосились. Так скверно здесь, что подумываю

вернуться в город. Хотя я умею опрощаться и жить без всякого комфорта, но в этом году не выдержу, пожалуй.

В городе я последнее время был сильно занят одним женским портретом⁴ — увы, не заказным! — мучился и «потел» над ним; выходит он в конце концов очень недурно, особенно как *portrait de peinture* <произведение живописи — *франц.*> (сходство не оставляет желать лучшего). Надо было его прервать почти оконченным: моя модель поехала на 3 недели в отпуск, потом уехал сюда я. Но если я сокращу свое деревенское пребывание, можно будет приняться за окончание портрета, что мне очень хочется — окончить и успокоиться, потому меня и тянет в город, а тут еще погода гонит. Милая Paty, Вы не совсем поняли меня, когда получили мое последнее письмо: я и не думал советовать Вам, чтобы Ваша Ирина⁵ стала *confidante* <доверенное лицо — *англ.*> в Ваших интимных сердечных переживаниях. Я Вас только спрашивал, какая она, и может ли быть для Вас вообще поддержкой, утешать Вас вообще и быть Вашим другом. Но, конечно, не делить с Вами Ваше горе, которое, я надеюсь, теперь если и не прошло, то уменьшилось и затихло. Все ведь наши душевные переживания проходят, забываются; и примиряешься. Отправить Ирину в Лондон пожить самостоятельно, мне кажется, очень счастливая мысль у Вас. Это ее сделает самостоятельной и приготовит к жизни. Вот что касается <нрзб.>,⁶ скажу Вам прямо, что из моей рекомендации ничего не выйдет. Он меня совершенно забыл, никогда не пишет. Он очень эгоистичен, невнимателен, и если даже Ирина добилась бы свидания с ним через мою рекомендацию, по правде сказать, мне не хотелось бы его просить о чем бы то ни было, зная бесцельность просьб, она, Ирина, ничего бы не получила от него, кроме равнодушия и... потом обида. У меня в Лондоне есть большой друг, у которого милая и культурная семья, две дочери и сын, все они гораздо старше Ирины, но все очень сердечные.⁷ Вот к этой семье (Брайкевичей) я и могу направить Ирину; Брайкевичи, конечно, все очень заняты, но по своей сердечности наверно хорошо примут ее.

О ревности: кто ее не испытал! Конечно, я знаю это чувство, не раз в жизни пришлось страдать и ревновать. Я думаю, любви без ревности и нет.

Вот! Любительскую фотографию или даже несколько их, очень буду ждать.

Я буду очень рад повидать Ирину, если она будет в Париже, только не знаю, сойдутся ли старый черт с ребенком, найдут ли общее, завяжется ли разговор. Посмотрим!

Целую Вас! Мужайтесь!

Ваш К. С.

¹ В деревне Гранвильс.

² См. письмо К. А. Сомова от 8 мая 1926 г. в наст. изд.

³ Л. А. Успенский, В. И. Буданова и Г. И. Круг.

⁴ Вероятно, портретом К. П. Тонконоговой.

⁵ Дочь К. М. Животовской.

⁶ Кого имсет в виду К. А. Сомов, неизвестно.

⁷ Михаил Васильевич Брайкевич и его семья: жена — Софья Андреевна (?—1975), переводчица, дочери — Ксения Михайловна (в замуж. Филдинг-Кларк; 1903—?) и Татьяна Михайловна (в замуж. Соболева; 1906—1965), сын Михаил Михайлович (1904—?), инженер. Об «очень

дружной семье» Брайкевичей, которую Сомов навестил в Лондоне в декабре 1923 г. по дороге в Америку, 25 дек. 1923 г. художник написал сестре (Сомов. С. 224). О Брайкевиче см. письмо К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

25¹

23 дек<абря>1936
Париж

WITH THE COMPLIMENTS OF THE SEASON
AND ALL GOOD WISHES
FROM
C. Somov.

And love!

23 dec. 1936.

Paris.

ПЕРЕВОД:

С поздравлениями и наилучшими пожеланиями

К. Сомов.

И любовью!

23 дек.<абря> 1936.

Париж.

¹ Поздравление отпечатано типографским способом. Приписка, подпись, дата и место вписаны рукой К. А. Сомова. Вложено в обложку с наклеенной репродукцией с произведения Сомова «Eagle Lodge, Golders Green Rd., N. W. 11». 1936.

26

21 марта 1937
<Париж>

Дорогая и миленькая Pety!

Я «свинья», а не Вы! Вы me a tremendous dear <мне ужасно дороги — *англ.*> и просто душка! И как я могу быть на Вас сердит! Вот Вы имеете полное право меня презирать! Я (кажется?) не ответил Вам еще на Ваше милейшее и нежное письмо от 16 октября; это непростительно позорно. А Вы на меня и не сердитесь, даже не упрекаете! Спасибо за присылку фотографий Ваших и Ирины. Вы и В<иктор> Т<имофеевич> удивительно не изменились, точка в точку, какие вы были в 1925 году. Фотография лжет ли, или вы в Америке так не меняетесь? Та Ваша фото, что Вы мне послали — в большом формате одна голова — хороша, но Ваше лицо для меня на ней чужое, я думаю, что как большинство подправленных и ретушированных фото она врет, и Вы не такая в жизни. А тут, на маленькой, совсем настоящая, прежняя Pety. Вы меня спрашиваете, как я нашел Женю;¹ когда он вылез из lift'a и открыл мне свои объятия, я остолбенел от удивления, до та-

кой степени он не изменился, ни одной незнакомой мне морщины, ни одного волоска. Это мне было чрезвычайно приятно, точно видел его вчера, и даже я думаю, что это помогло мне быть с ним как в старину, никакого отчуждения — ведь расстояния и прошедшие годы так опасны для дружбы, — никакого стеснения или замешательства! Поэтому я Вас и спрашиваю, не американский ли это воздух так на Вас действует. С Женей я провел 5 дней в полном единении и дружбе, он меня и баловал, и ухаживал за мной (не то, что я был болен тогда). Вы меня еще спрашиваете о св<оём> портрете,² который я продал в свое время, и владелец которого застрелился — дурного признака для Вас тут я не нахожу — до сих пор не знаю, к кому он попал, мне надо встретить то лицо, которое может об этом знать. Но даже, если бы Вы сделали долларной миллионершей, я бы не советовал Вам его покупать — так как я считаю его неудачным, непоэтичным — я даже и продал его потому — удивляюсь, что нашелся на него охотник, впрочем, он в живописи ничего не понимал — я не подарил его Вам, как было бы, если б я был им доволен. Не надо Вам его и разыскивать! С Рахманиновым я встретился только из-за Жени, Таничка меня с ним пригласила к себе.³ С<ергей> Вас<ильевич> был со мной холоден, как лед. Очевидно, он не забыл истории, произошедшей между мной и его дочерьми в 1930 году — из-за невоспитанности и хамства этих молодых дам. И из-за другой истории, в которой С<ергей> Вас<ильевич> был со мной неблагороден — если Вам любопытно, Женя это знает и может Вам рассказать. Наталья Алекс<андровна>⁴ была со мной мила, но так, как она со всеми. У Рахманиновых всех нет «гения дружбы». Таничка, которая со мной раньше очень дружила и как будто любила меня, никогда обо мне и не вспоминает, хотя мы и живем друг от друга в 15 м<инутах> езды,⁵ а делает вид, что рада меня видеть только тогда, когда мы с нею изредка встречаемся на улице или в концерте. Да и интересной для меня она перестала быть — живет она мизерно — скупость! — занята ребенком, муж ее очень мне несимпатичен, он какой-то фальшиво вкрадчивый и чересчур вежливый,⁶ я думаю, и взяла она его совсем не по любви, а из-за боязни засидеться или *rag dépit* <с досады — франц.>. Так что, я думаю, мои отношения со всей семьей навсегда прекратились, и я не жалею об этом. Надеюсь дожить до Вашего приезда во Францию через 2—3 года, боюсь только, что вы меня не узнаете никак; выйдет к Вам сморщенный, ковыляющий старичок с недовольным и злым лицом и, к тому же, «дада», бестолковый и т<ому> под<обное>. Увы, близится такое для меня время. Нога моя в том же положении, жить еще можно, но не так весело: двигаться мне можно медленно, старческим шагом; лечиться мне надоело — я не люблю докторов и не очень им верю. Но живу я осторожно, т<ак> к<ак> жизнь люблю, и она меня интересует; очень мало и просто ем, не пью вина, только от любимого мной кофе не могу отказаться — это уже не в моих силах, и курю больше, чем мне можно; а и то, и другое при моем артрите вредно. Ваша Ирина⁷ (по стилю — говорю, смотря на ее фото) очень мила, прелестно сложена; думаю, что Вы ею довольны. Вот жаль только, что она не может ужиться с В<иктором> Т<имофеевичем>,⁸ я думаю, Вам это очень тяжело. И кто же из двух больше виноват? Мне очень приятно было прочитать Ваши слова о моих картинках, привезенных Женей для Елены,⁹ я в самом деле не сдаюсь и все стремлюсь

совершенствоваться и совершенствоваться, как то ни трудно, — иногда я страдаю ленью, отсутствием энергии, силы воли, иногда из-за глаз, которые последние годы сильно испортились. Последнее время я много занимался портретной живописью, портреты почти все, кроме одного, не заказные, а делал я их как упражнения, для разных экспериментов техники в этой области. Некоторые из них мне удались. А заказной портрет из очень неудобных: заказала мне его одна богатая дама, живущая постоянно в Лондоне и редко ненадолго наезжающая в Париж.¹⁰ Она очень стара, вся раскрашена в розовый цвет, волосы золотые (верно, из седых), но очевидно, в молодости была совершенно очаровательна. Я ведь мысленно умею реставрировать людей. Все это было бы ничего — и задача написать крашеную, стареющую красавицу очень интересна. Но она капризна, неохотно позирует, все время жалуется на нервы, на усталость, на *mondanités* <светские требования — франц.>, которым она подчинена, на необходимость возиться с портнихами; словом, такое впечатление, что она делает мне одолжение.¹¹ Даже я не понимаю, почему она заказала мне портрет. В течение двух лет она дала мне всего 7^{1/2} сеанса — этого, конечно, для меня чрезвычайно мало. Я сделал с нее один неоконченный рисунок и мало подвинутый этюд масляными красками. А теперь я решил не ждать ее, и по этим двум этюдам написать ее портрет от себя, так сказать, по памяти. Вот 3 дня, как я этим занят; к моему необычайному удивлению, работа сразу пошла на лад, и я надеюсь с нею справиться. А если не будет довольна, пошлю ее to all the devils <ко всем чертям — англ.>! И наговорю ей в лицо не очень приятные вещи.

Карьера художника, особенно портретиста, часто бывает очень несладкой. Но, к сожалению, заказы теперь так редки, что надо за них держаться. Что касается моих, они все реже и реже. Думаю, что меня скоро все позабудут. Да, я так понимаю, как Вам будет грустен переезд Жени и Елены в Англию,¹² и, верно, навсегда. Вам горе — а мне радость! Надеюсь с ними видеться хотя бы раз в год. М^{ожет} б^{ыть}, я соберусь к ним в Dartington¹³ — они меня уже туда очень приглашают. Это место очаровательно — Вы, наверно, его знаете по книжкам, что у Жени. Я рад, что Вы опять дружите с Еленой, был у Вас ведь период, когда было некоторое охлаждение? Вот, дорогая Pety, я Вам настроил! Разбираете ли Вы мои скверные каракули? Начиная письмо, всегда стараюсь писать четко, потом забываю! Если не разбираетесь в них, напишите, я буду стараться тогда больше. Я очень за Вас радуюсь: Вы пишете, что духовно выздоравливаете и опять любите жизнь, that's splendid <это прекрасно — англ.>! Так лучше! У нас начался сезон интересных художественных выставок, сейчас великолепного Degas'a,¹⁴ совершенно восхитительного мастера, не знаю, был ли он когда выставляем в N^{ew} Y^{ork}; выставка Const^{anten}'a Guys'a, рисовальщика, очень живописного, времен 1840—1860 год^{ов}.¹⁵ Выставка каталонского пейзажа, перевезенная в Париж из музея в Барселоне.¹⁶ И т^{ак} д^{але}, и т^{ак} д^{але}.¹⁷

Целую Вас нежно и благодарю за память и ласку!

Ваш К.

Очень прошу меня извинить за помарки.

¹ Евгений Иванович Сомов приезжал в Париж, где произошла их встреча с Константином Андреевичем, вероятно, в связи с предполагавшимся переездом Сомовых из Америки в Англию. Оставшись без работы после переезда С. В. Рахманинова в Европу, Евгений Иванович получил приглашение М. А. Чехова, проживавшего с октября 1936 г. в Англии, работать в его театральном предприятии. Потеряв надежду получить работу в Америке, Е. И. Сомов с горечью писал С. В. Рахманинову 11 марта 1937 г.: «Сорвалось. Значит, надо что-то придумать на предмет дожития отпущенных мне лет земного существования. Первым шагом, очень тяжелым для меня шагом, будет подание заявления о принятии меня в американское гражданство. Хотя моей России, очевидно, не видать больша, — все же это делать очень тяжело, Сергей Васильевич, как Вы и сами это чувствуете. Но, видимо, это надо сделать» (цит. по: *Рахманинов С. Литературное наследие*. М., 1980. Т. 3. С. 299).

² О портрете К. М. Животовской (1924) работы К. А. Сомова.

³ Т. С. Конюс с семьей жила в этот период главным образом в Париже, куда время от времени приезжали ее родители. С. В. Рахманинов в письме Е. К. и Е. И. Сомовым от 24 апреля 1937 г. писал: «Было очень приятно провести время в Париже с Танюшей, которая почему-то очень похудела, но и похорошела. Мальчик ее презанятный: умный, шельма и комик. Много нас потешал своими разговорами. У Танюши хронически меняются няньки. <...> Бедная Танюша!» (*Рахманинов С. Литературное наследие*. Т. 3. С. 105).

⁴ Жена С. В. Рахманинова.

⁵ Дом, в котором жила Т. С. Конюс, — 45 Boulevard Vaucausjoue — находился в том же 16 районе Парижа, где жил К. А. Сомов.

⁶ Письма С. В. Рахманинова конца 1930-х гг. дают представление о муже и сыне его дочери. Так, он писал В. Р. Вильшау 7 июня 1937 г.: «Муж ее с достойным удивления упорством и прилежанием окончил в один год гимназию и поступил в высшую школу. Сейчас у него экзамены, а окончательные экзамены еще через год. Танюша к нему часто ездит отсюда. Мальчику их уже четыре года. Он у нас сейчас. Умица и оригинал, но характер довольно трудный (в Конюсов, вероятно) и приносит много мучений своей матери» (*Рахманинов С. Литературное наследие*. Т. 3. С. 110). 19 июля 1938 г. С. В. Рахманинов сообщал Е. К. и Е. И. Сомовым, что Борис Юльевич «сдал великолепно экзамены и сейчас отбывает двухнедельную военную службу» (Там же. С. 136), а через год, 7 июля 1939 г., в письме С. А. Сатиной, что наконец-то зять окончил военную школу и собирается искать работу.

Летом 1939 г. Рахманинов приобрел для Татьяны Сергеевны «небольшое владение в сорока милях от Парижа», в Шамборэ, но дача требовала перестройки, ремонта и финансовых вложений; между тем дочь и зять оказались неопытными в этом отношении. Рахманинов писал Сатиной: «Начинает мне казаться, что и Бор<ис> Юльевич не очень деловит, если не допустить, что он вообще не хочет в эти дела вмешиваться» (Там же. С. 159). Когда в июне 1940 г. немецкие войска вошли в Париж, дача Конюсов оказалась в захваченной фашистами зоне. После отъезда С. В. и Н. А. Рахманиновых в Америку в августе 1939 г. с Татьяной Сергеевной, оставшейся во Франции, они больше не увиделись.

⁷ Дочь К. М. Животовской.

⁸ Со своим отцом.

⁹ О каких произведениях речь идет, неизвестно.

¹⁰ Госпожа Филипс. Ее портрет, написанный в 1937 г. (холст, масло; 55,2 × 46; овал), в 1989 г. был выставлен на аукционе Кристи (см.: *Christie's: Imperial and Post-Revolutionary Russian Art*. London, Thursday, 5 October 1989. P. 173. № 339). Поскольку портрет принадлежал семье М. В. Брайкевича, это означает, что заказчица его не приняла.

¹¹ Первоначально мне казается: «что она [неохотно ко] мне [сниходит]».

¹² См. примеч. 1 к наст. письму.

¹³ Дартингтон расположен на юге Англии, в Девоншире, недалеко от старинного города Тотнес, в красивейшем месте. Меценаты Л. и Д. Элмхерсты создали там «огромный центр, своеобразную сельскую и просветительскую утопию». Ссылаясь на архивный документ, Лийса Бюклинг пишет, что это был «эксперимент по развитию деревенской жизни» и что целью предприятия было дать местному населению не только работу и образование, «но и возможность творческой деятельности» (*Бюклинг Л. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938—1951)*. СПб.: Всемирное слово, 1994. С. 16). В Дартингтон-холле было задействовано четыре тысячи человек разных профессий. Были там также театр и студия при нем, руководимая с октября 1936 г. М. П. Чеховым.

¹⁴ Выставка Эдгара Дега (1834—1917) — французского живописца, одного из выдающихся представителей импрессионизма — открылась в Париже в марте 1937 г. Отклик о ней напечатал в двух номерах газеты «Последние новости» (№ 5832 за 13 марта и № 5846 за 27 марта) А. Н. Бенуа. 20 марта 1937 г. о выставке писала своим детям, Т. Б. и Е. Б. Серебряковым, друг К. А. Сомова, художница З. Е. Серебрякова: «Сейчас здесь открылась большая выставка Дега — это мой любимый художник, и я непременно пойду». Мнение Серебряковой особенно интересно, т. к. сюжеты ее произведений в наибольшей степени перекликаются с сюжетами знаменитого француза. 31 марта 1937 г. художница писала о выставке: «... Дега — дивный мастер! Всегда неожиданная композиция, и так остро взята жизнь и движенье! Балетные сцены, скачки, „моущисся“ женщины и т. д. и чудные портреты» (цит. по: Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. М., 1987. С. 114).

¹⁵ Выставка рисунков французского художника Константена Гиса (Эрнеста Адольфа Иасента Константена Гиса, 1805—1892) экспонировалась в Париже в феврале 1937 г. В «Последних новостях» (№ 5804, 13 февр.) А. Н. Бенуа поместил отзыв о ней. Гис известен в первую очередь своими многочисленными рисунками пером, подцветочными акварелью. В молодости он вместе с лордом Байроном участвовал в войне за независимость Греции. В 1840—1850-е гг. был военным художником одной из лондонских газет. В начале 1860-х поселился в Париже и всю оставшуюся жизнь посвятил зарисовкам всего того, что видел вокруг, беспристрастно наблюдая за нравами всех слоев парижского общества. Это эlegantная публика в театрах и на бульварах, и сценки в кабаре, бистро и публичных домах. Особенно художнику удавались изображения женщин. Работал он по памяти и очень быстро. Открыл Гиса как художника поэт Шарль Бодлер, напечатавший в 1863 г. в газете «Фигаро» серию статей под названием «Поэт современной жизни». Собранный Бодлером коллекция, включавшая несколько сотен рисунков Гиса, ныне принадлежит парижскому музею Карнавалле.

¹⁶ О «Каталанской выставке» А. Н. Бенуа написал в газете «Последние новости» (№ 5860, 10 апр. 1937 г.).

¹⁷ К. А. Сомов не упомянул «Пушкинскую выставку», которая не могла не заинтересовать его: А. С. Пушкин был любимым писателем художника. Выставка «Пушкин и его эпоха (100 лет со дня смерти)», открывшаяся 16 марта 1937 г. в Grande Galerie Pleyel, включала рукописи, гравюры, портреты, интерьеры, связанные с личностью А. С. Пушкина, его творчеством и его временем. Одним из организаторов выставки был С. М. Лифарь. В период ее экспонирования в Salle Pleyel и других помещениях русскими эмигрантами читались доклады и лекции, проводились концерты, вечера (например, 8 апреля — вечер, посвященный памяти Пушкина, 13 апреля — поэтический вечер современных парижских поэтов-эмигрантов, 14 апреля художник М. В. Добужинский сделал сообщение на тему «Рисунки Пушкина»). В Grand Opera в новой постановке Ф. Гобера получила возобновление опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (премьера 22 марта). В апреле вышел из печати иллюстрированный каталог «Пушкинской выставки» (оформление А. Н. Бенуа). 18 апреля состоялось торжественное закрытие выставки, на котором произведения А. С. Пушкина читали И. А. Бунин и О. А. Судейкина. Вполне допустимо, что многие из этих мероприятий посещал Сомов. О «Пушкинской выставке» в «Последних новостях» писал А. Н. Бенуа (№ 5853—5854, 3—4 апр. 1937 г.). См. также: Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935 — 1937): В 2 т. М.: Эллис Лак, 2000; Денисенко С. В. Пушкинские торжества 1937 г. в русской эмиграции (По материалам Л. Варсано) // Зарубежная Россия. 1917—1939. СПб.: Лики России, 2003. Кн. 2. С. 312—315.

8 октября 1937
<Париж>

Миленьякая моя дорогая Paty!

Пишу Вам сегодня не потому, что только что получил Ваш подарок — носки превосходные во всех отношениях, как раз то, что я люблю! — это было бы свинство: получил подарок и написал, а без подарка не писал! Пи-

шу потому, что давно, давно собирался ответить Вам и особенно последние дни все думал: «вот сегодня вечером буду писать Paty». За подарок очень, страшно Вас благодарю — как это Вам не надоело меня баловать! Ваш знакомый Чехович¹ оказался человеком очень приятным, посидел у меня довольно долго и просил позволения послезавтра приехать ему с матерью, которая, говорит он, очень интересуется живописью и понимает в ней. Он мне много говорил о вас, и я радовался, что теперь вы в prosperity <благосостояние, процветание — *англ.*>, даже приобрели дом около Вашингтона, что у Викт<ора> Тим<офеевича> хорошая работа, а главное, что Вы здоровы и вид у Вас бодрый и оживленный. Одно только, вероятно, Вам неприятно — это то, что дочка Ваша не может попасть в Dartington.² Но, с другой стороны, зачем Вам с ней разлучаться; а если у нее настоящее призвание быть актрисой, то ведь и в Америке можно ей сделаться, особенно если у нее и талант, и способность серьезно работать. Чехович мне сказал, что дочка Ваша очень миленькая, с пикантным лицом, высока и стройна — все, что надо, чтобы стать актрисой. Я ее знаю только по фото, по которой нельзя судить о росте и подробностях наружности. Вот бедные мои Женя и Елена тоже не попадают в Dartington, а как это было бы для них важно, я думаю, они так устали мыкаться и не имеют настоящего положения. А Жене театральное дело при Чехове так бы подходило, так было бы по душе.³ Елена же блаженствовала бы среди чудной природы: я имею полное представление о Dartington'e, т<ак> к<ак> Женя дал мне о нем две книжки, изобильно иллюстрированные. Недавно в последнем письме Женя мне пишет, что Dartington окончательно провалился. В последнем Вашем письме (к моим именинам) Вы меня спрашивали, чего мне пожелать. Увы, теперь главное — здоровья и сил бороться со старостью, а остальное все бы пришло со здоровьем! Хотя я и провел целый месяц в великолепной погоде в столь знакомом Вам Grandvilliers, мне не стало лучше, боюсь, скорее, хуже. Весь до ног я здоров — а ноги дрянь! Если б Вы знали, какая это гадость — не иметь возможности быть подвижным, — Вы помните, какой я был неутомимый и сколько мы с Вами исходили километров, шутя. «Внутреннюю молодость» свою цепко держу в руках, но как ее удержать, если она стремится прочь! Если бы еще все окружающее было жизнерадостным и счастливым — это бы поддерживало — вот Чехович говорит, что в Америке жизнь превосходна, — а у нас кислота и грусть, все мои друзья борются за жизнь и не побеждают в этой борьбе. Нет веселых лиц и счастливых. Этот месяц в деревне я не работал, а сидел большей частью в кресле в дверях моей комнаты, наслаждался воздухом и тишиной и читал. Да и по возвращении в город долго не мог принудить себя работать — из-за лени и апатии; только вот дней пять тому назад раскачался и начал писать маленькую картинку из головы. М<ожет> быть, недели через две у меня будет позировать одна дама, некрасивая аргентинка — очень жадна, хотя дико богата, — не знаю, что из этого выйдет. Я ненавижу — для меня это мука — писать заказные портреты. Но отказываться было бы неблагоприятно: с каждым годом заказы и продажи картин реже и реже. Что касается Ирины и ее планов учиться у Чехова — должен Вам сказать, что я далеко не его поклонник, особенно как учителя. У него, что называется «ум за разум», и я бы свою дочь не отдал бы ему в ученье. По-моему, в Америке ак-

терское искусство стоит так высоко, что, я уверен, и у вас в Вашингтоне найдется какая-нибудь знаменитость, дающая уроки для сцены. Чехов же, по-моему, может скорее учеников своих свести с ума. Относительно Чехова мы с Женей, кот<орый> его очень ценит, совершенно расходимся. Если бы еще Женя и Елена были в Dartington'e, и туда приехала бы Ирина, оба они своим благоразумием и пониманием театра (особ<енно> Елена) могли бы быть ей хорошими советчиками, то она, Ирина, не запуталась <бы> в дебрях чеховской школы. Я помню последнее выступление Чехова в Париже в качестве режиссера — это был такой грандиозный провал и позор, что сезон его ограничился всего одним представлением,⁴ а денег он ухнул уж ли не 500 тысяч, меценатских. Все это я пишу Вам и Ирине в утешение. Что Вам еще сказать? Наступило осеннее темное время — а я осенью всегда грустнее. Наша выставка 1937 <года> меня не интересует — все эти некрасивые павильоны с разной дребеденью — был на ней всего раз, толпы народа и теснота.⁵ Единственное, что при выставке грандиозно и превосходно — это новый музей, в котор<ом> выставлены невероятные шедевры, так он и называется «Les chefs d'oeuvre de'art francais» «Шедевры французского искусства» — *франц.*⁶ Картины привезены на нее со всего света, даже из петерб<ургского> Эрмитажа. Вот, дорогая Pety, кажется, я уж очень расписался! Желая Вам, Вик<тору> Тим<офеевичу> и Ирине всех благ, какие возможны. А Вас еще раз благодарю и нежно целую.

Всегда Ваш К. Сом<ов>.

Понимаете ли Вы мои каракули?

¹ Американский знакомый К. М. Животовской, с которым она передала посылку К. А. Сомову.

² Имеется в виду Театральная студия М. А. Чехова в Дартингтоне. Открывшаяся 3 октября 1936 г., она была призвана в течение трехлетнего курса обучать актеров, способных поднять современный театр на новый уровень. Кроме того, цель студии заключалась в создании постоянной интернациональной гастрольной труппы.

³ К. А. Сомов знал, что летом 1937 г. М. А. Чехов предлагал Е. И. Сомову работу в своем дартингтонском предприятии. 28 июля 1937 г. Е. И. Сомов в письме С. В. Рахманинову цитировал письмо к нему Чехова, в котором тот писал: «Дартингтон — место практическое, и после моего предложения касательно Вас был немедленно создан следующий план: пригласить мистера Сомова в Дартингтон для переговоров в сентябре и, буде переговоры пойдут благоприятно, приятно и благополучно, предложить мистеру Сомову принять участие в качестве административно-организаторской силы в создаваемой здесь театральной школе и позднее театра в руководимых неким Моившей Чеховичем. <...> Женечка, дорогой, садитесь за стол и пишите скорее мне: „да” или „нет”...» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. М., 1986. Т. 2. Искусство актера. С. 524—525.*). Однако, судя по дневниковой записи К. А. Сомова от 8 декабря 1938 г., «из-за невозможности получить визу» Евгению Ивановичу не удалось занять это место и пересечь в Англию (*Сомов. С. 434*). Кроме того, в декабре 1938 г. Чехов со своей студией вынужден был перебраться из Дартингтона в Америку.

⁴ К. А. Сомов имеет в виду гастроль Пражской группы МХТ, которые проходили в парижском театре «Марэ» (Théâtre des Arts) в конце января—начале февраля 1935 г. М. А. Чехов был режиссером «Ревизора» и исполнителем роли Хлестакова. Точку зрения Сомова на этот спектакль разделял и С. В. Рахманинов. 29 янв. 1935 г. он писал Е. И. Сомову: «Вчера вечером был на премьере „Ревизора” с Чеховым, которого через недлю везут Вам в Америку. Чехов только местами удивительно хорош. А если где нехорош, то от переигрывания. Недурен городничий. Остальное — одно горе. Сплошной шарж. В общем — разочарование» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие. Т. 2. С. 520*).

⁵ Речь идет о Всемирной выставке в Париже 1937 г., проходившей под девизом «Искусство и техника в современной жизни». Под выставочные павильоны было отведено несколько гектаров земли по обоим берегам Сены — от дворца Трокадеро до Высшей военной школы. Участником выставки был СССР. Советский павильон, построенный по проекту архитектора Б. М. Иофана, венчала скульптурная группа В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница», созданная в новом материале и по новейшей технологии.

Своими впечатлениями о выставке делилась с К. М. Животовской и ее лондонская знакомая Т. Чернавина. 12 дек. 1937 г. она писала, что больше всего ей понравились французские павильоны, где экспонировались «фарфор, ковры, декоративное искусство». «Советский павильон — это сплошная агитка, как Германский и Итальянский. Будто там нет ни страны, ни людей, а только политика и правительства» (РО ИРЛИ, Р. I, оп. 8, № 40, л. 6 об.).

⁶ Парижский музей современного искусства (Le Musee d'Art Moderne de la Ville de Paris), открытый в здании Дворца Токио, построенном для Всемирной выставки 1937 г. В коллекцию музея вошли произведения кубистов и фовистов парижской школы, знаменитый триптих А. Матисса «Танец» и одна из самых больших настенных композиций Р. Дюфи — «Фея электричества».

28

19 авг<уста> 1938
Grandvilliers
(Eure)

Миленьякая Рату!

Хоть нас и отделяет друг от друга и время, и пространство, я нет-нет и вспоминаю о Вас! Давно — кажется уже больше года — не имел от Вас известий. Хочу напомнить Вам о своем существовании из деревни, в которой Вы у меня прогостили на узкой и неудобной постели. Как это уже давно! Очень бы хотелось знать, как Вы поживаете, какое у Вас состояние духа теперь. Если знаю о вас, то только косвенно от Елены. Знаю, что Вашей дочке не удалось попасть в школу Чехова в Dartington! Что она вместо актерской карьеры занялась совсем другим — изучением экономики, что она высокого роста и хорошенькая.¹ Все это Вы должны мне подтвердить. Как дела? Хорошо ли устроился В<иктор> Т<имофеевич>? Про себя могу сообщить немного, особенно нового и интересного. Увы, все время старею! Этот зимний сезон довольно много работал и на свои дела жаловаться не могу — были кое-какие продажи, что вообще по теперешним временам в Париже не часто бывает, даже у франц<узских> художников. Писал, но не дописал женский портрет одной аргентинки-немки, буду его кончать в декабре.² Сюда я переехал усталый и изнервленный, т<ак> к<ак> много волновался из-за этого портрета, не сразу удававшегося.³ К тому же в мае в Париже было в квартире так холодно — у нас возмутительный обычай переставать давать центральное отопление с 15-го апреля, не сообразуясь, холодно или нет, — что я простудился, получил грипп, потом lumbago, заболели почки, и пришлось обратиться к доктору — лечиться я вообще не люблю и к докторам прибегаю очень редко. А с моими недомоганиями как раз совпала работа над этим портретом.

Но здесь, в Нормандии, — я уже здесь около месяца — так хорошо, такая ясная и теплая погода, какой давно не было, что мне стало гораздо лучше. В этом году со мною поехали мои большие друзья — супруги Снежковские,⁴ и мне с ними как у Христа за пазухой. Оба они уже немолодые

люди. Заботятся и балуют меня они чрезвычайно, ничего мне не дают делать. Они отличаются необыкновенной чистотой и аккуратностью — не так, как обычные чумички и грязнули, с которыми я ездил сюда обыкновенно, — молодые муж и жена, художники.⁵ В этом году они заняты работой в Париже и приехать не могли. Я от этого только выиграл. Снежковская необычайно хорошо знает кухню — вроде Елены, — и все у нее спорится, умеет делать превосходные герас (застолья — *франц.*), тратя при этом очень немного, до удивления. Здесь я в этом году совсем не работаю, ни кистью, ни карандашом, а вполне отдыхаю, и время летит необыкновенно быстро. Скоро надо будет думать об отъезде в Париж; поэтому, если будете мне писать, направляйте письма на парижский адрес (24, rue de Cività, Paris 16me). Чтобы не болтаться все время и не заскучать, довольно много читаю,⁶ зимой было у меня на чтение меньше гораздо времени. Я думаю, что и в этом году Вы с дочкой будете гостить в их знаменитой «избушке».⁷ Я еще не получил ответа на мое письмо Сомовым, недавно написанное. Я очень надеюсь, что Вы счастливы и спокойны и что все, волновавшее Вас, прошло, и Вы о нем забыли.

Вернувшись в город, я намереваюсь сразу засесть за работу после такого отдыха. Впрочем, меня очень зовут друзья — Брайкевичи,⁸ — приглашали на сентябрь в Лондон погостить. Но я не решаюсь пуститься даже в такой несложный путь из-за моей ноги и других моих bobos <болячек — *франц.*>, боюсь, что это будет не в удовольствие, и я только буду чрезвычайно уставать. А Лондон я люблю, и там так много меня интересующего, и музеи, и сам Лондон. Пока еще не решил, как ни наседают на меня мои тамошние друзья.

Вот, моя дорогая Paty! Надеюсь, что Вам захочется написать Вашему старому и уже теперь старинному другу!

Посылаю Вам мой нежный поцелуй, а В<иктору> Т<имофеевичу> и дочке Вашей мое крепкое рукопожатие!

Всегда любящий Вас

К. Сомов.

¹ О дальнейшей судьбе Ирины Викторовны Животовской известно из писем С. В. Рахманинова, адресованных ее родителям. Так, судя по письму от 26 марта 1940 г., Ирина вышла замуж и уехала от родителей (*Рахманинов С.* Литературное наследие. М., 1980. Т. 3. С. 174). 16 апр. 1940 г. Рахманинов с присущим ему юмором писал К. М. Животовской: «Радует нас очень, что „бэби“ нашла себе место, да еще с таким жалованием. Я чуть в обморок не упал. Появился, наконец, человек, у которого я могу занимать деньги» (Там же. С. 177). 17 окт. 1942 г. композитор поздравил Животовских с рождением внука (Там же. С. 222).

² Портрет графини Росарио Зубовой (урожд. Шиффнер; 1891—1984), жены графа Сергея Платоновича Зубова (1891—1968), над которым художник работал с ноября 1937 г. до дня своей смерти, 6 мая 1939 г. Перерывы в работе были связаны с частыми отъездами модели из Парижа. Портрет остался неоконченным. Он хранился в Швейцарии, в женевском доме Зубовых, владевших большой художественной коллекцией, в которую входили произведения русских художников, в том числе К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, З. Е. Серебряковой. После трагической гибели дочери Зубовых Татьяны Росарио Зубова в 1959 г. передала часть коллекции в дар городу Женеве, другую часть в 1974 г. — в дар Аргентине. Ныне эта часть находится в особом зале Национального музея декоративных искусств в Буэнос-Айресс. Принадлежавшую ей картину Сомова «Обнаженный юноша (Б. М. Снежковский)» (1937, холст, масло; 54 × 100,6) в 1969 г. подарила ГРМ. О Р. Зубовой см.: *Бурляя Я.* Влюбленная в Россию // Наше наследие. 1998. № 45. С. 106—113. О коллекции Зубовых: *Исмагулова Т. Д.* «Дай воскресить былого тень...»:

Граф Сергей Платонович Зубов — поэт, драматург, композитор, коллекционер // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2006. Вып. 6. С. 15—22.

³ О работе над портретом см. дневниковые записи К. А. Сомова 1938—1939 гг. (Сомов. С. 432—433, 435—438).

⁴ *Снежковские Адель Эдуардовна и Михаил Иванович* — родители Б. М. Снежковского. О них см. в письме К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г. в наст. изд.

⁵ Л. А. Успенский и В. И. Буданова.

⁶ Судя по дневниковым записям, К. А. Сомов в этот период действительно много читал. Он вновь вернулся к книгам Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова. Свыше десяти лет назад в Гранвилле художник «буквально с жадностью и в лихорадке проглотил „Бессов” Достоевского», роман, который не читал последние «лет 25». 13 нояб. 1927 г. он делился с сестрой впечатлениями: «И что это за грандиозная книга. Может быть, лучший роман в мире». И тут же признавался в том, что «многих вещей Достоевского» не читал, «а это позор и стыд!» (Сомов. С. 324). В марте 1934 г. «то с восхищением, то со скукой» Сомов читал «сумбурную книгу» писателя — роман «Подросток» (С. 413). 28 апреля 1938 г. он пишет в дневник: «Днем я читал и кончил „Село Степанчиково” Достоевского, многое хорошо, многое скверно. Хорошо изображен быт, хороши вульгарные разговоры действующих лиц, но Фома Фомич и дядя — такие шаржи, таких людей-идиотов в жизни не бывает» (С. 430). 1 мая Сомов снова фиксирует, что читает Достоевского, на этот раз «Дневник писателя». «Кое-что хорошо, — отмсчает он, — например, „Смерть Некрасова”. „Кроткая” и „Странный человек” — настоящий Достоевский, с его лихорадочным стилем и истеричностью» (Там же).

Весной 1938 г., вновь после 1930 и 1933 гг., Сомов обратился к произведениям Н. С. Лескова. 9 мая он писал в дневнике: «Вечером читал „Житие одной бабы” Лескова и так увлекся, что читал ее до 1/2 3-го. Великолепная трагическая повесть...». 10 мая: «Читал еще „Очарованного странника”: начало совершенно превосходно, но со второй половины портится — и растянуто, и нагружено всякими несообразностями, так до конца — пересол» (Там же. С. 431). 14 мая, «почти весь день», «с интересом и наслаждением» художник читал очерки и рассказы И. Т. Кокорева: «...такой для меня знакомый, приятный дух — простодушный, глуповатый и пьяный, пьяный...» (Там же. С. 432).

⁷ Об «избушке» см. примеч. 5 к письму К. А. Сомова от 18 апр. 1932 г. в наст. изд.

⁸ О М. В. Брайкевиче и его семье см. письма К. А. Сомова от 22 апр. 1935 г., 12 авг. 1936 г. и 19 авг. 1938 г. в наст. изд.

29

23 дек<абр> 1938
<Париж>

Дорогая и миленькая Paty!

С Новым годом, с новым счастьем! Желаю Вам от души моей всего самого лучшего, здоровья и счастья! Особенно счастья, т<ак>к<ак> Ваше недавнее письмо скорее грустное, чем жизнерадостное, а родились Вы, по-моему, для жизнерадости. В чем же дело? Ведь теперь у Вас все благополучно. Или Вы недовольны выбором Вашей дочки? (Разумеется, когда буду писать Елене, об этом ни гу-гу!) Теперь, когда Чеховский театр перебирается в Нью-Йорк и открывает там школу,¹ не собирается ли Ирина² опять вернуться к своей мечте стать актрисой? Вы, конечно, уже знаете, что наш Женя будет в чеховском деле администратором,³ и я за него и Елену очень радуюсь — наконец-то кончилась их трудная и неустойчивая жизнь. Они так заслужили эту, хотя и запоздалую, награду. Я за них ликую.⁴

О себе могу сказать Вам немного — живу так тихо, мало кого вижу и сильно поскрипываю здоровьем. Делать нечего — старость и старые кости не поправишь, хотя я лечусь добросовестно и очень мало и просто ем.

Работаю по-прежнему — то очень интенсивно, то с промежутками лежи и болтания, — и, кажется, не видно в моей живописи старческого упадка. И самому мне это кажется, и так говорят мне мои друзья из тех, в искренности которых я не сомневаюсь.⁵ Жаль только, что я работаю не постоянно, а с перерывами, и упускаю драгоценное время (а проектов у меня множество), которого уже осталось мне немного перед путешествием на тот свет! Но не буду говорить Вам о моей смерти. Никто не знает, когда умрет и сколько проживет! Я бы хотел дожить до 90 лет — нелепая мечта! Из этого Вы видите, как я еще люблю жизнь и как она мне не надоела. Так что не грустите обо мне, мой чудесный друг!

Сейчас у нас сильные морозы, и уже 3-й день лежит и не тает снег. Такой зимы в Париже я не запомню. П^отому к^ак наша квартира к холоду не приспособлена, приходится дрожать и кутаться не только на улице, но и дома: сижу в 3-х шкурах и на ногах теплая хламида. Но надеюсь, что морозы скоро пройдут.

Милая Рату, не грустите, не жалуйтесь, что у Вас нет творческого дела, Вы и без него хороши, и все должны Вас любить. Разве у Вас нет теперь закадычных друзей, с которыми Вы могли бы отвести душу, даже повеселиться? Не преувеличиваете ли Вы свое положение? А «скандал-животик» ведь исправился? Устройте себе диету и массаж, и все будет all right <в порядке, хорошо — *англ.*>. Вы ведь все же еще очень молодая женщина! Вы с легкостью могли бы быть моею дочерью. И портрет, кот^орый Вы мне послали года 3 тому назад, говорит об этом. Cheer up <держитесь — *англ.*>!

Простите, что мое письмо не очень интересное, т^ак к^ак в моей жизни событий нет — не тот уж мой возраст! Нежно вас целую!

Поклон Викт^ору Тим^офеевичу и Ирине, если она меня помнит.

Всегда Ваш К. С.

Если есть у Вас любительские снимки, пошлите мне, себя и Ирину! Хочу видеть, какая Вы сейчас.

¹ В декабре 1938 г. в связи с напряженной политической обстановкой в Европе и активизацией немецкого фашизма Театральная студия М. А. Чехова была переведена в Америку, в штат Коннектикут, где в 55 милях от Нью-Йорка, в Риджфилде, для нее было приобретено имение. В начале 1939 г. студия преобразована в Театр Михаила Чехова со школой-студией при нем. На протяжении четырех лет Чехов репетировал там спектакли для Нью-Йорка и для гастрольных поездок, а также преподавал в школе-студии.

² Дочь К. М. Животовской.

³ Об этом же 8 декабря 1938 г. К. А. Сомов написал в дневнике: «...оказывается, школа театра Чехова из Дартингтона переводится в Америку, и Женя [Сомов] получит там место администратора...» (Сомов. С. 434). Действительно, в 1939 г. Е. И. Сомов оставил обязанности секретаря С. В. Рахманинова и получил должность директора театрального агентства Театра М. А. Чехова. Вместе с Еленой Константиновной он пересел в Риджфилд. В октябре 1939 г. в Нью-Йорке начались спектакли Театра М. А. Чехова.

⁴ «Очаровательными Сомовыми» восхищались и Чеховы — Михаил Александрович и его жена, Ксения Карловна. 25 августа 1935 г., еще накануне переезда из Америки в Англию, в

Дардингтон, М. А. Чехов писал С. В. Рахманинову: «...Как мы благодарны Вам за ... *Сомовых!* Они, вероятно, не люди, а ангелы. Их личных забот не видно и не слышно, а они видят, слышат и понимают заботы и тайные и явные беспокойства других. Случилось так, что мы без Сомовых ни шагу! <...> У необыкновенного Евгения Ивановича на все хватает времени и на всех терпения. Без помощи и доброты Евгения Ивановича мы здесь пропали бы» (цит. по: *Чехов М. Литературное наследие. Т. 1. Воспоминания. Письма. С. 433*). Неудивительно, что, вернувшись в Америку, Чехов пригласил Евгения Ивановича Сомова на работу в свое предприятие.

⁵ Согласно дневниковым записям 1938 г., 8 апреля К. А. Сомов показывал свои новые работы посетившему его художнику Н. Д. Милиоти, который восхитился «ню» и эротическими акварелями. «Сильное впечатление произвел на него „*Cauchemar de la fièvre brûlante*” <«Кошмар лихорадки» — *франц.*>, картинка, которую я сейчас пишу, — сказал про нее, что она жуткая и трагическая. Натюрморты, этюд большой с Дафниса. Да все!» (*Сомов. С. 427*).

14 апреля, показывая А. Н. Бенуа «свои вещи» — «8—9 картин», Сомов просил его «быть откровенным». «Все ему понравилось, — писал в дневнике Константин Андреевич, — хотя он сделал мне несколько и замечаний, ценных относительно „Мандолиниста”, лицо которого ему не понравилось. „*L'homme integral dorme*” <«Спящий человек» — *франц.*> хвалил, „Лето с фигурами” тоже, „Спящего Дафниса” тоже — очень, но заметил, что свет на животе слишком интенсивен; „*Fièvre brûlante*” <«Лихорадка» — *франц.*> вызвала его смех: „Это настоящий Сомов!” — сказал он. <...> Вообще же он сказал, что у меня удивительные краски...» (Там же. С. 429—430).

С. М. Березовская

НЕ ЗАБЫТЬ

Публикация Т. С. Царьковой

Эти воспоминания не о литераторах и не о Пушкинском Доме. Но так распорядилась история, что самый страшный год в жизни Светланы Березовской, тогда восьмилетней девочки, был связан именно с Пушкинским Домом, и потому образ этого Дома в ее сознании навсегда слился с пережитой блокадой. Через шестьдесят три года, в год шестидесятилетия Победы и столетия Пушкинского Дома, С. М. Березовская пришла в те комнаты, где ее семья боролась со смертью зимой 1941/42 г., и принесла эту рукопись. Не для публикации — чтобы мы знали. Достоверность и пронзительность этого документа потрясли всех прочитавших, и пушкинодомцы решились, что читателей у него должно стать значительно больше.

Дорогой читатель!

Наверное, я бы не написала этих записок, если бы не случай.

В январе 2002 г. меня разыскала моя одноклассница Нина Карцевадзе, с которой я училась в 47-й школе. Мы не виделись 58 лет, так как в 1946 г. я переехала в другой район и моя связь с одноклассниками оборвалась.

Нина Карцевадзе пригласила меня в 47-ю школу на встречу с учениками, учившимися в ней во время блокады. Увидеть своих бывших соучениц мне было очень интересно, узнать, кто кем стал, вспомнить те давние дни, вновь пройти коридорами любимой школы — это было как путешествие во времени. Мы вспоминали учителей, события военного нашего детства, свои переживания и чувства. Оказалось, что я помню довольно много, поэтому заведующая школьным музеем Валерия Николаевна попросила меня записать мои воспоминания. Мои одноклассницы ее поддержали.

И вот, все, что вы прочтете ниже, — результат нашей встречи. Заранее прошу прощения на тот случай, если вам что-то не понравится. Ведь я не писатель! Единственно, за что ручаюсь — это за искренность и правдивость.

Весной 1941 г. мы жили на Тучковой набережной в д. 2. Здание это было построено в 1831 г. архитектором Лукини при разветвлении Большой

и Малой Невы слева от стрелки Васильевского острова и принадлежало таможене. Теперь в нем располагался музей русской литературы им. А. С. Пушкина (Пушкинский Дом). Два нижних этажа занимал музей, а третий этаж был отдан под коммунальные квартиры. Вход в них был со двора. В одной из этих квартир наша семья занимала две комнаты (30 и 15 м). Кроме нашей семьи, сократившейся к 1941 г. до четырех человек (папа, мама, моя младшая сестра Наташа 4-х лет и я; мне в январе 1941 г. исполнилось 8 лет), жили: большая еврейская семья Мирласов (их было 6 человек), семья Запольных (их тоже было 6 человек), а в комнатах по соседству с кухней жили сестры Паранины. На площадке справа от лестницы жила вдова шорника Полина Захарова с дочерью Галей, а в соседнем коридорчике размещался вход еще в две квартиры: в торце жили Беляевы (4 чел.), а большую квартиру с окнами на наш широкий двор занимала семья Лукьяновых.

Наши окна выходили на переулок И. П. Павлова¹ под углом на Малую Неву, которая также была хорошо видна. Набережная Малой Невы была вымощена булыжником и наклонно спускалась к воде. В воде стояли сваи, собранные в пучки и забитые в илистое дно реки. К этим сваям с весны до поздней осени причаливали баржи, влекомые черными буксирами, груженные самыми разными материалами: кирпичом, лесом, булыжником, мешками с песком, цементом, дровами и пр. и пр. С барж спускались наклонные сходни. По ним на тачках все вышеперечисленное сгружалось на набережную перед нашими окнами и складывалось в штабеля. К штабелям устанавливалась длинная очередь тяжелых телег на широких шинах. В телеги были впряжены мощные лошади першероны. Першероны были спокойные с большими глазами, опущенными прямыми густыми ресницами. Они важно стояли в ожидании погрузки. Когда телега наполнялась, возница кричал: «Но! Пошел!», и телега трогалась. Было непонятно, как такую тяжесть может тащить одна лошадь. Мне очень нравились лошади, выражение их морд и запахи, который от них шел. Мы, дети, очень любили наблюдать за разгрузкой барж, сидя на широких подоконниках.

При въезде на Биржевой мост стояла большая баржа, оснащенная рыбным садком. Туда жители Васильевского острова и Петроградской стороны приходили покупать живую рыбу. Иногда домработница Маня брала меня с собой, и я видела, как в большом садке ходит и плещется в тесноте рыба. Здоровые лещи, карпы, щуки, судаки, окуни. Рыбе было тесно и страшно. Ее отлавливали большими сачками, она билась. Продавец в больших жестких рукавицах выхватывал рыбу из сачка и ударял ее головой о мраморный скользкий прилавок. Если рыба не затихала, помощник продавца, вооруженный тяжелой деревянной кувалдой, ударял рыбу по голове, после чего рыбу взвешивали и передавали покупателю. Мне эта жестокая картина не нравилась, было жаль большую красивую и сильную рыбу. Я приходила домой грустная, и постепенно брать меня в поход за покупками перестали. Весной 1941 г. этой баржи не было. Вообще из-за холодной и мрачной погоды город выглядел каким-то встревоженным. Прохожие бежали торопливо, кутаясь в платки и шарфы, поднимая воротники. Нас, детей, не выводили гулять во двор из-за дождя и мелко секущего снега.

Двор был большой и имел форму каре, растянутого вдоль фасада. По середине стоял деревянный двухэтажный флигель с галереей по второму этажу. Внизу на 1 этаже флигеля были дровяные сараи, а на втором жили люди. С правой стороны был лабораторный корпус физического факультета. За деревянным флигелем была свалка, а слева тоже располагался физический факультет. Позже в его подвале сделали бомбоубежище.

Под окнами музея росли тополя. Зимой перед ними складывали дрова для отопления музея. Я очень любила запах дров, опилок. Мы часто играли в прятки около штабелей, и теперь запах сырых опилок живо напоминает мне те времена.

На углу набережной и переулка Павлова находилось здание Института физиологии АН. С этим переулком у меня связано воспоминание о большом наводнении 1937 г. В этот год были назначены выборы в Верховный Совет. Над входом в здание Института физиологии на углу набережной и переулка И. П. Павлова (кстати, он почему-то сейчас переименован) висел огромный портрет Н. И. Вавилова. Он был написан на холсте сухой кистью. Вавилова выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета.

Весна была бурной, с сильными юго-западными ветрами. Нева побурела и вспучилась. Вода Малой Невы залила набережную почти до самых тротуаров. Буксиры спешно уводили баржи, которые бились о сваи. Биржевой мост тогда был деревянным. Волны грозили просто смыть его. Зрелище было довольно жутким. В один из дней незадолго до выборов налетел ужасный шквал. Ветер срывал листы железа с кровель, ломал деревья. Вдруг шквал сорвал огромный портрет Н. И. Вавилова и бросил его на землю. На земле его свернуло в восьмерку и поволокло в Неву. Тогда я очень испугалась. Было в этом что-то зловещее.

Много лет спустя, когда я была уже вполне взрослой, я прочла о трагической судьбе Н. И. Вавилова² и невольно подумала, что эта буря была предзнаменованием надвигавшихся черных, трагических времен, унесших жизнь многих замечательных людей, таких как Вавилов.

К этому времени — весной 1941 г. — наша домработница поступила учиться и ушла от нас. Тем не менее мы собирались в начале июня выехать на дачу. По-видимому, родители мои были стеснены в средствах, и дача планировалась не такая, как обычно, а совмещающая мамину работу (мама была машинисткой) и наш отдых. Для этого мама устроилась на работу в санаторий «Энергетик» в Сиверской, а дачу сняли по соседству с санаторием. У мамы была собственная машинка «Ремингтон», на которой она целыми днями печатала заказанные ей тексты. Это были дипломы, рефераты, доклады, отчеты и другие материалы. Мама работала на дому. Мы тихонько играли. Каждый как мог.

В первых числах июня мы на грузовичке, который нанял папа, приехали в Сиверскую. Разгрузились и стали устраиваться. Дача была неудачная — прямо у дороги, от которой она была отделена рядом старых елок, стоял жиденький ветхий сарайчик. Дощатая дверь, покосившиеся окошки, кривая, полуразвалившаяся плита. Все было серым, пыльным и убогим. Ели, отделявшие участок от дороги, были старыми, высохшими и серыми, и только на высоте больше двух метров начинались зеленые темные лапы.

Под елями ничего не росло. Земля была серая, пыльная, как зола. Владельцами этих «хором» была пьяноватая парочка. Он был мужичком среднего роста, имел бурое лицо, редкие сальные волосы и подбитый глаз. Она была егозливая бабенка с шестимесячной завивкой на голове и быстрыми, стреляющими во все стороны глазками.

Не успели мы расположиться, как у нас были украдены чайные ложки и будильник. Мама объявила папе, что мы здесь не останемся. Пришлось искать другое пристанище. Оно было найдено и снято в густонаселенном двухэтажном доме, где дачники набились как сельди в бочке. Вокруг дома был обширный зеленый участок, обсаженный кустами боярышника и смородины. Почва на участке была ярко-красной. Дети-дачники целыми днями копались в этой красноватой земле, что-то строили, лепили. Мальчишки сооружали крепости, чтобы затем их разбомбить, а девочки строили кукольные дома, в которых на столах стояли пирожки из того же материала, что и дома. Вокруг столов сидели куклы. Их мамы (девочки) ходили с ними друг к другу в гости.

Во второй половине июня погода наладилась. Светило солнце. Было ясно и ветрено. Любимым занятием были походы на станцию железной дороги. Там мороженщики продавали мороженое. На тележке стояли бачки с мороженым и ящики с вафлями. На вафлях были оттиснуты имена, преимущественно женские. Мороженщик закладывал в специальную формочку вафлю, затем круглой ложечкой набирал мороженое, укладывал на вафлю шарик из мороженого, накрывал другой вафлей, а затем специальным поршнем выталкивал его и вручал покупателю. Мороженое надо было быстро облизывать по окружности вафель, иначе оно начинало капать. Удовольствие было непередаваемым. Вся Сиверская по вечерам ходила на станцию. Отдыхающие санатория, дачники и местные жители, принарядившись, ходили по привокзальной улице и перрону. В это время вошли в моду пиджаки на кокетке и с подкладными плечами, расклешенные брюки, платья с басками и рукавичками фонариками. У женщин были прически с коком надо лбом и волосами, спускающимися до плеч. Все это демонстрировалось в хорошую погоду на улицах Сиверской. Вечером в санатории были танцы, играл оркестр. Танцевали танго и фокстроты, а также вальс цветов. Посторонних на танцы не пускали. Мы, дети, смотрели на танцы в щели забора, окружавшего танцплощадку.

Шла обычная обывательская жизнь. Кто-то работал, кто-то отдыхал. Молодежь парочками ходила на танцы. Во дворе дачи сидели бабушки и няни с детьми, судачили. Дети играли. Все шло своим чередом. По субботам вечером приезжали из Ленинграда работающие отцы и матери семейств, отдыхающих на даче, а по воскресеньям — гости. Каким-то чудом всем хватало места в этом коммунальном «раю».

Вот и 22 июня рано утром приехали навестить нас мамин брат дядя Юра и его жена тетя Соня. Мы их очень любили и всегда очень им радовались. После завтрака на веранде отправились погулять на станцию. На столбах вдоль дороги висели громкоговорители. Было солнечно, но не тепло; дул холодный резкий ветер. По дороге папа встретил главного инженера санатория, с которым был знаком. Мы все остановились на каком-то пе-

рекрестке. Старшие разговаривали, а мы вертелись вокруг них. Вдруг в репродукторах что-то захрипело, а затем зазвучали тревожные позывные. Все замерли. Народ стал подтягиваться поближе к громкоговорителям. На лицах напряжение и тревога.

«Внимание! Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза! Передаем важное сообщение». Пауза. Голос в репродукторе смолк. Тетя Соня оглянулась на нас и сказала: «Граждане, это — война!» Голос ее дрогнул, и сейчас же из репродуктора раздался глуховатый голос Молотова.

Дядя Юра и папа немедленно пошли на поезд в Ленинград. С нами осталась тетя Соня. Мы вернулись на дачу. Все были расстроены и растеряны. Мама и тетя Соня собрали какие-то вещи и к вечеру тетя Соня поехала в Ленинград в жутко набитом вагоне. Какие-то парни ехали на крышах вагонов, на буферах между вагонами. Кто-то пихал вещи в окна, а затем всеми правдами и неправдами лез в вагон сам. Поезд ушел. На следующий день санаторий приступил к эвакуации служащих и отдыхающих. Всюду была паника и неразбериха. Все знали только одно — надо вернуться в Ленинград.

Наступила жаркая погода. Нормальный порядок вещей нарушился. Первыми уехали в город мужчины. Затем друг за другом, используя малейшую возможность уехать, — дачники. Почему-то сразу стало мало поездов. Они уходили набитыми до отказа. В одном из таких поездов уехали и мы. Хозяева помогли нам сесть в поезд. Почти все вещи пришлось оставить. Мама взяла большой чемодан, машинку и нас двоих. Больше она не могла захватить никак. Втиснувшись в вагон, мы, дети, оказались зажатыми между чьими-то ногами и тюками. Наташка заревела, ее извлекли снизу и посадили на какие-то тюки. Я прижалась к маме. Всех нас зажали так, что нечем было дышать. Поезд пополз медленно и натужно к Ленинграду.

В Ленинград поезд пришел на Московский вокзал уже под вечер. Измученные, потные, помятые, мы вылезли из вагона на перрон и медленно в густой толпе вышли на площадь. Здесь была суeta и толчея. Было жарко, пыльно. С помощью каких-то людей мы сели в трамвай и доехали до Биржи. Тут, с передышками и остановками бедная мама дотащила нас и груз до нашего дома. В квартире было пусто. Огромные двери были открыты. Никого не было дома. Мама вошла в наши комнаты, открыла окна и опустилась на стул. Силы кончились.

Однако надо было помыться и хоть как-то осмотреться. В нашей темной коммунальной ванной была грязь. Пришлось мыть ванну и напускать в нее чистую воду (холодную). В ней нас мама кое-как вымыла, а затем уложила спать. Спать не хотелось. Окна наши, очень высокие и широкие, выходили на северо-запад. В них светило яркое закатное солнце. Перед самой войной родители сделали ремонт в наших комнатах. Маленькую комнату отдали детям, большую оставили себе. В детской были кремовые обои, украшенные парусными лодочками с серебряными парусами и чайками с серебряными крыльями. В лучах закатного солнца серебро вспыхивало алым, оранжевым и золотистым. Я лежала на старом плюшевом диване, а Наташа в детской кровати, в которой раньше спала я. Я смотрела на маленькие парусные лодочки на обоях, и все пережитое за этот жуткий день постепенно улеглось в моей душе. И я уснула.

В первые дни родители были очень заняты. Отец на работе, а мама должна была пройти регистрацию, с тем чтобы получить документы, дающие право на получение в дальнейшем продовольственных карточек. Мы были предоставлены себе.

Вернулись с дач соседи: Инга Мирлас, Юлия Августовна Запольная со своими тремя детьми — Аликом семи лет и близнецами Мишей и Сережей, которым не было еще года.

Нам неожиданно-негаданно повезло: в наш переулок насыпали с барж огромное количество речного песка. Переулок был заполнен весь от тротуара до тротуара на полтора метра в высоту. Это было великолепно. Мы с утра до вечера что-то рыли, строили, сооружали какие-то туннели, галереи, лестницы, переходы, мосты. Эта игра нам никогда не надоедала. Другим любимым занятием был поиск на заднем дворе стеклянных светофильтров разного цвета, щедро выбрасываемых на свалку институтом физики. Небольшие круглые цветные стекла быстро стали предметом коллекционирования, обмена и торга. Самыми ценными у нас, детей, считались красные и фиолетово-синие, а зеленые и желтые ценились меньше. Из-за стеклышек разыгрывались целые баталии, мальчишки старались отнять красивые стеклышки, а девочки не уступали.

В конце июня папа пришел с работы раньше обычного. Они с мамой закрылись в маленькой комнате и долго о чем-то говорили. По маминым глазам я видела, что она плакала. На следующий день папа и Константин Петрович Запольный записались добровольцами. Вскоре отец пришел в солдатской гимнастерке, галифе, обмотках на ногах и тяжелых кирзовых ботинках, в пилотке. Через плечо висел противогаз. Гимнастерка была ему великовата, и шея, торчащая из воротника, казалась тонкой и какой-то беззащитной. Затем, обняв нас на прощанье, он ушел и сказал, что 3 июля их часть будет собрана на улице Красной Конницы и оттуда они пойдут на фронт.

А фронт приближался неотвратимо к Ленинграду. Всех, кто не был занят на производстве, мобилизовали на рытье противотанковых рвов в районе Луги. Мобилизовали и тетю Соню.

К нам в квартиру, грозно стуча сапогами, явились три представителя НКВД. Они срезали и унесли наш телефон. (Я до сих пор помню его номер — А1-04-44.) Забрали у нас и Запольных радиоприемники (у остальных их не было), мамин «Ремингтон» и велосипед у Запольных. Таков был приказ, продиктованный военным временем. Все это было оформлено распиской с обязательством вернуть после окончания военных действий. Стоит ли говорить, что ничего не вернули?

3 июля мы с мамой поехали на улицу Красной Конницы провожать папу на фронт. Мама была напряжена, как струна. Мы тоже.

Папину часть построили около Большеохтинского моста. Командовал ею капитан, видимо, кадровый военный. Сначала он произнес короткую речь о том, что от них зависит не пропустить врага, потом выступал еще какой-то пожилой политрук, затем была команда «Разойдись!». Все бросились к своим. Папа обнял нас всех сразу, и так мы стояли, прижимаясь к нему, когда к нам подошел командир и сказал: «Так это Березовский и две маленькие березки?». Этой шуткой он немного разрядил атмосферу. Затем

всех построили, раздалась команда «Марш!», и колонна двинулась по улице, поднимая пыль ботинками. Рота шла за ротой.

Мы пошли с мамой на Кировную, где жили тетя Соня и дядя Юра. Дядя Юра был специалистом по аэрофотосъемке. До войны он участвовал в строительстве Турксиба, Норильского никелевого комбината и дороги к нему, Восточно-Сибирской железной дороги, летал в Заполярье. Перед войной он был зам. начальника отдела аэрометодов Союзникельоловопроекта. Его не призвали на фронт, а забронировали. Когда мы пришли к тете Соне, она собиралась на окопы. Их отряд погрузили в полуторку и повезли в сторону Луги. Мама, дядя Юра и тетя Соня договорились, что мы поедем к ним, чтобы вместе, помогая друг другу, пережить тяжелые времена. Это было отложено до возвращения тети Сони со строительства окопов.

Мы вернулись домой. Двор наш постепенно пустел. Ушли в армию красавицы-украинки сестры Паранины. Их комната находилась рядом с кухней, а над ней были антресоли. Они обе были медсестрами и были необыкновенно хороши собой. Таких ровных сверкающих зубов я не видела ни у кого. Катя была темной шатенкой с прекрасными глазами, а Аня была пепельной блондинкой. Они носили вышитые украинские блузки. Сами были тоненькими, прямыми и веселыми. Они больше никогда не возвращались в нашу квартиру — наверное, погибли — либо на фронте, либо от голода.

Все молодые мужчины были на фронте, кроме Яшки (так его все называли) Третьякова. Это был отец соседской девочки Инги. Его не брали в армию, несмотря на двухметровый рост и могучее телосложение, так как он был одноглаз. До войны он плавал на советских торговых судах кочегаром. Теперь работал где-то на заводе. Отец Беляевых тоже ушел на фронт.

Во втором подъезде осталось две семьи: Богдановы — мать с двумя дочерьми и Колесниковы — мать, очень милая, воспитанная и приятная женщина с сыном Чарли — моим ровесником — мальчиком необыкновенной красоты, всегда модно одетым в прекрасные английские костюмы, но совершенно флегматичным. По соседству с Беляевыми жила развеселая, разбитная и развязная бабенка Мушка с матерью Евгенией Леонтьевной, старой бабкой и сыном Юрой Приходько.

В третьем подъезде жила семья глухонемых, отец, мать и две очень красивые девочки, которые не были глухими, но говорить не умели. Их соседом был старый, безумный профессор-физиолог. Говорили, что он сошел с ума, когда во время каких-то опытов ему в лицо бросилась вырвавшаяся из станка кошка. Он долго лечился, потом был арестован, потом вернулся, но в себя так и не пришел. Он жил один в однокомнатной квартире. Зимой и летом носил одно и то же клетчатое рыжее пальто и страшную приплюснутую шляпу. За пивом он ходил с ночным горшком, ненавидел кошек и кидался на них с палкой, часто падая, разбиваясь и ругаясь хриплым голосом, грозя всем кулаком. Он мог не показываться по нескольку дней. Мальчишки дразнили его кличкой Кис-Кис. В дворницкой жила семья татар, состоявшая из деда — его мы звали Бабай (дедушка по-татарски), мужа, жены и семерых детей — 6 девочек и один, самый младший, мальчик. Старшая девочка была настоящей красавицей, прочие были ничем не примечательны.

Вот и весь состав нашего двора на начало войны.

В начале августа пришла похоронка на Константина Петровича Запольного. Юлия Августовна осталась вдовой с тремя детьми. Горе ее было ужасным. Она замкнулась в себе, разговаривала мало. Присущая ей изначально некоторая суровость усугубилась. Она почти не общалась с соседями, а с детьми была очень строга.

Забегая вперед, хочу рассказать о семье Запольных.

Юлия Августовна со старенькой мамой и тремя детьми добралась до города Фрунзе. Когда она принесла своих маленьких близнецов Мишу и Сережу к врачу, врач сказал: «Зачем вы их везли, ведь они все равно умрут!». Но Юлия Августовна была очень мужественной женщиной. Она выходила своих детей, поставила их на ноги, а сама пошла работать. И вот в конце войны маленький Сережа вдруг стал говорить: «К нам едет папа!». Юлия Августовна пыталась возразить, объяснить, что папу убили фашисты, но малыш и слышать ничего не хотел и говорил: «Нет, к нам едет папа!». В конце концов с ним спорить перестали. Но вскоре после окончания войны к ним в один воистину прекрасный день пришел живой и почти здоровый Константин Петрович. Оказалось, в 1941 г. он был контужен, оглушен и попал в плен. В конце войны их лагерь был отбит у немцев и после проверки они были отпущены на Родину. Тут он узнал, где находится его семья, и отправился к ним. Оттуда они возвратились в Ленинград уже вместе.

Стояла жаркая погода. Мама старалась увезти нас на острова, чтобы мы все-таки были на воздухе. Иногда она брала с нами на прогулку Алика и Ингу. Но вскоре начались бомбежки, и наши прогулки прекратились. Бомбежки начинались рано утром. Нас полусонных вытаскивали из кроватей, и все мы собирались на нашей площадке. Лестницы в нашем доме были широкие, каменные, стены толстые, потолки сводчатые. Именно лестница казалась наиболее защищенным местом. В широкие окна смотрело небо, а в нем розовеющие облака и пухлые серебристые тела аэростатов воздушного заграждения. Порою, по мере приближения к нашему району вражеских самолетов, начинали стрелять зенитки. Они были расположены на стрелке Васильевского острова (три батареи), а на нашем доме и на Бирже по углам были установлены зенитные пулеметы. На другой стороне Малой Невы на химическом заводе также были зенитные батареи. Когда все эти орудия начинали стрелять, грохот их, лающий, жуткий звук просто оглушал. Этому адскому шуму вторило эхо, рожденное в высоких сводчатых помещениях нашего дома. Все это вселяло ужас и тревогу. Но самолеты фашистов улетали, и снова воцарялся жаркий и пыльный август.

Мама теперь целыми днями стояла в очередях за теми или иными продуктами. Получала она их немного. У нее не было той лихой обывательской хватки, которая позволила некоторым ленинградцам сделать запасы. Мы ведь еще не знали, какая участь нас ждет впереди. К тому же не хотелось принимать участие в сумасшедшей обывательской панике, охватившей некоторые слои населения. Паниковать было недостойным нормальных граждан.

В это время уже началась эвакуация. В первую очередь пытались вывезти детские учреждения. Детей комплектовали в отряды. Их возглавляли учителя (в основном женщины) и некоторые матери. На вокзалах царил

беспорядок и толчея. Дети ревели, учителя срывали голос, пытаюсь их организовать и успокоить. Провожаящие плакали. Несколько эшелонов удалось вывезти, а затем фашисты перерезали железную дорогу в районе Валдая, разбомбили несколько поездов. Среди родителей началась паника. Администрация города требовала эвакуации всех детей, но слухи о бомбежках на дорогах этому мешали. Некоторые матери пешком пошли по путям в сторону ушедших эшелонов и часть из них вернулась с уцелевшими детьми.

Фашисты все ближе подходили к городу. Все чаще раздавался сигнал воздушной тревоги — выматывающий душу вой сирен. Фашисты были уже у Луги, откуда пешком уходили под бомбежками и обстрелами строители противотанковых укреплений. Вернулась и тетя Соня. Измученная — от Луги пешком шла, по канавам и оврагам пряталась от вражеских самолетов, которые на бреющем полете расстреливали бегущих людей. Ни поесть, ни попить, ни помыться.

Лейтенант НКВД, который ими командовал, бросил их и на первой же машине уехал, нимало не смущаясь.

Несколько дней мама помогала тете Соне прийти в себя, мыла ее, выводила вшей, готовила еду. В это время мы перебрались к дяде и тете на Кировую, 17. Квартира была во дворе-колодце. Вход был с черной лестницы прямо в кухню. Длинный узкий коридор вел в комнаты. Коридор перегораживали три деревянные стоптанные ступени. Над ступенями был вход в маленькую комнату, где мы с мамой и разместились. В соседней комнате жили дядя Юра и тетя Соня. СНОП (Союзникельоловопроект) эвакуировался. Тетя Соня осталась без работы. Наступил сентябрь. Теперь город бомбили ежедневно и еженощно. Как только объявляли тревогу, дядя Юра отправлял нас с мамой в бомбоубежище — подвал под домом. Там были койки (каждый принес свою), слабые лампочки свисали с потолка. Люди сидели на кроватях по двое-трое. Одни пытались дремать, другие читали, разговаривали, но все прислушивались к взрывам снаружи. Путь в бомбоубежище шел через двор-колодец. По земле струились, переплетаясь, пожарные шланги. В подъездах и на чердаках дежурили служащие МПВО и подростки. В каждом дворе был свой уполномоченный. У нас таким уполномоченным была Круглевская Лидия Марковна, с которой тетя Соня очень подружилась. Это была на редкость красивая женщина — тоненькая, прямая с огромными голубыми глазами и изящным профилем. На ней было модное малиновое пальто и противогаз через плечо. Она сновала от подъезда к подъезду, проверяя, все ли в порядке.

Обычно впереди вереницы жильцов нашей квартиры шла я, так как очень хорошо видела в темноте, за мной продвигались остальные. Как назло, в сентябре стояли такие ясные, лунные ночи, что бомбить Ленинград было проще простого. Весь он лежал как на ладони, ярко освещенный безумно-голубой луной. Город еще не совсем был готов к налетам вражеской авиации. Каждый день происходили новые и новые разрушения. Неподалеку от Кировой, на пр. Чернышевского, было разбито два дома, бомба попала в Гостиный двор (на углу Невского и Перинной). Вид разбитых домов, слухи о жертвах угнетающе действовали на нас.

8 сентября замкнулась блокада вокруг Ленинграда, а вскоре после этого разбомбили Бадаевские склады, в которых были сосредоточены все продовольственные запасы: мука, сахар, масло, мясо и пр. и пр. Склады горели долго. Несколько недель над городом стоял смрад от горящих продуктов. С этого момента в городе был установлен жесткий режим распределения продуктов по карточкам. Мне до сих пор неясно, какой административный «гений» приказал все продовольствие сосредоточить в одном месте. Ведь даже ребенку ясно, что это создавало для врага систему наибольшего благоприятствования при бомбежках. Сентябрь был месяцем бомбежек. Если бомбили не наш район, то по сигналу тревоги мы вставали и, одевшись, выходили в коридор, где располагались на трех ступеньках, сидели молча, дрожали в ознобе от внезапно прерванного сна и с нетерпением ждали, когда прозвучит сигнал отбоя воздушной тревоги.

Если же бомбили наш район, то мы отправлялись в бомбоубежище. Там было хуже. Напряжение передавалось от одного к другому. Все ждали и слушали. Ирина Леонидовна Глушкова нашла хороший способ отвлечь детей от всеобщего страха. Она приносила в бомбоубежище книги Лидии Чарской (была до революции такая писательница) и читала ее романы нам вслух. Вскоре она эвакуировалась в Минусинск с детским садом, в котором она работала. Работники этого детского сада совершили настоящий подвиг. Они не только довели до далекого Минусинска истощенных и обессиленных детишек, но выходили их, поставили на ноги. Благодаря заботам этих прекрасных людей, ни один не умер, ни один не стал инвалидом.

Под утро мы возвращались в свои постели досыпать. Днем тетя Соня и мама отправлялись на поиски продуктов. Помню, что однажды им удалось раздобыть три литра растаявшего мороженого. Его разбавляли и из полученной жижи варили кисель, потом, так же простояв в очереди несколько часов, они получили по мясным талонам 2 кг просроченного яичного порошка. Мешок с порошком подвесили в кухне под полкой. Но вскоре мы обнаружили, что квартирная кошка Мурка прогрызла в мешке дырку и съела значительную часть порошка. Можно представить себе наше огорчение. Через несколько дней голодная Мурка ушла во двор, и мы ее больше не видели. Наверное, ее съели.

Постепенно становилось холоднее. Мы поехали домой на Тучкову набережную, чтобы взять теплые вещи. Пока мы собирались, началась воздушная тревога. Впервые здесь, на Тучковой, нас застала настоящая жестокая бомбежка. Я думаю, что причиной внимания фашистов к этой части города стало вынужденное размещение судов Балтийского флота в дельте Невы по берегам Малой Невы, Большой и Малой Невки и других протоков, где могли быть причалены суда. Вдоль всей Тучковой набережной разместились военные корабли, которым удалось уйти из Таллина и добраться до Ленинграда.

Корабли причалили вплотную, натянули маскировочные сетки, изображающие крыши домов и кроны деревьев. Стало понятно, для чего привезли столько песка — на случай пожаров на судах.

Мы просидели в этот раз в бомбоубежище часов пять. В убежище было холодно и сыро. Одежда, которую мы схватили на бегу, не спасала нас от

холода. Мы дрожали и жались друг к другу. Орудия, установленные на кораблях, на стрелке Васильевского острова и Бирже, били как сумасшедшие. Грохот стоял оглушающий, наконец зенитки отогнали вражеские самолеты. Прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги. Мы побежали домой. Наконец были дома усталые, голодные и продрогшие.

А на следующее утро у Наташи поднялась температура до 40°. Вызванный врач осмотрел ее и сказал: «Плохо, воспаление легких!». К счастью, с мирного времени в нашем более чем странном хозяйстве осталось много горчицы и разных медикаментов. Все это и было мобилизовано для лечения маленькой Наташи. Мы с мамой решили, что больше в убежище не пойдем. Мамина кровать располагалась около капитальной стены. Тут мы и пережидали бомбежки. На Кировскую мы уже не поехали.

Приближался октябрь, все чаще отключали электричество. Стало раньше темнеть. Свечи были на вес золота. Их было очень мало. Керосин даже по карточкам достать не удавалось. Часть дров мама постепенно перенесла в квартиру. До этого все дрова были сложены в подвале и на первом этаже деревянного флигеля во дворе нашего дома, на верхнем этаже еще жили люди, а внизу были сараи для дров. В начале октября еще эвакуировали некоторые семьи. Уехали Богдановы и Колесниковы. Двор постепенно пустел. Жизнь как-то замерла, притаилась в ожидании грядущих событий. Все меньше становилось продуктов. Уменьшались нормы хлеба. Над городом сгушался мрак. Окончательно погасло электричество, перестал работать водопровод. Теперь, как только наступали сумерки, мы ложились на мой старый плюшевый диван, укрывались потеплее и, прижавшись друг к другу, старались надышать побольше теплого воздуха. Под одеялом и ковром мы устраивали что-то вроде пещеры и, забившись в нее, старались согреться.

Днем мама занимала несколько очередей в надежде получить по карточкам хоть какие-то продукты. Появились продукты, о которых мы не слышали в мирное время. Рисовая каша с салом и кильками (консервы), чечевица с горчичным маслом, эрзац-конфеты, твердые и почти не сладкие, сделанные на основе цикория, сахарина и еще бог знает чего. Но мы и этому были рады. Нормы были малюсенькие, но за этими крохами надо было выстаивать длиннейшие очереди.

Октябрь окончился. В первых числах ноября перед самыми праздниками немцы устроили кошмарный налет. Начался он вечером, когда стемнело. Десятки самолетов сбрасывали бомбы на нашу Тучкову набережную, на корабли, на химический завод. Фугасы чередовались с зажигалками. Грохот, свист падающих бомб, осколков, лай зениток, вопли людей, застигнутых врасплох, свистки сотрудников МПВО — все слилось в жуткую какофонию. Сначала мы стояли на лестнице, но вдруг откуда ни возьмись возник Яшка Третьяков, схватил свою дочь Ингу и нашу Наташу и кинулся бежать к бомбоубежищу. Убежище было далеко от нашего подъезда — метров двести или больше. Двор был перекопан траншеями, было темно. Кругом сыпались зажигалки, свистели осколки. Мы ринулись за Яшкой. За ним бежала Шифра — Ингина бабка, за ней мы с мамой, а сзади остальные. Шифра споткнулась и упала в темноте, оглашая двор воплями. Кто-то

ее поднял, а мы, переждав немного, добежали до убежища. Тревога длилась часа три. Когда мы вышли из бомбоубежища, мы были поражены: все небо над Ленинградом было ярко-алое. Огромное зарево освещало город. В воздухе летали целые головешки. Было светло как днем. Все высыпало на набережную и, пораженные, пытались понять, где эпицентр пожара. Оказалось, что главный пожар возник на Петроградской. Дело в том, что напротив Нардома (теперь это здание Балтийского дома) в парке находилась большая деревянная постройка — «американские горы». Опять «блеснул» какой-то «хозяйственный гений» — разместил внутри этих фанерных американских гор все запасы горючих и смазочных материалов: бензин, керосин, лиграин, а также мазут, автол и пр. Первые же зажигалки превратили этот склад в огромный факел, который пылал несколько дней, освещая город и окрестности. В Колпино, где стояла папина батарея, тоже было совершенно светло. Какое уж тут затемнение! Темно стало, когда погас этот огромный костер.

А с середины ноября наступили морозы 18—20°. Стоять в очередях стало очень холодно. Иногда мама ставила в очередь меня, чтобы слегка согреться в перерывах. К сожалению, мои валеночки оказались маловаты, а других не было. В одной из этих очередей я крепко приморозила пальцы на ногах. Тут мама увидела, что дело плохо, повела меня к врачу. Врач сказала, что обмороженность второй степени. Смазала ноги касторовым маслом. Пальцы проложила бинтом, густо смазанным ихтиоловой мазью, а сверху все толсто забинтовала и сказала, чтобы мы не разбинтовывали ноги и не меняли повязку, так как пальцы могут срастись — кожи на них и верхней части стопы практически не было.

Так в конце ноября начались мои муки. Ходить было очень больно. Бинты постепенно подсыхали и при малейшем прикосновении причиняли еще дополнительные травмы. Кожа не заживала, так как уже в декабре начался настоящий голод, а вместе с ним и цинга.

Теперь жизнь нашей семьи сосредоточилась вокруг печки-голландки. От бесконечных бомбежек часть стекол в окнах вылетела. Мама заткнула образовавшиеся дыры старыми тюфяками, которые бабушка когда-то привезла с Украины, а сверху окно было завешено толстым ковром. Все это было в маленькой нашей комнате, а за дверью была большая комната, в которой, конечно, была печь, но это была громадная дворцовая кафельная печь. Она была очень красивая, около 4 метров в высоту, облицована кафелем цвета топленых сливок. Наверху ее украшала голова медузы Горгоны. Печь эта за зиму в нормальных условиях поглощала 16 кубометров дров. Поэтому большая комната теперь не отапливалась и имела температуру почти такую же, как на улице. Высота комнат была почти 5 метров. Обогреть такие помещения было невозможно. Мы жались к печке. Маленькая Наташка забивалась между печкой и стеной. Из-за печки высывалась только ее головка на тоненькой шейке. Голова ее была покрыта гнойной коркой — результат голода и цинги. Бедная моя сестра тихонько плакала и говорила: «Мама, есть хочу!». Она была слишком мала, чтобы понять, что маме от ее скулежа только хуже. Чтобы не отходить от печки, мама соорудила из двух чемоданов подобие стола. По бокам стояли две

детские скамейки. На них мы сидели. Все это помещалось напротив дверцы печки и было отгорожено от окна ширмой, накрытой толстым одеялом. На чемоданах, покрытых клеенкой, мы ели ту скудную еду, которую мама могла раздобыть.

К нам в квартиру на площадь Параниных поселили жену капитана I ранга, командира одного из кораблей, стоящих вдоль Тучковой набережной. Она была молодая, очень милая и скромная женщина. Звали ее Александра Петровна. Она по вечерам приходила к нам, к нашей маме и нашей печке. Паранинская комната была совершенно холодной. Сидя с нами у печки, она рассказывала о переходе Балтийского флота из Таллина в Кронштадт и затем в Ленинград. При этом она горько плакала, вспоминая сколько людей погибло при посадке на корабли, так как уйти из Таллина можно было только по морю. Суда были перегружены, многие из них не вооружены. Многие утонули, многие были расстреляны фашистами по пути. До базы добралась меньшая часть. Александра Петровна куталась в серый пуховый платок. Они с мамой как-то пытались успокоить друг друга. Вскоре ее муж уговорил ее эвакуироваться.

Рано утром мама и Полина Захарова отправлялись в булочную и занимали очередь за хлебом. Ближайшая булочная помещалась за Биржевым мостом на углу Мытнинской набережной, где сейчас располагается общежитие Университета. Весь город, набережные, мосты были занесены глубоким снегом. Для истощенных женщин, которые едва передвигали ноги, путь этот до булочной был не близким и очень трудным. В снегу были протоптаны тропинки, они были узкими и скользкими. Дело осложнялось еще и тем, что часто люди падали, а подняться уже не могли. У прохожих не было сил оттащить мертвое тело с дороги. Подчас дело кончалось тем, что через мертвеца начинали прямо ходить, постепенно снег заносил мертвое тело, на его месте образовывался небольшой холмик, и уже никто не обращал внимания на то, что лежит под ногами.

Очередь занимали в 6 утра. В случае удачи получить хлеб можно было в 3—4 часа дня. В это время уже было темно — замерзшие женщины, спрятав паек глубоко под одежду на груди, возвращались домой к детям. Дети же сидели у печки. Моя обязанность была поддерживать в печке слабый огонь, так как спичек не было, дров становилось все меньше.

Всем руководила идея жесточайшей экономии. Норма хлеба составляла 125 г на человека; если в ноябре можно было получить какие-то крохи крупы или хоть каких-нибудь продуктов, то в декабре кроме 125 г хлеба получить нельзя было ничего.

В конце декабря нас навестил дядя Юра. Он пешком дошел до Тучковой набережной с Кирочной улицы — настоящий подвиг. Я его с трудом узнала. До войны дядя Юра был крупным полным молодым еще 35-летним черноглазым мужчиной с ярким веселым лицом, широкими плечами и красивыми крупными руками. Теперь же перед нами стоял высохший желтолицый человек, на котором едва держалось пальто — так он похудел. Он старался казаться бодрым, сходил в сарай, принес остатки дров. Посидел с нами, но маму не дождался. Он подарил нам бесценную вещь — самодельную копилку, сделанную из мензурки, заправленную машинным маслом и снабженную фитильком. Теперь мы уже не сидели в полной темноте, а при

свете копилки рассматривали книги, я читала и рисовала цветными карандашами в основном пейзажи далеких фантастических стран.

В это время меня очень интересовали рассказы о путешествиях, экзотических животных и приключениях. Вся моя энергия теперь сосредоточилась в моей детской фантазии. Пейзажи, интерьеры, предметы рисовались в моем воображении так ярко, так осязаемо и реально, что это отвлекало от голода и страха, что мама может не вернуться. Плакать было нельзя — нельзя было пугать маленькую Наташу.

После последнего уменьшения пайка папа послал нам письмо. Оно дошло до нас, как это ни странно. Письмо было полно такой любви, такой тревоги за нас, такого страстного желания нас поддержать, что читать его равнодушно нельзя и сейчас. Меня он просил во всем поддерживать маму и помогать ей. Моя помощь была скорее моральной, так как физических сил почти не было. Отец спрашивал, как мы перенесли эти страшные налеты, и выражал уверенность, что я вела себя спокойно. Так это и было.

Кроме голода, холода, темноты было еще одно очень суровое лишение — отсутствие воды и канализации. За водой приходилось ходить на Неву. Достать воду было непросто. Морозы стояли больше 30°. Нева промерзла на 1,5 м. Моряки пробивали полыньи и дневалили около них, поднимали воду и разливали в ведра, чайники и бидоны, подставляемые приходившими за водой людьми. С этой ношей надо было выбраться на берег — скользкий и обледенелый и дотащить до дома на третий этаж. Мы перестали мыться. Только иногда мама протирала наши тела смоченным полотенцем. Чтобы протереть ноги, необходимо было снять чулки. Когда мы их снимали, в каждом чулке было по полстакана сухой кожи. Отсутствие жира в организме приводило к тому, что кожа высыхала, трескалась и осыпалась как прах.

В начале января нас посетили девушки из МПВО. Они принесли большую бутылку с хвойной настойкой. Сосновые и еловые ветки обстригали ножницами, и эту нарезанную хвою настаивали, залив водой. Настой получался настолько горьким и едким, что пить его было очень трудно, но от нас требовали, чтобы мы его пили. «Это витамин С», — говорили они. Кроме того раз в неделю они приносили детям фронтовиков по тарелочке дрожжевого супа, это была мутная дрожжевая вода, в которой плавала маленькая капля витамина Д, она была оранжевая, как икринка. Мы съедали этот «суп», оставляя витамин на закуску. Другим подспорьем стал для нас студень из сыромятных ремней, который варила Полина Захарова. Ее муж, умерший перед войной, был шорником. Обрезки сыромятной кожи случайно сохранились у нее с довоенных времен. Их Полина резала острым ножом, как лапшу, и варила студень. Мама покупала у нее студень по 500 рублей за тарелку — все-таки белок, хоть и вонючий, как столярный клей. Мы поливали его уксусом, мазали горчицей и ели с большим аппетитом.

Вообще, произведя инвентаризацию всего, что лежало в буфете, мы нашли довольно экзотические продукты питания. Нашли мешочек мака, мешок сушеных апельсиновых корок, запас сухой горчицы, которую мы тщетно вымачивали, надеясь получить подобие каши. Но горчица остава-

лась горчицей, и есть ее просто так было невозможно. Замечательной находкой был ящичек бабушкиного комода, наполненный гомеопатическими лекарствами. Бабушка умерла в середине 1939 г. от рака поджелудочной железы в страшных мучениях, которые она пыталась облегчить с помощью этих лекарств. После ее смерти все забыли о них. Теперь мы без разбору ели сладкие сахарные шарики по 5 штук в день, не задаваясь вопросом, что кроме сахара содержат эти шарики. Другой находке мы обрадовались просто несказанно. Дело было так: мама сделала слабую попытку раздвинуть большой обеденный дубовый стол, чтобы вынуть раздвижные доски и пустить их на топливо, но на это у нее не хватило сил, однако в образовавшуюся узкую щель на пол посыпались огрызки бутербродов, печенья, баранок и пр. Это мы, дети, до войны, не желая есть, прятали по щелям недоеденную пищу. Теперь эти объедки, покрытые плесенью, пылью и паутиной, привели нас в полный восторг. Мы соскоблили паутину и плесень, сложили все эти кусочки в кастрюльку — набралось довольно много, с полкастрюли, залили водой и поставили варить в печку. Куски разварились и превратились в тюрю. Эту тюрю мы ели целую неделю все трое.

Мама уже выменяла на хлеб и сахар папины швейцарские часы, бабушкину свадебную икону Казанской Божией Матери, швейную машинку Зингер и великолепное распятие, подаренное ей ее бонной Евгенией Альбертовной, чудесным человеком, очень любившим маму. Распятие было из черного дерева (крест), а фигура Христа была вырезана из коралла нежно-розового цвета. Венец, гвозди и веревки были из серебра. Вещь была выполнена очень тонко. Мама расставалась с ней со слезами на глазах. Евгения Альбертовна после революции осталась на Украине в Виннице и поступила работать в больницу медсестрой. Когда в Винницу вошли немцы, они расстреляли всех раненых, лежащих в больнице, и весь медперсонал, в том числе и Евгению Альбертовну. Об этом мы узнали в 1948 г., когда мои родители съездили в Винницу навестить места своей юности. Но все-таки от Евгении Альбертовны осталась мне на память вышитая ею мельчайшим крестом шерстью голова Христа на кресте. Эта икона и сейчас висит в моей комнате и напоминает мне о маме. Все вещи покупал у мамы механик одного из кораблей, стоящих на нашей набережной. Взамен он приносил кусок сахара, бутылку касторового масла и иногда кусок сухаря. В конце января он должен был принести последнюю плату — кусок хлеба и кусок сахара, но не принес и больше никогда не появлялся.

Вышло так, что мама 28 января получила по карточкам впервые белый хлеб и выкупила его на 3 дня вперед. 28 января — день рождения Наташи. Мы так обрадовались, что в предвкушении получения еще одного кусочка хлеба и сахара белый хлеб съели 29 и 30 января, думая, что 31-го в день моего рождения мы все-таки получим ожидаемую плату. Но, как я уже сказала, мы ничего не получили, и мой день рождения прошел печально. В доме не было ни крошки.

У Мирласов за стенкой теперь оставалось только два человека: Инга и ее мать Нина. Старик Мирлас умер на работе, бесследно исчез Яшка. Последний раз он появился в конце декабря, схватил за чем-то мясорубку и исчез. Больше о нем не было ни слуху ни духу. Нина каждый день уходила на

работу, оставляя Ингу сидеть в комнате, где лежала мертвая Шифра — ее бабка. Мама жалела Ингу и приводила ее к нам. Инга ничего не говорила, только молча сидела на скамейке у печки. У нее были великолепные густые темно-каштановые волнистые волосы. Однажды луч света от коптилки осветил эти распущенные по плечам волосы, и мы увидели, что они кишмя кишат вшами. Мама скорей усадила Ингу на клеенку и попыталась вычесать вшей, но это было невозможно. Вскоре вши появились и у нас. Тот, кто не знает, что это такое, не может представить себе, какое это унижение. С этого времени и до 1944 г. мы непрерывно сражались со вшами. Почему-то на голодном человеке паразиты плодятся особенно активно.

В первых числах февраля эвакуировалась Юлия Августовна со своими тремя сыновьями и Полина Захарова с дочкой Галей, эвакуировались и Инга с матерью. У Лукьяновых умерла бабка Мушки Лукьяновой. Ей было уже 80 лет, она совсем выжила из ума, ходила по квартире и, требуя еды, выла как собака. На нашей лестнице остались Беляевы, Лукьяновы с Юркой Приходько — отвратительным мальчишкой, нечистым на руку, вульгарным и вредным. Во дворе умерли все. Умерли татары, умерла семья глухонемых, умер Кис-Кис. Семья Андреевых переехала из деревянного флигеля в дом по соседству с библиотекой Академии Наук.

В начале февраля к нам добрался папа. Он пешком пришел из Колпино. Первая его попытка окончилась неудачей: он дошел до Средней Рогатки, на въезде в город, спустился в противотанковый ров, а подняться по противоположной отвесной стене не смог. Он долго тщетно пытался вылезти из рва, но все-таки ему пришлось вернуться на батарею. Голодный, обмороженный, усталый он был очень расстроен. Но через 2 дня их пошло в город уже трое. Они должны были получить катушки провода для связи. Втроем они преодолели ров, и папа пришел к нам. Он откладывал по кусочку сухаря каждый день, прятал на себе, сохраняя эту несчастную порцию еды для нас. Делалось это тайком от командира, который следил, чтобы солдаты съедали весь свой паек. Солдаты тоже голодали. Блокадный паек был ничтожно мал для взрослых мужчин. У отца тоже была цинга. Под мышками и за ушами были гнойники. Я видела, что, глядя на нас, он с трудом удерживал слезы. Он побыл с нами, посидел у печки и собрался уже идти обратно, когда пришел его товарищ и сказал, что его семья погибла. Тут выяснилось, что их старшина, который был послан в Ленинград двумя неделями раньше, должен был отнести хлеб семье, которая теперь умерла, но не отнес, а съел этот хлеб со своей сожительницей. Хлеб предназначался трем семьям: нам и еще двум другим. Теперь этот старшина был виновником гибели одной из них. Мужчины пошли к себе на батарею. При виде их старшина сделал попытку спрятаться, но солдаты нашли его и жестоко избили. Они били его, как врага, зная, что за это им может грозить штрафбат. Но командир батареи сделал вид, что ничего не знает. Дело замаял, а старшину сплавил в другую часть.

Голод стал невыносим. Мы с Наташей теперь не вставали с постели, а целыми днями лежали под одеялом, ковром, папиной меховой курткой. Спать мы укладывались в 5 часов — сэкономили масло в коптилке. Укладывая и укрывая нас, мама давала нам по пять горошинок гомеопатических

лекарств и говорила: «Девочки, а теперь помечтайте». И мы мечтали о том, что кончится война и будет много хлеба и каши, что вернется папа, что все будет хорошо. Иногда я мечтала, что я поступлю в балетную школу и буду танцевать в красивых пачках, а ноги болеть не будут. И все будут мне аплодировать, но...

В комнате царил холод. Все предметы были холодными как лед. Мебель, дверные ручки, книги, посуда — все вызывало дрожь. Наружная стена, отделявшая комнату от улицы, была внутри покрыта инеем. Морозы доходили до 40°.

Наверное, дядя Юра не выжил бы, если бы не счастливая случайность. Он встретил на улице одного своего бывшего коллегу, и тот немедленно отвел его в штаб округа, где его разбронировали и мобилизовали. Это спасло его от голодной смерти. Вскоре он возглавил одно из подразделений аэрофотосъемки, получив звание капитана. Весной он устроил тетю Соню в мастерские при аэродроме. Она работала чертежницей на казарменном положении и считалась военнотрудовой. Так они вырвались из лап голода. Совместно с Виталием Ивановичем Семеновым они изобрели приспособление для производства точной аэрофотосъемки, которым теперь пользуется весь мир. С Кирочной улицы они перебрались к матери тети Сони, Пелагее Ивановне, на ул. Чайковского, 40, в опустевшую квартиру. Соседи умерли. Умер Лев Радищев,³ их сосед, потомок знаменитого писателя; умер в ссылке Арвид Лебориевич Бэннинг⁴ — всемирно известный ихтиолог. Застряла в ссылке его жена Алиса Рудольфовна. В большой квартире Пелагея Ивановна осталась одна. Теперь, когда к ней переехала ее дочь, ей стало легче. Но это все устроилось весной.

А сейчас мы тихо умирали от голода и холода. Мама стала носить мое белье, белье восьмилетнего ребенка. Ее собственное на ней не держалось. Она уже с трудом двигалась — болели все суставы, шатались зубы и кровоточили десны. Сил было все меньше, и вот она в один из дней вновь ушла в очередь за хлебом, и вдруг я заметила, что у нас погасла печка. Я была в отчаянии. Несмотря на то что у меня страшно кружилась голова, я свернула из оторванных обоев жгут и медленно потащила на лестницу, а затем по лестнице на 2-й этаж. Там в однокомнатной квартире жили моряки. Когда я доползла на своих забинтованных ногах до их двери и протянула жгут, чтобы мне его зажгли, один из матросов, видимо, так испугался моего вида, что заорал, чтобы я убиралась, наверное, думал, что я буду просить есть. Но второй моряк оказался нормальным человеком. Он взял у меня жгут, поджег его и донес его до нашей печки. Обессиленная от этого похода и переживаний я слегла совсем и на следующий день встать уже не смогла. Мной овладела апатия. Мне хотелось просто лежать, ничего не видеть, ничего не чувствовать.

В этот день мама отдала Мушке свою последнюю драгоценность — великолепную брошь из золотой филигранны с крупным аметистом и аметистовой подвеской. За эту вещь мама получила 1 кг гречневой крупы и стакан риса. Но я уже не ела. Истощенный организм не принимал пищи. Перед глазами проносились какие-то видения. Мерещилось что-то блестящее, какие-то сверкающие колеса, шлемы, перчатки все в блесках, а затем я проваливалась во тьму.

Но Богу было неуютно, чтобы я умерла. 24 февраля пришел папа. Его отпустили на сутки домой. Он принес половину зажаренной курицы. Эта курица была подарком псковских партизан. К 23 Февраля псковские партизаны собрали под носом у немцев 1000 возов продовольствия для Ленинградского фронта и ночью вывели их прямо на советские позиции. Это была героическая эпопея, подробности которой мы узнали позже. Каждому бойцу досталось что-нибудь съестное: кому кусок колбасы или сала, кому пяток вареных яиц, кому полкурицы, кому кусок мяса. Папа получил полкурицы. Она была слегка обжарена, чтобы не испортилась. С этой-то половинкой курицы он и пришел домой. Мама в слезах поведала ему, что я уже не ем. Тогда они положили курицу в кастрюльку и сварили ее с двумя ложками риса. Полученный бульон мне стали давать по капле каждые 2 часа. Через два дня я уже начала интересоваться пищей, а через неделю я опять рисовала, сидя у печки.

К 23 Февраля увеличили норму хлеба на 50 г. Теперь на каждого приходилось уже 175 г. Тот, кто не голодал, не может себе представить, насколько эта прибавка была существенной. Мама сказала: теперь мы не умрем! Сказала твердо, хотя сил у нее совсем было мало.

Однажды вечером она сидела с нами перед печкой, и вдруг к нам заявила Мушка. Вульгарно покачивая бедрами, она сказала: «Прасковья Константиновна, вы наверное все знаете, — что это такое?» и положила перед нами четыре ювелирные коробочки. В каждой из них находилась маленькая фигурка. Это были: пантера из топаза с хризолитовыми глазами, кролик из горного хрусталя с рубиновыми глазками и петушок из оранжевого халцедона. В четвертой коробке лежали пуговицы, покрытые голубой эмалью и обрамленные мелкими бриллиантами. В центре каждой пуговицы был изображен ангел, написанный нежными розоватыми красками. Мама сказала, что это Фаберже. Что касается пуговиц, то это, по-видимому, часть праздничного облачения священника.

Так впервые в жизни я увидела произведения фирмы Фаберже. Фигурки мне очень понравились. Вообще за время блокадного голода Мушка стащила в свою квартиру множество хороших и дорогих вещей. За одни она платила хлебом, которым с ней расплачивались моряки (древнейшая профессия пользовалась спросом), другие она обнаружила в брошенных пустых квартирах, хозяева которых умерли или эвакуировались. Она стаскивала к себе в квартиру мебель, ковры, посуду, книги и пр. На кораблях нашлись столяры, которые реставрировали эту мебель для нее. Сама Мушка была гладкая, наглая, вульгарная. Ее мать имела стать першерона и с успехом обслуживала Мушку и ее гостей. По вечерам в их квартире звучала музыка. Гости танцевали под патефон. Настоящий пир во время чумы.

К 8 Марта детям фронтовиков выдали по комочку глюкозы, а на карточки вместо сахара по 120 г прессованной вяленой дыни. Сказали, что это подарок Ленинграду от колхозников Средней Азии. По радио передавали стихи Джамбула «Ленинградцы — гордость моя».⁵

Появилась надежда выстоять. Теперь каждый вечер мама читала нам книги. За это время она прочла нам Диккенса «Давид Копперфильд», «Серебряные коньки», Жюль Верна «80 000 лье под водой» и многое другое.

По радио передавали стихи Ольги Берггольц. Мы все время говорили о папе, думали о нем, мечтали, что он снова навестит нас при первой возможности. Мама сказала, что если мы переживем март, то останемся живы непременно.

Однажды днем, когда мама, как всегда, отправилась в очередь за хлебом, к нам в дверь кто-то постучал. Это было удивительно. Ведь двери не закрывались. Я крикнула: «Войдите!». На пороге появился высокий летчик. Я поняла, что это брат Константина Петровича Запольного. Я видела его один раз перед войной. Он был очень похож на Константина Петровича, только моложе. Мы поздоровались, и он спросил, где все — папа, мама и Юлия Августовна. Он ничего не знал о своей семье с начала войны. Я все ему рассказала. Сказала, что Юлия Августовна со своей мамой и тремя детьми эвакуировались в начале февраля, что Константин Петрович погиб в июле, что мы в квартире теперь одни. Мама пошла за хлебом. Теперь в булочную приходилось ходить гораздо дальше. Дом на Мытнинской набережной разбомбили, и он медленно тлел. Никто не мог погасить этот пожар. Нева покрылась очень толстым льдом. Для пожарных машин не было горючего, а у людей не было сил. Дом горел полтора месяца, пока от него не остались одни только каменные стены. Теперь мама ходила за хлебом на Невский. Эта булочная есть и теперь напротив Малой Морской (тогда улицы Гоголя).⁶

Все это я рассказала Сергею Петровичу. Он сидел напротив нас с Наташей и смотрел на нас во все глаза. Что уж там он видел, не знаю, но он вдруг развязал свой вещевой мешок и вынул оттуда три толстых куска черного хлеба, намазанных маслом. Мы опустили глаза, не смея даже взглянуть на такую неслыханную роскошь. Но он встал и каждой из нас дал по куску хлеба с маслом. Мы шепотом сказали: «Спасибо», но не ели. Когда он спросил, почему, мы ответили, чтождемся маму и тогда съедем этот хлеб втроем. Он сказал, что он маме тоже оставит и чтобы мы ели. Нас не пришлось долго уговаривать. Хлеб был такой чудесный. Не наш блокадный, состоящий из опилок, жмыха и целлюлозы, а настоящий мягкий и душистый. Мы ели его аккуратно, боясь уронить хотя бы крошку. Когда я подняла глаза и взглянула на Сергея Петровича, я увидела, что по его лицу катятся слезы и он их не вытирает, наверное, чтобы не смутить нас, и в надежде, что занятые едой мы этих слез не увидим. К счастью, в это время вернулась мама, и обстановка сама собой разрядилась.

В середине марта в Ленинград нагрянула весна; дружная, солнечная, она вырвала нас из черноты жуткой, казавшейся бесконечной зимы. Фашисты надеялись, что в голодном, наполовину вымершем Ленинграде начнутся эпидемии, болезни, и город падет. Но ничего подобного не случилось. Слабые, высохшие от голода ленинградцы — все, кто только мог двигаться и держать в руках лом или лопату, вышли на улицы, чтобы очистить город, вывезти вмерзшие в снег трупы, убрать нечистоты из домов, дворов и улиц. Каждый день метр за метром город освобождался от зимней коросты. С помощью мамы я стала выходить на наше широкое каменное крыльцо, ярко освещенное солнцем. Мы с Наташей садились на солнышке и тихо грелись. Постепенно я стала разбинтовывать ноги и выставлять их

на солнце. И на моих глазах начало происходить чудо. Раны, которые раньше зияли и сочились, теперь начали уменьшаться, заживать, затягиваться. Кожа на них белела, уплотнялась. Уже можно было надеть свободную обувь и понемножку ходить. На дворе на южной стороне, там, где не было асфальта, появилась трава. Мы стали выщипывать ее и жевать. Правда, есть можно было только самую молоденькую, чуть подросшая, она уже не годилась в пищу.

Город убрали. Львиная доля труда легла на плечи девушек из МПВО. Они выносили трупы из домов и складывали их на машины. Вынесли они и труп Шифры Мирлас. Машины увозили этот кошмарный груз на кладбища и в места, определенные администрацией города. Самым огромным складом мертвых тел была дорога между Кушелевкой и Пискаревкой. Здесь, по рассказам девушек, штабель мертвецов тянулся на несколько сот метров вдоль железной дороги, а на Пискаревке военные с помощью взрывчатки готовили огромные ямы для захоронения. Теперь это всемирно известное Пискаревское кладбище. Но кроме него на каждом ленинградском кладбище есть большие братские захоронения. Есть оно и на Серафимовском кладбище. Оно поглотило и некоторое количество могил, чьи кресты пошли на дрова во время зимы. Так были безвозвратно потеряны могилы моих бабушек, похороненных до войны.

В апреле случилось два замечательных события: первое — дали воду. Она лилась из крана в кухне сверкающей хрустальной струей — это был праздник, волшебство. Мы мыли посуду под этой сверкающей струей и не могли нарадоваться. С приходом весны все предметы вновь обрели осязаемость. Уже можно было без страха прикасаться к ним, ощущать их фактуру, оценивать их поверхность.

Вторая радость — пошел трамвай. Впервые после долгого ледяного плена по улицам и мостам шел трамвай, он радостно громыхал на стыках рельс, звенел как птица. Уцелевшие в голодную зиму мальчишки, конечно, немедленно облепили вагоны, повисли на буферах и решетках, несмотря на окрики кондукторов и свист милиционеров. В город возвращалась жизнь вместе с теплом и солнечным светом.

Мама решила, что необходимо устроиться на работу. Она всюду предлагала свои услуги, но ей отвечали, что ее незачем оформлять на работу, так как она завтра умрет. Но мама каждый день снова уходила на поиски работы.

Наконец, маме удалось получить работу в столовой школы № 47 на Петроградской стороне. В мамины обязанности входило получать деньги и талоны продовольственных карточек от учеников и учителей и следить, чтобы раздатчица верно отпускала по талонам питание. В конце дня полагалось наклеить сотни этих маленьких талонов (1 кв. см), распределяя их по сортам, подсчитать, подписать каждый у директора столовой и сдать их в банк, после чего можно было идти домой. Но дойдя до Тучкова моста, мама часто бывала задержана патрулем, так как наступал комендантский час. В пикете ей приходилось ждать до 6 часов утра, не спать и страшно беспокоиться о двух маленьких дочках, оставшихся в пустом доме.

В начале мая к нам, на Тучкову набережную, пришли две девушки из МПВО и сказали, что я должна записаться в школу. Я еще плохо ходила по-

сле голодной зимы, которую я провела почти не двигаясь. Ноги мои еще не совсем зажили, и я едва ползала по квартире, но тут мне пришлось пройти от Биржевого моста до угла Среднего проспекта. Нас, детей, собранных из окрестных домов, было человек шесть-семь. Мы шли за девушкой из МПВО, растянувшись вереницей. Я плелась в хвосте. Когда мы пришли в поликлинику, мне стало дурно. Отвыкшее от движения, ослабшее от голода сердце едва билось. Мне сделали какой-то укол, осмотрели и сказали, что все в порядке.

Меня записали в 1-й класс. Мне было 9 лет. Теперешние девятилетние дети выглядят, как дети 11 лет в то время. Мы были так ужасно малы и слабы, но ничего, в конце мая мы пошли в школу. Школа располагалась в здании университета.⁷ Занятий фактически не было. Мы приходили и, поторчав во дворе часа два, медленно ползли в столовую, расположенную в здании Двенадцати коллегий во дворе.

В час дня мы рассаживались за длинными столами, нам по списку выдавали по талонам кусочек хлеба, тарелку дрожжевого супа и порцию каши. Часть каши и хлеба я должна была принести домой для моей младшей сестры — ей было 5 лет.

Мы приходили рано, так как в 8.20 каждое утро начинался обстрел. Я шла мимо исторического факультета, превращенного в госпиталь. На галерее под аркой сидели и стояли выздоравливающие раненые, вышедшие подышать воздухом.

Однажды, когда я шла в школу, начался ужасный обстрел. Падали и взрывались снаряды, свистели осколки, были сирены, требуя, чтобы все укрылись. Я бежала по университетской линии, спрятаться было негде. Раненые кричали мне: «Ложись, ложись, дура!». Но я так и не легла, а добежала до набережной, до входа в школу. Во время этого обстрела тяжелый фугас попал в крейсер «Киров»⁸ — флагман Балтийского флота, стоящий на приколе у моста Лейтенанта Шмидта и превращенный в артиллерийскую часть. Это было потрясением. Все выбежали на набережную глазеть, но нас быстро убрали с набережной в класс. Вскоре школу перевели на 21-ю линию.

До 21-й линии идти было далеко. Сначала я шла по Тучковой набережной, потом по Биржевому переулку, по Первой линии, а затем выходила на Большой проспект Васильевского острова.

Странный это был путь. Если на набережной еще попадались навстречу люди, моряки, военные, бойцы МПВО, то Большой проспект был огромен и совершенно пуст. Весь он был залит солнцем, цвели кусты желтой акации, стояли высокие пышные деревья, но было совершенно тихо, не пели птицы, не чирикали воробьи — их не было. Вокруг было беззвучное царство солнечного света. Я шла и шла долго, до 21-й линии было все еще далеко. Наконец я пришла к школе № 21. Темная, полуразрушенная, с выбитыми стеклами, она производила ужасное впечатление. Полубезумная от истощения учительница не могла справиться с классом. Мальчики бузили. Девочки их боялись. Никакие занятия не были возможны. Ходить в такую школу было незачем. Моя сестренка Наташа ходила в детский садик в конце Волховского переулочка. Вскоре она заболела коклюшем, а от нее зара-

зились и я. По правилам карантина мы не могли посещать ни детский сад, ни школу. В результате мы оставались одни в огромной пустой коммунальной квартире, по нашей лестнице проживала еще только одна семья. Дом вымер.

Стояли светлые летние ночи. Людей в доме не было, но зато было множество крыс. Отъездившие за зиму на трупах, лежащих в пустых квартирах, крысы чувствовали себя хозяевами пространства. Они спокойно и важно расхаживали по квартире, лазали по шкафам и диванам, с топотом гонялись друг за другом, не обращая внимания на двух маленьких девочек. Их даже не смущал наш оглушительный кашель, который буквально выворачивал нас наизнанку.

Целыми днями мы жили одни в огромной пустой коммунальной квартире. Двери в квартиру не закрывались. Они были высокими и тяжелыми, высокие сводчатые потолки тонули во мраке. В выбитые окна задувал ветер с Невы, шурша обрывками бумаги и обоев. Гофманиада. Ежедневно набережную обстреливали или бомбили. Стало ясно, что до зимы необходимо перебраться на Петроградскую сторону поближе к маминой работе.

В сентябре маме удалось совершить обмен. В то время было много пустующих квартир. Половина Ленинграда вымерла от холода и голода. Многие были эвакуированы, другие на фронте. Найти возможность обмена было нетрудно. В это время обстрелы обеих набережных Малой Невы стали особенно интенсивными. Набережную фашисты обстреливали каждый день.

Короче, бросив все свое имущество, мама перетащила нас на новую квартиру по адресу Плуталова улица, дом 26/80. В квартире было 6 комнат. Наша комната была слева от входной двери. Напротив жила пожилая санитарка, работавшая в госпитале на казарменном положении и приходившая домой редко. В комнате рядом с ней жила одинокая старуха Ольга Абрамовна. Она всегда запиралась на ключ, ни с кем не разговаривала и не общалась. Даже в кухню почти не выходила. Поговаривали, что она староверка.

Через стенку от нас жила полька Фрида Казимировна Гулина с дочерью Мусей. Фрида Казимировна где-то работала, но где — я не помню. Она была изящная, подвижная, темноволосая. Ее муж погиб на фронте, Мусе было лет 16—17, она где-то работала неполный день. Часов в 5 вечера она уже была дома. У нее была крепенькая, аппетитная фигурка, стройные ножки и прекрасные густые русые волосы. Муся мечтала о замужестве, сидя на подоконнике, и без конца ставила пластинки с записями Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина и Клавдии Шульженко. Дальше по коридору была небольшая комната, в которой жила эстонка Мальвина Вершинина — жена маршала авиации, который в последнюю минуту вывез ее из пылающего Таллина. Она была блондинка, краснощекая, как матрешка. Языка она не знала, и мы ее почти не видели. В комнате рядом не жил никто. Вскоре Мальвина эвакуировалась на «большую землю», а на ее площадь въехала молодая вдова с двумя детьми. Ребят звали Миша и Маша. Это были маленькие тихие еврейские дети, с которыми вскоре подружилась моя сестра Наташа. После простора Набережной, залитой солнечным светом,

мы оказались в узкой темной, как ущелье, улице. Квартира наша располагалась на 2-м этаже, то есть на дне ущелья, так что даже три окна едва пропускали дневной свет. Сама комната была когда-то роскошной. Весь дом был построен во времена модерна. Высокие двери имели бронзовые ручки, на окнах были такие же шпингалеты, потолок был весь покрыт лепниной, изображающей пышные гирлянды из маков. В углу слева от входа стояла громадная кафельная печь, изразцы которой также были покрыты рельефом из маков. Печь была молочно-зеленого цвета. Дверца ее была декорирована бронзовой решеткой, изображавшей маки. В комнате не было ничего. Мы с трудом перетащили с Васильевского острова два тюфяка, подушки и одеяла. На окне стояла какая-то посуда, тарелки, чашки. Потом, позже, мама перевезла еще кое-что из вещей. Но почти вся мебель, книги, картины, зеркала остались на старой квартире и позже были разграблены.

Мама отвела Наташу в новый детсад, а я осталась одна в этой большой (39 метров) полутемной и пустой комнате. Мама ушла на работу. Два или три дня я маялась от безделья, одиночества и голода в ожидании маминого возвращения. Наконец мама повела меня в школу. Она была рядом с нашим домом (дом № 24). В отличие от школы на Васильевском, эта школа была жива. В вестибюле нас встречали завуч и директор. Директора звали Александра Самсоновна Легкова. Она была небольшого роста. Лицо ее было странного красноватого цвета (точно покрыто экземой). Черные волосы были высоко подняты надо лбом. Холодные требовательные глаза глядели строго, почти сурово. Вся ее фигура излучала властность, недоступность, строгость.

В школе царил строгая дисциплина. Все подчинялись установленному порядку.

Мы все имели тогда довольно жалкий вид, но мальчишки были особенно жалкими. Их головы на тонких шеях были обриты наголо; голова, покрытая пятнами копоты, расчесами и струпьями, напоминала географический глобус. Большинство девочек не было обрито наголо, поэтому девочки выглядели более благообразно.

Без четверти 8 вся школа выстраивалась перед входом на Плуталовой улице в колонну. В каждой шеренге было 4 человека. Между классами были строго определенные интервалы. В присутствии директора и завуча преподавательница физкультуры Лебедева давала команду «Смирно! На-лево! Марш!». Под барабанный бой мы начинали свое ежедневное движение в сторону Малого проспекта Петроградской стороны. Шли по Малому до Кировского пр., по Кировскому мимо ДК Промкооперации,⁹ сворачивали на Большой пр., шли по Большому до Плуталовой, и по Плуталовой до школы. Следовала команда «Стой» и «Разойдись». На этот марш уходило ровно полчаса. В 8.20 каждый день начинался обстрел. Иногда немцы стреляли не по нашему району, тогда мы спокойно шли в столовую завтракать. На завтрак была обычно какая-нибудь каша, совсем немножко, кусочек хлеба и кофе суррогат. Иногда к кофе давали бомбошки на сахарине, но иногда вместо каши давали плоские и твердые сырники из соевого жмыха. Они назывались шроты и были так омерзительны на вкус, так ужасно пахли какой-то тошнотворной кислотой, что даже мы, голодные дети не могли их есть. Если обстреливали наш район, то мы отправлялись в бомбо-

убежище. Это был подвал, разделенный на части капитальными стенами. В каждом помещении было по 2—3 класса. При свете фонарей «летучая мышь» мы продолжали заниматься, чутко прислушиваясь к тому, что происходит наверху. Иногда снаряды ложились совсем рядом, а иногда мы слышали их свист и отдаленный взрыв. Мы уже хорошо знали, что если слышен свист, то снаряд разорвется где-то дальше. Артолет редко длился дольше часа. После отбоя тревоги (восхитительная мелодия горна) мы возвращались в классы. Уж не знаю, как Александра Самсоновна обеспечила получение школой тетрадей. Но тетради у нас были прекрасные из настоящей мелованной бумаги с полями и нежно-сиреневыми линейками. Мы старательно занимались чистописанием. Александра Ивановна очень красиво выводила буквы на классной доске, а мы должны были все точно скопировать в тетрадь. Мне чистописание давалось сравнительно легко, наверное, потому, что я с пяти лет много рисовала. Но вот заглавная буква «О» мне никак не удавалась. Почему-то она разваливалась в верхней части, как лопнувший плод. Александра Ивановна оставила меня после уроков одну в полутемном классе и велела написать целую тетрадь заглавной буквы «О». И я писала, писала, писала. Мне было холодно. Руки замерзли, я тихо плакала, но писала. Вдруг в класс вернулась за чем-то Оля Науменко, милостивая белокурая девочка с вьющимися волосами и веселым круглым лицом. Увидев мои тщетные усилия, она села рядом и написала последние три страницы. Ура! Пытка закончилась. Александра Ивановна была довольно жестокой женщиной и никогда никого не щадила. Однако, надо признать, что ее требовательность привела к тому, что мы в результате стали хорошо и грамотно писать (ошибки она жестоко высмеивала) и читать. Кроме того, выработалась привычка работать.

На большой перемене мы шли в библиотеку, заведовала которой Лидия Михайловна Конийская. Это была энергичная женщина с опухшими от голода лицом и ногами, но очень живая и полная энтузиазма. Можно с уверенностью сказать, что именно она привила многим из нас любовь к книгам. Она также была бессменным руководителем самодеятельности. Однажды, услышав в актовом зале звуки рояля, я заглянула туда и увидела сидящую за роялем преподавательницу пения Иду Ильиничну Багал и Лидию Михайловну. Лидия Михайловна спросила, что мне надо. И я, совершенно не смущаясь, сказала, что хочу петь. Учителя переглянулись, и Лидия Михайловна спросила, что я знаю. Еще живя на Тучковой набережной, я целыми днями слушала музыку, которую заводили моряки на кораблях. Это были песни Шульженко «Синий платочек», «Чайка», «Землянка» и др. Я сказала, что хочу спеть песню «Чайка». Это была примитивная лирическая песня о том, как моряк ушел в море, а девушка, оставшаяся на берегу, просит чайку передать ему привет. Конечно, это была не детская песня, но спела я ее хорошо. У нас в семье хорошо пел папа, а также бабушка Вера Александровна, которая не только пела, но была еще и прекрасной пианисткой. Она умерла в 1939 г., так и не успев научить меня музыке. Но слух у меня был хороший, и меня записали в школьный хор, где я вскоре под руководством Иды Ильиничны стала солисткой. Ида Ильинична была прекрасная, добрая, терпеливая, очень скромная и мягкая женщина.

На бледном худеньком лице ее каким-то нежным светом светились большие светло-зеленые глаза. У нее были густые, прямые ярко-рыжие волосы, которые выбивались из тяжелого узла на затылке. Она была неизменно одета в синее платье. Ногти рук ее были коротко подстрижены. Руки легко скользили по клавишам. Она терпеливо учила меня петь просто и искренне, не голосить и не выпендриваться, а точно следовать мелодии и ритму.

Сначала, до прихода Иды Ильиничны, учителем пения был у нас старый и больной человек Зальман Моисеевич, которого мальчишки прозвали Заяц Моисеевич, хотя на зайца он никак не походил. Он грубо и тупо барабанил по роялю обмороженными руками, не обращая внимания на шум, который поднимали дети.

В наш репертуар тогда входили две песни: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет» и «Я красный пестрый попугай». Под эту топорную музыку петь не хотелось, учитель нам не нравился, и мы со всею жестокостью, на которую способны дети, шалили, кричали и безобразничали. Вскоре Зальман Моисеевич умер.

К 7 Ноября было решено подготовить концерт. Коллектив, который участвовал в подготовке концерта, назывался агитбригада. Лидия Михайловна подготовила литературно-музыкальный монтаж, состоящий из стихов, песен, танцев. Аккомпанировала нам Ида Ильинична.

Вообще надо сказать, что большинство учителей, не щадя сил, занимались с нами и после уроков. Быть может, им не хотелось из относительно теплой школы, где была жизнь, звенели детские голоса, возвращаться в темные и промерзшие квартиры. Для учителей, которые жили далеко, Александра Самсоновна организовала в школьной мансарде стационарное общежитие. Мансарда была разделена на маленькие кельи. В одной из них жила преподавательница естествознания Мария Александровна Сосипатрова. Она подружилась с моей мамой и иногда приглашала меня к себе в мансарду, где показывала мне интересные книги по естествознанию. Организация этого общежития была еще одним добрым подвигом нашей суровой Александры Самсоновны. Вполне возможно, что наличие этого скромного жилья многим из далеко живущих учителей спасло жизнь. Надо сказать, что она вообще была прекрасным организатором. Нашими шефами были завод «Радист»,¹⁰ база Балтийского флота, расположенная на Каменном острове, радиокомитет. Мы же, в свою очередь, шефствовали над госпиталями района. Старшеклассники помогали санитарам, а мы время от времени посещали госпиталь со своими песнями и стихами, развлекали раненых. Иногда нам доверяли разматывание и сматывание бинтов, поступивших из стирки. Смотанные бинты шли снова на стерилизацию. Работа эта была довольно тяжелой. В автоклавной стоял тяжелый запах мыла, грязных бинтов и пара. Проработав часа два, мы уходили домой готовить уроки. Второй осенней работой, которую мы осуществляли, был сбор осенних листьев в парках и садах, которых немало на Петроградской. Младшие дети собирали листья в мешки, которые старшеклассники грузили на полуторку, пока кузов не был полностью набит этими мешками. Затем листья везли на фабрику Урицкого,¹¹ где их сортировали, мыли, сушили, резали и пропитывали какими-то ароматизаторами. Из этого сырья

делали эрзац-табак, который не без юмора был назван фронтовиками «Осенний сон».

Перед тем как приступить к приготовлению уроков, я должна была идти на Ординарную улицу, где располагался Наташин детский сад. Это было недалеко, но надо было миновать три проходных двора, каждый из которых заканчивался аркой. Все три дома были разбиты снарядами. В провалах свисали стропила и перекрытия. Кое-где были видны разрушенные квартиры, развороченные стены и печи, разбитая мебель, поломанные окна и двери. В сумерках, а позже, зимой, уже в темноте все это производило жуткое впечатление. Бежать через эти дворы было страшно, и я изо всех сил волочила за собой спотыкающуюся и ревущую маленькую Наташку. Придя домой, я должна была растопить печку-буржуйку, которую сложил по маминой просьбе печник-инвалид. От буржуйки шла длинная труба, которая входила через вьюшку большой печи в дымоход. Растопить печь бывало совсем нелегко. Дрова были случайными, добытыми дворничихой Фросей в руинах окрестных домов, иногда это были части деревьев, разбитых снарядами, иногда разбитые двери, рамы или поломанная мебель. Порой приходилось долго раздувать огонь в печке, дым шел в комнату, дрова не разгорались, глаза слезились, но, наконец, печурку удавалось растопить, огонь занимался, труба раскалялась докрасна. На печке варилась какая-нибудь жидкая каша и закипал старый эмалированный чайник, так, чтобы к маминному приходу с работы было тепло и можно было поесть.

К этому времени маме удалось перевезти со старой квартиры мебель, которую еще не украли, в числе которой был большой дубовый стол. За этим столом я в шапке и пальтишке, подаренном Фридой Казимировной, при свете коптилки (электричество было не всегда) делала уроки. Маленькая Наташка играла под письменным столом, где она соорудила кукольный дом. Фрося продала маме огромную двуспальную кровать «биддермейер» и славянский шкаф, а Мария Александровна пожертвовала маме кружевные гардины. Стало немного уютнее. Сын Лидии Михайловны Конийской, Никита, сделал нам радиопроводку. На стене появился черный репродуктор-тарелка. Это было великолепно. Радиокomitee организовал вещание так, что между сводками информбюро передавали письма с фронта, музыку, великолепные литературные передачи. Жизнь стала более насыщена впечатлениями.

Наступила зима 1942/43 г. Она была снежная и не такая суровая, как первая военная зима. Приближался Новый год. Мама дала мне 30 рублей и сказала, чтобы я перед школой сходила на Дерябкин рынок,¹² находившийся в конце Малого проспекта, и купила елку. Я была в восторге, и в 7 часов утра отправилась за елкой. Город был засыпан высокими сугробами. В воздухе пахло печным дымом. В сугробах были протоптаны тропинки. Народу почти не было. Я довольно быстро дошла до рынка и у какого-то инвалида купила чудную маленькую елочку. Возвращаясь, я услышала, что сзади за мной кто-то идет. Шаги приближались. Я испугалась. Тогда бывали нападения на детей. Об этом часто судачили девчонки и уборщицы. Я пошла быстрее, а потом побежала, но вскоре поскользнулась и полетела в

сугроб, обмирая от страха. Из сугроба меня извлекла одна из учителей нашей школы Ксения Владимировна. Оказывается, это она шла за мной, торопясь в школу.

Елка была принесена мною домой, а мы все трое — мама, Наташа и я — приступили к ее украшению. Мы вырезали из бумаги бабочек, стрекоз, кораблики, куколок, матрешек и из бумажных полосок клеили цепи. В украшении нашей елки приняли участие соседи — Фрида Казимировна и Муся. У них сохранились довоенные игрушки — стеклянные шарики и звезды из фольги. Несколько шариков подарила нам Мария Александровна. Елка создавала праздничное настроение в нашей пустоватой комнате. В школе тоже была елка. Ее установили и украсили рабочие завода «Радист». На ней горели крошечные цветные лампочки. Она стояла в столовой. В школе праздник разделился на три части: торжественная часть и концерт самодеятельности, потом бал для старших школьников и для отличников младших классов — праздник на базе моряков Балтийского флота. Там для нас был организован концерт силами матросов и нашими. Мы дружно пели и плясали. А потом нас очень сытно накормили пшенной кашей с маслом и кофе со сгущенным молоком. Очень сладким. Я рассказываю об этом так подробно, чтобы показать, как о нас заботились, старались занять, подбодрить, подкормить. Не давали падать духом.

Наступил январь 1943 г. Все чаще в городе была слышна канонада. Мы понимали, что где-то совсем недалеко от города идут бои. Мы ждали и надеялись, что скоро прогонят врага, и город наш вздохнет свободно. Об этом мечтали все от мала до велика. 18 января около 5 часов вечера мы услышали по радио радостную весть: блокада прорвана, взломано железное кольцо, душившее город. Радость была великая. Мы все побежали в школу. Там уже собрались учителя, директор школы, представитель райкома партии, рабочие завода «Радист». Возник митинг. Голоса выступающих дрожали от волнения и радости. На глазах у многих были слезы. По радио звучала музыка, стихи. Радостную сводку передавали несколько раз, говорили о разбитых немецких частях и о том, что взято много пленных. И вот в один из последних дней января впервые за время войны по улицам Ленинграда провели пленных немцев. Это было днем, мы были в школе, но занятия прервали, и мы вышли на Большой проспект Петроградской стороны. Была сырая промозглая погода. Серое небо накрыло город. Под ногами была грязная снежная каша. Мы стояли вдоль всего тротуара, с нами были и учителя, и просто жители города, оказавшиеся в этот час на улице. Стояла страшная зловещая тишина, нарушаемая только шаркающими шагами пленных. Они были ужасны. Грязные, обмороженные, замотанные каким-то тряпьем поверх серых летних шинелей. На головах у многих были женские платки и полотенца. Они шли, не глядя по сторонам, длинной серой лентой. Они боялись поднять глаза. Они боялись, а город молчал. В этом молчании было страшное напряжение, в котором ненависть постепенно сменялась презрением. Теперь уже никто не сомневался, что мы победим. Ленинградцы еще раз продемонстрировали достоинство и выдержку. Никто не закричал, никто не выругался. Эти полудохлые сейчас немцы

заставили город заплатить такую высокую цену, что никому не пришлось в голову злорадствовать.

Вскоре нас ждала еще одна огромная радость — пришла весть об освобождении Сталинграда. Великая битва на Волге положила начало победам, которые в конечном счете привели нашу Армию в Берлин. Снова был митинг в нашем огромном актовом зале.

Сводку от Советского Информбюро читала заслуженная учительница Зинаида Васильевна Северова. Читала сквозь слезы радости, заливавшие ее лицо. Эти победы очень подняли наш дух. Хотелось учиться лучше, петь, танцевать и радоваться. К нам в школу стали приезжать знаменитые гости: поэты, артисты, чтецы. Так нас посетили Вера Инбер,¹³ артистка радио Мария Григорьевна Петрова,¹⁴ певица Софья Преображенская,¹⁵ артист радио Ефрем Флак¹⁶ и многие другие. Нас, детей, стали приглашать в радиокomiteeт, где мы приняли участие в радиопередачах, транслировавшихся не только в городе, но и на фронте. Одной из очень сердечных и нужных передач были «Письма на фронт». Почта работала тогда плохо. Многие фронтовики не знали, что происходит дома, в городе в их семьях, и письма, передаваемые по радио, очень радовали бойцов. Так однажды мой отец, который был простым солдатом-зенитчиком (его батарея стояла в Колпине), услышал в передаче мое письмо, которое я сама и прочитала, а потом спела песню «С далекой я заставы». Отец прибежал в землянку по зову товарищей и застал только вторую часть письма и песню, но его сослуживцы все ему пересказали, и все были очень рады.

Приближалось 23 Февраля — День Красной Армии. Вся школа готовилась к этому празднику. Мы с Люсей Славиной подготовили небольшую сценку. Она изображала молоденькую девочку в платочке, а я — молодого бойца. Для этой роли мне где-то раздобыли маленькие сапоги, галифе, гимнастерку и пилотку. Когда меня одели во все это, мама заплакала — так я была похожа на папу. Сценка, которую мы разыгрывали, изображала встречу влюбленных после войны. Мы выходили навстречу друг другу, обнимались, а затем начинали танцевать веселую пляску. Люся снимала платочек с головы и кружилась, помахивая им, а я выступала подбоченься и пускалась впрысядку вокруг своей возлюбленной. Остановившись, мы кричали: «Ура! Советскому народу-победителю!».

В этот день нас, учащихся младших классов, принимали в пионеры. Но это не было дежурным мероприятием. В пионеры в этот день принимали только отличников. Я была среди них. Надо сказать, что учились мы хорошо, старались. Из 32 учеников нашего 16 класса 19 были отличниками. Быть может, все дело было в том, что мы были переростками. Большинство из нас поступило в 1 класс не в 8 лет, а в 9. Мы были более развитыми, чем те, кому было 7—8 лет. Но все равно результат этот не стоит умалять, так как надо помнить, что это были голодные дети, живущие в экстремальных условиях. В этот торжественный день наша школа была отмечена почетной грамотой Советского правительства, школе было присвоено имя великого русского педагога Ушинского. С этим высоким званием нашу школу поздравил сам Сталин.

Теперь школа носит имя академика Лихачева.¹⁷ Я ничего не имею против самого Дмитрия Сергеевича, но, справедливости ради, надо сказать, что учился он в бывшей гимназии Лентовской совсем недолго и это вряд ли можно считать уважительной причиной для переименования школы. Ведь присвоение школе имени Ушинского было признанием высокого подвига учителей, беззаветно трудившихся в ней во время блокады.

Итак, 1942/43 учебный год близился к концу. Приходя из школы домой в нашу, похожую на склеп комнату, я садилась на диван и слушала музыку. Ее передавали с трех до половины пятого. Музыка была прекрасна и отвлекала меня от грустных мыслей. Слабый отблеск дневного света, отбрасываемый окнами противоположного дома, падал на паркет. В квартире никого не было. Ежедневно вместе со мной музыку слушала крошечная мышка. Она располагалась в пыльном луче света, садилась на задние лапки, передние складывала на животике и внимательно слушала музыку.

Наступил день, когда наши дрова пришли к концу. Осталось одно громадное полено — березовый комель, который мама разрубить не смогла. «Сделай что-нибудь!» — сказала она, уходя на работу. Делать нечего — я начала колоть это полено. Полено не поддавалось. Я засадила в него три топора — наш и два соседских, но расколоть его я не могла. К счастью, в этот момент пришла с работы соседка — Екатерина Дмитриевна Бойцова по прозвищу Пецка. Она была псковитянкой и вместо буквы «Ч» произносила «Ц». Слова выходили смешными «девоцка», «цашецка», «пецка». Отсюда и произошло прозвище. Увидев мои старания, она дала мне колун и велела бить по уже заклиненным топорам. Часа три я била по этому ужасному полену, но все-таки расколотила его на мелкие корявые щепки. Этих щепок хватило на два дня. И вот, когда мы уже совсем не знали, где взять дров, с папиной работы нам привезли полуторку коротко напиленных прекрасных дров. Было это в мамино отсутствие. На дворе был двадцатиградусный мороз. Оставлять на дворе эти прекрасные дрова было нельзя. Что делать? Я нарядила маленькую Наташу во все теплые вещи, которые только нашлись в доме, и поставила ее около кучи дров — сторожить. Сама же я стала перетаскивать дрова в наш сарай. Сарай находился примерно в 100 метрах от места, где вывалили дрова. За пять часов я перетащила три кубометра дров в сарай. Наташу я заставляла прыгать и топать, чтобы не замерзнуть. Наконец дрова были в сарае. Пришедшая мама не могла поверить своим глазам.

Наступила весна. Я перешла во второй класс. У какой-то женщины в нашем доме мама выменяла три детских платья взамен на большую шелковую шаль с кистями — такие были в моде перед войной. Это были мои обновки на лето. Мне мама достала путевку в детский лагерь на Каменном острове. Это было великолепно. Наш отряд (1—2-е классы) расположился в одном из особняков на набережной Невки. Зеленые аллеи, особняки, река всегда такая красивая, ивы, склоняющиеся к воде, — все это привело меня в состояние восторга. Мы ходили на физкультуру, занимались пением, разучивали стихи. Наблюдали, как ребята из старших классов делали гимнастические упражнения. Столовая располагалась в старинном особняке, где еще сохранилась роскошная мебель из карельской березы (узнала, что такой вид дерева называется «птичий глаз»), огромные зеркала и синие

штофные обои. Здесь происходили все торжественные собрания, сюда к нам приходили шефы-моряки. Месяц пролетел быстро.

Я вернулась домой к Наташе и маме. Летом мы убирали школу, а старшеклассники разбирали руины, в частности те три проходных дома, через которые я водила Наташу в детский сад. Руины разбирали по камешку, по кирпичику. Целые кирпичи складывали в штабеля, а битые — в кучи: мелкие в одну, крупные куски в другую. Однажды, когда 4-й класс разбирал печную трубу, она рухнула, и Саша Сорочкий, любовь всей школы, председатель совета пионерской дружины упал и получил ранение головы. Саша был пионером-образцом. Он точно сошел с агитплаката. Глаза у него были голубые, волосы русые, коротко стриженные. На груди алый галстук. Все им восхищались. Его травма повергла всех в печаль. Вскоре он пришел с забинтованной головой, но здоровый и снова стал работать в своем отряде. Ребята третьих и четвертых классов были направлены на огородные работы в Новую Деревню в совхоз. Они вскопали огороды и посадили турнепс и брюкву. В результате их трудов вырос неплохой урожай, часть которого была отдана школе для пополнения детского рациона. Каким-то образом часть огорода забыли прополоть, а когда настала пора убирать, то оказалось, что именно тут-то и вырос самый крупный турнепс. Три из них, достигшие размеров большой авиабомбы, были выставлены в райкоме в качестве достижений школы, которую наградили почетной грамотой. Лето прошло быстро, и снова начались занятия. Правда, наша школа стала женской. Отныне мальчики и девочки обучались отдельно. Мальчики старших классов ушли на фронт. Мы их провожали всей школой. Их судьба мне неизвестна. Знаю только о Саше Девятиярове, который служил на катерах Балтийского флота, был ранен, а после войны поступил в Высшее художественно-промышленное училище и закончил факультет монументальной живописи. Он учился со мной на одном курсе, несмотря на то, что был значительно меня старше, так как после войны ребят демобилизовали не сразу. Служба многих растянулась на 7—8 лет.

Снова начались обстрелы. Мы теперь не ходили в бомбоубежище, так как частенько случалось, что людей засыпало в подвалах, а иногда и заливало водой из лопнувшего водопровода. Дома во время обстрела к нам прибегала Рая Виленская, жившая на 5-м этаже. И мы — мама, Наташа, Рая и я — садились, сбившись в кучку, на мамину двуспальную кровать в надежде, что если в наш дом попадет снаряд, то убьет всех сразу. Весьма наивное предположение, но это успокаивало. А это было уже немало.

В школе дела шли хорошо. Весь школьный быт становился все более и более организованным. Отсутствие мальчиков изменило характер дисциплины. Порядка стало больше, отклонений от правил стало меньше. В школе стало чище. Нас два раза в четверти подвергали медосмотру. Появились новые продукты: соевое молоко, соевое суфле, норма хлеба увеличилась. Но были и курьезы. В нашей столовой появилась каша из круп, поднятых водолазами с затонувших на Ладожском озере барж. В основном это были рис и овсянка. Крупа эта полгода, а то и больше, пролежала в воде и, конечно, начала гнить. Она омерзительно пахла, да и вид имела отталкивающий. Эту кашу отпускали без талонов. Некоторые все-таки ели ее, но таких бы-

ло меньшинство. Кашу эту прозвали «подарок морского царя». Юмором дети прикрывали свое разочарование. Есть хотелось постоянно, но говорить об этом было не принято. Принято было переносить голод с достоинством. Бывали и исключения. В нашем классе училась Инна Кондратьева. Это было крайне отталкивающее существо: истеричное, плаксивое и эгоистичное. Она всегда хныкала, скулила, что хочет есть. Глаза у нее были на мокром месте. Кожа ее была серо-коричневого цвета, она была очень нервной и несдержанной. Однажды она принесла откуда-то кулек с крупной коричневой каменной солью. Она принялась сосать ее во время уроков, при этом громко причмокивала, вызывая слюноотделение у окружающих, которых она довела до того, что на перемене ее вздули. Я не принимала участия в этой расправе, но в душе была на стороне тех, кто ее поколотил. Александра Ивановна отняла соль, прекратила драку и строго-настрого запретила приносить соль в школу.

Однажды в конце 1943 г. днем во время занятий начался жестокий артиллерийский обстрел нашего района. Нас быстренько загнали в бомбоубежище. Занятия не проводили. Снаряды сыпались где-то рядом. Вдруг раздался страшный взрыв. Земля и школа заходили ходуном. Казалось, что стены сейчас обрушатся на нас. За первым взрывом последовал такой же второй, а затем — более слабый третий. Я уже говорила, что дом, в котором я жила, находился рядом со школой. В этот день у мамы был выходной. Она оставила дома Наташу, чтобы нагреть воды и помыть ее. Когда раздалась эта ужасная взрывы, я вообразила, что снаряд попал в наш дом. Я умоляла стоящих в дверях бомбоубежища учителей выпустить меня, но они точно не слышали меня. Немец перенес обстрел в другой квадрат. Взрывы звучали глухо все дальше и дальше. Наконец отбой. Я буквально проскользнула между ног учителей и кинулась на улицу. Вся улица была наполнена строительной пылью. Два высоких дома № 22 и 20 перестали существовать. Вокруг руин сновали санитарные и пожарные машины. Я помчалась домой и, еще не доходя до дома, увидела, что в наш дом тоже попал снаряд, но, видимо, относительно небольшой. Вбежав на лестницу, я увидела, что двери всех квартир распахнуты, на полу битая штукатурка, все прекрасные витражи лестничных окон выбиты, в воздухе пыль и дым. Наша комната располагалась сразу слева от двери. Я толкнула дверь... и разрыдалась. Передо мной была мирная картина: в комнате горел свет, и мама спокойно мыла Наташу, стоящую в большом тазу. Взрыв произошел на нашем этаже в соседней квартире. Снаряд прошел 4 этажа, но вся сила взрыва была направлена в сторону от нашей квартиры. Я стояла, переводя дух, не в силах справиться с волнением. Прибежала Рая Виленская. Сказала, что в домах 20 и 22 есть жертвы, что там работают бойцы МПВО и что в этот раз нашему району крепко досталось.

Под Новый год нас, маленьких солистов хора — Галю Огневу из параллельного класса и меня, пригласили во Дворец пионеров (Аничков дворец) на встречу с Софьей Петровной Преображенской — замечательной певицей Кировского театра (Мариинского). Она хотела нас прослушать. Войдя в небольшой светлый зал, мы увидели высокую рыжеватую женщину, закутанную в белый пуховый платок. Она поздоровалась с нами низким глубоким голосом. Потом Ида Ильинична, сопровождавшая нас, сказала, что

такой низкий женский голос называется контральто и что это большая редкость — такой голос.

Софья Петровна спросила меня, что я буду петь. Я сказала, что сейчас мы разучиваем колыбельную Аренского, «Весну» Дандре, а Галя пела «Качели» (автора я не помню).

Софья Петровна внимательно нас слушала. Сказала: «Ну что ж, неплохо». А про меня сказала, что со мной следовало бы заниматься серьезно. Ида Ильинична была очень довольна и так рада за меня, что даже поцеловала меня в голову. Софья Петровна села за рояль и пропела одну фразу из колыбельной, показывая мне, какая должна быть интонация. Я повторила. Она сказала: «Хорошо». Затем мы вышли, вежливо попрощавшись, а Ида Ильинична осталась, но скоро вышла к нам. Во дворце было очень холодно. Отопить такое огромное здание было трудно. Мы замерзли и были рады поскорее оказаться дома.

В это же время произошло еще одно, как выяснилось позже, очень важное для меня событие. В нашу квартиру вселилась из разбитой снарядом квартиры № 12 молодая женщина — боец МПВО Марина Бровкина — внучатая племянница придворного фотографа царя Николая II. Самого фотографа уже не было в живых, но от него остались два потрясающих альбома — каталоги всех драгоценностей, принадлежащих царской фамилии. Марина принесла эти альбомы нам, и я целыми вечерами при свете копилки перелистывала тяжелые толстые страницы, где сепией были изображены дивные царские украшения. Это была первая ступенька, подводящая меня к изучению ювелирного искусства, ставшего впоследствии моей специальностью.

Новый 1944 год наступил как-то незаметно. Все дело для нас с Наташей было в том, что мама, которая так мужественно держалась в самые трудные дни, теперь стала сдавать. У нее все чаще случались приступы раздражения, почти ярости. Я была слишком мала, чтобы понять, что силы ее кончились. В значительной степени этому способствовало то, что столовую, в которой мама работала кассиром, перевели в Новую Деревню. Это было далеко. Трамвай № 3 ходил редко. Большую часть пути мама шла пешком в любую погоду. С нею происходило что-то странное. Свое раздражение она срывала на мне, кричала на меня, а иногда и поколачивала, хоть я и старалась помогать ей во всем, как только могла. Меня это очень огорчало. Я тихо плакала, когда мама меня не видела. Жизнь стала какой-то безрадостной. Однако одна огромная радость пришла к нам 27 января 1944 г. Наконец была полностью снята блокада. Впервые за дни блокады нас навестила моя любимая тетя Соня — жена маминого брата дяди Юры. Она работала на казарменном положении, на аэродроме, находящемся около Средней Рогатки. Это конец Московского проспекта. Дядя Юра возглавлял в штабе Ленинградского округа службу аэрофотосъемки. Оба они не могли выкроить время, чтобы повидаться с нами. Она оставила телефон, по которому можно было снестись с дядей Юрой. Наступала весна. Я стала много рисовать, особенно по просьбе одноклассниц. В это время в нашем классе появились три новые девочки. Их возвращение в Ленинград стало возможным благодаря снятию блокады. Среди них была Виола Стычин-

ская, прозрачная высокая блондинка со светлыми слегка раскосыми глазами. Ее опекала бабушка, и девочка всегда была хорошо и опрятно одета.

Однажды нам задали на уроке рукоделия сшить кисеты в подарок раненым бойцам ко дню 23 Февраля. Все смастерили что-то довольно беспомощное, но Виола потрясла наше воображение, продемонстрировав два кисета, сшитые под руководством ее бабушки. Это были маленькие шедевры истинного рукоделия. Здесь была и аппликация, и гладь, и бисер. Это был очень полезный пример, переносящий наше воображение в мир женственности и красоты, от которого война нас отторгла на долгие три года.

Город оживал. Сняли затемнение. На улицах стало светлее. Вернулись многие эвакуированные. В классе стало больше учениц.

По карточкам теперь можно было получить крупу, сахар, маргарин, а также английский горький шоколад и американскую тушенку.

Правда, чтобы получить все это, надо было получить карточки, а чтобы получить карточки, надо было сперва получить справку в жилконторе, а затем выстоять жуткую очередь за стандартной справкой, подтверждающей, что вы еще живы. Справки эти выдавали во втором дворе дома на Бармалеевой улице. Без этой справки карточек не давали. Это была садистская иезуитская в своей жестокости мера, буквально пригибающая к земле и без того измученных людей. Конечно, все эти очереди выстаивала я. Мама уже не могла стоять в очередях. Ее силы убывали на глазах. Ею все больше овладевала апатия.

1 мая мама вдруг замолчала, перестала есть, реагировать на нас, детей, и вообще на всех. Я плакала, просила ее поесть, пыталась уложить ее спать, но она молча отводила мои руки и продолжала неподвижно сидеть, уставившись в одну точку. Через два дня этой пытки я побежала к Виленским, живущим на пятом этаже нашего дома. Ревекка Львовна Виленская работала вместе с мамой. Она пришла. Все поняла и, взяв телефон дяди Юры, позвонила ему.

С фронта отозвали на два дня отца. Он пришел, отправил нас с Наташей во двор. Он потратил несколько часов, доказывая маме, что это он. Она его не узнавала очень долго.

Наконец он пробился через ее безумие, обнял ее и повел в психиатрическую больницу на Васильевский остров.¹⁸ Мы с Наташей стояли на углу Плуталовой и Большого и молча смотрели им вслед. Большой был залит солнцем, мы долго видели их худенькие фигурки, которые все удалялись и наконец пропали из виду.

Отец вернулся на фронт. Мы остались одни.

Конечно, и школа, и соседи помогали, не дали пропасть, но с этой минуты я стала «главой» нашей маленькой семьи, а было мне 11 лет. Я водила Наташу в детский сад, варила пищу, кормила Наташу и ела сама не слишком-то вкусные обеды, стирала, выкупала по карточкам продукты, убирала квартиру и училась. Кончился учебный год, мы перешли в третий класс. Чтобы занять оставшихся без дела и надзора детей, в нашей школе развернули дневной стационар — пионерскую площадку. В классах поставили кровати, дети принесли белье. Здесь мы проводили день. Нам читали, нас водили на экскурсии, в кино. Мы выпускали стенную газету. Нас кормили

два раза в день. И здесь мы спали днем — тихий час. Я забрала Наташу из детсада и записала ее в 1-й класс. Теперь мы все время были вместе.

Вечерами в нашем большом дворе все дети играли в лапту. Это было замечательно, но почему-то вызывало раздражение у нашей соседки Фриды Казимировны. Она всячески пыталась загнать нас в квартиру. Но что нам было делать в этом темном и пустом помещении? А во дворе было светло и весело. Я ее не слушалась, не признавая ее права приказывать нам.

Днем мы часто ходили в кино. У нас на Петроградской работало несколько кинотеатров: «Арс» на площади Льва Толстого, «Эдиссон» на Большом проспекте около Бармалеевой ул. и «Молния» недалеко от Введенской. Начиная с 1943 г. шли многие фильмы. «Два бойца», «Она защищает Родину», «Актриса», «Жди меня» и множество трофейных фильмов, иногда просто замечательных: английские фильмы «Балерина», «Повесть об одном корабле», «Леди Гамильтон», американские фильмы с Диной Дурбин «Первый бал», «Сестра его дворецкого», «Песнь о России», «Весна» и замечательные комедии «Тетка Чарлея» и «Джордж из Динки-джаза».

В один из дней нас повели на фильм «Багдадский вор» в кинотеатр «Аврора». Надо сказать, что в это время уже разразилась в Ленинграде эпидемия кори. Сидя в кино, я вдруг поняла, что все вокруг меня окрасилось в красный цвет, глаза слезились, болела голова, и было очень жарко. Когда мы вышли из кино, я подошла к Лидии Михайловне и сказала, что мне плохо. Она и сама уже увидела это. Меня довезли до дома и вызвали врача. Температура была за сорок. Врач заставил завесить окна, прописал лекарства. Мне не становилось лучше. Соседка забрала Наташу к себе и позвонила дяде Юре. Он приехал на джипе, завернул меня в большое одеяло и отвез в больницу Филатова.¹⁹ Несколько дней я была очень плоха. Когда стала выздоравливать, ко мне в палату положили и Наташу, которая тоже заболела. Воистину «не было бы счастья, да несчастье помогло». В больнице было очень хорошо для нас, одиноких детей. Было светло, чисто, нас кормили, купали, с нами занималась замечательная женщина — сестра-воспитательница Валентина Васильевна Павлова. До войны она работала художником в Большом кукольном театре на улице Некрасова. Театр эвакуировался, а Валентина Васильевна осталась и поступила работать в больницу Филатова. Она много нам читала, под ее руководством мы рисовали, девочки занимались рукоделием — учились вышивать. У меня до сих пор сохранился обрывок простыни, на котором я пыталась вышивать гладью. Когда мы стали выздоравливать, нас вывели во двор больницы. Двор был большой, зеленый, заросший кленами и липами, а также высокой зонтичной травой — очень красивой. С тех пор я очень люблю эту траву. Сидя в шезлонгах, мы потихоньку приходили в себя. Два раза нас навещил дядя Юра и один — тетя Соня. Мы провели в больнице 5 недель. Нас продержали там подольше, зная, что мы остались одни. К чести всех взрослых надо сказать, что ни школа, ни соседи не сделали попытки отправить нас в детский дом, а мы научились самостоятельно справляться с неизбежными трудностями военного быта.

В середине июля наша школа отправила большой отряд детей в пионерский лагерь, организованный в Старой Ладогe. Впервые за годы войны мы выехали за город. Нам выдали сухой паек, в котором помимо прочих продуктов были свежая белокочанная капуста и свекла. В течение всего пути мы упоенно грызли эти овощи. За окнами мелькали пейзажи. Меня все приводило в восторг: и бархатные кочки болот, и лужицы стоячей воды, и цветы в поле, и деревья, и облака. Все-все казалось мне волшебным и невозможно красивым. С собой мы взяли по одеялу, подушке, наволочке, простыне, пододеяльнику и полотенцу. Это получился увесистый тюк, а у меня таких тюков было два плюс две сетки с продуктами. Нас выгрузили в Новой Ладогe, посадили в грузовик и повезли вверх по Волхову. Через час нас снова выгрузили, посадили на паром и перевезли на другой берег Волхова. Отсюда до лагеря надо было идти километра два лесной дорогой. Отряд растянулся по ней и медленно полз к лагерю. Конечно, в самом хвосте тащилась я, так как Наташа была слишком мала, чтобы нести эти большие тюки. Она с трудом несла сетку, что поменьше. Остальное тащила я. С нами в лагерь поехала одна из воспитательниц 2-го класса — Анна Дмитриевна (я не помню ее фамилию, кажется, Хрущинская). Это была великанша с крепкими, как у страуса, ногами и с такой же, как у страуса, почти лысой головой, на которой дыбом стояли редкие волосики, выкрашенные в рыжий (даже оранжевый) цвет. На жилистой шее болталось янтарное ожерелье из крупных бус. Редкие зубы были в золотых коронках. Она все время кричала на отстающих ребят, но никому не помогала. Я сильно отстала от остальных ребят и в лагерь пришла последняя. Лагерь размещался в двух школах. Младшие классы располагались на горе, а те, что постарше — под горой. Наташин отряд был на горе. Я понесла один из тюков на гору. Надо было пройти по дороге вдоль берега, миновать крепость, совершенно разрушенную, и деревенский погост с двумя белыми разрушенными церквями, на куполах которых гнездились множество ворон, подняться в гору, и тут стояло здание верхней школы. Я устроила Наташу. Постелила ей постель и сказала, что приду завтра. Уже в сумерках я вернулась в наш лагерь. Все уже устроились, кроме меня. За это мне попало от Анны Дмитриевны. «Ты, — сказала она, — годишься только для сцены (имелось в виду мое пение), а в жизни ты ни на что не годишься». Я очень устала за этот день. Реплика Анны Дмитриевны больно обидела меня. Я тихонько заплакала и принялась стелить свою постель. Наутро мы осмотрелись. Прямо перед нашим корпусом протекал Волхов. С тех пор я очень полюбила эту реку. Река была уже Невы, но все-таки широкая и полноводная, берега тонули в зарослях ольхи и ивы. Кое-где обнажались отмели, покрытые мелким желтоватым песком. На противоположном берегу был лес, на нашем же растянулся поселок Старая Ладога — как мы позже узнали — первая столица Великой Руси, старше Новгорода. Начало русского государства. Нас повели смотреть крепость. Она стояла на холме, но почти утонула в зарослях ольхи и иван-чая. Стены ее были сложены из больших валунов, кое-где они были разрушены вражескими бомбами. Внутри крепости было запустение. Посредине стоял высокий разрушенный Георгиевский собор. Купола были обрушены, большие металлические двери были приоткрыты. Везде: и на полу собора, и снаружи — лежали горы битого кирпича и шту-

катурки. В кучах штукатурки угадывались фрагменты фресок. Везде была крапива и экскременты людей, коров, коз. Место было поругано и никаких высоких чувств не вызывало. Вокруг крепости росли малина и ежевика. Мы, конечно, набросились на ягоды. До крепости ли тут? Я взяла за правило каждый день навещать Наташу. Обычно я оставляла от обеда кусочек хлеба, а потом шла на небольшой стихийно возникший на площади базар. Там я меняла хлеб на огурчик или стакан ягод и с этим приношением отправлялась к Наташе, брала у нее белье, чтобы постирать в Волхове, высушить и принести ей на следующий день.

Однажды я, возвращаясь от Наташи, забрела снова внутрь крепости. Был август — часа четыре дня. Я тихонько вошла в собор. Стояла глубокая тишина. Сквозь разбитые окна собора струились пыльные лучи низко стоящего солнца. На стенах там и тут были видны лики святых. Торжественность этого места захватила меня врасплох. Меня вдруг пронзило чувство одиночества и сиротства, ощущение незащищенности и горя. Я думала о маме, об отце. Я уже давно не видела их. Охваченная тоской, я вдруг стала молиться. Конечно, я не знала ни одной молитвы, но я наивно по-детски просила Господа сохранить нам отца и мать, не оставить нас и послать хоть какую-нибудь весточку от родителей.

Наверное, вы решите, что я все придумала, но когда солнце почти село, я вернулась в наш корпус, поднялась к себе в палату и увидела на своей подушке треугольник папиного письма с фронта. Моей радости не было предела. Папа писал, что мама поправляется, что мы скоро ее увидим, просил получше присматривать за Наташей, слушать старших и вести себя хорошо. Про себя он писал, что здоров, любит нас, целует и думает о нас. Когда я читала письмо, в палату вошла Анна Дмитриевна. Надо просто удивляться ее черствости и какой-то душевной грубости. Она обрушилась на меня с нотацией, сказала, чтобы я не смела уходить с территории лагеря и т. д. и т. п. Я ее почти не слышала. В моей душе был такой праздник, что никто не смел бы мне его испортить.

В конце августа мы вернулись домой. Все было бы ничего, но в лагере мы все обовшивели. За полтора месяца нас ни разу не вымыли в бане. Надо было до школы успеть вывести вшей, приготовить Наташу. Купить ей учебники, портфель, тетрадки, пройти с ней медосмотр. Тут уж мне самой было никак не справиться.

Мы отправились к тете Соне. Она теперь жила дома на Чайковской вместе со своей мамой Пелагеей Ивановной. В четыре руки они нас вымыли, освободили от вшей, постригли покороче. Вместе мы снарядили Наташу как могли, и она пошла в 1-й класс в полном порядке.

В середине сентября на побывку пришел папа, и мы все трое — папа, Наташа и я — отправились к маме. Я несколько раз приходила в справочное больницы, чтобы передать маме лекарства и записочку о том, что мы живы-здоровы, но в самой больнице я не была... Туда не пускали. Эта больница существует и теперь на 5-й линии Васильевского острова. Больница имени Балинского. Нас провели в закрытый вестибюль. Все окна и пролеты лестниц были затянуты металлической сеткой. Все двери наглухо закрыты. Сестра, которая нас впустила, закрыла дверь, а ручку от нее спрята-

ла в карман. Мы сели на скамью, привинченную к полу, и стали ждать. И вот медленно, неуверенно ступая по лестнице, к нам спустилась мама в сопровождении врача. Наташа кинулась к маме громко плача. У меня все разрывалось в душе, но я не позволила себе плакать, боялась расстроить маму. Она была так страшно истощена, ее ручки были, как спичечки, волосы были острижены в скобку и почему-то стали почти черными. До больницы она была русая. На плечах ее был серый байковый халат, обернутый вокруг нее почти вдвое. Мама первым делом ощупала нас, заглянула в Наташины глаза, спросила, видит ли она, затем она ощупала мои ноги и убедилась, что с ними все в порядке. Мы обнимали ее, прижимались к ней, а она никак не могла поверить, что мы живы и здоровы. Оказывается, в ее безумных кошмарах ей мерещилось, что мне оторвало ногу, а Наташа ослепла. Целью нашего посещения было повидаться с ней и убедить ее, что все в порядке.

После этого свидания мама пошла на поправку. В одно из моих посещений она подарила мне крошечный батистовый платочек, вышитый и обвязанный с помощью рыбьей косточки, оставшейся от обеда. Я очень долго хранила этот платочек, но в конце концов он все-таки потерялся.

В конце ноября маму выписали из больницы. Она вернулась такой слабой, измученной и истощенной, что даже смотреть на нее было больно. Почти все по хозяйству делала я. Теперь я понимаю, что делала плохо и неумело, но как могла, изо всех сил.

Мы узнали, что в больнице мама родила сына. Папа назвал его Константином в память своего погибшего брата-близнеца. Мальчик родился слабенький, больной. Его положили в Педиатрический институт, где он умер в муках через 4 месяца. Когда я думаю о нем, то считаю его еще одной жертвой блокады.

Наши войска гнали немцев от Ленинграда все дальше и дальше. Уже освободили Новгород и Псков, а также Карельский перешеек и всю Ленинградскую область, везде были ужасные разрушения. В Новгороде остался всего один неразрушенный дом. Людям негде было жить. Надо было восстанавливать хозяйство области, строить дома и предприятия, производить необходимые для жизни товары. До войны отец работал начальником планово-финансового сектора треста Главснаблес. Теперь перед лесной промышленностью Северо-Запада встала во весь рост задача снабжения лесом строительных организаций, восстанавливающих город и область. Нужны были специалисты по организации работы лесной промышленности. В 1941 г. отец ушел на фронт добровольцем, несмотря на то что у него была бронь. На фронте он был рядовым солдатом-артиллеристом.

Теперь отец был отозван с фронта и вернулся домой в январе 1945 г. (еще до окончания войны). Он очень много работал, вставал ни свет ни заря, топил нашу огромную кафельную печь и уходил на работу. Возвращался поздно, но с ним жизнь наша стала легче. Белье нам стала стирать Катя-дворник, мать пятерых маленьких детей. Муж ее был плотник. Они жили в крошечной комнате (12 кв. м) на Бармалеевой. В комнате были сколочены трехъярусные нары. Эти нары и небольшой стол составляли всю обстановку. Дети у Кати были прелестные. Все белоголовые и голубоглазые, добрые и послушные. Она приводила их к нам, кормила их чем Бог

послал и укладывала спать на нашем диване. Все они помещались поперек дивана и тихо спали, пока мать стирала белье в помещении прачечной.

Но вскоре эта помощь прекратилась. Катя ждала появления на свет следующего, шестого ребенка. Не знаю, откуда папа привел новую прачку — Марию. Тогда никто ничего не говорил и не объяснял. Сейчас я понимаю, что она была освобождена из какого-то лагеря (немецкого или нашего, не знаю). Она была чудовищно уродлива. Родители жалели ее, всячески ей сочувствовали. Но я (к стыду своему) не могла на нее смотреть. Голова ее была лысой, нос был сломан. Руки изуродованы артритом, зубов не было. Наверное, ей было лет 45, но мне она казалась очень старой. Двигалась она как-то ненормально. А вообще весь ее вид приводил меня в смятение. Я не могла даже кусок проглотить, если за столом с нами сидела Мария. Однажды, заметив мое отвращение, папа выгнал меня из-за стола и лишил обеда. Потом, когда Мария ушла, он устроил мне нагоняй за мое недостойное, неблагодарное и неблагодарное поведение. Но я до сих пор содрогаюсь, вспоминая ее лицо. Вскоре она исчезла из нашей жизни. Куда, почему — не знаю. Пришла весна. Война шла к концу. Все мечтали о победе, о мире. Все жили в радостном ожидании победы. 3 мая мама пошла в магазин получить сухое молоко по специальным талонам, которые были выданы ей по выходе из больницы.

Но вдруг в нашу квартиру резко позвонили и, когда я открыла дверь, какие-то незнакомые люди внесли в комнату нашу маму. Оказалась, она упала, так как ее парализовало. Я бросилась звонить папе на работу. Он примчался, вызвал маминого лечащего врача — профессора Ходза. Он запретил маму перемещать. Оказалось, у нее получился тромб в сердце. Необходим был покой. Теперь наша жизнь сосредоточилась вокруг мамы. Мы все ухаживали за ней как могли. У нее отнялась левая половина тела. Мы ее умывали, кормили, поили, перестилали постель и очень за нее переживали. К тому же она ждала ребенка.

Наступило 9 Мая 1945. По радио гремели победные марши. Весна заливала солнцем проспекты, все радовались окончанию войны и надеялись на лучшую жизнь. Везде была радость, а в нашей темной комнате, похожей на гробницу, лежала неподвижная мама, и это как-то гасило чувство радостного веселья, которое наполняло нас в школе и во дворе.

Вечером 9 Мая мы пошли с отцом на салют. Мы стояли на ступеньках Биржи. Салют был грандиозным — такого еще не было. Это было замечательно. В репродукторах звучали поздравительные речи, музыка, песни, на улице играли оркестры и отдельные аккордеонисты, люди пели, танцевали, обнимались.

Война кончилась! Слава Богу! Больше не будут стрелять, бомбить. Больше не будут погибать люди. Эту радость нельзя забыть.

Однажды нас всех, учащихся младших классов, повели в Музей обороны Ленинграда,²⁰ созданный в Соляном городке, где позже разместили казармы и какие-то военные организации.

Музей меня потряс. Там были огромные залы, в которых размещались панорамы и диорамы, изображающие бои за Ленинград. Настоящие танки, пушки, пулеметы. Самолеты были мастерски вмонтированы в макеты, изображающие блиндажи, окопы, землянки. Фигуры бойцов были как живые.

Одни строчили из пулеметов, другие бросали гранаты в наползающие на окопы фашистские танки, санинструкторы перевязывали раненых. Другие залы были посвящены непосредственно Ленинграду, изображали блокаду, жителей, везущих умерших на саночках, очереди за хлебом, разбор развалин после бомбежки, переполненные госпитали, стационары для дистрофиков, эвакуацию через Ладожское озеро, Дорогу Жизни, то есть все, что было можно назвать двумя словами «оборона Ленинграда». Но в 1946 г. партийная комиссия из Москвы приказала уничтожить этот музей. Все ленинградцы восприняли это как величайшую несправедливость.

1945 год — год торжества, надежды и веры в завтрашний день.

А в нашей семье в ноябре появился мой младший брат Георгий. Мы его очень ждали. Он был для нас символом того, что мама выздоравливает, что жизнь продолжается, обнадеживающим началом новой мирной жизни.

Лето 2002 г.

Биографическая справка:

Березовская Светлана Михайловна (31.01.1933, Ленинград) — художник-дизайнер. Родилась в семье экономиста Березовского Михаила Емельяновича (1910, Винница — 1988, Ленинград) и машинистки Прасковьи Константиновны, урожд. Юцевич (1907, Каменец-Подольский — 1982, Ленинград). С 1932 г. семья жила в Ленинграде, с 1936 по осень 1942 г. — в коммунальной квартире в доме 2 по Тучковой набережной, принадлежащем Академии наук, первые два этажа которого занимал Пушкинский Дом. Осенью 1942 г. семья переехала на Петроградскую сторону, на Плуталову улицу, ближе к работе матери. Светлана Михайловна и ее младшая сестра Наталия Михайловна (28.01.1937, в замуж. Сидорюк) детьми пережили блокаду Ленинграда, пошли в школу в осажденном городе, встретили прорыв и снятие блокады, а затем и День Победы. В ноябре 1945 г. родился их младший брат Георгий Михайлович.

В 1950 г. после окончания 8-го класса Светлана Березовская поступила в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище. Курс последних двух классов школы можно было проходить непосредственно в училище, таким образом обучение длилось 8 лет. Сначала Светлана Михайловна была принята на факультет живописи, но вскоре перешла на факультет художественной обработки металла. По окончании вуза работала в конструкторском бюро, проектировала станки, машины, полуавтоматы и автоматические линии.

Следующим местом работы был Павильон лучших образцов товаров народного потребления, где Светлана Михайловна заведовала отделом художественного стекла, фарфора, а также беловых товаров и обоев.

Весной 1964 г. она перешла работать на Ленинградскую ювелирную фабрику в качестве художника, проектирующего ювелирные изделия. В 1968 г. вступила в члены Союза художников. В том же году она становится главным художником ювелирной фабрики.

В 1969 г. ювелирная фабрика сливается с еще двумя ювелирными предприятиями, и Светлана Михайловна становится главным художником Ленинградского объединения «Русские самоцветы». В этой должности она

проработала до 1998 г. — до момента, когда «Русские самоцветы» были приватизированы и распроданы по частям. Эта участь постигла наиболее привлекательные с точки зрения реализации предприятия страны.

За время работы Светлана Михайловна сформировала большой коллектив художников, многих из них обучила, организовала работу отдела главного художника по формированию ассортимента самого крупного в Европе ювелирного предприятия. Изделия «Русских самоцветов» стали известны во всем мире. Их покупали не только в Советском Союзе, но и за границей, где они пользовались заслуженным признанием, о чем свидетельствуют зарубежные каталоги, рекламные проспекты и журналы.

На «Русских самоцветах» начал издаваться иллюстрированный журнал «Русский ювелир». С. М. Березовская опубликовала в нем несколько программных статей. Этот журнал существует до сих пор.

Деятельность С. М. Березовской очень разнообразна и многогранна.

В 1981 г. Светлана Михайловна была награждена орденом «Дружбы народов». Она лауреат многих конкурсов и выставок. При ее деятельном участии сформировался так называемый «петербургский стиль» ювелирных изделий.

Светлана Михайловна не ограничилась проектированием только ювелирных изделий. Она сделала несколько скульптурных работ, занималась совместно с другими художниками оформлением интерьеров атомных ледоколов «Арктика» и «Сибирь», промышленной графикой, дизайном и пр. Круг ее знаний и интересов широк.

В 1990 г. ее имя вошло во всемирный словарь искусств, издаваемый в Лейпциге.

Теперь Светлана Михайловна на пенсии. Она иногда пишет статьи для современных изданий.

Наталья Михайловна Березовская стала журналистом, работала редактором радиовещания в объединении им. Коминтерна, сотрудничала с радиокомитетом Ленинградского радио, лауреат премии «Золотое перо».

Георгий Михайлович Березовский — художник по свету. До последнего времени работал в Театре оперы и балета при Петербургской консерватории.

Три небольших фрагмента из воспоминаний под названием «Путешествие во времени» были опубликованы без комментариев в изд.: Ничто не забыто. 320 страниц о 900 днях блокады Ленинграда 1941—1945. СПб., 2005. Детгиз — Лицей, С. 221—222; 260—261; 282—283.

¹ *Переулком И. П. Павлова* — речь идет о Тифлисской улице, получившей свое название в 1887 г. Переулком И. П. Павлова ее старая часть, выходящая к Малой Неве, могла называться в обиходе с 1925 г., когда в угловом здании (современный адрес: Набережная Макарова, 6) разместился Физиологический институт РАН СССР.

² *Вавилов Николай Иванович* (1887—1943) — выдающийся генетик, растениевод, географ, общественный деятель. Академик АН СССР (1929), член и почетный член многих зарубежных академий, первый президент (1929—1935) ВАСХНИЛ. В 1940 г. был репрессирован, умер в Саратовской тюрьме.

³ *Радищев Лев* — возможно, имеется в виду Лев Алексеевич Радищев (1870—1945) — писатель, художник. Писал преимущественно для детей. Автор книги «Морское дыхание» (СПб., 1912). Жил в Ленинграде, во время блокады был эвакуирован в г. Хвалынский Саратовской области.

⁴ *Бэннинг (Беннинг, Бенинг) Арвид Либориевич* (1890—1943) — гидробиолог. Научную деятельность начал в Саратове. В 1920-е гг. основал первый гидробиологический журнал, в 1930-е работал в Государственном Гидрологическом институте. Ленинградский адрес: ул. Чайковского, д. 40, кв. 27. Был репрессирован, сослан в Среднюю Азию, где и скончался. См. о нем: *Ушаков П. В.* Из воспоминаний о прошлом // Труды ЗИН РАН. Т. 292. Отечественные зоологи. СПб., 2002. С. 109.

⁵ ...стихи *Джамбула «Ленинградцы — гордость моя»* — имеется в виду широкоизвестное стихотворение казахского народного поэта-акына Джамбула Джабасва (1846—1945) «Ленинградцы, дети мои!» (1941) в переводе М. Тарловского. Было опубликовано в газ. «Ленинградская правда» от 6 сент. 1941 г.

⁶ ...булочная *есть и теперь напротив Малой Морской* — имеется в виду булочная-кондитерская, расположенная на Невском проспекте, д. 6.

⁷ *Школа располагалась в здании университета* — восточное крыло филологического факультета (Университетская наб., д. 11) принадлежало средней мужской школе № 21 до и после Великой Отечественной войны. Именно там были возобновлены занятия с детьми в описываемое С. М. Березовской время. В 1946 г. школа переселась на 5-ю линию Васильевского острова в д. 16, где располагается и ныне. Об этом см.: *Ендольцев Ю. А.* «Дворец Петра II» (Университетская набережная, 11). События и люди. Изд. 2-е. СПб., 2002. С. 44.

⁸ *Во время этого обстрела тяжелый фугас попал в крейсер «Киров»* — описываемый воздушный налет пришелся на 4 апреля 1942 г., когда бомба упала на крейсер «Киров» — флагман эскадры. Она, пробив верхнюю палубу и наружный борт у ватерлинии, разорвалась в воде под льдом. Крейсер остался боеспособным. Каждодневные интенсивные налеты на военные корабли, сопровождаемые артобстрелами, ставившие своей целью уничтожение Балтийского флота, продолжались весь апрель, пока на Неве не вскрылся лед. Подробнее об этом см.: *Лантеев Ю. А.* О некоторых вопросах участия флота в обороне Ленинграда (1941—1942 гг.) // Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне 1941—1945. Статьи и очерки. М.: Наука, 1981. С. 46—48.

⁹ ...по *Кировскому мимо ДК Промкооперации* — Дом культуры промкооперации, в 1960 г. переименован в Дворец культуры им. Ленсовета, располагается на Каменноостровском проспекте (с 1918 по 15 дек. 1934 г. — проспект Красных Зорь, затем по 4 окт. 1991 г. — Кировский проспект) в д. 42. Здание, памятник архитектуры конструктивизма, имеет большой театральный зал. Строительство этого Дома культуры в 1930—1938 гг. стало заметным событием в жизни города.

¹⁰ ...завод *«Радист»* — завод, специализировавшийся на изготовлении радиоаппаратуры. Располагался на Чкаловском проспекте в д. 50, в здании бывшей церкви Во имя св. Алексия, человека Божия (построена в 1906—1911 гг., архитектор Г. Д. Грим). В 1935 г. церковь была перестроена в производственное помещение по проекту архитектора Д. Г. Фомичева.

¹¹ *Фабрика Урицкого* — первое табачно-папиросно-сигаретное производство в России (товарищество «Лаферм»), основанное в сер. XIX в. В 1920-х гг. фабрика получила имя М. С. Урицкого, располагалась на Среднем пр. Васильевского острова в д. 36/40. Она работала и во время блокады — выпускала табачную смесь с использованием заменителей и табачной пыли. В качестве добавок брали осенние листья клена, которые собирали и работницы фабрики на аллее Большого проспекта. С 1992 г. это российско-американское предприятие «Р. Дж. Р. — Петро», перебазирувавшееся на Петергофское шоссе, д. 71.

¹² ...на *Дерябкин рынок*... — существовавший с начала XX в., тогда частный, рынок купца Дерябкина. Располагался на Малом проспекте Петроградской стороны. В годы войны, как и все рынки Ленинграда, никем не организуемый — «толкучий». Позднее получил имя «Приморский» и под ним функционировал до 1960-х гг.

¹³ *Инбер Вера Михайловна* (1890—1972) — поэт, прозаик, журналист. Во время Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Выступала в газ. «Ленинградская правда», по радио, на митингах, на заводах, в школах, в воинских частях, на линии фронта, на кораблях. Во многих стихах Инбер запечатлен облик фронтового города: «Трамвай идет на фронт», «Заботливая женская рука», «На врага», поэма «Пулковский меридиан» (1943) и др.

¹⁴ *Петрова Мария Григорьевна* (1906—1992) — актриса, народная артистка РСФСР (1978), в годы войны была политруком Дома радио, бойцом местной противовоздушной обороны (МПВО) Ленинградского радиокомитета, членом фронтовой бригады, участвовала в оборонных работах, разбирала завалы разрушенных домов, спасала раненых. С 1942 г. участ-

вовала в спектаклях вновь созданного Городского драматического театра, известного как блок-кадный. Голос Петровой хорошо знали жители в блокаду и после войны. Она проработала на радио 56 лет (см.: www.rusmuseum.ru).

¹⁵ *Преображенская Софья Петровна* (1904—1966) — певичка, народная артистка СССР (1955). Во время блокады Ленинграда вела большую шефскую работу в частях Красной Армии и флота и для населения города.

¹⁶ *Флак Ефим Борисович* (1909—1982) — певец, бас, заслуженный артист РСФСР (1960), солист Ленинградской филармонии, преподаватель Ленинградской консерватории, режиссер-педагог Ленконцерта. Первый исполнитель многих песен В. П. Соловьёва-Седого, М. И. Блантера, Б. А. Мокроусова, Т. Н. Хренникова и др. В 1943—1950 гг. работал на Ленинградском радио.

¹⁷ *Теперь школа носит имя академика Лихачева* — переименование средней школы № 47 произошло в мае 2000 г. по распоряжению губернатора Санкт-Петербурга В. А. Яковлева. Инициатива принадлежала школе и Петербургской межведомственной комиссии по переименованиям. В этой школе Д. С. Лихачев учился с 1919 по 1923 г., заканчивал четыре старших класса. Тогда школа имела № 10 и носила имя Л. Д. Лентовской, с 1922 г. — единая Трудовая школа № 190. В этой же школе учился и младший брат Д. С. Лихачева — Юрий.

¹⁸ ... *в психиатрическую больницу на Васильевский остров* — имеется в виду психиатрическая больница им. Балинского, расположенная на 5-й линии Васильевского острова, д. 58/60.

¹⁹ ... *в больницу Филатова* — детская больница, располагалась на Вологодской улице, д. 18. С 1975 г. Вологодская улица вошла в застройку Пражской улицы.

²⁰ ... *Музей обороны Ленинграда* — был образован как выставка в начале 1942 г. Музей в Соляном городке открылся 27 января 1946 г. во 2-ю годовщину снятия блокады. В январе 1946—мае 1949 г. его залы посетило свыше 1,1 млн. человек. В августе 1949 г. в связи с «Ленинградским делом» музей был закрыт для посетителей, его руководители подверглись необоснованным репрессиям. В 1952 г. музей был ликвидирован, восстановленный и ныне действующий открылся 8 сентября 1989 г.

ОБЗОРЫ. ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА

Т. М. Двинятина

КНИГИ В КОЛЛЕКЦИИ П. Н. ЛУКНИЦКОГО*

Значительную часть Коллекции П. Н. Лукницкого, хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), составляют книги. Собиравшиеся Лукницким на протяжении всей жизни, они, в большинстве своем, относятся к той области его литературных знакомств и интересов, которыми были отмечены в биографии собирателя 1920-е гг. Внутри книжного собрания выделяется несколько пластов. Это, во-первых, книги, подаренные когда-то авторами (И. Эренбург, Б. Эйхенбаум, Грааль-Арельский) Ахматовой, затем переданные ею Лукницкому. Во-вторых, книги Ахматовой, которые она дарила Лукницкому. Дарственные надписи на них пунктирно представляют всю историю знакомства дарителя и адресата: здесь надписи и 1925, и 1933, и 1945, и 1962 гг. В-третьих, особое место в книжном собрании Лукницкого занимают книги / произведения Гумилева, собранные Лукницким. Некоторые из них Лукницкий читал вместе с Ахматовой, с ее слов размечая даты, посвящения, влияния, источники стихотворений, и это делает их незаменимым источником для изучения творчества Гумилева и его преломления в поэтическом сознании Ахматовой. К этому же ряду можно отнести акмеистические издания, собранные Лукницким (комплект «Гиперборея», выпуски альманахов «Дракон», «Цех поэтов» и др.). Наконец, в-четвертых, здесь присутствуют книги / сборники коллег Лукницкого по ленинградскому поэтическому цеху 1920-х гг. (К. Вагинов, Вс. Рождественский, И. Наппельбаум, Л. Попова и др.). В них отражена история Ленинградского отделения Союза поэтов и его закрытие (см., напр., дарственные надписи Л. Поповой и В. Ричиотти).

Настоящее описание выстроено по алфавиту и включает в себя библиографическую и книговедческую составляющие. Библиографическое описание представляет конкретное издание, книговедческое — конкретный экземпляр в Коллекции Лукницкого. В последнем приводятся дарственные надписи на книгах, указывается наличие помет и их характер, а также отмечаются те случаи, когда листы остались неразрезанными, издание было позднее переплетено Лукницким и т. д. Дарственные надписи, как прави-

* Работа подготовлена при поддержке гранта Правительства Санкт-Петербурга (шифр PD04-3.17-90).

ло, помещены на титульных листах книг. В иных случаях, а также тогда, когда книга надписана несколько раз, расположение надписей оговаривается; построчная разметка дана только для изданий Ахматовой, Гумилева, Блока и стихотворных надписей. Дарственные надписи воспроизводятся в аутентичной орфографии и с аутентичными датировками. Владельческие пометы Лукницкого как правило не воспроизводятся.

За помощь в составлении библиографического описания приношу искреннюю благодарность А. Я. Лапидус.

Автографы / А. Белый, В. Брюсов, Р. Ивнев, П. Карпов, А. Луначарский, И. Новиков, М. Ройзман, С. Рубанович, И. Рукавишников, Ф. Сологуб, М. Цветаева, И. Эренбург. — М., 1921. — 16 с. — Переплет.

Андреев М. И. Мои гримасы: Сатир. стихи. — Пб.: Тип. Петрогр. губерн. отд. труда, 1923. — 64 с.

Дарств. надпись: «Милому Павлику (вполне искренно) Мих. Андреев 10/II-23 г. Петербург. Одному из первых друзей — первый экземпляр. МА».

Анненский И. Ф. Фамира Кифарэд: Вакхич. драма. — СПб.: З. И. Гржебин, 1919. — 94 с.

Аполлон: [Худож. и лит. журн.] / Ред. С. К. Маковский. — Пг., 1917. — № 6/7. — 96 с. — Переплет.

Афанасьев-Соловьев И. Завоевание Петрограда. — Пг.: Имажинисты, 1924. — 16 с.

Дарств. надпись: «Павлу Лукницкому И. А.-Соловьев. Янв. 25 г.».

Ахматова А. А. Anno Domini MCMXXI. — [Пб.]: Petropolis, 1921. — 102 с. — На обл.: 1922.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / давние стихи / А. Ахматова / 31 мая / 1962 / Москва».

С пометами Ахматовой (уточнение дат, вставки).

Ахматова А. А. Белая стая: Стихотворения. — Пг.: Гиперборей, 1917. — 144 с. На тит. л. надпись Ахматовой: «Mon page, mon beau page...¹ / 1925».

С пометами Ахматовой и Лукницкого (даты и места написания стихотворений, посвящения, комментарии).

Ахматова А. А. Белая стая: Стихотворения. — 2-е изд. — СПб.: Прометей, 1918. — 142 с.

Дарств. надпись на форзаце: «Павлу Николаевичу Лукницкому / от разрушительницы Ахматовой. / 20 июня 1928».

Ахматова А. А. Белая стая: Стихотворения. — 4-е изд., доп. — Берлин: Петрополис, Алконост, 1923. — 142 с.

Дарств. надпись на авантитуле: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / в надежде на успех его / работы / Ахматова / 9 июня 1925. / СПб».

Ахматова А. А. Из шести книг: Стихотворения / Отв. ред. Ю. Н. Тынянов; Худож. М. Кирнарский, Портр. Н. А. Тырсы. — Л.: Сов. писатель, 1940. — 328 с.

¹ Моя страница, моя красивая страница... (франц.).

Дарств. надпись на об. авантитула: «Милому / Павлу Николаевичу / Лукницкому — / предвоенную книгу / после войны / дружески — / Анна Ахматова. / 14 июля / 1945. / Ленинград».

С карандашными пометами Ахматовой.

Ахматова А. А. Стихотворения / Под общ. ред. А. А. Суркова. — М.: Гослитиздат, 1958. — 131 с.

Дарств. надпись на заглавном листе первого раздела «Стихи разных лет, 1909—1957»: «Павлу Лукницкому / привет из Ленинграда. / А. Ахматова». Здесь же помета Лукницкого: «31.V.1962».

Ахматова А. А. Стихотворения (1909—1960) / Послесл. А. А. Суркова. — М.: Гослитиздат, 1961. — 319 с. — (Б-ка сов. поэзии).

Дарств. надпись на форзаце: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / в долготу / дней / Анна Ахматова / 29 января / 1962 / Комарово».

Ахматова А. А. У самого моря: [Поэма]. — Пб.: Алконост, 1921. — 32 с.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / на Пасху 1925. / Ахматова / 18 апр. / Царское Село».

С пометами Ахматовой <?>.

Ахматова А. А. Четки: Стихи. — СПб.: Гиперборей, 1914. — 138 с.

Дарств. надпись на форзаце: «Владимиру Алексѣевичу Пясту / Анна Ахматова. Отлетѣла отъ меня удача / Поглядѣла взглядомъ ястребинымъ / На лицо померкшее отъ плача / И на рану ставшую рубиномъ / На груди моей. / Петербург. Весна. / 1914 г.»

Надпись на об. форзаца: «Я купила эту книгу осенью 1922 / в книжной лавке на Литейном. Ахм.»

Дарств. надпись на л. между форзацем и тит. л.: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / перед моим отъездом / в Царское Село / в марте 1925 г. / Ахматова. / 27.III / Мраморный Дворец».

С пометами Ахматовой.

Ахматова А. А. Четки: Стихотворения: Кн. 1. — 9-е изд., доп. — Берлин: Петрополис, Алконост, 1923. — 114 с.

Дарств. надпись: «Милому Павлу Николаевичу / Лукницкому в один из многих / вечеров 1925 г. с пожеланием / счастливого пути / Ахматова / 18 июля 1925 / Мраморный Дворец / „В моей душе угрюмая свобода...”».

Ахматова А. Четки: Стихи. — Б.м., б.г. — 120 с.

2 экз.; 1-й экз. — с дарств. надписью: «П. Лукницкому / с лучшими / пожеланиями / 8 дек. 1933. / Контрафакционное изд. / По-видимому Одесса / 1919—20 гг.»; 2-й экз. — с надписью Ахматовой: «Ego ipse scribse.² / 18 июня 1926»; листы не разрезаны.

Баллады о Робин Гуде / Под ред. Н. С. Гумилева; Предисл. М. Горького. — Пб.: Всемир. лит., 1919. — 100 с. — (Всемир. лит. Англия; Вып. 8).

Бальзак О. де. Озорные сказки / Пер. с фр., предисл. Ф. К. Сологуба; Обл., заставка, концовка В. А. Фаворского. — Пб.: Поляр. звезда, 1922. — 55 с.

Бальмонт К. Д. Горящие здания: Лирика соврем. души. — М.: Тип. Н. И. Кушнерова и К, 1900. — 213 с.

² Я сам написал (лат.).

С пометой П. Лукницкого: «Подарено мне А. А. Ахматовой 5 дек<абря> 1929 г.».

Белый А. На перевале: В 3 т. Т. 1: Кризис жизни. — Пб.: Алконост, 1918. — 116 с.

Белый А. Поэзия слова: [Пушкин, Тютчев, Баратынский, Вяч. Иванов, А. Блок]. — Пб.: Эпоха, 1922. — 135 с. — Переплет.

На тит. л. карандаш. запись Лукницкого: «Давал М. П. М-ву в II/68. Возвращ<ено> 29/X 68. ПЛ».

На л., след. за тит., помета Лукницкого: «Из книг А. А.».

На форзаце владельческая надпись: «П. Лукницкий (подарена А. А. Ахматовой в 1925 г., переплет — 1971)».

Блок А. А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Поэмы, 1911—1921: Двенадцать; Скифы; Возмездие / Суперобл., переплет, титул, форзац М. Кирнарского. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. — 342 с. — Прил.: Черновики и варианты. Хронол. указ. стихотворений А. Блока. Циклы и заглавия стихотворений А. Блока.

Блок А. А. Ночные часы: Четвертый сб. стихов (1908—1910). — М.: Мусагет, 1911. — 143 с.

Дарств. надпись: «Николаю Степановичу / Гумилеву / съ рукопожатием / авторь. / Ноябрь 1911».

С многочисленными карандашными подчеркиваниями.

Браунинг Р. Пиппа проходит: Драма / Пер. Н. С. Гумилева; Вступ. ст. В. М. Жирмунского // Северные записки. — 1914. — № 3. — С. 39—56; № 4. — С. 62—98. — Перед. загл. имя авт.: Броунинг Р. — Оттиск.

В кибитке вдохновенья: Имажинисты: [Сб.] / И. Афанасьев-Соловьев, С. Полоцкий, В. Ричиотти, Г. Шмерельсон. — Пг.: Тип. Петрогр. окр. воен.-полит. шк. им. Ф. Энгельса, 1923. — [10 с.]

Дарств. надпись: на форзаце: «Милому Павлу Лукницкому от Семена Полоцкого. / Павлу Лукницкому И. А. Соловьев. 25 янв. / Ему же. Вл. Ричиотти. Лнг. 25. 1.25. / Гр. Шмерельсон».

Вагинов К. К. Путешествие в хаос. — Пб.: Кольцо поэтов, 1921. — 31 с.

Дарств. надпись: «Павлику Лукницкому вернувшийся из Хаоса Вагинов 15/I 25».

Вагинов К. К. [Стихотворения]. — Л.: Гос. тип. И. Федорова, 1926. — 58 с.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому хранителю храма Гумилева. Вагинов 26/III 26».

2 экз.; 1-й экз. — с карандаш. пометами Лукницкого; 2-й экз. — с карандашными пометами Ахматовой; вложена записка Лукницкого: «Читал вместе с А. Ахматовой, — замечания на полях и отчерки сделаны ее рукой. ПЛ».

Винокуров А. Проломы: Стихотворения. — Балашов: Уезд. агентство Центропечати, 1920. — 57 с.

Вольтер. Орлеанская девственница: Поэма в 21 песни: В 2 т. / Пер. Г. В. Адамовича, Н. С. Гумилева, Г. В. Иванова; Под ред. М. Л. Лозинского; Вступ. ст. С. С. Мокульского. — М.; Л.: Всемир. лит., 1924. — Т. 1. — 186 с.

Гильгамеш: Вавилон. эпос / Пер. Н. С. Гумилева; Введ. В. К. Шилейко. — СПб.: З. И. Гржебин, 1919. — 78 с.: ил.

Авт. экз. В. К. Шилейко с его пометами. На форзаце запись Шилейко: «Первую, шестую и одиннадцатую таблицы следует дополнить, по моему подлиннику, 2, 5, 7-ю и 12 таблицы — переделать по моему подлиннику. В. Шилейко».

Гиперборей: Ежемес. стихов и критики / Ред.-изд. М. Л. Лозинский. — СПб., 1912—1913. — № 1—9/10. — [291 с.]. — Переплет.

На тит. л. № 1 (1912) запись Лукницкого: «Комплект „Гиперборея” подарен мне М. Л. Лозинским, 26.XII.1925 г. П. Лукницкий».

Гиперборей: Ежемес. стихов и критики / Ред.-изд. М. Л. Лозинский. — СПб., 1913. — № 9/10. — 47 с.

Дарств. надпись М. Л. Лозинского: «Павлу Николаевичу Лукницкому с приветствием его благородному труду М. Лозинский 18.V.1924».

Гиперборей: Ежемес. стихов и критики / Ред.-изд. М. Л. Лозинский. — СПб., 1913. — № 7. — 24 с.

Содерж.: Гумилев Н. Актеон: одноактная пьеса в стихах.

Помета Лукницкого: «ПЛ 9.XII.26».

Готье Т. Избранные стихи / Пер. Вс. А. Рождественского; Ст. Н. С. Гумилева. — Пг.: Мысль, 1923. — 64 с.

Дарств. надпись Вс. Рождественского: «Милому Павлу Николаевичу Лукницкому с надеждой, что у нас много еще будет хороших встреч и разговоров. „Блажен, кто вдал сладострастье высоких мыслей и стихов!” Вс. Р. Петербург 1923. Весна 14/III Послѣ „Севильскаго цирюльника”».

Готье Т. Эмали и камеи / Пер. Н. С. Гумилева. — СПб.: Изд-во б. М. В. Попова, вл. М. А. Ясный, [1914]. — 251 с.

С правкой Гумилева и пометами Лозинского.

На форзаце надпись Лукницкого: «Подарена мне М. Л. Лозинским в 20-х годах. ПЛ. Всё написанное карандашом — рука М. Л. Лозинского. ПЛ».

Гофман М. Л. Кольцо: Тихие песни скорби. — Пб.: Осень, 1907. — 16 с.

Грааль-Арельский. Голубой абажур: Стихи. — СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1911. — 31 с. — Настоящее имя авт.: Петров С. С.

Дарств. надпись: «Анне Андреевне Ахматовой. Автор. 20-III-912».

Помета Лукницкого: «Подарено АА 5/XII 29».

Грааль-Арельский. Летейский брег: [Стихи], (1910—1913). — СПб.: Цех поэтов, 1913. — 54 с. — Настоящее имя авт.: Петров С. С.

Гумилев Н. С. Гондла: Драматич. поэма // Рус. мысль. — 1917. — № 1. — С. 67—89. — Отг. — Переплет (на нем дата: «1916»).

Здесь же: машинописный экз.

С библиографическими записями Лукницкого и рукописной копией афиши спектакля «Гондла».

Запись Лукницкого на обл.: «Пометы карандашом сделаны мною в совместной с А. А. Ахматовой работе, в 1925 г. ПЛ».

Гумилев Н. С. Дитя Аллаха: Араб. сказка. — Берлин: Мысль, 1922. — 48 с. — (Кн. для всех; № 68).

Гумилев Н. Древо превращений: Пьеса в 3-х действиях. Для детей. 1918. Рукописный экз., выполнен Лукницким. — [23 с.] — Сброшюровано.

Гумилев Н. С. Жемчуга: Стихи 1907—1910 гг. — 2-е изд. — СПб.: Прометей, 1918. — 94 с.

Дарств. надпись на авантитуле: «Богине из богинь / светлейшей из светлых / любимейшей из любимых / крови моей славянской / <2 нрзб> моей татар/ской крови, последнему / счастью, последней славе / Нине Шишкиной-Цурми/лен дарю я эти [Жемчуга] Н. Гумилев / 26 сент. 1920».

Дарств. надпись на посл. с.: «Любимому от нелюбимой / Павлику Лукницкому / от Н. Шишкиной / Цур-Милен / 1924».

Гумилев Н. С. Колчан: Стихи. — Пг.: Гиперборей, 1916. — 102 с. — На части тиража вых. дан.: М.; Пг.: Альциона, 1916. — Переплет.

С пометами Ахматовой, Лукницкого и неустановленного лица (даты и места написания, посвящения и т. д.).

На тит. л. запись Лукницкого: «Пометы чернилами в книге сделаны прежним ее владельцем. Разметка вместе с А. А. 3/II 1926. Разметки рукой А. А. — 25/II 1926. П. Лукницкий. Давал М. П. М-ву в февр. 1968, возвращено> 30/X 68. ПЛ».

Гумилев Н. С. Костер: Стихи. — 2-е изд. — Пб.; Берлин: З. И. Гржебин, 1922. — 60 с.

С датирующими пометами Лукницкого.

Гумилев Н. С. Мик: Африкан. поэма. — СПб.: Гиперборей, 1918. — 48 с. : ил.

Гумилев Н. С. Огненный столп. — 2-е изд. — Пг.; Берлин: Петрополис, 1922. — 74 с.

С пометами Лукницкого.

Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Предисл. Г. В. Иванова. — Пг.: Мысль, 1923. — 224 с. — Переплет.

Гумилев Н. Проза, пьесы, переводы. [Альбом, составленный Лукницким.] — 308 с. — Переплет.

Из содерж.: «От редакции» [редакционная статья журнала «Sirius», 1907, № 1], рукоп. копия; «М. В. Фармаковский», машинописная копия; «Карты (Causerie)» [подпись: Анатолий Грант], машинописная копия; «Записки кавалериста, 1915—1916 гг.»; вырезки из газ. «Биржевые ведомости» с пометами, сделанными «по сообщениям А. А. Ахматовой» (с. 15); «Орион» (1918), газ. вырезка (без указ. источника); «Черный генерал (Посмертный рассказ)» (1917), вырезка без указ. источника; «Отравленная туника: Трагедия в пяти действиях» машинописная копия с владельческой пометой Л. Горнунга; «Умер ли Менелих», рукописные копии (2) Л. Горнунга и П. Лукницкого; «Древо превращения: Пьеса в трех действиях для детей», машинописная копия; «Охота на носорога: Пьеса в двух действиях. Из первобытной жизни», машинописная копия; «Абиссинские песни», машинописная копия; а также стихотворные переводы Н. Гумилева, рукописные копии и журн. вырезки.

С текстологическими примечаниями и пометами Лукницкого.

Здесь же: П. Лукницкий, «Об экспедиции Н. Гумилева в Африку, вместе с его племянником Н. Л. Сверчковым, в 1913 г.», машинопись с прилож. карты; др. материалы.

Гумилев Н. С. Романтические цветы: Стихи, 1903—1907. — 3-е изд. — СПб.: Прометей Н. Н. Михайлова, 1918. — 78 с.

Гумилев Н. С. Стихотворения: Посмерт. сб. / Вступ. Г. В. Иванова. — Пг.: Мысль, 1922. — 76 с. — Переплет.

Гумилев Н. С. Тень от пальмы: Рассказы. — Пг.: Мысль, 1922. — 88 с.
С карандаш. пометами Лукницкого (библиогр. указ. и др.).

Гумилев Н. С. Фарфоровый павильон: Кит. стихи. — 2-е изд., доп. — Пг.: Мысль, 1922. — 29 с.

Гумилев Н. С. Чужое небо: Третья кн. стихов. — СПб.: Аполлон, 1912. — 122 с. — Переплет.

С пометами Лукницкого (даты и места написания, вставки строк и строф, указания на влияния и т. д., карандашом).

На с. 7 запись Лукницкого: «Разметка дат со слов А. Ахматовой, 30.I.1926».

Гумилев Н. С. Шатер: Стихи, 1918 г. — Севастополь: Цех поэтов, 1921. — 45 с.
Дарств. надпись на форзаце: «Моему старому и / вѣрному другу / Нинѣ Шишкиной / в память / стихов / и / пѣсень / 21 июля 1921 Н. Гумилев».

Дарств. надпись на тит. л.: «Павлику родному от его царицы?> „уистити“ 1924. Н. Шишкина Цур-Милень».

Гумилев Н. С. Шатер: Стихи / Худож. Н. К. Калмаков. — Ревель: Библиофил, [1921]. — 52, [4] с.

На форзаце карандаш. запись неустановленного лица: «Лучше поздно, чем никогда. — 12/X 29 г. NR P. S. Прошу помнить свои обязательства. Н.».

Дом искусств: [Лит.-худож. журн]. — Пб., 1920. — № 1. — 85 с.; 1921. — № 2. — 139 с. — Переплет.

Дракон: Альм. стихов. — Пб.: Цех поэтов, 1921. — Вып. 1. — 80 с.; Альманах цеха поэтов. — Пг.: Цех поэтов, 1921. — Вып. 2. — 88 с.; Цех поэтов. — Пг.: Цех поэтов, 1922. — Вып. 3. — 78 с. — Переплет.

Дружинин П. Голодная Русь: Стихи. — 1921. — Машинопись. — [20 с.] — Сброшюровано.

Заболоцкий Н. А. Столбцы / Обл. М. Кирнарского. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. — 72 с.

Дарств. надпись: «П. Н. Лукницкому Н. Заболоцкий. 24/X — 1929 г.».

Заводчиков В. П. Лошадь и человек: Стихотвор. повесть в шести поэмах / Предисл. Б. М. Эйхенбаума; Обл. И. Француза. — Л.: Прибой, 1929. — 96 с.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому / Моему первому слушателю терпеливому, но злому. Вл. Заводчиков. 29.III.1929. Ленинград».

Записки мечтателей: [Сб.]. — Пб.: Алконост, 1919. — № 1. — 146 с. — Переплет.

Записки мечтателей: [Сб.]. — Пб.: Алконост, 1921. — № 4. — 168 с. — Переплет.

Зенкевич М. А. Четырнадцать стихотворений. — Пг.: Гиперборей, 1918. — 32 с.
На тит. л. помета Лукницкого: «Подарено М. Л. Лозинским 26.XII.25».

Зубов С. П. Стихотворения, 1911. — СПб.: Тип. «Сириус», 1912. — 55 с.

На л. между последней страницей и обл. карандашный набросок стих. «Уже (давно) спустилась ночь давно...».

Иванов Вяч. И. Прометей: Трагедия. — Пб.: Алконост, 1919. — 105 с. — Переплет.

Иванов Г. В. Вереск: Вторая кн. стихов. — М.; Пг.: Альциона, 1916. — 109 с.

Искусство народов Сибири: [Сб. ст.] / Гос. Рус. музей. — Л., 1930. — 109 с. — Содерж.: Пунин Н. Н. Искусство примитива и современный рисунок. — С. 3—34; Месс Л. А. Работы художественных мастерских Севфака. — С. 35—52; Преснов Г. М. Скульптура Севфака — С. 53—56; Шнейдер Е. Р. Искусство народностей Сибири. — С. 57—100; Суворкин И. Северный факультет Ленинградского Восточного института и народы в нем обучающиеся. — С. 101—196.

Дарств. надпись Н. Н. Пунина: «Павлику — врагу³ в одних делах — по пустыкам Н. Пунин 1929 30 ноября».

Карев: Кат. выст. / Гос. Рус. музей; Вступ. ст. П. И. Нерадовского, Н. Н. Пунина, В. Н. Аникиева. — Л.: Гос. Рус. музей, 1927. — 41 с.: ил.

Дарств. надпись Н. Н. Пунина: «Павлику — грозе дельфинов в лето 2-го <Геленджика> Н. Пунин 1926 6 окт.»

Тамаре Платоновне Карсавиной «Бродячая собака», 26 марта 1914 г.: [Стихи, ст., ноты] / Рис. В. А. Серова, С. Ю. Судейкина, С. А. Сорина, Кайнера, Сарженга. — СПб.: Подвал «Бродячей собаки», [1914]. — [24 с.]: ил. — Авт.: Н. Н. Евреинов, М. А. Кузмин, В. Зеленский, Г. В. Иванов, Н. С. Гумилев, А. А. Ахматова, М. Л. Лозинский, П. Потемкин, В. Г. Каратыгин, В. Светлов, Э. Старк. — Переплет.

Клюев Н. А. Ленин: [Стихи] / Обл. В. Сварога. — М.; Пг.: Госиздат, 1924. — 51 с.

Клюев Н. А. Песнь солнценосца: Земля и железо. — Берлин: Скифы, 1920. — 20 с. — Доб. тит. л. на нем. яз.

Кольридж С. Т. Поэма о старом моряке / Пер., предисл. Н. С. Гумилева. — Пб.: Всемир. лит., 1919. — 40 с. — (Всемир. лит. Англия; Вып. 19).

Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой; Общ. ред., предисл. и примеч. А. А. Холодовича. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. — 259 с.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу / Лукницкому / любителю / и / знатоку / Азии / Ахматова / 7 янв. 1957 / Москва».

Кругликова Е. Силуэты современников и поэты. М.: Альциона, 1921. — Переплет.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому в память о незабвенном поэте Николае Степановиче от автора 22/1 26 г.»

Кузмин М. А. Двум: [Стихотворения] / Обл. Е. Туровой. — [Пг.: Сегодня, 1918]. — [4 с.]

Кузмин М. А. Эхо: Стихи. — Пб.: Картон. домик, 1921. — 64 с.

Ларь: Стихотворения: Альм. — Л.: Academia, 1927. — 52 с. — Авт.: Алексеев В., Азбелев П., Белявский Н., Бутова Н., Вагинов К., Дмитриев Н., Кровицкая В.,

³ «Г» несколько раз написано на полях; обыгрывается сходное написание слов «врагу» и «врачу».

Лукницкий П., Мануйлов В., Подольский Л., Попова Л., Ричиотти В., Рождественский В., Рыкова Н., Смиренский В., Тихонов Н., Фроман М., Чуковский Н.

В. Лебедев: [Кат. выст. произведений за 1920—1928 гг.] / Гос. Рус. музей; Сост. В. Н. Аникиева; Ст. П. И. Нерадовского, Н. Н. Пунина; — Л.: Гос. Рус. музей, 1928. — 71 с.: ил.

Дарств. надпись: «Павлику Вместо автографа — Ахматова 1928».

На тит. л. дата рукой Лукницкого: «17.V.1928».

Леконт де Лиль Ш. М. Эринии / Пер., вступ. ст. М. Л. Лозинского; Режиссер. указ. В. Н. Соловьева; Эскизы декорации и костюмов А. Я. Головина. — Пг.: Петрополис, 1922. — 109 с.: ил. — (Памятники мирового репертуара; Вып. 2). — Листы не разрезаны.

Лившиц Б. К. От романтиков до сюрреалистов: Антол. фр. поэзии / Предисл. В. М. Саянова; Примеч. Н. Я. Рыковой; Худож. И. Ф. Рерберг. — Л.: Время, 1934. — 191 с.

Литературные вечера: Вечер первый.—Пг.: Авт. изд., 1923. — 30 с. — Авт.: Борисов Л., Вагинов К., Дмитриева И., Емелин С., Кровицкая В., Лукницкий П., Морозов П., Миних А., Попова Л., Рождественский Вс., Тимофеев-Пронский Б., Три-вус В., Флерова Е., Федоров Н.

3 экз.; 1-й экз. — авторский, с автографами авторов; 2-й экз. — с дарств. надписью Лукницкого: «Дорогому Александру Петровичу Кулакову. П. Лукницкий. 11.IV.23». Переплет.

Лукницкий П. Н. Волчек: Стихотворения. — Л.: Изд. авт., 1927. — [45 с.]. — Листы не разрезаны.

Майзельс Д. Трюм: Стихи. — Пг.: Сиринга, 1918. — 48 с.

Морозов М. В. Пересветы: Стихи. — М.: Тип. Шатур. торфоразработки, 1924. — 63 с. — Перед загл. псевд. авт.: Мруз. — Листы не разрезаны.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому. Поэту начинающему поэт кончающий для скрепы первой встречи. Мруз Москва 21-VI-1929».

Наппельбаум И. М. Мой дом: Стихи. — Л.: [Изд. авт.], 1927. — 45 с.

Дарств. надпись: «Милому Павлику ко дню ангела лишнюю книжку в веселенькой обложке. Ида Наппельбаум 1927 г.»

Невский альманах: Жертвам войны писатели и художники. — Пг., 1915. — 80 с.: ил.

Новый Гиперборей: Журн Цеха поэтов. — Пг., 1921. — № 1. — Переплет. — Отпечатан в количестве 23 экз. № 22.

Автографы стихов и рисунков Н. Гумилева, Вс. Рождественского, М. Лозинского, О. Мандельштама, Г. Иванова, И. Одоевцевой, А. Оношкович-Яцыны, В. Хода-севича, Н. Оцупа.

Норд: Стихи. — Баку: Тип. «III Интернационал», 1926. — 64 с. — Авт.: Борисов Л., Брискман М. А., Муран К., Волошин М. А., Гадзяцкая В., Иванов Вяч. И., Казмичев М., Кошарская Л., Колобова К., Мануйлов В. А., Моргулис А., Рождественский В. А., Сироткин М.

Дарств. надпись В. А. Мануйлова: «Дорогому Павлу Николаевичу Лукницкому в напоминание о Черноморских скитаниях и веселых ветрах лета 1926 года. Виктор».

Помета Лукницкого: «Получено почтой. 23.X.26».

Одоевцева И. В. Двор чудес: Стихи (1920—1921 г.) — Пг.: Мысль, 1922. — 61 с.

Оксенов И. А. Лариса Рейснер: Критич. очерки. — Л.: Прибой, 1927. — 40 с.
Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому с лучшими чувствами автор 26.IV.27».

Остров: Ежемес. журн. стихов / Ред.-изд. А. Котылев. — СПб., 1909. — № 1. — 39 с.

Парнок С. Я. Вполголоса: Стихи, 1926—1927. — М.: Узел, 1928. — 61 с. — На правах рукописи. Экз. № 150.

Пастернак Б. Л. Второе рождение: [Стихи] / Худож. Г. Беренгоф. — М.: Сов. писатель, 1934. — 95 с.

Пастернак Б. Л. Грузинские лирики: Сб. переводов. — М.: Сов. писатель, 1935. — 137 с.

Пастернак Б. Л. Две книги: Стихи. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. — 212 с.

Пастернак Б. Л. Девятьсот пятый год: [Стихи]. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. — 100 с.

Пастернак Б. Л. Земной простор: Стихи. — М.: Сов. писатель, 1945. — 47 с.

Пастернак Б. Л. Охранная грамота: [Воспоминания, 1900—1930 гг.] / Обл. М. Кирнарского. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. — 128 с.

Пастернак Б. Л. Поверх барьеров: Стихи разных лет. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. — 162 с.

Пастернак Б. Л. Рассказы. — М.; Л.: Круг, 1925. — 111 с.

Пастернак Б. Л. Сестра моя жизнь: [Стихи]: Лето 1917 г. / Портр. Ю. Анненкова. — Берлин; Пб: З. И. Гржебин, 1923. — 115 с. — Листы не разрезаны.

Пастернак Б. Л. Спекторский: [Поэма]. — М.; Л.: Огиз: Изд-во худож. лит., 1931. — 62 с.

Пастернак Б. Л. Стихотворения: В 1 т. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. — 430 с.

Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. — М.: Гослитиздат, 1961. — 375 с.

Петроний Арбитр. Матрона из Эфеса / Пер. с лат., послесл., примеч. Г. И. Гидони; Предисл. Н. С. Гумилева; Худож. Г. И. Гидони. — Пг.: Изд. Г. И. Гидони, 1923. — 23 с.: ил.

Полонская Е. Г. Под каменным дождем: [Стихи], 1921—1923. — Пб.: Полярная звезда, 1923. — 54 с. — Переплет.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому дружески Е. Полонская. 5/XII 1928 г.».

Полонская Е. Г. Упрямый календарь: Стихи и поэмы, 1924—1927. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. — 92, [4] с.

Дарств. надпись на форзаце: «Милому П. Н. Лукницкому на вечную память автор 2/III 1929 Ленинград».

Попова Л. М. Берега и улицы: Стихи / Худож. С. М. Пожарский. — Л.: Время, 1930. — 64 с.

Дарств. надпись: «Дорогому Павлику Люда. Мир праху твоему Союз поэтов! Ленинград 18.X.1929 г.».

Попова Л. М. Разрыв-трава: [Стихотворения]. — М.; Л.: Всерос. союз поэтов, 1925. — 40 с.

Дарств. надпись: «На память Павлику о комнате-мансарде на Моховой, и дожде, загнавшем его в дом „ампир” на Мойке перед моим отъездом в Тифлис. Люда Попова. 12.VII. 25 г.».

Поэты наших дней: Антол. — М.: Всерос. союз поэтов, 1924. — 107 с. — Авт.: Аксенов И., Александровский В., Андреев М., Асеев Н., Афанасьев-Соловьев И., Ахматова А., Белый А., Берендгоф Н., Бобров С., Большаков К., Брюсов В., Бутягина В., Вагинов К., Владычина Г., Власов-Окский Н., Вольпин Н., Герасимов М., Гербстман А., Гиляровский В., Гильбо А., Грузинов И., Дешкин Г., Дрожжин С., Есенин С., Захаров-Мэнский Н., Иванов Вяч., Ивнев Р., Инбер В., Казин В., Каменский В., Кириллов В., Клюев Н., Ковалевский В., Крайский А., Крученых А., Кугушева Н., Кудашева М., Кузмин М., Лапин Б., Ливкин Н., Липскеров К., Мандельштам О., Мар С., Мариенгоф А., Марьянова М., Мачтет Т., Маширов-Самобытник А., Маяковский В., Минаев Н., Марлэ, Моница В., Наппельбаум Ф., Нельди-хен С., Новиков И., Павлович Н., Пастернак Б., Полонский Я., Полонская Е., Полоцкий С., Поморский А., Радлова А., Ричиотти В., Рождественский Вс., Ройзман М., Рукавишников И., Садофьев И., Сельвинский Э.-К., Сидоров-Окский Г., Сологуб Ф., Спасский С., Тихонов Н., Туманный Д., Туфанов А., Укше С., Хабиас Н., Хлебников В., Ходасевич В., Хорихов Н., Церукавский Н., Чичерин А., Шершеневич В., Шкапская М., Шмерельсон Г., Эрдман Н., Эренбург И., Эрлих В., Эшли Ч.

Принципы художественного перевода: Ст. К. И. Чуковского, Н. С. Гумилева. — Пб.: Всемир. лит., 1919. — 30 с. — Содерж.: Чуковский К. И. Переводы прозаические. — С. 7—24; Гумилев Н. С. Переводы стихотворные. — С. 25—30.

Пяст В. А. Ограда: Кн. стихов. — СПб.: Товарищество М. О. Вольф, 1909. — 107 с.

Ричиотти В. Без маски: [Голландия, Германия, Англия: Путевые впечатления]. — М.; Л.: Госиздат, 1928. — 232 с. — Настоящее имя авт.: Турутович Л. О.

Дарств. надпись: «Заслуженному секретарю б<ывшего> Союза Поэтов, а ныне Бюро секции поэтов ВССП Павлу Николаевичу Лукницкому. Р. С. Все-таки лучше было бы тебя называть по-простецки Павликом или еще сердечней „Павлушкой”. Так вот — жму твое <так. — Т. Д.> крепко лапу и желаю самых пышных успехов Ричиотти Порт Ленинград 24/X-29 г.».

Рождественский Вс. А. Гимназические годы: (Стихи юности) / Предисл. В. А. Флерова. — СПб.: Товарищество В. А. Флерова, 1914. — 78 с.

Надпись на тит. л. под фамилией автора: «(Ей Богу, это не я. Кто-то другой.) В. Рождественский (настоящий). Первый снег. 1923 г.».

Рождественский Вс. А. Поющая земля: География в стихах / Худож. Г. Фитингоф. — Л.: Крас. газ., 1929. — 43 с.: ил. — (Б-ка дет. газ. «Ленинские искры»).

Дарств. надпись: «„Ничего нет на свете прекрасней дороги!“ Павлу Лукницкому — милому другу. Вс. Р. 12.X.29 г.».

Рождественский Вс. А. Федя-поводырь: [Стихи для детей] / Худож. М. В. Ушаков-Поскочин. — Л.; М.: Радуга, [1926]. — [16 с.]: ил.

Дарств. надпись: «Павлу Лукницкому — ко дню Рождения. / Хоть ты и Павел (а не Федя) — / Дарю, тебе же на беду, / Тулуп, ученого медведя, / Трещотку, бубен и дуду. // Слова и сердце тратя даром, / Меняя песни на горох, / Всю жизнь с медведем по базарам / Ходи, вихрастый скоморох! / Всеволод Рождественский — сам такой же. Октябрь 1926 г. Петербург».

Саути Р. Баллады / Пер. под ред., предисл. Н. С. Гумилева. — Пб.: Госиздат, 1922. — 111 с. — (Всемир. лит. Англия; Вып. 50). — Библиогр.: с. 110.

Саянов В. М. Современные литературные группировки. — Л.: Прибой, 1928. — 100 с.

Дарств. надпись: «Павлу с лучшими пожеланиями и всяческими извинениями. В. Саянов. 4/IV 28 г.».

Северянин И. Собрание поэм. Т. IV. Victoria Regia: Поэмы. — М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1916. — Переплет.

На форзаце надпись не установленного лица: «Из книг Леонида Левина Leon Levine 1917 года. Гоголевский бульвар 31 б. С. Кашеваров».

Собрание стихотворений / Ленингр. союз поэтов. — Л., 1926. — 80 с. — Авт.: Л. Аверьянова, Алексеев В., Афанасьев-Соколов И., Браун А., Борисов Л., Браун Н., Вагинов К., Введенский А., Вагнер Н., Вильчевский О., Вольпин Н., Дмитриев Н., Ключев Н., Комиссарова М., Крайский А., Кровицкая В., Кузмин М., Лившиц Б., Лукницкий П., Наппельбаум И., Оксенев И., Панфилов Е., Подольский Л., Полонская Е., Полоцкий С., Попова Л., Ричиотти В., Рождественский Вс., Рославлева Н., Садофьев И., Синельников И., Смирненский В., Соловьев Б., Сорокин Г., Соловьев В.

2 экз.; 1-й экз. с пометой Лукницкого: «Первые 10 экземпляров получены из типографии 19 мая 1926 г. Остальные — 22-го мая 1926 г.».

Сологуб Ф. К. Дар мудрых пчел: Трагедия: В 5 д. — Пг.: Театр. отд. Наркомпроца, 1918. — 71 с. — (Рус. театр; № 4).

На с. 1 помета П. Лукницкого: «Подарено А. А. 5/XII—29».

Сологуб Ф. К. Чародейная чаша: Стихи. — Пб.: Эпоха, 1922. — 47 с.

На форзаце помета Лукницкого: «Подарено В. Рождественским 14.X.26».

Сорокин Г. Э. Галилея: [Стихи]. — Л.: Эрато, 1925. — 48 с. — Листы не разрезаны.

Дарств. надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому хорошему парню, товарищу Гр. Сорокин».

Стожары: [Альм.]: В 3 кн. — Пб.: Стожары, 1923. — Кн. 1. — 52 с. — Авт.: Баршев Н. В., Дорин Д., Кашменский Н. И., Грааль-Арельский Г. [Петров С. С.]

Тихонов Н. С. Вамбери: Повесть для юношества / Худож. Л. Т. Чупятов. — Л.: Госиздат, 1926. — 59 с.: ил.

Дарств. надпись: «Вере Константиновой Лукницкой, хозяйке фантастического города документальных поэтических воспоминаний, владелице поэтических тайн прошлого русской поэзии — с удивлением к исполненной ею работе в области поэтических открытий — сердечно Николай Тихонов. 1926—1977 гг. Москва—Ленинград. Август».

Толстой А. Избранные сочинения. Т. I. / Ред., вступ. ст. и примеч. Н. Гумилева. — Берлин; Пб.: Изд-во З. И. Гржебина, 1921. — 290 с.

Тринадцать поэтов: [Сб. стихов]. — Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1917. — 32 с. — Авт.: Адамович Г. В., Ахматова А. А., Гумилев Н. С., Зенкевич М. А., Иванов Г. В., Ивнев Р., Кузмин М. А., Курдюмов В. В., Лозинский М. Л., Мандельштам О. Э., Струве М. А., Цветаева М. И., Шилейко В. К.

Ушкуйники: Альм. — Пб.: 9-я гос. тип., 1922. — 32 с. — Авт.: Берберова Н. Н., Наппельбаум Ф. М., Столяров А., Радищев Н., Тихонов Н. С., Дмитриев Н., Вагинов К., Наппельбаум И. М., Волков П.

Дарств. надпись: «Павлику Лукницкому мои первые печатные строки в кругу таких же неопытных и менее всего похожих на ушкуйников людей. Ида Наппельбаум. Январь 1925 г.».

Французские народные песни / Сост., пер., предисл. Н. С. Гумилева. — Пб.; Берлин: Петрополис, 1923. — 110 с. — Машинописная копия издания; выполнено Лукницким. — Переплет.

Фроман М. А. Память: [Стихи], 1924—1926 г. — Л.: Academia, 1927. — 62 с. — Настоящее имя авт.: Фракман М. А.

Дарств. надпись на форзаце: «С настоящей и потому взыскательной любовью Павлику Лукницкому 18.V.27. М. Фроман. Ленинград».

Хлебников В. В. Зангези. — М., 1922. — 36 с.

Хлебников В. В. Настоящее; Стихи / Альвэк [Израилевич И. С.]; Библиография [В. В. Хлебникова, 1908—1925] / Сост. В. Силлов. — М.: Изд. В. В. Хлебниковой, 1926. — 40 с.

Хлебников В. В. Отрывок из Досок судьбы: В 3 л. — М.: [Тип. при ф-ке «Свобода», 1922—1923]. — Л. 1: Зарей венчаный. — 1922. — 18 с.; Л. 2.: Судьбы отдельных народов. — 1922. — 19 с.; Л. 3: Азбука неба. — 1923. — 13 с.

С пометой П. Лукницкого: «Подарено АА 12/ХII-28».

Ходасевич В. Ф. Из еврейских поэтов. — Пб.; Берлин: З. И. Гржебин, 1923. — 76 с. — Листы не разрезаны.

Ходасевич В. Ф. Путем зерна: Третья кн. стихов. — М.: Творчество, 1920. — 48 с.

На форзаце дарств. надпись А. И. Ходасевич: «П. Н. Лукницкому на добрую память от жены автора. А. Ходасевич. 29/1 25».

Шенгели Г. А. Норд: [Стихи]. — М.: Всерос. союз поэтов, 1927. — 85 с. — Листы не разрезаны.

Дарств. надпись: сборниках «Многоуважаемому Павлу Николаевичу Лукницкому, товарищу по общей любви к Н. С. Г. Г. Шенгели. 29. 22/ VI».

Шенгели Г. А. Планер: Стихи / Худож. Н. Ушакова. — М.: Гослитиздат, 1935. — 206 с.

Дарств. надпись: «Многоуважаемому Павлу Николаевичу Лукницкому от автора 3/III 36».

Шкапская М. М. Явь: Поэма / Обл., заставка, концовка Л. Бруни. — М.; Пб.: Круг, 1923. — 28 с.: ил.

Дарств. надпись: «Пусть эта маленькая книжка останется воспоминанием о нескольких хороших четвергах. М. Шкапская. Ленинград. 19/XII 24. Павлу Николаевичу Лукницкому».

Эйхенбаум Б. М. Судьба Блока. — Б. м., б. г. — 64 с.

Дарств. надпись: «Анне Андреевне Ахматовой от автора. 12/IX 1922. „В черном бархате советской ночи“...».

Надпись Лукницкого: «Подарено А. А. 5/XII 29».

Эльснер В. Ю. Выбор Париса: Первая кн. стихов / Обл. Г. Якулова. — М.: Альциона, 1913. — 103 с. — Часть листов не разрезана.

Эльснер В. Ю. Пурпур Киферы: Эротика / Фронт. И. Милиоти; Рис. М. Сарьяна, Г. Якулова. — М.: Альциона, 1913. — 47 с.: ил.

Эренбург И. Г. Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях явленных ей / Портр. авт. и рис. Д. Риверы. — Париж, 1916. — [32 с.] — Литогр. изд.; № 30. — Переплет.

Дарств. надпись: «Аннѣ Ахматовой Эренбургъ».

На внутр. стороне мягкой обл. запись Лукницкого: «Подарена мне А. А. Ахматовой 5.XII.1929 г. в Мраморном Дворце. П. Лукницкий».

Эрлих В. И. В деревне / Рис. Л. Милеевой. — М.; Л.: Радуга, 1926. — [12 с.]: ил.

Дарств. Надпись на обороте обл.: «Павлу Лукницкому книжку недостойную ни меня, ни его<,> но принесшую автору ни пито ни едено 150 р. — Эрлих».

Эрлих В. И. Софья Перовская: [Поэма]. — Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. — 35 с.

Дарств. надпись на форзаце: «Павлу Николаевичу Лукницкому в знак дружеского расположения Автор».

МИХАЙЛОВ МИХАИЛ ЛАРИОНОВИЧ

Фонд 547

I

Михайлов Михаил Ларионович (Илларионович; 1829—1865) — поэт, переводчик, революционный деятель. Родился в Уфе, в семье чиновника из вольноотпущенных, дослужившегося к концу жизни до чина надворного советника и получившего дворянство. Мать — киргизская княжна, дочь генерал-лейтенанта В. Е. Уракова.

Получив хорошее домашнее образование (одним из его учителей был ссыльный поляк), Михайлов на десятом году поступил в Уфимскую гимназию, но курса не окончил (возможно, получил аттестат, сдав экзамены экстерном).

Михаил Ларионович рано начал писать стихи и прозу. В 1845 г. он послал в «Иллюстрацию» перевод романа А. Карра, который не был напечатан. В том же году были опубликованы его первые стихотворения: «Ее он безмолвно, но страстно любил...» и «Сосна и пальма (из Гейне)» (Иллюстрация. 1845. № 11). Рано потеряв родителей (мать умерла в 1841 г., отец — в 1845 г.), Михайлов в 1846 г. отправился в Петербург. Не выдержав университетских вступительных экзаменов, он поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет университета. Здесь он познакомился и подружился с Н. Г. Чернышевским. Во второй половине 1840-х—начале 1850-х гг. Михайлов сотрудничает в столичных и периодических изданиях. Его стихи, переводы и очерки печатаются в «Иллюстрации», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине», «Литературной газете». Однако литературная деятельность не приносила материального достатка, и в феврале 1848 г., оставив университет, Михаил Ларионович уезжает в Нижний Новгород, где поступает на службу в Соляное правление. Круг его литературных интересов расширяется: он делает полный перевод «Фауста» И. В. Гете (не сохранился), пробует себя в драматургии (комедия «Тетушка», 1849), обращается к прозе (повесть «Адам Адамыч», 1851), занимается библиографией, собирает фольклор. Меняется характер поэзии Михайлова, которая теперь тяготеет к демократическому направлению (стих. «Надя», «Груня», «Хорошая партия», «Кабак» и т. д.). Он много пе-

реводит с немецкого, французского, древнегреческого, реже с английского языков.

В 1852 г. Михайлов выходит в отставку в чине губернского секретаря, возвращается в Петербург и сотрудничает в «Современнике» (до 1865), и «Библиотеке для чтения» (1854—1865), одновременно печатаясь в «Отечественных записках» (до 1857) и «Санкт-Петербургских ведомостях» (1852—1853).

После 1852 г. Михайлов перестает публиковать оригинальные стихотворения, хотя продолжает писать их (большая часть утрачена), отдавая в печать лишь прозаические произведения и переводы. К этому времени относятся его рассказы: «Он. Дневник уездной барышни», «Поэт», «Сынок и маменька» (1852), впоследствии объединенные с другими в сборнике «В провинции» (1859—1860), повесть «Кружевница» (1852), очерки «Святки» (1853), романы: «Марья Ивановна» (1853), «Перелетные птицы» (1854) и др.

Важный момент в духовном становлении Михайлова — участие в т. н. «литературной экспедиции» — поездке 1856—1857 гг. в Оренбургскую губернию и на Урал по командировке Морского министерства «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством». На основе собранных материалов он написал обширные историко-этнографические исследования: «Очерки Башкирии», «От Уральска до Гурьева» (изъяты при аресте Михайлова в 1861 г. и, вероятно, погибли в III отделении), а также «Уральские очерки» (Морской сборник. 1859. № 9).

В июле 1858—апреле 1859 гг. Михайлов посещает Англию и Францию. В Англии он знакомится с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Опубликованные в «Современнике» «Парижские письма» и «Лондонские заметки» приносят Михаилу Ларионовичу известность как публицисту. Он становится редактором отдела словесных наук в «Энциклопедическом словаре» П. Л. Лаврова, где публикует около 70 своих статей.

Основным занятием Михайлова в период его творческой зрелости оставались стихотворные переводы. Особенно много он переводил П. Ж. Беранже, Г. Гейне, И. В. Гете, а также Р. Бернса, Дж. Г. Байрона, Т. Гуда, Ш. Петефи (впервые в России) и др. Его переводы отличаются точностью передачи содержания оригинала и смелое экспериментирование при выборе адекватной стихотворной формы. Впоследствии А. А. Блок в докладе «Гейне в России» (1919) писал, что Михайлов «до сих пор по качеству своих переводов не превзойден никем»; «большая часть из них — настоящие перлы поэзии».

В 1861 г. поэт-переводчик, охваченный общественным подъемом, сблизился с революционно настроенным студенчеством, организовал печатание прокламации Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам...», возможно, помогал Н. В. Шелгунову в составлении прокламаций «Русским солдатам» и «К молодому поколению», призывавших к восстанию против самодержавия. В апреле 1861 г. Михайлов выехал с Шелгуновыми за границу, откуда нелегально доставил в Россию 600 экземпляров прокламации «К молодому поколению», отпечатанных в лондонской типографии Герцена. В сентябре 1861 г. писатель попал в поле зрения агентов III отделения. В его квартире был произведен обыск, не давший результатов. Михайлов

продолжил распространение привезенных прокламаций, но, выданный В. Д. Костомаровым, 14 сентября 1861 г. подвергся аресту и заключению в Петропавловскую крепость. На суде он принял всю вину на себя и был приговорен к двенадцати с половиной годам каторги (по высочайшему повелению Александра II срок каторги уменьшен до 6 лет) и пожизненному поселению в Сибири. Арест и осуждение Михайлова, ставшее первым политическим процессом 1860-х гг., вызвали широкий отклик в среде русской интеллигенции.

14 декабря 1861 г. над Михайловым был совершен обряд гражданской казни, после чего его в кандалах отправили в Сибирь.

В Забайкалье, неофициально освобожденный от каторжных работ, он жил на Казаковском прииске у своего брата П. Л. Михайлова, горного инженера. Здесь он основал школу для местных детей. Через год туда приехали супруги Шелгуновы, намереваясь организовать его побег, но были арестованы, а Михайлов переведен в Кадаю, ближе к китайской границе.

В последние годы жизни поэт вновь обращается к интимной лирике. Он пишет стихи, посвященные Л. П. Шелгуновой, в которых звучат мотивы «всевоскрешающей любви», поддерживающей его в изгнании. В это время он также работает над «Записками» (1862, опубл. в 1906), охватывающими период от ареста до прибытия на Казаковский прииск, создает цикл «Сибирских очерков».

В 1862—1864 гг. Михайлов трудится над автобиографическим романом «Вместе». Но после посмертной публикации 4 глав (Дело. 1870. № 1) большая часть романа была изъята цензурой и, по-видимому, уничтожена. В 1865 г. он заканчивает работу над своим последним прозаическим произведением, научно-популярным очерком «За пределами истории» — полубеллетристическими рассказами о самых ранних этапах развития человечества.

Михаил Ларионович Михайлов умер от чахотки 2 августа 1865 г. Сообщение о смерти писателя было напечатано за границей в «Колоколе» (1865. 1 октября) под заголовком: «Убили».

II

Коллекция Михаила Ларионовича Михайлова составлена из материалов, выделенных из разных фондов Рукописного отдела и поступления 1959 г. № 16 (3 ед. хр. от П. В. Сытина). Единицы хранения были сформированы, опись отсутствовала. В коллекции собраны автографы произведений М. Л. Михайлова: оригинальные стихотворения, переводы из П. Ж. Беранже, Г. Гейне, И. В. Гёте и др., рассказы, рецензии и переписка за 1845—1865 гг. (см.: *Клочкова Л. П.* Рукописи М. Л. Михайлова // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Т. 5. М.; Л., 1955. С. 45—88). По учетным данным Рукописного отдела, на 2002 г. коллекция считалась необработанной. Она состояла из 31 условной единицы хранения, выделенной в особое хранение. В процессе научно-технической обработки выяснилось, что только 18 ед. хр. могут быть отнесены к коллекции № 547, остальные же 13 ед. хр., физически выделенные в особое хранение, но продолжавшие числиться в других фондах, были в 1980-е гг. ошибочно сосчи-

таны и внесены в учетные документы коллекции М. Л. Михайлова. Список материалов М. Л. Михайлова, имеющихя в других фондах и собраниях Рукописного отдела Пушкинского Дома, прилагается к описи.

Фонд М. Л. Михайлова имеется также в РГАЛИ (ф. 1111, 69 ед. хр., 1846—1909 гг.).

III

Автографы произведений и писем М. Л. Михайлова составляют первые четыре ед. хр. коллекции. Две из них — конволюты, где наряду с творческими автографами находятся письма Михайлова.

Остальные 14 ед. хр. — письма разных лиц к Михайлову, расположенные по алфавиту корреспондентов.

А. В. Дубровский

РЫБАЦКИЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Фонд 819

I

Рыбацкий (псевд., наст. фам. Чирков) Николай Иванович родился 5 (17) апреля 1880 г. в селе Рыбацкое Петербургской губ. в семье крестьянина-рыбака. Окончил в родном селе двухклассное училище. В 15 лет поступил на Обуховский завод, где в то время работал кочегаром его отец. Позднее был токарем на этом же и других петроградских заводах. В 1901 г. за участие в Обуховской обороне его осудили на четыре года Ярославской каторжной тюрьмы. Участник демонстрации 9 января 1905 г. Неоднократно отбывал тюремное заключение. В 1917—1918 гг. являлся уполномоченным Исполкома Рыбацкого района, комитета домоводной бедноты с. Рыбацкое. В 1920 г. состоял парткультурработником Фронтальной комиссии Петросовета, участвовал в поездке группы артистов на Кавказский фронт. В этом же году, возвращаясь с фронта в Петроград, заболел тифом и умер 12 сентября (по другим сведениям, в августе) в г. Ряжске Рязанской губ. В 1932 г. был перезахоронен у себя на родине в с. Рыбацкое.

Первое стихотворение «Природа зовет» было опубликовано в 1904 г. в газете «Наша жизнь», первый рассказ — «Шестипалый» — в 1905 г. в журнале «Русская жизнь». В 1906 г. этот рассказ вышел отдельным изданием в Ростове-на-Дону. С 1912 г. сотрудничал в газетах «Правда» и «Вольная мысль». При жизни печатался в сборниках «Песнь о родном народе», «Труд», «Вольница», «Избранные произведения русской поэзии», в сборниках пролетарских писателей под ред. М. Горького (1914 и 1917), в газете «Товарищ», «Народной газете» (1917), в журнале «Пламя», «Грядущее», работал в Пролеткульте. В 1919 г. в Петрограде вышел его сборник стихов «На светлый путь». После смерти его произведения неоднократно публиковались как отдельными изданиями: «На молотах» (Пг., 1921), «Рассказы» (Пг., 1921), «Шкалик. Повесть» (Л., 1926), так и в сборниках: «Пролетарские поэты», (Л., 1935), «Революционная поэзия. (1890—1917)» (Л., 1954), «Русская революционная поэзия. 1895—1917» (Л., 1957), «День поэзии» (Л., 1979, 1984), «Сонет Серебряного века» (М., 1990), «Рыбацкая слобода» (1995) и др.

II

В Рукописный отдел фонд поступил в 1983 г. (см. Книгу поступлений за 1983 г. № 17) из музея ИРЛИ, куда он был передан Корякиной Валентиной Федоровной (см. акт передачи от 17.04.1983 г.). Фонду был присвоен № 819. В 2005 г. М. В. Родюковой была проведена научно-техническая обработка фонда. Новых поступлений не ожидается.

III

В результате научно-технической обработки фонда сформирована одна опись, содержащая 57 ед. хр. Хронологические рамки фонда охватывают 1900—1939 гг.

Опись состоит из трех разделов: произведения; материалы к биографии и по деятельности; переписка Н. Рыбацкого и материалы других лиц. В первом разделе содержатся произведения фондообразователя, которые в свою очередь делятся на два подраздела по жанрам: 1) поэма, стихотворения; 2) рассказы, очерки, пьесы, драматические этюды, сценки. В конце второго подраздела за звездочкой размещены философские заметки и доклад. Внутри жанра произведения располагаются по хронологии, а произведения под одной датой — по алфавиту их названий. Прозаические произведения, как правило, не датированы. Точные даты написания установить не удалось, поэтому датировка проводилась в пределах десятилетия. Во втором разделе, ввиду малочисленности, материалы располагаются по хронологии, за исключением личных документов, стоящих в начале раздела. В конце раздела находится одиночный фотопортрет Н. Рыбацкого. Третий раздел включает в себя переписку Н. Рыбацкого (расположена по алфавиту адресатов и корреспондентов) и материалы других лиц, содержащие обращение к имп. Николаю II его родственников с просьбой о помиловании вел. кн. Дмитрия Павловича, участвовавшего в убийстве Григория Распутина, и афишу с сообщением о лекции А. В. Луначарского.

Литература о Н. И. Рыбацком: *Садофьев И.* На сторожевом посту. (Светлой памяти поэта-гражданина Николая Рыбацкого) // *Грядущее*. 1920. № 12—13; *Поликанов А., Удонова З., Трофимов И.* Русская литература конца XIX—нач. XX в. М., 1966.

М. В. Родюкова

СМИРНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Фонд 858

Михаил Михайлович Смирнов — журналист, писатель, редактор, — родился 22 августа 1909 г. в Ленинграде в семье служащего. В 1927 г. после окончания школы поступил в Гос. Институт истории искусств на литературное отделение и по окончании института начал работать в Государственном издательстве художественной литературы. Через год был призван на военную службу в полк связи, а в 1933 г., после демобилизации, началась его редакторская деятельность — в издательствах Академии наук и «Севморпуть». В 1939 г. М. М. Смирнов вновь в армии, участвует в акции по присоединению Западной Белоруссии к СССР, а позднее — в финской войне. Осенью 1940 г. он становится сотрудником газеты Ленинградского округа «На страже Родины» и 22 июня 1941 г. выезжает на фронт в качестве военного корреспондента. В июле 1941 г., после тяжелого ранения, был демобилизован как инвалид 2 группы и направлен на службу в лесное хозяйство в Томск, а затем в Нарымский край. Осенью 1944 г. вернулся в Ленинград и стал работать в «Лениздате» вплоть до 1964 г., сначала помощником редактора в секторе художественной литературы, а с 1957 г. — заместителем главного редактора издательства. В 1955 г. М. М. Смирнов был направлен в только что организованный журнал «Нева» заместителем главного редактора, через год вновь вернулся в «Лениздат». С 1964 по 1968 г. М. М. Смирнов работал главным редактором ЛО издательства «Советский писатель» и старшим редактором ЛО издательства «Художественная литература», затем с 1969 г. до ухода на пенсию в 1976 г., — в издательстве «Аврора» временно исполняющим обязанности заместителя главного редактора и заведующим редакцией книг по Эрмитажу.

М. М. Смирнов был членом Ленинградского отделения Союза писателей СССР, членом Союза журналистов СССР. Его рассказы и статьи на разные темы печатались в ленинградских газетах и журналах с 1937 г., он интересовался русской и советской литературой и деятельностью советских писателей, со многими из которых дружил. Им были написаны книги о И. С. Соколове-Микитове, В. В. Бианки, различные критико-биографические очерки в издаваемых литературных сборниках, составлен сборник «Избранное» С. Есенина. М. М. Смирнов был также нештатным сотрудни-

ком журнала «Охота и рыболовство», в котором печатались его рассказы о природе и охоте. После ухода на пенсию он продолжал писать рассказы о природе, воспоминания и дневники, которые вел в течение всей жизни. М. М. Смирнов умер 7 сентября 1997 г., похоронен на кладбище «Памяти жертв 9 января».

Первая часть материалов фонда была передана в Рукописный отдел ИРЛИ самим М. М. Смирновым в 1997 г. (см. Книгу поступлений за 1997 г. № 17). В это отдельное поступление вошли автографы и книги с дарственными надписями писателей, которых М. М. Смирнов хорошо знал и с которыми был дружен со времен войны — О. Ф. Берггольц, М. А. Дудина, С. Я. Маршак и др. В архиве редактора Смирнова сохранились беловые автографы их стихотворений, которые печатались в новых книгах «Лениздата», черновики и корректурные листы с правкой авторов и редакционными пометами. Среди книг с дарственными надписями особую ценность представляет сборник рассказов М. М. Зощенко 1946 г., вышедший из печати благодаря Смирнову: книга уже находилась в наборе, когда вышло известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». За выход этой книги в свет редактор получил партийное взыскание, а от автора — памятный экземпляр с дарственной надписью — словами признательности. Все эти материалы М. М. Смирнов подготовил для передачи в Пушкинский Дом вместе с машинописью своих воспоминаний «Торговый переулок, 3» (очерк о работе в Гослитиздате).

Вторую часть материалов передал в Рукописный отдел в 2000 г. сын М. М. Смирнова Сергей Михайлович Смирнов после смерти отца (см. Книгу поступлений за 2001 г. № 3). В это поступление вошли личные и биографические документы М. М. Смирнова, документы по его редакторской и издательской деятельности, дневники, обширная переписка с советскими писателями и их творческие материалы и фотографии, а также творческие материалы самого М. М. Смирнова.

Из этих двух поступлений был сформирован личный фонд № 858 М. М. Смирнова. Формирование фонда и его обработка осуществлены в 2002 г. Е. В. Виноградовой. В результате научно-технической обработки фонда были сформированы 203 ед. хр. за 1913—1997 гг., которые объединены в одну опись и систематизированы по пяти разделам.

В первый раздел — «Творческие материалы и научные труды» — вошли очерк М. М. Смирнова «Торговый переулок, 3», две главы повести «Одна жизнь», рассказы, статьи, очерки и т. д., а также рабочие материалы к книге о писателе Н. Н. Никитине. Второй раздел — «Автобиографические документы» — составили соответственно личные документы фондообразователя (выписка из метрической книги, трудовая книжка, диплом об окончании ГИИСа, почетные грамоты и др.) и автобиографические документы. В этом разделе наибольший интерес вызывают дневники М. М. Смирнова с 1965 по 1997 г. (11 тетрадей разных форматов), составившие 7 ед. хр.

В связи с большим количеством документов о деятельности фондообразователя (многочисленные редакторские договоры с различными издательствами, трудовые соглашения с авторами, письма из редакций журна-

лов) выделен третий раздел — «Документы о деятельности», — в который вошли 17 ед. хр., расположенные по хронологии.

Четвертый раздел — «Переписка» — составили 3 письма М. М. Смирнова и письма к нему, которые расположены в алфавите корреспондентов. Среди них такие известные советские писатели, как Вера Панова, Валентин Катаев, Виталий Бианки, Леонид Рахманов, Всеволод Рождественский и др.

Пятый раздел — «Материалы других лиц» — представляют различные материалы советских писателей, которые хранились у М. М. Смирнова, как у любого редактора издательства и автора критико-биографических статей. В этот раздел вошли творческие материалы (среди них беловые автографы, рисунки), документы к биографии, письма, а также копии архивных документов (например, в материалах Н. Н. Никитина, которые М. М. Смирнов собирал для книги о нем,¹ есть списки документов писателя, хранящихся в РГАЛИ). Все документы этого раздела систематизированы в подразделы, в каждом из которых материалы располагаются в соответствии с методическими рекомендациями: творческие материалы писателя, затем, — если есть, — биографические, материалы по деятельности и переписка.

Е. В. Виноградова

¹ М. М. Смирновым была опубликована лишь переписка Н. Н. Никитина с К. А. Фединым с предисловием и комментариями (совместно с Р. А. Никитиной) в журнале «Звезда» (1975. № 8).

СЕМЕНОВ БОРИС ФЕДОРОВИЧ

Фонд 839

Борис Федорович Семенов — художник-график, литератор, заслуженный деятель культуры РСФСР, родился 22 июня 1910 г. в Петербурге. Мать, урожд. Антонова Ольга Ивановна, отец — Семенов Федор, воевал в Первую мировую войну, работал в типографии. Погиб от осколка немецкого снаряда в блокадном Ленинграде в 1942 г.

После окончания школы в 1926 г. Б. Ф. Семенов поступил учеником-гравером в типографию им. Е. Соколовой, где затем до 1931 г. работал гравером. В 1926—1927 гг. был членом редколлегии типографской многотиражки «Искры».

Свои первые рисунки и стихи Б. Ф. Семенов напечатал в 1927—1929 гг. в приложении к «Красной газете» — «Кипяток», «Ленинских искрах», «Резце». В 1929—1930 гг. печатался в «Смене», «Еже».

В 1930 г. он вступил в творческую молодежную организацию «Изорам» («Изо рабочей молодежи») и был участником первого праздничного оформления Дворцовой площади к Первомайским и Октябрьским праздникам. С 1931 по 1934 гг. учился в художественном техникуме «Изорам».

В 1931 г. по направлению обкома ВЛКСМ Б. Ф. Семенов 8 месяцев работал художником в агитбригаде в Хибиногорске. В 1932—1935 гг. он сотрудничал в журналах «Чиж», «Юный пролетарий», «Краснофлотец», «Пограничник», «Резец», «Вокруг света» и др.

В 1936—1937 гг. работал художником в газете «Кировец» Кировского завода. В этот период он печатал очерки об искусстве в «Комсомольской правде», «Красноярском рабочем», а также рисунки в «Костре», «Мурзилке» и др.

С 1938 по 1941 гг. заведовал художественным отделом журнала «Чиж». Сотрудничал также и в других журналах, иллюстрировал и оформлял книги в «Гослитиздате», «Советском писателе», «Детгизе».

В 1939 г. Б. Ф. Семенов состоял в группе художников-зачинателей «Боевого карандаша». Им были сделаны сатирические рисунки для выпуска в свет первого номера «Боевого карандаша»: «Новогодняя елка у белого финского волка». Весь тираж этого плаката раскрашивался вручную.

В годы Великой Отечественной войны с 26 июня 1941 г. Б. Ф. Семенов — боец 2-го Прожекторного полка на Ленинградском фронте (Кингисеппское направление), затем с января 1942 г. — художник в армейской и фронтовой газете Ленфронта «Боевая красноармейская». Он делал рисунки, портреты героев армии — снайперов, разведчиков и др., рисовал циклы сатирических комиксов с собственными стихами, писал корреспонденции, сатирические миниатюры. Для политотдела 55-й армии рисовал антигитлеровские плакаты, антигитлеровские листовки для немецких солдат, карикатуры, делал фотомонтажи.

В это же время им написаны песни и программы для армейского ансамбля 55-й армии: «Марш 43-й стрелковой дивизии», «Офицеры запаса», «Журавель» — композитор А. Владимирцов; «Винтовочка моя» и «Шарф голубой» — композитор В. Барбэ; «Только для немцев» — композитор Н. Леви. Песня «Журавель» дошла до Южного фронта и там исполнялась в армейских ансамблях. Работал он также для журнала «Ленинград».

Б. Ф. Семенов был награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За оборону Ленинграда».

В декабре 1945 г. Семенов демобилизовался и стал работать художником-редактором в журнале «Костер». Делал цветные рисунки и обложки журнала. Работал также над театральными декорациями для детских праздников в клубе им. И. И. Газа и для ансамбля артистов драмтеатра «Чертова дюжина» (Ленинградский дворец искусств).

В 1947 г. — главный художник «Лениздата». В этом же году он вступил в Союз художников (ЛОСХ). В 1947—1948 гг. им были сделаны иллюстрации и оформлены книги: «Записки охотника» И. С. Тургенева, «Переправа» М. А. Дудина, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу. Эти иллюстрации перепечатывались 8 раз издательствами Одессы, Новосибирска, Пскова и др. городов. В 1948—1954 гг. Б. Ф. Семенов иллюстрировал книги: «Сын рыбака» В. Лациса, «Свет Коорди» Г. Леберехта (Карело-финское изд-во, на финском яз.), «Светлый берег» В. Пановой, однотомник Дж. Лондона, «У нас уже утро» А. Чаковского; иллюстрировал и оформил книгу Е. Успенской «Наше лето». Книга издавалась четырежды на разных языках (Изд-во литературы на иностр. яз.).

В 1955 г. на общественных началах Б. Ф. Семенов участвовал в создании и выпуске журнала «Нева». С 1960 г. — член совета Дома писателя им. В. В. Маяковского. С 1960 г. — член редколлегии и главный художник «Невы». Напечатал в журналах «Нева», «Костер», «Аврора», «Детская литература» и др. множество очерков-рассказов о писателях и художниках: В. В. Бианки, Д. Хармсе, А. И. Введенском, Е. Л. Шварце, А. Ф. Пахомове, Ю. П. Мезерницком, В. В. Лебедеве, В. А. Гальбе, А. Руссо, Н. Э. Радлове, И. М. Семенове и др., написал книгу-воспоминание «Время моих друзей» (Л., 1982).

Б. Ф. Семенов — автор пьес для детского театра и телевидения, автор спектакля «Мастер Воробьев» (поставлен в г. Кургане в 1966 г., затем, в 1979 г., — в Ленинградском малом оперном театре) — композитор А. Кнайфель. Он писал песни для эстрады, для спектаклей АБДТ им. М. Горького: «Шестой этаж», «Лиса и виноград», «Синьор Марио пишет комедию»; для кинофильмов: «Не имей сто рублей», «Под стук колес»,

«Осторожно, бабушка!», «До будущей весны» (Ленфильм). Был участником всех послевоенных выставок ленинградской книжной графики.

Жена Б. Ф. Семенова — Семенова (урожд. Повяжер) Юлия Ефимовна, дочь — Семенова Марина Борисовна.

22 ноября 1990 г. Б. Ф. Семенов с семьей выехал из России. 5 июня 1992 г. он скончался в г. Ашдод в Израиле.

В ноябре 1990 г. Б. Ф. Семенов, собираясь навсегда выехать из России, передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома некоторые материалы из своего личного архива (см. пост. № 21, 1993 г., протокол заседания ЭК РО № 6 от 16 декабря 1993 г.): «Время моих друзей. Воспоминания» (подготовка ко 2-му изд. — расклейка, авторизованная машинопись), стихотворения, очерки, рисунки — иллюстрации к произведениям Н. С. Лескова, Г. Бичер-Стоу, С. Родионова и др.; эскизы к спектаклю «Лиса и виноград» и др.; материалы к биографии и о деятельности; переписку с друзьями: поэтами, прозаиками, художниками; фотографии и др.

При подготовке к передаче архива почти каждый документ, за редким исключением, фондообразователь снабдил комментариями, рассказав о событиях, там указанных, дав характеристику тому или иному лицу и т. д., что существенно повышает информативность документа.

Научно-техническая обработка архива по действующим правилам была начата в 2003 г. А. Г. Носовой и продолжена в 2005 г. В других фондах РО ИРЛИ и других архивохранилищах материалов Б. Ф. Семенова не имеется. Новых поступлений не ожидается.

В результате научно-технической обработки ф. 839 были сформированы 261 ед. хр. Весь материал составляет одну опись и распределен по четырем разделам. Документы охватывают период с 1930 по 1994 гг.

Раздел 1 — «Творческие материалы». Он имеет 2 подраздела: 1.1. Рисунки: портреты, иллюстрации. Материалы расположены в хронологическом порядке. 1.2. Пьесы, статьи и очерки, стихотворения, воспоминания. Материалы расположены по жанрам, внутри — в хронологическом порядке.

В разделе 2 — «Материалы к биографии и о деятельности» — документы расположены в следующем порядке: личные документы, автобиографические документы, записи дневникового характера, юбилейно-поздравительные материалы, имущественно-хозяйственные документы, далее по хронологии; затем документы о фондообразователе в хронологическом порядке; фотографии: сначала портреты, затем групповые — в хронологии, далее 5 ед. хр. о деятельности, также расположенные в хронологическом порядке.

Раздел 3 — «Переписка» — состоит из двух подразделов: 3.1. Письма Б. Ф. Семенова. 3.2. Письма Б. Ф. Семенову. Дела расположены по алфавиту фамилий адресатов и корреспондентов. Среди них поэты: М. А. Дудин, Э. Я. Кроткий, В. А. Лившиц, Л. И. Ошанин, Г. В. Пагирев, Э. С. Паперная, В. С. Шефнер и др.; прозаики: Ф. А. Абрамов, В. В. Бианки, Л. И. Борисов, Г. С. Гор, Д. А. Гранин, К. И. Коничев, Е. М. Мин, А. М. Минчковский, Е. П. Серебровская, Д. Хармс и др.; художники: В. Ф. Алексеев, М. С. Беломлинский, Э. А. Будогоский, Ю. А. Васнецов, Г. С. Верейский, О. Г. Верейский, А. А. Гальба, В. А. Гальба, И. И. Игин, Г. В. Ковенчук, В. М. Кона-

шевич, В. В. Лебедев, М. С. Майофис, Н. Е. Муратов, А. Ф. Пахомов, Н. Н. Петрова, Н. Э. Радлов, И. М. Семенов, Г. Р. Шевяков и др.

Раздел 4 представлен двумя подразделами: 4.1. «Материалы родственников». Они расположены по степени родства: материалы жены, Ю. Е. Семеновой (урожд. Пвяжер) и дочери, М. А. Семеновой. 4.2. «Материалы других лиц», куда входят творческие материалы (в т. ч. рисунки), биографические материалы (в т. ч. фотографии), переписка. Систематизированы они в алфавитном порядке персоналий.

А. Г. Носова

ХАУСТОВ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

Фонд 760

Леонид Иванович Хаустов — поэт, переводчик, родился 31 августа 1920 г. в г. Нолинске Кировской обл. Детство его прошло в с. Ново-Троицкое Шабалинского района. Там его мать долгое время работала учительницей в средней школе и в 1920-е гг. работал отец.

В 1931 г. семья переехала в Ленинград, но после этого Л. И. Хаустов неоднократно бывал в Кировской обл. в геологических экспедициях вместе с отцом. В 1938 г. он поступил в ЛГПИ им. А. И. Герцена. В институте занимался в литературном кружке под руководством А. Крайского, помещал свои стихи в институтской газете.

В 1940 г. в журнале «Ленинград» появляется стихотворение Л. И. Хаустова «Рябина», затем циклы стихов в «Звезде», «Литературном современнике».

В 1941 г. он окончил институт. С начала Великой Отечественной войны Л. И. Хаустов участвовал в обороне Ленинграда. На фронте был тяжело ранен и после ранения приехал из Ленинграда в с. Ново-Троицкое, где в эвакуации жили его родители. Там он готовил к печати первую книгу стихов. После войны он также несколько раз приезжал в Киров. Осенью 1943 г. вернулся в Ленинград и поступил на работу в Ленинградский радиокомитет. С 1943 г. Л. И. Хаустов стал активно сотрудничать в ленинградских газетах и журналах. С 1944 г. систематически выступал с чтением стихов в различных аудиториях. С 1944 г. — член Союза советских писателей. С 1946 по 1951 гг. работал руководителем литературного кружка Ленинградского Дворца пионеров. С 1947 по 1950 гг. был председателем Бюро объединения молодых писателей при издательстве «Молодая гвардия». В 1951 г. стал печатать публицистические статьи в газете «Смена».

Л. И. Хаустов — автор многих поэтических сборников: «Утренний свет» (Л., 1945), «Новоселье» (Л., 1947), «Дорогой мира» (Л., 1952), «Черты биографии» (Л., 1956), «Стихи» (Л., 1967), «Год призыва 1941» (Л., 1968), «День летящий: Новые стихи» (Л., 1981) и др. В его переводах опубликованы стихи поэтов народов СССР.

Л. И. Хаустов награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Умер Л. И. Хаустов 20 августа 1980 г. Похоронен на станции Дивенская Гатчинского района.

Литература: Писатели Ленинграда. Биобиблиографический указатель. Л., 1961. С. 293—294; Ленинградские писатели-фронтовики. 1941—1945: Автобиографии. Биографии. Книги / Автор-сост. В. Бахтин. Л., 1985. С. 389—390.

В феврале 1975 г. Л. И. Хаустов передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома некоторые материалы из своего личного архива (см. пост. № 100, 1975 г.): стихотворения, автобиографию, воспоминания о посещении могилы С. А. Есенина, письма к нему писателей и поэтов и др. Затем поступили еще 4 автографа стихотворений Л. И. Хаустова (см. пост. № 101, 1975 г.). Они были переданы в Рукописный отдел по акту в архив Л. И. Хаустова (ф. № 760) из Литературного музея института, который получил рукописи советских писателей для выставки, посвященной 50-летию СССР. Новых поступлений не ожидается.

Научно-техническая обработка архива по действующим правилам произведена А. Г. Носовой в 2005 г. В результате научно-технической обработки фонда сформировано 40 ед. хр. Они составляют одну опись и распределены в соответствии со схемой систематизации по трем разделам. Документы охватывают период с 1928 по 1976 гг.

Раздел 1 составляют творческие материалы и, в связи с малым количеством, сюда же входят биографические документы. Они расположены в следующем порядке: стихотворения, воспоминания — в хронологии. Затем следуют материалы к биографии: автобиография, программа творческого вечера, «Записка из зала», фотографии.

Раздел 2 — «Переписка»: письмо Л. И. Хаустова, затем письма Л. И. Хаустову в алфавите корреспондентов. Среди них поэты и писатели: Л. И. Борисов, Е. М. Винокуров, М. А. Пожарова, В. А. Рождественский, Б. А. Ручьев, К. М. Симонов, П. Н. Шубин и др.

Раздел 3 — «Материалы других лиц», куда входят, в основном, творческие материалы, фотография и письмо. Документы расположены в алфавите персоналий.

А. Г. Носова

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ (1920— 1921);
ПЕТРОГРАДСКОЕ / ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ (1921—1929);
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (1929—1932);
ПЕТРОГРАДСКОЕ / ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ (1923—1929)**

Фонд 291

Фонд № 291 включает материалы Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей и Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов. Архив поступил в Пушкинский Дом в начале 1930-х гг. В результате научно-технической обработки фонда, завершённой в 2004 г., сформировано 907 ед. хр., сгруппированных в две описи. Опись № 1 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Всероссийского профессионального союза писателей в Петрограде (1920—1921); Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (1921—1929); Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (1929—1932)». Опись № 2 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (1923—1929)». Основной комплекс документов охватывает период с 1920 по 1932 г. В составе музейной коллекции Союза писателей и среди материалов по личному составу есть и документы 1835, 1900-х, 1910-х гг. О Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей и составе описи № 1 фонда 291 см. подробнее в статье Т. А. Кукушкиной «Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920—1932). Очерк деятельности» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006). Обзор деятельности Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов и материалов описи № 2 фонда 291 планируется опубликовать в ближайшем «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома».

Т. А. Кукушкина

АЛЕКСЕЕВ ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ

Фонд 868

I

Алексеев Геннадий Иванович — поэт, архитектор, художник, искусствовед, родился 18 июня 1932 г. в Ленинграде в семье военного. После окончания школы (1950) он поступил в Ленинградский государственный инженерно-строительный институт (ЛИСИ) на архитектурный факультет. Окончив институт в 1956 г., 4 года работал архитектором в номерной проектной организации. С 1960 по 1963 гг. Алексеев учился в аспирантуре ЛИСИ и параллельно работал в 1-м Проектном институте. После аспирантуры его зачислили ассистентом на кафедру истории и теории архитектуры ЛИСИ. По совместительству он устроился в Художественно-оформительский комбинат Ленинградского отделения Художественного фонда РСФСР, где на протяжении ряда лет занимался художественным оформлением архитектурных объектов.

В 1966 г. защитил диссертацию на тему «О художественном синтезе современной советской архитектуры и монументально-декоративной живописи» и получил степень кандидата архитектуры. С 1967 по 1969 гг. был ученым секретарем Совета по присуждению ученых степеней градостроительного факультета. В 1970 г. его избрали по конкурсу старшим преподавателем, а позднее (1973) доцентом кафедры истории архитектуры. В ЛИСИ преподавал до 1987 г. Читал курсы лекций «Всеобщая история искусств», «История архитектуры периода капитализма», занимался разработкой темы «Художественный синтез в русской архитектуре конца XIX—начала XX вв.».

10 марта 1987 г. Г. И. Алексеев скоропостижно скончался от сердечного приступа. Похоронен на Большеохтинском кладбище.

Свое первое литературное произведение он написал в 1953 г. В 1956 г. появилась первая публикация — стихотворение «Турок» в коллективном сборнике молодых поэтов «И снова зовет вдохновенье...» (Л., 1962). Однако печататься как поэт он начал только после сорока лет. Его первая книга стихов «На мосту» вышла в 1967 г. при содействии М. А. Дудина. Писал верлибром. По словам ответственного редактора серии «Петербургская проза» А. Н. Житинского, его стихи отличают «особый язык, особая инто-

нация, повторы, ритмика, ирония и абсурд в соединении с глубочайшим библейским пессимизмом» (см.: *Алексеев Г.* Зеленые берега. Роман. СПб., 1996. С. 378). В 1979 г. стал членом Союза писателей СССР.

При жизни вышли еще три сборника стихов: «Высокие деревья» (Л., 1980), «Пригородный пейзаж» (Л., 1986), «Обычный час» (М., 1986). Последний сборник включил в себя как уже выходившие циклы стихов «На мосту», «Высокие деревья», так и новый цикл «Мое дело». Отдельные стихотворения публиковались в журналах «Аврора», «Нева», «Простор», альманахе «День поэзии. Ленинград», в коллективном сборнике «Новые голоса» (Л., 1973). После смерти Г. И. Алексеева вышли в свет подготовленные его вдовой и друзьями сборник «Я и город. Поэма, стихи, сонеты» (Л., 1991), роман «Зеленые берега» (Л., 1991), прототипом главной героини которого послужила известная певица начала XX в. Анастасия Вяльцева. Ряд его произведений был опубликован в коллективных сборниках «Антология русского верлибра» (М., 1991), «Будни великих строек» (М., 1988), «Время ИКС» (М., 1989), «Дофигаэдр» (Псков, 1992), в журналах и альманахах «Нева», «Сумерки», «Литературное обозрение», «День поэзии. Ленинград», «Контекст — 9», «Петрополь».

II

Архив Г. И. Алексеева был передан в Рукописный отдел вдовой поэта Алексеевой Майей Борисовной в 2001 г. накануне ее отъезда в Израиль на постоянное место жительства (см. Книгу поступлений за 2001 г. № 45). Он включает черновики его произведений (поэмы, стихотворения, рассказы, киносценарии, пьесы и т. д.), черновик письма Г. И. Алексеева к М. А. Дудину, автобиографию, тезисы его лекций.

В 2003 г. начала научно-техническая обработка материалов Г. И. Алексеева, в ходе которой было принято решение о создании фонда. На заседании Экспертной комиссии Рукописного отдела фонду присвоен № 868.

Научно-техническая обработка фонда проведена М. В. Родюковой с учетом современных требований. В архиве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (бывший ЛИСИ) хранится личное дело Г. И. Алексеева, а в Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга – личное дело как члена Союза писателей.

III

Большая часть ед. хр. (особенно стихотворения) сформирована фондообразователем. Творческие материалы собраны в папки с указанием хронологических рамок. Характерной особенностью авторской систематизации является наличие для большинства произведений черновых автографов, машинописных вариантов с авторской правкой и подготовительных материалов, составляющих единый комплекс. Хронологически некоторые ед. хр. охватывают несколько десятилетий (например, 1960—1980-е гг.), так как Алексеев часто использовал чистые обороты листов своих ранних произведений для записи новых текстов. В некоторых случаях встречаются произведения с двойной датировкой. В процессе научно-технической

обработки были выделены в отдельные ед. хр. поэмы, циклы стихотворений и прозаические произведения.

Материалы фонда систематизированы в одну опись, включающую 82 ед. хр. за 1957—1987 гг. и состоящую из одного раздела – произведения и подготовительные материалы к ним. Раздел включает три подраздела, расположенные по жанрам: поэмы; стихотворения; прозаические произведения. В первом подразделе материалы расположены по хронологии, во втором подразделе вначале идут циклы стихотворений, за ними следуют отдельные стихотворения. Все материалы систематизированы по хронологии. В конце второго подраздела находятся подготовительные материалы к неустановленным произведениям. Третий подраздел включает в себя прозаические произведения разных жанров: рассказы, эссе, миниатюру, пьесу, киносценарий, идущие по хронологии. В конце подраздела даются подготовительные материалы к неустановленной пьесе. Единицы хранения с произведениями, имеющими одну дату, расположены по алфавиту названий этих произведений. Уже названные автобиография, тезисы лекций в ЛИСИ, письмо Алексева к М. А. Дудину следуют в конце третьего подраздела.

М. В. Родюкова

Н. А. Прозорова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX веков,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 2001—2002 годах**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов Т. В. Акуловой, А. В. Алексеевой, М. А. Алексеевой, Е. В. Алесковской (урожд. Холшевниковой), М. С. Астафьевой-Корякиной, Е. Н. Батюшковой, Г. В. Бахаревой, О. А. Белобровой, библиотеке ИРЛИ, Ж. В. Бойковой (урожд. Дегтеревой), М. С. Бурмагиной, Б. Б. Буничу-Ремизову, З. Б. Вонаг, Б. Г. Венусу, Н. Е. Гаврилиной, А. М. Гроссману, М. А. Дашкевич, Я. Г. Добкину, Н. В. Дранниковой, А. Н. Захарову, В. С. Зилитинкевич, Г. Г. Зябловой, Т. Г. Ивановой, В. Ф. Камынину, канцелярии ИРЛИ, Д. А. Кауфман, В. В. Келтуяле, А. А. Лубешкину, М. Д. Кондратьеву, А. И. Кузьмину, Ю. Д. Левину, И. А. Лобаковой, В. К. Лукницкой, А. И. Лутохину, Н. Г. Магеровской, А. Л. Майзель, Г. П. Матвиевской, А. М. Махлиной, И. В. Михеевой, К. В. Мусанину, С. Ю. Неклюдову, Н. С. Несмелову, Е. М. Ольшанской, Е. Н. Павловскому, Н. Н. Петруниной, С. А. Поддубной, А. И. Половниковой, Н. М. Поляковой, В. Г. Распутину, В. М. Русакову, V. Sandor (псевд. А. Кторова, урожд. В. И. Кочурова; США), С. Н. Соколову, А. И. Солженицыну, В. А. Синкевич (США), Ю. И. Суворовой, Л. А. Творогову, О. В. Творогову, В. Г. Тремлю, Л. Г. Тружениковой, А. Н. Ушакову, Н. Д. Чичериной, Ж. Шерону (США), Р. А. Щегловитовой и выражает признательность памяти Т. Н. Измайловой, Т. В. Кирилловой-Никифоровской, В. П. Купченко, Л. Н. Назаровой.

Алексеев Геннадий Иванович (1932—1987) — поэт. Фонд 868.¹

Гаврилин Валерий Александрович (1939—1999) — композитор. Фонд 862.²

Добкин Яков Григорьевич (р. 1924) — коллекционер. Фонд (коллекция) 861.

Левин Юрий Давидович (1920—2006) — историк английской литературы. Фонд 865.

Никифоровский Василий Митрофанович (1891—1942) — первый директор Пушкинского заповедника. Фонд 857.

Материалы к биографии: трудовой список, диплом об окончании историко-филологического факультета Петроградского университета, удостоверения, справки, адрес от 46-го интендантского корпуса. Подлинники (1910—1938). Портрет одиночный. Переснимок (1930-е). Письма к К. В. Кузнецовой 4 (1935—1939), Т. В. Кирилловой-Никифоровской (1941).

Кириллова-Никифоровская Т. В. «О Василии Митрофановиче Никифоровском (для Пушкинского заповедника в Михайловском)». Воспоминания. Авторизованная машинопись (2000). «Моя жизнь в родительском доме». Воспоминания. Авторизованная машинопись (2001). «О том, что сохранила память». Воспоминания об эвакуации. Авторизованная машинопись (2001).

Никифоровская Н. А. «О Василии Митрофановиче Никифоровском». Воспоминания. Машинопись (2000).

Письма П. А. Журова к Т. В. Кирилловой-Никифоровской 9 (1984—1986).

Смирнов Михаил Михайлович (1909—1997) — журналист, писатель, редактор. Фонд 858.³

Холшевников Владислав Евгеньевич (1910—2000) — литературовед, теоретик стиха. Фонд 856.⁴

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк литературы, критик, журналист, общественный деятель. Фонд 20.

Е. Н. Батюшкова. «О Федоре Дмитриевиче Батюшкове». Очерк. Машинопись (<1967>).

¹ См. о нем на с. 603—605 наст. изд.

² Ф. 862 (В. А. Гаврилин), ф. (коллекция) 861 (Я. Г. Добкин), ф. 865 (Ю. Д. Левин) научно-технически не обработаны.

³ См. о нем на с. 593—595 наст. изд.

⁴ Ф. 856 (В. Е. Холшевников) научно-технически не обработан.

Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, художник, переводчик. Фонд 562.

Стихотворения (2). Переводы из Анри де Ренья и Э. Верхарна. Оттиски из журнала «Русская мысль» (1917. № 8) и сборника «Норд» (1926). Типограф. экз.

Медицинское заключение о состоянии здоровья М. А. Волошина. Машинописная копия (1925).

Фотографии М. А. Волошина одиночные и в группе с женой, матерью, гостями в Коктебеле; фотографии А. М. Кириенко-Волошина (отца) и Дома поэта в Коктебеле. Подлинники, переснимки 41 (1869—1975).

Письмо М. С. Володиной в Союз писателей СССР с просьбой о помощи в передаче всей недвижимости Дома поэта Союзу писателей для организации Дома отдыха. Машинописная копия (1932). Документы о передаче М. С. Володиной материалов М. А. Волошина в Феодосийскую картинную галерею: завещание, доверенность, заявление. Машинопись, рукой Е. В. Нагаевской с подписью М. С. Володиной (1972—1974).

Письма М. С. Володиной к Н. А. Канисской 22 (1964—1972), В. П. Купченко (1971), Е. И. Малиновской 7 (1973—1974), В. А. Мануйловой 4 (1972—1975), Л. В. Тимофеевой 25 (1961—1976).

Письмо В. П. Купченко к Л. В. Тимофеевой (1977).

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель.

Глинский С. С. «Психиатрический анализ Яновского». Для врачей. (О Н. В. Гоголе). На правах рукописи. С дарственной надписью Пушкинскому Дому Е. Н. Павловского (1934—1935).

Келтуяла Василий Афанасьевич (1867—1942) — литературовед. Фонд 790.

Фотография памятника на Шуваловском кладбище. Подлинник (2001).

Константин Константинович (Романов; псевд. К. Р.; 1858—1915) — вел. кн., поэт, переводчик, драматург, президент АН. Фонд 137.

Указ о воспрещении чтения в церквях произведений светской драматической литературы (упоминается драма «Царь Иудейский»). Машинописная копия (1918).

Фотография с портрета И. А. Зеленого, воспитателя вел. кн. Константина Константиновича, Дмитрия Константиновича, Вячеслава Константиновича. Переснимок (б. д.).

Лукницкий Павел Николаевич (1900—1973) — писатель. Фонд 754. Дневники за 1930—1948. 49 тетрадей.⁵

Матюшин Михаил Васильевич (1861—1934) — художник, композитор, теоретик музыки. Фонд 656.

Н. И. Костров. «О школе Матюшина». Заметка. Авторизованная машинопись (1996).

⁵ Пополнение фонда П. Н. Лукницкого новыми документами не завершено, фонд не обработан.

Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970) — фольклорист, этнограф, литературовед, лингвист. Фонд 721.

Письма и телеграмма к С. Ю. Неклюдову 17 (1967—1969). Ксерокопии.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. Фонд 244.

Материалы к 9-му тому Академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина («История Пугачева»): дополнения и уточнения к указателю, составленные Р. В. Овчинниковым, описание автографов, выполненное Н. Н. Петруниной, картотека источников, текстологические материалы, переписка Р. В. Овчинникова с Н. Н. Петруниной по вопросам комментирования и др. (1970—1980-е).

Шнейдер Варвара Петровна (1860—1941) — художница; **Шнейдер Александра Петровна** (1863—1941) — художница. Фонд 340.

Фотопортреты В. П. и А. П. Шнейдер с А. А. Чичериной (урожд. Капнист) в имении Чичериных «Караул». Переснимки 2 (<1910>).

Ясинский Иероним Иеронимович (1850—1931) — писатель. Фонд 352.

Почетный билет на его имя для посещений пятничных собраний Общества им. А. И. Куинджи. Подлинник (1916—1917).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Венус Георгий Давыдович (1897—1939) — писатель.

Письма к нему А. Н. Толстого (1936), Л. И. Толстой 5 (1936—1937; б. д.).

Письма к Б. Г. Венусу В. Л. Андреева 5 (1967—1973), Л. И. Толстой (1939). Письма к М. Б. Венус Л. И. Толстой 10 (1938—1957; б. д.), Н. К. Чуковского (1957), К. А. Федина (1959).

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — драматург, поэт, дипломат.

«Горе от ума». Комедия. Типограф. экз. с владельческой надписью К. В. Мусанина (СПб., 1854).

Гроссман Александр Миронович (р. 1922) — журналист, издательский работник.

Письма к нему Н. И. Ильиной 2 (1960—1983), И. М. Меттера 3 (1980), В. П. Некрасова (1966), Б. Ш. Окуджавы (1987), Л. Пантелеева 2 (1984—1985), И. Г. Старинова (1987), М. Чулаки 9 (1982—1988).

Зайцев Борис Константинович (1881—1972) — писатель, переводчик.

Письма (19) к А. Кторовой (псевд. Кочуровой Виктории Ивановны, в замуж. Сандор). С приложением письма-рецензии на ее произведения (1961—1968).

Иксуль фон Гильдебранд Варвара Ивановна (1850—1928) — прозаик, издательница.

Письмо к ней Е. М и А. Э. Вольперс и др. с благодарностью за доклад о штудобаптистах, сделанный ею 8 апреля 1903 г. в Юридическом обществе. Машинопись (1903).

Касторский Сергей Васильевич (1898—1962) — историк русской литературы XX в.

Письмо его к А. И. Перепеч (<1942>).

Катенины: Козьма Гаврилович, Иван Козьмич и др.: род. Генеалогическое древо. Фотокопия (б. д.).

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик.

«В альбом Елизавете Михайловне Саарик», «Л. А. Р.», «Танит Тициановне Табидзе» и др. Стихотворения (9). Машинопись, на отдельных листах подпись — автограф (1920—1945). «Письма Н. С. Гумилева». Публикация писем Н. С. Гумилева к Зноско-Боровскому и М. Л. Лозинскому за 1909—1919. Машинопись со вставками публикатора (не позднее 1955).

Марков Владимир Федорович (р. 1920) — литературовед.

Письма к нему Н. Н. Берберовой (1965), Н. В. Кодрянской 2 (1973), И. Елагина (наст. фам. Матвеев) 2 (б. д.), В. Ф. Перелешина 6 (1975—1983; б. д.).

Оксман Антонина Петровна (1894—1984) — жена историка литературы Ю. Г. Оксмана.

Фотопортреты А. П. Оксман 2 (1930-е).

Письма ее к Е. С. Белобровой (урожд. Савиновой) 80 (1941—1980). Записи О. А. Белобровой, поясняющие письма А. П. Оксман (1980-е). Биографическая справка о Е. С. Белобровой. Рукой О. А. Белобровой (1983). Фрагмент «Воспоминаний» А. П. Белоброва с упоминанием Ю. Г. и А. П. Оксманов. Ксерокопия (1983).

Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — историк древнерусской и русской литературы, академик (с 1931).

Письмо в Комиссию по изучению научно-популярной литературы АН СССР о необходимости переиздания книги Н. Н. Воронина «Древнерусские города» (1945).

Павлова (урожд. Яниш) Каролина Карловна (1807—1893) — поэтесса, переводчица, прозаик.

«Сцена». «Набросок к повести». Список рукой неустановленного лица (1855).

Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937) — писатель.

«Изба». Рассказ. Автограф (б. д.). «Нежданно-негаданно». Рассказ. Автограф (б. д.).

Ротов Михаил Дмитриевич (р. 1923) — врач-психиатр, поэт.

Удостоверение личности («Нансеновский паспорт») Д. М. Ротова, выданный префектурой Белграда. В паспорт вписан сын — М. Д. Ротов. На франц. и словенском яз. (1926).

Скатов Николай Николаевич (р. 1931) — историк русской литературы, член-корреспондент АН, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) (с 1987).

Юбилейные приветствия к 70-летию со дня рождения от патриарха Московского и Всея Руси Алексия, президента РФ В. В. Путина, президента РАН академика Ю. С. Осипова, вице-президента РАН академика В. Н. Кудрявцева, председателя Президиума СПб НЦ РАН Ж. И. Алферова, губернатора СПб В. А. Яковлева, М. С. Горбачева, председателя Совета федерального собрания РФ Е. С. Строева, председателя Государственной думы Федерального собрания Г. Н. Селезнева, министра культуры М. Швыдкого, коллективов сотрудников музеев, университетов, институтов, театров, издательств, писательских организаций, редакций журналов, творческих союзов, международных организаций, общественных фондов и др. Телеграммы, поздравительные адреса, стихотворные поздравления (апрель—май 2001).

Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — общественный деятель, литератор.

Письма его к А. А. Чичериной. Рукой Е. П. Чичериной 3 (1904—1908).

Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — писатель.

Фотопортрет. Подлинник (<1930>).

Томашевский Борис Викторович (1890—1957) — пушкинист, историк русской литературы.

Письма к нему Л. П. Сидоровой (1949), Т. Г. Цявловской 3 (1948—1949), И. Ф. Ерофеева (1949). Приглашение на заседание Пушкинского общества от секретаря Л. Н. Назаровой. Машинопись (1934).

Филиппов Борис (наст. фам. Филистинский Борис Андреевич; 1905—1991) — литературовед, критик, публицист.

Список его книг, изданных с 1957 по 1983 г., публикаций и др. Машинопись с правкой (1980-е).

Письма его к В. Синкевич 41 (1976—1991; б. д.). Письма к нему О. И. Моховой 2 (1989).

Щегловитов Александр Тихонович (1849—1915) — писатель.

Письма Р. А. Щегловитовой к Ф. М. Быковой со сведениями о А. Т. Щегловитове 2 (1964).

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — историк русской литературы.

Письма к нему С. Н. Соколова 3 (1954). Письма его к С. Н. Соколову. Машинописные копии 2 (1954).

«Златоцвет» — литературно-художественный ежемесячный журнал. Берлингейм. Калифорния. США. 1961. № 1; 1962. № 2—11; 1963. № 12.

ВЗГЛЯД НА 1987 И ПОСЛЕДУЮЩИЕ

Поводом для этих заметок стал выход книги Т. Г. Ивановой «Рукописный отдел Пушкинского Дома. Исторический очерк» (СПб., 2006), выпущенной в свет издательством «Дмитрий Буланин», — документального исследования, в котором предпринята попытка многоаспектно представить деятельность ведущего отдела уникального и всемирно известного научно-исследовательского и просветительского историко-литературного центра России.

Это не рецензия на только что вышедший из печати труд. Как справедливо указано в «Предисловии» к монографии (с. 5—6), тема истории Рукописного отдела поднимается в литературе не впервые. Несомненно, она будет продолжена во втором столетии Пушкинского Дома. Будучи свидетелем, участником или организатором некоторых значительных моментов деятельности Отдела в 1987—1996 и 2004—2005 гг., считаю необходимым дать разъяснения, дополнения и уточнения деталей по представлению «пунктирными линиями» (с. 7) обозначенного периода, главным образом для будущего историка. Имея в виду этот адресат, мы предложили свой «взгляд» к опубликованию в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» как наиболее вероятном источнике, который не может быть обойден вниманием этого будущего исследователя.

Закономерно связывая новый период в истории Рукописного отдела с эпохой политической перестройки в СССР, Т. Г. Иванова в числе перестроечных примет, оказавших влияние на жизнь Рукописного отдела, называет и «раскрепощение издательской деятельности <...> и практически полное прекращение финансирования закупок архивных материалов» (с. 348). Об издательской деятельности Отдела скажем позже. Что же касается утраты бюджетной статьи по закупке новых фондовых материалов, т. е. в первую очередь писательских рукописей, то она произошла никак не ранее 1997 г. Поэтому сожалеть о «кризисных явлениях» в области комплектования (с. 356) до этого времени и уверять читателя, что «все покупки совершались исключительно по прямому финансированию Правительства, на редкие спонсорские деньги», значит вводить его в заблуждение. Бесспорно, автору книги, как и всем сотрудникам Отдела, известно, что 20 апреля 1987 г. была сформирована и с тех пор весьма интенсивно работала новая Экспертно-закупочная комиссия РО, состоящая из самых авторитетных

ученых Института. Ее возглавлял академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, а непременными членами были: доктор филологических наук, вскоре избранный академиком РАН Г. М. Фридендер, член-корреспондент, а затем академик А. М. Панченко, член-корреспондент Л. А. Дмитриев, доктор филологических наук, в недалеком прошлом зав. РО К. Д. Муратова, доктор филологических наук Н. А. Грознова, ученый секретарь Института В. К. Петухов, сотрудники Рукописного отдела В. П. Бударагин, Л. Н. Иванова, Г. А. Крылова, Т. С. Царькова, зав. Литературным музеем А. Ф. Некрылова и сотрудник музея Л. Е. Мисайлиди. Заседания комиссии проходили не формально, не были краткими. Сохранившиеся протоколы содержат множество сведений, и будущий историк не может их пропустить. В них в частности отражены дискуссии по поводу целесообразности приобретения тех или иных документов. Так, на одном из заседаний возникло сомнение: нужны ли литературному архиву материалы Макса Гельца — немецкого антифашиста? Казалось бы, они непрофильны, но принадлежали фондообразователю РО — писательнице Елене Павловне Серебровской, в 1930-х гг. жене М. Гельца, к тому же предложившей Отделу рукописи М. А. Шолохова, А. К. Югова, телеграмму Э. Хемингуэя и мн. др. Разгоряченный А. М. Панченко почти кричал: «Да вы понимаете, что этих немецких листовок начала тридцатых годов нигде в мире не осталось, даже в самой Германии!». Благодаря чуткому и доброжелательному отношению к РО закупочной комиссии, Пушкинским Домом были сделаны такие значительные приобретения, как фотографии и автографы (стихотворения и письма) Н. А. Клюева, автографы А. А. Блока, Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, С. А. Есенина, А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, О. Д. Форш, М. А. Кузмина, В. А. Пяста, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского, И. А. Бродского, К. К. Вагинова, Л. П. Карсавина, М. А. Волошина, рукописный, никогда не публиковавшийся как целое, сборник стихотворений Н. Заболоцкого «Арарат» (1926—1928), авторизованная машинопись 13 рассказов и очерков А. Платонова, творческие рукописи, личные документы и эпистолярная А. И. Солженицына, архив Н. Л. Дилакторской, содержащий письма Д. Хармса, С. Маршака, рукопись М. Зощенко, документы из семейных архивов Л. Н. Андреева, Н. Г. Гарина-Михайловского, И. Е. Репина, метрические книги из Абакумцевской церкви Ярославской губернии, в том числе с автографом А. С. Некрасова, отца поэта, десятки древнерусских рукописных книг и деловые бумаги (столбцы) XVII в., каталог русской эмигрантской книги А. Д. Алексеева (более 5000 карточек) и многое другое.

На закупки выделялись средства, в среднем от 10 до 25 тыс. р. в год. Много это или мало? Не так уж и мало, когда максимальная трудовая пенсия большинства наших вкладчиков не превышала 132 р., а зарплата научного сотрудника, кандидата наук, составляла 180—200 р. В этой связи поделюсь одним горьким воспоминанием. Лариса Николаевна Иванова привезла от Александры Ивановны Вагиновой, вдовы поэта, очень пожилой женщины, стихотворные и прозаические автографы и фотографии К. К. Вагинова. После закупочной комиссии мы должны были согласовать оценку с держателями рукописей. Лариса Николаевна позвонила Александре Ивановне. Сообщила об оценке: шестьсот рублей.

— Шестьдесят? — переспросила, не расслышав, старушка. — Ну ладно...

— Не шестьдесят, шестьсот, — поправила Лариса Николаевна.

— Шестьсот? Так много?! — Александра Ивановна заплакала...

Своей волей мы с Ларисой Николаевной увеличили эту сумму до семисот рублей.

В некоторые годы число закупок (среди них цельные архивы) превышало тридцать наименований. Комплектование носило не кризисный, а плановый характер, причем не ограничивалось только пределами Ленинграда—Петербурга, выдавались целевые командировки в Москву, Киев, Таллин, Пензу, Новосибирск.

Параллельно закупкам не прерывалась череда дарений Пушкинскому Дому, чему немало способствовало регулярное освещение этой стороны работы Рукописного отдела в периодической печати и на радио, тоже не только ленинградском. Из сотен поступивших в дар рукописей назовем лишь несколько имен их авторов, столь же значимых для русской литературы, как и перечисленные выше (с неизбежным их повторением), не вошедших в книгу: автографы Д. Хармса (дар А. А. Александрова); роман Л. И. Добычина «Город Эн» (автограф), не опубликованная до той поры его же повесть «Шуркина родня» (авторизованная машинопись), письмо, фотопортрет автора (дар А. Л. Григорьева); автограф ранней поэмы Л. Леонова «Земля» и его письма (дар В. А. Ковалева); письма, фотографии, документы, рисунки, книги с дарственными надписями А. М. Ремизова (дары Б. Б. Ремизова (Украина), Н. Ф. Буровой (США)); альбом Е. А. и В. П. Ляцких с автографами М. И. Цветаевой, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, К. Бальмонта, И. А. Бунина, М. Горького, К. Ф. Тарановского, Н. А. Тэффи, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева и др., рисунками И. Я. Билибина, А. М. Ремизова, И. Лагорио (дар В. П. Ляцкой (Чехия)); духовное завещание и автограф романа «Котик Летаев» А. Белого (дар В. Рыковой (Швейцария)); автограф, авторизованная машинопись «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой, подаренная Л. Н. Гумилеву, и 4 поэтических сборника А. А. Ахматовой с дарственными надписями сыну (дар Н. В. Гумилевой); 953 письма А. Н. Веселовского и более 300 писем к нему, документы и воспоминания из семей Веселовских, Усовых, Шишмаревых; автографы Н. С. Тихонова, Вс. А. Рождественского, С. Я. Маршака, А. С. Кушнера, личный фонд поэта В. Б. Кривулина, содержащий кроме его творческих рукописей ценные материалы (в том числе иконографию) по ленинградскому андеграунду и самиздату 1960—1980-х гг. и мн. др. Общий итог поступлений за 1987—1996 гг. — 395, что вряд ли создает впечатление кризиса.

Из фондовых пополнений 2004 г. выделены только действительно событийное поступление автографа стихотворения А. С. Пушкина «На холмах Грузии...» и небольшой фонд фольклориста М. Я. Мельц. К этому необходимо добавить хотя бы прижизненные списки стихотворений А. С. Пушкина и Д. В. Давыдова, уже введенные в научный оборот Отделом пушкиноведения, неизвестную эпиграмму на Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского и неопубликованное письмо И. С. Тургенева (1876), вносящее уточнения в летопись жизни писателя (дары вдовы коллекционера М. Д. Ромма Ф. А. Темчиной), обширный и чрезвычайно ценный фонд

О. Ф. Берггольц, переданный в Пушкинский Дом по завещанию сестры поэтессы М. Ф. Берггольц, с которой у Рукописного отдела непросто складывались многолетние сотрудничество отношения. Если же перечислять фонды литературоведов, то необходимо упомянуть о приобретении больших и ценных фондов пушкинодомцев Б. И. Бурсова, А. Ф. Бритикова и С. С. Гречишкина. Выходя за временные границы книги, добавлю, что в начале 2005 г. удалось продолжить традицию собирания фондов литературных организаций в нашем городе: образован и пополняется фонд Центра современной литературы, основанного в начале 1990-х гг. и возглавляемого прозаиком Д. Н. Каралисом. Наконец, накапливавшиеся десятилетиями разрозненные материалы по истории Пушкинского Дома, приток которых был особенно интенсивен в 2005 г., решено было объединить в фонд и присвоить ему порядковый номер 880.

Не вызывает возражений отмеченная Т. Г. Ивановой «тенденция к активизации» обработки архивных материалов, наметившаяся с конца 1990-х гг. (с. 354—355). Но вот избранный метод для подтверждения этой мысли не представляется вполне корректным, а главное — убедительным. Казалось бы, что может быть нагляднее, чем сопоставление сухих цифр: за 1988—1996 «прирост» — 19 фондов и 10 395 обработанных ед. хр. (по нашим сведениям — 11 832 ед. хр.); за 1997—2003 — 21 фонд и 22 394 ед. хр. Но эти цифры, раз уж читателя направляют на путь сравнений, нуждаются в комментарии.

Глава книги носит заглавие «1987 и далее», что оправдано связью больших политических изменений в стране с изменениями в жизни Института. С февраля 1987 г. в ИРЛИ новый директор — Н. Н. Скатов, постепенно меняется дирекция, с апреля в Рукописном отделе — новый заведующий. Штат Рукописного отдела в 1987 г. сравнительно небольшой — 19 человек (к 1993 г. он вырастет до 25 человек и таким останется, что тоже надо учитывать, до мая 2005 г., сейчас в результате сокращения в Отделе 24 сотрудника). Но 1987 г. весьма интенсивен по результатам работы Отдела, в частности в направлении комплектования фондов: общее число новых поступлений — 60, поэтому нет причин выносить этот год за рамки анализа. За 1987—1996 гг. в Отдел формально пришло 23 новых фонда, преимущественно писательских. Подчеркнем, что это именно *вновь поступившие* фонды, результат работы Отдела по комплектованию.

Перечислим их: Одоевцева И. В. (ф. 824); Базанов В. Г. (ф. 825); Залыгин С. П. (ф. 826); Солженицын А. И. (ф. 827); Шимкевич К. А. (ф. 828); Бондарев Ю. В. (ф. 829); Тарковский А. А. (ф. 830); Иванова-Романова Н. М. (ф. 831); Янзен И. Г. (ф. 832); Серебровская Е. П. (ф. 833); Дилакторская Н. Л. (ф. 834); Куприянова Е. Н. (ф. 835); Штемлер М. Е. (ф. 836); Крайский А. П. (ф. 837); Заводчиков В. П. (ф. 838); Семенов Б. Ф. (ф. 839); Лесман М. С. (ф. 840); Цехновицер О. В. (ф. 841); Рахманов Л. Н. (ф. 842); Решетовская Н. А. (ф. 843); Кривулин В. Б. (ф. 844); Морозов А. А. (ф. 845). Сюда же следует отнести не пополнявшиеся позднее большие комплексы материалов, получившие в конце 1990-х гг. статус фонда: коллекция фольклориста И. В. Зырянова (первоначально в 1987 г. была отнесена к Р. V, позднее — ф. 850), материалы историка древнерусской и украинской литературы А. А. Назаревского, картотека библиографа и переводчика

Н. А. Назаревского (первоначально в 1987 г. были отнесены к Р. VI, затем часть материалов выделена в личный фонд 864) и материалы литературоведа-испаниста К. Н. Державина (поступление 1995 г., отнесенное к Р. I, позднее квалифицированное как личный фонд 859). Реально Отдел принял 26 новых фондов.

За 1997—2003 гг. в Рукописный отдел поступило 13 новых фондов: Дмитриева Л. А. (ф. 763); Четверикова Б. Д. (ф. 847); Путилова Б. Н. (ф. 848); журнала «Русская литература» (ф. 849); Ольшанской Е. М. (ф. 852); Холшевникова В. Е. (ф. 856); Никифоровского В. М. (ф. 857); Смирнова В. М. (ф. 858); коллекция библиофила Добкина Я. Г. (ф. 861); композитора Гаврилина В. А. (ф. 862); Левина Ю. Д. (ф. 865); Райзе Е. С. (ф. 867); Алексева Г. И. (ф. 868).

На основе дополнительных поступлений за период 1997—2003 гг. к прежним материалам были образованы 3 фонда: Гусева В. Е. (ф. 846); Назаровой Л. Н. (ф. 851) и Гаген-Торн Н. И. (ф. 854).

В результате работы по фондированию отложившихся ранее поступлений были выделены и получили фондовые номера материалы: Бередниковой Е. П. (пост. 1964 г., ф. 855); Котульского А. В. (пост. 1963—1964 гг., ф. 853); Волконского М. Н. (пост. 1973 г., ф. 860); Герцен Н. П. (пост. 1983 г., ф. 866) и уже упоминавшиеся выше фонды И. В. Зырянова, Назаревских, К. Н. Державина.

Фондированием старых материалов Отдел в 1987—1996 гг. не занимался, как бы предчувствуя, что вскоре для комплектования наступят не лучшие годы, «кризис», по определению автора книги, и надо приготовить фронт работ для других направлений деятельности экспертной комиссии, тоже необходимых в архивном деле. Но решившись на *сравнения по «приросту»*, вероятно, нелишне было бы прояснить не вполне тождественную природу сравниваемого. Хотя здесь уместен вопрос: а сравнивают ли в цифровом выражении нетождественное?

Обратимся к тождественному, ко второй части сравнения — «приросту» обработанных единиц хранения. Разница хоть в 12, хоть в 10 тыс. ед. хр. впечатляет. Известно, что обрабатывать большие фонды — дело куда как более трудоемкое и времяемкое, чем небольшие фонды, отдельные поступления, что при переработке уже обработанных по старым правилам фондов значительно облегчаются процессы предварительной разборки и атрибуции. Нам представляется, что вопрос о переработке старых фондов для Рукописного отдела Пушкинского Дома сейчас дискуссионен, так как в хранилищах находится более 200 необработанных фондов, т. е. взятых на учет только в линейных мерах: метрах, сантиметрах. Но это *à propos*.

Несмотря на планирование, порой трудно сказать, на какой именно год придется завершение многотысячного фонда. Так, в 1998 г. утвержден и стал доступен исследователям фонд С. А. Венгерова — 8852 ед. хр. Сколько лет он обрабатывался? Точно ответить никто не возьмется. Разборка архива началась еще до передачи его в Пушкинский Дом, в Петроградском институте книговедения в 1920-х гг. Первым заведующим венгеровским архивом был литературовед и библиограф Н. А. Соколов, им было составлено 1107 карточек к части собраний автобиографий. Соколова сменил на посту заведующего А. Г. Фомин, который позднее, в 1937 г., возглавил

созданный в ИРЛИ сектор библиографии, где продолжал заниматься венгерским фондом. С учетом опубликованных автобиографических материалов он довел счет коллекции до 4250 номеров. В ИРЛИ коллекцией Венгерова, вероятно в 1950—1960-е гг., занимался А. Д. Алексеев, который составил на нее свою картотеку, а архивом в целом с 1970-х гг. — И. М. Юдина (до 1980 г.) и Л. П. Архипова (до 1989 г.). Подключившимся после смерти Л. П. Архиповой к обработке фонда М. В. Родюковой и Г. Г. Поляковой пришлось многое, как это всегда бывает в подобных ситуациях, пересматривать заново, уточнять классификацию и проч. Их завершающий труд, так же, как и труд их предшественников, колоссален, и, вероятно, по сумме усилия всех архивистов могут быть сопоставлены с трудом самого С. А. Венгерова. 7 сотрудников из трех поколений. Сколько человеко-лет, переводя на язык эпохи, на которую в основном пришлась обработка, затрачено? И мы должны, руководствуясь логикой книги, эти столь дорогие для Отдела почти 9000 единиц причислить к результатам 1998 года? Другой пример. В 1998 г. был утвержден фонд В. Г., Г. И. и Е. И. Чертковых и И. М. Трегубова, столь сложный по своей структуре, аккумулировавший три ранее существовавших фонда, что потребовал от обработчика почти 15 лет, обрабатывался с 1984 г. То же можно сказать и об иных больших фондах: Постоянной комиссии (ф. 540) — 1963 ед. хр.; Витберга Ф. А. (ф. 52) — 1253 ед. хр. и др.

Вот такая непростая арифметика, даже в один исторический период не укладывается, не говоря уж о производственных полупериодах. *Гармонию* времен и поколений — архивных времен — *и алгеброй не поверишь*.

И, наконец, последний аспект предложенной Т. Г. Ивановой схемы — издательский. «Раскрепощение издательской деятельности» привело к многолетнему ступору или вовсе развалу некогда мощных и авторитетных государственных издательств. Рукописи плановых серийных изданий копились и пылились на полках «Науки», а с этой маркой выходили брошюры по садоводству и т. п. печатная продукция. В 1989 и 1990 гг. на Ученом совете ИРЛИ были утверждены «Ежегодники РО» соответственно на 1990 и 1991 гг. В 1993 г. под предлогом необходимой доработки по прошествии столь длительного времени пришлось забрать «Ежегодники» из «Науки» и передать их в «Академический проект». Скандал был большой, но книги стали выходить (исключительно по грантам), хотя зазор в 4 года между обозначением в заглавии и выходными данными остался.

Как верно отмечено в монографии, редколлегия возобновленных «Ежегодников» стремилась следовать принципам, заложенным прежним безукоризненным редактором К. Д. Муратовой. Издание было ориентировано в основном на публикацию новых материалов по истории литературы и культуры XIX—XX вв. и обзорных архивных статей. В 1970-е гг. при плановом хозяйстве лимитировался объем сборника. В среднем он приближался к 20 п. л., это одна, отнюдь не главная из многих, причин, почему отбор материалов для печати у К. Д. Муратовой был строгим, даже жестким. Слабые, с ее точки зрения, статьи она не принимала, с другой стороны, сама заказывала подготовку публикаций, выбирая актуальные темы, привлекая наиболее осведомленных исследователей, невзирая на их служебную и ведомственную (а зачастую вневедомственную) принадлежность. Среди

постоянных авторов «Ежегодников» тех лет И. Г. Ямпольский, Б. Ф. Егоров, П. Р. Заборов, А. В. Лавров, А. Б. Муратов, В. П. Купченко. Публиковались и М. П. Алексеев, Р. Ю. Данилевский, Р. Д. Тименчик. Ксения Дмитриевна никогда не назвала бы этих филологов «сторонними для Рукописного отдела авторами» (с. 360). Ее, вероятно, нисколько не смутило бы, например, ретроспективное наблюдение по методу Т. Г. Ивановой над тем, что в «Ежегоднике на 1976 год», содержащем 15 работ, только два обзора принадлежат сотрудникам Отдела, в «Ежегоднике на 1979 год» — одна работа, а остальные публикации «сторонние». Задумываться над этой арифметикой в одно действие для доказательства тенденции, оборачивающейся тенденциозностью, заставляют нас, читатель. Оказывается, репутация издания определяется не его научным уровнем и профессионализмом, в том числе отбором материалов, способных заинтересовать подготовленного читателя, а тем, на каком этаже Института стоит рабочий стол автора. А может быть, не так уж и важно, в какой стране он живет и работает, лишь бы дело свое знал лучше других? Как говаривал Суворов, «не числом, а умением». Но даже в одном арифметическом действии Т. Г. Иванова допустила две ошибки: куда-то исчезло имя автора двух публикаций в «Ежегоднике на 1990 год» А. Г. Тимофеева, именно для их подготовки приглашенного в Институт в 1988 г., и, что особенно досадно, имя Л. Н. Ивановой из «Ежегодника на 1993 год», а работа там была проделана большая. Признаться, пишущей эти строки, еще со студенческих лет связанной с Рукописным отделом, тоже неловко ощущать себя «сторонним для Рукописного отдела автором», учтивой эту формулировку не назовешь и по отношению к дарителям-публикаторам: М. Д. Эльзону, Ж. Шерону и др.

Завершение арифметического пассажа звучит вроде бы мажорно: «Наконец, в последнем выпуске, на 2001 год, 16 статей из 21 подготовлены сотрудниками Отдела...» и в то же время пугающе: что бы означало дальнейшее усиление этой «тенденции»? Если логически рассуждать, то изоляцию от Института и всего остального филологического мира, теснейшая связь с которыми, на наш взгляд, только укрепляет Отдел и повышает его научный потенциал. Кто наши первые консультанты по публикациям и атрибуциям, со-трудники и со-авторы, информаторы, связные и помощники в отыскании и доставке новых материалов? Имена в науке значимы, и важно, кто еще, кроме сотрудников Отдела, обращается к его богатствам.

Расширение Рукописным отделом творческих, исследовательских и издательских контактов, в том числе международных, — часть общепринятого дела, имеющего значение не только для гуманитарных наук, но и для мировой культуры в целом. Как показывает практика, работа в этом русле всегда оправдана и результативна для Отдела: растет его авторитет и известность, пополняются информационная и материальная базы.

К сожалению, в книге Т. Г. Ивановой не нашлось места для упоминания о научных чтениях Отдела, проводимых с 1988 по 1996 гг., хотя «Хроника» некоторых из них публиковалась на страницах «Русской литературы». На чтениях было прочитано более 50 докладов обзорной, мемуарной, биографической и справочной направленности. Не все эти микроисследования обрели форму публикаций, но все отмечены творческим импульсом, научным результативным поиском. Первые чтения были посвящены памяти

Марфы Ивановны Маловой, последние — 90-летию Пушкинского Дома и 150-летию со дня рождения А. Ф. Онегина, тоже неслучайные для Отдела имена.

На с. 361—362 названы другие издания Отдела. Открывает этот список книга «„Серапионовы братья” в собраниях Пушкинского Дома. Материалы. Исследования. Публикации» (СПб., 1998). У этой замечательной книги были более скромные по объему, но тоже достойные предшественники — каталоги, впервые знакомящие широкого читателя с графикой, живописью, художественными текстами, письмами и биографиями представителей культуры модернизма и авангарда:

«Волшебный мир Алексея Ремизова» (СПб., 1992). Издание вышло под грифом ИРЛИ, в его подготовке принимали участие Л. В. Герашко, А. Г. Носова, Е. Р. Обатнина, Т. С. Царькова;

«Елена Гуро. Поэт и художник. 1877—1913. Живопись. Графика. Рукописи. Книги» (СПб., 1994). Издание вышло под грифом Рукописного отдела Института русской литературы. Ред. Т. С. Царькова. В числе составителей — Л. Н. Иванова. Подготовка каталога и выставки — Е. В. Виноградовой;

«Возврат к природе (Back to Nature). Петербургские художники русского авангарда XX века. Живопись. Графика» (Музей изобразительного искусства Йоэнсуу. 7.5—26.5.1996). Издание вышло под грифом Рукописного отдела Института русской литературы, в числе составителей — Л. Н. Иванова;

и более традиционное издание — «„Тень Пушкина меня усыновила...”. Каталог выставки» (СПб.; Болонья; Кембридж, 1997). В грифе — Институт русской литературы (Пушкинский Дом), среди составителей — Т. И. Краснородько, Л. К. Хитрово. Автор вступительной статьи — Т. И. Краснородько.

Вероятно, будущему исследователю удастся сократить пробелы в «пунктирных линиях», обрисовывающих другие периоды деятельности Отдела. Но о тех временах мы так же, как и автор книги, знаем лишь из документов и воспоминаний. В этих же заметках о близком времени — живая память.

Т. С. Царькова

ХРОНИКА VIII НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА

9 февраля 2006 г., после десятилетнего перерыва, в рамках празднования 100-летия Пушкинского Дома состоялись VIII Научные чтения Рукописного отдела. Темы прозвучавших докладов и сообщений касались юбилейной даты. В выступлениях архивистов и гостей Рукописного отдела освещалась история Дома и Института, связанная с историей города, и отразились основные исследовательские направления, традиционные для научной деятельности Пушкинского Дома: история литературы XIX—XX вв., биографика, архивистика, связь литературы с современной культурой в целом.

От друзей Пушкинского Дома Отдел получил в дар: фотографию и визитную карточку сестры Е. П. Иванова — М. П. Ивановой, которой А. А. Блок посвятил стихотворение «На железной дороге», фотография сделана в квартире Ивановых на Карповке (дар М. В. Бокариус); бюро А. А. Блока, хранившееся долгие годы у Е. П. Иванова и 4 книги с дарственными надписями Е. П. Иванову А. Д. Скалдина и М. А. Бекетовой (дар Н. Г. Княzewой).

Т. И. Краснобородько прочитала доклад «„Дома” Пушкинского Дома». Созданный на исходе 1905 г., Пушкинский Дом сразу же занял особое место в кругу академических учреждений. Беспрецедентным было само его название: в Академии наук ни прежде, ни впоследствии не возникало самостоятельного научного учреждения с таким неакадемическим наименованием — «Дом». Именно оно, по мнению докладчицы, предопределило особые принципы не только внутренней, но и внешней организации нового учреждения. Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский, его основатели и первые руководители, воздвигая научный фундамент Пушкинского Дома, с самого начала в не меньшей степени беспокоились и заботились о красоте его внешних линий, о стиле и общежительном строе будущего учреждения. Вопрос о постройке для него отдельного здания «с соответствующей планировкой и в определенном, строго выдержанном стиле» стал одним из главных для учредителей Дома. По мнению Модзалевского, это здание должно было соответствовать «идее собранных сокровищ» и представлять собою «достойный памятник великому русскому поэту — и по своей внешности и размерам». На основании известных фактов из истории Пуш-

кинского Дома и воспоминаний первых пушкинодомцев, дополненных малоизвестными мемуарными свидетельствами и архивными материалами, Т. И. Краснобородько проследила, как воплощался этот замысел в первое 25-летие существования Пушкинского Дома — от неосуществленных конкурсных проектов, исполненных выпускниками Академии художеств в 1910 г., многолетнего пребывания рукописных, книжных и музейных коллекций Дома на «чердаке» главного здания Академии наук, где размещался Архив Конференции, до собственных зданий на Стрелке Васильевского острова.

Л. К. Хитрово выступила с докладом «По страницам „Записок“ А. В. Маркова-Виноградского». В РО ИРЛИ находятся «Записки» А. В. Маркова-Виноградского — второго мужа, литературного секретаря и первого биографа А. П. Керн, которые он вел с 1840 по 1879 г. «Записки» составляют 32 тетради большого формата (в общей сложности 2829 л.). Они содержат бытовые, биографические подробности жизни Анны Петровны, ее известных современников и многочисленных родственников. Наибольшую ценность «Записок» представляют фрагменты воспоминаний, записанные со слов А. П. Керн, которые по цензурным или этическим соображениям не вошли в ее широко известные мемуары. Назовем следующие сюжеты: о музыкальной импровизации А. Мицкевича у Б. Залеского; о С. А. Соболевском с приведением текстов трех его шуточных стихотворений, адресованных А. П. Керн (из них два не опубликованы); об истории женитьбы А. М. Бакунина; о намерениях Е. А. Баратынского жениться на О. С. Пушкиной; о Л. С. Пушкине с записью текстов двух сатирических экспромтов, адресованных Ф. Ф. Вигелю, и др. Со слов современников Марков-Виноградский записывает также остроты, шуточные стихи и политические эпиграммы, приписываемые А. С. Пушкину. Безусловный интерес вызывают и личные воспоминания Маркова-Виноградского об И. А. Крылове, В. А. Жуковском, М. Ю. Вильгорском, Николае I, Александре II, кн. С. А. Долгорукове, княжне А. С. Долгоруковой (в замуж. Альбединской), Андрее Н. Муравьеве, М. Н. Муравьеве, Н. В. Острогорском, С. Н. Цвете, Н. Н. Тютчеве, Ф. Ф. Вигеле и др.; а также о многочисленных представителях семей, родственных Полторацким, Кернам, Марковым-Виноградским — Вревских, Мамоновых, Понафидиных, Романовых, Львовых, Олениных, Андро де Ланжеронах, Безобразовых и др. В своих мемуарах Марков-Виноградский дает живые портреты своих старших современников и родственников, многие из которых в 1820—1830-х гг. входили в круг общения А. С. Пушкина, а в 1840—1860-х гг. состояли в дружеских отношениях с В. Г. Белинским и И. С. Тургеневым. К тому же яркие характеристики мемуарист сопровождает обстоятельными биографическими сведениями.

В настоящее время А. К. Михайловой и Л. К. Хитрово готовится первое издание «Записок» Маркова-Виноградского. Оно позволит составить подробную хронику жизни и творчества А. П. Керн, а также ввести в научный оборот целый ряд новых сведений о культуре и быте русского общества 1820—1870 гг. Подробнее о А. В. Маркове-Виноградском и его «Записках» см.: наст. изд., с. 5—26.

О. Л. Фетисенко рассказала в своем докладе о судьбе архива ближайшего друга А. Блока, литератора и самобытного мыслителя Евгения Павловича Иванова (1879—1942), о готовящихся в настоящее время публикациях наиболее ценных материалов из его наследия (дневников, воспоминаний). Сообщение было насыщено цитатами из произведений Е. Иванова. Особенно запоминающимися были фрагменты из его «Толкований на Евангелия», написанных ритмической прозой. Большая часть рукописей Иванова хранится в ИРЛИ — как в отдельном фонде (ф. 662), так и в составе коллекции М. С. Лесмана (ф. 840). Об ивановских материалах в этой коллекции, обработка которой еще не завершена, сообщила следующая докладчица.

Е. М. Аксененко продолжила рассмотрение темы об исследовании архива Е. П. Иванова под углом зрения архивиста. Свое сообщение «Материалы о жизни и творчестве Е. П. Иванова из коллекции М. С. Лесмана» она начала с рассказа об истории поступления в Рукописный отдел Пушкинского Дома основных комплексов документов Е. П. Иванова. Проведенный анализ дела фонда показал, что наиболее важные по объему и значимости материалы, составившие основу личного фонда Е. П. Иванова (№ 662), поступили благодаря разыскательской деятельности известных блоковедов: Д. Е. Максимова (в 1945—1946 гг.) и Ю. К. Герасимова (в 1960 г.). Формирование фонда Е. П. Иванова тесно связано с драматичными поворотами исторической судьбы Пушкинского Дома, чем объясняется, например, тот факт, что большой комплекс материалов, поступивших в 1960-е гг., не пройдя полноценной научно-технической обработки, не вошел в опись личного фонда. Далее докладчица рассказала о материалах Е. П. Иванова, поступивших в Рукописный отдел в 1990-е гг. в составе уникальной коллекции литературных и историко-культурных материалов конца XIX—начала XX в. известного собирателя М. С. Лесмана. Эта часть архива Е. П. Иванова отличается от находящихся в других архивохранилищах значительным комплексом творческих материалов и обширной перепиской, как родственной, так и дружеской. Давая подробную характеристику содержащимся в коллекции основным группам документов Е. П. Иванова, докладчица подчеркнула «пушкинодомский» характер собирательской деятельности М. С. Лесмана, стремившегося в своей коллекционной работе, как и основатели Пушкинского Дома Н. А. Котляревский и Б. Л. Модзалевский, к «охвату самых широких историко-литературных, общественных и бытовых интересов».

Доклад Н. А. Прозоровой «Братья Рышковы и театральный мир начала XX века» был построен на материале архива драматурга Виктора Александровича Рышкова (1862—1924). Драматург Виктор Рышков и его родной брат, чиновник особых поручений Академии наук Владимир Александрович Рышков (1865—1938), почти одновременно вошли в театральную жизнь Москвы и Петербурга, и оба оставили ценный источниковедческий материал по истории театра.

Н. А. Прозорова остановилась на малоизвестных эпизодах биографии драматурга, дала краткую характеристику его творческого пути и театральной деятельности, в частности, рассказала о неосуществившемся проекте создания Рышковым своего собственного театра. Была отмечена и собира-

тельская деятельность Виктора Рышкова. В течение ряда лет драматург собирал фактографический театральный материал: афиши, анонсы, программы, портреты исполнителей, театральную хронику, переписку с актерами, режиссерами, антрепренерами — одним словом, все, что касалось постановки его пьес в столичных и провинциальных театрах. Среди его корреспондентов Ф. А. Корш, А. И. Сумбатов-Южин, Е. П. Карпов, В. А. Мичурина-Самойлова, Далматов, А. А. Яблочкина, Р. Б. Аполлонский, Е. Н. Рощина-Инсарова, В. Н. Давыдов, Н. Н. Синельников, И. С. Платон, В. А. Нелидов и многие другие. Собранный драматургом материал является самой ценной частью его архива и представляет хорошую источниковедческую базу для исследований по истории русского драматического театра.

Свой, оригинальный материал по истории русского театра оставил в архиве брата и Владимир Рышков, горячий сторонник идеи Пушкинского Дома, автор известного Дневника «Постройка памятника Пушкину в Санкт-Петербурге». Знакомство Владимира с театральной жизнью началось с его деятельности по устройству благотворительных спектаклей в пользу «Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге», а затем и в пользу уже созданного Пушкинского Дома. Н. А. Прозорова рассказала о мемуарах Владимира Рышкова «Воспоминания незаметного человека», немалая часть которых посвящена театральному миру Москвы и Петербурга дореволюционного времени. В центре «Воспоминаний» актерская династия Садовских, А. И. Сумбатов-Южин, О. В. Гзовская, режиссер А. М. Кондратьев, знаменитая М. Г. Савина, Ю. М. Юрьев, встречи с Ф. Й. Шаляпиным, Л. В. Собиновым, известным артистом балета Б. Г. Романовым и др. В докладе было отмечено, что воспоминания Владимира оттеняют и дополняют собранный его братом Виктором фактографический материал, а также картину театральной жизни начала XX века в целом.

В докладе Т. А. Кукушкиной «Как А. Введенского и Д. Хармса приняли в Союз поэтов» изложены обстоятельства приема будущих «чинарей», «обэриутов», представителей «левой», авангардистской поэзии в Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов и уточнены даты их вступления. Сообщение основано на неизвестных ранее архивных документах, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Второе ленинградское отделение Союза поэтов, учрежденное 6 апреля 1924 г., создавалось по инициативе имажиниста Г. Б. Шмерельсона пореволюционным поколением поэтов как культурно-просветительная организация, ориентированная на «революционное строительство нового искусства». Первым председателем избран пролетарский поэт И. И. Садофьев.

Пролетарские поэты составили и половину Правления отделения.

Процедура приема двух поэтов была сложной, длительной, сопряженной с неприятием их эстетики, в тот период — близкой к «зауми». Введенский заполнил союзную анкету 6 мая 1924 г. и представил в приемную комиссию десять стихотворений. Девять из них опубликованы. Десятое, неизвестное, озаглавленное «СЕЛЬСК^{ий} и ЗАБЕЛ. аНЕГДОТ», обнаружено в последнее время в одном из фондов Пушкинского Дома. Хармс заявил о желании вступить в Союз в середине августа 1925 г. Приемная комиссия оценила их произведения как пустое «остроумничанье» и в приеме отказа-

ла. Введенский был принят лишь 14 ноября 1924 г. после благожелательного отзыва «заумника» А. В. Туфанова. Хармс утвержден членом Союза 14 мая 1926 г. после повторного представления в комиссию новых стихотворений. 30 сентября 1929 г. Введенский и Хармс исключены из Союза «ввиду продолжающейся неуплаты членских взносов и непогашения старой задолженности по ним».

История вступления Введенского и Хармса в Союз поэтов заслуживает внимания не только как факт их личных биографий, но и как история появления в официальной организации сил, составивших позднее альтернативу постепенно унифицирующейся литературе.

Сообщение В. А. Николаева было посвящено программе «Информационный справочник по истории Петербурга». Она явилась результатом многолетнего изучения докладчиком литературы о нашем городе. Это литература самая разнообразная: газетные и журнальные статьи, книги, монографии, мемуары. В справочнике представлена информация об архитекторах и скульпторах (более 3350 справок); проспектах, набережных, улицах и переулках (около 1030 справок); памятниках (более 1300 справок); персоналиях, связанных с нашим городом (более 1600 справок); различных разделах по истории города (более 265 справок); мостах (более 195 справок); станциях и вестибюлях метро и т. д.

Объем программы и справочника составляют около 10 мегабайт, она ежегодно обновляется. Кроме Рукописного отдела Пушкинского Дома программа установлена в десяти библиотеках и учебных заведениях.

Вторым отделением Чтений стал концерт, в котором были исполнены музыкальные произведения по автографам, хранящимся в Рукописном отделе. Ведущая — науч. сотр. Л. В. Герашко — напомнила, что культурно-просветительская, в том числе и концертная деятельность в стенах Пушкинского Дома предполагалась его создателями и отражена в «Положении» 1907 г., отметила, что цель этого концерта и других музыкальных вечеров, задуманных Рукописным отделом, — не только представить нашу музыкальную коллекцию, но и собрать вокруг них друзей Пушкинского Дома: дарителей, реставраторов рукописей, коллег-архивистов, авторов, участвующих в наших изданиях; познакомила присутствующих с почетными гостями — Н. Е. Гаврилиной, вдовой композитора В. А. Гаврилина, с И. В. Калитаевой, правнучатой племянницей Ф. И. Тютчева, Н. Г. Князевой, вдовой коллекционера М. С. Лесмана, передающими в Рукописный отдел свои архивы, и другими. Л. В. Герашко кратко охарактеризовала музыкальное собрание Пушкинского Дома, отметив, что материалы по истории музыки не являлись маргинальными для всех поколений его собирателей, которые руководствовались мыслью о единстве культуры. Хранящиеся в Рукописном отделе автографы погружены в широкий культурный контекст своего времени. Музыкальные рукописи, биографические документы, переписка композиторов и музыкантов дополняют, поясняют литературные материалы, взаимодействуют с ними. Большая часть из них имеет характерные особенности по сравнению с известными, «каноническими» клавирами и партитурами этих произведений.

В дар Пушкинскому Дому приносились и приобретались им, как правило, автографы вокальных произведений на стихи Пушкина и других рус-

ских поэтов; очень заметен интерес собирателей к имени М. И. Глинки. Большое количество инципитов — начальных строк музыкальных произведений — рассыпано на страницах многочисленных альбомов в собраниях Рукописного отдела. Симфоническая, инструментальная музыка представлена, главным образом, в фонде М. А. Балакирева (№ 162) и «музыкальной» описи семейного фонда Стасовых (ф. 294, оп. 3). Драгоценным приобретением для Пушкинского Дома были поступившие в 1919 г. в составе коллекции кн. З. И. Юсуповой нотные автографы западноевропейских композиторов-классиков — И. С. Баха, В. А. Моцарта, Й. Гайдна, Ф. Шуберта.

В концерте приняла участие народная артистка России, солистка Мариинского театра О. Д. Кондина (сопрано), которая исполнила романс С. М. Ляпунова «Смуглый отрок», на слова А. А. Ахматовой, из альбома Пушкинского Дома, романс М. И. Глинки «Где наша роза...» на слова А. С. Пушкина, из альбома Е. Е. Керн и сольную партию в произведении для сопрано и хора на слова А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» современного композитора А. Н. Захарова, автограф которого хранится в описи «Музыкальная и изобразительная пушкиниана» фонда А. С. Пушкина (ф. 244, оп. 37).

Хор мальчиков Хорового училища им. М. И. Глинки под руководством хормейстера А. А. Максимова исполнил «Прощальную песнь воспитанников императорского Царскосельского лицея» (музыка В. Теппера де Фергюсона, слова А. А. Дельвига) по списку из бумаг Б. К. Данзаса; вместе с О. Д. Кондиной — «Отцы пустынники и жена непорочны...». По автографу из 1-й описи Пушкинского фонда был исполнен «Канон в честь Глинки», написанный 13 дек. 1836 года после премьеры оперы «Жизнь за царя» В. Ф. Одоевским (музыка), А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и М. Ю. Виельгорским (стихотворные куплеты). Для концерта в Пушкинском Доме А. А. Максимовым было сделано особое изложение канона.

Лауреат международного и всероссийских конкурсов П. А. Захаров (баритон) исполнил романс «Gebet» — одно из трех произведений принца П. Г. Ольденбургского в альбоме императрицы Александры Феодоровны, супруги императора Николая I; романс Г. В. Свиридова «Роняет лес багряный свой убор...» на слова Пушкина, по автографу, хранящемуся в музыкальной пушкиниане. П. А. Захаров и Е. С. Цаллагова (лауреат международных конкурсов, сопрано) исполнили дуэт А. Н. Захарова на слова М. Ю. Лермонтова «Я жить хочу, хочу печали...» по автографу из лермонтовского фонда.

Концертмейстер Петербургской консерватории, дипломант международных конкурсов Н. В. Леонтьева, аккомпанировавшая исполнителям, кроме того, исполнила клавирное упражнение Моцарта из собрания кн. З. И. Юсуповой, сопровождая его рассказом о своих наблюдениях — какие педагогические задачи ставил перед своим учеником композитор, для чего понадобилась выписка аппликатуры над каждой нотой (едва ли не единственный известный случай в рукописном наследии Моцарта).

Исполнение музыкальных произведений и рассказ о других, не исполнявшихся в концерте, сопровождался показом слайдов с изображением автографов.

После завершения официальной части артисты сделали музыкальное приношение Пушкинскому Дому к его юбилею: хор мальчиков исполнил «Вакхическую песнь» П. И. Чайковского на стихи Пушкина, Е. С. Цаллагова спела два романса — «Пленившись розой, соловей...» Н. А. Римского-Корсакова на слова И. И. Козлова и «Здесь хорошо...» С. В. Рахманинова, П. А. Захаров завершил концерт песней Ф. Шуберта «Ручей» из вокального цикла «Прекрасная мельничиха».

О. Д. Кондина от имени артистов поблагодарила Пушкинский Дом за приглашение принять участие в концерте и за возможность приобщиться к хранящимся здесь сокровищам русской культуры.

К Читениям было приурочено открытие выставки по музыкальным материалам из собраний Пушкинского Дома, в создании которой участвовали Рукописный отдел и Литературный музей.

В рамках задуманной серии музыкальных вечеров 3 апреля состоялся сольный концерт лауреата международного конкурса им. Марии Каллас в Греции (2005) Вероники Джисовой. Сотрудники и гости Пушкинского Дома стали первым общественным жюри участницы VII международного конкурса камерного пения «Янтарный соловей», проходившего в апреле 2006 г. в Калининграде. Из подготовленных на конкурс произведений молодая певица исполнила речитатив и арию Фиордиллиджи из оперы Моцарта «Così fan tutte», «Недоразумение» из цикла «Сатиры» Д. Шостаковича. Впервые в России прозвучали в переложении для фортепиано три произведения на стихи Г. Гессе из цикла Р. Штрауса для сопрано и симфонического оркестра «Четыре последних песни» и др. Т. Д. Новиченко — профессор Петербургской консерватории, бессменный член жюри конкурса — рассказала о его истории, о требованиях к исполнителям и многое другое, интересное для собравшихся в зале любителей музыки.

Слушателям концерта было приятно узнать, что В. Джисова стала победительницей конкурса, а Н. Леонтьева была удостоена диплома как лучший аккомпаниатор.

Топография выставки материалов по истории музыки, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, приуроченной к VIII Юбилейным чтениям Рукописного отдела

Витрина 1

С. М. Ляпунов. «Смуглый отрок». Романс для голоса и фортепиано. На стихи А. А. Ахматовой. С посвящением Пушкинскому Дому. Нотный автограф. 6 сентября 1922 г.

В альбоме Пушкинского Дома.

Р. I, оп. 12, № 282. Л. 12—14.

С. М. Ляпунов. Фотография ателье «Boissonnas et Eggler». СПб., 1908 г.

С дарственной надписью Д. В. Стасову от 7 февр. 1908 г. и нотным автографом.

Инв. № 43841.

А. А. Ахматова. Фотография 1910 г. Слепнево.
МЦ-243/9.

Б. Л. Модзалевский. Фотография 1920-х гг.
Инв. № 29852.

Л. Б. Бертенсон. Письмо к Б. Л. Модзалевскому от 18 окт. 1915 г.
Из архива Б. Л. Модзалевского.
Ф. 184.

М. И. Глинка. «Разочарование». Романс для высокого голоса и фортепиано. На стихи кн. С. Г. Голицына. Нотная запись К. Ф. Гемпеля, словесный текст и надпись на титульном листе рукой М. И. Глинки.
С дарственной надписью Л. И. Шестаковой Л. Б. Бертенсону.
Приобретен у Л. Б. Бертенсона в 1915 г.
№ 3123.

Л. Б. Бертенсон. Фотография А. Ф. Лоренса. СПб., 1870-е гг.
Инв. № 6670.

Витрина 2

Вид в Царском Селе. Лицей, Садовая набережная и каскад. Литография А. Е. Мартынова. 1821—1822 гг.
Инв. № 62422.

М. И. Глинка. «Где наша роза...». Романс для голоса и фортепиано. На стихи А. С. Пушкина. В альбоме Е. Е. Керн (в замуж. Шокальской). Нотный автограф. Конец 1830-х—начало 1840-х гг.
Дар А. П. Налимова.
№ 9666.

В. Теппер де Фергюсон. «Шесть лет промчалось как мечтанье...». Прощальная песнь воспитанников Императорского Царскосельского лицея. На стихи А. А. Дельвига. 1817 г. Экземпляр К. К. или Б. К. Данзаса.
От Т. Б. Семечкиной.
№ 22879.

М. И. Глинка. Письмо к А. П. Керн от 17 авг. 1840 г.
Из собрания П. Я. Дашкова. Поступление 1919 г.
Ф. 93, оп. 4, № 21.

М. И. Глинка. «Люблю тебя, милая Роза...». Романс для голоса и фортепиано. На слова И. Самарина. С посвящением К. А. Булгакову. Нотный автограф. <1842 г.>
Из собрания П. Я. Дашкова.
Ф. 93, оп. 3, № 319.

М. И. Глинка. Фотография Н. А. Ануфриева с оригинала С. Л. Левицкого 1856 г. С автографом Л. И. Шестаковой.

А. С. Даргомыжский. Фотография ателье «В. Лапре». СПб., 1860-е гг.
Инв. № 19957.

М. И. Глинка. Письмо к А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову от 8 февр. 1848 г.

Из бумаг А. С. Даргомыжского.
№ 4300.

Н. А. Степанов. Фотография А. Бухгольца. СПб., 1860-е гг.
Инв. № 40408.

Альбом С. А. Зыбиной с автографом романса М. И. Глинки на стихи князя С. Г. Голицына «*Pour un moment*» и пятью карикатурами Н. А. Степанова на М. И. Глинку, А. С. Даргомыжского, Ф. Листа, В. Ф. Одоевского, А. Н. Серова и др.

Из собрания альбомов Пушкинского Дома.
Р. I, оп. 42, № 10.

Витрина 3

М. А. Балакирев. Предисловие к изданию клавира оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». Автограф. Без даты.

Из архива М. А. Балакирева.
Ф. 162, оп. 3, № 3.

М. А. Балакирев. Фотография ателье «Н. Fiedler». Прага, 1870-е гг.
Инв. № 44335.

М. А. Балакирев. Фотография ателье «А. Рентц и Ф. Шрадер». СПб., <1906>. С дарственной надписью Д. В. и П. С. Стасовым от 23 апр. 1906 г.

М. П. Мусоргский. «Хованщина». набросок к заключительной сцене князя Андрея и Марфы. Нотный автограф. 15 авг. 1878 г.

Из собрания П. Я. Дашкова.
Ф. 93, оп. 3, № 861.

М. П. Мусоргский. Фотография А. Ф. Лоренса. СПб., 1870-е гг.
Инв. № 79388.

Н. А. Римский-Корсаков. Фотография К. А. Шапиро. СПб., 1893 г. На обороте дарственная надпись В. В. Стасову и нотный автограф.

Инв. № 43796.

Н. А. Римский-Корсаков. Письмо к М. П. Мусоргскому от 1 авг. 1866 г.

Из семейного архива Стасовых.
Ф. 294, оп. 3, № 78.

Н. А. Римский-Корсаков. «Анчар». Романс на стихи А. С. Пушкина. Для баса и фортепиано. Нотный автограф. 3 сент. 1882 г.

*Дар вдовы композитора Н. Н. Римской-Корсаковой Пушкинскому Дому.
№ 9948.*

В. В. Стасов. Фотография Э. Форша. 1896 г.

Инв. № 44082.

В. В. Стасов. Заметки из его записной книжки: «Похороны Мусоргского». Автограф. <1881 г.>

Из семейного архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 257.

Л. Б. Бертенсон, врач, лечивший М. П. Мусоргского. Письмо к В. В. Стасову. <1881 г.>

Из семейного архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 257.

В. В. Стасов. Письмо к Ц. А. Кюи от 27 дек. 1904 г.

Из семейного архива Стасовых.

Ф. 294, оп. 3, № 58.

Ц. А. Кюи. Фотография. 1900-е гг.

Инв. № 36933.

Витрина 4

Матв. Ю. Виельгорский. Литография Васильевского по рис. П. Ф. Соколова.

Инв. № 23735.

Филармоническое общество в Санкт-Петербурге. Грамота Матв. Ю. Виельгорскому об избрании его почетным членом. 29 янв. 1827 г.

Из архива Мих. Ю. и Матв. Ю. Виельгорских.

Ф. 50, № 166-а.

Филармоническое общество в Санкт-Петербурге. Письмо к Мих. Ю. Виельгорскому от 1 мая 1852 г. с благодарностью за участие в концерте. На франц. яз.

Из архива Мих. Ю. и Матв. Ю. Виельгорских.

Ф. 50, № 173.

П. Виардо-Гарсна. Портрет работы неизвестного художника. 1844 г.

Из архива М. М. Стасюлевича.

Ф. 293, оп. 1, № 1765.

П. Виардо-Гарсиа. Письмо к Матв. Ю. Виельгорскому от 26 мая 1845 г.
На франц. яз.
Из архива Матв. Ю. и Мих. Ю. Виельгорских.
Ф. 50, № 134.

И. П. Мятлев. «О певиче Гарции Виардо». Шуточное стихотворение.
Автограф. 10 дек. 1843 г.
Из архива журнала «Русская Старина».
Ф. 265, оп. 2, № 1726.

П. Виардо-Гарсиа. Письмо к А. Ф. Онегину от 13 окт. 1883 г.
На франц. яз.
Из собрания А. Ф. Онегина.
№ 28698.

Витрина 5

К. Шуман (урожд. Вик). Фотография ателье «Fr. Hanstaengl». Мюнхен.
Конец 1850-х гг.
Инв. № 44326.

К. Шуман. Письмо к Д. В. Стасову от 10 апр. 1864 г. На нем. яз.
Из семейного архива Стасовых.
Ф. 294, оп. 3, № 185.

Д. В. Стасов. Фотография «M. Mayer et Pierson». Париж. 1860-е гг.
Инв. № 43322/1.

А. К. Глазунов. Фотография Е. Л. Мрозовской. СПб., <1896 г.>.
Инв. № 43523.

А. К. Глазунов. Письмо к Д. В. Стасову от 27 июня 1908 г.
Из семейного архива Стасовых.
Ф. 294, оп. 3, № 54, л. 5-6.

Ф. И. Шаляпин. Фотография В. Чеховского. Москва, 1901 г.
Инв. № 2011/31.

Ф. И. Шаляпин. Письмо к В. В. Стасову от 30 апр. 1898 г.
Из семейного архива Стасовых.
Ф. 294, оп. 3, № 42.

Вел. князь Константин Константинович. Фотография К. И. Бергамаско. СПб., <1884 г.>.
Инв. № 26744.

П. И. Чайковский. Фотография «Ch. Reutlinger». Париж, <1884 г.>.
С дарственной надписью В. В. Стасову от 8 марта 1887 г.
Инв. № 43877.

П. И. Чайковский. Переписка с великим князем Константином Константиновичем. 31 письмо и телеграмма П. И. Чайковского и 23 письма к нему. 7 ноября 1880 — 26 сент. 1893 гг.

Завещана великим князем Константином Константиновичем Пушкинскому Дому.

Из архива К. Р.

Ф. 137, № 78.

Я. П. Полонский. Фотография М. М. Панова. Москва, 1873 г.

Инв. № 21210.

П. И. Чайковский. Письмо к Я. П. Полонскому от 4 мая 1876 г.

Из архива Я. П. Полонского.

№ 12580.

А. С. Аренский. Фотография ателье «А. Рентц и Ф. Шрадер». СПб., 1900-е гг.

Инв. № 35080.

И. С. Шмелев. Письмо к А. С. Аренскому 1898 или 1899 г.

Из архива А. С. Аренского.

Ф. 504, № 75.

Витрина 6

А. А. Блок. Фотография М. С. Наппельбаума. Петроград, 1921 г.

Инв. № 5577.

А. А. Блок. Составленный им перечень музыкальных произведений на его стихи. Автограф. 1920 г.

Из архива А. А. Блока.

Ф. 654, оп. 1, № 382.

С. В. Рахманинов. Письмо к матери, Л. П. Рахманиновой, от 4 апр. 1927 г.

Получено П. М. Устимовичем от М. А. Литвиновой в марте 1930 г. в Великом Новгороде.

Р. 1, оп. 24, № 136.

С. В. Рахманинов. Письмо к М. А. Литвиновой с просьбой сообщить подробности о смерти его матери Л. П. Рахманиновой. После 12 сент. 1930 г.

Получено П. М. Устимовичем от М. А. Литвиновой в Великом Новгороде в марте 1930 г.

Р. 1, оп. 24, № 138.

А. А. Архангельский. Гравюра Б. П. Путца по фотографии М. Андреева 1890-х гг. С автографом.

Инв. № 273.

А. А. Архангельский. Письмо к А. И. Катуну от 23 марта 1924 г. из Праги.

Поступление 1954 г.

Р.1, оп. 12, № 489.

Ю. А. Шапорин. Портрет. Силуэт работы Е. С. Кругликовой. Конец 1920-х гг.

Из архива Л. В. Шапориной.

Ф. 698, оп. 3, № 7.

А. Б. Мариенгоф. Письмо к Ю. А. Шапорину от 7 янв. 1934 г.

Из архива Л. В. Шапориной.

Ф. 698, оп. 3, № 23.

Д. Д. Шостакович. Письмо к Л. М. Безрукову от 21 сент. 1959 г.

Из архива М. П. Берновича.

Ф. 600, № 358.

Г. В. Свиридов. «Роняет лес багряный свой убор...». Романс на стихи А. С. Пушкина. Для голоса и фортепиано. Нотный автограф. Декабрь 1935 г., Курск.

Из собрания «Музыкальная и изобразительная пушкиниана».

Ф. 244, оп. 37, № 73.

Г. В. Свиридов. Фотография М. С. Наппельбаума. 1940-е гг.

Инв. № ВХ 4907/83.

В. А. Гаврилин. «Перезвоны». Хоровая симфония. 1982—1984 гг. Нотный автограф.

Из архива В. А. Гаврилина, подаренного Пушкинскому Дому вдовой композитора Н. Е. Гаврилиной. Поступление 2005 г.

Ф. 862.

Первое исполнение хоровой симфонии «Перезвоны» в Москве. Большой зал Московской консерватории. Февраль 1984 г. Слева направо: С. Ф. Бондарчук, Ю. И. Селиверстов, В. А. Гаврилин, Г. В. Свиридов, В. И. Рубин, А. А. Золотов.

Фотография из личного архива Н. Е. Гаврилиной.

Витрина 7

Императрица Александра Феодоровна. Литография Юо (Huot) с портрета работы Х. Робертсон. 1840-е гг.

Инв. № 42822.

Альбом, поднесенный императрице Александре Феодоровне 25 декабря 1854 г. в Веве принцем Петром и принцессой Терезой Ольденбургскими и другими членами императорской фамилии, супругами П. А. и В. Ф. Вяземскими, И. П. Вульфом и др. В альбом вписаны три пес-

ни, сочиненные П. Г. Ольденбургским — «Gebet», «Alpenhorn», «Alpenrose».

Из собрания альбомов Пушкинского Дома.

Р. 1, оп. 42, № 64.

Альбом А. С. Даргомыжского с автографами русских и зарубежных певцов, композиторов, музыкальных исполнителей. 1841—1858 гг.

№ 10046.

Витрина 8

Ф. Й. Гайдн. Автограф двух канонов из цикла «Die heiligen zehn Gebote» (Десять священных заповедей). Ноб. XXVIIa Nr. 1—10. (1791—1795 гг.)

На лицевой стороне листа — автограф седьмого канона на слова «Du sollst nicht stehlen»; на оборотной — композиционный набросок и авторская самостоятельная версия пятого канона на слова «Du sollst nicht töten».

Из собрания кн. З. И. Юсуповой.

№ 9789-б.

В. А. Моцарт. Автограф клавирного упражнения (Klavier-Übungsstück) К. 626b/48 с подробными аппликатурными обозначениями. <1780 е гг.>

Из собрания кн. З. И. Юсуповой.

№ 9789-а.

Ф. Шуберт. «Восемь вариаций на тему французской песни» для фортепиано в 4 руки. Op. 10. Заключительный фрагмент последней вариации. Черновой нотный автограф. Сент. <1818 г.>

Из собрания кн. З. И. Юсуповой.

№ 9789-з.

Л. ван Бетховен. Письмо к К. Хольцу. После янв. 1826 г. На нем. яз.

Из собрания кн. З. И. Юсуповой.

№ 9770.

*Л. В. Герашко,
Т. С. Царькова*

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА ИВАНОВА
(1948—2006)

Некролог

25 февраля 2006 г. завершился земной путь сотрудницы Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН Ларисы Николаевны Ивановой — замечательного архивиста, талантливого филолога, доброго, светлого человека.

Лариса Николаевна родилась 7 мая 1948 г. в Ленинграде. С 1967 г. она работала младшим библиотекарем коллектора массовых и технических библиотек «Ленкниги» и параллельно училась на русском отделении филологического факультета Ленинградского государственного университета, который окончила в 1974 г. В январе 1975 г. была принята в Рукописный отдел Пушкинского Дома (сначала — на должность старшего научно-технического сотрудника, затем — старшего лаборанта, младшего научного сотрудника, с 1990 г. — научного сотрудника). Дальнейшая судьба Ларисы Николаевны была неразрывно связана с Пушкинским Домом, служению которому, не побоимся громких слов, она посвятила почти всю свою жизнь.

В середине 1970-х гг. Рукописный отдел возглавляла Ксения Дмитриевна Муратова. Сама великая труженица, она была убеждена, что молодые

сотрудники Отдела должны освоить все виды работ, связанные с бытованием документа в архиве. С выполнения разнообразных поручений, в основном технического характера, и началась деятельность Ларисы Николаевны как архивиста. Она приводила в порядок стеклянные негативы автографов А. С. Пушкина, выполняла заявки исследователей по копированию архивных материалов, полистно проверяла фонды, пополняла алфавитный каталог. С 1978 г. Лариса Николаевна занималась научно-техническим описанием архивных фондов и стала высококвалифицированным «обработчиком». Ею разобраны и введены в научный оборот фонды Е. В. Дружининой (№ 478), С. Д. Дрожжина (№ 101), Е. Г. Гуро (№ 631), М. В. Матюшина (№ 656; частично), Р. М. Рильке (№ 619), многочисленные документы из так называемых отдельных поступлений.

Участвовала она и в устройстве литературно-художественных выставок как в Пушкинском Доме (они были посвящены А. В. Луначарскому, А. А. Ахматовой, Е. Г. Гуро, Л. Н. Андрееву), так и за рубежом («М. В. Матюшин и ленинградский авангард», Германия, Карлсруэ, 1991 г.; «Возврат к природе. Е. Г. Гуро», Финляндия, Йозенсу, 1996 г.; «По Финляндской дороге. Карельский перешеек. 1900—1914», Финляндия, Хельсинки, 1996 г.).

С января 1984 г. и до последних дней жизни Лариса Николаевна заведовала научно-справочным и учетным сектором Рукописного отдела. В ее ведении находилась вся документация о составе, объеме, обстоятельствах поступления и формирования фондов. Круг ее ежедневных обязанностей не замыкался лишь на кропотливой работе по регистрации архивных материалов, ведению многочисленных учетных документов, без которых невозможно ориентироваться ни в одном архиве. Бережный хранитель истории рукописных собраний Пушкинского Дома, она делала многое сверх того, что предписывали служебные инструкции. В совершенстве зная фонды Отдела, Лариса Николаевна постоянно помогала исследователям и коллегам в поисках необходимых материалов, не считаясь с собственной занятостью, наводила многочисленные архивные справки, щедро делилась опытом, знаниями и просто своей добротой. По личной инициативе она собирала газетные и журнальные публикации о фондах, хранящихся в Рукописном отделе, документальные материалы о Пушкинском Доме, пополняла картотеку некрологов, повторяя не раз: «Пригодится для истории».

В течение десяти лет, с 1988 по 1998 г., Лариса Николаевна возглавляла Экспертную комиссию Рукописного отдела, в задачи которой входит решение вопросов методического характера (в их числе — комплектование и создание фондов, рецензирование и утверждение карточных описей разобранных фондов). Ее мнение, мнение авторитетного архивиста, обладающего уникальной интуицией, часто было решающим. Состоя членом Экспертно-закупочной комиссии Пушкинского Дома, она участвовала в экспертизе подлинности рукописей не только для своего Отдела, но и для других учреждений: антикварно-букинистических аукционов, проводимых «Ленкнигой», мемориального Музея-квартиры А. А. Ахматовой, Российской национальной библиотеки.

С сентября 1988 по февраль 1991 г. Лариса Николаевна исполняла обязанности ученого хранителя Рукописного отдела, в сущности — замести-

теля заведующего. В круг ее многочисленных забот входила также организация хранения архивных собраний, подготовка планов и отчетов Отдела.

Она любила документ, чувствовала его и умела с ним работать. Легко читала трудные почерки, словно они принадлежали ее добрым знакомым, и нередко именно по почерку определяла автора текста. Расстраивалась, когда видела на рукописях «заломы». В Рукописном отделе она знала и умела все, потому что не было ни одного вида работ, к которому не прикоснулись бы ее руки, душа и сердце.

С Пушкинским Домом были связаны и научные интересы Ларисы Николаевны. Ее первая работа — публикация анкеты Г. А. Лопатина и его письма к С. А. Венгеру — появилась в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год» (Л., 1977), редактируемом К. Д. Муратовой. Традициям академической петербургской школы литературоведения и источниковедения, воспринятым в Пушкинском Доме, она стремилась следовать во всех своих изысканиях. Не имея ученых степеней и званий, Лариса Николаевна была талантливым исследователем, вдумчивым, компетентным текстологом и публикатором архивных материалов из творческого и эпистолярного наследия писателей Серебряного века — Л. Андреева, Вяч. Иванова, И. Северянина, О. Мандельштама. С начала 1980-х гг. она участвовала в подготовке биографического словаря «Русские писатели. 1800—1917» не только как автор, но и как рецензент. Благодаря ей многие словарные статьи получили квалифицированное архивно-библиографическое оснащение. В 1990-е гг. входила в группу по подготовке академического Полного собрания сочинений и писем Л. Н. Андреева, для которого сделала научное описание творческих рукописей и переписки писателя, хранящихся в Рукописном отделе.

В 1998—2001 гг. по приглашению Международной ассоциации по изучению наследия Вячеслава Иванова «Convivium» Лариса Николаевна разбирала и описывала архив писателя в Риме. Она опубликовала в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» объемную аннотированную опись архива (409 ед. хр.), которая стала продолжением работы, начатой А. Б. Шишкиным. Ряд последних статей Ларисы Николаевны был посвящен истории формирования римского архива и библиотеки писателя, публикации его литературного и эпистолярного наследия.

Хранитель по призванию, Лариса Николаевна Иванова была одним из тех подвижников, трудами и любовью которых и существуют литературные Архивы.

Библиография

1. Указатель имен, периодических изданий и учреждений // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год / Под ред. К. Д. Муратовой. Л.: Наука, 1976. С. 215—228. — Совм. с Л. П. Архиповой.

2. Г. А. Лопатин. Письмо к С. А. Венгеру // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год / Под ред. К. Д. Муратовой. Л.: Наука, 1977. С. 142—147.

3. Г. А. Лопатин. Ответы на анкету // Там же. С. 148—150.

4. В канун ухода // Звезда. 1978. № 8. С. 137—141.
Публикация писем С. А. Толстой и Т. Л. Сухотиной-Толстой к Л. Н. Толстому.
5. Письма К. А. Тренева к А. А. Измайлову // Русская литература. 1979. № 4. С. 173—180.
6. Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год / Под ред. К. Д. Муратовой. Л.: Наука, 1981. С. 3—28. — В соавт. с И. М. Юдиной.
7. Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Под ред. М. П. Алексева. Л.: Наука, 1982. С. 158—177.
8. Научное заседание памяти Марфы Ивановны Маловой // Русская литература. 1988. № 2. С. 264.
Хроника «Научных чтений» Рукописного отдела.
9. Вторые научные чтения Рукописного отдела // Русская литература. 1989. № 2. С. 263—265.
Хроника.
10. Альмединген Екатерина Николаевна // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 56.
11. Белоусов Иван Алексеевич // Там же. С. 224—225.
12. Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич // Там же. С. 305.
13. Варлыгин Дмитрий Порфирьевич // Там же. С. 390.
14. Ватсон Мария Валентиновна // Там же. С. 397.
15. Верещагин Александр Васильевич // Там же. С. 426—427.
16. Гмырев Алексей Михайлович // Там же. С. 585.
17. Гумилевский Лев Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 57. — В соавт. с Л. М. Вольпе.
18. Дивильковский Анатолий Авдеевич // Там же. С. 115—116. — При участии Е. Б. Коркиной.
19. Дрожжин Спиридон Дмитриевич // Там же. С. 186—187.
20. Засулич Вера Ивановна // Там же. С. 330—331. — В соавт. с В. Н. Сачковым.
21. «Душевно к Вам окрыленный...» (Из неопубликованных писем Игоря Северянина) // *Converents «Kirjandus ja Perifeeria» Rein Kruusi (1957—1992) malestuseks: Teesid*. Конференция «Литература и периферия» в память Рейна Крууса (1957—1992): Тезисы. Таллин, 1993. С. 13.
22. «Мечтавший скрестить наши разные, опасные наши стези...» (Из писем Игоря Северянина) // Час пик. СПб., 1993. 15 дек., № 49.

23. «Я живу в прелестной местности...» (Игорь Северянин в Тойла) // Вышгород: Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал. Таллин, 1994. № 1. С. 113—118.

24. Архив С. Д. Дрожжина // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли / Под ред. К. Н. Григорьяна. СПб.: Наука, 1994. С. 67—93.

25. Коринфский Аполлон Аполлонович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия. М., 1994. Т. 3. С. 70—71.

26. Леонов Максим Леонович // Там же. С. 322—323. — В соавт. с О. Е. Блинной.

27. Елена Гуро. Поэт и художник. 1877—1913. Живопись. Графика. Рукописи. Книги. Каталог выставки / Авт.-сост. и науч. ред. А. В. Повелихина; Ред. Т. С. Царькова; Авт. ст., публ., коммент. и прим. Дж. Э. Боулт, З. Эндер, А. В. Повелихина. СПб.: Мифрил, 1994. — 144 с.

С. 70—94: Каталог художественных произведений и рукописей Елены Гуро, представленных на выставке; с. 95—96: Книги с пометами Елены Гуро и дарственными надписями Е. Гуро и М. Магюшину; с. 97: Документы; с. 98—99: Письма к Е. Гуро и посвященные ей стихотворения. — Совм. с Г. Б. Васильевой и Е. А. Гаспаровой.

28. Андреев Леонид Николаевич: Библиография / Сост. В. Н. Чуваков; РАН. Институт мировой литературы. — М.: Наследие, 1995. Вып. 1: Сочинения и письма. — 272 с. С. 214—255: Ричард Д. Дэвис, М. В. Козьменко. Приложение. Архивные источники сочинений. [Л. Н. Ивановой принадлежит описание архивных материалов фонда Л. Н. Андреева в ИРЛИ.]

29. Именной указатель // Литература о евреях на русском языке, 1890—1947: Книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати: Библиографический указатель / Сост. В. Е. Кельнер, Д. А. Эльяшевич. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. С. 585—631. — Совм. с Н. А. Прозоровой.

30. Указатель издающих организаций // Там же. С. 632—672. — Совм. с Н. А. Прозоровой.

31. Указатель географических названий // Там же. С. 673—679. — Совм. с Н. А. Прозоровой.

32. Игорь Северянин. Письма к С. И. Карузо (1931—1940) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год / Под ред. Т. С. Царьковой. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 219—287.

33. Игорь Северянин. Письма к Софье Карузо // Игорь Северянин. Сочинения: В 5 т. / Сост., вст. ст., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова. СПб.: Изд-во «Logos», 1996. Т. 5. С. 251—265, 333—336.

Подготовка текста и примечания.

34. Возврат к природе. Петербургские художники русского авангарда XX века: Живопись, графика. Каталог выставки. — Йознсуу (Финляндия), 1996. — Без указ. с. Составление каталога совм. с А. В. Повелихиной и Г. Б. Васильевой.

35. Именной указатель // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год / Под ред. Т. С. Царьковой. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 388—397. — Совм. с Н. А. Прозоровой.

36. О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935—1936) / Вступит. ст. А. Г. Меца и Е. А. Тоддеса; Публ. и подгот. текста Л. Н. Ивановой и А. Г. Меца; Коммент. О. К. Лекманова, А. Г. Меца, Е. А. Тоддеса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год / Под ред. Т. С. Царьковой. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 7—185.

37. Именной указатель // Там же. С. 399—406. — Совм. с Н. А. Прозоровой.

38. Иванов-Разумник и Леонид Андреев // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования / Ред.-сост. В. Г. Белоус. СПб., 1998. Вып. 2. С. 123—135.

39. Дрожжин Спиридон Дмитриевич // Русские писатели. XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: Просвещение, 1998. Ч. 1. С. 452—454.

40. Коринфский Аполлон Аполлонович // Там же. С. 661—662.

41. [Ред.] «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. — 191 с.

42. К биографии Л. Н. Андреева (По материалам коллекции Ф. Ф. Фидлера) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 36—51.

43. Об архивном наследии Вячеслава Иванова // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 287—292.

44. Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год // Русско-итальянский архив. Салерно, 2001. [Кн.] 3: Вяч. Иванов — Новые материалы / Сост. Д. Рицци, А. Шишкин. С. 7—24. — В соавт. с Н. В. Котрелевым.

45. Переписка В. И. Иванова и О. А. Шор // Там же. С. 151—454. — В соавт. с А. А. Кондюриной, Д. Рицци, А. Б. Шишкиным.

46. Римский архив Вячеслава Иванова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 296—340.

С. 296—300: [Вступительная статья]; с. 300—323: Опись Римского архива Вячеслава Иванова; с. 323—340: К истории архива и библиотеки Вяч. Иванова [Публикация переписки И. М. Дегтяревского, Ал. Н. Чеботаревской, В. И. Иванова, О. А. Шор, М. Б. Гершензон, В. М. Зуммер].

47. Из переписки Игоря Северянина. Письма к С. И. Карузо (1931—1940) // Игорь Северянин: «Жизнь прожита большая, неповторяемая на Земле!». Таллин: Изд-во «Тарбеинфо — Русский Телеграф», 2002. С. 32—87. — См. № 61.

48. Вячеслав Иванов. Литературный портрет Т. Л. Сухотиной-Толстой (Незавершенные варианты) // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика. Сб. статей и материалов / Ред.-сост. В. В. Перхин. СПб., 2002. С. 38—46.

49. Личный архив Е. И. Клименко в Пушкинском Доме // Английская литература: От «Беовульфа» до наших дней. К 100-летию со дня рождения Екатерины Иннокентьевны Клименко. Сборник научных трудов / Под ред. Е. М. Апенко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. С. 332—343.

50. Леонид Андреев. Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым // Русская литература. 2003. № 1. С. 148—185. — В соавт. с Л. Н. Кен.

51. Римский архив Вячеслава Иванова. Часть 2: Переписка на русском языке // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 439—470.

52. О Римском архиве Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума, Вена 1998 / Под ред С. Аверинцева и Р. Циглер. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2003. С. 563—568.

53. Вячеслав Иванов: Неотправленное письмо // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы Международной научной конференции 9—11 сентября 2002 г. Томск; Москва, 2003. С. 254—267.

54. «Отзовется чье-то сердце эхом...». Стихотворения В. А. Меркурьевой // Там же. С. 268—279.

55. Вячеслав Иванов. Портреты. Рукописи. Книги. Из собрания Пушкинского Дома. Каталог выставки // Там же. С. 309—324. — Совм. с Е. П. Максимовой и Л. Е. Мисайлиди.

56. Леонид Андреев. 1871—1919 // Пушкинский Дом. Книга-альбом / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: Издательский центр «Классика», 2003. С. 330—331. — В соавт. с Ю. К. Герасимовым. — См. № 63.

57. Аннотированный указатель к иллюстрациям // Там же. С. 490—507. — В колл. авт. — См. № 64.

С. 495: Аннотированный указатель иллюстраций к статье о И. А. Гончарове; с. 499: — о М. Е. Салтыкове-Щедрине; с. 501—502: — о А. И. Куприне; с. 502: — о Л. Н. Андрееве.

58. Нина Гарина. Воспоминания о Леониде Андрееве // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 413—447.

59. Илья Репин и Леонид Андреев // Репинские чтения / Науч.-исслед. музей Российской Академии художеств; Под ред. Е. В. Кириллиной. СПб., 2004. С. 39 — 49.

60. Владимир Соловьев глазами «маленького человека» (Воспоминания М. И. Ожегова «У В. С. Соловьева») // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 507—514.

61. Из переписки Игоря Северянина: Письма к С. И. Карузо (1931—1940) // Игорь Северянин: «Жизнь прожита большая, неповторяемая на Земле!». 2-е изд., доп. и испр. Таллин: Изд-во «Тарбеинфо», 2005. С. 32—87. — См. № 47.

62. Пушкинский Дом. Материалы к истории. 1905—2005 / Под ред. Н. Н. Скатова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 600 с., ил.

С. 387—552: Научные сотрудники Пушкинского Дома. 1905—2005. Материалы к справочнику. [Биографический словарь]. Словарные статьи о И. А. Алексееве, К. Ф. Бикбулатовой, А. Ф. Бритикове, Б. И. Бурсове, Е. И. Ванеевой, М. И. Васильевой, Е. М. Волковой, П. С. Выходцеве, Г. Ф. Граменицкой, Т. П. Ден, И. С. Зильберштейне, Ю. В. Зобнине, Л. Н. Ивановой, О. Р. Козымаевой, И. А. Кряжимской, К. А. Кумпан, С. А. Малахове, В. П. Мещерякове, Л. И. Ровняковой, Г. В. Степановой, Л. В. Тимофееве, В. В. Тимофеевой, Г. М. Фридендере, Т. Г. Цявловской, З. М. Шульмане.

63. Леонид Андреев. 1871—1919 // Пушкинский Дом. Альбом / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: Издательский центр «Классика», 2005. С. 121. — В соавт. с Ю. К. Герасимовым. См. № 56.

64. Аннотированный указатель к иллюстрациям // Там же. С. 166—173. — В колл. авт. — См. № 57.

С. 168: Аннотированный указатель иллюстраций к статье о И. А. Гончарове; с. 170: — к статье о М. Е. Салтыкове-Щедрине; с. 171: — к статье о И. А. Куприне и Л. Н. Андрееве.

65. Дрожжин Спиридон Дмитриевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. С. 652—654.

66. Коринфский Аполлон Аполлонович // Там же. Т. 2. С. 260—262.

67. Вячеслав Иванов — Борис Зайцев — Георгий Чулков (Из архивных разысканий) // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., <2006>. (В печати.)

68. Накануне юбилея: Письмо Игоря Северянина В. Е. Гуцику // Вышгород: Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал. Таллин, 2006. (В печати.)

Доклады и сообщения

1. О вкладе Пушкинского Дома в изучение жизни и творчества Н. А. Клюева. Литературные чтения, посвященные 102-й годовщине со дня рождения Н. А. Клюева. Вытегра, октябрь 1986 г.

2. «И вот мы остались без родины...» (Неопубликованные письма Игоря Северянина). Вторые научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома. Ленинград, 21 ноября 1988 г.

3. «Душевно к Вам окрыленный...» (Игорь Северянин и С. И. Карузо). Международная научная конференция «Литература и периферия». Таллин, 23—24 апреля 1993 г.

4. Об архиве Б. Ф. Семенова. Шестые научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома. Санкт-Петербург, 7 февраля 1994 г.

5. Игорь Северянин в Эстонии. Научная конференция «Российская интеллигенция на историческом переломе: Первая треть XX века». Санкт-Петербург, Санкт-Петербургское общество историков и архивистов, 19—20 марта 1996 г.

6. Архивные материалы Игоря Северянина в Пушкинском Доме. Научно-практическая конференция «Череповец: Музей — Город — Культура». Череповец, 15—17 мая 1996 г.

7. Леонид Андреев в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Международная конференция «Леонид Андреев и мировая культура (К 125-летию со дня рождения)». Санкт-Петербург, ИРЛИ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургская Академия культуры, Государственный музей театрально-го и музыкального искусства, 30 сентября—3 октября 1996 г.

8. Римский архив Вячеслава Иванова. VII Международный симпозиум «Вячеслав Иванов и его время». Вена, июль 1998 г.

9. Иванов-Разумник и Леонид Андреев. Международные чтения «Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре». Санкт-Петербург, Музей-квартира А. С. Пушкина (наб. Мойки, 12), сентябрь 1998 г.

10. Федор Сологуб и Игорь Северянин. Международная конференция «Творчество Федора Сологуба: Проблемы изучения». Санкт-Петербург, ИРЛИ, октябрь 1998 г.

11. Об архивном наследии Вячеслава Иванова. Мировой конгресс ICEES. Тампере (Финляндия), 29 июля—3 августа 2000 г.

12. К истории архива Вячеслава Иванова. Научная конференция к 120-летию со дня рождения А. А. Блока и 20-летию Музея-квартиры Александра Блока. Санкт-Петербург, Музей-квартира Александра Блока, 26—28 ноября 2000 г.

13. Об архиве П. Н. Лукницкого в Пушкинском Доме. Заседание Ученого Совета ИРЛИ, посвященное 100-летию со дня рождения писателя. Санкт-Петербург, февраль 2001 г.

14. Отклики современников на кончину Леонида Андреева. «Андреевские чтения». Санкт-Петербург, «Литераторские мостки» Волкова кладбища, 21 августа 2001 г.

15. Леонид Андреев в воспоминаниях Нины Гариной (По материалам архива Пушкинского Дома). Юбилейная Международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета. Орел, 25—29 сентября 2001 г.

16. Вячеслав Иванов. Литературный портрет Т. Л. Сухотиной-Толстой (Незавершенные варианты). Научная конференция «Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: концепции и поэтика». Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики, 25—26 сентября 2001 г.

17. Неизвестные воспоминания о Леониде Андрееве. «Андреевские чтения». Выборг, 29 ноября 2001 г.

18. Вячеслав Иванов: Неотправленное письмо. Международная научная конференция «Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура». Санкт-Петербург, ИРЛИ, 9—11 сентября 2002 г.

19. «Маленькие воспоминания о большом писателе». [О Л. Н. Андрееве]. Научная конференция «Блоковские чтения — 2002». Санкт-Петербург, Музей-квартира Александра Блока, 27—28 ноября 2002 г.

20. «Мосты памяти»: «Круглый стол» Международной научно-практической конференции «Формирование активной языковой личности в современных социокультурных условиях». Санкт-Петербург, Невский институт языка и культуры, 24—26 апреля 2002 г.

21. По страницам воспоминаний о Леониде Андрееве. Межвузовская научная конференция «Литературные чтения» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 22 марта 2003 г.

22. Владимир Соловьев глазами «маленького человека». Международная научная конференция «Владимир Соловьев и культура Серебряного века». Москва, 14—17 октября 2003 г.

23. Илья Репин и Леонид Андреев. Научная конференция «Репинские чтения». Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», 25 мая 2004 г.

Т. А. Кукушкина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Хамид II, турецкий султан 401
 Абрамов Ф. А. 598
 Абрамова-Калицкая В. П. 343
 Аброскина И. И. 507
 Августа (Козьмина), монахиня 349, 351
 Авдеев (псевд. Пустой человек) М. В. 102, 108, 109, 154
 Авдюшева-Лекомт Н. А. 484
 Аверинцев С. 640
 Аверьянова Л. И. 584
 Агамалян Л. Г. 9
 Агапов Б. 324
 Агапов М. М. 297
 Агапова Г. И. 297
 Адамович Г. В. 576, 585
 Адашев А. И. 46
 Адини *см.* Александра Николаевна, вел. кн.
 Азадовский К. М. 27, 343, 381, 438
 Азбелев П. 580
 Айвазовский И. К. 361
 Акимова С. В. 318
 Аккерман Л.-В. 297
 Аксаков И. С. 88, 89, 114, 119, 159—161
 Аксаков К. С. 92, 115, 119
 Аксаков С. Т. 89, 93, 96, 98, 99, 101, 109, 112, 115, 116, 119, 121, 126, 127, 129, 130, 134, 144
 Аксаковы, семья 116, 119, 121, 130, 136
 Аксамитная Е. В. *см.* Маркова-Виноградская Е. В.
 Аксененко Е. М. 344, 622
 Аксенов И. 324, 583
 Акулова Т. В. 606
 Алданов М. (наст. фам. и имя Ландау М. А.) 480
 Александр I, император 18
 Александр II, император 7, 8, 12, 13, 22, 130, 134, 142, 157, 160, 299, 351, 352, 410, 589, 621
 Александр III, император 305
 Александр Александрович, вел. кн. 349
 Александр Македонский 447
 Александра Николаевна (Адини), вел. кнж. 7, 8
 Александра Петровна, вел. кн. 353
 Александра Федоровна, императрица 8, 632, 635
 Александров А. А. 614
 Александровский В. 583
 Алексеев А. Д. 613, 617
 Алексеев В. С. 580, 584
 Алексеев В. Ф. 598
 Алексеев Г. И. 603—605, 607, 616
 Алексеев И. А. 641
 Алексеев М. П. 89, 146, 618, 637
 Алексеева А. В. 606
 Алексеева М. А. 606
 Алексеева М. Б. 604
 Алексий, патриарх 611
 Алекторова З. 332
 Алесковская (урожд. Холшевникова) Е. В. 606
 Алипанов Е. 358
 Алмазов Б. Н. 122, 125
 Алперс Б. В. 51
 Алферов Ж. И. 611
 Альбединская (урожд. Долгорукова) А. С. 12, 13, 621
 Альбединский П. П. 13
 Альберг П. Е. 418
 Альмединген Е. Н. 637
 Альмедингены 637
 Анастасия, монахиня (в миру — Александра Петровна, вел. кн.) 353
 Ангерт Д. Н. 343
 Андреев В. Л. 427, 429, 431, 432, 609
 Андреев Л. Н. 372, 383, 385, 387, 389, 390, 414, 429, 431, 613, 635, 636, 638—643

- Андреев М. 631
 Андреев М. И. 574, 583
 Андреев П. Н. 640
 Андреева А. И. 640
 Андреева (в замуж. — Карлайл) О. В. 430, 431
 Андреева-Лемперт Р. 423
 Андреевы, семья 423
 Андреевы, семья 544
 Андрей-стратилат, св. 355, 364
 Андро де Ланжерон А. А. 9
 Андро де Ланжерон А. Ф. 9
 Андро де Ланжерон Д. Ф. 10
 Андро де Ланжерон (урожд. Романова) Т. Д. 9, 10
 Андро де Ланжерон Ф. А. 9
 Андро де Ланжерон Ф. Ф. 9
 Андро де Ланжерон, семья 621
 Аникиев В. Н. 580, 581
 Анисимов Ю. 322
 Аничков Е. В. 370, 397, 417, 418
 Анненков П. В. 14, 79, 88, 89, 92, 93, 96—98, 101, 103, 107, 109—111, 115—117, 119, 121, 123—126, 128—130, 133, 141, 144, 145, 148, 151, 154, 157, 161
 Анненков Ю. П. 582
 Анненский И. Ф. 574
 Антокольский М. М. 434
 Ануфриев Н. А. 628
 Апенко Е. М. 640
 Апетян З. А. 460
 Аполлонский Р. Б. 623
 Арбатов (наст. фам. Архипов) Н. Н. 46
 Арельский см. Грааль-Арельский
 Аренс В. Е. 323
 Аренский А. С. 560, 631
 Аринштейн Л. М. 24
 Арлан М. 430, 432
 Арсеньев М. В. 9
 Архангельский А. А. 631, 632
 Архипова Л. П. 617
 Арцыбашев М. П. 383, 386, 509
 Асеев Н. Н. 583
 Аскольд, киевский кн. 307
 Асс Н. А. 458, 463
 Астафьева-Корякина М. С. 606
 Ауслендер С. А. 391, 392, 397, 398, 502
 Ауэр (урожд. Кросс) Н. Е. 434 -
 Ауэр Л. С. 434, 438
 Ауэры, семья 434, 438
 Афанасьев А. Н. 154, 375
 Афанасьев В. В. 345
 Афанасьев-Соловьев И. И. 574, 576, 583, 584
 Ахматова А. А. 318, 323, 373, 375, 573—581, 583—586, 613, 614, 625—627, 635
 Ашукин Н. С. 324, 325
 Аэль 322
 Багал И. И. 552, 553, 559, 560
 Базанов В. Г. 615
 Базиль де (Воскресенский В. Г.) 507
 Базунов И. В. 137
 Байрон Дж.-Г. 100, 521, 588
 Бакст А. 514
 Бакст (наст. фам. Розенберг) Л. С. 380, 472
 Бакунин А. М. 11, 18, 20, 21, 621
 Бакунин Александр А. 6, 11
 Бакунин Алексей А. 12
 Бакунина (урожд. Муравьева) В. А. 11, 20, 21
 Бакунина (урожд. Мордвинова; во 2-ом браке Полторацкая) В. М. 20
 Бакунина (урожд. Маркова-Виноградская) Е. В. 6, 11
 Бакунины, семья 18, 20
 Балакирев М. А. 625, 628
 Баланчин Г. М. 484, 507
 Балашев В. С. 365
 Балиев Н. Ф. 502
 Балинский 564, 570
 Бальзак О. де 575
 Бальмонт К. Д. 27, 372, 422, 434, 575, 614
 Баратынская (урожд. Энгельгардт) А. Л. 22
 Баратынские, семья 22
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 22, 58, 61, 320, 576, 621
 Барбэ В. 597
 Барсуков Н. П. 124
 Баршев Н. В. 584
 Барыков В. А. 370
 Барыков С. А. 370
 Барыкова Е. Ф. 370
 Барыкова (в замуж. Философова) П. А. 370
 Барыковы, дети 370
 Басаргина-Блок Л. Д. см. Блок Л. Д.
 Баттото А. И. 140, 142
 Батюшков Ф. Д. 607
 Батюшкова Е. Н. 606, 607
 Бах И.-С. 15, 512, 625
 Бахарева Г. В. 606
 Бахтин В. С. 601
 Безобразов В. П. 364
 Безобразовы, семья 19, 621
 Безруков Л. М. 632
 Бекетова Е. Г. 30
 Бекетова М. А. 30, 398, 620
 Беклемишева С. А. см. Феоктистова С. А.
 Беленсон А. 45
 Белинский Н. М. 448
 Белинская (урожд. Орлова) М. В. 16

- Белинская (в замуж. Бензис) О. В. 16
Белинский В. Г. 14, 16, 58—63, 99, 614, 621
Белицкий 343
Беллини Я. 436, 439, 441
Белобров А. П. 610
Белоброва (урожд. Савинова) Е. С. 610
Белоброва О. А. 606, 610
Беломлинский М. С. 598
Белоус В. Г. 416, 639
Белоусов И. А. 615, 637
Белый А. (наст. фам. Бугаев Б. Н.) 27, 319—322, 324, 368, 389, 414, 415, 434, 509, 574, 576, 583, 614
Белявская А. 332
Белявский Н. Ф. 580
Беляев М. Д. 124, 328
Беляев Ю. Д. 385
Беляевы Т. и Н., антрепренеры 41
Беляевы, семья 530, 535, 544
Бенедиктов В. Г. 60, 357
Бенуа А. А. 440, 491
Бенуа А. Н. 8, 434, 435, 438, 457—459, 472, 484, 485, 490, 497, 506, 508, 513, 521, 525, 528
Бенуа, m-lle 10
Беранже П.-Ж. 588, 589
Берберова Н. Н. 415, 431, 505, 585, 610
Бергамаско К. И. 630
Берггольц М. Ф. 615
Берггольц О. Ф. 547, 594, 613, 615
Бердяев Н. А. 366, 379, 381, 384, 386, 430
Бердникова Е. П. 616
Березарк И. 324
Березовская (в замуж. Сидорюк) Н. М. 530, 533, 539, 540, 542—544, 547, 549, 550, 551, 554, 555, 557—565, 567, 568
Березовская (урожд. Юцевич) П. К. 530—548, 550, 551, 554—561, 564—567
Березовская С. М. 529—568
Березовский Г. М. 567, 568
Березовский К. 565
Березовский М. Е. 530—534, 536, 542, 544—547, 552, 556, 561, 564, 566, 567
Беренгоф Г. 582
Берендгоф Н. 324, 583
Бернадский Н. 11
Бернар С. 484
Бернер Н. 322
Бернович М. П. 632
Бернс Р. 143, 146, 588
Бертенсон Л. Б. 627, 629
Бестужев-Рюмин А. П. 153, 154
Бестужев-Рюмин К. Н. 74, 75, 78, 80, 81, 83, 89, 115, 119
Бетховен Л. ван 15
Бианки В. В. 593, 595, 597, 598
- Бикбулатова К. Ф. 641
Билибин И. Я. 442, 484, 614
Бирон Л. 7
Бирюков С. И. 399
Бихтер М. А. 318
Бичер-Стоу Г. 116, 117, 598
Благовещенский Н. М. 143, 145, 146, 152
Блантер М. И. 570
Блессиг Р. Б. 353
Блинкина О. Е. 638
Блок А. А. 27—34, 36, 38, 40—44, 48, 49, 51, 52, 372, 384, 387—389, 391, 393, 397, 398, 403, 408, 414—416, 419, 421, 426, 429, 458, 576, 586, 588, 613, 620, 622, 631, 642, 643
Блок (урожд. Менделеева) Л. Д. 27—52
Блок П. Д. 52
Блудов Д. Н. 142
Блом В. 52
Блом Р. 507
Бобров С. П. 583
Богдановы, семья 535, 539
Боголюбов А. П. 434
Богомолов Н. А. 389
Богословский Н. 324
Богучарский (наст. фам. Яковлев) В. Я. 637
Бодлер Ш. 300, 302, 521
Бойкова (урожд. Дегтерева) Ж. В. 606
Бойцова Е. Д. 557
Бокар (Бокард) А. П. 78, 83
Бокариус М. В. 620
Боккерини Л. 507
Бокова В. М. 102
Большаков К. А. 583
Бондарев Ю. В. 615
Бондарчук С. Ф. 632
Бонди А. М. 35
Бонди Н. М. 35
Бонди С. М. 35
Бонди Ю. М. 33, 35, 36
Борисов И. П. 161
Борисов Л. И. 332, 581, 584, 598, 601
Борман 34
Боровский 479
Боткин В. П. 75, 77, 81, 82, 88, 89, 93, 100, 102, 110, 126, 132, 133, 137, 139—141, 148, 160, 161
Боулт Дж. Э. 638
Боцяновский В. Ф. 323
Брайкевич (в замуж. Фишдинг-Кларк) К. М. 506, 516
Брайкевич М. В. 458, 462, 499, 463, 505, 506, 513, 515, 520, 526
Брайкевич С. А. 516
Брайкевич (в замуж. Соболева) Т. М. 506, 516

- Брайкевичи, семья 506, 516, 517, 525
 Брамбеус см. Сенковский О. И.
 Брамс И. 507
 Браун А. 584
 Браун Н. Л. 584
 Браунинг Р. 576
 Брей Г. де 485
 Брейтбарт 35
 Бриан М. И. 318
 Брискман М. А. 581
 Бритиков А. Ф. 615, 641
 Бровкина М. 560
 Бродский И. А. 613
 Брок П. Ф. 142
 Брокгауз Ф. А. 19, 125, 365
 Бронте Э. Дж. 501, 509
 Бронь Т. И. 17
 Бруни Л. А. 586
 Брэм А. 296
 Брюллов А. П. 8
 Брюллов К. П. 436
 Брюсов В. Я. 23, 317, 320, 321, 324, 372, 376, 381, 389, 390, 418, 434, 449, 574, 583
 Брюэр Г. 17
 Буабодран Л. де 438
 Буало Н. 54
 Буданова (Успенская; во 2-ом браке Момзикова) В. И. 504, 514, 516, 526
 Буданцев С. 324
 Бударрагин В. П. 613
 Будогоский Э. А. 598
 Бузони Ф. 512
 Булак-Булахович С. Н. 421
 Булгаков К. А. 627
 Булгаков С. Н. 381
 Булгарин Ф. В. 54, 59—61, 83, 106, 109
 Бульвер-Литтон Э. Дж. 79, 83, 84
 Бунин И. А. 465, 521, 614
 Бунич-Ремизов Б. Б. 388, 606
 Бурбоны, франц. род 513
 Бурдин Ф. А. 82, 130
 Буренин В. П. 371 375
 Бурляй Я. 525
 Бурмагина М. С. 606
 Бурнашев А. А. 387
 Бурнашев М. Н. 389
 Бурова Н. Ф. 455, 459, 614
 Бурсов Б. И. 615, 641
 Бурцев А. 365
 Буслав Ф. И. 150—152, 157
 Бутова Н. 580
 Бутырский Н. И. 347
 Бутягина В. 324, 583
 Бухарова Е. 337
 Бушен Д. Д. 514
- Быков П. В. 325
 Быкова (урожд. Цесаренко) З. И. 325
 Быкова Ф. М. 611
 Бэкон Д. 313
 Бэкон Ф. 286, 313
 Бэннинг (Беннинг, Бенинг) А. Л. 545, 569
 Бэннинг А. Р. 545
 Бюклинг Л. 490, 491, 520
- В. Н. 432
 Вавилов Н. И. 531, 568
 Ваганова И. В. 437, 439, 446
 Вагинов К. К. 323, 573, 576, 580, 581, 583, 584, 585, 613
 Вагинова А. И. 613, 614
 Вагнер Н. 584
 Ваксель Л. Н. 112
 Вальтер Б. 484
 Ванамэйкер А. Т. 465
 Ванамэйкер С. П. см. Волконская С. П.
 Ванеева Е. И. 641
 Варлыгин Д. П. 637
 Варсано Л. 521
 Васильева Г. Б. 638
 Васильева М. И. 641
 Васнецов Ю. А. 598
 Ватсон М. В. 637
 Вахитова Т. М. 66, 448, 450
 Вацуро В. Э. 57
 Введенский А. И. 584, 597, 623, 624
 Вебер, владелец кафе 475
 Ведринская Л. 334, 335
 Ведринская М. А. 318
 Вейдле В. В. 323
 Вейнберг Я. И. 146
 Веммер М.-Ж. (по сцене Жорж) 126
 Венгерова С. А. 19, 366, 480, 616, 617, 636
 Венгерова З. А. 457
 Венгерова И. А. 474, 478, 480
 Венус Б. Г. 606
 Венус Г. Д. 609
 Верейский Г. С. 598
 Верейский О. Г. 598
 Вересаев В. В. 162
 Верещагин А. В. 637
 Веригина В. П. 27, 29, 33—35, 37—39
 Верлен П. 35
 Вермель Ф. 322
 Верн Ж. 546
 Верхарн Э. 608
 Верховская (урожд. Шишкова) А. М. 474
 Верховский Ю. Н. 322, 323
 Вершинина М. 550
 Веселовские, семья 614
 Веселовский А. Н. 330, 614

- Веспуччи С. 512—514
 Вздорнов Г. И. 504
 Виардо Л. 83
 Виардо (урожд. Гарсия) М.-П. 17, 76, 81, 83, 96, 97, 119, 125, 629, 630
 Вивьен Л. С. 318
 Вигель Ф. Ф. 19, 621
 Виельгорский И. М. 7
 Виельгорский Матв. Ю. 625, 630
 Виельгорский Мих. Ю. 7, 621, 625, 630
 Виленская Р. Л. 558, 559, 561
 Виленские, семья 561
 Вильегорский М. Ю. см. Виельгорский Мих. Ю.
 Вильчевский О. 584
 Вильшау В. Р. 520
 Вингебер К. И. 348, 356, 357, 359, 360
 Виноградов В. В. 81
 Виноградов С. А. 462, 502
 Виноградова Е. В. 374, 594, 595, 619
 Винокуров А. 576
 Винокуров Е. М. 601
 Виргилий (Вергилий) 54, 55, 93
 Витали И. П. 8
 Витберг Ф. А. 617
 Вишня О. 64—69
 Владимирова А. 324
 Владимирцов А. 597
 Владычина Г. 324, 583
 Власов-Окский Н. 324, 583
 Вогак К. А. 36
 Воейков (псевд. А. Кораблинский) В. Ф. 59
 Волков Н. Д. 50
 Волков П. 585
 Волкова Е. М. 641
 Волкова М. М. 397
 Волконская И. С. см. Рахманинова И. С.
 Волконская (во 2-ом браке Ванамэйкер) С. П. 465
 Волконский, домовладелец 140
 Волконский М. Н. 616
 Волконский П. Г. 459, 460, 465, 494, 495
 Волконский С. Г. 158
 Волконский С. М. 460
 Воллан Г. А. де 411, 412
 Волохина Т. 34
 Волоцкая, домовладелица 143, 160
 Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) М. А. 317, 321, 368, 384, 434, 581, 608, 613
 Волошина М. С. 608
 Вольнский (наст. фам. Флексер) А. Л. 316—320, 337, 338
 Вольпе Л. М. 637
 Вольперс А. Э. 610
 Вольперс Е. М. 610
 Вольпин Н. 583, 584
 Вольтер 320, 576
 Вольф М. О. 583
 Вонаг З. Б. 606
 Воронин Н. Н. 610
 Воронцов-Вельяминов Н. Н. 146
 Врангель М. Д. 485
 Врангель Н. Н. 389
 Вревские, семья 621
 Вревский Б. А. 23
 Врубель М. А. 33, 376
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 319
 Вульф Алексей Н. 18
 Вульф Анна Н. 23
 Вульф (урожд. Муравьева) А. Ф. 14
 Вульф (в замуж. Вревская) Е. Н. 23
 Вульф И. П. 14, 632
 Вульф Н. И. 18
 Вульф (урожд. Вындомская; во 2-ом браке — Осипова) П. А. 18
 Вульфы, семья 6
 Выгодский Д. 323
 Выдрина И. И. 497
 Вызинский (псевд. И. Май) Г. В. 134, 136, 143—145, 150, 152, 153, 156
 Выходцев П. С. 641
 Вяземский В. Ф. 632
 Вяземский П. А. 58, 347, 625, 632
 Вяльцева А. 604
 Вячеслав Константинович, вел. кн. 608
 Гаврилин В. А. 607, 616, 624, 632
 Гаврилина Н. Е. 606, 624, 632
 Гавриллок А. 66
 Гаген-Торн Н. И. 616
 Гадзяцкая В. 581
 Гаевский В. М. 49
 Гайдебуров П. П. 46, 337
 Гайдн Ф.-Й. 146, 625, 633
 Гайнцева Э. Г. 73
 Галанина Ю. Е. 27, 41
 Галахов А. Д. 100, 102, 124, 151, 152
 Галич (наст. фам. Габрилович) Л. Е. 404—406
 Галушкин А. Ю. 321
 Гальба А. А. 598
 Гальба В. А. 68, 597, 598
 Ган Р. 471
 Ганфман (псевд. Ипполитов) М. И. 407
 Гарина Н. М. 640, 642
 Гарин-Михайловский Н. Г. 613
 Гаспарова Е. А. 638
 Гварди (Гуарди) Ф. 436, 440
 Гвоздев А. А. 51

- Гейне Г. 587—589
 Гейрот А. А. 354, 355
 Гельмерсен В. 323
 Гельц М. 613
 Гемпель К. Ф. 627
 Гендель Г.-Ф. 435
 Генералова Н. П. 148
 Георгиевский А. И. 153
 Герасимов М. П. 324, 325, 583
 Герасимов Ю. К. 622, 640, 641
 Герашко Л. В. 619, 624, 633
 Гербель Н. В. 23, 24, 360
 Гербстман А. 583
 Герен Ш. 435
 Геркен Е. 323
 Герра Р. 507, 508
 Герц К. К. 157
 Герцен А. И. 92, 117, 142, 148, 149, 157, 161, 588
 Герцен Н. П. 616
 Гершензон (урожд. Гольденвейзер) М. Б. 639
 Гершензон М. О. 18, 19, 402, 449
 Геснер 110
 Гессе Г. 626
 Гессен А. 337
 Гессен И. В. 421
 Гессен-Кассельский Ф.-В., принц 421
 Гете И.-В. 131, 587, 588, 589
 Гзовская О. В. 623
 Гидони Г. И. 582
 Гидони Е. 335
 Гизетти А. А. 338, 339
 Гиль Р. 434
 Гильбо А. 583
 Гиляров Н. 324
 Гиляровский В. А. 324, 583
 Гиппиус З. Н. 320, 367, 372—374, 378—381, 387—389, 392, 393, 395, 396, 400, 403, 422, 614
 Гиппиус Н. Н. 395
 Гиппиус Т. Н. 374, 375, 395
 Гиришман (урожд. Леон) Г. Л. 458, 461, 463, 472, 476
 Гиришман В. О. 458, 463, 474
 Гиришманы, семья 463, 472, 474, 475, 492
 Гис К. 521
 Гитри С. 471
 Глазунов А. К. 630
 Глинка М. И. 14, 625, 627, 628
 Глинка С. Н. 53
 Глинский С. С. 608
 Глушкова И. Л. 538
 Гмырев А. М. 637
 Гнесин М. Ф. 36
- Гобер Ф. 521
 Гоголь Н. В. 24, 66, 75, 76, 81, 84—86, 89, 90, 92, 94, 95, 97—99, 114, 116, 128, 334, 337, 397, 428, 430, 608
 Голенищев-Кутузов А. А. 306
 Голицын В. 458, 505
 Голицын Н. Н. 21, 354, 365
 Голицын С. Г. 627
 Голованова Т. П. 124
 Головацкий Я. Ф. 411, 412
 Головин А. Я. 581
 Головинская Е. Д. 46
 Головнин А. В. 160, 161
 Голубев, актер 392
 Голубев В. В. 433—447
 Голубев В. Ф. 433, 438, 440
 Голубев Л. В. 440
 Голубев Ф. И. 438
 Голубева (урожд. Кросс) Н. В. 438, 440, 445
 Голубев-Капнист В. Л. 440
 Голубевы, род 435, 438, 440
 Голубинский Е. Е. 396, 397
 Голубкина А. С. 434
 Гольбейн Г., младший 447
 Гончаров И. А. 97, 140, 640, 641
 Гончарова Н. С. 476
 Гор Г. С. 598
 Горбачев Г. Е. 372
 Горбачев М. С. 611
 Гордин А. М. 6
 Горев (наст. фам. Тарасенков) Д. А. 82, 122—124, 131, 133
 Горин-Горяинов Б. А. 318
 Горич (псевд. Нотман, Энритон) Г. Ф. 34
 Горнунг Л. 322, 578
 Горнфельд А. Г. 365
 Городецкий С. М. 384, 388
 Горький М. 40, 161, 372, 414, 415, 449, 575, 591, 597, 614
 Готье В. 123, 125
 Готье Т. 577
 Гофман 300
 Гофман М. Л. 577
 Гофмансталь Г., фон 28
 Гоци 40
 Грааль-Арельский (наст. имя и фам. С. С. Петров) 323, 573, 577, 584
 Грабарь И. Э. 462, 502, 503, 507
 Граменицкая Г. Ф. 641
 Гранин Д. А. 598
 Грановская (урожд. Мюльгаузен) Е. Б. 80
 Грановские, семья 75, 80, 110
 Грановский Т. Н. 74—76, 80, 86, 97, 99, 103, 122, 123, 131
 Грант А. 578

- Грачева А. М. 376, 384, 389, 390, 414, 418
Гребенщиков Г. Д. 491
Гребенщиков Я. П. 412, 413
Греч Н. И. 59, 61
Гречина см. Корчаг-Гречина
Гречишкин С. С. 320, 403, 615
Гржебин З. И. 166, 384, 418, 574, 577, 578, 582, 585
Грибоедов А. С. 609
Григорий Палама, св. 361
Григорович Д. В. 82, 88, 110, 136
Григорьев А. А. 88, 147, 149, 396
Григорьев А. Д. 397
Григорьев А. Л. 614
Григорьев Б. Д. 480, 504
Григорьев С. Л. 507
Григорьян К. Н. 638
Грим Г. Д. 569
Гринякин Н. 405
Грипич А. Л. 34
Гришковская Е. И. 462
Гришковский Н. О. 462
Гришунин А. Л. 89
Грищенко А. 513
Гро Ж.-А. 513
Грознова Н. А. 450, 613
Громов В. А. 15, 160
Громов И. Ф. 354
Гроссман А. М. 606, 609
Грот Г. 93
Грот Дж. 91, 93, 100, 103, 114, 117
Грот Я. К. 349, 356, 365
Грузинов И. 324, 583
Грушевский А. С. 412
Грушевский С. Ф. 412
Гуд Т. 588
Гузнер Г. 324
Гулина М. 550, 555
Гулина Ф. К. 550, 554, 555, 562, 567, 568
Гумилев Л. Н. 614
Гумилев Н. С. 434, 573—585, 610, 613
Гумилева Н. В. 614
Гумилевский Л. И. 637
Гурвич М. 337
Гуревич Л. Я. 37, 325, 338
Гуро Е. Г. 619, 635, 638
Гурьев Г. Н. 41
Гус Х. ван дер 513
Гусев В. Е. 616
Гуськовы, владельцы гостиницы 18
Гушик В. Е. 641
Гюго В. 42, 125
- д'Амелия А. 374, 431
д'Аннунцио Г. 445
- Давыдов В. Н. 623
Давыдов Д. В. 614
Давыдова С. О. 318
Далматов (наст. фам. Лучич) В. П. 623
Даль В. И. 88, 160
Дандре (Дандриё) Ж.-Ф. 560
Данзас Б. К. 625, 627
Данзас К. К. 627
Данилевский А. А. 393
Данилевский Г. П. 128
Данилевский Н. Я. 307
Данилевский Р. Ю. 618
Данилова Е. С. 48
Данилова И. Ф. 393
Данько Е. Я. 308, 309
Дараган А. А. см. Кулжинская А. А.
Дараган А. Е. (в замуж. Фролова) 80, 103
Даргомьжский А. С. 628, 633
Даровская Д. 337
Дау Дж. 399
Дашкевич М. А. 606
Дашков П. Я. 627, 628
Двигятина Т. М. 573
Дворникова Л. Я. 399
Девис Р. 431
Девятяров А. 558
Дега Э. 519, 521
Деген-Ковалевский Б. Е. 48
Дегтяревский И. М. 639
Делиль Ж. 54
Дельвиг А. А. 14, 22, 320, 625, 627
Демирчян Д. К. 65
Ден Т. П. 641
Денисенко С. В. 521
Деннери А.-Ф. 48
Деренталь А. см. Дикгоф А. А.
Державин К. Н. 616
Дешкин Г. 583
Джалгаров 477
Джамбул Джабаев 546, 569
Джиоева В. Р. 626
Дзиержановская А. 9
Дивильковский А. А. 637
Дидро Д. 109
Дикгоф (псевд. А. Деренталь) А. А. 419, 421, 422
Диккенс Ч. 80, 90, 334, 397, 398, 508, 546
Дикман М. И. 162, 166
Дилакторская Н. Л. 613, 615
Дир, киевский кн. 307
Дмитриев И. И. 56
Дмитриев Л. А. 613, 616
Дмитриев М. А. 60—63
Дмитриев Н. П. 580, 584, 585
Дмитриева И. 581

- Дмитрий Константинович, вел. кн. 608
 Дмитрий Павлович, вел. кн. 592
 Дмитрий Солунский 398, 402
 Добкин Я. Г. 606, 607, 616
 Добролюбов Н. А. 140
 Добужинский М. В. 384, 385, 387, 389, 458, 472, 484, 485, 490, 491, 497, 504, 520, 521
 Добужинский Р. М. 48, 485
 Добычин Л. И. 614
 Довгелло, семья 426
 Довгелло С. П. см. Ремизова-Довгелло С. П.
 Долт де (урожд. Шереметьева) А. Б. 14, 15
 Долт де А. П. см. Тютчева А. П.
 Долгорукая Е. М., кн. Юрьевская 12
 Долгоруков В. А. 142
 Долгоруков С. А. 12, 621
 Долгорукова А. С. см. Альбединская А. С.
 Долгорукова (урожд. Апраксина) М. А. 12
 Долгоруковы, семья 13
 Дорин Д. 584
 Достоевский Ф. М. 93, 131, 145, 337, 379, 385, 430, 509, 526
 Дранникова Н. В. 606
 Дрожин С. Д. 583, 635, 637, 638, 639, 641
 Дружинин (псевд. Иногородний подписчик) А. В. 81, 82, 100, 103, 117, 138, 153, 156, 158
 Дружинин П. 579
 Дружинина Е. В. 635
 Дубельт Л. В. 130
 Дубровский А. В. 590
 Дудин М. А. 594, 597, 598, 603, 604
 Дудышкин С. С. 93
 Дузь И. М. 65
 Дукельский В. 479, 480
 Дурбин Д. 562
 Дымов О. (наст. фам. Перельман И. И.) 387, 390
 Дюма А., сын 48
 Дюррант С. 421
 Дюфи Р. 524
 Дягилев С. П. 374, 375, 380, 434, 435, 440, 472, 476, 484, 485, 503, 507
 Дягилова Ю. П. 367, 379
- Евгений, епископ Брестский 353**
 Евгеньев-Максимов В. Е. 338
 Евпраксия, схиигуменья 352, 360, 364
 Евреиннов Н. Н. 580
 Егоров Б. Ф. 81, 618
 Екатерина II, императрица 153, 154, 347
 Елагин (наст. фам. Матвеев) И. 610
 Елена Павловна, вел. кн. 352
 Емелин С. 581
- Емельянова, домовладелица 123
 Ендольцев Ю. А. 569
 Ерофеев И. Ф. 611
 Ершов Д. 335
 Ершов П. П. 59, 61
 Есенин С. А. 324, 583, 593, 601, 613
 Есипов Г. В. 154, 157
 Ефимов И. 434
 Ефимов Н. 332
 Ефремов П. А. 23—25
 Ефрон И. А. 19, 125, 365
- Жак-Далькроз Э. 34**
 Жакомино (наст. имя Джакомо Чирени) 40
 Жан Р. 435, 438, 446
 Жанен Ж.-Г. 81
 Жданов В. А. 81, 417, 418
 Жданов М. П. 347
 Жекулин Н. Г. 88, 97
 Железнова Н. М. 335
 Жемчужников А. М. 102
 Жерве К. 48
 Животовская И. В. 456, 493, 496, 497, 502, 516—518, 522, 523, 527
 Животовская К. М. 455—528
 Животские, семья 456, 460, 473, 479, 494, 495, 497, 503, 525, 528
 Животовский В. Т. 455, 456, 461, 462, 467, 476, 479, 483, 486, 488, 490, 491, 495, 497, 498, 502, 513, 515, 517, 522—524, 527
 Жидкова С. Л. 12, 13
 Жирарден С.-М. 78, 79, 81
 Жирмунский В. М. 576
 Жорж см. Веммер М.-Ж.
 Жуковский В. А. 7, 8, 9, 60, 62, 347, 348, 349, 621, 625
 Жуковский Д. Е. 381
 Жуковский П. В. 637
 Журов П. А. 607
- Забелин И. Е. 130
 Забелина Е. П. 353
 Заболоцкий Н. А. 579, 613
 Заборов П. Р. 457, 618
 Заборова Р. Б. 76
 Забылин М. 294
 Заварина Ю. 332
 Заводчиков В. П. 579, 615
 Зайцев Б. К. 378, 379, 429, 480, 609, 614, 641
 Зайцев П. Н. 322
 Зайцева И. А. 99
 Закревский А. А. 98
 Залеская И. 22
 Залеский Б. 22, 621
 Залесская З. Е. 504

- Залесский (Залеский) Ю.-Б. 359, 360
 Залыгин С. П. 615
 Замятин Е. И. 317—319, 321, 407
 Запольная Ю. А. 534, 536, 544, 547
 Запольные, семья 530, 534, 536, 547
 Запольный А. К. 536
 Запольный К. П. 534, 536, 547
 Запольный С. П. 547
 Зарецкий Н. В. 380
 Зарин-Несвицкий Ф. 323, 325
 Зарудная-Кавос Е. С. 457
 Засулич В. И. 637
 Захаров А. Н. 606, 625
 Захаров П. А. 625, 626
 Захаров Ф. И. 502
 Захарова Г. 530, 544
 Захарова П. 530, 541, 542, 544
 Захаров-Мэнский Н. Н. 324, 583
 Захер-Мазох Л. фон 311
 Заяицкий С. 322
 Званцева Е. Н. 457, 458
 Звигильский А. Я. 83
 Зейфман Н. В. 138
 Зеленский В. 580
 Зеленый И. А. 608
 Землякова О. 502
 Зенкевич М. А. 579, 585
 Зилитинкевич В. С. 606
 Зилоти А. И. 502, 503
 Зильберштейн И. С. 641
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 389
 Злобин В. А. 372
 Зноско-Боровский Е. А. 610
 Зобнин Ю. В. 641
 Золотарев К. 337
 Золотарева Л. 337
 Золотницкий Д. И. 41, 50
 Золотов А. А. 632
 Зонов А. П. 27, 385
 Зоргенфрей В. А. 323
 Зотов В. Р. 364
 Зошенко М. М. 64—69, 594, 613
 Зубакин Б. 324
 Зубов С. П. 525, 526, 579
 Зубова (урожд. Шиффнер) Р. 525
 Зубовы, семья 525
 Зуев Г. И. 508
 Зуммер В. М. 639
 Зыбина С. А. 628
 Зырянов И. В. 616
 Зяблова Г. Г. 606
- И. Б. 321
 Ибсен Г. 40, 42
 Иван (Иоанн) IV Грозный, царь 308
- Иванов А. А. 83, 436
 Иванов В. И. 368, 369, 386, 388—391, 393,
 434, 458, 576, 580, 581, 583, 636, 639—642
 Иванов Г. В. 576, 578, 579, 580, 581, 585
 Иванов Е. П. 391, 620, 622
 Иванова А. (Е.) Е. 17
 Иванова (урожд. Оттенберг) В. Н. 319
 Иванова Е. В. 319
 Иванова Л. Н. 613, 614, 618, 619, 634—636,
 638, 639, 641
 Иванова М. П. 620
 Иванова М. С. 507
 Иванова Т. Г. 400, 606, 612, 615, 617, 618,
 639, 640
 Иванова-Романова Н. М. 615
 Иванов-Разумник Р. В. (наст. имя и фам.
 Разумник Васильевич Иванов) 315, 316,
 319, 322, 391, 397, 414, 416, 417, 639, 642
 Иванчин-Писарев Н. Д. 59
 Ивелич Е. М. 22
 Ивнев Рюрик (наст. имя и фам. Ковалев М. А.)
 324, 574, 583, 585
 Игин И. И. 598
 Игнатенко В. Ф. 413
 Игнатий (Брянчанинов), архимандрит, епис-
 коп Кавказский и Черноморский, св. 345,
 350, 351
 Измайлов А. А. 162, 384, 385, 615, 637
 Измайлов Н. В. 328
 Измайлова Т. Н. 606
 Израилевич И. С. 585
 Икскуль фон Гильдебрандт (урожд. Лут-
 ковская, в 1-ом браке — Глинка-Маври-
 на) В. И. 392, 393, 609
 Ильина Н. И. 609
 Ильюнина Л. А. 391
 Инбер В. М. 324, 556, 569, 583
 Иоанн Воин, св. 355, 364
 Иоанн Лествичник, св. 361
 Иоанн Предтеча, св. 132
 Иосиф (Семашко, Симашко), митрополит
 351
 Иофан Б. М. 524
 Исмагулова Т. Д. 525
 Истомин К. К. 89
 Истрин В. М. 326
 Ишимова А. И. (О.) 304, 348, 349
- Кавелин К. Д. 145, 146
 Каган С. 506
 Казаков М. Э. 415
 Казаков Н. А. 9
 Казанович Е. П. 328, 339, 340
 Казин В. 583
 Казмичев М. М. 581

- Кайнер 580
 Калашников И. Т. 59, 61
 Калитаева И. В. 624
 Калитина Н. Н. 438
 Каллаш В. В. 21
 Калмаков Н. К. 579
 Кальдерон де ла Б. 34
 Каляев И. П. 417, 418
 Каменский В. В. 324, 583
 Каминка А. И. 421
 Камынин В. Ф. 606
 Канале (Каналетто) А. 436, 440
 Канисская Н. А. 608
 Канкрин Е. Ф. 141
 Капнист А. С. см. Макарова А. С.
 Капустин М. Н. 134, 136, 150, 152, 159
 Каралис Д. Н. 615
 Карамзин А. Н. 97
 Карамзин Н. М. 368
 Каратыгин В. Г. 580
 Карев 580
 Карл I, король Вюртемберга 8
 Карпов Е. П. 334, 335
 Карпов П. 574, 623
 Карр А. 587
 Карсавин Л. П. 613
 Карсавина Т. П. 580
 Карский Е. Ф. 326
 Каргашев А. В. 395, 396, 412
 Карузо С. И. 638, 639, 640, 641
 Карцевадзе Н. 529
 Карякина Е. 335
 Касаткин И. 324, 325
 Каспари А. А. 405, 406
 Касторский С. В. 610
 Катаев В. П. 595
 Катенины, род 610
 Катков М. Н. 78, 82, 131, 134—141, 143—
 146, 149, 151, 152, 154—156, 158, 159, 161
 Катун А. И. 632
 Катъе 484
 Кауфман Д. А. 606
 Каченовский М. Т. 53, 55—57
 Кашеваров С. 584
 Кашин Н. П. 124
 Кашменский Н. И. 584
 Келдыш В. А. 384
 Келтуяла В. В. 608
 Келтуяла В. В. 606
 Кельнер В. Е. 638
 Кен Л. Н. 640
 Керенский А. Ф. 419, 420, 422
 Керн А. П. см. Маркова-Виноградская А. П.
 Керн (в замуж. Шокальская) Е. Е. 625, 627
 Керн Е. Ф. 6, 10, 11
 Керн, род 621
 Кестлин Р. 514
 Кетчер Н. Х. 77, 81, 83, 89, 116, 124, 126,
 128
 Кёр Ж. 125, 127, 129
 Кийко Е. И. 93
 Кипренский О. А. 436
 Кириенко-Волошин А. М. 608
 Кириллина Е. В. 640
 Кириллов В. 583
 Кириллова-Никифоровская Т. В. 606, 607
 Кирнарский М. 574, 576, 579, 582
 Киршбаум В. Ф. 585
 Китаев В. А. 161
 Классен Е. И. 61
 Клевер М. 337
 Клевер О. 337, 328
 Клеман Ж.-П. 125, 127, 129
 Клеман М. К. 128
 Клепинина В. Н. 36
 Клименко Е. И. 640
 Ключкова Л. П. 589
 Клюев Н. А. 324, 580, 583, 584, 613, 641
 Кнабе Г. С. 54
 Кнайфель А. 597
 Кнебель М. О. 507
 Книпович Е. Ф. 416
 Кнут Д. (наст. фам. Д. М. Фиксман) 431
 Княжевич А. М. 140, 141
 Князева В. П. 513
 Князева Н. Г. 620, 624
 Ковалев В. А. 448, 614
 Ковалевский В. 583
 Ковалевский Е. П. 160
 Ковалевский М. 434
 Ковенчук Г. В. 598
 Коган А. Э. 422
 Коган П. С. 321
 Коган Ф. 324
 Кодрянская Н. В. 375, 610
 Кожевников П. 384
 Кожич В. П. 69
 Козимо ди П. (наст. имя Пьетро ди Лоренцо)
 513, 515
 Козин В. А. 550
 Козлов И. И. 626
 Козмин Н. К. 53, 55
 Козымаева О. Р. 641
 Козырев М. 324
 Козьменко М. В. 638
 Козьмин Б. П. 157
 Кок П. де 509
 Кокоров И. Т. 119, 526
 Коларосси Ф. 457
 Колбасин Д. Я. 115, 121, 123, 133

- Колбасин Е. Я. 149
Колбасина-Чернова О. Е. см. Чернова-Колбасина О. Е.
Колеров М. 422
Колесниковы, семья 535, 539
Колобова К. М. 581
Колпаков М. 332
Колчак А. В. 421
Кольридж С. Т. 580
Кольцов А. В. 143, 146, 293
Комиссаржевская В. Ф. 28, 29, 41, 46, 68, 335, 336, 385, 391
Комиссаржевский Ф. П. 19
Комиссаржевский Ф. Ф. 385
Комиссарова М. И. 584
Конашевич В. М. 598
Кондаков Н. П. 440
Кондина О. Д. 625, 626
Кондратьев А. М. 623
Кондратьев М. Д. 606
Кондратьева И. 559
Кондюрина А. А. 639
Коненков С. Т. 502
Конечный А. М. 340
Кони А. Ф. 318
Конийская Л. М. 552, 553, 562
Конийский Н. 554
Коницев К. И. 598
Константин Константинович (Романов, псевд. К. Р.), вел. кн. 608, 630, 631
Константин Николаевич, вел. кн. 148, 161
Кончаловский П. П. 503
Конюс А. Б. 508, 509
Конюс Б. Ю. 495, 497, 508, 520
Конюс Л. Э. 484
Конюс (урожд. Рахманинова) Т. С. 508, 520
Конюс Ю. Э. 495
Копельман С. Ю. 384
Коплан Б. И. 328
Коплан-Шахматова С. А. 328
Корвин (наст. фам. Юшкевич, псевд. Алексеева) А. А. 33—35, 37—40
Корелли А. 435
Коринфский А. А. 638, 639, 641
Коркина Е. Б. 637
Корне де Вейс Руарт 484
Корнель П. 125
Корнилов Л. Г. 372
Коро К. 513
Королев, швейцар 399
Королицкий М. 328
Корольков Н. Ф. 364
Короткина Л. В. 440
Коротков К. 324
Корчаг-Гречина Е. Я. 267, 309
Корш 131, 133
Корш В. Ф. 92, 124, 138
Корш Е. Ф. 103, 135, 136, 138, 143, 146
Корш Ф. А. 41, 623
Корякина В. Ф. 592
Костенко К. 434
Костомаров В. Д. 589
Костров Н. И. 608
Котляревский Н. А. 620, 622
Котрелев Н. В. 639
Котульский А. В. 616
Котылев А. 582
Кох М. 313
Кочубей Л. В. 142
Кошарская Л. 581
Кошиенко И. В. 53
Краевский А. А. 58, 61, 93, 132
Крайский А. П. 583, 584, 600, 615
Кралин М. В. 460, 462, 466, 474, 478, 480
Крамской И. Н. 12
Краснобородько Т. И. 18, 619, 621
Кржевский Б. 331
Кривич В. И. (наст. фам. Анненский) 323, 325
Кривулин В. Б. 614, 615
Кровицкая В. 580, 581, 584
Кроленко А. А. 321
Кронеберг А. И. 146
Кроткий Э. Я. 598
Круг Г. И. 504, 516
Круглевская Л. М. 537
Кругликова Е. С. 434, 438, 580, 632
Кручных А. Е. 583
Крылов И. А. 9, 19, 621
Крылова Г. А. 613
Крымова Н. А. 507
Крюгер Ф. 399
Крюкова А. 415
Кряжимская И. А. 641
Кторов А. П. 458
Кторова А. (псевд. Кочуровой В. И.; в замуж. Сандор) 455, 456, 458, 459, 609
Кубасов И. А. 319, 328
Кугель (основной псевд. — Homo novus) А. Р. 50, 340, 385
Кугушева Н. 324, 583
Кудашева М. 583
Кудрявцев В. Н. 611
Кудрявцев П. Н. 74, 95, 97, 100, 102—105, 108, 120, 124, 128, 131, 136, 144
Кудрявцевы, семья 74, 105
Кузмин, камердинер 352
Кузмин М. А. 319, 321—323, 383, 384, 387, 389, 391, 398, 458, 463, 580, 583—585, 613
Кузнецов В. В. 395

- Кузнецова К. В. 607
 Кузнецова О. А. 390
 Кузьмин А. И. 606
 Кузьмин К. К. 39
 Кузьмин Ю. А. 352
 Кузьмин-Караваев (псевд. — К. Тверской) К. К. 39
 Куинджи А. И. 609
 Кукольник Н. В. 59, 101
 Кукушкина Т. А. 602, 623, 639, 643
 Кулаков А. П. 581
 Кулжинская (урожд. Маркова-Виноградская; по сцене Дараган) А. А. 5, 18, 19
 Кульчицкие, семья 306
 Кулябко-Корецкая А. И. 34
 Кумпан К. А. 321, 641
 Купреянов Н. 337
 Куприн А. И. 417, 418, 640, 641
 Куприянова Е. Н. 615
 Купченко В. П. 321, 606, 608, 618
 Курбатов В. 434
 Курдов В. И. 68
 Курдюмов В. В. 585
 Кустодиев Б. М. 386
 Кушелев-Безбородко Г. А. 143, 146
 Кушнер А. С. 614
 Кушнерев Н. И. 575
 Кюи Ц. А. 629
 Кюхельбекер В. К. 54
- Лавринайтис Г. 49
 Лавров А. В. 27, 30, 162, 166, 315, 320, 322, 375, 376, 381, 386, 390, 403, 618
 Лавров П. А. 326
 Лавров П. Л. 588
 Лавров П. Х. 331
 Лавровский Е. Е. 47
 Лагорио И. 614
 Ламберт Е. Е. 141
 Ланвен Ж. 427, 431
 Ланжерон см. Андро де Ланжерон А. Ф.
 Лансере Е. Е. 458
 Ланской А. М. 430, 432
 Лapidус А. Я. 574
 Лапин Б. 324, 583
 Лапре В. 628
 Ларионов М. Ф. 476, 483, 485
 Ларионова Е. О. 53
 Лассила М. 65
 Латышев В. А. 298, 301, 303
 Лацис В. 597
 Лебедев, домовладелец 135
 Лебедев В. В. 581, 597, 599
 Лебедев В. Н. 68
 Лебедев Д. Н. 354
- Лебедев О. 48
 Лебедева, учительница 551
 Леберехт Г. 597
 Лебёф А. 484
 Леви Н. 597
 Левин Д. А. 394, 395, 403
 Левин Л. 584
 Левин Ю. Д. 96, 606, 607, 616
 Левина А. М. 403
 Левицкий С. Л. 628
 Левонтин Э. 324
 Легкова А. С. 551—553
 Лейкинд О. Л. 438
 Лейла Ханум 479
 Лекманов О. К. 639
 Леконт де Лиль Ш. М. 581
 Лелекова О. В. 504
 Ленин В. И. 580
 Ленский В. П. 133
 Леонардо да Винчи 513
 Леонидов В. В. 502, 505, 506
 Леонов Л. М. 448, 449, 450, 454, 614
 Леонов М. Л. 638
 Леонов (псевд. Брянце(о)в) С. Р. 124
 Леонова Н. Л. 450
 Леонтьев К. Н. 91, 93, 95, 98, 112, 123, 127, 129—131, 139—141, 145, 155, 381
 Леонтьев П. М. 136, 141
 Леонтьева Н. В. 625, 626
 Лермонтов М. Ю. 297, 430, 509, 625
 Лернер Н. О. 23, 54, 109
 Лесков Н. С. 428, 430, 526, 598
 Лесман М. С. 615, 622, 624
 Лесник С. 458, 480, 485, 487, 505
 Лессинг Г.-Э. 93
 Лешков П. И. 318, 335
 Либединский Ю. П. 65
 Ливкин Н. 324, 583
 Лившиц Б. К. 323, 337, 581, 584
 Лившиц В. А. 598
 Лидин (наст. фам. Гомберг) В. Г. 325
 Лизогуб А. Д. 294
 Ли-Лонг-мьен 445, 446
 Липковская 480
 Липпи Ф. 513
 Липскеров К. А. 583
 Лист Ф. 34, 512, 628
 Литвинова М. А. 631
 Лифарь С. 485, 507
 Лихачев Д. С. 557, 570, 613
 Лихачев Н. П. 440
 Лихачев Ю. С. 570
 Лишин (наст. фам. Лихтенштейн) Д. 507
 Лобакова И. А. 606
 Лобанов Ф. 17

- Лобанова (в замуж. Сомова) Н. К. 508
 Лобанов-Ростовский Н. Д. 462
 Лобановы, семья 508
 Лобкова А. И. 21
 Лозинский М. Л. 323, 576, 577, 579, 580, 581, 585, 610
 Лонг Д. 506
 Лонгинов М. Н. 23, 137
 Лонгус *см.* Лонг
 Лондон Дж. 597
 Лопатин Г. А. 636
 Лопачев М. В. 296
 Лоренс А. Ф. 627
 Лосев А. Ф. 640
 Лохвицкий А. В. 75, 86, 87, 89, 91, 92, 95—98, 100, 130, 133, 134, 136, 145
 Лубе Э. 434
 Лубешкин А. А. 606
 Луи, врач 76
 Лукини И. Ф. 529
 Лукницкая В. К. 585, 606
 Лукницкий П. Н. 573—586, 608, 642
 Лукомский Г. К. 422
 Лукьянов М. Г. 458, 460, 462, 463, 465, 466, 473, 474, 478, 480, 483, 485, 487, 488—492, 494, 496, 499, 500, 501, 505, 512
 Лукьянова М. 535, 544, 545, 546
 Лукьяновы, семья 530, 535, 544
 Луначарский А. В. 317, 366, 574, 592, 635
 Лундберг Е. Г. 392—394
 Лутохин А. И. 606
 Львов А. С. 18
 Львов В. В. 76
 Львов Д. С. 18
 Львов И. С. 18
 Львов Н. С. 18
 Львов П. С. 18
 Львов С. Д. 7, 18
 Львова А. С. *см.* Романова А. С.
 Львова Е. С. 18
 Львова М. С. 18
 Львова (урожд. Полторацкая) Т. П. 7, 18, 19
 Львова Т. С. 18
 Львовы, семья 621
 Любимова М. Ю. 321
 Любин В. 324
 Людовик XIV, король Франции 351
 Людовик XV, король Франции 351
 Ляпунов С. М. 625, 626
 Ляцкая В. П. 614
 Ляцкий Е. А. 614
- М. К-й 76
 Магавль И. Х. 353
 Магеровская Н. Г. 606
- Маделунг А. (Oge, Aage) А. 417, 418
 Мазепа И. С. 429
 Мазуркевич В. А. 323
 Май И. *см.* Вызинский Г. В.
 Май К. И. 457, 472
 Майзель А. Л. 606
 Майзельс Д. 581
 Майков Л. Н. 75
 Майофис М. С. 599
 Макарий, митрополит 397
 Макаров Н. Я. 153
 Макаров С. О. 440
 Макарова (в замуж. Голубева; во 2-ом браке Капнист) А. С. 440
 Макарова И. В. 438
 Макарова О. Е. 144
 Маковский К. Е. 438
 Маковский С. К. 389, 434, 438, 484, 574
 Макогоненко Г. П. 56
 Макогоненко Т. М. 402
 Максимилиан Лейхтенбергский, герцог 8
 Максимов А. А. 625
 Максимов В. В. 48
 Максимов Д. Е. 27, 338, 379, 381, 386, 622
 Максимов С. В. 396, 397
 Максимова Е. П. 640
 Макушев В. В. 411, 412
 Малахов С. А. 641
 Малиновская Е. И. 608
 Малиновская З. А. 41
 Маллере Л. 434, 438
 Малова М. И. 637
 Мальгин А. 439
 Мальковская А. 332
 Малявин Ф. А. 434, 463
 Мамиконян С. Г. 21
 Мамоновы, семья 19, 621
 Мамонтов А. И. 361
 Манасеина Н. И. 40
 Мандельштам О. Э. 321, 581, 583, 585, 636, 639
 Мануйлов В. А. 581, 582, 608
 Мар С. 324, 583
 Мариво П. 433
 Мариенгоф А. Б. 324, 583, 632
 Мария Александровна, императрица (урожд. принцесса Гессен-Дармштатская) 12, 351, 352
 Мария (Игнатьева), игуменья 351
 Мария Николаевна, вел. кнж. 8
 Мария Федоровна, императрица 144, 491
 Мария, игуменья (Тверская) *см.* Тучкова М. М.
 Мария, монахиня *см.* Шахова Е. Н.
 Мария, отшельница 355, 363

- Марк Македонин Философ 413
 Марков В. Ф. 610
 Маркова-Виноградская (урожд. Полторацкая, в 1-ом браке Керн) А. П. 5—26, 621, 627
 Маркова-Виноградская (урожд. Полторацкая) Д. П. 6, 7, 11
 Маркова-Виноградская (урожд. Аксамитная) Е. В. 5
 Марков-Виноградский А. А. 5, 10, 11, 17, 18,
 Марков-Виноградский А. В. 5—15, 17—26, 621
 Марков-Виноградский В. Т. 5
 Марковы-Виноградские, род 6, 10, 11, 14, 17, 18, 19. 621
 Марлэ 583
 Мартынов А. Е. 627
 Мартыч Ю. 66, 67
 Маршак С. Я. 594, 613, 614
 Марьянова М. 324, 583
 Масальский К. П. 59
 Матвиевская Г. П. 606
 Матисс А. 524
 Матюшин М. В. 608, 635, 638
 Махлина А. М. 606
 Махров К. В. 504
 Махрова Г. А. 504
 Мациева Е. С. 497
 Мачтет Т. 583
 Маширов-Самобытник А. 583
 Маяковский В. В. 583, 597
 Медведев П. Н. 319, 337
 Медичи Джулиано 514
 Медичи Джулио (папа римский Климент VII) 513, 514
 Мезерницкий Ю. П. 597
 Мейер (Майер) Е. Е. 78, 83
 Мейерхольд (псевд. Доктор Дапертутто) В. Э. 27—30, 32—43, 46, 48, 50—52, 391, 392, 393
 Мекк В. В. фон 502
 Мёллер П. У. 418
 Мельгунов Б. В. 58
 Мельгунова К. А. 370
 Мельц М. Я. 614
 Менделеев Д. И. 27, 28
 Менделеева Л. Д. см. Блок Л. Д.
 Мендельсон Ф. 15
 Менелас А. А. 8
 Менцов Ф. Н. 358
 Мережковские 367, 372, 373—375, 379, 381, 388, 389, 392, 395, 396, 408, 419, 420, 422
 Мережковский Д. С. 320, 372, 373, 379—381, 387, 388, 392, 396, 403, 614
 Меркурьева В. А. 640
 Месс Л. А. 580
 Меттер И. М. 609
 Мец А. Г. 639
 Мец А. Г. 617
 Мечников И. И. 434, 438
 Мечникова (урожд. Белокопытова) О. Н. 434, 438
 Мещерская В. К. 491
 Мещеряков В. П. 641
 Милеева Л. 586
 Милиоти И. 586
 Милиоти Н. Д. 463, 504, 528
 Миллер А. 431
 Миллер В. Ф. 398
 Миллер С. А. 126
 Миля Ханум 480
 Мин Е. М. 598
 Минаев Н. 324, 583
 Миних А. 581
 Минницкий И. Ф. 129
 Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. 390, 396, 397
 Минц З. Г. 390
 Минчковский А. М. 598
 Мирлас И. 534, 543, 544
 Мирлас Н. 543
 Мирлас Ш. 539, 544, 548
 Мирласы, семья 530, 543, 544
 Миров М. 392
 Мисайлиди Л. Е. 613, 640
 Мисникевич Т. В. 162, 164, 297, 322
 Митрофанья, игуменья (в миру — Розен П. Г.) 353, 354
 Михаил Михайлович, вел. кн. 411
 Михаил Николаевич, вел. кн. 411
 Михаил Павлович, вел. кн. 352
 Михайлов Е. С. 480, 462, 506
 Михайлов М. Л. 587—590
 Михайлов Н. Н. 578
 Михайлов П. Л. 589
 Михайлов С. Д. 508
 Михайлова А. А. см. Сомова А. А.
 Михайлова А. К. 5, 621
 Михайлова М. В. 390
 Михеева И. В. 606
 Михельсон М. И. 87
 Мицкевич А. 22, 359, 621
 Мичурин-Самойлова В. А. 334, 623
 Мишо А. 430, 432
 Мнухин Л. А. 432
 Мовшензон А. 41
 Модзалевская В. Н. 328
 Модзалевский Б. Л. 18, 19, 21, 25, 101, 328, 345, 375, 620, 622, 627

- Мокроусов Б. А. 570
 Мокульский С. С. 576
 Молотов В. М. 533
 Мольер Ж.-Б. 41
 Монастырева С. Г. 410
 Монастыревы 410
 Моне К. 513
 Моница В. 583
 Монморанси, бароны 513
 Монтень М. 79, 83, 86
 Моргулис А. 581
 Мордвинова (во 2-ом браке Полторацкая) В. М. 20
 Морев Г. А. 322
 Морель Ж.-Б. 91, 92
 Мориц П. А. 352
 Морозов А. А. 615
 Морозов М. В. 581
 Морозов П. 581
 Мостовская Н. Н. 88, 97
 Мотовилова М. Н. 328
 Мохова О. И. 611
 Моцарт В.-А. 146, 471, 481, 484, 507, 512, 625, 633
 Мрозовская Е. Л. 630
 Мур Т. 359
 Муравьев А. Н. 15, 19, 20, 621
 Муравьев А. Ф. 20
 Муравьев М. Н. 14, 621
 Муравьева (урожд. Шереметьева) П. В. 15
 Муравьева В. А. см. Бакунина В. А.
 Муран К. 581
 Муратов А. Б. 618
 Муратов Н. Е. 599
 Муратов П. П. 433, 436, 437, 444, 445, 446, 447, 484
 Муратова К. Д. 613, 617, 634, 636, 637
 Муромский В. П. 64, 66, 320
 Мусанин К. В. 606, 609
 Мусина Е. 392
 Мусоргский М. П. 19, 521, 628, 629
 Мухин М. Г. 52
 Мухина В. И. 524
 Мюллер Ш. 446
 Мясин Л. Ф. 476, 484, 507
 Мясоедов А. Е. 346
 Мятлев И. П. 630

 Набоков (псевд. Сирин) В. В. 422
 Набоков В. Д. 394, 395, 421
 Набоков Н. Д. 484, 507
 Нагаевская Е. В. 608
 Надеждин Н. И. 56, 57, 58, 59, 61—63, 614
 Назаревские 616
 Назаревский А. А. 615
 Назаревский Н. А. 616
 Назарова Л. Н. 89, 101, 606, 611, 616
 Назимов В. И. 86, 89, 95, 97
 Найденов Н. А. 376
 Налимов А. П. 627
 Наполеон I Бонапарт 264, 433, 439
 Наполеон III Л. 92
 Наппельбаум И. М. 323, 573, 581, 584, 585
 Наппельбаум М. С. 631, 632
 Наппельбаум Ф. 323
 Наппельбаум Ф. М. 585
 Нарышкин В. С. 514
 Населенко Е. П. 328
 Науменко О. 552
 Невежин П. М. 365
 Неклюдов С. Ю. 606, 609
 Некрасов В. П. 609
 Некрасов К. Ф. 436, 437, 445, 446, 447
 Некрасов Н. А. 96, 98, 102, 117, 126, 128, 133, 137, 138, 139, 294, 295, 301, 304, 305, 358, 445
 Некрылова А. Ф. 613
 Нелидов В. А. 623
 Нельдихен (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер) С. Е. 324, 583
 Нерадовский П. И. 580, 581
 Несмелов Н. С. 606
 Нетропов М. 324
 Нижинская Б. Ф. 485
 Никитенко А. В. 97, 125, 142, 160
 Никитин Н. Н. 594, 595
 Никитина А. 484
 Никитина Р. А. 595
 Никифоровский В. М. 607, 616
 Николадзе Я. 435, 438
 Николаев В. А. 624
 Николай I, император 8, 22, 76, 82, 133, 134, 148, 344, 350, 352, 621, 625
 Николай II, император 560, 592
 Николай Александрович, вел. кн. 349
 Николай Молдаванов см. Ремизов А. М.
 Николай Николаевич, вел. кн. 411
 Николай Николаевич (старший), вел. кн. 353
 Никольский В. 325
 Никольский Н. 326
 Никулина-Косицкая Л. П. 81, 102
 Нилли Н. 324
 Новиков И. 574, 583
 Новиченко Т. Д. 626
 Новосильцева В. 115
 Нольде (урожд. Искрицкая) А. А. 485, 487, 493, 497
 Нольде А. 485
 Нольде Б. Б. 485, 493—495
 Нольде Б. Э. 485, 493, 497

- Нольде Л. А. 486, 487, 492, 493, 495—497, 514, 515
 Нольде Э. 485
 Нольде, семья 485
 Норов А. С. 19
 Носова А. Г. 598, 599, 601, 619
 Нотман (Энригон) Г. Ф. см. Горич Г. Ф.
 Нувель В. Ф. 368, 374, 387, 389, 458, 470, 472, 492, 497, 506
- Обатнина Е. Р. 320, 366, 375, 386, 392, 393, 413, 414, 416, 423, 424, 619, 639
 Обер И. Ф. 463
 Оболенский Д. А. 97
 Овидий 93
 Овчинников Р. В. 609
 Огарев Н. П. 24, 157, 588
 Огнева Г. 559
 Огрызко И. 145
 Одоевский В. Ф. 625, 628
 Одоевцева И. В. 581, 582, 615
 Ожегов М. И. 640
 Озаровский Ю. Э. 392
 Ознобишин Д. П. 61
 Озолин Н. 504
 Оксенов И. А. 582, 584
 Оксман А. П. 610
 Оксман Ю. Г. 60, 62, 76, 132, 133, 328, 610
 Окуджава Б. Ш. 609
 Оленин А. Н. 9
 Оленин Г. Н. 9
 Оленина А. А. 9
 Оленина В. А. 9
 Оленина (урожд. Полторацкая) Е. М. 9
 Оленины, семья 6, 9, 621
 Олеша Ю. К. 66
 Ольга Николаевна, вел. кнж. 8, 352
 Ольденбург С. Ф. 433, 436, 439, 442—445
 Ольденбургский П. Г., принц 353, 625, 633
 Ольховский Е. Г. 318
 Ольшанская Е. М. 606, 616
 Онегин А. Ф. 630, 637
 Онегин, театральный критик 37
 Оношкович-Яцына А. И. 581
 Орлеанский Н. М. 328
 Орленев П. Н. 41
 Орлов А. С. 610
 Орлов А. Ф. 130, 142, 148
 Орлов В. Н. 27, 320
 Орлов М. Ф. 148
 Орлов Н. А. 135, 138, 147, 148, 161
 Орлов Н. М. 148
 Орловы, семья 148
 Осипов И. С. 23
 Осипов Ю. С. 611
- Осипова (в замуж. Беклешова) А. И. 23
 Осипова П. А. 23
 Основский Н. А. 92, 146
 Осоргин М. (наст. фам. М. А. Ильин) 429
 Островская-Розанова С. Д. 465
 Островский А. Н. 48, 50—52, 68, 74, 78, 81, 82, 97, 99, 100, 102, 104—110, 122—126, 129—131, 134, 136, 319, 320, 334
 Островский М. Н. 124
 Острогорский Н. В. 621
 Остроградский М. В. 19
 Остроумова-Лебедева А. П. 458, 462, 502
 Остроухов И. С. 445
 Оцуп Н. А. 581
 Оцупы, братья, 402
 Ошанин Л. И. 598
- Павел I, император 352, 392
 Павлищев Л. Н. 24, 25
 Павлищев Н. И. 22, 24
 Павлищева (в замуж. Пане) Н. Н. 24, 25
 Павлищева (урожд. Пушкина) О. С. 14, 22, 24, 621
 Павлов И. В. 146
 Павлов И. П. 530, 531, 568
 Павлов Н. Ф. 98, 99
 Павлова А. П. 502
 Павлова В. В. 562
 Павлова (урожд. Яниш) К. К. 95, 98, 99
 Павлова М. М. 162, 163, 164, 166, 167, 309, 319, 321, 375, 379, 390
 Павлович Н. А. 323, 583
 Павловский Е. Н. 606, 608
 Пагирев Г. В. 598
 Пайман А. 375, 381, 431
 Палей А. 332
 Пален П. А. 392
 Панаев (псевд. Новый поэт) И. И. 59, 78, 96, 98, 100, 102, 103, 106, 125, 126, 128, 136, 139, 148
 Пане И. Р. 25
 Панин В. Н. 140—142
 Панина С. В. 48
 Панины, семья 142
 Панова В. Ф. 595, 597
 Пантелеев Л. (наст. фам. и имя Еремеев А. И.) 609
 Пантелеев Н. Ф. 394, 395
 Пантелеев С. 412
 Пантелеев Ю. А. 569
 Панфилов Е. 584
 Панч П. 66
 Панченко А. М. 613
 Паперная Э. С. 598
 Парамонов Н. Е. 382

- Паранины, сестры 530, 535, 541
 Паренсов П. Д. 367, 379, 380
 Паренсовы, семья 380
 Парнах В. 324
 Парнок С. Я. 322, 582
 Паскевич И. Ф. 9
 Пастер Л. 438
 Пастернак Б. Л. 322, 582, 583
 Пастернак Л. О. 463
 Паткуль А. В. 7
 Паткуль И.-Р. фон 99, 101
 Пауэр Г. 162, 166, 294, 297—300, 304
 Пахмусс Т. А. 422
 Пахомов А. Ф. 597, 599
 Пахомова-Гёрес В. 8
 Пашуканис В. В. 584
 Педжет Д. 491
 Перевошиков Д. М. 95—97
 Перелешин В. Ф. 610
 Перепеч А. И. 610
 Переселенков С. А. 328
 Перетц В. Н. 326
 Перминов Г. Ф. 93
 Перовская С. Л. 586
 Перхин В. В. 320, 321, 339, 639
 Перцов Д. П. 478, 480
 Перцов П. П. 375, 378, 379
 Перцова 480
 Петефи Ш. 588
 Петр I, император 153—154, 410
 Петр II, император 569
 Петров Д. К. 331
 Петров Н. 334
 Петров С. С. 577
 Петрова М. Г. 556, 569
 Петрова М. Н. 34, 36
 Петрова Н. Н. 599
 Петров-Водкин К. С. 319, 331, 416
 Петрово-Соловово Е. В. см. Сухово-Кобы-
 лина Е. В.
 Петрово-Соловово М. Ф. 82
 Петровский А. П. 39
 Петроний Арбитр 582
 Петрунина Н. Н. 606, 609
 Петруччи Р. 442, 443
 Петухов В. К. 613
 Пикассо П. 507
 Пилсудский Й. 421, 422
 Пирожков М. В. 418
 Писарев Д. И. 145
 Писарев М. И. 124
 Писемский А. Ф. 94, 96, 97
 Питтс (урожд. Попова) Е. С. 471, 472
 Плавт 41
 Платач Д. 45
 Платон И. С. 623
 Платонов (наст. фам. Климентов) А. П. 613
 Платошкина Г. 448—450
 Плетнев П. А. 54, 160, 348, 349, 350, 359,
 365
 Плеханов Г. В. 434
 Плещеев А. Н. 146
 Пльошар А. А. 357
 Повелихина А. В. 638
 Поггенполь С. М. 408, 409
 Погодин М. П. 56, 81, 97, 124, 131
 Поддубная С. А. 606
 Подкопаева Ю. Н. 457, 513
 Подолинский А. И. 10, 61
 Подольский Л. И. 581, 584
 Пожарова М. А. 601
 Пожарский С. М. 583
 Поздняков Н. С. 322, 458
 Покровская Е. Б. 328
 Покровский В. А. 440, 442
 Полан Ж. 430, 432
 Полевая М. И. 433, 440
 Полевой Н. А., 53, 56, 57, 59, 60, 359
 Поликанов А. 592
 Поллайоло А. дель 512, 513
 Половникова А. И. 606
 Полонская Е. Г. 582, 583, 584
 Полонский Я. П. 303, 583, 631
 Полотнова В. И. 47
 Полоцкий С. 576, 583, 584
 Полторацкая А. А. 6
 Полторацкая А. П. см. Керн А. П.
 Полторацкая Д. П. см. Маркова-Виноград-
 ская Д. П.
 Полторацкая Е. В. 6
 Полторацкая Е. М. см. Оленина Е. М.
 Полторацкая Т. П. см. Львова Т. П.
 Полторацкая Ф. П. 6, 7, 11, 17
 Полторацкие, род 621
 Полторацкий А. И. 66
 Полторацкий П. М. 6, 10, 11, 20
 Полторацкий П. П. 19
 Полторацкий С. Д. 23
 Поляк Е. С. 492, 497
 Поляков С. 325
 Полякова Г. Г. 617
 Полякова Е. И. 440
 Полякова Н. М. 606
 Поморский А. 583
 Понофидины (Панофидины, Понафидины),
 семья 19, 621
 Попов, фарфорщик 382
 Попов А. 335
 Попов А. А. 14
 Попов И. И. 296

- Попов М. В. 577
 Попова А. И. 28
 Попова Е. С. см. Питтс Е. С.
 Попова Л. М. 573, 581, 583, 584
 Поповский Г. 324
 Потемкин А. М. 349
 Потемкин П. 580
 Потемкин Т. Б. 349
 Преображенская С. П. 556, 559, 560, 570
 Преснов Г. М. 580
 Пресняков В. И. 50
 Принтем И. 471
 Приходько Ю. 535, 544
 Приходько, семья 535
 Пришвин М. М. 392, 398, 429
 Прозорова Н. А. 606, 622, 623, 638, 639
 Прокофьев С. С. 479, 480
 Прокофьева Л. И. 479
 Пропп В. Я. 609
 Протасов Н. А. 349
 Протасова (в замуж. Мойер) М. А. 8
 Пгашка см. Прокофьева Л. И.
 Пуанкаре Р. 434
 Пунин Н. Н. 580, 581
 Путилов Б. Н. 616
 Путин В. В. 611
 Путц Б. П. 631
 Путятин Е. В. 160
 Пушкарева-Котляревская В. В. 328
 Пушкин А. С. 10, 12, 14, 17, 19, 21—25,
 53—58, 63, 76, 81, 84, 99, 101, 110, 111,
 116, 131, 301, 304, 312, 320, 328, 334, 337,
 347, 400, 521, 530, 576, 609, 614, 621, 623,
 625, 627, 629, 632, 635, 642
 Пушкин Л. С. 21, 621
 Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
 Пушкины, род 25
 Пшибышевский С. 378
 Пыпин А. Н. 145, 146
 Пяст В. А. 380, 575, 583, 613

 Раабен Л. Н. 438
 Рабле Ф. 74, 76, 79
 Радищев Л. А. 545, 568
 Радищев Н. 585
 Радлов Н. Э. 597, 599
 Радлов С. Э. 27, 41—43, 45—48, 50
 Радлова А. Д. 27, 323, 583
 Райзе Е. С. 616
 Рак В. Д. 54
 Ракович Л. Е. 12
 Расин Ж.-Б. 125, 126
 Распутин В. Г. 606, 610
 Распутин Г. Е. 592
 Растопчина (Ростопчина, урожд. Сушко-
 ва) Е. П. 98, 124
 Ратькова-Рожнова (урожд. Философова) З. В.
 367
 Ратьков-Рожнов А. Н. 367
 Раугул Р. Д. 46
 Рахманинов С. В. 434, 459, 460, 462, 465,
 466, 468, 471, 472, 479, 480, 484, 490, 491,
 495, 497, 502, 503, 506—509, 511, 518,
 520, 523, 525, 527, 528, 626, 631
 Рахманинова (в замуж. Волконская) И. С.
 460, 465, 466, 471, 482—484, 489, 496
 Рахманинова Л. П. 631
 Рахманинова (урожд. Сатина) Н. А. 460, 478,
 479, 518, 520
 Рахманинова Т. С. 457, 460, 471—473, 478—
 480, 483, 484, 489, 490, 494—496, 501,
 518, 520
 Рахманиновы, семья 456, 460, 465, 466, 468,
 470, 478, 483, 485, 495, 501, 503, 518, 520
 Рахманов Л. Н. 595, 615
 Рахманова Т. 324
 Рачинский С. А. 134, 136
 Рашель (наст. фам. Феликс) 123, 125, 126
 Рашков Я. С. 364, 365
 Резников А. Д. 423, 427, 430, 431
 Резников Д. Г. 423, 427, 430, 431
 Резников Е. Д. 414, 423, 424, 430, 431
 Резникова Н. В. см. Чернова Н. В.
 Резниковы, семья 423, 431
 Рейнбот П. Е. 328
 Рейснер Л. М. 582
 Рейфилд Д. 144
 Ремизов А. М. 320, 324, 366—432, 455, 459,
 613, 614, 619
 Ремизов Б. Б. 614
 Ремизов В. М. 407
 Ремизова Н. А. 380, 381, 383, 387, 388, 394
 Ремизова-Довгелло С. П. 367, 373—375, 378,
 380—383, 388, 392, 394, 396, 398—400,
 402, 405—410, 415, 417, 419, 424—426,
 429, 430
 Ремизовы, семья 381, 388, 389, 402—404,
 424—427, 429
 Ренья А. де 493, 608
 Реппин И. Е. 28, 40, 613, 640, 643
 Рерберг И. Ф. 581
 Рерих Н. К. 433, 438—442, 491
 Решетовская Н. А. 615
 Ржевские, семья 19
 Рибопьер 349
 Ривера Д. 586
 Рильке Р.-М. 438, 635
 Римская-Корсакова Н. Н. 629
 Римский-Корсаков Н. А. 626, 628, 629

- Рицци Д. 639
 Ричард Д. Дэвис 638
 Ричиотти В. (наст. фам. и имя Турутович Л. О.) 573, 576, 581, 583, 584
 Робертсон Х. 632
 Ровнякова Л. И. 641
 Роден О. 435, 438—440
 Родзянко М. В. 420, 422
 Родионов С. В. 598
 Роднянская И. Б. 99
 Родюкова М. В. 592, 604, 605, 617
 Рождественский В. А. 319, 323, 573, 577, 581, 583, 584, 595, 601, 614
 Розанбер 513
 Розанов А. С. 83
 Розанов В. В. 367, 385, 414, 418
 Розанова В. Д. 418
 Розина-Лаврова О. С. 48
 Ройзман М. 574, 583
 Роллан Р. 434
 Рольстон В. 146
 Романов, домовладелец 132
 Романов Б. Г. 623
 Романов Д. Д. 19
 Романов Д. И. 9
 Романов Н. Д. 19
 Романова (урожд. Львова) А. С. 9, 18
 Романова (урожд. Цвылева) М. А. 19
 Романова Т. Д. см. Андро де Ланжерон Т. Д.
 Романовы, семья 6, 9, 621
 Ромм А. 322
 Ромм М. Д. 61, 614
 Ропшин см. Савинков Б. В.
 Роскина Н. А. 144
 Рославлева Н. 584
 Ростовцев Я. И. 13
 Ротов М. Д. 610
 Рош Д. 435, 505
 Рощина-Инсарова Е. Н. 623
 Рубанович С. 574
 Рубин В. И. 632
 Рубинштейн И. Л. 445, 503, 507
 Рудаков В. 146
 Рудаков С. Б. 639
 Руднев А. Д. 405
 Рудницкий К. 29, 50, 51
 Рукавишников И. С. 324, 574, 583
 Руманов А. В. 402
 Руманов Д. А. 402
 Руольц 125
 Русаков В. М. 606
 Русаков Г. 324
 Руссо А. 597
 Руссо Ж.-Ж. 77, 79, 81, 392
 Руставели Л. 324
 Ручьев Б. А. 601
 Рыбак Н. 66
 Рыбацкий (наст. фам. Чирков) Н. И. 591, 592
 Рыков А. В. 35
 Рыкова В. 614
 Рыкова Н. Я. 581
 Рыльский М. Ф. 66, 68
 Рышков Викт. А. 622, 623
 Рышков Вл. А. 622, 623
 Рюрик, кн. 307
 Рябушинский И. П. 458
 Рязановский И. А. 397
 Саарик Е. М. 610
 Сабашников М. В. 449
 Сабашникова М. В. 434, 457
 Савва Стратилат, св. 355
 Савина М. Г. 623
 Савинков (псевд. Ропшин) Б. В. 366, 372, 373, 387, 417—419, 421, 422
 Садовников Д. Н. 401
 Садовские, актерская династия 623
 Садовский П. М. 82, 133, 134
 Садофьев И. И. 583, 584, 592, 623
 Сажин В. Н. 340
 Сакулин П. Н. 330
 Салиас (Сальяс) де Турнемир Е. А. 131
 Салиас (Сальяс) де Турнемир (урожд. Сухово-Кобылина, псевд. Евгения Тур) Е. В. 73—75, 78—81, 83, 86—90, 92, 96, 99, 101, 105, 107—112, 114, 115, 117—119, 121, 123—125, 130—133, 136, 137, 139, 143—147, 150—158
 Салтыков-Щедрин М. Е. 640, 641
 Самарин И. 627
 Самойленко Б. Н. 479, 480
 Самойленко, семья 478
 Самойлов В. С. 331
 Самсонов-Онегин В. С. 365
 Санд Ж. 131, 466
 Саргент 580
 Сарьян М. С. 586
 Сатин В. И. 460
 Сатина С. А. 460, 465, 508, 520
 Саути Р. 584
 Сачков В. Н. 637
 Саянов В. М. 581, 584
 Сверчков Н. Л. 578
 Светлов В. 580
 Светоний Г. 509
 Свечин А. П. 129
 Свечина (урожд. Соймонова) С. П. 144, 145
 Свешникова А. И. 457

- Свиридов Г. В. 625, 632
 Северюхин Д. Я. 438, 504
 Северянин И. (наст. фам. Лотарев) 584, 636—642
 Сегаль С. Л. 382
 Сезанн П. 503, 512, 513
 Сейферт А. К. 36
 Селезнев В. М. 75, 82, 133, 134
 Селезнев Г. Н. 611
 Селезнева Е. О. 75, 82, 133
 Селиверстов Ю. И. 632
 Сельвинский И. Л. 324
 Сельвинский Э.-К. 583
 Семевская А. М. 18
 Семевский М. И. 18
 Семенов (Гяшпанский) Л. Д. 380
 Семенов Б. Ф. 596—598, 615, 641
 Семенов В. И. 545
 Семенов Е. П. 388, 389
 Семенов И. М. 597, 599
 Семенов Ф. 596
 Семенова (урожд. Антонова) О. И. 596
 Семенова (урожд. Поважер) Ю. Е. 598, 599
 Семенова М. А. 599
 Семенова М. Б. 598
 Семечкина Т. Б. 627
 Сенковский (псевд. барон Брамбеус) О. И. 59, 60, 348
 Сент-Илер К. К. 186, 296
 Сёра Ж. 513
 Серафимов С. С. 331
 Сербинович К. С. 57
 Сервантес М. 35, 37, 334
 Сергей Радонежский, св. 351
 Серебровская Е. П. 598, 613, 615
 Серебряков А. Б. 485
 Серебрякова З. Е. 463, 466, 485, 513, 521, 525
 Серебряковы, семья 521
 Серов А. Н. 628
 Серов В. А. 445, 463, 580
 Сидорова Л. П. 611
 Сидоров-Окский Г. 324, 583
 Сикорский И. И. 491
 Силлов В. 585
 Симон-Деманш Л. 75
 Симонов В. Л. 331
 Симонов К. М. 601
 Синельников И. 584
 Синельников Н. Н. 623
 Синкевич В. А. 606, 611
 Синклер Э. 45, 46
 Сиповский В. В. 329
 Сиротинин В. Н. 408, 409
 Сироткин М. 581
 Скалдин А. Д. 620
 Скатов Н. Н. 611, 615, 639—641
 Скловская-Кюри М. 434
 Скуратова Н. К. 350
 Славина Л. 556
 Слонимский Ю. 321
 Случевский К. К. 311, 325
 Смирдин А. Ф. 320
 Смирнский В. В. 581, 584
 Смирнов А. А. 321
 Смирнов В. М. 616
 Смирнов К. И. 296
 Смирнов М. М. 593—595, 607
 Смирнов С. В. 152
 Смирнов С. М. 594
 Смирнова А. В. 37
 Смирнова (урожд. Россет) А. О. 98, 116
 Снежковская А. Э. 506, 526
 Снежковские, семья 524
 Снежковский Б. М. 506, 508, 511, 525, 526
 Снежковский М. И. 506, 526
 Собинов Л. В. 623
 Соболев А. Л. 388
 Соболев Ю. 325
 Соболевский С. А. 21
 Сობоль Андрей (наст. имя Юлий Михайлович) 325
 Собольщиков-Самарин Н. И. 41
 Соймонов А. Н. 21
 Сокол (наст. фам. Соколов) Е. Г. 324, 340, 341
 Соколов И. 324
 Соколов Н. А. 616
 Соколов П. Ф. 629
 Соколов С. Н. 606, 611
 Соколова В. А. 378
 Соколова Е. 596
 Соколова О. И. 484
 Соколов-Микитов И. С. 593
 Солженицын А. И. 606, 613, 615
 Соллертинский И. И. 321
 Соловьев Б. И. 584
 Соловьев В. А. 584
 Соловьев В. Н. 33, 35, 37—39, 48, 581
 Соловьев Вл. С. 307, 308, 367, 640, 643
 Соловьев Вс. С. 131
 Соловьев С. М. 97, 150—154
 Соловьев-Седой В. П. 570
 Сологуб Ф. (наст. имя Тетерников Федор Кузьмич) 162—167, 294—298, 301, 302, 306—311, 315—343, 368, 378—380, 386, 388, 390, 393, 405, 414, 458, 574, 575, 583, 584, 642
 Солодов П. В. 410
 Сомов А. А. 481

- Сомов А. И. 457, 508
Сомов В. А. 472, 478, 481
Сомов Е. И. 456, 459—462, 473—475, 478, 479, 484, 487, 489—498, 503, 507, 517—520, 522, 523, 526—528
Сомов К. А. 455—457, 459—463, 465—468, 471—473, 476, 479—481, 484—495, 497, 502—511, 513—517, 520, 521, 523, 525—528
Сомов О. М. 57
Сомова (в замуж. Михайлова) А. А. 508, 457, 459, 462, 473
Сомова Е. К. 456, 459, 461, 462, 465, 467, 471—474, 477, 479, 482, 483, 486—492, 494, 496—500, 502, 507, 510—512, 518—520, 522—527
Сомова О. Л. 471, 473, 474, 477
Сомовы, семья 460, 462, 474, 478, 479, 490, 491, 499, 503, 507, 508, 520, 525, 528
Сонье Ш. 438
Сорин С. А. 474, 580
Сорокин Г. Э. 584
Сороцкий С. 558
Сосинские, семья 423
Сосинский В. Б. (наст. имя: Бронислав-Владимир-Рейнгольд Сосинский-Семихат; псевд. Олег Авдеев, Вл. Семихат, Вл. Сенников) 427, 429, 431, 432
Сосипатрова М. А. 554—555
Спасович В. Д. 145
Спасский И. Г. 439
Спасский С. 324, 583
Спичаков Л. А. 361
Сталин И. В. 556
Станевич В. 322
Станиславский К. С. 46, 502
Станкевич А. В. 611
Старинов И. Г. 609
Старк Э. А. 580
Стасов В. В. 628—630
Стасов Д. В. 627, 628, 630
Стасовы, семья 630
Стасюлевич М. М. 146
Степанов Н. А. 628
Степанова Г. В. 641
Столяров А. 585
Сторицын П. 45
Стравинский И. Ф. 484, 485
Страхов Н. Н. 131, 307, 308
Стриндберг А. 28
Строганов Г. А. 8
Строганов М. В. 21
Строев Е. С. 611
Струве М. А. 585
Струйский (псевд. Трилунный) Д. Ю. 60
Стычинская В. 560, 561
Суворин А. С. 144, 395
Суворова В. П. 413
Суворова Ю. И. 606
Судейкин С. Ю. 580
Судейкина О. А. 521
Сукоркин И. 580
Сумбатов-Южин А. И. 623
Супруненко В. 48
Сурков А. А. 575
Сухова-Кобылин А. В. 75, 82, 133, 134
Сухова-Кобылин В. И. 89
Сухова-Кобылина (в замуж. Петрово-Соловова) Е. В. 62, 75, 82, 110, 115
Сухова-Кобылина (в замуж. Гурко) М. А. 115
Сухова-Кобылина С. В. 74, 75, 78, 82, 83, 105, 110, 118, 119, 125
Сухова-Кобылины, семья 82, 89, 118
Сухомялинов М. И. 55, 151, 365
Сухотина-Толстая Т. Л. 504, 637, 639, 642
Сыркина Р. В. 332
Сысоев В. И. 20
Сытин И. Д. 395, 502, 503
Сытин П. В. 589
Сюннерберг В. М. 457
Сюннерберг К. А. см. Эрберг Конст.
Табидзе Т. Т. 610
Талонкина Е. И. 318
Тамашев А. А. 323, 341
Тамара Ханум 480
Тамберлик Э. 24
Тарановский К. Ф. 614
Тарковская О. В. 318
Тарковский А. А. 615
Тарловский М. А. 569
Тархов Н. 434
Тацит 54, 55
Твардовский А. Т. 613
Творогов Л. А. 606
Творогов О. В. 606
Телешов Н. Д. 611
Темчина Ф. А. 614
Тенишев В. Н. 440
Тенишева М. К. 439—441
Тенишевы, семья 440
Теппер де Фергюсон В. 625, 627
Терапиано Ю. К. 431
Тереза, принцесса Ольденбургская 632
Терехова Е. А. 455
Тестова О. А. 48
Тетерникова Т. С. 297
Тименчик Р. Д. 375, 380, 618
Тимонен А. Н. 65
Тимофеев А. В. 61

- Тимофеев А. Г. 618
 Тимофеев Л. В. 641
 Тимофеева В. В. 641
 Тимофеева Л. В. 608
 Тимофеев-Пронский Б. 581
 Тимченко И. С. 166
 Тиняков А. И. 321
 Тираспольская Н. 335
 Тихонов А. 325
 Тихонов Н. С. 323, 581, 583, 584, 585, 614
 Тихонравов Н. С. 90, 151, 157
 Тоддес Е. А. 319, 639
 Тоде, профессор 433
 Тойман М. Б. 318
 Толлер Э. 49
 Толль Ф. 364
 Толстая А. Н. 609
 Толстая Л. И. 609
 Толстая С. А. 637
 Толстой А. К. 130, 131
 Толстой А. Н. 48, 320, 585, 609
 Толстой И. Л. 502
 Толстой Л. Н. 40, 110, 131, 136, 333, 337,
 356, 362, 381, 385, 491, 637
 Толстой Н. А. 25
 Толстой Я. Н. 25
 Томашевский Б. В. 55, 81, 84, 611
 Томашевский Ю. В. 64, 65, 66
 Тонконогова К. П. 513, 516
 Трегубов И. М. 617
 Третиаковский В. К. 53
 Тремль В. Г. 606
 Тренев К. А. 637
 Третьяков Я. 535, 539, 543
 Третьякова И. Я. 535, 536
 Тривус В. 581
 Трилунный см. Струйский Д. Ю.
 Троицкий С. Н. 387, 389, 418
 Трофимов И. 592
 Трояновский 502, 503
 Трубецкая (урожд. Гудович) А. А. 144
 Трубецкая, графиня 150
 Трубецкие, семья 144
 Трубецкие-Орловы, семья 148
 Трубецкой Н. И. 144, 148
 Трубников А. А. 387, 389, 418
 Трубников С. Н. 389
 Труженикова Л. Г. 606
 Тукалевский В. Н. 375
 Туманный Д. 324, 583
 Туманский В. И. 61
 Тумповская М. 322
 Турганов Б. 67
 Тургенев И. С. 12—17, 73—76, 79, 81—84,
 87—93, 95—105, 107, 109—117, 119—
 121, 123—154, 156—161, 334, 344, 364,
 597, 614, 621, 637
 Тургенев Н. И. 158
 Тургенев Н. Н. 15, 16, 129
 Тургенев С. Н. 15
 Тургенева (урожд. Лутовинова) В. П. 15, 17
 Тургенева-Брюэр П. 16, 17
 Тургенева, семья 17
 Турова Е. 580
 Турутович Л. О. см. Ричиотти В.
 Турчинский Л. М. 432
 Туфанов А. В. 323, 583, 624
 Тучков А. А. 350
 Тучкова (урожд. Нарышкина; впоследствии
 игуменя Мария) М. М. 350—352, 360
 Тынянов Ю. Н. 574
 Тыркова А. В. 370, 403, 407, 410
 Тырса Н. А. 574
 Тэффи Н. А. 614
 Тютчев Н. Н. 14—17, 121, 123, 126, 621
 Тютчев Ф. И. 82, 301, 303, 320, 576, 624
 Тютчева А. П. 14, 15
 Тютчева Е. А. 14
 Тютчева О. Н. 15
 Тютчевы, семья 16, 18
 Уайльд О. 480
 Уваров С. С. 349
 Удонова З. 592
 Укше С. 583
 Унгерн Р. А. 29
 Уоддингтон П. 14
 Ураков В. Е. 587
 Урицкий М. С. 569
 Усовы, семья 614
 Успенская (в замуж. Савинкова) В. Г. 418
 Успенская Е. 597
 Успенская Л. А. 504
 Успенский Г. И. 418
 Успенский Л. А. 504, 514, 516, 526
 Устимович П. М. 328, 631
 Утевский Л. 328
 Утин Б. И. 143, 145, 146
 Ушаков А. Н. 606
 Ушаков И. И. 491
 Ушаков П. В. 569
 Ушакова Н. 586
 Ушаков-Поскочин М. В. 584
 Уяр Ф. 65
 Фаберже 546
 Фаворский В. А. 575
 Файбисович В. М. 9
 Файнштейн М. Ш. 348
 Фаллу де 144

- Фалья М. де 507
 Фармаковский М. В. 578
 Фатьма Ханум 479, 480
 Фаусек Н. В. 47
 Федин К. А. 595, 609
 Федор Алексеевич, царь 410
 Федоров В. С. 319
 Федоров Н. 581
 Федорова В. 389
 Федорченко С. 322
 Федотова С. Б. 54
 Феодор Стратилат, св. 355, 363
 Феоктистов Е. М. 73—161
 Феоктистова (урожд. Беклемишева) С. А. 96, 107, 149
 Феоктистовы, братья 133
 Феоктистовы, семья 97, 112, 135, 138, 156
 Фет А. А. 137, 148, 161, 296
 Фетисенко О. Л. 131, 622
 Фетисова К. А. 36
 Фидий 305
 Фидлер Ф. Ф. 639
 Филарет, митрополит 160
 Филдинг-Кларк см. Брайкевич К. М.
 Филиппов Борис (наст. фам. Филистинский Б. А.) 611
 Филипп 520
 Философов А. И. 371, 410, 411
 Философов В. В. 400, 411
 Философов Д. В. 366—387, 390—412, 414, 415, 417, 419, 421, 422, 438, 472
 Философов Д. Н. 410
 Философов И. Н. 370, 371, 410, 411, 413
 Философов Н. Д. 410
 Философов Н. Е. 371
 Философов Н. И. 411
 Философова (в замуж. Маклакова) А. Н. 370, 413
 Философова А. П. 407, 410, 411
 Философова Е. И. 370, 411, 413
 Философова (урожд. Елагина) Е. К. 410
 Философова Н. И. 370, 413
 Философова (урожд. Барыкова) П. А. 413
 Философовы, семья 369—371, 374, 375, 410, 412, 413
 Фино Л. 439
 Фитингоф Г. 584
 Флак Е. Б. 556, 570
 Флейтман И. 577
 Флери К. 351
 Флеров В. А. 583
 Флерова Е. 581
 Фокин М. М. 502, 503
 Фокина (урожд. Антонова) В. П. 491, 503
 Фокины, семья 498, 503, 507
 Фомин А. Г. 616
 Фомичев Д. Г. 569
 Фор П. 434
 Фор Ф. 434
 Форш О. Д. 613
 Фохт В. 431
 Фоше Л.-Ж. 91, 92, 95, 98
 Франс А. 434
 Француз И. 579
 Фребель Ф.-В.-А. 36
 Фриллендер Г. М. 613, 641
 Фролов В. А. 440
 Фролов Н. Г. 77, 80, 81, 102, 103, 123, 125
 Фролова А. Е. см. Дараган А. Е.
 Фроман (наст. фам. Фракман) М. А. 323, 581, 585
 Фурман, знакомая Е. М. Феоктистова 91
 Фуше А. 439, 442

 Хабиас Н. 583
 Хармс Д. (наст. фам. и имя Ювачев Д. И.) 597, 598, 613, 614, 623, 624
 Хаустов Л. И. 600, 601
 Хащевин З. 324
 Хейфец Я. (И.) Р. 502
 Хемингуэй Э. 613
 Хеннингсен Ч.-Ф. 24
 Хитрово Л. К. 5, 18, 19, 619, 621
 Хлебников В. В. 583, 585
 Хлебникова В. В. 585
 Хмелевская Е. М. 111
 Хмельницкий А. И. 143, 146
 Ходасевич А. И. 585
 Ходасевич В. Ф. 43, 581, 583, 585
 Ходз, врач 566
 Ходотов Н. Н. 41, 335
 Холодович А. А. 580
 Холшевников В. Е. 607, 616
 Хольц К. 633
 Хорихов Н. 583
 Хренников Т. Н. 570
 Хрущинская А. Д. 563, 564
 Хьелланн А. 65

 Цагараев М. Н. 65
 Цаллагова Е. С. 625, 626
 Царькова Т. С. 455, 459, 529, 613, 619, 620, 633, 638, 639
 Цвет (урожд. Тютчева) Е. А. 14
 Цвет С. Н. 14, 621
 Цветаева М. И. 429, 431, 432, 574, 585, 613, 614
 Цеймарк 140
 Цензор Д. М. 323
 Церукавский Н. 583

- Цехновицер О. В. 615
 Циглер Р. 640
 Цявловская Т. Г. 611, 641
 Цявловский М. А. 54
- Чайковский П. И. 626, 630, 631
 Чаковский А. Б. 597
 Чапыгин А. П. 342
 Чарская Л. А. 538
 Чеботаревская Ал. Н. 457, 639
 Чеботаревская Ан. Н. 162, 339, 390, 457
 Чевкин К. В. 142
 Челноков М. В. 420, 422
 Черкесов Ю. Ю. 485
 Чернавина Т. 456, 524
 Чернов В. М. 429, 431
 Чернова (в замуж. Сосинская) А. В. 425, 427, 429, 430, 431
 Чернова (в замуж. Резникова) Н. В. 388, 423, 425, 427, 430, 431, 432
 Чернова (в замуж. Андреева) О. В. 427, 431
 Чернова-Колбасина О. Е. 427, 429, 430, 431
 Черновы, семья 423, 427, 429
 Черносвитова О. Н. 167, 294, 296
 Черный А. (Саша Черный, наст. фам. и имя — Гликберг А. М.) 422
 Чернышевский Н. Г. 133, 136, 137, 145, 587, 588
 Чернявский М. 18
 Чертковы, семья 617
 Четвериков Б. Д. 616
 Чехов А. П. 40, 42, 507, 508
 Чехов М. А. 490, 491, 500, 507, 508, 520, 522—524, 527, 528
 Чехова К. К. 507, 527
 Чехович М. 522, 523
 Чеховский В. 630
 Чеховы, семья 507
 Чигаев Н. Ф. 366, 393, 394
 Чижевская А. 334
 Чинизелли Г. 40
 Чичерин А. Н. 322, 324, 583
 Чичерин Б. Н. 138, 161
 Чичерина (урожд. Капнист) А. А. 609, 611
 Чичерина Е. П. 611
 Чичерина Н. Д. 606
 Чичерины, семья 89
 Чуваков В. Н. 638
 Чуйко В. В. 313
 Чуковский К. И. (наст. фам. и имя Корнейчуков Н. В.) 323, 342, 343, 581, 583, 609
 Чулаки М. М. 609
 Чулков Г. И. 27, 368, 378—381, 384—391, 641
- Чуприна И. В. 12
 Чупятов Л. Т. 584
- Шаванн Э. 443, 444
 Шагинян М. С. 51, 323
 Шайкевич А. Е. 37
 Шаликов П. И. 59, 82
 Шаликова (в замуж. Каткова) С. П. 78, 82
 Шаликовы, семья 82
 Шаляпин Б. Ф. 465
 Шаляпин Ф. И. 393, 434, 456, 494, 495, 502, 623, 630
 Шаповалов 126
 Шапорин Ю. А. 632
 Шапорина Л. В. 632
 Шахов Н. И. 346
 Шахов Н. Н. 345, 347, 364, 365
 Шахова А. Н. 347
 Шахова Е. Н. 344—365
 Шахова (урожд. Сытина) К. Е. 346
 Шаховы, семья 344
 Шацкий А. С. 438
 Шварц Е. Л. 597
 Шварцбах-Молчанова Е. 324
 Швейцер В. 432
 Швыдкой М. Е. 611
 Шевеленко И. 485
 Шевченко Т. Г. 65
 Шевырев С. П. 56, 60, 86, 95, 124
 Шевяков Г. Р. 599
 Шекспир В. 41, 42, 46, 54, 100, 103, 286, 313
 Шелгунов Н. В. 588
 Шелгунова Л. П. 589
 Шелгуновы, семья 589
 Шелякин М. А. 76
 Шенгели Г. А. 322, 585, 586
 Шеншин Ал. Ал. 149
 Шеншина (урожд. Головина) В. И. 149
 Шервашидзе А. 434
 Шерон Ж. 416, 606, 618
 Шершеневич В. Г. 583
 Шестакова Л. И. 627
 Шестов Л. И. 393, 395
 Шефнер В. С. 598
 Шидловская С. Н. 9
 Шилейко В. К. 577, 585
 Шиллер И.-Ф. 42, 46
 Шилов Ф. Г. 18
 Шимкевич К. А. 615
 Шишкин А. Б. 636, 639
 Шишкина (Цурмилен, Цур-Милен) Н. 578, 579
 Шишков А. С. 347
 Шишмарев В. Ф. 329, 331
 Шишмаревы, семья 614

- Шкапская М. М. 583, 586
 Шкловский В. Б. 41, 42, 50
 Шмелев И. С. 614, 631
 Шмерельсон Г. Б. 576, 583, 623
 Шмидт, издатель 364
 Шмидт Ю. 93
 Шнейдер А. П. 609
 Шнейдер В. П. 609
 Шнейдер Е. Р. 580
 Шокальская (урожд. Керн) Е. Е. 25
 Шокальский Ю. М. 25
 Шолохов М. А. 613
 Шопенгауэр А. 297
 Шор О. А. 639
 Шостакович Д. Д. 626, 632
 Штакеншнейдер А. И. 8
 Штейнер Р. 373
 Штемлер М. Е. 615
 Штраус Р. 626
 Штук Ф. фон 460
 Шуберт Ф. 625, 626, 633
 Шубин П. Н. 601
 Шувалов П. 106
 Шульженко К. И. 550, 552
 Шульман З. М. 641
 Шуман (урожд. Вик) К. 630
 Шумский (Чесноков) С. В. 78, 83, 132—134
 Шухаев В. И. 463, 479, 480, 504
 Шухаева В. Ф. 463, 472, 485, 487, 488, 492
 Шухаевы, семья 485
 Шушлин В. Г. 318
- Щегловитов А. Т. 611
 Щегловитова Р. А. 606, 611
 Щеголев П. Е. 366, 376, 377, 389, 401, 417, 418
 Щедрин С. Ф. 436
 Щеколдин Ф. И. 399
 Щепкин М. С. 74, 76, 109, 125, 126, 132, 133
 Щепкина-Куперник Т. Л. 343
 Щерба Л. В. 329
 Щербина Н. Ф. 95, 98
 Щукин С. И. 447
 Щуренков В. 324
 Щусев А. В. 440, 442
- Эйхенбаум Б. М. 318—320, 611, 573, 579, 586
 Элмхерст Д. 520
 Элмхерст Л. 520
 Эльзон М. Д. 618
 Эльснер В. Ю. 586
 Эльяшевич Д. А. 638
 Энгельгардт Е. А. см. Баратынская Е. А.
 Эндер З. 638
- Эрберг Конст. (наст. фам. Слюннерберг К. А.) 317, 319
 Эрдман Н. 583
 Эренбург И. Г. 324, 573, 574, 583, 586
 Эрлих В. И. 583, 586
 Эфрос А. 324, 325
 Эшли Ч. 583
- Югов А. К. 613
 Юдина И. М. 617, 637
 Юлова А. П. 390
 Юм Д. 79, 83
 Юо 632
 Юон К. Ф. 463
 Юрасов И. Ф. 112
 Юренева В. Л. 318, 335
 Юрьев Ю. М. 335, 623
 Юрьева И. 550
 Юрьевич С. 436
 Юрьевская Е. М. см. Долгорукая Е. М.
 Юсупов Б. Н. 349
 Юсупова З. И. 625, 633
 Юсупова Т. В. 349
- Яблонский П. О. 364
 Яблочкина А. А. 623
 Яворская (урожд. Гюббенет; по мужу — Барятинская) Л. Б. 40, 41
 Языков М. А. 15, 16
 Языков Н. М. 61
 Яковлев А. Е. 485
 Яковлев В. А. 570, 611
 Яковлева Е. П. 402, 455, 456
 Якубович П. Ф. 302
 Якулов Г. Б. 480, 586
 Якушкин И. Д. 387
 Ямпольская М. 324
 Ямпольский И. Г. 320, 338, 618
 Янзен И. Г. 615
 Яремс С. П. 434
 Ясинский И. И. 609
 Ясный М. А. 577
 Яхонтов С. И. 437
- Beaunier A. 475
 Beausire A. 440
 Bernard T. 475
 Boudry R. 475
 Bourges E. 475
 Brinton Ch. 502
 Bénédite L. 440
- Cabanès 475, 476
 Carco Fr. 475

Chavannes 442, 445
Chéreau G. 475
Coomaraswamy A. K. 440, 446

D. Foe (Perrin) 475
Dottin P. 475
Dubreton L. 476

Feval P. 475

Gachons J. des 475
Genevoix M. 475
Gide A. 475
Girardin St.-M. *см.* Жирарден С.-М.
Grappe G. 440
Guerra R. 508
Guys C. 519

Haskell A. 509
Havell E. B. 440
Herringham 442
Hissard R. 475

Jaloux Ed. 475
Janin J. *см.* Жанен Ж. Г.
Jean R. *см.* Жан Р.

Lampl H. 381
Lévi S. 442
Loguin T. 477

Magne E. 476
Maurois A. 475
Mille P. 475

Oest G. van 435, 438, 440, 441, 446
Olivier P. 476

Pelliot P. 442
Petit, m-m 461—463, 466
Petrucci R. *см.* Петруччи Р.
Photiadès C. 476
Pollajuolo A. *см.* Поллайоло А. дель
Puman A. *см.* Пайман А.
Ramond Ed. 475
Renard J. 475

Senart 442
Serna R.-G. de la 475
Signoret H. 475
Slobin G. N. 375

Taine 475
Taki S. 442
Tinan J. 475
Toulet 475

Venturi L. 513

Zalewski W. 389

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

<i>А. К. Михайлова, Л. К. Хитрово.</i> А. П. и А. В. Марковы-Виноградские и их окружение. По страницам «Записок» А. В. Маркова-Виноградского	5
<i>Ю. Е. Галанина.</i> Неизвестные материалы Л. Д. Блок в Рукописном отделе ИРЛИ	27
<i>И. В. Коциенко.</i> Из наблюдений над рукописью: об эпиграфе к статье «Отрывок из литературных летописей» А. С. Пушкина	53
<i>Б. В. Мельгунов.</i> Неизвестная эпиграмма на Н. И. Надеждина и В. Г. Белинского	58
<i>В. П. Муромский.</i> Михаил Зощенко и Остап Вишня. К истории творческих взаимосвязей	64

ПУБЛИКАЦИИ

Письма Е. М. Феокистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Часть II (12 сентября 1852—24 декабря 1861) (Публикация Э. Г. Гайнцевой)	73
Федор Сологуб. Неизданные стихотворения 1878—1889 годов (Публикация Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой)	162
Юбилей Федора Сологуба (1924 год) (Публикация А. В. Лаврова)	315
Автобиографический очерк писательницы Елизаветы Шаховой — монахини Марии (1822—1899) (Публикация Е. М. Аксененко)	344
Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Filosofova (Публикация Е. Р. Обатниной)	366
А. Д. Резников. Ранние детские воспоминания (Публикация Е. Р. Обатниной)	423
Письма В. В. Голубева и Н. К. Рериху, С. Ф. Ольденбургу и П. П. Муратову (Публикация М. И. Полевой)	433
Ранняя поэма Леонида Леонова «Земля» (Публикация Т. М. Вахитовой)	448
Письма К. А. Сомова к К. М. Животовской (1925—1938). (Подготовка текстов и вступительная статья Т. С. Царьковой, комментарии и биографическая справка Е. П. Яковлевой, перевод с англ. Е. А. Тереховой)	455
<i>С. М. Березовская.</i> Не забыть (Публикация Т. С. Царьковой)	529

ОБЗОРЫ. ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА

<i>Т. М. Двинятина.</i> Книги в Коллекции П. Н. Лукницкого	573
<i>А. В. Дубровский.</i> Михайлов Михаил Ларионович. Фонд 547	587
<i>М. В. Родюкова.</i> Рыбацкий Николай Иванович. Фонд 819	591
<i>Е. В. Виноградова.</i> Смирнов Михаил Михайлович. Фонд 858	593
<i>А. Г. Носова.</i> Семенов Борис Федорович. Фонд 839	596
<i>А. Г. Носова.</i> Хаустов Леонид Иванович. Фонд 760	600
<i>Т. А. Кукушкина.</i> Всероссийский профессиональный союз писателей в Петрограде (1920—1921); Петроградское / Ленинградское отделение Всероссийского союза писателей (1921—1929); Ленинградское отделение Всероссийского союза советских писателей (1929—1932); Петроградское / Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов (1923—1929). Фонд 291	602
<i>М. В. Родюкова.</i> Алексеев Геннадий Иванович. Фонд 868	603
<i>Н. А. Прозорова.</i> Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2001—2002 годах	606
<i>Т. С. Царькова.</i> Взгляд на 1987 и последующие	612
<i>Л. В. Герашко, Т. С. Царькова.</i> Хроника VIII научных чтений Рукописного отдела	620
<i>Т. А. Кукушкина.</i> Лариса Николаевна Иванова (1948—2006). Некролог	634
Указатель имен	644

**ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 2002 г.**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор *С. В. Кучепатова*
Корректор *М. Е. Устинов*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 953001 — книги,
95 3850 — литература по филологическим наукам

Подписано к печати 05.07.06.
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 42.
Тираж 800. Заказ 1682.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Береста»
196066 С.-Петербург, ул. Коли Томчака, д.28

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>